This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Переплетно-Линовальная
МАСТЕРСКАЯ
А. Г. ЧУГУНОВА
с. Лабинская К. обл.

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Kryzhanovskaia, Vera I.

В. И. Крыжановская

(W. J. ROCHESTER)

„МАГИ“

РОМАНЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія В. В. КОМАРОВА, Невскій, 136.
1902.

PG3476
K77:13

МАГИ.

I

СТЬ такія мѣста, которыя природа, казалось, создала въ моментъ печали. Отъ нихъ вѣетъ чѣмъ-то тоскливымъ, и это смутное, но невыразимо тягостное впечатлѣніе сообщается всѣмъ, приближающимся къ этимъ мѣстамъ. Подобное мѣсто находится на сѣверѣ Шотландіи. Берегъ здѣсь состоитъ изъ высокихъ скалъ, прорѣзанныхъ глубокими бухтами. Волны вѣчно кипятъ среди рифовъ и зубчатыхъ скалъ, которыя грознымъ и опаснымъ поясомъ окружали это негостепріимное для моряковъ мѣсто.

На вершинѣ одной изъ самыхъ высокихъ скалъ высился древній замокъ, суровый и мрачный видъ котораго вполнѣ гармонировалъ съ уединеннымъ и пустыннымъ видомъ пейзажа.

По массивной и тяжелой архитектурѣ, по толщинѣ почернѣвшихъ стѣнъ, по узкимъ и глубокимъ, какъ бойницы, окнамъ, замокъ можно было отнести къ тринадцатому вѣку; но онъ такъ хорошо сохранился, что внушалъ подозрѣніе, не фантазія ли это какого-нибудь богатаго современнаго любителя среднихъ вѣковъ.

И дѣйствительно, на двухъ толстыхъ, круглыхъ башняхъ не обвалился ни одинъ зубецъ. Стѣна ограды была совершенно цѣла, а широкій ровъ, со стороны равнины окружавшій древній замокъ, былъ наполненъ водой и защищенъ башеньками, подъемной рѣшеткой и подъемнымъ мостомъ. Но это впечатлѣніе современности сохранялось только до тѣхъ поръ, пока на него смотрѣли издали, при приближеніи же путникъ убѣждался, что между массивными каменными глыбами то тамъ, то тутъ пробивались лишаи и мохъ и что только вѣка могли придать черновато-сѣрую окраску дикому и уединенному, какъ орлиное гнѣздо, древнему замку, какъ бы составлявшему одно цѣлое со скалой, на которой онъ высился.

Со стороны материка окрестности замка тоже представляли унылый и мало привлекательный видъ. Здѣсь раскинулась

равнина, поросшая верескомъ и изрѣзанная глубокими колеями, и только вдали, на возвышеніи виднѣлись остроконечная колокольня деревенской церкви и домики, затерявшіеся въ зелени. Съ этой же стороны видна была зелень дубовъ и вѣковыхъ вязовъ, поднимавшаяся изъ-за стѣнъ замка.

Но если здѣсь, казалось, все переносило путника на нѣсколько вѣковъ назадъ, то видъ широкаго и великолѣпнаго шоссе, прорѣзывавшаго равнину и ведшаго къ замку, разрушалъ иллюзію и возвращалъ къ комфортабельной дѣйствительности девятнадцатаго вѣка.

По этой, прекрасно-содержимой и обсаженной деревьями дорогѣ катились въ одинъ сумрачный августовскій день два экипажа. Въ первомъ экипажѣ—небольшой открытой коляскѣ—сидѣли молодой человѣкъ, аристократической наружности, и очаровательная молодая женщина въ простомъ, темно-синемъ костюмѣ, съ шляпой такого же цвѣта на головѣ. Этотъ темный цвѣтъ одежды еще рельефнѣй выдѣлялъ ослѣпительную бѣлизну кожи молодой женщины и странный, блѣдно-бѣлокурый цвѣтъ ея волосъ, который можно было бы принять за совершенно бѣлый, если бы не легкій, золотистый оттѣнокъ, придававшій имъ особенно оригинальный отпечатокъ.

Второй экипажъ представлялъ большой и широкій фургонъ, снабженный впереди низенькимъ сидѣньемъ, на которомъ сидѣли мужчина среднихъ лѣтъ и пожилая, крайне молчаливая камеристка. Наши читатели уже узнали, вѣроятно, въ первыхъ двухъ путникахъ Ральфа Моргана или, иначе, принца Нарайану Супрамати и его жену Нару, которые ѣхали въ свой шотландскій замокъ, чтобы отдаться работѣ посвященія.

Они везли съ собой пожилую горничную, слѣпо преданную Нарѣ, и Тортоза, въ вѣрности, благоразуміи и скромности котораго молодые люди были вполнѣ увѣрены. Молодые люди молчали и задумчиво смотрѣли то на грустный пейзажъ, развертывавшійся передъ ихъ глазами, то на темный силуэтъ замка, черной массой вырисовывавшійся на сѣромъ фонѣ неба. Погода испортилась. Съ моря, со свистомъ, налетали порывы холоднаго и непріятнаго вѣтра, горизонтъ заволокли черныя тучи. Ревъ океана становился все слышнѣй и слышнѣй.

— Кажется, старый замокъ имѣетъ не очень-то любезное намѣреніе встрѣтить насъ бурей,—съ улыбкой замѣтилъ Супрамати.

— О! Мы давно уже будемъ дома, когда разыграется буря. Съ этой высоты видъ яростнаго моря представляетъ ужасное и, въ тоже время, грандіозное зрѣлище,—съ живостью отвѣтила Нара.

— Нарайана, кажется, любилъ это мѣсто. Въ его портфелѣ я нашелъ фотографическій снимокъ этого замка, — продолжалъ Супрамати.—А между тѣмъ, для ненасытнаго вивера, чувствовавшаго себя хорошо только въ свѣтскомъ шумѣ и вихрѣ, это

уединенное и пустынное мѣсто, дышащее грустью, не должно бы имѣть ничего привлекательнаго.

— Ты все забываешь, что Нарайана былъ безсмертенъ! Именно его безпорядочная жизнь и приводила его въ мрачное настроеніе духа, а въ такіе черные часы ничто не гармонировало лучше съ бурями, бушевавшими въ его душѣ, какъ окружавшій его хаосъ разнузданныхъ элементовъ. Онъ, дѣйствительно, любилъ это убѣжище въ тяжелые дни. Замокъ обязанъ ему своимъ спеціальнымъ внутреннимъ убранствомъ и тѣмъ, что онъ такъ хорошо сохранился. Поэтому-то я и посовѣтовала тебѣ пріѣхать сюда для изученія низшей магіи. Ни одно мѣсто не приспособлено лучше для этого, такъ какъ Нарайана былъ мастеромъ въ дѣлѣ обстановки и устройства, шло ли дѣло о букетѣ или о лабораторіи,—со смѣхомъ закончила молодая женщина.

Между тѣмъ, коляска, везомая двумя кровными лошадьми, быстро пробѣжала путь, отдѣлявшій ее отъ замка, переѣхала подъемный мостъ, миновала темныя сводчатыя ворота и остановилась у небольшого подъѣзда, накрытаго каменнымъ навѣсомъ.

Въ большомъ и темномъ вестибюлѣ, который, очевидно, нѣкогда служилъ оружейной залой, господъ встрѣтили управляющій, лысый старикъ съ серебристой бородой и съ меланхоличнымъ видомъ, пожилая экономка и нѣсколько слугъ, съ морщинистыми и угрюмыми лицами.

— Насъ встрѣчаетъ здѣсь цѣлая коллекція древностей. Право, я начинаю думать, что Нарайана собралъ здѣсь этихъ людей изъ кокетства,—замѣтилъ Супрамати, поднимаясь по лѣстницѣ и съ трудомъ сдерживая желаніе разсмѣяться.

— Нарайана не любилъ нескромныхъ; когда онъ находилъ преданныхъ людей, которые видѣли и слышали только то, что имъ можно было видѣть и слышать, а затѣмъ все забывали, онъ старался какъ можно дольше продолжать ихъ жизнь. Большая часть этихъ слугъ уже достигла столѣтняго возраста,—съ легкой улыбкой отвѣтила Нара.

Не смотря на свой истощенный видъ, слуги замка все прекрасно приготовили для пріема своихъ господъ. Всюду въ огромныхъ каминахъ, украшенныхъ гербами, пылало яркое пламя, такъ какъ подъ толстыми сводами замка воздухъ былъ сырой и холодный; въ столовой былъ изящно сервированъ столъ. Что же касается обѣда, то онъ дѣлалъ большую честь повару и былъ превосходенъ какъ по меню, такъ и по сервировкѣ. Супрамати выразилъ свое удовольствіе управляющему и, по окончаніи обѣда, обошелъ свои аппартаменты и аппартаменты Нары. Вся меблировка была древняя и отличалась простой и строгой роскошью. Стѣны покрывали панно изъ почернѣвшаго дуба или дорогіе ковры. Рѣзная мебель, стоявшая въ комнатахъ принца, очевидно, относилась къ концу четырнадцатаго вѣка; мебель же

въ аппартаментахъ Нары, казалось, была современна королевѣ Елизаветѣ. Одна только вещь немного нарушала общій стиль этого средневѣковаго жилища—это толстые восточные ковры, закрывавшіе всѣ полы.

Изъ кабинета Супрамати дверь вела на окруженный каменной баллюстрадой, небольшой балконъ, который, подобно гнѣзду ласточки, висѣлъ надъ бездной.

Молодой человѣкъ вышелъ и, дрожа отъ восхищенія, смѣшаннаго со страхомъ, облокотился на баллюстраду.

Вокругъ него бушевала разыгравшаяся буря. Яркая молнія прорѣзывала черное небо и освѣщала блѣднымъ свѣтомъ бѣшеныя волны, которыя, пѣнясь и вздувшись подобно горамъ, казалось шли на приступъ скалы и съ громомъ разбивались о береговые утесы.

Вѣтеръ ревѣлъ и свистѣлъ, гремѣлъ громъ, и Супрамати, стоя на балконѣ, казалось, парилъ среди этого хаоса разыгравшихся элементовъ.

Молодой человѣкъ былъ окончательно поглощенъ созерцаніемъ этого величественнаго и страшнаго зрѣлища, когда маленькая ручка легла на его руку, а бѣлокурая головка оперлась на его плечо.

Супрамати молча обнялъ жену, и они задумчиво смотрѣли на мрачную бездну, разстилавшуюся у ихъ ногъ. Вдругъ, неизвѣстно откуда брызнулъ широкій лучъ свѣта, который прорѣзалъ мракъ и освѣтилъ спокойнымъ и яркимъ свѣтомъ бурныя волны, отливая серебромъ на бѣлой пѣнѣ, увѣнчивавшей ихъ гребни.

Видя удивленіе мужа, Нара сказала:

— Недалеко отсюда стоитъ маякъ. Не одинъ бѣдный морякъ, плавающій сегодня, будетъ признателенъ и съ радостью встрѣтитъ этотъ благодѣтельный свѣтъ, который будетъ служить ему руководителемъ въ его опасномъ пути. Этотъ маякъ мнѣ кажется эмблемой твоей жизни, Супрамати! Подобно моряку, борящемуся съ бушующимъ моремъ, ты пустишься въ неизвѣстный океанъ таинственныхъ и ужасныхъ знаній. Среди мрака, окружающаго тебя и въ ожидающей тебя борьбѣ съ элементами, твоимъ единственнымъ кормчимъ будетъ твоя воля, но надежда на высшее посвященіе будетъ тѣмъ маякомъ, къ которому ты устремишь свои усилія, а ослѣпительный свѣтъ высокой магіи—сіяющей звѣздой, которая будетъ руководить тобой и освѣщать твой путь.

— Ты будешь моей руководительницей, моей сіящей звѣздой на тернистомъ пути моей странной судьбы, — пробормоталъ молодой человѣкъ, прижимая жену къ своей груди. — Ты дашь мнѣ твою любовь, которая поддержитъ меня, освѣтитъ мои сомнѣнія и успокоитъ мою тоску во время тяжелыхъ испытаній, которыя предстоятъ мнѣ.

— Да, Супрамати! Я дамъ тебѣ мою любовь, но только не земную и плотскую, присущую матеріи, а чистую и неистощи-

мую любовь, облагораживающую и укрѣпляющую души, на вѣки соединяющую ихъ и увлекающую ихъ по безконечному пути прогресса и знанія.

Не отвѣчая ни слова, молодой человѣкъ горячо поцѣловалъ руку Нары, но сильное волненіе смыкало уста обоимъ, и они молча созерцали величественную картину. Только когда начался проливной дождь, Супрамати предложилъ женѣ вернуться въ комнаты.

Кабинетъ былъ освѣщенъ лампой подъ синимъ абажуромъ. Въ каминѣ весело трещалъ большой огонь, распространяя тепло. Роскошный комфортъ этой комнаты составлялъ пріятный контрастъ съ бушевавшей наружѣ бурей.

Веселое расположеніе духа Нары, которая смѣялась и шутила, разливая чай, еще больше увеличивало это пріятное впечатлѣніе. Остальной вечеръ прошелъ очень весело. Но такъ какъ супруги чувствовали себя немного утомленными путешествіемъ, а можетъ быть и жаждали остаться наединѣ и отдаться своимъ мысляѝмъ, то они рано разошлись по своимъ комнатамъ.

Супрамати легъ въ постель, но сонъ бѣжалъ его глазъ. Неизвѣстность посвященія, къ которому онъ готовился приступить, давила его, а то, что онъ до сегодня видѣлъ изъ загробнаго міра, скорѣй отталкивало, чѣмъ привлекало его. Кромѣ того, продолжавшая бушевать буря сильно дѣйствовала на его нервы. Въ глубокой ночной тишинѣ, съ болѣзненною ясностью слышно было, какъ свистѣлъ и стоналъ вѣтеръ въ каминѣ, какъ ревѣлъ океанъ и какъ разбивались о берегъ бѣшеныя волны, которыя, казалось, потрясали утесъ и заставляли содрогаться стоявшій на немъ древній замокъ.

Желая перемѣнить направленіе своихъ мыслей, Супрамати сталъ осматривать окружавшія его вещи. На коврахъ, покрывавшихъ стѣны, былъ изображенъ турниръ: побѣдитель стоялъ на колѣняхъ у ногъ дамы и получалъ изъ ея рукъ золотую цѣпь. Рисунокъ оставлялъ многаго желать, и блѣдныя лица владѣтельницы замка и рыцаря были страшно некрасивы. Супрамати перевелъ глаза и сталъ смотрѣть на портретъ, висѣвшій какъ разъ противъ него и освѣщенный лампой, свѣсившейся съ потолка. Портретъ былъ написанъ на деревѣ и изображалъ женщину, одѣтую въ черное, съ покрываломъ на головѣ. Исполненіе портрета было очень несовершенно, а между тѣмъ это несомнѣнно была работа настоящаго художника, такъ какъ на этомъ плоскомъ и мѣловомъ лицѣ выступали два голубые глаза, которымъ художникъ сумѣлъ придать такое выраженіе полной отчаянія горечи, что оно возбуждало участіе къ этой женщинѣ, уже нѣсколько вѣковъ тому назадъ превратившейся въ прахъ.

Да, здѣсь все говорило о погибшемъ прошломъ и бренности человѣческой жизни. Радости и горе столькихъ угасшихъ поколѣній поглощены таинственнымъ невидимымъ міромъ. Вдругъ, тоска и страхъ передъ безконечной жизнью, разстилавшейся

передъ нимъ, болѣзненно сдавили сердце Супрамати. Позабывъ все окружающее, онъ задумался о странныхъ событіяхъ, давшихъ такое странное направленіе его жизни.

Какъ въ калейдоскопѣ проходили передъ нимъ годы его бѣдной и трудовой жизни въ качествѣ доктора, его научныя изысканія и невольный страхъ смерти, который онъ чувствовалъ въ виду чахотки, подтачивавшей его здоровье. Затѣмъ, какъ настоящій волшебникъ изъ тысячи и одной ночи, явился Нарайана и превратилъ бѣднаго и умирающаго Ральфа Моргана въ принца Супрамати, безсмертнаго милліонера.

Онъ мысленно снова совершилъ путешествіе въ ледники, въ обществѣ своего таинственнаго проводника, и слышалъ его разсказъ о чудныхъ свойствахъ эликсира жизни. Затѣмъ ему вспомнились его первое свиданіе съ Нарой, встрѣчи съ другими безсмертными и вступленіе въ братство рыцарей круглаго стола вѣчности въ волшебномъ дворцѣ Грааля. Наконецъ, ему вспомнилась его поѣздка въ Индію и знакомство съ магомъ Эбрамаромъ, его покровителемъ въ теченіе долгихъ вѣковъ. При послѣднемъ воспоминаніи, безпокойная грусть, давившая душу молодого человѣка, сразу разсѣялась. Могъ ли онъ падать духомъ, когда у него есть такой могущественный покровитель, такая вѣрная и любящая жена, и такой другъ, какъ Дагиръ— его собратъ по безсмертію?

Почему не пройти ему черезъ то, что перенесли другіе? Конечно, плоть немощна и дрожитъ отъ соприкосновенія съ оккультными силами. Но развѣ не одаренъ онъ волей, чтобы побѣдить эту слабость? Въ эту минуту имъ овладѣло страстное желаніе посовѣтоваться съ Эбрамаромъ, признаться ему въ своемъ смущеніи и попросить у него помощи и совѣта.

Супрамати быстро всталъ и рѣшилъ попробовать воспользоваться подаркомъ, который сдѣлалъ ему магъ въ тотъ день, когда онъ покидалъ замокъ въ Гималаяхъ. Эбрамаръ сказалъ ему, что при помощи этой вещи онъ можетъ вызвать его, когда будетъ чувствовать въ этомъ настоятельную нужду.

На диванѣ лежалъ небольшой чемоданъ съ различными таинственными вещами, которыя онъ желалъ всегда имѣть подъ рукой и самъ укладывалъ и до которыхъ никто не смѣлъ касаться.

Открывъ чемоданъ, Супрамати вынулъ изъ него круглый ящикъ, величиной съ тарелку, а высотой около десяти сантиметровъ. Ящикъ этотъ былъ сдѣланъ изъ какого-то бѣлаго металла, похожаго на серебро, но съ разноцвѣтнымъ отливомъ, напоминавшимъ перламутръ. На крышкѣ были выгравированы какіе-то незнакомые фосфоресцирующіе знаки.

Уже не разъ Супрамати съ любопытствомъ разсматривалъ эту вещь. Онъ и теперь вертѣлъ ее въ рукахъ, а затѣмъ поднесъ ее къ уху, такъ какъ ему показалось, что внутри ящика здавалось что-то вродѣ потрескиванія.

И дѣйствительно, въ ящикѣ слышались легкіе звуки и какъ бы шумъ сдавленнаго воздуха, какой слышится, если поднести къ уху раковину.

Покачавъ головой, молодой человѣкъ сѣлъ и поставилъ ящикъ на столъ. Затѣмъ онъ сильно нажалъ подвижной знакъ, который указалъ ему Эбрамаръ и который находился въ центрѣ крышки. Раздался сухой трескъ и ящикъ открылся. Изъ ящика вырвался удушливый ароматъ и порывъ теплаго воздуха, напоминавшій Супрамати тотъ воздухъ, которымъ онъ дышалъ по вечерамъ, во время своего пребыванія въ замкѣ въ Гималаяхъ.

Трепеща отъ любопытства, Супрамати наклонился, чтобы посмотрѣть, что находится въ ящикѣ, но не увидѣлъ ничего, кромѣ сѣроватаго пара, кружившагося въ глубинѣ ящика, и эта глубина была такъ черна и казалась такой глубины, совершенно невѣроятной для вещи въ десять сантиметровъ высоты, что Супрамати не зналъ, что и подумать.

Не будучи въ состояніи ничего понять, онъ ограничился буквальнымъ исполненіемъ инструкцій индійскаго мудреца и сталъ смотрѣть въ ящикъ.

Черезъ нѣсколько минутъ въ темной глубинѣ появилась небольшая красная точка. Точка эта вращалась, приближалась и быстро увеличивалась.

Вдругъ крикъ ужаса сорвался съ губъ Супрамати. Передъ нимъ появилась въ облачномъ видѣ, но совершенно отчетливо прекрасная голова Эбрамара, окруженная легкимъ серебристымъ паромъ.

Большіе, пылающіе глаза мага устремили на него свой глубокій и ясный взглядъ; затѣмъ улыбающіяся губы открылись, и глухой, хорошо знакомый голосъ произнесъ:

— Привѣтствую тебя, мой сынъ! Не пугайся: то, что ты видишь—не чудо и не колдовство, а простое приложеніе законовъ природы. Твоя безпокойная и смущенная мысль дошла до меня и я явился сказать тебѣ: не падай духомъ, не приступивъ еще къ дѣлу, и не бойся неизвѣстныхъ силъ, такъ какъ мы оберегаемъ тебя. Безъ сомнѣнія, путь посвященія крутъ и тернистъ, но велика награда того, кто остается твердымъ. Ты не можешь даже представить себѣ то счастье, которое почувствуешь, когда убѣдишься, что твоя астральная сила выросла и подчиняется твоей дисциплинированной волѣ; когда сознаешь, что ты уже больше не слѣпой рабъ неизвѣстныхъ и безпорядочныхъ силъ, а господинъ космическихъ элементовъ, направляющій свою мысль и свою могучую волю и сознающій свою силу.

Супрамати слушалъ, какъ во снѣ. Его мысль отказывалась сознать, что Эбрамаръ, отдѣленный отъ него океаномъ и тысячами верстъ, могъ говорить съ нимъ и явиться ему въ осязательномъ видѣ. Дрожь сверхъестественнаго ужаса пробѣгала по его тѣлу.

Въ ту же минуту послышался легкій смѣхъ.

— То, что ты видишь, сынъ мой, покажется тебѣ очень простымъ, когда ты узнаешь механизмъ феномена, смущающаго тебя въ эту минуту. Имѣй терпѣніе, будь мужественъ и настойчивъ—и настанетъ часъ, когда разсѣются тѣни, и передъ твоимъ восхищеннымъ и проясненнымъ взглядомъ откроются чудеса безконечности.

Сдѣлавъ послѣдній дружескій знакъ, видѣніе стало блѣднѣть. Голова потеряла свои контуры, расплылась въ бѣловатое облако и превратилась опять въ красную точку, которая исчезала вдали. Ящикъ закрылся самъ собой.

Тяжело дыша, молодой человѣкъ завернулъ ящикъ въ полотно и положилъ обратно въ чемоданъ. Затѣмъ онъ легъ въ постель, но долго не могъ заснуть. То, что онъ видѣлъ и слышалъ, произвело на него глубокое впечатлѣніе, но въ то же время и усилило его желаніе проникнуть въ тотъ таинственный міръ, гдѣ таятся такіе чудесные феномены. Его страхъ и боязнь тоже успокоились. Мысль, что онъ во всякое время можетъ посовѣтоваться со своимъ могущественнымъ покровителемъ, который, несмотря на раздѣляющее ихъ разстояніе, близокъ къ нему, благотворно и успокоительно подѣйствовала на него. Наконецъ глубокій и укрѣпляющій сонъ сомкнулъ его вѣки.

Супрамати проснулся свѣжимъ и бодрымъ. Онъ находился въ самомъ лучшемъ расположеніи духа. Погода тоже прояснилась и яркій солнечный свѣтъ заливалъ море. Даже пустынная мѣстность, подъ вліяніемъ живительныхъ лучей, приняла радостный видъ.

Нара тоже была весела и оживленна.

Когда, послѣ завтрака, Супрамати хотѣлъ заняться подробнымъ осмотромъ замка, молодая женщина съ улыбкой замѣтила:

— Для этого у тебя еще будетъ достаточно времени. Здѣсь нѣтъ ничего особеннаго, а ту часть замка, которая предназначена для оккультныхъ занятій, я совѣтую тебѣ осмотрѣть только подъ руководствомъ Дагира. Теперь же воспользуемся этимъ чуднымъ утромъ для прогулки и осмотримъ окрестности. Послѣ обѣда я сама провожу тебя въ залу, которую я окрестила храмомъ посвященія. Скажи же мнѣ, мой господинъ и повелитель, одобряешь ли ты мою программу?

— Съ радостью, моя красавица-волшебница! Тебѣ я всегда готовъ подчиняться. Кромѣ того, признаюсь откровенно, прогулка по чистому воздуху гораздо интереснѣй и пріятнѣй, чѣмъ осмотръ этихъ старыхъ сводовъ,—весело отвѣтилъ Супрамати.

Они сдѣлали большую прогулку на лошадяхъ, а затѣмъ спу-
нись къ морю по извилистой и каменистой тропинкѣ, из-
ой Нарѣ. Для всякаго, кромѣ безсмертныхъ, путь этотъ
авлялъ серьезную опасность.
ѣмъ, окончивъ обѣдъ, Нара взяла мужа подъ руку и
а его.
Въ его будущее чистилище,—лукаво прибавила она.
домъ съ комнатой принца, находился небольшой кабинетъ,

входъ въ который былъ искусно скрытъ въ деревянной обшивкѣ стѣны. Оттуда молодые люди поднялись по винтовой лѣстницѣ въ верхній этажъ и вошли въ кабинетъ, совершенно такой же, какъ и внизу, тоже темный и лишенный оконъ.

При свѣтѣ факела, который несла Нара, Супрамати увидѣлъ въ глубинѣ комнаты большую желѣзную дверь, покрытую красными и черными кабалистическими знаками. Въ центрѣ каждой половинки двери, въ медальонѣ, имѣвшемъ форму пятикопѣечной звѣзды, находились символическіе рисунки. Въ одномъ медальонѣ была изображена красная змѣя, стоящая на хвостѣ и держащая факелъ, въ другомъ—голубь, несшій въ клювѣ золотое кольцо.

Надъ дверью, какъ надъ входомъ въ египетскій храмъ, былъ вылѣпленъ крылатый солнечный дискъ, а надъ нимъ эмблемы четырехъ элементовъ, между которыми извивалась черная лента, со слѣдующей надписью, сдѣланной буквами огненнаго цвѣта:

«Тотъ, кто проходитъ всѣ области знанія, пріобрѣтаетъ вѣнецъ мага, но для того, кто приподнялъ завѣсу тайнъ, нѣтъ возврата»!

Нара дала время мужу осмотрѣть дверь, а затѣмъ сказала:

— Знаки, которые ты здѣсь видишь—это ключи ко многимъ любопытнымъ феноменамъ. Но войдемъ туда!

Молодая женщина нажала пружину, и дверь тотчасъ же безшумно отворилась. Они вошли въ совершенно круглую комнату безъ оконъ. Изъ прикрѣпленнаго къ потолку стекляннаго шара распространялся нѣжный, голубоватый свѣтъ, освѣщавшій комнату гармоничнымъ полусвѣтомъ. Тѣмъ не менѣе, Супрамати могъ ясно разглядѣть всякую вещь, находившуюся въ комнатѣ. Эта зала, въ одно и тоже время, была и храмомъ, и лабораторіей, такъ какъ съ одной стороны стоялъ, на возвышеніи въ нѣсколько ступеней, жертвенникъ, который могъ быть закрытъ черными бархатными занавѣсками, поднятыми въ данную минуту, съ другой стороны былъ устроенъ очагъ, снабженный громадными мѣхами, ретортами, перегонными кубами и другими алхимическими принадлежностями.

На полкахъ виднѣлись книги въ старинныхъ кожанныхъ переплетахъ, лежали свитки и стояли шкатулки и ящички, стеклянный шкафъ былъ наполненъ пузырьками, горшками и мѣшками всевозможныхъ размѣровъ. На жертвенникѣ лежалъ мечъ, стоялъ кубокъ и былъ воздвигнутъ крестъ, сдѣланный изъ какого-то незнакомаго металла. Рядомъ съ жертвенникомъ висѣлъ колоколъ.

У стѣны, на высокой подставкѣ, стояло зеркало, съ разноцвѣтной и сверкающей поверхностью, какое онъ уже видѣлъ въ замкѣ на Рейнѣ. Здѣсь также стоялъ посрединѣ комнаты металлическій полированный дискъ и лежалъ молотокъ, но только этотъ дискъ былъ больше того, по которому онъ такъ

неосторожно ударилъ и вызвалъ этимъ странное видѣніе арміи крестоносцевъ.

Между всѣми этими вещами были разставлены маленькіе столики, снабженные золотыми или серебряными шандалами, съ толстыми восковыми свѣчами, какія употребляются въ церквахъ. На двухъ, болѣе большихъ столахъ лежалъ громадный запечатанный фоліантъ и стоялъ довольно большой сосудъ съ такой чистой и свѣжей водой, что она, казалось, только что была налита. Низкія и мягкія кресла дополняли убранство комнаты.

Странный, острый и, въ то же время, живительный ароматъ наполнялъ обширную залу.

Когда Супрамати все осмотрѣлъ, Нара сказала съ улыбкой:

— Пойдемъ! Мы сейчасъ позовемъ Дагира.

Молодая женщина подвела мужа къ странному зеркалу и нажала пружину. Зеркало тотчасъ же зашаталось, спустилось съ подставки и остановилось передъ ними.

Только теперь молодой человѣкъ отдалъ себѣ отчетъ въ величинѣ зеркала, достигавшей высоты его роста.

Въ это время Нара достала кусокъ какого-то вещества, похожаго на вату, и начала имъ сильно натирать полированную поверхность, которая тотчасъ же потемнѣла, потеряла свой разноцвѣтный оттѣнокъ и сдѣлалась черной, какъ чернила, затѣмъ, она покрылась серебристыми капельками, которыя, казалось, просачивались извнутри.

Какъ только появился этотъ свѣтящійся паръ, Нара въ полголоса запѣла размѣренную пѣснь, произнося слова на незнакомомъ мужу языкѣ.

Окончивъ пѣніе, молодая женщина пробормотала:

— Теперь смотри внимательно!

Съ понятнымъ любопытствомъ Супрамати смотрѣлъ на странный процессъ, происходившій передъ его глазами. Поверхность зеркала, казалось, пришла въ движеніе, стала колебаться и издавать трескъ, затѣмъ, она расплылась въ густой паръ, который, въ свою очередь, перешелъ въ фіолетовый туманъ. Потомъ этотъ родъ покрывала раздался и открылъ видъ на море.

Передъ глазами молодаго человѣка, теряясь вдали, разстилалась водная равнина, волнуемая свѣжимъ вѣтеркомъ. Острый морской воздухъ ударилъ его въ лицо. А тамъ, вдали, скользя по волнамъ, быстро приближался корабль, который Супрамати тотчасъ же призналъ за судно Дагира.

Скоро ясно вырисовывалась палуба корабля, который черезъ нѣсколько минутъ поровнялся со страннымъ окномъ. На палубѣ, прислонившись къ мачтѣ, стоялъ Дагиръ. На блѣдномъ лицѣ его играла улыбка. Приподнявъ свою фетровую шляпу, онъ любезно поклонился.

— Торопись, Дагиръ! Мы ждемъ тебя. Супрамати сгораетъ отъ нетерпѣнія!—крикнула Нара, дѣлая рукой дружескій знакъ.

— Завтра вечеромъ я буду ужинать съ вами,—отвѣтилъ звучный и хорошо знакомый голосъ голландца.

Почти въ ту же минуту фіолетовый паръ закрылъ отверстіе страннаго окна, затѣмъ появился металлическій дискъ и сталъ быстро поглощать облачные клочки, еще носившіеся по его поверхности. Потомъ все приняло свой обычный видъ.

Супрамяти опустился на стулъ и отеръ потъ, выступившій у него на лбу.

— Отъ всего того, что я испытываю, видя невѣроятные феномены, ниспровергающіе всѣ законы природы, можно сойти съ ума!—пробормоталъ онъ, откидывая голову на спинку кресла.

Нара громко разсмѣялась.

— Когда ты, Супрамати, впадаешь въ тщеславную ограниченность оффиціальнаго ученаго, ты начинаешь говорить очень комическія вещи. Развѣ возможно ниспровергнуть законы природы? Не проще ли и не логичнѣй ли допустить, что существуютъ, не извѣстные еще вамъ, законы, примѣненіе которыхъ людьми, умѣющими управлять ими, производитъ феномены, только потому кажущіеся тебѣ такими поразительными, что ты не знаешь ихъ сущности. Скоро всѣ эти тайны объяснятся для тебя, и ты первый будешь смѣяться надъ своимъ сегодняшнимъ волненіемъ.

Супрамати съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ ждалъ вечера слѣдующаго дня. Несмотря на очевидность, врожденный скептицизмъ заставлялъ его не довѣрять своимъ собственнымъ глазамъ. Ему казалось невозможнымъ, чтобы Дагиръ прибылъ, какъ обѣщалъ. Вчерашнее видѣніе должно было быть ничто иное, какъ галлюцинація, вызванная его разстроенными нервами.

По приказанію Нары, ужинъ былъ накрытъ на три персоны, а около десяти часовъ одинъ изъ старыхъ слугъ ввелъ ожидаемаго посѣтителя.

На этотъ разъ на голландцѣ былъ надѣтъ изящный и безукоризненный современный костюмъ. Когда голландецъ поздоровался съ хозяевами дома и обмѣнялся съ ними банальными фразами вѣжливости, всѣ сѣли за столъ.

По окончаніи ужина, когда они остались одни, Дагиръ крѣпко пожалъ руку Супрамати и сказалъ:

— Благодарю тебя, другъ Супрамати, что ты избралъ меня своимъ руководителемъ! Я такъ усталъ блуждать по морямъ и такъ счастливъ отдохнуть здѣсь въ вашемъ обществѣ!

— О! Я только дѣйствовалъ подъ вліяніемъ симпатіи, влекшей меня къ тебѣ, а это не заслуживаетъ никакой благодарности,—весело отвѣтилъ Супрамати. — Но когда ты предполагаешь начать наши занятія?

— Завтра вечеромъ, если ты ничего не будешь имѣть противъ этого?

— Отлично! Не предпишешь ли ты, мнѣ какой нибудь приготовительной къ нашимъ занятіямъ церемоніи?

— Приготовленія начнутся только вечеромъ, а до тѣхъ поръ— мы свободны!

— Тѣмъ лучше!—замѣтилъ Супрамати.

Затѣмъ разговоръ перешелъ на другіе предметы.

Слѣдующій день прошелъ очень быстро. Они бесѣдовали, гуляли и пообѣдали съ аппетитомъ. О посвященіи не было сказано ни слова. Только вечеромъ Дагиръ сказалъ:

— Время намъ удалиться, Супрамати! Простись на семь дней со своей прекрасной супругой. Это время намъ необходимо, чтобы заняться собой и приготовиться къ первому акту твоего посвященія.

Молодые люди удалились въ лабораторію, которую мы уже описали. Къ удивленію Супрамати, его руководитель открылъ дверь, существованіе которой онъ и не подозрѣвалъ, и ввелъ его въ смежную комнату. Тамъ стояли двѣ кровати и родъ большой и широкой стеклянной ванны, наполненной синеватой, прозрачной жидкостью.

— Здѣсь,—сказалъ Дагиръ,—мы должны провести семь дней въ постѣ, молитвѣ и очищеніи. Начнемъ сейчасъ же!

Дагиръ зажегъ двѣнадцать подсвѣчниковъ, съ восковыми свѣчами, толщиною въ кулакъ; затѣмъ онъ разжегъ уголья на треножникѣ и бросилъ на нихъ горсть порошка, который вспыхнулъ разноцвѣтнымъ пламенемъ и наполнилъ комнату удушливымъ ароматомъ.

— Теперь раздѣнься и погрузись въ этотъ бассейнъ!—скомандовалъ Дагиръ.

Супрамати повиновался, но, въ великому его удивленію, то, что онъ считалъ водой, оказалось какимъ-то страннымъ, почти неосязаемымъ веществомъ. Правда, онъ ощущалъ влажность, но влажность эта, казалось, происходила отъ вѣянія воздуха, а не отъ жидкости. Затѣмъ, по всему его тѣлу пробѣжало горячее жолотье, и Супрамати съ новымъ недоумѣніемъ убѣдился, что полная до краевъ ванна опустѣла какимъ-то необъяснимымъ образомъ.

Супрамати не могъ сказать, вытекло ли это странное вещество черезъ какую-нибудь невидимую отводную трубу, или оно было поглощено его организмомъ? Только онъ чувствовалъ себя спокойнымъ и сильнымъ, и съ чувствомъ удовлетворенія вышелъ изъ ванны и сталъ одѣваться.

Дальнѣйшее время быстро пролетѣло.

Супрамати каждый день бралъ ванну изъ таинственной субстанціи и подвергался окуриванію. Два раза въ день Дагиръ давалъ ему пищу, состоявшую изъ небольшого бѣлаго хлѣбца и кубка краснаго вина, которые онъ бралъ на жертвенникѣ въ лабораторіи. Остальное время Супрамати было занято чтеніемъ молитвъ, отмѣченныхъ въ тетради, данной ему его руко-[illegible]чителемъ, въ заучиваніи наизусть различныхъ магическихъ [illegible]улъ и въ упражненіяхъ, предназначенныхъ для дисципли-

нированія воли и для пріобрѣтенія привычки сосредоточиваться на одномъ предметѣ.

Поглощенный этими занятіями, Супрамати даже не замѣчалъ, какъ бѣжало время. Онъ чувствовалъ себя бодрымъ; умъ его былъ ясенъ, какъ никогда. Онъ не ощущалъ ни голода, ни утомленія и былъ крайне удивленъ, когда Дагиръ сказалъ ему:

— Семь дней прошло. Прими послѣднюю ванну и надѣнь одежды, которыя лежатъ въ этомъ ящикѣ.

Супрамати поспѣшилъ исполнить это приказаніе. Выйдя изъ ванны, онъ досталъ изъ ящика длинную и широкую тунику молочно-бѣлаго цвѣта, до самыхъ пятокъ закрывавшую его мягкими складками. Молодой человѣкъ съ любопытствомъ ощупалъ матерію: это не былъ ни шелкъ, ни шерсть, ни полотно. Очень тонкая и, въ то же время, очень компактная и нѣжная, какъ пухъ, матерія эта сверкала, какъ будто она была покрыта капельками росы, и издавала легкій трескъ, когда ее мяли.

— Что это за матерія? Я никогда еще не видалъ такой,— спросилъ Супрамати.

— Эта ткань сдѣлана изъ волоконъ магическаго растенія,— отвѣтилъ Дагиръ, надѣвая такую же тунику.

Затѣмъ Дагиръ вынулъ изъ другого ящика два металлическихъ пояса, съ рельефными кабалистическими знаками, и цѣпь съ висящей на ней фіолетовой звѣздой. Когда Супрамати надѣлъ то и другое, Дагиръ прибавилъ:

Съѣшь этотъ кусокъ хлѣба и выпей кубокъ вина. Затѣмъ возьми восковую свѣчу и въ путь!

Супрамати молча повиновался. Сердце его сильно билось, такъ какъ, очевидно, насталъ часъ въ первый разъ войти въ соприкосновеніе съ ужаснымъ, невидимымъ міромъ.

Вооружившись мечемъ, лежавшимъ на жертвенникѣ, и взявъ въ другую руку восковую свѣчу, Дагиръ продолжалъ:

— Теперь иди къ завѣсѣ, висящей въ глубинѣ комнаты! Я слѣдую за тобой.

Энергично подавивъ нервное волненіе, потрясавшее каждую фибру его существа, Супрамати направился къ указанной завѣсѣ, которой раньше не замѣчалъ.

Какъ только онъ приблизился къ ней, тяжелая портьера раздалась, какъ будто приподнятая невидимыми руками, и открыла узкій проходъ, имѣвшій видъ моста, перекинутаго черезъ черную бездну, зіявшую съ обѣихъ сторонъ. Не оглядываясь кругомъ, Супрамати перешелъ бездну. Поднялась вторая завѣса, и молодой человѣкъ вошелъ въ обширную залу, круглую, какъ и лабораторія и почти совершенно пустую. Въ центрѣ, на каменномъ полу былъ начерченъ красный кругъ, вокругъ котораго стояли четыре треножника съ угольями, пылавшими разнымъ пламенемъ: бѣлымъ, синимъ, зеленымъ и краснымъ. Отъ удушливаго аромата, наполнявшаго комнату, у Супрамати закружи-

лась голова. Но онъ забылъ все, увидѣвъ Нару, которая дружески ему улыбалась.

Босая, какъ и они, и одѣтая въ такую же тунику, молодая женщина стояла въ глубинѣ комнаты, у веревки отъ колокола, висѣвшаго на потолкѣ. Ея распущенные и ниспадавшіе до самыхъ пятокъ волосы окутывали ее, точно блестящимъ плащемъ. Она была прекраснѣе, чѣмъ когда-нибудь, но ея очаровательное личико дышало торжественною важностью и непоколебимою энергіей.

— Иди и стань посрединѣ круга! — сказала она яснымъ и повелительнымъ голосомъ.

Супрамати повиновался, употребляя всѣ усилія, чтобы сдержать потрясавшую его дрожь.

Тогда Дагиръ, поднявъ свой мечъ, и, махая имъ по направленію къ сѣверу, югу, востоку и западу, запѣлъ странную пѣснь, а Нара стала медленно ударять въ колоколъ.

Дрожащіе, протяжные и жалостливые звуки наполнили атмосферу, аккомпанируя голосу Дагира. Можно было подумать, что ударяютъ по какому-нибудь стеклянному инструменту.

Вдругъ пѣніе и звонъ колокола умолкли. Затѣмъ, послѣ минутной гробовой тишины, Дагиръ вскричалъ громовымъ голосомъ:

— Элементарные духи! Явитесь сюда изъ нѣдръ земли, изъ глубины водъ, съ высотъ эфира и изъ огня, пронизывающаго все! Явитесь намъ, слуги пространства—силы, приводящія въ движеніе элементы!

При этомъ призывѣ зало наполнилось шумомъ и движеніемъ. Вѣтеръ свистѣлъ, земля дрожала, а въ атмосферѣ раздавался трескъ. Казалось невидимая толпа двигалась и толкалась вокругъ присутствующихъ. Затѣмъ густыя облака, какъ дымомъ, наполнили залу, но онѣ скоро разсѣялись. Тогда сдѣлалось видно, какъ странная армія толпилась около круга, устремивъ на Супрамати пылающіе взгляды.

Это были сѣроватыя существа, съ неясными контурами, закутанныя въ развѣвающіяся покрывала. Они видимо пытались переступить черезъ черту круга, но тотчасъ же воздухъ прорѣзала молнія, а надъ Супрамати, паря въ воздухѣ, появился сіяющій крестъ бѣлоснѣжной бѣлизны.

Витающія массы отступили назадъ и разбились на четыре группы, причемъ каждая группа окружила одинъ изъ треножниковъ. Существа, образовавшія группы, сдѣлались яснѣе. Теперь можно было видѣть странныя и ужасныя формы этихъ воздушныхъ существъ.

Одни были красны, какъ огонь, и казалось были составлены изъ раскаленнаго желѣза; другія, зеленыя, были похожи на скользкую, сырую пѣну и имѣли въ себѣ человѣческаго только одни фосфоресцирующіе глаза. Третья группа отличалась странными формами и была снабжена синеватыми крыльями. Она

безостановочно кружилась вокругъ треножника, на которомъ пылало синее пламя. Наконецъ, среди клубовъ чернаго дыма, двигались отвратительныя, маленькія существа, со зловѣщими, сѣроземлистыми лицами.

Дрожа всѣмъ тѣломъ и обливаясь потомъ, смотрѣлъ Супрамати на эту ужасную толпу. Восковая свѣча чуть не выскальзывала изъ его рукъ. Какъ во снѣ онъ слышалъ пѣніе, раздавшееся въ пространствѣ, то гармоничное и глухое, то острое и раздирающее. Это была смѣсь жалобъ, рыданій, радостныхъ криковъ стремленія къ свѣту.

Тогда вторично раздался металлическій голосъ Дагира.

— Духи стихій! Вы ищете господина, ищете поля труда. Этотъ новый господинъ,—вотъ онъ! Я связываю васъ съ нимъ, и вы поклянетесь повиноваться и помогать ему.

Оглушительный ударъ грома потрясъ замокъ до самаго основанія. Яркая молнія сверкала со всѣхъ сторонъ, окруживъ на минуту Супрамати, какъ огненнымъ кругомъ. Земля, казалось, разсѣялась, образовавъ у ногъ принца черную, бездонную пропасть. Въ ту же минуту, на другой сторонѣ пропасти появилась каменная арка—монументальный входъ въ неизвѣстный міръ, погруженный въ непроницаемую тьму.

Съ быстротой молніи Нара и Дагиръ очутились рядомъ съ неофитомъ, схватили его за руки и толкнули впередъ.

— Пройди, не отступая, четыре двери невидимаго, или ты погибнешь. Держи крѣпко свѣтъ и иди безъ колебанія! — энергично кричали они ему.

Съ мужествомъ отчаянія, стиснувъ зубы, Супрамати бросился впередъ и перешелъ пропасть, конвульсивно сжимая въ рукахъ восковую свѣчу.

Онъ переступилъ порогъ арки и очутился въ абсолютной темнотѣ. Земля была скользкая и казалось ежеминутно готова была разверзнуться подъ его ногами. Тѣмъ не менѣе, онъ шелъ впередъ, смотря на свѣчу, которую держалъ въ рукахъ. Страшный вѣтеръ подталкивалъ его, дуя ему въ спину.

Черезъ минуту, показавшуюся Супрамати цѣлымъ вѣкомъ, въ полусумракѣ вырисовывалась другая арка, иной формы, служившая входомъ въ узкій и почти темный корридоръ.

Сдѣлавшись смѣлѣй, Супрамати рѣшительно вошелъ въ этотъ проходъ, но почти тотчасъ же его со всѣхъ сторонъ окружили ужасныя животныя. Пресмыкающіяся, летучія мыши и ядовитыя насѣкомыя появлялись изъ мрака, кусая его и прицѣпляясь къ нему.

Почти безсознательно, Супрамати съ рѣшимостью отчаянія продолжалъ свой путь по движущейся землѣ, разверзавшейся подъ его ногами.

Ослѣпительный свѣтъ, ударившій ему въ лицо, заставилъ его на минуту остановиться. Корридоръ внезапно расширился и обнаружилъ новую дверь, точно сдѣланную изъ огня. Отъ нея,

какъ изъ очага, исходило пламя, а у порога сидѣло фантастическое животное, гигантской величины, съ человѣческимъ лицомъ.

Надъ спиной этого ужаснаго существа возвышались огромныя крылья, а его взглядъ грозилъ смертью всякому, кто къ нему приближался.

Ледяной потъ выступилъ на лбу молодого доктора, но въ его ушахъ звучали еще слова руководителей: «Иди впередъ безъ колебаній, не отступая, или ты погибъ»! и онъ съ мужествомъ отчаянія бросился впередъ.

Супрамати казалось, что онъ погрузился въ огненный потокъ. Глаза страшнаго существа, точно раскаленнымъ желѣзомъ, пронизывали его и онъ инстинктивно поднялъ руку со свѣчей. Къ крайнему своему удивленію онъ увидѣлъ, что чудовище опустило голову и пошло передъ нимъ, какъ будто указывая ему путь.

По мѣрѣ того, какъ они подвигались впередъ, чудовище теряло свой отталкивающій видъ.

Отвратительное, скотское лицо превратилось въ голову ангела чудной красоты. Кудрявая голова ангела была украшена гирляндой бѣлоснѣжныхъ цвѣтовъ. Тѣло чудовища измѣнилось, мало-по-малу, въ огненную тунику, которая легкими и граціозными складками покрывала стройное и воздушное тѣло.

Вдругъ огонь угасъ. Теперь передъ испуганнымъ взоромъ Супрамати разстилалась водная поверхность. Вѣтеръ ревѣлъ, вздымая бурныя и высокія какъ горы волны и бросая въ лицо неофита и огненнаго ангела клочья пѣны, увѣнчивавшіе гребни волнъ.

Супрамати готовъ былъ остановиться, но ангелъ устремилъ на него ироническій взглядъ. Молодой человѣкъ, точно получивъ ударъ шпоръ, бросился въ волны. Съ минуту ему казалось, что онъ погружается въ бездонную пропасть. Ледяная вода покрыла его, отнимая у него дыханіе. Въ ушахъ у него шумѣло, голова кружилась, а въ глазахъ потемнѣло. Вдругъ на него налетѣла волна, подняла его и, какъ на челнокѣ, вынесла на поверхность.

Супрамати бросилъ вокругъ себя удивленный взглядъ. Вода исчезла; ревъ волнъ и свистъ вѣтра тоже умолкъ. Вокругъ царила торжественная тишина. Онъ стоялъ на гладкой, какъ полированное зеркало, поверхности небольшого озера. Вокругъ разстилался веселый пейзажъ. Виднѣлись зеленыя группы деревьевъ и лужайки, усѣянныя цвѣтами, а надъ головой сіялъ голубой небесный сводъ. Передъ нимъ, утопая въ потокѣ ослѣпительнаго свѣта, стоялъ огненный ангелъ. Въ высоко поднятой рукѣ онъ держалъ бѣлоснѣжный крестъ, залитый кровью.

Лицо этого таинственнаго существа дышало нечеловѣческимъ величіемъ; пламенный взглядъ его, ясный и непроницаемый,

былъ устремленъ въ ослѣпленные глаза Супрамати. Затѣмъ раздался его вибрирующій и гармоничный голосъ:

— Смотри!—сказалъ онъ, указывая на крестъ.—Вотъ путь вѣчности, залитый кровью тѣхъ, кто побѣдилъ плоть! На этомъ пути были побѣждены всѣ человѣческіяе страсти, всѣ похоти, всѣ слабости души. Матеріальный человѣкъ распятъ, чтобы возстать нематеріальнымъ и войти въ великую дверь абсолютнаго знанія. И такъ, переступи этотъ порогъ, смоченный твоимъ трудовымъ потомъ и украшенный жертвой твоей плоти — и для тебя загорится въ невидимомъ мірѣ ослѣпительная звѣзда мага!

Веселый пейзажъ затуманился и измѣнилъ свой видъ. Зеленѣющая земля поднялась и открыла подъ собой склепъ, освѣщенный смутнымъ полусвѣтомъ. По срединѣ склепа стоялъ открытый саркофагъ. Надъ саркофагомъ сверкала ослѣпительная звѣзда. Рядомъ съ этой каменной гробницей стоялъ геній, служившій ему проводникомъ. Только теперь, вмѣсто креста, онъ держалъ въ рукахъ черный кубокъ.

— Что все это значитъ?—какъ молнія пронеслось въ головѣ Супрамати.

— Это означаетъ слѣдующее: вотъ загадка, которую ты долженъ разрѣшить,—отвѣтилъ геній, поднимая черный кубокъ.

Въ ту же минуту все потемнѣло. Супрамати почувствовалъ, что онъ низвергается въ бездну—и потерялъ сознаніе.

Когда онъ открылъ глаза, то увидѣлъ Нару и Дагира, склонившихся надъ нимъ. Супрамати провелъ рукой по лбу и пытался собраться съ мыслями. Ему казалось, что онъ очнулся отъ тяжелаго кошмара, полнаго ужасныхъ видѣній.

Вдругъ къ Супрамати вернулась память, и онъ ясно припомнилъ, что произошло. Но когда онъ открылъ ротъ и хотѣлъ заговорить, Дагиръ приложилъ палецъ къ губамъ и сказалъ серьезнымъ тономъ;

— Молчи! Не разоблачай тайнъ, видѣнныхъ тобой! Носи ихъ въ себѣ, какъ руководящій свѣтъ!

II.

После нѣсколькихъ дней, посвященныхъ отдыху и проведенныхъ въ веселыхъ и дружескихъ разговорахъ и въ интересномъ чтеніи, Дагиръ объявилъ однажды вечеромъ, что пора снова приняться за работу, а для этого завтра же на разсвѣтѣ надо быть въ лабораторіи.

— Мы снова будемъ дѣлать вызыванія?—съ гримасой спросилъ Супрамати.

Нара погрозила мужу пальцемъ, а Дагиръ со смѣхомъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ, мы предварительно займемся теоріей; для практики же время настанетъ позже.

На слѣдующее утро, едва взошло солнце, Супрамати явился въ лабораторію. Дагиръ былъ уже тамъ и читалъ, склонившись надъ объемистымъ фоліантомъ.

Молодые люди дружески поздоровались. Затѣмъ, голландецъ сказалъ, вставая со стула:

— Прежде всего, мой братъ, я покажу тебѣ, какъ должно начинать нашъ день.

Дагиръ отвелъ Супрамати въ комнату, гдѣ стояли двѣ кровати и ванна. Эту комнату они прошли не останавливаясь, а черезъ потайную дверь, по винтовой лѣстницѣ, спустились въ нижній этажъ, гдѣ была устроена настоящая купальня, съ большимъ мраморнымъ бассейномъ посрединѣ. Остальную меблировку составляли туалетъ со всѣми принадлежностями, постель и два большихъ сундука.

— Три раза въ день мы освѣжаемся здѣсь ванной. Вотъ видишь эту пружину? Если ты нажмешь ее, то бассейнъ наполнится; если же ты подвинешь ее вправо, то жидкость исчезнетъ. Въ воду ты выльешь изъ стакана ароматической эссенціи изъ этой амфоры съ синей эмалью. Выкупавшись же, одѣнь одежды, которыя найдешь на сундукѣ. Эти одежды гораздо удобнѣй; кромѣ того, онѣ болѣе приспособлены по своей формѣ и по своимъ цвѣтамъ къ нашимъ работамъ, чѣмъ ваши модные костюмы. Сдѣлавъ все это, приходи ко мнѣ въ лабораторію.

Ванна необыкновенно освѣжила Супрамати. Ароматическая эссенція придала водѣ нѣжно розовый оттѣнокъ и наполнила комнату ароматомъ розъ и фіалокъ.

Въ сундукѣ Супрамати нашелъ длинную и широкую одежду изъ черной шерсти, черную же маленькую шапочку и золотую цѣпь, на которой висѣлъ золотой же нагрудный знакъ, со вдѣланными въ него семью различными драгоцѣнными камнями.

Придя въ лабораторію, онъ увидѣлъ Дагира въ такомъ же костюмѣ и вскричалъ со смѣхомъ:

— Мы оба напоминаемъ доктора Фауста! Для полноты иллюзіи не хватаетъ только Мефистофеля.

— Вовсе нѣтъ! Я именно и представляю Мефистофеля, переодѣтаго честнымъ ученымъ докторомъ,—весело отвѣтилъ Дагиръ.—Я посвящу тебя въ дьявольскія тайны черной магіи, благородный Фаустъ, одаренный вѣчною молодостью, гораздо болѣе продолжительною, чѣмъ молодость твоего прототипа. Кромѣ того, дурная репутація, которой наградила меня легенда, дѣлаетъ меня вполнѣ подходящимъ для роли дьявола.

Когда они сѣли, Дагиръ продолжалъ:

— Сначала я буду говорить тебѣ о первоначальной матеріи— обыкновеннаго существа, которое чувствуешь, но о существаго ты ничего не знаешь. Не думай, что я дамъ мнѣ ясныя объясненія; я самъ едва знаю азбуку гигант-

ской науки, заключающей въ себѣ весь механизмъ вселенной. Я не буду говорить о данныхъ современной науки, которыя ты, какъ докторъ и прекрасный химикъ, и самъ знаешь. Я напомню только, что оффиціальная наука не знаетъ природы большей части физическихъ агентовъ, окружающихъ насъ, что при изученіи элементовъ, составляющихъ тѣла, дѣлаются все новыя открытія, и что не одно тѣло, считавшееся простымъ, оказалось весьма сложнымъ.

И такъ, по всему безконечному пространству распространено эфирное вещество, болѣе тонкое, чѣмъ самый тонкій и невѣсомый газъ или флюидъ. Это вещество—первоначальная матерія, какъ мы его называемъ. Оно, если только можно такъ выразиться, есть огонь въ состояніи неуловимаго флюида, агентъ, который даетъ жизнь и которымъ пропитано все.

Мнѣ неизвѣстно, знаютъ-ли высшіе посвященные всѣ свойства этой необыкновенной субстанціи, которую по праву можно назвать жизненнымъ сокомъ вселенной, но я знаю, что они обладаютъ ею и что она имѣетъ видъ компактной массы жидкаго огня.

Это вещество распространено по всему пространству вселенной. Когда начинается образованіе туманнаго пятна, то, благодаря необыкновенной быстротѣ вращенія, первоначальная матерія сгущается, и каждая изъ образующихся планетъ поглощаетъ ее въ такомъ количествѣ, какое необходимо для ея будущихъ нуждъ. Эта мать-кормилица необходима для жизни небесныхъ тѣлъ, въ теченіи милліардовъ лѣтъ, со всѣмъ, что находится на нихъ, такъ какъ первоначальная матерія бьется во всемъ, что живетъ, дышетъ, двигается и выдѣляетъ свѣтовую матерію. Тамъ, гдѣ этотъ свѣтъ угасаетъ, начинается разложеніе. Это смерть.

Каждая планета заключаетъ въ себѣ запасъ этого жизненнаго сока, и міръ существуетъ только до тѣхъ поръ, пока не истощится послѣдняя капля первоначальной матеріи и не нарушится равновѣсіе элементовъ, которое поддерживается этой странной субстанціей, такъ какъ она и есть то божественное дыханіе, о которомъ говоритъ книга Бытія—то дыханіе Создателя, которое паритъ надъ мракомъ хаоса и раздѣляетъ стихіи. И дѣйствительно, первоначальная субстанція, проникая въ образующуюся матерію, такъ же производитъ раздѣленіе, на всегда сохраняетъ первенствующую роль, преобразуясь работой вращенія въ различныя тѣла, которыя она оживляетъ.

Предназначенная такимъ образомъ питать міръ въ теченіи цѣлой планетной жизни, она, въ силу дѣленія на части и безконечнаго превращенія, даетъ только ограниченную жизнь органическимъ существамъ, которыхъ оживляетъ.

Въ чистомъ видѣ субстанція эта никогда не входитъ въ обыкновенную жизнь, черезъ рядъ поколѣній передается въ пространство и истощается злоупотребленіями.

Для насъ, безсмертныхъ, все это представляется въ иномъ видѣ. Мы поглощаемъ первоначальную матерію въ ея примитивной силѣ и пріобрѣтаемъ этимъ для нашего тѣла продолжительность планетной жизни.

Какъ тебѣ уже извѣстно, никакое излишество и никакая случайность не могутъ истощать неисчерпаемый источникъ жизни, заключающійся въ насъ. Если только мы не прибѣгнемъ къ средству, употребленному Нарайаной и имѣющему весьма важныя послѣдствія, мы, чтобы умереть, должны ждать перехода на другую планету. Тамъ первоначальная-матерія находится въ иныхъ, чѣмъ въ нашемъ мірѣ, химическихъ комбинаціяхъ, съ которыми не можетъ ассимилироваться уже истощенная и ослабленная жизненная субстанція, находящаяся въ насъ.

Начнется разложеніе, и послѣ долгой нашей жизни, мы отпразднуемъ, наконецъ, наше вступленіе въ невидимый міръ. Поэтому благоразумно употреблять всѣ усилія, чтобы прогрессировать, а не оставаться на одномъ мѣстѣ въ нашей духовной жизни.

Супрамати вздрогнулъ и нервнымъ жестомъ откинулъ свои каштановые волосы.

— Знаешь что, Дагиръ? Если бы я имѣлъ полное понятіе о томъ, что я дѣлаю, я ни за что на свѣтѣ не выпилъ бы этого предательскаго кубка. Бываютъ минуты, когда перспектива этой безконечной жизни просто кружитъ мнѣ голову.

— Я вѣрю тебѣ! Я самъ испыталъ тоже самое. Но чѣмъ больше я изучалъ, тѣмъ все болѣе уменьшалось это чувство. Во всякомъ случаѣ, разъ Рубиконъ перейденъ—надо идти впередъ!

— Скажи мнѣ, прошу тебя, кто имѣлъ ужасное счастье первымъ получить первоначальную матерію во всемъ ея страшномъ могуществѣ и какимъ образомъ онъ передалъ ее другимъ?

— Ты спрашиваешь у меня то, чего я самъ не знаю. Трудно указать изобрѣтателя панацеи, благодѣяніемъ которой мы пользуемся, ввиду древности этого событія.

На этотъ счетъ существуютъ преданія, которыя покажутся тебѣ въ высшей степени легендарными.

Такъ, утверждаютъ, что Ева, искушенная змѣемъ (временемъ), вкусила этой субстанціи, такъ какъ жизнь казалась ей такой прекрасной, что она желала, чтобы она продолжалась безконечно. Она угостила также и Адама, и за это оба они были изгнаны изъ рая. Но, покидая рай, они захватили съ собой запасъ этого вещества, чѣмъ и объясняется продолжительная жизнь первыхъ патріарховъ и Маѳусаила. Говорятъ также, что и Мельхисе-
чмѣлъ это вещество и былъ уже членомъ братства. Хи-
же. Прометей же похитилъ его и былъ уничтоженъ.
же находится примитивный источникъ этой таин-
субстанціи—я не знаю. Одни утверждаютъ, что на
Цейлонѣ, гдѣ находился земной рай; другіе говорятъ о

таинственномъ мѣстѣ въ Месопотаміи, между Тигромъ и Евфратомъ. Нѣкоторые же увѣряли меня, что въ Африкѣ есть гротъ, доходящій почти до центра земли, въ которомъ находится родъ источника, гдѣ течетъ этотъ жизненный сокъ.

Гдѣ истина во всѣхъ этихъ разсказахъ, этого никто не знаетъ. Я могу только утверждать, что весьма значительное количество этого вещества находится въ распоряженіе каждаго центра нашего братства, подъ охраной одного изъ членовъ.

Нарайана былъ стражемъ такого склада, находящагося въ ледникахъ, а теперь имъ состоишь ты.

Постой! Я забылъ тебѣ сказать еще одну вещь. Мнѣ говорили, что извѣстный родъ большихъ змѣй знаетъ свойство первоначальной матеріи и умѣетъ находить путь для добычи ея. Царица змѣй, говорятъ, обязательно поглощаетъ это вещество. Но иногда змѣя случайно изрыгаетъ эту матерію, которая, благодаря соприкосновенію съ воздухомъ и животнымъ эманаціямъ, которыми она пропиталась, принимаетъ видъ синеватаго свѣтящагося камня, одареннаго чудесною силой.

Это, такъ сказать, палладіумъ каждаго царства змѣй. Но посвященные умѣютъ доставать этотъ камень, обладающій чудесными свойствами. Онъ излѣчиваетъ болѣзни, обезопашиваетъ отъ самаго смертнаго яда, залечиваетъ раны, развиваетъ оккультныя силы души, даетъ ясновидѣніе и прочее.

Обладатель такого камня можетъ подчинить себѣ волю другихъ людей, самъ же остается неуязвимымъ отъ всѣхъ покушеній.

Не разъ профаны обладали подобными камнями, не зная всѣхъ ихъ свойствъ. Безсмертный посвященный можетъ, если хочетъ, разложить такой камень каплею первоначальной эссенціи, который тогда испаряется, превратившись въ газъ.

Изъ такихъ камней фабрикуются магическія звѣзды Нагрудный знакъ на груди Махатмы сдѣланъ изъ такого камня. Изъ матеріи такого камня состоялъ порошокъ, который имѣли въ рукахъ Ванъ-Гельмонъ и Гельвецій, и при помощи котораго даже самые грубые металлы можно превратить въ золото.

«Настоящіе» магическіе жезлы (не простые жезлы колдуновъ) всегда пропитаны первоначальной матеріей. Отсюда ихъ сила надъ элементами. При помощи такого жезла магъ производитъ растительность, дѣлаетъ хорошую погоду и вызываетъ дождь, бурю, громъ и молнію.

При помощи подобнаго жезла Моисей заставилъ разверзнуться землю и вызвалъ огонь, пожравшій возмутившихся.

Первоначальная матерія, въ видѣ порошка,—философскій камень алхимиковъ,—и смѣшанная съ землей, производитъ магическія растенія; этотъ же порошокъ, смѣшанный съ различными химическими веществами, образуетъ драгоцѣнные камни, одаренные разными магическими свойствами. Однимъ словомъ, магъ, сообразно со степенью своего знанія, можетъ вызывать различныя явленія. Уви-

дѣвъ какой-нибудь изъ этихъ феноменовъ, ты вообразилъ бы себя въ странѣ фей, въ какомъ-то волшебномъ мірѣ, а между тѣмъ все, что ты увидѣлъ бы, было бы простымъ, мудрымъ приложеніемъ силъ, неизвѣстныхъ профанамъ.

Всѣ маги и посвященные владѣютъ первоначальной матеріей. Одни принимаютъ ее. чтобы гарантировать себѣ планетную жизнь; другіе довольствуются тѣмъ, что пользуются ея свойствами и изучаютъ ее, какъ спеціальную науку.

— Слѣдовательно, не всѣ маги и посвещенные пользуются планетною жизнью?—спросилъ Супрамати.

— Всѣ они живутъ необыкновенно долго; даже тѣ, котерые не хотятъ увеличивать срокъ своей жизни при помощи знанія. Это происходитъ потому, что ихъ трезвая, правильная, безъ всякихъ излишествъ жизнь, болѣе духовная, чѣмъ матеріальная, необыкновенно медленно исчерпываетъ жизненый элементъ. Но, кромѣ безсмертныхъ нашего братства, существуетъ еще весьма солидное число посвященныхъ, которые гарантируютъ себѣ жизнь въ нѣсколько вѣковъ при помощи другихъ средствъ, которыя сохраняютъ имъ молодость, оставляя имъ возможность, когда имъ угодно, войти въ невидимый міръ. Эта категорія мудрецовъ обязана выдерживать спеціальный режимъ и должна такъ же тщательно избѣгать всякихъ излишествъ, какъ безсмертный нашего братства можетъ дѣлать противное. Къ несчастью, въ братствахъ есть не одинъ членъ вродѣ Нарайаны. Тамъ встрѣчаются порочные невѣжды, играющіе съ огнемъ и не стремящіеся изучить и понять страшную силу, какой они располагаютъ. Но такіе люди исчезаютъ черезъ болѣе или менѣе продолжительное время, какъ исчезъ и твой предшественникъ.

— И такъ, мы начнемъ съ изученія первоначальной матеріи?—освѣдомился Супрамати.

— И да. и нѣтъ! Безъ сомнѣнія, первоначальная матерія заключается во всемъ, и мы встрѣтимъ ее всюду въ самомъ разнообразномъ примѣненіи. Но наша настоящая программа будетъ гораздо ограниченнѣй. Мы будемъ изучать то, что называется черной магіей, т. е. мы займемся изученіемъ элементовъ въ ихъ дисгармоничномъ и разрушительномъ состояніи. Всякая стихія имѣетъ своихъ элементарныхъ работниковъ. Прежде всего ты ознакомишься съ этими нисшими, но ужасными въ своемъ могуществѣ, дѣятелями. Только тогда, когда ты побѣдишь ихъ, сдѣлаешься ихъ господиномъ и перестанешь бояться дисгармоничныхъ силъ, которыя окружаютъ насъ и грозятъ намъ, мы переѣдемъ къ нисшей степени, бѣлой магіи, гдѣ насъ уже ждетъ награда, а именно: относительный миръ, извѣстная гармонія и сознаніе нашей силы. Пройдя эту степень, я надѣюсь, ты будешь въ состояніи сдѣлаться ученикомъ Эбрамара и, подъ его руководствомъ, подняться на нѣсколько ступеней къ сіяющему центру абсолютной гармоніи.

— Хватитъ ли у меня силы подняться по этому тернистому пути?—пробормоталъ Супрамати.

— Главное—не сомнѣвайся! Помни всегда, что сомнѣніе есть уже полупораженіе. Конечно, тебѣ остается многое побѣдить и предстоитъ перенести суровыя и тягостныя испытанія; но съ энергіей и настойчивостью ты преодолѣешь то, что преодолѣли столько другихъ, что до тебя преодолѣлъ и я! Подумай только, насколько грубому и невѣжественному пирату было труднѣе пройти первыя ступени знанія, чѣмъ тебѣ, ученому, уже приготовленному къ умственному труду.

— Ты правъ, братъ, и я краснѣю за свое малодушіе. Позволь мнѣ поблагодарить тебя и извиниться передъ тобой за то, что я возложилъ на тебя неблагодарное бремя посвященія такого невѣжественнаго профана, какъ я, который не разъ выведетъ тебя изъ терпѣнія.

Дагиръ улыбнулся и горячо пожалъ руку, протянутую Супрамати.

— Не мучай себя напрасными угрызеніями! Я радъ быть твоимъ руководителемъ. Развѣ мы не истинные братья, соединенные одной и той же судьбой, одними и тѣми же идеями и общею работой? Мое терпѣніе никогда не истощится, такъ какъ я самъ прошелъ черезъ всѣ сомнѣнія, волненія и тяжелыя испытанія, которыя ожидаютъ тебя. Я пережилъ неизбѣжные часы упадка духа, нетерпѣнія и даже досады, когда, примѣняя оккультные законы, я видѣлъ явленія, которыхъ не могъ объяснить себѣ, когда много вопросовъ оставалось безъ отвѣта и когда мнѣ великодушно говорили: «Ты поймешь это позже»!

Далѣе разговоръ продолжался на ту же тему. Супрамати особенно интересовался первоначальной матеріей и безъ устали разспрашивалъ о ней своего друга, такъ что Дагиръ со смѣхомъ сказалъ:

— Я вижу, что ты хочешь съ одного удара проникнуть въ святая святыхъ и знать болѣе того, что я могу передать тебѣ. Это невозможно, и я научу тебя только азбукѣ. Но такъ какъ ты интересуешься свойствами и дѣйствіемъ первоначальной матеріи, то пойдемъ: я покажу тебѣ опытъ, который позволитъ тебѣ видѣть, какъ дѣйствуетъ таинственный агентъ при фармаціи планетъ, раздѣляя на различныя части основные элементы.

Очень довольный, Супрамати всталъ и послѣдовалъ за Дагиромъ. Послѣдній направился въ глубь комнаты, нажалъ пружину и открылъ дверь, существованія которой молодой человѣкъ даже и не подозрѣвалъ.

— Этотъ замокъ положительно похожъ на ящикъ съ секретными отдѣленіями! Его стѣны и полы полны сюрпризовъ, — со смѣхомъ замѣтилъ Супрамати.

Войдя за своимъ проводникомъ въ круглую залу, онъ чуть было не упалъ, до такой степени былъ гладокъ и блестящъ полъ въ этой комнатѣ.

— Чортъ возьми! Мнѣ кажется, — да простить меня Господь! — что мы идемъ по хрусталю! — прибавилъ онъ.

— Совершенно вѣрно, — такъ же весело отвѣтилъ Дагиръ. — А потому иди осторожнѣй!

Супрамати съ любопытствомъ оглянулся кругомъ. Зала была почти пуста.

— Скажи мнѣ, Дагиръ, отчего здѣсь всѣ комнаты круглыя, а не четырехъугольныя? Не составляетъ ли это какой-нибудь магической особенности? — спросилъ онъ.

— Да, при всѣхъ магическихъ операціяхъ кругъ гораздо благопріятнѣе, чѣмъ ломаныя фигуры, для вращенія токовъ, — отвѣтилъ Дегиръ.

Затѣмъ онъ поднялъ плотную занавѣсь и открылъ высокое и узкое окно, состоявшее изъ одного цѣльнаго и очень толстаго стекла.

— Посмотри! Центръ пола сдѣланъ изъ краснаго хрусталя, а тамъ, на цоколѣ, стоитъ родъ хрустальнаго же ящика. Это и есть инструментъ, при помощи котораго мы произведемъ нашъ опытъ.

Супрамати быстро подошелъ и наклонился надъ большимъ прозрачнымъ ящикомъ. Онъ, казалось, былъ совершенно пустъ, и только на днѣ его клубился небольшой туманный клочекъ, переливавшій всѣми цвѣтами призмы.

— Въ этомъ пріемникѣ находится флюидъ пространства въ томъ состояніи и въ тѣхъ комбинаціяхъ, какія были во время фармаціи нашей планеты. Сейчасъ ты увидишь, какое дѣйствіе произведетъ на него первоначальная матерія.

Дагиръ вынулъ изъ кармана маленькій флаконъ съ золотой пробкой, наполненный таинственной, хорошо знакомой Супрамати жидкостью.

— Этотъ флаконъ, — сказалъ онъ, — снабженъ механизмомъ, который пропускаетъ только одну десятую часть капли матеріи, необходимую для нашего опыта.

Минуту спустя, капелька, похожая на огненную искру, опустилась на дно ящика. Въ ту же минуту Супрамати показалось, что онъ получилъ сильный ударъ въ затылокъ и что земля заколебалась подъ его ногами. Дагиръ схватилъ его за руку и поддержалъ. Впрочемъ, это ощущеніе длилось не болѣе секунды, и молодой человѣкъ едва обратилъ на него вниманіе, такъ какъ всѣ его мысли сосредоточились на зрѣлищѣ, разыгрывавшемся передъ его глазами.

Внутренность хрустальнаго пріемника наполнилась волнующейся матеріей. Разноцвѣтныя облака кружились съ головокружительной быстротой, расплываясь, сгущаясь, извиваясь спиралью и разбиваясь на клочья, гонимые ураганомъ. Для полноты иллюзіи комнату наполнили трескъ, свистъ и оглушительный шумъ, какъ будто двадцать электрическихъ машинъ были

приведены въ движеніе. Шумъ этотъ, минутами, заглушался раскатами грома.

Вдругъ всѣ эти звуки стихли и все расплылось въ сѣроватый паръ, изборожденный молніей. Затѣмъ произошло что-то неописуемое по своей быстротѣ, и передъ пораженнымъ взоромъ Супрамати образовались четыре яруса, различные по цвѣту и по составу.

Въ глубинѣ ящика съ трескомъ волновалась расплавленная матерія; надъ ней появился черноватый, но прозрачный слой. Затѣмъ третій слой былъ еще прозрачнѣй и имѣлъ синеватый оттѣнокъ. Все же остальное пространство было наполнено сѣроватымъ паромъ. При болѣе внимательномъ разсмотрѣніи этотъ паръ былъ какъ бы смѣшанъ съ тканью, образованной изъ тысячи свѣтящихся точекъ.

Отъ расплавленной матеріи, служившей основаніемъ, поднималось что-то вродѣ тонкихъ жилъ, которыя съ потрескиваніемъ и съ подвижностью ртути пробѣгали по всѣмъ тремъ ярусамъ, нигдѣ не останавливаясь и извиваясь подобно кольцамъ громадной змѣи.

— То, что сейчасъ произошло передъ тобой въ нѣсколько минутъ, въ пространствѣ свершается въ милліоны лѣтъ, при дѣйствіи этой первоначальной матеріи, нѣсколько капель которой было бы достаточно, чтобы пожрать нашу планету и привести ее въ газообразное состояніе. Такъ какъ опытъ, который я показалъ тебѣ, очень несовершененъ, то не образовалось сферической формы. Но это все равно! Ты и безъ этого понимаешь, что расплавленная матерія,—это центръ планеты, очагъ жизненныхъ элементовъ; этотъ черноватый слой есть первая конденсація самыхъ грубыхъ матерій, образовывающихъ кору. Далѣе идетъ жидкій и атмосферическій элементъ, пронизанный огнемъ пространства, который вы называете электричествомъ, токи котораго, изображающіеся огненными жилами, всегда находятся въ сообщеніи съ главнымъ резервуаромъ центра.

Давъ Супрамати вдоволь насмотрѣться на странную вселенную, вызванную имъ, Дагиръ взялъ громадную лупу и подалъ ее своему другу.

— На, возьми это! Этотъ инструментъ сдѣланъ изъ брилліанта, вѣсившаго болѣе ста каратовъ. Эта лупа гораздо совершеннѣе вашихъ лупъ. При помощи ея ты можешь видѣть, что когда формирующіяся матеріи достигаютъ такой степени, какъ это въ нашемъ случаѣ, можно уже различить формы существъ и растеній, зародыши которыхъ она содержитъ и которыя позже произведетъ земля.

Весь трепеща, Супрамати схватилъ инструментъ — и, минуту спустя, съ его губъ сорвалось глухое восклицаніе. Передъ его изумленнымъ взглядомъ появилась неистощимая масса всевозможныхъ формъ растеній и животныхъ. Это была цѣлая флора и фауна, отличавшаяся поразительнымъ разнообразіемъ. Но все

было воздушно, неясно и до такой степени перемѣшано, что понадобились бы цѣлые мѣсяцы, чтобы разобраться.

Дагиръ оторвалъ его отъ этого созерцанія.

— Пора опять разложить все это! Пока ты достаточно видѣлъ, а изученіе же всего потребовало бы слишкомъ много времени. Я приведу нашу вселенную въ миніатюрѣ въ соприкосновеніе со свѣжимъ воздухомъ—и все разложится.

Дагиръ открылъ окно. Потокъ свѣжаго и остраго морского воздуха наполнилъ комнату. Тогда голландецъ открылъ также и ящикъ. Почти тотчасъ же слои перемѣшались и расплылись въ сѣроватый паръ, который испарился въ атмосферѣ, не оставивъ никакого слѣда.

Дагиръ закрылъ окно и опустилъ занавѣсъ. Затѣмъ оба молодые люди перешли въ сосѣднюю комнату.

Весь поглощенный и взволнованный всѣмъ, что видѣлъ, Супрамати сѣлъ въ кресло и погрузился въ глубокую задумчивость, изъ которой вывелъ его другъ.

— Пойдемъ обѣдать! Ты еще не видалъ нашей столовой, — весело сказалъ Дагиръ, хлопая его по плечу.

— Ты правъ! Я голоденъ; только я забылъ про это.

— Это хорошій знакъ! Если ты забылъ про обѣдъ, то это значитъ, что ты способенъ сдѣлаться ученымъ.

Продолжая разговаривать, они прошли черезъ лабораторію, спустились по лѣстницѣ и черезъ дверь, находившуюся въ темномъ кабинетѣ, вошли въ небольшую залу, стѣны которой были покрыты почернѣвшей отъ времени рѣзьбой. Массивный буфетъ, тяжелый столъ и массивные же стулья съ высокими спинками указывали на древность замка.

Узкое окно съ цвѣтными стеклами было открыто и около него стояло узкое кресло подъ балдахиномъ.

Покрытый бѣлою скатертью столъ, убранный серебромъ и цвѣтами, былъ сервированъ на двѣ персоны. У одного изъ стульевъ стоялъ карликъ, исполнявшій должность лакея.

Обѣдъ состоялъ изъ овощей, яицъ и пудинга изъ сушеныхъ фруктовъ. Кромѣ того, на столѣ стояли сыръ, хлѣбъ, масло, молоко и бутылка вина.

Виноградъ, груши и персики предназначались для дессерта.

— Наше меню не отличается разнообразіемъ, но все время, пока мы будемъ работать здѣсь, ты долженъ довольствоваться вегетаріанской пищей. Всѣ посвященные проходятъ черезъ это,— замѣтилъ Дагиръ, улыбаясь.—Если бы мы были простыми смертными, намъ пришлось бы довольствоваться однимъ только хлѣбомъ и водой, чтобы приготовить строгимъ постомъ наши тѣла къ предстоящимъ опытамъ. Но такъ какъ мы безсмертные, то можемъ позволить себѣ роскошь такого обѣда.

— О! Вегетаріанскій режимъ я нахожу превосходнымъ, — отвѣтилъ Супрамати. — Все время, пока я жилъ у Эбрамара, я питался исключительно овощами и не чувствовалъ никакого

лишенія отъ отсутствія животной пищи, которая, впрочемъ, мнѣ самому противна.

— Когда окончится срокъ твоего перваго посвященія, и вообще, когда вернешься въ свѣтъ, ты снова можешь ѣсть мясо, но тогда, можетъ быть, ты самъ не пожелаешь употреблять его въ пищу.

— Это очень вѣроятно, такъ какъ я понимаю, что животная пища заражаетъ организмъ матеріей въ состояніи разложенія.

Окончивъ обѣдъ, молодые люди вернулись въ лабораторію. Дагиръ принесъ большой фоліантъ, наполненный рисунками, странными знаками и непонятнымъ текстомъ.

— Въ этой книгѣ заключаются формулы всѣхъ категорій. Всѣ эти знаки ты долженъ изучить и запомнить, а формулы заучить наизусть. Только когда ты вполнѣ овладѣешь всѣми этими первоначальными заклинаніями, мы приступимъ къ первому опыту. Даже простые колдуны знаютъ часть этихъ формулъ, но ты находишься совсѣмъ въ другихъ условіяхъ. Ты не долженъ, подобно простому и невѣжественному колдуну, быть рабомъ злыхъ силъ, вызываемыхъ тобой, но съ перваго же шага тебѣ нужно сдѣлаться ихъ господиномъ и повелителемъ. Такъ какъ у тебя не развилось еще второго зрѣнія, то я снабжу тебя магическими очками, которые позволятъ тебѣ видѣть, что происходитъ вокругъ тебя.

Супрамати съ жаромъ принялся за работу. Онъ изучалъ таинственные знаки и странныя формулы, составленныя изъ цифръ и словъ, значеніе которыхъ онъ не понималъ.

Сначала молодому человѣку было очень трудно привыкнуть къ такому новому роду занятій, но Дагиръ помогалъ и объяснялъ ему. Съ наступленіемъ ночи, Супрамати научился почти безошибочно произносить нѣсколько формулъ и съ увѣренностью рисовать нѣсколько кабалистическихъ знаковъ.

Онъ до того былъ поглощенъ своимъ занятіемъ, что даже не замѣтилъ, какъ наступила темнота. Дагиръ зажегъ лампу, но, посмотрѣвъ на часы, съ улыбкой замѣтилъ:

— Кончай свою работу: на сегодня довольно. Скоро уже десять часовъ, и наша прекрасная хозяйка ждетъ насъ пить чай. Тебѣ нѣтъ надобности такъ торопиться. Благодаря Бога, времени у тебя достаточно.

— Это правда, но я хотѣлъ бы какъ можно скорѣй пройти первыя ступени, самыя тяжелыя и наименѣе интересныя,—отвѣтилъ Супрамати, отирая потъ.

Надѣвъ свои обычныя одежды, молодые люди прошли въ столовую, гдѣ ихъ ждала Нара. Холодный ужинъ былъ уже поданъ, и на столѣ шумѣлъ серебряный самоваръ.

— Ну, что, Супрамати? Какъ прошелъ первый день твоего посвященія?—съ улыбкой спросила молодая женщина.

— Очень интересно,—отвѣтилъ Супрамати, цѣлуя Нару.

Сѣвъ рядомъ съ женой, онъ съ одушевленіемъ началъ разсказывать, что онъ видѣлъ и дѣлалъ въ теченіе дня.

— Всѣ тайны невидимаго міра, которыя я видѣлъ, восхищаютъ меня и, въ то же время, приводятъ въ ужасъ. Меня, лѣнивца и невѣжду, пугаетъ гигантскій трудъ, предстоящій мнѣ. Стоя у подножія высокой лѣстницы, на которую мнѣ предстоитъ взойти, я спрашиваю себя, какъ другіе могли подняться такъ высоко, не почувствовавъ головокруженія? — полу-смѣясь, полу-обезкураженнымъ тономъ прибавилъ онъ.

— Ты воспользуешься двумя вещами, которыя помогали твоимъ предшественникамъ: «мужествомъ» и «настойчивостью», и поднимешься безъ препятствій,—весело отвѣтила Нара.

Затѣмъ она серьезно прибавила:

— Предчувствіе говоритъ мнѣ, что ты достигнешь высшихъ ступеней знанія и что ты сдѣлаешься великимъ магомъ. Ты всегда былъ мыслителемъ и хорошимъ работникомъ. Чѣмъ дальше ты будешь подвигаться по своему новому пути, тѣмъ больше будешь интересоваться оккультнымъ міромъ и тѣмъ могуществомъ, какое онъ даетъ тебѣ, отдавъ въ твое распоряженіе цѣлую армію ловкихъ, хитрыхъ и смѣлыхъ солдатъ, невидимыхъ для профановъ, такъ какъ они скрываются въ окружающей насъ атмосферѣ. Ты не испыталъ еще наслажденія быть выше толпы, читать чужія мысли, облегчать тайныя страданія и повелѣвать силами природы.

— Дай Богъ, дорогая моя, чтобы твои предчувствія оправдались и чтобы я сдѣлался достойнымъ хорошаго мнѣнія, какое ты имѣешь обо мнѣ. Во всякомъ случаѣ я употреблю для этого всю свою волю,—сказалъ Супрамати, цѣлуя руку жены.

Разговоръ продолжался на ту же тему. Когда Дагиръ упомянулъ о вызываніяхъ, какія они предполагали сдѣлать, Супрамати вспомнилъ о нѣсколькихъ спиритическихъ сеансахъ, на которыхъ онъ присутствовалъ во время своего послѣдняго пребыванія въ Л ндонѣ.

Тогда онъ былъ очень боленъ, и смерть, приближеніе которой онъ чувствовалъ, побуждала его проникнуть мракъ могилы, къ которой онъ быстро стремился.

Супрамати сдѣлался членомъ одного кружка и участвовалъ въ цѣлой серіи собраній. Онъ видѣлъ очень интересныя манифестаціи, появленіе вещей, свѣтовые эффекты и даже частичную матеріализацію. Нѣкоторые феномены произвели на него глубокое впечатлѣніе, другіе—вызвали въ немъ сомнѣніе, причины котораго онъ объяснилъ.

— Я знаю, сеансы такого рода въ модѣ и, вообще, спиритизмъ быстро распространяется, такъ какъ онъ отвѣчаетъ потребности сердца людей, утомленныхъ пустотой убѣжденій отрицателей и нетерпимостью науки, которая смѣло можетъ равняться съ нетерпимостью клерикальной,—замѣтила Нара.—Къ несчастью, спиритизмъ, находясь въ такихъ хаотическихъ и

неблагопріятныхъ условіяхъ, остановился на азбукѣ оккультнаго міра, такъ какъ имъ неизвѣстны законы, управляющіе феноменами. Хорошіе медіумы чрезвычайно рѣдки, и духамъ—руководителямъ чаще всего мѣшаютъ дисгармонія и даже злая воля присутствующихъ—этой глупой и невѣжественной толпы, которая хочетъ видѣть только для того, чтобы послѣ отрицать и насмѣхаться, воображая, что загробный міръ съ его ужасными тайнами существуетъ только для ихъ развлеченія.

— Это правда! Спиритизмъ имѣетъ больше насмѣшниковъ и отрицателей, чѣмъ прозелитовъ,—сказалъ Дагиръ,—а между тѣмъ, это утѣшительное знаніе сдѣлало уже много добра и спасло не одну душу изъ роковой бездны матеріализма. Что бы было, если бы вопросъ былъ поставленъ иначе!

Всѣ на минуту умолкли; затѣмъ, Нара прибавила:

— Да, я желала бы, чтобы спиритизмъ, доказывающій существованіе загробной жизни въ доступной для каждаго формѣ, преуспѣвалъ бы для блага человѣчества! Кстати, Супрамати, если ты желаешь, мы можемъ сегодня вечеромъ устроить спиритическій сеансъ. Я моментально сдѣлаю тебя ясновидящимъ, и ты увидишь весь оккультный процессъ спиритическихъ манифестацій.

— О! Конечно хочу. Ты предупреждаешь мое желаніе: Пойдемъ же скорѣй въ лабораторію!

— Зачѣмъ намъ идти туда! Намъ отлично будетъ въ моей маленькой гостиной. И такъ, идите туда, господа, и приготовьте все! Я же распоряжусь относительно ужина, что будетъ не лишнее послѣ сеанса.

— Ужина, конечно, вегетаріанскаго?—спросилъ, смѣясь, Супрамати.

— Именно! Пока тебѣ надо забыть вкусъ мяса, а черезъ нѣсколько лѣтъ ростбифъ, жареные фазаны и другіе деликатессы такого рода будутъ казаться тебѣ не болѣе, какъ кусками трупа. Ты увидишь вещи, которыя отнимутъ у тебя аппетитъ, а запахъ тлѣнія, котораго не чувствуютъ обыкновенные гастрономы, будетъ душить тебя.

Въ маленькой гостиной молодые люди опустили сторы и удалили лишнюю мебель, а въ центрѣ комнаты поставили небольшой, круглый столикъ. Затѣмъ, они погасили лампы, оставивъ зажженною одну только свѣчу.

Они только что успѣли окончить эти приготовленія, какъ вошла Нара. Она принесла съ собой маленькій серебряный треножникъ и поставила его на столъ. Затѣмъ, небольшими щипчиками, она взяла изъ камина еще не погасшіе уголья и положила ихъ на треножникъ. Дагиръ сталъ раздувать ихъ. Когда уголья раскалились, Нара вынула изъ кармана флаконъ и вылила на уголья содержавшуюся въ немъ жидкость. Тотчасъ же поднялся густой дымъ, распространившій въ комнатѣ ароматъ, показавшійся Супрамати знакомымъ.

Вдругъ онъ вспомнилъ, что вдыхалъ такой же ароматъ въ день бала у графа Рокка, но только этотъ былъ не такъ силенъ. Тѣмъ не менѣе, у него на минуту закружилась голова и онъ молча занялъ мѣсто между Нарой и Дагиромъ.

Тогда послѣдній взялъ жезлъ съ нѣсколькими узлами, висѣвшій у него на шеѣ на золотой цѣпочкѣ, подобно дамскому лорнету. Затѣмъ, нагнувшись, онъ обвелъ кругомъ нихъ и стола черту.

На полу тотчасъ же появилась широкая фосфорическая черта, которая, затѣмъ, превратилась въ сѣрый паръ. Послѣ этого голландецъ сѣлъ на свое мѣсто и положилъ руки на руки присутствующихъ.

На минуту воцарилось мертвое молчаніе. Вдругъ Супрамати показалось, что все вокругъ него зазвучало и задвигалось, а затѣмъ, все стало съ необыкновенной быстротой вращаться вмѣстѣ съ нимъ, столомъ, Нарой и Дагиромъ. Затѣмъ, онъ увидѣлъ, что появился голубоватый свѣтъ, и въ этомъ полусвѣтѣ съ удивленіемъ замѣтилъ высокую и тонкую фигуру, одѣтую въ сѣрыя одежды цвѣта летучей мыши. Это, необыкновенно гибкое, ловкое и подвижное существо держало въ рукахъ красный жезлъ, на оконечности котораго вращался шаръ такого же цвѣта. Отовсюду брызгали фосфорическія искры, которыя соединялись потомъ огненными нитями. Кругъ, начертанный Дагиромъ, выбрасывалъ теперь пламя различной величины. Скоро присутствующіе очутились какъ бы окруженными фосфорической сѣткой. Съ все возраставшимъ интересомъ Супрамати слѣдилъ за всѣмъ и съ удивленіемъ увидѣлъ, что изъ складокъ портьеръ, изъ стѣнъ, изъ пола и даже изъ камина стали появляться различныя существа и группироваться около круга. Лица однихъ имѣли лукавое и беззаботное выраженіе; другіе—злое, скотское и, даже, полное ненависти. Послѣднія пытались пройти сквозь сѣтку, но ихъ всякій разъ отбрасывало назадъ точно электрическимъ токомъ. Только тогда, когда у стола появилось нѣсколько существъ, по быстротѣ движеній и по костюму похожихъ на фигуру, державшую огненный шаръ, Нара выразила желаніе, чтобы изъ столовой былъ принесенъ графинъ съ водой.

Тотчасъ же нѣкоторыя изъ этихъ существъ удалились, и скоро появился графинъ, окруженный бѣлымъ компактнымъ паромъ, похожимъ на вату. Этотъ графинъ съ трудомъ несли три сѣроватыхъ индивидуума и тихо поставили на столъ.

Затѣмъ, Дагиръ приказалъ сыграть на флейтѣ, такъ какъ этотъ инструментъ лежалъ на окнѣ. Тотчасъ же одинъ изъ индивидуумовъ схватилъ флейту и недурно сыгралъ хорошо знакомую всѣмъ, небольшую арію.

Очевидно, эти опыты возбудили зависть среди другихъ. Большая часть зрителей разсѣялась, но быстро снова появилась около магическаго круга, котораго они не могли переступить и

который мѣшалъ имъ принять участіе въ развлеченіяхъ, видимо, очень нравившихся имъ, такъ какъ они явились съ самыми разнообразными вещами, освобождавшимися теперь отъ пара, служившаго для ихъ переноски. Тамъ были черные шары, похожіе на каменные, картофель, испорченныя яйца, кости и даже пескъ. Все это достойная кампанія съ яростью оспаривала другъ у друга.

Въ это время, въ самомъ кругѣ, который расширялся по мѣрѣ того, какъ отъ Дагира и Нары исходили токи тепла и свѣта, существо въ одеждѣ цвѣта летучей мыши дѣлалось все компактнѣй и быстро достигло осязательной реальности, видимой даже для обыкновеннаго глаза. Съ легкостью, доказывавшей необыкновенную силу, существо это схватило массивное кресло, подняло его и потрясло имъ надъ головой Супрамати. Тотъ инстинктивно откинулся назадъ, но духъ, съ насмѣшливымъ смѣхомъ, поставилъ кресло на мѣсто.

Въ эту минуту появился новый духъ, который безъ труда переступилъ огненный кругъ и остановился между Дагиромъ и Нарой.

Большое, бѣлое покрывало закрывало всю фигуру вновь прибывшего духа и скрывало его черты лица. Въ рукахъ духъ держалъ букетъ цвѣтовъ. Ароматъ лилій и розъ наполнилъ всю комнату.

Супрамати съ удивленіемъ смотрѣлъ на новое видѣніе, которое медленно поднимало покрывало. Вдругъ молодой человѣкъ громко вскрикнулъ: онъ узналъ свою мать. Прекрасная и помолодѣвшая, она смотрѣла на него какимъ-то страннымъ и неподвижнымъ взглядомъ.

При крикѣ молодого человѣка, видѣніе зашаталось, поблѣднѣло и какъ бы расплылось, но почти тотчасъ же снова появилось.

— Матушка! Я снова вижу тебя, дорогая матушка!—пробормоталъ онъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

Затѣмъ, онъ прибавилъ, съ затуманившимся отъ слезъ взоромъ:

— Могу я прикоснуться къ тѣбе, обнять тебя?

Духъ съ умоляющимъ жестомъ повернулся къ Нарѣ. Та тотчасъ же встала и положила обѣ руки на плечи видѣнія. Почти въ ту же минуту отъ молодой женщины стали исходить клубы сверкающаго, ослѣпительно бѣлаго пара, который минутами принималъ розовый оттѣнокъ.

Все это вещество, казалось, поглощалось видѣніемъ, которое быстро принимало видъ и консистенцію реальнаго существа.

— Теперь ты можешь поцѣловать ее,—съ улыбкой сказала Нара, снимая съ плечъ свои руки.

Трепеща всѣмъ тѣломъ, молодой докторъ всталъ, схватилъ духа за руки и привлекъ его къ себѣ. Да, это была дѣйствительно его обожаемая мать, безъ малѣйшаго слѣда болѣзни,

утомленія или старости, во всемъ разцвѣтѣ нѣжной красоты, такая, какую онъ видѣлъ въ дѣтствѣ!

— Ральфъ! Дорогое дитя мое!—произнесъ любимый и хорошо знакомый голосъ.

Настоящія живыя руки обвили его шею и теплыя и дрожащія губы прижались къ его губамъ.

Съ минуту они молча держали другъ друга въ объятіяхъ. Затѣмъ Ральфъ съ волненіемъ сказалъ:

— О, дорогая матушка! Какъ мы были слѣпы, не подозрѣвая возможности свидѣться! Ты была близъ меня, когда я оплакивалъ нашу разлуку, и не могла подать мнѣ знака, утѣшить меня—и все это только благодаря тому, что мы не знали законовъ невидимаго міра. Но скажи мнѣ, счастлива-ли ты? Видѣла ли ты моего отца?

— Я его видѣла. Онъ счастливъ и спокоенъ, такъ какъ хорошо и честно выполнилъ свой долгъ. Ты увидишь его позже.

— Скажи ему, что я люблю его и каждый день молюсь за него и за тебя. Посмотри, матушка, какъ я силенъ и здоровъ! Теперь тебѣ нечего бояться, какъ прежде, за мое здоровье,—съ лукавой улыбкой прибавилъ онъ.

Выраженіе боязни и печали затуманило лицо духа. Положивъ руку на голову сына, видѣніе отвѣтило:

— Теперь я боюсь, не будетъ ли слишкомъ продолжительна эта жизнь, за которую я нѣкогда опасалась, что она слишкомъ скоро угаснетъ.

— Скажи мнѣ, ты порицаешь странную судьбу, на какую толкнулъ меня рокъ?—съ грустью и безпокойствомъ спросилъ Супрамати.

— Я не смѣю порицать, дорогой мой Ральфъ: для этого я слишкомъ невѣжественна. Я только опасаюсь, не будетъ ли слишкомъ тяжело испытаніе безсмертія и громадный трудъ, ожидающій тебя, чтобы сдѣлаться достойнымъ таинственныхъ силъ, данныхъ тебѣ въ руки. Спроси тѣхъ, кто проникъ въ высшія области знанія и кто считаетъ свою жизнь тысячью годами, счастливы ли они тѣмъ, что вѣчно носятъ тлѣнныя тѣлесныя одежды, не имѣя возможности отдохнуть въ смерти? Подверженная тысячи страданій, присущихъ земной жизни, такъ какъ привилегіей безсмертія пользуется одно только тѣло, душа остается по прежнему уязвимой и не пользуется преимуществомъ не чувствовать, не любить, не оплакивать страданій, которыхъ она не можетъ облегчить.

Духъ на минуту умолкъ, затѣмъ онъ продолжалъ уже болѣе слабымъ голосомъ:

— Я чувствую, что улетучивается сила, данная мнѣ. И такъ, до свиданія, сынъ мой! Я явлюсь, когда ты позовешь меня въ тяжелую для тебя минуту, не для разрѣшенія проблемъ, управляющихъ вселенной, но для того, чтобы ты услышалъ нѣжное слово матери.

Молодой человѣкъ чувствовалъ, какъ рука его матери становилась все менѣе компактной, а затѣмъ расплылась и сдѣлалась неосязаемой. Все видѣніе приняло воздушный видъ, сдѣлалось прозрачнымъ и, наконецъ, совершенно исчезло.

Тяжело дыша, Супрамати опустился на стулъ и закрылъ глаза. Тогда Дагиръ зажегъ свѣчу и сказалъ:

— Ты утомился, мой другъ, не тѣломъ, конечно, но душой. И такъ, прекратимъ этотъ сеансъ! Несмотря на твое безсмертіе, ты отлично сдѣлаешь, если можешь спать.

Супрамати выпрямился, взялъ оставленные на столѣ цвѣты, въ вѣнчикахъ которыхъ блестѣли еще капельки росы и, со смѣшаннымъ чувствомъ горя и счастья, прижалъ ихъ къ своимъ губамъ.

Несмотря на добрый совѣтъ Дагира, всѣ оставались на своихъ мѣстахъ и продолжали бесѣдовать. Такъ какъ Супрамати горевалъ, что скептики, изъ злой воли, нарочно мѣшаютъ развитію спиритизма, который представляетъ источникъ утѣшенія для страждущихъ душъ и, въ то же время, служитъ для ихъ нравственнаго возрожденія, возвращая имъ вѣру въ загробную жизнь, то Нара со смѣхомъ вскричала:

— О, эти скептики! Иногда у меня является страстное желаніе убѣдить ихъ, надѣвъ имъ магическіе очки. Я думаю, что всѣ эти великіе ораторы лишились бы разсудка, если бы убѣдились, что вся атмосфера вокругъ нихъ населена тѣми невидимыми существами, существованіе которыхъ они отрицаютъ, и что въ пространствѣ, которое, въ своемъ тщеславномъ заблужденіи, они считаютъ пустымъ, трепещетъ цѣлый міръ неосязаемыхъ существъ.

— Вотъ уже нѣсколько разъ я слышу, какъ ты и Дагиръ упоминаете о какихъ-то магическихъ очкахъ. Покажите же мнѣ ихъ хоть разъ?—съ любопытствомъ попросилъ Супрамати.

— Съ удовольствіемъ,—отвѣтила молодая женщина.

Нара открыла небольшое рѣзное бюро, отдѣланное слоновой костью, вынула изъ ящика пару большихъ очковъ въ золотой оправѣ и подала ихъ мужу. Съ совершенно понятнымъ интересомъ разсматривалъ Супрамати очки, сдѣланные изъ какого-то незнакомаго ему вещества, болѣе прозрачнаго, чѣмъ стекло, но какъ-то странно переливавшаго.

Не долго думая, онъ надѣлъ ихъ себѣ на носъ, но къ крайнему своему удивленію ничего не увидѣлъ, кромѣ волнъ всѣхъ цвѣтовъ призмы, которыя звучали, двигались и смѣшивались. Въ то же время ему показалось, что его черепъ сдавленъ раскаленнымъ обручемъ.

— Сними очки и вымой лицо! Сегодня ты ничего не увидишь, такъ какъ органы твои слишкомъ насыщены тѣмъ веществомъ, которое я сожгла передъ сеансомъ,—сказала Нара.— Но эти очки дѣлаютъ прозрачной для глазъ обыкновеннаго человѣка завѣсу, скрывающую невидимый міръ.

Молодая женщина спрятала очки, Супрамати же поспѣшилъ въ свою комнату, чтобы поскорѣй вымыть лицо, такъ какъ онъ внезапно почувствовалъ головную боль, которая, впрочемъ, тотчасъ прошла отъ холодной воды.

III.

ПРОШЛО нѣсколько недѣль, не принеся съ собой ничего особеннаго. Супрамати съ жаромъ изучалъ магическіе знаки и странныя, почти всегда непонятныя формулы, сопровождающія ихъ. Когда же онъ просилъ Дагира объяснить ихъ ему, тотъ отвѣчалъ, что онъ долженъ прежде хорошенько заучить ихъ.

— Но, вѣдь, гораздо труднѣй заучить галиматью, которой не понимаешь!—съ нетерпѣніемъ возражалъ Супрамати.

— А между тѣмъ, это необходимо, такъ какъ если бы ты понималъ смыслъ этихъ магическихъ формулъ, то онѣ тотчасъ же вызвали бы присущія имъ явленія — и ты оказался бы въ положеніи гетевскаго ученика колдуна. Только твое незнаніе произносимыхъ тобой словъ мѣшаетъ твоей мысли и воли привести ихъ въ движеніе.

Супрамати долженъ былъ удовольствоваться такимъ объясненіемъ. Мало-по-малу, онъ началъ сознавать справедливость словъ Дагира, замѣтивъ странные феномены. Такъ, когда онъ произносилъ магическія формулы, имъ овладѣвало какое-то неопредѣленное, но невыразимо тягостное безпокойство. Ему слышался странный шумъ, около него появлялись тѣни, въ темныхъ углахъ вспыхивали искры и горячее вѣяніе пробѣгало по его жиламъ.

Когда манифестаціи подобнаго рода сдѣлались уже слишкомъ интенсивными, Дагиръ прерывалъ изученіе формулъ и на извѣстное время переходилъ къ другимъ занятіямъ. Тогда онъ говорилъ своему другу о тайныхъ свойствахъ драгоцѣнныхъ камней, указывая ему на различные цвѣта, которые они издаютъ. Онъ показывалъ ему на примѣрахъ, какое дѣйствіе производятъ эти свѣтовыя эманаціи на растенія, на животныхъ и на людей.

Они изучали также растительные, животные и минеральные яды, свойства растеній и дѣйствіе магнитизма. Но теперь глазамъ молодаго человѣка открывалась совершенно новая ботаника и новая химія.

Они продолжали также упражненія, предназначенныя для циплинированія мысли. Однажды Дагиръ принесъ въ лабо-рію большой кругъ, закрытый чернымъ сукномъ. Поставивъ на столъ, онъ снялъ покрывало.

Супрамати съ любопытствомъ сталъ разсматривать черно-

вато-синій металлическій дискъ, отливавшій всѣми цвѣтами призмы, какъ и магическія зеркала, которыя онъ уже видѣлъ. Этотъ дискъ былъ вставленъ въ рамку, въ которую были вдѣланы различные металлы, драгоцѣнные камни и медальоны съ жидкостями. На верху же рамка была украшена медальономъ въ формѣ амфоры.

— Что это? Это тоже магическое зеркало? Для чего оно служитъ?—спросилъ Супрамати.

— Да, это магическое зеркало, только оно сдѣлано изъ другихъ матеріаловъ, чѣмъ тѣ, которыя ты видѣлъ. Оно поможетъ тебѣ достигнуть очень труднаго знанія, а именно: управлять и дисциплинировать живую мысль и ея воспроизведенія. Это зеркало, видишь ли, составлено изъ самыхъ воспріимчивыхъ веществъ. Оно чувствительнѣй барометра, который чувствуетъ только колебанія атмосферы. На этомъ драгоцѣнномъ инструментѣ, необходимомъ каждому истинному магу, отражаются самыя легкія вибраціи мысли. Это барометръ души. Профаны глупо воображаютъ, что магическое зеркало имѣетъ только одно назначеніе: открывать магу картины прошлаго и будущаго и выдавать тайны того или другаго субъекта, совершенно безразличнаго для мудреца. А между тѣмъ, въ дѣйствительности, этотъ инструментъ предназначенъ для серьезныхъ занятій и служитъ для упражненія мысли. Настало время и для тебя приступить къ такимъ занятіямъ. И такъ, смотри на дискъ, думая о какой нибудь вещи и стараясь, какъ можно точнѣй, представить ее себѣ. Выбери вещь простую, но точно опредѣленную вещь, чтобы съ самаго начала привыкнуть ясно формулировать свою мысль, такъ какъ мимолетныя и хаотическія мысли не воспроизводятъ ничего.

Супрамати наклонился и сталъ смотрѣть въ зеркало. Тотчасъ же въ его умѣ возстала масса вещей, причемъ его мысль не могла остановиться исключительно ни на одной изъ нихъ. Но каково было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ, что на металлической поверхности отразился цѣлый хаосъ вещей, существъ и цвѣтовъ, которые смѣшивались, гримасничали и, наконецъ, исчезли въ кровавомъ туманѣ. У Супрамати закружилась голова и онъ закрылъ глаза.

— Стой, стой!—вскричалъ со смѣхомъ Дагиръ.—Ты воспроизводишь больше мыслей, чѣмъ зеркало можетъ вмѣстить. Повторяю тебѣ, избери какую нибудь одну простую вещь, какъ-то: стулъ, бутылку, какой нибудь фруктъ и т. д. И чѣмъ опредѣленнѣе будетъ твоя мысль, тѣмъ жизненнѣй и совершеннѣй будетъ изображеніе, воспроизведенное имъ.

Супрамати вторично наклонился къ зеркалу, сосредоточился и въ зеркалѣ скоро появилось сѣрое и неопредѣленное изображеніе бутылки, но, почти въ ту же минуту, заслоняя ее собой, появилось изображеніе стакана, наполненнаго пѣнящеюся жидкостью, а вокругъ всего этого мелькали довольно неопредѣлен-

ныя и комически перемѣшанныя головы Лормейля, Пізретты и остальной ихъ компаніи, представленіе о которыхъ у него какъ-то невольно соединялось съ изображеніемъ бутылки. Разсерженный Супрамати выпрямился, смѣясь противъ воли:

— Никогда не думалъ я, что такъ трудно сосредоточить мысль на какой нибудь опредѣленной мысли,—замѣтилъ онъ.

— Никто этого и не думаетъ и не обращаетъ вниманія на безпорядочную работу мозга,—съ улыбкой отвѣтилъ Дагиръ.— Въ результатѣ получается, что въ жизни думаютъ о массѣ безполезныхъ вещей, теряютъ свое время и безцѣльно утомляютъ умъ. Теперь же смотри! Я покажу тебѣ, какъ дѣйствуетъ на этотъ инструментъ уже дисциплинированная мысль. Я буду думать о тарелкѣ съ фруктами.

Голландецъ, въ свою очередь, склонился къ зеркалу. Взглядъ его засверкалъ и сдѣлался неподвиженъ; между бровями появилась небольшая складка.

На полированной поверхности тотчасъ же появилось изображеніе тарелки съ грушами, яблоками, виноградомъ и другими фруктами. Все было окрашено и казалось живымъ.

Супрамати вскрикнулъ отъ удивленія и восхищенія; но Дагиръ покачалъ головой.

— Тутъ нечѣмъ восхищаться, — сказалъ онъ.—Моя мысль была довольно небрежна. Тарелка осталась не окрашенной, а вишни на заднемъ планѣ окрашены не вполнѣ. Эти неточности произошли отъ того, что я слишкомъ поспѣшилъ представить себѣ вещь, которую хотѣлъ показать тебѣ, тогда какъ слѣдуетъ дѣйствовать точно, придавая каждой вещи, какъ живописецъ, форму, цвѣтъ и природные оттѣнки.

Дагиръ продолжалъ смотрѣть на вызванное имъ изображеніе, и Супрамати, къ крайнему своему удивленію, увидѣлъ, что на тарелкѣ появился изящный рисунокъ, а фрукты приняли свою естественную окраску.

— Удивительно! — вскричалъ молодой человѣкъ.—Но скажи мнѣ, Дагиръ, отчего изображеніе, вызванное моей мыслью, почти съ такою же быстротой исчезло, какъ и появилось; это же кажется настоящею живописью и держится вотъ уже нѣсколько минутъ.

— Причина остается все та же. Твоя непостоянная, бѣглая и хаотическая мысль, не будучи въ силахъ создать ничего опредѣленнаго, еще менѣе можетъ удержать это изображеніе. Я думаю только о томъ, что хочу вызвать, и не даю въ мозгу зародиться никакой другой мысли. Мозгъ—это такое же орудіе, какъ и рука; нужно только развивать его и заставлять послушно работать.

А возможно на этомъ зеркалѣ воспроизводить съ такое совершенствомъ сложныя картины?

Безъ сомнѣнія! Всякая твоя мысль можетъ отражаться При навыкѣ, въ этомъ зеркалѣ, какъ въ панорамѣ, про-

ходитъ цѣлый рядъ картинъ. Сейчасъ я покажу тебѣ нѣсколько картинъ такого рода. Конечно, это гораздо труднѣй, чѣмъ воспроизвести изображеніе бутылки, а между тѣмъ то, что я покажу тебѣ, это только азбука великаго искусства.

Все болѣе и болѣе заинтересовываясь, Супрамати сталъ смотрѣть въ зеркало. Послѣднее, казалось, расширилось и увеличилось и въ немъ отразилась громадная водная равнина океана, освѣщенная луной. Но вотъ, изъ волнъ медленно появилась и приблизилась скала, на которой находилось таинственное убѣжище рыцарей Грааля.

Чудная картина эта медленно поблѣднѣла и расплылась въ сѣроватый паръ, уступивъ мѣсто храму братства, во время совершенія божественной службы.

Да, это, дѣйствительно, была обширная зала съ ея колонами, тонкой рѣзьбой и разноцвѣтной мозаикой. Въ отверстіе купола падали солнечные лучи, отражаясь и переливая на каменныхъ плитахъ и бѣлоснѣжныхъ одеждахъ рыцарей. На ступеняхъ алтаря стоялъ старецъ братства, а передъ нимъ самъ Супрамати.

Эта картина была сама жизнь. Здѣсь ничего не было забыто; все дышало и двигалось. Какимъ великимъ артистомъ мысли надо было быть, чтобы такъ возпроизвесть натуру и вызвать въ этой мрачной лабораторіи появленіе океана или залить ее яркими солнечными лучами.

Съ чувствомъ почти боязливаго восхищенія Супрамати поднялъ глаза на Дагира, который странно, неподвижнымъ взоромъ продолжалъ смотрѣть въ магическое зеркало. Но вдругъ онъ провелъ рукой по глазамъ. Все тотчасъ же исчезло и зеркало приняло свой обычный черный цвѣтъ.

Голландецъ съ улыбкой обернулся къ своему другу.

— Дагиръ! Ты достигъ совершенства въ этомъ великомъ искусствѣ, о существованіи котораго я и не подозрѣвалъ. Мнѣ кажется, что я никогда не достигну такого совершенства.

— Ты меня считаешь такимъ великимъ мастеромъ только потому, что не видалъ еще ничего лучшаго,—со смѣхомъ отвѣтилъ Дагиръ.—Моя мысль не производитъ еще аромата, звука и пр. Вообще, я далекъ еще отъ цѣли. Но такъ какъ твое восхищеніе льститъ моему самолюбію, то я покажу тебѣ еще частицу своего искусства, а именно, сдѣлаю мою мысль видимой для другого. Впрочемъ, этотъ феноменъ происходитъ и у профановъ, которые толкуютъ его и вкривь и вкось и называютъ призракомъ живыхъ.

Самый фактъ такъ часто появлялся, что отрицать его невозможно. Въ часъ смерти и въ минуту опасности люди являлись своимъ близкимъ съ реальностью живыхъ существъ; иногда даже къ нимъ прикасались и слышали ихъ.

Въ дѣйствительности же эти призраки есть ничто иное, какъ такое могучее проявленіе мысли, что она сдѣлалась не только видимой, но и осязаемой.

Только у профановъ феномены эти происходятъ безсознательно, я же могу вызывать ихъ по своему желанію.

Позволь мнѣ прибавить еще, что пассивная мысль, т. е. когда ты не думаешь ничего опредѣленнаго, отражается въ магическомъ зеркалѣ въ видѣ фосфорическихъ линій, болѣе или менѣе яркихъ, смотря по энергіи мозговыхъ вибрацій. Но мысль не должна быть пассивной; она должна быть дѣятельной и трудовой. Только работа мысли должна быть гармонична, чтобы не утомлять мозга, такъ какъ всякій, даже профаны, знаетъ и испыталъ на себѣ, что бурныя и взволнованныя мысли вызываютъ страшное истощеніе всего организма.

Теперь же пойдемъ въ сосѣднюю комнату и подышемъ немного чистымъ воздухомъ, а потомъ я покажу тебѣ мою мысль, видимую на разстояніи.

— Ты усталъ? — спросилъ Супрамати, съ наслажденіемъ вдыхая чистый и острый морской воздухъ.

— Я-то не усталъ, но ты имѣешь совершенно растерянный видъ, хотя то, что ты видѣлъ, не должно бы такъ волновать тебя. Даже ваша оффиціальная наука начинаетъ убѣждаться въ осязаемости мысли. Ее даже фотографируютъ. Безъ сомнѣнія, эти опыты еще слабы и плохо удаются, какъ это бываетъ всегда при новомъ открытіи. Тѣмъ не менѣе они находятся на пути подчинить научному контролю самое бурное и самое недисциплинированное изъ человѣческихъ чувствъ.

Даже мы настоятельно должны дисциплинировать мысль и ея орудіе—мозгъ. Казалось бы, что мудрецы, эти труженики ума, могущіе умственно рѣшать самыя сложныя проблемы, уже сдѣлали этотъ первый шагъ, а между тѣмъ, если бы имъ понадобилось сконцентрировать всю свою волю на изображеніи одного предмета, ты увидѣлъ бы, какіе зигзаги отразились въ магическомъ зеркалѣ.

Для тебя, Супрамати, безусловно необходимы занятія; къ которымъ ты сегодня приступаешь, такъ какъ ты долженъ мысленно производить всѣ кабаллистическіе знаки и магическіе символы заклинаній, причемъ все это долженъ дѣлать быстро и точно, безъ малѣйшей тѣни колебанія.

Послѣ часоваго отдыха, молодые люди вернулись въ лабораторію. Ставъ передъ магическимъ зеркаломъ, Дагиръ сказалъ:

— Сейчасъ я буду привѣтствовать Эбрамара, а ты смотри въ зеркало. Безъ сомнѣнія, мнѣ не удасться придать себѣ вполнѣ реальный и жизненный видъ, такъ какъ это требуетъ громадной концентраціи воли, но ты все-таки увидишь меня.

Нахмуривъ брови съ надувшимися подъ усиліемъ воли жилами на лбу, Дагиръ облокотился на спинку кресла, на которомъ сидѣлъ Супрамати. Послѣдній скоро увидѣлъ въ центрѣ зеркала блестящій кругъ, быстро расширившійся въ гигантскій дискъ цвѣта лунныхъ лучей. Затѣмъ передъ пораженнымъ взгля-

домъ молодого человѣка появилась терраса его дворца въ Гималаяхъ.

Около стола, заваленнаго книгами, сидѣлъ Эбрамаръ, склонившись надъ связкой папируса. Рядомъ съ нимъ на коврѣ лежала большая бѣлая левретка.

Какъ очарованный смотрѣлъ Супрамати на хорошо знакомый ему пейзажъ: на зеленую лужайку, усѣянную яркими цвѣтами, на струю воды, точно сдѣланную изъ бриліантовъ, и на снѣжныя вершины горъ, обрамлявшихъ горизонтъ. Вдругъ на темной лазури неба появилось вращающееся красноватое облако, которое стало быстро приближаться.

Левретка насторожила уши, сѣла и устремила умный взглядъ на своего хозяина. Тотъ тоже поднялъ голову и казалось сталъ къ чему-то внимательно прислушиваться.

Красноватое облако спустилось теперь на террасу и Супрамати увидѣлъ. что это былъ Дагиръ. Фигура его была воздушна, контуры тѣла не совсѣмъ опредѣленны, но голова вырисовывалась ясно и была вполнѣ узнаваема.

Супрамати невольно поднялъ голову и вздрогнулъ. Дагиръ попрежнему стоялъ, облокотившись на спинку кресла; только смертельно блѣдное лицо его и стеклянные глаза напоминали лицо и глаза трупа. Молодой человѣкъ съ ужасомъ смотрѣлъ на широко открытые потемнѣвшіе глаза и на похолодѣвшую, неподвижную руку, принявшую восковой оттѣнокъ. Да, это дѣйствительно была матерія, покинутая жизненной силой.

Съ ледяною дрожью Супрамати перевелъ свой взглядъ на зеркало. Тамъ попрежнему разстилался веселый пейзажъ индійскаго дворца. Эбрамаръ всталъ. Любезная улыбка освѣтила его доброе лицо и онъ подалъ Дагиру руку. По движенію губъ обоихъ мужчинъ Супрамати заключилъ, что они разговариваютъ. Затѣмъ, индійскій мудрецъ взялъ изъ ближайшей вазы пурпуровый цвѣтокъ и вложилъ его въ руку голландца. Вся сцена происходила такъ близко, что Супрамати казалось, что ему стоитъ только протянуть руку, чтобы прикоснуться къ рукѣ Эбрамара. Въ эту минуту послѣдній обернулся, улыбнулся и сдѣлалъ привѣтственный знакъ, какъ будто видѣлъ молодого доктора. Затѣмъ, мудрецъ сѣлъ на свое мѣсто, облокотился на столъ и устремилъ задумчивый взглядъ на фигуру Дагира.

Послѣдняя отступила назадъ и снова превратилась въ красноватое облако.

Минуту спустя, картина поблѣднѣла и исчезла — и молодой человѣкъ услышалъ у себя за спиной тяжелый и глубокій вздохъ.

Супрамати быстро обернулся и встрѣтилъ блестящій взглядъ Дагира, который съ доброй улыбкой подалъ ему цвѣтокъ и сказалъ:

— Эбрамаръ кланяется тебѣ и прислалъ этотъ цвѣтокъ.

Супрамати вскочилъ со стула и сжалъ голову обѣими руками.

— Ахъ!—вскричалъ онъ хриплымъ отъ волненія голосомъ.— Это ужъ не проявленіе мысли, а настоящая магія. Это просто волшебная сказка!

Дагиръ покачалъ головой.

— Нѣтъ, мой другъ! То, что тебѣ кажется магіей, чудомъ, есть ничто иное, какъ простое проявленіе мысли и астральнаго тѣла, выдѣленнаго при помощи воли изъ тѣлесной матеріи. Впрочемъ, то, что я показалъ тебѣ, сущіе пустяки въ сравненіи съ тѣмъ, чего можно и должно достигнуть. Когда я научу тебя тому немногому, что самъ знаю, мы оба сдѣлаемся учениками Эбрамара. Подъ его руководствомъ мы будемъ изучать высшую магію и передъ нами откроются новые горизонты.

— Дагиръ! Это гордость, замаскированная скромностью, заставляетъ тебя говорить, что ты мало знаешь, когда ты достигъ совершенства, — сказалъ Супрамати, снова опускаясь на стулъ и прижимая ко лбу чудный цвѣтокъ, наполнившій ароматомъ всю лабораторію.

Дагиръ съ меланхолическою важностью покачалъ головой.

— Ты такъ дурно судишь обо мнѣ потому, что не имѣешь никакого понятія о неизмѣримости знанія, которое остается намъ изучить. Эбрамаръ, конечно, колоссъ знанія, въ сравненіи съ которымъ я ничтожный пигмей, а и онъ — этотъ ученый, этотъ мудрецъ, для котораго, по моему мнѣнію, во вселенной нѣтъ больше тайнъ—поблѣднѣлъ, когда сказалъ мнѣ: «Когда я бросаю взглядъ на безконечныя тайны, которыя мнѣ предстоитъ еще изучить, я дрожу отъ своего невѣжества и чувствую себя слѣпымъ и ничтожнымъ атомомъ».

— Прости меня, братъ, за мои глупыя и обидныя слова, — сказалъ Супрамати, обнимая Дагира. — Но у меня иногда кружится голова въ этомъ странномъ мірѣ, куда меня такъ неожиданно бросила судьба.

— Я нисколько не обижаюсь и отлично понимаю состояніе твоей души, такъ какъ самъ прошелъ черезъ все это. Но на сегодня довольно! Ты утомленъ и очень взволнованъ. Пойдемъ къ Нарѣ: ея присутствіе лучше всего успокоитъ тебя, — отвѣтилъ Дагиръ.

Съ этого дня Супрамати съ новымъ жаромъ принялся за работу. Особенно онъ жаждалъ дисциплинировать свою мысль. Онъ цѣлые часы проводилъ передъ магическимъ зеркаломъ, и когда металлическій дискъ въ первый разъ отразилъ правильный и слегка окрашенный зеленый листъ, Супрамати почувствовалъ такую наивную радость, что Нара и Дагиръ разсмѣялись отъ всей души.

то изученіе магическихъ формулъ, въ которыхъ онъ ни-
ie понималъ, различныхъ кабаллистическихъ знаковъ и
го списка странныхъ именъ было ему въ высшей степени

противно, и только постояннымъ усиліемъ воли онъ заставлялъ себя пріобрѣтать это знаніе, казавшееся ему совершенно безплоднымъ. Часто онъ ослабѣвалъ и чувствовалъ глубокое утомленіе, не имѣвшее, впрочемъ, никакого отношенія къ его физическимъ силамъ, такъ какъ онъ неизмѣнно оставался сильнымъ и здоровымъ, но умственная работа становилась минутами для него невыносимой, хотя онъ и старался мужественно побороть подобную слабость.

Дагиръ внимательно слѣдилъ за состояніемъ души своего ученика и въ подобныя тяжелыя минуты всегда помогалъ ему или прерывая занятія на нѣсколько дней, которые посвящались отдыху и развлеченіямъ, или перемѣняя предметъ занятій, что тоже всегда давало отличные результаты. Прежняя его спеціальность нисколько не потеряла для Супрамати своего интереса, и странные и совершенно новые взгляды на искусство исцѣлять и разрушать, которые открывалъ ему его учитель, такъ же живо интересовали его, какъ и искусство думать, которое онъ съ такимъ жаромъ изучалъ.

Однажды, когда они долго говорили о леченіи различныхъ болѣзней, Супрамати неожиданно спросилъ:

— Объясни мнѣ, ради Бога, Дагиръ, почему необходимо быть хорошимъ докторомъ, чтобы сдѣлаться колдуномъ или магомъ низшаго разряда?

— Потому, что тѣло есть главный объектъ, на которомъ практикуется роковое знаніе колдуна, а это необходимое орудіе души есть очень сложная и требовательная машина. Поэтому магу обязательно знать всѣ средства, служащія для исцѣленія, а также и для разрушенія тѣла. Какъ докторъ, ты знаешь, что для образованія человѣческаго тѣла природа употребляетъ минеральныя, растительныя и животныя вещества, которыя поглощаются матерью и служатъ затѣмъ для поддержанія пламени капли первоначальной матеріи, которою родители одаряютъ будущее существо въ минуту зарожденія. Дѣйствіе другихъ, очень могущественныхъ агентовъ, каковы цвѣтъ, ароматъ и пр., еще не извѣстны современной наукѣ. Между тѣмъ, истинная медицинская наука заключается въ умѣньи пользоваться всѣми средствами для удаленія изъ организма излишнихъ веществъ и для введенія въ него недостающихъ. Поэтому тебѣ слѣдуетъ научиться находить всюду—и въ атмосферѣ, и въ царствахъ природы—агентовъ, способныхъ поддерживать силы и жизненность всякаго созданія, и въ то же время ты долженъ изучить средства разрушенія какъ оккультнаго, такъ и матеріальнаго.

— Я всегда очень интересовался ботаникой и чудесными свойствами, какими одарены растенія, но то, что я уже слышалъ онъ тебя, доказываетъ мнѣ, что я очень мало знаю въ этомъ отношеніи,—задумчиво замѣтилъ Супрамати.

— Это вполнѣ естественно, такъ какъ наука въ леченіи отводитъ второстепенное мѣсто растеніямъ. Въ своемъ жалкомъ

невѣжествѣ человѣкъ попираетъ ногами скромныхъ благодѣтелей человѣчества, произрастающихъ у его ногъ, такъ какъ природа въ своей мудрой предусмотрительности создала средство для каждой боли. Если бы доктора обладали лупой, похожей на наши магическія очки, они были бы крайне удивлены сдѣланными ими открытіями. Для доказательства того, что я говорю, я покажу тебѣ нѣкоторыя травы и корни подъ магическими очками, такъ какъ твой духовный взоръ еще не развился.

Дагиръ подошелъ къ большой дубовой шкатулкѣ съ металлическими углами, стоявшей на бронзовыхъ ножкахъ, и открылъ ее. Вся внутренность шкатулки была раздѣлена на отдѣленія, наполненныя травами, сухими цвѣтами, кореньями, пузырьками и драгоцѣнными камнями.

Супрамати наклонился и съ любопытствомъ сталъ разсматривать содержимое шкатулки; Дагиръ же вынулъ изъ двухъ смежныхъ отдѣленій растенія и положилъ на столъ.

— Ты хочешь показать мнѣ арнику и валеріанъ? — съ удивленіемъ спросилъ Супрамати.

— А ты ожидалъ видѣть какое-нибудь незнакомое растеніе, необыкновенное уже по одному своему виду? — съ улыбкой отвѣтилъ Дагиръ. — Я, видишь ли, съ намѣреніемъ выбралъ два эти хорошо знакомыя растенія, за которыми даже ваша гордая наука признаетъ цѣлебныя свойства, относя ихъ къ народнымъ средствамъ. Теперь возьми магическія очки и полюбуйся этими двумя великими князьями растительнаго царства во всемъ ихъ оккультномъ блескѣ. То, что ты увидишь, это высшая степень открытаго Гелленбахомъ свѣта, который издаютъ предметы, и который онъ назвалъ — Одъ. Тебѣ извѣстно, что это открытіе еще сильно оспаривается. Самое большое, что допускается какъ фактъ, — это то, что изъ концовъ пальцевъ и изъ кристалловъ исходятъ свѣтовые лучи различной окраски. При помощи этого инструмента ты увидишь астральную силу, исходящую изъ каждаго предмета. Посвященные видятъ ее безъ всякой помощи своимъ спиритуализованнымъ зрѣніемъ, которое тотчасъ же позволяетъ имъ судить, здоровое это вещество или вредное.

— Позволь мнѣ еще разъ осмотрѣть простымъ глазомъ этихъ великихъ князей растительнаго царства, чтобы я могъ лучше отдать себѣ отчетъ въ той разницѣ, какую затѣмъ сыщу, — сказалъ Супрамати, внимательно осматривая ничтожные, маленькіе цвѣты арники и потемнѣвшіе корешки. — Мои слѣпые и невѣжественные глаза не могутъ открыть ничего особеннаго въ этихъ двухъ представителяхъ растительнаго міра, — съ улыбкой замѣтилъ онъ, надѣвая странныя очки.

Минуту спустя, крикъ удивленія и восхищенія сорвался съ губъ Супрамати, до такой степени маленькое, скромное растеніе измѣнило свой видъ. Маленькіе, желтые лепестки казались звѣздами изъ жидкаго золота, а центръ преобразился въ шаръ сильнаго свѣта, который безпрестанно вибрировалъ. Изъ желтыхъ

лепесткомъ исходили маленькія иглы, похожія на электрическія, которыя, проходя сквозь голубоватое облако, казалось, ткали въ атмосферѣ тонкую, какъ паутина, ткань, покрывавшую растеніе свѣтящимся покровомъ, который вибрировалъ и былъ изборожденъ молніей.

— Видишь ты эту странную работу? Это флюидическій ткачъ. Онъ возобновляетъ ткань и исправляетъ поврежденія ткани, какъ флюидической, такъ и матеріальной, причиненныя пораненіемъ, ударомъ и пр. Отсюда его чудныя свойства, излечивающія раны и предупреждающія дурныя послѣдствія паденія и ударовъ. Живительный ароматъ арники немедленно же дезинфецируетъ поврежденное мѣсто, а маленькая электрическая машина разгоняетъ скопившуюся отъ удара кровь, замѣняетъ, гдѣ нужно, жизненное вещество и возобновляетъ ткань. Кромѣ того, арника обладаетъ способностью привлекать и скоплять въ себѣ громадное количество солнечнаго тепла. Ты можешь самъ представить себѣ, какое могучее дѣйствіе производятъ силы этого скромнаго растенія на организмъ человѣка, животнаго и даже растенія, когда знаютъ употреблять его для леченія сломанныхъ, измятыхъ и умирающихъ отъ истощенія растеній. Однако, не скрою отъ тебя, что изученіе всѣхъ цѣлебныхъ свойствъ этого растенія и ихъ употребленія представляетъ громадный трудъ. Теперь перейдемъ къ осмотру валеріана, — прибавилъ Дагиръ, убирая въ шкатулку арнику.

Молчаливый и сосредоточенный, Супрамати наклонился надъ корешкомъ, который тоже измѣнилъ свой видъ. Корень былъ теперь красенъ, какъ кровь. По немъ проходили толстыя жилы, съ электрическими узлами. Каждый изъ корней, казалось, былъ осыпанъ искрами, а въ центрѣ горѣло небольшое колеблющееся пламя, отъ котораго по всѣмъ жиламъ протягивались огненныя нити. Изъ всего растенія исходилъ пурпурный свѣтъ съ золотистымъ отливомъ, который образовалъ вокругъ него широкій ореолъ.

— Астральный огонь, скопившійся въ этомъ растеніи, будучи введенъ въ тѣло, возбуждаетъ жизнедѣятельность, успокоиваетъ и согрѣваетъ организмъ, дѣйствуя, главнымъ образомъ, на функціи мозга и на работу сердца,—сказалъ Дагиръ, снимая съ друга магическіе очки и убирая ихъ футляръ.

— Вѣроятно, другія растенія менѣе богато одарены, чѣмъ эти два князя растительнаго царства?—замѣтилъ Супрамати.

— И да, и нѣтъ! Нѣкоторыя растенія имѣютъ спеціальное назначеніе; но нѣтъ ни одной былинки травы, которая не обладала бы какимъ-нибудь роковымъ или благотворнымъ качествомъ. И это вполнѣ естественно, такъ какъ растеніе черпаетъ для себя изъ всего, что его окружаетъ. Атмосфера, токи звѣздъ, земля съ ея минералами, вода съ ея солями—все служитъ для его образованія.

Всѣ эти элементы съ ихъ неистощимыми богатствами, какъ

цѣлебными, такъ и разрушительными, находятся въ распоряженіи высшаго мага и даютъ ему почти фантастическое могущество, если прибавить еще ароматъ, звукъ и цвѣтъ этихъ агентовъ, двигающихъ вселенной, которыми онъ одинъ можетъ и умѣетъ управлять. Мы же можемъ только научиться пользоваться элементарными силами, изучая тайныя пружины могущественнаго зла, скрывающагося въ окружающемъ насъ хаосѣ.

И такъ, намъ необходимо научиться дѣлать зло, но мы никогда не должны пользоваться этимъ могуществомъ. Мы должны изучить силы зла, подчинить ихъ себѣ и пользоваться нашимъ знаніемъ для укрощенія ихъ.

— Если я хорошо тебя понялъ, то мы находимся въ положеніи всякаго честнаго человѣка, который знаетъ, что можно воровать для пріобрѣтенія благосостоянія, но смотритъ на воровство, какъ на позорное преступленіе, или который понимаетъ, что можно убить для удовлетворенія жажды мести, но ни за что на свѣтѣ не замараетъ своихъ рукъ убійствомъ.

— Ты очень точно формулировалъ мою мысль, дорогой Супрамати! Знакомство съ оккультнымъ зломъ дается не для злодѣяній, что было бы недостойно ума, стремящагося къ свѣту. Обладать могуществомъ дѣлать зло и никогда не причинять его—это достоинство высшаго посвященія.

— Почему допущены сношенія земнаго міра съ ужаснымъ міромъ нисшихъ духовъ?—замѣтилъ Супрамати.—Если бы только высшіе и добрые духи сообщались съ людьми и наставляли ихъ, сколько бы зла было избѣгнуто!

Дагиръ покачалъ головой.

— Твой вопросъ доказываетъ твое полное незнакомство съ загробнымъ міромъ. Невозможно воздвигнуть стѣну между двумя мірами, такъ тѣсно связанными между собой.

Существа, освободившіяся отъ тѣла и перешедшія въ другой міръ, остаются привязанными къ землѣ безчисленнымъ множествомъ фибръ любви, ненависти и привычки, которыя влекутъ ихъ къ тому мѣсту, гдѣ они жили. Смерть не можетъ разбить этихъ узъ, такъ какъ всякая вещь, какъ и всякая мысль и всякое чувство, будь то доброе или дурное, выдѣляетъ астральное вещество, создающее прочную связь. Такъ называемые мертвые—это невидимыя, но не отсутствующія существа. Для спиритуализованнаго взора, тѣ, о которыхъ думаютъ, что они навсегда исчезли въ неизвѣстной безднѣ, находятся среди насъ.

Только когда ты посѣтишь тотъ невидимый міръ, который окружаетъ насъ со всѣхъ сторонъ, уголокъ котораго видѣлъ Данте и который вполнѣ заслуживаетъ названіе ада, ты будешь въ состояніи составить себѣ понятіе о царящей тамъ жизни, о происходящихъ тамъ битвахъ и о розыгрывающихся буряхъ, на которыхъ наше грубое ухо не слышитъ. Не слыша и не видя ничего вокругъ себя, кромѣ ясной и спокойной атмосферы, населенной, самое большее, бацилами и атомами пыли, человѣкъ

наивно воображаетъ, что онъ одинъ живетъ и царитъ въ необъятномъ пустомъ пространствѣ, образующемъ, по его понятіямъ, вселенную.

— Нара мнѣ уже показывала множество существъ, толпящихся вокругъ насъ. Признаюсь, я дрожалъ при видѣ этого страннаго міра съ его поразительными тайнами,—отвѣтилъ Супрамати.

— Да, первая сфера, окружающая нашу планету, мѣсто далеко не пріятное, а ты еще видѣлъ только ея поверхность. Скоро я разсчитываю познакомить тебя съ нѣкоторыми начальниками адской корпораціи—демонами, по мнѣнію людей. Въ этомъ мірѣ я могу составить тебѣ протекцію. Въ высшія же сферы тебя введетъ когда-нибудь Эбрамаръ или кто-нибудь другой изъ посвященныхъ того же ранга.

— О! Когда же ты представишь меня господамъ демонамъ?—съ воодушевленіемъ вскричалъ Супрамати.

— Очень скоро, такъ какъ я вижу, что тебя очень утомило заучиваніе наизусть кабалистическихъ словъ и символическихъ знаковъ, въ которыхъ ты ничего не понимаешь,—со смѣхомъ отвѣтилъ Дагиръ.

— Да, это правда! Признаюсь, меня страшно раздражаетъ затверживаніе, подобно попугаю, безсмысленныхъ словъ,—согласился Супрамати.

Затѣмъ, онъ прибавилъ съ легкимъ колебаніемъ:

— Скажи мнѣ, страшны на видъ эти адскія существа?

Дагиръ покачалъ головой.

— Первое впечатлѣніе, которое выносятъ изъ посѣщенія этой адской сферы, ужасно! Я зналъ человѣка, который, безъ достаточной подготовки, проникъ въ этотъ міръ. Онъ умеръ черезъ двадцать четыре часа и волосы его въ нѣсколько часовъ побѣлѣли, какъ снѣгъ. Тебѣ же нечего бояться ничего подобнаго. Ты безсмертенъ и твои темныя кудри не рискуютъ потерять своего прекраснаго цвѣта.

— Это очень счастливо, такъ какъ иначе мнѣ пришлось бы остаться сѣдымъ на цѣлую планетную жизнь,—со смѣхомъ сказалъ Супрамати.

— О, нѣтъ! Есть средство вернуть (даже для простыхъ смертныхъ) волосамъ ихъ прежній цвѣтъ, а организму силу молодости.

— А тебѣ извѣстны подобныя средства, Дагиръ?

— Я имѣю нѣкоторыя указанія; настоящій же рецептъ этихъ, по истинѣ, чудесныхъ средствъ, которыми обладаютъ высшіе посвященные, мнѣ еще неизвѣстенъ.

По этому поводу я разскажу тебѣ одинъ довольно комическій случай, свидѣтелемъ котораго я былъ и который иллюстрируетъ мои слова.

Однажды я провелъ нѣсколько мѣсяцевъ у Эбрамара. Ежедневно мы совершали большія прогулки въ окрестностяхъ, во

время которыхъ онъ наставлялъ меня своимъ всегда интереснымъ разговоромъ.

Во время одной изъ такихъ экскурсій, мы зашли дальше обыкновеннаго, и у меня явилось желаніе отдохнуть и напиться чего-нибудь.

Эбрамаръ, который, какъ тебѣ извѣстно, читаетъ мысли, тотчасъ же сказалъ:

— Здѣсь, недалеко, живутъ бѣдные люди. У нихъ мы и отдохнемъ.

И дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ ходьбы мы увидѣли нѣсколько хижинъ, затерявшихся въ зелени.

Мы вошли въ первую попавшуюся хижину, принадлежавшую одной очень старой женщинѣ. Женщина эта поспѣшно подала намъ хлѣба и молока. Уходя, я далъ ей золотую монету.

Пока она разсыпалась въ благодарностяхъ, Эбрамаръ съ улыбкой наблюдалъ за ней.

— Я тоже, бабушка, не хочу остаться неблагодарнымъ за твое гостепріимство. Попроси у меня чего-нибудь: я магъ и могу исполнить твое желаніе.

Старуха съ любопытствомъ и недовѣріемъ посмотрѣла на него, а затѣмъ, со смѣшаннымъ чувствомъ боязни и лукавства, сказала:

— Мой добрый господинъ! Если ты дѣйствительно магъ, то сдѣлай такъ, чтобы у меня выросли зубы: если бы ты зналъ, какъ трудно ѣсть черствый хлѣбъ, имѣя всего только одинъ зубъ.

— Только-то? Съ удовольствіемъ!—отвѣтилъ Эбрамаръ.

Съ этими словами, онъ вынулъ изъ кармана родъ мѣшка, который ты знаешь и который онъ всегда носитъ съ собой, вынулъ оттуда пузырекъ и влилъ нѣсколько капель въ глиняный горшокъ съ водой.

Вода приняла мѣловой оттѣнокъ. Тогда Эбрамаръ сказалъ:

— Храни этотъ горшокъ въ темномъ и холодномъ мѣстѣ. Въ теченіи девяти дней полощи ротъ этой водой по три раза въ день: утромъ, въ полдень и вечеромъ. Черезъ шесть недѣль, не смотря на твои года, ты будешь въ состояніи грызть орѣхи и ѣсть корки, жесткія, какъ дерево.

Я былъ очень заинтересованъ и рѣшилъ сходить черезъ шесть недѣль узнать о дѣйствіи лекарства. Но въ то время у меня было такъ много занятій, что прошло нѣсколько мѣсяцевъ прежде, чѣмъ я могъ совершить предположенную экскурсію.

Старуху я засталъ сидящею передъ хижиной. Она, казалось, помолодѣла и съ аппетитомъ ѣла большой кусокъ хлѣба, показавшійся мнѣ не первой молодости.

— Ну что? Какъ ваши зубы?—спросилъ я.

Она быстро вскочила, простерлась и радостно вскричала:

— Да будетъ благословенъ Брама и его посолъ—божествен-

ный магъ! Благодаря его лекарству, у меня такіе зубы, что имъ могутъ позавидовать мои внуки.

Старуха открыла ротъ и показала мнѣ два ряда бѣлыхъ, какъ жемчугъ, зубовъ, которые составляли странный контрастъ съ ея старымъ, морщинистымъ лицомъ.

— Я такъ экономно полоскала, что могла еще удѣлить этой чудесной воды моей старой сестрѣ. У нея теперь тоже прелестные, новые зубы!—прибавила она.

Вернувшись домой, я разсказалъ про этотъ случай Эбрамару и просилъ его дать мнѣ рецептъ или, по крайней мѣрѣ, флаконъ этого чудеснаго вещества. Эбрамаръ много смѣялся надъ моимъ экстазомъ, но отказалъ мнѣ въ просьбѣ.

— Не думаешь ли ты составить себѣ въ Европѣ состояніе, надѣляя зубами недостойныхъ виверовъ, беззубыхъ кокотокъ, такъ какъ ты не рискуешь потерять зубы? — съ лукавствомъ замѣтилъ онъ.

На этомъ дѣло и кончилось. Но я знаю, что онъ обладаетъ положительно необыкновенными средствами, которыя привели бы въ недоумѣніе докторовъ. Такъ, во время нашихъ прогулокъ, я видѣлъ, какъ онъ излечилъ съ поразительной быстротой и безъ всякой операціи нѣсколькихъ слѣпыхъ, изъ которыхъ двое страдали катарактомъ. Что же касается исцѣленія паралитиковъ, то это для него не болѣе, какъ дѣтская игра.

— Какъ же онъ излечиваетъ катарактъ? — спросилъ Супрамати, поблѣднѣвъ отъ волненія.

— Онъ смачиваетъ глазное яблоко прозрачною жидкостью, съ зеленоватымъ оттѣнкомъ. Затѣмъ, онъ завязываетъ глаза платкомъ и кладетъ больнаго на землю въ такое мѣсто, куда не достигаютъ солнечные лучи. Черезъ извѣстный промежутокъ времени, который колеблется между четвертью часа и полутора часами, смотря по важности случая, больной встаетъ видящимъ и совершенно здоровымъ.

Черезъ нѣсколько дней, послѣ этого разговора, посвященныхъ отдыху въ обществѣ Нары, молодые люди снова переселились въ лабораторію, чтобы приготовиться къ предположенному свиданію съ обитателями загробнаго міра.

Они выдерживали особый режимъ въ пищѣ, который очень мало нравился Супрамати, такъ какъ всѣ подаваемыя блюда имѣли острый и непріятный вкусъ. Кромѣ того, все время онъ долженъ былъ оставаться въ темнотѣ, а масло единственной лампы, освѣщавшей комнату, издавало сильный и раздражающій запахъ. Наконецъ, Дагиръ предписалъ очень теплыя ванны, въ воду которыхъ онъ клалъ ароматическія травы, что всегда причиняло молодому человѣку удушье.

Если бы Супрамати не интересовался такъ свиданіемъ с

[illegible] бы [illegible], въ [illegible] и почувствовать [illegible] мистическимъ. Но разговоры съ товарищемъ поддерживали [illegible] и еще больше возбуждали интересъ, какъ что онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда кончится день, назначенный для приготовленія.

Наконецъ, насталъ назначенный день. Немного раньше полуночи оба молодые человѣка надѣли черное трико и черныя такого же цвѣта, плотно облегающіе контуры тѣла и совершенно скрывающіе волосы. Затѣмъ, Дагиръ повѣсилъ себѣ на шею магическій жезлъ, и оба они прошли въ лабораторію. Здѣсь [illegible] четыре свѣчи и треножники съ ароматическими травами, которыя съ трескомъ горѣли, распространяя острый и [illegible] дымъ. Затѣмъ Дагиръ и его товарищъ стали въ центръ магическаго круга, внѣ котораго голландецъ поставилъ два кресла.

Поднявъ обѣ руки, Дагиръ произнесъ размѣренныя [illegible] формулы заклинаній, уже извѣстныя Супрамати, и почти тотчасъ же на концѣ металлическаго жезла вспыхнуло кровавокрасное пламя. Тогда, пользуясь магическимъ жезломъ, какъ перомъ, Дагиръ начерталъ въ воздухѣ кабалистическій знакъ, линіи и знаки котораго фосфоресцировали, рѣя въ воздухѣ, выгорая и потрескивая, подобно искрамъ фейерверка.

Черезъ минуту, въ воздухѣ образовалось облако, быстро сгустившееся въ скиталь чернаго дыма, который скоро разлился, открывъ гигантскую фигуру человѣка, обтянутыя одежды котораго вырисовывали могучія формы и широкую грудь.

Два кроваво красныхъ крыла высились у него за спиной, а съ плечъ ниспадалъ воздушный, сѣроватый плащъ, который широко развивался и конецъ котораго терялся въ отдаленномъ сумракѣ. Этотъ плащъ, казалось, былъ сотканъ изъ безчисленнаго множества человѣческихъ лицъ, неясные контуры которыхъ сливались одинъ съ другимъ, и одни только фосфоресцирующіе глаза, какъ бриллианты горѣли въ облачной массѣ.

Лицо этого человѣка не было некрасиво. Правильныя черты длиннаго, костлявого лица дышали хитростью и энергіей, сверкающіе глаза казались двумя пожирающими пламенами, а два широкихъ фосфоресцирующихъ луча, исходившихъ изъ лба, имѣли видъ выпутыхъ роговъ.

— Привѣтъ тебѣ, Сарміэль! — сказалъ Дагиръ, кланяясь страшной фигурѣ, имѣвшей видъ вполнѣ живаго человѣка.

Затѣмъ, повернувшись къ Супрамати, который въ молчаливомъ ужасѣ смотрѣлъ на этого загробнаго посѣтителя, онъ прибавилъ:

— Дай твою руку, братъ, твоему новому союзнику, князю [illegible], блуждающихъ въ первой сферѣ нашей планеты. Ему [illegible] милліоны духовъ, злыхъ, недовольныхъ, возмущенныхъ и [illegible], отброшенныхъ въ пространствѣ послѣ жизни,

полной злодѣйствъ и преступленій. Онъ будетъ служить и помогать тебѣ, когда понадобится.

Безъ колебанія, энергично подавивъ внутреннюю дрожь, вызванную въ немъ видомъ этого необыкновеннаго существа, Супрамати подалъ свою руку. Въ ту минуту, когда ихъ пальцы соединились надъ магическимъ кругомъ, изъ жезла Дагира брызнуло пламя, которое, подобно огненной стрѣлѣ, пронизало ихъ руки, запечатлѣвъ, такимъ образомъ, заключенный союзъ. Загадочная улыбка скользнула по бронзовому лицу страшнаго демона, а его пылающій взоръ, на минуту, точно приросъ къ блѣдному, но рѣшительному лицу Супрамати.

— Не бойся меня!—сказалъ онъ глубокимъ, металлическимъ голосомъ.—Когда ты познакомишься съ моими подчиненными, ты убѣдишься, что въ ихъ омраченныхъ душахъ столько же звучитъ добра, сколько и зла. Намъ не созидаютъ часовенъ, въ нашу честь не курится ладонъ, намъ не поютъ благодарственныхъ гимновъ, а между тѣмъ, не одно преступленіе, не одинъ пожаръ и не одно несчастіе остановлено нашими руками. Мы только демоны, и никто не знаетъ тяжелой работы этихъ демоновъ на благо человѣчества. Впрочемъ, такъ всегда бываетъ! Благодарность принадлежитъ патентованнымъ благодѣтелямъ, палачей проклинаютъ, а судей прославляютъ.

Не передаваемая, презрительная иронія звучала въ послѣднихъ словахъ гиганта. Отказавшись рѣзкимъ жестомъ сѣсть въ кресло и продолжать разговоръ, духъ сдѣлалъ шагъ назадъ. По залѣ, со свистомъ, пронесся холодный порывъ вѣтра и видѣніе исчезло въ столбѣ чернаго дыма.

Когда исчезъ послѣдній клочекъ чернаго пара, Дагиръ произнесъ новое заклинаніе и начерталъ въ воздухѣ новый кабалистическій знакъ. Минуту спустя, у магическаго круга появилось новое видѣніе.

Новое лицо не было гигантомъ, подобно своему предшественнику. Это былъ высокій и стройный молодой человѣкъ, красная, плотно прилегающая одежда котораго вырисовывала чудныя формы. Блѣдное и прозрачное лицо его отличалось чудной, но зловѣщей красотой. Въ большихъ, темныхъ и непроницаемыхъ глазахъ его свѣтилось выраженіе непобѣдимой энергіи, смѣшанное съ холодной жестокостью. Улыбка, игравшая на его пурпурныхъ губахъ и открывавшая бѣлые, какъ жемчугъ, зубы, имѣла въ себѣ что-то, дѣйствительно, адское.

Плотно прилегающій чепчикъ покрывалъ его голову, надъ лбомъ, между двумя огнями, имѣвшими форму роговъ, высился небольшой, блестящій крестъ. На шеѣ у него была надѣта разноцвѣтная цѣпь, съ которой свѣшивалась на грудь большая золотая цѣпь. На рукѣ у него висѣла, свернутая вродѣ лассо, веревка, съ огненной стрѣлой на концѣ.

За этой фигурой разстилался обширный ореолъ, имѣвшій видъ пожара. Тамъ, слегка прикрытые дымчатымъ паромъ, стояли

два человѣка, одѣтые въ черное трико съ красными поясами, съ длиннымъ колеблющимся пламенемъ на спинѣ и съ маленькими крестами на лбу.

Вновь явившійся протянулъ свою тонкую и бѣлую руку съ классическимъ контуромъ и съ тонкими пальцами. Супрамати почти машинально подалъ свою — и молнія тотчасъ же запечатлѣла ихъ союзъ.

На этотъ разъ Дагиръ поклонился съ видимымъ почтеніемъ и сказалъ:

— Тотъ, съ кѣмъ ты сейчасъ заключилъ союзъ, мой братъ, есть царь ларвовъ. Достаточно священныхъ знаковъ и формулъ, чтобы ты могъ призвать къ себѣ на помощь въ нужную минуту его, его помощниковъ или одного изъ его подчиненныхъ. Ты еще не имѣешь истиннаго понятія о томъ, что такое ларвы, эти отвратительныя и вредныя существа, населяющія невидимый міръ и подстерегающія живыхъ, чтобы губить ихъ. Для укрощенія ихъ необходимъ такой могущественный владыка, какъ твой новый союзникъ.

Болѣе сообщительный, чѣмъ его предшественникъ, царь ларвовъ сѣлъ въ кресло и слушалъ эти слова, играя кольцомъ, украшеннымъ краснымъ камнемъ, напоминавшимъ каплю крови.

При послѣднихъ словахъ Дагира, полунасмѣшливое, полуусталое выраженіе скользнуло по красивому лицу духа.

— Твои слова—это еще мертвая буква для твоего ученика, Дагиръ,—сказалъ онъ съ легкимъ смѣхомъ.—Въ немъ еще слишкомъ живы ветхій человѣкъ, психіаторъ и современный человѣкъ, чтобы онъ могъ сразу войти въ нашъ міръ, такъ категорически отрицаемый непогрѣшимой наукой, допускающей только то, что можно осязать, взвѣсить и разсѣчь скальпелемъ.

— Ты правъ! Мой братъ Супрамати еще слѣпъ относительно многихъ вещей, но онъ исполненъ рвенія,—отвѣтилъ Дагиръ.—Чтобы вѣрить и понимать—надо видѣть. Я разсчитываю скоро побывать съ нимъ въ пространствѣ—вашемъ владѣніи. Могу я надѣяться, что ты поможешь показать ему ларвы при ихъ зловѣщей дѣятельности, а также, какимъ образомъ ты ихъ усмиряешь.

— Приходите, и я съ удовольствіемъ покажу вамъ свое царство,—отвѣтилъ съ улыбкой странный и зловѣщій посѣтитель.—Вы прекрасно выбрали время для своего посѣщенія. Земля въ изобиліи отсылаетъ намъ чудные экземпляры этихъ очаровательныхъ существъ, а воплощенные употребляютъ всевозможныя усилія, чтобы удовлетворить ихъ вкусамъ. У насъ дѣла по горло, такъ какъ ты самъ знаешь, что нѣтъ ничего труднѣй, какъ оторвать людей отъ хорошо сервированнаго стола. До свиданія!

Онъ всталъ, сдѣлалъ прощальный жестъ и, казалось, погрузился въ красный сумракъ, который разсѣялся и исчезъ съ быстрой молніи.

— Я покорилъ тебѣ двухъ страшныхъ повелителей арміи зла,—сказалъ Дагиръ, улыбаясь при видѣ недоумѣвающаго и взволнованнаго вида Супрамати.—Теперь мы вызовемъ еще нѣкоторыхъ главъ рабочихъ корпорацій и нисшихъ духовъ, какъ-то животныхъ и пр.

Передъ удивленнымъ и болѣе смѣлымъ взоромъ молодого человѣка продефилировалъ цѣлый рядъ существъ, однѣ страннѣе другихъ по своему виду и цвѣту. Его глазамъ открылся совершенно новый, незнакомый и поразительный міръ. Онъ чувствовалъ то, что долженъ былъ чувствовать первый ученый, открывшій при помощи микроскопа новый міръ, недоступный простому глазу. Наконецъ, разнообразіе и множество знаковъ и фармулъ, которыя Дагиръ произносилъ съ энергичной увѣренностью (всѣ его знали, и онъ всѣхъ зналъ), утомили Супрамати, и, не смотря на лихорадочный интересъ, съ которымъ онъ слушалъ и смотрѣлъ, онъ почувствовалъ что-то вродѣ слабости.

Замѣтивъ это, Дагиръ тотчасъ же объявилъ, что на сегодня довольно. Когда оба они вернулись въ свою комнату, онъ далъ Супрамати выпить кубокъ вина, а затѣмъ, приказалъ ему взять ванну.

— Теперь, прежде чѣмъ приступить къ чему-либо другому, я даю тебѣ отпускъ для отдыха. Пойдемъ! Нара насъ ждетъ ужинать. Ты вполнѣ заслужилъ удовольствіе увидѣться съ ней,— со смѣхомъ сказалъ голландецъ.

Супрамати, какъ во снѣ, послѣдовалъ за Дагиромъ. У него кружилась голова отъ всѣхъ вынесенныхъ впечатлѣній. Грезилъ онъ или все, что онъ видѣлъ, дѣйствительно существовало? Онъ боязливо сжалъ обѣими руками свой лобъ, смоченный потомъ. У него явилась мысль, не сошелъ-ли онъ съ ума, не находится-ли въ домѣ сумасшедшихъ и не созданіе-ли его больнаго мозга вся эта странная эпопея съ эликсиромъ жизни и со всѣми послѣдствіями его встрѣчи съ Нарайаной.

Громкій смѣхъ Дагира вывелъ его изъ задумчивости.

— Не бойся! Ты не сумасшедшій. Все, включая и твою очаровательную жену, есть реальная дѣйствительность.

Минуту спустя, оба они входили въ столовую, гдѣ ихъ ждала уже Нара.

Молодая женщина была весела и, какъ всегда, очаровательна. Она поцѣловала мужа, но когда онъ хотѣлъ начать разсказывать ей обо всемъ, что видѣлъ и слышалъ со времени ихъ разлуки, Нара со смѣхомъ перебила его:

— Пойдемъ ужинать! Свои впечатлѣнія ты разскажешь мнѣ послѣ. Дагиръ такъ скудно кормилъ тебя, что ты навѣрное очень голоденъ.

— Дѣйствительно, наше мэню оставляло многаго желать,— весело отвѣтилъ Супрамати.

Послѣ ужина, показавшагося Супрамати восхитительнымъ,

всѣ перешли въ гостиную. Когда всѣ трое удобно устроились передъ каминомъ, Нара спросила:

— Ну что? Видѣлъ ты его ларвское величество? Какъ онъ красивъ, не правда-ли? Онъ былъ бы вполнѣ обольстительнымъ, если бы только на немъ не лежала такая противная обязанность.

— Не хочешь-ли ты заставить меня ревновать, такъ открыто восхищаясь красотой короля ларвовъ?—съ улыбкой замѣтилъ Супрамати, цѣлуя руку жены.

Затѣмъ, минуту спустя, онъ прибавилъ:

— Мнѣ очень хотѣлось бы составить себѣ болѣе легкое понятіе о ларвахъ. Все, что я до сихъ поръ знаю о нихъ, очень недостаточно.

Нара сдѣлалась серьезна.

— Ларвъ, мой другъ,—это Нарайана. Это существо, которое, подобно гіенѣ, подкрадывается къ человѣку, чтобы питаться его жизненнымъ сокомъ, внушить ему свои собственныя неудовлетворенныя страсти и увлечь его въ бездну нравственной нищеты и физическихъ страданій. Тотъ, кого ты видѣлъ—великій благодѣтель человѣчества. Имя его неизвѣстно, и никто не знаетъ, сколько жертвъ избѣгло гибели, благодаря энергіи этого духа—неутомимаго труженика, который поддерживаетъ, спасаетъ и освобождаетъ. Его надо видѣть на дѣлѣ. Смѣлый и хладнокровный, онъ побѣждаетъ и покоряетъ самыя злыя, опасныя и отвратительныя существа, которыя блуждаютъ въ атмосферѣ тлѣнія. Трудъ противный (представь себѣ, что тебѣ пришлось бы бороться грудь съ грудью съ арміей прокаженныхъ), и искупленіе, которое онъ наложилъ на себя, иногда кажется ему свыше его силъ,но его поддерживаетъ желѣзная энергія.

— Да, энергія, но, кромѣ того, все его существо дышетъ жестокостью,—замѣтилъ Супрамати.

— Въ той средѣ, гдѣ онъ дѣйствуетъ, нужно и то, и другое. Ты не можешь себѣ представить, что происходитъ въ первой атмосферической сферѣ, окружающей нашъ земной шаръ. Ты меня лучше поймешь, когда сдѣлаешь экскурсію въ невидимый міръ.

— Развѣ это будетъ хуже того, что ты показывала мнѣ въ Венеціи?

— О, да, и, къ тому еще, въ другомъ родѣ!—со смѣхомъ отвѣтила Нара.

IV.

По прошествіи двухъ недѣль, посвященныхъ отдыху и проведенныхъ очень весело, Дагиръ объявилъ однажды утромъ, что пора снова приняться за работу, а также предпринять экскурсію въ невидимый міръ, что тоже требовало нѣкоторыхъ приготовленій.

Когда они снова перешли въ комнату, смежную съ лабораторіей, Супрамати спросилъ, какого приготовленія требуетъ странное путешествіе въ загробный міръ.

— Чтобы проникнуть въ невидимый міръ, прежде всего необходимо избавиться отъ тяжести тѣла...

Видя, что Супрамати громко расхохотался, Дегиръ весело продолжалъ:

— Я понимаю, что тебѣ кажется смѣшнымъ то, что я сказалъ, а между тѣмъ магія располагаетъ средствами, которыя приводятъ насъ съ состояніе, похожее на состояніе умершаго; другими словами, они приводятъ насъ въ такое же состояніе легкости, какимъ пользуются только духи, и въ то же время лишаютъ насъ матеріальнаго тѣла.

— Это просто невѣроятно!

— Вовсе не такъ невѣроятно, какъ кажется. Подобное же состояніе бываетъ у лунатиковъ, тѣла которыхъ теряютъ свой вѣсъ. Лунатики пріобрѣтаютъ необыкновенную ловкость. Многіе видѣли, какъ они пробираются черезъ отверстія, непроходимыя для всякаго другого, лазаютъ по крышамъ и прогуливаются по карнизамъ, на которыхъ едва можетъ помѣститься человѣческая нога. Однимъ словомъ, они доходятъ цѣлыми и невредимыми всюду, куда не пожелаютъ, если только ихъ не безпокоятъ. Только у лунатиковъ такое состояніе является непроизвольно и они не могутъ вызвать его по своему желанію; магъ же обладаетъ для этого вѣрнымъ средствомъ и знаетъ законы, которые должны быть приведены въ дѣйствіе, а потому онъ и достигаетъ болѣе совершенныхъ результатовъ. Такимъ образомъ, магъ можетъ подниматься на воздухъ, ходить по водѣ и уменьшать разстояніе, пользуясь для пробѣга его быстротой вихря. Всѣ эти факты, кажущіеся чудесными, подтверждены разсказами очевидцевъ, хотя наука и смѣется надъ ними. Такъ, напримѣръ, въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ упоминается о волхвѣ Симонѣ, который поднимался на воздухъ.

— При помощи демона?—улыбнулся Супрамати.

— Именно! Невѣждамъ и предубѣжденнымъ слѣпымъ неизвѣстныя силы всегда кажутся демономъ или бабьей сказкой,— съ ироніей отвѣтилъ Дагиръ.

Когда наступилъ вечеръ, голландецъ отвелъ своего ученика въ комнату, которой тотъ еще никогда не видалъ, и такъ тща-

тельно заперъ за собой дверь, что отъ нея не осталось и слѣда, и стѣна казалась цѣлой и сплошной.

— Здѣсь приготовительная лабораторія для путешествія, которое мы предполагаемъ предпринять. Воздухъ этой комнаты спеціально приготовленъ. Сядемъ и поговоримъ до полуночи. Когда настанетъ время, я скажу тебѣ, что нужно дѣлать.

Супрамати оглянулся кругомъ, но ничего не могъ разсмотрѣть. Комната была темна. Не горѣло ни свѣчей, ни лампы, и только черезъ очень большое готическое окно проникалъ блѣдный сумракъ. Около этого окна стояли два кресла. Дагиръ, который, казалось, хорошо зналъ топографію мѣста, подвелъ своего товарища къ окну. Здѣсь они сѣли и стали бесѣдовать.

Когда взошла луна, ея блѣдный, но яркій свѣтъ залилъ комнату и позволилъ Супрамати подробно осмотрѣть ее.

Это была круглая зала, почти такой же величины, какъ и лабораторія. По срединѣ стояло что-то вродѣ павильона со стеклянными стѣнами. Дальше, въ глубинѣ комнаты, виднѣлся бассейнъ; въ центрѣ его билъ фонтанъ, струя котораго, при свѣтѣ луны, переливала всѣми цвѣтами призмы.

Когда старые часы замка пробили полночь, Дагиръ всталъ.

— Пойдемъ! Намъ надо принять ванну,—сказалъ онъ.

Дагиръ быстро раздѣлся и прыгнулъ въ бассейнъ. Супрамати не заставилъ себя долго просить и послѣдовалъ его примѣру.

Молодому человѣку казалось, что никогда онъ не чувствовалъ себя такъ хорошо. Вода была не холодна, но отличалась необыкновенной свѣжестью. Она, казалось, ласкала тѣло и одаряла новой силой каждую фибру существа. Грудь дышала съ необыкновенной легкостью, а все тѣло казалось легкимъ, гибкимъ и сильнымъ, какъ никогда.

Супрамати охотно остался бы всю ночь въ этой чудной ваннѣ, но черезъ нѣсколько минутъ Дагиръ сказалъ:

— Довольно! Выходи и надѣвай эту одежду.

Дагиръ указалъ рукой на какую-то вещь, размѣромъ не больше вчетверо сложеннаго носового платка, которая лежала на столѣ.

Супрамати недовѣрчиво посмотрѣлъ на указанную вещь, а потомъ, со смѣхомъ, замѣтилъ:

— Послушай, другъ! Развѣ указанная тобой одежда годится для человѣка моего роста?

— Не бойся! Я такъ же высокъ, какъ и ты, а она мнѣ впору. Посмотри! Прежде всего ее надо развернуть и одѣвать на ноги. Покачавъ головой, Супрамати развернулъ пакетъ и вынулъ одежду, похожую на трико, даже съ капюшономъ для головы, но по размѣрамъ эта одежда годилась только для двухлѣтняго ребенка. Недоумѣніе его еще больше увеличилось, когда Дагиръ надѣлъ ее и она легко облегла все его тѣло.

Не колеблясь больше, Супрамати сталъ надѣвать трико, оказавшееся необыкновенно эластичнымъ. Оно было сдѣлано изъ

тонкой и мягкой, какъ самый мягкій батистъ, матеріи, при прикосновеніи же производило впечатлѣніе плотной атласной кожи.

Въ одно мгновеніе ока трико плотно облегло его, причемъ не только руки были закрыты, но и голова, такъ что оставалось открытымъ одно только лицо. Тѣмъ не менѣе одежда эта нисколько не стѣсняла движеній. Но при всей своей легкости, одежда эта была тепла какъ мѣхъ и производила во всемъ тѣлѣ колотье, какъ будто изъ нея исходилъ электрическій токъ. Въ общемъ, Супрамати чувствовалъ, что трико какъ будто слилось съ его собственной кожей, принявшей сѣро-стальной цвѣтъ.

— Да, даже трудно себѣ представить болѣе странный костюмъ. Изъ чего сдѣланъ этотъ костюмъ? Я никогда не видѣлъ ничего подобнаго,—спросилъ Супрамати, дѣлая цѣлый рядъ всевозможныхъ движеній для того, чтобы убѣдиться, что новая одежда не стѣсняетъ его.

— О! Еще много есть вещей, которыхъ ты не видѣлъ, мой дорогой докторъ Ральфъ Морганъ.—Такую же матерію, какъ эта, трудно найти въ магазинахъ Лондона. «Мы» называемъ ее кожей духовъ,—отвѣтилъ со смѣхомъ Дагиръ.

— Чортъ возьми! Это ровно ничего мнѣ не объясняетъ, дорогой мой учитель. Неужели духи мѣняютъ кожу подобно змѣямъ, а вы пользуетесь этой кожей, какъ дорожнымъ костюмомъ въ царство тѣней?

— Именно! Этотъ костюмъ необходимъ для того, чтобы проникнуть во владѣнія господъ мертвыхъ—въ пространство четвертаго измѣренія,—отвѣтилъ Дагиръ, открывая одну изъ стѣнокъ стекляннаго павильона, устроенную вродѣ двери, и приглашая своего друга слѣдовать за собой.

Супрамати находился какъ бы въ стеклянной комнатѣ, освѣщенной нѣжнымъ синеватымъ свѣтомъ луны. Посрединѣ стояли небольшой стеклянный столъ и два кресла. На столѣ стояла открытая шкатулка, содержащая два бокала, наполненные дымящеюся жидкостью цвѣта сафира, и два темныхъ куска, показавшихся ему пряниками.

— Сядемъ и выпьемъ за успѣхъ нашего путешествія,—сказалъ Дагиръ, садясь въ кресло.

Съ этими словами голландецъ залпомъ опорожнилъ бокалъ; Супрамати послѣдовалъ его примѣру. Жидкость, которую онъ выпилъ, была похожа на огонь, но не жгла, и вкусомъ напоминала старое, очень прянное вино. Но что его положительно привело въ восхищеніе, такъ это вкусъ темнаго тѣста. Тѣсто это разсыпалось во рту, было нѣжно, какъ медъ, и вкусомъ, какъ и ароматомъ, напоминало розы, лиліи, ваниль и другія незнакомыя ему вещества.

Охваченный пріятной истомой, Супрамати откинулся на спинку кресла. Чувство никогда не испытаннаго благосостоянія овладѣло имъ. Освѣжающій вѣтерокъ освѣжалъ ему лицо, а затѣмъ приподнялъ и, тихо колебая, увлекъ его въ пространство.

Сколько времени продолжалось такое безсознательное, полное нѣги состояніе, онъ самъ не могъ бы сказать, но, открывъ глаза, онъ увидѣлъ, что по прежнему сидѣлъ на креслѣ. Дверь павильона была открыта, а за порогомъ стоялъ Дагиръ, но Супрамати показалось, что онъ виталъ надъ землей.

— Пойдемъ! Пора!—сказалъ Дагиръ.

Супрамати всталъ, но почти тотчасъ же вскрикнулъ, потерявъ равновѣсіе. Онъ поднялся на воздухъ и нѣсколько разъ перекувырнулся. И чѣмъ больше онъ старался стать на ноги тѣмъ больше опрокидывался, витая въ воздухѣ. Онъ кувыркался и отбивался, какъ утопающій.

Страшно перепуганный, Супрамати закричалъ, между тѣмъ какъ Дагиръ смѣялся, какъ сумасшедшій. Взбѣшенный такою оскорбительною веселостью своего друга и наставника, молодой человѣкъ пробормоталъ задыхаясь:

— Какъ глупо смѣяться, когда я рискую сломать себѣ шею!

— О! Здѣсь нѣтъ для тебя никакого риска. Неужели ты забылъ, что ты безсмертенъ! — отвѣтилъ Дагиръ, не переставая смѣяться.

Затѣмъ, взявъ Супрамати подъ руку и поддерживая его, онъ сказалъ:

— Ну, иди же, какъ ходишь обыкновенно!

Они сдѣлали нѣсколько шаговъ вмѣстѣ; затѣмъ Супрамати замѣтилъ:

— Послушай! Я не чувствую подъ ногами земли; мнѣ кажется, что я хожу по пружинамъ, которыя сгибаются подо мной.

— Полно! Не говори глупостей, мой дорогой докторъ! Развѣ ты забылъ, что я предупреждалъ тебя, что наше тѣло потеряетъ свою тяжесть. Теперь мы, такъ сказать, витаемъ въ воздухѣ.

Супрамати оглянулся кругомъ. Увидя вокругъ себя открытое, темное пространство, онъ вырвалъ свою руку, глухо вскрикнулъ и сталъ дѣлать отчаянныя усилія, чтобы уцѣпиться за что-нибудь.

— Вотъ ужъ чисто человѣческая привычка: кричать при всякомъ удобномъ случаѣ! Чего кричишь ты? Боишься упасть? Такъ пойми же, что, потерявъ тяжесть, ты не можешь ни упасть, ни удариться, хотя бы тебя даже бросили на землю.

Съ этими словами Дагиръ сильно ударилъ его по затылку. Супрамати кувырнулся и опустился до полу, но почти тотчасъ же, легкій какъ перо, поднялся до уровня своего спутника. Несмотря на справедливое замѣчаніе своего наставника, онъ не могъ удержаться отъ новаго крика. На этотъ разъ онъ самъ посмѣялся надъ своей дурной привычкой и прибавилъ, взявъ снова Дагира подъ руку:

— Вотъ я и начинаю привыкать сохранять равновѣсіе! И такъ, мы можемъ идти! Но куда же мы отправимся? Посѣтимъ какую-нибудь планету?

— О! У тебя еще будетъ время предпринять такое далекое

путешествіе. Въ настоящую минуту мы ограничимся только посѣщеніемъ атмосферическихъ ложъ, которыя окружаютъ нашу планету и гдѣ скрывается невидимый для грубаго человѣческаго взора міръ.

Молодые люди подошли къ окну, которое Дагиръ открылъ, нажавъ пружину, скрытую въ стѣнѣ. Сильный порывъ воздуха, проникшій въ комнату, сначала отбросилъ ихъ назадъ, а потомъ увлекъ наружу. Съ минуту они крутились въ воздухѣ. Вокругъ нихъ все свистѣло, трещало и издавало странные звуки. Вдругъ окружавшая ихъ сѣроватая атмосфера раздалась съ сухимъ трескомъ, открывъ громадное пространство, залитое краснымъ, какъ зарево пожара, свѣтомъ. Въ то же время до слуха Супрамати долетѣли хаотическіе, раздражающіе звуки а тлѣнное вѣяніе окружило его моментально, стѣснивъ ему дыханіе.

— Что это значитъ? Гдѣ мы? — спросилъ Супрамати, съ удивленіемъ смотря на разстилавшуюся передъ нимъ безконечность, утопавшую въ пурпурномъ свѣтѣ.

— Это пространство четвертаго измѣренія—владѣніе безтѣлесныхъ,—съ улыбкой отвѣтилъ Дагиръ.

— Слѣдовательно, въ данную минуту мы изображаемъ изъ себя нѣчто вродѣ умершихъ?

— Почти что такъ! Мы проникаемъ въ ихъ царство и испытаемъ впечатлѣніе, подобное тому, какое испытываетъ душа, покидая тѣлесную оболочку.

Во время этого разговора, могучее теченіе воздуха продолжало увлекать ихъ со стремительной быстротой. Вдругъ Супрамати показалось, что они приближаются къ городу, строенія котораго тонули въ красноватомъ сумракѣ. Они спустились съ такою же быстротой и очутились въ какой-то улицѣ, обрамленной высокими домами съ неясными контурами. Вокругъ нихъ толпились мужчины и женщины всѣхъ возрастовъ и положеній, дѣти и даже животныя. Всѣ эти люди бѣгали, толкались и, казалось, были полны какой-то лихорадочной дѣятельности. Лица ихъ были сосредоточены, глаза пылали, но никакъ нельзя было понять, какую цѣль преслѣдовали они въ своемъ странномъ стремленіи. Одни были одѣты въ самые разнообразные костюмы; другіе покрыты черными тряпками, но большинство были наги и имѣли въ высшей степени отвратительный видъ.

Большая часть этихъ субъектовъ то исчезала въ домахъ, то снова выходила изъ нихъ.

— Вѣдь все это духи? Не правда ли?—освѣдомился Супрамати.

— Да, мы находимся въ какомъ-то большомъ городѣ, но какомъ,—я не могу сейчасъ сказать тебѣ, такъ какъ мы находимся въ совершенно иныхъ условіяхъ, чѣмъ въ матеріальной жизни, и мнѣ трудно немедленно же оріентироваться. Такимъ образомъ, мы болѣе ясно видимъ дома, которые осаждаются духами для удовлетворенія, по мѣрѣ возможности, своихъ плотскихъ

аппетитовъ. Всѣ эти безтѣлесные, которые, какъ ты видишь, бѣгаютъ по всѣмъ направленіямъ—это завистливые братья живыхъ, исполненные всѣми плотскими желаніями. Все это преступные лѣнивцы, жизнь которыхъ протекла безполезно и которые пылаютъ теперь ненавистью и ревностью къ живымъ.

— А кто вонъ тѣ, которые бѣгаютъ, какъ безумные—съ растерянныимъ и испуганнымъ взглядомъ?

— Дураки, которые не хотятъ понять, что они умерли и ищутъ свои жилища. Но идемъ дальше! Здѣсь нѣтъ ничего интереснаго,—прибавилъ Дагиръ.

Пока они шли дальше, но уже гораздо медленнѣй, Супрамати спросилъ:

— Отчего окружающая насъ атмосфера имѣетъ красный цвѣтъ?

— Это отраженіе собранныхъ здѣсь плотскихъ эманацій.— отвѣтилъ Дагиръ, останавливаясь передъ большимъ домомъ съ массивнымъ подъѣздомъ.

Не прикасаясь къ ступенькамъ лѣстницы, они вошли въ домъ и проникли въ большую, ярко освѣщенную залу, въ которой кончало пиръ многочисленное общество кавалеровъ и дамъ. Столъ, убранный серебромъ, хрустальной посудой и цвѣтами, былъ въ безпорядкѣ. Множество пустыхъ бутылокъ, разгорѣвшіяся лица собесѣдниковъ и ихъ потускнѣвшіе взгляды и разстроенный видъ доказывали, что были сдѣланы обильныя возліянія Бахусу. Нѣсколько мужчинъ спали, громко храпя.

На этотъ разъ передъ нашими путниками находились живые люди или, вѣрнѣй, воплощенные, какъ это доказывали живость красокъ, опредѣленность контуровъ и почти животная компактность тѣла. Вокругъ же нихъ толпилась масса отвратительныхъ существъ, принадлежавшихъ къ загробному міру. Они присасывались къ воплощеннымъ и къ блюдамъ, стоявшимъ на столѣ. Пожирающіе и жадные взгляды, какіе они бросали на присутствующихъ и на остатки пира, ясно доказывали, насколько въ нихъ были еще живы всѣ плотскія желанія. Нѣкоторые прижимались своими посинѣвшими губами ко рту живыхъ, жаждя ихъ жизненнаго сока, который въ видѣ розоватаго пара исходилъ изъ ихъ рта, оконечностей и вершины головы.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ стола, опрокинувшись въ креслѣ, полулежалъ еще молодой человѣкъ, очевидно мертвецки пьяный. Жилетъ его былъ разстегнутъ, галстухъ разорванъ, а блѣдное лицо было испещрено красными пятнами. Обвивъ его шею почернѣвшими руками, покрытыми ранами, къ нему прижалась совершенно обнаженная женщина. Длинные и густые растрепанные волосы ея окутывали ее, какъ плащемъ изъ чернаго дыма. Ртомъ она прижалась къ тому мѣсту, гдѣ было сердце. Женщина эта съ такою силой высасывала у своей жертвы жизненный сокъ, что лицо молодого человѣка покрылось

смертельною блѣдностью, грудь трепетала и болѣзненныя подергиванія пробѣгали по всему тѣлу.

Среди шума, смѣха и оживленія все еще продолжавшагося пира никто не замѣчалъ, что онъ повидимому сильно страдалъ и корчился, какъ будто подъ тяжестью кошмара.

Между тѣмъ, отвратительное существо продолжало свое дѣло разрушенія, не смотря на всѣ усилія двухъ человѣкъ, одѣтыхъ въ черное, въ которыхъ Супрамати узналъ помощниковъ духа, названнаго Дагиромъ царемъ ларвовъ.

Оба эти существа съ видимымъ безпокойствомъ склонились надъ страдающимъ человѣкомъ. Они отталкивали женщину и осыпали ее потокомъ электрическихъ искръ, но все было тщетно. Она, какъ паукъ, вцѣпилась въ свою жертву и не выпускала ее.

Тогда одинъ изъ нихъ поднесъ къ губамъ красный рожокъ, висѣвшій у него на шеѣ. Раздался пронзительный, раздирающій звукъ. Тотчасъ же въ воздухѣ появился огненный зигъ-загъ, отливавшій всѣми цвѣтами призмы.

Ларвъ вздрогнула, но очевидно жажда наслажденія была сильнѣй страха, такъ какъ женщина съ удвоенной яростью присосалась къ пьяному человѣку, лицо котораго внезапно покрылось багровымъ румянцемъ, а ротъ полуоткрылся, точно онъ задыхался. Въ эту минуту раздался пронзительный свистъ, а затѣмъ легкій трескъ—и въ двухъ шагахъ отъ отвратительной группы, лежавшей въ креслѣ, появилась высокая фигура царя ларвовъ.

Онъ былъ прекрасенъ и ужасенъ со своимъ безстрастнымъ лицомъ, съ пылающимъ и жесткимъ взглядомъ, окруженный дымчатымъ, пурпурнымъ ореоломъ. Онъ поднялъ руку и огненная стрѣла ударила въ затылокъ ларва. Женщина обернулась, какъ укушенная змѣей, но не повиновалась приказанію оставить свою жертву. Тогда вторая струя огня поразила другой нервный центръ. Послышалось шипѣнье, какое издаетъ вода, попавъ на раскаленное желѣзо. Женщина испустила хриплый, раздирающій крикъ, опустилась на землю и стала ползти къ своему укротителю.

Теперь только Супрамати увидѣлъ бѣлое, какъ мѣлъ, красивое лицо женщины, на которомъ губы выдѣлялись, точно кровавое пятно.

Всѣ пороки и всѣ неудовлетворенныя страсти отражались на этомъ лицѣ, искаженномъ въ данную минуту смѣшаннымъ выраженіемъ ужаса и адской злобы.

Вдругъ она неожиданно сдѣлала прыжокъ назадъ и снова набросилась на человѣка, лежавшаго въ креслѣ. Тотъ застоналъ и быстро поднесъ руку къ сердцу

Гнѣвное пламя вспыхнуло въ глазахъ царя ларвовъ. Висѣвшая у него на рукѣ, свѣтящаяся веревка развернулась съ быстротой молніи, обвила отвратительное созданіе, связала е

и бросила на полъ. Въ то же время масса огненныхъ искръ посыпалась на женщину. Она каталась, подобно черному шару, терзаемая пламенемъ, воя, свистя и издавая удушливый запахъ тлѣнія. Тотчасъ же нѣсколько помощниковъ схватили ее и увлекли въ пространство.

Тогда духъ повернулся къ Супрамати и его наставнику.

— Привѣтъ тебѣ, Дагиръ, и тебѣ, новый товарищъ нашъ! Еще въ первый разъ ты присутствовалъ при оккультной смерти, которую доктора не преминутъ приписать разрыву сердца или параличу мозга. Ха, ха, ха!

Насмѣшливый и презрительный смѣхъ вырвался изъ его губъ. Затѣмъ, сдѣлавъ рукой прощальный знакъ, онъ исчезъ такъ же неожиданно, какъ и появился.

Взглядъ Супрамати съ невольнымъ ужасомъ перешелъ къ креслу. Лицо молодого человѣка отличалось неподвижностью смерти. Только теперь на него обратили вниманіе, такъ какъ нѣсколько пирующихъ склонились надъ трупомъ, пытаясь привести его въ чувство. Остальное общество, съ блѣдными и разстроенными лицами, толпилось вокругъ.

— Отчего онъ не могъ спасти этого несчастнаго? Ты мнѣ говорилъ, однако, что этотъ повелитель ларвовъ спасаетъ безчисленное число жертвъ?—спросилъ Супрамати.

— Безчисленное—да, но не всѣхъ. Въ настоящемъ случаѣ условія были слишкомъ неблагопріятны. Истощенный излишествами организмъ представлялъ слишкомъ легкую добычу для адской жрицы порока, привлеченной сюда нечистыми желаніями и эманаціями оргіи. Душа, обезсиленная пьянствомъ жертвы, не имѣла силы защищаться противъ ненасытнаго вампира, жаждущаго плотскаго флюида—и вотъ, этотъ человѣкъ заплатилъ жизнью за свои излишества. Спаситель явился слишкомъ поздно. Онъ не могъ удержать жизнь, ручьемъ вытекавшую изъ истощеннаго излишествами организма. И сколько подобныхъ смертей ежедневно заносятся въ списки вселенной! — со вздохомъ закончилъ Дагиръ.

— Какова же будетъ участь этой души, такъ неожиданно и такъ недостойно оторванной отъ тѣла среди вакханаліи?— спросилъ Супрамати.

— Она будетъ жаждать наслажденій, какъ и ея палачъ. Страждущая и вѣчно неудовлетворенная, она будетъ блуждать по мѣстамъ, посвященнымъ наслажденіямъ, пытаясь вырвать у воплощенныхъ хоть частичку ихъ ощущеній. Но идемъ! Я хочу показать тебѣ кладбище. Ты еще не видѣлъ проясненнымъ взглядомъ подобнаго мѣста. Для тебя это представитъ очень интересное зрѣлище.

Минуту спустя, Супрамати увидѣлъ обширное мѣсто, обнесенное стѣной и засаженное деревьями, сквозь листву которыхъ ѣлѣло множество крестовъ. По обѣимъ сторонамъ длинныхъ лей, обсаженыхъ деревами, высились погребальные памятники

и богатые, и бѣдные. Одни были вновь сооружены, другіе—старые, поросшіе мохомъ, съ полу стертыми подписями.

Вдали виднѣлись бѣлыя стѣны и золоченый куполъ церкви. Луна заливала своимъ блѣднымъ свѣтомъ это мѣсто вѣчнаго упокоенія, какъ называютъ его люди, хотя, очевидно, оно не даетъ покоя послѣ бурной жизни, такъ какъ здѣсь по аллеямъ, какъ по улицамъ, бѣгала или тихо ходила цѣлая толпа озабоченныхъ, недоумѣвающихъ, мрачныхъ, или озлобленныхъ существъ.

Около многихъ монументовъ стояли сѣроватыя, воздушныя существа, съ неясными контурами. Одни изъ нихъ казались печальными и какъ бы потерянными; другія же говорили съ воодушевленіемъ.

Среди послѣднихъ виднѣлись лица, искаженныя гнѣвомъ и ревностью. Вызывающіе, полные ненависти, молніеносные взгляды, прорѣзывавшія атмосферу, и клубы чернаго дыма, окружавшіе ихъ, указывали, что эти разговоры были далеко не спокойны и дружественны.

Близь одной изъ такихъ группъ Дагиръ остановился и сдѣлалъ знакъ своему спутнику прислушаться. Здѣсь, въ небольшомъ разстояніи одинъ отъ другого, находились два памятника, различныхъ на видъ.

Одинъ изъ памятниковъ былъ великолѣпная часовня изъ бѣлаго мрамора, въ центрѣ которой стоялъ бюстъ, изображавшій молодого и довольно красиваго человѣка, вульгарнаго на видъ. Великолѣпная бронзовая золоченая рѣшетка окружала памятникъ, украшенный множестомъ металлическихъ и фарфоровыхъ вѣнковъ. Другая могила имѣла очень скромный и запущеный видъ и, безъ сомнѣнія, была забыта. Каменная плита заросла травой, желѣзный крестъ покосился, а рѣшетка носила слѣдъ разрушенія.

На мраморныхъ ступеняхъ часовни сидѣлъ оригиналъ бюста и съ насмѣшливымъ и презрительнымъ видомъ слушалъ горячія слова блѣднаго и худого человѣка, съ профилемъ хищной птицы, который кричалъ, сильно жестикулируя:

— Тебѣ нечего гордиться, презрѣнный паразитъ, и хвастаться своимъ великолѣпнымъ, большимъ и украшеннымъ цвѣтами памятникомъ! Прежде чѣмъ упрекать меня за бѣдный крестъ, стоящій на моей могилѣ, тебѣ слѣдовало бы вспомнить ,что эта мраморная часовня выстроена тебѣ на мои деньги и что на мои же деньги жили и наслаждались ты, негодяй, и презрѣнная женщина, котсрую я вытащилъ изъ грязи, чтобы сдѣлать своей женой.

— Хи, хи, хи!—насмѣхался другой.—Не волнуй своей желчи, старый Гарпагонъ! Ты всегда отличался такими скромными вкусами, что твоя жена, не желая тебя раздражать, поставила тебѣ такой плохенькій памятникъ. Я же—дѣло другое: я всегда любилъ роскошь. Впрочемъ, я понимаю твою досаду: ты завп-

дуешь сожалѣніямъ и слезамъ, которыя проливаютъ въ мою память.

Первый насмѣшливо расхохотался.

— О! Я нисколько не завидую любви и сожалѣніямъ, которыя тебѣ расточаютъ. Они значительно уменьшились, какъ и свѣжіе цвѣты, которыхъ эта добрая женщина не приноситъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ нашла новаго любовника для утѣшенія своей старости. Когда же ты пролежишь подъ землей восемнадцать лѣтъ, какъ я, то забудутъ даже твое имя. Но это нисколько не мѣшаетъ тому, что неблагодарность этой мегеры ко мнѣ, своему благодѣтелю, возмутительна. Мнѣ стыдно моихъ знакомыхъ и тѣхъ, кто приходитъ навѣстить меня, когда они видятъ этотъ несчастный камень и убѣждаются въ томъ недостаткѣ уваженія, какое оказываетъ мнѣ эта негодница. Она не отслужила по мнѣ ни одной заупокойной обѣдни. Къ общему скандалу, я долженъ бѣгать по обѣднямъ, которыя служатся другимъ.

Обладатель мраморной часовни ядовито возразилъ на эти слова. Споръ все обострялся, но Супрамати не слыхалъ его, объявивъ, что не стоитъ слушать спора двухъ негодяевъ.

— Великій Боже! Возможно ли, чтобы духи тщеславились своими погребальными монументами и чтобы подобные, совершенно земные пустяки возбуждали въ нихъ соперничество и вызывали ссоры?—замѣтилъ Супрамати.

— Ты все забываешь, что смерть касается только тѣлесной оболочки человѣка. Изъ тѣлесной темницы, пришедшей въ состояніе разрушенія, вырывается душа со всѣми ея слабостями и добродѣтелями, и хвастунъ, не имѣя больше чѣмъ хвастать, кичится изяществомъ своего гроба и богатствомъ надгробнаго памятника.

Вообще ты видишь, что люди совершенно напрасно воображаютъ, что за гробомъ царитъ полнѣйшая нечувствительность уничтоженія.

Всѣ человѣческія чувства воплощеннаго, его радости и огорченія—волнуютъ и невидимый міръ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, прислушайся къ тому, что говорятъ здѣсь. Взгляни хоть на эту женщину, отмѣченную краснымъ крестомъ. Это знакъ, что она самовольно покончила со своей жизнью. Эта несчастная, какъ и живая, чувствуетъ потребность высказаться, и найдя симпатичную душу, повѣряетъ ей свое горе.

Часть кладбища, гдѣ они находились въ эту минуту, была гораздо бѣднѣй. Здѣсь деревянные кресты смѣнили мраморные и бронзовые монументы.

Около одной изъ такихъ могилъ, съ простымъ бѣлымъ крестомъ, сплошь покрытой живыми цвѣтами, стояли тѣни самоубійцы и молодой дѣвушки съ печальнымъ и нѣжнымъ лицомъ. Сѣроватая туника послѣдней, казалось, была покрыта серебристымъ и легкимъ покрываломъ. Дѣвушка эта, очевидно, стара-

лась утѣшить свою собесѣдницу—мрачнаго и страждущаго духа, закутаннаго въ тяжелый, черный плащъ.

— Ты не въ состояніи вполнѣ понять моего горя,—съ горечью отвѣтила самоубійца.—Ты счастлива! Родители и женихъ оплакиваютъ тебя, всегда свѣжіе цвѣты украшаютъ твою могилу—и духи съ уваженіемъ смотрятъ на эти видимые знаки той памяти, какую ты оставила по себѣ. Наконецъ, ты можешь свободно перемѣщаться, тогда какъ я!.. Чего не перестрадала я въ жизни? Одинская, покинутая, безъ крова и пищи, я пришла въ отчаяніе и покончила съ собой. Неужели я не была уже достаточно наказана тѣмъ, что была такъ несчастна, что самое драгоцѣнное благо человѣка—жизнь сдѣлалась мнѣ невыносимой и что я возмутилась несправедливостью, безъ всякой причины осуждавшей меня, отказывая мнѣ въ мѣстѣ на жизненномъ пиру, на которое я имѣла право, какъ и всякій другой? Повѣрь мнѣ, не легко умирать, когда въ молодомъ и сильномъ организмѣ трепещетъ желаніе жить и быть счастливой! А между тѣмъ, роковая судьба преслѣдовала меня даже въ самой смерти. Люди, такіе же жестокіе, какъ и судьба, отказали мнѣ даже въ приличной могилѣ: какъ какое-нибудь нечистое животное зарыли они самоубійцу въ углу кладбища, безъ молитвы, не поставивъ даже креста на покрывающей меня землѣ!

А между тѣмъ мнѣ такъ нужны молитвы, чтобы очиститься отъ міазмовъ, которые душатъ меня, чтобы избавиться отъ тяжести матеріи, которая кипитъ въ моемъ флюидическомъ тѣлѣ и которую не могли истощить ни нищета, ни слезы, ни жестокая борьба моего земного существованія.

— Ободрись, моя бѣдная, страждущая сестра!—нѣжно сказалъ духъ молодой дѣвушкѣ.—Безъ сомнѣнія, по мнѣ скоро будутъ служить заупокойную обѣдню. Тогда ты пойдешь со мной въ церковь и мы вмѣстѣ будемъ молиться. Пѣснопѣніе, ароматъ ладана, молитвы и слезы присутствующихъ благотворно подѣйствуютъ на тебя. Я поддержу тебя, буду молиться съ тобой—и божественное милосердіе разсѣетъ омрачающія тебя тѣни.

Затѣмъ, ты не должна уединяться. Молись и призывай друзей пространства: они явятся утѣшить тебя. Смотри безъ горечи на свою одинокую могилу. Господь не дѣлаетъ различія между ней и самымъ пышнымъ монументомъ. Трава и цвѣты ростутъ на ней и на нее приходятъ играть дѣти — эти земные ангелы, которые въ своей невинности и беззаботности танцуютъ и поютъ на покрывающей насъ землѣ, не думая о роковомъ часѣ, когда они тоже сложатъ свой багажъ и займутъ мѣсто среди насъ: одни—оплаканные близкими, другіе—разбитые, усталые и забытые всѣми. Подумай обо всемъ этомъ, бѣдная сестра моя! Тогда прошлое покажется тебѣ менѣе горькимъ и ты забудешь его, чтобы думать о будущемъ.

— Отдохнемъ здѣсь,—пробормоталъ Дагиръ.—Я люблю эти

города мертвыхъ съ ихъ особой жизнью—отраженіемъ земного тщеславія и гордости. Но здѣсь парятъ такъ же, подобно серебристому пару, самые чистые душевные порывы, какъ, напримѣръ, истинная любовь, такъ какъ у гроба угасаетъ всякій интересъ. Только истинная любовь и искреннія слезы сопровождаютъ человѣка за гробомъ, а горе, выражаемое здѣсь — это есть самая чистая эссенція привязанности, которая ничего не спрашиваетъ и ничего больше не ждетъ и которая связуется съ покойнымъ узами воспоминанія, въ которыхъ исчезаютъ всѣ обиды и разногласія и остаются только любовь и добро. Намъ наша странная судьба отказываетъ въ отдыхѣ подъ землей для приготовленія къ новой жизни, но я люблю эти города мертвыхъ, гдѣ покоятся столько угасшихъ поколѣній.

— Я понимаю тебя, Дагиръ! Какъ и ты, я любилъ посѣщать кладбища и размышлять тамъ. Въ Лондонѣ я часто ходилъ туда по воскресеньямъ. Тогда я былъ бѣденъ и боленъ, и мое переселеніе въ вѣчность казалось близкимъ. По цѣлымъ часамъ думалъ я о загробной жизни, смотря на могилы, изъ которыхъ каждая представлялась мнѣ тайной. Тамъ, подъ каждымъ могильнымъ холмомъ, таилась сущность человѣческой жизни, и надгробный камень скрывалъ отъ смертныхъ эпилогъ ея. Какой богатый архивъ, думалъ я, для романистовъ, если бы можно было приподнять эти плиты и изучить эти исчезнувшія жизни— жизни настоящія, истинныя, а не лживыя, хвалебныя описанія. Сколько открылось бы неизвѣстныхъ трагедій и невѣроятныхъ приключеній!

Продолжая разговаривать, они ходили по кладбищу и разсматривали его обитателей, какъ вдругъ Супрамати вскричалъ:

— Посмотри, Дагиръ! Что это за толпа тамъ, налѣво? Можно подумать, что какая-то процессія. Только отчего среди этой толпы находятся и животныя, быки, овцы и птицы? И все это свиститъ, реветъ, плачетъ и молится. Я не могу понять, куда бѣжитъ эта обезумѣвшая толпа? Вѣроятно, они бѣгутъ отъ какой-нибудь неожиданной катастрофы.

Дагиръ улыбнулся.

— Да, съ ними случилась катастрофа, но катастрофа, неизбѣжная для всякаго живущаго. Катастрофа эта — смерть! Люди умерли, а животныя были убиты на бойнѣ. Флюидъ разложенія привлекъ ихъ другъ къ другу. Какъ тѣ, такъ и другія не могутъ еще отдать себѣ отчета во внезапной перемѣнѣ, происшедшей въ ихъ существованіи. Особенно несчастны невѣрующіе. Видя, что они живы, и обладая всѣми человѣческими органами, они упрямо продолжаютъ считать себя еще на землѣ и жадно ищутъ толпы, такъ какъ одиночество пугаетъ ихъ. Другіе ищутъ друзей, чтобы спросить у нихъ объясненій. Но такъ какъ большая часть еще очень матеріальна, то флюидъ

разложенія привлекаетъ ихъ и они образуютъ компактныя толпы, подобныя той, какую ты видишь здѣсь.

Съ любопытствомъ, смѣшаннымъ со страхомъ, смотрѣлъ Супрамати на всѣ новые для него феномены. Незнакомый міръ, куда онъ такъ странно проникъ, все болѣе и болѣе интересовалъ его. Воспоминанія, сначала смутныя, а затѣмъ болѣе ясныя, возстали въ его мозгу. Онъ уже былъ здѣсь; онъ видѣлъ это пространство, тонущее въ кровавомъ свѣтѣ, и испытывалъ ощущеніе страха и недоумѣнія, которое отражалось на испуганныхъ лицахъ существъ, которыя проходили мимо него.

Погрузившись въ свои мысли, Супрамати не замѣчалъ времени и былъ крайне удивленъ, когда увидѣлъ, что они снова вернулись къ могилѣ молодой дѣвушки. По тѣнистымъ аллеямъ теперь ходили живые люди, а число безплотныхъ значительно уменьшилось.

— Теперь день и всевозможные люди приходятъ навѣстить могилы своихъ близкихъ,—отвѣтилъ Дагиръ на вопросъ своего спутника.—Здѣсь перемѣны дня и ночи не чувствительны. Но посмотри! Вотъ идетъ семейство молодой дѣвушки, которую мы видѣли. Они опять несутъ свѣжіе цвѣты.

— Послушай, Дагиръ! Теперь свѣтло и я боюсь, какъ бы насъ не увидѣли. Такъ какъ мы витаемъ въ воздухѣ, то прохожіе будутъ удивлены, видя такихъ необычныхъ посѣтителей. Это было бы ужасно! Уйдемъ лучше!

— Оставайся и будь спокоенъ! Въ настоящую минуту, благодаря условіямъ, въ которыхъ мы находимся, никто насъ не увидитъ.

Успокоенный на этотъ счетъ, Супрамати сталъ разсматривать родственниковъ духа, внушившаго ему участіе къ себѣ. Это было семейство достаточнаго рабочаго, состоявшее изъ двоихъ мужчинъ, женщины среднихъ лѣтъ и троихъ дѣтей, въ числѣ которыхъ были двѣ маленькія дѣвочки двѣнадцати и десяти лѣтъ. У всѣхъ были въ рукахъ цвѣты, и всѣ дружно стали украшать могилу, убирая увядшіе цвѣты и обвивая крестъ свѣжими гирляндами.

Одна только старшая дѣвочка не принимала участія въ общей работѣ и бродила между могилами. Она задумчиво остановилась у могилы самоубійцы, а затѣмъ сѣла на траву у памятника сестры.

Это былъ нѣжный ребенокъ, блѣдный и худой, съ болѣзненнымъ видомъ. Задумчивые, лихорадочно горѣвшіе глаза ея, казалось, уже смотрѣли въ загробный міръ, а вся ея фигура дышала грустью и меланхоліей существъ, которымъ суждено умереть въ молодыхъ годахъ.

Вдругъ Супрамати съ удивленіемъ увидѣлъ, какъ около дѣвочки появилась неясная фигура умершей и положила свою руку ей на голову.

Минуту спустя, дѣвочка подняла голову и сказала:

— Мама! У Маріи столько незабудокъ, что не хватитъ даже мѣста помѣстить всего, что мы принесли съ собой. Позволь же мнѣ сплести вѣнокъ и отнести его туда, къ стѣнѣ, на бѣдную, заброшенную могилку, на которой нѣтъ даже креста. Эту бѣдняжку, вѣроятно, никто не любитъ и не жалѣетъ.

Добрая женщина съ легкимъ удивленіемъ посмотрѣла на дочь. Затѣмъ, кивнувъ въ знакъ согласія головой, она сказала:

— Что же? Сплети вѣнокъ. Да не забудь помолиться за упокой души неизвѣстнаго.

Ребенокъ, казалось, былъ очень счастливъ и тотчасъ же принялся за работу. Изъ двухъ палочекъ дѣвочка сдѣлала крестъ, убрала его цвѣтами и сплела вѣнокъ. Затѣмъ, позвавъ сестру, она побѣжала къ одинокой и почти затерявшейся въ травѣ могилѣ самоубійцы. Здѣсь она воткнула въ могилу крестъ, положила вѣнокъ и опустилась на колѣни. Сестра послѣдовала ея примѣру.

— Помолимся, Лиза, за упокой души лежащаго здѣсь бѣднаго покойника! Да даруетъ Господь миръ его душѣ и блаженство въ раю! Мнѣ всегда было жалко забытыхъ покойниковъ. Они всегда казались мнѣ несчастнѣе уличныхъ нищихъ. Тѣ, по крайней мѣрѣ, могутъ протягивать руку и умолять прохожихъ о жалости; мертвый же не можетъ даже попросить для себя молитвы. Поэтому долгъ всякаго подумать о немъ.

Сложивъ рученки, обѣ дѣвочки стали съ жаромъ молиться.

Подобно серебристымъ волнамъ возносилась изъ ихъ невинныхъ душъ молитва, точно солнечнымъ свѣтомъ заливая могилу и тѣнь самоубійцы, появившуюся у креста, убраннаго цвѣтами.

Весь флюидическій организмъ страждущаго духа трепеталъ и, казалось, расширялся подъ вліяніемъ этого горячаго порыва. Окружавшія его тѣни прояснились, а ледяная кора, облегавшая раздраженное сердце, полное ненависти и возмущенія, растаяла и уступила мѣсто вѣрѣ и надеждѣ.

— Видишь ты дѣйствіе молитвы и ея могущество?—пробормоталъ Дагиръ.—Посмотри, какъ страждущій духъ ободрился и стряхнулъ съ себя давившую его тяжесть; какъ потокъ жизни и силы этой невинной молитвы снова привелъ омраченную душу на путь восхожденія, въ которомъ она сомнѣвалась, а это-то сомнѣніе въ божественной справедливости, вслѣдствіе людской несправедливости, и довело ее до самоубійства. Присоединимъ же наши молитвы къ молитвамъ этихъ дѣтей—невинныхъ орудій божественнаго милосердія, а затѣмъ пойдемъ дальше. Я еще многое хочу показать тебѣ здѣсь.

Они снова полетѣли, но на этотъ разъ поднялись гораздо выше. Атмосфера сдѣлалась менѣе красной и болѣе прозрачной. Здѣсь также царила лихорадочная дѣятельность и постоян-

ное движеніе взадъ и впередъ. Въ сѣровато-рововомъ пространствѣ, черезъ которое они пролетали, имъ встрѣчались то громадные духи, пролетавшіе съ быстротой мысли и напоминавшіе своимъ видомъ гигантскихъ летучихъ мышей, то звѣздочки всевозможной величины и всѣхъ оттѣнковъ призмы, то сѣроватыя облака, въ центрѣ которыхъ смутно вырисовывались человѣческія лица.

Очевидно, всѣ эти существа были заняты своимъ дѣломъ. Каждое изъ нихъ стремилось въ различномъ направленіи. Иногда они соединялись по нѣскольку вмѣстѣ, а иногда встрѣчался цѣлый рой духовъ, летѣвшій компактной массой.

— Мы встрѣчаемъ корпораціи духовъ подъ предводительствомъ своихъ главъ,—объяснилъ Дагиръ.

Иногда широкій лучъ ослѣпительнаго свѣта отмѣчалъ полетъ высшаго духа, котораго всегда сопровождала значительная свита.

— Ты видишь этихъ небесныхъ гражданъ? Имъ дана какая-нибудь миссія. Но мы не станемъ искать знакомства съ ними. Къ чему намъ оно?—со смѣхомъ замѣтилъ Дагиръ.—Мы лучше отдадимъ визитъ двумъ великимъ духамъ: главѣ блуждающихъ духовъ и Эбнъ-Ари, царю ларвовъ. Это самыя интересныя мѣста.

V.

Человѣческій умъ не можетъ составить себѣ представленія о странныхъ и ужасныхъ тайнахъ, таящихся въ невидимомъ мірѣ. Человѣкъ полагаетъ, что онъ все изслѣдовалъ въ окружающемъ его неизвѣстномъ пространствѣ. Онъ опредѣлилъ разстоянія, измѣрилъ температуру, анализировалъ составъ, но его инструменты всюду находили пустоту, холодъ и мракъ.

Размышленія подобнаго рода толпились въ умѣ Супрамати, когда онъ, съ быстротой мысли, пересѣкалъ неизмѣримыя пространства, различно освѣщенныя и наполненныя лихорадочнымъ оживленіемъ—цѣлымъ міромъ жизни, дѣятельности и страстей—истиннымъ отраженіемъ человѣчества.

Дагиръ сказалъ ему, что они отправляются къ главѣ блуждающихъ, злыхъ и несчастныхъ духовъ.

— Къ царю ада!—прибавилъ онъ полусмѣясь, полусерьезно.

— А зачѣмъ мы летимъ туда? — спросилъ Супрамати, колеблясь между недовѣрчивостью и безпокойнымъ любопытствомъ.

— Мы отправляемся туда, чтобы изучить зло, безъ котораго мы не можемъ дѣлать добро. Нельзя защищаться отъ неизвѣстной опасности. Именно невѣжество и обезоруживаетъ какъ человѣка, такъ и духа,—отвѣтилъ голландецъ.

Затѣмъ, поднявъ свой жезлъ, онъ сталъ вращать его надъ своей головой, произнося какія-то кабалистическія слова. Черезъ нѣсколько минутъ, на концѣ жезла образовался фосфоресцирующій шаръ, похожій на клубокъ нитокъ. Дагиръ схватилъ его и сжалъ въ рукѣ. Супрамати почти тотчасъ же почувствовалъ, какъ ихъ подхватилъ какой-то странный токъ и увлекъ въ новомъ направленіи.

Скоро сѣровато-розовая атмосфера, которую они пересѣкали до сихъ поръ, смѣнилась густымъ и тяжелымъ воздухомъ, насыщеннымъ острыми сѣрнистыми парами. Сильные порывы вѣтра и свистъ грозы пронизывали эту атмосферу, освѣщенную постоянно переходившимъ отъ желто-оранжеваго и къ совершенно черному, изборожденному яркими молніями.

Вдругъ ихъ охватили порывы горячаго воздуха, принеся съ собой удушливый запахъ крови и горѣлаго мяса. Теперь они пролетали сквозь густой дымъ. Вдругъ передъ ними появилось громадное пространство, освѣщенное пурпурнымъ свѣтомъ, напоминавшимъ зарево пожара. На этомъ пространствѣ высилось гигантское воздушное сооруженіе, возведенное изъ красноватаго пара, до такой степени прозрачное, что сквозь него все было видно. Внутри, казалось, раскинулся громадный городъ. Большая огненная арка, на фронтонѣ которой двигались, дрожали и потрескивали странные и непонятные знаки, составляла входъ и была закрыта огненной же рѣшеткой, колебавшейся подобно занавѣси.

— Ну, что? Какъ мы войдемъ въ эту адскую крѣпость? — спросилъ Супрамати.

— Воспользовавшись предписанными средствами, извѣстными намъ,—отвѣтилъ Дагиръ.

Голландецъ снова взялъ свой жезлъ и начерталъ имъ въ воздухѣ кабалистическую фигуру. Въ то же время его жезлъ, казалось, коснулся струнъ какого-то невидимаго инструмента, такъ какъ при каждомъ движеніи руки Дагира раздавались какіе-то странные и пронзительные звуки. Рѣшетка, какъ занавѣсь, закрывавшая входъ, внезапно раздалась и подъ аркой появилось отвратительное и ужасное на видъ существо, при видѣ котораго Супрамати такъ быстро откинулся назадъ, что едва не потерялъ равновѣсія.

Гигантская фигура—полу-человѣкъ, полу-животное—преграждила имъ путь. Сильное тѣло съ громадными членами было черно, ноги оканчивались копытами, а на рукахъ виднѣлись крючковатые когти. Длинный хвостъ волочился по землѣ. Красные рожки выдавались надъ черноватымъ лицомъ со звѣриными

чертами, имѣвшимъ выраженіе неумолимой ненависти и жестокости. Огненный взглядъ чудовища, казалось, грозилъ уничтоженіемъ всякому, кто къ нему приблизится. При каждомъ движеніи его изъ него, казалось, вылетало пламя.

— Посмотри, Супрамати, на дракона, стерегущаго входъ въ адъ. Онъ есть воплощеніе безплотнаго зла: нечистыхъ страстей, скотскихъ инстинктовъ, неудовлетворенныхъ желаній, ненависти и зависти.

Этотъ стражъ на порогѣ адскихъ тайнъ есть въ то же время символъ страданій духа, лишеннаго матеріальнаго тѣла, и въ то же время жаждущаго чувственныхъ наслажденій.

За этой воздушной оградой находится лабораторія зла—главная квартира несчастныхъ существъ, вѣчно терзаемыхъ жаждой мщенія.

Здѣсь собраны всѣ враги порядка, ослѣпленные, борящіеся грудь съ грудью съ великими законами, управляющими міромъ, и желавшіе бы отомстить имъ за неумолимую необходимость очищаться страданіемъ.

Отрицая очевидность, что только гармонія создаетъ и заключаетъ въ себѣ счастье, здоровье, плодородіе и изобиліе, эти враги мира, любви и добродѣтели повсюду вносятъ съ собой адъ, кипящій въ нихъ, терзающее ихъ отчаяніе, сомнѣніе, мучающее ихъ, и горечь вѣчно стоять на одномъ и томъ же мѣстѣ. Они стараются вложить въ сердце человѣка самые нечистые инстинкты, невѣріе, культъ полнаго уничтоженія и слѣпое отрицаніе. Видъ причиняемыхъ ими страданій доставляетъ имъ жестокое удовлетвореніе и даетъ временное забвеніе своего отвратительнаго существованія.

— И такъ, мы дѣйствительно увидимъ настоящихъ демоновъ, существъ, посвященныхъ исключительно злу? А я думалъ, что, въ концѣ концовъ, все должно прогрессировать и придти къ добру, замѣтилъ Супрамати.

— И ты правъ! Существа, посвященныя злу, которыхъ мы увидимъ,—дѣйствительно демоны, такъ какъ они стоятъ неподвижно на низшей ступени. Но въ глубинѣ ихъ омраченной души постоянно таится стремленіе къ свѣту и желаніе вырваться изъ давящаго ихъ мрака. Но войдемъ! Мы еще вернемся къ этому вопросу.

Повинуясь молчаливому приказу знака, начертаннаго Дагиромъ, отвратительный стражъ входа отступилъ назадъ, и Супрамати, какъ во снѣ, вошелъ въ странный воздушный городъ, видѣнный Сведенборгомъ.

Городъ этотъ, казалось, не имѣлъ границъ. Вдали воздушныя горы обрамляли горизонтъ. Со всѣхъ сторонъ открывались многочисленныя пропасти, черныя и непроницаемыя. Весь пейзажъ носилъ невыразимо зловѣщій характеръ.

Затѣмъ, они вышли на обширную площадь. Клубы черныхъ

тучь, казалось, парили надъ громадной пропастью. Тамъ, окруженный чернымъ дымомъ и снопами молніи, возсѣдалъ человѣкъ, котораго Супрамати видѣлъ во время вызыванія. Вокругъ него по всѣмъ направленіямъ колебались толпы духовъ, которые, волнуясь и дрожа, слушали истины зла, внушаемыя имъ здѣсь, и безошибочные рецепты для созданія безпорядка и вызова разрушенія.

При приближеніи молодыхъ людей, черноватыя массы раздались, чтобы дать имъ проходъ, а потомъ, по знаку своего начальника, разсѣялись по всѣмъ направленіямъ.

— Привѣтъ тебѣ, Дагиръ, и тебѣ, Супрамати! Добро пожаловать. Садитесь и побесѣдуемъ, такъ какъ, безъ всякаго сомнѣнія, для этого ты и привелъ сюда своего неофита,—съ благосклонной улыбкой сказалъ Сармізль, дѣлая привѣтственный знакъ рукой.

Супрамати подумалъ въ глубинѣ души, что приглашеніе сѣсть было ни что иное, какъ пустая риторическая форма, такъ какъ не видно было ни однаго стула, а облако могло быть диваномъ весьма сомнительной прочности. Къ глубокому своему удивленію, Супрамати увидѣлъ, что Дагиръ весьма удобно усѣлся. Послѣдній, видя его колебаніе, громко расхохотался.

— Ты все забываешь, мой другъ, что мы потеряли вѣсъ и плотность нашего тѣла. Поэтому насъ смѣло можетъ выдержать облако.

Смущенный этимъ смѣхомъ Супрамати сѣлъ на большое облако, показавшееся ему осязаемымъ и эластичнымъ. Но все, что онъ видѣлъ и испыталъ, было до такой степени необыкновенно и невѣроятно, что онъ еще разъ спросилъ себя, не сошелъ-ли онъ съ ума или не сдѣлался-ли жертвой ужаснаго кошмара.

Насмѣшливый смѣхъ оторвалъ его отъ мыслей. Супрамати со страхомъ посмотрѣлъ на существо, бывшее воплощеніемъ могущественнаго зла и невидимо и неуловимо подстерегавшее людей, чтобъ губить ихъ.

— Нѣтъ, нѣтъ..! Ты не спишь, а настоящіе сумасшедшіе были бы тѣ, кто захотѣлъ бы тебя лечить, — сардонически замѣтилъ Сармізль.—А теперь говори! Ты хочешь что-нибудь спросить у меня?

— Да, учитель! Съ твоего разрѣшенія, я хотѣлъ бы спросить тебя, почему ты и твои подчиненные поставили цѣлью своего существованія зло? Почему всюду, гдѣ только возможно, вы создаете дисгармонію и безпорядокъ? Какое удовольствіе могутъ доставлять вамъ страданія людей? Наконецъ, я хотѣлъ бы знать, зачѣмъ вы боретесь съ болѣе могущественными, чѣмъ вы, силами, управляющими вселенной? Зачѣмъ вы боретесь съ непоколебимыми законами, начертавшими путь духу для достиженія цѣли, на которой начертано: совершенство?

— Ого! Сколько вещей ты хочешь узнать! Но прежде, чѣмъ отвѣтить тебѣ, позволь мнѣ предложить тебѣ одинъ вопросъ, на который тебѣ будетъ трудно отвѣтить. Зачѣмъ высшее могущество и совершенство создаетъ несовершенныя существа, заставляетъ ихъ подниматься отъ протоплазмы до архангела, мучиться инстинктами, зародышъ которыхъ созданъ вмѣстѣ съ ними, и терзаться всѣми страданіями души и тѣла?

И къ чему стремятся они черезъ всѣ эти безконечныя агоніи? Къ совершенству, какъ высшему блаженству! Туманное обѣщаніе сомнительнаго счастья, такъ какъ неужели же такъ ужъ желательно достигнуть гармоніи, которая есть совершенный эгоизмъ, есть ничто иное, какъ маска высшаго равнодушія.

И вотъ, мы возстали противъ этихъ безпощадныхъ законовъ, которые обѣщаютъ далекія и неизвѣстныя радости, а прежде осуждаютъ на нечеловѣческія страданія несчастныя существа, неразрушимыя кольца одной безконечной цѣпи—созданныя несовершенными и рабами.

А по какому праву? Все по тому же ужасному закону подчиненія слабаго сильному. Слабаго невѣжду всегда давитъ колесо того, кто умѣетъ управлять законами. Измученное человѣчество, плачущее отъ сознанія своего невѣжества, дрожитъ и изнываетъ: на землѣ—отъ страха смерти, которая, подобно Дамоклову мечу, постоянно угрожаетъ ему, а въ пространствѣ подъ кнутомъ искупленія.

Людямъ ехидно проповѣдуютъ, что высшій законъ запрещаетъ имъ пользоваться, вложенными въ ихъ души, инстинктами.

«Не развивайте свободно своихъ инстинктовъ—это преступленіе!—кричатъ имъ.—Дисциплинируйте полученныя вами чувства, чтобы отъ нихъ осталось только то, что необходимо для служенія вселенной, для движенія вашего впередъ. Вы будете работать для вашего собственнаго счастья». Но гдѣ найти это обѣщанное счастье?

Во всей вселенной, все, что дышетъ, страдаетъ, и всякое доброе чувство жестоко отомщается на томъ же, въ комъ оно проявляется.

Напримѣръ, любовь, это самое чистое чувство человѣческаго сердца, что даетъ она, кромѣ страданія? Жестокая и слѣпая смерть уноситъ ихъ къ одру болѣзни; капризная судьба бросаетъ въ нищету самыхъ благородныхъ людей; злой рокъ обрушивается на самыхъ чистыхъ людей и причиняетъ имъ всѣ мученія, какія только въ состояніи вынести несчастное человѣческое сердце.

По какой-то жестокой ироніи, рядомъ съ банкетомъ, приготовленнымъ для привилегированныхъ, помѣщаютъ обездоленныхъ и голодныхъ, позволяя имъ любоваться, съ голоднымъ желудкомъ, пиромъ, гдѣ пресыщаются другіе. Но горе имъ, если у нихъ явится мысль протянуть руку къ какой-нибудь коркѣ.

«Не смѣйте прикасаться къ тому, что принадлежитъ ближнему»!— кричатъ ему. Тебя лишаютъ необходимаго для твоего же очищенія. Ты долженъ умереть съ голоду для испытанія твоей вѣры. Награда ждетъ тебя въ раю! Туманное обѣщаніе непонятнаго счастья въ мѣстѣ, которое такъ трудно найти на географической картѣ неба.

Сомнѣваться и роптать тоже преступно. Тщетно умиравшій съ голода бѣднякъ, укравшій корку хлѣба и посаженный за это въ тюрьму, ломаетъ себѣ голову, чтобы понять, почему съ той минуты, какъ его создали съ желудкомъ, требующимъ пищи, составляетъ преступленіе противъ божества, если онъ возьметъ то, чего ему не даютъ для удовлетворенія этой необходимой потребности? Почему одни имѣютъ право обѣдать и ужинать, а онъ не имѣетъ права даже на черствую корку?

«Не разсуждай, а преклоняйся съ вѣрою и смиреніемъ передъ высшею мудростью, которая имѣетъ въ виду только твое благо»,—отвѣчаютъ ему.

Это, конечно, очень утѣшительно, но не объясняетъ ничего.

Такъ же таинственны и непонятны причины страданій низшихъ существъ, правда мало развитыхъ, но, всетаки, способныхъ чувствовать и понимать страданіе. Не безмѣрна-ли жестокость человѣка къ животнымъ? Существуетъ-ли казнь, которую человѣкъ не примѣнилъ бы къ этимъ беззащитнымъ существамъ, которымъ не покровительствуютъ ни небо, ни адъ, для удовлетворенія своего обжорства, своей лѣни и своей пресловутой жажды знанія?

И всюду царятъ ненависть человѣка противъ давящей его судьбы и ненависть животныхъ къ человѣку, который мучаетъ и убиваетъ ихъ. Какъ тѣ, такъ и другіе жаждутъ отомстить за перенесенныя ими несправедливости, и у черной магіи нѣтъ болѣе вѣрныхъ союзниковъ, какъ низшіе духи, которыхъ она вызываетъ и направляетъ на человѣка.

При посредствѣ этой борьбы, вызванной ненавистью, мы надѣемся, въ концѣ концовъ, побѣдить силы, покоряющія насъ и осуждающія на трудъ и страданіе, бросая намъ, какъ милостыню, частички знанія. Нѣтъ, мы хотимъ знать все, проникнуть въ механизмъ творенія и овладѣть ключемъ тайны, почему совершенство можетъ создавать только существа не совершенныя, осужденныя какимъ-то неизвѣстнымъ закономъ только черезъ тысячу смертей, страданій и лишеній снова пріобрѣсть право занять мѣсто у очага совершенства.

— Ты проклинаешь только зло, возмущеніе и страданіе, а [illegible] тѣмъ, въ первый разъ, когда ты явился мнѣ, ты сказ[illegible] что благодаря тебѣ и твоимъ подчиненнымъ предупреждена [illegible] катастрофы, не одно преступленіе, и что человѣчество не [illegible] вашей работы для блага воплощенныхъ. Объясни же мнѣ [illegible] — замѣтилъ Сурамати.

Пламя горькой иронія сверкнуло въ глазахъ страшнаго демона.

— Противорѣчіе это только кажущееся, такъ какъ я сказалъ тебѣ также, что въ сердцахъ моихъ подчиненныхъ звучитъ столько же добра, сколько и зла. Эта-то постоянно возрождающаяся слабость, эта борьба двухъ инстинктовъ и есть одно изъ нашихъ мученій. И почему бы намъ не покровительствовать воплощеннымъ и не предупреждать катастрофъ? Кто самъ страдаетъ, тотъ сочувствуетъ страданіямъ другихъ, особенно же если этихъ другихъ мы знаемъ и любимъ. Намъ нечего бояться, что намъ будутъ надоѣдать благодарностью, но ты найдешь вполнѣ естественнымъ, что мы преимущественно покровительствуемъ тѣмъ, чьи желанія страстнѣй и которые смѣлѣй въ злѣ и боѣе озлоблены, такъ какъ для нашей арміи нужны такіе, которыхъ раздавила жизнь въ своихъ когтяхъ и которые были достаточно незаслуженно мучимы и презираемы, чтобы получить полнѣйшее отвращенія ко всякимъ великодушнымъ порывамъ и къ стремленію къ небу. Добродѣтель не почитается ни на землѣ, ни у насъ.

Въ доказательство этой аксіомы можно привесть массу примѣровъ. Дѣти любящихъ матерей, которыя жертвуютъ собой для ихъ воспитанія, умираютъ, бываютъ калѣками или гибнутъ нравственно; дѣти же искательницъ приключеній—безсовѣстныхъ матерей, бросающихъ своихъ дѣтей на руки чужихъ — процвѣтаютъ, выростаютъ и приносятъ имъ радость и честь.

Точно такъ же добродѣтельная, умная и скромная женщина погибаетъ въ тѣни и одиночествѣ, тогда какъ куртизанка—этотъ ночной шакалъ, бродящій вокругъ семействъ, чтобы погубить ихъ,—разряженная и почитаемая красуется въ первомъ ряду.

Порокъ всегда торжествуетъ, онъ неуязвимъ въ своемъ эгоистичномъ самодовольствіи. Отвѣтственными за него всегда являются люди невинные. Напримѣръ, развратничаютъ родители, а наказаніе постигаетъ дѣтей, родившихся отъ незаконной любви. На нихъ обрушивается все негодованіе оскорбленной добродѣтели. Несчастныхъ дѣтей, неудобныхъ свидѣтелей позора, осмѣливающихся еще имѣть права, презираютъ, душатъ, топятъ или отдаютъ въ жестокія руки администраціи домовъ для покинутыхъ дѣтей, гдѣ спѣшатъ отъ нихъ избавиться, осуждая тѣмъ эти маленькія, беззащитныя жертвы на двѣ послѣдовательныя смерти: на смерть духа въ пространствѣ, которое онъ покидаетъ, чтобы заключиться въ матерію, и на смерть тѣлесную. Оба эти перехода одинаково тягостны и безцѣльны при подобныхъ условіяхъ. Отцы же и матери погибшихъ остаются неуязвимы, посѣщаютъ общество и громче всѣхъ говорятъ объ общей безнравственности. Снисходительный же свѣтъ закрываетъ глаза на ихъ слабости.

Убійство, говорятъ, есть одно изъ самыхъ большихъ преступ-

ній. Почему же убійство тысячи невинныхъ остается безнаказаннымъ? Земля, говорятъ, какъ же день нуженъ для выполненія, для перенесенія возвышенныхъ мыслей и для прогрессированія. Такъ почему же силы сущности собираются въ ненужный міръ, не будучи въ состояніи выполнить этого назначенія? Безполезные, страждущіе, перегруженные жизненными флюидами скитаются безцѣльно, а между тѣмъ вы увѣряете, что ничто не создается напрасно, что каждый агентъ есть необходимое звѣно великаго «все». Но очевидно эта страшная аномалія должна не висѣть и никто не сумѣетъ ее исправить. Это испытаніе для родителей и для дѣтей, увѣряютъ наши противники. Но какое дѣло возражать имъ, такъ какъ именно это испытаніе и эти неудавшіяся выполненія и приводятъ въ наши руки самыхъ сгорбленныхъ. И сколько испытаній! Покинутые небомъ, они ищутъ помощи у ада.

Супруги могли слушать. Въ его душѣ происходила странная реакція. Горькія и тягостныя воспоминанія толпой возстали въ его умѣ; онъ вспомнилъ незаслуженныя несчастія, обрушившіяся на его родителей, гибель состоянія, бывшую первой причиной смерти отца, и болѣзнь, быстро доведшую мать до могилы. Передъ нимъ снова возстала его тяжелая и трудная жизнь и тысяча великихъ лишеній, которыя онъ перенесъ, чтобы окружить свою обожаемую мать вниманіемъ и комфортомъ; но не смотря на все это, онъ никогда не имѣлъ возможности приступить къ радикальному и дорого стоящему леченію, какое было ей необходимо.

Однажды—онъ только что окончилъ курсъ—ему предложили сопровождать на югъ одного богатаго больного, желавшаго имѣть при себѣ доктора. Не смотря на то, что ему было тяжело разстаться съ матерью, которая была очень слаба, онъ принялъ предложеніе, чтобы достать лишнія деньги, а затѣмъ приступить къ спеціальному леченію своей обожаемой больной—леченію очень дорогому, но отъ котораго онъ ждалъ самыхъ хорошихъ результатовъ.

Онъ еще и теперь дрожалъ отъ гнѣва и презрѣнія при воспоминаніи о всей скукѣ и о презрительномъ и неделикатномъ обращеніи, которое заставлялъ его выносить этотъ человѣкъ, гордый только своимъ туго набитымъ карманомъ и вся жизнь котораго прошла въ оргіяхъ и во всевозможныхъ удовольствіяхъ. Человѣкъ этотъ никогда искренно не любилъ, никогда не страдалъ, не трудился, ничѣмъ не жертвовалъ, не пролилъ ни одной слезы участія и не облегчилъ несчастнаго. Одни только самыя неблагородныя желанія управляли его жизнью. И за этимъ-то гнилымъ и отвратительнымъ трупомъ ухаживали, льстили ему и берегли, какъ какую-то драгоцѣнную вазу! И все это дѣлалось исключительно только ради его золота! Онъ же, вся жизнь котораго была одинъ сплошной трудъ и самоотреченіе, долженъ

былъ позволить угаснуть лучшей изъ матерей, самой чистой и добродѣтельной изъ женщинъ, только потому, что у него не было хоть немного того же самаго золота, которое бросали горстями для продленія на нѣсколько дней безполезнаго существованія стараго развратника.

Супрамати яростно сжалъ кулаки. Все возмущеніе противъ безсилія неба и несправедливости, царившей въ мірѣ, нѣкогда волновавшее его душу, снова возстало изъ пропасти, куда время погрузило его.

Пронзительный смѣхъ оторвалъ Супрамати отъ его мыслей. Онъ поднялъ голову и встрѣтилъ пылающій и насмѣшливый взглядъ Сарміэля.

— Да, да! Бѣдный чахоточный докторъ, проливавшій горькія слезы на преждевременной могилѣ своей матери, тоже былъ изъ нашихъ,—иронически сказалъ Сарміэль. — Безсмертный же и богачъ, полный эгоистическаго самодовольства, ничего не боящійся, ни нищеты, ни смерти, и жаждущій вѣнца маговъ, отдѣленъ отъ насъ бездной. Ты пришелъ сюда изучать зло, чтобы побѣдить насъ нашимъ же оружіемъ. Но все равно! Мы противились тѣмъ, кто помогущественнѣй тебя. Теперь я безъ всякаго колебанія отвѣчу на твой вопросъ, почему мы боремся съ силами, которыя могущественнѣй насъ.

Во-первыхъ, потому, что мы доведены до отчаянія. Слѣпой рокъ, подобно какой-то адской машинѣ, влечетъ неизвѣстно куда обезумѣвшее человѣчество, сердце и умъ котораго всюду встрѣчаетъ необъяснимое. Почему?!—въ отчаяніи кричитъ оно. Но всюду ему отвѣчаетъ молчаніе и непроницаемая тайна окутываетъ прошлое, настоящее и будущее всего творенія. Въ безконечности вращаются міры и существа, не зная пути, по которому они слѣдуютъ.

Одно только очевидно: нами управляютъ двѣ ужасныя силы. Одна изъ нихъ толкаетъ насъ впередъ; другая—останавливаетъ и задерживаетъ наше возвращеніе къ центральному очагу. Попавъ между двумя этими силами, мы бьемся и дѣлаемся арміей демоновъ, осаждающихъ міръ.

Гармоничныя сферы намъ не отвѣчаютъ, но можетъ быть въ безпорядкѣ хаоса мы увидимъ конечную цѣль жизненной сарабанды и овладѣемъ ключемъ къ загадкѣ прежде, чѣмъ переступить пылающій кругъ, скрывающій отъ насъ самыя великія тайны. Крѣпость, ожидающая насъ, можетъ быть недоступна, и всѣ наши усилія будутъ вознаграждены новымъ закономъ: насъ оцѣпитъ армія свѣтлыхъ атомовъ, армія мудрости, добродѣтели, безграничнаго могущества и всевозможныхъ красотъ совершенства, но мы будемъ плѣнниками за этими сіяющими стѣнами, которыя навсегда отдѣлятъ насъ отъ міра, съ которымъ мы связаны всѣми фибрами сердца.

И губы архангеловъ будутъ сомкнуты великою печатью тайнъ. Молчаніе будетъ ихъ силой. Но кто скажетъ намъ, не

сожалѣютъ ли эти свѣтлыя существа, что они отбросили и побѣдили всѣ слабости, волнующія человѣческое сердце? Ясная и пустая душа совершеннаго существа, вѣроятно, разучится плакать, любить, радоваться и жалѣть тѣхъ, кто страдаетъ. Равнодушнымъ взоромъ будетъ онъ смотрѣть на тяжелыя испытанія тѣхъ, кого нѣкогда любила. Его ничто не будетъ интересовать, кромѣ качества свѣта, исходящаго изъ него, и блаженства безконечнаго покоя.

Впрочемъ, все это одни только предположенія.

Если намъ трудно проникнуть въ окружающія насъ тайны, то мы можемъ попытаться остановить движеніе восхожденія духовъ. Кто знаетъ, что произойдетъ, если мы окажемся тяжелѣй на вѣсахъ равновѣсія, а число избранныхъ будетъ все уменьшаться? Какая буря разыграется тогда? Какія перемѣны родятся изъ такого измѣненія порядка вещей? Кто въ концѣ концовъ будетъ господиномъ вселенной? Кто можетъ сказать это?!!

Глаза великаго духа зла горѣли зловѣщимъ пламенемъ. Весь хаосъ, кипѣвшій въ его душѣ, всѣ бурныя страсти, наполнявшія его, отражались на его искаженномъ лицѣ.

Со страхомъ и ужасомъ смотрѣлъ Супрамати на ослѣпленное и смѣлое существо, осмѣливавшееся вступить въ неравную борьбу съ великими законами порядка и гармоніи, которыя онъ хотѣлъ ниспровергнуть при помощи легіоновъ ослѣпленныхъ нисшихъ духовъ, повиновавшихся ему. Вѣрилъ ли онъ серьезно въ возможность побѣды? Надѣялся ли остановить вѣчное движеніе? Нѣтъ, это было невозможно! Разрушительная сила зла могла уничтожить планету, сжечь цѣлую систему, но великій двигатель ускользаетъ отъ этихъ ослѣпленныхъ. Какъ они не могутъ убить духъ, такъ точно не могутъ остановить теченіе звѣздъ и ниспровергнуть невидимый ареопагъ, скрывавшійся за сіяющими стѣнами, недоступными для нихъ, такъ какъ сами воодушевляющія ихъ чувства преграждаютъ имъ доступъ къ нимъ.

Подобно предательскому туману, плаваютъ легіоны зла въ атмосферѣ, нося съ собой ненависть, несчастіе и болѣзнь. То, что Супрамати слышалъ, могъ произнести одинъ только адъ! Одинъ только адъ могъ ставить ужасныя «почему», на которыя человѣкъ не находитъ ни отвѣта, ни объясненія и которыя наполняютъ его душу желчью и возмущеніемъ.

Мрачный, съ нахмуренными бровями и опущенными глазами, смотрѣлъ Дагиръ въ пропасть, разстилавшуюся у его ногъ. Супрамати же выпрямился и, бросившись впередъ, вскричалъ:

— Бѣжимъ изъ этого ужаснаго мѣста тьмы и возмущенія! [illegible]ажется, что я сойду съ ума въ этой атмосферѣ адской [illegible]и!

[illegible]ы хочешь бѣжать? Но куда же ты убѣжишь? Куда ты

спрячешься отъ полныхъ отчаянія истинъ, которыя я высказалъ? Вмѣсто того, чтобы бѣжать зла, научись лучше управлять имъ, не для того, чтобы побѣждать его, но чтобы сдѣлать изъ него себѣ союзника противъ добра, чтобы избѣгнуть ненавистной и жестокой силы, толкающей тебя впередъ. Если ты слабѣешь и твоя глупая душа будетъ искать свѣта, тебя за волосы повлекутъ по лѣстницѣ небеснаго восхожденія, каждая ступень которой будетъ терзать твое тѣло, твое сердце и твою душу. Ты будешь совершенъ и счастливъ, такъ какъ въ тебѣ ничего не останется, кромѣ громадной пустоты, которая замѣнитъ твое умершее сердце.

Не слушая дальше, Супрамати бросился впередъ. Дагиръ послѣдовалъ за нимъ, поддерживая его и увлекая въ пространство.

За ними раздался смѣхъ Сатаны, пронзительный, насмѣшливый, ужасный, потрясавшій каждый фибръ существа.

— Дагиръ!—вскричалъ Супрамати, задыхаясь и не владѣя собой.—Неужели все, что онъ говорилъ, правда? Неужели правда, что безсмертіе есть вѣчное страданіе, вѣчныя испытанія, вѣчныя смерти и вѣчная смерть подъ различными формами? Это правда, что только адъ способенъ изобрѣсти дьявольскій планъ останавливать души на полу-пути и заставлять ихъ уклоняться отъ прогресса, неба и свѣта. Но правда такъ же и то, что я, какъ слѣпой, стремлюсь къ неизвѣстному и что это неизвѣстное безъ конца возстаетъ передо мной. Мало-по-малу, я освобождаюсь отъ всѣхъ чувствъ, которыя мнѣ дороги и къ которымъ я привыкъ, чтобы сдѣлаться—чѣмъ?—вскричалъ онъ въ пространствѣ и умолкъ, испугавшись своего собственнаго голоса, жалобнаго, болѣзненнаго и дрожащаго, какъ оборванная струна какого-нибудь инструмента.

— Успокойся!—сказалъ Дагиръ.—Не позволяй ослѣплять себя сомнѣнію, самому ужасному врагу человѣка. Лукавыя рѣчи Сарміэля вызвали его, и оно съ такою силой овладѣло тобой, что если бы двери неба отверзлись передъ тобой, ты отступилъ бы отъ нихъ, сомнѣваясь въ свѣтѣ, который ты видишь. Нельзя позволять себѣ такъ увлекаться!

Все, что онъ говорилъ, правда, но только окрашено съ его точки зрѣнія. Онъ не хочетъ допустить, что для души, разъ она безсмертна, было бы ужасно оставаться неподвижно на одномъ мѣстѣ цѣлую вѣчность, и что трансформаціи, хотя и болѣзненныя, имѣютъ неизбѣжную цѣль.

Перспектива сдѣлаться одной изъ двигающихъ пружинъ совершенства, такъ презираемаго Сарміэлемъ, есть однако идеалъ, достойный того, чтобы къ нему стремился всякій духъ. Отдѣлаться навсегда отъ грызущаго сомнѣнія, отъ мелочныхъ чувствъ и отъ нечистыхъ побужденій, чтобы обнять все человѣчество въ одномъ чувствѣ чистой, спокойной любви, лишенной всякаго личнаго интереса, должно быть счастьемъ гораздо болѣе

высокимъ, чѣмъ всѣ наши несовершенныя земныя радости. Кромѣ того, развѣ ты считаешь ни за что спокойное чувство удовлетворенія отъ сознанія того, что ты достигъ полноты знанія и что ты понимаешь происхожденіе и цѣль вещей. Нѣтъ, нѣтъ! Небо стоитъ того, чтобы его пріобрѣсть.

Точно такъ же, чтобы понимать и побѣждать зло, необходимо изучить его.

Послѣ того, что тебѣ говорилъ Сарміэль, ты долженъ ясно видѣть, почему легіоны зла такъ многочисленны и такъ могущественны.

Всѣ эти омраченные духи, терзаемые сомнѣніемъ и видящіе въ страданіи не испытаніе, а несправедливость, надѣются черезъ распространеніе зла остановить духовъ въ ихъ неизбѣжномъ стремленіи къ совершенству.

Чтобы побѣдить эти легіоны ослѣпленныхъ существъ, мы должны изучать зло, не для того, чтобы пользоваться имъ для возмущенія противъ непоколебимыхъ законовъ, а для того, чтобы подняться къ свѣту, который, не смотря на всѣ препятствія, влечетъ насъ къ себѣ, какъ пламя привлекаетъ бабочку.

Мы созданы изъ свѣта и снова сдѣлаемся свѣтомъ. Никакая тьма не можетъ смѣшаться съ первоначальнымъ принципомъ совершенной чистоты. Всякая грязь можетъ пристать къ ней, но настанетъ часъ—и эта кора распадется, превратится въ пыль, а изнутри появится ослѣпительный свѣтъ, который есть эссенція нашего существа, вѣчное наслѣдство нашего небеснаго отечества. И въ это отечество мы вернемся, не смотря на всѣ перипетіи безконечнаго пути черезъ царства, не смотря на всѣ перенесенныя огорченія и горечь, чтобы наслаждаться миромъ и совершенной гармоніей.

Пронзительный свистъ и порывъ вѣтра перебили Дагира. Черное облако, со стремительностью урагана, прорѣзало воздухъ, и передъ молодыми людьми появился зловѣщій Сарміэль. Все его существо дрожало и изъ него, какъ изъ кратера вулкана, исходили пламя, клубы дыма и снопы искръ.

— Вводи его въ заблужденіе и заблуждайся самъ этими лживыми надеждами!—насмѣшливо прогремѣлъ духъ тьмы.—Не даромъ сказано: «Блаженны нищіе духомъ, такъ какъ ихъ есть царствіе небесное».

— Не кощунствуй, гордый и ослѣпленный духъ!—сурово сказалъ Дагиръ.—Ты великъ и могучъ своимъ знаніемъ. Велико твое царство! Толпа несчастныхъ кишитъ у твоихъ ногъ, всевозможныя преступленія обитаютъ подъ твоими крыльями и безконеченъ списокъ разрушеній и жертвъ, которыми ты усѣялъ міръ, а между тѣмъ, сколько времени ты возсѣдаешь здѣсь, не добившись побѣды? Тщетно твоя армія яростно борется съ не-[illegible]ъ, ты ни на шагъ не приблизился къ центру высшаго свѣта, [illegible]ъ какъ тьма не можетъ проникнуть туда.

Ты мучаешь созданія Бога, думая огорчить небо, а между

тѣмъ, ты самъ страдаешь отъ неудовлетворенія всѣхъ твоихъ желаній.

Ты кощунствуешь и презираешь миръ, совершенную гармонію и ясный покой отъ сознанія исполненнаго долга. Тогда отчего же твое омертвѣлое сердце, терзаемое сомнѣніями и лишенное надежды, не удовлетворено? Не отрицай! Не смотря на свое невѣжество, я вижу сквозь твою кирассу. Не смотря на все твое возмущеніе, ты тоже твореніе Господа, созданъ изъ того же божественнаго свѣта и всѣми фибрами своего существа жаждешь покоя—этого, можетъ быть, главнаго двигателя, побуждающаго все человѣчество подниматься по узкой лѣстницѣ совершенства, въ надеждѣ когда-нибудь насладиться неизъяснимымъ блаженствомъ покоя.

Лицо демона какъ-то странно исказилось; съ его губъ сорвался зловѣщій и раздирающій, какъ рыданіе, крикъ, и онъ на минуту опустилъ голову. Но онъ почти тотчасъ же выпрямился, мрачный, полный угрозы и ненависти. Потрясая сжатымъ кулакомъ, онъ вскричалъ:

— Ну, что же! Когда меня утомитъ зло, не подвигающее меня впередъ, когда я пресыщусь этимъ самымъ зломъ, я обрушусь на эту огненную стѣну и, во что бы то ни стало, проникну за нее, чтобы узнать, что тамъ дѣлается.

— Ты будешь не первый смѣльчакъ, проникнувшій за священную ограду. Но видѣлъ ли ты когда-нибудь хоть одного вернувшагося оттуда, чтобы сообщить смертнымъ, что происходитъ въ таинственной оградѣ? Кто можетъ сказать, не такъ же ли длинна дорога къ вершинѣ тамъ, какъ и здѣсь, внизу?

Мрачный и пылающій взглядъ демона точно приросъ къ блѣдному, но рѣшительному лицу Дагира.

— Я думаю, что мы одинаково далеки отъ конечной цѣли!— прогремѣлъ онъ.

— Можетъ быть! Только ты предполагаешь это изъ гордости, а я потому, что мнѣ говоритъ это мой простой и скромный разумъ,—отвѣтилъ Дагиръ.

Сарміэль ничего не отвѣтилъ. Фигура его расплылась въ гигантскую черную тучу, а затѣмъ исчезла въ пространствѣ, не оставивъ послѣ себя никакого слѣда.

Дагиръ схватилъ руку своего спутника—и они быстро полетѣли впередъ.

VI.

СТАРАЯСЬ вернуть себѣ нравственное равновѣсіе и успокоить бурныя мысли, бушевавшія въ его умѣ, Супраматя сначала не обращалъ вниманія на окружающее, а затѣмъ замѣтилъ, что вокругъ нихъ разстилается сѣроватое, туманное

пространство. Какъ сквозь завѣсу видѣлъ онъ небо, усѣянное звѣздами, но только звѣзды казались гораздо большихъ размѣровъ, чѣмъ ихъ видно съ земли.

— Дагиръ! Проведи меня на какую-нибудь другую планету посмотрѣть, что тамъ дѣлается? Такъ же ли порочны и невѣжественны тамъ люди, такъ же ли они жадны до наслажденій, какъ и на нашей противной землѣ, или тамъ царитъ больше гармоніи и мудрости.

— На это я не имѣю права,—отвѣтилъ Дагиръ.—Эбрамаръ же располагаетъ силой и необходимымъ знаніемъ для такой экскурсіи. Когда мы сдѣлаемся его учениками (а я надѣюсь, что это будетъ скоро, конечно, относительно), онъ, вѣроятно, посѣтитъ съ нами нисшіе міры, гдѣ мы будемъ казаться ангелами, а также міры мудрые и дисциплинированные, гдѣ мы будемъ чувствовать себя очень ничтожными. Впрочемъ, отчасти я исполню твое желаніе и свожу тебя въ очень оригинальный міръ, а именно: въ резиденцію Эбнъ-Ари.

Супрамати расхохотался.

— Царь ларвовъ имѣетъ свою особую резиденцію? Развѣ его подданные живутъ вмѣстѣ съ нимъ?

— Именно! Ты самъ увидишь, что въ пространствѣ существуютъ для вредныхъ и опасныхъ существъ такія же тюрьмы, какъ и у васъ.

— Такъ ты мнѣ хочешь показать одну изъ такихъ тюремъ?

— Да, это маленькая умершая планета нашей системы. Она очень близка къ землѣ, но темна и невидима для насъ. Въ пространствѣ, видишь ли, ничто не пропадаетъ, и угасшіе міры, которые ничего не производятъ, но еще не распались, служатъ мѣстомъ пребыванія для духовъ, злоупотребляющихъ своей свободой.

— Развѣ этотъ міръ безплоденъ?

— Безъ сомнѣнія. Тамъ не существуетъ больше ни растительной, ни животной жизни. Человѣкъ не можетъ тамъ жить по причинѣ неблагопріятныхъ условій: сильнаго холода, вредныхъ газовъ и т. д. Разложеніе происходитъ медленно, пока финальный взрывъ не разсѣетъ ея частицъ въ пространствѣ. До этой же катастрофы, покинутая планета служитъ царствомъ для Эбнъ-Ари и его подданныхъ—отвратительныхъ ларвовъ. Эти злыя существа, высасывающія жизненную силу у воплощенныхъ, становятся слишкомъ тяжелыми, чтобы подняться въ пространство. Не принадлежа ни къ міру духовъ, ни къ міру живыхъ, они таскаются по землѣ, сѣя повсюду смерть и ужасныя болѣзни души.

Надъ этими вредными существами учрежденъ дѣятельный надсмотръ. Чтобы они не заполонили землю, ихъ, въ большинствѣ случаевъ, помѣщаютъ въ одно мѣсто. Но это мѣсто должно быть солидно, такъ какъ, какъ камень, брошенный въ воду, не можетъ подняться на ея поверхность, такъ и духъ, отдѣленный

отъ матеріальнаго тѣла, но насыщенный грубымъ флюидомъ, не можетъ подняться въ пространство, а снова падаетъ на землю.

Только будучи лишены условій, связывающихъ ихъ съ земной жизнью, и источника питанія, который представляютъ для нихъ живые люди, они волей-неволей должны отказаться отъ своихъ смертоносныхъ занятій. Покинутая планета отвѣчаетъ всѣмъ желаемымъ условіямъ. Поэтому, когда умираетъ тѣлесно подобное ларвическое существо, которое современемъ дѣлается вампиромъ, его схватываютъ и водворяютъ на маленькомъ мірѣ, предназначенномъ для ихъ спеціальнаго пребыванія, пока они не очистятся на столько, чтобъ вернуться въ обычныя условія

Я знаю, что существованіе подобныхъ существъ отрицаютъ и что насмѣхаются надъ легковѣріемъ сумасшедшихъ дураковъ, вѣрящихъ въ вампировъ, ларвовъ и пр. Но что за дѣло! Самый настойчивый смѣхъ и самое упрямое невѣріе безсильны противъ факта, и во всѣ времена существовали фантастическіе разсказы, которые ученые называютъ гипнотической галлюцинаціей, но которые есть ничто иное, какъ дѣла вампировъ, оккультныя убійства, оставившія видимые и осязаемые слѣды, но которые, не смотря на это, отрицаются изъ боязни показаться смѣшнымъ.

— Ты правъ! Я самъ, не смотря на свою любовь и занятія оккультными науками, считалъ эти разсказы за легенды, основанныя на легковѣріи мало развитыхъ людей. Теперь я понимаю, что занятія, которыя я считалъ за серьезныя, были совершенно дѣтскими.

— Да, нѣтъ упрямѣе невѣжества, какъ самомнѣніе ученыхъ, воображающихъ, что они все изслѣдовали. Но посмотри! Мы приближаемся къ цѣли нашего путешествія. Видишь ты тотъ громадный, черный контуръ? Это трупъ маленькаго міра—нашего сосѣда, существованія котораго наши астрономы даже не подозрѣваютъ. Но прежде, чѣмъ проникнуть въ орбиту ея атмосферы, намъ необходимо подкрѣпиться, такъ какъ намъ понадобятся наши силы.

Дагиръ вынулъ изъ-за пояса два флакона, изъ которыхъ одинъ далъ Супрамати. Тотъ залпомъ опорожнилъ его. Жидкость казалась горячей, но отличалась пріятнымъ вкусомъ. Живительная теплота пробѣжала по его членамъ. наполнивъ ихъ силой и энергіей, но почти тотчасъ же съ нимъ сдѣлалось головокруженіе и ему показалось, что его подхватилъ вихрь и со свистомъ стремительно увлекаетъ его куда-то.

Затѣмъ это ощущеніе измѣнилось и ему казалось, что онъ куда-то падаетъ, притягиваемый могучимъ токомъ. Горячіе, густые и насыщенные запахомъ тлѣнія пары окружали его. Потомъ этотъ родъ сонливаго оцѣпенѣнія и полубессознательнаго состоянія разсѣялся, уступивъ мѣсто другому ощущенію. Ему казалось, что онъ стоитъ у окна поѣзда-молніи и смотритъ на

неясныя очертанія и странные пейзажи, разстилавшіеся передъ нимъ то въ блѣдно-зеленомъ, то въ красноватомъ, то даже въ темно-фіолетовомъ полусвѣтѣ.

Вдругъ онъ почувствовалъ такой неожиданный толчекъ, что закрылъ глаза. Движеніе остановилось.

Супрамати со вздохомъ открылъ глаза. Не проснулся ли онъ отъ фантастическаго сна? Не очнулся ли отъ галлюцинаціи сумасшествія? Возможно ли въ дѣйствительности все то, что онъ видѣлъ, перечувствовалъ и переиспыталъ? Не очутится ли онъ снова въ своей скромной комнатѣ? Не увидитъ ли, какъ солнечные лучи, пробиваясь сквозь оконныя занавѣски, играютъ на цвѣтахъ ковра и на золоченой рамкѣ портрета его родителей?

Голосъ Дагира разсѣялъ его грезы.

— Очнись же! Мы достигли цѣли своего путешествія.

Супрамати выпрямился и съ любопытствомъ оглянулся кругомъ. Онъ стоялъ на ступеняхъ лѣстницы, сдѣланныхъ изъ чернаго камня, похожаго на базальтъ. По обѣимъ сторонамъ лѣстницы стояли лѣпныя, колѣнопреклоненныя фигуры, которыя въ поднятыхъ рукахъ держали что-то вродѣ факеловъ. Вокругъ разстилались развалины гигантскаго храма или заброшеннаго дворца.

Виднѣлись галлереи, поддерживаемыя колоннами съ надписями, сдѣланными эмальированными буквами, яркихъ цвѣтовъ. Но эта архитектура и эти орнаменты имѣли какой-то странный и незнакомый характеръ. Супрамати никогда не видалъ ничего, похожаго на это. Кромѣ того, кроваво-красный цвѣтъ атмосферы придавалъ еще болѣе странности общему впечатлѣнію.

— Гдѣ мы?—спросилъ Супрамати.

— Во дворцѣ Эбнъ-Ари. Его сейчасъ нѣтъ дома, но мы можемъ войти и подождать хозяина,—съ улыбкой отвѣтилъ Дагиръ.— Ни одинъ ларвъ не побезпокоитъ насъ! Входъ сюда имъ запрещенъ, такъ какъ здѣсь отдыхаетъ послѣ утомительныхъ трудовъ ихъ страшный царь.

Молодые люди поднялись по лѣстницѣ, прошли длинную галлерею, окружавшую съ этой стороны зданіе, и остановились передъ высокой и массивной черной дверью, на которой были вырѣзаны фигуры животныхъ и растеній.

Дагиръ толкнулъ дверь, которая тотчасъ же открылась. Тогда они вошли въ громадную залу, съ очень оригинальнымъ, куполообразнымъ потолкомъ. Кругомъ шелъ рядъ толстыхъ колоннъ, съ богатою рѣзьбой, окрашенныхъ въ яркіе цвѣта. Между колоннами стояли большія вазы, въ которыхъ пылало фіолетовое, зеленое и желтое пламя.

Эти различные цвѣта, смѣшавшись другъ съ другомъ, наполняли залу страннымъ и блѣднымъ свѣтомъ.

Въ глубинѣ залы, на эстрадѣ въ нѣсколько ступеней, стоялъ одъ трона, сдѣланнаго изъ чернаго камня. На спинкѣ трона

сидѣли двѣ птицы, похожія на орловъ. Громадныя распущенныя крылья ихъ образовывали надъ тронномъ родъ балдахина.

Среди залы, на высокомъ цоколѣ, былъ утвержденъ большой, бѣлоснѣжный крестъ, окруженный, какъ ореоломъ, голубоватымъ, сверкающимъ облакомъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга были разставлены каменныя скамейки. Боковая дверь вела въ другую залу, такихъ же размѣровъ и меблированную съ мрачною роскошью. Кроваво-красный свѣтъ, заливавшій ее точно заревомъ пожара, придавалъ ей какой-то особенно зловѣщій видъ.

Изъ этой второй залы дверь вела на террасу, у подножія которой, теряясь изъ вида, разстилался громадный садъ. Огромныя деревья имѣли густую, почти черно-зеленую листву; покрытые цвѣтами кусты образовывали группы; вдали виднѣлось озеро, съ гладкою, сверкающей поверхностью, а немного ближе низвергался каскадъ съ синихъ скалъ, цвѣта индиго. Но царившая всюду мертвая тишина представляла полный контрастъ съ этимъ видомъ, полнымъ жизни. Не шевелился ни одинъ листокъ, не доносилось ни малѣйшаго звука со стороны каскада! Супрамати уже открылъ ротъ, чтобы предложить вопросъ своему спутнику, какъ вдругъ, между кустами, на небольшой лужайкѣ, онъ замѣтилъ нѣсколько человѣческихъ фигуръ и, почти бѣгомъ, направился къ нимъ.

Но Супрамати почти такъ же быстро остановился, съ удивленіемъ смотря на молодую и красивую женщину, неподвижно стоявшую въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Она казалось остановилась въ вихрѣ танца. Рука ея была поднята надъ головой, одна изъ ногъ не касалась земли, тонкая туника обернулась вокругъ тѣла отъ быстроты движенія и распущенные волосы развѣвались по вѣтру, а между тѣмъ, она не шевелилась. Глаза ея были широко открыты и улыбка замерла на полуоткрытыхъ губахъ.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ этой женщины, двѣнадцать молодыхъ дѣвушекъ держались за руки, какъ бы собираясь водить хороводъ, но онѣ были такъ же неподвижны, какъ и первая.

— Дагиръ! Что все это значитъ? Откуда эта мертвая тишина и эта неподвижность какъ въ природѣ, такъ и у этихъ танцовщицъ, которыя, повидимому, обратились въ статуи?

— Ты говоришь правду! Все, что ты здѣсь видишь—камень. Дотронься до листа, куста, цвѣтка или до волосъ этой женщины и ты увидишь, что все твердо, какъ камень.

Убѣдившись въ истинѣ словъ своего спутника, Супрамати вскричалъ убѣжденнымъ тономъ:

— Но здѣсь положительно все искусственное! Какое странное и, въ то же время, какое совершенное искусство! Кто сумѣлъ придать всѣмъ этимъ произведеніямъ такой жизненный видъ? Даже краски отличаются необыкновенной свѣжестью и

натуральностью, а между тѣмъ, все это камень! Только я не могу понять, что за цѣль всей этой артистической работы?

Дагиръ вздохнулъ. Грустнымъ взглядомъ окинулъ онъ зловѣщій пейзажъ, окружавшій ихъ.

— То, что ты видишь, не произведеніе искусства, а есть результатъ ужасной катастрофы, которая много вѣковъ тому назадъ обрушилась на этотъ несчастный міръ и превратила его въ планетный трупъ. Внезапный взрывъ разрушительныхъ газовъ до такой степени отравилъ атмосферу, что живущее: люди, животныя, растенія—все сразу задохлось и кристаллизовалось, сохранивъ весь натуральный видъ жизни, движенія, позы и выраженія той минуты, когда явилась смерть и моментально превратила ихъ въ статуи. Здѣсь ты находишься въ своего рода Помпеѣ, которая однако гораздо болѣе необыкновенна, чѣмъ наша земная, такъ какъ здѣсь все сохранилось, превратившись въ камень. Дотронься до низвергающейся воды каскада; она тоже превратилась въ плотную, кристаллизованную массу подъ вліяніемъ смертоносныхъ вѣяній, уничтожившихъ на этой планетѣ тепло, движеніе и свѣтъ, такъ какъ густые пары, окружающіе ее, поглощаютъ солнечные лучи, создавая красноватый, блѣдный свѣтъ, который ты видишь.

— Какъ эта планета похожа на нашу землю!

— Она составлена изъ такихъ же элементовъ. Это—клочекъ, оторвавшійся отъ космической матеріи, образовавшей нашу планету, и однѣ и тѣ же фаланги духовъ попеременно обитали на обоихъ сосѣднихъ мірахъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что за исключеніемъ нѣкоторой разницы въ частностяхъ, здѣсь царили такіе же идеи, нравы и обычаи. Цивилизація шла здѣсь такимъ же путемъ, и даже религіозныя идеи всегда переходили съ одной планеты на другую. Даже уничтоженіе жизни на этой планетѣ не разбило соединяющихъ узъ, и какъ ты видишь, наша земля отсылаетъ сюда свое строптивое флюидическое населеніе. Но пойдемъ дальше и осмотримъ сначала дворецъ, бывшую царскую резиденцію; затѣмъ я свожу тебя въ городъ, населенный теперь ларвами.

Онѣмѣвшій и взволнованный Супрамати послѣдовалъ за своимъ проводникомъ, который очевидно отлично зналъ топографію мѣста. Они прошли аллею, обрамленную деревьями и цвѣтниками, которые окружали дворецъ. Скоро они очутились передъ длинной, открытой галлереей, къ которой вело нѣсколько ступеней. Галлерея эта была полна народа. Слуги съ блюдами, амфорами и корзинами съ фруктами въ рукахъ неподвижно замерли въ своемъ озабоченномъ бѣгѣ, но все производило впечатлѣніе такой захватывающей жизненности, что Супрамати, когда онъ проходилъ около этихъ спѣшащихъ слугъ, показалось, что одинъ изъ нихъ толкнулъ его въ своемъ торопливомъ бѣгѣ.

Широкая арка, охраняемая двумя часовыми, вела въ залу пира, освѣщенную зловѣщимъ кровавымъ свѣтомъ, который про-

никалъ черезъ громадныя, открытыя окна. Въ залѣ въ два ряда тянулись длинные столы, за которыми возлежали пирующіе мужчины и женщины, костюмы которыхъ представляли смѣсь египетскихъ, греческихъ и ассирійскихъ модъ.

Потрясаемый внутреннею дрожью, Супрамати шелъ вдоль этихъ столовъ, смотря на неподвижныя лица, на которыхъ замерло выраженіе той минуты, когда ихъ неожиданно поразила смерть. Въ глубинѣ залы, на эстрадѣ, стоялъ небольшой столъ, царившій надъ всѣмъ собраніемъ, вокругъ котораго сидѣло всего шесть человѣкъ. Въ центрѣ, на креслѣ съ высокой спинкой, возсѣдалъ молодой человѣкъ съ тонкими и правильными чертами лица, съ выраженіемъ гордаго довольства. На головѣ у него было надѣто что-то вродѣ тіары, заканчивавшейся птицей съ распущенными крыльями. Руки и шея его были украшены великолѣпными драгоцѣнностями. Въ поднятой рукѣ онъ держалъ кубокъ, который готовился наполнить одинъ изъ виночерпіевъ, стоявшихъ за царскимъ сѣдалищемъ.

Гордая и самодовольная улыбка освѣщала его лицо, а полуоткрытыя губы безъ сомнѣнія говорили, когда вѣяніе смерти заставило ихъ навсегда умолкнуть.

Затуманившимся отъ волненія взоромъ смотрѣлъ Супрамати на эту залу пиршества, превратившуюся въ кладбище, и на эту разряженную, радостную и оживленную толпу, представлявшую изъ себя теперь однѣ только каменныя статуи. Какое ужасное memento mori бренности человѣка.

— Пойдемъ! — сказалъ Дагиръ, беря Супрамати за руку.— Здѣсь только остатки быстро угасшей цивилизаціи, въ городѣ же ты увидишь ларвовъ, вампировъ и все то населеніе, которое жаждетъ реальной жизни и должно прозябать среди этого кристаллизованнаго міра.

— Какъ ужасно здѣсь, среди этой мертвой тишины, въ этомъ обществѣ мертвыхъ, освѣщенномъ краснымъ свѣтомъ!

— О! Ларвы и вампиры — тоже умершіе. Но идемъ! Красавцы воины, дежурящіе здѣсь у царскаго стола и охраняющіе двери, не помѣшаютъ намъ выйти отсюда.

Потрясаемый дрожью сверхъ естественнаго ужаса, Супрамати прошелъ мимо вооруженныхъ статуй, окружавшихъ тронъ и выстроенныхъ по широкой лѣстницѣ, которая вела изъ смежной залы на большой дворъ, загроможденный всевозможными колесницами и носилками. Чья-то осѣдланная лошадь, съ развѣвающимися гривой и хвостомъ, поднялась на дыбы, сдерживаемая конюхомъ. Чудное животное могло бы служить великолѣпною моделью для скульптора. У самой лѣстницы остановились носилки. Молодая и красивая женщина, въ роскошномъ и богатомъ костюмѣ, выходила изъ носилокъ и, повернувъ головку, казалось, отдавала какое-то приказаніе внимательному и почтительно стоявшему передъ ней служителю.

— Какой ужасный видъ! Мы не безъ труда проберемся че-

[illegible] Супрамати.—Какой праздникъ [illegible] всѣ эти могущественные, богатые [illegible] которые въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ [illegible] среди своихъ почтительныхъ слугъ, [illegible] могучимъ и таинственнымъ вѣяніемъ, [illegible] жизнь, величіе и могущество? Какимъ [illegible] ужасомъ подобныхъ катастрофъ!

[illegible] мало знаемъ изъ того, что дѣлается во- [illegible] отъ пониманія законовъ, управляющихъ [illegible] Дхаръ.

[illegible] разговаривать, они прошли дворъ, затѣмъ другой, [illegible] рый, и вышли на широкую набережную, тянув- [illegible] рѣки, покрытой судами всевозможныхъ формъ и [illegible] большая часть которыхъ была убрана цвѣтами. На [illegible] рѣкѣ толпились пассажиры.

[illegible] возвышенномъ берегу рѣки разстилался городъ, пере- [illegible] широкими улицами, обрамленными изящными и об- [illegible] домами. Орнаментовка и роскошное убранство этихъ [illegible] указывали на утонченную уже цивилизацію.

[illegible] какъ и всюду, виднѣлось многочисленное населеніе, [illegible] остановленное среди своихъ дѣлъ и удовольствій. Но [illegible] человѣческихъ статуй двигались и живыя существа, съ ли- [illegible] искаженными страстями, со скотскимъ и страдальческимъ [illegible], безстыдно выставляя свои обнаженныя тѣла, по- [illegible] отвратительными ранами.

Видишь ты этихъ мужчинъ и женщинъ, всѣхъ возра- [illegible], которые такъ ужасно загрязнили свое духовное тѣло? Они, какъ и прежде, полны неутолимыхъ желаній. Они отталкиваютъ очищеніе черезъ страданіе, какъ единственное спасеніе, могущее вырвать ихъ изъ того ужаснаго положенія, въ которое поставило ихъ разлученіе съ плотскимъ тѣломъ и которое сдѣлало изъ нихъ существа, принадлежащія двумъ мірамъ, причемъ они не могутъ вполнѣ ассимилироваться ни съ однимъ.

Ихъ пребываніе здѣсь — жестокая казнь, особенно же для тѣхъ, которые были оторваны отъ пріятнаго занятія, высасыванія жизненной силы у воплощенныхъ или присасыванія къ какому нибудь индивидууму, чтобы, при помощи его органовъ, наслаждаться плотскими ощущеніями.

Донъ Ари и его подчиненные приводятъ сюда сотнями эти отвратительныя и вредныя существа, которыя съ яростью и отчаяніемъ бродятъ среди тысячи окружающихъ ихъ искушеній. Всѣ ихъ чувства возбуждаются видомъ столовъ, загроможденныхъ кушаньями, и столькихъ мужчинъ и женщинъ, въ полномъ [illegible] молодости и красоты. Однимъ словомъ, нѣтъ страсти, [illegible] не нашла онъ здѣсь предмета для своего обостренія, а [illegible], здѣсь все мертвъ! Ни малѣйшаго вѣянія жизни не [illegible] здѣсь для удовлетворенія возбужденной жажды на-

слажденія. Страшно богохульствуя, существа эти устраиваютъ между собой отвратительныя оргіи и предаются въ этой тишинѣ и въ этомъ мракѣ самымъ гадкимъ страстямъ.

— Городъ, кажется, имѣетъ очень большое населеніе? — замѣтилъ Супрамати, съ отвращеніемъ смотря на вампирическіе призраки, бродившіе вокругъ человѣческихъ статуй.

— Безъ сомнѣнія! И не въ одномъ этомъ городѣ, но и во многихъ другихъ на этомъ континентѣ и на всемъ шарѣ,—со вздохомъ отвѣтилъ Дагиръ.—Но идемъ!—прибавилъ онъ.—Я хочу показать тебѣ еще одно мѣсто, зловѣщій и грандіозный видъ котораго оставилъ во мнѣ неизгладимое впечатлѣніе еще съ перваго раза, когда я былъ здѣсь.

Тяжело дыша въ этой атмосферѣ, не обитаемой для всякаго существа, живущаго въ обыкновенныхъ условіяхъ, Супрамати слѣдовалъ за своимъ другомъ. Они прошли нѣсколько улицъ и поднялись на высокій холмъ, на вершинѣ котораго высилось громадное зданіе, массивные контуры и тяжелыя колонны котораго рѣзко вырисовывались на красномъ фонѣ атмосферы.

Увѣнчивая громадный куполъ, стояла гигантская крылатая фигура, задрапированная въ тунику. Въ одной рукѣ она высоко держала большой крестъ, а другой поднесла къ губамъ трубу. На головѣ у нея была надѣта корона, каждый зубецъ которой переливалъ, подобно блуждающему огоньку, различнымъ цвѣтомъ. Всѣ эти огни прыгали, двигались и переливали, какъ фейерверкъ, на головѣ статуи, образуя ей странный ореолъ, который волшебно вырисовывался на темно-кровавомъ фонѣ неба.

— Что это такое?—спросилъ Супрамати.

— Это—статуя ангела Божія, призывающаго людей къ молитвѣ и показывающаго имъ символъ вѣчности, который всюду одинъ и тотъ же. Прежде, какъ мнѣ разсказывали, изъ этой трубы, во время совершенія богослуженія, слышался замѣчательно красивый и гармоничный гимнъ, такъ какъ искусно сдѣланный механизмъ приводилъ въ движеніе инструменты, похожіе на органы. Теперь — разсказывалъ мнѣ однажды Эбнъ-Ари, — между ларвами ходитъ легенда, гласящая, что въ часъ окончательнаго разрушенія планеты, труба ангела снова прозвучитъ и все окаменѣвшее населеніе, а также вся природа оживутъ, и что только при финальной катастрофѣ все дѣйствительно умретъ. Легенда утверждаетъ, что весь этотъ окаменѣвшій народъ есть страшный памятникъ Божьяго гнѣва, наказавшаго такимъ образомъ людей, истощившихъ терпѣніе и милосердіе Господа своими злодѣяніями, своимъ презрѣніемъ всѣхъ Божескихъ и человѣческихъ законовъ и своими братоубійственными войнами.

Продолжая разговаривать, они поднялись по высокой монументальной лѣстницѣ, высѣченной въ каминѣ, похожемъ на порфиръ, но гораздо болѣе красномъ и прозрачномъ. По обѣимъ

сторонамъ лѣстницы виднѣлись нищіе, калѣки и продавцы, вѣроятно, священныхъ предметовъ, но Супрамати не обратилъ на послѣднихъ никакого вниманія, до такой степени его взволновалъ и поглотилъ все вниманіе видъ обездоленной толпы, протягивавшей руку прохожимъ и навѣки прикованной къ занимаемому ею мѣсту. Несмотря на все, что онъ уже видѣлъ, впечатлѣніе было такъ подавляюще, что сердце Супрамати усиленно билось, когда онъ вошелъ въ широко открытыя двери храма, погруженнаго въ красноватый сумракъ.

Несмотря на зловѣщій полусвѣтъ, Супрамати могъ ясно различить всѣ подробности того, что его окружало.

Эмальированные яркими цвѣтами пилястры поддерживали сводъ; между колоннами стояла неподвижная толпа вѣрныхъ. Нѣсколько ступеней вело въ святилище, по обѣимъ сторонамъ котораго стояли пѣвцы и пѣвицы, держа въ рукахъ свои инструменты. Пальцы ихъ, казалось, блуждали по струнамъ, а рты были полуоткрыты. Разрушительное вѣяніе, несшее смерть, такъ быстро пронеслось здѣсь, что не дало даже времени сомкнуть губы.

Передъ входомъ въ святилище стояла высокая и величественная фигура священника. Длинная бѣлая борода падала ему на грудь, одежды его сверкали драгоцѣнными камнями, а обѣ руки были подняты въ торжественномъ воззваніи. За нимъ, въ глубинѣ святилища, смутно виднѣлся золоченый крестъ и подсвѣчникъ о семи рожкахъ.

Вдругъ, среди статуй священниковъ и во мракѣ святилища Супрамати замѣтилъ какія-то странныя существа, которыя двигались и переходили съ мѣста на мѣсто. Съ дрожью ужаса, онъ узналъ вампирическія существа, которыя съ глухимъ стономъ сидѣли или лежали на каменныхъ плитахъ.

— Что это значитъ? Что они дѣлаютъ?—спросилъ испуганный Супрамати.

— Они пришли искать помощи и облегченія въ этомъ мѣстѣ, посвященномъ божеству. Здѣсь, въ этой тяжелой атмосферѣ, сохранился отчасти чистый и благотворный флюидъ молитвы, вѣры и порыва къ Создателю. Сюда приходятъ тѣ несчастные, которые, утомленные казнью, жаждутъ возобновленія. Видъ символа вѣчности и искупленія черезъ страданіе возрождаетъ въ ихъ омраченныхъ душахъ желаніе сбросить съ себя душащую ихъ грязь и вернуться на путь искупленія, работы и восхожденія,—отвѣтилъ Дагиръ, осѣняя себѣ крестнымъ знаменіемъ.

Супрамати послѣдовалъ его примѣру, и изъ ихъ душъ вознеслась горячая молитва за изнемогающихъ здѣсь несчастныхъ, моля Создателя помочь имъ и поддержать ихъ на узкомъ и тернистомъ пути освобожденія.

Затуманенный отъ волненія взоръ Супрамати на минуту точно приросъ къ вдохновенному лицу священника, изъ полуоткрытыхъ губъ котораго вознеслась молитва — вѣроятно бла-

гословеніе собравшейся толпы. Чувство невыразимой жалости и почтенія трепетало въ сердцѣ Супрамати. Каково же было могущество чистыхъ силъ, вызванныхъ здѣсь, если даже слѣдъ ихъ сохранился, какъ возрождающій источникъ, проливающій жизнь, силу и надежду среди этого міра смерти и неподвижности?

Супрамати преклонилъ колѣна и долго молился. Затѣмъ, поднявшись на ноги, онъ сталъ просить своего спутника покинуть это мѣсто отчаянія, видъ котораго страшно угнеталъ его.

— Твое желаніе не особенно любезно по отношенію господина этого мѣста. Развѣ можемъ мы уѣхать не повидавшись съ Эбнъ-Ари? Кромѣ того, намъ нужно исполнить здѣсь одинъ долгъ, а именно: навѣстить нашихъ братьевъ безсмертныхъ, адептовъ эликсира жизни, которые ожидаютъ здѣсь своего освобожденія черезъ смерть или перемѣщенія на другой формирующійся міръ,— съ улыбкой замѣтилъ Дагиръ.

Супрамати страшно поблѣднѣлъ и отступилъ назадъ.

— Великій Боже! Здѣсь есть безсмертные?—сказалъ онъ, сжавъ голову обѣими руками.—Здѣсь есть несчастные, пережившіе гибель своей планеты? Есть живые среди этихъ развалинъ и труповъ!.. Но, вѣдь, ихъ казнь въ тысячу разъ больше, чѣмъ казнь страждущихъ духовъ, заключенныхъ здѣсь! Чѣмъ же они живутъ здѣсь? Вѣдь это ужасно!!

— Своимъ знаніемъ, мой другъ, и первоначальной матеріей, которой они обладаютъ. Повторяю тебѣ, что съ нашей стороны было бы крайне нелюбезно пренебречь ихъ присутствіемъ на этой планетѣ.

— Безъ всякаго сомнѣнія! Идемъ же! Развѣ могъ бы я даже подумать удалиться отсюда, если зналъ бы объ ихъ присутствіи здѣсь?—нетерпѣливо перебилъ его Супрамати.—Идемъ же скорѣй къ нимъ! Но скажи мнѣ, Дагиръ: знаютъ ларвы, что здѣсь есть живые люди?

— Для нихъ это вовсе не интересно, такъ какъ они не могутъ проникнуть къ безсмертнымъ.

Они вышли изъ храма и направились къ окраинамъ города. Проходя черезъ одинъ большой садъ, Супрамати споткнулся на какую-то вещь. Когда онъ наклонился, то увидѣлъ, что это былъ трупъ двухъ или, самое большое, трехъ мѣсячнаго ребенка, котораго мать, вѣроятно, положила на траву, такъ какъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него стояла женщина, съ развернутымъ бѣльемъ въ рукахъ, готовясь завернуть въ него очаровательное маленькое созданіе, съ курчавой головкой.

— Дагиръ! Можно что-нибудь унести съ собой отсюда на память, напримѣръ, хоть этого ребенка, котораго я положилъ бы на своемъ письменномъ столѣ въ качествѣ пресъ-папье? Это служило бы мнѣ доказательствомъ, что я не грезилъ, не сходилъ съ ума и не былъ жертвой невѣроятной галлюцинаціи.

— Отчего же нѣтъ! Насколько мнѣ извѣстно, это не запре-

щено, и я охотно приготовлю этого ребенка такъ, чтобы ты могъ взять его съ собой. Прежде всего, его необходимо отдѣлить отъ земли электрическимъ токомъ, а затѣмъ, на время, освободить его отъ тяжести и плотности. Но пойдемъ прежде и навѣстимъ нашихъ братьевъ круглаго стола вѣчности.

— А ихъ много здѣсь? Почему же ларвы и другіе нечистые духи не могутъ проникнуть къ ихъ жилище?— спросилъ Супрамати.

— Потому что это люди уже очищенные, а знаніе вооружило ихъ могуществомъ, достаточнымъ для того, чтобы держать на почтительномъ разстояніи такіе вредные элементы. Что же касается числа безсмертныхъ, то оно, понятно, очень ограничено и никогда не увеличивается, хотя и состоитъ изъ двухъ половъ. Это происходитъ оттого, что рожденія среди нихъ не могутъ имѣть мѣста, благодаря тѣмъ исключительнымъ условіямъ, въ которыхъ они находятся. Впрочемъ, и они сами не желаютъ ихъ.

Выйдя изъ города, Дагиръ начерталъ въ воздухѣ жезломъ какой-то кабалистическій знакъ. Тотчасъ же оба они поднялись на воздухъ и тяжело, медленно полетѣли къ цѣпи горъ, видневшихся на горизонтѣ.

Тамъ, казалось, собралась масса густыхъ и бѣловатыхъ облаковъ. Когда они приблизились, то эта облачная, густая масса произвела на Супрамати впечатлѣніе стѣны, окружавшей громадную долину.

— Да, это, дѣйствительно, флюидическая ограда владѣній братства безсмертныхъ,—замѣтилъ Дагиръ, когда оба они проносились сквозь туманную стѣну.

За этой оградой разстилался совершенно иной міръ: это была зеленѣющая долина, обрамленная скалами. Воздухъ здѣсь былъ густъ, и, вмѣсто кроваво-краснаго освѣщенія, царившаго повсюду, здѣсь блѣдный, но ясный свѣтъ освѣщалъ всѣ предметы. На одной изъ возвышенностей стояло большое и массивное зданіе, окруженное высокими, толстыми стѣнами.

Вотъ крѣпость нашихъ братьевъ,— сказалъ Дагиръ, останавливаясь передъ запертыми воротами.

Затѣмъ, онъ начерталъ въ воздухѣ кабалистическій знакъ, очевидно, изображавшій какое-то слово на языкѣ, общемъ всѣмъ посвященнымъ, даже находящимся на другой планетѣ.

Минуту спустя, дверь открылась, и наши путники вошли въ длинную сводчатую галлерею, у входа въ которую ихъ встрѣтилъ старикъ, такой свѣжій и сильный, что казался юношей. Онъ обмѣнялся съ Дагиромъ привѣтствіемъ, пожалъ руку Супрамати и повелъ ихъ въ залу, гдѣ собралось человѣкъ двѣнадцать людей различнаго возраста. Всѣ были высоки ростомъ, красивы, зеленоватыми, блестящими глазами.

Тотчасъ же окружили вновь прибывшихъ. Къ крайнему удивленію, Супрамати убѣдился, что онъ понимаетъ,

если не все, то большую часть того, что они говорили. Языкъ, на которомъ говорили безсмертные, походилъ на санскритскій, но только былъ болѣе разработанъ и болѣе богатъ выраженіями.

Дагиръ объявилъ, что онъ привелъ съ собой безсмертнаго брата, проходящаго первую степень посвященія, который никакъ не можетъ понять, какъ они живутъ въ этомъ мертвомъ мірѣ?

— Я ему сказалъ, что вы живете здѣсь, благодаря вашему знанію. Если бы кто нибудь изъ васъ согласился сдѣлаться его чичероне и показалъ бы ему ваши владѣнія, которыя такъ интересуютъ его, я былъ бы глубоко признателенъ ему. Я могъ бы остаться поговорить съ вами, пока мой товарищъ убѣдился бы въ тѣхъ чудесахъ, какія можетъ создать знаніе даже въ умершемъ мірѣ.

Одинъ молодой человѣкъ, съ грустнымъ и мечтательнымъ взоромъ, тотчасъ же отдѣлился отъ группы, и подойдя къ Супрамати, сказалъ ему съ меланхоличной улыбкой:

— Не желаешь ли ты, мой братъ, пойти со мной? Я съ удовольствіемъ буду служить тебѣ проводникомъ.

Супрамати съ благодарностью принялъ это предложеніе. Они прошли нѣсколько залъ и спустились въ садъ. Проводникъ показалъ Супрамати тщательно обработанныя поля, которыя, казалось, тянулись до самой границы скалъ, обрамлявшихъ долину. Далѣе же ничего не было видно, кромѣ густыхъ облаковъ, которыя подобно стѣнамъ выступали на горизонтѣ и терялись въ сѣроватомъ небѣ.

Здѣсь всюду царила жизнь. Виднѣлись деревья, плоды, цвѣты, птицы, чирикавшія на листвѣ, стада, мирно пасшіяся на травѣ, и вода, съ ропотомъ ниспадавшая со скалъ. Вдали сверкала гладкая поверхность большого озера. Одного только голубого неба и живительныхъ лучей не хватало этому мирному и веселому пейзажу.

Продолжая внимательно все осматривать, Супрамати бесѣдовалъ со своимъ спутникомъ, старался приспособиться къ его языку, который онъ понималъ только отчасти. Въ этомъ случаѣ ему помогло его знаніе санскритскаго языка — и скоро оба они могли свободно объясняться. Супрамати спросилъ, какимъ образомъ они избѣжали общей катастрофы и какъ имъ удалось оживить этотъ уголокъ?

Проводникъ вздохнулъ.

— Ты вызываешь грустныя воспоминанія, но я понимаю твое законное любопытство и постараюсь удовлетворить его, разсказавъ тебѣ то, чему я самъ былъ свидѣтелемъ. Прежде всего я долженъ сказать тебѣ, что намъ было извѣстно приближеніе катастрофы...

Видя удивленіе Супрамати, онъ прибавилъ съ улыбкой:

— Мы были бы очень жалкими мудрецами, если бы не пред-

видѣли подобной катастрофы! Что было особенно тяжело, такъ это то, что мы не могли ни предупредить, ни избѣжать ее. Итакъ, нашимъ магамъ было извѣстно, что должно случиться. Такое нарушеніе равновѣсій атмосферы, какое случилось здѣсь, всегда влечетъ за собой моментальную смерть и кристаллизацію всей поверхности планеты. Внутренній жаръ исчезаетъ, а шаръ планеты окутывается такимъ толстымъ слоемъ газовъ и паровъ, что солнечные лучи не могутъ пронизать его. Итакъ, смерть нашей планеты была неизбѣжна, но «мы», безсмертные, не могли умереть. Поэтому мы должны были обезопасить себѣ убѣжище, гдѣ могли бы существовать,—живой оазисъ среди этого планетнаго трупа. Для достиженія этой цѣли у насъ въ распоряженіи находилась первоначальная эссенція жизненнаго эликсира, какъ вы ее называете. Подъ руководствомъ нашихъ маговъ, мы окропили жизненной эссенціей землю этой долины, впрыснули ее растеніямъ и подмѣшали къ корму животныхъ. Однимъ словомъ, мы создали неразрушимое, но ограниченное мѣсто, въ предѣлахъ котораго могли очищать атмосферу и поддерживать условія, необходимыя для сноснаго существованія. Сдѣлавъ все это, мы живемъ здѣсь совершенно особенной жизнью, всецѣло отдавшись наукѣ и терпѣливо ожидая минуты нашего освобожденія, разъ уже судьба осудила насъ жить и даже пережить планету, на которой мы родились.

Невольная дрожь пробѣжала по тѣлу Супрамати. Весь ужасъ такого существованія безъ конца, на какое онъ тоже безумно осудилъ себя, съ новою силой овладѣлъ имъ. Отеревъ дрожащей рукой потъ, выступившій у него на лбу, онъ тихо замѣтилъ:

— Да, наша участь ужасна! Но еще ужаснѣй присутствовать при подобныхъ катастрофахъ и переживать ихъ. Если воспоминаніе не будетъ для тебя слишкомъ тягостно, не согласишься ли ты, братъ мой, передать мнѣ свои ощущенія въ минуту ужасной катастрофы и то, что ты перечувствовалъ послѣ, когда очутился во мракѣ на этой умершей землѣ? Мнѣ кажется невыносимой казнью не быть въ состояніи оставить ограду этой долины, гдѣ наука поддерживаетъ видъ жизни, не очутившись во мракѣ, не натолкнувшись на тысячи труповъ и не слыша стоны и богохульства отвратительныхъ и предательскихъ существъ, для которыхъ этотъ планетный трупъ, какъ ты его называешь, служитъ темницей.

Проводникъ Супрамати сначала ничего не отвѣтилъ. Онъ молча поднялся по ступенькамъ большого павильона, обрамленнаго деревьями, близь котораго они находились въ данную минуту. Большая, открытая зала была обнесена баллюстрадой. Безсмертный пустынникъ облокотился на баллюстраду, и указавъ на разстилавшійся передъ ними пейзажъ, сказалъ глухимъ голосомъ:

— Это правда! Жизнь длинна и тяжела; но тѣмъ не менѣе слѣдуетъ ее дѣлать еще тягостнѣй, придавая ей трагическій

полный отчаянія оттѣнокъ. Мы пользуемся завиднымъ комфортомъ. Окружающая насъ природа прекрасна, несмотря на всю свою странность; развалины прошлаго, собранныя за предѣлами нашей долины, есть неизбѣжный результатъ времени, которое уничтожаетъ все, правда, медленнѣе, чѣмъ катастрофы, но не менѣе вѣрно. Наконецъ, передъ нами разстилается громадное поле для научныхъ занятій и изслѣдованій, а за работой забывается все остальное. Повѣрь мнѣ, мой братъ, что истинный міръ человѣка заключается въ немъ самомъ и что отъ него зависитъ сдѣлать изъ него рай или адъ.

Супрамати молча прислонился къ одной изъ колоннъ, поддерживавшихъ крышу павильона, и устремилъ затуманенный взоръ на пейзажъ, тонувшій въ странномъ, блѣдномъ и прозрачномъ свѣтѣ, придававшемъ всѣмъ предметамъ замѣчательно нѣжный тонъ.

Передъ ними разстилалось большое озеро, окруженное роскошною растительностью. На зеркальной поверхности его, не волнуемой ни малѣйшимъ вѣяніемъ вѣтра, медленно плавали большія птицы съ длинной шеей и съ хохлами на головѣ. Онѣ походили отчасти на павлина, отчасти на лебедя. Тутъ были и бѣлыя, и черныя, и пурпурныя, и даже синія, какъ сафиръ, съ золотымъ хохломъ, похожія на живые драгоцѣнные камни.

Одна только царившая всюду мертвая тишина накладывала на эту прекрасную природу печать таинственности и грусти.

Супрамати повернулся и сталъ осматривать открытую залу, гдѣ они находились. Она была обширна, окружена цвѣтами и зеленью, и уставлена столиками и удобными креслами. Нѣкоторые изъ столовъ были завалены книгами и манускриптами.

— Ты видишь, мой братъ, что мы пользуемся прекраснымъ помѣщеніемъ, — сказалъ проводникъ Супрамати. — Сядемъ же здѣсь! Я исполню твое желаніе и разскажу тебѣ мои впечатлѣнія во время катастрофы. Признаюсь тебѣ, что эти воспоминанія очень тяжелы для меня, но твое любопытство такъ законно, что я считаю своимъ долгомъ удовлетворить его. Я уже говорилъ тебѣ, что мы знали, что катастрофа неизбѣжна, но намъ не было извѣстно точно время наступленія ея. По различнымъ симптомамъ, по частичнымъ пертурбаціямъ атмосферы было узнано, что роковая минута приближается и для наступленія ея былъ назначенъ семилѣтній срокъ, въ теченіе котораго, мы знали, все будетъ кончено. Всѣ наши приготовленія были кончены, но насъ давили грусть и тоска. Мы глубоко жалѣли тысячи существъ, обреченныхъ на гибель, которыя, полныя беззаботнаго легкомыслія, смѣялись надъ всѣми предупрежденіями и предсказаніями. Въ то время я считалъ уже за собой нѣсколько вѣковъ и не имѣлъ больше прямого родства, но среди обитателей города у меня были друзья и знакомые. Имъ-то я и пытался проповѣдывать молитву и раскаяніе, чтобы страшный переходъ засталъ ихъ очищенными и приготовленными. Пропо-

вѣдь моя не имѣла успѣха, такъ какъ оффиціальные ученые констатировали, что все было въ порядкѣ, что ничто въ природѣ не предвѣщало гибели и что пророки несчастья были просто смѣшны. Страшные симптомы, однако, все увеличивались возвѣщая намъ, что началось разложеніе атмосферы, которое должно было развить смертельные газы. Послѣднія недѣли ознаменовались удивительными скачками: страшный холодъ, безъ всякихъ переходовъ, смѣнялся жаромъ и наоборотъ. Въ различныхъ частяхъ планеты происходили частныя катастрофы, происходились неслыханные ураганы, были страшныя землетрясенія, открылись вулканы тамъ, гдѣ ихъ никогда не видали и, наконецъ, цѣлый архипелагъ былъ неожиданно поглощенъ водой. Наконецъ насталъ роковой день. Жара стояла страшная; воздухъ былъ густъ и удушливъ. По приказанію высшаго мага, мы собрали всѣхъ животныхъ, которыхъ хотѣли сохранить и которыя должны были [illegible] жизни, въ одномъ мѣстѣ, гдѣ на [illegible] были травы, смоченныя передъ начальной эссенціей. Но [illegible] намъ, что пробилъ часъ катастрофы. Подавленный и [illegible], я отправился въ храмъ. Я хотѣлъ помолиться, а потомъ пройти къ своимъ друзьямъ, участь которыхъ страшно безпокоила меня. Всѣ горожане были на ногахъ и [illegible] ужасомъ. Я долженъ прибавить, что не задолго до этого была отмѣнена [illegible] и опустошительная война большой [illegible], [illegible] нашимъ маленькимъ царемъ. Наканунѣ [illegible] въ столицу во главѣ [illegible] [illegible] три дня, и публичныя [illegible] и [illegible] въ горожанъ все окрестное населеніе. [illegible] въ ожиданіи смотра, который должно было состояться послѣ царскаго банкета?

[illegible] не видѣлъ меня [illegible]

— [illegible] шестьдесятъ и пятнадцать тысячъ [illegible] остались [illegible] тамъ лагеремъ. Но возвращаюсь къ моему разсказу.

Я [illegible] и [illegible] направился въ храмъ. При [illegible] и [illegible] переполнявшей улицы, сердце мое [illegible] жизнь всѣхъ этихъ тысячъ [illegible] въ нѣсколькихъ минутъ.

Я [illegible] съ [illegible], сопровождавшимъ меня, [illegible] въ городѣ и только на слѣдующій [illegible]

[illegible] Божественная служба подходила къ [illegible] покинуть храмъ, какъ вдругъ случи[illegible] атмосфера трещала и ее боро[illegible] между собой, синія, зеленыя, желтыя, [illegible] Тѣмъ все казалось воспламе[illegible] изъ земли, изъ стѣнъ, изъ лю[illegible] и изъ всѣхъ предметовъ. Это былъ [illegible] мои кружилась голова. Я задыхался.

Страшная боль пробѣгала по всѣмъ моимъ членамъ. Каждый фибръ моего существа, казалось, отрывался и горѣлъ отъ соприкосновенія съ пламенемъ, исходившимъ изъ меня. Затѣмъ я потерялъ сознаніе.

Сколько времени пролежалъ я въ такомъ состояніи, я не знаю, но когда я открылъ глаза, дневной свѣтъ смѣнился кроваво-краснымъ свѣтомъ, который ты видѣлъ и который придаетъ всему такой зловѣщій оттѣнокъ.

Смертельный страхъ овладѣлъ мной. Въ эту минуту я забылъ и мое безсмертіе, и мое знаніе. Теперь я былъ не болѣе, какъ ничтожный атомъ человѣчества, дрожащій передъ разрушеніемъ и сознающій свою слабость и безсиліе передъ разыгравшимися стихіями.

Я не понялъ также, что все уже кончено и думалъ, что все было только прологомъ къ катастофѣ. Безъ сомнѣнія, теперь земля задрожитъ и разсядется, раздастся подземный громъ, рѣки выступятъ изъ береговъ, а изъ нѣдръ міра извергнутся разрушительные потоки лавы, пепла и смертоносныхъ газовъ. Холодный потъ выступилъ у меня на тѣлѣ.

Все, что я разсказалъ тебѣ, съ быстротой молніи пронеслось въ моемъ умѣ.

Но ничто не рушилось, ничто не двигалось. Вокругъ меня царила полная тишина, но именно эта-то мертвая тишина послѣ такого шумнаго оживленія и бросала меня въ дрожь. Я оглянулся кругомъ. Всюду стояли толпы, но только неподвижно, точно пораженные ужасомъ. Я подбѣжалъ къ ближайшему человѣку и схватилъ его за руку, но она была холодна и тверда, точно камень. Дрожа отъ ужаса, я откинулся назадъ. Вторично человѣческая природа съ ея мелочными слабостями поразила меня. Только теперь понялъ я весь смыслъ сдѣланнаго намъ откровенія: «Моментальная смерть и кристаллизація всей поверхности планеты».

И такъ, все свершилось! Всѣ эти человѣческія существа, стоящія вокругъ меня, какъ живыя—были труппы, окаменѣвшіе точно по мановенію волшебнаго жезла. А я былъ живъ! Я уцѣлѣлъ при ужасной катастрофѣ! Что я перечувствовалъ въ ту минуту, превосходитъ всякое описаніе. Мнѣ было страшно самого себя, страшно будущаго! Точно охваченный безуміемъ, я бросился впередъ. Если бы кто-нибудь видѣлъ меня въ ту минуту, то ни за что не повѣрилъ бы, что передъ нимъ безсмертный представитель высшаго знанія.

Скорѣй инстинктъ, чѣмъ размышленіе, привелъ меня въ домъ моихъ друзей. На порогѣ двери стоялъ привратникъ. Какъ ураганъ пронесся я мимо него и проникъ въ комнату, гдѣ обыкновенно собиралось все семейство.

Всѣ были въ сборѣ. Хозяинъ дома, его жена и ихъ сынъ разговаривали у открытаго окна. Остальные члены семьи стояли у стола, и старшая сестра раздавала имъ фрукты.

ливо. А какіе красивые юноши и очаровательныя женщины встрѣчаются среди нихъ! Ха, ха, ха!

И Эбнъ-Ари разразился пронзительнымъ и насмѣшливымъ смѣхомъ.

— Но ты очень золъ къ своимъ подданнымъ,—замѣтилъ Дагиръ.—Вѣдь это ужасно, находиться въ этомъ мракѣ и быть окруженному предметами, имѣющими только видъ жизни! Это живое кладбище—двойная казнь для страждущихъ духовъ.

На лицѣ Эбнъ-Ари появилось выраженіе неумолимаго жестокаго сарказма.

— У меня не хватаетъ милосердія жалѣть эти отвратительныя существа. Если же имъ не нравится пребываніе здѣсь, то они могутъ уйти, подчинившись неизбѣжному очищенію. Мнѣ достаточно ужъ опротивѣло управлять этимъ пансіономъ для дѣвицъ съ такими страстными вкусами. Если это будетъ продолжаться въ томъ же родѣ, то у насъ здѣсь скоро не будетъ мѣста. Если же они не хотятъ раскаяться, то пусть остаются здѣсь, переносятъ муки Таптала и удовлетворяютъ свои страсти съ каменными кавалерами и дамами.

Продолжая разговаривать, Эбнъ-Ари провелъ своихъ гостей въ смежную комнату. Тамъ они сѣли и стали говорить о странной планетѣ и о катастрофѣ, приведшей ее въ такое состояніе. Но разговоръ скоро снова перешелъ къ вопросу о ларвахъ, которые особенно интересовали Супрамати.

— Скажи мнѣ, какъ возможно, чтобы духи дѣлались до такой степени матеріальны, что даже смерть не можетъ вернуть имъ духовнаго состоянія? Затѣмъ, что должны они дѣлать для своего очищенія?—съ любопытствомъ спросилъ Супрамати.

— Причина подобнаго ихъ состоянія проста и должна быть извѣстна. Это матеріальная жизнь, полная всевозможныхъ излишествъ, которыя до такой степени пропитываютъ астральное тѣло нечистыми теченіями, что когда смерть отдѣляетъ его отъ матеріальнаго тѣла, духъ, тяжелый, какъ скала, не въ состояніи подняться въ атмосферу. Онъ чувствуетъ всѣ плотскія желанія и для ихъ удовлетворенія пользуется всѣми средствами, даже самыми преступными.

Что же касается очищенія подобныхъ существъ, то оно совершается очень медленно и тяжело и требуетъ раскаянія, сосредоточенія и горячихъ молитвъ. Чтобы облегчить имъ эту работу, здѣсь поставленъ крестъ, насыщенный чистыми флюидами, отъ прикосновенія къ которому они могутъ очищаться и укрѣпляться, пока не достигнутъ достаточной степени легкости, чтобы оставить этотъ міръ и его ужасную атмосферу и перейти въ сферу приготовленія къ воплощенію.

Если тебѣ интересно видѣть подобную работу очищенія, то я могу ее показать тебѣ. У насъ, какъ разъ, есть духъ съ доброю волей, жаждущій покинуть насъ.

Супрамати горячо поблагодарилъ его. Всѣ трое прошли въ

залу, гдѣ они уже были, въ центрѣ которой высился бѣлый крестъ, сверкавшій, какъ снѣгъ на солнцѣ.

Недалеко отъ двери Эбнъ-Ари остановился и указалъ рукой на какое-то существо со смутнымъ человѣческимъ контуромъ. Существо это припало къ цоколю и, обвивъ его обѣими руками, прижалось лбомъ къ подножію креста.

Изъ символа искупленія, казалось, исходили огненные лучи и потоки голубоватаго пара, которые проникали въ тѣло склоненнаго существа, дѣлая его все прозрачнѣй и воздушнѣй. Минутами яркія молніи бороздили крестъ сверху до низу. Вдругъ голубоватый ореолъ, окружавшій его, заколебался и сталъ вибрировать, а колѣнопреклоненный духъ медленно поднялся, витая въ воздухѣ, но все еще держась за крестъ. Лицо его выражало безпредѣльное счастье. Поддерживаемый голубоватыми волнами, окружавшими его, духъ все продолжалъ подниматься. Наконецъ, онъ выпустилъ крестъ и, колеблясь, поднялся до самаго свода, гдѣ, казалось, расплылся въ тѣни.

— Этотъ духъ очень скоро покинетъ насъ: онъ стоитъ ужъ на пути къ полному очищенію,—замѣтилъ Эбнъ-Ари, поворачиваясь, чтобы выйти изъ комнаты.

Супрамати задумчиво послѣдовалъ за нимъ. Затѣмъ, минуту спустя, онъ спросилъ:

— Не можешь ли ты, Эбнъ-Ари, дать мнѣ болѣе ясное опредѣленіе предмета, который насъ занимаетъ. Вы называете ларвами вредныхъ духовъ, поселенныхъ на этой планетѣ; вы говорите также о ларвическихъ духахъ. Наконецъ, я помню, что, занимаясь раньше изученіемъ оккультизма, я гдѣ-то читалъ, что современные оккультисты спеціально даютъ имя ларва психическимъ паразитамъ, созданнымъ человѣческою мыслью, личное существованіе которыхъ продолжается сообразно съ силой умственнаго напряженія, породившаго ихъ. Объясни мнѣ, ради Бога, разницу, характеризующую эти существа!

— Если бы я вздумалъ описывать и объяснять всѣ отрасли предложеннаго тобой вопроса, мы не такъ-то скоро кончили бы,— съ улыбкой отвѣтилъ Эбнъ-Ари.—Кромѣ того, ваша терминологія въ этомъ вопросѣ отчаянно бѣдна и была причиной многихъ недоразумѣній.

Современные оккультисты, говоришь ты, даютъ имя ларва человѣческой мысли, дѣятельной и творящей, которая въ теченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени живетъ, какъ отдѣльное существо, но только мысли дурной, дѣйствующей разрушительно на организмъ, какъ демоническая сила. Мнѣ же кажется, что было бы раціональнѣй называть эти эфемерныя субстанціи, живущія заимствованной жизнью, психическими паразитами, а имя ларва оставить преступнымъ духамъ, сознательно губящимъ жертвы, къ которымъ они прилѣпляются.

Я уже говорилъ тебѣ, что этотъ вопросъ необыкновенно сложенъ и что его нельзя резюмировать въ нѣсколькихъ сло-

вахъ. Мало-по малу, ты изучишь все это и на практикѣ, и въ теоріи. Я только вкратцѣ скажу тебѣ, что ларвическимъ духомъ мы называемъ духа страждущаго, плотскія желанія котораго сохранились съ такой силой, что, вмѣсто того, чтобы понять свое положеніе и стараться раскаяніемъ, молитвой и очищеніемъ разбить узы, связывающія его съ матеріей, онъ, напротивъ, ищетъ всѣми средствами насытить свои неудовлетворенныя страсти. Такіе духи жаждутъ человѣческихъ эманацій и посѣщаютъ всѣ мѣста, гдѣ въ изобиліи выдѣляется матеріальный флюидъ, какъ-то: кухни, рестораны, пиршества и оргіи. Они—неразлучные спутники порочныхъ и чувственныхъ людей, и ихъ астральное тѣло, мало-по-малу, пріобрѣтаетъ такую компактность, что они съ трудомъ двигаются даже въ густой атмосферѣ первой сферы, а потому прицѣпляются къ тѣлу живаго человѣка, которое служитъ имъ опорой. Съ этой-то минуты и начинается одержимость, а, если возможно, то и воплощеніе. Происходитъ странная вещь: въ одномъ человѣческомъ тѣлѣ обитаютъ два духа, которые оспариваютъ другъ у друга власть. Иногда остается побѣдителемъ живой человѣкъ, но чаще одерживаетъ верхъ вселившійся духъ, который и начинаетъ наслаждаться всѣми ощущеніями плотской жизни. Но подобная борьба всегда бываетъ гибельна для организма, причиняетъ пертурбаціи мозга, вызываетъ прогрессивный параличъ и заканчивается смертью.

Такіе духи нечисты, вредны и жадны до наслажденій, но они не окончательно злы, такъ какъ причиняютъ зло не изъ удовольствія его дѣлать, а изъ эгоизма, легкомыслія и жажды наслажденія. Мы называемъ ихъ ларвическіе духи.

Названіе же «ларвъ» мы даемъ убійцѣ и разбойнику пространства, который, если можетъ, овладѣваетъ тѣломъ живаго человѣка, и безъ всякаго милосердія изгоняетъ законнаго владѣльца, обрывая привязывающія его узы. Сдѣлавшись господиномъ организма, обреченнаго органическимъ закономъ на разложеніе, ларвъ ухитряется, на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, поддерживать кажущуюся жизнь, благодаря матеріальному флюиду, скопившемуся въ его астральномъ тѣлѣ, вслѣдствіе безпрестанной дѣятельности ларва надъ живыми и необыкновенной силы, какую онъ употребляетъ для сохраненія не безъ труда пріобрѣтеннаго орудія.

Подобное отвратительное существо пользуется трупомъ, въ которомъ обитаетъ, для всевозможныхъ излишествъ и для совершенія положительно неслыханныхъ вещей. Для поддержанія этой эфемерной жизненности, ларвъ съ безпощадной жестокостью обрушивается на все новыя жервы, терзаетъ ихъ и убиваетъ, такъ какъ зараженный флюидъ разложенія, который исходитъ изъ его астральнаго тѣла, смертеленъ для всякаго живаго человѣка.

Ларвъ можетъ легко матеріализоваться и поддерживать эту конденсацію въ теченіи дней, мѣсяцевъ и даже, лѣтъ, если ему

даютъ свободу возобновлять свою жизненность. Одни матеріализуюся только ночью; другіе появляются даже днемъ. Профану невозможно отличить ихъ отъ живыхъ. Только ихъ общество, ихъ соприкосновеніе гибельны для воплощенныхъ, и эти туги *) пространства не могутъ быть терпимы, а потому ихъ удаляютъ: наиболѣе покорныхъ — въ атмосферу земли, гдѣ ихъ держатъ плѣнниками, а наиболѣе опасныхъ доставляютъ сюда, гдѣ поневолѣ прекращается ихъ смертоносная дѣятельность.

На этой мертвой планетѣ, гдѣ ничто не выдѣляетъ матеріальнаго и живительнаго флюида и гдѣ ларвы вынуждены жить, наполняющая ихъ астральное тѣло и отягчающая ихъ матерія мало-по-малу испаряется.

Понятно, что если молитва и раскаяніе не сопровождаютъ подобнаго очищенія, то оно тянется очень долго и можетъ продолжаться цѣлые вѣка, такъ какъ злая воля духа служитъ препятствіемъ для очищенія.

Духъ, котораго ты сейчасъ видѣлъ молящимся у креста, принадлежитъ къ числу самыхъ старыхъ обитателей мертваго города. Это бывшій адептъ черной магіи, чрезмѣрно злоупотреблявшій своимъ роковымъ знаніемъ для удовлетворенія низкихъ инстинктовъ. Убитый возвратнымъ ударомъ при одномъ изъ своихъ злодѣяній, онъ сдѣлался ларвомъ и кончилъ тѣмъ, что былъ перенесенъ сюда.

Духъ женщины, который я привелъ сюда при тебѣ, тоже принадлежитъ къ числу самыхъ опасныхъ. Сказать по правдѣ, ее давно слѣдовало бы прогнать съ земли, но она съ адскою ловкостью всегда умѣла избѣжать ссылки, которой боялась больше всего.

Предательская и жестокая душа, колдунья и героиня средневѣковыхъ шабашовъ, эта жрица всевозможныхъ пороковъ уже перенесла заключеніе въ пространствѣ. Едва освободившись, она нашла средство снова воплотиться, хотя это ей и было запрещено.

Безъ сомнѣнія, семейство представляло для этого благопріятныя условія: отецъ и мать были преступны. Тѣмъ не менѣе, мать, несмотря на свою скотскую и нечистую природу, не вынесла соприкосновенія съ флюидами тлѣнія и съ зараженнымъ астральнымъ тѣломъ, воплотившимся въ ней. Она умерла, преждевременно произведя на свѣтъ нравственное чудовище, которое этимъ первымъ убійствомъ начало свою земную карьеру.

Безсознательно поглощая жизненный сокъ всѣхъ окружающихъ ее, которые угасали и умирали, это смертоносное существо росло, и сдѣлавшись дѣвушкой, сумѣло найти подходящую для себя среду.

Отвратительныя мистеріи древнихъ шабашовъ далеко не однѣ только легенды: онѣ совершаются и въ ваши дни. На такихъ-то

*) Туги—секта душителей въ Индіи.

отвратительныхъ сборищахъ она играла выдающуюся роль. Все вокругъ нея умирало отъ истощенія, отравленное разрушительнымъ прикосновеніемъ этого воплощеннаго вампира, получившаго прозвище «роковой Венеры».

Впрочемъ, она не ограничивалась одними только безсознательными убійствами, но устраняла съ своей дороги всѣхъ, кто стѣснялъ ее. Случайно,—если только существуетъ случай,—съ насмѣшливой улыбкой вставилъ Эбнъ-Ари,—случайно ядъ, предназначенный для соперницы, былъ выпитъ ею самой, и она умерла нѣсколько дней спустя послѣ этого случая.

Ярость ея, когда она очутилась въ пространствѣ, не поддается никакому описанію. Всѣ скотскія страсти бушевали въ ней, и для ихъ удовлетворенія она проявляла настоящую бѣшеную дѣятельность разрушенія. Въ короткій срокъ она совершила десять убійствъ; на одиннадцатомъ я поймалъ ее, какъ говорятъ, съ поличнымъ и положилъ конецъ ея похожденіямъ, приведя ее сюда, чтобы она поразмыслила о прошлыхъ успѣхахъ и успокоилась. Она оставитъ мою столицу только очищенная, но никто не будетъ принуждать ее торопиться,—закончилъ Эбнъ-Ари, съ присущимъ ему рѣзкимъ и презрительнымъ смѣхомъ.

Трепеща отъ интереса, Супрамати хотѣлъ предложить еще нѣсколько вопросовъ, но Эбенъ-Ари покачалъ головой и сказалъ:

— На сегодня довольно! Пора тебѣ, Дагиръ, увести своего неофита. Волненія, которыя онъ перенесъ, и условія, въ которыхъ находится, слишкомъ сильны даже для его безсмертнаго тѣла.

— Ты правъ! Я самъ замѣчаю, что пора уходить,—отвѣтилъ Дагиръ. — Итакъ, до свиданія на нашей землѣ, ужасный повелитель ларвовъ и покровитель ихъ жертвъ!

Эбнъ-Ари вздохнулъ.

— Меня страшно утомляетъ моя миссія и отвратительный и порочный міръ, среди котораго я призванъ дѣйствовать. Часто меня огорчаетъ и дѣлается противною та жестокая суровость, съ которой я вынужденъ дѣйствовать, но ничего не подѣлаешь. Законы должны быть уважаемы: плотская жизнь—для воплощенныхъ, а жизнь въ пространствѣ для такъ называемыхъ умершихъ.

Каждый долженъ оставаться и работать въ своей сферѣ, а я долженъ нести добровольно принятое на себя бремя до назначенной минуты.

Продолжая разговаривать, они вышли на гранитную лѣстницу, къ которой они пристали, прибывъ въ этотъ странный городъ. Дагиръ поднялъ свой жезлъ—и въ воздухѣ вырисовался [illegible]лающій знакъ. Въ ту же минуту съ Супрамати сдѣлалось го[illegible]руженіе, и онъ почувствовалъ, какъ могучій потокъ под[illegible]лъ его и стремительно увлекъ черезъ пространство.

[illegible]го послѣдовательные толчки, другое освѣщеніе и разди-

рающія вибраціи дали понять Супрамати, что они вступили въ атмосферическій поясъ земли. Вдругъ онъ почувствовалъ неожиданный и сильный толчекъ, какъ будто онъ натолкнулся на что-нибудь — и полетъ остановился. Минуту спустя, Супрамати съ удивленіемъ убѣдился, что онъ находится въ хрустальномъ павильонѣ, который онъ покинулъ вмѣстѣ съ Дагиромъ, чтобы проникнуть въ міръ четвертаго измѣренія.

Точно сквозь туманъ видѣлъ онъ, что павильонъ былъ теперь освѣщенъ пурпурнымъ свѣтомъ, а около столика стояла Нара и наливала изъ небольшой золоченой амфоры въ два кубка красную и дымящуюся жидкость.

— Выпейте, Дагиръ! Ему же необходимо основательно отдохнуть. Непривычное состояніе его тѣла окончательно истощило силы.

Супрамати слышалъ послѣднія слова и видѣлъ, какъ молодая женщина поднесла кубокъ къ его губамъ.

Сильно ароматическая жидкость тотчасъ же наполнила его организмъ живительною теплотой и невыразимымъ благосостояніемъ. Глубокая сонливость овладѣла имъ и онъ потерялъ сознаніе.

Сколько времени продолжался этотъ сонъ, глубокій какъ смерть, Супрамати не могъ отдать себѣ отчета. Когда онъ открылъ глаза, онъ лежалъ на большой кровати, съ колоннами и балдахиномъ, въ своей спальнѣ въ старомъ шотландскомъ замкѣ. Занавѣси были на-половину приподняты и пропускали яркіе лучи солнца, отливавшіе золотыми блестками на темномъ фонѣ ковра.

Въ первую минуту онъ ничего не помнилъ и чувствовалъ только настоятельную потребность въ свѣжемъ воздухѣ и свѣтѣ. Спрыгнувъ съ кровати, онъ подбѣжалъ къ окну и открылъ его. Потокъ чистаго и живительнаго воздуха ударилъ его въ лицо. Онъ облокотился на подоконникъ и съ жадностью вдыхалъ острыя испаренія океана, разстилавшагося передъ нимъ. Лучи восходящаго солнца точно золотомъ заливали вѣчно движущіяся волны океана.

Мало-по-малу смутныя воспоминанія начали возставать въ его мозгу, но картины его воздушнаго путешествія были до такой степени странны, что въ немъ сразу проснулся весь врожденный ему скептицизмъ. Со смѣшаннымъ чувствомъ недовѣрія и досады спрашивалъ онъ себя, неужели Нара и Дагиръ позволили себѣ подшутить надъ нимъ и заставили галлюцинировать, заставивъ повѣрить, что онъ дѣйствительно сдѣлалъ экскурсію въ загробный міръ.

Супрамати потянулся и хотѣлъ уже позвонить, чтобы приказать слугѣ подать себѣ одѣваться, какъ вдругъ остановился и задумчиво проворчалъ:

— Чортъ возьми! Однако, я отлично помню, что чувствовалъ совсѣмъ другое ощущеніе. Теперь я чувствую тяжесть тѣла, а

тогда я былъ до такой степени легокъ, что виталъ въ воздухѣ и терялъ равновѣсіе.

И вдругъ онъ ясно вспомнилъ все, что видѣлъ и перечувствовалъ: и Сармізля, съ его ужасною адскою логикой, и мертвую планету, и безсмертныхъ братьевъ, и Эбнъ-Ари съ его зловѣщими подданными. Впечатлѣніе этого воспоминанія было такъ сильно, что онъ на минуту прислонился къ стѣнѣ и сжалъ голову обѣими руками. Затѣмъ, какъ во снѣ, Супрамати направился къ звонку. Онъ хотѣлъ одѣться и пойти къ Дагиру, но вдругъ его смущенный взглядъ точно приросъ къ объемистой вещи, лежавшей на столѣ около кровати.

Супрамати быстро подошелъ и убѣдился, что это былъ кусокъ камня, повидимому оторванный отъ скалы. Но едва онъ наклонился надъ нимъ, какъ съ его губъ сорвался сдавленный крикъ, и онъ, потрясаемый нервною дрожью, оперся на столъ.

Передъ нимъ находилось доказательство, что его путешествіе въ загробный міръ не было сномъ.

Поверхность камня, казалось, была покрыта тонкой травой голубовато-зеленаго цвѣта. На этомъ, нѣкогда мягкомъ ложѣ, покоилось тѣло маленькаго ребенка—несравненное произведеніе зловѣщаго и разрушительнаго искусства.

Граціозные и нѣжные члены маленькаго существа, казалось, были сдѣланы изъ потемнѣвшей слоновой кости, головку его покрывали черные, какъ вороново крыло, кудри, а маленькій ротикъ былъ полуоткрытъ.

Дрожащими руками поднялъ Супрамати камень и съ жадностью сталъ разсматривать это существо, родившееся на другой планетѣ, этого безмолвнаго свидѣтеля ужасной катастрофы. Большіе, сѣро-зеленоватые глаза ребенка, казалось, устремили на него ясный и улыбающійся взглядъ; маленькія, вьющіяся пряди волосъ, прилипшія ко лбу, казались гибкими и шелковистыми, а между тѣмъ, все это было твердо, какъ камень. Съ какою ужасающей быстротой должны были дѣйствовать смертоносные газы, чтобы сохранить своимъ жертвамъ такой видъ жизни? Но какимъ образомъ Дагиръ могъ принести сюда такой тяжелый кусокъ камня?

Положивъ ребенка на столъ, Супрамати накрылъ его платкомъ. Одѣваясь, онъ рѣшилъ хранить это странное произведеніе искусства въ особой витринѣ. Затѣмъ онъ быстро прошелъ въ комнату жены. Онъ чувствовалъ неудержимую потребность тотчасъ же повидаться съ ней, передать ей свои впечатлѣнія и разспросить ее.

Въ своемъ возбужденномъ состояніи онъ рѣшилъ разбудить Нару, если она еще спитъ, но молодая женщина уже встала и сидѣла у открытой двери балкона, перелистывая книгу.

— Нара! Нужно дѣйствительно имѣть очень крѣпкую голову, чтобы не сойти съ ума отъ подобныхъ приключеній. Когда я

думаю обо всемъ, что видѣлъ и испыталъ въ послѣдній разъ, мнѣ кажется, что я видѣлъ все это во снѣ.

Нара улыбаясь протянула ему руку и, усадивъ его рядомъ съ собой на диванъ, дружески сказала:

— Не есть ли вся наша жизнь, мой возлюбленный, одинъ непрерывный сонъ? Даже событія нашей вѣковой жизни проходятъ мимо насъ, подобно мѣняющимъ театральныя декораціи картинамъ, чтобы едва показавшись, снова исчезнуть. Но разскажи же твои впечатлѣнія и перипетіи твоего страннаго путешествія въ загробный міръ.

Трепеща отъ волненія, Супрамати разсказалъ все, что онъ видѣлъ и перечувствовалъ.

— Чѣмъ больше я узнаю тайны, управляющія человѣческой жизнью, чѣмъ больше я знакомлюсь со страшными законами безконечности, тѣмъ болѣе пристращаюсь къ изученію ихъ,— закончилъ Супрамати.

— И ты хорошо поступаешь! Знаніе—это якорь спасенія нашей долгой жизни. Одно оно можетъ примирить насъ съ нравственными страданіями нашего безконечнаго существованія, которое отказываетъ намъ даже въ необходимомъ могильномъ отдыхѣ. Для насъ работа—это поддержка, забвеніе, прогрессъ, если мы не хотимъ пасть, какъ палъ Нарайана,—меланхолично замѣтила Нара.

Съ этого дня Супрамати, съ все возрастающимъ жаромъ, снова принялся за работу. Его занятія до такой степени поглощали его, что онъ забылъ все остальное. Его интересъ къ внѣшней жизни окончательно угасъ, и онъ жилъ исключительно въ странномъ мірѣ оккультнаго знанія, открывавшаго ему все новые горизонты. Теперь Дагиръ долженъ былъ останавливать его, чтобы онъ, время отъ времени, давалъ себѣ нѣсколько дней отдыха.

Въ старомъ замкѣ дней не считали. Тамъ ничего не измѣнилось и по прожнему царила спокойная роскошь, покой и уединеніе. Нѣсколько старыхъ слугъ исчезли и были замѣнены другими, тоже старыми, молчаливыми и скромными. Супрамати едва замѣчалъ эти перемѣны, такъ какъ управленіе домомъ всецѣло лежало на Нарѣ. Онъ же былъ погруженъ въ изученіе магическихъ формулъ, которыя скоро не имѣли отъ него тайнъ. Онъ могъ уже приступить къ вызываніямъ и проникать въ области черной магіи со своими страшными рецептами и со своимъ ужаснымъ могуществомъ дѣлать зло.

Супрамати не пренебрегалъ также и медициной. Только онъ изучалъ теперь совершенно новую методу леченія и употребленія новыхъ средствъ. Магнитизмъ, ясновидѣніе и гомеопатія играли при этомъ выдающуюся роль. Но съ особеннымъ стараніемъ онъ предавался упражненію воли. Дисциплинированная мысль его вызывала въ магическомъ зеркалѣ все болѣе совершенные и болѣе сложные образы. Его могучая и гибкая воля

никогда не измѣняла ему и повелѣвала нисшими духами и разрушительными элементами.

Въ неподвижной средѣ, въ которой жилъ Супрамати, измѣнился только онъ одинъ и только онъ одинъ не замѣчалъ, что отъ прежняго доктора Ральфа Моргана не осталось почти ничего. Скептическая улыбка совершенно исчезла съ губъ ученаго мага, міръ съ его ничтожными радостями, шумными развлеченіями и мелочными интересами, казалось, болѣе не существовалъ для него, а въ его большихъ, темныхъ глазахъ горѣло странное пламя, которое нѣкогда поразило его въ глазахъ членовъ безсмертнаго братства.

Однажды вечеромъ, Супрамати удачно довелъ до конца одну магическую, очень сложную операцію, которая требовала столько же знанія, сколько и энергіи. Дагиръ радостно пожалъ ему руку и сказалъ:

— Мой трудъ законченъ! Ты, братъ, пріобрѣлъ первую степень посвященія. Мы изслѣдовали зло, искали его корни и изучали противоядія. Теперь ты находишься на порогѣ бѣлой магіи. Послѣ необходимаго отдыха, мы можемъ присоединиться къ Эбрамару и подъ его руководствомъ приступить къ изученію науки свѣта.

На слѣдующій день, когда послѣ обѣда все общество перешло въ небольшую гостиную, Супрамати сталъ говорить объ ихъ отъѣздѣ въ Индію, но Нара перебила его:

— Подожди!—со смѣхомъ сказала она.—Прежде, чѣмъ схоронить себя въ Гималаяхъ, намъ необходимо отдохнуть, вернуться въ свѣтъ и сдѣлать нѣсколько небольшихъ путешествій.

— Какая нужда терять даромъ время на то, чтобы смѣшаться съ глупой толпой и безцѣльно путешествовать!—замѣтилъ Супрамати, пожимая плечами.

— Ты глубоко ошибаешься, мой другъ, и забываешь, что для того, чтобы наше знаніе сдѣлалось живымъ, мы должны примѣнять его къ людямъ, которыхъ ты называешь глупой толпой. Прежде чѣмъ приняться за новое изученіе, мы должны снова погрузиться въ свѣтъ, чтобы убѣдиться, что страсти и вихрь удовольствій не имѣютъ надъ нами власти и чтобы возобновить связывающія насъ съ человѣчествомъ узы, которыя никогда не должны обрываться, если мы не хотимъ быть смѣшными и живымъ анахронизмомъ.

— Боже мой, Нара, какъ ты все преувеличиваешь! За какихъ-нибудь три или четыре года, которые мы провели здѣсь въ одиночествѣ, мы не могли уже такъ отстать отъ общества. Но разъ и ты, и Дагиръ считаете это полезнымъ и даже необходимымъ—давайте путешествовать и вести свѣтскую жизнь! Слава Богу! У насъ нѣтъ недостатка во времени. Но куда же мы поѣдемъ?

— Прежде всего въ Парижъ, а оттуда въ Венецію. Мы можемъ также сдѣлать небольшую экскурсію въ ледники и по-

сѣтить складъ, хранителемъ котораго ты состоишь. Затѣмъ мы отправимся въ замокъ братства ко времени, когда всѣ собираются туда, чтобы отдать отчетъ въ нашихъ трудахъ и начертать программу на будущее время. Бѣдная Лори будетъ очень счастлива снова увидѣть Дагира, которымъ мы завладѣли на такой долгій срокъ. А теперь, господа, если вы одобряете мои планы, позвольте мнѣ приготовить все необходимое для нашего отъѣзда и позаботиться о нашихъ костюмахъ. Когда все будетъ готово, я увѣдомлю васъ. А пока вы можете свободно заниматься вашими обычными работами.

Предложеніе это было со смѣхомъ принято.

Результатомъ всего этого было то, что Нара имѣла конфиденціальный разговоръ съ Тортовомъ, вслѣдствіе котораго послѣдній въ тотъ же вечеръ уѣхалъ изъ замка.

VIII.

Прошло около трехъ недѣль со времени только-что описаннаго нами разговора. Однажды утромъ Нара объявила, что всѣ приготовленія закончены и что на слѣдующій же день они уѣдутъ изъ замка.

Весь остальной день мужчины посвятили приведенію въ порядокъ своихъ лабораторій и укладкѣ вещей, которыя они хотѣли взять съ собой. Однимъ словомъ, они хотѣли все устроить на время своего долгаго отсутствія.

На слѣдующее утро, слуга Супрамати подалъ своему господину новыя одежды, значительно разнившіяся по своему виду и покрою отъ тѣхъ, какія онъ обыкновенно носилъ.

— Ваша свѣтлость! Это послѣдняя лондонская мода,—сказалъ Тортовъ, замѣтивъ недовѣрчивый взглядъ своего господина.—Посмотрите! Мои одежды имѣютъ такой же покрой.

— Гм! Какъ я вижу, мода значительно измѣнилась. Мнѣ очень любопытно взглянуть на костюмъ Нары,—проворчалъ Супрамати, застегивая длинный суконный сюртукъ, цвѣта летучей мыши.

Затѣмъ, схвативъ остроконечную фетровую шляпу, онъ почти бѣгомъ направился въ комнату жены.

Нара стояла передъ зеркаломъ и оправляла шляпу. На ней было надѣто узкое суконное платье, съ разрѣзами по бокамъ, что позволяло видѣть панталоны съ буффами, черные чулки, рельефно вырисовывавшіе ноги, и маленькіе башмачки съ высокими каблуками.

— Нара! На кого ты похожа? Твое платье неприлично, а эта шляпа съ тремя перьями и громаднымъ бантомъ просто смѣшна!—вскричалъ Супрамати.

— Это—послѣдняя парижская мода!—съ эпломбомъ отвѣтила молодая женщина.

Затѣмъ, смѣривъ мужа насмѣшливымъ взглядомъ, она прибавила:

— Не воображаешь ли, что ты очень красивъ въ этомъ халатѣ и остроконечной шляпѣ? Ты положительно похожъ на жида изъ Галиціи въ полномъ парадѣ. А ты еще не хочешь вернуться въ свѣтъ и посмотрѣть, что тамъ дѣлается!

— Чортъ возьми! Я начинаю вѣрить, что мы встрѣтимъ тамъ не одинъ сюрпризъ,—со смѣхомъ возразилъ Супрамати.

Позавтракавъ съ Дагиромъ, одѣтымъ въ такой же костюмъ, какъ и Супрамати, всѣ трое вышли на подъѣздъ. На дворѣ ихъ дожидались фургонъ, запряженный парой, и изящный экипажъ безъ лошадей, кучеръ котораго сидѣлъ сзади на высокомъ сидѣніи.

Автомобиль, быстрѣй, чѣмъ лошади, помчалъ нашихъ путешественниковъ къ небольшой станціи желѣзной дороги.

Пустынная мѣстность, окружавшая замокъ, не измѣнила своего вида, но деревни, которыя они при пріѣздѣ видѣли вдали, необыкновенно разрослись, а высокія дымящіяся трубы указывали, что здѣсь образовались фабричные центры.

Станція тоже сильно измѣнилась. Изъ маленькаго строенія, затерявшагося въ просторѣ, она превратилась въ громадный вокзалъ, выстроенный исключительно изъ желѣза и стекла, и сдѣлалась центромъ кокетливаго городка, большіе дома и изящные, окруженные садами, котэджи котораго раскинулись далеко вокругъ вокзала.

Задумчивымъ и все болѣе и болѣе удивленнымъ взглядомъ смотрѣлъ Супрамати на все, что его окружало, и въ немъ съ каждой минутой все крѣпло подозрѣніе, что онъ провелъ въ старомъ замкѣ гораздо больше времени, чѣмъ предполагалъ.

Первое время своего пребыванія въ Шотландіи, Супрамати получалъ и читалъ журналы, но затѣмъ, увлекаясь все болѣе и болѣе своими занятіями, онъ сталъ пренебрегать этимъ чтеніемъ. Политика потеряла для него всякій интересъ, а свѣтскія событія, волновавшія общество, съ которымъ у него не было ничего общаго, сдѣлались для него безразличны и даже противны. Но въ настоящую минуту имъ овладѣло желаніе снова ознакомиться съ современной жизнью, и онъ, какъ только они вошли на вокзалъ, сталъ искать глазами газетчика.

Газетчика нигдѣ не было. За то онъ увидѣлъ большой павильонъ, вращавшійся вокругъ своей оси. Въ каждомъ отдѣленіи, на которыя былъ раздѣленъ павильонъ, находились нумера нѣсколькихъ журналовъ. Внизу отдѣленій былъ устроенъ автоматическій аппаратъ, указывавшій цѣну журнала.

Минуту спустя, Супрамати держалъ въ рукахъ нумеръ 'мса» и жадно искалъ глазами дату дня.

ругъ онъ поблѣднѣлъ и сложилъ газету. Нервная дрожь

пробѣжала по его тѣлу. Онъ прочелъ: 30 сентября 1940 года, а въ старый замокъ онъ пріѣхалъ въ августѣ 1900 года. Слѣдовательно, со времени его прибытія въ Шотландію прошло сорокъ лѣтъ, а не около четырехъ или пяти, какъ онъ думалъ.

Возможно ли это? Не грезилъ ли онъ?

Супрамати не имѣлъ времени рѣшить этотъ вопросъ, такъ какъ въ эту минуту безъ шума, безъ свиста и дыма къ платформѣ подошелъ поѣздъ, влекомый локомотивомъ совсѣмъ иной конструкціи. Такъ какъ остановка была очень коротка, Нара, повидимому нисколько не взволнованная, взяла мужа подъ руку и увлекла его къ одному изъ вагоновъ, куда всѣ трое и вошли поспѣшно.

Пораженный Супрамати безсильно опустился въ кресло и на минуту закрылъ глаза. У него кружилась голова. Онъ никакъ не могъ придти въ себя отъ волненія, перенесеннаго имъ, когда онъ узналъ, что почти полвѣка прожилъ въ лабораторіи. Снова имъ овладѣло сомнѣніе. Онъ поспѣшно вынулъ изъ кармана бумажникъ и сталъ въ немъ рыться. Супрамати помнилъ, что тамъ у него хранились нѣкоторыя бумаги, помѣченныя числомъ, относящимся ко времени его отъѣзда въ Шотландію. Первый листокъ, попавшій ему въ руки, оказался счетомъ на нѣсколько покупокъ, сдѣланныхъ имъ наканунѣ ихъ отъѣзда изъ Венеціи. Онъ сравнилъ дату счета съ датой газеты. Не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія: онъ незамѣтно для себя прожилъ сорокъ лѣтъ въ лабораторіи, и теперь ему уже семьдесятъ четыре года. Кто повѣритъ этому? Еще сегодня утромъ, одѣваясь, онъ любовался въ зеркало своимъ юношескимъ видомъ. Впрочемъ, онъ зналъ, что его юность вѣчна, а въ сравненіи съ лѣтами Нары онъ былъ не болѣе, какъ грудной младенецъ. Однако, не смотря на столько протекшихъ вѣковъ, нѣжная красота его жены не потерпѣла никакого ущерба, и только глаза ея, когда были задумчиво устремлены въ пространство, выдавали иногда утомленіе и разочарованіе ея долгой жизни. Очевидно, работа сокращаетъ время и Нара была глубоко права, когда говорила, что для безсмертныхъ людей болѣе, чѣмъ для всякаго другого человѣка, трудъ служитъ якоремъ спасенія.

Въ эту минуту Супрамати почувствовалъ какое-то теплое вѣяніе. Онъ поднялъ глаза и встрѣтилъ любящій взглядъ жены, которая улыбалась ему со смѣшаннымъ выраженіемъ лукавства и меланхоліи.

Супрамати выпрямился. Онъ провелъ рукой по лбу, какъ бы желая отогнать докучныя мысли, и весело сказалъ:

— Простите меня, друзья мои, что я, не смотря на всѣ ваши уроки, никакъ не могу отдѣлаться отъ прежнихъ глупостей. Такой пустякъ, какъ быстро и незамѣтно пролетѣвшія сорокъ лѣтъ, причинилъ мнѣ головокруженіе и я съ ужасомъ высчиталъ, что мнѣ теперь уже семьдесятъ четыре года. Но вотъ все уже и прошло. Я снова нахожусь на высотѣ положенія и по-

стараюсь какъ можно скорѣй ознакомиться съ дѣйствительностью. На будущее время я всегда буду стараться поддерживать сношенія со свѣтомъ, чтобы не казаться среди людей выходцемъ съ того свѣта.

— Всѣ мы въ первый разъ вынесли такіе же сюрпризы и отлично понимаемъ тебя,—отвѣтилъ смѣясь Дагиръ.

— А теперь читай свою газету, чтобы хоть немного оріентироваться,—прибавила Нара.

Супрамати углубился въ чтеніе, но оріентироваться было гораздо труднѣе, чѣмъ онъ предполагалъ. Очевидно, глубокія перемѣны произошли въ политической организаціи міра. Имена людей, управлявшихъ судьбами народовъ, были совершенно незнакомы Супрамати. Но что особенно ясно бросилось въ глаза ученому и будущему магу, такъ это тотъ неоспоримый фактъ, что болѣе чѣмъ когда нибудь случай царитъ на землѣ, что еще безпощаднѣе сильный гнететъ и эксплоатируетъ слабаго и что жестокій эгоизмъ давитъ общество, уравнивая всѣ положенія и выдвигая одного только бога — золото.

Въ Лондонѣ наши путешественники пробыли всего недѣлю. Дагиръ и Супрамати употребили это время на то, чтобы ознакомиться съ событіями, совершившимися въ теченіи протекшихъ сорока лѣтъ. Что же касается Нары, то она казалось была лучше освѣдомлена о всемъ и занялась разыскиваніемъ нѣкоторыхъ лицъ, судьбою которыхъ интересовалась.

Супрамати тоже хотѣлъ посѣтить свое бывшее жилище, но древнее строеніе временъ Кромвеля исчезло вмѣстѣ со своимъ садикомъ, уступивъ мѣсто колоссальному пятнадцати этажному дому, а самъ кварталъ, нѣкогда бывшій окраиной, превратился въ центръ громаднаго города, разросшагося во всѣ стороны.

Клиника для душевно больныхъ еще существовала, но была втрое больше, чѣмъ прежде и переполнена больными, такъ какъ случаи душевныхъ заболѣваній возрастали изъ года въ годъ въ пропорціяхъ, внушающихъ серьезныя опасенія. Какъ и слѣдовало ожидать, никто конечно и не помнилъ доктора Ральфа Моргана.

Супрамати пріобрѣлъ различные ученые труды и цѣлую коллекцію всевозможныхъ «Revue». Тщательно просмотрѣвъ пріобрѣтенныя имъ книги, онъ быстро ознакомился съ исторіей времени, протекшаго со времени его удаленія отъ свѣтской жизни, а также составилъ себѣ ясное представленіе о соціальномъ, коммерческомъ и религіозномъ состояніи общества въ ту минуту, когда онъ снова появился въ немъ.

Все, что онъ прочелъ, произвело на него невыразимо тяжелое и тягостное впечатлѣніе, такъ какъ все ясно говорило о [illegible] человѣчества, которое, обѣзумѣвъ отъ пороковъ и жад- [illegible]залось неудержимо стремилось къ своей гибели.

[illegible]олько гуманныхъ попытокъ погасить пламя войны кон- [illegible]олной неудачей. Два раза міръ былъ залитъ кровью и

усыпанъ трупами. Въ одну изъ этихъ губительныхъ компаній, побѣжденная Англія потеряла часть своихъ колоній, къ выгодѣ Америки, которая, подобно пауку, всюду протягивала нити своихъ ненасытныхъ аппетитовъ.

Торговля подъ всевозможными видами сдѣлалась знаменемъ всѣхъ интересовъ человѣчества. Золото — этотъ самый дьявольскій двигатель—вышло изъ мрака и открыто царило, какъ полный господинъ, какъ единственный кумиръ вселенной: завладѣло тронами, ниспровергло церковь, уничтожило нравственность, замѣнило правосудіе грубымъ превосходствомъ богатства. Самыя грязныя руки, если онѣ были украшены золотомъ, могли, не боясь никакой отвѣтственности, осквернять самый чистый алтарь и насмѣхаться надъ всякимъ правомъ и честью.

По мѣрѣ того, какъ развертывалась эта печальная картина и яснѣе вырисовывались всѣ ея подробности, все болѣе и болѣе глубокая грусть овладѣвала Супрамати.

Наканунѣ отъѣзда изъ Лондона, прочтя отчетъ о нѣсколькихъ процессахъ, въ которыхъ преступность и самая безстыдная несправедливость бросались въ глаза, Супрамати съ отвращеніемъ отолкнулъ книги и журналы и почти съ ужасомъ спросилъ себя, къ чему все это приведетъ?

Вдругъ ему вспомнилось древнее пророчество, сдѣланное однимъ магомъ, которое онъ прочелъ въ одномъ очень древнемъ магическомъ манускриптѣ. Въ его памяти почти дословно возстали пророческія слова:

«Изъ нѣдръ земли появится демонъ, который сдѣлается могущественнымъ союзникомъ зла. Онъ будетъ желтъ и блестящъ, а его видъ и ароматъ будетъ возбуждать самыя дурныя страсти.

«Онъ незамѣтно будетъ скользить между рукъ людей, останавливаясь только у нѣкоторыхъ. Тамъ, гдѣ онъ остановится, будетъ изобиліе удовольствій, наслажденій и почестей, но тамъ же будутъ черствѣть человѣческія сердца, а божественное пламя угаснетъ подъ тяжелой рукой демона, девизъ котораго будетъ наслажденіе какою бы то ни было цѣной.

«Затѣмъ наступитъ время, когда, наскучивъ жить у очага своихъ избранныхъ, этотъ ужасный демонъ появится на общественной аренѣ, ища могущества, почестей и обожанія.

«Возведенный на тронъ своими адептами и подданными, онъ покоритъ все, купитъ все и насмѣется надъ общимъ униженіемъ.

«Въ своей безмѣрной гордости, не сдерживаемый никакой уздой, безстыдный демонъ потребуетъ, чтобы добродѣтели простирались передъ нимъ, а великія истины служили бы ему, какъ рабы. Онъ будетъ грозить гнѣвомъ своимъ подданнымъ, если они не приведутъ къ нему загрязненною добродѣтель, нѣкогда такъ почитавшуюся.

«И воля его исполнится! Правосудіе, покрытое грязью, сортомъ, полнымъ золотой пѣны, связанное грязными руками, сдѣ-

лается неспособнымъ провозглашать истины и безпристрастно судить. Любовь, извращенная и преступная, превратится въ отвратительный развратъ и ей будутъ плевать въ лицо; милосердіе сдѣлается простымъ предлогомъ для злоупотребленія, пустымъ словомъ, при помощи котораго будутъ выманиваться подарки и пособія у глупцовъ; наконецъ, вѣра—эта божественная утѣшительница—гонимая и осмѣянная, не будетъ больше освѣщать лучемъ надежды истерзанныя сердца и лица, искаженныя сомнѣніемъ, возмущеніемъ и безпорядочными страстями.

«Въ эту эпоху золотой телецъ будетъ царить надъ міромъ, а у его ногъ будетъ ползать униженное человѣчество.

«Тогда настанетъ минута, когда истинному Богу, создателю вселенной, наскучатъ столькія преступленія, и Онъ возстанетъ на обманщика, который отвергъ его, занялъ его мѣсто, говорилъ его устами и насмѣялся надъ его свѣтлыми служителями.

«Его гнѣвъ обрушится на это стадо, и голосъ, подобно грому, прогремитъ въ безконечномъ пространствѣ:

— «Если золотой демонъ, безумныя дѣти, составляетъ для васъ все, то оставайтесь съ нимъ и наслаждайтесь его дарами; все же то, что Я далъ вамъ—Я же и отниму отъ васъ.

«И Господь созоветъ всѣ свои творенія, не боготворящія и не поклоняющіяся демону, и спроситъ ихъ, хотятъ ли они остаться на землѣ или предпочитаютъ слѣдовать за Нимъ.

«Тогда спрошенныя существа воскликнутъ со слезами на глазахъ:

— «Уведи насъ, Господи! Тебѣ Одному мы поклоняемся и надѣемся только на Твое милосердіе Демонъ—это нашъ врагъ и нашъ преслѣдователь. Онъ отовсюду выхватываетъ насъ и мучаетъ.

«Начнется великое переселеніе. Птицы, рыбы, домашній скотъ и дикіе звѣри—все, что оживляло воздухъ, воды, лѣса и равнины, все, что питало, одѣвало и развлекало людей, исчезнетъ съ земли. Затѣмъ исчезнутъ цвѣты, деревья и зеленая трава; за ними послѣдуютъ источники водъ и рѣки. Всѣ они убѣгутъ и найдутъ убѣжище въ лонѣ Предвѣчнаго. Безплодная земля обратится въ пустыню, гдѣ будутъ выситься дворцы, полные сокровищъ, но лишенные насущнаго хлѣба.

«Тогда, при видѣ возстающей передъ нимъ со всѣхъ сторонъ смерти, крикъ ужаса вырвется изъ груди преступнаго человѣчества. Человѣчество воззоветъ къ демону, но тотъ останется глухъ къ ихъ жалобамъ и упрекамъ, такъ какъ онъ былъ великъ, могуществеиъ и насмѣшливъ только до тѣхъ поръ, пока эксплоатировалъ природу, созданную Богомъ.

«Приведенные въ отчаяніе, люди будутъ кататься по слиткамъ золота, но тщетно будутъ искать пищи, а безстрастный и безпощадный демонъ будетъ насмѣхаться надъ ихъ безсилі-

емъ. Они же, все продавшіе и всѣмъ пожертвовавшіе ради горсти золота, не будутъ умѣть даже молиться. Господь же, видя Свои храмы пустыми, а Свое Имя забытымъ, не смягчитъ Своего гнѣва и предастъ неблагодарный родъ сей жестокой смерти, которую онъ самъ себѣ приготовилъ».

Супрамати вздохнулъ. Это пророчество вполнѣ сходилось съ пророчествомъ, сдѣланнымъ Эбрамаромъ, а все, что онъ читалъ и изучалъ, ясно доказывало ему, что люди быстро стремятся къ предсказанной гибели. И ему суждено было быть очевидцемъ этой ужасной катастрофы, этой страшной агоніи цѣлаго міра!

— О предатель—Нарайана! И зачѣмъ только выпилъ я соблазнительный кубокъ жизни?—пробормоталъ Супрамати.

На слѣдующій день, вечеромъ, наши три друга прибыли въ Парижъ. Ожидавшій ихъ экипажъ быстро доставилъ ихъ во дворецъ Супрамати.

Электричество заливало улицы почти дневнымъ свѣтомъ. Надъ улицами, по воздушнымъ рельсамъ, пробѣгали небольшіе поѣзда, переполненные публикой. Всюду высились пятнадцати и двадцати-этажные дома. Очевидно, лихорадочная дѣятельность большого города еще больше увеличилась.

Супрамати и Дагиръ рѣшили на слѣдующій же день сдѣлать прогулку по городу, съ цѣлью основательно изучить новую физіономію Парижа. Въ Лондонѣ они мало выходили изъ дома, занимаясь главнымъ образомъ чтеніемъ, предназначавшимся для оріентировки въ новомъ мірѣ, въ который они вступали.

Дворецъ Супрамати нисколько не измѣнился, и изъ-за его стѣнъ попрежнему виднѣлась пожелтѣвшая зелень вѣковыхъ деревьевъ. Старое строеніе только приняло странный видъ древности и какимъ-то анахронизмомъ выдавалось среди колоссальныхъ зданій, сдавившихъ его со всѣхъ сторонъ.

Многочисленная прислуга собралась для встрѣчи своихъ господъ. Это были все новыя лица. Всѣ эти слуги, очевидно, имѣли большую претензію на изящныя манеры. Кромѣ того, начиная съ лакея, склонявшагося съ достоинствомъ, и кончая камеристкой, одѣтой въ шелковое платье, съ часами и кольцами на рукахъ, которая привѣтствовала Нару придворнымъ реверансомъ, всѣ слуги, казалось, соблюдали между собой строгую іерархію.

Объявивъ, что онъ желаетъ, чтобы ужинъ былъ поданъ какъ можно скорѣй, Супрамати прошелъ въ свою комнату переодѣться. Скоро онъ опять вышелъ въ столовую, гдѣ, не безъ удивленія, увидѣлъ какого-то господина, который, очевидно, былъ мажордомомъ, но который имѣлъ видъ чиновника министерства. Господинъ этотъ распоряжался дюжиной молодыхъ

людей, которые распаковывали корзины и передавали слугамъ готовыя блюда изысканнаго ужина.

— Отчего приносятъ кушанья въ корзинахъ? Развѣ поваръ не былъ предупрежденъ во время о нашемъ пріѣздѣ?—спросилъ Супрамати.

Господинъ съ легкимъ удивленіемъ посмотрѣлъ на него, а потомъ отвѣтилъ съ низкимъ поклономъ:

— Развѣ ваша свѣтлость не знаетъ, что даже такіе богатые князья, какъ вы, не могутъ болѣе держать поваровъ? Этой категоріи домашней прислуги уже не существуетъ больше. Есть профессора гастрономіи, управляющіе пищевыми фабриками, которыя и снабжаютъ все населеніе кушаньями.

— Правда! Проживъ долго въ Индіи, гдѣ всѣ такъ консервативны, я еще не успѣлъ познакомиться съ новыми обычаями Парижа. Много ли такихъ фабрикъ? Какимъ образомъ онѣ удовлетворяютъ публику?—съ улыбкой сказалъ Супрамати.

— Фабрики эти, ваша свѣтлость, бываютъ трехъ родовъ: для кухни аристократической, буржуазной и народной. Профессора гастрономіи, управляющіе заведеніями первой категоріи, получаютъ сто тысячъ франковъ, второй—шестьдесятъ, а третьей—сорокъ. Мэню завтраковъ, обѣдовъ и ужиновъ печатаются каждое утро, а указанныя блюда прямо доставляются абонентамъ при помощи пневматическихъ проводниковъ. По причинѣ отсутствія вашей свѣтлости, дворецъ вашъ еще не снабженъ такими проводниками. Поэтому я приказалъ доставить ужинъ носильщикамъ. Мой контрактъ обязываетъ меня наблюдать за всѣмъ, что относится до сервировки и стола вашей свѣтлости. Остальное до меня не касается.

— Все это прекрасно! Но отчего я вижу здѣсь столько лакеевъ? Мнѣ кажется ихъ слишкомъ много для того, чтобы служить тремъ персонамъ.

— Это кажется только съ перваго взгляда. Каждый изъ этихъ лакеевъ—спеціалистъ, окончившій курсъ по своей спеціальности. Одинъ, напримѣръ, только и занимается напитками и долженъ знать, какое вино соотвѣтствуетъ какому блюду. Кромѣ того, принято, чтобы въ княжескихъ домахъ всегда были двѣ смѣны прислуги, въ виду того, что пріемы, многочисленность гостей и необходимость вставать рано, а ложиться поздно, дѣлаютъ службу крайне утомительною и очень трудно найти людей, которые согласились бы принять на себя такой тяжелый трудъ. Ваша свѣтлость, надѣюсь, не недовольны, что я прибѣгнулъ къ обычному способу?

— Напротивъ, я желаю, чтобы все дѣлалось сообразно принятому обычаю.

Въ эту минуту въ столовую вошелъ Дагиръ, а за нимъ Нара, и всѣ трое сѣли за столъ.

Ужинъ былъ великолѣпно приготовленъ, но состоялъ почти исключительно изъ мясныхъ блюдъ, такъ что наши путеше-

ственники, отвыкнувъ отъ животной пищи, не могли рѣшиться ихъ ѣсть.

— На будущее время, господинъ Гроспэнъ, вы позаботитесь, чтобы намъ подавали вегетаріанскія блюда. Надѣюсь, что ихъ можно получить на пищевой фабрикѣ? — сказалъ Супрамати, обращаясь къ мажордому, который съ важнымъ и надутымъ видомъ руководилъ прислугой.

— Безъ сомнѣнія, ваша свѣтлость! Съ завтрашняго же дня ваше приказаніе будетъ исполнено. Это тѣмъ легче сдѣлать, что большая часть населенія вегетаріанцы, такъ какъ количество скота и дичи уменьшается съ ужасающей быстротой.

— Почему? Развѣ больше не занимаются скотоводствомъ и птицеводствомъ?

— Причины не выяснены, но тотъ фактъ несомнѣненъ, что дичь уменьшается и сдѣлалась необыкновенно рѣдка, а нѣкоторые виды рыбъ совершенно исчезли.

Супрамати обмѣнялся многозначительными взглядами съ Дагиромъ и женой. Симптомы Божьяго гнѣва стали уже проявляться!

Супрамати съ женой очень поздно легли спать. Видъ комнатъ, которыя онъ занималъ, начиная новую жизнь безсмертнаго, и многочисленныя вещи, напоминавшія различные случаи во время его пребыванія здѣсь, вызвали веселый и оживленный разговоръ. Нара не безъ лукавства спросила Супрамати, не думаетъ ли онъ розыскать Піэретту—свою бывшую пассію—и даже предложила ему воспользоваться магическимъ зеркаломъ, чтобы онъ могъ легче найти ея соперницу.

— Злая! Въ настоящее время соперница не можетъ быть опасна. Что же касается магическаго зеркала, то я не хочу имъ пользоваться въ своихъ поискахъ. Забудемъ на время и наши занятія, и магію, и будемъ прибѣгать только къ обыкновеннымъ человѣческимъ средствамъ. Завтра же я наведу справки о бѣдномъ виконтѣ де-Лормейль, который за это время долженъ былъ надѣлать много долговъ, о Піэреттѣ, о Лиліанѣ и о доброй госпожѣ Розаліи. Сопровождать себя я прикажу моему секретарю, который явится завтра.

— Онъ будетъ имѣть видъ, по крайней мѣрѣ, министра,— со смѣхомъ замѣтила Нара.

На слѣдующее утро явился секретарь, скромный и симпатичный молодой человѣкъ, очень понравившійся Супрамати. Послѣдній взялъ его съ собой въ экскурсію, которую хотѣлъ сдѣлать. Кромѣ того, ему нужно было побывать въ различныхъ банкахъ, чтобы свести счеты и взять сумму, которую считалъ необходимой.

На этотъ разъ они ѣхали на лошадяхъ. Отъ своего управляющаго Супрамати узналъ, что онъ владѣетъ превосходной конюшней, но что этотъ способъ передвиженія составляетъ теперь не болѣе, какъ фантазію знатныхъ господъ.

По мѣрѣ того, какъ они проѣзжали по хорошо знакомымъ ему улицамъ, Супрамати все больше убѣждался, какой громадный шагъ впередъ сдѣлали роскошь и комфортъ. Всюду дѣйствовали электричество и паръ, а машины сдѣлали почти ненужнымъ трудъ человѣка. А между тѣмъ, люди не казались счастливѣй: блѣдныя и истощенныя лица, изношенныя одежды и всѣ признаки нищеты встрѣчались на каждомъ шагу.

— Великій Боже! Сколько бѣдныхъ! Неужели не стараются уничтожить это зло, или общественная благотворительность не въ силахъ облегчить участь несчастныхъ?—спросилъ Супрамати.

— Общественная благотворительность, ваша свѣтлость, совершенно не въ силахъ бороться съ ужасающей нищетой, а соціальные вопросы находятся въ больше чѣмъ когда-нибудь напряженномъ состояніи,—отвѣтилъ секретарь.—Капиталы финансистовъ и промышленниковъ достигли колоссальныхъ размѣровъ. Жизнь сдѣлалась страшно дорога, а предметы самой первой необходимости достигли неслыханныхъ цѣнъ. Люди средняго состоянія уже не могутъ жить, какъ прежде, и поэтому борьба за существованіе обострилась и сдѣлалась безпощадной. Одинъ Господь знаетъ, что готовитъ намъ будущее!

Въ эту минуту они проѣзжали мимо собора Богоматери. Древній соборъ имѣлъ заброшенный видъ и двери его были заперты.

— Отчего соборъ запертъ?—спросилъ Супрамати.

— Соборъ всегда запертъ, во избѣжаніе кощунства или святотатства. Кромѣ того, божественная служба совершается только по воскресеніямъ и по большимъ годовымъ праздникамъ и, притомъ, совершается, какъ говорится, за семью замками.

— Но по какимъ же причинамъ дѣлается все это?

— По многимъ причинамъ, ваша свѣтлость! Во-первыхъ, публичное отправленіе христіанскаго культа воспрещено. Притомъ, не получающій болѣе отъ государства субсидіи, сдѣлался малочисленнѣе; число вѣрныхъ тоже уменьшается изъ года въ годъ.

— Все заглушила свободная мысль?—спросилъ Супрамати.

— Не совсѣмъ такъ! Унасъ есть безчисленныя секты. Буддисты очень многочисленны и имѣютъ много храмовъ. Что же касается до синагогъ, то одинъ Парижъ насчитываетъ ихъ около двухсотъ. Очевидно, восточные народы крѣпче держатся своихъ религій, чѣмъ мы,—съ горечью закончилъ секретарь.

— Ваши слова заставляютъ меня предполагать, что вы принадлежите къ числу горячихъ христіанъ.

— Да, ваша свѣтлость! Я принадлежу къ древней фамиліи, которая остается тверда въ вѣрѣ своихъ отцовъ и прежнихъ принципахъ. Такія семейства еще встрѣчаются, но ихъ очень

Только на слѣдующій день Супрамати сталъ разъискивать своихъ прежнихъ знакомыхъ.

Прежде всего, онъ навелъ справки о госпожѣ Розаліи. Она умерла лѣтъ пятнадцать тому назадъ, но ее помнили въ кварталѣ и, очевидно, жалѣли эту скромную благодѣтельницу бѣдныхъ.

Ни о Пізреттѣ, ни о Лормейлѣ Супрамати ничего не могъ узнать. Отель виконта былъ проданъ за долги лѣтъ двадцать пять тому назадъ, и съ тѣхъ поръ онъ исчезъ.

Всѣ попытки найти кого-нибудь изъ прежнихъ знакомыхъ были также безплодны. Супрамати уже отчаявался найти какой-нибудь живой остатокъ, который связывалъ бы его съ прошлымъ, какъ вдругъ узналъ въ артистическомъ клубѣ, что бывшій теноръ, господинъ Пинсонъ, былъ еще живъ и получалъ пенсію отъ общества драматическихъ артистовъ и пѣвцовъ.

Супрамати взялъ адресъ и тотчасъ же отправился въ отдаленное предмѣстье, гдѣ жилъ Пинсонъ.

Ѣхать Супрамати пришлось далеко. Резиденція бывшаго тенора находилась въ предмѣстьѣ Парижа. Здѣсь встрѣчались еще маленькіе домики, окруженные садами, что придавало этому мѣсту деревенскій и патріархальный видъ.

Здѣсь жили скромные и работящіе люди: небогатые служащіе, отставные, гувернантки, комми и конторщицы. Каждо утро цѣлый рой велосипедовъ уносилъ весь этотъ людъ въ большой городъ, на ихъ обыкновенныя занятія.

Домикъ, гдѣ жилъ Пинсонъ, стоялъ уединенно, а садъ при немъ былъ окруженъ высокой стѣной. Дверь Супрамати открыла молодая дѣвушка. Сначала она объявила, что ея дѣдушки нѣтъ дома, но послѣ краткаго осмотра изящнаго посѣтителя и его великолѣпнаго экипажа, она, очевидно, перемѣнила мнѣніе. Пригласивъ Супрамати войти, она попросила его подождать, пока она предупредитъ дѣдушку.

— Я попросилъ бы васъ, сударыня, указать мнѣ только, гдѣ находится господинъ Пинсонъ. Я его старый знакомый и хотѣлъ бы сдѣлать ему сюрпризъ.

Не сдѣлавъ ни малѣйшаго замѣчанія, дѣвушка провела его въ садъ, большая часть котораго была занята огородомъ. Указавъ ему мужчину, одѣтаго въ нанковый жакетъ, съ большой соломенной шляпой на головѣ, она сказала:

— Вотъ дѣдушка!

Затѣмъ дѣвушка скромно удалилась.

Подойдя ближе, Супрамати увидѣлъ, что прежній пѣвецъ былъ занятъ срѣзываніемъ артишоковъ. Большая корзина, стоявшая около него, была уже наполнена огурцами, кочнами капусты и другими овощами.

Не смотря на свои восемьдесятъ лѣтъ, это былъ еще очень бодрый и сильный старикъ.

При видѣ посѣтителя, онъ пошелъ ему на встрѣчу, и вдругъ,

глухо вскрикнулъ и отступилъ шагъ назадъ. Садовый ножъ выпалъ у него изъ рукъ.

— Что же, господинъ Пинсонъ? Я испугалъ васъ или вы меня не узнали?—спросилъ Супрамати, улыбаясь и протягивая ему руку.

— Клянусь Бахусомъ! Я думаю, что узналъ васъ. Такихъ людей, какъ вы, не забываютъ! Если же вы меня и испугали, то въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Вотъ уже,—да проститъ меня Господь,—прошло сорокъ лѣтъ, какъ мы не видались. Согласно съ законами природы, вамъ должно было бы быть лѣтъ семьдесятъ, и я знаю, какъ тяжело ложатся на плечи такіе года. Вы же остались такимъ же, какимъ и были—красивымъ тридцатилѣтнимъ молодымъ человѣкомъ. Послѣ всего этого, если вы и не самъ дьяволъ, то, во всякомъ случаѣ, должны были получить отъ него средство, чтобы не старѣть.

— О! Въ моей наружности дьяволъ не причемъ. Только мы, индусы, старѣемъ не такъ быстро,—со смѣхомъ отвѣтилъ Супрамати.

Видимо восхищенный этимъ посѣщеніемъ, Пинсонъ отвелъ своего гостя на небольшую террасу, прилегавшую къ дому, и до тѣхъ поръ не успокоился, пока не угостилъ его стаканомъ вина и сигарой.

Заговорили о прошломъ и настоящемъ. Супрамати сталъ разспрашивать о различныхъ лицахъ, знакомыхъ имъ обоимъ. Большая часть изъ нихъ уже умерли. Когда же рѣчь зашла о виконтѣ, лицо старика омрачилось.

— О, да! Я знаю, что съ нимъ случилось. Къ своему несчастью, онъ еще живъ, но не думаю, чтобы онъ долго протянулъ. Вашъ пріѣздъ—для него истинное счастье. Я знаю вашу щедрость. Разъ же вы его разъискиваете, то, конечно, облегчите его послѣдніе дни.

— Таково, дѣйствительно, мое намѣреніе. Но по какому стеченію обстоятельствъ онъ впалъ въ нищету? Гдѣ живетъ онъ?

— Здѣсь недалеко, во флигелѣ одного домика, гдѣ одна благодѣтельница вдова даетъ убѣжище нѣсколькимъ бѣднымъ той же категоріи, т. е. я хочу сказать,—разворившимся свѣтскимъ людямъ. Вы, вѣроятно, помните, что Лормейль любилъ хорошо пожить и, при томъ, еще былъ игрокъ. Передъ своимъ отъѣздомъ вы щедро наградили его, но въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ снова все расточилъ. Кредиторы продали все его имущество, и онъ остался, такимъ образомъ, на улицѣ.

Всѣ отвернулись отъ него, такъ какъ онъ былъ скомпрометированъ въ нѣкоторыхъ неблаговидныхъ поступкахъ. Съ тѣхъ поръ онъ велъ довольно темную жизнь: былъ крупье въ Монако, затѣмъ служилъ агентомъ въ какомъ-то страховомъ обществѣ и, наконецъ, былъ клакеромъ. Однимъ словомъ, спускаясь со ступеньки на ступеньку, онъ сдѣлался нищимъ и,

совершенно больной, былъ подобранъ благотворительной дамой, о которой я вамъ говорилъ.

Все это я узналъ случайно и навѣстилъ его. Съ тѣхъ поръ, мы, по мѣрѣ нашихъ силъ, помогаемъ ему, такъ какъ онъ нуждался положительно во всемъ. Моя дочь и внучка каждый день носили ему супъ и изъ двухъ старыхъ юбокъ сшили ему халатъ Мы сами не имѣемъ лишняго, но очень ужъ тяжело видѣть человѣка, видѣвшаго лучшіе дни, въ такомъ положеніи.

Жалость и участіе сжали сердце Супрамати.

— Далеко это отсюда? Не будете-ли вы такъ любезны и не проводите-ли меня къ виконту?

— Это въ двухъ шагахъ отсюда и я съ удовольствіемъ провожу васъ,—любезно отвѣтилъ Пинсонъ.

Полчаса спустя, оба они вошли въ полуразвалившійся домикъ и темнымъ и узкимъ корридоромъ прошли въ грязную и сырую комнату. Вся меблировка этой комнаты состояла изъ стараго стола, двухъ деревянныхъ скамеекъ и грубой кровати, на которой лежало человѣческое существо, покрытое какимъ-то истасканнымъ покрываломъ.

— О, несчастный!—подумалъ Супрамати, вспоминая роскошную квартиру изящнаго вивера.

Подойдя къ кровати, Супрамати наклонился надъ человѣкомъ, лежавшимъ съ закрытыми глазами. Взглядъ доктора сразу опредѣлилъ, что передъ нимъ лежитъ умирающій, но Супрамати никогда не узналъ бы Лормейля въ этомъ изсохшемъ скелетѣ съ кожей, похожей на пергаментъ и изборожденной глубокими морщинами.

— Виконтъ!—сказалъ онъ, дотрогиваясь до похолодѣвшей руки умирающаго.

При звукѣ этого звучнаго и металлическаго голоса Лормейль вздрогнулъ и выпрямился, точно подъ вліяніемъ гальваническаго тока. Съ минуту потускнѣвшіе и стеклянные глаза его смотрѣли на Супрамати, а затѣмъ вспыхнули радостнымъ огнемъ. Протянувъ къ нему свои дрожащія руки, виконтъ вскричалъ, трепеща всѣмъ тѣломъ:

— Супрамати! Мой великодушный покровитель!

— Мой бѣдный другъ! Какъ я жалѣю, что не пріѣхалъ раньше или по крайней мѣрѣ не зналъ, что вы такъ несчастны. Но не отчаявайтесь: все перемѣнится и я приму мѣры, чтобы ваши послѣдніе дни были бы окружены покоемъ и комфортомъ.

Выраженіе невыразимой горечи скользнуло по блѣдному лицу умирающаго.

— Благодарю васъ, Супрамати, за ваши великодушныя намѣренія, но въ этомъ мірѣ мнѣ нуженъ одинъ только гробъ. Я преступно расточилъ свою жизнь и свое добро—и былъ жестоко наказанъ за это такой долгой жизнью и неслыханной нищетой. Я терпѣлъ голодъ и холодъ, спалъ на большихъ доро-

гахъ, просилъ милостыню и питался корками, которыя бросали собакамъ...

Конвульсивныя рыданія помѣшали ему говорить, но быстро овладѣвъ собой, онъ продолжалъ хриплымъ и отрывистымъ голосомъ:

— Умереть! Умереть! Но я только этого и жажду. Послушайте, Супрамати! Если вы хотите оказать мнѣ послѣднее благодѣяніе, то прикажите прилично похоронить меня, чтобы мое тѣло не бросили бы въ общую могилу.

Глубоко взволнованный Супрамати крѣпко пожалъ руку виконта.

— Клянусь вамъ въ этомъ! Если же вы имѣете какое-нибудь спеціальное желаніе относительно вашего погребенія, то выскажите мнѣ его и я въ точности все исполню.

— Благодарю васъ! Въ такомъ случаѣ я желалъ бы быть похороненнымъ на кладбищѣ въ моемъ старомъ помѣстьѣ. Тамъ, въ этомъ холщевомъ мѣшкѣ, вы найдете бумаги, содержащія необходимыя указанія. Въ этомъ помѣстьѣ я родился, тамъ находятся могилы моихъ родителей и...

Голосъ старика перешелъ въ шопотъ, лицо сдѣлалось мертвенно блѣднымъ и, охваченный внезапною слабостью, онъ опрокинулся на кровать.

Супрамати задумчиво и съ видимымъ колебаніемъ смотрѣлъ на виконта. Онъ чувствовалъ глубокую жалость къ этому грѣшнику, такъ жестоко наказанному и, въ то же время, у него явилось желаніе спасти его при помощи нѣсколькихъ капель жизненнаго эликсира. Онъ тоже былъ умирающимъ—и вотъ къ нему явился незнакомецъ, спасъ его и сдѣлалъ багатымъ, независимымъ и ученымъ. Можетъ быть и виконтъ, очищенный страданіемъ, раскается и тоже сдѣлается изслѣдователемъ.

Никакой законъ, никакое условіе не запрещало адепту и обладателю первоначальной эссенціи пользоваться ею по своему усмотрѣнію и расширять цѣпь членовъ братства. Дагиръ говорилъ ему, что никакой отвѣтственности не падаетъ на того, кто, «подъ вліяніемъ великодушнаго порыва или жалости», обезсмертитъ людей, часто взятыхъ наудачу, безъ всякаго выбора.

Супрамати уже опустилъ руку въ карманъ, чтобы достать миніатюрный флаконъ съ таинственнымъ веществомъ, какъ вдругъ новая мысль остановила его. Дѣйствительно ли онъ окажетъ благодѣяніе виконту, если дастъ ему эту странную, безконечную жизнь? Что если, оказавшись неспособнымъ къ серьезному труду, онъ, сдѣлавшись здоровымъ и обладателемъ громаднаго состоянія, снова впадетъ въ свои прежніе пороки и сдѣлается вторымъ Нарайаной, еще болѣе презрѣннымъ и мелочнымъ, чѣмъ первый? Не былъ ли виконтъ истиннымъ представителемъ типа лѣниваго и развращеннаго люда, кото-

рый живетъ только для наслажденія и готовъ цѣловать самую грязную руку, если только она даетъ ему золото?

Нѣтъ! Мудръ законъ, уносящій въ загробную жизнь порочныя и безполезныя существа. Всѣ эти размышленія, которыя такъ долго описывать, длились всего нѣсколько секундъ. Бросивъ послѣдній взглядъ на почти неподвижное тѣло, лежавшее передъ нимъ, Супрамати повернулся и съ глубокимъ вздохомъ вышелъ изъ комнаты.

Прежде, чѣмъ сѣсть въ экипажъ, Супрамати поблагодарилъ Пинсона, попросилъ его распорядиться перенести виконта въ приличное помѣщеніе и сдѣлать все для облегченія его послѣднихъ минутъ. Онъ просилъ его также взять бумаги виконта, чтобы можно было исполнить послѣднее желаніе несчастнаго и похоронить его рядомъ съ его родителями. Бывшій пѣвецъ принялъ порученіе и обѣщалъ извѣстить его, какъ только виконтъ скончается, что не могло долго заставить себя ждать.

Съ тяжелымъ сердцемъ Супрамати направился домой. Не смотря на убѣжденіе, что онъ поступилъ хорошо, ему казалось, что онъ подписалъ смертный приговоръ, и это тяжелое впечатлѣніе давило его весь остальной день.

Только вечеромъ, оставшись наединѣ съ Нарой, онъ разсказалъ ей, что нашелъ виконта и все, что онъ перечувствовалъ и передумалъ по этому случаю.

Молодая женщина, задумчиво и печально выслушавшая Супрамати, дружески пожала ему руку.

— Ты хорошо поступилъ, Супрамати, и не можешь упрекать себя за то, что не сохранилъ безполезную и преступную жизнь, на несчастье этого человѣка, совершенно неспособнаго къ тяжелому испытанію почти вѣчной жизни.

Не забывай, что если не хотѣть сдѣлаться такимъ же, какъ Нарайана, то необходимо настойчиво трудиться и разрѣшить тяжелую проблэму: спиритуализоваться заживо.

По правдѣ сказать, наша судьба ужасна, и адептамъ не слѣдуетъ слишкомъ увеличивать нашихъ рядовъ. У меня самой лежитъ на совѣсти нѣсколько подобныхъ грѣховъ, но я давала эссенцію жизни только людямъ полезнымъ и трудящимся, которые настойчиво и энергично поднимаются по узкой тропинкѣ прогресса. А ты, не подумавшій сохранить для бѣдныхъ полезную жизнь г-жи Розаліи—ты оплакиваешь, что не далъ безсмертія порочному лѣнтяю!

— Это же самое и я говорилъ самъ себѣ. Но я самъ не знаю, почему мнѣ было такъ тяжело видѣть, какъ умираетъ этотъ человѣкъ, когда я зналъ, что отъ меня зависитъ спасти его.

— Ты, можетъ быть, оказалъ бы ему очень дурную услугу. Безконечная жизнь иногда бываетъ невыносимой казнью для людей, неспособныхъ приспособиться къ ея необыкновеннымъ условіямъ.

По этому поводу мнѣ вспомнился одинъ эпизодъ, который я сейчасъ разскажу тебѣ и виновникомъ котораго былъ Нарайана, неисправимый въ своемъ преступномъ легкомысліи не смотря на все, что онъ узналъ и видѣлъ изъ тайнъ жизни.

То, что я хочу тебѣ разсказать, произошло около 1340 или 1350 года. Мы провели съ Нарайаной нѣсколько мѣсяцевъ въ Италіи и направлялись въ Германію, гдѣ въ Баваріи онъ владѣлъ небольшимъ замкомъ, отъ котораго теперь не осталось и слѣда. Тамъ Нарайана намѣривался заняться нѣкоторыми магическими опытами вмѣстѣ съ однимъ изъ нашихъ, жившимъ въ окрестностяхъ замка.

Хотя мы и пользовались всѣмъ комфортомъ, доступнымъ въ ту эпоху, тѣмъ не менѣе, мы путешествовали крайне медленно, такъ какъ дороги были отвратительны и на ночь приходилось останавливаться.

Однажды, когда мы проѣзжали по Тиролю, насъ застала ужасная гроза и мы находились въ страшномъ затрудненіи, такъ какъ, насколько намъ было извѣстно, нигдѣ по близости не было никакого жилища. Вдругъ одинъ изъ конюховъ, уроженецъ этой страны, предложилъ намъ проводить насъ въ небольшой замокъ, находившійся недалеко и стоявшій въ сторонѣ отъ большой дороги.

Нарайана съ радостью согласился и конюхъ повелъ насъ крутыми и малопосѣщаемыми тропинками къ небольшому замку, лѣпившемуся на скалѣ, въ уединенной долинѣ.

Мы были приняты съ распростертыми объятіями владѣльцами замка, людьми простыми, добрыми и гостепріимными.

Все семейство состояло изъ рыцаря, его жены, троихъ дѣтей и нѣсколькихъ слугъ патріархальнаго вида.

Во время разговора, завязавшагося послѣ ужина, Нарайана сталъ разспрашивать рыцаря про его жизнь и про желанія, какія имѣетъ онъ самъ и его жена.

Супруги отвѣтили, что они чувствуютъ себя вполнѣ счастливыми. Прекрасный виноградникъ даетъ имъ достаточное количество вина, съ полей они снимаютъ необходимый хлѣбъ, замокъ по своей солидности и по своему положенію вполнѣ безопасенъ, дѣти добры и здоровы, владѣлица замка — образецъ жены и хозяйки и, наконецъ, слуги — все люди честные и преданные.

— Господь по добротѣ своей все даровалъ намъ. Одно, что безпокоитъ насъ, такъ это то, что время все это измѣнитъ, что мы и наши слуги состаримся, что дѣти выростутъ и оставятъ насъ и что смерть разлучитъ насъ. Если бы по какому-нибудь чуду, все могло безконечно оставаться въ такомъ же положеніи, если бы ни смерть, ни старость не поразили насъ — то всѣ мои желанія были бы исполнены,—со смѣхомъ закончилъ добрый рыцарь.

Я видѣла, какъ странная улыбка скользнула по губамъ

Нарайаны, но не обратила на это никакого вниманія. Даже позже, когда онъ рылся въ багажѣ, у меня не зародилось никакого подозрѣнія.

По просьбѣ нашихъ хозяевъ, мы отложили свой отъѣздъ до слѣдующаго дня. Рѣшено было, что мы уѣдемъ послѣ обѣда. Когда Нарайана, садясь за столъ, объявилъ, что и онъ въ свою очередь хочетъ угостить любезныхъ хозяевъ несравненнымъ виномъ, какого они, безъ сомнѣнія, никогда не пили, мною овладѣло дурное предчувствіе и я сдѣлала ему по-гречески замѣчаніе.

Нарайана мнѣ ничего не отвѣтилъ и со своимъ обычнымъ упрямствомъ тотчасъ же взялъ принесенную бутылку и наполнилъ кубки всѣхъ обѣдающихъ, не исключая дѣтей. Кромѣ того, онъ попросилъ позволенія угостить и слугъ, что ему и было любезно разрѣшено.

Я была страшно взволнована и колебалась, не будучи въ состояніи повѣрить, чтобы онъ злоупотребилъ довѣріемъ этихъ бѣдныхъ людей; но не успѣла я еще принять какое-нибудь рѣшеніе, какъ вся компанія осушила кубки. Видя, что всѣ упали, точно пораженные молніей, я поняла, что несчастье совершилось.

— Что ты сдѣлалъ?—съ негодованіемъ вскричала я.

— Что я сдѣлалъ? Я далъ имъ счастье: они не состарятся и не умрутъ,—отвѣтилъ онъ, смѣясь, какъ безумный.

Затѣмъ, намочивъ въ ужасной жидкости кусокъ хлѣба, онъ далъ его съѣсть двумъ охотничьимъ собакамъ, лежавшимъ подъ столомъ.

Когда, часъ спустя, мы уѣзжали, двое слугъ, которые насъ провожали и не получили рокового угощенія, сочли своихъ господъ мертвецки пьяными. Нарайана подтвердилъ ихъ догадку и приказалъ имъ не безпокоить хозяевъ, пока они не проснутся сами.

Сто восемьдесятъ лѣтъ спустя, мы проѣзжали по тому же пути. Нарайана, вспомнивъ про этотъ эпизодъ, объявилъ, что онъ хочетъ посѣтить замокъ. Я категорически отказалась сопровождать его и осталась въ ближайшей гостинницѣ; онъ же уѣхалъ.

Нарайана вернулся на слѣдующій день и весело разсказывалъ, что въ замкѣ его приняли сначала за дьявола; слуга, прислуживавшій тогда за столомъ, бросился лицомъ на землю и сталъ призывать себѣ на помощь всѣхъ святыхъ рая.

Смертельно блѣдный рыцарь грозилъ ему крестомъ, который носилъ на шеѣ, а жена его окропила святой водой. Когда же Нарайана самъ осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и объявилъ, что онъ истинный христіанинъ и не боится ни креста, ни святой воды и что его крайне удивляетъ подобный пріемъ, рыцарь печально сказалъ:

— Если вы не дьяволъ и не антихристъ, то можетъ быть вы

обитатель неба и пришли освободить насъ, такъ какъ ваше посѣщеніе вызвало очень странныя вещи, очень тяжелыя для насъ, которыя заставляютъ насъ дрожать за спасеніе нашихъ душъ.

Затѣмъ рыцарь разсказалъ, что ни онъ, ни его жена не старѣются и не умираютъ, хотя ему въ настоящую минуту уже двѣсти пятнадцать лѣтъ, а ей двѣсти шесть. Еще болѣе странно, что они продолжаютъ имѣть дѣтей, которыя растутъ и умираютъ, какъ и всѣ, тогда какъ трое первыхъ остаются въ одномъ и томъ же положеніи и не выросли ни на волосъ. Двое слугъ и даже двѣ охотничьи собаки все еще живы. Все это—вещи неслыханныя въ лѣтописяхъ міра, которыя привлекли уже на нихъ вниманіе духовенства.

— Было уже произведено слѣдствіе, и насъ обвиняли въ сношеніяхъ съ дьяволомъ. Народъ избѣгаетъ и проклинаетъ насъ. Недавно мою жену грозили сжечь, какъ колдунью, и поджечь нашъ замокъ. Что тогда будетъ съ нами? И безъ этого времена такъ измѣнились, что почти невозможно жить,—закончилъ бѣдный рыцарь, заливаясь слезами.

Я изложила Нарайану всѣ неудобства, какія произойдутъ, если предоставить этихъ людей общественному любопытству, и онъ согласился, что необходимо, чтобы они скрылись, такъ какъ посвятить ихъ въ тайны отняло бы слишкомъ много времени и кромѣ того, на нихъ было уже обращено общее вниманіе.

На слѣдующій день Нарайана вернулся въ замокъ и убѣдилъ безсознательныхъ безсмертныхъ, что онъ откроетъ имъ тайну ихъ необыкновеннаго приключенія.

— Приближается кончина міра,—сказалъ онъ.—Для борьбы съ антихристомъ Господь избираетъ людей благочестивыхъ и добрыхъ, которыхъ Онъ освободитъ отъ смерти. Эти люди составятъ воинство Господа, а потомъ будутъ взяты живыми на небо, какъ Энохъ и Илія.

Затѣмъ прибавилъ, что онъ самъ, Нарайана, принадлежитъ къ числу избранныхъ и что онъ явился за ними, чтобы вмѣстѣ совершить паломничество въ Іерусалимъ.

Смущенные, но счастливые, эти люди согласились. Нѣсколько дней спустя они уѣхали съ нами, а Нарайана поджегъ замокъ. Только вмѣсто Іерусалима ихъ отвезли въ Индію.

— И они до сихъ поръ живутъ тамъ?—спросилъ Супрамати.

— Двое дѣтей—да; всѣ же остальные умерли...

— Какъ такъ?

— Да! Ихъ тщетно пытались посвятить въ тайны. Слишкомъ мало развитой умъ ихъ не былъ способенъ ни къ какому изученію и они чувствовали себя такими несчастными и находились все время въ такомъ отчаяніи, что занимавшійся съ ними магъ нашелъ необходимымъ, чтобы они вернулись въ загробный міръ, при помощи средства, аналогичнаго тому, къ которому прибѣгъ Нарайана. Изъ этого примѣра ты видишь, мой дорогой

Супрамати, какъ опасно давать безконечную жизнь тому, кто не можетъ воспользоваться ею для собственнаго прогрессированія. Поэтому ты можешь только поздравить себя, что устоялъ противъ искушенія сдѣлать безсмертнымъ виконта.

— Все это такъ, и я отлично понимаю, что смерть—это милосердный законъ. А между тѣмъ, человѣкъ всегда чувствуетъ сильное горе, когда близкое или даже только знакомое существо переходитъ въ загробный міръ.

— А между тѣмъ это очень естественно,—замѣтила съ улыбкой Нара.—Жизненный флюидъ, распространенный въ мірѣ и трепещущій въ каждомъ атомѣ, образуетъ прочную цѣпь, главное и общее вѣяніе всякаго творенія. Поэтому, когда какое-нибудь существо отрывается отъ этой цѣпи, то тѣ, кого соединяло это вѣяніе, чувствуютъ пустоту, и горе, причиняемое разрывомъ этой флюидической цѣпи, бываетъ очень жестоко. Узы, образуемыя этимъ жизненнымъ вѣяніемъ, такъ могущественны, что даже вещи, долго служившія человѣку, пропитываются этимъ вѣяніемъ и дѣлаются ему дорогими. Поэтому-то и бываетъ такъ трудно разстаться со старой мебелью, къ которой привыкъ, съ квартирой, гдѣ долго жилъ, и прочее.

Нѣсколько дней спустя, Пинсонъ явился къ Супрамати и объявилъ ему, что виконтъ скончался. Послѣдній, пользуясь этимъ случаемъ, объявилъ пѣвцу, что онъ скоро уѣзжаетъ въ Индію, и подарилъ ему на память весьма солидную сумму, предназначенную для приданаго его внучки.

И дѣйствительно, пребываніе въ Парижѣ мало интересовало Супрамати и даже тяготило его. У него былъ совсѣмъ иной характеръ, чѣмъ у Нарайаны, которымъ всегда овладѣвала разсѣянная жизнь, несмотря на его занятія и на уединеніе, къ которому онъ иногда прибѣгалъ. Это происходило потому, что Нарайана никогда не очищался. Матерія всегда оставалась его господиномъ и увлекала его на всѣ излишества.

Супрамати по природѣ трезвый, чистый и серьезный, въ теченіи лѣтъ, употребленныхъ на первое посвященіе, окончательно избавился отъ ветхаго человѣка. Пріобрѣтенное имъ оккультное могущество не служило ему игрушкой и ореоломъ, которымъ бы онъ окружалъ себя, чтобы удивлять и пугать профановъ. Напротивъ, онъ смотрѣлъ на него, какъ на первую ступень громадной лѣстницы знанія, на которую ему предстояло подняться. Всѣ мысли его были заняты будущимъ, не давая ему много интересоваться настоящимъ.

Супрамати окончательно привыкъ къ уединенію, къ упорной работѣ и къ сношеніямъ съ загробнымъ міромъ. Иногда, когда онъ сидѣлъ, склонившись надъ астрологическимъ манускриптомъ и затруднялся разрѣшить какую-нибудь сложную проблему, онъ чувствовалъ легкое прикосновеніе къ себѣ и теплое или холодное вѣяніе. Тогда около него появлялись или прозрачная и сіяющая фигура, или компактная и темная, но Супрамати уже

не боялся этихъ посѣтителей пространства, а относился къ нимъ или благосклонно, или съ уваженіемъ, смотря по тому, чего они заслуживали, и съ благодарностью принималъ ихъ, какъ учителей.

Не разъ, въ его уединенной лабораторіи, появлялись Эбнъ-Ари или какой-нибудь другой могущественный демонъ и, склонившись надъ столомъ, чертили какой-нибудь неизвѣстный ему знакъ и объясняли его могущество.

Понятно, что при его характерѣ и при такомъ расположеніи ума, Супрамати скучалъ и чувствовалъ себя чужимъ среди легкомысленной и ограниченной толпы, въ средѣ которой онъ жилъ.

Кромѣ того, свѣтъ, куда онъ вступилъ снова, сильно измѣнился и шокировалъ его идеи и убѣжденія, не потерпѣвшія никакихъ перемѣнъ. Ему были противны меркантильныя и спекулятивныя тенденціи, которыя заполонили все, сравнявъ всѣ соціальныя положенія, причемъ нисколько не уравняли неравенство состояній.

Еще больше шокировалъ его религіозный хаосъ и множество сектъ, которыя враждовали между собой и внѣ которыхъ каждый имѣлъ свою собственную религію, каждый объяснялъ по своему тайны жизни, искалъ самаго удобнаго рѣшенія занимавшихъ его вопросовъ, проповѣдывалъ различные парадоксы и, въ сущности, не вѣрилъ ни во что.

Не менѣе противенъ былъ ему и всеобщій цинизмъ, который женщины еще смѣлѣй, чѣмъ мужчины, выставляли на видъ. Всякая забота о сохраненіи приличій, всякое чувство стыда, собственнаго достоинства и долга, казалось, окончательно были отброшены въ сторону. Вещи, на которыя сорокъ лѣтъ тому назадъ смотрѣли, какъ на недостойныя и унизительныя, пріобрѣли теперь право гражданства. Никто не стѣснялся жить, какъ ему нравилось, причемъ никто ничего не говорилъ. Лишь бы было золото—можно было создавать законы, а самому не подчиняться имъ.

Понятно, что при подобныхъ условіяхъ, семья въ прежнемъ смыслѣ почти что перестала существовать, и статистика констатировала фактъ уменьшенія народонаселенія въ дѣйствительно ужасающей пропорціи.

Аристократическое изящество Супрамати и его спутниковъ, а также его богатство, не преминули создать имъ въ обществѣ привиллегированное положеніе и привлекли на нихъ всеобщее вниманіе. Дагиръ считался братомъ Супрамати и имъ обоимъ одинаково льстили. Что же касается Нары, то всѣ мужчины были отъ нея безъ ума и бѣсились на смѣшную добродѣтель такой очаровательной женщины.

Несмотря на свой грубый матеріализмъ, эти люди чувство-
, что отъ всѣхъ троихъ исходило что-то особенное, а одинъ
ый дипломатъ, славившійся вѣрностью, съ какою онъ опре-
лъ съ перваго взгляда людей, объявилъ, что Супрамати и

даже его очаровательная супруга похожи на выходцевъ съ того свѣта.

Всѣ трое отличались одинаковой блѣдностью, одинаковымъ властнымъ пламеннымъ взглядомъ, а въ выраженіи ихъ глазъ и въ ихъ улыбкѣ свѣтилось что-то такое, что заставляло думать, что они слышатъ мысли другихъ.

Несмотря на такую репутацію, всѣ наперерывъ искали общества богатыхъ иностранцевъ и жаждали познакомиться съ ними.

Бывшій Ральфъ Морганъ былъ по прежнему слишкомъ докторъ въ душѣ, чтобы не попытаться примѣнить на практикѣ пріобрѣтенныя имъ новыя медицинскія познанія. Сначала онъ вылечилъ нѣсколько бѣдняковъ, а затѣмъ нѣсколько человѣкъ изъ высшаго общества. Цѣлая серія чудесныхъ исцѣленій быстро составили ему такую громкую славу и грозили такой многочисленной кліентурой, что Супрамати счелъ за лучшее поскорѣй сложить свой багажъ—и въ одно прекрасное утро всѣ трое безъ всякаго шума оставили Парижъ и отправились въ Венецію, соблюдая самое строгое инкогнито.

IX.

Въ СТАРОМЪ дворцѣ, который, казалось, былъ такой же крѣпкій и неразрушимый, какъ и его обладатели, Супрамати еще болѣе былъ охваченъ воспоминаніями. Послѣ ужина онъ передалъ своимъ друзьямъ впечатлѣнія, когда свѣжеиспеченнымъ княземъ Супрамати онъ прибылъ въ этотъ дворецъ и чувствовалъ себя крайне неловко въ своемъ новомъ положеніи. Этотъ юмористическій разсказъ заставилъ много смѣяться Нару и Дагира. Затѣмъ рѣшено было, что они пробудутъ въ Венеціи все время, какое остается въ ихъ распоряженіи до отъѣзда на собраніе братства.

— Ты хочешь дѣлать визиты, Нара? Но вѣдь будетъ очень стѣснительно, если кто-нибудь узнаетъ насъ,—замѣтилъ Супрамати.

— Успокойся! Никто никогда насъ не узнаетъ. Самое большое—это скажутъ, что ты очень похожъ на одного изъ своихъ родственниковъ,—со смѣхомъ отвѣтила молодая женщина.—По этому поводу мнѣ вспомнился комическій случай съ насмѣшникомъ Нарайаной.

Вамъ извѣстно, что этотъ дворецъ принадлежалъ ему съ очень древнихъ временъ. Такъ какъ Нарайана очень любилъ Венецію, то не упускалъ случая, хоть одинъ разъ въ теченіи вѣка, а иногда и больше, проводить здѣсь по нѣскольку лѣтъ.

Однажды, во время пребыванія своего здѣсь въ началѣ шестнадцатаго вѣка, Нарайана заказалъ одному извѣстному

живописцу написать свой портретъ. Вы уже должны были замѣтить, что онъ имѣлъ манію къ портретамъ. Всѣ восхищались необыкновеннымъ сходствомъ портрета. Затѣмъ, мы уѣхали. Когда, лѣтъ черезъ восемьдесятъ, мы снова вернулись въ Венецію, Нарайана не преминулъ повѣсить свой портретъ въ кабинетѣ, гдѣ всѣ обратили на него вниманіе. Одинъ же старый нобиле въ восхищеніи сказалъ мнѣ:

— Какъ вашъ супругъ похожъ на своего предка! Это просто баснословно! Если бы не костюмъ, то можно было бы подумать, что это онъ самъ.

Нарайана былъ въ восторгѣ отъ этой ошибки и тотчасъ же заказалъ новый портретъ. Игру эту онъ продолжалъ и въ 1740 году, когда мы опять пріѣхали сюда. Его очень забавляли такія восклицанія, а въ результатѣ былъ заказъ новаго портрета. О! Нарайана во многихъ отношеніяхъ былъ большой ребенокъ!

— Безъ сомнѣнія, эти портреты еще существуютъ?—спросилъ Дагиръ.

— Конечно! Они всѣ висятъ въ кабинетѣ, смежномъ съ библіотекой,—отвѣтилъ, вставая, Супрамати.—Пойдемте посмотрѣть ихъ: это, положительно, выдающіяся произведенія искусства.

Всѣ прошли въ указанный кабинетъ и стали разсматривать четыре портрета, написанныхъ во весь ростъ, въ натуральную величину, которые украшали стѣны комнаты. Во всѣхъ богатыхъ костюмахъ прошлаго красота Нарайаны выдѣлялась во всемъ своемъ блескѣ.

— Какъ жаль, что существо, обладавшее такой необыкновенной красотой и такъ богато одаренное, такъ мало воспользовалось преимуществами своей необыкновенной судьбы для развитія своей души, интересуясь исключительно наружными пустяками,—замѣтилъ Супрамати.

— Будемъ надѣяться, что онъ лучше воспользуется своимъ загробнымъ существованіемъ и что жестокія страданія и отвратительное состояніе, послѣдовавшее за его смертью, сдѣлали его серьезнѣй,—задумчиво сказала Нара. Затѣмъ, она прибавила съ легкой улыбкой:

— Во всякомъ случаѣ, благодаря маніи къ портретамъ, онъ оставилъ намъ очень интересную память о себѣ.

— Это правда! Я очень жалѣю, что онъ не передалъ тебѣ своего вкуса къ портретамъ. Твоихъ портретовъ, Нара, поразительно мало.

— О! Я достаточно жертвовала собой въ угоду его страсти. Доказательствомъ этого служатъ фотографіи, украшающія твое бюро, и портретъ, висящій въ твоемъ кабинетѣ,—отвѣтила молодая женщина.—Я, дѣйствительно, не люблю, чтобы съ меня писали портреты. Единственное мое изображеніе, которое я люблю—это моя статуя. Тогда я, дѣйствительно, была молода

душой и тѣломъ. Теперь же я ужъ не способна чувствовать тѣ порывы и увлеченія и переживать грезы о будущемъ, которыя осаждали тогда меня. Онѣ улетѣли навсегда, какъ сны въ лѣтнюю ночь. Мое тѣло осталось молодо, но глаза выдаютъ мою старость. Это выраженіе глазъ не передастъ ни одинъ художникъ и портретъ останется простымъ изображеніемъ костюма.

Мужчины ничего не отвѣтили. Съ мрачной меланхоліей смотрѣли они на изображеніе сотоварища своей странной судьбы, сумѣвшаго, въ теченіи вѣковъ, сохранить свѣжесть чувствъ и способность къ наслажденіямъ.

— Но въ нашей галлереѣ, дѣйствительно, недостаетъ одного портрета—твоего,—пугало моряковъ, зловѣщій призракъ океана!—неожиданно сказала Нара, положивъ свою маленькую ручку на плечо Дагира.

Тотъ, внезапно оторванный отъ своихъ мыслей, вздрогнулъ.

— Герой легенды потеряетъ весь свой ореолъ, если представитъ публикѣ свой портретъ и подастъ свою визитную карточку,—отвѣтилъ онъ, съ полу-печальной, полу-насмѣшливой улыбкой.

— Я вижу, что ты очень дорожишь своимъ престижемъ пугала; но мы знаемъ по виду, какъ Вагнеръ зналъ по наитію, что Блуждающій Голландецъ—очень красивый молодой человѣкъ, опасный только для женскихъ сердецъ. Мы желаемъ имѣть твое изображеніе и я прошу тебя позировать для портрета.

— Въ моемъ традиціонномъ костюмѣ?

— Конечно!

— Желаніе дамы для меня законъ. Но чтобы исполнить его, я не стану подвергать себя скукѣ позировать передъ какимъ-нибудь мазилой, который никогда не будетъ въ состояніи передать все таинственное очарованіе, какимъ дышетъ моя легендерная особа. Я дамъ вамъ мой портретъ, который получу совсѣмъ особымъ способомъ.

— Хитрецъ! Ты покажешь намъ какую-нибудь отрасль тайнаго знанія, еще неизвѣстную намъ!—вскричалъ Супрамати.

— Это правда! Но согласись, что я изучалъ гораздо больше тебя. Итакъ, распорядись, чтобы къ завтрашнему вечеру приготовили большую, во всю стѣну, раму съ бѣлымъ холстомъ. Тогда я въ вашемъ присутствіи сфабрикую свое изображеніе,—весело объявилъ Дагиръ.

На слѣдующій день вечеромъ всѣ собрались въ маленькой гостиной Нары. Одна изъ стѣнъ была освобождена отъ картинъ и другихъ вещей, украшавшихъ ее, и ее занимала теперь большая рама съ холстомъ.

Былъ туманный и темный вечеръ. Мелкій дождь барабанилъ въ окна, а сырость, поднимавшаяся съ каналовъ, наполняла непріятнымъ холодомъ комнаты древняго зданія. Поэтому Нара

приказала затопить каминъ, хотя такого рода отопленіе составляло уже анахронизмъ.

— Погода-то не особенно благопріятна для нашего опыта,— замѣтилъ Дагиръ.—Намъ придется подождать, пока не погаснетъ огонь въ каминѣ. А пока я займусь необходимыми приготовленіями.

— Занимайся! Занимайся! Предупреждаю тебя, что я буду внимательно наблюдать и, можетъ быть, угадаю твою тайну. Теперь я вовсе не такъ глупъ, какъ въ то время, когда ты училъ меня фиксировать мысль,—замѣтилъ, смѣясь, Супрамати.

— О! Ты, конечно, поймешь мой способъ. Только, чтобы пользоваться имъ, тебѣ надо будетъ еще поучиться.

При помощи Тортоза, Дагиръ принесъ изъ своей комнаты большую шкатулку, которую называлъ своей адской лабораторіей, и треножникъ съ угольями. Когда огонь въ каминѣ окончательно угасъ, онъ заперъ на ключъ дверь, зажегъ уголья на треножникѣ и бросилъ на нихъ горсть какого-то порошка. Затѣмъ, онъ погасилъ электричество и комнату освѣщало только большое зеленоватое пламя, пылавшее на треножникѣ и распространявшее сильно смолистый запахъ.

Прежде всего, Дагиръ вынулъ изъ шкатулки большой флаконъ съ безцвѣтною жидкостью и началъ ею пульверизировать полотно. Тотчасъ же распространился такой сильный ароматъ озона, что совершенно поглотилъ смолистый запахъ. Полотно же, казалось, покрылось бриллiантовыми капельками и пріобрѣло прозрачность.

Затѣмъ Дагиръ поставилъ передъ рамкой небольшую электрическую машину, особой формы, снабженную длинной и гибкой металлической спиралью. Изъ этой спирали брызнули снопы электрическихъ искръ, которые всѣ направлялись къ полотну, гдѣ превращались въ лучи, которые, подобно огненнымъ змѣямъ, бороздили поверхность полотна. Затѣмъ, покрывая весь фонъ рамки, образовался родъ облачнаго и фосфоресцирующаго ложа, которое колебалось, подобно водѣ отъ вѣтра. Стоя съ поднятой рукой, Дагиръ чертилъ въ воздухѣ кабалистическіе знаки, которые съ минуту фосфоресцировали, а потомъ превращались въ круги, свѣтящіяся точки и снопы искръ. Въ эту минуту въ комнатѣ послышалось легкое потрескиваніе, сопровождаемое порывами вѣтра. Вдругъ, какъ бы гонимый этими теплыми порывами, витая въ воздухѣ, появился какой-то предметъ, похожій на большой четырехугольный кусокъ матеріи, сѣровато-чернаго цвѣта, прозрачный, какъ паутина, на которомъ смутно вырисовывались контуры какихъ-то предметовъ. Разсмотрѣть детали этого рисунка не было никакой возможности, такъ какъ четырехугольникъ колебался во всѣхъ направленіяхъ, какъ бы мотыляемый вѣтромъ, толкавшимъ его къ рамкѣ, съ которой [illegible]лъ однихъ размѣровъ.

[illegible]ту спустя, странный предметъ поравнялся съ рамкой

и казалось слился съ движущимся слоемъ, покрывавшимъ полотно.

На минуту, казалось, все смѣшалось въ одну кипящую массу, переливавшую всѣми цвѣтами призмы. Вдругъ брызнула яркая молнія и все сразу погасло, даже пламя на треножникѣ, и присутствующіе очутились въ глубокомъ мракѣ.

— Въ настоящую минуту довольно трудно судить о сходствѣ твоего портрета,—замѣтилъ смѣясь Супрамати.

— Потерпите минутку, а потомъ можете сколько угодно критиковать мое произведеніе, — отвѣтилъ Дагиръ, поворачивая кнопку.

Электрическій свѣтъ залилъ комнату и освѣтилъ картину, отъ которой дышало такой жизненностью, что оба зрителя, онѣмѣвъ, какъ очарованные смотрѣли на нее.

Передъ ними, казалось, разстилалсяо океанъ, освѣщенный блѣднымъ свѣтомъ луны, полузакрытой тучами; на сѣдыхъ, пѣнящихся волнахъ тихо покачивался призрачный корабль. а на немъ, прислонившись къ мачтѣ, стоялъ Дагиръ, закутанный въ темный плащъ. Прикрѣпленный къ мачтѣ факелъ освѣщалъ красноватымъ свѣтомъ его блѣдное лицо и большіе темные глаза, съ глубокой меланхоліей устремленные въ пустое пространство.

Вокругъ судна, колебаясь на волнахъ, плавало нѣсколько труповъ; вдали, теряясь въ полумракѣ, виднѣлись обломки корабля.

— Дагиръ! Это не картина! Это само прошлое, вызванное тобой и фиксированное на этомъ полотнѣ какимъ-то неизвѣстнымъ мнѣ способомъ,—съ волненіемъ пробормоталъ Супрамати.— То, что мы видимъ — это сама жизнь. Посмотри, Нара, какъ свѣтъ факела играетъ на лицѣ трупа этой женщины. А пѣна волны, поднимающей этотъ трупъ! Скажи мнѣ, Дагиръ; по какому чуду оптики все кажется движущимся. Честное слово! Можно поклясться, что вода сейчасъ поглотитъ этотъ трупъ, что тѣла дѣйствительно плаваютъ кругомъ судна и что факелъ дымитъ и потрескиваетъ!

Супрамати всталъ и провелъ рукой по полотну.

— При прикосновеніи это обыкновенная живопись, а если отойти на нѣсколько шаговъ, то все оживаетъ, дышетъ и двигается, — сказалъ онъ съ восхищеніемъ. — Дагиръ! Ты великій волшебникъ! Художники, которые будутъ любоваться этой несравненной картиной, будутъ тщетно ломать себѣ голову, какими, никогда не виданными красками пользовался артистъ, создавшій такое чудное произведеніе?

— И дѣйствительно, опредѣлить химическій составъ этихъ красокъ очень трудно. Ученые же скромно заявятъ, что это утерянная, какъ и много другихъ, тайна, и что наукѣ будущаго предстоитъ открыть способъ, какимъ воспроизведена эта картина, — отвѣтилъ со смѣхомъ Дагиръ. — Впрочемъ, ты угадалъ

вѣрно: это дѣйствительно воспроизведеніе прошлаго, отраженіе котораго я фиксировалъ.

Еще долго бесѣдовали они о видѣнномъ феноменѣ, о занятіяхъ, къ какимъ готовились приступить подъ руководствомъ Эбрамара, и о бѣдствіяхъ, ожидающихъ человѣчество. Занялась уже заря, когда они разошлись, рѣшивъ какъ можно скорѣй ѣхать въ Индію.

На слѣдующій день, вечеромъ, всѣ трое рѣшили ѣхать въ театръ. Давали какую-то новую оперу, и они хотѣли познакомиться съ новымъ направленіемъ итальянской музыки.

Занавѣсъ только что поднялась и зрительный залъ былъ погруженъ въ полумракъ, когда Нара и ея спутники вошли въ ложу и заняли мѣста. Они внимательно стали слушать музыку, болѣе шумную, чѣмъ мелодичную, и съ интересомъ смотрѣли на представленіе, которое по своей реальности превосходило всѣ границы, какія они считали позволенными на сценѣ.

Во время перваго антракта они стали осматривать залу, ища между публикой прежнихъ знакомыхъ. Но трудно было узнать въ почтенныхъ старичкахъ и сѣдыхъ старушкахъ, съ сгорбленнымъ станомъ, нѣкогда красивыхъ молодыхъ женщинъ и изящныхъ кавалеровъ, такъ настойчиво ухаживавшихъ за Нарой. Нѣкоторые изъ этихъ почтенныхъостатковъ прошлаго, находившіеся въ театрѣ, съ понятнымъ удивленіемъ смотрѣли на Супрамати и Нару. Они помнили ихъ, но считали за незнакомыхъ и удивлялись феноменальному ихъ сходству съ ихъ бывшими друзьями.

Очень многіе упорно смотрѣли на ложу Супрамати, но послѣдній не обращалъ на нихъ никакого вниманія. Вдругъ онъ вздрогнулъ, и наклонившись впередъ, навелъ бинокль на противоположную ложу. Тамъ сидѣла бѣлокурая молодая женщина, очень красивая и нарядная, и оживленно разговаривала съ молодымъ человѣкомъ, очевидно влюбленнымъ въ нее.

— Нара! Видишь ты эту женщину въ бѣломъ платьѣ, съ изумрудной діадемой на головѣ? Это Лиліана—жертва Нарайаны, исторію которой я тебѣ разсказывалъ,—прошепталъ Супрамати на ухо женѣ.

Нара быстро навела бинокль на указанную ложу, но въ эту минуту сидѣвшая въ ней дама тоже замѣтила ихъ. Она такъ сильно вздрогнула, что вѣеръ выпалъ у нея изъ рукъ, и смертельно поблѣднѣвъ, откинулась на спинку кресла, тогда какъ смущенный и пораженный взглядъ ея точно приросъ къ Супрамати.

— Несчастная! Она снова принялась за свое отвратительное ремесло. Благодаря дѣйствію эликсира, она сохранила свою молодость и красоту, но въ глазахъ ея не свѣтится счастья, — такъ же тихо отвѣтила Нара.

Затѣмъ, минуту спустя, она прибавила:

— Ты долженъ повидаться съ ней, Супрамати. Можетъ быть

она потеряла или растратила свое состояніе, и это снова толкнуло ее на путь разврата.

— Но если я пойду къ куртизанкѣ, то это будетъ не особенно выгодно для моей репутаціи женатаго человѣка, — замѣтилъ, смѣясь, Супрамати.

— О! Я не буду ревновать такого примѣрнаго мужа, какъ ты, несмотря на пылкія чувства, какія ты внушилъ Лиліанѣ,— лукаво возразила Нара.—Ступай смѣло, съ спокойной совѣстью! Можетъ быть, мы можемъ быть полезными этому несчастному созданію! Не забывай, что она—жертва Нарайаны, а это налагаетъ на насъ обязанности по отношенію къ ней.

— Ты права! Завтра же я навѣщу Лиліану. А теперь я пойду и узнаю ея адресъ и какое имя носитъ она въ настоящую минуту.

Черезъ десять минутъ Супрамати узналъ, что Лиліана превратилась въ Андріеннъ Леванти, что она появилась въ свѣтѣ всего три или четыре года тому назадъ, и что она состоитъ любовницей маркиза Палестры, очень богатаго тосканца.

Собравъ эти свѣдѣнія, Супрамати зашелъ въ сосѣднее кафе и написалъ слѣдующую записку:

«Завтра, въ 11 часовъ утра, будьте однѣ. Я приду навѣстить васъ. С.».

Эту записку онъ послалъ въ ложу куртизанки, гдѣ она такъ ловко была передана привратницей, наэлектризованной золотой монетой, что маркизъ, курившій въ фойэ, ничего и не заподозрилъ

Лиліана была страшно взволнована, узнавъ Супрамати, своего благодѣтеля, спасшаго ее отъ ужаснаго состоянія, въ какое погрузилъ ее Нарайана, сдѣлавшаго ее богатой и хотѣвшаго вывести на путь добродѣтели и полезной и серьезной жизни. Молодая женщина никогда не забывала красиваго и великодушнаго молодого человѣка, который не удостоилъ любить ее, и онъ остался недосягаемымъ идеаломъ ея сердца, хотя никогда не давалъ ни малѣйшаго извѣстія о себѣ. Когда она неожиданно увидѣла его все такимъ же молодымъ и обольстительнымъ, какимъ знала раньше, и къ тому же въ обществѣ очаровательной женщины — его жены, въ ея душѣ поднялась настоящая буря. Горе, страсть и ревность душили ее. Записка Супрамати немного успокоила эту бурю. Онъ узналъ ее и хотѣлъ видѣть — это уже было утѣшеніемъ! Только она чувствовала себя неспособной оставаться въ театрѣ. Поэтому, какъ только вернулся маркизъ, Лиліана сослалась на внезапное нездоровье, что подтверждали ея блѣдность и разстроенный видъ, и уѣхала домой.

Лиліана провела безсонную ночь. Въ долгіе часы одиночества и ночной тишины она снова пережила все прошлое, всю странную и необъяснимую эпопею своей жизни. Но еще дольше тянулись утренніе часы, предшествовавшіе пріѣзду Супрамати.

Стоя на балконѣ, Лиліана съ нетерпѣніемъ всматривалась въ проѣзжихъ. Сердце ея усиленно забилось и дыханіе захватило, когда у ея подъѣзда остановилась гондола и изъ нея вышелъ Супрамати.

Лиліана приняла Супрамати въ будуарѣ. Ея волненіе было такъ сильно, что она не могла произнести ни слова и только молча подала ему руку и указала на кресло.

— Я счастливъ, что случай снова свелъ насъ, и что я нахожу васъ такою молодой и прекрасной,—сказалъ онъ, дружески пожимая ей руку. — А между тѣмъ, миссъ Лиліана, я не могу скрыть, что мнѣ очень грустно, что я встрѣчаю васъ снова на тернистомъ и унизительномъ пути, который, я надѣялся, вы навсегда покинули.

Темный румянецъ залилъ лицо молодой женщины.

— Вы прямо касаетесь больного мѣста, но вамъ, моему благодѣтелю, я обязана сдѣлать полную исповѣдь и дать отчетъ въ томъ состояніи, которое вы такъ великодушно...

— Нѣтъ, миссъ Лиліана, вы не должны мнѣ ни давать отчета, ни исповѣдываться, — перебилъ ее Супрамати. — Но если вы хотите довѣрить мнѣ, какъ другу, то, что произошло въ теченіе долгихъ лѣтъ нашей разлуки, я буду глубоко признателенъ вамъ. Повѣрьте, я принимаю искреннее участіе въ вашей судьбѣ. Развѣ вы не жертва преступнаго легкомысленнаго моего брата Нарайаны?

— О! Я съ радостью довѣрю вамъ все! Но, затѣмъ, вы, въ свою очередь, отвѣтьте мнѣ на одинъ вопросъ и объясните тайны, происходящія въ моемъ тѣлѣ. Я передамъ вамъ просто неслыханные факты.

— Я догадываюсь, о чемъ вы хотите спросить меня, и отвѣчу вамъ по мѣрѣ возможности.

— Послѣ вашего отъѣзда я старалась честно сдержать свое обѣщаніе и начала новую жизнь. Я училась, читала и совершенствовалась въ пѣніи и музыкѣ. Кромѣ того, подъ руководствомъ госпожи Розаліи, я занималась дѣлами благотворительности и посѣщала церкви. Я должна признаться вамъ, что всѣ эти, непривычныя для меня занятія, которымъ я отдавалась какъ бы по обязанности, а не по собственному побужденію, не наполняли моей жизни и оставляли мое сердце пустымъ. Мимолетное счастье, которое я испытывала, облегчивъ нищету какого-нибудь бѣдняка или видя свои успѣхи въ игрѣ на рояли, не удовлетворяли меня. Единственный человѣкъ, которому я хотѣла бы показать свои успѣхи и похвалы котораго я жаждала, былъ далеко и никогда не давалъ мнѣ о себѣ ни малѣйшаго извѣстія.

— Если бы вы искали одобренія Господа, а не человѣка, такого же несовершеннаго, какъ и вы, ваше сердце было бы удовлетворено, — отвѣтилъ Супрамати, полусмущенный, полуволнованный.

— Я вовсе не старалась оправдывать мое несовершенство и мою слабость. Я только признаюсь въ нихъ, чтобы лучше мотивировать ошибки, проистекающія изъ нихъ, — съ тяжелымъ вздохомъ отвѣтила Лиліана. — Но продолжаю мой разсказъ. Въ теченіе трехъ лѣтъ я вела такую уединенную и трудовую жизнь, не видя никого изъ знакомыхъ, какъ вдругъ неожиданно встрѣтилась въ виконтомъ Лормейлемъ, котораго не видѣла со времени катастрофы, случившейся между мной и Нарайаной. Виконтъ ничего но зналъ. Увидя меня, онъ разразился громкими восклицаніями и объявилъ, что не отпуститъ меня, такъ какъ намъ необходимо о многомъ поговорить. Мы зашли въ садъ одного кафе, который былъ почти пустъ въ такой ранній часъ. Тамъ онъ разсказалъ мнѣ, что Нарайана умеръ и что ему наслѣдовалъ его братъ. Онъ разсыпался въ похвалахъ вамъ. Въ заключеніе онъ разсказалъ, что вы женились въ Венеціи, а затѣмъ уѣхали въ Индію.

Лиліана нерѣшительно остановилась, видимо сильно взволнованная и смущенная.

— Ну, что же, миссъ Лиліана? Продолжайте! Я догадываюсь, что вы очень дурно приняли извѣстіе о моемъ тайномъ бракѣ,— съ улыбкой замѣтилъ Супрамати.

— Вы правы! — откровенно призналась молодая женщина.— Я была взбѣшена и была настолько глупа, что смотрѣла на вашъ бракъ съ очаровательной женщиной, повидимому такой достойной васъ, почти какъ на личную обиду. Въ своемъ глупомъ гнѣвѣ я считала себя какъ бы освобожденной отъ моего обязательства вести честную жизнь, не понимая въ своемъ ослѣпленіи, что добродѣтель, главнымъ образомъ, полезна тому, кто придерживается ея. Несмотря на всѣ просьбы и убѣжденія госпожи Розаліи, я, очертя голову, окунулась во всѣ свѣтскія безумства, но сердце мое продолжало оставаться пустымъ, а въ часы одиночества меня терзало угрызеніе совѣсти, что я пренебрегла совѣтами моего благодѣтеля. Чтобы наполнить эту пустоту и заглушить угрызенія, я бросилась во всѣ крайности. Я искала самыхъ сильныхъ ощущеній, играла на биржѣ и въ рулетку, и кончила тѣмъ, что растратила все свое состояніе на одной рискованной спекуляціи. Я потеряла все, что имѣла, но это не слишкомъ огорчало меня. Моя красота, на которую, казалось, ни время, ни всевозможныя излишества не имѣли никакого вліянія, давала мнѣ неистощимый источникъ. Я никакъ не могла понять, отчего моя красота не увядаетъ? Хотя мнѣ и исполнилось уже пятьдесятъ лѣтъ, но зеркало всегда отражало лицо двадцатипятилѣтней женщины. Я часто говорила себѣ, что я вторая Нинонъ Ленкло. Однажды, этому будетъ уже лѣтъ семь, я почувствовала сильное нездоровье. Это и удивило, и испугало меня, такъ какъ уже болѣе тридцати лѣтъ я не была больна. Я почувствовала страшную слабость, свинцовую тяжесть въ членахъ и невыразимое отвращеніе къ жизни. Приглашенный

мною докторъ не могъ найти никакой органической болѣзни, но объявилъ, что очевидно моя разстроенная нервная система вызываетъ эти болѣзненные симптомы. Предполагая, что я приближаюсь къ сорокалѣтнему возрасту, онъ прибавилъ, что года имѣютъ свои требованія, и предписалъ мнѣ полный отдыхъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ какомъ-нибудь уединенномъ мѣстѣ, куда бы не достигалъ шумъ свѣтскихъ развлеченій. Я должна была жить преимущественно на чистомъ воздухѣ, проводить какъ можно больше времени въ лѣсу, пить молоко, придерживаться вегетаріанскаго режима, ничего не дѣлать и никого не видѣть, чтобы дать своему организму полный отдыхъ. Я послѣдовала этому совѣту и поселилась на одной уединенной фермѣ въ южной Германіи. Хозяева мои были люди бѣдные, простые, благочестивые и честные. Ихъ маленькое владѣніе было окружено лѣсомъ, что, какъ вамъ извѣстно, большая рѣдкость въ наше время, но сосѣдній старикъ-помѣщикъ, человѣкъ тоже отсталый, ни за что не соглашался продать лѣсъ. Я поселилась въ этой глуши. Первые дни я чувствовала себя лучше, но скоро, со страшною силой, снова появились тревожные симптомы: тяжесть членовъ сдѣлалась невыносимой, зрѣніе портилось, слухъ притуплялся, волосы сѣдѣли на головѣ, станъ сгорбился, а кожу, до того времени такую атласную и такую свѣжую, изрѣзали многочисленныя морщины. Однимъ словомъ, въ теченіе двухъ или трехъ недѣль—не могу точно опредѣлить время, такъ какъ я была тогда какъ сумасшедшая — я превратилась въ отвратительную старуху. Мое состояніе души было ужасно. Я такъ привыкла всегда быть молодой и красивой, что забыла про свои настоящіе годы. Тщетно я убѣждала себя, что такъ неожиданно наступившая старость вполнѣ естественна, и что только какой-то странный случай такъ долго отсрочивалъ ее, я никакъ не могла привыкнуть къ ней. Послѣдняя фаза этого ужаснаго состоянія была страшно тяжела. Все мое тѣло казалось высохло, волосы вылѣзали прядями и всѣ зубы выпали. Въ какихъ-нибудь три дня ротъ мой опустѣлъ, черепъ обнажился, а слабость достигла такой степени, что я не могла вставать и думала, что насталъ мой послѣдній часъ. Мое состояніе страшно безпокоило моихъ хозяевъ и они хотѣли послать за докторомъ, но я энергично воспротивилась этому. Жить такою, какой я была—это было въ тысячу разъ хуже смерти. Я сдѣлала только нѣкоторыя распоряженія относительно своихъ похоронъ и вручила имъ сумму, достаточную для погребальныхъ расходовъ. Они не должны были никого извѣщать о моей смерти. Я хотѣла исчезнуть безслѣдно! Это было вечеромъ. Я лежала одна въ своей маленькой комнаткѣ, погруженная въ тяжелое оцѣпенѣніе, на которое, въ минуты проясненія сознанія, я смотрѣла, какъ на предсмертную агонію. Но вдругъ я почувствовала, какъ будто вспыхнулъ огонь въ томъ мѣстѣ, гдѣ была рана, нѣкогда нанесенная мнѣ Нарайаной. Изъ этого центра, казалось, брызнули огненныя стрѣлы,

которыя пронизали мое тѣло по всѣмъ направленіямъ, производя повсюду внутренніе взрывы: то въ рукѣ, то въ ногѣ, то въ глазу, то въ желудкѣ, и т. д. Я испытывала страшную боль, которая съ поразительной быстротой переходила съ мѣста на мѣсто. Наконецъ вся голова моя точно разлетѣлась на части, и я потеряла сознаніе. Хозяйка разсказывала мнѣ потомъ, что когда она пришла провѣдать меня, ей показалось, что я крѣпко сплю. Спала я такъ сорокъ восемь часовъ. Когда я проснулась, я чувствовала себя очень хорошо и была очень голодна. Служанка, принесшая мнѣ завтракъ, объявила, что у меня очень хорошій видъ и что я помолодѣла на тридцать лѣтъ. Короче сказать, еще скорѣй, чѣмъ я состарилась, ко мнѣ вернулась моя молодость и красота. Мало-по-малу у меня прорѣзались зубы и выросли волосы — и я сдѣлалась такой, какой вы меня видите. Моя добрая хозяйка сначала смотрѣла на меня съ какимъ-то суевѣрнымъ страхомъ, но потомъ успокоилась и призналась мнѣ, что она смотритъ на мою необыкновенную болѣзнь, какъ на колдовство, наведенное на меня кѣмъ-нибудь, но роковое дѣйствіе котораго было уничтожено святой реликвіей, которую она, незамѣтно отъ меня, поставила въ головахъ моей кровати. Я не возражала, такъ какъ сама не могла понять, что такое происходило со мной. Когда я совершенно поправилась, я должна была снова взяться за свое скверное ремесло, чтобы жить, какъ я привыкла. Только я не хотѣла появиться подъ своимъ старымъ именемъ и появиться тамъ, гдѣ я прежде жила. Поэтому я приняла имя Андріеннъ Леванти и уѣхала въ Америку. Оттуда меня привезъ въ Венецію одинъ другъ—итальянецъ. Остальное не представляетъ никакого интереса.

Теперь, князь, объясните мнѣ неслыханный фактъ, который я передала вамъ! Вы, надъ которымъ время не имѣетъ никакой власти,—вы должны знать ключъ къ этой тайнѣ и можете сказать мнѣ, когда окончится эта ненормальная молодость и эта ненавистная жизнь, которая давитъ меня, какъ невыносимое бремя! Мнѣ все надоѣло, у меня нѣтъ никакой цѣли въ жизни и я даже ни на что не гожусь. Хоть изъ жалости скажите мнѣ: когда и какимъ образомъ придетъ моя смерть?

Взволнованный Супрамати съ удивленіемъ выслушалъ этотъ длинный разсказъ. Только теперь онъ понялъ слова Эбрамара, который сказалъ, что эссенція жизни, будучи введена въ организмъ тѣмъ способомъ, которымъ ввелъ ее Нарайана Лиліанѣ, дѣйствуетъ совсѣмъ иначе и на много увеличиваетъ продолжительность жизни, не дѣлая ее, однако, вполнѣ вѣчной. Но какимъ образомъ, мудрецъ не объяснилъ яснѣй, и Супрамати положительно не зналъ, что ждетъ Лиліану въ будущемъ. Способъ, какимъ обновился организмъ Лиліаны, былъ новостью для Супрамати и доказывалъ ему, какъ разнообразно дѣйствіе чудеснаго и ужаснаго вещества.

— Вы спрашиваете у меня болѣе, чѣмъ я могу сказать вамъ,

миссъ Лиліана,—отвѣтилъ Супрамати, послѣ минутнаго молчанія.—Правда, есть невѣдомое вещество, продолжающее жизнь и поддерживающее, на болѣе или менѣе продолжительное время, силы и юность, но преступно легкомысленно пользоваться такимъ опаснымъ средствомъ, и я считаю Нарайану преступнымъ по отношенію къ вамъ, такъ какъ, не спросивъ вашего согласія и не обсудивъ, способны ли вы на такое испытаніе, онъ осудилъ васъ на жизнь, конца которой я не знаю, но которая, я предполагаю, будетъ очень продолжительна. И все это Нарайана сдѣлалъ ради удовлетворенія своихъ скотскихъ страстей!

Видя, что молодая женщина смертельно поблѣднѣла и съ ужасомъ смотрѣла на него, Супрамати прибавилъ:

— Успокойтесь и съ энергіей смотрите на будущее! Все, что зависитъ отъ меня, я сдѣлаю для облегченія вашей участи.

Прежде всего, я снова дамъ вамъ состояніе, которое избавитъ васъ отъ необходимости торговать своей особой, чтобы жить сообразно своимъ привычкамъ. Капиталъ я помѣщу такимъ образомъ, чтобы случайныя спекуляціи не могли его отнять у васъ. Во-вторыхъ, я могу только повторить мой совѣтъ, который уже разъ я далъ вамъ, именно: жить ради какой нибудь болѣе благородной и полезной цѣли, чѣмъ мелочнаго тщеславія. Намъ необходимо побѣдить недисциплинированныя чувства, которыя кипятъ въ нашей душѣ, а не пользоваться ими, какъ законнымъ предлогомъ для совершенія всевозможныхъ безумствъ.

Я не могу повѣрить, чтобы такая унизительная жизнь, какую вы ведете, удовлетворяла бы васъ. Вы сами объявили, что все вамъ опротивѣло. Да иначе и не можетъ быть! Вложенная въ васъ божественная искра толкаетъ насъ впередъ, отъ мрака къ свѣту. Въ этомъ и состоитъ назначеніе душъ, это и есть тотъ путь, по которому мы должны подниматься, чтобы соединиться съ нашимъ Небеснымъ Отцомъ.

Посвятите себя труду и собственному совершенству—и эта жизнь, которая такъ пугаетъ васъ, покажется вамъ не столь долгою, и вы менѣе будете чувствовать пустоту этого скоротечнаго міра, гдѣ смерть будетъ косить все вокругъ васъ, оставляя въ живыхъ только одну васъ.

— Все, что вы говорите, правда, а между тѣмъ, когда я думаю объ ужасѣ такого будущаго, мнѣ кажется, что я теряю разсудокъ,—пробормотала Лиліана, закрывъ лицо руками.

Затѣмъ, быстро выпрямившись, она прибавила:

— Вы говорите, чтобы я трудилась и совершенствовалась. Но какъ? Какимъ путемъ? Уединеніе и благотворительность не удовлетворяютъ меня и не вносятъ никакого интереса въ мою жизнь.

— Я позабочусь дать вамъ болѣе существенныя занятія,—съ улыбкой отвѣтилъ Супрамати.—А пока, я прежде всего устрою

ваши матеріальныя дѣла. До свиданія! Скоро вы получите отъ меня извѣстіе.

Вернувшись домой, Супрамати разсказалъ Нарѣ результатъ своего визита и сталъ обсуждать съ ней, что можно сдѣлать для облегченія участи несчастной жертвы Нарайаны, очевидно, осужденной на долгую жизнь.

Послѣ зрѣлаго размышленія, Нара посовѣтовала попробовать заинтересовать Лиліану оккультными науками. Можетъ быть эти увлекательныя занятія завлекутъ ее и, даже, въ будущемъ приготовятъ изъ нея полную помощницу имъ. Нара хотѣла сама поговорить съ молодой женщиной и объяснить ей въ чемъ дѣло.

Согласно съ этимъ рѣшеніемъ, Нара пригласила Лиліану пріѣхать къ ней.

Лиліана пріѣхала, движимая столько же ревностью, сколько и любопытствомъ, но всѣ эти чувства быстро исчезли въ горькомъ сознаніи своего подавляющаго ничтожества передъ этой высшей женщиной.

Въ первый еще разъ она вполнѣ поняла, что Супрамати, будучи мужемъ Нары, не могъ полюбить ее. Но въ то же время, она чувствовала себя побѣжденной его нѣжною добротой, и въ ней проснулось желаніе трудомъ и нравственнымъ очищеніемъ приблизиться къ этой избранной четѣ.

Лиліана съ благодарностью приняла предложеніе отдаться изученію оккультныхъ наукъ, а нѣсколько феноменовъ, показанныхъ Нарой, въ высшей степени заинтересовали молодую дѣвушку.

При помощи Дагира, имѣвшаго на континентѣ различныя знакомства, снеслись съ однимъ старикомъ нѣмцемъ, жившимъ близь Нюренберга въ небольшомъ уединенномъ замкѣ и занимавшимся таинственными науками. И онъ, и жена его согласились принять въ свой домъ Лиліану въ качествѣ ученицы стараго ученаго, а одинъ изъ высшихъ адептовъ, жившій въ Лондонѣ, обѣщалъ наблюдать за неофиткой и руководить ею.

Когда всѣ приготовленія были окончены, Лиліана уѣхала въ Нюренбергъ, снабженная новымъ солиднымъ состояніемъ и воодушевленная самыми лучшими намѣреніями учиться и совершенствоваться. Сердце ея было покойнѣй, а признательность внушала ей желаніе заслужить уваженіе своихъ благодѣтелей.

X.

ОДНАЖДЫ вечеромъ, послѣ отъѣзда Лиліаны, Супрамати находился одинъ въ своемъ кабинетѣ. Дагиръ куда-то ушелъ, а Нара работала въ своей комнатѣ, приводя въ порядокъ свои замѣтки и просматривая дневникъ, который она

аккуратно вела въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ и который, конечно, представлялъ самые интересные мемуары, какіе когда либо были написаны человѣкомъ.

Молодой человѣкъ лежалъ на диванѣ и перелистывалъ новые романы. Ему хотѣлось познакомиться съ новой итальянской литературой, но ему скоро надоѣло это глупое и банальное чтеніе. Онъ бросилъ книги на столъ и задумался.

Пребываніе въ этомъ уединенномъ кабинетѣ всегда приводило его въ какое-то особенное настроеніе духа. Здѣсь его толпой осаждали воспоминанія его перваго прибытія въ этотъ дворецъ, и разнообразныхъ ощущеній, когда бѣдный и скромный Ральфъ Морганъ былъ неожиданно перенесенъ въ сказочную обстановку тысячи и одной ночи.

Сорокъ пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но, минутами, ему казалось, что прошло столько же вѣковъ, до такой степени онъ измѣнился. Какіе горизонты открылись его уму, въ какія тайны онъ проникъ, и какое могущество пріобрѣлъ! Его воля не была уже колеблющимся тростникомъ; его мысль не была уже трепещущимъ пламенемъ, которое могъ загасить порывъ вѣтра. Теперь его мысль была гибкимъ огненнымъ токомъ, который, подобно стрѣлѣ, вылеталъ изъ дисциплинированнаго ума, чтобы достигнуть разъ помѣченной цѣли.

Лукавая улыбка скользнула по губамъ Супрамати. Подобно школьнику, съ увѣренностью повторявшему хорошо затвержен-ный урокъ, Супрамати на минуту сконцентрировалъ свою волю, смотря сверкающимъ взглядомъ на свѣчу, стоявшую на бюро. Тотчасъ же въ воздухѣ пронеслась искра, и свѣча вспыхнула. Минуту спустя, одинъ изъ томовъ, лежавшихъ на диванѣ, поднялся на воздухъ и, какъ бы несомый какою то невидимою силой, легъ ему въ руки.

Безчисленное число разъ съ успѣхомъ продѣлывалъ онъ подобные же опыты, но только въ тиши своей лабораторіи. Но съ тѣхъ поръ, какъ онъ снова вступилъ въ свѣтъ и ежедневно сталкивался съ легкомысленной и невѣжественной толпой, ему, иногда, казалось, что все его знаніе осталось тамъ, въ Шотландскомъ замкѣ, гдѣ, какъ во снѣ, протекло для него полвѣка и гдѣ работа такъ поглощала время.

Но нѣтъ! Онъ ничего не забылъ и ничего не потерялъ. Его воля была гибка, послушна и могущественна, а оккультныя силы послушно повиновались ему. Нѣтъ, онъ не сдѣлался снова тѣмъ, чѣмъ былъ!

Невольно мысль Супрамати перешла на того, кому онъ обязанъ былъ своей странной и чудесной судьбой. Въ этой комнатѣ все еще напоминало Нарайану. Эту мебель онъ самъ выбиралъ, въ этой шифоньеркѣ находятся еще, положенныя имъ, вещи, а тамъ, надъ бюро, висѣли портреты его и Нары.

дохъ участія и сожалѣнія вырвался изъ груди Супрамати.

тубины души жалѣлъ онъ своего предшественника, кото-

раго увлеченія страстями натолкнули на такія преступныя дѣянія и привели къ такому печальному концу. Что дѣлаетъ онъ теперь? Находится ли онъ все въ томъ же отвратительномъ состояніи, въ которомъ онъ видѣлъ его здѣсь, въ этомъ самомъ дворцѣ? Теперь онъ не испугается его; теперь онъ болѣе уже не трусъ, падающій въ обморокъ при видѣ загробнаго существа! Онъ побѣдилъ всѣ ужасы, при помощи которыхъ драконъ охраняетъ входъ въ невидимый міръ, и располагаетъ оружіемъ, покоряющимъ нисшихъ и опасныхъ духовъ, населяющихъ бездны неизвѣстнаго загробнаго міра.

Въ эту минуту Супрамати, продолжавшій смотрѣть на портретъ Нарайаны, замѣтилъ маленькій шаръ, цвѣта сафира, который, казалось, бѣгалъ по холсту, а потомъ превратился въ небольшое облако и приблизился къ нему, вращаясь и фосфоресцируя. Въ ту же минуту онъ почувствовалъ ощущеніе, точно паутина скользнула по его фигурѣ, тогда какъ запахъ крови бросился ему въ носъ.

Оккультные труды обострили всѣ чувства Супрамати. Поэтому онъ услышалъ неуловимое для всякаго другого легкое потрескиваніе, производимое присутствіемъ духа—духа Нарайаны, вѣроятно. Не хочетъ ли Нарайана что-нибудь сказать ему? Не хочетъ ли онъ о чемъ-нибудь спросить? Не нуждается ли онъ въ помощи? Какъ бы то ни было, Супрамати счелъ своимъ долгомъ отвѣтить на обращенный къ нему призывъ, и поэтому умственно спросилъ:

— Ты хочешь, чтобы я вызвалъ и матеріализировалъ тебя, Нарайана?—спросилъ онъ.

Чей-то голосъ прошепталъ ему на ухо:

— Прошу тебя объ этомъ!

Супрамати тотчасъ же всталъ и принесъ изъ спальни шкатулку, наполненную различными порошками и флаконами. Шкатулку эту онъ поставилъ на бюро. Затѣмъ онъ досталъ серебряный треножникъ, большой подносъ изъ такого же металла, шандалъ о семи рожкахъ и широкій хрустальный сосудъ.

Супрамати выдвинулъ столъ на середину комнаты и поставилъ на него подносъ, шандалъ и треножникъ. На треножникъ онъ наложилъ уголья, а хрустальный сосудъ наполнилъ свѣжей водой и поставилъ рядомъ съ нимъ кубокъ, выливъ въ него изъ флакона красную эссенцію, распространявшую пріятный и живительный ароматъ.

Окончивъ эти приготовленія, онъ погасилъ электрическій свѣтъ и досталъ изъ подъ одежды магическій жезлъ, висѣвшій на шеѣ на золотой цѣпочкѣ. Поклонившись на сѣверъ, югъ, востокъ и западъ, онъ сталъ на распѣвъ читать магическія формулы, сопровождая ихъ таинственными знаками, которые чертилъ въ воздухѣ надъ столомъ.

Едва исчезли фосфоресцирующіе контуры гіероглифовъ, какъ воздухъ съ трескомъ прорѣзало пламя и зажгло семь свѣчей

и угли съ порошкомъ, который Супрамати раньше насыпалъ на нихъ. Порошокъ вспыхнулъ бѣлымъ и яркимъ, какъ огонь магнія, пламенемъ, освѣтивъ самые отдаленные уголки кабинета. Потомъ пламя это стало переливать всѣми цвѣтами призмы, и наконецъ, все погасло съ легкимъ взрывомъ.

Только что произведенный феноменъ стоилъ Супрамати много труда и усилій, но Дагиръ требовалъ отъ своего ученика этого знанія, необходимаго для всякаго, кто хотѣлъ сдѣлаться господиномъ въ области оккультнаго знанія, такъ какъ магическія вещи нельзя зажигать обыкновеннымъ огнемъ, а необходимо вызвать огонь пространства. По этой причинѣ, заурядные колдуны, не обладающіе силой вызвать такой огонь, стараются зажечь отъ молніи какую-нибудь вещь, тщательно поддерживаютъ этотъ огонь и пользуются имъ при своихъ занятіяхъ магіей.

Опустивъ жезлъ, но продолжая размѣренное пѣніе, Супрамати отступилъ отъ стола, около котораго появилось большое, сѣроватое пятно, прозрачное, какъ паутина. Порывы холоднаго вѣтра колебали и потрясали это пятно.

По мѣрѣ того, какъ уменьшалось и угасало бѣлое пламя, сѣрое пятно сгущалось, превратилось въ облако и вытянулось, принявъ форму человѣческой фигуры.

Это существо, съ неясными контурами и съ двумя фосфоресцирующими точками вмѣсто глазъ, пошатываясь и колеблясь по всѣмъ направленіямъ, приблизилось къ столу. Воздушная рука отдѣлилась отъ этой колеблющейся массы, схватила кубокъ, который залпомъ осушило это странное существо. Почти тотчасъ же человѣческая фигура уплотнилась, и появилась голова, покрытая черными волосами, которая нѣсколько разъ окунулась въ хрустальный сосудъ; затѣмъ это существо омочило въ этомъ же сосудѣ и обѣ руки.

Теперь можно было ясно видѣть высокую фигуру человѣка, закутаннаго въ широкій, сѣровато-бѣлый плащъ. Когда фигура эта обернулась, Супрамати очутился лицомъ къ лицу съ Нарайаной, который протягивалъ ему обѣ руки.

— Благодарю тебя, другъ Ральфъ, что ты тотчасъ же отвѣтилъ на мой призывъ и вызвалъ меня къ дѣйствительной жизни,—сказалъ Нарайана звучнымъ и мелодичнымъ голосомъ.

Супрамати сердечно пожалъ ему руку.

— Это я обязанъ тебѣ глубокой благодарностью,—горячо отвѣтилъ онъ.—Чѣмъ другимъ могъ бы я отблагодарить тебя за тотъ неоцѣненный даръ, который ты сдѣлалъ мнѣ? Я счастливъ, что мое ничтожное знаніе позволило мнѣ вызвать тебя и дало возможность поговорить съ тобой. Позволь мнѣ поздравить тебя съ перемѣной, происшедшей въ твоемъ состояніи. Мнѣ было очень грустно, когда я видѣлъ тебя въ послѣдній разъ. Ты долженъ былъ много поработать, чтобы очиститься до такой степени!

Нарайана пододвинулъ кресло и сѣлъ. Съ минуту глаза его задумчиво блуждали по окружавшимъ его предметамъ. При свѣтѣ

семи свѣчей Супрамати замѣтилъ, что красивое лицо его предшественника носило слѣды крайняго утомленія; выраженіе же адской злобы и небольшіе красные рожки, выдѣлявшіеся изъ массы черныхъ, какъ вороново крыло, волосъ совершенно исчезли. Въ данную минуту Нарайана вполнѣ имѣлъ видъ живого человѣка.

Обернувшись къ Супрамати, Нарайана сказалъ полу-насмѣшливымъ, полу-меланхоличнымъ тономъ:

— Когда ты меня видѣлъ въ послѣдній разъ, я, въ силу страданія, былъ очень отвратительнымъ и злымъ, существомъ. О! Никакія слова не въ силахъ передать тотъ адъ, который я перенесъ! Безъ сомнѣнія, я много грѣшилъ, но для человѣка съ моимъ характеромъ было страшнымъ искушеніемъ жить сотни лѣтъ, будучи вооруженнымъ страннымъ и ужаснымъ могуществомъ, ставившимъ меня выше всего человѣчества. Счастливъ ты, Ральфъ Морганъ, что въ твоихъ жилахъ течетъ такая спокойная кровь, а въ твоемъ сердцѣ живетъ такая сильная любовь къ наукѣ! Ты высоко поднимешься по лѣстницѣ знанія, и вѣка увѣнчаютъ твое чело звѣздой мага! Я же остался рабомъ плоти, игрушкой своихъ недисциплинированныхъ страстей, а въ пространствѣ сдѣлался плѣнникомъ первоначальной матеріи, которая вливала потоки жизни въ флюидическія жилы моего астральнаго тѣла. Ты самъ видѣлъ, какъ я низко палъ. Сознаніе такого паденія заставляло меня почти столько же страдать, сколько и физическая боль, терзавшая мое астральное тѣло. Тѣмъ не менѣе, я не напрасно обладалъ обрывками знанія, отчасти дисциплинированной волей и друзьями, среди которыхъ былъ и старикъ, котораго ты видѣлъ въ гротѣ предковъ. Поддерживаемый ими, я принялся за работу, чтобы очиститься и хоть отчасти искупить причиненное мною зло. Ты самъ видишь результаты моихъ усилій. Я все еще остаюсь страждущимъ духомъ, но ужъ не нуждаюсь больше въ пищѣ, и мнѣ не нужны матеріальныя удовольствія. Крестъ Нары уже не заставитъ меня отступить. Но кстати о моей эксъ-супругѣ. Счастливъ ты съ ней?

— Для меня—она ангелъ!

— Тѣмъ лучше! Въ отношеніи меня она всегда была неблагодарна и безсердечна. Ужъ конечно она не подарила бы мнѣ этого часа бесѣды! Право, я безконечно благодаренъ тебѣ, что ты матеріализировалъ меня болѣе, чѣмъ на часъ. Въ этомъ кабинетѣ, полномъ воспоминаній, мнѣ почти кажется, что я все еще господинъ этого дворца.

— Въ моихъ глазахъ ты и остался имъ! Мнѣ хотѣлось бы доказать лучше, чѣмъ этой бездѣлицей, мою благодарность тебѣ.

— Если ты дѣйствительно желаешь сдѣлать мнѣ пріятное, Ральфъ, или скорѣй Супрамати, такъ какъ всѣ зовутъ тебя этимъ именемъ, то не откажи мнѣ въ моей просьбѣ и оставь меня здѣсь одного на четверть часа помечтать и отдаться воспоминаніямъ, какъ будто я еще принадлежу къ этому міру.

Сидѣвшій въ креслѣ Супрамати тотчасъ же всталъ.

— О! Я немедленно же оставляю тебя одного! Оставайся здѣсь, Нарайана, и считай себя хозяиномъ этихъ комнатъ, еще полныхъ тобой.

Супрамати сдѣлалъ дружескій знакъ рукой и ушелъ въ спальню, дверь которой заперъ за собой на ключъ. Молодой человѣкъ не замѣтилъ страннаго и насмѣшливаго выраженія, какое быстро вспыхнуло въ глазахъ призрака.

Едва прошло нѣсколько минутъ со времени ухода Супрамати изъ кабинета, какъ противоположная дверь, ведшая на половину Нары, быстро отворилась и въ нее поспѣшно вошла молодая женщина. Она была видимо чѣмъ-то взволнована и испугана.

— Что ты надѣлалъ!—вскричала она, подбѣгая къ мужу и схватывая его за руку.—Ты матеріализовалъ Нарайану и оставилъ его одного въ кабинетѣ. Развѣ можно дѣлать такія безумства! Это непростительно! Вѣдь ты не профанъ, который забавляется, творя самъ не понимая что!

Супрамати съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на нее. Молодая же женщина, не дожидаясь отвѣта, бросилась къ двери кабинета, но та въ эту минуту открылась и на порогѣ ея появился Нарайана. Черные глаза его пылали, на губахъ блуждала гордая и торжествующая улыбка, а на блѣдныхъ щекахъ выступила легкая краска. Никогда еще, можетъ быть, чудная красота Нарайаны не являлась въ такомъ блескѣ.

Смущенный Супрамати съ восхищеніемъ смотрѣлъ на него. Онъ не понималъ причину гнѣва Нары; онъ не понималъ, какая бѣда можетъ произойти отъ простой матеріализаціи или отъ желанія духа остаться на нѣсколько минутъ одному въ комнатѣ, гдѣ онъ такъ долго жилъ.

Взглядъ, брошенный случайно въ кабинетъ, заставилъ его вздрогнуть отъ удивленія и безпокойства. Въ стѣнѣ, противъ которой сидѣлъ Нарайана, было открыто отверстіе, о существованіи котораго Супрамати и не подозрѣвалъ. На столѣ стояла открытая шкатулка, очевидно, вынутая изъ тайника. Рядомъ со шкатулкой лежалъ флаконъ съ золотой пробкой, очевидно, содержавшій въ себѣ первородную матерію. Дерзкій духъ осмѣлился воспользоваться ею!

Супрамати поблѣднѣлъ. Но онъ не успѣлъ вымолвить ни слова, такъ какъ Нарайана сказалъ, смѣривъ Нару насмѣшливымъ взглядомъ:

— Ты явилась слишкомъ поздно, чтобы помѣшать мнѣ, моя прекрасная бывшая супруга! Несмотря на всю твою необыкновенную предусмотрительность, ты забыла предупредить Супрати, сердце котораго вѣка не успѣли еще изсушить.

— Ты самъ оказалъ себѣ плохую услугу, но твое легкоміе положительно неисправимо,—отвѣтила Нара, нахмуривъ ь.

— Не разстраивайся этимъ! Я самъ буду нести послѣдствія моего смѣлаго поступка, а супружескія бури ужъ больше не страшатъ меня. Къ тому же, твои чары потеряли надо мной всякую власть,—съ сарказмомъ замѣтилъ Нарайана.—И такъ, успокойся жестокая и очаровательная Нара: я не потребую никакого наслѣдства, даже тебя. Тебѣ лучше, чѣмъ кому-нибудь, извѣстно, какъ мнѣ тяжело будетъ теперь всякое сношеніе съ людьми. Поэтому я удалюсь въ одинъ дворецъ Іога въ Гималаяхъ и никого не буду безпокоить.

Нара пожала плечами и отвернулась, а потомъ вышла изъ комнаты, бросивъ мужу:

— Глупецъ! Трижды глупецъ!

— Не огорчайся, что я стоилъ тебѣ такого почетнаго титула, мой бѣдный другъ и наслѣдникъ. Вѣдь я одинъ только слышалъ его! Къ тому же, въ былое время меня награждали еще энергичнѣй, но со стороны красивой женщины это пустяки!—съ громкимъ смѣхомъ вскричалъ Нарайана.

— Ахъ, ты положительно неисправимъ!—сказалъ Супрамати, смѣясь противъ воли.

Затѣмъ, принявъ снова серьезный тонъ, онъ прибавилъ:

— Что ты сдѣлалъ, Нарайана?

— Только то, что я имѣлъ право сдѣлать: я воспользовался первородной матеріей, которую завѣщалъ тебѣ. Ты же не обѣднѣешь отъ нѣсколькихъ капель, которыя я употребилъ.

— Полно, Нарайана! Все, что принадлежало тебѣ, такъ и остается твоимъ добромъ. Я ни чѣмъ не воспользуюсь. Самый же твой драгоцѣнный даръ, высшее посвященіе, останется при мнѣ.

— Ты хорошій и честный человѣкъ, Супрамати!—дружескимъ тономъ отвѣтилъ Нарайана.—Но знай, что я не нуждаюсь въ земныхъ благахъ, которыя я завѣщалъ тебѣ.

— Во всякомъ случаѣ, все находится въ твоемъ распоряженіи. Только не думай, пожалуйста, что я сожалѣю о твоемъ воскрешеніи.

— Я знаю это! Но пойми, Супрамати, что я не сдѣлался обыкновеннымъ человѣкомъ; я—амфибія, вошедшая черезъ двѣ двери въ невидимый міръ. Такъ, я не могу употреблять обыкновенныя блюда, а долженъ питаться особой, спеціальной пищей, которая почти что ничего не стоитъ. Я просто пріобрѣлъ способность не разлагаться, благодаря матеріи, которая моментально одарила меня волей или жизненной силой. Самъ я остаюсь духомъ. Такъ я по желанію могу становиться видимымъ и невидимымъ. Сейчасъ я докажу тебѣ это.

Нарайана взялъ Супрамати за руку и почти тотчасъ же исчезъ. Какъ молодой человѣкъ ни оглядывался, онъ всюду встрѣчалъ прозрачный воздухъ, а между тѣмъ продолжалъ чувствовать крѣпкое пожатіе пальцевъ Нарайаны. Наконецъ, по-

слѣдній снова сдѣлался видимымъ. Онъ видимо былъ восхищенъ удивленіемъ и недоумѣніемъ молодого мага.

— Тебѣ еще неизвѣстны многія тайны, такъ какъ ты изучилъ только первыя области науки и изучилъ ихъ, надо признаться, весьма методически. Феномены, какіе можно получить при помощи первоначальной матеріи, тебѣ почти совершенно неизвѣстны. Ихъ разнообразіе положительно безконечно, такъ какъ этотъ агентъ съ такою же легкостью конденсируетъ молекулы, какъ и разсѣиваетъ ихъ. Съ четвертою частью того, что еще заключается въ этомъ флаконѣ, ты можешь воскресить цѣлое кладбище. Только это не будетъ то, что я сдѣлалъ. Я привлекъ только изъ пространства извѣстное количество молекулъ, которыя гарантируютъ мнѣ компактность, необходимую для получеловѣческой жизни, лишенной, впрочемъ, всякихъ плотскихъ неудобствъ. Такую жизнь я предполагаю вести въ прекрасномъ дворцѣ, расположенномъ въ Гималайскихъ горахъ. Этого дворца ты не видалъ еще, но, надѣюсь, что ты навѣстишь меня тамъ. Ты же, несмотря на свое безсмертіе, чувствуешь тяготы матеріальнаго тѣла; ты нуждаешься въ тысячи вещахъ для своего комфорта, перемѣщенія и прочее. Если ты не можешь умереть отъ голода, то ты можешь чувствовать разныя другія неудобства, отъ которыхъ я избавленъ.

Супрамати безсильно упалъ въ кресло и провелъ рукой по лбу.

— Я положительно теряюсь въ этомъ лабиринтѣ чудесъ и непонятныхъ тайнъ, источникомъ которыхъ служитъ первоначальная матерія. Я все болѣе и болѣе начинаю понимать, что я не болѣе, какъ простой невѣжда, едва изучившій азбуку. Но ты, Нарайана, искусенъ въ этой наукѣ, которая для меня совершенно неизвѣстна; ты изучилъ свойства первоначальной матеріи Дай мнѣ кое-какія объясненія и отвѣть на нѣкоторые вопросы?

— Я съ удовольствіемъ сообщу тебѣ то немногое, что самъ знаю.

— Въ такомъ случаѣ, прежде всего скажи, шутилъ ты или нѣтъ, когда говорилъ,что при помощи первоначальной матеріи можно воскресить цѣлое кладбище?

— Я говорилъ вполнѣ серьезно. Это вещь вполнѣ возможная.

— Я положительно не понимаю этого. Благодаря нашей системѣ погребенія, въ могилахъ остаются одни только костяки; отъ сожигаемыхъ же труповъ остается только пепелъ. Какимъ же образомъ могутъ ожить и одушевиться такія останки?

Нарайана погасилъ семь свѣчей, которыя еще продолжали горѣть. Затѣмъ онъ прошелъ въ сосѣднюю комнату и сѣлъ на диванъ, предложивъ Супрамати занять мѣсто рядомъ съ нимъ.

— Я вижу, что ты собираешься долго разспрашивать меня, поэтому намъ будетъ здѣсь гораздо удобнѣй. А теперь я отвѣчу на твой вопросъ. Пока существуетъ остовъ человѣческаго

тѣла—есть объектъ, пропитанный жизненнымъ флюидомъ. Это, если хочешь, составляетъ основаніе, около котораго можетъ быть сосредоточена молекулярная система, которая нѣкогда составляла одно цѣлое. Такое дѣйствіе происходитъ всегда и притомъ съ поразительной быстротой, если въ останки тѣла ввести частицу первоначальной эссенціи, необходимой для агломераціи.

— И воскрешенныя такимъ образомъ существа становятся безсмертными?—спросилъ блѣдный и взволнованный Супрамати.

— Нѣтъ, нѣтъ! Они пріобрѣтаютъ жизненность только на извѣстное время, которое никогда не бываетъ очень продолжительно, такъ какъ матерія сильно поглощается процессомъ, имѣющимъ свои неудобства. Такъ, напримѣръ, чтобы вернуть душу въ тѣло, въ которомъ она нѣкогда обитала, иногда приходится вырывать ее изъ тѣла, которое она оживляетъ въ данное время, что вызываетъ моментальную смерть, такъ какъ дѣйствующая сила не знаетъ никакихъ препятствій и дѣйствуетъ неуклонно тамъ, гдѣ она оказывается сильнѣй. Въ занимаемомъ насъ случаѣ высшая сила всегда находится въ разрушенномъ тѣлѣ, такъ какъ доза матеріи зависитъ отъ оператора. Душа, приведенная такимъ образомъ въ свое прежнее обиталище, теряетъ воспоминаніе о прошломъ, безразлично, вызвана ли она изъ пространства или вырвана изъ другого тѣла. Впрочемъ, съ помощью этой матеріи—истинной эссенціи жизни—можно искусственно создать человѣка, только жизнь его будетъ кратковременна, такъ какъ жизненная матерія поглощалась бы слишкомъ быстро. Такой человѣкъ обратился бы въ пепелъ, какъ пылающій уголь, но, повторяю, дѣло это вполнѣ возможное.

— Отчего же Дагиръ никогда не говорилъ мнѣ о такомъ важномъ дѣлѣ?—пробормоталъ Супрамати.

— О! Дагиръ очень осторожный и очень методичный наставникъ. Онъ научилъ тебя магическимъ формуламъ, которыя подчиняютъ нисшія существа, развилъ твои оккультныя чувства и дисциплинировалъ твою волю, но не познакомилъ тебя со свойствами первоначальной матеріи, оставляя это, вѣроятно, на будущее время. Я же всегда былъ строптивымъ ученикомъ и не выносилъ слишкомъ медленнаго обученія. Я стремился оріентироваться во всѣхъ областяхъ знанія. Теперь же я охотно подѣлюсь съ тобой результатами моихъ занятій въ этой области. Если ты желаешь, я покажу тебѣ нѣсколько опытовъ, иллюстрирующихъ то, что я говорилъ о свойствахъ и силѣ первоначальной эссенціи.

— Еще бы не хотѣть! Отъ души буду признателенъ тебѣ, если ты просвѣтишь меня немного относительно свойствъ необыкновенной матеріи, которой я владѣю, какъ невѣжда, не умѣющій пользоваться ею и рискующій причинить много зла тамъ, гдѣ хотѣлъ бы сдѣлать много добра.

— Мы можемъ немедленно же приступить къ поразительному опыту воскрешенія. Теперь едва полночь. Время б

пріятно. А такъ какъ я, слава Богу, не рискую распасться, то я отдаю себя въ твое полное распоряженіе. Отправимся на островъ мертвыхъ. Тамъ мы выберемъ нѣсколькихъ покойниковъ, которыхъ вернемъ къ радостямъ жизни. А такъ какъ они не будутъ знать, что мы являемся ихъ благодѣтелями, то не будутъ въ состояніи донести на насъ и никогда не допустятъ мысли, что они были мертвы,—со смѣхомъ закончилъ Нарайана.

Супрамати въ нерѣшительности задумался. Возможность присутствовать при неслыханномъ опытѣ до крайней степени подстрекала его любопытство, а извѣстнаго рода досада на Дагира и Нару, которые по ложкамъ отмѣривали ему, какъ ребенку, знаніе, побуждала его принять предложеніе Нарайаны. Съ другой стороны, его честную и добрую душу безпокоила боязнь причинить зло, преступно воспользовавшись неизвѣстными законами.

Внимательно слѣдившій за нимъ Нарайана насмѣшливо разсмѣялся.

— Ты колеблешься? Можетъ быть—ха, ха, ха—ты боишься Нары или Дагира? Въ такомъ случаѣ, оставимъ въ сторонѣ то, о чемъ я говорилъ. Боже сохрани, чтобы ты получилъ, благодаря мнѣ, выговоръ отъ своихъ строгихъ наставниковъ!

Яркій румянецъ залилъ лицо Супрамати.

— Полно говорить глупости! Я ни отъ кого не получаю приказаній. Я хочу присутствовать при интересномъ феноменѣ, который ты обѣщалъ мнѣ показать, и слѣдую за тобой. Дай мнѣ только убрать вещи и захватить плащъ.

— Дѣлай, какъ знаешь! Не забудь только взять съ собой флаконъ съ первоначальной матеріей и дай мнѣ какой нибудь плащъ. Мнѣ неудобно выйти на улицу въ этомъ загробномъ костюмѣ,—отвѣтилъ Нарайана, бросая на полъ бывшій на немъ плащъ, который, казалось, расплылся въ воздухѣ. Теперь онъ былъ одѣтъ въ фіолетовый бархатный костюмъ съ широкимъ кружевнымъ воротникомъ и въ высокіе сапоги со шпорами.

Супрамати съ улыбкой посмотрѣлъ на него, а затѣмъ, поспѣшно убравъ вещи, неожиданно спросилъ:

— Скажи мнѣ, почему Нара, во что бы то ни стало, хотѣла помѣшать тебѣ пріобрѣсть твое настоящее состояніе? Вѣдь это не можетъ же стѣснять ее!

Загадочная улыбка скользнула по губамъ Нарайаны.

— Спроси у нея! Можетъ быть она и откроетъ тебѣ причину своего недоброжелательства ко мнѣ. Я же не желаю еще больше раздражать ее, возбуждая, можетъ быть, неосновательныя подозрѣнія.

Десять минутъ спустя, оба вышли изъ дворца черезъ тайную лѣстницу, выходившую на боковую лагуну. У подножія лѣстницы стояла лодка.

— Я измѣнилъ свой планъ,—объявилъ Нарайана, садясь въ и тщательно закутываясь въ плащъ, принесенный Супра-
-До острова мертвыхъ слишкомъ далеко, да къ тому же,

тамъ очень трудно достать костякъ. Я придумалъ гораздо лучше. Недалеко отсюда—онъ назвалъ одинъ изъ небольшихъ боковыхъ каналовъ—есть старый полуразваливщійся палаццо. Обладатель его, носящій древнее имя, совершенно разоренъ и прозябаетъ въ одной изъ комнатъ перваго этажа, гдѣ онъ скоро и подохнетъ, но продать свои развалины онъ не хочетъ. Въ этомъ-то дворцѣ нѣкогда находилась капелла, подъ которой былъ устроенъ нынѣ уже забытый склепъ. Тамъ мы и найдемъ то, что намъ нужно.

— Хорошо! — отвѣтилъ Супрамати, схватывая весла и направляясь къ указанному мѣсту.

Это былъ древній Венеціанскій кварталъ. Дома, обрамлявшіе небольшой каналъ, по большей части имѣли пустынный и покинутый видъ. Наконецъ, Нарайана указалъ на большое, болѣе другихъ разрушенное зданіе и сказалъ своему спутнику:

— Вотъ это палаццо! Приставай къ маленькой двери налѣво.

Супрамати причалилъ къ древнему бронзовому кольцу, вдѣланному въ стѣну, и сталъ подниматься по ступенямъ. Нарайана шелъ впереди его. Подъ давленіемъ руки послѣдняго, дверь со скрипомъ открылась и почти тотчасъ же захлопнулась за ними.

— Здѣсь темно, какъ у дьявола въ глоткѣ, — сказалъ Супрамати.

Съ этими словами онъ вынулъ изъ кармана стеклянный шаръ, прикрѣпленный къ бронзовой ручкѣ. Шаръ этотъ издавалъ яркій свѣтъ.

— А! Значитъ нашли секретъ вѣчныхъ лампъ, тайна которыхъ такъ интересовала ученыхъ съ того времени, какъ они найдены были въ римскихъ могилахъ?—замѣтилъ Нарайана.

— Да, эта тайна найдена лѣтъ тридцать тому назадъ. Теперь онѣ въ большомъ ходу. Ну, Нарайана, иди впередъ и указывай дорогу, такъ какъ тебѣ извѣстна топографія этого дома.

— О, въ совершенствѣ! Я видѣлъ этотъ дворецъ въ его лучшія времена, а именно около 1560 года. Тогда это былъ очень роскошный домъ.

Они быстро прошли цѣлую амфиладу пустыхъ залъ. Яркій свѣтъ лампы освѣщалъ обнаженныя стѣны, покрытыя мохомъ фрески и потрескавшіеся плафоны, грозившіе обрушиться. Тяжелый контрастъ представляла вся эта пещера и разрушеніе съ великолѣпными каминами изъ бѣлаго и желтаго мрамора и съ мраморными и мозаичными полами, покрытыми пылью и всевозможными обломками.

Шаги Супрамати звучно раздавались по каменнымъ плитамъ; Нарайана безшумно скользилъ рядомъ съ нимъ. Вдругъ странное и тягостное чувство сдавило сердце молодаго человѣка. Въ этой глубокой ночной тишинѣ, въ этой, полной отчаянія, обстановкѣ разрушенія въ немъ проснулось что-то, напомнившее прежняго Ральфа Моргана. На какое странное

[illegible] — [illegible] [illegible] [illegible]

тлѣнія и сырости. Супрамати не обратилъ на это вниманія и вошелъ въ склепъ. Свѣтъ лампы, которую онъ держалъ въ рукѣ, освѣтилъ рядъ большихъ и маленькихъ гробовъ, стоявшихъ на каменныхъ подставкахъ вдоль стѣнъ.

Нѣкоторые гробы сгнили и истлѣвшія доски ихъ валялись на землѣ въ перемежку съ костями; другіе были цѣлы. Нарайана прямо направился къ большому и очень массивному гробу изъ почернѣвшаго дуба съ металлическими уголками.

— Здѣсь,—сказалъ онъ,—почіетъ та, которую я хочу воскресить. Бѣдная Лоренца была очень красивая женщина. Ея мужъ—старое чудовище—задушилъ ее въ припадкѣ ревности за то, что она предпочла ему молодого и красиваго кавалера. Эта исторія не выплыла на свѣтъ Божій, такъ какъ старый негодяй Марко приходился родственникомъ дожу.

Продолжая такъ говорить, Нарайана началъ отнимать тяжелую гробовую крышку, которая не безъ труда уступила его усиліямъ и съ шумомъ упала на землю.

Изъ гроба поднялось цѣлое облако пыли. Затѣмъ Нарайана сбросилъ почернѣвшее и истлѣвшее отъ времени покрывало. Тогда Супрамати увидѣлъ лежавшее въ гробу тѣло.

Это не былъ скелетъ, такъ какъ почернѣвшая и высохшая кожа покрывала кости, вырисовывая всѣ ихъ неровности, орбиты глазъ представляли изъ себя одни только черныя впадины, а обнаженные зубы, лишенные губъ, придавали видъ голаго черепа всей головѣ, окруженной цѣлымъ лѣсомъ черныхъ волосъ.

Нарайана сдѣлалъ гримасу.

— Не много же осталось отъ красавицы Лоренцы! Но ты сейчасъ увидишь, что синьору Марко простительно было принять на совѣсть преступленіе. Но что великолѣпно сохранилось, такъ это платье. Обрати вниманіе на эту пурпурную парчу. Она толста и прочна, какъ кожа. Несмотря на то, что она пробыла здѣсь болѣе трехъ вѣковъ, она совершенно цѣла. Вашимъ фабрикамъ не худо было бы принять ее за образецъ.

Супрамати пощупалъ дѣйствительно отлично сохранившуюся матерію. Только золотыя кружева, украшавшія корсажъ и широкіе рукава, совершенно почернѣли.

— Однако, намъ пора приниматься за дѣло. Я только схожу за водой къ фонтану,—объявилъ Нарайана.

Съ этими словами онъ ушелъ, не дожидаясь отвѣта.

Смущенный, волнуемый самыми разнообразными чувствами, Супрамати прислонился къ стѣнѣ. Совѣсть упрекала его, что онъ рѣшается на преступный опытъ, который, въ случаѣ удачи, будетъ ужаснымъ испытаніемъ для существа, надъ которымъ будетъ произведенъ, но противовѣсомъ этого чувства являлось до крайности возбужденное любопытство ученаго, которое заглушало всѣ угрызенія. Съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ онъ

спрашивалъ себя, не сказка-ли это, придуманная Нарайаномъ, что эти руки скелета, держащія крестъ чернаго дерева, могутъ сдѣлаться руками живого человѣка, а этотъ полуразвалившійся трупъ выйти изъ своего гроба.

Приходъ Нарайаны прервалъ бурныя мысли молодого человѣка. Къ его крайнему удивленію, привракъ-человѣкъ принесъ кружку воды и зажженный фонарь древней формы, которому было, по меньшей мѣрѣ, полтораста лѣтъ.

— Вотъ!—самодовольно сказалъ Нарайана, поставивъ кружку и фонарь на одинъ изъ сосѣднихъ гробовъ.

— Къ чему этотъ фонарь? По сравненію съ моей лампой это свѣтящійся червякъ,—замѣтилъ Супрамати.

— Твой шаръ именно своимъ яркимъ и ослѣпительнымъ свѣтомъ будетъ вредить феномену. Прошу тебя, заверни его и спрячь въ карманъ, какъ только вольешь три капли первоначальной матеріи въ кружку,—отвѣтилъ Нарайана.

— Это я могу такъ же хорошо сдѣлать и при свѣтѣ фонаря. Но какъ ты зажегъ его?—спросилъ Супрамати, пряча фонарь.

— Вотъ какъ,—отвѣтилъ Нарайана, поднимая руки.

Тотчасъ же на его рукѣ вспыхнуло колеблющееся пламя, которое погасло, какъ только онъ опустилъ руку.

Супрамати досталъ флаконъ и капнулъ три капли таинственной эссенціи въ воду. Изъ кружки тотчасъ же брызнуло большое красное пламя, а вода превратилась въ раскаленную массу.

— Вылей все изъ кружки въ гробъ!—приказалъ Нарайана.

Супрамати повиновался. Послышался трескъ, похожій на то, когда выливаютъ воду на негашенную известь.

— Теперь отойдемъ въ тотъ темный уголъ. Оттуда мы можемъ все видѣть, не будучи сами видимы.

Молча, со сдавленнымъ сердцемъ, Супрамати прислонился къ стѣнѣ и смотрѣлъ на гробъ, гдѣ колебался, трещалъ и кипѣлъ, какъ какая-то расплавленная масса, густой, бѣловатый паръ, изборожденный молніей.

Затѣмъ отовсюду, изъ потолка, стѣнъ и пола появилась масса блестящихъ фосфоресцирующихъ искръ, которыя, подобно каскаду падающихъ звѣздъ, съ сухимъ трескомъ погружались въ массу, кипѣвшую въ гробу.

Сердце Супрамати билось со страшною силой, а отъ волненія у него захватило дыханіе. Взглядъ его почти боязливо скользнулъ къ Нарайанѣ, который стоялъ рядомъ съ нимъ, но лица человѣка-призрака не было видно, такъ какъ онъ, въ эту минуту, закрылся съ головой плащемъ. Плащъ же его былъ покрытъ фосфоресцирующимъ туманомъ, который ясно вырисовывалъ на темной стѣнѣ контуръ Нарайаны. Рука же съ длинными, тонкими пальцами, придерживавшая складки плаща, была вполнѣ рукой живого человѣка. Съ невольною дрожью Супра-

мати отворнулся и снова сталъ смотрѣть на гробъ. Тамъ произошла перемѣна. Бѣловатый паръ превратился въ красное, какъ кровь, облако, которое быстро исчезало внутри гроба. Въ эту минуту съ потолка, подобно блуждающему огоньку, спустилось большое пламя, пронеслось, какъ стрѣла, черезъ склепъ и погрузилось въ гробъ, увлекая за собой остатки краснаго облака. Затѣмъ все угасло и въ древнемъ склепѣ, освѣщенномъ слабымъ свѣтомъ фонаря, воцарилась мертвая тишина. Вдругъ въ этой глубокой тишинѣ что-то зашевелилось и раздалось шуршаніе шелковой матеріи. Потомъ послышался человѣческій вздохъ, такой жалостливый и болѣзненный, что ледяная дрожь пробѣжала по тѣлу Супрамати. Но вотъ на краю гроба появилась бѣлая рука, а затѣмъ голова и торсъ женщины, которая съ трудомъ приподнялась и сѣла, тяжело переводя дыханіе. Лицо этого существа, которое за четверть часа передъ тѣмъ было лицомъ скелета, выражало безумный ужасъ, а глаза боязливо блуждали по зловѣщей обстановкѣ.

— Великій Боже! Пресвятая Богородица! И такъ, это не было ужаснымъ сномъ, что Марко хотѣлъ задушить меня! И меня сочли умершей!—пробормоталъ дрожащій голосъ.

Женщина быстро выпрямилась, приподнялась и осторожно вышла изъ гроба. Вдругъ она вздрогнула и поднявъ ногу внимательно посмотрѣла на нее.

— Скажите, пожалуйста, какіе башмаки надѣли на меня!—продолжала она на чистомъ тосканскомъ нарѣчіи.

Охваченная внезапною слабостью, она опустилась на ступеньку и, сжавъ голову руками, видимо старалась собраться съ мыслями.

Жадно слѣдившій за ней Супрамати увидѣлъ теперь, что это была совсѣмъ еще молодая женщина, стройная и нѣжная, съ роскошными, черными волосами. Охваченная, безъ сомнѣнія, ужасомъ, какой внушало ей зловѣщее мѣсто, гдѣ она находилась, молодая женщина встала и схватила фонарь.

— Кто могъ принести сюда этотъ фонарь? Безъ сомнѣнія, это—«онъ»! Онъ чувствовалъ, что я жива! Но гдѣ же «онъ»?—пробормотала она и радостная улыбка появилась на ея губахъ.

Затѣмъ она быстро повернулась и вышла изъ склепа.

— Боже, какое очаровательное созданіе! Но что съ ней будетъ?—пробормоталъ Супрамати съ восхищеніемъ, смѣшаннымъ съ жалостью.—То, что ты сдѣлалъ, Нарайана, это дѣло демона. Ужъ не ты ли этотъ «онъ», котораго она ждетъ?—съ волненіемъ прибавилъ онъ.

— Ты—сама воплощенная проницательность, другъ Ральфъ. Теперь же я долженъ возложить на тебя бремя—покровительствовать Лоренцѣ. Надѣюсь, что Нара не будетъ ревновать тебя: вѣдь ты такой добродѣтельный и вѣрный супругъ!—съ сухимъ смѣхомъ отвѣтилъ Нарайана.—Впрочемъ, даже рискуя разсердить мою эксъ-половину, я не могу самъ заняться воскресшей

красавицей. Я не имѣю ни человѣческихъ правъ, ни правъ духа, но она не пойметъ этого, если увидитъ меня, и ея любовь причиняла бы только одно затрудненіе. А теперь—до свиданья! Ступай на верхъ! Бѣдная малютка на дворѣ и никакъ не можетъ понять перемѣны, происшедшей съ ея дворцомъ. Предложи же ей свои рыцарскія услуги. Кстати, вернуться къ лодкѣ ты можешь другимъ, болѣе прямымъ и краткимъ путемъ, чѣмъ тотъ, которымъ мы пришли. Въ залѣ, гдѣ находится каминъ, украшенный головой Апполона, есть налѣво дверь. Она выходитъ въ галлерею, которая приведетъ васъ прямо въ вестибюль. Я оставляю также плащъ, который ты далъ мнѣ. Онъ пригодится, чтобы прикрыть немного вышедшій изъ моды костюмъ Лоренцы.

Минуту спустя, Супрамати былъ уже одинъ въ склепѣ: человѣкъ-призракъ исчезъ.

Молодой человѣкъ поднялся по лѣстницѣ и увидѣлъ на дворѣ Лоренцу. Она, видимо, была перепугана и стояла въ нерѣшительности, не смѣя двинуться впередъ.

— Синьора!—сказалъ онъ, подходя къ молодой женщинѣ.— Позвольте мнѣ проводить васъ въ одно мѣсто, гдѣ вы можете отдохнуть.

Супрамати говорилъ по-итальянски.

Лоренца подняла на него свои большіе черные глаза. Она съ видимымъ недовѣріемъ осматривала его высокую фигуру, закутанную въ темный плащъ, съ большой фетровой шляпой на головѣ. Вдругъ она отступила назадъ и боязливо пробормотала:

— Брави!

Невольная улыбка скользнула по губамъ Супрамати.

— Успокойтесь, синьора! Я нобиле, а не брави. Я хочу отвезти васъ къ моей женѣ. Остальное мы обсудимъ позже,—прибавилъ онъ, набрасывая плащъ на плечи молодой женщины и беря фонарь.

— Понимаю! Васъ послалъ Нарайана. Онъ найдетъ меня и возьметъ подъ свое покровительство,—отвѣтила Лоренца, опуская капюшонъ.—Но я не хочу идти черезъ домъ: Марко можетъ узнать это. Мы можемъ выйти черезъ капеллу.

— Не бойтесь ничего, синьора! Никто не увидитъ и не остановитъ васъ. Вы можете смѣло довѣриться мнѣ.

Видимо оробѣвшая Лоренца послѣдовала за нимъ. Но когда она проходила по пустымъ и разрушающимся комнатамъ, ею овладѣлъ такой ужасъ, что она схватила Супрамати за руку и вскричала прерывающимся голосомъ:

— Что это значитъ? Весь домъ разграбленъ. Что же могло случиться здѣсь въ нѣсколько дней?

— Вы скоро все узнаете, синьора! Здѣсь не мѣсто для серьезнаго разговора,—отвѣтилъ Супрамати, увлекая молодую женщину къ выходу.

Во время переѣзда не было произнесено ни слова; но когда Супрамати причалилъ къ своему дворцу, Лоренца вскрикнула глухимъ голосомъ:

— Какое предательство замышляете вы, синьоръ незнакомецъ? Вы везете меня во дворецъ Нарайаны? Здѣсь онъ не станетъ прятать меня. Отвезите меня къ нему! Я хочу его видѣть!—прибавила она, разражаясь рыданіями.

Ироническая и грустная улыбка скользнула по губамъ Супрамати.

Вмѣстѣ съ жизнью въ душѣ несчастной пробудилась и любовь къ предательскому человѣку, который былъ причиной ея печальнаго конца и который вырвалъ теперь ее изъ гроба только для того, чтобы произвести интересный опытъ и доказать, что онъ можетъ воскрешать мертвыхъ.

Въ краткихъ, но рѣшительныхъ выраженіяхъ, онъ пригласилъ Лоренцу выйти изъ лодки и черезъ рядъ молчаливыхъ комнатъ провелъ ее въ гостиную Нары, гдѣ и попросилъ подождать его.

Самъ же онъ прошелъ прямо въ спальню жены, чтобы сообщить ей о происшедшемъ.

Нара не спала. Она видимо была раздражена и нервно ходила по комнатѣ. Когда вошелъ мужъ, она смѣрила его мрачнымъ взглядомъ.

— Съ какою новостью ты являешься ко мнѣ? Какую новую глупость сдѣлалъ ты? Соучастникомъ какого новаго безчестнаго поступка сдѣлалъ тебя Нарайана?—съ презрѣніемъ сказала она.

— Прости меня, Нара,—сказалъ Супрамати, беря ея руку и поднося къ губамъ. — Это правда! Я позволилъ себѣ увлечься опытомъ преступнымъ, но до такой степени необыкновеннымъ, что...

— Понадобилось убить живое существо и погрузить въ трауръ цѣлую семью, чтобы воскресить скелетъ и дать Нарайанѣ возможность показать свое знаніе! Право, нѣтъ конца адской злобѣ этого существа и той дерзости, съ которою онъ забавляется человѣческими жизнями, какъ пѣшками, созданными для его развлеченія. Ты выбралъ себѣ опаснаго учителя. Это ученый безъ совѣсти. Онъ пользуется страшными законами не для полезной цѣли и не съ благоразуміемъ, какъ всякій истинный посвященный, но съ самой легкомысленной беззаботностью.

— Можетъ быть я и былъ неблагоразуменъ, но меня увлекло желаніе знанія. Я хочу, наконецъ, знать свойства той первоначальной матеріи, которой я владѣю! Вы же съ Дагиромъ оставляете меня въ невѣдѣніи и какъ лекарство, отмѣриваете мнѣ знаніе по каплямъ,—съ легкой досадой возразилъ Супрамати.

— Кто хочетъ учиться съ пользою, долженъ медленно подвигаться впередъ; ты же, Супрамати, не смотря на всѣ твои хорошія качества—ужасный ребенокъ! Развѣ не увлекло тебя

сегодня твое безумное, ни передъ чѣмъ не останавливающееся любопытство на жестокій и безполезный поступокъ? Какова будетъ судьба женщины, которую вы, такъ сказать, возсоздали? Что будетъ она дѣлать въ этомъ мірѣ, гдѣ никого не знаетъ и въ непонятныхъ для нея условіяхъ?

Сипрамати покраснѣлъ; потомъ онъ привлекъ Нару къ себѣ и поцѣловалъ въ щеку.

— Какъ и всегда, ты права, мой прекрасный и мудрый магъ! Но разъ зло сдѣлано, помоги мнѣ исправить его въ предѣлахъ возможнаго. Я привезъ бѣдную Лоренцу сюда. Нельзя же было бросить ее на улицѣ. Теперь она въ твоей гостиной и, признаюсь, у нея немного безумный видъ.

— Я полагаю! По правдѣ сказать, безуміе было бы для нея благодѣяніемъ. Хотя добрая Лоренца и не заслуживаетъ моего участія и моей помощи, но въ виду протекшаго времени и двойной смерти, которая предстоитъ ей, я прощаю ее и постараюсь облегчить ея участь.

— Ты знала Лоренцу?

— О, конечно! Ее выдали замужъ за одного стараго, но очень богатаго нобиле, который безумно любилъ ее. Нарайана вовлекъ ее въ любовную интригу и обольстилъ Связь ихъ была такъ скандалезна, что дошла до синьора Марко, и послѣдній въ припадкѣ ревности задушилъ жену. Мучили ли его угрызенія совѣсти, или волненіе было слишкомъ сильно для его комплекціи, только по совершеніи преступленія съ нимъ случился апоплексическій ударъ, парализовавшій половину его тѣла, и онъ черезъ шесть мѣсяцевъ умеръ. Что же касается насъ, то мы уѣхали изъ Венеціи—и вся исторія была замята. Теперь я пойду къ живой покойницѣ. А ты, ненасытный искатель истины, ступай и разыщи Нарайану. Можетъ быть онъ научитъ тебя, какъ создать при помощи первоначальной матеріи человѣка. Онъ умѣетъ это дѣлать. И если вы не населите съ нимъ цѣлой пустыни, то можете по крайней мѣрѣ довѣрить моимъ заботамъ какую нибудь новую жертву вашихъ опытовъ.

Не дожидаясь отвѣта, Нара повернулась и вышла изъ комнаты.

Лоренца сидѣла въ гостиной, закрывъ лицо руками. Въ ея головѣ бушевалъ такой хаосъ мыслей, что ей казалось, что она сходитъ съ ума.

Очевидность кричала ей, что съ той минуты, какъ она потеряла сознаніе, до того времени, какъ она очнулась въ склепѣ, произошла необыкновенная перемѣна во всемъ, что окружаетъ ее.

Она ясно помнила, какъ вернулась къ гондолѣ, наполненной цвѣтами, которые въ изобиліи бросалъ ей Нарайана во время ѳрсо на большомъ каналѣ.

Она съ трудомъ скрывала свою страсть къ обольстителѣ-

ному кавалеру, который былъ чужеземцемъ только по происхожденію, но по костюму, манерамъ и даже христіанскому благочестію ничѣмъ не отличался отъ венеціанскихъ синьоровъ, за исключеніемъ, можетъ быть, своей щедрости сатрапа. Съ какой деликатной находчивостью находилъ онъ возможность осыпать ее подарками съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлался ея любовникомъ!

Послѣ этого чуднаго вечера настала ужасная ночь. Мужъ сдѣлалъ ей бѣшеную сцену. Она съ дрожью вспоминала искаженное лицо, налитые кровью глаза, смотрѣвшіе на нее съ дикою ревностью, и ледяные пальцы Марко, которые какъ клещами сдавили ея горло.

Все это произошло всего только нѣсколько дней тому назадъ, а между тѣмъ великолѣпный дворецъ сдѣлался развалиной, улицы измѣнили свой видъ, костюмы прохожихъ не были похожи на тѣ, къ которымъ она привыкла, и даже эта комната, куда привелъ ее таинственный покровитель, дышала чѣмъ-то новымъ, незнакомымъ. Все было ей чуждо здѣсь, начиная съ огня, горѣвшаго въ стеклянныхъ трубочкахъ, и кончая мебелью незнакомой ей формы, обтянутой атласомъ.

Наконецъ, острая боль сдавила ея черепъ и она, какъ разбитая, опустила голову на столъ.

Прикосновеніе чей-то руки заставило Лоренцу вздрогнуть. Она выпрямилась и вскочила на ноги.

— Донна Нара! Это вы!—пробормотала она, но тотчасъ же сконфужено умолкла.

— Да, это я, донна Лоренца! Но пойдемте въ мою комнату. Тамъ мы можемъ объясниться.

Страшно смущенная молодая женщина позволила увести себя въ будуаръ Нары, гдѣ на маленькомъ столикѣ былъ приготовленъ завтракъ, состоявшій изъ овощей, молока, хлѣба и кубка вина.

— Прежде все покушайте и подкрѣпите свои силы,—сказала Нара, заставляя сѣсть свою странную посѣтительницу.

Видъ кушаній сразу возбудилъ аппетитъ Лоренцы. Она выпила вина и отвѣдала всѣхъ блюдъ. Но когда она хотѣла приступить къ объясненію, Нара остановила ее.

— Прежде, чѣмъ приступить къ бесѣдѣ, вамъ необходимо взять ванну и перемѣнить платье. Никто не долженъ видѣть васъ въ этомъ костюмѣ. И такъ, пойдемте въ мою уборную.

Лоренца молча повиновалась. Она чувствовала себя утомленной и неспособной разсуждать. Молодая женщина послушно раздѣлась и погрузилась въ ванну, куда Нара вылила содержимое небольшаго флакона. Пока ея гостья съ наслажденіемъ мылась, Нара принесла изъ гардеробной бѣлье и приготовленный для нея пеньюаръ, такъ какъ не хотѣла будить камеристку.

Ванна прекрасно освѣжила Лоренцу, а когда она надѣла батистовое бѣлье и широкій шелковый пеньюаръ, отдѣланный кружевами, она почувствовала себя необыкновенно хорошо.

— Теперь надо поспать,—съ улыбкой сказала Нара.

— Но не прежде, чѣмъ я поблагодарю васъ за вашу доброту ко мнѣ. Я такъ мало заслужила ее и такъ виновата передъ вами,—пробормотала Лоренца, краснѣя и опуская глаза.

— Всѣ ваши вины передо мной прощены и забыты, такъ какъ съ умершими не считаются. Для перваго объясненія многихъ вещей, которыя кажутся вамъ непонятными, я должна сказать вамъ, маркиза, что ваша летаргія длилась гораздо дольше, чѣмъ вы предполагаете. За это время умеръ Нарайана.

Лоренца страшно поблѣднѣла и вскричала глухимъ голосомъ:

— Нарайана умеръ, а я жива!

Затѣмъ, залившись слезами, она продолжала прерывающимся голосомъ:

— Зачѣмъ Господь далъ мнѣ пережить его! Какъ ни преступна моя любовь, она связываетъ меня съ нимъ всѣми фибрами моего существа. Ради него я готова все перенести.

Видя, что Нара молчитъ и печально и задумчиво смотритъ на нее, Лоренца пробормотала, стараясь удержать рыданія и побороть свое отчаяніе:

— Простите мнѣ такое, слишкомъ живое выраженіе горя, которое равносильно для васъ оскорбленію. Мое единственное извиненіе заключается въ томъ, что сердцу нельзя приказывать и что онъ говорилъ мнѣ, что разошелся съ вами, что вы не любите его больше и равнодушно смотрите на его любовь къ другой женщинѣ. Правда ли это? Возможно ли не любить такого человѣка, какъ онъ?

— Это правда! Я не могла любить Нарайану. Меня отталкивали отъ него его разсѣянная жизнь, безнравственные принципы, его измѣны и жестокое легкомысліе, съ какимъ онъ обезчещивалъ женщинъ. Его поведеніе по отношенію къ вамъ и вашему супругу было недостойно. Онъ называлъ себя другомъ маркиза и воспользовался его краткимъ отсутствіемъ, чтобы обольстить васъ. Вы были молоды и такъ хороши собой, что легко могли возбудить капризъ вивера. Вашъ же мужъ искренне любилъ васъ. Когда вы поразили его счастье и честь, онъ дошелъ до преступленія и умеръ.

— Какъ? Марко тоже умеръ?—пробормотала Лоренца, безсильно падая въ кресло.

— Да; вамъ остается только молиться за него и за вашего обольстителя. Господь даровалъ вамъ жизнь, чтобы вы раскаялись и посвятили остатокъ вашихъ дней молитвѣ и очищенію души.

— Скажите же, отчего онъ умеръ и какъ долго я лежала въ летаргіи? Однимъ словомъ, объясните мнѣ все, что произошло [illegible] времени, какъ я... лишилась сознанія,—робко попросила [illegible]

— Только не сегодня: на сегодня и такъ довольно волненія. Мнѣ нужно будетъ вамъ многое передать, что сильно взволнуетъ васъ, а вы настоятельно нуждаетесь въ отдыхѣ.

Видя, что Лоренца сдѣлала жесть протеста, Нара сказала властнымъ тономъ:

— Безъ всякихъ возраженій! Примите вотъ эти успокоительныя капли, ложитесь въ сосѣдней комнатѣ на диванъ и спите. Завтра вы узнаете все, что пожелаете.

И дѣйствительно, Лоренца сама не сознавала, что силы ея окончательно истощены. Ужасный опытъ, какой вынесли ея душа и тѣло, давалъ себя знать. Поэтому, едва она легла на диванъ, какъ принятое ею наркотическое средство погрузило ее въ глубокій сонъ.

Нара задумчиво и печально смотрѣла на красивое лицо, которое въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ было прахомъ и которое теперь преступно оживлено. Затѣмъ тяжелый вздохъ вырвался изъ ея груди.

— Несчастное существо! Какія нравственныя муки ждутъ тебя при пробужденіи! Когда же, Нарайана, поразитъ тебя небесное правосудіе? Когда поймешь ты преступное легкомысліе, съ какимъ ты играешь съ страшнымъ знаніемъ, попавшимъ въ твои руки?—пробормотала она.

— Ты ненавидишь меня, а потому и осуждаешь такъ безпощадно,—произнесъ звучный и хорошо знакомый голосъ.

Нара быстро обернулась, и спокойный и ясный взглядъ ея встрѣтился съ пылающими глазами Нарайаны.

— Ты явился полюбоваться на свое адское дѣло? Неужели тебя не мучаетъ, что ты снова такъ жестоко поступилъ съ этой жертвой твоихъ капризовъ, — съ упрекомъ замѣтила Нара. — Но,—продолжала она,—ты отлично знаешь, что я не ненавижу тебя, такъ какъ степень моего посвященія исключаетъ такое дурное чувство. Я сожалѣю тебя и упрекаю, что ты держалъ въ рукахъ кубокъ знанія и предпочелъ ему кубокъ наслажденій. Я сожалѣю, что ты никогда не хотѣлъ стряхнуть съ себя прахъ пошлаго человѣка, и что ты пользовался обрывками знаній, какія пріобрѣлъ только для того, чтобы дѣлать зло или глупости. Ты самъ знаешь, что въ твоемъ прошломъ больше проклятій, чѣмъ благословеній.

— Это ты все намекаешь на воскрешеніе Лоренцы?

— Не только о ней. Вспомни, сколько совершилъ ты оккультныхъ злоупотребленій, забывая, что ужасный двигатель, творящій и разрушающій, довѣренъ намъ для того, чтобы мы были его молчаливыми и скромными хранителями, а вовсе не для того, чтобы пользоваться имъ ради шутки или для удовлетворенія личныхъ фантазій. Статуты братства, членомъ котораго ты былъ, строго запрещаютъ пользоваться первоначальной матеріей для ниспроверженія функціонирующихъ законовъ, какъ то для воскрешенія мертвыхъ, что создало бы самый ужасный безпоря-

цокъ и вызвало бы неслыханныя осложненія. Если бы каждый изъ насъ, подобно тебѣ, пользовался бы извѣстными намъ свойствами таинственной эссенціи, мы перевернули бы всю планету.

— Ты права, Нара, и, однако, все-таки заблуждаешься. Воскрешеніе одного существа не воспламенитъ міръ и не поколеблетъ мудраго закона, обрекающаго смерти все живущее. Точно также никому не принесетъ вреда, что я принялъ нѣсколько капель эссенціи жизни.

— Для тебя самого послѣдствія этого будутъ очень тяжелы.

— Эти послѣдствія я и буду нести самъ. Но можешь ли ты, зная законы, которымъ я подчиненъ, такъ строго осуждать меня? Тебѣ извѣстно, что вслѣдствіе такой долгой жизни мое астральное тѣло черезчуръ пропитано первоначальной матеріей и что, въ теченіе времени, которое трудно опредѣлить, я не могу снова воплотиться. Такимъ образомъ я осужденъ на блужданіе. Но такъ какъ меня не допускаютъ въ высшія сферы, то я долженъ влачить свое существованіе въ людской средѣ, а ты сама понимаешь всѣ пріятности подобнаго состоянія. Какое человѣческое воображеніе способно придумать болѣе ужасный адъ, чѣмъ блужданіе около земли! Пляска мертвыхъ людей и животныхъ, атмосфера отчаянной борьбы милліардовъ существъ, ищущихъ равновѣсія, безпорядочные стоны, картины преступленій, наполняющія все, адская сарабанда смертей и рожденій — нѣтъ, существовать при такихъ условіяхъ у меня не хватаетъ силъ. Присоединиться къ арміи Сарміэля я не хочу. Бѣдное человѣчество и такъ достаточно страждетъ, чтобы помогать увеличивать эти страданія. Продолжать же существованіе бродячей собаки я не хочу ни за что на свѣтѣ. Поэтому-то я и рѣшилъ наполовину снова войти въ человѣчество, чтобы быть въ состояніи скрыться, когда этого пожелаю, отъ удовольствія созерцанія окружающаго меня и отъ исключительнаго прозябанія въ вонючей атмосферѣ первой сферы. Получивъ полудухъ, я буду жить въ Индіи, подобно Іогу. Я буду подкрѣплять свои силы необходимыми жизненными токами, но не стану никому дѣлать зла, если не считать, конечно, шутокъ надъ негодяями, не заслуживающими ничего лучшаго. Обѣщаю тебѣ больше не пользоваться первоначальной матеріей, но я буду забавляться своей двойственностью. Вообрази только, какъ будетъ смѣшно, если какая-нибудь старая лэди, не видя меня, наступитъ мнѣ на ногу, а я закричу «ай» и вырву у нея ея ридикюль; или, напримѣръ, если я крикну: «ха! ха»! на ухо влюбленному, когда онъ объясняется въ любви своей возлюбленной.

— И подобныя глупости могутъ развлекать тебя? Право, ты достоинъ сожалѣнія, Нарайана! Великій Боже! Кому же будетъ дано внушить тебѣ любовь къ истинному знанію! — вздохнула Нара.

— Успокойся! Я не буду исключительно заниматься глупостями. Какъ только я прилично устроюсь,—тебѣ извѣстенъ мой

девизъ: «если жить, то надо жить хорошо»; — и немного позабавлюсь, ослѣпляя людей своимъ блескомъ и заинтриговывая ихъ окружающею меня таинственностью, я основу небольшую коллегію посвященія. У меня будетъ нѣсколько учениковъ, которыхъ я обучу если не высшей магіи, то, во всякомъ случаѣ, феноменамъ, вызываемымъ полу-магомъ. И ты увидишь, что меня будутъ уважать не меньше, чѣмъ Супрамати, который одаренъ всѣми качествами, чтобы сдѣлаться настоящимъ магомъ, что безъ малѣйшей зависти и признаю. А теперь—до свиданія, моя прекрасная, бывшая супруга! Приглашаю тебя вмѣстѣ съ Супрамати навѣстить меня. Вы будете желанными гостями, особенно же ты, такъ какъ, отказавшись отъ правъ мужа и отъ всѣхъ удовольствій, сопряженныхъ съ этимъ, я сохраняю за собой права кавалера и постараюсь вниманіемъ послѣдняго загладить всѣ ошибки перваго.

— Шутъ!—сказала Нара, пожимая плечами и смѣясь противъ воли.

Въ своей комнатѣ Нара застала взволнованнаго и безпокоящагося Супрамати. Онъ тотчасъ же спросилъ про Лоренцу. Нара разсказала ему, что она сдѣлала, и прибавила, что она только что видѣла Нарайану, упрекавшаго ее въ ненависти къ нему, благодаря которой она, будто бы, слишкомъ строго судитъ его.

— Я тоже думаю, что ты чувствуешь къ нему немного злобы, — замѣтилъ Супрамати. — Ты очень разсердилась, когда я далъ ему немного эликсира, а между тѣмъ, какое зло могло причинить тебѣ это?

— Безъ сомнѣнія — никакого, за исключеніемъ нѣкоторыхъ флюидическихъ неудобствъ, проистекающихъ отъ узъ, какія образовались между нами въ теченіе вѣковъ. Я просто считала безполезнымъ и опаснымъ вводить Нарайану въ искушеніе. Если бы онъ оставался въ состояніи блужденія, то отвращеніе къ своему страждущему положенію все-таки толкало бы его впередъ по пути очищенія и серьезнаго труда. Теперь же онъ остановился на одномъ мѣстѣ, будетъ шутить и ничего не дѣлать.

— Въ такомъ случаѣ я искренне сожалѣю о своей непредусмотрительности,—съ сожалѣніемъ сказалъ Супрамати.

— Теперь уже никакія сожалѣнія не помогутъ! Нѣтъ, мой другъ, я вижу, что тебѣ надо еще много учиться, прежде чѣмъ ты пріобрѣтешь не только знаніе истиннаго мага, но и его благоразуміе.

XI.

Дальнѣйшіе дни были крайне тяжелы для Нары. Ей надо было объяснить бѣдной Лоренцѣ неслыханное дѣло, а именно: что она спала болѣе трехъ вѣковъ и что ничего не осталось отъ того, что она знала и любила.

Самое печальное заключалось въ томъ, что умъ воскрешенной положительно отказывался понять вещь, которую она считала невозможной.

Сначала Лоренца съ бѣшенствомъ подозрѣвала злую мистификацію, но подавляющая дѣйствительность скоро разсѣяла послѣднюю иллюзію, что вызвало такое безумное отчаяніе, что только искусственный сонъ на время прерывалъ его.

Наконецъ, послѣ недѣли самаго бурнаго отчаянія, криковъ, обмороковъ и потоковъ слезъ, Лоренца впала въ глубокую апатію. По цѣлымъ часамъ она лежала на диванѣ, отказываясь отъ пищи и питья, или, сидя у окна, смотрѣла на каналъ такимъ смущеннымъ и злобнымъ взглядомъ, какъ будто она задумывала что-нибудь отчаянное.

Нара съ безпокойствомъ наблюдала за ней; Супрамати же былъ въ совершенномъ отчаяніи отъ послѣдствій своего научнаго опыта. Для обоихъ состояніе духа воскрешенной тѣмъ болѣе было тяжело, что приближалось время ихъ отъѣзда въ братство, а они не хотѣли предоставить Лоренцу самой себѣ, пока не пройдетъ такой опасный нравственный кризисъ.

Съ согласія Дагира было рѣшено отвезти Лоренцу въ Индію и помѣстить ее въ общину, состоящую изъ женщинъ, судьба которыхъ была одинакова съ ея судьбой. Тамъ постарались бы развить ея умъ и создать ей новыя условія существованія въ занятіяхъ и трудѣ. Если бы она оказалась неспособной найти счастье и покой на этомъ пути, то можно будетъ постараться выдать ее замужъ, какъ только она пріобрѣтетъ достаточно хладнокровія, чтобы войти въ свѣтъ подъ новымъ именемъ и не выдать тайны своего страннаго и необыкновеннаго прошлаго.

Однажды утромъ Нара отправилась къ своей паціенткѣ, чтобы попытаться еще разъ внушить ей благоразуміе и покорность. Не обращая вниманія на мрачный и озабоченный видъ Лоренцы, Нара сѣла рядомъ съ ней и строгимъ тономъ, какимъ еще ни разу не говорила съ ней, замѣтила молодой женщинѣ, что покорность истинной христіанки съ вѣрой и довѣріемъ преклонилась бы передъ путями Провидѣнія, какъ бы непонятны ни казались они ей.

Видя, что Лоренца покраснѣла и смутилась, проповѣдница напомнила ей, какой ужасный грѣхъ предшествовалъ ея летаргіи,—что она была мертва—это такъ и осталось для нея тайной,—и что Господь, наказывая ее, былъ настолько милосердъ,

что соединилъ ее съ Нарой, которую она знала, и обезпечилъ ей новое будущее. Она прибавила, что Супрамати даетъ ей весьма солидное состояніе, что избавляетъ ее отъ всякихъ денежныхъ заботъ. Поэтому она, по своему усмотрѣнію, можетъ вернуться въ свѣтъ и выйти замужъ подъ новымъ именемъ, что ей устроятъ, или ѣхать съ ними въ Индію и отдохнуть среди друзей до той минуты, пока она не достаточно успокоится, чтобы рѣшить свое будущее.

Этотъ разговоръ не остался безъ результата. Увѣренность, что она не совсѣмъ нищая, видимо успокоила Лоренцу, и въ концѣ концовъ она выразила желаніе помолиться въ церкви. Нара подарила ей полное приданое и свозила въ церковь св. Марка.

Видъ церковной службы, которая совершалась такъ же, какъ и прежде, подкрѣпилъ бѣдную женщину. Съ этого дня Лоренца сдѣлалась благоразумнѣй и выразила желаніе сопровождать Нару и ея мужа въ Бенаресъ. Остальное время до отъѣзда она ходила по церквамъ и разыскивала своихъ современниковъ, у которыхъ по-долгу молилась. Особенно долго она молилась у мавзолея мужа, который ей удалось-таки разыскать.

Двѣ недѣли спустя, всѣ уѣхали изъ Венеціи. Они остановились на островѣ Кипрѣ, гдѣ устроили Лоренцу у Тортоза. Тамъ она должна была дожидаться своихъ друзей. Молодая женщина была грустна и серьезна, но спокойна. Теперь нечего было бояться нескромности съ ея стороны, такъ какъ она поняла, что ея прошлое не изъ числа тѣхъ, о которыхъ можно говорить.

Въ одну темную и бурную ночь изъ гавани вышла маленькая лодка. Въ ней сидѣли трое безсмертныхъ, которые не боялись ни волнъ, ни бурь и смѣло направлялись въ открытое море. Какъ только послѣдніе фонари гавани исчезли въ туманѣ, показался корабль-призракъ, который подъ всѣми парусами дожидался своихъ пассажировъ.

Сколько времени длилось путешествіе, Супрамати не могъ опредѣлить. Самыя разнообразныя чувства волновали его душу, когда они приставали къ затерявшейся въ океанѣ скалѣ, которая въ своихъ гранитныхъ нѣдрахъ таила такія странныя тайны.

Церемоніалъ пріема былъ такой же, какъ и въ первый разъ, а затѣмъ всѣ разошлись по назначеннымъ имъ комнатамъ.

На слѣдующее утро, одѣтый въ бѣлоснѣжную тунику, съ сердцемъ полнымъ важныхъ и боязливыхъ мыслей, отправился Супрамати къ божественной службѣ, таинственная торжественность которой снова произвела на него глубокое впечатлѣніе.

Старецъ-первосвященникъ, совершавшій службу, какъ и полвѣка тому назадъ, подзывалъ по одному всѣхъ присутствующихъ и выливалъ на ихъ головы по нѣскольку капель таинственной

эссенція, содержавшейся въ чашѣ. Супрамати, Нара и Дагиръ были послѣдними.

Старецъ приказалъ имъ стоять у подножія ступеней, а самъ отнесъ чашу на алтарь. Затѣмъ онъ вернулся, привлекъ въ свои объятія Супрамати и сердечно поцѣловалъ его.

— Я счастливъ, мой братъ, привѣтствовать тебя здѣсь, какъ полезнаго и достойнаго члена нашего братства. Ты сдержалъ то, что обѣщалъ. Богатство не приковало тебя къ матеріальному міру, не увлекло тебя къ неумѣреннымъ наслажденіямъ и не сдѣлало тебя ненасытнымъ въ отношеніи тѣхъ свѣтскихъ банальностей, которыя всегда остаются одни и тѣ же подъ новыми именами и которыя живутъ и умираютъ, какъ насѣкомое, но для безсмертнаго они составляютъ преступленіе и несчастье. Ты возвращаешься къ намъ не загрязненный нечистыми страстями; ты хорошо работалъ и прошелъ первыя ступени знанія. Теперь ты готовъ вступить на тернистую, но славную тропинку высшаго посвященія. Но я вижу въ твоей душѣ боязнь и смущеніе при видѣ громаднаго поля труда и знанія, которое еще предстоитъ тебѣ пройти.—Успокойся, мой братъ! Какъ ни опасенъ путь, но желаніе и воля сглаживаютъ всѣ трудности, а лихорадочная дѣятельность заставляетъ забывать время. Послѣ каждой открытой тайны встрѣчается запертая дверь новой тайны, ключъ къ которой приходится искать. Такимъ образомъ, переходя отъ одной области къ другой, поднимаются по лѣстницѣ свѣта, которая ведетъ къ таинственному центру, гдѣ царитъ Непогрѣшимое Существо—Творецъ безконечности. И чѣмъ выше ты будешь подниматься, тѣмъ болѣе душа твоя будетъ наполняться гармоніей и пріобрѣтать могущества. Нашему брату Эбрамару мы поручаемъ руководить тобой въ изученіи высшей магіи, и пусть онъ научитъ тебя утилизировать пріобрѣтенныя тобой знанія. Испытаніе мага кончается только тогда, когда онъ можетъ произвести что нибудь полезное для общаго блага и умѣетъ сознательно пользоваться великими двигателями вселенной. Помните вы всѣ, здѣсь собравшіеся друзья, что безсмертіе—это тяжелое бремя, что наше назначеніе—облегчить агонію нашего стараго умирающаго міра и колонизовать новую планету. Пусть же сознаніе такой отвѣтственности поддерживаетъ тебя, Супрамати, и вооружитъ мужествомъ и настойчивостью, которыхъ ничто не можетъ поколебать!

Старецъ сдѣлалъ Нарѣ знакъ приблизиться и продолжалъ:

— Ты тоже, дочь моя, хорошо трудилась! Ты очистилась и вихрь матеріальныхъ вліяній, въ который бросилъ тебя твой неосторожный союзъ съ Нарайаной, не имѣетъ больше надъ тобой власти. Тебя ждетъ важное и полезное дѣло подъ руководствомъ Эбрамара. Выполни его съ честью и усердіемъ—и ты поднимешься еще ступенью выше въ высшемъ посвященіи.

Наконецъ, тебѣ, Дагиръ, я могу сообщить добрую вѣсть. Послѣднее изъ проклятій, тяготѣвшихъ надъ тобой, изгладилось.

Жертвы, простившія тебя, сдѣлались твоими друзьями; омраченныя же души, упорствующія въ своей ненависти, не имѣютъ больше надъ тобой власти. Разрушающій флюидъ, исходящій отъ нихъ, падаетъ на ихъ же головы. Чистый и свободный отъ всякой связи со своимъ преступнымъ прошлымъ, ты переступишь порогъ высшаго посвященія.

Сіяющій и преображенный счастьемъ Дагиръ преклонилъ колѣна и поцѣловалъ край сверкающей туники первосвященника. Послѣдній положилъ руку на его склоненную голову и благословилъ его. Съ минуту еще стоялъ Дагиръ на колѣнахъ, погруженный въ экстатическую молитву. Потомъ онъ всталъ и спросилъ слегка нерѣшительнымъ голосомъ:

— А моя жертва Лори? Долго еще продолжится ея наказаніе? Ея участь тяжелымъ камнемъ давитъ мою душу.

Старецъ улыбнулся.

— Пусть эта забота не смущаетъ твоего восхожденія къ свѣту! Уже давно ненависть Лори превратилась въ любовь. Размышленіе, молитва и покорность судьбѣ докончили дѣло ея очищенія. Она жаждетъ слѣдовать за тобой; но такъ какъ предпринимаемыя тобой занятія исключаютъ всякія плотскія сношенія, то Лори тоже посвящаетъ себя труду и изученію. Подъ руководствомъ Нары она пройдетъ посвященіе, чтобы быть въ состояніи сдѣлаться твоимъ товарищемъ по работѣ и твоимъ преданнымъ ученикомъ, когда начнутся тяжелыя испытанія и ужасныя катаклизмы, которыя съ такимъ безумнымъ легкомысліемъ подготовляетъ ослѣпленное человѣчество. И такъ, друзья мои, отдыхайте у насъ сколько вамъ будетъ угодно. Потомъ, Дагиръ, твой корабль призракъ въ послѣдній разъ отвезетъ тебя въ назначенное мѣсто. Твои друзья будутъ твоими пассажирами.

Три цѣлыхъ мѣсяца провели наши друзья въ таинственномъ убѣжищѣ Грааля. Невыразимая гармонія и настоящій небесный покой царили въ этомъ очарованномъ мѣстѣ. Лори была теперь вмѣстѣ съ нашими друзьями. Она была и счастлива, и печальна, такъ какъ земная любовь, какую внушилъ ей Дагиръ, еще болѣзненно звучала въ ея душѣ. Но братская любовь къ ней молодого адепта и первыя указанія въ области знанія, какія онъ развилъ передъ ней, открыли ей свѣтлые горизонты. Она увлеклась ими, и мелкія земныя чувства потемнѣли и исчезли.

Когда Дагиръ со своими друзьями уѣзжалъ, его прощаніе съ Лори было не такъ грустно, какъ въ первый разъ. Лори хотѣла было сопровождать его, но глава общины приказалъ ей остаться для исполненія ритуала очищенія. Затѣмъ ее должны были доставить въ Индію.

Наши путники не заѣзжали на Кипръ. Супрамати послалъ Тортову приказаніе пріѣхать съ Лоренцой въ Калькуту и тамъ дожидаться ихъ въ его дворцѣ.

Корабль призракъ доставилъ нашихъ путниковъ до маленькой гавани на островѣ Цейлонѣ. Не безъ страннаго чувства

грусти оставилъ Дагиръ палубу корабля, бывшаго свидѣтелемъ его преступленій и его искупленія. Стоя въ маленькой шлюпкѣ, онъ не спускалъ глазъ со страннаго судна, медленно покачивавшагося на волнахъ. Вдругъ корабль потемнѣлъ, огоньки, похожіе на огни св. Эльма, пробѣжали по его такелажу, а затѣмъ все расплылось и исчезло въ атмосферѣ.

Съ тяжелымъ вздохомъ Дагиръ опустился на скамейку и погрузился въ мрачную задумчивость. Друзья не тревожили его. Только когда они вышли на берегъ, онъ провелъ рукой по лбу, какъ бы желая отогнать надоѣдливыя мысли, и заговорилъ о постороннихъ вещахъ.

Съ этой минуты наши путники уже пользовались обыкновенными способами сообщенія, чтобы добраться до Калькуты, гдѣ Супрамати нужно было привести въ порядокъ нѣкоторыя дѣла до отъѣзда въ Бенаресъ.

Во время этого переѣзда, ко всѣмъ вернулось ихъ хорошее расположеніе духа, немного смущенное пребываніемъ на призрачномъ кораблѣ. Они старались забыть прошлое и говорили только о будущемъ и о предстоящей имъ работѣ.

Научать подъ руководствомъ Эбрамара—это наслажденіе,—замѣтила однажды Пара.—Онъ такъ ясно объясняетъ самыя трудныя проблемы, что онѣ кажутся простыми и легкими. Правда, онъ очень строгъ и главное требуетъ такой дисциплины ума, что считаетъ непростительной небрежностью всякую пустую мысль. Но мало-по-малу къ этому привыкаешь. Кромѣ того, сознаніе могущества дисциплинированной и сознательной мысли, которую можно сравнить только съ силою элементовъ, налагаетъ обязанность быть всегда господиномъ этого страннаго оружія, убивающаго подобно молніи. Тебѣ и Дагиру придется много поработать надъ пріобрѣтеніемъ этой способности, но остановка, въ какой вы будете находиться, облегчитъ вамъ вашъ трудъ.

- Ты права, Пара! Я съ наслажденіемъ вспоминаю о моемъ пребываніи у Эбрамара. Въ этомъ мѣстѣ, полномъ покоя и неизмѣнной гармоніи, душа почерпаетъ силы и чувствуетъ, какъ у нея выростаютъ крылья. Это настоящее предвкушеніе райскаго блаженства.

Въ Калькутѣ наши путники пробыли всего нѣсколько дней, чтобы устроить Лоренцу въ небольшой женской общинѣ, находившейся подъ управленіемъ посвященной. Община эта должна была скоро устроиться въ окрестностяхъ Бенареса, чтобы быть ближе къ таинственнымъ мудрецамъ, жившимъ въ неизвѣстности въ Гималайскихъ горахъ.

По мѣрѣ того, какъ Супрамати приближался къ Бенаресу, [illegible] все озабоченнѣй. Это происходило отъ того, что [illegible] ждала отъ [illegible] Пару, жала Нурвади и его сынъ, [illegible] сдѣлала безсмертнымъ и которому теперь должно [illegible] около [illegible] лѣтъ.

Какъ признаться Нарѣ, что подъ одной кровлей съ нею живетъ его бывшая любовница, та самая, ради которой онъ болѣе чѣмъ на два года забылъ свою законную супругу?

Когда поѣздъ миновалъ послѣднюю станцію и съ необыкновенной быстротой приближался къ священному городу индусовъ, тяжелая озабоченность Супрамати достигла своего апогея.

Облокотясь на подушку, Нара молча наблюдала за выраженіемъ разнообразныхъ чувствъ, которыя отражались на подвижномъ лицѣ мужа.

Наконецъ, она встала, положила руку на плечо Супрамати и сказала съ лукавымъ взглядомъ:

— Полно мучиться изъ-за такого стараго грѣха! Ты былъ тогда свободенъ и такъ скромно воспользовался этой свободой, что я была бы неблагодарной, если бы сердилась на тебя за такіе пустяки. Я знаю исторію Нурвади и отъ души жалѣю это бѣдное созданіе, которое любитъ тебя глубокою и чистою любовью. Я не хочу ни смущать ее, ни возбуждать ея ревность. И такъ, прошу тебя, скажи ей, что я твоя сестра. Это позволитъ мнѣ видѣть ее и говорить съ ней. Несчастная безсмертна. Грѣхъ оставлять ее прозябать въ полномъ невѣжествѣ. Я хочу попытаться развить ее и открыть ей путь къ знанію.

Супрамати прижалъ маленькія ручки Нары къ губамъ. Онъ былъ и доволенъ, и сконфуженъ.

— Мнѣ будетъ стыдно сказать твою великодушную ложь,— пробормоталъ онъ.

— Это будетъ только наполовину ложь, такъ какъ мы оба отдаемся высшему посвященію, которое не допускаетъ никакой земной связи. Наша любовь превращается въ чистое единеніе душъ, и эта привязанность, лишенная всего матеріальнаго, становится вѣчною и нерушимою,—отвѣтила молодая женщина съ добрымъ и теплымъ взглядомъ.

Въ Бенаресъ они пріѣхали послѣ полудня. Когда всѣ почистились немного послѣ дороги, Нара предложила мужу идти къ Нурвади.

— Ступай, ступай! Будь добръ и нѣженъ съ ней, она заслуживаетъ этого. А потомъ приводи ее къ ужину и познакомь со своимъ братомъ и сестрой,—прибавила она, смѣясь отъ всего сердца надъ смущеннымъ видомъ мужа.

Находясь еще подъ впечатлѣніемъ смѣшаннаго чувства стѣсненія и досады, Супрамати направился въ дальній флигель дворца, гдѣ жила Нурвади. Отъ служанки онъ узналъ, что Нурвади на террасѣ и что тамъ же находится молодой князь, только что вернувшійся изъ поѣздки на Гималаи, чтобы встрѣтить своего отца.

Супрамати былъ немного удивленъ. Какимъ образомъ его сынъ могъ узнать о его пріѣздѣ, если только его не предупредилъ объ этомъ Эбрамаръ? Но онъ никогда ничего не говорилъ мудрецу о своей связи.

Супрамати быстро прошелъ рядъ такъ хорошо знакомыхъ ему комнатъ, направляясь къ террасѣ. Тяжелые ковры заглушали его шаги. Войдя въ комнату, смежную со спальней индіянки, онъ тотчасъ же увидѣлъ молодую женщину. Она стояла къ нему спиной на террасѣ и прижимала къ своей груди мальчика, которому по наружному виду можно было дать не болѣе десяти лѣтъ.

Супрамати остановился въ глубокомъ волненіи. Тысячи воспоминаній заставляли усиленно биться его сердце. Голосъ его слегка дрожалъ, когда онъ тихо позвалъ:

— Нурвади!

Молодая женщина быстро обернулась и съ крикомъ безумной радости бросилась въ объятія Супрамати.

— Ты вернулся! Я снова вижу тебя! О! Если бы я могла въ эту минуту умереть отъ радости!

Супрамати прижалъ ее къ себѣ и поцѣловалъ въ лобъ, но въ этомъ объятіи слышалась спокойная привязанность брата, а не страсть любовника. Нурвади почувствовала это. Она выпрямилась и боязливо взглянула въ блестящіе и ясные глаза Супрамати, съ нѣжностью смотрѣвшаго на нее.

— Взгляни: вотъ наше дитя!—смущенно и нерѣшительно сказала она, указывая на мальчика, который молча стоялъ въ сторонѣ, съ опущенными глазами.

Супрамати быстро подошелъ къ юношѣ, прижалъ его къ себѣ и покрылъ страстными поцѣлуями. Затѣмъ, отстранивъ его отъ себя, онъ сталъ осматривать его со смѣшаннымъ чувствомъ радости и огорченія, такъ какъ если ребенокъ и отличался настоящей ангельской красотой, то все-таки это былъ ребенокъ, а не мужчина, какимъ онъ долженъ былъ бы быть въ его лѣта.

— Сандира! Твой видъ радуетъ и въ то же время огорчаетъ меня. Ты не мужчина, какимъ я надѣялся видѣть тебя.

Ребенокъ поднялъ на него свои большіе, черные глаза. Взглядъ этихъ глазъ заставилъ вздрогнуть Супрамати. Мысль, свѣтившаяся въ бархатныхъ зрачкахъ, была мыслью зрѣлаго, развитаго и энергичнаго человѣка.

— Я понимаю тебя, отецъ! Но то, что ты видишь—это дѣло твоихъ рукъ. Мнѣ не хотѣлось бы омрачать упрекомъ наше первое свиданіе, но разъ ты самъ намекнулъ на мой наружный видъ, который такъ далеко не соотвѣтствуетъ моимъ лѣтамъ, позволь мнѣ замѣтить тебѣ, что съ твоей стороны было крайне неосторожно вводить въ мой неразвитой организмъ то опасное вещество, которымъ ты обладаешь. Безъ сомнѣнія, тобой руководили любовь и боязнь потерять меня. Къ тому же ты не зналъ, на какія мученія ты осуждалъ меня. Если бы не Эбрамаръ и не его божественное знаніе, я оставался бы еще долгіе вѣка чуднымъ ребенкомъ.

— Какъ? Ты знаешь Эбрамара?—вскричалъ Супрамати.

— Я его ученикъ, и прошелъ подъ его руководствомъ су-

ровый и длинный путь посвященія. Благодаря только особому режиму и безпрерывной работѣ, я понемногу росъ. А теперь позволь мнѣ привѣтствовать тебя и передать, что нашъ общій учитель ждетъ насъ.

Супрамати слушалъ не спуская глазъ съ маленькаго, розоваго ротика, произносившаго такія важныя слова.

— Ты правъ, мой сынъ! Я дѣйствовалъ съ преступною непослѣдовательностью, когда воспользовался ужаснымъ агентомъ, не зная послѣдствій моего поступка. Прости меня, что я причинилъ тебѣ столько незаслуженныхъ страданій. Единственнымъ утѣшеніемъ можетъ служить только то, что мой неблагоразумный поступокъ доставилъ тебѣ покровительство Эбрамара. Мнѣ хотѣлось бы сейчасъ же поблагодарить его за то, что онъ исправилъ сдѣланное мною зло. Впрочемъ, можетъ быть, ты еще и выигралъ, такъ какъ ты избѣжалъ всѣхъ земныхъ смутъ, всей той тѣлесной и душевной грязи, съ которыми сталкивается человѣкъ въ мірѣ. Ничто не препятствуетъ твоему восхожденію къ высшему знанію.

Сандира улыбнулся.

— Дай Богъ, чтобы ты былъ правъ! О! Громадно разстояніе, которое надо пройти! Мы знаемъ пунктъ отправленія, но цѣль пути теряется въ океанѣ свѣта священнаго, но непроницаемаго центра, охраняемаго семью геніями сферъ. Тамъ въ послѣдній разъ возстаетъ сомнѣніе и шепчетъ на ухо неутомимому труженику, достигшему воротъ сіяющей твердыни: «Какая будетъ награда за твои долгія усилія, за твой смѣлый путь сквозь мракъ и горе»? О, отецъ! Порой у меня кружится голова и я спрашиваю самъ себя: гдѣ же твое ложе, покой? Кто ты, ужасная и неумолимая сила, толкающая насъ впередъ?

Взглядъ юноши затерялся въ пространствѣ, а маленькія руки его нервно сжимали руки отца. Супрамати съ грустью смотрѣлъ на него. Въ его воспоминаніи Сандира жилъ груднымъ ребенкомъ, котораго онъ носилъ на рукахъ, а сынъ, котораго онъ видитъ теперь—странный незнакомецъ, ребенокъ по виду—мудрецъ и мыслитель по уму, котораго волнуютъ уже великія проблэмы существованія.

Супрамати сѣлъ на диванъ и усадилъ рядомъ съ собой Нурвади и Сандира. Между ними завязался длинный разговоръ о прошломъ и будущемъ.

Когда настало время ужина, онъ объявилъ своимъ собесѣдникамъ, что отведетъ ихъ къ своему брату и своей сестрѣ, которые желаютъ съ ними познакомиться.

Супрамати съ такимъ нетерпѣніемъ стремился увидѣть Эбрамара, что выразилъ желаніе ѣхать на слѣдующій же день. Нурвади просила позволенія сопровождать его. Она не хотѣла сейчасъ же разставаться съ нимъ и съ сыномъ. Кромѣ того, Парѣ достаточно было нѣсколькихъ часовъ бесѣды, чтобы совершенно овладѣть умомъ молодой индіянки. Она выяснила ей странность

ея существованія и необходимость создать себѣ иную, болѣе серьезную цѣль, чѣмъ занятіе единственно спаньемъ и нарядами.

Нара сообщила Нурвади, что близъ того мѣста, гдѣ живетъ мудрецъ, руководящій Сандирой, устроена школа, предназначенная для женщинъ, обреченныхъ, какъ и она, на долгую жизнь. Она предложила Нурвади поступить туда, на что та съ радостью согласилась.

Послѣ нѣсколькихъ дней пріятнаго пути черезъ гористую страну съ восхитительными видами, наши путники прибыли, наконецъ, къ таинственному дворцу, гдѣ жилъ Эбрамаръ. Ихъ очевидно ожидали, такъ какъ входная дверь была открыта, и тотъ же управляющій, который сорокъ лѣтъ тому назадъ встрѣтилъ Супрамати, принялъ ихъ съ радостною почтительностью.

Сандира объявилъ, что онъ самъ будетъ проводникомъ путниковъ, которыхъ и провелъ прямо въ рабочую комнату мага. Послѣдній встрѣтилъ ихъ на порогѣ комнаты и горячо обнялъ Супрамати и Дагира. Затѣмъ съ отеческою нѣжностью онъ протянулъ обѣ руки Нарѣ, которая смотрѣла на него влажнымъ и признательнымъ взглядомъ.

Когда улеглось первое волненіе, всѣ сѣли и завязался общій разговоръ. Эбрамаръ поздравилъ Супрамати съ быстрымъ прохожденіемъ перваго посвященія, а Дагира съ избавленіемъ отъ всѣхъ узъ, связывавшихъ его съ печальнымъ прошлымъ. Онъ объявилъ, что даетъ имъ нѣсколько недѣль свободы и полнаго отдыха прежде, чѣмъ укажетъ имъ ихъ новыя занятія. Затѣмъ, обернувшись къ Нарѣ, онъ прибавилъ съ улыбкой:

— Для тебя, сестра моя, я сохранилъ мѣсто Ваирами, которая желаетъ отдаться особому культу магіи и удаляется въ сферу созерцанія. И такъ, теперь ты будешь руководить школой для женщинъ и первыми занятіями новыхъ неофитокъ: Нурвади и Лори, которыя поступятъ туда. Первую я сейчасъ же передалъ Ваирами.

По приказанію мага, Сандиръ побѣжалъ за великой жрицей. Внимательно слушавшій Супрамати спросилъ:

— Какъ, учитель? У тебя здѣсь есть школа для женщинъ? Вотъ чего бы я никогда не предположилъ!

— О! Здѣсь есть еще много вещей, которыхъ ты не видалъ. Я покажу тебѣ ихъ въ тотъ день, когда ты будешь осматривать свои владѣнія,—съ улыбкой отвѣтилъ Эбрамаръ.

Супрамати покачалъ головой:

— Нѣтъ, учитель! Здѣсь, гдѣ все полно твоею мудростью и добротой, ничто не принадлежитъ мнѣ, за исключеніемъ твоей дружбы и твоего покровительства. Блаженъ этотъ домъ, что въ немъ обитаетъ такой мудрецъ, какъ ты! Блаженны тѣ, кто можетъ жить здѣсь, чтобы подъ твоимъ руководствомъ достигнуть свѣта высшаго знанія! Что мнѣ всѣ милліоны, положенные во всѣхъ банкахъ міра на имя Супрамати? Переступивъ этотъ порогъ, я оставилъ за собой все, что связывало меня съ земною

пустотой. Я приношу съ собой только частицу знанія и желаніе всѣми силами работать, чтобы подняться къ свѣту по опасному пути, съ котораго нѣтъ возврата, такъ какъ передо мной будетъ блистать таинственная цѣль, а за мной разверзнется пропасть.

— Будь вѣренъ такой похвальной рѣшимости, и ты не остановишься на полупути. Я твердо надѣюсь, что буду имѣть радость возложить на твою голову сіяющій вѣнецъ мага,—отвѣтилъ Эбрамаръ, крѣпко пожимая ему руку.

Ихъ разговоръ былъ прерванъ приходомъ Сандира и молодой, красивой женщины въ бѣлой одеждѣ, закутанной въ длинное и широкое газовое покрывало.

На правильномъ лицѣ ея лежало строгое и спокойное выраженіе; въ черныхъ бархатныхъ глазахъ ея горѣло экстатическое пламя. Скрестивъ руки на груди, она низко склонилась передъ Эбрамаромъ.

— Я приказалъ позвать тебя, Ваирами, чтобы объявить, что твое желаніе посвятить себя уединенію скоро исполнится. Наша сестра Нара,—онъ указалъ на молодую женщину,—будетъ руководить твоими ученицами. По различнымъ причинамъ, я не могу еще назначить день, когда я передамъ ей ея новое дѣло. Пока же, Ваирами, я довѣряю тебѣ нашу новую неофитку, Нурвади. Возьми ее и помѣсти у себя. Ты же, дочь моя, простись съ сыномъ. Ты будешь видѣть его только по праздникамъ. На счетъ же его судьбы можешь быть вполнѣ спокойна.

Нурвади покраснѣла; глаза ея наполнились слезами, но она мужественно поборола свое волненіе. Она поцѣловала Сандира и Нару, пожала руку Супрамати и поцѣловала руку Эбрамару.

Ваирами горячо поблагодарила мудреца. Затѣмъ она сняла свое покрывало, покрыла имъ голову Нурвади и ушла вмѣстѣ съ ней съ террасы.

— Скажи, учитель, много ли безсмертныхъ, кромѣ Нурвади, въ школѣ, которой будетъ завѣдывать Нара? — спросилъ Супрамати.

— Въ школѣ около двухсотъ воспитанницъ и всѣ онѣ безсмертны. Поэтому мы ихъ и посвящаемъ въ высшее знаніе. Маленькія общины, подобныя той, въ какую вы помѣстили Лоренцу, носятъ совершенно другой характеръ и преслѣдуютъ иную цѣль,—отвѣтилъ Эбрамаръ.

— Великій Боже! Болѣе двухсотъ безсмертныхъ! Кто же имѣлъ неблагоразуміе надѣлать ихъ такую массу?—вскричалъ Супрамати.

Нара покачала головой.

— Ты забываешь, мой другъ, что прежде, чѣмъ сдѣлаться магами, всѣ сдѣлавшіе этихъ безсмертныхъ были простыми людьми. То же чувство, которое побудило тебя дать сыну первоначальнаго вещества, вліяло и на другихъ. Здѣсь есть женщины, которыхъ страстно любили; есть матери, дочери и сестры,

съ которыми не хотѣли разстаться. Вспомни, какъ ты самъ жаждалъ дать эликсиръ жизни виконту де-Лормейль. Кто знаетъ, сколько грѣховъ такого рода лежало бы на твоей совѣсти, если бы ты еще дольше прожилъ въ этомъ мірѣ. По крайней мѣрѣ, списокъ жертвъ Нарайаны очень длиненъ.

— Настанетъ время, когда мы не будемъ находить, что мы слишкомъ многочисленны. Когда разразится катаклизма, работы хватитъ для всѣхъ. Когда вокругъ насъ, безсмертныхъ, все умретъ, насъ едва хватитъ, чтобы населить городъ,—съ легкой меланхоліей замѣтилъ Эбрамаръ.

XII.

Прошло около десяти дней со дня прибытія нашихъ героевъ къ Эбрамару. Сначала время протекало точно въ очарованномъ снѣ. Гармонія, царившая въ этомъ мѣстѣ, доказывала свое вліяніе и на его обитателей, а бесѣды съ Эбрамаромъ производили на всѣхъ чарующее впечатлѣніе.

Но вотъ уже два дня, какъ Дагиръ и Супрамати были одни. Магъ удалился къ себѣ, объявивъ, что ему необходимо нѣсколько дней, чтобы сосредоточиться. Нара тоже не показывалась. Она готовилась съ Ванрами къ своему новому посту начальницы женской школы посвященія.

Предоставленныя самимъ себѣ, онѣ чувствовали пустоту и были грустны. Сидя на террасѣ, прилегавшей къ комнатамъ Супрамати, онѣ говорили о прошломъ и будущемъ. Уже давно спустилась ночь, но полная луна ярко освѣщала окружавшій ихъ волшебный пейзажъ.

— Знаешь, Дагиръ, вѣдь Нарайана обманулъ насъ! Онъ обѣщалъ извѣстить насъ о себѣ, а между тѣмъ, не даетъ никакого извѣстія,—неожиданно сказалъ Супрамати, который стоялъ, задумчиво облокотившись на баллюстраду.

— О! Это страшно перемѣнчивое существо. Можетъ быть, онъ уже перемѣнилъ мнѣніе и не хочетъ открывать намъ свое убѣжище,—съ улыбкой отвѣтилъ Дагиръ.

— А мнѣ очень хотѣлось бы знать, что дѣлаетъ это странное и непонятное существо, смѣсь пороковъ и добродѣтелей, науки и легкомыслія. Только мнѣ стыдно спросить объ этомъ Эбрамара.

Шумъ крыльевъ заставилъ обернуться обоихъ молодыхъ людей. Молча, съ удивленіемъ, смотрѣли они на великолѣпнаго бѣлаго павлина, который опустился на баллюстраду и кокетливо спустилъ свой бѣлый серебристый хвостъ, точно усыпанный цвѣтными драгоцѣнными камнями. Золотистый хохолокъ чивался на его головѣ. Черные зрачки его смотрѣли на амати умнымъ, чисто человѣческимъ взглядомъ.

— Боже! Что за чудная птица! Никогда еще я не видалъ подобной!—вскричалъ Дагиръ.

Павлинъ похлопалъ крыльями, спрыгнулъ въ садъ и сталъ вертѣть головой, точно приглашая молодыхъ людей слѣдовать за собой.

— Готовъ поклясться, что это посланецъ Нарайаны!—сказалъ Дагиръ.

Павлинъ быстро наклонилъ свой фосфоресцирующій хохолъ и сталъ бѣгать по аллеѣ, все возвращаясь назадъ, точно онъ желалъ посмотрѣть, слѣдуютъ ли за нимъ.

Супрамати бросился за таинственной птицей, но Дагиръ въ нерѣшительности остановился.

— Можетъ быть, приглашаютъ тебя одного?—нерѣшительно сказалъ онъ.

Павлинъ тихо вскрикнулъ и дважды съ нетерпѣніемъ качнулъ головой.

— Честное слово, онъ понимаетъ насъ! Не будемъ же заставлять его ждать,—со смѣхомъ вскричалъ Супрамати, хватая Дагира за руку и увлекая за собой.

То летя, то бѣгомъ, павлинъ быстро подвигался впередъ. Такимъ образомъ они пересѣкли садъ и прошли длинную, почти темную аллею. Далѣе они вышли на открытое мѣсто, поросшее густой и высокой травой. Молодые люди не безъ труда прокладывали себѣ путь. На ихъ пути со свистомъ поднимались змѣи, но тотчасъ же откидывались назадъ, такъ какъ ни одно животное не нападало на безсмертныхъ. Занятые тѣмъ, чтобы не упустить изъ вида павлина, молодые люди даже не обращали вниманія на отвратительныхъ пресмыкающихся.

Въ концѣ долины находился глубокій ровъ, куда они спустились по крутой, едва видимой тропинкѣ. Въ этомъ узкомъ ущельи было совершенно темно, но павлинъ продолжалъ двигаться впередъ, вырисовываясь во мракѣ бѣлымъ облакомъ. Птица остановилась передъ черною, покрытой мохомъ скалой, а затѣмъ, тихо проскользнула въ узкую, почти закрытую кустарникомъ, трещину.

Дагиръ и Супрамати безъ малѣйшаго колебанія проникли въ трещину, которая оказалась узкимъ корридоромъ. Корридоръ этотъ неожиданно вышелъ въ высокій и узкій, освѣщенный синеватымъ свѣтомъ гротъ, который терялся вдали и образовывалъ родъ свода надъ каналомъ или подземной рѣчкой.

Берега канала были высоки и круты. Высѣченныя въ скалѣ ступени вели къ водѣ, гдѣ лодка, казалось, ждала обоихъ друзей. Это былъ родъ длинной и узкой пироги, съ высокоподнятымъ носомъ, украшеннымъ золоченымъ павлиномъ, съ электрической лампой на спинѣ, лучи которой играли на сталактитахъ свода.

Дагиръ схватилъ весла, Супрамати взялся за руль, а павлинъ сѣлъ на носу, за электрической лампой, спиной къ нимъ.

По мѣрѣ того, какъ они подвигались впередъ, передъ ихъ глазами открывались странные и чудесные виды. Подземная рѣчка дѣлала многочисленные изгибы. То съ одной, то съ другой стороны открывались глубокіе гроты. Одни изъ нихъ безконечными галлереями терялись вдали, другіе представляли громадныя пещеры. Всѣ они освѣщались различными цвѣтами необыкновенно нѣжными и прозрачными. Одни изъ гротовъ тонули въ зеленоватомъ свѣтѣ и казались гигантскими изумрудами; другіе были розовы, какъ блѣдные рубины. Но большинство изъ нихъ было освѣщено синимъ, какъ сафиръ, свѣтомъ, который наполнялъ главный каналъ и былъ такъ силенъ, что передъ нимъ блѣднѣлъ электрическій свѣтъ. Откуда исходилъ этотъ свѣтъ—нельзя было опредѣлить. Можно было подумать, что онъ просвѣчиваетъ сквозь стѣнки скалы.

Друзья, какъ очарованные, смотрѣли на эту волшебную, необыкновенно разнообразную обстановку. То со скалы низвергался ручей, похожій на расплавленный рубинъ, то на гладкой поверхности темно-синей воды раскидывались удивительные водяные цвѣты, синіе, какъ бирюза, бѣлые съ золотыми тычинками или красные, какъ кораллъ. Иногда многочисленные развѣтвленія рѣки ставили друзей въ затрудненіе относительно выбора пути, но павлинъ былъ хорошимъ стражемъ и всегда предупреждалъ крикомъ, если они готовы были уклониться съ прямого пути.

— Ясно, что нашъ умный чичероне ведетъ насъ къ Нарайанѣ. Если его жилище по красотѣ равняется съ дорогой, ведущей къ нему, то неисправимый негодникъ еще разъ докажетъ свой несравненный вкусъ,—замѣтилъ Супрамати.

Въ эту минуту раздался звучный и насмѣшливый смѣхъ, повторенный подъ сводами эхо и при томъ такъ близко отъ нихъ, что оба невольно обернулись и стали искать глазами Нарайану, но тотъ оставался невидимъ. Только павлинъ испустилъ раздирающій крикъ, прозвучавшій подобно насмѣшливому смѣху, и распустилъ свой разноцвѣтный хвостъ.

Въ эту минуту сводъ опустился, а каналъ сузился и сдѣлалъ крутой поворотъ. Теперь лодка скользила въ такомъ низкомъ и узкомъ проходѣ, что чувствовалось какое-то стѣсненіе. Лампа погасла и оба путника очутились почти въ полной темнотѣ. Вдругъ сильное теченіе быстро увлекло лодку. Съ быстротой стрѣлы пронеслась она по черному и прямому, какъ пушечное дуло, проходу и неожиданно выплыла на большое озеро, на серебристыхъ водахъ котораго отражались лучи восходящаго солнца.

Перемѣна эта произошла такъ быстро, что молодые люди ослѣпленные потокомъ свѣта, на минуту закрыли глаза, но по-[illegible]и тотчасъ же съ ихъ губъ сорвался крикъ восхищенія и [illegible]ленія. Вода, на которой покачивалась ихъ лодка, была такъ [illegible]рачна, что можно было разглядѣть каждую неровность и

каждый камушекъ на днѣ. Рыба сверкала на солнцѣ золотой или окрашенной въ другую яркую краску чешуей. Берега озера были высоки, скалисты и покрыты лѣсомъ. За ними высился поясъ высокихъ горъ. Прямо передъ ними, на островѣ или полуостровѣ—этого еще нельзя было различить—среди роскошной изумрудной растительности высились стѣны и крыши дворца.

Подхваченная сильнымъ гребцомъ, маленькая лодка полетѣла по гладкой поверхности озера и черезъ нѣсколько минутъ очутилась у мраморной лѣстницы, украшенной внизу двумя бронзовыми сфинксами. На верху виднѣлся широкій порталъ, поддерживаемый колоннами.

Прежде чѣмъ лодка пристала, на лѣстницѣ появились четыре красивыхъ юноши. На нихъ были бѣлыя туники, клафты, ожерелья на шеѣ и золоченые пояса вокругъ таліи. Они притянули и привязали лодку. Въ ту же минуту павлинъ испустилъ три пронзительныхъ крика, распустилъ свой хвостъ и съ быстротой стрѣлы исчезъ подъ порталомъ.

Дагиръ и Супрамати выпрыгнули на ступеньки лѣстницы. Но прежде чѣмъ они успѣли дойти до верхней эспланады, появился самъ Нарайана, сіяющій, улыбающійся и болѣе красивый, чѣмъ когда-нибудь.

На немъ была надѣта длинная, стянутая шелковымъ шарфомъ, одежда, вырисовывавшая его стройную талію. Легкій тюрбанъ покрывалъ его голову.

— Добро пожаловать, дорогіе друзья, въ мою скромную хижину!—сказалъ онъ, сердечно обнимая прибывшихъ.

— Шутникъ!—со смѣхомъ отвѣтилъ Супрамати.—Такой волшебный дворецъ онъ называетъ скромной хижиной!

— Если онъ нравится вамъ, то отдыхайте въ немъ сколько вамъ будетъ угодно или, вѣрнѣй, сколько позволитъ вамъ вашъ строгій учитель Эбрамаръ,—отвѣтилъ Нарайана, вводя во дворецъ своихъ друзей.

Они прошли цѣлый рядъ залъ чудной архитектуры, убранныхъ съ царскою роскошью. Было очевидно, что Нарайана во всѣ времена любилъ это убѣжище, такъ какъ на ряду съ роскошными произведеніями восточнаго происхожденія встрѣчались европейскія скульптурныя произведенія, современныя работы и картины мастеровъ, видъ которыхъ въ этомъ индійскомъ дворцѣ производилъ странное впечатлѣніе.

Нарайана остановился въ большой залѣ, убранной по восточному, низенькими диванами.

— Здѣсь, друзья мои, вы у себя. Рядомъ—ванная. Совѣтую вамъ освѣжиться. Затѣмъ мы позавтракаемъ, отдохнемъ, а когда жара спадетъ, я покажу вамъ свое отшельническое жилище.

Сдѣлавъ привѣтственный знакъ рукой, Нарайана исчезъ. Супрамати и его сотоварищъ прошли въ смежную комнату, которая оказалась громадною залой, съ бассейномъ посрединѣ. Бассейнъ этотъ былъ настолько обширенъ, что въ немъ могли свободно

плавать два человѣка. Тутъ ждали ихъ два служителя, которые раздѣли ихъ, а послѣ ванны надѣли на нихъ широкія и легкія бѣлыя туники, а затѣмъ провели ихъ въ комнату, выходившую въ садъ. Тамъ ждалъ ихъ Нарайана и стоялъ роскошно сервированный столъ.

— Садитесь, друзья мои! Такъ какъ вы еще настоящіе люди, то подкрѣпитесь,—сказалъ странный амфитріонъ, садясь за столъ и указывая гостямъ на стулья.

Мэню состояло изъ великолѣпно приготовленныхъ овощей, различнаго печенія, всевозможныхъ фруктовъ, вина, молока и меда.

Дагиръ и Супрамати были голодны и отдали должную честь завтраку. Что же касается Нарайаны, то онъ ограничился маленькимъ стаканомъ молока и небольшимъ хлѣбцемъ, величиной съ яйцо.

Наблюдавшій за нимъ Супрамати спросилъ съ улыбкой:

— Что ты, сдѣлался постникомъ или особыя условія, въ какихъ ты находишься, налагаютъ на тебя такой строгій режимъ?

— Да, время хорошихъ обѣдовъ и ужиновъ прошло для меня съ тѣхъ поръ, какъ я добровольно лишилъ себя матеріальной жизни,—съ гримасой отвѣтилъ Нарайана.—Впрочемъ, я еще не могу жаловаться: я не голоденъ и поглощаю только вещества, необходимыя для обмѣна жизненному флюиду, который циркулируетъ въ моихъ жилахъ. Жизненный эликсиръ — субстанція матеріальная, а не духовная, а потому для своего равновѣсія она требуетъ родъ топлива для организма.

— Я все больше и больше понимаю, какое обширное поле для работы представляетъ изученіе первоначальной матеріи. Одинъ уже ты, Нарайана, въ своемъ настоящемъ состояніи представляешь трудно разрѣшимую загадку. Если бы мы разсказали кому-нибудь изъ нашихъ современниковъ твою исторію или нашу, насъ сочли бы трижды сумасшедшими, — замѣтилъ Супрамати.

Нарайана весело разсмѣялся.

— Еще бы! Эти несчастныя насѣкомыя блуждаютъ на землѣ какихъ-нибудь лѣтъ шестьдесятъ, а тщеславіемъ обладаютъ вѣковымъ. Какъ только они сталкиваются съ проявленіемъ какого-нибудь новаго закона или съ какимъ-нибудь новымъ фактомъ, они тотчасъ же кричатъ: это чудо! Это невозможно! Это несогласно съ законами природы! Лучъ свѣта неожиданно ослѣпляетъ ученаго маменкена. Онъ боится этого новаго явленія, которое ниспровергаетъ всѣ его предвзятыя идеи. Онъ защищается, прячется за старыми текстами, закрываетъ глаза передъ очевидностью и предпочитаетъ лучше изобрѣтать самыя невѣроятныя комбинаціи, чѣмъ допустить простую и понятную причину, которая находится въ противорѣчіи съ его узкими, предвзятыми идеями. Нѣтъ! Не такимъ людямъ мы могли бы разсказать нашу истинную исторію! Даже великія открытія чуть не

погибали благодаря ослѣпленію толпы и глупому упрямству патентованныхъ ученыхъ.

— Ты правъ! Какъ это ни странно, но всѣ великія истины, какъ и великія открытія, всегда дурно принимались. Можетъ быть, это происходитъ потому, что мудрецы пирамидъ и пагодъ всегда скрывали высшее знаніе подъ мракомъ тайны,—замѣтилъ Дагиръ.

— Именно такъ! И они поступали мудро. Что же касается современныхъ религій, то онѣ утеряли ключъ отъ тайнъ и основываютъ свой авторитетъ на слѣпой вѣрѣ. Онѣ слѣпы сами, ретроградны и кричатъ о дьяволѣ и ереси всякій разъ, какъ наука и человѣчество дѣлаютъ шагъ впередъ,—съ ироніей сказалъ Нарайана.

Затѣмъ онъ продолжалъ, внезапно одушевившись:

— Но для того, кто бросилъ взглядъ за покрывало Изиды — невозможнаго не существуетъ. Все, что только можетъ предположить человѣческій умъ — все это вещи возможныя и осуществимыя для того, кто знаетъ законы и умѣетъ привести въ дѣйствіе пружину, управляющую ими. Христосъ провозгласилъ великую истину, сказавъ, что если ты имѣешь волю, то будешь двигать горами.

Супрамати, задумчиво наблюдавшій за подвижнымъ и выразительнымъ лицомъ своего страннаго амфитріона, неожиданно спросилъ:

— Скажи, Нарайана, какимъ образомъ ты, со своимъ высшимъ знаніемъ великихъ тайнъ, со своимъ могучимъ умомъ, такъ мало заботился о своемъ нравственномъ совершенствованіи и самъ осудилъ теперь себя на неподвижное состояніе.

Лицо Нарайаны сразу омрачилось; затѣмъ онъ вскричалъ съ пронзительнымъ смѣхомъ:

— Увѣренъ ли ты, что двигаться впередъ такое ужъ большое счастье? Я сомнѣваюсь въ этомъ. Я, видишь ли, слишкомъ долго жилъ и отъ скуки много изучалъ; не столько для своего нравственнаго усовершенствованія, сколько для того, чтобы научиться практически примѣнять законы, которые я изучилъ. У меня бывали мрачные часы, во время которыхъ я готовъ былъ сдѣлать визитъ самому небу, чтобы узнать наконецъ, найдетъ ли хоть тамъ себѣ покой несчастное, измученное и истерзанное пламя, которое мы называемъ душой и которую создала высшая воля, не спрашивая его, желаетъ ли оно жить? Что дѣлается за той огненной стѣной, гдѣ царитъ полная побѣда надъ побѣжденной матеріей, гдѣ все пропитано совершенствомъ? Тамъ кипитъ непроницаемая творческая сила, которая скрываетъ того, кто долженъ быть нашимъ господиномъ, кого мы называемъ Богомъ и кто управляетъ нашими судьбами и нашими страданіями.

Взглядъ Нарайаны пылалъ, а кулаки его яростно сжимались, когда онъ продолжалъ послѣ короткаго молчанія:

— Да! Не разъ, подъ вліяніемъ полнаго отчаянія, сомнѣнія и ужаса этой сарабанды восхожденій и нисхожденій, у меня являлось желаніе броситься на эту сіяющую твердыню, силой проникнуть туда и посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Оттуда не доносилось ни малѣйшаго шума, не проявлялось никакой видимой дѣятельности. Семь геніевъ, бдящихъ вокругъ этого таинственнаго центра вселенной, нѣмы. Ты удивляешься, Супрамати, что я хочу остановиться на одномъ мѣстѣ? Не думаешь ли ты, что восхожденіе ужъ такое великое блаженство? Правда, хаосъ и буря борьбы и страданій, въ которыхъ бьется вначалѣ разумный атомъ, успокаиваются, но чѣмъ ты выше поднимаешься, тѣмъ болѣе расширяется вокругъ тебя ужасное молчаніе. Учителя перестаютъ руководить тобой, и ты долженъ руководиться пріобрѣтеннымъ знаніемъ. Необходимость толкаетъ тебя впередъ, а неумолимый законъ притяженія влечетъ тебя къ тому таинственному центру, откуда ты вышелъ, и куда долженъ погрузиться. Съ какою цѣлью, на какую участь и на какое будущее—этого никто не знаетъ. Такимъ образомъ, колеблясь между невѣжествомъ протоплазмы и молчаніемъ архангела, мы совершаемъ это славное восхожденіе, котораго ты такъ жаждешь и которое пугаетъ меня.

Затѣмъ, снова впадая въ свой шутливый тонъ, Нарайана прибавилъ:

— Такъ какъ время еще терпитъ, то я предпочитаю пріостановиться и насладиться относительнымъ отдыхомъ на такой пріятной станціи, какъ этотъ маленькій дворецъ, гдѣ я чувствую себя такъ хорошо и съ которымъ я не думаю такъ скоро разстаться.

Воцарилось довольно продолжительное молчаніе. Видя, что его гости сдѣлались молчаливы и задумчивы, Нарайана всталъ и предложилъ имъ осмотрѣть дворецъ и сады, на что тѣ согласились съ видимымъ удовольствіемъ.

Сначала осмотрѣли домъ, представлявшій изъ себя настоящій музей, а затѣмъ вышли въ садъ. Тамъ искусство и природа соединились вмѣстѣ, чтобы создать настоящій рай.

Что придавало особенную оригинальность этому маленькому парку, такъ это, во-первыхъ, разнообразіе растительности: рядомъ съ группою пальмъ росли сосны и другія деревья сѣверныхъ лѣсовъ; затѣмъ, въ густой зелени были разсѣяны небольшіе павильоны, напоминавшіе своимъ стилемъ и убранствомъ различныя эпохи прошлой жизни Нарайаны. Такъ, напримѣръ, среди группы кипарисовъ и лавровъ виднѣлась въ миніатюрѣ греческая вилла; другое зданіе отражалось въ водахъ озера и напоминало собой венеціанскій дворецъ. Всюду царила утон-
ая роскошь и съ изысканнымъ вкусомъ были собраны про-
нія искусства.

конецъ они остановились подъ группою пальмъ, акацій и
ъ деревьевъ, густая листва которыхъ образовывала зе-

леный сводъ, непроницаемый для солнечныхъ лучей. Фонтанъ, бившій серебряной струей въ мраморномъ бассейнѣ, еще болѣе увеличивалъ пріятную свѣжесть.

Всѣ сѣли на мраморную скамейку, и разговоръ зашелъ о томъ, чѣмъ они только что любовались.

— Боже! Какъ все здѣсь прекрасно! Точно въ волшебной сказкѣ!—вскричалъ Дагиръ.

— Слѣдовательно, это именно и есть такое мѣсто, какое подходитъ къ намъ, такъ какъ мы сами — сказочные принцы, существа легендарныя и фантастичныя. Вѣка протекаютъ мимо насъ, пресыщая мало-по-малу наши души. Мы потеряли истинную радость жить. Мучительное сомнѣніе и безконечное будущее тяжело ложатся на наши нервы. Поэтому, вполнѣ справедливо, чтобы красоты природы, которыя однѣ никогда не утомляютъ, окружали насъ и облегчали бы нашу странную и тяжелую участь.

Эти слова Нарайаны вернули мысли присутствующихъ къ вопросамъ, которые были затронуты за завтракомъ. Они снова стали разсуждать о законахъ прогресса, о небесномъ правосудіи, о добрѣ и злѣ, и о другихъ, еще не рѣшенныхъ проблемахъ.

— Справедливость сферъ—это есть примѣненіе непоколебимыхъ законовъ, которые живутъ въ душѣ и которые мстятъ за нарушеніе ихъ или вознаграждаютъ за всякое усиліе, — вскричалъ Супрамати.

— Справедливость! Награда! Кто не желалъ бы пользоваться благодѣяніями одной и наслаждаться другой! Только трудно поймать этихъ двухъ дочерей неба, такихъ же неуловимыхъ и обманчивыхъ, какъ и ихъ сестра — надежда! — иронически пробормоталъ Нарайана.—Если вы желаете, друзья мои, я разскажу вамъ одну индусскую легенду, имѣющую отношеніе къ занимающему насъ вопросу.

Нарайана на минуту сосредоточился, а затѣмъ началъ съ насмѣшливой важностью:

— Легенда повѣствуетъ, что нѣкогда жилъ одинъ дуракъ, который до такой степени мечталъ о небѣ, что не видѣлъ больше земли. Вѣра его въ справедливость Брамы была непоколебима. Онъ со смиреніемъ переносилъ всѣ обиды, причиняемыя ему людьми богатыми, могущественными и счастливыми, которые всегда забавляются тѣмъ, что обдаютъ своимъ презрѣніемъ простые умы. Наконецъ этотъ чудакъ умеръ отъ голода на ступеняхъ пагоды, грозя своимъ гонителямъ правосудіемъ Брамы. Онъ глубоко вѣрилъ, что получитъ награду за свое смиреніе и терпѣніе.

Легкій и сіяющій, онъ поднялся въ пространство. Астральное тѣло его сіяло свѣтомъ и теплотой. Онъ съ презрѣніемъ смотрѣлъ на несчастные человѣческіе останки, которые оставилъ. Онъ чувствовалъ себя счастливымъ, такъ какъ его окружали молчаніе и покой.

Онъ говорилъ себѣ: вотъ я нахожусь на пути къ небу. Надо только узнать, гдѣ находится небесный дворецъ, гдѣ возсѣдаетъ Брама, творя судъ, наказывая преступныхъ и вознаграждая праведныхъ. Пока онъ блуждалъ и искалъ дорогу въ рай, онъ встрѣчалъ толпы существъ, носившихся въ атмосферѣ, но почти всѣ они были отвратительны, покрыты нравственными ранами, исполнены богохульства и возмущенія. Никто изъ нихъ не могъ отвѣтить на вопросъ Вайдховы,—такъ звали нашего героя.

Бѣдные страждущіе и мучимые духи ничего не знали о правосудіи Брамы и не знали, гдѣ пребываетъ онъ. Они слышали только, что онъ царитъ въ надзвѣздныхъ высотахъ, и что только самые достойные и самые чистые могутъ появляться передъ его ослѣпительнымъ трономъ. Волны незвѣстныхъ законовъ выносятъ праведныхъ предъ лицо Брамы и тѣ же самыя волны отбрасываютъ преступныхъ и недовольныхъ въ бездны искупленія.

Счастливый и полный вѣры Вайдхова славилъ Браму, его правосудіе и могущество. Подхваченный волнами гармоніи, онъ былъ перенесенъ въ высшую, свѣтлую сферу, гдѣ встрѣтилъ такихъ же праведниковъ, какъ и онъ самъ, которые также прославляли Браму и его правосудіе.

Вайдхова спросилъ своихъ товарищей по пути и труду, куда они стремятся?

— Туда же, куда и ты,—отвѣтили они.—Къ трону Брамы, чтобы получить награду за перенесенныя несправедливости, за наши труды и нашу вѣру въ него. Работая безъ перерыва, Вайдхова поднимался изъ сферы въ сферу; другіе поднимались вмѣстѣ съ нимъ. Полные вѣры и усердія, они провозглашали славу, мудрость и усердіе Брамы. Но когда они спрашивали, гдѣ находится его небесная резиденція,—имъ отвѣчали:

— Продолжайте свой путь: это еще дальше!

И Вайдхова все поднимался и поднимался. Теперь онъ представлялъ изъ себя только сверкающее облако. Знаніе его было громадно, а могущество почти безгранично, но онъ все еще ждалъ небеснаго правосудія и награды за свой труды.

Наконецъ, переходя изъ сферы въ сферу, онъ достигъ центра вселенной. Тамъ высилась ослѣпительно свѣтлая стѣна. Только пріобрѣтенное уже совершенство позволяло Вайдховѣ смотрѣть на нее. Передъ нимъ, подобно облачному видѣнію, переливавшему всѣми цвѣтами призмы, стоялъ одинъ изъ геніевъ-стражей священной ограды.

— Вотъ мы и у входа во дворецъ Брамы!—радостно сказали Вайдхова и сопровождавшая его фаланга праведниковъ.—Дай намъ войти! Открой намъ врата неба, геній сферъ, стражъ священнаго входа!—сказали они.—Мы заслужили право явиться передъ сіяющимъ ликомъ Брамы. Мы терпѣливо переносили всѣ несправедливости и обиды, мы безъ устали работали, чтобы проложить себѣ путь сюда, наша вѣра никогда не слабѣла въ

испытаніяхъ и страданіяхъ, и во время самаго тяжелаго труда мы всегда воспѣвали славу и доброту Брамы, поддерживая слабыхъ, ободряя невѣждъ и убѣждая недовольныхъ. Мы побѣдили сомнѣніе, терзавшее насъ и преграждавшее намъ путь. Теперь, утомленные долгимъ восхожденіемъ, мы хотимъ простереться передъ трономъ Брамы, насладиться обѣщаннымъ покоемъ и видѣть наказаніе нашихъ угнетателей. Геній сферъ молчалъ; свѣтлая ограда оставалась закрытой. Тщетно они повторяли свою просьбу—отвѣта не было, такъ какъ на устахъ генія лежала печать тайнъ, которыя онъ хранилъ.

Удивленные и обезпокоенные праведники переглянулись, не понимая ничего въ этомъ молчаніи, но, вдругъ, изъ за ограды раздался незнакомый голосъ, могучій, какъ громъ, и, въ то же время, гармоничный, какъ звуки арфы, который сказалъ:

— Идите и работайте еще, такъ какъ ваши слова доказываютъ, что вы еще не готовы появиться передъ трономъ Брамы. Вы требовали сейчасъ правосудія и награды, не понимая, что вы уже получили и то, и другое. Взгляните на свое свѣтлое одѣяніе, на свое безграничное терпѣніе, на пріобрѣтенное вами знаніе, на побѣжденные инстинкты и на заглушенныя желанія. Все это вы получили по добротѣ и милосердію Брамы, который поддерживалъ васъ и награждалъ васъ за каждое ваше усиліе высшею степенью совершенства. Тѣ, кто оскорблялъ, обижалъ и заставлялъ васъ страдать, тѣ слѣдуютъ за вами, обвиняя въ свою очередь другихъ въ несправедливости и жестокости, не понимая, какъ и вы, что для того, чтобы избавиться отъ матеріи, необходимо страдать. Самъ міръ, въ которомъ вы жили, ужъ болѣе не существуетъ, такъ какъ прошло болѣе пятидесяти милліоновъ лѣтъ съ того дня, какъ Вайдхова умеръ на ступеняхъ пагоды. Все вамъ было даровано могуществомъ и правосудіемъ Брамы, а такъ какъ вы ищете покоя, не понимая, что покоя не существуетъ и что высшее блаженство заключается въ безпрестанной дѣятельности, то это значитъ, что вы не достаточно зрѣлы, чтобы войти во врата неба и созерцать сіяющій ликъ Брамы. Идите, работайте и пойте славу Его!

Таинственный голосъ умолкъ. Часть праведниковъ смиренно опустила голову и погрузилась въ молитву. Но душа Вайдховы наполнилась безумной яростью. Сомнѣніе, не оставлявшее его, несмотря на его совершенство, до самаго входа въ рай, зловѣще, насмѣшливо шепнуло ему:

— Ну, что? Кто былъ правъ?

Охваченный бѣшенствомъ Вайдхова бросился на свѣтлую стѣну, пытаясь взобраться на нее и крича, какъ сумасшедшій:

— Выходи, обѣщанное правосудіе, суди моихъ угнетателей и вознагради меня сообразно моимъ дѣламъ!

Глубокое молчаніе было ему отвѣтомъ. Онъ вторично бросился впередъ, изрыгая проклятія, но вдругъ звѣзды, увѣнчи-

вавшія его голову, распались съ громоподобнымъ шумомъ, изрыгая клубы чернаго дыма; вся атмосфера дрожала. Изъ-за таинственной ограды брызнула яркая молнія и пронизала сердце Вайдховы. Прозрачное тѣло его разсыпалось на тысячу атомовъ. Разнузданные стихіи первоначальнаго хаоса захватили его и со свистомъ увлекли въ огненный ураганъ, который сжегъ его свѣтлыя одежды, убилъ его память и отнялъ у него его знанія и могущество.

Онъ катился въ бездну, казавшуюся безконечной, пока страшный ударъ не остановилъ неожиданно этотъ бѣшеный бѣгъ.

Разбитый, терзаемый страшною болью, Вайдхова съ трудомъ констатировалъ, что онъ заключенъ въ громадный камень. Отъ его сверкающаго свѣта осталось одно только маленькое, красноватое пламя, колеблющееся подобно блуждающему огоньку. Мысль его съ трудомъ работала. Отъ всего его знанія и могущества осталось одно только смутное воспоминаніе о томъ, что онъ былъ, и сознаніе, что теперь онъ не больше, какъ простой камень. Вдругъ дикое пѣніе смутило дремоту, въ которой провалялъ павшій гигантъ. Онъ увидѣлъ толпу голыхъ и едва прикрытыхъ звѣриными шкурами людей, которые приближались, неся вѣтви и фрукты. Все это они сложили на камень и подожгли. Затѣмъ, упавъ на колѣни, они—о, ужасъ!—они запѣли пѣснь, прославляя славу и справедливость Брамы. Это пѣніе и эти слова внезапно пробудили память Вайдховы. Имъ овладѣло такое отчаяніе, что камень далъ трещину, и изъ его сердца брызнулъ источникъ, прозрачный, какъ бриллiантъ.

— Слезы праведника будутъ его наградой, — прошепталъ чей-то голосъ, утѣшительно подѣйствовавшій на омраченную душу Вайдховы.

Невѣжественная и простая толпа боготворила чудесный источникъ. Отовсюду стекались къ нему больные, увѣчные, слѣпые и получали исцѣленіе въ его цѣлебныхъ водахъ, такъ какъ вмѣстѣ съ неистощимыми слезами, вытекавшими изъ каменнаго сердца Вайдховы, текла также сама эссенція его существа. Въ кристаллическихъ капляхъ источника сосредоточивалось все могущество, пріобрѣтенное магомъ, его умѣнье управлять астральными токами и благотворные токи, исходившіе изъ него, что не могло быть совершенно уничтожено.

Бѣдныя, обездоленныя простыя души поняли это и слезами праведника облегчали свои страданія.

Собственными руками они принесли матеріалъ и построили пагоду, чтобы предохранить источникъ. Каждый, кто погружается въ его воды, поетъ славу Брамы и восхваляетъ его мудрость.

Нарайана умолкъ. Оба собесѣдника его тоже съ минуту молчали, а потомъ Дагиръ спокойно замѣтилъ:

— Твоя легенда очень поэтична, но полна парадоксовъ.

Пока мы находимся внизу лѣстницы совершенства, нашъ слабый разумъ не въ силахъ понять всего гигантскаго общаго нашей судьбы, а главное, ея конечной цѣли, такъ какъ она представляетъ для насъ непроницаемую тайну. Однако, одну вещь мы отлично знаемъ, а именно, что неумолимый законъ толкаетъ насъ впередъ и что на этомъ пути всякая остановка гибельна. Поэтому малодушно и безполезно роптать, сомнѣваться и судить силу на столько высокую, что противиться ей было бы такимъ же безуміемъ, какъ если бы пловецъ вздумалъ противиться волнамъ океана во время бури.

— Кромѣ того, позволь мнѣ прибавить,—вмѣшался Супрамати, что Вайдхова, несмотря на все свое совершенство и на пѣніе въ честь Брамы, былъ очень непослѣдователенъ. Какимъ образомъ, достигнувъ гармоніи, могъ онъ сохранить идеи злобы? Почему, обладая почти безграничнымъ могуществомъ, онъ самъ не совершилъ правосудія? Его же бѣшенство, когда онъ получилъ настоящій отвѣтъ, совершенно непонятно.

— Мораль моей легенды заключается въ томъ, что предпринять путь къ совершенству—вещь весьма рискованная, и что никогда нельзя быть увѣреннымъ, что достигнешь своей цѣли, такъ какъ человѣческій инстинктъ до такой степени силенъ въ душѣ, что почти нѣтъ возможности констатировать, когда онъ окончательно исчезнетъ. Герой моей легенды, повидимому, совершенно очистился во время своего долгаго восхожденія; существо его казалось одной гармоничной волной. Всѣ мысли его повиновались космическимъ законамъ, которыя онъ понялъ и которыми умѣлъ пользоваться, и только въ глубинѣ его существа осталась частица человѣка, т. е. атомъ сомнѣнія и эгоизма. Эта-то частица возмутилась и сожгла все чудное зданіе. Для себя лично,—заключилъ Нарайана съ веселымъ смѣхомъ,—я вывожу изъ этой легенды—истина она или ложна—слѣдующую практическую мораль: такъ какъ насъ никто не торопитъ и у насъ нѣтъ недостатка во времени, то благоразумно наслаждаться настоящимъ и насколько возможно отдалить ту опасную минуту, когда придется явиться передъ таинственными небесными вратами и ихъ молчаливыми стражами-геніями сферъ.

— Ты говоришь глупости, Нарайана! Ты слишкомъ много узналъ, чтобы не чувствовать всю тяжесть невѣжества. Слишкомъ скоро наступитъ та минута, когда ты горько будешь оплакивать, что такъ неблагоразумно осудилъ себя на неподвижность,—перебилъ его Супрамати.

— Это не опасно! Я чувствую себя здѣсь хорошо и намѣренъ оставаться какъ можно дольше. Я буду издали любоваться, какъ вы будете исходить кровавымъ потомъ, ползая по крутой и неблагодарной дорогѣ совершенства, впряженные въ колесницу невѣжества.

— Ты забываешь, что съ каждымъ усиліемъ двинуться впе-

лести жизни, отъ которой онъ хочетъ отказаться, не насладившись ею до сыта.

— Я нисколько не жалѣю о пустыхъ и безсмысленныхъ удовольствіяхъ жизни. Меня гораздо больше интересуютъ новые горизонты, которые открываетъ мнѣ изученіе великихъ проблемъ,—съ улыбкой отвѣтилъ Супрамати.

— Я вижу, что ты неисправимъ! Я же люблю удовольствія, которыя ты презираешь. Въ качествѣ моего гостя ты долженъ принять участіе въ небольшомъ банкетѣ и присутствовать на импровизированномъ балетѣ, которые я устраиваю сегодня вечеромъ.

— У тебя, видно, прекрасно организованный дворъ, если ты располагаешь даже оркестромъ и кордебалетомъ. Мнѣ крайне любопытно видѣть и то, и другое. Хотя я не ищу и не сожалѣю о свѣтскихъ развлеченіяхъ, тѣмъ не менѣе я не презираю ихъ, а твой утонченный вкусъ служитъ намъ ручательствомъ за интересное представленіе,—со смѣхомъ замѣтилъ Супрамати.

Нарайана вздохнулъ.

— Я не располагаю больше такими средствами, какъ прежде, но въ пространствѣ всегда найдутся хорошіе музыканты. Въ глубинѣ же этого озера покоится нѣсколько баядерокъ, утонувшихъ къ великому горю браминовъ, ихъ покровителей.

— Нарайана, ради всего святаго, не вздумай воскрешать этихъ мертвыхъ! Отъ такого спектакля я отказываюсь!—въ ужасѣ вскричалъ Супрамати.

Радушный хозяинъ разсмѣялся тихимъ и насмѣшливымъ смѣхомъ.

— Не кричи такъ и успокойся! Я никого не буду воскрешать. Дѣло идетъ о простой матеріализаціи, которая столько же доставитъ удовольствія вызваннымъ духамъ, сколько и намъ, а на разсвѣтѣ всѣ артисты вернутся въ загробный міръ. Ты можешь со спокойной совѣстью наслаждаться концертомъ и балетомъ.

Нарайана повернулся и ударилъ въ бронзовый гонгъ, стоявшій на столѣ.

Тотчасъ же явились два молодыхъ служителя: одинъ съ треножникомъ, другой со шкатулкой, которую они поставили на баллюстраду.

Нарайана вынулъ изъ шкатулки флаконъ и коробку. Напѣвая въ полголоса вызываніе, онъ вылилъ на уголья нѣсколько капель красной жидкости и бросилъ нѣсколько щепотокъ порошка.

Тотчасъ же поднялся густой дымъ, а затѣмъ брызнули снопы искръ, которыя огненными зигзагами разсѣялись по всѣмъ направленіямъ. Наконецъ, появились кроваво-красные шары. Шары взлетѣли подобно ракетамъ и разорвались съ громоподобнымъ шумомъ. Одни изъ нихъ упали въ озеро, вода которая закипѣла. Потомъ моментально настала тишина.

Но вотъ стали появляться бѣлыя облака изъ стѣнъ, изъ мрака рощи и изъ атмосферы и группировались съ одной стороны террасы. Стоя съ поднятой рукой и съ пылающимъ взглядомъ, Нарайана, казалось, распоряжался или и руководилъ ихъ движеніями. Черезъ нѣсколько минутъ, половина большой террасы была отдѣлена сѣровато-бѣлой, колеблющейся занавѣсью, испещренной искрами. Затѣмъ раздалась странная музыка, смѣсь человѣческихъ голосовъ и звуковъ какихъ-то незнакомыхъ инструментовъ. Это не было ни опредѣленное пѣніе, ни игра оркестра, скорѣе это были волны гармоничныхъ вибрацій, необыкновенно нѣжныхъ и сильныхъ. Исполняемая мелодія была такъ же странна и оригинальна, какъ и сами исполнители таинственнаго концерта.

Супрамати, какъ очарованный, съ восхищеніемъ слушалъ эту музыку, какъ вдругъ его вниманіе было привлечено глухимъ рокотомъ, доносившимся съ озера. Онъ увидѣлъ, какъ на поверхности воды вздулась волна и стала скользить къ берегу. Когда же эта кипящая волна разбилась о ступеньки лѣстницы, то появилось нѣсколько женскихъ фигуръ съ неопредѣленными контурами, которыя скорѣе плыли, чѣмъ шли къ террасѣ. Нарайана бросилъ новую щепотку порошка на уголья, на этотъ разъ дымъ, вмѣсто того, чтобы подняться на воздухъ, сталъ извиваться спиралью, направляясь къ приближающимся воздушнымъ фигурамъ.

Послѣднія стали поглощать этотъ дымъ, потеряли свою прозрачность и, черезъ нѣсколько минутъ, шесть женщинъ, по виду живыхъ, вошли на террасу и, скрестивъ на груди руки, низко склонились передъ Нарайаной.

Это были прекрасныя, молодыя индусскія дѣвушки на разсвѣтѣ жизни. Вышитыя, газовыя туники едва прикрывали ихъ стройныя формы. Драгоцѣнные камни, украшавшіе ихъ головы, шею, руки и пояса, переливали различными цвѣтами. Нарайана произнесъ нѣсколько индусскихъ словъ, а затѣмъ сѣлъ на диванъ и усадилъ рядомъ съ собой своихъ гостей. Въ ту же минуты вспыхнули въ розовыхъ шарахъ электрическія лампы и залили террасу яркимъ свѣтомъ. Баядерки начали танцовать. Легкія, граціозныя и полныя жизни, онѣ кружились или составляли чудныя, пластическія, но въ то же время вызывающія и страстныя, какъ само искушеніе, группы.

Когда баядерки поклонились во второй разъ, давая этимъ знать, что представленіе кончилось, Нарайана всталъ и сдѣлалъ имъ знакъ приблизиться.

— Намъ слѣдуетъ угостить прекрасныхъ танцовщицъ хорошимъ ужиномъ. Имъ рѣдко выпадаетъ возможность насладиться такимъ угощеніемъ и, къ тому же, это единственное вознагражденіе, которое мы можемъ предложить имъ,—весело сказалъ онъ.— Насъ трое, а ихъ шестеро, а потому вполнѣ естественно, что каждый изъ насъ долженъ взять на себя заботу о двухъ красавицахъ.

Смѣясь и покачивая головами, молодые люди послѣдовали этому призыву. Взявъ за руки по двѣ женщины, они послѣдовали за Нарайаной въ столовую. Столъ былъ снова сервированъ, но только меню было другое. Вмѣсто овощей и другихъ вегетаріанскихъ блюдъ, стояли мѣсо съ кровью, хлѣбъ и теплое, сильно пряное вино.

Поспѣшно, съ какою-то странною прожорливостью, набросились загробныя посѣтительницы на эту пищу, такъ что Супрамати едва успѣвалъ подкладывать на ихъ тарелки новые куски и наполнять ихъ кубки.

По мѣрѣ того, какъ танцовщицы съ жадностью насыщались, блѣдныя лица ихъ принимали розовый оттѣнокъ. Глаза ихъ сверкали и были устремлены со смѣшаннымъ чувствомъ любопытства и страсти на Дагира и Супрамати. Въ отношеніи же Нарайаны, онѣ выказывали самое оскорбительное равнодушіе.

— Посмотрите, пожалуйста! Неблагодарныя презираютъ и оскорбляютъ своего благодѣтеля, — иронически замѣтилъ Нарайана. — И, очевидно, наибольшій успѣхъ имѣетъ Супрамати. Негодяйки чуютъ, что онъ наименѣе святой между нами.

И дѣйствительно, самые горячіе взгляды бросались по адресу Супрамати. Особенно одна баядерка всѣми силами старалась смутить его спокойствіе Теперь она танцовала для него одного, искусно пользуясь всѣми обольщеніями своей красоты. Все существо ея, казалось, свѣтилось чѣмъ-то демоническимъ и чарующимъ, что опьяняло, покоряло и волновало умъ и сердце.

Не смотря на строгую дисциплину перваго посвященія, научившую его побѣждать инстинктивныя стремленія и подчинять тѣло волѣ ума, Супрамати, самъ не замѣчая, поддавался опаснымъ чарамъ страннаго созданія. Большіе темные глаза его горѣли восхищеніемъ; легкій румянецъ окрасилъ его щеки. Забывъ все окружающее, онъ слѣдилъ за движеніями танцовщицы, которая незамѣтно приближалась, дѣлаясь все обольстительнѣй и страстнѣй. Затѣмъ, однимъ граціознымъ прыжкомъ она упала на колѣни около Супрамати и страстно обняла его.

— Дай мнѣ нѣсколько капель жизненной эссенціи, которой ты обладаешь! Дай мнѣ божественный даръ земнаго существованія! — пробормотала она, устремляя на него умоляющій взглядъ.

Супрамати пытался оттолкнуть ее, но участіе и жалость къ этому юному существу, преждевременно брошенному въ загробный міръ, дѣлали его слабымъ. Вдругъ лицо баядерки потемнѣло, рука, лежавшая на рукѣ Супрамати, похолодѣла и дрожь пробѣжала по всему ея нѣжному тѣлу.

— Ахъ! Я исчезаю! Жизнь и сила оставляютъ меня!—вскричала она.

Она съ силою вцѣпилась въ него.

— Жестокій! Неужели тебѣ жаль капли жизни, которую я вымаливаю у тебя?

Въ слабѣющемъ голосѣ несчастной звучало такое отчаяніе, а на лицѣ ея отражалось такое страданіе, что Супрамати, позабывъ все, лихорадочно сталъ искать флаконъ съ жизненной эссенціей, который онъ имѣлъ обыкновеніе всегда носить съ собой. Но карманъ былъ пустъ: онъ забылъ взять флаконъ. Впрочемъ, было уже поздно. Торжествующая смерть завладѣла своей добычей. Граціозное тѣло танцовщицы, казалось, таяло и быстро расплывалось. Скоро это былъ одинъ только прозрачный образъ; затѣмъ все превратилось въ бѣловатый клочекъ, который исчезъ въ атмосферѣ.

Точно подъ давленіемъ кошмара, тяжело переводя дыханіе, Супрамати провелъ рукой по лбу и оглянулся: въ залѣ никого не было, кромѣ Дагира и Нарайаны.

— Ты еще не привыкъ отказывать въ глупыхъ просьбахъ: Ты еще слишкомъ молодой безсмертный и черезчуръ легко воспламеняешься и поддаешься чувству жалости,—насмѣшливо замѣтилъ Нарайана.—Ты до такой степени былъ поглощенъ, что не могъ даже полюбоваться, какъ мы—Дагиръ и я—прекрасно отклонили такія же мольбы.

— Ты говоришь правду! Я не привыкъ къ такой жестокой игрѣ и, надѣюсь, никогда не буду находить въ ней удовольствія. Но ты, Нарайана, принадлежащій къ двумъ мірамъ, не долженъ былъ бы смѣяться въ одно и то же время и надъ смертью, и надъ жизнью.

Въ эту минуту послышался легкій и серебристый звонъ колокольчика.

— Эбрамаръ зоветъ насъ,—сказалъ Дагиръ, поспѣшно поднимаясь.

— Я не удерживаю! Только я самъ провожу васъ, такъ какъ вамъ незнакомы всѣ извилины подземнаго лабиринта,— сказалъ Нарайана, пожимая имъ руки.

Они быстро добрались до лодки. Первые лучи восходящаго солнца золотили горизонтъ, когда они входили въ садъ, прилегавшій къ дворцу Эбрамара.

Прошло около двухъ недѣль, не принеся съ собой ничего достойнаго замѣчанія. Они бесѣдовали, читали, гуляли и наслаждались самымъ пріятнымъ покоемъ. Но однажды вечеромъ, послѣ ужина, Эбрамаръ сказалъ, вставая изъ-за стола:

— Дѣти мои! Время приступить къ работѣ. Завтра я устрою Нару на ея новомъ мѣстѣ, а затѣмъ вы оба начнете свои занятія подъ моимъ руководствомъ. Простись со своей подругой Супрамати! На зарѣ вы разстанетесь и будете видѣться очень рѣдко.

Молодой человѣкъ поблѣднѣлъ. Настала минута, которой онъ такъ боялся—минута разлуки съ женщиной, которую онъ лю-

билъ еще земнымъ чувствомъ. Сердце его сжалось отъ страха и горя. Омраченный взглядъ его тоскливо искалъ взгляда Нары. Но въ ясныхъ глазахъ молодой женщины читалась такая чистая и глубокая привязанность, такая свѣтлая энергія, что къ нему тотчасъ же вернулись его мужество и спокойствіе.

Супрамати быстро подошелъ къ Нарѣ, прижалъ ее къ своей груди и крѣпко поцѣловалъ.

— Оставайся моей поддержкой даже вдали отъ меня, если я ослабѣю на тернистомъ пути, такъ какъ я чувствую, что во мнѣ еще слишкомъ живъ земной человѣкъ,—пробормоталъ онъ.

— Мы будемъ видѣться насколькой возможно чаще. Моя же мысль никогда не покинетъ тебя. Чѣмъ больше наши души будутъ освобождаться отъ матеріи, тѣмъ онѣ будутъ ближе и тѣмъ любовь, соединяющая насъ, будетъ неразрушимѣе,—отвѣтила Нара съ добрымъ и теплымъ взглядомъ, возвращая ему поцѣлуй.

Затѣмъ, сдѣлавъ рукой дружескій прощальный знакъ, она вышла изъкомнаты.

На слѣдующій день, еще до разсвѣта, Сандира пришелъ за отцомъ. Онъ принесъ ему длинную бѣлую тунику, обшитую оранжевой лентой, шарфъ такого же цвѣта, который долженъ былъ служить поясомъ, и родъ клафта.

— Это одежда учениковъ высшаго посвященія,—прибавилъ онъ, помогая Супрамати одѣваться.

Затѣмъ Сандира отвелъ Супрамати въ небольшую комнату, гдѣ уже находился Дагиръ, одѣтый въ такой же костюмъ.

Почти тотчасъ же появился и Эбрамаръ и обмѣнялся съ ними дружескимъ привѣтствіемъ. Затѣмъ, онъ повелъ ихъ тою же дорогой, какой они шли, когда направлялись къ Нарайанѣ. Какъ и тогда, они спустились въ ровъ, прошли узкій корридоръ, высѣченный въ скалѣ, и вышли на каналъ, гдѣ ихъ дожидалась лодка, въ которую они вошли. Эбрамаръ сѣлъ на руль.

Скоро они свернули въ боковую галлерею, которая въ свою очередь имѣла многочисленныя развѣтвленія. Послѣ довольно долгаго переѣзда показались ступеньки, преграждавшія каналъ во всю его ширину.

Когда они пристали, то Супрамати увидѣлъ передъ собой монументальный входъ въ подземный храмъ, украшенный гигантскими символическими фигурами. Внутренность представляла изъ себя гротъ или залу, колоссальныхъ размѣровъ, съ колоннами, неправильно расположенными. Стѣны сверху до низу были покрыты скульптурой, чудной работы и необыкновенной оригинальности. Синеватый свѣтъ, очень мягкій, несмотря на свою силу, освѣщалъ громадный гротъ.

— Какая чудная работа! Но какіе гиганты могли выполнить эту работу и сколько вѣковъ употребили они на это?—съ восхищеніемъ пробормоталъ Супрамати.

— Черная расса, на апогеѣ своего умственнаго и промышленнаго блеска, создала этотъ подземный міръ, который заклю-

чаетъ въ себѣ много чудесъ, которыхъ ты еще не видалъ,— тихо отвѣтилъ Эбрамаръ.

Затѣмъ, приказавъ молодымъ людямъ остановиться и не двигаться впередъ, Эбрамаръ направился къ громадной пурпурной завѣсѣ, скрывавшей внутренность храма, и скрылся за ней.

Супрамати съ любопытствомъ сталъ осматриваться кругомъ. Теперь онъ разглядѣлъ, что по обѣ стороны пурпурной завѣсы находились слабо освѣщенныя галлереи, терявшіяся въ сумрачной дали. Далѣе онъ увидѣлъ, что въ углубленіяхъ стѣнъ стояли высокіе треножники съ угольями, на которыхъ юноши жгли благовонія, пріятный и живительный ароматъ наполнялъ гротъ.

Вдругъ его вниманіе было привлечено отдаленнымъ пѣніемъ, которое быстро приближалось. Скоро изъ одной галлереи вышелъ длинный рядъ женщинъ, одѣтыхъ въ бѣлыя одежды и закутанныхъ въ покрывало. Во главѣ ихъ шли Ваирами и Нара и вели между собой Нурвади. Не переставая пѣть, женщины выстроились полукругомъ. Когда, окончивъ гимнъ, онѣ умолкли, послышался мужской хоръ и новый кортежъ вышелъ изъ другой галлереи и образовалъ второй полукругъ.

Воцарилась глубокая и торжественная тишина. Затѣмъ, завѣса пріоткрылась и изъ-за нея вышелъ Эбрамаръ въ сопровожденіи нѣсколькихъ мужчинъ, одѣтыхъ, какъ и онъ, въ бѣлоснѣжныя, сверкающія одежды. Эбрамаръ несъ чашу, похожую на ту, какую Супрамати видѣлъ въ рукахъ старца въ храмѣ Грааля. Изъ чаши поднимался золотистый паръ.

Нара и Ваирами приблизились къ магу и преклонили колѣни. Двое изъ сотоварищей Эбрамара сняли длинное покрывало съ жрицы и покрыли имъ бѣлокурую голову Нары.

— Иди и работай, дочь моя, не только для себя, но и для своихъ сотоварокъ по жизни, такой долгой, что она привела бы къ отчаянію, если ее не наполнять изученіемъ и если бы ее не скрашивала та ясность, которую даетъ знаніе,—сказалъ Эбрамаръ, подавая кубокъ молодой женщинѣ.

Та поднесла чашу къ губамъ, а затѣмъ отдалась горячей молитвѣ. Минуту спустя, изъ всего ея тѣла сталъ выходить бѣловатый свѣтъ, который окружилъ ее, точно ореоломъ.

Тогда Эбрамаръ обратился къ Ваирами:

— Твое желаніе исполняется! Ты можешь отдаться уединенной работѣ и созерцанію до той минуты, когда я призову тебя.

Онъ подалъ и ей кубокъ. Когда Ваирами выпила изъ него, съ нею повторился тотъ же феноменъ, что и съ Нарой, но только гораздо сильнѣй. Бѣлый свѣтъ съ такой силой сконцентрировался надъ лбомъ Ваирами, что казался пламенемъ, освѣщавшимъ лицо молодой женщины, которая, видимо, находилась въ экстатическомъ состояніи. Вдругъ она точно заколебалась, поднялась на воздухъ и скрылась въ густомъ облакѣ, которое окружило ее, поднялось къ своду и исчезло.

Тогда Нара вернулась къ женщинамъ, стала во главѣ ихъ и за-

[illegible] Бурвали, исчезла со своимъ корте-
[illegible]

[illegible] удалились, и скоро въ громадномъ
[illegible] Дагиръ и Супрамати.

— [illegible] —сказалъ голландецъ.—Эбрамара мы уви-
[illegible] завтра онъ, вѣроятно, укажетъ намъ мѣ-
[illegible] для нашей новой работы посвященія.

[illegible] молодые люди разошлись по своимъ ком-
[illegible] были молчаливы, озабочены и, видимо, искали уеди-
[illegible].

Супрамати легъ на диванъ и сжалъ руками голову. Цѣлый [illegible] мыслей и чувствъ бушевалъ въ немъ. Уже давно его [illegible] судьба не давила его такъ тяжело, какъ въ эту ми-
нуту. Онъ чувствовалъ себя невыразимо одинокимъ, покину-
тымъ и несчастнымъ. Разлука съ Нарой причиняла его сердцу почти физическую боль. Гигантская работа, предстоявшая ему, пугала его, а эта безконечная жизнь, отъ которой онъ не могъ отказаться, внушала ему отвращеніе и отчаяніе.

Нѣсколько горячихъ слезъ скатилось по щекамъ молодого человѣка. Въ эту минуту ему показалось, что кто-то ласково провелъ рукой по его лбу, а любимый и хорошо знакомый голосъ прошепталъ ему на ухо:

— Смотри въ будущее вмѣсто того, чтобы думать о прошломъ! Ты не одинъ: мы не разлучены, такъ какъ моя душа видитъ и слышитъ тебя. Работай и мужественно подвигайся впередъ, мой возлюбленный, и скоро тебѣ будетъ дарована такая же радость. Ты будешь видѣть меня и свободно говорить со мной. Грубая матерія не будетъ ужъ больше разлучать насъ.

Голосъ умолкъ, но Супрамати чувствовалъ себя какъ-то странно успокоеннымъ и подкрѣпленнымъ. Со смиреніемъ и покорностью онъ преклонилъ колѣни и въ горячей молитвѣ молилъ Создателя поддержать его и дать силы достойно нести свою странную и таинственную судьбу.

Когда онъ всталъ, къ нему вернулось его самообладаніе. Какъ совѣтовала ему Нара, онъ сталъ думать о будущемъ. Съ прошлымъ было покончено. Свѣтская жизнь его, съ ея горемъ и радостями, исчезала въ далекомъ сумракѣ. Когда онъ снова попадетъ среди людей, протекутъ долгіе годы, а можетъ быть и цѣлые вѣка. Все будетъ инымъ и въ немъ, и вокругъ него. Могъ ли онъ сожалѣть о несчастьяхъ и страданіяхъ эфемерныхъ, преступныхъ существъ, которыя, ослѣпленныя страстями, сами навлекали на себя гнѣвъ Божій?

Нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ! Онъ счастливъ тѣмъ, что передъ нимъ разстилается болѣе обширный горизонтъ и ему открыть [illegible] свѣтлыя области чистаго знанія.

[illegible]такъ, прощай мрачное прошлое, несмотря на твои скоп-
[illegible]щія радости—и впередъ, къ свѣту!—пробормоталъ онъ.

КОНЕЦЪ.

Мейснеръ, А. Ф.

А. Ф. Мейснеръ.

ВЪ ЗАБЫТЫХЪ ДЕБРЯХЪ

Романъ изъ быта сѣверной деревни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія В. В. КОМАРОВА, Невскій, 136.
1902.

I.

«ЛЮБЕЗНАЯ дочь наша, Наталья Прохоровна!»

«Мы, слава Богу, живы и здоровы, чего и вамъ желаемъ. Кланяется вамъ вашъ дѣдушка и нашъ родитель, Евстигней Захаровичъ; еще кланяется вамъ сестрица ваша, Авдотья Прохоровна; еще вамъ кланяется крестная ваша Акулина Ермолаевна, съ родственниками. Кланяются вамъ также всѣ сосѣди наши и сосѣдки. Еще просимъ мы васъ не забывать насъ. Давно вы не жаловали къ намъ, съ самаго съ малолѣтствія; а мы помнимъ васъ, и помнятъ васъ сродственники и все село помнитъ васъ. Еще извѣщаемъ мы васъ, съ благодареніемъ, что деньги сто рублевъ получили около Покрова прошлаго года. И благодаримъ мы васъ, что безъ отвѣтствія прошенія наши не оставляете. И увѣдомляемъ мы васъ что на семъ разѣ утруждать и обезпокойствовать васъ не будемъ. А еще просимъ: явите намъ милость вашу и пріѣзжайте къ намъ погостить. А еще оповѣщаемъ васъ, что на старости нашей оченно желаемъ мы поглядѣть на васъ. И что удобствій не будетъ вамъ въ домѣ нашемъ — сумлѣнія не имѣйте! У насъ чистая половина пристроена и обоями оклеена, и полы выкрашены, и небель куплена. А еще просимъ мы васъ принять родительское благословеніе наше, на вѣки нерушимое. А еще объявляемъ вамъ, что чествованіе имѣемъ пребывать вашими родителями Прохоромъ Захаровымъ и Лукерьею Никитиною Костылевыми».

Это письмо заставило Наталью Прохоровну много хохотать и укрѣпило ея новую прихоть провести лѣто гдѣ нибудь въ глуши, подальше отъ этихъ удушливыхъ береговъ Невы, гдѣ она сіяла звѣздой полусвѣта, смѣняя ночныя оргіи въ загородныхъ садахъ головными болями и нервничаньями въ будуарѣ своей хорошенькой квартиры.

Она и теперь, вспоминая это письмо, готова была вслухъ смѣяться и, кажется, только одно оно и развлекало ея усталыя мысли.

Вотъ ѣдетъ она на тройкѣ земскихъ привычныхъ лошадокъ по давно покинутымъ, когда-то милымъ для нея, мѣстамъ и не

знаетъ сама: радуется ли, встрѣчая бѣдныя, но привольныя картины деревни, или скучаетъ по той обстановкѣ, которую едва лишь успѣла покинуть.

Вотъ выдѣлился вдали бѣлый обликъ церкви; вотъ показалось и самое село, а за нимъ этотъ печальный хвойный лѣсъ...

Вотъ она подъѣзжаетъ... Вовлѣ самой дороги стоятъ крестьянскія гумна, точь въ точь одинаковыя, какъ будто сдѣланныя по какому нибудь уставу... Далѣе—крошечные амбары, также ничѣмъ не отличающіеся одинъ отъ другого, съ маленькими крылечками, крытыми гонтомъ... Показались сѣрыя избы съ крутыми крышами изъ драницъ... Волостное правленіе съ неизмѣннымъ рѣзнымъ орломъ... Земская школа... Мелочная лавочка съ безграмотной вывѣской... Аккуратный домикъ батюшки... Опять сѣрыя избы, съ вывѣшеннымъ подъ остроконечными крышами вяленнымъ мясомъ.

Все это и ново, и старо для Натальи Прохоровны.

Вѣдь она давно-давно не была здѣсь, а все это такъ знакомо ей... И сталъ ей вдругъ скученъ этотъ мірокъ и сердце у нея тоскливо сжалось.

Телѣжка ея остановилась у двухъэтажной большой избы, обшитой тесомъ и украшенной рѣзьбою.

Мохнатая раскормленная дворняшка, выскочивъ изъ подворотни, залилась продолжительнымъ лаемъ.

Здѣсь жилъ мужикъ Прохоръ Захаровъ Костылевъ. У него еще не спали и въ окнахъ свѣтился огонь.

Суетливая хозяйка его, Лукерья Никитишна, съ ночникомъ въ рукахъ, недоумѣвая, кто бы могъ пріѣхать къ нимъ въ будень и въ такой поздній часъ, выбѣжала на крыльцо.

При слабомъ блескѣ ночника, второпяхъ она не узнала гостью, поднимавшуюся по крутой лѣстницѣ, и только когда та проговорила: «здравствуй, мама»!—и довольно холодно поцѣловала ее въ щеку, старуха вскрикнула: «Ахъ, батюшки, отцы родные»!.. и засуетилась, забѣгала во всѣ стороны, не зная что дѣлать ей, чѣмъ угодить дорогой гостьѣ.

— И ничего-то не знали... Хоть бы вѣсточку дала о себѣ: Не такъ бы повстрѣчали, все бы заранѣе заготовили — и ужинокъ, и наливочки съ дороги...Эй, Захарычъ, Дуняшка!—гдяньте-ка пріѣхалъ-то кто!—выкрикивала старуха, вводя свою нарядную дочь въ черную, жилую половину избы.

Хозяинъ, Прохоръ Захарычъ, схватился за бока отъ радости и изумленія. Добродушное, довольно моложавое лицо его, окаймленное негустой русой бородой съ просѣдью, изобразило довольную улыбку.

— Вотъ оно, наше-то, родное-то, жадобное-то!.. Вѣдь пріВспомнила батьку съ маткой!.. Красавица-то какая! Пи-
, какъ есть!—приговаривалъ онъ, съ любовью поглядыдочь.
ты чего стоишь дурой! Вишь уши-то развѣсила! Пошла

самоваръ ставь!—прервала его Лукерья Никитишна, обращаясь къ младшей дочери своей, востроглазой пятнадцатилѣтней дѣвченкѣ, Дуняшкѣ.

— Чего самоваръ! Успѣеть! Поздоровайся съ сестрой-то перво-на-перво, съ Натальей-то Прохоровной! — замѣтилъ Захарычъ.

Дуняшка потупилась и, ломаясь, начала жевать конецъ своего головнаго платка.

— Ну, подходи же!.. Вотъ такъ, смѣлѣе!—поощрялъ ее отецъ.

— Здравствуйте, сестрица!—пропищала Дуняшка, подставляя свои алыя губки для поцѣлуя.

Наталья Прохоровна потрепала ее за подбородокъ и холодно поцѣловала въ щеку.

— Вотъ выросла-то, — говорила она, безучастно глядя на сестру,—и узнать трудно!.. Однако, я не на шутку устала.—И лѣниво опустившись на простой плетеный стулъ, она закурила дорогую душистую папироску.

Дуняшка побѣжала ставить самоваръ, а въ избу вошелъ ямщикъ. Заплативъ за прогоны, Наталья Прохоровна изъ серебрянаго портмоне небрежно бросила ему рубль на чай.

Удивленный мужикъ поклонился ей чуть не до земли.

— Ишь вѣдь богачиха-то какая стала! По рублямъ на водку даетъ,—не утерпѣлъ отецъ.

Жена сурово взглянула на него.

— Э-хе-хе!.. Съ нами крестная сила!.. Охъ тош-не-хонь-ко,— проворчалъ, между тѣмъ, чей-то голосъ съ печки.

— Кто это еще у васъ?—брезгливо спросила Наталья Прохоровна у матери.

Старуха не отвѣтила и злобно посмотрѣла на печку.

— Ишь ты, запамятовала!—началъ за жену Прохоръ Захарычъ.—Это твой дѣдушка, а мой батька — Захаръ Евстигнеевичъ. Помнишь малехонькая-то еще когда была, босичкомъ еще бѣгала,—все гостинцевъ тебѣ привозилъ изъ городу... Ужъ и любилъ старикъ внученьку-то свою...

— А-а! — равнодушно протянула Наталья Прохоровна.

— Охъ-охъ-о-юшки, — застоналъ опять старикъ, — не по Божьему дѣвка живетъ,—вижу! Въ Питеръ, да въ Питеръ, а что Питеръ-то? Баловство!.. А какой работягой росла! Махонькая, а бывало минуты безъ дѣла не просидитъ... Гусей, бывало, къ пруду загонитъ... въ страдную пору связки для сноповъ вяжетъ... подъ осень сама рыжиковъ насбираетъ... Потомъ за телятами... Помощницей росла, а теперь... Эхъ!

— Молчи ты, песъ старый! Знай лежитъ на печи да ругается! Помиралъ бы скорѣе!.. Самого, видно, Богъ не любитъ: смерти не шлетъ,—огрызалась невѣстка.

— Не тебѣ бы попрекать-то, потаскуха старая! На твоей душѣ грѣхъ: себя не соблюла—дѣвку бы должна соблюсти! Слава Богу, хоть Дуняшка-то обереглась... Я оберегъ!

— Мама, у меня голова болитъ,—простонала Наталья Прохоровна.

— Сейчасъ, сейчасъ, золото!—засуетилась старуха.—Пойду въ чистую половину. Хоть и лѣто, а подтопить надо; лампу зажгу да подмету за одно... Сейчасъ самоваръ подоспѣетъ... Яишенку приготовлю...

Наталья Прохоровна невольно поморщилась, сопоставляя «яишенку» съ самыми изысканными ужинами и закусками, которыми чуть не ежедневно насыщалась она въ отдѣльныхъ кабинетахъ Донона и Палкина.

— Ну что, внучка! Хоть бы поздоровалась со старикомъ... Аль ужъ и на это брезглива стала?—раздался опять, по уходѣ Никитишны, голосъ съ печки.

— А и въ заправду, Натальюшка, уважь дѣдку,—посовѣтовалъ Захарычъ.

— Ну, здравствуй, здравствуй, дѣдушка! — нехотя подойдя къ печи, заговорила Наталья Прохоровна.—Ну что: здоровъ ли ты? Я тебя чуть-чуть помню.

— И на томъ спасибо!—съ усмѣшкой возразилъ старикъ.— А здоровье мое какое: сегодня, какъ бысь, ничего; даже по двору пройду, пригляну за скотиной; а завтра, глядишь, и ноги растянулъ. Пуще всего поясница... Вотъ и теперь встать не могу, поглядѣть на тебя какъ слѣдуетъ.

Старикъ говорилъ тихо, съ сильной одышкой, и при послѣднихъ словахъ кротко посмотрѣлъ на внучку.

Натальѣ Прохоровнѣ вдругъ стало жаль его.

— Ничего, ничего, дѣдушка,—ободряла она,—поправишься!.. А не нужно ли тебѣ немного денегъ?

— Охъ, куда мнѣ, старику, деньги! Славу Богу, безъ хлѣба не сижу, а Богу свѣчку поставить найдется грошъ; тоже и на гробъ припасено...

Скоро, вслѣдъ за появившеюся хозяйкой, Наталья Прохоровна и ея отецъ отправились въ чистую половину къ чаю.

Эта половина избы была дѣйствительно чище. Около оклеенныхъ обоями стѣнъ стояло нѣсколько вѣнскихъ стульевъ и набитый стружками диванъ. Совсѣмъ рядомъ съ печкой, задернутая ситцевой занавѣской, стояла огромная кровать, навьюченная старозавѣтной периной и высокой пирамидой подушекъ.

Въ восточномъ углу было развѣшено много въ ризахъ и безъ ризъ большихъ и малыхъ иконъ. Тутъ же красовались лубочныя изображенія Преподобнаго Сергія, кормящаго медвѣдя, священной горы Аѳона, покрытой сплошь церквями и низвергающей со своихъ высотъ вертикальную ярко-синюю ленту воды; видъ Почаевской лавры, портретъ Іоанна Кронштадтскаго; далѣе—картины изъ ветхаго завѣта, древо познанія добра и зла, между вѣтвей котораго гнѣздились лица праведниковъ и грѣшниковъ. На другой стѣнѣ картины свѣтскаго содержанія: красавица, кокетливо держащая голубя, вырѣзанные изъ «Нивы»

генералы и гдѣ-то найденныя, кѣмъ-то подаренныя, фотографическія карточки никому неизвѣстныхъ лицъ.

Въ селѣ Ожерельѣ, родинѣ Натальи Прохоровны, быстро разнеслась вѣсть о пріѣздѣ «Прошкиной дочки», и когда она, со своими родителями, вошла въ чистую половину, тамъ уже собралась толпа дѣвушекъ, чтобы поздравить «барышню» съ пріѣздомъ и поглазѣть на нее.

— Вотъ это наши дѣвушки пришли проздравить васъ, Наталья Прохоровна, съ благополучнымъ прибытіемъ. Какъ есть всѣ на лицо!—говорила старуха, нарочно обращаясь къ дочери на «вы»,

— Ну, дѣвки, что увальнями стоите! Кланяйтесь! Проздравляйте барышню!

Дѣвки захихикали, толкая другъ дружку и закрываясь передниками.

— Выходи, выходи, Парашка! — шопотомъ подгоняла одна другую.

— Нѣтъ, напередъ ты, Стешка,—отнѣкивалась дѣвушка.

Наталья Прохоровна, сквозь золотой лорнетъ, съ покровительственной улыбкой, смотрѣла на нихъ.

— Какъ ихъ много!—про себя говорила она.—И какія все нарядныя, цвѣтущія!..

Дѣвки опять захихикали, но однако поздравили пріѣзжую и низко поклонились.

Наталья Прохоровна бросила имъ пятирублевую бумажку.

— Ну, чего рты разинули!? Благодарите барышню! — командовала Лукерья Никитишна удивленнымъ дѣвушкамъ.

— Вотъ она, наша-то! Ишь вѣдь какъ! Фортификацію какую задаетъ!—весело проговорилъ Прохоръ, любившій вставлять въ разговоръ мудреныя слова.

Дѣвушки поклонились еще ниже и, такъ же прячась въ передники, вышли изъ дома.

Въ простѣнкѣ висѣло зеркало, и Наталья Прохоровна, ходя по комнатѣ и поправляя головной уборъ, изрѣдка останавливалась передъ нимъ.

Вся ея стройная фигура дышала граціей и природнымъ здоровьемъ; движенія были небрежны и самоувѣренны; красивое, умное и немного дерзкое лицо выражало власть, энергію и легкое лукавство.

На ней былъ, сшитый съ большимъ вкусомъ, дорожный костюмъ. Нѣжный запахъ англійскихъ духовъ пріятно разливался по комнатѣ.

Чашка горячаго чаю уже давно дожидала ее. Наконецъ, по привычкѣ, приведя въ порядокъ свою прическу, она заняла назначенное ей мѣсто.

Словоохотливые старики размѣстились немного поодаль, от-

хлебывая изъ блюдечекъ, прикусывая сахаръ и кряхтя отъ удовольствія при каждомъ глоткѣ.

Наталья Прохоровна, коснувшись губами къ чаю, незамѣтно поморщилась, однако принудила себя и начала пить.

— Ну, какъ ты поживаешь, Наташенька? Ужъ прости меня, старуху, что, по простотѣ, такъ называю тебя! Вѣдь все, думается, своя!..

— Ахъ, конечно же!.. Ты спрашиваешь, мама, какъ я живу? Живу я не бѣдно и не скучно... Петербургъ чудный городъ,— вздохнувъ, договорила она.

— Ну вотъ, спасибо, что насъ-то, стариковъ, не забыла; а то при веселомъ-то да богатомъ житьѣ до насъ-ли?.. Другая-бы.. да ужъ про другихъ-то что и говорить!..

— Вѣдь вотъ,—зафилософствовалъ Прохоръ Захаровичъ,— кто гадалъ-думалъ? Отдали тебя тогда, махонькой, къ барынѣ... Больно ты приглянулась ей... Ну, думаемъ, будетъ не худое житье, не худая, значитъ, дисциплинарность, а того, что вышло-то—и во снѣ не видывали. Ну, вѣстимо, благодарить Господа надо... Все Его Божья воля. Диву дивились, когда тебя въ эту самую имназію она попристроила... а тутъ и сроку ученья не кончила,—еще лучше благодать выпала... Вотъ оно, наше-то!..

Весь этотъ разговоръ очень не нравился Натальѣ Прохоровнѣ и она упорно отмалчивалась, а мать ея все время дѣлала, украдкой, довольно грозные знаки своему старику, чтобы тотъ унялся. Его фамильярный тонъ не на шутку возмущалъ ея чувство преклоненія передъ дочерью,—чувство, усиливавшееся неуклоннымъ сознаніемъ, что благосостояніе ея дома всецѣло въ рукахъ дочери.

Послѣ чая Прохоръ Захарычъ набожно перекрестился, отеръ потъ съ лица, пригладилъ намасленные волосы и сказавъ: «Прощенья просимъ»!—удалился въ черную половину.

Никитишна, видимо обнаруживая желаніе еще покалякать, усѣлась въ уголку; но на явный намекъ дочери, что уже поздно и пора спать,—поднялась съ мѣста и хотѣла, было, принести чистыя простыни и наволочки, предупредивъ, однако, что онѣ изъ толстаго и грубаго холста.

Наталья Прохоровна поблагодарила и просила не безпокоиться. У нее есть свое бѣлье, къ которому она привыкла.

Такъ позволь хоть кроватку-то постелю, — настаивала старуха.

— Ахъ нѣтъ, мама, ты не знаешь какъ нужно! Я ужъ сама,— уже раздражаясь, перебила дочь.

Ну, какъ знаешь, золото!.. Я вѣдь по простотѣ... Убрать хочу самоварчо-то.

И чтобъ не безпокоить дочь лишней ходьбой, Никитишна [illegible] вынести и самоваръ, и всѣ принадлежности къ чаю [illegible] разъ.

При уходѣ ея, Наталья Прохоровна попросила только побольше воды для умыванія.

Вода въ простомъ глиняномъ, но чистомъ умывальникѣ, вмѣстѣ съ тазомъ, появилась очень скоро. Появилось и два ведра: одно съ чистой колодезной водой, а другое для выливанія.

Не задерживая старуху, Наталья Прохоровна раскрыла свою дорожную шкатулочку съ самыми усовершенствованными принадлежностями туалета, и, раздѣвшись до нага, начала продолжительный процессъ омовенія.

Обливаясь и брызгаясь, она находила время любоваться своими формами, про которыя можно сказать смѣло, что если бы ихъ подсмотрѣлъ авторъ стариннаго романса, сожалѣвшій — почему онъ не бревно, по которому прошла томная дѣва, онъ бы еще грустнѣе воздохнулъ при сознаніи, что ему не суждено преобразиться въ воду.

Вдругъ она съ ужасомъ отскочила. На полу, недалеко отъ нея, семеня лапками, проползалъ жирный черный тараканъ.

Наталья Прохоровна вскрикнула и сама испугалась своего голоса.

Никитишна, съ просонья, какъ была, въ одной рубашкѣ прибѣжала въ комнату.

— Что это съ тобой, солнышко мое? Здорова-ли ты?.. Не привидѣлось-ли что?—взволнованно освѣдомлялась она.

— Какое тамъ привидѣлось!.. Ахъ какой ужасъ! У васъ— тараканы!

— Это къ добру, ненаглядная моя... Кабы прусаки—другое дѣло; а эти прямо къ добру... Вотъ Павлушшиха, ономнясь, нарочно ихъ разводила.

— Убей, убей его!.. Найди! — ничего не слушая и махая руками, кричала дочь.

— Ну ладно, ладно! Не пужайся! Всѣ углы высмотрю, повсюду обшарю...—утѣшала Лукерья Никитишна, и скоро дѣйствительно нашла таракана и живымъ понесла его къ себѣ, увѣривъ, что больше ихъ въ этой половинѣ нѣтъ.

Кончивъ мыться, Наталья Прохоровна убрала кровать тончайшимъ полотнянымъ бѣльемъ.

Ей было немного грустно ложиться одной, но скоро она уснула тѣмъ глубокимъ и ровнымъ сномъ, которому отдаемся мы всѣ послѣ утомительныхъ и долгихъ путешествій.

II.

Вечеромъ слѣдующаго дня въ мирномъ домѣ Прохора Захарыча произошла довольно бурная и неожиданная сцена, главной виновницей которой была Наталья Прохоровна.

Проснувшись очень поздно и лѣнясь встать, она, потягиваясь и зѣвая, начала оглядывать стѣны и обстановку.

Убранство восточнаго угла комнаты, съ его большими суздальскими иконами, очень не понравилось Натальѣ Прохоровнѣ. Она вспомнила, что взяла съ собою маленькій образокъ Спасителя. Ей захотѣлось перемѣнить декорацію восточнаго угла и, вмѣсто размалеванныхъ иконъ съ фольговыми ризами, повѣсить свой образокъ, писанный умѣлою кистью и подаренный ей однимъ изъ ея поклонниковъ, состоятельнымъ и юнымъ идеалистомъ.

Она рѣшила, что лубочныя картины и фотографіи должны быть также сняты и стѣны остаться пустыми. Она не замедлила передать объ этомъ, явившейся съ утреннимъ самоваромъ, матери.

— А я,—начала старуха,—ужъ который разъ прихожу. Что ни загляну—все вижу: спитъ моя касаточка! Ну и пожалѣла будить... А тутъ, слышу, покашливаетъ да съ боку на бокъ повертывается. Ну, думаю, проснулась! Пора и самоварчикъ ставить... Дуняшкѣ велѣла гречневыхъ олашечекъ испечь на маслицѣ. Хоть мужицкое яство, а слыхала, что многіе и изъ господъ любятъ.

— Спасибо, съ удовольствіемъ попробую... Вотъ, мама, надо бы отсюда образа убрать. Мнѣ они не нравятся. У меня есть свой.

— Образа?!—таращa глаза, возопила старуха.—Что ты, родная, опомнись! Съ Богомъ нельзя шутить.

— Я и не шучу, мама; я говорю серьезно.

— Нѣтъ, дитятко, шутишь! Этакъ въ серьезъ не говорятъ... Все для тебя сдѣлаю: въ огонь и въ воду пойду, помру за тебя на мѣстѣ, а ужъ грѣхъ на душу брать боюсь; за тебя же боюсь, ласточка! По твоему приказанію сдѣлаю—тебѣ же и отвѣтъ держать передъ Богомъ.

Наталья Прохоровна, привыкшая видѣть вокругъ повиновеніе и исполненіе каждой ея прихоти, съ упрямствомъ избалованнаго ребенка сдвинула брови и нервно проговорила:

— Я прошу сдѣлать это немедленно. Я многое для васъ дѣлала; для себя прошу очень немногаго. Пойми, что это мозолитъ глаза. Я не привыкла... Уберите это скорѣе!

Ея возбужденный голосъ, выраженіе ея лица, смыслъ ея словъ—сразу пришибли старуху.

— Что и говорить, золото!.. Вѣчно должны за тебя Бога молить... Ну, ужъ ежели такъ не приглянулись тебѣ иконы-то наши—позволь, голубица моя, завѣсить ихъ. А гдѣ нибудь въ сторонкѣ, али повыше и повѣсишь свою иконку.

— Я прошу снять образа!—еще тверже и настойчивѣе повторила дочь.

— Рада бы всѣмъ услужить тебѣ, да старика боюсь... дѣдку-то... Ты не знаешь, какой онъ у насъ! Вверхъ дномъ всю избу подниметъ; по всему селу обремизитъ...

— Я прошу снять образа!

— Матушка, родненькая моя,—пожалѣй!—чуть не со слезами, взмолилась Никитишна.

— Снять, снять! Сію секунду... Слышишь!.. А то я уѣду...

И Наталья Прохоровна футляромъ отъ золотыхъ часиковъ нетерпѣливо ударила по табурету, стоявшему у ея изголовья.

— Ну, хорошо, хорошо... Не серчай только, ласточка моя! Все сдѣлаю, все... А отъ дѣдки укроемъ... Благо лежитъ всю недѣлю; встать съ мѣста не можетъ... И Дуняшкѣ накажу, чтобъ не кудахтала.

Если-бъ не «дѣдка», никогда не заглядывавшій сюда, Никитишна перенесла бы иконы въ ихъ жилую половину, гдѣ и развѣсила бы ихъ. Теперь же она рѣшила, попросту, спрятать ихъ въ огромный сундукъ, наполненный тряпьемъ и стоявшій на чердакѣ.

Не откладывая, она приступила къ работѣ, а Наталья Прохоровна, совсѣмъ успокоенная, уже ласково улыбалась ей.

Потомъ были сняты со стѣнъ картины и фотографіи.

Шустрая Дуняшка, всюду поспѣвавшая, ко всему прислушивавшаяся и каждую интересную новость доводившая до всеобщаго свѣдѣнія, никѣмъ не замѣченная, присмотрѣла, какъ мать выноситъ образа на чердакъ и услышала кое-что изъ разговора ея со старшею сестрой.

Запечатлѣвъ каждое услышанное слово въ своей бойкой памяти, Дуняшка, до поры, до времени, рѣшила молчать—и только подъ вечеръ, воспользовавшись минутой, когда въ черной половинѣ никого изъ домочадцевъ не было, кромѣ больного дѣдушки, съ замирающимъ отъ радостнаго волненія сердцемъ, она побѣжала къ Захару Евстигнеичу.

— Дѣдушка, а дѣдушка?—полушопотомъ обратилась она къ дремавшему старику.

— Ну чего еще тамъ?—проворчалъ онъ.

— Дѣдушка,—мамка, ономнясь утромъ, образа на чердакъ выносила.

— Какіе образа? Откуда? Говори толкомъ!

— Да съ Наташкиной-то половины! Своими глазами видѣла! Онѣ-то не примѣчали меня, а я съ крыльца — дверь-то была открыта—все присмотрѣла. Да слышала, какъ и разговаривали промежду собой. Наташка-то и говоритъ: «Выноси образа! —да и только... Чтобъ духу ихъ не было»! Мамка-то сначала и такъ, и этакъ... Урезонивать начала: «такъ-и-такъ, говоритъ: дѣло неподходящее»... А Наташка и слухать не хочетъ. Знай свое: «Уноси да уноси»!.. Ну, мамка и говоритъ: «Ладно, говоритъ, понесу... Только отъ дѣдки утаить надо. Онъ — злющій»! И лѣшимъ тебя назвала, дѣдушка!

— Вотъ оно, Питеръ-то!.. Преисподняя-то земли!.. — поблѣднѣвъ, пробурчалъ старикъ.

Взоръ его вспыхнулъ гнѣвнымъ огнемъ, глубокія морщины сдвинулись на лбу.

— Дѣдушка, упредить надо бы!.. Этакъ нельзя... Этакъ все село засмѣетъ,—болтала Дуняшка.

— Ну, ладно! Уходи ты, стрекоза! Рада ужъ!..

Силы, какъ-будто, вернулись къ Евстигнеичу. Онъ слѣзъ съ печки, взялъ свою толстую вересовую клюку и, какъ былъ, въ старомъ изношенномъ балахонѣ, опираясь на палку, побрелъ въ чистую половину, гдѣ Никитишна заваривала вечерній чай, а Наталья Прохоровна разбирала свои вещи.

Грозный видъ старика, стучавшаго клюкой, съ его сверкавшими глазами, сильно испугалъ хозяйку и удивилъ ея дочь.

Лукерья Никитишна измѣнилась въ лицѣ и виновато опустила глаза. Въ первый разъ за всю ихъ совмѣстную жизнь она почувствовала страхъ передъ своимъ полуживымъ свекромъ и прониклась уваженіемъ къ нему.

Старикъ блестящимъ и быстрымъ взоромъ окинулъ голыя стѣны избы.

— Это что-жъ вы? Съ Богомъ играть! Съ Богомъ!.. Выбрасывать святыни!..—гнѣвно вскричалъ онъ.

— Родной, я убрала ихъ въ сундучекъ... Холстецомъ обмотала... Во всемъ аккуратѣ...—дрожа отъ страха, оправдывалась невѣстка.

— Молчи, крамольница!—возопилъ старикъ.—Семь лѣтъ висѣли иконы... Молебны служили передъ ними... домъ освящали... Заповѣдныя иконы! Отъ покойнаго отца въ благословеніе Иверскую получилъ... А Никола Угодникъ!.. Отъ дѣда еще завѣщанъ... Свиньи вы, убивцы!.. Душу свою убили... Домъ свой обезчестили... Вотъ вы гдѣ у меня! Здѣсь! (Онъ показалъ на горло).

Лукерья еще ниже потупилась. Суевѣрный страхъ начиналъ прокрадываться въ нее. Изрѣдка она взглядывала на дочь.

А Наталья Прохоровна продолжала развязывать чемоданчики и корзиночки и вынимать оттуда бѣлье, платья, бездѣлушки, безъ которыхъ она не могла обойтись.

— Дѣдушка,—наконецъ заговорила она,—вѣдь здѣсь виситъ другой образокъ,—ты самъ видишь. Онъ мнѣ болѣе нравится—ну, я и повѣсила его. Что-жъ тутъ горячиться!

— Безпутница ты—вотъ что!

Старикъ хотѣлъ еще что-то сказать внучкѣ, но махнулъ рукой и глубоко вздохнулъ.

— Дѣдушка, я прошу тебя выйти отсюда! Я прощаю тебѣ, потому что ты... потому что на тебя нельзя обижаться; только прошу тебя выйти, или я сейчасъ же уѣду, — холодно и строго проговорила Наталья Прохоровна.

— Что-жъ, уѣзжай, коли хочешь,—уже спокойнѣе говорилъ онъ.—А меня ты не выгонишь отсюда. Я отъ тебя ни-ни вотъ, ни единой копеечкой не попользовался... И отъ нихъ не пользуюсь. Хлѣбъ ихъ ѣмъ не даромъ: скоплено малость, и за каждый кусокъ уплачиваю. А Прошка и безъ того долженъ бы

кормить батьку, потому и я его въ малолѣтствѣ кормилъ. Такъ ужъ по обычаю ведется. Ужъ не меня тебѣ выгонять, сударыня, а... кабы не маткой была, — вотъ кого бы выгнать тебѣ! (онъ указалъ на Никитишну).—Это ея рукъ дѣло, порча-то твоя...

Старикъ закашлялся и ушелъ въ свой уголъ.

Находчивая Лукерья Никитишна создала маленькій планъ примиренія со свекромъ.

Она рѣшила сходить къ церковному старостѣ, Василію Николаевичу Духотворскому.

Церковный староста пользовался любовью и уваженіемъ всего села. Онъ зналъ хорошо крестьянскую жизнь и ея нужды, умѣлъ входить въ душу мужика, вызывалъ въ немъ довѣріе, подолгу бесѣдовалъ съ нимъ, говоря его языкомъ. И не столько любовь къ мужику, сколько именно эта роль его въ селѣ увлекала Василія Николаевича.

Происходя изъ духовнаго званія, Духотворскій когда-то намѣревался посвятить себя алтарю. Онъ не стригъ своихъ густыхъ, красивыхъ волосъ, хорошо пѣлъ и, обладая пріятнымъ баскомъ, могъ бы быть порядочнымъ дьякономъ. Но выйдя со второго курса семинаріи, онъ пошелъ по другой дорогѣ: служилъ сначала въ банкѣ, а потомъ, женясь на дочери довольно богатаго священника, пріобрѣлъ землю и небольшую усадьбу въ полуверстѣ отъ села Ожерелья. Здѣсь онъ открылъ хлѣбную торговлю и былъ избранъ церковнымъ старостой.

Ему уже сорокъ два года. Жена его, Олимпіада Сергѣевна, моложе лѣтъ на восемь. Она вѣчно хвораетъ, читаетъ переводные романы мало извѣстныхъ французскихъ авторовъ и, вѣчно подозрѣвая мужа въ измѣнѣ, озабочена выборомъ самыхъ некрасивыхъ прислугъ. За неимѣніемъ дѣтей, она учитъ ихъ грамотѣ и, по вечерамъ, играетъ съ ними въ дурачки. Было время, когда она пописывала сентиментальные стишки и даже тайкомъ посылала ихъ въ редакціи, но никогда не встрѣчая своего имени въ печати, вздыхала о грубыхъ вкусахъ вѣка и, наконецъ, прекратила бесѣды съ Музами.

Объяснивъ Духотворскому цѣль своего прихода къ нему и разсказавъ подробно исторію съ иконами, Лукерья слезно просила Василія Николаевича прійти къ нимъ на домъ и «урезонить» Захара Евстигнеевича, съ мнѣніемъ котораго она, впрочемъ, была вполнѣ согласна и понимала его гнѣвъ.

Она ждала отказа и была почти увѣрена, что церковный староста приметъ сторону ея свекра, но старуха была сильно порадована и успокоена, когда Духотворскій весело расхохотался, выслушавъ это домашнее недоразумѣніе.

— Чего-жъ онъ упрямится? — продолжая смѣяться, недоумѣвалъ староста.—Не все-ли равно — какой образъ виситъ въ комнатѣ? Чудаки, право!..

И одѣвъ по случаю пріѣзда дочери Лукерьи Никитишны, о богатствѣ и красотѣ которой уже разнеслись слухи въ окрестности, свою новую сюртучную пару, Василій Николаевичъ охотно пошелъ со старухой.

Они прошли прямо въ чистую половину, гдѣ была только Наталья Прохоровна, ничего не знавшая и не ожидавшая посторонняго человѣка; но въ комнатѣ ея былъ полный порядокъ, а сама она была одѣта въ очень изящный, песочнаго цвѣта, лѣтній костюмъ. Ея роскошные, немного взбитые, свѣтло-русые волосы были причесаны очень къ лицу.

Въ первыя минуты, передъ лицомъ красивой двадцатисемилѣтней женщины, Василій Николаевичъ ощутилъ легкое смущеніе, но скоро оправился и съ разстановкой проговорилъ:

— Имѣю честь рекомендоваться: староста ожерельской Преображенской церкви Василій Духотворскій.

Наталья Прохоровна любезно улыбнулась ему, протянула руку и предложила сѣсть.

Переждавъ минутку, Духотворскій заговорилъ о невѣжествѣ и суевѣріи народа, о неправильномъ пониманіи религіи. Онъ перешелъ къ иконамъ: изложилъ всю исторію ихъ отъ первыхъ вѣковъ христіанства, чему его учили въ семинаріи; перешелъ потомъ къ иконной живописи, коснулся всѣхъ школъ ея и эпохъ.

Говорилъ онъ своимъ размѣреннымъ баскомъ, легко, плавно.

Наталья Прохоровна слушала съ разсѣянной улыбкой, а Никитишна, въ тактъ его голосу, сочувственно кивала ему головой, хотя все это было для нея совсѣмъ темно.

Послали за старикомъ.

Евстигнеичъ низко поклонился гостю и занялъ мѣсто рядомъ съ нимъ.

— Здравствуй, здравствуй, Захаръ Евстигнеичъ! Какъ живешь-можешь?—весело обратился къ дѣду староста.

— Твоими молитвами, Василій Миколаичъ! (Старикъ неизмѣнно всѣмъ говорилъ «ты»).—Только вотъ все неможется. Болѣть—ничего не болитъ, а такъ... неможется... Кажись, и нутро здорово... и подъ поясницей не колетъ... и ноги не пухнутъ... Бываетъ у людей водяная... А тутъ какъ есть ничего... А ходить не могу: сейчасъ шатать начнетъ... Въ головѣ, словно, трезвонъ... Слабость! Старъ сталъ... Скоро и на покой пора,— къ Богу...

— Плохо, братъ, плохо!.. Ну, что дѣлать,—потерпи! Можетъ, Богъ и здоровья пошлетъ... Жизнь ты, говорятъ, велъ трезвую, а кто виномъ не лакомился—можетъ прожить и очень долго. Бывали случаи, что за сто лѣтъ перекатывало... Такъ-то, дѣдушка!

— Да ужъ мнѣ, Василій Миколаичъ, почитай, годовъ полтораста сполнилось.

— Что ты, старина!.. Шутишь!—посмѣиваясь и похлопывая Евстигнеича по плечу, говорилъ староста.

Евстигнеичъ, какъ почти всякій мужикъ въ его возрастѣ, былъ глубоко увѣренъ, что ему больше ста лѣтъ, и никто никакими логическими доводами не могъ разубѣдить его въ этомъ. Онъ обижался даже въ такихъ случаяхъ.

— Аль ты, Василій Миколаичъ, о моихъ годахъ лучше меня знаешь?!—иронически замѣтилъ онъ.

— Ну, полно, старинушка, не серчай!—успокоивалъ его Духотворскій. — Лучше потолкуемъ-ка о другомъ. Слышалъ я, что ты тутъ бунтуешься малость.

Духотворскому предстояло сейчасъ войти въ любимую имъ роль наставника и совѣтника.

Онъ закурилъ папиросу и самодовольно взглянулъ на Наталью Прохоровну.

— Это объ иконахъ-то?—спросилъ Евстигнеичъ.

— Вотъ, вотъ! Слухомъ земля полнится, — и до меня слухъ дошелъ. Вотъ что я тебѣ скажу, старина: ежели бы этакъ спросили у тебя: какой пирогъ больше тебѣ по вкусу—съ капустой или съ рыбой? Положимъ, ты бы сказалъ съ рыбой, а Иванъ или Петръ сказалъ бы, что для него смачнѣе съ капустой. Ну подумай теперь: осерчалъ бы ты на Ивана или Петра?

— Чего тутъ серчать! Вѣстимо, каждый свой скусъ соблюдаетъ.

— То-то же! Возьмемъ другой случай: пришелъ ты, примѣрно, въ иконную лавку. Пришли туда и Иванъ или Петръ. Ты выбралъ одного угодника, а Иванъ или Петръ другого; ты большую икону и съ ризой; Иванъ или Петръ маленькую, безъ ризы. Есть тутъ за что осудить Ивана или Петра?

— Вѣстимо нѣтъ. Кому что потребно, тотъ того и спрашиваетъ.

— Теперь еще отвѣть мнѣ: въ какой иконѣ святости больше — которая покрупнѣе или которая поменьше?

— Что и говорить! Святость одна.

— Такъ-то, дѣдушка! Теперь и смекни разумомъ: обидѣла ли тебя внучка твоя, Наталья Прохоровна, или ты самъ, дѣдушка, того... привередничать началъ?..

— Вотъ оно... Вотъ умныя-то рѣчи! Охъ, ужъ этотъ Василій Миколаичъ! Уморитъ! Вишь ты: словно сказку какую разсказалъ. И складно, и ладно. Никакихъ тутъ вашихъ инструкцій не надо... Вотъ оно! — добродушно посмѣиваясь, говорилъ Прохоръ Захаровичъ, между тѣмъ какъ Никитишна уже вытирала слезы.

— А что иконы въ сундукъ спрятаны, да еще обвязаны въ холстъ,—заключилъ торжествующій ораторъ, — это ни мало не оскорбляетъ ихъ святыни. Иконы могутъ храниться всюду: и въ сундукахъ, и въ комодахъ, ибо жилище человѣка, со всею его утварью, не есть скверна... Ну, такъ какъ же, старина?

И Василій Николаевичъ опять дружелюбно похлопалъ Евстигнеича.

— Что-жъ,—пусть по твоему!.. Ладно!..—нехотя пробурчалъ тотъ и, отказавшись съ гостемъ выпить чаю, побрелъ въ свой уголъ.

— Спасибо вамъ, Василій Миколаичъ, урезонили!.. Сейчасъ чай поспѣетъ, а пока бы водочки? — кланяясь, предлагала Лукерья Никитишна.

Духотворскій слишкомъ не былъ поклонникомъ Бахуса, но теперь, не желая обидѣть хозяйку и столь благодушно настроенный, онъ охотно согласился.

Попивая крошечными глотками рябиновку и закусывая, Василій Николаевичъ, веселый и довольный, бесѣдовалъ съ Натальей Прохоровной, обращаясь изрѣдка и къ ея родителямъ, которымъ онъ изъ уваженія къ ней говорилъ «вы.»

Наталья Прохоровна привѣтливо улыбнулась ему.

Она чувствовала себя хорошо. Когда Духотворскій выставлялъ передъ ея дѣдомъ сравненія и примѣры, она едва удерживалась отъ смѣха. Человѣкъ этотъ начиналъ занимать ее. Онъ слишкомъ былъ для нея новъ и слишкомъ не походилъ на тѣхъ людей, которые ее постоянно окружали въ Петербургѣ. Кромѣ того, ея самолюбіе было польщено, что даже и этому, выросшему въ совсѣмъ другомъ кругу человѣку — видимо нравилось каждое ея движеніе, каждый взглядъ, каждое слово.

И вдругъ она начала что-то обдумывать.

Чувство тщеславія, всегда присущее ей, неожиданно шевельнулось въ ней и теперь. Въ столицѣ она тщеславилась рысаками, нарядами, обстановкой; но теперь, отдыхая въ деревнѣ, она захотѣла другаго,—она захотѣла, чтобы ее хвалили.

Подумавъ, она вдругъ обратилась къ Духотворскому:

— Я могу сдѣлать небольшое пожертвованіе въ доходъ здѣшней церкви... Я говорю небольшое, но это только пока... Церковь вашу я не оставлю... На первый разъ я жертвую двѣсти рублей... Передайте вашему настоятелю и какъ нибудь зайдите съ нимъ!

Духотворскій былъ пораженъ. Онъ вспомнилъ генеральшу Завалишину, которая, проживъ десятки лѣтъ въ мѣстности, — дай Богъ, если пожертвовала за все время на церковь рублей сто. А эта молодая, обаятельная женщина, крутившаяся въ вихрѣ дикаго веселья, едва лишь увидѣвъ эту далекую глушь,— столько жертвуетъ на храмъ. Онъ даже переставалъ вѣрить тѣмъ слухамъ, которые ходили о ней.

Съ умиленіемъ и благодарностью онъ поцѣловалъ ея руку и обѣщалъ на этихъ же дняхъ придти со священникомъ.

Прощаясь съ Духотворскимъ, она кокетливо сказала ему:

— Въ обращеніи съ народомъ вы прямо геній, Василій Николаевичъ!

Эта маленькая любезность окончательно подкупила его въ пользу Натальи Прохоровны и укрѣпила вѣру въ свое вліяніе на мѣстныхъ крестьянъ и въ свой ораторскій талантъ.

III.

Пухотворскій рѣшилъ завернуть къ настоятелю церкви, отцу Матвѣю, чтобъ подѣлиться съ нимъ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое вынесъ онъ изъ дома Захара Евстигнеева и передать пріятную новость объ обѣщанномъ пожертвованіи.

Домикъ священника Матвѣя Илларіоновича Борисоглѣбцева, обшитый тесомъ, съ крытымъ крыльцомъ и вьющимся около него хмелемъ, отстоялъ очень недалеко отъ усадьбы церковнаго старосты.

При домѣ былъ огородъ и садикъ, разведенные рукою самого отца Матвѣя, прекраснаго садовода, славившагося во всѣхъ окрестныхъ волостяхъ.

Въ лѣтнее время, входную дверь домика замѣняла дверь балкона.

Нужно было идти черезъ садъ, и густой ароматъ всевозможныхъ цвѣтовъ, причудливо разсаженныхъ въ разбитыхъ передъ окнами клумбахъ, ласково обдавалъ посѣтителя.

Въ комнатахъ также всюду были цвѣты: и въ простыхъ глиняныхъ кувшинчикахъ, разставленныхъ на подоконникахъ, и въ стаканахъ, и въ фарфоровыхъ вазочкахъ, красовавшихся на столахъ и этажеркахъ. Были цвѣты и въ хорошенькихъ головкахъ двухъ дочерей его: Евгеніи Матвѣевны и Раисы Матвѣевны. Лепестки цвѣтовъ выглядывали и изъ петличекъ сельскаго учителя, Онуфрія Игнатьевича Дремалова, — жениха младшей дочери священника, Раисы Матвѣевны.

И все въ домѣ было молодо. Старость еще не подкралась сюда. Даже лицо хозяина, несмотря на преклонный возрастъ его, сохранило свѣжесть и здоровье.

Василій Николаевичъ подоспѣлъ прямо къ ужину.

Кромѣ членовъ семьи, на этотъ разъ былъ и женихъ учитель.

Младшая дочь, Раиса Матвѣевна, помогала непривычной прислугѣ накрывать столъ, а Евгенія Матвѣевна читала, взятую изъ городской библіотеки, послѣднюю книгу «Русскаго Вѣстника».

Евгенія Матвѣевнѣ было двадцать четыре года, но выглядѣла она моложе. Въ ея очень миловидномъ, чуть-чуть еврейскомъ лицѣ свѣтился умъ. На немного вздернутомъ носикѣ, съ горбинкой, красовалось пенсне, которое она носила больше потому, что оно шло къ ней. Она была, видимо, заправилой дома. Отецъ ея уже давно овдовѣлъ. Въ селѣ ходили слухи, что она невѣста богатаго молодаго помѣщика, Тавридина, но свадьба ихъ отложена на долгое время, да и едва ли состоится, такъ какъ мать его, живущая въ Петербургѣ, сильно противится этому неподходящему браку.

Младшая сестра, Раиса Матвѣевна или Раечка, какъ многіе

еще называли ее, была менѣе привлекательна, но очень юное, немного блѣдное лицо ея, съ выраженіемъ наивности, также могло нравиться.

Самъ хозяинъ прилегъ вздремнуть передъ ужиномъ. При появленіи Духотворскаго, его разбудили.

— А-а, староста! Радъ видѣть! Рѣдко, братъ, заходишь? Ну что: новостей не принесъ ли какихъ?

Василій Николаевичъ обстоятельно и подробно изложилъ все, что онъ только что видѣлъ и слышалъ.

Отецъ Матвѣй слушалъ со вниманіемъ и любопытствомъ. Когда дошла очередь до предстоящаго пожертвованія, онъ обнялъ и поцѣловалъ старосту.

— Молодецъ, Николаичъ, молодецъ! Это ты состряпалъ! Спасибо! Меня бы, старика, увидѣла — небойсь не раскошелилась бы...

— Очень ужъ она рѣчами моими заслушалась... — наивно пояснялъ Духотворскій.

— Ну, это-то ты ужъ погоди!.. Какія тамъ рѣчи! Знаю я: распѣвать соловьевъ ты мастеръ, а особливо съ бабами—и такъ, и этакъ... А только тутъ дѣло не въ рѣчахъ... Въ воскресенье сходимъ къ ней...

— Папаша,—вмѣшалась Евгенія Матвѣевна, — неужели вы пойдете къ такой женщинѣ?

— Э-э!.. Строга... строга, дочь-командирша! Коли даютъ—нечего разбирать... Даютъ—бери, бьютъ—бѣги!

— Но она можетъ сама принести вамъ...

Староста сталъ горячо защищать Наталью Прохоровну. Онъ доказывалъ, что лепта на храмъ отъ кающихся грѣшниковъ тѣмъ болѣе дорога.

— Но здѣсь мы имѣемъ дѣло съ рѣдкой, исключительной особой. Если и было что въ ея жизни, то это давно... Про нее здѣсь много вранья и возмутительныхъ сплетенъ...

— Вы, Василій Николаичъ, извѣстный идеалистъ, — горячилась дѣвушка; — вы въ сорокъ лѣтъ остались ребенкомъ. Ну объясните пожалуйста: какимъ путемъ могла она создать себѣ капиталъ?

— Все это давно было... Не осуждайте, барышня! Въ ваши годы это грѣшно... Наталья Прохоровна достойна общаго уваженія, ее не поняли здѣсь.

— Э-э, староста!.. Женкѣ, женкѣ скажу!. Ловеласничаешь, ловеласничаешь, братъ...

Отецъ Матвѣй уже переходилъ въ свой обычный шутливый тонъ. Всегда беззаботный и веселый, онъ не умѣлъ долго сосредоточиваться на одномъ предметѣ, какое бы значеніе въ его собственныхъ интересахъ ни имѣлъ этотъ предметъ.

Къ тому же сегодня онъ немного перехватилъ и готовъ былъ болтать безъ удержу. Сообщенная Духотворскимъ новость усиливала его благодушное настроеніе.

Подали ужинъ.

— По маленькой, Николаичъ, по маленькой! Спрыснемъ-ка! Безъ того нельзя... Дочь-командирша, разрѣшаешь?.. а?

И отецъ Матвѣй весело посмотрѣлъ на занявшую мѣсто хозяйки его старшую дочь.

— Что жъ съ вами дѣлать, папаша! Выпейте, но чуръ! Не больше одной... А вы, Василій Николаичъ? Впрочемъ, вѣдь вы не любитель...

— Отъ компанія не отказываюсь, а любви не чувствую. За здоровье молодой жертвовательницы слѣдуетъ выпить.

— Ну ужъ пожалуйста!—остановила Евгенія Матвѣевна.— Пейте лучше за мое!.. Вы, кажется, и въ самомъ дѣлѣ влюбились!.. Стыдитесь! Пустая женщина,—если только она заслуживаетъ названія женщины,—могла заставить столько говорить и думать о себѣ!.. Но неужели вы въ самомъ дѣлѣ пойдете къ ней съ папашей?.. Точно депутаты какіе... Скажите, какая важная особа: назначаетъ дни!.. Подумаешь не вѣсть какую сумму внести хочетъ!.. Онуфрій Игнатьичъ, а вы какъ думаете объ этомъ?.. Что это вы все молчите сегодня? Впрочемъ, вы часто напускаете на себя какой-то байронизмъ.

— Мнѣ рѣшительно все равно, что бы вы ни думали обо мнѣ,—пробурчалъ учитель, съѣдая съ аппетитомъ котлетку,

— О, я сама вижу, какое я ничтожество передъ вами.

Пикировка эта однако не была вызвана враждебными отношеніями. Со стороны Евгеніи Матвѣевны это было какимъ-то врожденнымъ кокетствомъ. Она находила въ этомъ своего рода наслажденіе.

— Раечка, неужели и съ тобой такъ молчитъ Онуфрій Игнатьевичъ?—не унималась она.—Хорошъ женихъ! Или, можетъ быть, въ дѣлахъ любви онъ совсѣмъ другой. Можетъ быть, до тонкости изучилъ всѣ эти ахи и охи, и вздохи... и напѣваетъ тебѣ очень сладкія пѣсенки?!

— Будетъ, будетъ, дочь-командирша!—унималъ выпивавшій подъ шумокъ вторую рюмку отецъ Матвѣй.

— А ты, братъ,—обратился онъ къ учителю,—и въ самомъ дѣлѣ того... медвѣдемъ смотришь. Стыдно, братъ, стыдно!.. Вотъ на меня погляди: на седьмой десятокъ пошло. Камилавку и набедренникъ выслужилъ, а такъ бы и пустился въ присядку. Только дочери-командирши боксъ. Она у меня—кулакъ-дѣвка! Вотъ Раиса—эта мухи не обидитъ.

Раечкѣ на этотъ разъ было очень не по себѣ. Ироническій тонъ сестры очень не нравился ей и даже оскорблялъ ее. Она не любила оставаться съ женихомъ при сестрѣ.

Она бросила на Дремалова мимолетный взглядъ. Ей хотѣлось уйти съ нимъ куда-нибудь въ садъ, подальше.

Учитель не замѣтилъ этого взгляда, и испробовавъ всего, что было на столѣ, закурилъ папироску.

Любилъ ли онъ свою невѣсту—онъ и самъ хорошенько не

вналъ. Въ первые мѣсяцы ихъ знакомства онъ былъ безумно влюбленъ въ нее и, очертя голову, сдѣлалъ предложеніе. Минутами, прежнее чувство вспыхивало въ немъ во всей своей силѣ. Потомъ чувство, какъ будто, утихало. Онъ начиналъ задумываться, молчалъ; иногда не отвѣчалъ даже на вопросы невѣсты.

Внѣшность его была самая заурядная: довольно коренастый, роста пониже средняго, лицо не вполнѣ интеллигентное, съ нѣсколько выдающимися скулами, толстыми губами и жиденькой растительностью на подбородкѣ. Вмѣсто усовъ, торчала такая же рѣденькая щетинка. Ему было двадцать семь лѣтъ.

Евгенія Матвѣевна примѣтила за него взглядъ Раечки, оставшійся безъ отвѣта.

— Вижу, молодые люди, что вамъ не весело съ нами,—опять начала она.—Онуфрій Игнатьичъ, унесите вашу пташку подъ «сѣнь дубовъ и липъ густыхъ». Она дѣлала вамъ знаки, а вы бирюкомъ сидѣли...

— Что это какъ я вамъ дался сегодня! Можно подумать, что вы просто ревнуете.

— Ревную!! О-го-го!.. Громко сказано. Я даже и представить себѣ не могу, какъ бы я съ вами щебетала подъ этой сѣнью изумрудной... Нѣтъ, вы совсѣмъ не въ моемъ вкусѣ! Фи!

— Раечка,—вдругъ перешла она къ сестрѣ,—у тебя не болятъ губы?

Раечка съ недоумѣніемъ посмотрѣла на нее.

— Конечно, нѣтъ... Почему ты спрашиваешь это?

— Такъ... Я думала Онуфрій Игнатьичъ искололъ твои розовыя губки своей щеткой... Заставь его, по крайней мѣрѣ, хоть выбриться...

Раечка пожала плечами и не нашлась, что сказать.

— Выбриться!—отвѣчалъ за нее женихъ.—Къ сожалѣнію,—не чѣмъ. Во всемъ селѣ одна бритва—вашъ языкъ, да и то только царапаетъ, какъ тупая пила.

— Ну, поздравляю! Первый разъ въ жизни сказали сносную остроту, если только не вычитали гдѣ-нибудь...

— Ишь ты... Бой-дѣвка!—подмигнулъ старостѣ отецъ Матвѣй.—Эта не пропадетъ у меня. Ни-ни! Всѣхъ за поясъ заткнетъ... А что, Николаичъ, еще по маленькой на послѣдокъ...

— Ну ужъ извините! Вы и такъ, папаша, нарушили сегодня свою порцію за обѣдомъ: цѣлыхъ семь выпили... Больше нельзя.

И, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, Евгенія Матвѣевна убрала графинчикъ.

Послѣ ужина староста скоро попрощался, а отецъ Матвѣй, изрыгнувъ отъ обилія выпитой за день водки и промычавъ сиплоатымъ голосомъ: «Эхъ, суета суетъ!.. Дѣла наши житейскія»—отправился въ свою спальню.

Дремаловъ съ Раечкой пошли въ садъ, а Евгенія Матвѣевна,

не пожелавшая «мѣшать» имъ, поцѣловала сестру въ лобъ, попрощалась съ учителемъ и удалилась въ свою комнату.

Іюльская ночь, освѣщенная полукруглымъ мѣсяцемъ, была напоена удушливой влагой и запахомъ цвѣтовъ. Летучая мышь, завидя бѣлое платье Раечки, откуда-то подлетѣла къ самой ея головѣ и опять исчезла въ прозрачномъ сумракѣ.

— Какъ хорошо здѣсь, легко. Я рада, что кончился, наконецъ, этотъ ужинъ... Хорошо быть однимъ—не правда ли? Вотъ сестра смѣется надъ нами, а вѣдь самой ей хуже, скучнѣе,— весело лепетала Раечка.

— Сестра твоя полное ничтожество, очень много мнящее о себѣ,—угрюмо отвѣчалъ Дремаловъ.

— Ахъ нѣтъ, ты не знаешь ее! Она очень добра. Она лучше меня. Это у нея только привычка такая—злить всѣхъ. Она и меня злила сегодня... ужасно, ужасно злила; но вѣдь это такъ только... У ней чудное сердце.

— Оставимъ ее,—равнодушно замѣтилъ Дремаловъ.

— Ты грустенъ сегодня?.. Скажи: что у тебя?

— Ничего. Какой-то туманъ...

— Дѣлись со мною всѣмъ!.. Я пойму тебя,—прижимаясь къ нему, говорила Раечка.

— Понимать тутъ нечего. Вопросъ очень простъ. Безденежье, нужда, неопредѣленность положенія—вотъ только что. Въ попы идти не хочу, а оставаться учителемъ невозможно. Какъ мы проживемъ съ тобой на это грошевое жалованье!

— Папаша кое-что дастъ за мной...

— Э, на долго ли этого хватитъ.

— Я буду трудиться съ тобой, помогать...

— Пустыя фразы!

— Ты разлюбилъ меня...

— Эхъ, оставь эти подозрѣнія!.. За тебя-то только и боюсь я. Я не вынесу, не переживу сознанія, что ты нищенствуешь изъ-за меня.

Раечка опять прижалась къ нему.

Онъ началъ цѣловать ее и какъ будто забылъ всѣ свои бѣды.

— Знаешь, Рая,—заговорилъ онъ опять,—эта нужда, неудачи эти такъ измучили меня и охладили къ жизни, что иногда мнѣ кажется, что и любовь моя слабѣетъ. Въ счастливыя минуты я опять люблю тебя страстно, безумно...

— Надѣйся, милый, на Бога! Придетъ и счастье,—утѣшала Раечка.

И они опять стали цѣловаться.

А далеко въ лѣсу меланхолически куковала кукушка, да изъ села доносилось мѣрное постукиваніе ночного сторожа.

IV.

Церковный староста, ведя подъ руку отца настоятеля, возвращался вечеромъ отъ Натальи Прохоровны. Деньги на храмъ были получены подъ росписку, причемъ Василій Николаевичъ рѣшилъ послать объ этомъ значительномъ пожертвованія маленькую замѣтку въ мѣстныя епархіальныя вѣдомости и потомъ, сюрпризомъ, поднести молодой Костылевой номеръ, гдѣ бы она увидѣла свое имя.

Теперь, впрочемъ, ни одинъ изъ нихъ не думалъ объ этихъ двухстахъ рубляхъ.

Духотворскій былъ погруженъ въ какія-то сладкія мечтанія, а отецъ Матвѣй, налегая всей тяжестью своего довольно тучнаго тѣла на руку сослуживца, повторялъ временами: «Охъ, командирши боюсь»!..

У крыльца его дома, староста позаботился, чтобы батюшка не обронилъ какъ-нибудь деньги, и проведя его по лѣстницѣ до самой двери, сдалъ на руки, встрѣтившей ихъ, старшей поповнѣ, упомянувъ о деньгахъ,—и, не зайдя, отправился къ себѣ.

Дорогой онъ все думалъ о Натальѣ Прохоровнѣ. Онъ и самъ позволилъ себѣ выпить у ней немного больше установленной имъ нормы и чувствовалъ себя весело возбужденнымъ.

Ему стало грустнѣе, когда показался огонекъ въ небольшихъ окнахъ его дома...

Тамъ еще не спали, и Олимпіада Сергѣевна, въ ожиданіи мужа, играла въ дурачки съ рябой дѣвкой Стешкой, безпрестанно вздыхая и дѣлая разсѣянные ходы.

Старостѣ сдѣлалось окончательно грустно, когда онъ увидѣлъ ея непомѣрно длинную и тощую фигуру. Даже рябая Стешка казалась ему въ эти минуты болѣе привлекательной.

Онъ вспомнилъ, что, на дняхъ, въ присутствіи жены, съ неосторожной восторженностью отозвался о Натальѣ Прохоровнѣ и теперь предвидѣлъ что-то недоброе.

Олимпіада Сергѣевна на этотъ разъ была очень озабочена долгимъ отсутствіемъ мужа. Ея вѣра въ него была поколеблена. Она успѣла уже многое узнать объ этой «блестящей, но развратной женщинѣ».

Олимпіада Сергѣевна никогда не устраивала слишкомъ бурныхъ сценъ. Она проявляла свои ревнивыя подозрѣнія только слезами, плаксивыми упреками, вздохами и нюханіемъ нашатырнаго спирта. Но все это тянулось очень долго и отзывалось мучительнымъ томленіемъ въ душѣ ея мужа.

Она вздрогнула, когда скрипнула дверь и, отославъ въ кухню свою партнершу, нѣсколько минутъ молча смотрѣла на мужа.

— Гдѣ были вы?—наконецъ, тихо спросила она.

Василій Николаевичъ хотѣлъ отвѣтить бодро и естественно, но, вмѣсто этого, тяжело вздохнулъ.

— Вы вздыхаете?.. Это вашъ отвѣтъ?.. Онъ говоритъ очень много...

— Вѣдь ты, душа моя, сама знаешь: я былъ у Натальи Прохоровны...

— Такъ долго?!. И... кто это такая?

— Развѣ тебѣ не извѣстно, дорогая моя? Эта та, которая пожертвовала на церковь...

— Я слышала про какую-то Наталью Костылеву, дочь мужика... Не величайте такъ эту низкую женщину въ моемъ присутствіи!

— Ты бы лучше думала о ней, когда бы узнала ее, душенька!..

— Богъ мой,—когда бы узнала ее!.. Развѣ я вынесла бы встрѣчу съ этой развратницей. Я умерла бы отъ перваго слова ея, отъ перваго взгляда... Я никогда не знала, не видѣла такихъ женщинъ... И не хочу ихъ видѣть... А вы... вы... Ахъ, сердце мое!.. Ахъ, мои нервы!..

И одною рукой она потянулась къ стклянкѣ съ нашатырнымъ спиртомъ, а другою схватилась за сердце.

— Но я только исполнилъ свой долгъ... Я долженъ былъ, какъ церковный староста, выдать ей росписку... Ты сама знаешь...

— Выдавать росписку до поздняго вечера!.. О, мое сердце, мои нервы!.. Уйдите отъ меня! Я вамъ чужая... У васъ есть другая подруга... Идите къ ней!.. Вамъ будетъ тепло въ ея объятіяхъ...

Еще никогда не волновалась такъ Олимпіада Сергѣевна.

Духотворскій растерялся.

— Что-жъ вы стоите!?. Здѣсь вамъ ждать нечего... Или вы думаете, что она, какъ призракъ, явится къ вамъ и сюда!.. Покиньте меня, умоляю васъ!.. Навсегда... на вѣки!..

«Ахъ, если бы это было возможно»!—вздохнувъ, подумалъ Василій Николаевичъ и, молча, вышелъ изъ комнаты.

V.

Въ домѣ Прохора Захарова Костылева, вліяніемъ церковнаго старосты, водворены были внѣшній миръ и спокойствіе.

Старикъ попрежнему полеживалъ на печи и тихонько поваркивалъ на то и другое, но рѣшительныхъ мѣръ для сохраненія въ домѣ завѣтовъ старины не принималъ. Хлопотливая сноха его примирилась съ воркотней дѣдушки и даже, подчасъ, привѣтствовала свекра ласковымъ словомъ. «Благо рыла-то своего не суетъ»!—разсуждала она.

Къ избалованной жизнью внучкѣ Евстигнеичъ относился уже гораздо снисходительнѣе. Пожертвованная ею сумма въ

пользу церкви, въ глазахъ старика, нѣсколько возвысила ее. Прежняя любовь и привязанность къ ней, какъ будто опять шевельнулись въ его душѣ. Онъ начиналъ вспоминать ея дѣтство, первымъ другомъ котораго былъ онъ, сѣдой дѣдушка.

Вотъ глядятъ на него бойкіе, темные глазки шаловливой, но умной дѣвочки. Въ нихъ свѣтится напряженное вниманіе, пытливая мысль... Дѣдушка, зачиняя лапоть, разсказываетъ поучительную и длинную сказку... Каждое слово интересуетъ ее; иногда на глазкахъ навертываются слезы... «Дѣдушка!—отчего же это по сказкамъ-то таково хорошо выходитъ, а взаправду-то и не видать того»?—съ живымъ любопытствомъ спрашиваетъ она... Но вотъ бѣгутъ босоногія сверстницы ея... «Опосля, дѣдушка»!—кричитъ она, махая рученкой и останавливая неуточимаго разсказчика.—Опосля»!—и, какъ стрекоза, закружится съ ними и унесется на край села...

Все это ярко припоминалось старику—и дороги были воспоминанія, и тяжело становилось на сердцѣ... «Загубили дѣвку»!—качая облысѣлой головой, повторялъ онъ...

Будь Евстигнеичъ помоложе да посильнѣе, онъ едва ли бы могъ принимать такое горячее участіе въ судьбѣ внучки; но когда потухаютъ въ человѣкѣ послѣднія силы, личная жизнь и интересы перестаютъ занимать его; онъ начинаетъ жить или своимъ прошлымъ, или чужой жизнью.

Часто, въ часы безсонницъ, думая о внучкѣ, онъ старался оправдать ее:

«Дѣвка, знамо дѣло, — того... капиталы свои не трудомъ праведнымъ нажила, а, прямо сказать, безчестьемъ, скверностью.. А все же, поди, на храмъ-то, на Божью-то обитель не поскупилась... Все, поди, грѣховъ-то хоть на зернышко искупила»...

Давно собирался старикъ поговорить по душѣ съ любимой внучкой, да все какъ-то смѣлости не хватало. «Умна больно стала... Куда тутъ»!—думалось ему. Но разъ какъ-то Евстигнеичъ былъ въ особенно благодушномъ и словоохотливомъ настроеніи.

Принарядясь немного и пригладившись, пошелъ онъ въ чистую половину, вечеромъ, когда Наталья Прохоровна была одна и читала какой-то уголовный романъ.

— Все за книжкой!—началъ онъ, входя въ комнату.—Ты бы лучше того... по части евангелія, али тамъ дѣянія святыхъ почитала...

Наталья Прохоровна кончала главу и не откликнулась.

— А!.. дѣдушка!—наконецъ разсѣянно обратилась она къ нему, закрывая книгу.

— Ну, такъ какъ же, Наташа! По Божьему-то, по евангельскому жизнь-то вести—удумала?

— Эхъ, дѣдушка! Полно! Что ты все безпокоишься за меня! Кажется я ничѣмъ не стѣсняю тебя: живу, какъ мнѣ хочется и ты живешь по своему вкусу... Чего же еще?

— Это—что говорить... Вѣстимо...

— Помочь я тебѣ всегда рада... За помощью обращайся сколько угодно... А въ другомъ—дай мнѣ свободу, дѣдушка!—проговорила она и съ улыбкой посмотрѣла на него.

— Не объ томъ, Наташа! Рѣчь не о помощи... Ничего не надоть мнѣ отъ тебя... А только душу-то соблюдай!.. Вотъ, ономнясь, доброе дѣло сдѣлала, прямо сказать, святое дѣло: цѣлыхъ двѣ сотенныя на храмъ Божій отпустила... Отъ грѣховъ себя поочистила... Вотъ бы, съ легкой-то руки, этакъ бы навсегда отъ скверности-то отмахнулась...

Наталья Прохоровна съ ироническимъ любопытствомъ посмотрѣла на старика.

— Какой ты смѣшной, дѣдушка!

И она ласково опустила руку на его плечо.

И въ этомъ прикосновеніи почувствовалось ему что-то знакомое, родное, близкое. Кажется онъ все готовъ былъ въ эту минуту простить ей и забыть ея прошлое.

— Смѣшной!.. Вамъ бы, молодымъ, только смѣяться да тѣшиться... Эхъ, вы!.. Ну чего глядишь-то?!—съ любовью говорилъ старикъ.—Баловство нонечь пошло, вотъ, что Драть васъ надо бы...

— Какой ты строгій, дѣдушка!.. Ну, говори, говори!.. Мнѣ пріятно слушать тебя...

— А ты только для пріятности слушаешь... Для пріятности только по кіятрамъ ходятъ... Нѣтъ! Ты такъ слушай, чтобы кажиное словцо въ нутро наровило, да объ кажиномъ-то словѣ и призадумайся, да и поплачь отъ кажинаго слова. Тогда, значитъ, въ толкъ пошло; совѣсть, значитъ, орудуетъ... Теперь что! Теперь васъ только словомъ учатъ; а кабы въ наше-то времячко—а? Бывало провинишься въ чемъ, не угодишь барину—ну, сейчасъ и въ конюшню, а тамъ только кровь въ стороны брызгаетъ. Отсчитаютъ этакъ штукъ двѣсти—и отпустятъ. Случалось, что потомъ и залѣчивать начнутъ. Пройдетъ цѣлый мѣсяцъ, а по тѣлу все еще словно черти пляшутъ. Вонъ какъ били!.. И со мной случаи бывали... Тоже вѣдь ума-то не много было... Помню, это,—завелъ баринъ нашъ, Гаврила Гаврилычъ, кралечку себѣ, попросту сказать—полюбовницу. Оченно привязался къ ней. И взаправду сказать, не дѣвка, а прямо пава!.. Я тоже парень былъ хоть куда. Изъ дворовыхъ первымъ слылъ... Ну и подмѣтилъ я, что бариновой сожительницѣ полюбился... И пошло, значитъ, у насъ съ нею того... Только баринъ и нюхнулъ... и придумалъ намъ такое наказаніе, что и вспомнишь, такъ страхъ беретъ. Приказалъ онъ насъ на дворъ вывести. Косой ея шею мнѣ окрутилъ... раздѣли до гола... обняться велѣли... Въ два ряда стоятъ дворовые съ палками. Ну и повели насъ промежъ нихъ... Такъ удары и посыпались... Исполосовали всю спину... Каково ей-то, дѣвкѣ-то! Отъ совѣсти, да отъ боли такъ и не встала, бѣдная... Померла... Много я горевалъ... Много слезъ за нее пролилъ, потому совѣсть заорудовала... А нонѣ что!

Совѣсть въ мертвецкую почиваетъ и страху нѣтъ въ людяхъ. Что хотятъ, то и дѣлаютъ.

— Такъ вотъ какъ, дѣдушка! Значитъ и у тебя романы были...

— Это какіе романы? Что-то не могу въ толкъ взять... Не по нашему...

— Это значитъ, что и ты пожилъ на своемъ вѣку; сердцу волю давалъ,—поясняла Наталья Прохоровна.

— Какъ же, грѣхи бывали!.. Ну, за то одумался скоро. Бога вспомнилъ... Волю объявили—по святымъ мѣстамъ пошелъ; цѣлый годъ странствовалъ, совѣсть свою очищалъ... Такъ-то и ты: Бога-то, Бога-то не забывай!.. Отъ скверности-то этой уходи!.. Молись, поклоны земные клади, свѣчки ставь!.. Коли есть что—еще принеси на храмъ Божій... Да и умомъ-то дѣвствуй.

Наталья Прохоровна уже не слушала. Ее начинала утомлять болтовня старика.

Она ушла въ себя, задумалась...

Все—и столица, и поклонники, и роскошь, друзья и завистники, и эта деревня, эти простодушные мужики и мѣщане, все казалось ей невыносимо скучнымъ, пустымъ... Пусто было и сердце ея...

— Дѣдушка,—вдругъ закричала она,—не осуждай меня! Не учи меня! Ничего мнѣ не надо... Устала я, жить устала... Уйди пока! Дай мнѣ отдохнуть!.. Худо мнѣ что-то...

— Ну ладно, ладно: уйду!.. Это къ добру у тебя... Совѣсть, значитъ, дѣвствовать начала... Вотъ оно что!—говорилъ уходя Евстигнеичъ.

— Э, какая тамъ совѣсть!—простонала она ему въ слѣдъ!

VI.

У ПРОХОРА Костылева была «помочь».

Какъ у всѣхъ зажиточныхъ сѣверныхъ крестьянъ, владѣнія его, пріобрѣтенныя отъ раззорявшихся помѣщиковъ, лежали въ разброску: полдесятинки пахатной земли—здѣсь, у самой деревни, небольшой клочекъ покосовъ—гдѣ-нибудь верстъ за десять, «ледина», вырубленная и выжженная подъ пашню—версты за четыре, и т. д.

На одномъ изъ такихъ владѣній было у него засѣяно нѣсколько полосъ ржи, толстые суслоны которой стояли теперь стройными рядами, поджидая уборки въ сарай, подъ крышу изъ простыхъ неотесанныхъ «драницъ», опиравшуюся на объемистые сосновые столбы.

Прохоръ Захаровичъ и хозяйка его, занятая цѣлые дни досложной стряпней для удовлетворенія утонченнаго вкуса ери, много бы потратили времени для перевозки выжа-

таго хлѣба на парѣ сытенькихъ, но нерослыхъ деревенскихъ лошаденокъ.

По иниціативѣ Лукерьи Никитишны, была устроена «помочь».

Изъ сосѣдней нищенской деревеньки, воровской, пьянствующей и описанной за недоимки, были приглашены мужики и бабы, дѣвки и парни оказать милость—«пособить» сосѣдской нуждѣ—не за деньги, а за угощеніе и ведро водки.

Съ ранняго утра Лукерья Никитишна, съ помощью Дуняшки, разставила на улицѣ, у самыхъ оконъ, столы, кое-какъ сколоченные изъ стараго ненужнаго теса, и обнесла ихъ такими же скамьями.

Угощеніе было готово еще наканунѣ.

Когда солнце приближалось къ закату, работы кончились. Приглашенные, съ пѣснями, подъѣзжали къ селу на тѣхъ телѣгахъ, въ которыхъ возили хлѣбъ.

Заслышавъ голоса, Никитишна, награждая затрещинами и пинками вертѣвшуюся около нея Дуняшку, покрывала импровизованные столы кое-какими скатертями и, вмѣстѣ съ Дуняшкой, выносила и разставляла огромные пироги съ рыбой, жареныхъ гусей, толстыя ватрушки съ творогомъ, блины изъ овсяной муки, облитые масломъ, домашняго приготовленія пиво въ большихъ глиняныхъ кувшинахъ.

Съ шумомъ въѣхали въ село телѣги, наполненныя нарядным и бѣднымъ, беззаботнымъ и веселящимся людомъ.

Мужики и парни были въ коричневыхъ пиджакахъ, подпоясанныхъ зелеными и красными поясами, въ шароварахъ изъ чертовой кожи или плисовыхъ.

Многія лица были опухши отъ вѣчнаго пьянства; на нѣкоторыхъ были слѣды устарѣвшей наружной болѣзни, занесенной изъ фабрикъ и заводовъ. Иные даже замѣтно гнусили, прикрывъ тряпицами жалкое подобіе носа.

Но всѣ они были одинаково веселы, какъ будто ихъ жизнь представляла одно непрерывное счастье.

Дѣвки и бабы нарядились въ ситцевыя платья, не прикрывшія ихъ грубыхъ полусапожекъ американскаго товара, съ мѣдными подковками на каблукахъ. Короткія до безобразія кофточки, безъ таліи, едва прикрывали ихъ груди, испитыя и тощія у женщинъ, тяжелыя и увѣсистыя у дѣвушекъ.

Лица у женщинъ были болѣзненно блѣдны и безсмысленны; физіономіи дѣвушекъ дышали здоровьемъ и чувственностью.

Вотъ одна изъ нихъ, побѣдительница сердецъ, Парашка, расталкивая собравшуюся толпу, понеслась вдоль улицы, завидя ожерельскаго парня, возлюбленнаго ея.

Парень, извѣстный въ селѣ балагуръ Митрюха, издали примѣтилъ бѣжавшую къ нему подругу и закричалъ на всю улицу:

— Чего летишь-то, какъ ошалѣлая!.. Сливки-то свои взбалтываешь!..

Праздношатавшіеся мужики и бабы дружнымъ хохотомъ привѣтствовали эту импровизованную остроту, а беззастѣнчивая Парашка была уже возлѣ парня и дружелюбно ударила его по плечу.

— Чего на Илью-то не пришелъ!—говорила она.—Весь день прождала... Вся ваша деревня была, а онъ сидитъ себѣ... Эхъ ты, квашня!..

Обнявшись, она пошла съ Митрюхой къ столу, гдѣ уже участники «помочи» занимали мѣста. Митрюха хотя и не работалъ, но его угощали за веселый нравъ.

— Ишь вѣдь ихъ жадобныхъ-то что набралось!.. Въ полдня все дѣло съорудовали... Водочки-то, водочки! Отъ трудодѣйствій-то облегчиться...—говорилъ Прохоръ Захаровъ, обходя народъ съ чаркой.

Когда доходила очередь до дѣвокъ, онѣ отворачивались и прятались въ передники, но потомъ охотно пили.

Послѣ угощенія, всѣ были сильно подгулявши. Послышались оживленныя рѣчи, вольныя шутки. Настроеніямъ и чувствамъ была дана свобода.

Слышались русскія пѣсни и модные деревенскіе куплеты, навѣянные всюду распространяющейся фабричной и желѣзнодорожной цивилизаціей.

А четверта дѣвка Лина
Привезёна изъ Берлина...

запѣвалъ кто-то.

Ты сударикъ мой, мусье,
Поднеси мнѣ лампасье!..

слышалось въ другомъ концѣ.

Балагуръ Митрюха съ побѣдительницей сердецъ Парашкой, уже въ объятіяхъ, шли вдоль села и звучно цѣловались. Свободная отъ объятій рука Митрюхи небрежно поигрывала съ далеко не дѣвственными формами деревенской красавицы.

Около неубраннаго стола двѣ здоровыя дѣвушки, размахивая платками, пустились въ плясъ, немилосердно оттаптывая, подымая съ дороги пыль и трясясь всѣми членами.

— Смотри, не выкини!—крикнулъ кто-то одной изъ нихъ, вызвавъ веселый хохотъ.

Прохоръ Захаровичъ, выпившій за компанію нѣсколько стаканчиковъ, былъ теперь особенно веселъ. Пошатываясь, онъ ходилъ среди гуляющихъ и напѣвалъ совсѣмъ безсмысленный, но любимый его мотивъ:

Разгулялись черепаны.
Наливай, старуха щей!

— Вотъ оно—весельице-то!—восклицалъ онъ, приходя въ восторгъ.—Сторонись!.. Знай нашихъ!.. Вонъ оно какъ!.. Э-хе-хе-е!..

Прибѣжала откуда-то мѣстная дурочка, старуха Ѳекла, въ

былое время, какъ ходили слухи, героиня деревенской молодежи, не смотря на ея умственную убогость.

За ней слѣдовала, стараясь удержать ее, незаконная дочь ея, Пелагея, менѣе глупая, но и не пользовавшаяся успѣхомъ.

— Отъ кого-то ты родила ее?—крикнулъ Ѳеклѣ какой-то подгулявшій мужикъ.

— А поди знай!—невозмутимо отвѣчала старуха, присоединяясь къ группѣ народа.

Къ прибиравшей столы Никитишнѣ прибѣжала откуда-то Дуняшка и, запыхавшись, сообщала ей:

— Мамушка, Митрюха съ Парашкой за гумно пошли! Сама видѣла. Парашка-то говоритъ: «Этта люди... нельзя»!.. Ну и пошли...! Мамушка, стыдъ-то какой!

И дѣвочка начала было что-то шептать матери на ухо, но ее остановилъ энергичный толчекъ.

— Пошла, убирай посуду! Вовсюды ей сунуться надо! Безъ тебя всѣ знаютъ!

Дуняшка безпрекословно и такъ же весело начала исполнять приказаніе матери, вѣроятно, уже забывъ и о Митрюхѣ, и о Парашкѣ.

Гдѣ-то въ сторонѣ, подгулявшій парень цѣловалъ какую-то дѣвушку, быть можетъ первую, какая попалась ему.

И все кругомъ дышало идиллической простотою, близостью къ матери-природѣ, свободой, молодостью, ни чѣмъ не подавленной страстью...

А вечеръ былъ тихъ и ясенъ... Звѣзды загадочно мерцали на этой бездонной высотѣ... Рѣяли тѣни... И, какъ будто, таинственный призракъ виталъ надъ деревней и беззвучно шепталъ, глядя на эти безхитростныя картинки: «Что это: порокъ или добродѣтель?.. Можетъ быть, здѣсь-то и есть истинный смыслъ жизни,—здѣсь, гдѣ не боятся любить, не томятся загадками, а живутъ, какъ хочется жить,—наслаждаются, какъ наслаждались первые обитатели земли»...

Наталья Прохоровна съ нѣкоторымъ любопытствомъ смотрѣла изъ открытаго окна на веселившуюся толпу.

Къ окну подошелъ одинъ изъ участниковъ «помочи,» уже не молодой мужикъ, въ костюмѣ зажиточнаго мѣщанина, помогавшій въ работѣ не ради угощенія, а изъ участія къ сосѣдской нуждѣ.

Онъ былъ совсѣмъ трезвъ. Худое, но благообразное лицо его выражало мысль и энергію.

— Скучаете, барышня?—снимая шапку, обратился онъ къ Натальѣ Прохоровнѣ.—Что здѣсь взять!.. Дикость одна... Вотъ и я, хоть мужикъ, а тоже не веселюсь... Словно чужой...! Эхъ, ужъ и народецъ у насъ! Теперь, ежели сказать правду,—прямо жрать нечего... Недоимки годами не плачены... Скотина съ голоду помираетъ... Постройки въ ветхость пришли... Ребятишки

голодныя ревмя-ревутъ... Куда ни кинь—все клинъ! А вотъ поглядите: разодѣтые, пьяные... Смѣются, пѣсни поютъ...

— Вы изъ той же деревни?—спросила, немного прищурясь, Наталья Прохоровна.

— Какъ же,—со Ждановки тоже... И родился тамъ... Зовутъ меня Ильей Степановымъ; по фамиліи—Щебневъ. Было времячко—поживалъ ничего... По ремеслу—каменщикъ... Подряды бралъ на шоссе... Тоже и по чугункѣ... Потомъ торговлю открылъ... Деньженки водились не сотнями, а пожалуй и тыщенками... Да нѣтъ! — счастье не долго везло... Прогорѣлъ... Завался... Дѣла горазъ широко повелъ... На сына тоже много пошло...

— Какъ на сына?

— Да такъ... Сынишка у меня былъ... Онъ и теперь, сказать правду, живъ; да сыномъ-то его признавать не хочется... Ну, отдалъ его, въ малолѣтствѣ, къ каретному мастеру, въ Москву, въ ученье... Сначала, какъ-бысь, ничего... Хозяина слушалъ, къ дѣлу сталъ привыкать, къ ремеслу то-есть... Все шло ничего... Подросъ малецъ... Кончилъ ученье... Самъ каретникомъ сталъ; открылъ мастерскую. Тутъ-то вотъ и пошли его бѣдствія... Денегъ сталъ зарабатывать больно много, а это нѣтъ хуже, ей-Богу!.. Дѣло, конечно, молодое: покучивать началъ... Оно бы и ничего, кабы въ мѣру... Да то-то и бѣда, что мѣры нашъ братъ не любитъ... Началъ во всю... Стыдъ всякій утратилъ... Съ непотребными женщинами дружбу завелъ... А потомъ и пошло, и пошло!.. Прослылъ богачемъ... Кредитъ ему открыли... Долговъ надѣлалъ—ужасти сколько!.. Ну, сперва ждали, льготы дѣлали; а потомъ векселя въ судъ предъявили... Какъ тутъ быть!? Родъ свой безчестить не хотѣлось—ну и уплатилъ за него... А потомъ, говорятъ, и совсѣмъ опустился... Теперь шляется гдѣ-то...

— Чѣмъ же вы живете теперь?

— Такъ вотъ... перебиваюсь!.. Кое-что сохранилось еще... да и надѣлъ есть... Я и поучивался малость,—помолчавъ, продолжалъ Щебневъ.—Въ школахъ не бывалъ; въ старину и школъ-то не было,—а такъ... самоучкой... Кое-что и почитывалъ: Лермонтова, къ примѣру... Стихи превосходные!.. Ну, опять Аксакова, Ивана Сергѣича... публицистику тамъ разную.... Теперечку-сь, въ складчину со старшиной, «Свѣтъ» получаю... Тоже статейки Шарапова, Сергѣя Федорыча... Да много чего... Эхъ, кабы деньженокъ маленько. Сразу бы окрылился... Артель да и подрядецъ опять!.. Ну, конечно, ужъ полегоньку бы, осторожно... Проученъ!..

Наталья Прохоровна слушала его съ нѣкоторымъ любопытствомъ. Она соображала что-то. Этотъ человѣкъ казался ей неглупымъ и дѣльнымъ... У него дѣйствительно могли бы пойти дѣла... Онъ, видимо, любитъ поговорить и легко сходится съ людьми... Если у него будетъ маленькая денежная заручка, онъ

двинется въ гору; и если бы нашелся человѣкъ, который помогъ ему, Щебневъ разсказывалъ бы о немъ...

— Если вамъ нужно,—подумавъ, начала она,—я бы могла помочь вамъ... Послѣ, когда-нибудь, отдадите!..

Щебневъ изумленно посмотрѣлъ на нее.

— Я не шучу!—повторила она.—Сейчасъ у меня нѣтъ, но я скоро могу достать вамъ... Я извѣщу васъ... Тогда вы дадите мнѣ для формы росписку, ну хоть на полгода, на годъ... пока не оперитесь... Что вы такъ удивленно смотрите на меня?

— Не знаю, какъ и благодарить васъ!—заговорилъ Щебневъ.—Только дивлюсь я: какъ это совсѣмъ, можно сказать, неизвѣстному человѣку деньги предлагаете!.. Ну, а ежели бы я не могъ уплатить вамъ?!.. Вексель-то векселемъ, а вѣдь нужно и человѣка знать...

— Это ужъ мое дѣло... Однако, сколько же вамъ нужно? Рублей пятьсотъ довольно? Болѣе я не могу...

— Пятьсотъ рублей! Э, да если эту сумму къ моимъ деньгамъ причесть, такъ ей-ей оперюсь, еще и какъ!.. Риска не боюсь, потому напередъ знаю, что останусь въ прибыли... Только ужъ процентъ возьмите, чтобъ и вамъ не обидно, и мнѣ не совѣстно... Для меня процентъ не убытокъ, а законность соблюсти слѣдуетъ.

— Ну хорошо, хорошо! И такъ, я увѣдомлю васъ...—повторила Наталья Прохоровна.

Еще разъ отъ всего сердца поблагодаривъ ее, Щебневъ, не желая шататься между этими пьяными и почти ничего общаго неимѣющими съ нимъ людьми, пошелъ домой, въ деревню свою, очарованный свѣтлыми надеждами, ободренный и счастливый. Эта встрѣча, этотъ недолгій разговоръ и результаты его казались ему какою-то сказкой.

А Наталья Прохоровна такъ же равнодушно сидѣла у окна и смотрѣла на веселившуюся толпу.

Предложить незнакомому человѣку сравнительно крупную сумму казалось ей вполнѣ естественнымъ. Съ презрѣннымъ металломъ, который такъ легко доставался ей и котораго болѣе 50-ти тысячъ на ея имя было положено въ банкъ полюбившимъ ее до самозабвенія старымъ милліонеромъ, княземъ Василіемъ Суглинскимъ,—съ металломъ этимъ она любила поиграть на всѣ лады, хотя въ извѣстныхъ границахъ и съ нѣкоторымъ расчетцемъ.

Теперь ласкала ея тщеславіе та роль филантропки и покровительницы, которую понемногу начинала играть она на своей родинѣ. Помощь семьѣ, пожертвованіе на церковь, потомъ этотъ Щебневъ... потомъ еще что-нибудь!.. О ней станутъ говорить... Она въ этомъ краю, кажется, богаче всѣхъ и конечно всѣхъ щедрѣе. Ее будутъ сравнивать съ другими... Она и сама сравниваетъ себя... И такъ это все у нея просто, легко, граціозно... И всѣ это чувствуютъ, и всѣ преклоняются передъ нею...

Она зажгла лампу и, вынувъ изъ своего сафьяноваго портфеля раздушенный миніатюрный листикъ слоновой бумаги, начала писать.

Вотъ что писала она:

«Дорогой князь!

«Получила отъ васъ три письма. Простите: до сихъ поръ не могла отвѣтить,—лѣнь! Вы пишете, что сильно скучаете безъ вашей кошечки и умоляете ее скорѣе пріѣхать къ вамъ, но вѣдь «кошечкѣ» нужно окрѣпнуть въ деревнѣ, набраться силъ, чтобы опять такъ же весело мурлыкать на вашихъ колѣняхъ. Впрочемъ, шутки въ сторону. Какая я кошечка! Вѣдь ужъ 30 лѣтъ скоро! А вы все еще такъ называете меня!

«Отдохнуть въ деревнѣ мнѣ право очень полезно. Въ Петербургъ стремлюсь, конечно,—но только для того, чтобы увидѣть васъ, дорогой князь! Подождите до октября; въ октябрѣ почти навѣрное буду.

«Вы пишете, что получили отъ вашего управляющаго небольшой сюрпризъ: лѣсъ вашъ проданъ вдвое дороже, чѣмъ вы думали. И вы хотите этотъ неожиданный доходъ пожертвовати на мои прихоти. Добренькій мой, вѣдь вы и такъ обезпечили меня на всю жизнь; но чтобы не обидѣть васъ—беру. Беру, впрочемъ, не на прихоти. Представьте себѣ: здѣсь я посвятила себя дѣламъ благотворительности... больше отъ скуки. Люди здѣсь добры и наивны; на нихъ не жалѣ.. Пусть себѣ благоденствуютъ. Ваша «кошечка» здѣсь играетъ роль. Передъ ней готовы преклоняться... Она пожертвовала 200 руб. на церковь... А сегодня подвернулся одинъ немолодой, немного натертый мужичекъ, когда-то богатый, но случайно разорившійся. Обѣщала и ему 500 руб. на предпріятіе, по векселю. Онъ, видимо, честенъ и навѣрное отдастъ; впрочемъ, мнѣ все равно. Счастье мое не въ деньгахъ и не въ людяхъ. Одинъ мой интересъ въ жизни, одна отрада, одна цѣль—это вы, князь!

«Предлагаемыя вами двѣ тысячи высылайте, не дожидаясь моего пріѣзда. Беру ихъ только на дѣла благотворительности. Буду жертвовать и помогать, можетъ быть, еще и еще,—если хотите, отъ вашего имени. Безъ всего этого слишкомъ скучно. Въ Петербургѣ не лучше. Поѣду туда только для васъ. Не будь тамъ васъ—столица казалась бы мнѣ пустыней.

«Одобряю ваше желаніе съѣздить въ Монако. Если останетесь въ выигрышѣ, сдѣлайте лишнее удовольствіе «себѣ». Мнѣ же и такъ довольно».

«Ваша Ната».

VII.

Дочь-командирша все такъ же главенствовала въ семьѣ священника, распоряжалась всѣми дѣлами, дѣлала выговоры сестрѣ, бранила прислугу и бдительно наблюдала за отцомъ, который, слѣпо подчинясь ей, довольствовался своей скромной порціей—по двѣ «маленькихъ» за обѣдомъ и ужиномъ.

Немало доставалось отъ Евгеніи Матвѣевны и Духотворскому съ Дремаловымъ.

Староста принужденъ былъ разъ навсегда отказаться въ ея присутствіи «мудрствовать лукаво» и возносить «Прошкину дочку». Дремалова она еще пуще прежняго осаждала насмѣшками и незатѣйливыми колкостями. Доставалось и Раечкѣ. И все-таки Евгенія Матвѣевна радовалась за нихъ обоихъ и находила, что остаться сестрѣ навсегда дѣвою еще печальнѣе.

Наступилъ августъ. Солнце смотрѣло уже какъ-то по-осеннему, листья кое-гдѣ пожелтѣли, но въ воздухѣ чувствовалось еще лѣто.

Въ одинъ изъ воскресныхъ дней семья отца Матвѣя, съ неизмѣннымъ членомъ ея, учителемъ Дремаловымъ, собралась къ обѣднѣ. Въ первый разъ появилась въ церкви и Наталья Прохоровна. Она была въ сѣромъ платьѣ шелковаго фуляра. Изысканную прическу ея прикрывала довольно вычурная шляпа ажурной соломки.

Лѣниво приставивъ къ глазамъ лорнетъ, осматривала она стѣны церкви, расписанныя аляповатыми картинами изъ священной исторіи. Съ такимъ же безучастнымъ любопытствомъ переводила она взоръ на молящихся въ слухъ мужиковъ и бабъ, на франтоватаго волостного писаря, на лавочника, съ сильно намасленною головой, на старшину, разжирѣвшаго мужика, съ гладко выбритымъ затылкомъ, съ волосами, подстриженными подъ «скобку», не въ тонъ подтягивавшаго пѣвчимъ.

Глядя на всѣхъ ихъ, Наталья Прохоровна безсознательно щурилась и улыбалась; и никто не оборачивался къ ней, и никто не замѣчалъ ея улыбки, кромѣ наряднаго писаря, да нѣкоторыхъ сельскихъ кумушекъ и крестьянскихъ ребятишекъ, съ пытливымъ вниманіемъ разглядывавшихъ каждую складку ея костюма.

Озираясь по сторонамъ, она не примѣтила сначала, что на клиросѣ, среди пѣвчихъ, только одна пара глазъ смотритъ на нее, сверкая недобрымъ и насмѣшливымъ огонькомъ.

Но вотъ Наталья Прохоровна, сквозь золотой лорнетъ, взглянула на клиросъ и остановила болѣе продолжительное вниманіе на хорошенькомъ личикѣ Евгеніи Матвѣевны, но готова была раскаяться въ этомъ. Евгенія Матвѣевна также поспѣшила надѣть пенснэ, задорно и лѣниво откинула назадъ голову, вытянулась, скорчила гримаску и такъ посмотрѣла въ лицо Косты-

невой, что та разомъ смутилась и, вспыхнувъ немного и потупясь, почувствовала себя что-то очень неловко.

Это было, впрочемъ, недолго. Ея самолюбіе было очень польщено, когда, въ концѣ обѣдни, въ небольшой проповѣди о пожертвованіяхъ на церкви, отецъ Матвѣй упомянулъ ея имя, а потомъ, на металлическомъ блюдечкѣ, церковный сторожъ, съ низкимъ поклономъ, поднесъ ей просфору, только одной ей.

По окончаніи обѣдни, уже дома, отецъ Матвѣй долженъ былъ выслушать отъ дочери строгую и горячую нотацію за то, что, несомнѣнно, по наущенію церковнаго старосты произнесъ проповѣдь, съ упоминаніемъ этого имени.

Староста былъ тутъ же, и на этотъ разъ со своею женой, Олимпіадой Сергѣевною, присутствіе которой замѣтно раздражало старшую поповну. Хорошо зная, что и Олимпіада Сергѣевна также не любитъ Костылеву, она нарочно воздержалась говорить про нее вслухъ.

Къ обѣду пришелъ Дремаловъ. На этотъ разъ онъ казался веселѣе и предложилъ даже всему обществу прокатиться на лодкѣ и устроить небольшой пикникъ на берегу живописнаго озера, въ двухъ верстахъ отъ Ожерелья.

Наступилъ вечеръ, теплый и ясный.

Были собраны незатѣйливые гастрономическіе продукты и взятъ самоваръ.

Не раздѣлилъ компанію только самъ хозяинъ, отправившійся въ свой садикъ, посмотрѣть на цвѣты и на созрѣвавшія яблоки.

Олимпіада Сергѣевна на этотъ разъ не побоялась простуды и, съ валерьяновыми каплями, которыя всегда носила при себѣ, взявъ подъ ручку своего «папочку» и томно опустивъ голову на его плечо, въ числѣ другихъ, отправилась на пикникъ.

Раечка шла съ Дремаловымъ, а Евгенія Матвѣевна пошла впередъ одна. Она шла быстро, не оборачиваясь, не интересуясь разговорами. Рядомъ съ ней лѣниво плелась запряженная въ телѣжку лошаденка, которая везла провизію, самоваръ и посуду, убранную въ корзинку съ соломой. На ходу, Евгенія Матвѣевна рвала траву и похлопывая незауздавную лошадку по ноздрямъ, кормила ее.

Въ телѣжкѣ, подергивая веревочными возжами, возсѣдала, прислуживавшая въ домѣ священника, Дашка, изрѣдка перекидываясь съ барышней словами.

— Евгенія Матвѣевна, что это вы убѣгаете отъ насъ! Неужели мы, простые смертные, вамъ ужъ такъ-таки и совсѣмъ не пара!—крикнулъ вдругъ учитель, поддразнивая ее.

— У васъ нѣжная идиллія,—отвѣчала она, едва оборотясь,— а вы знаете: я ненавижу идиллія.

— Даша, держи правѣе! Видишь: камень тутъ, — обратилась она къ дѣвочкѣ, беря подъ уздцы лошадь и отводя на середину дороги.

Недалеко отъ озера, имъ встрѣтился мужикъ Агапъ изъ одной дальней деревни, служившій когда-то у отца Матвѣя работникомъ.

Евгенія Матвѣевна помнила его и сразу узнала:

— Куда это, Агапъ?—полюбопытствовала она.

— Да вотъ, душенька, ваше благородіе, капиталу иду занять. Горюшко тутъ у меня случилось: лошаденка подохла. Ѣхалъ на прошлой недѣлѣ мостками по болоту... Всѣ какъ есть перегнивши... Въ одномъ мѣстѣ,—гдѣ канава съ водой, — обломилось одно бревно, другія тоже... ну, лошадка-то и увязла по горло... Я ее и такъ, и этакъ — нѣтъ, не беретъ! Пособить некому. Съ матушкой со своей ѣхалъ... Отъ ней ужъ какая помощь!—въ гробу одной ногой... Не выбралась лошаденка... Такъ, на моихъ глазахъ, и духъ испустила... Ужъ добро-бы матушка. Той давно пора... Хлѣбъ ѣстъ даромъ... Нѣтъ, вѣдь! А кормилица-то моя, лошадка-то, отдала душу свою... Что тутъ подѣлаешь...—плакался мужикъ.

— Вотъ, господа, учитесь реальности! — замѣтила Евгенія Матвѣевна собравшимся около мужика спутникамъ своимъ.

— Ахъ, какіе нравы!.. Какая жестокость!..—визгливо протянула Олимпіада Сергѣевна. — Ахъ, сердце мое! Вотъ опять забилось, опять...

— Ваше сердечко надо холодной водой облить или посѣчь розгой хорошенько,—оборвала ее Евгенія Матвѣевна.

— Папочка, вступись за меня! Ты слышишь, что мнѣ говорятъ!.. Она совсѣмъ забываетъ, что я старше ее, — жаловалась Олимпіада Сергѣевна, обращаясь къ мужу.

— Ну, папочка-то вашъ плохой защитникъ; да вы и поднадоѣли ему, я думаю... Такъ-ли, Василій Николаичъ?

Духотворскій осклабился и промолчалъ. Къ выходкамъ Евгеніи Матвѣевны онъ никакъ не могъ привыкнуть. Между тѣмъ, она перешла къ его женѣ:

— Вы, Олимпіада Сергѣевна, не ищите опору въ мужѣ. Онъ влюбчивъ и вѣтренъ, какъ мальчикъ. Я готова биться объ закладъ, что онъ ночи не спитъ отъ этой — какъ тамъ ее — Натальи, что-ли... А не будь Натальи или Василисы — не знаю,— онъ бы влюбился въ другую. Пожелай хоть я—и онъ былъ бы у моихъ ногъ. Ручаюсь! Да это и хорошо. Очень жалокъ тотъ мужъ, который, какъ дворняшка, вѣренъ своей женѣ, разъ она успѣла ему наскучить.

— О, что я слышу!.. О, мое сердце!.. Змѣя, нигилистка...— восклицала Олимпіада Сергѣевна.

Но Евгенія Матвѣевна была уже далеко.

Когда пришли къ озеру и выбрали «мѣстечко», она начала энергично помогать Дашкѣ: набрала сосновыхъ шишекъ, такъ какъ уголья были забыты, настрогала сухихъ прутиковъ для самовара, разостлала старую скатерть, перемыла посуду.

Раечка тѣмъ временемъ бродила съ учителемъ, тихо разго-

варивал о чемъ-то. Олимпіада Сергѣевна, подостлавъ пальто, расположилась на немъ полулежа и натирала виски... Василій Николаевичъ безучастно сидѣлъ на камнѣ, опустивъ голову и отдавшись пріятнымъ грезамъ.

— Рая, будетъ нѣжничать! Иди лучше—помоги мнѣ!..

— Онуфрій Игнатьичъ, бросайте-ка невѣсту! Наговоритесь еще! Соберите, вотъ. побольше шишекъ!.. Онѣ скоро сгораютъ... Василій Николаичъ, бросьте мечтать! Собирайте валежникъ!

Такъ распоряжалась «командирша», весело справляя свои дѣла и хорошо зная, что никто не откликнется ей.

Вдругъ изъ-за высокихъ и корявыхъ ольховыхъ кустовъ показался англійскій породистый жеребецъ и съ сѣдла проворно и ловко соскочилъ очень изящно одѣтый мужчина лѣтъ двадцати девяти, сильный брюнетъ, съ немного смуглымъ, правильнымъ и красивымъ лицомъ, на которомъ свѣтилась привѣтливая и довольная улыбка. Каждый шагъ его, каждое движеніе были естественны, свободны и граціозны; ничего бьющаго на эффектъ не было ни въ костюмѣ его, ни въ выраженіи его лица.

Онъ подходилъ улыбающійся, самоувѣренный и сдержанный.

Евгенія Матвѣевна первая замѣтила его и вдругъ вспыхнула. Въ ея чертахъ пробѣжало что-то и тоскливое, и радостное. Ей стало и весело, и горько, и неловко, но она преодолѣла себя и непринужденно обратилась къ нему, протягивая руку:

— Какъ вы кстати, Владиміръ Андреичъ: какъ разъ къ чаю... Какой вечеръ—не правда-ли!

— Да, чудный... Я не помѣшаю? — съ легкимъ поклономъ обратился онъ къ остальнымъ.

— Владиміръ Андреевичъ Тавридинъ, — представляла его Евгенія Матвѣевна женѣ Духотворскаго, которую онъ видѣлъ въ первый разъ. Остальные были ему немного знакомы и онъ поздоровался съ ними безъ представленія.

Олимпіада Сергѣевна томно смотрѣла на Тавридина, съ явнымъ намѣреніемъ понравиться. Ея поэтическая душа, ревнуя мужа, сама отдавалась иногда вольнымъ и сладкимъ мечтаніямъ; но грустное разочарованіе показалось въ глазахъ Олимпіады Сергѣевны, когда Тавридинъ, встрѣтивъ ея взглядъ, съ едва уловимой гримасой отвернулся и заговорилъ съ другими.

— «Вѣчный женихъ»!—иронически прошептала она.

На озерѣ, между тѣмъ, довольно далеко отъ берега, раздался вдругъ, пронзительный дѣтскій крикъ.

Всѣ въ недоумѣніи встали со своихъ мѣстъ и, всмотрѣвшись, увидѣли голову крестьянскаго мальчика, выглядывавшую изъ воды. Купаясь, онъ заплылъ слишкомъ далеко. Его сверстники одѣвались на берегу и никто изъ нихъ не рѣшался и не имѣлъ силы спасти товарища.

— Надо спасти его!—твердо и какъ-то повелительно проговорила Евгенія Матвѣевна, подбѣжала къ самому берегу, быстро

отвязала отъ столбика рыбацкую лодку и тяжелымъ весломъ оттолкнула ее отъ берега.

— Дайте и мнѣ съ вами сѣсть! Я помогу вамъ,—вскричалъ, подбѣгая, Дремаловъ.

— Поздно, Онуфрій Игнатьичъ! Да и гдѣ вамъ! Будьте настолько хоть смѣлы, чтобъ не бояться своей трусости!—проговорила она, уже отплывая.

Учитель нахмурился, а Тавридинъ захлопалъ въ ладоши и засмѣялся.

Ему бы и самому хотѣлось помочь Евгеніи Матвѣевнѣ, но все это она сдѣлала такъ лихорадочно быстро и къ тому же Тавридинъ не умѣлъ вовсе обращаться съ веслами.

Мѣрно взмахивая веслами, Евгенія Матвѣевна подплывала уже къ мальчику, ухватившемуся за какую-то обломанную доску. Силы оставляли его. Еще мигъ—и онъ пошелъ бы ко дну, но Евгенія Матвѣевна была уже на мѣстѣ и своей сильной и ловкой рукой схватила его за волосы и ловко втащила въ лодку.

Мальчикъ тяжело дышалъ, полусознательно озираясь.

Набросивъ на ребенка свою кофточку, она направила лодку къ берегу и доставила мальчугана къ другимъ дѣтямъ, радостно встрѣтившимъ его.

— Ну, дѣтки,—весело говорила Евгенія Матвѣевна,—за то, что я спасла вамъ товарища, наловите-ка раковъ и принесите намъ вонъ туда!

Она указала мѣсто, гдѣ была собрана большая куча хворосту, который скоро зажгутъ, и виднѣлись фигуры людей.

Такъ же легко и быстро отчаливъ лодку, она поплыла къ своимъ.

Все общество дожидало ее на берегу. Приближаясь, она замѣтила, что ей кто-то машетъ платкомъ. Еще приблизясь, она различила Тавридина, который стоялъ значительно въ сторонѣ отъ другихъ и махалъ ей. И ей было радостно, что онъ одинъ привѣтствуетъ ее и что онъ уединился отъ нихъ... Но она, словно устыдясь своего чувства, нарочно направила руль туда, гдѣ были остальные.

Послѣ чая и раковъ, доставленныхъ ребятишками и сваренныхъ въ самоварѣ,—когда безоблачное небо озолотилось лучами восходящаго мѣсяца,—былъ зажженъ костеръ.

Всѣ подошла къ н му, кромѣ Олимпіады Сергѣевны, изъявившей желаніе отдохнуть вдали отъ огня, и старосты, осужденнаго почти ни на шагъ не отлучаться отъ жены.

Когда пламя начало стихать, пуская изрѣдка огненные языки исчезавшіе въ воздухѣ, Раечка съ учителемъ пошли къ берегу.

Евгенія Матвѣевна и Тавридинъ остались одни.

Евгенія Матвѣевна блестящими, задумчиво мечтательными глазами смотрѣла на озеро, залитое мягкимъ серебрянымъ свѣтомъ.

Въ простомъ сатиновомъ платьѣ, съ накинутой на плечи кофточкой и съ синей поясной лентой, она никогда еще такъ не нравилась Тавридину, какъ въ эти минуты.

— Что-жъ мы стоимъ здѣсь!.. Пойдемте къ нимъ!.. Скоро домой пора... Поздно,—проговорила она, обернувшись къ нему.

— Евгенія Матвѣевна, — нервно заговорилъ Тавридинъ,—у меня мысли путаются... Я столько перечувствовалъ, передумалъ... Неужели все кончено?..

— Ахъ, оставьте, Владиміръ Андреичъ! Ничего вѣдь и не начиналось. Все это старо, нелѣпо, пошло... Неужели жизнь такъ бѣдна, что нѣтъ другихъ интересовъ! Вѣдь чувства наши—вздоръ! Можетъ быть, просто микробы въ крови заводятся и жгутъ ее, и волнуютъ, и мучатъ, а потомъ умираютъ... И тогда человѣкъ здоровъ, веселъ... Вѣдь такъ?—И она вдругъ громко засмѣялась и продолжала черезъ минуту:

— Зачѣмъ вы пришли сюда?! Зачѣмъ видѣться намъ?! Я была покойна безъ васъ; начинала забывать все... Видите, даже философствовать научилась!.. Неужели вамъ такъ дешевъ покой мой!.. Вы нравитесь мнѣ—правда; можетъ быть и я нравлюсь вамъ. Но подумайте хорошенько: пара ли я вамъ? Вы—утонченно воспитанный, избалованный жизнью баричъ, а я—поповна, неотесъ-дѣвка... Нѣкоторые меня ломакой считаютъ, кокеткой, грубой, мѣщанской кокеткой... Говорятъ, у меня напускное все... Кто ихъ знаетъ! Можетъ быть и правы... Я сама не знаю себя... Не сердитесь на вашихъ родныхъ... Будьте послушнымъ сынкомъ. Ваша мамаша права... Хвалю васъ, что смирились. Умница!

— Не говорите такъ! — хватая ея руку, вскричалъ Тавридинъ.—Ахъ, Боже мой! Да поймите вы, что тутъ цѣлая бездна тьмы, предразсудковъ, суевѣрій... Все это живетъ вѣками... Я не въ силахъ бороться одинъ... Убѣжденія тутъ не дѣйствуютъ... Силой дѣйствовать нельзя. Мать не вынесетъ этого... А она столько страдала за меня... Она только и живетъ мною... Я долженъ повиноваться... Вѣрьте мнѣ, умоляю васъ!

— Знайте, Владиміръ Андреевичъ, — рѣзко начала она,— если бы мать ваша и согласилась, — я, клянусь Богомъ, не стала бы вашей женой, именно потому, что той нелѣпой, шальной, но настоящей, беззавѣтной любви у васъ нѣтъ. Хвалю васъ за это: умница! Только сумасшедшіе любятъ такъ!..

Онъ не зналъ, что возражать ей, какъ разувѣрить ее.

Въ самозабвеніи, онъ обнялъ ее и жадно смотрѣлъ въ ея влажные и блестящіе глаза. Ему вспомнилась первая встрѣча ихъ, два года назадъ, и другія ихъ встрѣчи, и чувство во всей силѣ вспыхнуло въ немъ.

— Забудьте меня на вѣкъ!—не сопротивляясь говорила она.— Меня и слабо любить не стоитъ... Забудьте! Кому я назначена въ жены—охъ, какъ солоно и горько будетъ тому! Знаете: я за что, вдругъ, ни съ того, ни съ сего могу возненавидѣть

человѣка—и ужъ тогда не буду съ нимъ нѣжничать. Притворяться не умѣю... Заведу открытыя связи съ другими... Вѣдь я еще меньше васъ умѣю любить! Люблю только отца, хоть мало уважаю... потомъ сестру... васъ, наконецъ... Къ остальнымъ—ледъ! Вотъ спасла отъ смерти мальчишку на вашихъ глазахъ, но не думайте, что изъ любви къ человѣчеству... Ничуть! Я спасла его даже не изъ тщеславія передъ другими, а знаете ли—на зло другимъ... Если бы они были посмѣлѣе и сами взялись за дѣло—я бы съ мѣста не двинулась и хохотала надъ ними... Иногда люблю мучить другихъ... безцѣльно, просто потому, что не по сердцу они мнѣ... Вотъ хоть бы учитель, или эта дура, жена Духотворскаго. Сколько разъ она плакала отъ меня! Я становлюсь тогда вульгарной, глупой; но мнѣ весело, страшно весело въ такія минуты!.. А другой разъ явится желаніе льстить. Не уважаешь человѣка, въ грошъ не ставишь, а льстишь ему, грубо льстишь—и видишь, какъ идіотски вѣритъ онъ, и радуешься, и торжествуешь. Право, въ этомъ есть какое-то непонятное, дикое торжество!.. Потомъ... говорятъ среда загрызаетъ человѣка! На меня она дѣйствуетъ обратно. Вотъ такъ и хочется перечить ей, противостоять—и не на словахъ только, а въ душѣ, въ сердцѣ. Видишь, что люди такъ довольны всѣмъ, такъ глупо счастливы, такъ пошло сыты—ну, и злитъ это тебя, безотчетно злитъ... Хочешь не походить на нихъ, создать свой міръ, думать по своему... И знаешь, что они могутъ возненавидѣть тебя, и радуешься этому, и опять торжествуешь... И въ другомъ тоже: было у насъ на курсахъ нѣсколько либералокъ, глупыхъ либералокъ, повторявшихъ чужія слова, незнакомыхъ съ жизнью, наивныхъ. Все проклятыя книжки! Вѣдь отъ книжекъ нашъ братъ, женщина, часто глупѣетъ! Какъ-то такъ случилось, что я попала въ ихъ кругъ, хотя никогда не была либералкой. Ну и такъ мнѣ все это противно стало, гадко, что на зло имъ, на послѣдніе гроши, «Русскій Вѣстникъ» выписала. Такъ же и во всемъ... Видите я какая! Вѣдь сумасшедшая? Правда?.. Забудьте меня!

Она пристально взглянула на него и вдругъ громко захохотала.

Тавридинъ не отвѣчалъ. Болѣе и она не говорила. И вся природа застыла кругомъ. Кроткое сіяніе мѣсяца сторожило эту заколдованную тишину ночи.

Тавридинъ, вдругъ, крѣпко прижалъ ее къ груди. Руки ея упали на его плечи, безнадежно и страстно.

Гдѣ-то вдали послышался визгливый голосъ Олимпіады Сергѣевны, жаловавшейся на головную боль.

«Роскошный сонъ» былъ нарушенъ.

Евгенія Матвѣевна рѣзко отстранилась отъ него и захохотала.

— Прощайте, г-нъ Тавридинъ! Забудьте этотъ вечеръ! Это глупости, сказки, ерунда, ложь!

— Рая, Онуфрій Игнатьичъ! Гдѣ вы? Идите! Пора домой! — громко кричала она.

Тавридинъ, нервно подгоняя своего иноходца, скакалъ, ближайшимъ путемъ, узкой тропинкой, къ своей усадьбѣ. По обѣ стороны темнѣлъ молодой сосновый лѣсокъ. Далѣе открывался небольшой пустырь, оцѣпленный смѣшаннымъ лѣсомъ: старыя и молодыя березы, темно-зеленые, почти черные, силуэты елей, выдѣлявшіеся на нѣжномъ фонѣ лунной ночи; кое-гдѣ рябина, обвѣшанная тяжелыми красными гроздьями ягодъ. Разливался запахъ болотъ, грибовъ, перегнившихъ деревьевъ. Причудливыя формы тумана опускались и вздымались надъ самой землей.

Миновавъ пустырь и въѣзжая опять въ лѣсъ, уже болѣе густой, Тавридинъ вдругъ поблѣднѣлъ.

Немного въ сторонѣ отъ тропинки послышался тихій, едва слышный смѣхъ. Точно русалка смѣялась.

Какая-то тѣнь вдругъ промелькнула между деревьевъ. Очертанія ея сгустились и приняли знакомое выраженіе... Но лицо и глаза были неподвижными, мертвыми, каменными. Въ нихъ застылъ, словно, этотъ затаенный демоническій смѣхъ.

— Евгенія Матвѣевна, вы ли это?! — вскрикнулъ Тавридинъ, но сейчасъ же очнулся и сильно ударилъ хлыстомъ лошадь.

Это была галлюцинація.

VIII.

Наступилъ сентябрь. Земская школа уже была открыта для занятій.

Была перемѣна.

Человѣкъ тридцать крестьянскихъ мальчиковъ и пять-шесть дѣвочекъ звонко и весело хохотали, перекидывались крѣпкими русскими словцами и обмѣнивались ловкими ударами, сейчасъ же примиряясь и забывая обиду. Часть учениковъ поспѣшили на крыльцо, живо размѣстившись на ступенькахъ и боковыхъ скамейкахъ, посмѣиваясь надъ прохожими старухами и кидая въ нихъ мелкими камешками.

Онуфрій Игнатьевичъ Дремаловъ и законоучитель отецъ Матвѣй въ учительской комнатѣ, служившей Дремалову и квартирой, бесѣдовали о злободневныхъ мѣстныхъ дѣлишкахъ, въ ожиданіи уроковъ.

Одинъ изъ болѣе шустрыхъ учениковъ, явясь въ комнату, неожиданно прервалъ ихъ бесѣду.

— Барышня Наталья Прохоровна пришли... По дѣламъ стало быть... — торжественнымъ шопотомъ доложилъ онъ.

Дремаловъ проворно вскочилъ, обдернувъ почему-то жилетъ и дотронувшись до галстуха; отецъ Матвѣй медленно всталъ,

кряхтя и потягиваясь, и оба они прошли на крыльцо встрѣтить ее и провести въ учительскую комнату.

Съ обычной небрежной и, въ тоже время, привѣтливой улыбкой, поздоровавшись со священникомъ и поспѣшившимъ представиться ей учителемъ, Наталья Прохоровна объявила, что хочетъ сдѣлать новое пожертвованіе—на этотъ разъ въ пользу школы.

— Скажите,—обратилась она къ Дремалову,—какія книги нужны для школы—учебныя и для чтенія? Можетъ быть не мѣшаетъ выписать дѣтскій журналъ и для васъ—педагогическій... Я рѣшила также ходатайствовать о разрѣшеніи народныхъ чтеній. Для этого нуженъ волшебный фонарь... Мы все, все заведемъ. За расходами я не постою... Потомъ, не нуженъ ли въ школѣ ремонтъ? Говорите мнѣ! Я все запишу, что надо—и сдѣлаю! Я всегда сочувствовала народному образованію... Но какъ вы блѣдны!.. Вамъ вѣрно трудно здѣсь! Да?—снисходительно и участливо спрашивала она.

Польщенный вниманіемъ ея и ея мягкимъ, ласковымъ взглядомъ, Дремаловъ жмурилъ глаза, мѣнялся въ лицѣ, поправлялъ галстукъ и пріискивалъ выраженія, въ которыхъ можно бы посильнѣе излить благодарность. Обычная угрюмость его, кажется, совсѣмъ исчезла.

Скоро данъ былъ звонокъ, дѣти поспѣшили въ классъ, куда учитель пригласилъ и Наталью Прохоровну.

Въ классѣ, въ присутствіи ее и отца Матвѣя, Дремаловъ, собравшись съ силами, сказалъ учащимся небольшую рѣчь о пользѣ образованія и указалъ на Наталью Прохоровну, какъ на поборницу этого святого дѣла.

Урокъ былъ отложенъ на нѣсколько минутъ и оба преподавателя съ Натальей Прохоровной прошли опять въ учительскую комнату.

Пообѣщавъ еще разъ помочь нуждамъ школы, Наталья Прохоровна снова обратилась къ Дремалову.

— Но вы,—говорила она,—какъ вы живете здѣсь? Вѣдь вы еще такъ молоды, а здѣсь такая глушь... Положимъ, дѣло... но одного этого мало... Сколько вамъ лѣтъ?

— Мнѣ двадцать четыре года; но я много пережилъ всего... Кажусь старше... Я не ропщу... Вѣрю въ свои силы! — самодовольно проговорилъ учитель.

— О, это очень похвально! Жить умомъ лучше, чѣмъ сердцемъ.

— Онъ и сердцемъ живетъ! — подхватилъ отецъ Матвѣй.— Вотъ за мою младшую дочку присватался... Эхъ ты, гусь! — подмигнулъ онъ учителю.

Наталья Прохоровна поморщилась.

— Это та дѣвушка, которую я видѣла въ церкви? Она, кажется, стояла на клиросѣ?..

— Нѣтъ, то Евгенія, старшая, командирша; а эта—Раиса,—

нюхая табакъ, пояснялъ ей отецъ Матвѣй и снова подмигивалъ Дремалову.

На эти подмигиванья Дремаловъ начиналъ хмуриться.

— Ну, такъ вамъ не скучно!..—смѣясь обратилась къ нему Наталья Прохоровна.—Влюбленнымъ вездѣ хорошо.

— Я люблю ее скорѣе какъ ребенка, по-отечески. Такая любовь мнѣ и лучше. Я—меланхоликъ.

Но Наталья Прохоровна уже не слушала учителя. Мысли ея витали гдѣ-то далеко, гдѣ—она и сама не знала. «Для чего все это я дѣлаю»? — думала она и желала только, чтобы и этотъ новый для нея мірокъ не слишкомъ скоро наскучилъ ей.

Полуразсѣянная и усталая, въ эти минуты она казалась еще милѣе.

Дремаловъ пристально смотрѣлъ на нее и, по уходѣ ея, возвратясь въ классъ, былъ замѣтно разсѣянъ и съ трудомъ досидѣлъ часы.

IX.

Вѣсть о посѣщеніи Натальей Прохоровной школы быстро разнеслась по селу и по окрестнымъ деревнямъ.

Узналъ объ этомъ и Щебневъ, уже получившій обѣщанные ему 500 рублей изъ суммы, которую не замедлилъ выслать Натальѣ Прохоровнѣ ея облысѣлый поклонникъ, князь Суглинскій.

О безпримѣрной для того края щедрости «Прошкиной дочки» говорила вся волость, и главарями этихъ распространившихся слуховъ были Щебневъ и церковный староста.

Жертва на церковь и вниманіе къ нуждамъ школы очень подкупили въ пользу Натальи Прохоровны всѣхъ деревенскихъ обывателей изъ крестьянъ. Отъ нея стали ждать многаго. Бѣднѣйшія сосѣднія деревеньки уповали на ея помощь для обсѣмененія. Годъ былъ неурожайный.

Пронеслась молва, что она на свои средства устраиваетъ въ Ожерельѣ аптечку и фельдшерскій пунктъ, и еще много чего говорили.

Щебневъ, однажды нарочно пріѣхавъ къ Натальѣ Прохоровнѣ, поспѣшилъ передать ей всѣ эти вѣсти. Костылева была видимо польщена и, поощряемая Щебневымъ, на другой же день кончила съ прежнимъ дѣломъ: выписала для школы необходимые учебники, разрѣшенныя книги для чтенія и журналы.

Щебневъ, состоя уѣзднымъ гласнымъ отъ крестьянъ, въ ближайшемъ земскомъ собраніи, поддержанный либеральной партіей, къ глубокому негодованію многихъ изъ дворянъ противной партіи, добился, что собраніемъ было постановлено оффиціально выразить благодарность Натальѣ Прохоровнѣ.

О благодарности земства очень скоро, черезъ Щебнева, до-

несся слухъ до ожерельскихъ жителей. Къ этому же времени пришло разрѣшеніе о народныхъ чтеніяхъ съ туманными картинами. На средства Натальи Прохоровны былъ выписанъ волшебный фонарь. На первое чтеніе собралось очень много народа, въ томъ числѣ и всѣ окрестные интеллигенты и полуинтеллигенты. Не было только Олимпіады Сергѣевны.

Передъ началомъ, церковный староста, въ присутствіи разряженной по поводу торжества Натальи Прохоровны, прочелъ по ея адресу подходящее къ случаю прочувствованное слово. Василій Николаевичъ давно уже составилъ планъ этой рѣчи. Онъ давно зналъ, что на торжество непремѣнно пойдетъ и жена его, и потому взялъ на себя трудную задачу: польстить Натальѣ Прохоровнѣ и не оскорбить жену. Такимъ образомъ рѣчь его была сдержанной и, кажется, достигла своей цѣли.

Взоры публики были обращены при этомъ на виновницу торжества. Олимпіада Сергѣевна же взглядывала поочередно: то на нее, то на своего «папочку» и старалась уловить выраженіе ихъ лицъ; но она осталась покойной, прочтя въ лицѣ Натальи Прохоровны одно холодное сознаніе своего величія, а въ лицѣ мужа, какъ казалось ей, сочувствіе не къ этой «опустившейся» женщинѣ, а только къ «благому» дѣлу. Согласіе свое мужу на произнесеніе привѣтственной рѣчи она дала потому только, что онъ, какъ лучшій изъ мѣстныхъ ораторовъ, всегда бралъ на себя эту роль, чѣмъ Олимпіада Сергѣевна, въ свою очередь, готова была гордиться.

Послѣ слова церковнаго старосты выступилъ Дремаловъ, раздобывшійся неуклюже сидящимъ на немъ, сильно поношеннымъ фракомъ. Фракъ этотъ далъ ему на прокатъ одинъ изъ мужиковъ, служившій когда-то лакеемъ въ столичномъ ресторанѣ. Онъ прочелъ нѣсколько главъ изъ «Жизни животныхъ» Брема, сопровождая чтеніе туманными картинами. Картины вышли не такъ удачно, но присутствовавшіе видимо были заинтересованы. Болѣе всѣхъ оживился Щебневъ. Онъ самодовольно и съ апломбомъ объяснялъ сидѣвшему рядомъ съ нимъ волостному старшинѣ непонятныя для того мѣста.

По окончаніи чтенія, Щебневъ, вмѣстѣ съ Дремаловымъ, выразилъ отъ себя и отъ лица, яко-бы, всего населенія благодарность Натальѣ Прохоровнѣ. Тутъ же полуграмотнымъ старшиной по складамъ была прочитана, препровожденная въ волостное правленіе, для передачи Костылевой, бумага земской управы, съ изъявленіемъ ей отъ лица земскаго собранія благодарности за «ревностное участіе къ дѣлу народнаго образованія».

Наталья Прохоровна, вполнѣ вошедшая въ свою роль, съ покровительственной улыбкой благодарила и учителя, и церковнаго старосту, и волостного старшину за ихъ сочувствіе къ ея начинаніямъ и за личное вниманіе къ ней. Въ сжатой рѣчи она обратилась и къ народу, выразивъ свое удовольствіе, что почти все село откликнулось ей и съ интересомъ слушало чтеніе, «об-

гащающее умъ новыми знаніями». И всѣ съ тупымъ благоговѣніемъ смотрѣли на нее, и она чувствовала взгляды ихъ...

Расходился народъ по своимъ домамъ, уже почти забывъ о чтеніи и картинахъ, и разсуждая о своихъ текущихъ хозяйственныхъ дѣлахъ.

Нѣкоторые, впрочемъ, переговаривались и о предметахъ болѣе отвлеченныхъ:

«Ишь вѣдь затесалась куда!.. Благодарности получаетъ... Пуще всякой барыни стала... Ишь Питеръ-то»!..

Только Щебневъ и Дремаловъ чувствовали подъемъ духа, да церковный староста шелъ какимъ-то очарованнымъ, не слушая, что говорила ему немилосердно налегавшая на его руку Олимпіада Сергѣевна.

X.

Къ РАЕЧКѢ Дремаловъ незамѣтно охладѣвалъ.

Образъ ея въ его душѣ начиналъ понемногу вытѣснять другой образъ—образъ умной, хорошо изучившей жизнь, проницательной, насмѣшливой, развращенной, но сильной женщины,—образъ Натальи Прохоровны.

И Раечка замѣчала охлажденіе его. Ранѣе онъ былъ съ нею рѣзкимъ, иногда прямо грубымъ, но любилъ ее. Чувство его иногда неожиданно проявлялось въ искреннемъ, сильномъ и страстномъ порывѣ. Теперь же онъ былъ съ нею вѣжливъ, холоденъ, скученъ и вялъ.

Евгенія Матвѣевна первая угадала причину охлажденія Дремалова къ сестрѣ.

— Ну, что твой женихъ?! — говорила она сестрѣ. — Ужъ не лепечетъ тебѣ нѣжныхъ словъ? Не уводитъ тебя подъ сѣнь деревьевъ? И «его» гордое сердце шевельнула эта богиня!..

И Раечка глубоко вѣрила ей, и сама замѣчала это, и начинала плакать, какъ ребенокъ.

Евгенія Матвѣевна тогда измѣняла тонъ и начинала успокоивать сестру, чѣмъ могла: говорила, что Дремаловъ не стоитъ ее, что это не потеря, что онъ ничуть не лучше другихъ, скорѣе хуже и глупѣе.

Но Раечка не утѣшилась и еще горче плакала, и заступалась за него съ ребяческимъ жаромъ. Она говорила, что не онъ ее, а она не стоитъ его, что «та» женщина навѣрное умнѣе ее.

Раечка похудѣла даже за послѣднее время. Ночью она долго, до самаго утра иногда, не могла заснуть, и мысль за мыслью, загадка за загадкой проходили въ разгоряченной головкѣ ея.

«Но какъ же помочь дѣлу»!? — говорила она себѣ и все перебравъ, обо всемъ передумавъ, наконецъ сдѣлала «открытіе» и остановилась на немъ.

Въ одной верстѣ отъ села, въ крошечномъ выселкѣ, гдѣ всего три двора размѣстились почти у самой опушки лѣса, съ давнихъ поръ живетъ старая ворожея Матрена. Много чудесъ творила она, по разсказамъ очевидцевъ, надъ сердцами суженыхъ. Вотъ и мужъ мельничихиной дочери, Федоръ, возвратился къ своей семьѣ и всемогущимъ вліяніемъ Матрены выпутался изъ сѣтей очаровавшей его Парашки!.. Вотъ... — и многое припомнилось Раечкѣ изъ практики деревенской ворожеи.

Она рѣшила непремѣнно пойти къ ней — ночью, когда весь домъ уснетъ и никто не узнаетъ объ ея отсутствіи. Къ тому же ночь казалась ей самымъ подходящимъ временемъ для рѣшающихъ судьбу человѣка наговоровъ.

Стояла сырая осень. Ночи темныя, непривѣтныя, дождливыя. Село мертвѣло, какъ обездоленное пожаромъ, и только собаки, заливаясь безцѣльнымъ хамканьемъ и долгимъ, тоскливымъ воемъ, свидѣтельствовали о присутствіи жизни...

Съ фонаремъ въ рукѣ, едва переводя дыханіе, боясь обернуться, нервно и торопливо шла Раечка къ выселку, въ одной изъ избенокъ котораго, дотягивая свои одинокіе дни съ единственнымъ другомъ своимъ, старымъ котомъ, жила ворожея Матрена.

Въ концѣ села ощетинившаяся дворняшка набросилась на Раечку, за ней другая, третья; но скоро назойливыя собаченки отстали и возвратились къ своимъ дворамъ.

Ночной сторожъ, на счастье Раечки, уронивъ свою колотушку, сладко подремывалъ на бревнѣ...

Раечка уже въ полѣ.

Еще съ полверсты — и она свернетъ влѣво и пойдетъ возлѣ самаго лѣса. Ей становилось страшно. Точно видѣнія ночи окружали ее и слѣдили за нею. На бѣду, она споткнулась и уронила фонарь, а спички захватить забыла.

Съ трудомъ различая дорогу, она, взволнованная и испуганная, старалась идти еще скорѣе, но все спотыкалась и чуть не падала.

Наконецъ различила она нѣсколько черныхъ пятенъ. Это были избы и другія строенія. Въ одной избенкѣ свѣтилась лучина.

Раечка почему-то рѣшила, что тутъ именно и живетъ Матрена, и боязливо стукнула въ окно.

— Ну, чего тамъ? Чего тебѣ?—послышался грубый старческій голосъ.

— Здѣсь живетъ Матрена?.. Ворожея?..—нерѣшительно освѣдомилась Раечка.

— Ну, здѣсь. Чего же тебѣ надоть?.. Ишь, въ ночь какую пришла!—ворчала старуха, выходя на крыльцо съ горящей лучиной.

— Да никакъ это батюшкина дочка!? — спохватилась она, узнавъ Раечку.—Ну иди, иди, желанная! Держись за меня; а то крыльцо-то ветхое... Неравно упадешь...

Съ помощью Матрены, Раечка поднялась на дѣйствительно очень ветхое и расшатанное крыльцо и вошла въ закоптѣлую, низенькую и покривившуюся избенку.

Огромная русская печь занимала половину избы. Возлѣ нея, на полкѣ, покрытой толстымъ слоемъ пыли, вверхъ дномъ было разставлено нѣсколько горшковъ, валялся сальный огарокъ, какія-то лѣкарственныя снадобья и прочій хламъ.

Въ углу, подъ полинявшей иконой, на расшатанныхъ ножкахъ, ютился маленькій трехъугольный столикъ съ псалтыремъ и евангеліемъ.

На полу, между подгнившими половницами, чернѣли огромныя щели, пропуская холодъ и сырость.

Все въ избѣ было старо, грязно, пахло какою-то смѣсью махорки, клоповъ и переношеннаго бѣлья.

Раечка не знала куда сѣсть, къ чему прислониться.

Лицо старухи, которое она только теперь успѣла хорошо разглядѣть, хотя и встрѣчалась съ нею ранѣе, было лицомъ вѣдьмы. Вдавленный, полураскрытый ротъ, съ торчащими тремя зубами... Подвижные преступные глаза... Сгорбленная спина, скорюченные тощіе пальцы...

— Ну что, желанная? Чѣмъ могу сослужить тебѣ?.. Зачѣмъ пожаловала сюда,—этакой ноченьки не побоялась!? Озябла, чай?— самодовольно и строго, съ сознаніемъ своего могущества, спрашивала старуха, острыми зрачками пытливо взглядывая на Раечку, подбочась и усаживаясь на скамейку.

— Да сядь! Чего стоишь-то! Знать и такъ умаялась... Не пужайся!..

Раечка брезгливо сѣла на край скамьи.

— Ну, такъ сказывай, мое солнышко!—повторила старуха.

— Я... я пришла сюда... узнать... Я пришла по дѣлу...— путалась Раечка, боязливо озираясь на всю окружающую обстановку и не смѣя взглянуть въ лицо Матрены.

— Вѣстимо по дѣлу! Безъ дѣла ко мнѣ не ходятъ, особливо въ этакія ночи.

— У меня есть женихъ,—продолжала, сильно волнуясь, Раечка.—Онъ охладѣлъ ко мнѣ и полюбилъ одну нехорошую женщину, которая поселилась у насъ...

— А, знаю, знаю! Должно, Прохину дочку... Она тамъ орудуетъ у васъ!.. Таково-то дѣло!.. Слыхала... До меня до первой кажиный слухъ доходитъ... Бываетъ, что другой только подумаетъ, только въ умѣ держитъ самую эту измѣну-то, а ужъ я знаю; не видавъ его, знаю. Такое ужъ познаваніе внутрѣ у меня сидитъ... Ишь она, змѣя подколодная!... Ну, да ужъ этому не бывать! Не сумлѣвайся, желанная! Не бывать, какъ есть. Ну, а теперь сиди смирно!

И старуха, согнувшись и кряхтя, подошла къ полкѣ и взяла оттуда щепотку соли, а потомъ погасила лучину.

У Раечки замерло сердце. Ей казалось, что сейчасъ соберутся

вокругъ нея лѣщіе, домовые и все, что помнила она изъ сказокъ, которыхъ такъ много слышала въ дѣтствѣ и которымъ когда-то беззавѣтно вѣрила.

При слабомъ отблескѣ еще не переставшей углиться лучины, она видѣла, какъ старуха, что-то держа въ рукѣ, размахиваетъ другою рукой, отдаетъ какіе-то поклоны, словно ведетъ таинственную бесѣду съ какимъ-то невидимымъ существомъ.

Съ печки кто-то неожиданно спрыгнулъ. Раечка чуть не закричала отъ ужаса, перенесенная въ міръ призраковъ; но скоро ее успокоила дѣйствительность: замяукалъ котъ, который и соскочилъ съ печки, проснувшись отъ холода и голода.

Долго размахивала старуха рукой, долго кланялась до земли и, наконецъ, зажгла лучину.

— Вотъ тебѣ, касатка, средствіе!—говорила она, завертывая въ бумажку заколдованную щепотку соли.—Это ты, передъ тѣмъ, какъ придетъ онъ къ тебѣ, посыпь на порогъ. Какъ переступитъ соколикъ твой, такъ и полюбитъ тебя на вѣки-вѣчные, а разлучницу твою, змѣю эту подколодную, забудетъ.

Раечка поблагодарила Матрену, дала ей серебряный рубль, который не забыла захватить, и попросила держать въ глубокой тайнѣ ея посѣщеніе.

Она попросила «бабушку» проводить себя и вмѣстѣ съ нею отправилась въ обратный путь, боясь, чтобы кто-нибудь не проснулся въ домѣ и не узналъ объ ея отсутствіи.

Но въ домѣ все было тихо. Всѣ давно спали, не подозрѣвая о похожденіяхъ Раечки.

Она, еще разъ поблагодаривъ старуху, на цыпочкахъ прошла въ незапертую послѣ ея ухода дверь и, проворно раздѣвшись, легла и предалась сладкимъ мечтаніямъ.

Дремаловъ навѣщалъ Борисоглѣбцевыхъ уже не каждый день, а только разъ въ недѣлю, обыкновенно по субботамъ, послѣ всенощной, къ вечернему чаю.

Въ ближайшую послѣ описаннаго дня субботу, ко всенощной пошла и Евгенія Матвѣевна.

Раечка отговорилась головною болью и осталась въ домѣ одна, освободивъ и прислугу.

Когда всѣ ушли въ церковь, она перекрестилась, взяла щепотку нашептанной соли и осыпала ею порогъ входной двери. Потомъ опять перекрестилась и начала ждать, считая минуты.

Къ 8-ми часамъ отецъ ея и сестра вернулись, въ сопровожденіи Дремалова.

Раечка ожила: онъ переступилъ порогъ! Онъ даже и вошелъ первый. Чего же болѣе! Счастье ея теперь обезпечено!

Дремаловъ холодно поздоровался съ нею.

Ей мучительно хотѣлось остаться съ нимъ наединѣ, но удобной минуты не выпадало и самъ Дремаловъ не обнаруживалъ желанія удаляться отъ остальныхъ членовъ семьи. Теперь

ему пріятно было даже присутствіе нелюбимой имъ Евгеніи Матвѣевны, лишь бы не оставаться съ Раечкой глазъ-на-глазъ; но Евгенія Матвѣевна, угадывавшая ихъ обоихъ, желая сдѣлать пріятное сестрѣ и на зло Дремалову, вышла изъ комнаты. Отецъ Матвѣй прилегъ до ужина,—и они остались вдвоемъ.

— Отчего вы не были сегодня на всенощной? — послѣ довольно продолжительнаго молчанія, спросилъ Дремаловъ.

— Такъ, нездоровилось,—нехотя отвѣчала Раечка.

Ей совсѣмъ не о томъ хотѣлось говорить.

— Вамъ полезенъ воздухъ, а вы все дома сидите...—лѣниво продолжалъ Дремаловъ.

— Мы съ вами такъ рѣдко встрѣчаемся, что вы не можете знать, что я дѣлаю.

— Я очень занятъ это время и мало выхожу...

И опять водворилось молчаніе.

— Вы разлюбили меня...—вдругъ прошептала Раечка, умоляюще взглянувъ на него.

— Кто это вамъ внушаетъ такія подозрѣнія? Вѣроятно сестра, каждое слово которой—законъ для васъ.

— Нѣтъ, я сама вижу, что вы разлюбили меня. Не лгите, я вижу это. Я не умна, мало знаю жизнь, мало читаю, но сердцемъ вижу васъ...

— Тише, не волнуйтесь! Насъ могутъ услышать.

— Вамъ понравилась нехорошая дѣвушка,—полу-плача, говорила Раечка,—я вамъ наскучила. Умоляю васъ, скажите прямо!

Дремаловъ принужденно засмѣялся.

— Нехорошая дѣвушка!.. Это Костылева?!. Но знаете-ли вы, что я и видѣлъ-то ее всего два раза.

— Такъ отчего же вы измѣнились?.. Такой грустный стали...

— Ахъ, оставьте эти допросы! Что мнѣ: божиться, клясться передъ вами, образа цѣловать! Думайте, какъ хотите! — грубо отвѣтилъ онъ.

— Рая, прикажи самоваръ ставить!—раздался голосъ успѣвшаго «соснуть» отца Матвѣя.

Скоро онъ и самъ появился въ гостиной.

— А что, Онуфрій Игнатьевичъ,—обратился къ нему священникъ, — пѣвчіе-то у тебя сегодня того... прихрамывали... Лѣнишься, братъ, спѣвки дѣлать. Видно не тѣмъ занятъ... Ну, да жениху простительно...

И отецъ Матвѣй весело захохоталъ; но никто не отвѣтилъ ему. Раечка отвернулась и сдвинула брови. Нахмурился и Дремаловъ.

За чаемъ и ужиномъ говорилъ одинъ отецъ Матвѣй. Евгенія Матвѣевна молчала. Дремаловъ, ни на кого не глядя, ѣлъ и пилъ съ обычнымъ аппетитомъ, а Раечка всецѣло погрузилась въ свои полудѣтскія страданія и думы.

Она уже переставала вѣрить и въ вѣщій заговоръ старой Матрены.

XI.

Прошло недѣли двѣ. Осень окончательно вступила въ свои права. Проглянетъ ненадолго холодный усталый лучъ солнца и опять — продолжительный, мелкій, скучный дождь и слабая, изнемогающая пѣсня равнодушнаго, меланхолическаго вѣтра.

Природа не разражалась порывами гнѣва, не воспламенялась лучезарнымъ свѣтомъ любви, а только ныла, жаловалась на что-то, нервничала, какъ болѣзненная женщина.

Наталья Прохоровна начинала скучать. Ея тріумфы теперь только смѣшили ее. Она рѣшила въ самомъ скоромъ времени ѣхать въ Петербургъ, уйти въ прежнюю жизнь, видѣть прежнюю обстановку.

Случай сдѣлалъ совсѣмъ иное.

Въ послѣдніе дни, пользуясь тѣми недолгими часами, когда на небѣ нѣтъ тучъ и холодные лучи безстрастно заливаютъ блѣдно-зеленое небо,—она, въ недавно пріобрѣтенномъ кабріолетѣ, одна, безъ кучера, ѣздила по окрестностямъ, чтобы поменьше быть въ неприглядныхъ стѣнахъ родительской избы, незатѣйливо и безвкусно принаряженной для нее.

Въ одну изъ такихъ прогулокъ, она проѣхала верстъ восемь отъ села.

Солнце клонилось къ закату. Пора было возвращаться. Сдѣлавъ слишкомъ крутой поворотъ, Наталья Прохоровна неосторожно наѣхала однимъ колесомъ на камень. Кое-какъ державшееся небрежно привинченною Прохоромъ Захаровымъ гайкой колесо свалилось. Наталья Прохоровна упала изъ экипажа.

Въ критическія минуты часто сама судьба приходитъ на выручку.

Соображая что дѣлать, Наталья Прохоровна вдругъ заслышала вдали лай собаки. Скоро изъ-за кустовъ выскочилъ молодой сетеръ; а за нимъ показался мужчина въ охотничьемъ костюмѣ, съ сумкой черезъ плечо и съ ружьемъ въ рукѣ.

Это былъ Тавридинъ.

Увидѣвъ Наталью Прохоровну въ такомъ безвыходномъ положеніи, онъ быстро подошелъ къ ней и, представившись, принялся за работу.

Черезъ нѣсколько минутъ колесо было на своемъ мѣстѣ и гайка ввинчена прочно и крѣпко.

Тавридинъ радъ былъ этой встрѣчи.

Послѣ свиданія съ Евгеніей Матвѣевнбю на пикникѣ, онъ готовъ былъ жадно искать какихъ бы то ни было новыхъ встрѣчъ и впечатлѣній, только бы какъ-нибудь забыться. Онъ горячо отдался охотѣ и хозяйству, чтобы только не думать о ней.

Послѣ небольшого колебанія, онъ предложилъ Натальѣ Про-

хоровнѣ заѣхать къ нему въ имѣніе, которое очень близко отсюда, и отдохнуть немного. Потомъ онъ вызвался проводить ее и обратно.

Онъ слышалъ о Костылевой, слышалъ о ея жизни въ Петербургѣ. Изучивъ достаточно типъ подобныхъ ей женщинъ, онъ былъ удивленъ несходствомъ ея съ ними. Ея манеры, голосъ, черты лица довольно понравились ему.

Наталья Прохоровна, поблагодаривъ, согласилась. Она не менѣе его желала бы новыхъ встрѣчъ.

Ведя обычные при первомъ знакомствѣ разговоры, они подъѣзжали къ усадьбѣ.

Среди оголеннаго вѣкового сада выглядывала зеленая крыша каменнаго барскаго дома, съ широкимъ балкономъ. Нѣсколько въ сторонѣ отъ сада группировались постройки: большой скотный дворъ на кирпичныхъ столбахъ, людская съ рѣзьбой надъ окнами и подъ крышей, два амбара съ огромными около нихъ вѣсами, курятникъ, обнесенный невысокой изгородью, каретный сарай, баня. Вдалекѣ виднѣлось гумно, также на кирпичныхъ столбахъ, выстроенное совсѣмъ заново и покрытое красною желѣзною крышей.

На разстояніи четверти версты, высились трубы давно закрытаго, спичечнаго завода. Тутъ же бѣжала извилистая рѣчка, донося шумъ воды, падающей съ мельничной плотины. Собственная церковь, съ покривившейся колокольней, пряталась въ ближайшей рощѣ, сохраняя подъ своими сводами болѣе вѣка гробницы восходящихъ членовъ фамиліи.

Двѣ огромныя собаки полудатской породы съ веселымъ лаемъ бросились на встрѣчу хозяину, визжа и подпрыгивая у самыхъ колесъ, вмѣстѣ съ сетеромъ, прибѣжавшимъ ранѣе и предупредившемъ своихъ товарищей.

Сдавъ лошадь конюху, Тавридинъ провелъ гостью въ домъ.

Наталья Прохоровна повеселѣла, увидѣвъ обстановку, столь не похожую на ея «половину» въ родительскомъ домѣ.

Въ кабинетѣ красовалась огромная коллекція ружей, современныхъ и старыхъ, кинжаловъ, ятагановъ, пріобрѣтенныхъ еще дѣдами въ періодъ Суворовскихъ походовъ.

Все это было развѣшано на красномъ сукнѣ въ строгой симметріи. Въ комнатѣ было нѣсколько художественной работы шкафовъ съ книгами, минералами, раковинами, археологическими находками.

Нажавъ пуговку электрическаго звонка, Тавридинъ приказалъ моментально появившейся миловидной горничной приготовить чай.

По уходѣ ея, онъ началъ объяснять Костылевой каждый предметъ, который сколько-нибудь привлекалъ ея вниманіе.

— Вы много путешествовали, вѣроятно?—освѣдомлялась она, слушивая объясненія и разглядывая вещи.

— Да, кое-гдѣ былъ: въ Швейцаріи, въ Италіи, въ Констан-

тинополѣ; но давно, еще почти мальчикомъ... Почти все забылъ, что видѣлъ... Голова не тѣмъ занята была...

Натальѣ Прохоровнѣ нравилась его сдержанность, тактъ, уваженіе, хоть наружное, къ ея личности.

— Не тѣмъ занята была голова!—повторила она.—Влюблялись, навѣрное!..

— Да, пожалуй... Я рано началъ чувствовать, да и слава Богу. Хоть немного пожилъ... А то вѣдь такая скука, пустота, проза кругомъ, что точно и не живешь на свѣтѣ.

— Да, Владиміръ Андреичъ, безъ любви холодно, скверно... Я бы Богъ знаетъ что дала, чтобъ полюбить только!..

— А вы никогда еще не любили слѣпо, очертя голову?

— О, какъ же! Можетъ-быть, еще безумнѣе васъ. Вѣдь вы... ваше сердце—и теперь не свободно... Я вижу васъ впервые, но уже знаю... Слухомъ земля полнится,—лукаво и кокетливо всматриваясь въ него,—говорила Наталья Прохоровна.

Тавридинъ поморщился.

— Не затрагивайте больше этого вопроса, прошу васъ!—раздражительно замѣтилъ онъ.—Говорите лучше о себѣ. Ваша откровенность пріятно отзовется во мнѣ. Искреннее слово женщины вливаетъ въ душу что-то теплое...

— Вы умны, Владиміръ Андреичъ,—подумавъ, начала Костылева,—и потому я буду съ вами на распашку. Васъ интересуетъ: любила ли я? Да, я любила, и еще недавно. Не удивляйтесь! Любить могутъ всѣ и во всѣхъ положеніяхъ. Преступники, каторжники любятъ! Къ несчастью, тотъ, который одинъ на свѣтѣ былъ дорогъ мнѣ—отвѣчалъ мнѣ только чувственной страстью, а я жаждала, да и теперь, пожалуй, хочу чистой любви. Онъ былъ цѣльная натура, здоровая... Грѣховно любятъ такихъ женщинъ, какъ я, именно такія натуры. Это въ своемъ родѣ идеалисты. Чувственность ихъ прячется при честныхъ женщинахъ и боится ихъ, боится даже мысленно оскорбить ихъ непорочность. И напротивъ—мы,—нѣтъ, какое!—не мы, а самыя худшія изъ падшихъ созданій, дошедшія до крайнихъ предѣловъ цинизма—всего скорѣе могутъ въ нихъ вызвать животное чувство. Вѣдь право же: для грязнаго чувства и нужна грязь... Пусть это парадоксъ,—но я увѣрена, что если бы всѣ мужья обожали своихъ женъ, то самымъ послѣднимъ изъ погибшихъ женщинъ прямо не было бы отъ нихъ отбоя. Истинно любимая женщина для мужчины святыня. Если бы жены были чуточку поумнѣе, то онѣ не устраивали бы своимъ мужьямъ сценъ ревности изъ-за насъ; напротивъ, онѣ сами себя тогда больше бы уважали... Ахъ, какъ бы я страстно желала, чтобъ меня хоть кто-нибудь полюбилъ «другой» любовью!.. Кто-нибудь, кто хоть чуточку интересенъ мнѣ!.. Боже мой!—вы представить не можете, какъ гадко и противно становится, когда видишь этихъ пѣтушковъ, этихъ жеребчиковъ! Почти любой изъ нихъ таетъ отъ тебя... Съ нимъ можно дѣлать все... Онъ прямо ду-

рѣетъ... И такъ гадка становишься самой себѣ, и онъ такъ гадокъ дѣлается, что готова бросить все, убѣжать, скрыться и отъ него, и отъ міра, и отъ самой себя.

— Все это, можетъ быть, вѣрно; но на себя вы клевещете. Къ вамъ можно относиться иначе. Вы и тѣ женщины—большая разница все-таки,—очищая ногти, возражалъ Тавридинъ.

— Все-таки!.. Конечно, «все-таки» разница... Но вѣдь это только теперь... До знакомства съ княземъ Суглинскимъ, моимъ покровителемъ, я прошла порядочную школу... Но объ этомъ не стоитъ!

Она горько усмѣхнулась.

— И вы говорите, что васъ никто не любилъ такъ, какъ бы вамъ хотѣлось?..

— Да, кромѣ этого князя Суглинскаго. Онъ обожаетъ меня и теперь; но онъ старъ, глупъ, онъ противенъ... Довольно, бросимъ объ этомъ... Я устала...

Она откинулась на спинку кресла и закрыла глаза.

Явилась горничная съ докладомъ, что самоваръ поданъ.

Они отправились въ столовую.

Тавридину захотѣлось хорошенько угостить Наталью Прохоровну, устроить крошечный пиръ,—и потому онъ приказалъ подать къ чаю лучшія закуски и цѣлую коллекцію винъ.

— Кутнемте, Наталья Прохоровна! Позабудемтесь... Такъ вѣдь, право, лучше! — развеселясь говорилъ онъ, наливая ей коньякъ въ миніатюрную рюмочку.

Костылева не противилась и охотно выпила изъ рюмки-наперстка.

Ей и самой хотѣлось забыться.

Закусивъ коньякъ кусочками лимона, они принялись за чай, который разливала сама Наталья Прохоровна.

Потомъ опять коньякъ, опять чай... Потомъ пуншъ, закуска, вина, ликеры...

— Вотъ гдѣ счастье—въ немъ, въ винѣ!—говорила Костылева, раскраснѣвшись и становясь очень развязной.—Вспомнила я мое счастье и, кажется, нахожу его снова... Эхъ, веселые годы!.. Все, все, бывало, забудешь... Гдѣ-то далеко раздается венгерскій хоръ, а сама сидишь въ отдѣльномъ кабинетѣ, окруженная поклонниками,—какими—это все равно! Кругомъ смѣхъ, шутки, остроты, побрякиванье шпоръ, запахъ духовъ, дорогихъ сигаръ... Все слилось вмѣстѣ... И пьянитъ тебя, и веселитъ, и чаруетъ... Сама знаешь, что это—гибель, развратъ, позоръ, но, кажется, этому-то и радуешься... О, въ гибели есть мучительное, необъяснимое блаженство! Все равно, какъ стоишь надъ пропастью: такъ и тянетъ тебя внизъ броситься... Знаешь, что на смерть разобьешься, въ дребезги, но оттого-то и тянетъ... Потомъ все это утихло у меня, наскучило... Перемѣнились и обстоятельства. Я стала grand dame своего кружка... Явилось тщеславіе. Выѣзжала рѣдко... Больше у себя принимала, и то со

строгимъ выборомъ, «по протекціи». Въ домѣ завелся тонъ, сдержанность... Все стало шито-крыто... Развратъ сталъ утонченнѣе и замаскированнѣе... Многимъ изъ прежнихъ друзей я перестала кланяться при встрѣчахъ; отъ подругъ отворачивалась... Завела рысаковъ и научилась щуриться... Стала ханжить, покровительствовать юродивымъ старухамъ и филантропничать... Однимъ словомъ, окончательно пала. Или нѣтъ: поднялась? Какъ вы думаете?

Она усмѣхнулась, налила сама коньяку уже въ большую рюмку и залпомъ выпила.

Тавридинъ равнодушно и разсѣянно слушалъ ее.

Онъ хорошо зналъ, что стоитъ только вызвать женщину на откровенность—и удержу не будетъ этимъ исповѣдямъ. Въ Натальѣ Прохоровнѣ онъ подмѣтилъ, впрочемъ, природный умъ и нѣкоторую самобытность.

Разгорѣвшееся лицо и немного пьяные, блестящіе глаза, ея встрепавшіеся волосы—все это влекло его къ ней физически.

Подъ воздѣйствіемъ вина, онъ привлекъ ее къ себѣ на колѣни.

— Ну, что же... И вы такой же, какъ всѣ!.. Ахъ, какъ мнѣ надоѣло все!.. — говорила она, кокетничая и перебирая его бороду.

— Да, Наталья Прохоровна, я—тертый калачъ... Загрубѣлъ... По другому я бы васъ никогда не полюбилъ, а «такъ» любить даже и очень могу.

— Ну, спасибо хоть за то, что не лжете. И это хорошо.

Она, шаля, налила рюмку ликеру, отпила немного, потомъ ему поднесла остальное.

— Напьемся во всю! — говорила она. — Забудемся хоть на часъ!.. Забываться вѣдь хорошо!..

— А еще лучше забывать! Я хочу многое забыть, все... — говорилъ осоловѣвшій Тавридинъ.

— О, я помогу вамъ! Ну, скажите: развѣ вы теперь не въ моей власти! Вѣдь, что хочу, то и сдѣлаю съ вами. Скажу: бросьте свою невѣсту, плюньте ей въ лицо! Или уйду отъ васъ сейчасъ, сію секунду уйду!.. Ха-ха-ха... «Уйду — не уйду, а отойду» только — и вы сейчасъ же откажетесь отъ нея... Вѣдь правда? А?..

И она безсмысленно, гадко захохотала, а Тавридинъ, не возражая, цѣловалъ ее въ лицо и въ шею, и что-то шепталъ ей умоляюще, страстно...

— Потомъ... потомъ... завтра... Спать хочу... спать... Не могу... — повторяла Наталья Прохоровна, и кое-какъ освободясь отъ его объятій, слегка пошатываясь, прошла въ приготовленную для нея комнату.

Она заснула моментально. Грудь ея дышала покойно и ровно, и полуоткрытыя губы улыбались, точно отъ счастья.

Костылева проснулась, когда уже прозвонилъ для рабочихъ колокольчикъ къ обѣду. Въ головѣ ея была тяжесть, во всемъ тѣлѣ слабость. Однако она пересилила себя, протерла глаза и быстро встала.

Умывшись холодной водой, она почувствовала облегченіе и даже бодрость.

Вспомнивъ вчерашній вечеръ, она только засмѣялась. Вчерашній вечеръ походилъ на сотни вечеровъ, пережитыхъ ею, но въ немъ было и что-то свое, что-то наивное, задушевное... Она вспомнила всѣ разговоры ихъ, отъ начала до конца... Тавридинъ нравился ей. Во многомъ не походилъ онъ на тѣхъ... петербургскихъ... Нравилась ей и самая обстановка деревенскаго барскаго дома. Даже и въ старомодной роскоши ея было что-то болѣе крѣпкое, цѣльное и здоровое.

Ей такъ хотѣлось подольше быть здѣсь и она была очень порадована, когда горничная объявила ей, чтобы она «не изволила» безпокоиться, что лошадь ея уже отправлена, и что баринъ самъ отвезетъ ее.

Одѣвшись и причесавшись, съ помощью горничной, Костылева прошла въ столовую, гдѣ уже посвистывалъ чистый, какъ зеркало, самоваръ и молодой хозяинъ, покуривая гаванскую сигару, медленными глотками выпивалъ свой стаканъ.

Увидя ее, онъ всталъ и весело поздоровался.

— Ну, Наталья Прохоровна, простите: я распорядился отправить вашу лошадь. Погостите у меня еще денька два-три, а то и больше... Если вамъ понадобятся вещи—я пошлю за ними. Не правда ли? Куда вамъ спѣшить? Вѣдь вамъ некого бояться.

Очень довольная его предложеніемъ, Наталья Прохоровна все-таки сдѣлала видъ, что обдумываетъ вопросъ.

— Только съ условіемъ,—наконецъ проговорила она:—больше не пить такъ! Будемъ умѣренны... Лучше...

— О, даю вамъ слово!—подхватилъ Тавридинъ.

Наталья Прохоровна сѣла за хозяйку.

Весь день она исполняла взятую на себя роль хозяйки. Она стала точно своею въ домѣ.

Къ вечеру за ней пріѣхалъ отецъ.

На заявленіе горничной, что ее желаетъ видѣть какой-то мужичекъ, она, догадавшись, сдѣлала недовольную гримасу и вышла на улицу къ подъѣзду.

— Вотъ наша-то!.. Ишь загостилась!—снимая шапку и добродушно ухмыляясь, говорилъ Прохоръ Захаровичъ.

Дочь, кивнувъ ему, недоумѣвающе спросила:

— Я нужна дома? Случилось что-нибудь?

— Нѣтъ, какое тамъ... Случиться ничего не случилось, а такъ... Дѣдка безпокойствуетъ... Къ молодому барину, говоритъ, не слѣдъ ѣздить... Вотъ, поди, толкуй съ нимъ!

— А!.. Ну, такъ передай ему, что я сейчасъ не могу ѣхать,

а пріѣду скоро, при первой возможности. И больше не безпокойте меня!

— Ладно, ладно, жадобная... Намъ-то со старухой что: знамо дѣло, вещь обнаковенная. Отчего бы и не погулять съ бариномъ!.. Такъ нѣтъ, не беретъ въ толкъ!

— Ну, прощай, папаша; мнѣ неудобно долго стоять здѣсь.

— Прощай, прощай, жадобная. Не обезсудь, что пріѣхалъ къ тебѣ! Не по своей волѣ...

И Захарычъ уже трусилъ обратно на сытенькой, лѣнивой лошаденкѣ.

— Кто это васъ звалъ?—спрашивалъ Тавридинъ, когда она вернулась.

— За мной пріѣзжали... Зовутъ домой... Я отказалась...

— И прекрасно сдѣлали. Сегодня я пошлю за вашими вещами.

— Мнѣ торопиться некуда. Дѣлайте, что хотите!

— О, какъ пріятна такая власть!—смѣясь, замѣтилъ Тавридинъ и слегка обнялъ ее.

Она нѣжно и шаловливо, какъ молодой котенокъ, ласкалась къ нему.

— Мы оба ищемъ только забвенія,—говорила она, ласкаясь,— и вѣдь, пожалуй, найдемъ. Что-жъ, съ насъ и довольно!.. Ну, будетъ нѣжничать! Пойдемъ лучше пройдемся куда-нибудь... Покажите мнѣ ваши постройки, ваше хозяйство... Вѣдь я всѣмъ могу интересоваться, не думайте!

И онъ шелъ съ нею и показывалъ...

День прошелъ незамѣтно и весело.

За ужиномъ уже не было столько напитковъ. Не было и отовенничаній, и объятій не было; они точно начинали привыкать другъ къ другу, сживаться. Они даже дружески поссорились изъ-за какого-то пустяка и очень скоро помирились.

Тавридину чувствовалось, что присутствіе Натальи Прохоровны какъ будто внесло въ его домъ и какую-то теплую искорку. Всему существу его стало какъ будто теплѣе.

И Наталью Прохоровну ничто не влекло отсюда. Ей стало какъ-то хорошо здѣсь. Точно она цѣлые годы живетъ въ этомъ домѣ и съ этимъ человѣкомъ.

Всего второй день, но отношенія ихъ были такъ просты, все романическое въ какомъ бы то ни было смыслѣ настолько стушевывалось въ нихъ, что можно было заключить, что это самая обыкновенная супружеская чета, живущая тихимъ мѣщанскимъ счастіемъ. Въ ближайшую ночь отведенная для ночлеговъ Натальи Прохоровны комната была открыто признана лишнею...

XII.

Они были неразлучны почти цѣлыми днями: вмѣстѣ ходили на гумно, когда послѣ ночного молоченья провѣивался хлѣбъ; вмѣстѣ заглядывали въ скотный дворъ; присутствовали при постройкѣ новаго экипажнаго сарая.

Тавридинъ совсѣмъ не интересовался тѣмъ, что будетъ говорить многочисленная дворня о его отношеніяхъ къ нежданной никѣмъ гостьѣ. А дворня почти и не говорила объ этомъ. Она находила все это въ порядкѣ вещей: «Баринъ богатъ. Одному скучно. Отчего же и не побаловаться»!

Вечера у нихъ проходили въ разнообразныхъ, но безсодержательныхъ бесѣдахъ. Въ вышивкахъ, выѣздахъ и другихъ развлеченіяхъ они не нуждались.

Они все болѣе привыкали другъ къ другу. Все болѣе казалось симпатичнымъ Натальѣ Прохоровнѣ загорѣлое, красивое и мужественное лицо ея сожителя.

Выдался холодный, но ясный день. Подернувшій съ ранняго утра оголенныя деревья иней не сходилъ во весь день.

Тавридинъ вышелъ съ Натальей Прохоровною пройтись передъ обѣдомъ. Свѣжее дыханіе морознаго осенняго дня ободряло ихъ, придавало силы, вѣяло чѣмъ-то молодымъ и здоровымъ.

Они шли молча, но угадывали одинъ въ другомъ проблескъ тихаго, почти несознаваемаго довольства.

Отойдя отъ усадьбы съ полверсты, они увидали мужика, ѣхавшаго на таратайкѣ и остановившагося при встрѣчѣ съ ними.

Это былъ Федоръ, работникъ и кучеръ отца Матвѣя.

— Что скажешь, братецъ? — обратился къ нему Владиміръ Андреевичъ.

— Къ вашей милости... Не уступите ли овсеца четвертей съ пятокъ... Батюшка приказалъ... Въ нашемъ селѣ ни у кого нѣтъ для продажи... Вѣстимо, не такой годъ...

— Что же, можно... — разсѣянно согласился Тавридинъ. — Обратись къ приказчику; онъ отпуститъ. Ну, что: какъ ваши? Здоровы?

— Здоровы, окромя барышни, Евгеніи Матвѣевны. Простудилась, должно... Теперь слегши... Говорятъ, все скучали... Кухарка сказывала... Потомъ подолгу гулять начали, во всякую погоду. Оттого и запростудились... Не иначе...

— Ваша невѣста больна!.. Вы навѣрное поѣдете къ ней...— не то участливо, не то иронически говорила Наталья Прохоровна.

Тавридинъ не отвѣчалъ. Темныя предчувствія тѣснились въ немъ... И вдругъ все окружающее опять показалось ему невыносимо скучнымъ. Онъ хотѣлъ видѣть теперь только одну Евгенію Матвѣевну, быть около нея.

«Ѣхать! Сейчасъ же ѣхать къ ней», — рѣшилъ было онъ; но сейчасъ же и одумался. Нуженъ ли онъ тамъ?!

Онъ готовъ былъ заплакать, какъ ребенокъ; ему хотѣлось остаться одному, чтобы никто не разгонялъ его думъ, его плановъ... И эта физически обаятельная женщина, идущая съ нимъ рядомъ, тяготила его теперь болѣе, чѣмъ кто бы то ни было.

И Наталья Прохоровна угадала его.

— Вы страдаете?.. Вамъ, можетъ быть, лучше остаться одному?.. Я могу уѣхать... Я и хотѣла даже... Вы удержали...

Онъ обрадовался, услышавъ это, и подумавъ немного, отвѣчалъ:

— Наталья Прохоровна, вы—умны, и было бы смѣшно притворяться съ вами. Да, мнѣ хотѣлось бы пока...

Она не дала договорить ему.

— Пока! Какой вздоръ! Нѣтъ, я вамъ совсѣмъ не нужна!.. Позабылись... завели пошленькій романъ до случая... Подвернулся случай — и довольно! Когда мы придемъ, прикажите запречь лошадь и собрать мои вещи! Я уѣзжаю.

Онъ не отговаривалъ.

Вернувшись, онъ для приличія предложилъ ей переночевать, такъ какъ было поздно, но встрѣтивъ энергичный протестъ, остался удовлетворенъ и сдѣлалъ распоряженіе.

Черезъ часъ Наталья Прохоровна въ новенькихъ легкихъ дрожкахъ возвращалась домой.

На душѣ у нея было очень скверно. Она не успѣла полюбить Тавридина, но встрѣтила въ его домѣ что-то умиротворяющее, что-то похожее на счастье... А теперь—снова тоска, снова ожиданіе также далеко неотрадной ей, прежней столичной жизни...

— Что дѣлать ей? Для чего жить? Куда бы бѣжать?..

Вдали показались два небольшихъ шатра.

— Что это?—спросила она у кучера.

— А цыгане стоятъ... Второй день, какъ расположились...

— Счастливые люди! — вздохнувъ, прошептала она и слезы навернулись у нея на глазахъ.

Въѣзжали въ село. Оставалось всего нѣсколько десятковъ саженъ до дома ея родителей.

— Слушай, голубчикъ, — оживляясь, приказывала она кучеру, — прокати меня еще верстъ пять, а потомъ ужъ домой. Я хорошо заплачу тебѣ; только вези быстрѣе, что есть мочи, во весь духъ!.. Скучно!..

Молодой кучеръ сдѣлалъ возжами какой-то условный знакъ, присвистнулъ и гнѣдая пара крѣпкихъ вятокъ помчалась какъ вихрь, вздымая сѣрыя облака пыли.

XIII.

Прошло всего нѣсколько дней, а Тавридинъ измѣнился въ лицѣ, осунулся, точно постарѣлъ.

Тотъ самый Федоръ, который пріѣзжалъ къ нему отъ батюшки за овсомъ, опять пріѣхалъ, и на этотъ разъ передалъ письмо.

«Я больна. Хочу видѣть васъ. Пріѣзжайте»!

«Евгенія».

Всего одна строчка! Но она повѣяла на него чѣмъ-то бодрымъ. Сила, какъ будто, въ одинъ мигъ возродилась въ немъ.

Не отлагая, онъ приказалъ запречь лошадей и отправился въ Ожерелье.

Былъ седьмой часъ вечера, когда онъ пріѣхалъ.

Въ домѣ отца Матвѣя царила невозмутимая тишина. Самъ онъ, какъ всегда, спалъ передъ ужиномъ; Раечка пошла въ земскую аптеку за лѣкарствами для сестры. Аптека была далеко отъ ихъ дома. Она ожидала приготовленія микстуръ и не могла скоро вернуться.

Тавридину пріятны были и эта тишина, и отсутствіе домашнихъ.

Евгенія Матвѣевна, лежавшая въ смежной съ гостиной комнатѣ, узнала его шаги.

— Владиміръ Андреевичъ, это вы? Войдите сюда!—раздался ея слабый голосъ.

Тавридинъ на цыпочкахъ прошелъ въ дверь.

Евгенія Матвѣевна лежала въ легкой блузѣ, до половины прикрытая одѣяломъ.

Она начинала поправляться. Болѣзнь приняла благопріятный оборотъ; но она еще была очень слаба. Лицо ея, подернутое болѣзненнымъ румянцемъ, сильно похудѣло, но не стало отъ этого менѣе красивымъ. Расширенные темные зрачки ея горѣли легкимъ блескомъ.

Она слабо протянула руку, которую Тавридинъ съ чувствомъ поцѣловалъ.

Въ комнатѣ было тѣсно. Стулья завалены.

Маленькій столикъ у кровати былъ обставленъ лекарствами.

Тавридинъ чуть не опрокинулъ его.

— Ахъ, какой вы стали неловкій! — раздражаясь говорила она.—Да сядьте же! Садитесь поближе! Я давно не видала васъ... Ну, говорите: что вы дѣлали?.. Ахъ, какъ скверно... Опять душить начало!.. Поправьте мнѣ подушку!.. Не такъ... повыше... еще выше!.. Простите! Я утомляю васъ; настоящей бабой сдѣлалась... Мнѣ все нипочемъ, но болѣзней не могу переносить... и никогда не могла... Скверно!..

Тавридинъ, исполнивъ всѣ капризы ея, сѣлъ у самаго ея изголовья, ловилъ каждый ея взглядъ.

— Не спрашивайте меня, что я дѣлалъ. Я чортъ знаетъ, что дѣлалъ! Я совсѣмъ одурѣлъ за это время. Когда увналъ о болѣзни вашей, я чуть съ ума не сошелъ.

— Пылкій юноша! А пріѣхать все-таки не догадались. Вѣдь какъ ни есть, а мы съ вами все же друзья.

— Пріѣхать! Но вѣдь вы... Вспомните нашу послѣднюю встрѣчу!.. Мы такъ странно разстались...

— Оставьте! У васъ, говорятъ, гостила эта...

— Да...—прошепталъ Тавридинъ.

— Не подумайте еще, что я ревную... Впрочемъ, бросимъ объ этомъ!

— Все это отъ тоски...—заговорилъ Тавридинъ.—Страшная тоска... Я совсѣмъ расклеился. Можетъ быть у меня и не было воли... Да, у меня нѣтъ ее... Я не могу болѣе бороться. Будь, что будетъ! Я нарушаю долгъ по отношенію къ матери... Евгенія Матвѣевна, вы стали мнѣ еще дороже... Я не могу жить безъ васъ. Только вы сдѣлаете меня счастливымъ... Отвѣчайте!

— Вы ребенокъ—вотъ что я скажу вамъ!—нервно засмѣявшись, начала она.—То одно говорили, теперь начали другое.. Сперва долгъ побѣждалъ любовь; теперь любовь побѣдила... И почему вы такъ жаждете меня? Вѣдь мы пропадемъ!.. Я вѣдь еще больше ребенокъ. Я не сдѣлаю васъ счастливымъ... Вотъ теперь я люблю васъ и, пожалуй, сильно; а поженимся—и вдругъ блажь придетъ: захочу забыть васъ, измѣнить... Именно «захочу»! Понимаете? Я ищу отъ жизни хоть немного поэзіи, а бракъ—проза! Теперь мнѣ дороги свиданія съ вами, а тогда, можетъ быть, будетъ дорога разлука... Да и еще: я люблю властвовать.. А если вы сядете подъ башмакъ—я буду глубоко презирать васъ и измѣнять открыто!.. Съ мнѣніемъ свѣта я не справляюсь... Я дикая, шальная! Только развѣ съ тѣми, кого горячо люблю—пока люблю ихъ—я могу быть настоящимъ человѣкомъ. А то—бѣда! Вотъ такъ и хочется дѣлать то, чего не ждутъ отъ тебя... Обманывать ихъ чувства, ихъ надежды... Сближаться съ тѣми, кого они не любятъ... Вызвать ихъ ненависть къ себѣ самой... понимаете—къ себѣ!.. Вырваться отъ ихъ участія, какъ изъ тюрьмы... Въ этомъ есть для меня наслажденіе, поэзія, если хотите...

— Отвѣчайте же: согласны?—держа ея руку, страстно прошепталъ Тавридинъ.

Она неожидано обняла его и поцѣловала въ губы.

— Будемъ счастливы хоть теперь,—смѣясь и плача, говорила она,—а потомъ не пеняйте!.. Помните, что до свадьбы вы можете одуматься... Обо мнѣ не заботьтесь.

— Не говорите объ этомъ! Къ стати ли въ такія минуты!?

— Какія это минуты!? Минуты самыя обыкновенныя. Экое мудрое дѣло, что два влюбленныхъ признаются въ своей страсти! Вѣдь въ эту самую минуту на землѣ навѣрное милліоны такихъ же паръ лепечутъ о томъ же самомъ... Боже, какъ все это

хорошо и какъ все это пошло!.. Ну, идите теперь!.. Будетъ, я устала... Пишите роднымъ!.. Если бы не эта болѣзнь, не это одиночество, не эта тоска—я бы сдержала свое слово и навсегда осталась въ дѣвкахъ; ну, а ужъ теперь—будь что будетъ!.. Идите! Я повидала васъ—и пока довольно. Прощайте! Устала...

Поцѣловавъ ее, Тавридинъ вышелъ.

Онъ возвращался, глупо счастливый... Улыбка не сходила съ его лица.

«Удивительная, непонятная, чудная дѣвушка»!—восторженно думалъ онъ.

XIV.

НАТАЛЬЯ Прохоровна, пріѣхавъ отъ Тавридина въ родительскій домъ, прошла въ свою половину. На осторожные разспросы любопытной матери она почти не отвѣчала и приказавъ поставить самоваръ, заперлась.

Когда чай былъ готовъ, она попросила вина съ дороги.

— Ну, какъ погостила, касаточка, у нашего барина? Баринъ хоть куда и съ денежками,—говорила Никитишна, принося бутылку мадеры.

— Что-жъ мнѣ въ его деньгахъ!—нехотя отвѣчала дочь.

— Вѣстимо, ласточка, тебѣ не занимать у него. И сама богата. Я только такъ, спроста... Къ слову только... А какъ правду-то тебѣ сказать...

— Ну что?—нетерпѣливо перебила Наталья Прохоровна.

— Старыя бабы—дуры, касаточка моя, а смѣкалку имѣютъ... Вотъ это сидѣла я безъ тебя, сидѣла, да и удумала... Отчего бы, думаю, тебѣ не покрутить его маленько... Вѣдь бары податливы... Такъ бы, да этакъ вокругъ него... поегозила бы... А тамъ, смотришь, и того... и супругой бы сдѣлалась законной. Вонъ на што дуракъ Прошка-то мой, а и тотъ говоритъ, что у баръ мозга не всегда дѣвствуетъ. Окрутить ихъ нѣтъ легче... Что бы тебѣ, голубица моя, поиспробовать?! Только старому-то чорту не сказывай до поры, до времени... дѣдки-то! Этотъ только напортитъ...

— Уйди, мама, прошу тебя, уйди!.. Или пей чай и не говори со мной... Я устала...

— Ну, прости, прости, касаточка! Я вѣдь только жалѣючи тебя. Такъ думаю, хорошо, а этакъ-то еще лучше...

— Не говори со мной, мама!

— Ну, ладно. Вижу, что и впрямь поустала. Завтра пообсудимъ. Прощай, ласточка! Покойной ноченьки.

И низко поклонясь, старуха вышла.

Но и на другой день доброжелательной Никитишнѣ не пришлось перетолковать съ дочерью объ интересовавшемъ ее предметѣ: Наталья Прохоровна была пьяна...

Разговориться съ матерью она никакъ не могла и не хотѣла. Едва старуха розѣвала ротъ, дочь затыкала уши, бросала на нее безсмысленный взглядъ и выгоняла мать, сопровождая ее далеко неблагозвучными эпитетами.

Никитишна вздыхала и безпрекословно выходила изъ комнаты, причемъ за дверью, въ сѣняхъ, останавливалась, прикладывала ухо къ замочной скважинѣ и настораживалась.

«Авось откроетъ что хоть въ бреду-то...: Вѣдь отъ вина-то люди сами съ собой говорятъ»...—думала Никитишна.

И она не ошиблась и услышала.

«Тавридинъ... Владиміръ... Володя... ангелъ мой... душка... Одинъ онъ... Ахъ, нѣтъ... негодяй... скотъ... Брр... скверно... Скука, скука какая»!..

«Такъ, такъ, такъ... Вонъ оно что! Дѣла-то какія... Та-акъ!.. Пообсудимъ... Вонъ оно»!—почти вслухъ протянула старуха и приложилась ухомъ еще плотнѣе...

Цѣлую недѣлю Наталья Прохоровна не выходила изъ комнаты и все такъ же затыкала уши, когда Никитишна, льстиво и осторожно, начинала заговаривать съ нею.

Ничего новаго старухѣ не пришлось услышать. Скорючившись за дверью, она слышала все одни и тѣ же слова: «Владиміръ... Володенька... Володька... Ангелъ... Мерзавецъ... Тоска»...

Отъ Захара Евстигнеева первые дни все скрывалось, скрывалось и отъ Дуняшки; но дѣвочка ухитрилась наконецъ узнать тайну, почему «сестрица не выходятъ» — и все передала дѣдушкѣ.

Старикъ ни съ кѣмъ не объяснялся, никому не высказывалъ своихъ опасеній, своихъ жалобъ, своихъ страданій за любимую внучку.

«Неладное съ дѣвкой»!..—говорилъ онъ себѣ въ безсонныя ночи, и лежа на печи, поминутно крестился и охалъ.

Стоялъ сырой и мозглый ноябрьскій день, мягкій и крупный снѣгъ таялъ на лету, прибавляя грязи. Зима еще не установилась. На дворѣ было скучно.

Неожиданно для всѣхъ, легкая таратаечка подкатила къ дому Захара Евстигнеича. Закутанный въ тулупъ мужчина проворно выскочилъ изъ нея, привязалъ лошадь и, отряхнувшись, прошелъ въ черную половину.

Это былъ Щебневъ.

— Илья Степанычъ! Добро пожаловать... Куда это въ такую погодушку-то?—привѣтствовала его Никитишна.

— Въ Угрево ѣду, къ брату... Повидаться на прощанье...

— Аль уѣзжаете куда? На долго?

— Да, подрядецъ взялъ маленькій. Верстъ за полтораста будетъ... По каменной части, при желѣзной дорогѣ...: Все благодаря дочери вашей, Натальи Прохоровны. Вотъ ужъ подлинно-то поддержку оказала... Безъ нея бы куда тутъ...

Старуха, услышавъ имя дочери, глубоко вздохнула, не удержалась и открыла другу своего дома всю тайну.

— Все съ горя...

Она почему-то нагнулась къ самому уху Щебнева и прошептала ему что-то о Тавридинѣ, о гощеніи въ его домѣ Натальи Прохоровны и о ея бредѣ... А потомъ открыла и свой планъ.

Щебневъ задумался, нѣсколько минутъ сидѣлъ молча и потомъ, съ разстановкой, заговорилъ:

— Нѣтъ, тутъ не выгоритъ... Потому Владиміръ Андреевичъ видывалъ виды, хоть и молодъ... Пошутилъ, поигралъ малость, а дальше ни-ни... Вонъ и съ поповской дочкой не выгораетъ... Такъ только—шуры-муры однѣ... кровный, богатый. Что ему!..

— Поповская-то дочка не чета нашей,—смущенно отстаивала Лукерья Никитишна. — Черномазая такая... И обращенія нѣтъ... Что цыганка... Въ деревнѣ росла...

— Оно точно... А только не выгоритъ!—лаконически заключилъ Щебневъ.

— Эхъ, что толковать-то тутъ! Ты бы сначала желаннаго гостя чайкомъ угостила,—вмѣшался Прохоръ Захаровъ, почти не слушая разговора ихъ.

— Охъ, и впрямь дура я старая... Сходи-ка, Захарычъ: крикни Дуняшку! Гдѣ она тамъ шляется, пострѣлиха!..

— Нѣтъ,—говорилъ между тѣмъ Щебневъ, — тутъ и начинать нечего... А вотъ что я скажу вамъ: про купца первой гильдіи Никанора Семеныча Коноплянникова слыхивали?

— Эво! Какъ про такого не слышать! Почитай, всѣ крещеные знаютъ.

— Ну вотъ... Видѣлся я съ нимъ намедни въ Крестовоздвиженскомъ... Ну, значитъ, въ разговорѣ и сказывалъ ему про вашу дочь... Расписалъ всячески, во всемъ аккуратѣ... И про ея деньги говорилъ... Мильенщикъ, а отъ лишней полсотни тысячъ тоже, поди, не откажется!.. Онъ какъ разъ молодуху себѣ подыскиваетъ... Заинтересовался... Надо, говоритъ, познакомиться...

Старуха вся обратилась въ слухъ. Глаза ея уже засверкали надеждой.

Въ это время съ печи выглянула голова Евстигнеича.

Съ прихода Щебнева старикъ еще не проронилъ ни слова, хотя кое-что изъ ихъ разговора и долетало до него. Въ бредни снохи онъ прямо не вѣрилъ и потому пропускалъ ихъ мимо ушей. Щебневъ же на вѣтеръ слова не броситъ; оттого-то старикъ и прислушивается.

— Неладное говоришь ты, Илья Степановичъ, — началъ онъ.—Съ бариномъ дѣло не выгоритъ: что вѣрно, то вѣрно. Ну и по боку его, барина! А Коноплянниковъ особа статья. Тутъ-то, пожалуй, и того... и выключетъ.

— Ну такъ чего-жъ ты!—огрызлась Никитишна.

— А того, что въ эфтомъ-то самомъ и бѣда.

— Бѣда! Ишь брешетъ что... Ошалѣлъ, должно...

— Нѣтъ, не ошалѣлъ, а говорю по божески... Правду говорю... Потому, значитъ, не на добро пойдетъ, не на добро! Дѣвка окрутилась въ Питерѣ... Что ужъ грѣха таить! Самъ знаешь...— говорилъ онъ Щебневу.

Щебневъ немного смутился и молчалъ.

— Окрутилась,—продолжалъ старикъ,—такъ сразу ничего не сдѣлаешь изъ нея, значитъ съ бухту-барахту-то... Вотъ, къ примѣру, сюда пріѣхала... На первыхъ порахъ ничего: о храмѣ Божьемъ подумала, жертву принесла; а потомъ... вонъ оно что пошло! Душа цѣлые годы въ грѣхахъ вязла... Гдѣ-жъ ей вдругъ подняться! Жена она будетъ плохая. Ужъ лучше въ Питерѣ одной погибать! А тутъ и она, и мужъ, и дѣти погибнутъ.

Щебневъ внимательно слушалъ старика.

— Оно не во всемъ такъ, Захаръ Евстигнеичъ,—заговорилъ онъ.—Въ такихъ дѣлахъ пословицы нужно держаться: «Женится—перемѣнится». Ну, можетъ, и замужъ выйдетъ—тоже перемѣнится. Внучка ваша—дѣвушка съ умомъ и съ сердцемъ, а вѣдь съ кѣмъ грѣха не бываетъ!..

— Вотъ умныя рѣчи-то!—подхватилъ Прохоръ Захаровичъ.

— Какъ не умныя! Знамо умныя. Отъ Ильи Степаныча другого и не услышишь,—соглашалась Лукерья Никитишна.

— Ну, вотъ попомните мое слово...—проворчалъ дѣдъ.

— Такъ ужъ явите божескую милость, Илья Степанычъ... Пособите!—говорила Никитишна Щебневу, наливая ему новый стаканъ.

— Что въ моихъ силахъ—все сдѣлаю.. Конечно, человѣкъ капитальный, прямо сказать первый въ уѣздѣ... Мильонщикъ... И дѣло свое вѣдаетъ еще получше покойнаго родителя... Знаетъ какъ приступиться... Теперечкусь, взять хоть бы помѣщиковъ... Господа начали банкротиться... Имѣнія позакладывали, а денегъ все нѣту... Нонечь господамъ только покажи деньги—хоть что сдѣлаютъ... за четверть цѣны уступятъ... Наша губернія богата только лѣсомъ... Вотъ Никоноръ-то Семенычъ и орудуетъ: за наличныя прямо, да цѣлыми дачами... Вѣстимо, оптомъ-то всегда выгоднѣе для покупателя, а господа и рады... и уступаютъ за что попало... Повѣрьте моему слову, что рано ли, поздно ли, а весь уѣздъ въ рукахъ Коноплянникова будетъ,— все, до послѣдняго деревца, окромя казенныхъ дачъ... А въ Ярославской-то да въ Вологодской какъ орудуетъ! На весь сѣверъ!.. Богатырь въ своемъ дѣлѣ! Тавридинъ-то что передъ нимъ—муха!

— Такъ ужъ не откажите! Посодѣйствуйте, Илья Степанычъ!—снова пропѣла Никитишна.

Она слушала Щебнева съ напряженнымъ вниманіемъ. Глаза ея алчно свѣтились, маслились, улыбались...

Вмѣстѣ съ тѣмъ и гостепріимство ея принимало все большіе размѣры. Несмотря на категорическій отказъ гостя, она на-

крыла столъ новой цвѣтной скатертью и поставила на него все, что было запасено для Натальи Прохоровны.

Щебневъ, въ угоду хозяйкѣ, выпилъ всего одну рюмку и закусилъ сардинкой.

— Илья Степанычъ, вотъ еще нашу-то кабы вы урезонили! Неравно заартачится... Вѣдь поди знай: захочетъ ли еще послѣ Питера-то... А со мной она и говорить не станетъ. Изъ ума, скажетъ, выжила...

— Хмъ... ужъ не знаю, какъ вамъ сказать... Не раненько ли!.. Вотъ онъ въ введеньевъ день самъ пріѣдетъ въ ваше село на конную ярмарку.

— Такъ вѣдь до Введенья-то всего недѣля съ небольшимъ... Срамъ вѣдь, коли въ такомъ-то видѣ застанетъ ее... Ужъ не урезоните ли хоть, чтобы выпивать-то бросила... А ужъ о Коноплянниковѣ-то хоть и не упоминайте...

— Что-жъ, это, пожалуй, можно, — подумавъ, протянулъ Щебневъ.—А какъ теперь-то Наталья Прохоровна?

— Сегодня лучше... Утромъ чай приносила, такъ ничего... смотритъ веселѣе и не заговаривается. Можетъ, и броситъ... Ужо схожу, да упрежу ее...

— Что-жъ, я готовъ... Идите.

Никитишна пошла въ чистую половину.

Черезъ минутъ десять она вернулась и сообщила Щебневу, что дочь чувствуетъ себя гораздо лучше, но еще немного слаба и проситъ его побывать у ней завтра.

— Заставьте за себя вѣчно Бога молить, Илья Степанычъ! Понавѣдайтесь!—заключила старуха...

— Хорошо. Завтра я свободенъ.

— Эхъ!—раздался съ печки звукъ, вырвавшійся изъ глубины сердца. Евстигнеичъ горько усмѣхнулся и не сказалъ ни слова.

Никитишна злобно посмотрѣла на него.

— Ничего, Захаръ Евстигнеичъ,—успокоивалъ Щебневъ.— Дѣло, можно сказать, прекрасное. Чѣмъ по Питеру силы расточать даромъ—не лучше ли сдѣлаться женой такого человѣка. Богачъ, непьющій, тихій...

— Не ладно!—упрямо и раздражительно заключилъ старикъ.

— Эка!.. Что это ты, тятенька, свое затвердилъ: «неладно да неладно». Вотъ посмотри, какъ наша-то заживетъ. Теперь барыня, а ужъ тогда какъ есть царица будетъ. Вотъ оно счастьеце-то наше!—говорилъ Прохоръ Захаровичъ, провожая гостя...

. . . . . .

———

XV.

КОННАЯ ярмарка въ селѣ Ожерельѣ на этотъ разъ была очень оживленная. Съ разныхъ концовъ уѣзда и другихъ смежныхъ уѣздовъ собралось много помѣщиковъ, крупныхъ и мелкопомѣстныхъ купцовъ, разночинцевъ, цыганъ.

Все сливалось кругомъ въ одинъ общій гвалтъ.

Преимуществъ никому не было. Ярмарка объединила всѣ сословія. Даже на земскаго начальника, пріѣхавшаго выбирать тройку, менѣе обращалось вниманія.

Передъ однимъ только человѣкомъ всѣ точно разступались, прислушивались къ словамъ его и въ почтительномъ отдаленіи окружали его, когда онъ подбиралъ лошадей.

Одѣтъ онъ былъ далеко не по барски и походилъ скорѣе на зажиточнаго мѣщанина. Драповое, слишкомъ длинное пальто мѣшковато покрывало его малорослую, жирную фигуру.

Его двадцативосьмилѣтнее лицо было самымъ зауряднымъ русскимъ лицомъ. Низкій лобъ не выдавалъ большого ума, но глаза смотрѣли бойко и плутовато.

Это былъ Никаноръ Семеновичъ Коноплянниковъ.

— Врешь, братецъ, врешь... Какой трехлѣтокъ!.. На зубы-то не указывай... Съ зубами-то вы умѣете фокусы выдѣлывать... Да кажись и на ноги разбитъ... Ну-ка, пусти рысцой,—говорилъ онъ молодому цыгану, разглядывая гнѣдого мерина.

Еще потолковавъ съ цыганомъ, онъ наконецъ сошелся и приказалъ своему человѣку отвести купленную лошадь на постоялый дворъ, къ парѣ другихъ пріобрѣтенныхъ лошадей.

— Никанору Семенычу нижайшее почтеніе!—окликнулъ его вдругъ чей-то и дружественно фамильярный, и немного заискивающій голосъ.

— А, Щебневъ! Здравствуйте, Илья Степанычъ,—обернувшись, проговорилъ Коноплянниковъ.—Ну, какъ дѣлишки?

Никаноръ Семеновичъ, несмотря на свое положеніе въ уѣздѣ, желая казаться благовоспитаннымъ, со всѣми былъ учтивъ насколько умѣлъ, и мало-мальски выдѣлившимся изъ крестьянской среды лицамъ говорилъ «вы».

— Да о моихъ-то дѣлишкахъ успѣемъ, Никаноръ Семенычъ; а вотъ лучше по части того, насчетъ сватовства-то. Чего время теряты! Пойдемте-ка прямо теперь. Сами поглядите. Невѣста хоть куда. Пальчики облизать! Объ деньгахъ-то тоже не забывайте. Побогаче многихъ помѣщичьихъ дочерей.

— Деньги мнѣ плевое дѣло. По моему капиталу и невѣста должна быть не съ тыщами, а съ милліонами. Такихъ нонѣ и въ губерніи нѣтъ. Былъ бы только умъ, да, знаете, грація, красота! Люблю красоту! А вотъ только... Ну, да вѣдь то давно было. Скопить деньгу все-таки сумѣла: значитъ съ умомъ! Тятенька-покойникъ можетъ и не позволилъ бы, ну, а съ ма-

тушкой-то улажу. Ей только посули приданымъ. А впрочемъ, сперва поглядимъ. Полагаюсь на вашъ вкусъ. Давай Богъ!

По настоянію Щебнева, они рѣшили безотлагательно идти туда.

А Наталья Прохоровна, одѣтая весьма къ лицу и надушенная тонкими англійскими духами, уже дожидала намѣченнаго ей жениха.

Щебневъ, въ предъидущее посѣщеніе свое, заставъ ее уже совсѣмъ поправившеюся, въ откровенной и дружественной бесѣдѣ, которую такъ способенъ заводить русскій человѣкъ подобнаго ему типа, обрисовалъ ей ея настоящее и ея грядущее, если она согласится раздѣлить судьбу съ Коноплянниковымъ. Обрисовалъ онъ и личность Коноплянникова—человѣка мало развитаго, но добраго и мягкаго характеромъ, купчика съ безхитростной и открытой натурой и владѣющаго милліонами.

«Онъ навѣрное идіотъ»,—обдумывая вопросъ, заключила Наталья Прохоровна,—«но, пожалуй, тѣмъ лучше»!

Вѣдь не онъ, а она будетъ играть роль, можетъ быть, въ цѣлой губерніи! Даже тѣ люди, которые стѣсняются теперь подать ей руку, будутъ заискивать передъ нею!

Теперь она была ко всему равнодушна. Дни, проведенные съ Тавридинымъ, начинали казаться ей какимъ-то сномъ, смѣшнымъ, внезапнымъ, мимолетнымъ. Она проснулась отъ этого сна. На душѣ у нея было тихо, скучно. Желанія и прихоти исчезли. Милліоны! Хуже они не сдѣлаютъ. Жизнь ея развинчена. Бьется маятникъ этой жизни лѣниво, безцѣльно, самъ не зная зачѣмъ. Въ механизмѣ этой жизни всюду трещинки. Подмазать ихъ могутъ развѣ только деньги.

— Дѣлайте со мной что хотите!—безсильно говорила она Щебневу.—Пожалуй, это и развеселитъ меня.

— Тутъ дѣло не только въ веселѣ, Наталья Прохоровна,—возражалъ Щебневъ.—Тутъ, значитъ, идетъ рѣчь о пользѣ: и мужу доставите счастье, и для общества послужите. Съ такими капиталами много можно добра сдѣлать. А безъ васъ-то Никаноръ Семенычъ былъ бы скуповатъ. Весь родъ ихъ на этотъ счетъ тугонекъ.

— Ну, отъ скупости я отучу. А какъ старуха, мать его?

— Ничего, женщина богобоязненная. Одинъ грѣшокъ: тоже маленько скуповата. Ну, да не бѣда. Молодая жена въ домѣ всему глава, все по своему повернуть можетъ.

— Конечно,—тихо замѣтила Наталья Прохоровна.—Итакъ, вы не сомнѣваетесь въ его милліонахъ? Помните, что я вѣрю вамъ слѣпо.

— Охъ, Боже мой! Да спросите хоть кого угодно, а я-то его ~~ко~~ колыбели знаю; знаю и всю біографію отца его. На моихъ

главахъ спервоначалу кабачекъ открылъ. Тутъ сомнѣваться нечего, Наталья Прохоровна, дѣло законное.

— Не робѣйте, Никаноръ Семенычъ! Дѣло налажено. Вы ли не женихъ!—говорилъ онъ теперь, идя съ Коноплянниковымъ къ невѣстѣ.

Дорогой Коноплянниковъ настоялъ, чтобы зайти предварительно къ нему на постоялый дворъ и «подкрѣпиться» для храбрости коньячкомъ. Онъ выпилъ очень умѣренно и, кажется, дѣйствительно «подкрѣпился».

Дойдя до дома Прохора Захарова, они рѣшили сперва повидать родителей и прошли въ черную половину.

Никитишна растерялась, засуетилась передъ именитымъ человѣкомъ.

— Не обезсудьте, батюшка!—говорила она, низко кланяясь.— Вѣдь у насъ все по простому, по крестьянскому.

— Ничего, чѣмъ богаты!—проговорилъ за Коноплянникова Щебневъ.

— Вотъ Никаноръ Семенычъ,—говорилъ онъ для приличія, хотя цѣль ихъ прихода была хорошо извѣстна старухѣ,—умаялись на ярмаркѣ. Да и знакомыхъ у нихъ нѣту. Всякое новое знакомство пріятно въ деревнѣ. Захотѣли они у васъ побывать, да и съ дочерью вашей, съ Натальей Прохоровной, познакомиться. Она въ цѣломъ селѣ самая образованная.

— Пожалуйте, батюшка, пожалуйте. Тамъ чище и вамъ веселѣе будетъ. Пожалуйте! Я проведу васъ,—суетилась старуха.

Дѣдъ Евстигнеичъ не подавалъ съ печи никакого голоса, Прохора Захаровича не было дома. И тѣмъ, и другимъ Никитишна была, кажется, довольна.

Гости направились къ двери. Послѣдовала, было, за ними и Лукерья Никитишна, но Щебневъ знакомъ остановилъ ее.

— Вотъ, Наталья Прохоровна, имѣю честь рекомендовать вамъ нашего лѣсопромышленника, купца Никанора Семеновича Коноплянникова,—говорилъ Щебневъ, войдя съ молодымъ человѣкомъ въ комнату.

Костылева съ любезной улыбкой встрѣтила гостей и сейчасъ же начала говорить:

— Очень рада я всякому новому знакомству, а то здѣсь умрешь отъ скуки. Здѣшнимъ людямъ я завидую, они всѣ заняты своими дѣлами и едва ли скучаютъ. А у васъ, вѣроятно, Никаноръ Семенычъ, особенно много дѣлъ?

— Такъ точно-съ. Господь-Богъ не обидѣлъ дѣлами-съ. Дѣла у насъ крупныя.

— Да, слышала.

— Мы на три губерніи-съ,—рапортовалъ Коноплянниковъ, любуясь привѣтливымъ взоромъ Натальи Прохоровны, отѣненнымъ длинными бархатными рѣсницами и чисто ангельской улыбкой ея.

Онъ уже считалъ ее красавицей и предвкушалъ всѣ наслажденія первыхъ дней брака.

— Да, дѣло ваше не малое и требуетъ очень много трудовъ и, наконецъ, ума,—говорила, между тѣмъ, Костылева, продолжая божественно улыбаться.

— Совершенно вѣрно-съ. Безъ ума тутъ ничего не подѣлалъ бы,—еще развязнѣе возражалъ Коноплянниковъ, расходившись и окончательно побѣдивъ первоначальное смущеніе.—Покойный батюшка образованія мнѣ не далъ-съ. По части всякихъ книжекъ и иного прочаго я не того-съ. А ужъ зато дѣло свое коммерческое лучше всякаго спеціалиста вѣдаю-съ. Такой талантъ имѣю, призваніе. Намъ разныя науки да книжки ни къ чему-съ.

— Какъ я завидую вамъ; имѣть такой самобытный умъ—это чистое счастье.

— Помилуйте-съ, вамъ ли завидовать. У васъ, кромѣ ума, и другія качества имѣются. Не всякому такъ-съ.

— Ахъ, полно! — кокетливо протестовала Наталья Прохоровна.—Я, напротивъ, очень недовольна собой.

— Это грѣшно-съ. Другой бы и на половину довольно того.

— Можетъ быть, но я очень требовательна,—что попало возражала она, при сознаніи, что каждое слово ея очень нравится Коноплянникову.

Она приняла умышленно нѣсколько вульгарную, но пикантную позу и лукаво посмотрѣла въ глаза Никанору Семеновичу.

Никаноръ Семеновичъ былъ польщенъ ея взглядомъ, увѣренный, что и онъ произвелъ на нее впечатлѣніе столь же благопріятное.

Въ первое свиданіе ихъ вопросъ о свадьбѣ затронутъ не былъ.

Посидѣвъ еще съ полчаса, гости попрощались съ молодой хозяйкой и ушли, найдя неудобнымъ такъ скоро заводить рѣчь о предметѣ, привлекшемъ ихъ сюда.

— Ну, что, какъ?—обратился Щебневъ къ Коноплянникову, сопровождая его въ постоялый дворъ.

Коноплянниковъ многозначительно ухмыльнулся.

— Значитъ дѣло покончено?!—подбодрялъ Щебневъ.

— Зайдемъ теперь ко мнѣ, Илья Степанычъ, спрыснемъ. Для такого случая не грѣхъ.

Щебневъ охотно согласился на этотъ разъ.

Они рѣшили, что формальное предложеніе Коноплянниковъ долженъ сдѣлать въ слѣдующій свой визитъ, дня черезъ два; причемъ Щебневъ побываетъ у Натальи Прохоровны ранѣе и окончательно подготовитъ почву.

А Наталья Прохоровна, по уходѣ гостей, осталась въ какомъ-то столбнякѣ. Она равнодушно смотрѣла на улицу, барабанила по стеклу и, кажется, ровно ни о чемъ не думала.

Лукерья Никитишна не замедлила осторожно постучаться къ

ней въ дверь, не желая внезапнымъ появленіемъ обезпокоить дочь.

Наталья Прохоровна разрѣшила старухѣ войти, но встрѣтила ее съ обычной холодностью.

— Ну что, желанная моя,—начала Никитишна,—улаживается-ли дѣло то?

— Этотъ Коноплянниковъ — набитый дуракъ! — проговорила Наталья Прохоровна, не глядя на мать.

— Дуракъ-то, можетъ, и дуракъ; такъ и слава Богу, золотая моя. Съ дуракомъ-то еще вольготнѣе будетъ... Ну, такъ какъ же дѣло-то?

— За нимъ задержки не будетъ. Я, кажется, сильно понравилась ему... Противиться я не буду. Что хотите, то и дѣлайте со мной. Конечно, я бы могла найти не такого мужа, если-бы пожелала... Ну, а если ужъ этотъ подъ рукой — пусть будетъ такъ!

— Умственно разсуждаешь, золото мое! Съ дуракомъ лучше; вѣрь моему слову. Дурака всегда за носъ проведешь. Какъ захочешь, такъ и орудуй имъ: неволить ни въ чемъ не станетъ. Ты его приневолишь.

Когда старуха совсѣмъ вышла, въ половину Натальи Прохоровны вбѣжала Дуняшка.

— Сестрица, васъ дѣдушка зоветъ... Оченно видѣть желаетъ. Торопится, пока маменьки нѣтъ... Поскорѣе идите, сестрица!

Наталья Прохоровна догадалась, что Евстигнеичъ желаетъ говорить съ нею о свадьбѣ, но въ какомъ духѣ — хорошенько не знала. Ей было во всякомъ случаѣ довольно интересно узнать мнѣніе старика.

— Хорошо, я иду,—сказала она Дуняшкѣ и почти слѣдомъ за ней пошла въ черную половину.

Дуняшка не сомнѣвалась, что дѣдушка прогонитъ ее и потому осталась за дверью, выслѣживая, не войдетъ ли кто съ улицы и прикладываясь ухомъ къ двери.

— Что, Наташа, слышалъ я, что тебя ладятъ замужъ отдавать,—подымаясь съ печи, говорилъ старикъ.—Пообдумай, Наташа,—какъ бы не было хуже! Коноплянниковъ не по сердцу тебѣ,—знаю. За немилаго грѣшно идти. Лучше ужъ живи такъ, какъ жила, да на дѣла Божіи жертвуй!

— Тогда-то, дѣдушка, легче будетъ жертвовать. У Коноплянникова вѣдь милліоны...

— Ну что-жъ; а у тебя тыщи. И съ тыщами много добра сдѣлаешь. А какъ на чужіе-то милліоны пойдешь благотворствовать—и Богу не угодишь; потому, не любя мужа, грѣхъ деньги его растрачивать... Тамъ-то ты хоть себя одну губила. Какъ себя-то губишь, да на храмы воздаешь, Богъ-то, поди, и терпитъ, и безъ осужденія лепту принимаетъ; а вѣдь тутъ не себя, а погубишь ты другаго, другую душу... Вотъ оно гдѣ грѣхъ-то!

Одумайся, Наталья,—измѣнивъ тонъ и сурово глядя на нее, продолжалъ старикъ.—Не слухай матку! Брось ты это дѣло, плюнь на него! Поѣзжай ужъ въ Питеръ лучше, коли здѣсь не сидится...

Наталья Прохоровна разсмѣялась и, поцѣловавъ дѣдушку въ его лысую голову, ушла къ себѣ.

Проживъ два дня въ Ожерельѣ, Коноплянниковъ уже одинъ отправился къ Костылевой.

Въ первую минуту онъ почувствовалъ смущеніе и робко взглядывалъ на Наталью Прохоровну.

— Вотъ-съ, Наталья Прохоровна,—разобравшись со своими мыслями, началъ онъ,—я имѣю намѣреніе обзавестись семейнымъ благополучіемъ-съ. Я не рѣчистъ, Наталья Прохоровна. Выраженія мои, смѣю полагать, не всегда ясны, а чувства мои въ совершенной ясности. Эти чувства привлекаютъ меня къ вамъ, Наталья Прохоровна. Видѣлъ я васъ немного, всего второй разъ, но... осмѣлюсь доложить, — очень возчувствовалъ къ вамъ; а слышалъ о васъ очень много въ наилучшемъ смыслѣ...

Запасъ краснорѣчія его изсякъ, но онъ собралъ всѣ свои силы и договорилъ:

— Въ виду таковыхъ обстоятельствъ,—о чемъ, кажется, вы уже оповѣщены-съ господиномъ Щебневымъ,—я желаю просить вашей руки, съ соизволенія моей матушки.

Наталья Прохоровна, придавъ своему красивому лицу выраженіе серьезности и вдумчивости, отвѣчала:

— Да, я слышала... Но знаете, monsieur Коноплянниковъ, я очень, очень была далека отъ мысли выходить замужъ... Мнѣ приходится слышать не первое предложеніе, но я отказывала... Теперь я вижу передъ собой человѣка умнаго, положительнаго и... способнаго любить меня вѣчно... Я уступаю этому человѣку и отрекаюсь отъ своего дѣвичества. (Ей стало вдругъ невыразимо смѣшно, но она удержалась). Ваше счастье дорого мнѣ и я понимаю, что счастье это обусловлено семейной жизнью. Я согласна.

Она встала, быстро прошла по комнатѣ, шурша своимъ дорогимъ платьемъ, и вдругъ протянула ему свою красивую руку, которую женихъ неуклюже, но восторженно поцѣловалъ, заставивъ Наталью Прохоровну незамѣтно поморщиться.

Въ тотъ же день оба они поѣхали къ старухѣ Коноплянниковой, Агафьѣ Петровнѣ.

Набожная, скупая, оплывшая жиркомъ и болѣзненная старушка предстала предъ Натальей Прохоровною такою, какою обрисовывалъ ее Щебневъ.

Первый взглядъ ея, брошенный на Наталью Прохоровну, былъ не слишкомъ дружелюбный, но Костылева вынесла впечатлѣніе умиротворяющее. Почему-то ей казалось тогда, что въ этомъ домѣ будетъ дышаться довольно легко.

XVI.

СВАДЬБА Коноплянникова была отпразднована съ чисто купеческой торжественностью. Пригласительные билеты, украшенные тисненными вензелями и самовольной дворянскою короной, были разосланы именитымъ и служебнымъ лицамъ всего уѣзда. Собрались: уѣздный предводитель дворянства, исправникъ и его помощникъ, городской судья и земскіе начальники, товарищъ прокурора и два юныхъ судебныхъ слѣдователя — одинъ университетскій, а другой изъ правовѣдовъ. Были и фабриканты, и болѣе крупные изъ купцовъ, представители земства, инженеры и другіе уѣздные и губернскіе тузы, окрестные помѣщики, многоземельные и малоземельные. Изъ ожерельскихъ обывателей былъ только церковный староста, пріѣхавшій на этотъ разъ безъ жены...

Свадебный обѣдъ былъ чисто лукулловскимъ обѣдомъ. Блюдъ подавалось безсчетное множество. И кушанья, и вина были самыя изысканныя, предназначенные для самыхъ тонкихъ вкусовъ. Поваръ былъ выписанъ отъ Донона. Цѣлая вереница вызванныхъ изъ лучшихъ столичныхъ ресторановъ лакеевъ-татаръ довершала блескъ свадебнаго обѣда... Но и этотъ изысканный обѣдъ, и эти дрессированные лакеи какъ-то не гармонировали съ толстыми старинными стѣнами небольшаго каменнаго дома усадьбы, съ тяжелой неуклюжей мебелью, съ яркими безвкусными обоями и множествомъ иконъ въ аляповатыхъ ризахъ.

Глава дома, Агафья Петровна, въ коричневомъ шелковомъ платьѣ, съ большимъ шелковымъ платкомъ на плечахъ, съ повойникомъ на головѣ, встрѣчая гостей, низко кланялась имъ, за обѣдомъ же ежеминутно мановеніемъ руки подзывала лакеевъ и дѣлала распоряженія.

— Ты бы, Никанорушка, того-бы... винца-то бы подлилъ гостямъ...—обращалась она по временамъ и къ сыну.

Старушка казалась далеко не веселой. Выраженіе ея опухшаго желтаго лица было равнодушное, усталое.

Молодымъ нѣсколько разъ кричали «горько»!—причемъ Коноплянниковъ немного масляными, слащеватыми глазами взглядывалъ на молодую жену и подставлялъ ей свои толстыя, некрасивыя губы, а та строила неуловимую гримаску и сейчасъ же послѣ поцѣлуя незамѣтно отирала салфеткой свои маленькія красныя губки и продолжала въ полголоса оживленную бесѣду съ сосѣдомъ своимъ по столу, слѣдователемъ изъ правовѣдовъ.

Наталья Прохоровна была очень недовольна провинціально-купеческимъ оттѣнкомъ, сквозившемъ и въ самомъ пиршествѣ, и во всей обстановкѣ. Все было ей здѣсь не по вкусу, и даже лучшіе изъ гостей не нравились ей, исключая развѣ слѣдователя изъ правовѣдовъ.

Случайно она замѣтила остановленный на ней взоръ Щеб-

нева, сидѣвшаго въ длинномъ мѣщанскомъ сюртукѣ гдѣ-то далеко, на противоположномъ концѣ стола.

Ей стало почему-то непріятно.

Родителей новобрачной не было, да ихъ и не звали. Они и не ждали приглашенія.

Никитишна была на высотѣ своего счастья. Много свѣтлыхъ надеждъ на будущее породилъ въ ней этотъ бракъ.

Она не теряла также надежды время отъ времени видѣться съ дочерью.

Имѣніе Коноплянникова Липки было въ томъ же уѣздѣ, въ 70-ти верстахъ отъ Ожерелья. Старуху несказанно радовало, что дочь ея первая барыня въ уѣздѣ. Всюду она услышитъ про нее, всюду увидитъ ея владѣнія. Вѣдь въ двухъ верстахъ отъ Ожерелья начинаются лѣсныя дачи и покосы Коноплянниковыхъ. Ну-ка, какъ дочь, въ благодарность за ея материнскія заботы, заставитъ своего мужа отрѣзать ей, Никитишнѣ, хоть крошечную частичку его владѣній! Для нихъ это капля въ морѣ, а для нея, деревенской старухи, цѣлое состояніе!..

Свадьба была сыграна.

Въ ту же ночь, едва лишь гости разъѣхались, между новобрачными точно пробѣжала черная кошка.

Влюбленный Коноплянниковъ, опьяненный страстью, ничего не замѣчалъ и не хотѣлъ замѣчать, но старуха мать его, Агафья Петровна, не смотря на кажущуюся пассивность и безучастность къ окружающему, примѣтила на лицѣ молодой невѣстки брезгливую гримасу, когда счастливый сынокъ ея, въ порывѣ нѣжности, обнялъ крѣпкій и тонкій станъ Натальи Прохоровны.

Когда же Коноплянниковъ предложилъ женѣ идти на покой и полюбоваться приготовленной для нихъ спальней, причемъ еще нѣжнѣе взглянулъ на нее,—Наталья Прохоровна чуть ни вслухъ усмѣхнулась, и когда мужъ отвернулся, состроила еще большую гримасу и высунула языкъ.

Эту послѣднюю мимику, впрочемъ, никто не примѣтилъ.

— Кто это строилъ этотъ домъ?—не отвѣчая на просьбу Коноплянникова, спрашивала Наталья Прохоровна.—Нужно же выдумать такое безобразіе! Окна крошечныя, стѣны точно въ монастырѣ, потолки низкіе...

— Ужъ какимъ, сударушка моя, поставили—такимъ и останется!—протянула свекровь.—Не мы и строили его: еще отъ прежнихъ владѣльцевъ...

— Мнѣ кажется, его лучше бы обратить во флигель и возвести новый, настоящій домъ, по другому плану...—едва взглянувъ на старуху и обращаясь болѣе къ мужу, продолжала Наталья Прохоровна.

— Э, что теперь о домахъ говорить!.. Успѣемъ! Потомъ можно будетъ и выстроить... Все для тебя сдѣлаю, все... только

потомъ... До того ли теперь намъ!—говорилъ Коноплянниковъ, опять подсаживаясь къ женѣ и лаская ее.

Наталья Прохоровна, въ великолѣпномъ вѣнчальномъ платьѣ, утомленно сидя на креслѣ и скрестивъ руки, была дивно хороша въ эти минуты.

Все въ ней выдавало ея сознаніе, что царица этого дома—она, что каждая прихоть ея будетъ исполнена, что даже ветхозавѣтная свекровь не помѣшаетъ ей ни въ чемъ и что напускать на себя какую нибудь личину нѣтъ ей теперь никакой надобности.

Отъ наблюдательности ея не ускользнуло, что блеснувъ на одинъ день передъ людьми, все въ домѣ войдетъ опять въ прежнюю колею. Это будетъ скучно и она рѣшила бороться.

Догадка ея во всемъ подтверждалась. Утромъ Агафья Петровна вышла къ чаю уже не въ шелкѣ, а въ изношенномъ бомазейномъ платьѣ и такой же широкой прямой кофтѣ. На головѣ ея былъ уже не шелковый повойникъ, а коричневый кашемировый платокъ.

Никаноръ Семеновичъ, впрочемъ, отличилъ немного и этотъ день: онъ всталъ позже обыкновеннаго, хотя одѣтъ былъ въ обычный старенькій выцвѣтшій пиджачекъ, слишкомъ длинный и широкій, взятый точно съ чужой спины.

— Ты бы, Никанорушка, не засыпался бы этакъ,—встрѣтила его мать.—Вѣдь ужъ десять часовъ скоро... Этакъ ужъ больно по барски будетъ... Староста ужъ который разъ приходитъ... Ну, а твоя-то барыня все еще почиваетъ, нѣжится?.. А-сь?

—Что-жъ, пусть себѣ... Была бы здорова...

— Здорова!.. Для чего ей здоровье!? Кабы помощницей мужу была—такъ; а то какая отъ нея помощь!..

— Я, матушка, не для помощи взялъ ее. Съ нашими деньгами помощницъ не нужно... Я для удовольствія только...

— Да будетъ ли еще удовольствіе-то? Постой! — пророчески говорила старуха.—Больно ужъ разборчива: то не такъ, это не такъ... Подумаешь и взаправду княгиня какая!..

— Она, матушка, привыкши не къ такой жизни. Такъ жить, какъ мы съ тобой, ей и того... Трудненько. И мы, и покойный батюшка съ малолѣтства къ суровости привыкли, хоть и капиталами ворочаемъ, а она только родилась въ простой шкурѣ...

— Шкура-то у ней самая послѣдняя,—не удержалась Агафья Петровна,—мужицкая шкура... А въ богатство-то отчего попала!.. Охъ, тошнехонько... Ужъ коли бы Семенъ Власовичъ покойный живъ былъ—не бывать бы этому во-вѣки... Только я по слабости женской дала соглашеніе... Срамъ!.. А все Щебневъ!.. Расписывать пошелъ—только слухай... Ему-то что!.. Ну, теперь ужъ нечего дѣлать... Горевать поздно.

— Я, матушка, не изъ-за Щебнева. Кабы самому не пришлась по вкусу—никогда бы не взялъ. Что мнѣ Щебневъ! Щебневъ указалъ только, да и слава Богу.

— Ну, по міру-то не по міру, а только... самъ вижу, что черезъ край. Бѣды нѣтъ; вѣдь у насъ больше милліона! Но не пошло бы дальше!.. А знаешь, матушка: по правдѣ сказать,— я доволенъ, счастливъ. Люблю ее... Широкое сердце у меня,— купецкое! Вѣдь и батюшка, бывало: жмется, жмется, а потомъ вдругъ... Купецкое сердце!..

— Закрутились мы съ тобой, Никаноръ! Я-то по слабости, а тебѣ грѣхъ: ты мужъ. Коль мужъ женинымъ всякимъ фокусамъ потворствуетъ—онъ еще больше ея грѣшитъ... Все Щебневъ мутитъ... Ему-то лафа... Не спроста онъ: ужъ что нибудь и для себя чаетъ...

Отведя душу, но ничего не придумавъ, старуха оставила сына, хорошо зная всю безполезность этихъ разговоровъ и жалобъ.

Коноплянниковъ прошелъ въ гостиную, гдѣ въ это время Наталья Прохоровна опускала въ вазу первые весенніе цвѣты.

Она встрѣтила мужа съ необычно привѣтливой улыбкой. Постройка дома сильно развлекала ее въ первое время и она значительно повеселѣла.

— Матушка противъ постройки, кажется...—обратилась она къ мужу, точно знала о его разговорѣ съ матерью.

— Извѣстно, женщина старыхъ временъ... Я бы не пожалѣлъ...—съ любовью глядя на нее, говорилъ Коноплянниковъ.

— Чего: денегъ?.. Я и не сомнѣваюсь въ этомъ,—мягко улыбнулась она.—Да и куда вамъ... тебѣ скупиться! (Она первый разъ обратилась къ нему на «ты».—Этакій богачъ! У меня есть къ тебѣ еще просьба: относительно экипажей... Лошади у насъ хорошія, а экипажей совсѣмъ нѣтъ. Вотъ купить бы коляскочку: это необходимо! Потомъ хорошо бы велосипедъ. Я хочу поучиться на немъ...

— Объ коляскѣ и я подумывалъ, а на счетъ велосипеда... гмъ! Это какъ будто не по женски. Смѣяться будутъ. Вѣдь у насъ деревня...

— Нѣтъ, другъ мой, ужъ сдѣлай такъ!.. Въ Петербургѣ многія дамы ѣздятъ, а стоитъ ли бояться здѣшнихъ!..

И Никаноръ Семеновичъ уже не протестовалъ.

— Такъ пожалуйста, другъ, сдѣлай это поскорѣе! Потомъ... хорошо бы, еслибъ матушка не дулась и не шепталась больше съ тобой. Настрой ее такъ!..

Коноплянниковъ слегка обнялъ ее и поцѣловалъ въ лобъ, опять не замѣчая легкой гримасы на ея губахъ. Ея просьбы, кажется, еще больше располагали его къ женѣ, и онъ зналъ, что противиться ей ни въ чемъ не сумѣетъ.

Ровная сѣверная зима прошла въ домѣ Коноплянниковыхъ однообразно, но быстро. Молодые никуда еще не выѣзжали. Наталья Прохоровна никуда и не стремилась. Она все еще устраивалась, вводила новый режимъ въ домѣ.

Подошла весна, яркая, быстрая. Въ этотъ годъ снѣгъ скоро

растаялъ. Рѣки вошли въ берега и сѣверная угрюмая природа улыбнулась, помолодѣла и нарядилась, какъ невѣста.

Въ концѣ апрѣля, какъ сказано было выше, приступили къ постройкѣ дома. Оживленная пора наступила въ усадьбѣ. Работали сотни рукъ, возводя фундаментъ. Постройка шла быстро.

Наталья Прохоровна съ увлеченіемъ слѣдила за работами, хотя ничего не понимала въ нихъ. Почти цѣлыми днями она толкалась среди рабочихъ, запыленныхъ и запачканныхъ глиной и известкой. Она заводила разговоры то съ однимъ, то съ другимъ; обращалась къ подрядчику и дѣлала ему указанія, выслушивая которыя, подрядчикъ снисходительно улыбался и объяснялъ...

По окончаніи работъ, почти каждый вечеръ, Наталья Прохоровна изъ своихъ рукъ угощала рабочихъ водкой, хотя это и не входило въ условіе.

Видя и эти работы, и эти угощенія, старуха Коноплянникова систематически вздыхала.

Наталья Прохоровна не охладѣла къ строившемуся дому даже и послѣ того, когда мужемъ ея были доставлены обѣщанные коляска и велосипедъ, которые онъ пріобрѣлъ въ губернскомъ городѣ, въ ближайшую поѣздку по дѣламъ.

Для велосипеда у Натальи Прохоровны былъ уже приготовленъ костюмъ и она быстро привыкла къ ѣздѣ. Каждый вечеръ, если погода была тихая и ясная, послѣ угощенія рабочихъ, она уѣзжалаб версты за двѣ и болѣе, вызывая громкій хохотъ у ребятишекъ ближайшей деревни, которые густой и веселой толпою мчались вслѣдъ за нею, подгоняя, какъ лошадь, хворостинами высокое заднее колесо велосипеда, забѣгая впередъ и дразня ее.

Никаноръ Семеновичъ вполнѣ свыкся съ этими невинными экскурсіями и даже былъ доволенъ, что жена не скучаетъ и во всемъ находитъ развлеченія, но Агафья Петровна приходила въ отчаяніе, что невѣстка ея не хочетъ жить «какъ люди» и дѣлилась своимъ горемъ уже не съ сыномъ, почти равнодушнымъ къ ея жалобамъ, а съ вдовой-пономарицей ближайшаго села, часто посѣщавшей старуху, а иногда проживавшей у нея по нѣскольку дней.

Щегольская колясочка, купленная Коноплянниковымъ, еще ни раву не была въ употребленіи. Прошла Пасха, но Наталья Прохоровна все еще медлила сдѣлать визитъ гостямъ, бывшимъ на ихъ свадьбѣ. Никаноръ Семеновичъ подзывалъ ее неоднократно, но жена все откладывала. Эти люди совсѣмъ не интересовали ее и, кромѣ того, въ сопровожденіи мужа она никуда не желала показываться.

Въ своемъ домашнемъ быту она относилась къ мужу съ большей терпимостью, чѣмъ прежде. Прихоти ея выполнялись, убивали время, развлекали ее. На ея счастье, ихъ жизнь сопровождалась довольно частыми разлуками. Коноплянниковъ по-

своимъ дѣламъ уѣзжалъ недѣли на двѣ, на три, а то и больше. Старуху-свекровь она почти не видѣла.

Главный интересъ Натальи Прохоровны сосредоточивался на постройкѣ, но минутами на нее находилъ припадокъ веселости, и забывая почти все, она пускалась въ игры съ толкавшимися на дворѣ мальчишками.

Въ одну изъ такихъ минутъ засталъ ее Щебневъ, который, по ея просьбѣ, иногда заглядывалъ въ ихъ усадьбу послѣдить за постройкой.

— Доброе дѣло, Наталья Прохоровна!.. Даже и этихъ-то вы не забываете... — говорилъ онъ, почтительно кланяясь и указывая на ребятъ.

— Какъ же!.. Я дѣтокъ очень люблю, — отвѣчала она, бросивъ мячъ и подходя къ нему.

— Коли такъ, хорошо бы вамъ открыть школу въ своей усадьбѣ... Я ужъ давно хотѣлъ сказать, да все не рѣшался: думалъ, не до того вамъ... А какъ бы народъ-то благодарилъ! Вѣдь теперечкусь и нашъ братъ, мужикъ, хватился за умъ... Всюду школы, читальни открываются... Вотъ въ Ожерельѣ, сказываютъ, идетъ дѣло бойко съ вашей легкой руки. Дремаловъ, какъ ни на есть, а читаетъ народу, интересуетъ...

— Правда?

— Какъ же-съ... А объ васъ ужъ говорятъ въ губерніи...

Коноплянникова задумалась.

— А знаете, вѣдь это идея!—вскричала она вдругъ.—Непремѣнно, непремѣнно!.. Какъ только кончатъ домъ, мы приступимъ къ постройкѣ школы. Вѣдь вы поможете мнѣ—да?.. Послѣ дома это будетъ пустякъ.

Щебневъ въ тактъ ея словамъ одобрительно наклонялъ голову.

— Да, это очень, очень хорошо,—весело продолжала она.— Учителемъ можно взять того же Дремалова: онъ, бѣдный, тамъ, кажется, голодаетъ. Я его поставлю въ лучшія условія. Это прямо идея, Илья Степанычъ! Не будемъ откладывать. Пойдемъ теперь же отыскивать мѣсто. Я думаю самое лучшее за садомъ... Идемте туда!

Какъ старая няня покоряется прихоти избалованнаго ребенка, Щебневъ, немного смѣясь надъ такой поспѣшностью, послѣдовалъ за Натальей Прохоровною.

Изъ калитки въ это время вышла Агафья Петровна, и встрѣтясь съ ними, полюбопытствовала—куда идутъ они.

— Такъ... по части прогулки... — кланяясь, отвѣчалъ Щебневъ.

Натальѣ Прохоровнѣ вдругъ захотѣлось немного подразнить [illegible]

[illegible]ть, мамаша, — обратилась она къ Агафьѣ Петровнѣ,— [illegible]у поставить здѣсь... Мѣсто идемъ выбирать.

[illegible]-ко-лу?—удивленно переспросила свекровь.

— Ну да: начальную народную школу... Я хочу поставить здѣсь школу... Поняли, мамаша?

Долго сдерживаемое негодованіе старухи разразилось наконецъ явнымъ протестомъ.

— Ахъ, батюшки-свѣты!—взволнованно и торопливо заговорила она.—Опять на раззоренье пошло... Что это вы, сударыня, дѣлаете съ нами! Съ котомкой вы насъ пустить хотите... Эхъ, дурь-то какая! Ну, къ чему это! Какая намъ польза!.. Да пожалѣй ты насъ, матушка! Видишь: старуха я, а готова плакать передъ тобой... Смилуйся!

— Стыдитесь, Агафья Петровна,—успокоивала ее невѣстка.— Много ли это для васъ!..

— Оно точно, — поддакивалъ Щебневъ, — тутъ для васъ, Агафья Петровна, затрата не велика: капля въ морѣ.

— Твои, Илья Степанычъ, тутъ продѣлки! Ты все смущаешь ее... Грѣхъ тебѣ...

И опять она перешла къ невѣсткѣ:

— Натальюшка, да пожалѣй ты насъ, умилостивись! Этакую домину для тебя строимъ... Коляски, валасипеды завели... поваровъ, горничныхъ. Неужели мало тебѣ? Ни въ чемъ вѣдь запрету нѣтъ! Матку свою нашими деньгами сколько разъ обдаривала...

— Вы начали меня упрекать! — язвительно захохотала Наталья Прохоровна. — Такъ знайте же, что школа здѣсь будетъ поставлена! Будетъ!

— Успокойтесь, Наталья Прохоровна, — участливо глядя на нее, сказалъ Щебневъ.

— Я и такъ покойна... Пойдемте скорѣе...

И они быстро отошли отъ старухи.

«Эта гадина упрекаетъ меня»...— прошептала Наталья Прохоровна, и новая мысль впервые шевельнулась въ ней. И вдругъ ей стало безконечно легко, и она удивилась: почему эта мысль только теперь осѣнила ее. «Все это хоть только номинально, но чужое... Это не весело... Надо измѣнить... Хоть половину, что ли... хоть даже и меньше»...—разсуждала она, и была счастлива сознаніемъ, что мужъ ея въ отношеніи къ ней не проявляетъ никакой воли.

За садомъ была довольно обширная площадь, которую полукругомъ обступали хозяйственныя строенія. Кромѣ подгнившей качели на высокихъ столбахъ, вкопанныхъ крестообразно, на площади ничего не было. Тутъ школа была бы на мѣстѣ.

Одобривъ и пообѣщавъ помогать и содѣйствовать, Щебневъ, отказавшись отъ чаю, уѣхалъ.

XVIII.

НАТАЛЬЯ Прохоровна собственно вела очень регулярную жизнь. Вставала она хотя и поздно, но всегда въ опредѣленный часъ; въ установленный же часъ пила утренній чай, потомъ отправлялась на работы, завтракала часа въ два, часовъ въ пять обѣдала, опять шла на работы; по вечерамъ — прогулка. Ложилась она неизмѣнно въ часъ ночи. Итакъ—день за днемъ.

Въ тюрьмѣ время идетъ еще скорѣе, а эту жизнь она уже называла «милой скукой».

Наступилъ сентябрь. Постройка быстро подвигалась, но молодая хозяйка уже равнодушнѣе относилась къ ней.

За садомъ, на облюбованномъ ею мѣстѣ, уже стоялъ небольшой деревянный флигелекъ для школы. Съ учителемъ Дремаловымъ она давно списалась. Но и къ этой затѣѣ она начинала относиться равнодушнѣе.

Былъ холодный осенній вечеръ. Съ сѣверо-запада съ утра подувалъ вѣтерокъ, нанося тучи. Воздухъ былъ сырой.

Коноплянниковы, всѣ трое, сидѣли за вечернимъ чаемъ, причемъ Наталья Прохоровна, не вступая въ хозяйственные разговоры мужа и его матери, перелистывала старый модный журналъ.

Звонкій ямской колокольчикъ, раздавшійся почти у самаго крыльца, отвлекъ ея вниманіе.

— Охъ, усталъ какъ!.. Дома господа? — послышался вдругъ изъ передней молодой мужской голосъ, обращавшійся къ горничной.

Коноплянниковъ поспѣшилъ встрѣтить, не зная еще, кто это.

Скоро, въ сопровожденіи его, въ столовую вошелъ молодой человѣкъ, худощавый и высокій, съ лицомъ и усиками, какія встрѣчаются въ модныхъ листкахъ, выставляемыхъ на окнахъ магазиновъ готоваго платья.

Это былъ Павелъ Гавриловичъ Закурдаевъ, судебный слѣдователь изъ правовѣдовъ, который на свадебномъ обѣдѣ сидѣлъ рядомъ съ Натальей Прохоровной.

Вскользь поздоровавшись со старухой, онъ поцѣловалъ у Натальи Прохоровны руку.

— Простите, — обратился онъ къ ней, — что я рѣшился въ такой часъ безпокоить васъ. Незваный гость хуже татарина; но, право, такъ усталъ и озябъ... А тутъ любезная хозяйка... и огонекъ привѣтливо смотритъ... Дай-ка, думаю, заверну!..

— Чудно сдѣлали. Я очень, очень рада,—одобряла Наталья Прохоровна, дѣйствительно обрадованная пріѣздомъ новаго человѣка.

— Куда изволите путь держать? Должно быть по дѣлу-съ...

для вскрытія или что иное? — спрашивалъ, между тѣмъ, гостя Никаноръ Семеновичъ.

— Да, по дѣлу, но по пустому: снять допросъ и произвести осмотръ взломанной крыши. Все эти кражи проклятыя. Хоть бы убійства были! Съ тѣми интереснѣе, но вашъ уѣздъ кротокъ на этотъ счетъ, какъ агнецъ... Въ Копытово ѣду. Это, кажется, верстъ двадцать пять отъ васъ?

— Не больше-съ. Прикажете закусить съ дорожки?

— Садитесь, господинъ Закурдаевъ, —обратилась къ пріѣзжему Наталья Прохоровна и, позвонивъ, приказала вошедшей горничной-нѣмкѣ сдѣлать распоряженіе объ ужинѣ, а пока налила Закурдаеву стаканъ чаю.—Адская ваша должность, я думаю... Во всякую погоду трястись по такимъ дорогамъ... — говорила она юристу.

— Для меня не совсѣмъ адская, потому, можетъ быть, что я поѣздки мои часто соединяю съ охотой.

— Такъ вы охотникъ?

— Да, страстно люблю охоту... Вотъ и теперь по пути заверну въ Каменку... Тамъ управляющій охотникъ и имѣетъ отличныхъ сетеровъ. Побродимъ съ нимъ...

— Что же вамъ больше всего нравится въ этомъ развлеченіи?

— Все, за исключеніемъ только, такъ сказать, хозяйственной стороны. Я даже, по правдѣ, не могу и ѣсть ту дичь, которая убита моей рукой. Но какое наслажденіе самый процессъ охоты! Выгонитъ собака зайченка тамъ или птицу — сердце замретъ... Точно свиданья ждешь... Думаешь промахъ—нѣтъ: прицѣлился, спустилъ курокъ и птица, судорожно сжимая крылья, медленно валится на землю. Что можетъ быть лучше этого момента! Но это въ охотѣ только дѣтскія игрушки. А если мужики облаву устроятъ, да съ компаніей на медвѣдя поѣдешь — тутъ трудно даже передать всѣ впечатлѣнія... Въ этомъ краю я только одну зиму прожилъ, а пристрѣлилъ двухъ медвѣдей... Вотъ нынче испанскаго посланника ждемъ: будетъ огромная охота! Но о такой охотѣ что говорить! Она сопряжена съ большими трудностями... Нѣтъ, даже въ погонѣ за дичью натѣшишься вдоволь. А чего стоитъ самый привалъ охотниковъ! Устанемъ... Сумки полны добычи... Выберемъ поэтичное мѣстечко—этакъ, знаете ли, гдѣ-нибудь на берегу рѣчки или озера. Разложимъ закуски, вина... Начинаются шутки, анекдоты, хохотъ... И всѣ мы друзья, всѣ—одна семья. Если въ нашу компанію простой мужикъ попадетъ, то и онъ намъ такой же другъ, и онъ шутитъ и смѣется, и ему весело... И мы чуть не на «ты» съ нимъ. Тутъ нѣтъ ни низшихъ, ни высшихъ... «Вашимъ высокоблагородіемъ» никто не называетъ тебя, всѣ равны... Забываешь и положеніе свое, и службу... На великосвѣтскихъ балахъ, когда былъ еще въ училищѣ правовѣдѣнія, я право чувствовалъ себя гораздо хуже, хоть и слылъ первымъ танцоромъ.

— Какъ вы увлекательно расписали охоту... Ну, говорите, говорите еще!—оживляясь, приказывала Наталья Прохоровна.

И Закурдаевъ говорилъ... говорилъ долго, все болѣе увлекаясь, преувеличивая, а то и прямо сочиняя о своихъ и чужихъ охотничьихъ подвигахъ и забавахъ.

Наталья Прохоровна весело слушала его.

Когда Закурдаевъ, утомясь наконецъ своей болтовней, кончилъ,—она обратилась къ нему:

— Знаете что, Павелъ Гаврилычъ,—поучите-ка и меня охотиться! Возьмите меня когда-нибудь съ собой, — не теперь, а когда-нибудь... Я увѣрена, что пристращусь понемногу, даже больше: я влюблюсь въ охоту! Я знаю это.

Агафья Петровна, почти дремавшая на своемъ стулѣ и почему-то все-таки считавшая свое присутствіе необходимымъ, насторожилась при этихъ словахъ и посмотрѣла на сына.

— Что вы такъ смотрите? — спросила Наталья Прохоровна.

— Агафью Петровну коробитъ это, — пояснила она слѣдователю.

— Помилуй, Наташенька: виданное ли дѣло, чтобъ женщина изъ ружья палила! Полно и того, что на власипедѣ ѣздишь...

Наталья Прохоровна и Закурдаевъ переглянулись и весело засмѣялись.

— Видалъ! — прошептала старуха сыну, глазами указывая да невѣстку.

За ужиномъ Наталья Прохоровна сама накладывала Закурдаеву порціи, сама подливала ему то водки, то вина, чокалась съ нимъ домашней вишневой наливкой, возглашала тосты за охотниковъ.

И чѣмъ укоризненнѣе и печальнѣе поглядывала старуха на нее и на сына, тѣмъ непринужденнѣе держала она себя.

Кого ей бояться теперь!

Ужъ и теперь переведено на ея имя, въ тайнѣ отъ старухи, 250 тысячъ...

Послѣ ужина, хозяева и гость прошли въ маленькую гостиную, обставленную Натальей Прохоровной съ большимъ комфортомъ и вкусомъ. Печка тамъ была передѣлана на каминъ, который затопили теперь.

Закурдаева ожидалъ ночлегъ.

Агафья Петровна, ложившаяся обыкновенно значительно ранѣе другихъ, не дожидаясь ужина, прямо послѣ чая, на этотъ разъ сочла долгомъ сидѣть. И она, и сынъ ея начинали обнаруживать желаніе покинуть гостя. Оба они внушительно зѣвали, закрывая рты руками.

Закурдаевъ предложилъ хозяевамъ не стѣсняться и не измѣнять привычкамъ, что подтвердила и Наталья Прохоровна.

Закурдаевъ съ молодой Коноплянниковой остались одни.

— Я посижу еще съ вами... Поболтаемъ... Я здѣсь такъ никого не видѣла,—говорила Наталья Прохоровна.

— О, конечно! Я готовъ хоть всю ночь... Совсѣмъ прошла усталость...

— Ну и прекрасно. Я очень рада, что вы заѣхали, очень. Заѣзжайте всегда! Вотъ ужъ второй годъ живу я здѣсь. Тюрьма! Впрочемъ, не все скучала. Много было заботъ. Вы знаете: я новый домъ строю... Потомъ школа... Она уже готова. Все это пріятно, но опять начала чувствовать одиночество.

— Я думаю,—сочувственно отозвался Закурдаевъ. — Здѣсь ничего нѣтъ подходящаго для васъ.

Наталья Прохоровна посмотрѣла на него съ улыбкой и вздохнула.

— Да, даже самая обстановка,—отвѣчала она.—Коноплянниковы люди стараго закала. Гдѣ же съ ними!..

— Но мнѣ кажется, вы созданы для того, чтобы другіе подчинялись вамъ, а не вы имъ. Вы избалованы жизнью и такія женщины умѣютъ повелѣвать.

— Отчасти вы правы; я во многомъ настаиваю на своемъ.

— Но власть ваша не должна тяготить... Я бы самъ желалъ...

Закурдаевъ не договорилъ и чувственно-пошло посмотрѣлъ на нее.

Дрова въ каминѣ пылали яркимъ пламенемъ, бросая на полъ полосу краснаго свѣта.

Натальѣ Прохоровнѣ чувствовалось уютно и тепло. Молодого слѣдователя она считала очень пустымъ, но ей было весело болтать съ нимъ. Ей вспомнилось почему-то ея прошлое.

Лампа подъ голубымъ абажуромъ слабымъ и мягкимъ свѣтомъ озаряла комнату.

Закурдаевъ все говорилъ—то объ охотѣ, то о земствѣ, то разсказывалъ утонченно-двусмысленные анекдоты.

Наталья Прохоровна слушала довольно разсѣянно и въ легкой полудремотѣ, сидя рядомъ съ нимъ на маленькомъ угловомъ диванѣ, незамѣтно склонила голову на его плечо. Дремота усиливалась и она уже не видѣла окружающихъ предметовъ.

А Зокурдаевъ легко цѣловалъ ее въ лобъ, вдыхая ароматъ ея золотистыхъ волосъ.

Она очнулась вдругъ.

— Уже поздно. Я совсѣмъ начинаю спать... Не пора ли, Павелъ Гаврилычъ...—просто и естественно говорила она, какъ будто, сквозь легкій сонъ минуту назадъ, и вовсе ужъ не замѣчала того, что онъ допустилъ съ нею...

— Въ такомъ случаѣ, не смѣю задерживать, — отвѣчалъ онъ.—Прощаюсь съ вами на неопредѣленное время. Не знаю: когда судьба опять занесетъ меня въ вашъ уголокъ... Завтра я выѣду рано утромъ: вы спать еще будете... Прощайте, — заключилъ онъ, цѣлую ея руку.

— Если проснусь, встану проводить васъ. Во всякомъ случаѣ, не забывайте меня, навѣдывайтесь! Что касается охоты,

то помните, что рѣшеніе мое серьезно. Будьте моимъ товарищемъ!

— О, какъ же, какъ же! Мы можемъ и другихъ привлечь... Организовать общество охотниковъ. Мы заведемъ нужную переписку...

Она, съ благодарностью, крѣпко пожала ему руку и ушла къ себѣ.

Утромъ Закурдаевъ уѣхалъ по своему дѣлу въ тѣ часы, когда Наталья Прохоровна еще спала.

XIX.

Разрѣшеніе на открытіе школы пришло, но Наталья Прохоровна отнеслась къ этому почти равнодушно.

Наступилъ день освященія школы.

Среди другихъ приглашенныхъ, пріѣхалъ и ожерельскій церковный староста Василій Николаевичъ Духотворскій, въ сопровожденіи ни на минуту не покидавшей его Олимпіады Сергѣевны.

Присутствіе Духотворскаго было ей, пожалуй, пріятно. Онъ, давно расположенный къ ней, все-таки былъ ей ближе тѣхъ вліятельныхъ лицъ уѣзда, которыя опять наполнили ихъ домъ. Эта толпа гостей въ служебныхъ мундирахъ и фракахъ, сосредоточившая на ней все свое вниманіе, была ей совсѣмъ чужою.

Изъ болѣе давнихъ знакомыхъ присутствовалъ также будущій учитель школы Дремаловъ.

За обѣдомъ онъ счелъ нужнымъ обратиться къ Натальѣ Прохоровнѣ съ рѣчью, чѣмъ оскорбилъ непреклонное самолюбіе нѣкоторыхъ почтенныхъ мужей уѣзда, дерзнувъ раньше ихъ произнести слово.

Это непрошенное слово молокососа выскочки послужило сигналомъ для нихъ.

Съ удвоенною энергіей и быстротой начали раздаваться тосты и говорились рѣчи, гладкія, спокойныя, сдержанныя и нервныя, гремящія потокомъ громкихъ фразъ, восхваляющія, сильныя... Едва смолкнетъ одинъ, начинаетъ другой, за нимъ третій. Говорили тузы и совсѣмъ незамѣтные люди. Слышались голоса смѣлые и самоувѣренные, робкіе и нерѣшительные. И все сводилось къ одному: «прогрессивное движеніе народа», «безкорыстное служеніе дѣлу»... И ни одного созрѣвшаго убѣжденія, ни одного искренно-теплаго слова. И всѣ понимали это, и говорили...

Наталья Прохоровна утомленно улыбалась и разсѣянно слушала, переводя усталый взоръ отъ гостей къ мужу, отъ мужа къ свекрови, которая, кажется, одна не обманывала себя, одна понимала истинное положеніе вещей и ждала конца.

Ждала конца этого торжества и сама героиня его, Наталья Прохоровна.

Поздно вечеромъ, по разъѣздѣ гостей, она, не простясь съ семьею, прошла въ свой будуаръ, въ изнеможеніи упала на кушетку и замечтала объ охотѣ.

Едва ли не болѣе всего ее интересовалъ охотничій полумужской костюмъ, который бы очень шелъ къ ней, какъ думала она. И въ костюмѣ этомъ, и во всѣхъ охотничьихъ оружіяхъ она видѣла милую, совсѣмъ новую для нея игрушку. Она съ интересомъ ожидала и этихъ приваловъ въ лѣсу, незатѣйливыхъ ужиновъ, выпивокъ, о которыхъ говорилъ ей Закурдаевъ. Точно эта неизвѣданная ею жизнь охотника сулила какія-то новыя встрѣчи и событія.

XX.

Стояли первые декабрьскіе морозы. Зима выдалась снѣжная, но тихая, ясная.

Наталья Прохоровна точно помолодѣла отъ этихъ пріятныхъ легкихъ морозцевъ. Къ тому же жизнь ея въ усадьбѣ мужа начала замѣтно разнообразиться. По зимнему пути она успѣла раза два-три съѣздить въ уѣздный городъ и повидаться съ Закурдаевымъ для переговоровъ объ охотѣ. Она уже собрала за лѣто небольшой кружокъ охотниковъ. Закурдаевъ помогъ ей привлечь нѣкоторыхъ изъ помѣщиковъ и крестьянъ, а также подбилъ одну изъ ближайшихъ къ имѣнію Коноплянникова деревень сдѣлать облаву на медвѣдя, который съ осени уже былъ выслѣженъ окладчикомъ.

Охота на медвѣдя была назначена въ одно изъ первыхъ чиселъ января. У Натальи Прохоровны былъ уже готовъ къ этому времени костюмъ.

Въ условленный день пріѣхалъ къ ней Закурдаевъ съ двумя еще незнакомыми ей молодыми людьми: одинъ штатскій, лѣтъ двадцати шести, и другой драгунскій штабсъ-ротмистръ, взявшій отпускъ спеціально для охоты.

Наталья Прохоровна, нарядясь въ свой зимній охотничій костюмъ и взявъ новое, недавно купленное въ Петербургѣ ружье центральнаго боя, сѣла со своими товарищами въ огромныя сани, обвѣшанныя коврами, и тройка, взбивая снѣгъ, понеслась вскачъ.

— Здорово, здорово, Ильюша... Не жалѣй! — поощрялъ кучера Натальи Прохоровны, уже успѣвшій узнать его имя, молодой человѣкъ въ штатскомъ, Иванъ Ивановичъ Кисляковъ.

И Ильюша не жалѣлъ...

Лицо Натальи Прохоровны сіяло довольствомъ. Быстрая

ѣзда оживила каждый его мускулъ. На щекахъ, подхваченный морозомъ, еще сильнѣе разгорѣлся ея природный румянецъ.

Кисляковъ сидѣлъ рядомъ съ нею.

До нея доносилось его молодое, здоровое дыханіе.

Она съ удовольствіемъ слушала его шутки, его веселый смѣхъ.

Незамѣтно для другихъ, Кисляковъ, вдругъ, слегка обнялъ Наталью Прохоровну за талію и носкомъ дотронулся до ея носка. Все это, могущее бы оттолкнуть ее отъ другихъ—въ немъ нравилось ей. Въ каждомъ его движеніи и словѣ она подмѣтила какую-то своеобразную гармонію. Она испытывала необъяснимое удовольствіе, что никто изъ спутниковъ ихъ не замѣчаетъ ничего...

До облавы оставалось пятнадцать верстъ. Не прошло и часу, какъ они уже были тамъ.

Тройка остановилась у опушки лѣса.

Облава была очень недалеко.

Охотники проворно соскочили съ саней и пошли въ лѣсъ.

Въ полуверстѣ отъ дороги, уже стояли полукругомъ человѣкъ десять рослыхъ мужиковъ съ чухонско-русскими лицами. Это были загонщики.

Расторопный окладчикъ, опытный въ своемъ дѣлѣ, ходилъ между ними и дѣлалъ кое-какія распоряженія.

Охотники, Закурдаевъ, Кисляковъ, штабсъ-ротмистръ и Наталья Прохоровна стали по другую сторону, въ рядъ.

По знаку Закурдаева, загонщики начали громко кричать, а охотники притаились, приготовивъ ружья.

Кисляковъ, взглянувъ на Коноплянникову, не утерпѣлъ и фамильярно обратился къ ней:

— Куда вы-то суетесь! Бросьте ружье! Смѣхъ одинъ...

Его остановили взглядами.

Загонщики кричали довольно долго. Смолкали, по знаку Закурдаева, для отдыха на нѣсколько минутъ и снова кричали еще старательнѣе и громче.

Вдругъ въ берлогѣ, обнесенной снѣгомъ, послышался трескъ хворосту и косматая, заспанная фигура огромнаго бураго овсянника зашевелилась и высунулась изъ берлоги.

Охотники, притаясь, присѣли къ землѣ.

Крикъ раздавался все громче...

Звѣрь испуганно и порывисто вышелъ изъ своего зимняго жилища и, озираясь, остановился въ пустырѣ.

Моментъ наступилъ.

Охотники, еще пригнувшись, изъ подъ кустовъ навели ружья.

Медвѣдь сдѣлалъ шагъ впередъ въ противоположную сторону отъ загонщиковъ.

Внезапно раздался выстрѣлъ.

Медвѣдь поднялся на дыбы, безсильно зарычалъ, шатаясь

пробѣжалъ нѣсколько саженъ и упалъ, истекая кровью, отъ руки штабсъ-ротмистра.

— Ай да Никаша! Ну, братъ, ловко! Всѣхъ опередилъ... А мы все ждали, думали рано...—говорилъ Кисляковъ, трепля по плечу почти незнакомаго ему офицера.

— Я знаю когда нужно...—сурово пробурчалъ штабсъ-ротмистръ.

Звѣря положили на особо приготовленныя дровни и компанія начала усаживаться въ сани.

— А что, господа,—предложилъ Кисляковъ,—стоитъ ли намъ возвращаться въ Липки! Коноплянниковъ человѣкъ занятой; мы стѣснимъ его и старушку тоже. Знаете что, верстъ двадцать отсюда живетъ одна барыня,—прозвище Зубастиха. Старушка. Я ее хоть не знаю, но, говорятъ, презабавная барыня, все молится, деньгу копитъ и страшно боится разбойниковъ. Ѣдемъ къ ней, господа! Пугнемъ ее хорошенько! Этакъ экспромтомъ, съ шумомъ, съ гамомъ... а? Вотъ перетруситъ-то! Ну, потомъ объяснимъ, конечно, да еще и деньжонокъ сунемъ. Старушка добрая, исторіи не выведетъ. А? Согласны?

— Н-ну!—протестовала Наталья Прохоровна.

— Эхъ, Наталья Прохоровна! Вамъ-то чего труситъ! Милліоны въ карманѣ,—чего вамъ! Я бы на вашемъ мѣстѣ плевать на все хотѣлъ. Очень нужно стѣсняться въ своемъ отечествѣ! Вѣдь вы—«царица здѣшнихъ мѣстъ». Кто васъ осудитъ! Напротивъ, еще похвалятъ. Ну, господа, по рукамъ!

— Я, въ принципѣ, ничего не имѣю противъ, но эта должность!..—отозвался Закурдаевъ.

— Эхъ ты, слѣдователь! Видно самъ суда испугался. Нѣтъ, Павлуша, полно. Ѣдемъ! И ты ротмистръ! Чего тебѣ, благо въ отпуску! Я самъ служилъ въ кавалеріи, даже простымъ солдатомъ. Повинность отбывалъ. Съ солдатами-то строго, хоть и изъ дворянъ. А ничего, все съ рукъ сходило.

Штабсъ-ротмистръ не противился.

Между тѣмъ и Натальѣ Прохоровнѣ начинала нравиться эта мысль.

О Зубастихѣ, ея ханжествѣ и скупости и она кое-что слышала. А теперь ей такъ хотѣлось подурачиться. Весело было на душѣ.

И они поѣхали.

Крошечная усадебка Аграфены Аникіевны Зубастовой терялась гдѣ-то въ глуши, среди болотъ, обузоренныхъ маленькими озерками, издававшими зловоніе и вмѣщавшими около береговъ несмѣтное количество лягушекъ.

Домъ былъ очень ветхій. Наклонясь къ землѣ, онъ словно просилъ ее, чтобы она взяла его и помогла скорѣе догнить этимъ обветшалымъ, обросшимъ зеленымъ мхомъ бревнамъ. Почернѣвшая отъ старости изба для рабочихъ и небольшой скотный дворъ для пяти-шести коровенокъ—и вся усадьба!

Въ саду, вокругъ дома, безчисленныя гнѣзда галокъ пестрѣли на обнаженныхъ вѣтвяхъ столѣтнихъ липъ. Крикливыя и безпокойныя птицы, заслышавъ серебряный звонъ колокольчика, взмахнули своими черными крыльями и, кажется, первыя дали знать о прибытіи нежданныхъ гостей.

Старая, слѣпая на одинъ глазъ, дворняшка зашавкала хриповатымъ лаемъ своимъ только тогда, когда тройка, какъ вкопанная, остановилась у крыльца.

Былъ еще ранній вечеръ, но въ домѣ спали.

На крыльцо вышла какая-то заспанная женщина, въ грубой холщевой рубашкѣ, босая. Она чесала свое тѣло то тамъ, то здѣсь, мучимая пріютившимися въ ея бѣльѣ насѣкомыми.

— Вамъ кого?—грубо обратилась она къ охотникамъ.

— Какъ кого? Саму барыню, Аграфену Аникіевну Зубастову. Ну, докладывай, что-ли!—командовалъ Кисляковъ.

Но вотъ въ полуоткрытую дверь просунулось сгорбленное, трясущееся тѣльце хозяйки. Одною рукой она опиралась на костыль, съ трудомъ поддерживая свой высохшій корпусъ. Тощая и сутуловатая, съ вытянутымъ лицомъ и головой, съуженной въ конусъ на затылкѣ, она походила на мышь въ тѣ критическія минуты, когда звѣрекъ видитъ неизбѣжность отдаться во власть кошки.

— Что прикажете, государь мой?—по старинному обратилась она къ Кислякову и незамѣтно перекрестилась.

Кисляковъ внушительно откашлянулся.

— Мы—люди вольные,—ударяя на каждомъ словѣ, искусственнымъ баскомъ заговорилъ онъ.—Промышляемъ охотой, да еще кое чѣмъ. Во славу нашего рода, по дорогамъ большимъ разъѣзжаемъ. Гдѣ можно—грабимъ. А то и ножемъ полыснемъ. Вотъ-съ мы кто!

— Ахъ, Боже мой, Господи Іисусе Христе! Да что же это такое!? Что же вы дѣлаете со мной!? Помилосердствуйте! Милости вашей прошу. Куда вамъ меня, старую! Сама именемъ Христовымъ побираться готова. Оставьте меня, дайте умереть спокойно!—вопила старуха.

— Ничего, старушка. Не бойтесь!—болѣе мягко заговорилъ Кисляковъ.—Мы не трогаемъ безъ разбору. Вотъ проведите насъ въ домъ, тамъ обсудимъ, а пока что—приготовьте-ка закусочку. И этакъ, того...

Онъ щелкнулъ себя по шеѣ.

Во все время этого разговора Наталья Прохоровна заливалась неудержимымъ хохотомъ, но напуганная старушка только теперь услышала ее.

— Что это? Никакъ и женщина съ вами!—всмотрѣвшись, заговорила она.—Матушка, хоть ты-то помилосердствуй! У тебя душа добрая, женская. Яви божескую милость, образумь ихъ! Вѣки-вѣчные за тебя на томъ свѣтѣ Бога молить буду.

Наталья Прохоровна не могла успокоить ее и еще пуще хохотала.

— Ну, старушка, ведите насъ! Что-жъ это мы здѣсь на морозѣ толкуемъ. Угостите сначала дорогихъ гостей, отогрѣйте,— говорилъ Кисляковъ.

— Все сдѣлаю для васъ, государи мои, только не убивайте! Побойтесь суда Божьяго!

Зубастиха, трясясь какъ въ лихорадкѣ, провела ихъ въ домъ.

Проходя съ нею черезъ сѣни, они почувствовали удушливый запахъ капусты, помоевъ и еще чего-то.

— Ишь вѣдь до чего перепугалась!—шепнулъ Кисляковъ штабсъ-ротмистру.

Тотъ плюнулъ и обмахнулъ лицо надушеннымъ платкомъ.

«Гости» были проведены въ лучшую изъ комнатъ дома. Тутъ было довольно чисто. Древнія, разбитыя на всѣ струны фортепіано, кожанныя старинныя кресла, портретъ давно умершаго отца Аграфены Аникіевны, маіора въ отставкѣ—составляли убранство комнаты.

Та же заспанная баба, которая встрѣтила ихъ, принарядясь теперь въ ситцевое платье, накрывая столъ, выставляя все, что хранилось въ кладовой старухи: соленые и маринованные рыжики, маринованную дичь, нѣсколько сортовъ настоекъ и наливокъ, простую водку.

Скоро показалась хозяйка, уже переодѣтая, причесанная, приглаженная и даже поддушенная одеколономъ.

Не переставая бояться за свою жизнь и имущество, она съ напряженно-радушной и сладкой улыбкой пригласила гостей къ столу, которые, немного прозябнувъ, охотно принялись за истребленіе водокъ и грибовъ.

Не менѣе Аграфены Аникіевны угощалъ своихъ товарищей Кисляковъ, особенно заботясь о томъ, чтобы рюмки не стояли пустыми.

Наталья Прохоровна не отставала отъ другихъ, и даже сама старушка-хозяйка, уступая настоятельнымъ просьбамъ и угрозамъ Кислякова, выпила двѣ рюмки рябиновки.

Она, видимо, ободрилась, наблюдая за «гостями» и начиная вѣрить, что «гости» люди совсѣмъ не опасные.

Наталья Прохоровна сильно оживилась послѣ нѣсколькихъ рюмокъ.

— Скажите, Аграфена Аникіевна, у васъ былъ мужъ?—обратилась она къ хозяйкѣ.

— И-и... государыня моя, какой тамъ мужъ! Вѣкъ свой прожила въ дѣвицахъ. Съ молоду по монастырямъ ѣздила. Любила угодить Богу. Угодила бы и теперь, да силъ нѣту. Старость.

— Это нехорошо. Значитъ вы всю молодость проскучали... Да? Ну, такъ нужно, чтобъ вы хоть теперь, на закатѣ дней

своихъ, пожили. Знаете, этакъ какъ слѣдуетъ пожили! Ну, хоть влюбились бы.

— Полно, государыня! Грѣшно такъ шутить надъ старухой.

— Э, что вы! «Любви всѣ возрасты покорны». Вотъ влюбитесь хоть въ monsieur Кислякова.

— Monsieur Кисляковъ, пріударьте-ка за Аграфеной Аникіевной. Я этого требую отъ васъ. Я требую, чтобы вы сейчасъ же подошли къ ней; страстно,—слышите ли,—страстно поцѣловали бы ее въ губы и приласкали бы на своихъ колѣняхъ!

Всѣ громко захохотали.

— Ну, хорошій мой, я прошу васъ, сдѣлайте это!—кокетливо повторила она.

— Иванъ Иванычъ,—дама проситъ. Нельзя! Должны повиноваться!—поощрялъ штабсъ-ротмистръ.

— Э, быть такъ быть!—весело воскликнулъ Кисляковъ и почти подбѣжавъ къ старушкѣ, крѣпко поцѣловалъ ее въ губы, а потомъ мощнымъ движеніемъ руки посадилъ ее къ себѣ на колѣни.

Наталья Прохоровна, хохоча, захлопала въ ладоши.

— Батюшка, да оставь ты меня!—умоляла старуха.—Не дѣлай ты сраму такого! Ужо Аксютка придетъ. Говорить-то что станутъ! Да что же это! Пресвятая Владычица!

— Еще, еще, Иванъ Иванычъ, цѣлуйте! Крѣпче!—прыская отъ смѣха, приказывала Наталья Прохоровна.

Зубастиха застонала, заохала и наконецъ расплакалась, какъ дитя.

— Ну, будетъ, monsieur Кисляковъ! Довольно!—сжалившись, остановила Коноплянникова и потомъ перешла къ хозяйкѣ.

— Эхъ, вы, Аграфена Аникіевна! Видно, что силы у васъ пропали. Вы вотъ съ меня берите примѣръ.

Наталья Прохоровна уже была совсѣмъ пьяна.

— Да, m-elle Зубастова, берите примѣръ. Смотрите, что я сейчасъ сдѣлаю!

— Господа,—обратилась она къ охотникамъ,—вынимайте свои платки и завязывайте глаза!

Всѣ, недоумѣвая, исполнили ея требованіе.

— Ну, теперь,—приказывала она,—ловите меня! Кто первый поймаетъ, тотъ можетъ осыпать меня поцѣлуями.

Штабсъ-ротмистръ, Закурдаевъ и Кисляковъ, зацѣпляясь за стулья, забѣгали по комнатѣ, ища свою добычу. Долго бѣгали безуспѣшно. Вдругъ Наталья Прохоровна, прячась и увертываясь отъ всѣхъ, точно нечаянно столкнулась съ Кисляковымъ и сама сбросила ему платокъ.

— Ну, цѣлуйте! Я отъ своихъ словъ не отказываюсь,—говорила она ему.

— Не здѣсь, милѣйшая Наталья Прохоровна,—не здѣсь! другихъ, право, неловко и скучно.

— Ну, ладно. Я въ вашемъ распоряженіи. Идемте въ другую комнату.

И они прошли въ спальню Аграфены Аникіевны, гдѣ было темно и только въ старомъ дубовомъ кіотѣ тускло горѣла лампада...

— Ну и барынька!—протянулъ штабсъ-ротмистръ, обращаясь къ Закурдаеву.

— Вотъ видите, Аграфена Аникіевна,—возвратясь въ столовую съ Кисляковымъ, говорила Наталья Прохоровна:—я сдержала свое слово и ничего не потеряла отъ этого. Что же вы-то? А, впрочемъ, Богъ съ вами!

Всѣ они опять усѣлись къ столу и попивая подоспѣвшій чай, чередовали его съ наливками и настойками.

Кисляковъ, прійдя въ экстазъ, масляными глазами поглядывалъ на Наталью Прохоровну и жестикулируя, громко, но хриповато запѣлъ ей:

Спрятался мѣсяцъ за тучки,
Не хочетъ онъ больше гулять,
Дайте же мнѣ ваши ручки
Къ пылкому сердцу прижать.

И онъ, дѣйствительно, схватилъ холенныя руки Натальи Прохоровны и, слащаво глядя на нее, прижалъ ихъ къ сердцу.

— Оставьте, пожалуйста. Это скучно,—поморщась, замѣтила она и вдругъ встала, налила рюмку и провозгласила:

— Господа, пьемъ за здоровье нашей дорогой хозяйки! У-р-ра!

Всѣ дружно подхватили ей.

— Господа, на ура нашу милѣйшую Аграфену Аникіевну! На ура!—предложила она, слишкомъ весело и наивно смѣясь отъ излишне выпитаго вина.

— Идея!—радостно поддержалъ Кисляковъ, и они вчетверомъ подошли къ оторопѣвшей старушкѣ, обхватили ее и, при громкихъ крикахъ, подняли на воздухъ, раскачивая во всѣ стороны.

— Будетъ, господа, будетъ!—закричалъ Кисляковъ.—Дайте мнѣ теперь одному почтить Аграфену Аникіевну!

И ловкимъ движеніемъ обхвативъ сгорбленный корпусъ старухи, качая ее, какъ дитя, и напѣвая что-то, онъ началъ носить ее по комнатѣ.

Наталья Прохоровна веселилась больше всѣхъ и бѣшено апплодировала.

— Ну, Господь съ вами, старушка! Видите, какъ мы позабавили васъ, а вы еще боялись принять насъ.

И онъ освободилъ ее.

Старуха раскраснѣлась и, видимо, была очень возмущена, но она уже не рѣшалась высказывать вслухъ свое негодованіе.

— Пора, господа, и честь знать! Ѣдемте!—къ великой ра-

дости Аграфены Аникіевны, обратилась къ товарищамъ своимъ Наталья Прохоровна.

— Ну, спасибо вамъ, хозяюшка,—серьезно и мягко, но нетреевымъ голосомъ прощалась она съ Зубастовой.—Не поминайте лихомъ. Если обидѣли васъ—забудьте! А всего лучше примите маленькое вознагражденіе. Мы вѣдь много хлопотъ принесли вамъ...

И она бросила на столъ двадцатипяти рублевую бумажку.

Старуха нервно и быстро вцѣпилась въ деньги и точно окаменѣла отъ изумленія.

— Матушка моя, государыня, да за что же милость такая!—прійдя въ себя, заговорила она.—Не осудите меня, старуху, ежели не угодила чѣмъ. Слово, можетъ, какое лишнее сказала... Ну, знала ли я!?..

Старуха проводила ихъ въ сѣни, сама свѣтя имъ и прося не забывать ее. Натальѣ Прохоровнѣ она помогла надѣть шубку.

Забравъ ружья и всѣ охотничьи атрибуты, компанія размѣстилась въ огромныхъ саняхъ. Серебряный колокольчикъ залился тѣмъ же тонкимъ малиновымъ звономъ и такъ же послышалось хриплое шавканье одноглазой дворняшки.

XXI.

ОРГАНИЗОВАННЫЙ Натальей Прохоровной и Закурдаевымъ небольшой кружокъ охотниковъ продолжалъ функціонировать всю зиму. Было убито еще нѣсколько медвѣдей, устраивались облавы на волковъ.

Наталья Прохоровна неуклонно принимала участіе въ охотѣ, хотя не обнаруживала никакой врожденной любви и способности къ этому дѣлу. Болѣе всего занимало ее время препровожденіе въ молодой компаніи, съ которою она все короче сходилась, хотя нерѣдко и скучала среди этихъ людей.

Въ окрестности много ходило слуховъ о ней, причемъ слухи эти склонялись въ ея пользу.

О необыкновенной щедрости и смѣлости ея разсказывалось много легендъ, хотя щедрость Натальи Прохоровны не разъ была доказана. Что касается ея гражданской смѣлости, то она ограничивалась больше случаями, подобными тому, какъ въ домѣ Зубастовой.

Охота и кутежи, кутежи и охота... Все это и развлекало Наталью Прохоровну, и незамѣтно пріѣдалось ей. Зима однако прошла для нея скоро. Воздухъ ранней весны оживилъ ее. Она съ дѣтства любила деревенскую весну и, не боясь грязи, много гуляла.

Лѣтомъ, послѣ Петрова дня, когда началась охота за дичью, кружокъ Натальи Прохоровны, по ея желанію, а иногда и подъ

ея личнымъ руководствомъ, дѣйствовалъ также въ защиту крестьянъ, обездоленныхъ мѣстными кулаками. Душа ея была очень далеко отъ интересовъ крестьянъ, но она видѣла въ этомъ что-то новое и вмѣшательство въ ихъ дѣла развлекало ее гораздо больше охоты.

И мужики приходили къ ней съ жалобами.

Загонитъ ли кулакъ или мужикъ-арендаторъ въ свой дворъ скотъ крестьянъ, попавшій въ потраву на его землѣ—ея «молодцы» изъ дрессировщиковъ, доѣзжачихъ, егерей и псарей,—если дѣло было въ ближайшихъ деревняхъ и помѣстьяхъ,—отправлялись туда съ ружьями и такой страхъ нагоняли на самоуправца, что скотъ, самовластно арестованный, немедленно выпускался со двора и выдавался жалобщику. Принималъ ли въ закладъ кабатчикъ отъ спившагося мужиченка его домашнюю необходимую утварь и не возвращалъ ее безъ полной уплаты денегъ,—Наталья Прохоровна, выслушавъ жалобу отъ несчастной жены мужика, посылала туда двухъ-трехъ «молодцовъ»—и вещи безпрекословно возвращались перепуганнымъ кабатчикомъ, которому щедрая уѣздная матрона не замедляла уплачивать за мужика...

Уплачивала она иногда и недоимки за слишкомъ бѣдныя деревеньки, за что мѣстная полиція сердечно благодарила ее и смотрѣла сквозь пальцы на ея «невинныя» шалости и легкія самоуправства съ арендаторами, кулаками и, еще царствовавшими тогда надъ деревней, кабатчиками. Урядникъ, получавшій отъ Натальи Прохоровны ежемѣсячные дары, почти равные окладу его жалованья, особенно мирволилъ ей.

Стоялъ конецъ августа. Вечернія сумерки подернули холодное, блѣдно-зеленое небо.

Въ домѣ Коноплянниковыхъ все было тихо. Охотниковъ, товарищей Натальи Прохоровны, никого не было. Даже уѣхалъ, жившій послѣднее время во флигелькѣ ихъ усадьбы, Кисляковъ, получившій какое-то мѣсто въ другой губерніи.

Обѣ Коноплянниковы, старуха и молодая, сидѣли по разнымъ комнатамъ: старуха въ своей тѣсной, обвѣшанной иконами и обставленной сундуками спальнѣ; молодая—въ своемъ изысканномъ будуарѣ.

Со старухой былъ и сынъ ея, Никаноръ Семеновичъ, и они обсуждали ихъ домашнія событія и жизнь за весь годъ.

— Ужъ пусть бы себѣ безобразила и пьянствовала,—говорила Агафья Петровна, плача,—сама бы себя губила! Нѣтъ вѣдь: она и нашей погибели хочетъ. Теперь за мужиковъ повинности выдумала платить, въ кабакахъ за нихъ разсчитывается... Ишь порода-то: такъ и стоитъ за своихъ!.. А тоже псарня... Людей сколько содержится... Все наши харчи жрутъ. Наши деньги получаютъ... Думай, Никаноръ: этакъ нельзя! Хоть развода проси... Стыдъ, срамъ! Въ роду этого никогда не бывало,

а придется... Тогда хоть имущество-то сохранишь... У-уу! Змѣя она, дьяволъ!.. Обезчестила, обобрала насъ.

Никаноръ Семеновичъ соглашался съ матерью, пожималъ плечами, но говорилъ онъ вяло и ничего не могъ придумать для пресѣченія на будущее время этихъ ненужныхъ затратъ.

При послѣднихъ словахъ старухи онъ даже обидѣлся за жену и злобно посмотрѣлъ на мать.

— Пропадшій ты человѣкъ, Никаноръ!— отчаянно проговорила старуха и оставила сына.

А Наталья Прохоровна только что кончила слѣдующее письмо:

«Вамъ покажется дикимъ, Владиміръ Андреевичъ, что я, вдругъ, пишу вамъ. Много времени прошло со дня нашей разлуки и, можетъ быть, вы окончательно забыли меня. Думаю, что вы не измѣнили вашей невѣстѣ, горячо любимой вами, что тѣмъ болѣе не должно бы мнѣ давать право обращаться къ вамъ. Но я вѣдь и не горю никакими надеждами и безумными желаніями. Вы должны вѣрить этому, такъ какъ достаточно знаете во мнѣ преобладаніе разума. Я пишу вамъ только потому, что страшная пустота кругомъ, страшная тоска въ сердцѣ; а къ вамъ я отношусь лучше и теплѣе, чѣмъ къ кому бы то ни было изъ окружающихъ и прежде окружавшихъ меня людей.

«Вѣдь, кажется, все улыбается мнѣ. Мужъ обожаетъ меня и ни въ чемъ не стѣсняетъ. Я богата; могу дѣлать все, что хочу. Другія-бы судьбу благословляли, а я мечусь, безумствую, веду себя иногда до невозможности неприлично, безобразничаю, пью и—страдаю. Хочется точно заглушить что-то или заполнить пустоту.

«Проклинаю небо, что оно дало мнѣ разсудокъ сознавать, что я не могу быть любима и даже понята тѣми людьми, которыхъ я могла бы любить... Тогда бы все было по другому.

«Не думайте, что я стараюсь разжалобить васъ. Совсѣмъ нѣтъ. Мнѣ пріятно лишь сознаніе, что хоть одинъ человѣкъ пойметъ меня. Я чувствую къ вамъ близость, больше чѣмъ къ кому-нибудь другому, и вѣрю, что вы сочувственно отнесетесь ко мнѣ. Я такъ несчастна, такъ глубоко несчастна не только теперь, въ эти минуты, но и всегда, когда и кучу, и пью, и филантропничаю,—такъ несчастна, что я прошу, умоляю васъ побыть со мною хоть одинъ часъ, дать мнѣ высказаться, выплакаться. Вѣдь я—женщина, Владиміръ Андреевичъ... какая-бы тамъ ни была. Повторяю мою просьбу, мою мольбу: пріѣзжайте ко мнѣ на этихъ дняхъ или позвольте мнѣ пріѣхать къ вамъ и напишите тогда»!

«Наталья Коноплянникова».

Она запечатала письмо, чтобы завтра послать его по земской почтѣ.

Кто-то осторожно постучалъ въ ея, запертую на ключъ, дверь.

Она раздражительно встала и отперла.

Вошелъ Никаноръ Семеновичъ.

— Не спишь еще!..—ласково и немного смущенно обратился онъ.

— Какъ видите!—холодно отвѣчала она.—Я нарочно закрыла дверь. Страшно не люблю этихъ внезапныхъ появленій...

— Но вѣдь я, Наташа, не полагалъ, что обезпокою тебя... И никакихъ тамъ секретовъ у тебя нѣтъ...

Она не отвѣчала и, нахмуривъ брови, смотрѣла въ сторону, опять сидя у своего столика.

— Хотѣлъ я съ тобой потолковать, Наталья Прохоровна,— началъ онъ, стараясь быть уже менѣе привѣтливымъ и нарочно назвавъ ее по отчеству.

— Потолковать?.. Гмъ.. Ну, толкуйте!..

Коноплянниковъ откашлянулся.

— Вѣдь этакъ нельзя, Наталья Прохоровна...

— Этакъ нельзя!—передразнивая его, отчеканила она.—Ну, что же дальше?

Коноплянниковъ началъ робѣть, путаться въ мысляхъ.

— Ты прости меня, Наташа, ежели что...

Она утомленно взглянула на него.

— Гмъ... То «Наталья Прохоровна», то «Наташа»!.. «Ежели что»... «Этакъ нельзя»... Ровно ничего не понимаю. Ради Бога, не утомляйте меня! Говорите скорѣе: что вамъ нужно?

— Я, Наташа, больше для маменьки... Маменька-то ужъ больно того...

Наталья Прохоровна засмѣялась тонкимъ, принужденнымъ, непріятнымъ смѣхомъ.

— Ахъ, для маменьки! Паинька-сынокъ!.. О чемъ же вы хотѣли говорить со мной «для маменьки»? Это любопытно. Начинайте.

Коноплянниковъ вспыхнулъ. Въ немъ шевельнулось, наконецъ, самолюбіе.

— Такъ нельзя, Наталья Прохоровна. Оставь издѣвательства эти! Выслушай меня хоть одинъ разъ!.. Развѣ такъ живутъ люди, какъ мы живемъ?.. Развѣ это семья, бракъ?.. Вышла безъ любови—пусть такъ! Но такое поведеніе... Такія дѣйствія!.. Прости меня, Наташа... Не могу... Ну, вѣришь-ли: силы не стало... Долженъ высказать...

— Но вѣдь вы говорите, что это только «для маменьки»!..

— Я путаюсь, Наташа... Неужели сама не видишь! Кабы для маменьки—сталъ бы я такъ говорить... задѣвать честь твою!.. Нѣтъ, Наташа,—накипѣло у меня! Вотъ гдѣ: здѣсь, въ сердцѣ!.· Ты видишь: я плачу, Наташа, какъ дитя малое... Объ одномъ только упрашиваю тебя: пожалѣй ты меня! Хоть ужъ только изъ жалости!.. Мнѣ и того полно. Буду на рукахъ тебя носить, во всемъ угождать стану... Пожалѣй меня!...

На его глазахъ дѣйствительно блестѣли слезы, голосъ его прерывался.

Натальѣ Прохоровнѣ вдругъ стало жаль его.

— Вы—прекрасный человѣкъ, Никаноръ Семеновичъ! Я говорю не шутя: вы рѣдкій человѣкъ; я не стою васъ... Но что же мнѣ дѣлать! Подумайте сами: есть ли между нами хоть что нибудь общее, близкое?.. Мы — разные люди, разныхъ привычекъ... Я, кажется, говорила вамъ, когда была вашей невѣстой... Я жалею вашъ домъ, стыжу васъ — согласна. Но мнѣ скучно здѣсь, пусто, тѣсно. Я потому кажусь иногда веселой, что научилась обманывать себя. Мнѣ даже забавы ваши скучны, все скучно... Я сама не знаю чего хочу... Я испортила вашу жизнь. Убейте меня — тутъ же, сейчасъ, на мѣстѣ! Принесите мнѣ эту жертву! Вы избавите меня отъ всего... Бояться нечего: васъ оправдаютъ: скажутъ, что изъ ревности... Вы сдѣлаете святое дѣло, слышите: святое! Убейте меня!

Блѣдная и взволнованная, она неподвижно смотрѣла на него и вдругъ истерически закричала:

— Уйдите отсюда! Вы прекрасный, но я ненавижу васъ и себя, и всѣхъ!..

«Эхъ, дѣла-то какія! — выходя, прошепталъ Никаноръ Семеновичъ и тяжело вздохнулъ.

А жена его уже начала успокаиваться.

Ее преслѣдовала теперь мысль о Таврединѣ. Она ждала встрѣчи съ нимъ, какъ чего-то обновляющаго...

XXII.

Жаркіе лѣтніе дни Наталья Прохоровна, пока солнце не приближается къ закату, проводила въ домѣ. Она опускала шторы, открывала окна и двери, образуя сквозникъ, который только и спасалъ ее отъ жары.

Въ одинъ изъ такихъ дней къ ней пріѣхалъ Дремаловъ, проводившій то лѣто въ знакомомъ ему селѣ Ожерельѣ.

На этотъ разъ онъ былъ очень довольный и сіяющій.

Наталья Прохоровна освѣдомилась объ уженіи рыбы—занятіи, которому Дремаловъ посвящалъ много часовъ.

— Какое! До рыбы ли мнѣ теперь! — весело отвѣчалъ Дремаловъ.- Вы знаете: вѣдь я женюсь.

— Вотъ какъ! На той самой?

— Да. Но... видите ли: Раиса Матвѣевна получила наслѣдство отъ своей крестной матери, недавно умершей. Небольшое наслѣдство,--всего полторы тысячи, но съ насъ довольно. Лишь бы обзавестись... Конечно, я женюсь не для денегъ. Но когда одно съ другимъ -лучше и разумнѣе...

Вы ее все такъ же любите?

Да. Я ее всегда любилъ. Были, впрочемъ, моменты... Вотъ и когда встрѣтилъ...

— Эхъ, вы! — улыбнулась Наталья Прохоровна, перебивъ

его.—Ну, отъ души поздравляю васъ... Что же: вы не оставите мою школу?

— О, помилуйте! Даже съ удвоеннымъ стараніемъ примусь за дѣло.

— Ну, а что та... какъ ее? Евгенія Матвѣевна — что ли... Какъ она? Она вѣдь тоже выходитъ?—потупляясь, спрашивала Конопляннникова.

— Ей, кажется, никогда не выйти... Все у нихъ какія-то недомолвки, самоиспытанія... Кто ихъ разберетъ! Тянутъ-тянутъ—и никакъ не могутъ вытянуть...

Натальѣ Прохоровнѣ стало вдругъ весело...

Дремаловъ былъ оставленъ обѣдать. Когда воздухъ остылъ и легкая, прозрачная мгла, какъ безформенный призракъ, легла на землю, они пошли въ садъ.

Вечеръ былъ тихій, меланхолически-задумчивый.

Маленькій дворецъ, возведенный Натальей Прохоровною, стоялъ по другую сторону сада и готическія башни его красиво выступали надъ деревьями. Домъ-замокъ былъ уже возведенъ; не готова была только внутренняя отдѣлка. Наталья Прохоровна точно забыла о ней и вовсе не торопилась. Но теперь, при восходящихъ лучахъ мѣсяца, увидѣвъ эти цинковыя остроконечныя крыши башенъ и эти узкія, длинныя окна, на которыхъ играла луна,—она почувствовала сильное желаніе скорѣе кончить отдѣлку дома и скорѣе переселиться туда.

— Какъ хорошо, какъ чудно! — повторяла она и рѣшила тутъ же украсить садъ еще какимъ нибудь сооруженіемъ искусства.

Разжигая фантазію, она остановилась на вырытіи пруда въ формѣ Каспійскаго моря. Прудъ будетъ окруженъ гранитными берегами. Это такъ легко можетъ устроить ей Щебневъ, ближій къ этому дѣлу и теперь свободный отъ работъ и подрядовъ...

Она разомъ повеселѣла. Теперь время пойдетъ для нея скорѣе, въ ожиданіи письма... А, можетъ быть, найдя новое развлеченіе, она забудетъ о Тавридинѣ... И хорошо бы!

Она подѣлилась своимъ внезапнымъ проектомъ съ Дремаловымъ и онъ одобрилъ его.

На воздухѣ проведенный вечеръ подѣйствовалъ на нее успокаивающе. Ей было весело даже и за ужиномъ, въ сообществѣ мужа. Она была ласкова съ нимъ. Подливая вино и ему, и Дремалову, она просила ихъ пить за ея здоровье и сама чокалась съ ними.

Дремаловъ на нѣсколько дней остался въ Липкахъ, гдѣ въ зданіи школы ему была отведена комната.

XXIII.

Вѣсть о причудахъ Натальи Прохоровны, въ охотничьихъ похожденіяхъ, кутежахъ, щедрыхъ подачкахъ въ пользу крестьянъ, о ея «молодцахъ» — служителяхъ охоты, наводившихъ страхъ на кулаковъ и кабатчиковъ, своевременно дошла и до семьи Захара Евстигнеева.

Лукерья Никитишна хотя и побранила въ душѣ свою дочь, но скоро успокоилась, рѣшивъ, что денегъ у Коноплянниковыхъ и такъ куры не клюютъ. Себя старуха не забывала и много отъ богатой дочери перешло въ ея руки, а въ будущемъ она ждала еще большаго...

Прохоръ Захаровичъ, съ самаго начала, оставался, кажется, совершенно индифферентнымъ къ поведенію дочери и ея тратамъ. Онъ, какъ будто, даже радовался за нее.

— Ишь наша-то какъ, наша-то!—говорилъ онъ. — Ишь потѣшается! Ну, что-жъ, доброе дѣло. На то и богачиха...

— А ты бы лучше того... съѣздилъ да урезонилъ дочку-то,— ворчалъ Захаръ Евстигнеевичъ. — Пропадетъ она съ вами въ конецъ. Непутевые!..

Прохоръ Захаровичъ чесалъ затылокъ, хотѣлъ всякій разъ возражать что-то, но жена знакомъ останавливала его.

Она все меньше и меньше обращала вниманія на ворчливаго свекра, признавъ окончательно за собою авторитетъ въ домѣ.

Хозяева сумерничали, ужинали.

Разговоры ихъ, отрывочные и односложные, переходили съ предмета на предметъ. Всѣ уже чувствовали усталость и ожидали сна.

Неожиданное появленіе Щебнева оживило домъ.

На столѣ появилась лампа. Лукерья Никитишна засуетилась передъ гостемъ, которому она была такъ много обязана,.. Дуняшка побѣжала ставить самоваръ.

— Что новенькаго привезли, Илья Степанычъ? — наконецъ усаживаясь, спрашивала старуха.

— Да вотъ отъ вашихъ ѣду,—съ Липковъ... Подрядецъ небольшой взялъ.

— Это гдѣ же?

— Да все у вашихъ. Наталья Прохоровна пожелала прудъ выкопать въ саду и тесаннымъ камнемъ обложить, и каменныя перила сдѣлать вокругъ... Тоже лѣстницу для спуска... Потомъ мостикъ... Работы хватитъ: настоящая набережная!

— Ишь ты!.. Хе-хе... Вотъ онѣ, денежки-то любезныя... — весело посмѣивался Прохоръ Захаровичъ.

Но Никитишна призадумалась,

— Кабы только съ затѣями-то не раззориться бы!.. А мы

вѣдь и не слыхали еще... Вольно ужъ она, касаточка, шику задаетъ.

Щебневъ поспѣшилъ успокоить старуху.

— Не грѣхъ имъ, Лукерья Никитишна! Сколько добрыхъ дѣлъ сдѣлали. Теперечку-сь школу содержатъ, за мужиковъ недоимки платятъ... Надо-ть и для себя пожить, въ свое удовольствіе... А потомъ, — куда имъ деньги-то копить! Вѣдь ужъ и такъ видимо-невидимо. Много-ль тутъ расходу для нихъ!

— Оно точно... А все бы поосторожнѣе-то лучше бы...

— Ну, ты! Толкуй тутъ: «осторожнѣе»! Илья Степанычъ лучше насъ понимаетъ,—добродушно вмѣшался Прохоръ Захаровичъ.

А отецъ его вздохнулъ, горько и безнадежно, и прошепталъ: «Драть бы ихъ всѣхъ»!..

— А что, Илья Степанычъ, — обратился къ Щебневу Прохоръ:—хотѣлъ я у васъ совѣтца спросить: какъ вы думаете — не навѣстить ли мнѣ когда нашу-то, жадобную-то, Наталью Прохоровну-то?! Вѣдь еще какъ есть ни разу- не побывалъ у ней, на житье ея не полюбовался, да на палаты-то эти... Боязно все. Какъ, думаю, этакому лапотнику въ хоромы-то боярскія итти!..

— Что-жъ, на то и отецъ,—пояснялъ Щебневъ. — Отцу—матери всегда должно быть уваженіе оказываемо. Къ примѣру, какъ по исторіи... Былъ, значитъ, при императорѣ Петрѣ Великомъ одинъ вельможа, князь Меньшиковъ, Александръ Данилычъ... Изъ простыхъ мѣщанъ вышелъ. Въ малолѣтствѣ на лоткѣ пирожки разносилъ... Ну, такъ и тотъ матку свою, бабу простую, принималъ къ себѣ; хоть, можетъ, и не съ почетомъ, а все же принималъ, на двери не указывалъ.

— Такъ то князь, до князей добрался,—заговорилъ Евстигнеичъ. — У князей-то мозга поумнѣе будетъ. А она что такое? За кого вышла?! Прямо за мужика... Только деньгами и беретъ, а обѣдняй — мужикъ-мужикомъ станетъ, — Никаноркой, не больше... Такіе-то вотъ и фарсятъ... И она зафарсила... Вотъ ужъ, поди, третій годъ замужемъ, а по сіе время стариковъ своихъ не уважила... Могла бы и сама пріѣхать когда... Хоть бы ужъ для меня-то пріѣхала... Я ли не жалѣлъ ее, не оберегалъ!.. Нѣтъ, захотѣла важной барыней быть!..

— Ну, молчи ты! — не удержалась Никитишна. — Куда ей, золотцу моему, по мужичьимъ избамъ таскаться! Спасибо, что и такъ не оставляетъ. Что бы мы безъ ея добротворства дѣлать стали!? Года пошли худые, неурожайные... А теперь вотъ — живемъ, слава Богу...

— Вы живете на ея деньги, а не я! Я уплачиваю вамъ за харчи съ того, что скопилъ... Меня-то не кори! — гнѣвно говорилъ старикъ.

— Никто про тебя и не баетъ! Лежи знай! — огрызнулась Лукерья.

Въ избу съ шумомъ вбѣжала Дуняшка.

— Маменька, тятенька, что я скажу-то вамъ!.. Ой-ой, оюшки!.. Дѣдушка, и ты послухай!.. Вотъ срамота-те!..

— Ну, что тамъ еще?—угрюмо спросила мать.

Дуняшка приняла сосредоточенный видъ и полушопотомъ, но такъ, чтобы всѣ слышали, заговорила:

— Маменька, сестрица-то ономнясь къ барину Тавридину проѣхала... Своими глазами видѣла... Мимо нашего села прокатила—и не на коняхъ, а на машинѣ своей двухколесной. Чудно! И одѣта-то какъ! Господи Іисусе Христе,—не по женскому! У насъ и не видывали еще... А что поѣхала она ни къ кому другому, а прямо къ барину Владиміру Андреичу — ихъ кучеръ сказывалъ дядюшкѣ Тихону... Кучеръ-то ихный у насъ на селѣ сегодня былъ. Говоритъ—давно сестрица порывалась туда. Вотъ и не стерпѣла... А лошадей взять отказалась. Одной-то слободнѣе. Дядюшка-то Тихонъ тетушкѣ Василисѣ говорилъ, а тетушка Василиса — мнѣ. Она не врущая: по пусту не наклепаетъ.

— У, дура!.. Тебѣ-то что! Проѣхала, такъ и пусть проѣхала! Эко чудо какое!—равнодушно заключила Лукерья.

И всѣ отнеслись къ этой маленькой новости безучастно, такъ какъ эксцентричности Натальи Прохоровны давно были извѣстны. Было свѣжо еще въ памяти у всѣхъ ея первое пребываніе въ имѣніи Владиміра Андреевича.

Только одинъ дѣдушка Евстигнеичъ задумался немного.

— Мужъ виноватъ во многомъ, вотъ что!—заговорилъ онъ.— Потому жены не соблюдаетъ, свободу даетъ, поблажняетъ... Такъ же, какъ и вы... Порядочный человѣкъ не такое долженъ обхожденіе имѣть. Дурить баба начала, такъ ты ее того... и пристращай, и плеткой, когда нужно, а не лясы точи... Вотъ какъ въ наше-то времечко было; за то и люди были путевые, и посрамленій не было: семействъ своихъ не безчестили и себя оберегали...

— Это такъ по старинному, Захаръ Евстигнеевичъ, а нонечь времена другія; нонечь этакъ нельзя... По гуманному все пошло, по благородному... А внучка ваша, къ тому же, женщина развитая, съ образованіемъ... Какъ же такъ можно!—пояснялъ Щебневъ.

— Вотъ образованье-то это и пагуба. Отъ крестьянства-то бы не отходила—жилось бы лучше, пристойнѣе.

Старика уже не слушали.

Онъ почувствовалъ это и замолчалъ.

Было уже очень поздно, и Щебневъ, допивъ свой стаканъ, попрощался.

На небѣ, съ западной стороны, надвигалась большая темно-лиловая туча. Поднялся вѣтерокъ. Удушливый августовскій день долженъ былъ завѣршиться грозою.

XXIV.

Наталья Прохоровна приближалась на своемъ велосипедѣ къ усадьбѣ Тавридина.

Начиналъ накрапывать крупный, но пока еще рѣдкій дождь. Она сильно торопилась, но ливень все таки застигъ ее.

Въ сумкѣ, прикрѣпленной къ сидѣнью велосипеда, были нѣкоторыя ея вещи, изъ которыхъ она во время успѣла вынуть небольшой резиновый плащъ. Она быстро накинула его и, ускоривъ ходъ велосипеда, прибыла въ усадьбу почти сухая.

Все было ей знакомо здѣсь, и даже двѣ дворовыхъ овчарки, узнавшія ее, радостно завизжали и запрыгали; но ей стало, вдругъ, жутко и страшно. Тавридинъ не ждалъ ее. Отвѣта на ея письмо не было. Вотъ онъ встрѣтитъ ее сейчасъ, но что она скажетъ ему, съ чего начнетъ?.. Не уѣхать ли!..

Но было уже поздно: она стояла передъ Тавридинымъ лицомъ къ лицу. Ему успѣли уже доложить о ней, и онъ вышелъ, недоумѣвающій, удивленный.

Холодно поздоровавшись, онъ пригласилъ Наталью Прохоровну въ домъ, въ кабинетъ свой.

Она сидѣла въ мучительномъ молчаніи, а онъ, точно не замѣчая ея присутствія, игралъ съ комнатнымъ щенкомъ, трепля и лаская его.

Наталья Прохоровна начинала проклинать свою поспѣшность. Для чего ей было ѣхать сюда! Она завидовала тѣмъ людямъ, которые сидятъ теперь въ кругу семьи, въ своихъ скромныхъ уголкахъ, никуда не стремясь, ничего не желая, любя только свой тѣсный мірокъ.

Ей было бы теперь легче даже въ сообществѣ Агафьи Петровны... Былъ моментъ, когда она хотѣла встать и уѣхать, но это показалось ей окончательно смѣшнымъ.

Ей стало невыносимо скверно. Нервы были напряжены. Что-то подступало къ ея груди, душило ее.

И вдругъ она заговорила съ нервной дрожью въ голосѣ, лихорадочно-быстро, сдерживая слезы и стараясь разомъ излить все, что долго и незамѣтно назрѣвало въ ней...

— Тавридинъ, — начала она, — пожалѣйте меня, только пожалѣйте!.: Вы не отвѣтили мнѣ... Я страдала... Моя гордость была оскорблена... Я во многомъ горда, и видите: я не удержалась, я пріѣхала къ вамъ... Я люблю васъ, Тавридинъ! Отплатите мнѣ чѣмъ нибудь: хоть дружбой, даже хоть простымъ участіемъ, сожалѣньемъ! Не отталкивайте меня! Это нечестно, если вы оттолкнете меня. У меня, испорченной, гадкой, осталась одна искорка свѣта—это любовь къ вамъ. Пожалѣйте меня, умоляю васъ!.. Вы можете спасти меня...

Тавридинъ устало и неохотно слушалъ ее.

— Слова, Наталья Прохоровна, одни слова, капризъ одинъ,

минутная вспышка...—заговорилъ онъ.—Забудьте этотъ вздоръ, займитесь дѣломъ, постарайтесь привыкнуть къ мужу — и, повѣрьте, вы будете счастливы. Почему я нуженъ вамъ? Да только потому, что я люблю другую, что вы завидуете нашему счастью,— потому, наконецъ, что вамъ просто скучно, хочется впечатлѣній...

— Вы рѣшаетесь это говорить мнѣ!—простонала она, и неподдѣльный упрекъ выразился въ ея взорѣ.

Онъ не сомнѣвался въ искренности ея словъ, какъ не сомнѣвался и въ неустойчивости ея чувства, и жалѣлъ ее. Все это вмѣстѣ начинало неуловимо привлекать его къ ней.

Къ тому же она была очень хороша въ эти минуты. Лицо ея разгорѣлось, глаза блестѣли. Даже костюмъ ея, потрафленный къ его вкусу, придавалъ ей своеобразную прелесть.

Тавридинъ вдругъ сладострастно обнялъ ее. На глазахъ его показался тотъ глянецъ, который не обнаруживается при близости тѣхъ женщинъ, которыхъ мы горячо и свято любимъ.

Наталья Прохоровна слишкомъ понимала все это.

— Оставьте меня! Это нечестно, гадко!—вскричала она, намѣреваясь уйти изъ комнаты.

Онъ вернулъ ее. И эта вспышка ея гнѣва, вспышка, которую Тавридинъ совсѣмъ не ждалъ, точно подняла въ его глазахъ Наталью Прохоровну.

— За что вы сердитесь на меня?—мягко заговорилъ онъ.— Я уважаю васъ настолько и настолько считаю умной, что не хотѣлъ обманывать васъ... Я невольно доказалъ сейчасъ, что вы мнѣ нравитесь физически... Если это вышло грубо и сально— простите.

И услышавъ его мягкій голосъ, Коноплянникова довѣрчиво взглянула на него.

— Не разрушайте моего счастья!—шептала она.—Я теперь счастлива... Это такъ рѣдко бываетъ. Видите: одно ваше мягкое слово—и мнѣ хорошо... Вы признали во мнѣ хоть немного человѣка, женщину—съ меня и полно... Я благодарна вамъ... Ради Бога, дайте мнѣ слово, что вы будете вѣрить мнѣ, если намъ придется встрѣчаться... Мнѣ очень хорошо теперь...

Она тихо припала къ нему на плечо и чувствовала его взглядъ. Онъ поцѣловалъ ее въ лобъ.

Сердце ея точно начинало таять въ груди... Ей хотѣлось смѣяться, плакать... Надежда на что-то лучшее зародилась въ ней.

— Любите вашу невѣсту!—вдругъ начала она.—Счастливѣе любви нѣтъ ничего въ жизни. Будемте помнить эту старую истину!.. Любите ее всю жизнь!.. Сдѣлайте счастливыми насъ обѣихъ... Я хочу видѣть въ васъ человѣка выше другихъ... А ко мнѣ хоть немного участія. Я больше ничего не прошу отъ васъ.

Она думала не совсѣмъ то, что говорила. Она желала къ себѣ далеко не одного участья и далеко не сочувствовала такъ его

любви къ невѣстѣ; и Тавридинъ видѣлъ это и извинялъ ей. Ему даже льстило немного, что она такъ хочетъ подкупить его въ ея пользу.

«Я дорогъ ей, можетъ быть,—разсуждалъ Тавридинъ,—и не подъ впечатлѣніемъ минуты... Честно-ли, хорошо-ли такъ-таки совсѣмъ бросить ее, обречь на окончательную гибель?!.. И какая она хорошенькая, чортъ возьми! Женя красивѣе ее... У той красота неопорочена и въ лицѣ больше свѣжести, но глаза у этой не хуже, а бюстъ лучше и руки красивѣе... Кто-то сказалъ, что у культурнаго человѣка должно быть двѣ жены: одна для духа, другая для тѣла... Можетъ быть это правда... Какъ я, однако, испорченъ и слабъ»!..

Вопросъ о бракѣ его былъ рѣшенъ. Мать его, наконецъ, дала согласіе и даже благословила его въ письмѣ. Но бракъ этотъ, освобожденный отъ увеличивающихъ чувство цѣпей запрета, уже не сіялъ, и попрежнему любя Евгенію Матвѣевну, онъ не торопился соединить свою судьбу съ нею...

Теперь, чувственно лаская эту женщину, онъ становился противенъ самому себѣ и проклиналъ себя, и зналъ, что у него не хватитъ силы поскорѣе удалить ее.

Онъ могъ только словами нѣсколько сдерживать ея желанія и надежды и воздѣйствовать на ея разумъ.

— Участія!?—повторялъ онъ.—Вы просите только участія... Вы несчастны... Но вѣдь другіе могутъ вамъ дать и нѣчто большее. А я... я занятъ не вами... И что такое это участье?! Жалѣть васъ? Извольте: я васъ жалѣю! Но развѣ это удовлетворитъ васъ. Для меня вы только симпатичны внѣшностью. Вотъ я цѣлую васъ и, пожалуй, жалѣю... Если вамъ этого достаточно, будемте пока друзьями... Вѣдь и довольно!..

— Знаете что,—помолчавъ, предложилъ онъ:—погостите у меня опять! Чего и кого вамъ бояться!.. Вы здѣсь успокоитесь, окрѣпнете... Вамъ слѣдуетъ отдохнуть духомъ.

Она благодарно посмотрѣла на него. Она была удовлетворена теперь и однимъ этимъ приглашеніемъ.

Наталья Прохоровна съ нарочнымъ послала мужу коротенькую записку. Она сослалась на нездоровье, почему и не можетъ вернуться сегодня и даже пробудетъ внѣ дома нѣсколько дней.

За ужиномъ она опять сѣла за хозяйку. Ей была пріятна такая роль въ домѣ близкаго для нея человѣка. Что-то неуловимо сближало ихъ.

Она опять начинала чувствовать себя своею въ этомъ домѣ.

И Тавридину чувствовалось легче. Одиночество всегда удручающе дѣйствовало на него. Съ невѣстою онъ видѣлся далеко не часто, и то только въ ея домѣ, гдѣ многое мѣшало ему.

На другой день онъ всталъ поздно, но чувствовалъ себя бодро и весело.

Наталья Прохоровна, вставшая значительно раньше, встрѣтила его привѣтливо и спокойно. Она тотчасъ-же распорядилась

о чай, какъ будто была здѣсь полною хозяйкой. Ея спокойныя и ровныя движенія, когда она разливала чай, распоряженія прислугѣ и все, что она говорила и дѣлала, какъ будто давало знать, что она прочно водворилась въ домѣ. Все это безотчетно и смутно подсказывало Тавридину, что онъ поддастся ея незамѣтному вліянію, что онъ изнѣжится и закиснетъ въ этой полусемейной обстановкѣ, что какая-то неощутимая волна увлечетъ его по своему теченію, если онъ теперь-же, сегодня-же не сдѣлаетъ крутаго опозиціоннаго шага.

Онъ сознавалъ это и не хотѣлъ и не могъ сопротивляться... Въ немъ не было и тѣни любви къ Натальѣ Прохоровнѣ, но онъ понималъ, что это пребываніе ея въ его усадьбѣ, эта заботливость о немъ, эта умиротворяющая ихъ обоихъ тишина домашней жизни сильнѣе, чѣмъ самое пылкое чувство, привяжутъ его къ ней.

Увѣряя Наталью Прохоровну, что она нравится ему только внѣшностью, онъ говорилъ не совсѣмъ правду. Онъ не любилъ ее, но видѣлъ много обаятельнаго въ ея эксцентричностяхъ, о которыхъ много слышалъ, въ ея защитѣ обездоленныхъ и эксплоатируемыхъ крестьянъ. Онъ видѣлъ въ ней много оригинальнаго и самобытнаго, такъ же, какъ и въ своей невѣстѣ. Его удивляло и ея несходство съ тѣми женщинами, къ которымъ она принадлежала когда-то и въ кругу которыхъ вращалась годами...

Его удивляло, что вотъ она пріѣхала къ нему такъ неожиданно и, кажется, и не думаетъ ни объ отъѣздѣ, ни о мужѣ, ни о непріятныхъ семейныхъ исторіяхъ, которыя могутъ выйти потомъ.

И Наталья Прохоровна дѣйствительно не думала объ этомъ. Она знала, что ни мужъ ея, ни теща не предпримутъ никакихъ дѣйствій къ водворенію ее въ ихъ домѣ. Старуха, навѣрное, и рада ея отсутствію, а Никаноръ Семеновичъ по отношенію къ ней еще не проявилъ ни разу своей воли.

Долго ли она проживетъ здѣсь—объ этомъ она старалась не думать. Ей было здѣсь такъ спокойно и такъ нравилось все, что, привыкшая къ удобствамъ, она теперь довольствовалась только тѣми необходимыми предметами изъ бѣлья и туалета, которыя захватила съ собою.

Школа, окончательное устройство новаго дома, вырытіе пруда, охота—все было позабыто Натальей Прохоровной. Она жила только настоящимъ.

Какъ и тогда, давно, они отправились вечеромъ бродить по усадьбѣ и большому запущенному саду.

Какъ и тогда, она дѣлала свои замѣчанія, совѣтовала видоизмѣнить то и другое... И все это сближало ихъ, и Тавридинъ
о слушалъ ее и соглашался съ нею...
щался съ нею на ночь, Тавридинъ крѣпко и дружески
ой руку—и счастливая улыбка пробѣжала по ея лицу.

XXV.

Прошло четыре дня.

О пребываніи Натальи Прохоровны у Тавридина уже было извѣстно Коноплянникову и его матери.

— Вотъ оно что!—стонала Агафья Петровна.—Чуяло мое сердце, что не спроста она поѣхала на велосипедѣ этомъ... Недаромъ веселая такая была... Эхъ, Никанорушка, Никанорушка, горемычный ты мой!..

Коноплянниковъ молчалъ. Ему тяжело и стыдно было смотрѣть на мать, стыдно защищать жену и проявлять къ ней ребяческую довѣрчивость... Да онъ и не вѣрилъ!.. Ему непріятно было встрѣчаться даже съ многочисленными его служащими и рабочими. Вѣдь ни для кого это уже не тайна.

Какъ будто угадывая его, Агафья Петровна заговорила жалобно-назидательнымъ тономъ:

— Вѣдь людей-то какъ совѣстно, Никаноръ! Скоро, поди, пальцемъ начнутъ указывать... Покажи ты себя хоть разъ, желанный мой! Обуздай ты ее!.. Неужель ужъ ты и взаправду такой слабовольный!..

Коноплянниковъ зналъ, что «показать» себя и обуздать жену онъ не въ силахъ; играть и далѣе такую незавидную роль въ домѣ и нести за нее позоръ онъ не могъ, потому что уже слишкомъ она перешла границы. Что дѣлать теперь?

Что-то внезапно шевельнулось въ немъ и онъ рѣшительно и живо заговорилъ:

— Нѣтъ, маменька, тутъ силой не возьмешь. Лаской да уговоромъ брать—тоже проку не выйдетъ. Тутъ, маменька, одно остается: взять да махнуть на нее рукой. Коли такъ—живи какъ хочешь и дѣлай что знаешь, а меня въ покоѣ оставь!.. Тяжело мнѣ, маменька, рѣшеніе такое привести, а другаго ничего не придумаешь. Мысль-то эта уже давно бродитъ во мнѣ, да все думалъ опомнится... А ужъ коли дѣло съ Тавридинымъ пошло—выносить не могу... Тамъ-то... Кисляковъ, Закурдаевъ, другіе-прочіе... Тамъ все однѣ шутки были... Никакихъ отношеній съ ними не имѣлось у ней... А такъ какъ съ господиномъ Тавридинымъ,—ты сама знаешь, маменька,—были у ней отношенія и, стало быть, опять возобновились, и гоститъ она тамъ не часъ-два, а цѣлыми днями,—то не хочу я ее, не жена мнѣ она больше!..

Онъ замолчалъ. Въ его глазахъ пробѣжалъ лихорадочный огонекъ.

Вдругъ онъ схватилъ себя за голову.

— Маменька, къ чему это я говорю тебѣ! Какъ-будто не могу самъ оборудовать, безъ тебя... Тошно мнѣ, тяжело мнѣ.. жаль разлучиться съ ней. Люблю я ее, какъ прежде, безъ памяти люблю, да нельзя!.. Надо, надо!..

— Вотъ это ты разумное говоришь, родной мой... Давно пора! Любить—люби, коли хочешь, а жить съ ней не слѣдъ... Дай ты ей разводную, да и пусть себѣ куда хочетъ идетъ. Одно жаль: попусту перевелъ на нее столько денегъ. Шутка-ли, цѣлыя горы! На постройки сколько пошло, а потомъ на ея имя записалъ сколько!.. Я вѣдь ужъ знаю. Не все укроешь отъ меня... Ночи я не спала... Маялась... Ну, ужъ Господь съ ними! Пусть ее задавится! Теперь-то бы только съ глазъ сгинула... Такъ и напиши ей: что, молъ, жить съ тобой не желаю. Провались!

Коноплянниковъ молчалъ. Мать повторяла его же мысли и тѣмъ тяжелѣе было ему.

Удалясь въ свой кабинетъ, гдѣ рядомъ съ тяжелыми бархатными портьерами, въ простѣнкахъ оконъ, въ невзрачныхъ багетовыхъ рамкахъ висѣли грошевыя олеографіи,—Коноплянниковъ принялся за письмо.

Сначала онъ написалъ длинное посланіе, наполненное упреками, раскаяніями за свою прошлую довѣрчивость и т. д.; но прочтя, онъ остался недоволенъ, разорвалъ письмо, составилъ новое, всего въ нѣсколько строкъ,

«Любезная Наталья Прохоровна».

«Извѣстно мнѣ, что вы пребываете ужъ который день у господина Тавридина. Продолжать такую жизнь, какъ супругу вашему, мнѣ невозможно. Оказывать вамъ супротивленія я не стану, но долженъ сказать, что этакую недостойную моего положенія и капитала роль разыгрывать долѣе не могу, потому совѣсть не допускаетъ. По сему самому предоставляю вамъ дѣлать что угодно, а насчетъ меня и моей помощи позабудьте. У васъ есть капиталы и свои, и полученные отъ меня. Живите, какъ угодно. Господь съ вами. Чувства мои къ вамъ не опостыли, а только совмѣстно супружествовать съ вами не желаю; могу похлопотать и о формальномъ разводѣ, ежели понадобится. Желаю вамъ съ господиномъ Тавридинымъ всякаго благополучія».

«Н. Коноплянниковъ».

XXVI.

Вотъ посмотрите!—обратилась Наталья Прохоровна къ Тавридину, показывая письмо мужа.

Тавридинъ прочелъ и усмѣхнулся.

— Я не ждала отъ него такой прыти,—говорила Наталья Прохоровна,—но я рада такому концу, несказанно рада!

— Но вѣдь вамъ жилось съ мужемъ легко. Вы дѣлали что хотѣли... Наконецъ, вы были богаты...

— Я и теперь имѣю средства. Онъ перевелъ кое-что на мое имя. Для него это ничто, но съ меня хватитъ... А главное—я

буду покойна. Я портила ему жизнь, мучила его, а онъ чудный, прекрасный человѣкъ. Мнѣ было страшно жаль его, но притворяться я не умѣла... Какъ это раньше я сама не подумала объ этомъ... Вѣдь чудный исходъ!

— Знаете что, Владиміръ Андреичъ, — опять начала она:— я возвращу ему тѣ деньги, которыя онъ перевелъ на меня! У меня есть и свой давнишній капиталъ; буду жить на него... Я буду тогда покойна...

Она говорила не то, что думала. Она знала, что никогда не сдѣлаетъ этого; но и Тавридинъ не вѣрилъ ей, онъ только все болѣе убѣждался въ ея тонкомъ умѣ.

Они оба не знали, что ждетъ ихъ въ ближайшемъ будущемъ. Наталья Прохоровна совсѣмъ не хотѣла остановиться на вопросѣ—гдѣ она будетъ жить: здѣсь-ли, у Тавридина, у родителей-ли своихъ, или переѣдетъ въ Петербургъ. Не думалъ ни о чемъ и Тавридинъ.

Минутами онъ вспоминалъ Евгенію Матвѣевну; каждое сказанное ей и услышанное отъ нея слово иногда, съ поразительной яркостью, воскресало въ его памяти; но Наталья Прохоровна была теперь такъ близка отъ него; мысли его поневолѣ сосредоточивались на ней, затемняя все раньше пережитое и перечувствованное имъ.

Они жили очень тихо. Послѣ скромнаго ужина бесѣдовали нѣсколько минутъ и расходились спать.

«Удобно, покойно и скучно»...—думалъ Тавридинъ.—«Неужели и бракъ мой будетъ такимъ»!..

Наталья Прохоровна уже получила изъ Липковъ всѣ свои вещи и платья. Она водворилась у Тавридина совсѣмъ, какъ дома.

Дни проходили незамѣтно.

Вотъ уже двѣ недѣли она живетъ здѣсь.

Среди сосѣдей про нихъ ходятъ самые оживленные толки. Фантазія обывателей разыгрывается: разводъ съ Коноплянниковымъ, скорая свадьба Натальи Прохоровны съ Тавридинымъ, покинутая Тавридинымъ его несчастная невѣста не сходятъ съ языковъ.

Но до нихъ эти слухи не доходятъ. Они никого не видятъ, ни чѣмъ не интересуются.

Въ иныя минуты Тавридинъ недоумѣвалъ и удивлялся: какъ все это внезапно случилось и какъ не сумѣлъ онъ бороться!.. И что привязало его къ этой женщинѣ? Развѣ только сознаніе, что она не будетъ его женою...

XXVII.

Бываетъ состояніе духа, мимолетное, разбивающееся при первомъ столкновеніи съ окружающимъ,—состояніе мучительное и завлекающее,—когда человѣку начинаетъ казаться, что онъ «прозрѣлъ», понялъ сложную загадку жизни. Эта жизнь начинаетъ представляться ему игрушкой, которую обращаютъ во что-то великое и серьезное,—и ему смѣшны и люди, и жизнь... И на невзгоды свои онъ смотритъ равнодушно, и весь его путь кажется ему не бодрствующею дѣйствительностью, а какимъ-то сновидѣніемъ, нестройнымъ и хаотическимъ, — сновидѣніемъ какой-то высшей силы, которую онъ не осязаетъ въ себѣ пока спитъ, т. е. пока живетъ. Смерть кажется ему пробужденіемъ, и онъ счастливъ тѣмъ, что настанетъ когда-нибудь часъ этому пробужденію...

Въ такомъ-то именно состояніи пребывала Евгенія Матвѣевна, сидя на крыльцѣ дома своего отца.

Это было въ началѣ августа, въ первые дни гощенія Натальи Прохоровны у ея жениха.

Стояли жары. Съ лица ея еще не сошелъ лѣтній загаръ.

Отъ такого вышеописаннаго состоянія ее отвлекла пчела, назойливо вившаяся вокругъ ея лица.

Евгенія Матвѣевна, съ немалымъ усиліемъ, наконецъ поймала насѣкомое платкомъ и отбросила его въ палисадникъ, гдѣ еще пестрѣли поздніе цвѣты.

Пчела, жужжа своими прозрачными крылышками, также неугомонно закружилась надъ цвѣтами, на одинъ мигъ присаживаясь то на одинъ, то на другой цвѣтокъ.

«Бѣдняжка!—глядя на нее, думала Евгенія Матвѣевна.—И она суетится надъ чѣмъ-то и чего-то ищетъ. И она не можетъ «прозрѣть» и успокоиться... Впрочемъ, можетъ быть, она несравненно счастливѣе людей»...

Евгенія Матвѣевна много думала и мучилась съ тѣхъ поръ, какъ начала замѣчать что-то новое въ своемъ женихѣ. Ей казалось, что онъ хочетъ только исполнить по отношенію къ ней необходимый, но удручающій его долгъ.

Потерявъ изъ виду пчелу, она встала и хотѣла уже уйти въ домъ, какъ вдругъ къ крыльцу подошла проходившая мимо Дуняшка.

— Здравствуйте, барышня!—бойко поздоровалась дѣвочка.

— Здравствуй. Что нужно тебѣ?

Дуняшка сконфузилась, но поборовъ смущеніе, заговорила:

— Да, поди, и ничего не надо... А такъ... прохожу мимо. Заприметила васъ, ну и подошла... Коли помѣшала въ чемъ, ъ и уйти могу...

— Ахъ, нѣтъ! Ты веселая дѣвочка... Ну, говори: что знаешь?.. ебя всѣ слухи доходятъ раньше всѣхъ... А то я, кажется,

забыла гдѣ и живу, — снисходительно глядя на нее, говорила Евгенія Матвѣевна.

— Да что знаю! Все по старому. Антереснаго ничего нѣтъ. Вотъ только сестрица все блажитъ.

— Твоя сестра, Наталья... Наталья Прохоровна? — лѣниво спросила поповна.

— Ну да, она самая. Вотъ ужъ третья недѣля пошла, какъ сестрица-то у барина Владиміра Андреича живетъ. Народъ говоритъ, что и совсѣмъ останется тамъ... Мужа-то, вишь, бросить хочетъ,—наивнымъ тономъ, весело глядя на барышню, поясняла хитрая дѣвчонка, слѣдя за впечатлѣніемъ, какое произвели ея слова на Евгенію Матвѣевну.

Замѣтивъ, какъ лицо Евгеніи Матвѣевны вдругъ поблѣднѣло, Дуняшка продолжала еще веселѣе и бойче:

— Кажется барину-то и совѣстно бы принимать ее: люди засмѣютъ... А вотъ, принялъ! Да еще, говорятъ, и погостить-те самъ упрашивалъ.

— Ну, уходи! Довольно!—нетерпѣливо оборвала ее Евгенія Матвѣевна.

Несмотря на ея зарождавшіяся сомнѣнія, это извѣстіе, только впервые услышанное ею, крайне непріятно поразило ее.

«Мямля, тряпка, баба»!—повторяла она, думая про своего жениха.

Въ такомъ настроеніи засталъ ее отецъ Матвѣй, только-что собравшій созрѣлыя яблоки съ двухъ яблонь, пріютившихся въ его садикѣ и пришедшій теперь отдохнуть на крылечкѣ.

— Эхъ, усталъ, дочь-командирша!.. Старость... А ты все посиживаешь здѣсь?.. Что Аграфена—не вернулась съ почты?

— Вернулась.

— Однѣ газеты опять?

— Однѣ.

— А отъ женишка-то опять ничего?—не отставалъ отецъ Матвѣй.—Эхъ, онъ какой! Ты его пожури, дочь-командирша! Пусть не лѣнится писать. Коли на подъемъ тяжелъ, такъ ужъ хоть писалъ бы чаще.

— У меня нѣтъ жениха!—отрѣзала Евгенія Матвѣевна.

— Ну? Какъ такъ?

— У меня нѣтъ больше жениха!—отчетливо и сухо повторила она.

— Не возьму въ толкъ, дочь-командирша. Что такое случилось?

— Случилось то, что эта баба, Наталья, передъ которой вы всѣ на заднихъ лапкахъ стояли, живетъ у него... Замужъ я не выйду и мирюсь со своимъ положеніемъ. Проживу и въ старыхъ дѣвкахъ... То матери боялся, теперь подъ башмакомъ бабы!—скорѣе про себя заключила она.

— Ничего, дочь,—постарался утѣшить ее священникъ,—онъ парень добрый. Гляди, опять сойдетесь.

— Онъ трусъ,—не глядя на отца, возражала Евгенія Матвѣевна.—Доброта его кажущаяся. Его доброта—боязливость передъ людьми, безхарактерность; его доброта—одинъ тактъ, помогающій ладить со всѣми, угождать и нашимъ, и вашимъ; его доброта—самый холодный эгоизмъ: «Не троньте меня и я васъ не трону»! Онъ не способенъ на жертвы... Онъ безъ убѣжденій, безъ воли... Куда вѣтеръ подуетъ... Онъ мямля, тряпка!..

Она говорила страстно, взволнованно, словно у ней явилась потребность высказаться передъ кѣмъ бы то ни было. Не будь отца, она говорила бы сестрѣ, прислугѣ, даже стѣнамъ ея комнаты.

— Да ты бы все-таки, дочь, того... пообдумала бы... Вѣдь онъ крупная птица. Какъ упустить такого!—увѣщевалъ отецъ Матвѣй.

— Оставьте меня, папаша!—раздражительно вскричала она.—Будь онъ преступникъ, убійца, но сильный—я бы уважала его! А денегъ его мнѣ не нужно...

— Нехорошо, нехорошо, дочь-командирша! Больно строга.. Успокойся... Лучше того... насчетъ самоварчика... Пора. Все горло изсохло.

— Да, папаша, согласна: лучше на счетъ самоварчика!—иронически-горько усмѣхнулась она и пошла въ домъ.

Отпили чай, отужинали... Отецъ Матвѣй и сіяющая счастьемъ невѣсты Раечка, въ установленный часъ, разошлись по своимъ комнатамъ и очень скоро уснули.

Старые стѣнные часы прохрипѣли 11—12 ударовъ... Наступилъ часъ ночи, а Евгенія Матвѣевна, скрестивъ руки, неподвижно сидитъ на томъ же мѣстѣ.

Мучительныя думы не покидаютъ ее.

Въ ней зародилось сильное желаніе показать Тавридину пренебреженіе, заставить его раскаяться, устыдиться своей слабости и снова преклоняться передъ нею.

Но какъ она сдѣлаетъ это?

Предоставить все судьбѣ и молчать? Но вѣдь это не пробудитъ его совѣсть; онъ и радъ этому, и не вспомнитъ о ней! Написать письмо, насмѣшливое, холодное? Но это бы было навязчиво и не кстати. Онъ настолько знаетъ ее, что только могъ бы прочесть тутъ ея затаенное страданіе, ея любовь...

Она хотѣла встрѣчи съ нимъ, простой, случайной встрѣчи, гдѣ бы такъ легко и просто она могла хоть однимъ словомъ, однимъ взглядомъ заставить его смутиться, постичь мелкоту свою, свое ничтожество. Но когда будетъ эта встрѣча и будетъ ли она?..

Вставъ на слѣдующее утро въ опредѣленный часъ, она рѣшила побѣдить себя и сразу же вошла въ колею.

Она съ удвоеннымъ рвеніемъ принялась за домашнее хозяйство.

Разливая утромъ чай, она заговорила съ сестрой о ея свадьбѣ

и, противъ обыкновенія, не разочаровывала Раечку, когда та давала волю своимъ ребяческимъ мечтаніямъ или говорила о свадебныхъ костюмахъ.

Теперь она какъ будто ко всѣмъ начала относиться снисходительнѣе, даже къ Дремалову и сантиментальной Олимпіадѣ Сергѣевнѣ.

«Всѣ они мелки и пошлы,—думала Евгенія Матвѣевна,—но вѣдь и Тавридинъ такой же... И онъ сдѣлалъ ей зло, а они ей зла не дѣлали»!

— Ахъ, какъ я счастлива!—въ угарѣ мечтаній, повѣдала ей Раечка.—Я очень счастлива, Женя! Другіе подумаютъ, что Дремаловъ беретъ меня для денегъ, потому что я получила наслѣдство отъ крестной мамы, но это вздоръ, я увѣрена, что это вздоръ. Онъ любитъ меня и всегда любилъ, а только не сознавалъ этого. Это бываетъ иногда, я читала. Не правда ли, Женя?

Евгенія Матвѣевна, сдерживая улыбку, согласилась.

— Во всякомъ случаѣ,—говорила она,—ты будешь счастлива. Ты хоть и любишь помечтать, но требованія отъ жизни у тебя не велики. Нынче мало кто женится по любви, а живутъ ничего себѣ.

— Нѣтъ, Женичка, онъ женится по любви, даю тебѣ слово. Ты слишкомъ прозаично смотришь. И не одинъ онъ такъ. Вотъ и Владиміръ Андреевичъ беретъ тебя по любви.

— Не говори о Владимірѣ Андреичѣ. Свадьба наша окончательно разстроилась.

— Какъ? — испуганно спросила Раечка.—Развѣ что-нибудь вышло?

— Ну да, вышло!—нехотя и рѣзко отвѣтила сестра.

— Женичка, дорогая, скажи: что такое случилось? Можетъ быть можно исправить какъ-нибудь...

— Бросимъ объ этомъ говорить! Ты все еще такой же ребенокъ, какъ и была...

— Ахъ, нѣтъ, я много успѣла передумать и узнала жизнь. Скажи: что такое?

— Сама скоро узнаешь. Объ этомъ уже говорятъ...

— Что такое? Ужъ не эта ли опять?

— Да, эта! Ну и оставь! Не спрашивай больше!

Лицо Раечки затуманилось грустью, на глазахъ засверкали слезы. Она вспомнила, какъ и сама «страдала» изъ-за Натальи Прохоровны, когда Дремаловъ поддался ея обаянію.

Она поняла, что непрошеннымъ участіемъ только растравляетъ раны сестры и молчала.

За послѣднее время, когда вопросъ о свадьбѣ ея былъ рѣшенъ, Раечка, повеселѣвъ, сблизилась съ сестрой и стала съ нею откровеннѣе. Въ свою очередь, разочарованная сама и радуясь за младшую сестру, и Евгенія Матвѣевна сдѣлалась съ нею мягче и ласковѣе.

Теперь сестра, кажется, была для нея единственнымъ утѣшеніемъ.

XXVIII.

ЭТО СОВСѢМЪ не въ порядкѣ вещей... Это несправедливо, наконецъ. За что? Въ чемъ она провинилась? Это непохоже на васъ... Вы всегда были снисходительны къ людямъ и гуманны,—говорилъ Тавридинъ, въ недоумѣніи пожимая плечами и расхаживая по комнатѣ.

Наталья Прохоровна капризно молчала и даже на зло ему, начала подпѣвать какой-то мотивъ.

Рѣчь шла о горничной, служившей у Тавридина нѣсколько лѣтъ и вполнѣ добросовѣстно исполнявшей свои обязанности. Натальѣ Прохоровнѣ почему-то она не понравилась съ перваго дня; она начала потомъ придираться къ каждому шагу Маши (такъ звали прислугу) и наконецъ разсчитала ее, не поговоривъ съ Тавридинымъ.

На мѣсто уволенной Маши, Наталья Прохоровна, также не предупредивъ своего сожителя, вызвала изъ Петербурга свою прежнюю горничную Матильду, отошедшую отъ Коноплянниковыхъ, вслѣдъ за отъѣздомъ Натальи Прохоровны. У Коноплянниковыхъ, вернувшихся опять къ ихъ заповѣдной простотѣ жизни, появилась прежняя рябая Матрена, а Матильда осталась безъ мѣста. Незадолго до этого, Наталья Прохоровна получила отъ нея письмо изъ Петербурга съ просьбою взять ее къ себѣ.

Окончательно водворившись въ домѣ Тавридина, Наталья Прохоровна уже входила во всѣ хозяйственныя дѣла. Многія распоряженія ея были разумны, но иногда она дѣйствовала подъ впечатлѣніемъ минуты или только по капризу.

Водворясь въ его домѣ и распоряжаясь всѣмъ, Наталья Прохоровна, довольная своимъ положеніемъ, вмѣстѣ съ этимъ, начала уже испытывать безотчетную, тихую скуку.

Она уже болѣе двухъ мѣсяцевъ у Тавридина. Отъ праздной и дикой жизни, которая окружала ее въ столицѣ, она давно отвыкла и не стремилась туда, но и здѣсь словно чего-то недоставало ей.

Иногда она искала случая поссориться съ Тавридинымъ, чтобы ненадолго хоть чѣмъ-нибудь оживиться.

Высказавъ свое недоумѣніе по поводу увольненія прислуги, Тавридинъ ждалъ изъ устъ Натальи Прохоровны оправданія. Она же молчала умышленно и продолжала подпѣвать мотивы.

— Что же вы молчите?—раздражаясь, обратился онъ къ ней.

— Что же мнѣ говорить!—отвѣчала она.—Мы расходимся во мнѣніяхъ... Входить въ домашнія хозяйственныя мелочи не дѣло мужчины. Лучше ужъ злитесь про себя и отъ объясненій увольте!

— Но вѣдь хозяинъ-то все же я. Вы... вы не жена мнѣ, и, право смѣшно брать на себя такую роль...

— Вотъ мило! Онъ упрекаетъ меня! Но помните, наивный человѣкъ: я не ѣмъ вашего хлѣба, а живу на свои средства... Я вкладываю ихъ на жизнь, какъ и вы... А онъ вздумалъ меня упрекать.

— Дѣлайте, какъ знаете!—нетерпѣливо проговорилъ онъ и вышелъ изъ комнаты.

— Я и такъ дѣлаю, какъ знаю. А недовольны—могу и оставить васъ. Потеря не велика!—бросила она ему вслѣдъ.

И Тавридинъ вернулся примиряющійся.

Онъ вернулся къ ней не потому, что считалъ себя виноватымъ (въ чемъ онъ былъ виноватъ?) и не изъ слабости, а потому только, что не хотѣлъ выходить ни на минуту изъ колеи своей тихой, нетревожной, хоть и скучной жизни, которая такъ скоро успѣла угасить его недавнія волненія.

Увидѣвъ его, пришедшаго къ ней первымъ, Наталья Прохоровна торжествующе улыбнулась и уже довольно весело говорила съ нимъ, и онъ охотно слушалъ ее, любуясь ея красотой и ея дорогимъ капотомъ, который очень шелъ къ ней.

Ихъ ссоры не были продолжительными, и Тавридинъ послѣ минутныхъ вспышекъ становился покойнымъ и довольнымъ, но на лицѣ Натальи Прохоровны выраженіе легкой скуки не сглаживалось.

Стоялъ октябрь, бездождный и тихій. Осеннее солнце заливало холоднымъ свѣтомъ оголенную природу.

Въ одинъ изъ такихъ дней ямская телѣжка подкатила къ крыльцу Тавридинскаго дома.

Кто-то съ шумомъ вошелъ въ прихожую.

Наталья Прохоровна и Тавридинъ услышали плоскій комплиментъ, обращенный къ горничной-нѣмкѣ, снимавшей пальто.

По голосу Наталья Прохоровна узнала, что это—Кисляковъ.

Тавридина онъ зналъ очень мало, въ домѣ его былъ первый разъ, но прямо началъ съ нимъ на «ты».

— Здравствуй, братъ Володя! Сколько лѣтъ, сколько зимъ! Ну, какъ ты, братъ? Все хозяйничаешь? Слышалъ, слышалъ... А-а! И Наталья Прохоровна здѣсь!.. Слышалъ и о васъ, сударыня. Одобряю, очень одобряю... Я человѣкъ широкій, русскій человѣкъ; этихъ предразсудковъ не выношу... Хвалю васъ, милѣйшая, отъ всего сердца, что не трусите бабьихъ языковъ... А вѣдь все изъ зависти, ей Богу. Я даже экспромтомъ вамъ куплетъ написалъ: «Всѣ вамъ завидовать должны. Въ щекахъ у васъ играютъ розы. Вы для лобзаній созданы, а не для мукъ вседневной прозы». Видите, я и поэтъ; художественная натура...

Тавридинъ нахмурился. Онъ не зналъ, что дѣлать съ подгулявшимъ, почти незнакомымъ ему гостемъ: выпроводить его, или уложить спать, или занять чѣмъ-нибудь. А Наталья Прохоровна, какъ будто была рада ему.

И она полунасмѣшливо, полусерьезно обратилась къ нему:

— Очень, очень рада васъ видѣть, Иванъ Иванычъ. Вы—душа общества, и въ этомъ медвѣжьемъ углу—кладъ... А помните, какъ мы охотились, какъ къ Зубастихѣ заѣхали разъ!..

Тавридинъ злобно посмотрѣлъ на нее. Она такимъ же злобнымъ взглядомъ окинула его и снова обратилась къ Кислякову:

— Побудьте у насъ подольше или хоть переночуйте, а то мы совсѣмъ обабились безъ людей.

— О, сочту священнѣйшимъ долгомъ!—приложивъ руку къ сердцу, воскликнулъ онъ.

— А ты, Володя,—перешелъ онъ къ Тавридину,—распорядись насчетъ... знаешь ли: живительной! Надо сдѣлать проводы смирновочки. Скоро вѣдь и мы за казенную примемся. Я, братъ, человѣкъ не церемонный: люблю по товарищески...

— Да, Владиміръ Андреичъ,—поддержала Наталья Прохоровна,—кстати, распорядитесь и о закускѣ.

Тавридина почему-то покоробило это обращеніе къ нему Натальи Прохоровны; однако онъ всталъ.

— Эхъ, вотъ хозяюшка! Молодецъ! Браво!.. А ты, братъ, что-то волченкомъ смотришь. Ты повеселѣй!.. Я такихъ хмуръ не люблю,—упрекнулъ его Кисляковъ.

— Такъ вамъ, Наталья Прохоровна, нравится, какъ мы провели зиму!.. Не правда ли, весело вспомнить старину... Вотъ мы опять облаву устроимъ зимой. Вы, барынька, тоже не отставайте: примите участіе въ полезномъ дѣлѣ!

Передъ Натальей Прохоровной зажглись недавнія картины охоты. У ней проснулись, кажется, прежнія желанія. Нѣсколькихъ словъ пьянаго человѣка ей было достаточно.

— Да, непремѣнно, непремѣнно возобновимъ охоту!—подтвердила она.—Какъ жаль, что нашъ кружокъ началъ разсѣеваться. Надо опять сплотить его.

— Владиміръ Андреичъ,—вдругъ перешла она къ Тавридину,—вы какого мнѣнія объ этомъ? Я сдѣлаю по вашему желанію...

«Къ чему она говоритъ объ этомъ!? Къ чему обращается ко мнѣ»?—оскорбленно думалъ Тавридинъ и рѣзко возразилъ:

— Дѣлайте, какъ хотите! Мнѣ рѣшительно все равно.

Въ 11 часовъ, послѣ чаю, по обыкновенію былъ приготовленъ ужинъ.

Увидя батарею бутылокъ, Кисляковъ еще болѣе оживился и первый подошелъ къ столу.

Онъ налилъ себѣ и Тавридину по большой рюмкѣ водки и хотѣлъ провозгласить какой-то тостъ, но Тавридинъ, не чокнувшись съ нимъ, наотрѣзъ отказался выпить.

— Что это вы сегодня, Владиміръ Андреичъ!.. Совсѣмъ не по товарищески,—упрекнула его Наталья Прохоровна.

— Сегодня! Развѣ вы не знаете, что я никогда не пью водки...

Онъ зналъ, что сожительница его хочетъ его злить, что это пополняетъ ея жизнь, что союзъ ихъ вступаетъ въ ту пору, когда согласіе уступаетъ мѣсто ссорамъ.

— Ну, такъ я выпью за васъ съ Иваномъ Иванычемъ!— улыбнулась она и залпомъ выпила рюмку.

— Возвращаетесь къ прошлому?—вопросительно взглянувъ на нее и усмѣхнувшись, тихо сказалъ Тавридинъ.

— Это мое дѣло,—въ полголоса замѣтила она.

— Ну, молодые люди, будетъ: не ссорьтесь!—услышавъ ихъ, говорилъ Кисляковъ.—Какъ тебѣ не стыдно, Володя, обижать такую чудную женщину! Я бы на твоемъ мѣстѣ не зналъ, какъ угодить ей.

Тавридинъ не отвѣчалъ, и наскоро поужинавъ и залитъ полстаканомъ краснаго вина, ушелъ въ свой кабинетъ.

Съ его уходомъ, Натальѣ Прохоровнѣ сдѣлалось скучно. Противорѣчить ей болѣе некому. Кисляковъ достаточно развлечь ее не могъ. Онъ былъ слишкомъ открыто нахаленъ и пьянъ, и не могъ въ эти минуты привлечь ее. Онъ и теперь, оставшись вдвоемъ съ нею, наливалъ рюмку за рюмкой и вовсе не помышлялъ о снѣ.

Отъ скуки пила и Наталья Прохоровна, хотя довольно умѣренно. Вино все-таки дѣйствовало и постепенно она начинала чувствовать себя веселѣе.

Они заговорили объ охотѣ. Охоту Наталья Прохоровна давно забыла. Сегодня, при Кисляковѣ, она въ первый разъ вспомнила объ охотѣ, и теперь, когда зашла о ней рѣчь, она ненадолго снова увлеклась ею.

— У Коноплянниковыхъ, навѣрное, все уже продано: и собаки, и ружья... И люди распущены,—вздохнула она.

— И, моя богиня!—кричалъ, между тѣмъ, опьянѣвшій Кисляковъ.—Все для васъ сдѣлаю по мановенію вашей руки! Все вамъ доставлю! Вы воодушевляли нашу охоту, какъ дивная фея. Безъ васъ мы пропали... Вернитесь къ намъ!

И онъ вдругъ безсмысленно запѣлъ: «Не боясь никого, никого не любя, для меня одного ты пожертвуй себя»!

— Это тоже я сочинилъ. Ха-ха-ха! Ну, скажите, не поэтъ ли я! Ха-ха-ха...

И онъ снова пѣлъ и снова завирался.

Наталья Прохоровна утомилась наконецъ. Пьяный гость начиналъ слишкомъ надоѣдать ей. Двѣ-три выпитыя рюмки ненадолго оживили ее, и, простясь, она попросила Кислякова идти въ приготовленную для его ночлега комнату.

На другой день, скоро послѣ утренняго чая, опохмѣлившись нѣсколькими рюмками, Кисляковъ уѣхалъ, совершенно забывъ про охоту, но не преминувъ занять у Натальи Прохоровны пятьдесятъ рублей, что, впрочемъ, и было главной цѣлью его поѣздки сюда.

Забыла про охоту и Наталья Прохоровна. Ничего ей было

[illegible] время, а между тем [illegible] [illegible] [illegible]. Она [illegible] уже не [illegible], а [illegible] [illegible].

Мальчуган [illegible] [illegible] [illegible], когда она [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Это [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

— Не она бросаетъ, а самому барину принаскучило. Она-то бы рада. Капиталецъ-то теперь не тотъ, что прежде, при мужѣ...

— Ври ты! Баринъ нашъ дурень, юбка... Гдѣ ему съ ней! Сама не хочетъ.

Такъ говорила дворня, строя свои предположенія и догадки.

Стоялъ морозный январскій день.

Наталья Прохоровна съ утра занята была уборкой. Ей помогала Матильда, которую она брала съ собою.

Двѣ огромныхъ корзины были уже уложены и отставлены въ уголъ.

— Вы бы отдохнули, барыня; я бы одна справилась... Посмотрите въ зеркало—какія блѣдныя; и такъ всю ночь не спали,—говорила горничная, съ небольшимъ нѣмецкимъ акцентомъ.

— Скажите, Матильда,—начала о другомъ Наталья Прохоровна,—скажите, не кривя душой: подурнѣла я и постарѣла съ тѣхъ поръ, какъ вы въ первый разъ увидѣли меня?

Матильда медлила отвѣтомъ.

— Вѣдь правда?! Я знаю, что вы думаете такъ; оттого и молчите.

— Да, немножко подурнѣли и состарились,—потупясь, отвѣчала горничная;—все-таки вы еще очень хороши, барыня... И еще сохранили свѣжесть...

Натальѣ Прохоровнѣ хотѣлось, чтобы ее опровергали. Она начинала чувствовать свое увяданіе и всегда была очень довольна, когда другіе не соглашались съ ней.

Услышавъ отвѣтъ Матильды, Наталья Прохоровна задумалась.

— Да, я устарѣла и подурнѣла... Сама вижу... Хороша я бываю только минутами, и то когда очень къ лицу одѣта,—грустно проговорила она.

— Барыня, вы еще можете нравиться мужчинамъ. Я знаю мужчинъ, повѣрьте мнѣ.

Горничная точно угадала вопросъ, который вертѣлся у Натальи Прохоровны, но который она не рѣшалась поставить.

— Вы думаете?—оживленно переспросила она.

— Не сомнѣвайтесь! Я знаю мужчинъ.

Наталья Прохоровна сдѣлалась веселѣе. Несмотря на разочарованность свою, она очень заботилась о своей наружности и уповала на нее.

Убравъ общими силами бѣлье и множество платьевъ, Наталья Прохоровна принялась за уборку мелкихъ предметовъ: вазочекъ, дорогихъ бездѣлушекъ, рамокъ съ портретами и проч.

Когда дошла очередь до альбома, она открыла его и просмотрѣла карточки.

Лысаго князя Суглинскаго, а также Никанора Семеновича и мать его, Агафью Петровну, она съ гримасой, подъ хихи-

ванье Матильды, выбросила изъ альбома, какъ предметы совершенно ненужные.

Далѣе въ альбомѣ красовались мундиры гвардейскихъ офицеровъ, моряковъ, правовѣдовъ, пажей и какихъ-то весьма красивыхъ штатскихъ молодыхъ людей.

На нѣкоторыхъ карточкахъ она останавливалась подолгу и потомъ сдувала съ нихъ несуществующую пыль... Какъ будто многое изъ пережитаго возвратилось къ ней въ этотъ мигъ, выплыло изъ глубины времени, чтобы опять утонуть гдѣ-то далеко, подъ волнами новыхъ событій и встрѣчъ.

Тщательно завернувъ альбомъ въ тонкую папиросную бумагу и убравъ въ папочную коробку, она положила его въ чемоданъ. Скоро были убраны и остальныя вещи.

Помывшись и надѣвъ дорожное платье, она прошла въ столовую, гдѣ уже ожидалъ ее, передъ дорогой, завтракъ.

Войдя, она увидѣла Тавридина, сидѣвшаго у окна и курившаго сигару.

Онъ казался грустнымъ. Ему словно вдругъ стало жаль Наталью Прохоровну, жаль съ нею разстаться. Она почувствовала, что и ей, какъ будто, жаль его и этого уголка, гдѣ жизнь ея могла бы быть полнѣе...

И оба они, стыдясь и угадывая другъ друга, пріискивали самые обычные, обыкновенные разговоры, чтобы не шевельнуть больной струнки...

— А, ужъ вы готовы!.. Ну, вотъ и прекрасно; сейчасъ закусимъ,—встрѣтилъ ее Тавридинъ.

Они сѣли завтракать.

Послѣднія минуты передъ отъѣздомъ Наталья Прохоровна чувствовала себя очень нехорошо. Она готова была расплакаться и была рада, что есть поводъ торопиться. Поѣздъ отходилъ въ 7 часовъ. До желѣзнодорожной станціи нужно было проѣхать 50 верстъ; на этомъ пути двѣ остановки для перемѣны лошадей.

Тавридинъ позвонилъ и велѣлъ позвать приказчика, который очень скоро явился.

— Скажите Семену, чтобъ сдерживалъ Зорьку. Въ корень пусть запряжетъ Вихря. Нептунъ хромаетъ на заднюю ногу... Нептуна не надо... Да пусть обратно ѣдетъ потише,—говорилъ онъ вытянувшемуся передъ нимъ мѣщанину-приказчику.

— Къ самому поѣзду подоспѣете,—обратился онъ къ Натальѣ Прохоровнѣ по уходѣ приказчика.

— Да, это очень пріятно не ждать... Нѣтъ ничего скучнѣе, какъ сидѣть на вокзалѣ,—говорила она.

Скоро послышались побрякиванья бубенчиковъ и фырканье лошадей.

Сани стояли у крыльца.

Зорька нетерпѣливо скребла копытомъ, скручивая кольцомъ свою крѣпкую чесанную шею, а Вихрь, запряженный въ со

рень, лѣниво дремалъ, совсѣмъ не оправдывая даннаго ему прозвища.

Наступали послѣднія минуты.

Въ домѣ засуетились, забѣгали.

Тамъ была и кухарка, и ключница, и жена приказчика. И всѣ онѣ старались угодить Натальѣ Прохоровнѣ, помочь ей въ чемъ нибудь, въ чаяніи щедрой подачки.

Ключница даже сочла долгомъ заплакать; жена приказчика и кухарка, болѣе всѣхъ злословившая про Наталью Прохоровну, также начали вытирать глаза, когда все было готово.

Ихъ услуги и слезы не были напрасны. Наталья Прохоровна наградила каждую соотвѣтственно положенію въ усадьбѣ.

Въ самую послѣднюю минуту случилось такъ, что Наталья Прохоровна и Тавридинъ остались одни.

Оба они рѣшили въ душѣ проститься возможно проще и холоднѣе, но вдругъ, противъ воли, Наталья Прохоровна всхлипнула и, зарыдавъ, припала къ груди Тавридина.

— Простите меня за все, за все! — дрожащимъ голосомъ проговорила она, крѣпко сжавъ ему руку.

Она почувствовала, что на ея лобъ упала его слезинка, и словно чѣмъ-то теплымъ дохнуло на нее...

Тавридинъ вышелъ проводить на крыльцо и помогъ сѣсть въ сани.

Матильда уже давно заняла свое мѣсто.

Увидѣвъ ее, Тавридинъ сунулъ ей трехрублевую бумажку.

Кучеръ Семенъ подернулъ возжами, чмокнулъ и сани заскрипѣли по снѣгу подъ заунывный и однообразный звонъ колокольчика.

А Тавридинъ возвратился въ пустыя комнаты своего дома въ сильной хандрѣ. Онъ почувствовалъ глубокое одиночество.

Мгновеньями, въ этомъ огромномъ домѣ ему слышался голосъ Натальи Прохоровны и становилось еще грустнѣе.

Или вдругъ, какъ живая, встанетъ передъ нимъ Евгенія Матвѣевна... Онъ видитъ ее и любитъ, хочетъ вернуться къ ней, и находитъ это теперь невозможнымъ...

На мигъ пришла ему мысль съѣздить въ Петербургъ развлечься; но въ столицѣ онъ растрачивалъ когда-то свои силы и теперь боялся ее.

Подошелъ февраль. Солнце начинало чуть-чуть смотрѣть по весеннему. Ясный и тихій день смѣнялся продолжительными мятелями и вѣтрами.

Начались дни масляницы. Въ деревняхъ и селахъ поголовное пьянство, съ неизбѣжными протоколами. Было нѣсколько случаевъ перепоя и смертей отъ опьяненія, но о случаяхъ этихъ говорили, какъ о предметахъ весьма обыденныхъ, даже статистически-необходимыхъ. Умы гораздо болѣе были заняты отъѣздомъ Натальи Прохоровны, судьбой Тавридина, Евгеніи

Матвѣевны, Коноплянникова. Всѣ они далеко еще не были забыты и возбуждали интересъ значительной части уѣзда.

Тавридинъ жилъ отшельникомъ.

Единственный гость, посѣтившій его на масляницѣ—Киселяковъ.

Онъ пріѣхалъ навеселѣ.

Подвыпивъ у Тавридина еще и закусивъ вмѣстѣ съ нимъ, онъ зазвалъ его прокатиться на бойкихъ лошадкахъ пріятеля его и собутыльника, немолодого уже помѣщика Сивкова, на которыхъ онъ и пріѣхалъ сюда.

Тавридинъ согласился. Онъ радъ былъ развлечься. Оживленный нѣсколькими стаканами вина, онъ почувствовалъ облегченіе: многое стало забываться, захотѣлось видѣть людей, веселиться съ ними, жить ихъ жизнью.

Набросивъ въ накидку шубу, онъ поѣхалъ съ Кисляковымъ въ усадьбу Сивкова, въ шести верстахъ отъ его имѣнія.

Эта поѣздка была для него роковою...

Къ Сивкову они подоспѣли къ самому обѣду. Началось съ блиновъ и выпивки. Тавридинъ, почти не отставая отъ товарищей, былъ уже совсѣмъ веселъ.

Послѣ обѣда они рѣшили прокатиться куда нибудь подальше.

На пути стояла небольшая деревушка. Тамъ они присоединились къ гуляющему населенію.

Сивковъ называлъ себя либераломъ, но либерализмъ его проявлялся исключительно въ совмѣстномъ пьянствѣ съ мужиками; но къ тому же народу, съ которымъ онъ пилъ по праздникамъ, онъ относился съ полной нетерпимостью, разъ дѣло касалось его личныхъ выгодъ. Онъ считался первымъ сутягой въ участкѣ земскаго начальника, причемъ выступалъ то въ качествѣ истца за всякую ничтожную потраву и порубку, то обвиняемымъ въ самоуправствѣ и насиліи. И мужики все-таки любили его, потому что онъ зналъ ихъ бытъ, понималъ ихъ душу, говорилъ ихъ языкомъ. Они любили его за то, что онъ баринъ—не промахъ, не дастъ околпачить себя, въ дѣлахъ своихъ не уронитъ лишней копѣйки, когда можно обойтись безъ суда—побьетъ. Каждый знакомый ему мужикъ понималъ и угадывалъ, что онъ не филантропничая и не гуманничая съ нимъ, больше любитъ его и больше видитъ въ немъ человѣка, чѣмъ иные господа, которые «блажатъ»... которые говорятъ мужику «вы», даютъ поучительныя книжки и презираютъ, брезгаютъ его...

XXX.

Когда они въѣхали въ деревню, у первой же избы ихъ окружили гуляющіе обыватели и вниманіе ихъ болѣе всего сосредоточилось на Сивковѣ.

— Петръ Александровичъ,—обратился къ нему одинъ изъ мужиковъ, — ужъ не побрезгуйте и на этотъ разъ! Вѣдь вы —нашъ баринъ... Поотогрѣйтесь у насъ... Покушайте съ нами. У меня изба просторная: мѣста на всѣхъ хватитъ.

Онъ кивкомъ указалъ на Кислякова и Тавридина, какъ будто они были чѣмъ-то совсѣмъ постороннимъ и ненужнымъ.

— А таракановъ нѣтъ?—спросилъ Сивковъ.—Прямо говори! Смерть боюсь таракановъ! По части водки не надо; у меня своя есть, почище вашей,—коньякъ. Могу и тебя угостить. А вотъ заставь-ка свою бабу волнушекъ принести со сметаной. У тебя славные волнухи... Потомъ—самоваръ... Непремѣнно! Безъ чаю нельзя. Бѣги-ка, шевели свою бабу! А то полѣзай на козла... Вмѣстѣ доѣдемъ.

Агапъ (такъ звали мужика) весело улыбался, слушая приказанія барина, и видно было, что барину онъ очень симпатизируетъ.

Изба Агапа была дѣйствительно просторна. Въ ней было два этажа. Въ нижнемъ жили хозяева; верхній былъ предназначенъ для гостей, причемъ скамьи въ этомъ этажѣ были замѣнены лакированными желтыми стульями.

Сивковъ, въ своей тяжелой медвѣжьей шубѣ, пыхтя и отдуваясь, вошелъ въ избу.

Онъ былъ очень полный и почувствовалъ нѣкоторую тяжесть, поднявшись по крутой досчатой лѣстницѣ.

— Высоконько, братъ, высоконько! И двери низки. Чуть лобъ не расшибъ... Какъ это вы все любите недодѣлать! Ну чтобы дверь еще вершка на три прорубить и потолокъ поднять на одинъ вѣнецъ! А то низко... Воздуха совсѣмъ нѣтъ,—говорилъ Сивковъ, вмѣстѣ съ хозяевами входя въ избу.

Кисляковъ и Тавридинъ вошли вслѣдъ за ними.

Хозяйка Агапа, баба лѣтъ тридцати двухъ, очень худая, съ изжелта смуглымъ лицомъ, копошилась около русской огромной печи.

— А-а, Василиса!..—обратился къ ней Сивковъ, бросая шапку на столъ.—Ну, что ты все такая?!.. Здоровѣть нужно. А то точно скелетъ какой; и на бабу не похожа!

И Василиса осталась довольна, что и для нея баринъ нашелъ нѣсколько словечекъ.

— А ничего, Петръ Александровичъ,—работяга!—вступился за жену Агапъ.—Худая, да и ѣстъ мало, а работаетъ за троихъ. Вотъ ужъ скоро десять лѣтъ живу съ ней, а побилъ только

два раза,—ей Богу !И то больше для пробы, потому безъ этого невозможно.

— Дѣло, дѣло...—расчесывая бороду, повторялъ Сивковъ. Въ это время въ избу вошла сестра Василисы, Ульяна, дѣвка двадцати лѣтъ, въ противоположность ей, весьма крѣпкаго сложенія, также немного смуглая, съ лукавыми, косившими глазами.

Движенія ея были живы и довольно стройны.

Когда она вошла и, дожидаясь порученій сестры, стала у порога, поглядывая на всѣхъ своими косящими глазами, Кисяковъ незамѣтно подошелъ къ ней и, взявъ за талію, шепнулъ ей что-то.

— Ну васъ къ Богу!—засмѣялась она,

— Ты братъ, Иванъ Ивановичъ, что-то того... Шалишь... Лучше вотъ выпьемъ-ка!—обратился къ нему Сивковъ, вынимая изъ боковаго кармана шубы бутылочку коньяку.

— А ты, хозяюшка,—обратился онъ къ Василисѣ,—принесла бы намъ волнушечекъ со сметанкой.

— Василиса, живо!—торопилъ Агапъ.

Когда все было принесено и разставлено на чистой скатерти, Сивковъ дружно чокнулся и выпилъ съ товарищами и хозяиномъ.

— Ну, а вы, бабье, тоже?..—обратился онъ къ Василисѣ и ея сестрѣ.

Обѣ онѣ переглянулись въ нерѣшительности.

— Не отнекивайся, Василиса! Пей!—заставлялъ Агапъ.

Василиса согласилась, но отхлебнувъ немного, заморщилась и отставила рюмку.

— Не въ моготу,—поясняла она.—Намъ бы чего полегче; суслица, аль пивца... А куда этакую крѣпость!

— Эхъ, ты! Ну, а ужъ Ульяна выпьетъ! Она бой-дѣвка огонь!—подмигнулъ Сивковъ.

Ульяна, не ломаясь, взяла рюмку.

Всѣ чокнулись другъ съ другомъ. Чокалась и Ульяна, причемъ остановила взглядъ на Тавридинѣ и улыбнулась ему, выставивъ рядъ жемчужныхъ зубовъ.

Между тѣмъ, самъ Владиміръ Андреевичъ чувствовалъ себя здѣсь лишнимъ.

Хозяева относились къ нему съ почтеніемъ, угощали его, но ему казалось все, что имъ тяготятся, что безъ него имъ всѣмъ было бы веселѣе.

Завязался разговоръ сперва о хозяйствѣ, потомъ пошли шутки; коньякъ подливался. Но съ Тавридинымъ дѣйствительно были осторожнѣе.

Только одна Ульяна съ безотчетнымъ участіемъ взглядывала на него.

Тавридинъ понялъ, что понравился ей.

— Что засматриваешься, плутовка, на барина! Приглянулся больно, а?—смѣясь, обратился къ ней Сивковъ.

— А нешто на васъ смотрѣть, морщины ваши разглядывать!

— Ай да Ульянушка! Молодецъ-дѣвка! Браво! — захохоталъ Кисляковъ.

Снова выпили всѣ; выпила и Ульяна и опять взглянула на Тавридина, и опять откровенно улыбнулась ему.

Новая рюмка понемногу начала дѣйствовать на всѣхъ. Подѣйствовала она и на Тавридина. Онъ не потуплялся уже отъ взоровъ Ульяны, лукавыхъ и ласковыхъ, а отзывчиво встрѣчалъ ихъ и, оживясь вдругъ, заговорилъ со всѣми. Ему припомнилось много двусмысленныхъ анекдотовъ и онъ артистически разсказывалъ ихъ, подъ громкій хохотъ товарищей и Агапа, и Василисы и Ульяны. При нѣкоторыхъ слишкомъ откровенныхъ анекдотахъ, Ульяна кокетливо закрывалась передникомъ; а Тавридинъ все болѣе оживлялся. Красивое, смуглое лицо его и темные глаза разгорѣлись.

Онъ выпилъ много и чувствовалъ, что начинаетъ пьянѣть, что искусственная веселость его пройдетъ, когда онъ отрезвится...

Онъ воображалъ себя болѣе пьянымъ, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ, и сознательно началъ завираться и распускать себя. А шутки его и анекдоты были также живы, интересны, непринужденны.

Ульяна устремила на него неподвижный взоръ и, кажется, ловила каждое его слово.

Скоро Сивковъ вышелъ съ хозяиномъ на дворъ, показать ему пристяжную, къ которой Агапъ давно желалъ прицѣниться. Кисляковъ послѣдовалъ за ними, а Василиса вышла на улицу, посмотрѣть на гуляющихъ односельчанъ.

Тавридинъ и Ульяна остались одни.

При другихъ такъ беззастѣнчиво глядя на Тавридина, теперь, оставшись съ нимъ наединѣ, Ульяна почувствовала смущеніе. И вдругъ лицо ея вспыхнуло, глаза подернулись влагой... Тавридинъ страстно и долго цѣловалъ ее въ губы.

— Тише, баринъ!—слабо отстраняясь, повторяла она.—Сейчасъ сестра войдетъ... Въ другой разъ...

Но Тавридинъ, не слушая, обнялъ ее и крѣпко прижалъ къ себѣ.

Ульяна откинула къ нему на плечо красивую русую голову, стыдливо засмѣялась и вдругъ сама крѣпко обняла его и начала непрерывно цѣловать.

Во дворѣ тѣмъ временемъ, прицѣнясь къ пристяжной Сивкова, Агапъ съ помощью Сивкова запрягалъ ее въ санки Петра Александровича, чтобы испытать бѣгъ лошади.

Кисляковъ вызвался сопутствовать имъ за кучера. Онъ былъ знатокомъ лошадей и умѣлъ выѣзжать ихъ.

— Ну, а ты, Володя, какъ же: одинъ останешься? — обратился онъ къ Тавридину. — Это не дѣло. Поѣзжай-ка и ты съ Ульяной!

— Какъ же мы усядемся-то всѣ! На колѣни къ вамъ, что ли?—засмѣялась Ульяна.

— А ты, красотка, распорядись, чтобы вашего гнѣдого запрягли въ другія сани; вѣдь у васъ есть хорошія... Вотъ и поѣдете вдвоемъ влѣдъ за нами. Вамъ еще и лучше вдвоемъ,— подмигнувъ имъ обоимъ, вмѣшался Сивковъ.

— Дѣло!—одобрилъ Агапъ. — Скажи-ка, Ульяша, Митрюхѣ, чтобы запрягъ Гнѣдка.

Ульяна радостно побѣжала на улицу за работникомъ Митрюхой.

Противъ этой экскурсіи ничего не возражалъ и Тавридинъ.

Скоро по гладкой, наѣзженной дорогѣ быстро и легко скользили сани Сивкова. Его пристяжная, впервые впряженная въ корень, бѣжала крупной рысью, какъ будто давно была обучена. Кисляковъ ловко обращался съ возжами даже и послѣ выпивокъ.

Бывшій корневикъ, а теперь пристяжной меринъ, скрутивъ шею кольцомъ, мчался красивымъ галопомъ, отбрасывая комки снѣга.

А сзади ковыляли санки Агапа.

Гнѣдой былъ лѣнивъ и, повидимому, очень равнодушно отнесся къ быстротѣ впереди бѣгущихъ лошадокъ.

Тавридинъ и Ульяна предоставили ему полную свободу. Никто изъ нихъ не правилъ. Лошаденка произвольно трусила мелкой рысцой.

Они опять цѣловались и прижимались другъ къ другу.

— Отчего вы не всегда такіе, какъ были къ концу? — заговорила вдругъ Ульяна.—Пришли такіе скучные: все молчали, а потомъ и разошлись... А и когда молчали — я глядѣла на васъ... Вонъ Иванъ Иванычъ и веселые такіе же, и шутки шутятъ постоянно, и лицомъ не хуже, а вотъ нѣтъ: такъ бы и убѣжала отъ нихъ, ежели бы что такое...

— А отъ меня не убѣжала бы? — лаская ее, спросилъ Тавридинъ.

— Сами видѣли!—кокетливо прошептала Ульяна.

И хотя не попадался имъ ни одинъ встрѣчникъ, они шопотомъ долго говорили о чемъ-то.

— Такъ когда же?—взволнованно спрашивалъ Тавридинъ.

— Въ понедѣльникъ, на второй недѣлѣ поста пріѣзжайте... Я одна буду... Они на село говѣть поѣдутъ...—быстро проговорила Ульяна.

— Эхъ, хорошо какъ!—весело вскричала она, встала на саняхъ, взяла возжи и нетерпѣливо ударяя кнутомъ лѣниваго
ка, разогнала его наконецъ вскачъ.

Сивковъ съ Кисляковымъ и Агапомъ уже ѣхали обратно.
і встрѣчѣ съ Тавридинымъ, Кисляковъ ему и Ульянѣ
ъ воздушный поцѣлуй и лукаво прищурилъ одинъ глазъ.

Ульяна повернула за ними назадъ и Гнѣдко уже самъ несся вскачъ къ дому.

Довезя Агапа до его избы и получивъ задатокъ за купленную лошадь, Сивковъ отправился домой. Кисляковъ опять сѣлъ за кучера, а Тавридинъ помѣстился рядомъ съ Петромъ Александровичемъ.

Сивковъ просилъ Тавридина переночевать у него за позднимъ временемъ и потому, что начиналась мятель, но Владиміръ Андреевичъ выразилъ рѣшительное желаніе ѣхать домой и на лошадяхъ Сивкова отправился въ свою усадьбу.

Пріѣхавъ, онъ почувствовалъ сильную усталость. Ночью у него сдѣлался легкій жаръ, начала болѣть голова. Подъ утро онъ заснулъ безпокойнымъ сномъ, сопровождавшимся кошмарами и бредомъ.

Проснувшись въ 10 часу утра, онъ ощутилъ ознобъ. Аппетитъ у него пропалъ. Выпивъ полстакана чаю, онъ легъ не раздѣваясь; потомъ опять всталъ, рѣшивъ на сколько возможно бороться съ болѣзнью, но слабость взяла свое. Онъ опять легъ. Ознобъ усилился.

Онъ зналъ, что у него началась инфлуэнца и смутное предчувствіе шевельнулось въ немъ... Ему стало страшно...

На другой день положеніе его ухудшилось; однако сознаніе не покидало его. Онъ старался развлечь себя газетами, но строки сливались, онъ засыпалъ и вновь просыпался ненадолго...

XXXI.

Прошло четыре дня.

Тавридинъ уже не вставалъ съ постели.

О болѣзни своей онъ хотѣлъ извѣстить одну только Евгенію Матвѣевну, но былъ такъ слабъ, что не могъ написать и поручилъ одному изъ рабочихъ передать ей лично о его болѣзни.

— Скажи, что я сильно боленъ; больше ничего!—приказалъ онъ явившемуся къ нему человѣку.

Онъ велѣлъ запречь пару лучшихъ выѣздныхъ лошадей въ маленькія красивыя санки и разсчитывалъ, когда пріѣдетъ она: черезъ нѣсколько ли дней, завтра ли, или сегодня вечеромъ на его же лошадяхъ...

«Или она совсѣмъ не пріѣдетъ»?!—минутами думалось ему.

Время шло мучительно долго. Онъ не зналъ, чѣмъ развлечь себя: требовалъ газеты и механически читалъ скучныя передовицы, слѣдилъ за движеніями паука въ углу комнаты у самаго потолка, пересчитывалъ число изразцовъ на высокой печкѣ...

Въ сумеркахъ, когда на проѣзжей дорогѣ очень близко отъ усадьбы послышался тонкій звонъ бубенчиковъ, у него сильно забилось сердце, но онъ ошибся. Бойкое позвякиванье бубенчи-

ковъ раздавалось все тише, тише и скоро совсѣмъ замолкло гдѣ-то вдали.

Время пошло еще медленнѣе, ожиданія стали еще томительнѣе. Заснуть онъ не могъ, не могъ встать съ постели, а лежать было невыносимо скучно.

Онъ вспомнилъ, что когда-то и онъ пріѣхалъ къ Евгеніѣ Матвѣевнѣ въ дни ея болѣзни и утѣшалъ ее, и исполнялъ ея капризы, и увѣренность, что теперь она отвѣтитъ ему и будетъ здѣсь—росла въ немъ.

Онъ услышалъ, вдругъ, опять звонъ бубенчиковъ, очень похожій на тотъ, недавній... Послышался ему на этотъ разъ и скрипъ полозьевъ по густому натоптанному снѣгу и все затихло вдругъ у самаго крыльца.

Вотъ на лѣстницѣ раздаются чьи-то торопливые шаги, едва слышные, точно кто-то не идетъ, а бѣжитъ, чуть касаясь ступеней.

Въ комнату къ нему осторожно вошла ключница и доложила, что барышня пріѣхала, Евгенія Матвѣевна, и что не рѣшается сразу, съ холоду...

— Ахъ, нѣтъ, ради Бога: просите сейчасъ!—радостно и бодро говорилъ Тавридинъ.

Евгенія Матвѣевна на цыпочкахъ вошла въ его спальню.

Она сильно похудѣла за это время. Въ глазахъ ея свѣтился лихорадочный, болѣзненный огонь, вызванный извѣстіемъ о болѣзни Тавридина.

Она, съ улыбкой, подошла къ кровати больнаго.

Тавридинъ молча взялъ ея руку и благодарно смотрѣлъ на нее. Въ глазахъ его дрожали слезы. Онъ началъ говорить что-то.

— Молчите, вамъ вредно!—остановила она.

— Нѣтъ, мнѣ лучше теперь... даже совсѣмъ хорошо, когда вы пріѣхали...

— Господи, да отчего же это все такъ поздно!—простоналъ онъ, съ любовью глядя на нее.—Какъ бы мы теперь были счастливы!.. И ничего бы этого не случилось!..

Она сѣла къ нему на кровать, сжала его руки и тревожно смотрѣла на него.

— Не говорите же! Вамъ вредно... Успокойтесь! — поправитесь и тогда... Успокойтесь!—взволновано говорила она.

— Нѣтъ, я знаю, что умру... Хорошо, что увидѣлъ васъ.

Онъ закрылъ глаза и молчалъ нѣсколько минутъ.

— Вы всегда были дороги мнѣ,—продолжалъ онъ, собравшись съ силами;—я любилъ васъ... А потомъ... не знаю ужъ какъ это вышло... Я точно разсудокъ потерялъ... Вѣдь вамъ все извѣстно, да?.. Еще и раньше этого я не пріѣзжалъ къ вамъ, точно избѣгалъ... Не знаю, что было со мною... Простите... Вы въ правѣ презирать меня, ненавидѣть; а вотъ вы пріѣхали... Вы—святая...

Она припала къ его груди и на лицѣ своемъ онъ почувствовалъ слезинку.

И долго они оставались недвижны и блѣдныя губы его согрѣвались отъ ея лобзаній.

— Ахъ, я какая!—вдругъ спохватилась она. — Вѣдь вамъ вредно волноваться... У васъ и докторъ не былъ еще!.. Боже мой! Надо сію минуту послать!

Такъ же нетерпѣливо, какъ Тавридинъ за часъ назадъ ожидалъ ее, Евгенія Матвѣевна ждала теперь доктора.

Докторъ жилъ за 12 верстъ и могъ скоро пріѣхать, но Евгенія Матвѣевна очень тревожилась, что его не застанутъ: онъ слишкомъ часто былъ въ разъѣздахъ. Каждую минуту она выходила въ другую комнату, отворяла форточку и прислушивалась.

Безъ малаго въ 10 вечера докторъ пріѣхалъ.

Это былъ полный, довольно красивый мужчина изъ бывшихъ семинаровъ. Дѣло свое онъ понималъ, любилъ науку и получалъ всѣ медицинскіе журналы.

Онъ былъ флегматикъ, съ больными лукавить не умѣлъ, и когда видѣлъ безнадежность больнаго, лѣниво говорилъ ему: «Плохо, батенька, плохо». Предсказанія доктора обыкновенно оправдывались.

Евгенія Матвѣевна встрѣтила его на лѣстницѣ, куда вышла вмѣстѣ съ прислугой, свѣтившей ему.

Вскользь поздоровавшись, она торопливо передала ему тутъ же, на ходу, состояніе больнаго и просила не пугать его, если состояніе Тавридина дѣйствительно опасно.

Въ прихожей докторъ лѣниво сбросилъ на руки горничной свою оленью шубу и, потирая озябшія руки, прошелъ вмѣстѣ съ Евгеніей Матвѣевною въ гостиную.

Хорошо сшитый пиджакъ плотно облегалъ его тучную спину. Около брюшка его болталась тяжелая золотая цѣпочка, подаренная однимъ крупнымъ помѣщикомъ-паціентомъ.

Не обращая вниманія на присутствіе Евгеніи Матвѣевны и считая совершенно лишнимъ заводить разговоръ, докторъ взялъ лежавшую на столѣ книгу ежемѣсячнаго журнала и началъ безсознательно перелистывать ее. Потомъ взглянулъ на оглавленіе, остановился на какой-то статьѣ, пробѣжалъ нѣсколько строкъ, поморщился, перевернулъ страницу и, зѣвнувъ, отбросилъ книгу.

— Ну, теперь я отогрѣлся,—болѣе про себя сказалъ онъ. — Можно и къ больному идти...

Евгенія Матвѣевна послала предупредить Тавридина, что сейчасъ войдетъ докторъ и потомъ послѣдовала было за врачемъ въ его комнату.

— Нѣтъ, ужъ вы, сударыня, останьтесь. При дамахъ нель-

вя-съ, лишнія волненія... а вы просите быть осторожнымъ съ больнымъ.

Евгенія Матвѣевна покорно осталась, съ мучительнымъ нетерпѣніемъ ожидая возвращенія доктора.

Многое передумала она за эти минуты... Въ ней то пробуждалась сильная надежда: она вѣрила въ молодость Тавридина, которая, можетъ быть, возьметъ свое и побѣдитъ болѣзнь; то, вдругъ, надежда исчезала и она ждала чего-то внезапнаго и ужаснаго...

Прошло минутъ пятнадцать.

Въ небольшомъ корридорѣ, отдѣлявшемъ гостиную и зало отъ другихъ комнатъ, послышались тяжелые шаги доктора.

Сердце остановилось у Евгеніи Матвѣевны.

— Ну, что, что? Говорите!—прерывающимся голосомъ спрашивала она, когда тотъ показался въ дверяхъ.

— Плохо, очень плохо! Скверно-съ.

— Боже мой!.. Можетъ быть есть хоть крошечная надежда?..

Докторъ молча пожалъ жирными плечами.

— Я тамъ прописалъ ему кое-что... Вотъ-съ!

Онъ подалъ ей рецептъ.

— Но, — продолжалъ онъ, — дѣйствія не окажетъ. Если бы раньше...

— Боже мой, Боже мой! — повторяла Евгенія Матвѣевна, испуганно глядя на доктора.

— Извините, я тороплюсь домой... Завтра нужно очень рано встать. Ѣду на пунктъ,—проговорилъ онъ, прощаясь и принимая пачку бумажекъ.

— Что вамъ сказалъ докторъ? — обратился Таврединъ къ Евгеніи Матвѣевнѣ, когда, по отъѣздѣ врача, она пришла къ нему.—Со мной скрытничалъ... Вы просили, навѣрное?..

— Нѣтъ,—съ принужденной живостью отвѣчала она,—я не думала его просить... Онъ подаетъ большія надежды. Вы поправитесь,—я убѣждена.

— Вы не умѣете лгать... Я знаю — вы просили... Онъ съ плеча всегда... Вы просили... Онъ ничего не сказалъ, но лицо выдало... Дорогая моя!..

Она не могла болѣе сдерживаться.

Безсильно упавъ въ кресло возлѣ его кровати, она закрыла платкомъ лицо и глухо зарыдала.

— Не плачь за меня!—взявъ ея руку, тихо заговорилъ онъ, никогда не чувствуя къ ней такой близости и любви. — Я не боюсь смерти!.. Вѣдь ты умна... Въ тебѣ есть даже искра философіи... Помнишь, какъ ты разсуждала еще давно, на пикникѣ, о нашей любви... Ты говорила, что въ этотъ же мигъ тысячи такихъ же влюбленныхъ, почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, признаются другъ другу и говорятъ о своихъ чувствахъ, подчиня-

ясь какому-то стихійному закону... Ты говорила, что, можетъ быть, это только бактеріи копошатся въ крови и волнуютъ ее; что все пустяки, глупая игра... Взгляни же такъ и теперь!.. Немножко философомъ,—легче будетъ... Представь, что и люди—микробы. Судьба не заботится сохранить такого-то изъ нихъ и погубить такого-то. Была бы только порода!.. Она и сохранится: одинъ умираетъ, другой рождается... Такъ все это просто, неизмѣнно... Что-жъ тутъ отчаяваться.

Она знала, что больной только утѣшаетъ ее и, кажется, еще больше страдала.

А Тавридинъ лежалъ неподвижно и смотрѣлъ на нее, и желалъ еще что-то сказать, многое желалъ сказать ей, но мысли его устали, голосъ упалъ.

Ночью ему стало хуже. Температура возвысилась. Онъ не спалъ и бредилъ съ открытыми глазами.

Евгенія Матвѣевна рыдала вслухъ и цѣловала его руку... Кажется, первый разъ въ жизни она могла горячо молиться...

Утромъ больному стало легче. Уступая просьбамъ Евгеніи Матвѣевны, онъ охотно принялъ лекарство.

Тавридину казалось, что болѣзнь приняла неожиданно счастливый оборотъ и онъ начиналъ вѣрить въ выздоровленье.

Никогда такъ ярко не припоминалось ему, какъ теперь, каждое ничтожное событіе въ ихъ прежнихъ встрѣчахъ, каждое слово...

Въ Евгеніи Матвѣевнѣ также шевельнулась маленькая надежда. Она знала, что улучшенія часто бываютъ передъ смертью, но старалась забыть объ этомъ.

Къ вечеру приливъ силы опять оставилъ больного. Ему стало гораздо хуже. Сознаніе начинало покидать его.

Евгенія Матвѣевна не отходила отъ его постели. Она совсѣмъ потеряла аппетитъ и сама выглядѣла больной.

Прошло два дня.

У умирающаго началась агонія.

Во второмъ часу ночи сознаніе на одинъ мигъ вернулось къ нему.

Онъ широко открылъ глаза и замѣтивъ возлѣ себя Евгенію Матвѣевну, едва слышно проговорилъ:

— Прощай, дорогая!

Это были его послѣднія слова и послѣдній вздохъ вырвался изъ его груди...

XXXII.

У Захара Евстигнеева, попивая крѣпко настоенный дешевый чай, сидѣлъ церковный староста.

Въ открытое окошко вливался весенній воздухъ. Щебетанье птичекъ доносилось изъ огорода, въ которомъ были и деревья.

Появлялись всюду примѣты поздней весны.

На противоположномъ концѣ стола сидѣлъ старый хозяинъ, и также пилъ чай, допустивъ себѣ это «баловство» по случаю прихода почтеннаго гостя.

Прохора Захарова и Никитишны не было дома.

Они уѣхали въ городъ внести небольшую сумму въ казначейство въ дополненіе къ ихъ капиталу, пріобрѣтенному въ прежнее время отъ Натальи Прохоровны, а кстати и уплатить повинности.

— Да, Василій Миколаичъ,—говорилъ старикъ, допивъ свой стаканъ и поставивъ его вверхъ дномъ, — выбился нонечь народъ, совсѣмъ изъ рукъ выбился. Что ужъ про нашего-то брата толковать, про мужика! И господа-то какъ жить стали! Должаютъ, имѣнія закладываютъ... Тьфу...

Старикъ даже отплюнулся.

Василій Николаичъ, глубоко раздѣлявшій его взглядъ на народъ и помѣщиковъ, теперь отмалчивался и думалъ о другомъ.

— Ну что, Евстигнеичъ, внучка твоя — пишетъ? Вѣдь она ужъ давно въ Петербургѣ...—переводя разговоръ, обратился къ старику Духотворскій.

Евстигнеичъ глубоко вздохнулъ.

— Эхъ-охъ-охъ!.. Дѣла наши человѣческія!.. Гдѣ ужъ ей писать... Даже проститься не заѣхала... Прямо отъ покойника Владиміра Андреича и укатила... Господи Іисусе Христе, срамуто сколько!..

Духотворскій вздохнулъ и потупился. Ему больно было даже подумать что-нибудь нехорошее про Наталью Прохоровну, а между тѣмъ печальная истина говорила за себя.

— Загубила она, Василій Миколаичъ, не одну себя, а и мужа загубила, и полюбовника, и батюшкину дочку... Три семьи загубила! Заползла змѣя въ муравейникъ—все попортила. Такъ же и тутъ...

Староста снова вздохнулъ и потупился еще ниже.

— На что ей деньги пошли!—разсуждалъ старикъ.—А вѣдь какъ бы жить-то могла! Не нужно ей было денегъ... Жила бы, себѣ одна... Лучше бы ужъ птицей вольной порхала, къ намъ бы когда навѣдывалась, да на церковь жертвовала опять бы... Нѣтъ,—замужъ нужно!.. Щебневъ все виноватъ... У-у, хитрый!.. Сказывалъ я тогда — на старика и смотрѣть не хотѣли. А вышло по моему... Все потому, что постепенности не было... Надо бы полегоньку, да исподволь... Раньше-то бы самой поочиститься, а ужъ потомъ свадьбы затѣвать... И въ другомъ-прочемъ... По правдѣ-то сказать, совсѣмъ незачѣмъ и сюда-то ей было ѣхать. Обрекла себя на погибель—и сиди! И будь, значитъ, въ своемъ круговращеніи, а въ чужое не суйся, безъ навыка-то, безъ очищенія этого... Полегоньку бы надо все... Такъ-ли, Василій Миколаичъ?

Духотворскій задумался.

— Это—какъ смотрѣть...—глухо отозвался онъ.

— Да ужъ какъ тутъ ни смотри: на лѣво-ль, на право-ль, а выходитъ одно. Охъ, Василій Миколаичъ, тошнехонько мнѣ съ ней! Изъ сердца она у меня не выходитъ. И такъ, и этакъ подумаю... Нѣтъ, ничего не возьму въ толкъ... Кабы чудо какое случилось, чтобъ образумить-то ее... Думалъ ужъ къ угодникамъ съѣздить, помолиться, — да куда мнѣ, старику! Вотъ только теперь, въ позднюю весну да лѣтомъ, и съ печи-то могу встать на часикъ-другой... Да потомъ, думается, Богъ-то и отсюда услышитъ, только бы молиться умѣть... Аль, можетъ, Василій Миколаичъ, это за мои грѣхи Богъ наказываетъ ее. Можетъ грѣшилъ въ чемъ когда... Какъ вы раскинете?.. А-сь?

— Тутъ, Захаръ Евстигнеичъ, грѣховъ ничьихъ нѣтъ, а просто ужъ такой случай вышелъ, судьба, сложилось ужъ такъ,— стараясь попасть въ тонъ своего собесѣдника, говорилъ Духотворскій.—А пока ты того... Богу молись погорячѣе... Можетъ быть все войдетъ въ колею. Возьму тебѣ для примѣра...

Но въ это время Прохоръ Захаровъ подъѣхалъ съ Никитишной къ крыльцу.

Вниманіе собесѣдниковъ было отвлечено.

Захарычъ въѣхалъ во дворъ отпрягать лошадь, а Никитишна, начинавшая отъ благосостоянія и старости сильно жирѣть, пыхтя, вошла въ избу.

— Охъ, какъ умаялась, прости, Господи... Всю растрясло... Здравствуйте, Василій Миколаичъ, — говорила она, совсѣмъ не обращая вниманія на дѣда.

— Здравствуй... здравствуйте, Лукерья Никитишна,—поправился староста. — А я тутъ позасидѣлся у васъ. О томъ да о семъ съ дѣдушкой побалясили.

— Онъ, я знаю, все жалился вамъ... все про внучку-то... Да!.. И я ужъ раздумываться зачала: отъ этакого клада вѣдь отвернулась!

— Ты-то больше за себя жалѣешь... Знаю я тебя!—вставилъ Захаръ Евстигнеевъ.

— За себя? А много я пользовалась отъ нее!? Вотъ, Василій Миколаичъ, Богъ свидѣтель: ни одной-то крошки лишней отъ нея не взяла, а только развѣ когда на нужды въ плохой годъ... А сколько терпѣла-то я отъ нее: то не ладно, другое... Образа выносить задумала... Потомъ загуливать начала... Матка ей, а войти въ комнату не давала: гонитъ, ругается... Замужъ вышла— отвернулась совсѣмъ отъ матери... Въ кухни принимала, когда прійду; а сюда и носу не показала... А ужъ я-ли не старалась за нея, я-ли ее не холила!.. Ну, да ужъ что объ этомъ!.. Закусить не желаете-ли, Василій Миколаичъ?

— Нѣтъ, спасибо. Я только чаю напился... Ну, пожелать вамъ всего хорошаго. Мнѣ ужъ пора!..

Скоро послѣ ухода Духотворскаго появился Прохоръ Захаровичъ.

— А Дуняшка гдѣ? — обратилась Лукерья къ мужу. — На дворѣ не видалъ ее? Ишь, пострѣлиха, бѣгаетъ все!..

Но Дуняшка уже прошмыгнула въ избу и, по приказанію матери, пошла подогрѣвать самоваръ, а Захаръ Евстигнеевичъ полѣзъ на печку, какъ будто съ уходомъ церковнаго старосты все для него стало здѣсь чужимъ.

XXXIII.

Прошелъ годъ.

Майское солнце только что выплыло огромнымъ багровымъ шаромъ. Въ воздухѣ чувствовалась оживляющая свѣжесть весенняго утра. Ярко-зеленыя травы, омытыя росой, сверкали, точно усѣянныя алмазной пылью. Сверкали и влажные молодые листья. Всюду слышались звуки встрепенувшихся птичекъ, точно пѣла сама природа.

Между земскими станціями Покотилово и Синій Боръ опять ковыляла телѣжка, везомая двумя мохнатыми клячами. Видно содержатель станціи приберегалъ хорошихъ лошадей для пассажировъ болѣе состоятельныхъ и для властей, а «которые попроще»—обречены были ѣздить на кляченкахъ, и въ полѣ работавшихъ, и носившихъ свою земскую повинность...

Ямщикъ былъ невозмутимъ, и какъ ни торопила его сидѣвшая въ телѣжкѣ женщина, — онъ ѣхалъ съ неизмѣнной скоростью семи верстъ въ часъ, не разсчитывая ни на какія прибавки въ его пользу.

Женщина ѣхала не одна, а съ кормилицей, въ рукахъ которой дремалъ дисятимѣсячный ребенокъ.

Женщина была одѣта бѣдно, но со вкусомъ. На кормилицѣ былъ костюмъ, не соотвѣтствовавшій ея званію. Это была молодая баба, поступившая по нуждѣ къ бѣднымъ.

Телѣжка свернула и поѣхала по проселку, направляясь къ селу Ожерелью.

Въ селѣ, гдѣ знали о ея прошломъ и настоящемъ, женщина велѣла остановиться у избы, походившей на домъ небогатаго помѣщика.

Какъ тогда, давно, такъ и теперь по селу моментально разнеслась новость, что пріѣхала «Прошкина дочка».

Интереса представлялось довольно много.

«Прошкина дочка» уже не щеголиха и не модница, а доношиваетъ остаточки. Прошкина дочка прикатила не на тройкѣ бойкихъ чесанныхъ лошадей, а на парѣ рабочихъ клячъ, да и то потому только, что съ кормилицей, а то бы и на таратайкѣ доползла. Не какая барыня! и т. д.

Избу Прохора опять окружила толпа любопытныхъ, но смот-

рѣла она на прибывшую не заискивающе-льстивымъ и благоговѣйнымъ взглядомъ, какъ тогда, а насмѣшливо и злорадно.

Наталья Прохоровна замѣтила это. Нѣсколько мгновеній она чувствовала себя неловко, но когда вышла изъ телѣжки и маленькое существо изъ рукъ кормилицы потянулось къ ея рукамъ, съ ангельской улыбкой, образовавшей ямочки на щекахъ,— она все забыла и принявъ отъ кормилицы младенца, горячо поцѣловала его и бодро поднялась на лѣстницу.

Вышелъ встрѣтить ее только Прохоръ Захаровичъ и Дуняшка.

Лицо отца сіяло неизмѣнно довольной улыбкой, а сестра весело пропищала ей: «Здравствуй, Наталюшка».

Удивило Наталью Прохоровну, что не было здѣсь, среди нихъ, ея матери и дѣда, но дѣдъ старъ, — онъ давно почти не слѣзаетъ съ печи, а мать?..

— Здравствуй, папаша. Вотъ внукъ твой! — говорила Наталья Прохоровна отцу, цѣлуя его и указывая на малютку.

— Ишь вѣдь, съ дитей!.. Да какой славненькій! Въ матку, какъ есть... Ну, пойдемъ, жадобная, пойдемъ!.. Дуняшка, готовь самоваръ!—говорилъ Прохоръ Захаровичъ, провожая дочь въ чистую половину.

— А гдѣ же мама? Отчего ее нѣтъ?

— А кто ее знаетъ. Стряпней тамъ, что ли, занимается...— отвѣчалъ Захарычъ.

Въ чистой половинѣ опять висѣло множество иконъ и лубочныхъ картинъ, но Наталья Прохоровна уже не протестовала...

— Ну, слава Богу, опять притащилась, — радовался старикъ. — Вотъ то ли дѣло у родителевъ-то, въ насиженомъ-то гнѣздѣ... Ишь солнышко-то наше!..

И Прохоръ Захаровичъ взялъ маленькаго внука на руки и началъ носить его по комнатѣ, показывая размалеванныя картинки.

Наталья Прохоровна издали съ любовью смотрѣла на мальчугана.

— А ты знаешь, папа,—вдругъ начала она:—вѣдь я обѣднѣла. Акціонерное общество, гдѣ хранился мой капиталъ, и прежній, и полученный отъ мужа — лопнуло. Уцѣлѣло у меня всего пять тысячъ. Онѣ лежали не тамъ... Вотъ все мое состояніе. На проценты я и жить должна. Всего рублей двѣсти въ годъ, но ничего, съ меня хватитъ... Я совсѣмъ перемѣнилась...

Она вдругъ подошла къ ребенку и нѣжно поцѣловала его.

— Я не хотѣла писать вамъ объ этомъ... Боялась встревожить...

— Слыхали, слыхали,—невозмутимо отвѣчалъ Прохоръ, — и безъ письма слыхали. Щебневъ сказывалъ!.!

За нѣсколько мѣсяцевъ до пріѣзда сюда Наталья Прохо-

ровна писала Щебневу о своемъ критическомъ положеніи и просила у него двѣсти рублей въ долгъ, которые онъ съ готовностью выслалъ ей. Занять въ Петербургѣ ей было не у кого. Князь Суглинскій умеръ, все состояніе его перешло племяннику, съ прежними друзьями Наталья Прохоровна давно разошлась... Она даже не видѣла ихъ за все время...

Она поняла теперь, почему Никитишна не вышла ее встрѣтить, но отнеслась къ этому слишкомъ равнодушно. Понявъ это, она опять подошла къ сыну, игравшему на рукахъ Прохора Захаровича, и еще нѣжнѣе, еще крѣпче поцѣловала его.

— Я вамъ буду платить, папа,—обратилась она къ отцу,— я не буду вамъ въ тягость...

— Э, чего тамъ платить! Есть тутъ толкованія! Мы еще должны тебѣ, жадобная ты наша! Шутка ли сколько денегъ передала намъ! Кабы не ты да твоя доброта ангельская — что бы мы теперь дѣлали! Жили бы, какъ есть мужиками... А теперь—любо посмотрѣть: всего въ волю. Никитишна-то моя даже торговлю открыла. Видѣла лавочку внизу?

Въ эту минуту въ комнату входила Лукерья Никитишна, уловившая послѣднія слова мужа.

Она злобно посмотрѣла на него своими маленькими, заплывшими жиромъ глазками и лѣниво подошла къ дочери.

— Ну, здравствуй, Наталья! Что-о, къ намъ пожаловала!? Отъ бѣдноты, значитъ. Бѣднота заѣла! Слыхала, слыхала... Тоже и до насъ слухи доходятъ... Бывало, брезговала родительскимъ домомъ, даже проститься не заѣхала, а теперь—вотъ!.. Да еще и съ придаточнымъ...

Старуха кивкомъ головы указала на ребенка, котораго не выпускалъ Захарычъ.

— Няньчи, батюшка, няньчи!—язвительно говорила Лукерья мужу.—Ты у меня только и годишься въ няньки. Раскачивай назаконнаго-то! Можетъ, въ твоихъ-то рукахъ благословеніе Божье получитъ... Твои руки-то на все ходки, что не въ пользу... Ты да дѣдка! Горе мнѣ одно съ вами. Двухъ бороновъ старыхъ содержу, работаю на нихъ, лежебоковъ, хлопочу за нихъ, стараюсь... Теперь вотъ эту еще принесло!..

— Ну, ты, Лукерья, того... Брешешь... Что по пусту говорить!—спокойно возражалъ Прохоръ.

Наталья Прохоровна стояла, удивленная.

Хорошо зная душу матери, она все таки никакъ не ожидала такой встрѣчи.

Гнѣвъ свѣтился въ ея глазахъ, но она удерживалась.

— Ты такъ встрѣчаешь меня, мама!—взволнованнымъ полушопотомъ начала она.—Но вспомни, вспомни же, сколько я помогала...

— Попрекаешь!.. Да какая же дочь не поможетъ родной матери! Другія въ прислугахъ живутъ, да помогаютъ... А у тебя капиталы были... Мнѣ помогала, а на бдажь свою во сто

кратъ больше тратила... Много ты удѣляла мнѣ! Что было у меня, то и есть... Развѣ чуть побольше... Ты слухай его!—указала она на мужа. — Онъ тебѣ съ три короба навретъ... А и безъ твоихъ денегъ, думаешь, не извернулась бы! Руки мои кормятъ насъ, да домъ держатъ, а не твои деньги, мать моя! Съ этими деньгами другая бы и полгода не прожила.

Слыша это, возмутился даже Прохоръ Захаровъ.

— Врешь, баба!—съ несвойственной ему силой, закричалъ онъ. — Врешь, старая волнуха! Она насъ оправила! Никто другой... Побойся хоть людей-то: всѣ скажутъ! На глазахъ у всѣхъ было. Кабы не она—ни хоромъ бы этакихъ, ни хозяйства, ни лавки не было-бъ. Въ курной избѣ жили-бъ... Нечего брехать по напрасну. Иди-ка лучше, да внучка-то пообхоль маленько! Ишь вѣдь какой румяненькій!

— Ахъ, нѣтъ, не надо! — вскричала Наталья Прохоровна и загородила сына, какъ будто старуха и дѣйствительно хотѣла взять его.

Никитишна немного притихла.

— Я вѣдь говорю, какъ мать. Неужели матери и слова сказать нельзя...

— Ты говоришь, мама, неправду,—овладѣвъ собой, холодно начала Наталья Прохоровна, — и сама знаешь, что говоришь неправду... Я много давала тебѣ, и теперь буду жить не даромъ. Кормилица скоро уйдетъ, а я буду получать проценты съ пяти тысячъ и все отдавать вамъ.

— Не много!—отозвалась старуха. — На такіе проценты и полгода не прокормишь. Я хоть стара, глупа, а понимаю.

Наталья Прохоровна вспыхнула.

— Ахъ, если такъ, то знай, что я не буду у васъ жить! Нога моя не будетъ въ твоемъ домѣ! Я найму простую избу, а здѣсь не буду!.. Не буду!..

Она закрыла лицо и заплакала.

— Да что это ты?! Золото ты мое, ненаглядная ты моя! — торопливо заговорилъ Прохоръ Захаровичъ. — Съ этакимъ-то анделомъ, съ ребеночкомъ-то, съ внучкомъ-то, да безъ дѣдки! Меня-то пожалѣй! Для меня хоть останься!.. А ее, дуру, не слухай! Сама не знаетъ, что брешетъ...

Въ чистую половину входилъ Захаръ Евстигнеевичъ. Его вела подъ руку Дуняшка, уже сообщившая ему весь разговоръ.

Старикъ за одинъ годъ сильно ослабъ. Онъ первый разъ всталъ теперь и много потратилъ времени, чтобы принарядиться для пріѣхавшей внучки.

— Что тутъ у васъ! — съ вернувшейся силой вскричалъ онъ, но взглянувъ на ребенка, который, безучастный ко всему, лежалъ теперь на кровати и, улыбаясь, игралъ съ котенкомъ, Евстигнеичъ на минуту позабылъ все, не замѣтилъ даже Наталью Прохоровну и заключилъ своего правнука въ старческія объятія.

— Вотъ ужъ кого дождался,—говорилъ онъ, — правнучка!.. Счастье Богъ послалъ передъ смертью...

Онъ бережно положилъ мальчика на прежнее мѣсто и крѣпко обнялъ Наталью Прохоровну.

— Здравствуй, Наташа!.. Съ ребеночкомъ пріѣхала... Радость старику привезла... Что она тутъ говоритъ тебѣ?.. Ты не слухай ее... Съ дури брехаетъ...

Старикъ замолчалъ и съ любовью смотрѣлъ на нее.

— Похудѣла ты малость, и лицо стало не такимъ... Ну, прямо сказать, хуже стало... За то душа очистилась... Слышишь—душа!.. Слыхалъ я, что капиталы твои рухнули... Это значитъ Господь любитъ тебя, спасти хочетъ, слышь! Ты ужъ спаслась.

— Все такой же, дѣдушка!—тихо и ласково сказала она.

— Вѣстимо такой! Такимъ былъ, такимъ и остался... Господь любитъ тебя, говорю... Молись, Наташа!.. Безъ денегъ лучше... Сохраняй теперь себя, блюди! Господь простилъ тебя, молитвы мои услышалъ и лепту твою принялъ... помнишь—на храмъ-то!.. Ребеночекъ тебѣ во спасеніе... Безъ него-то, пожалуй, опять-бы заблажила...

И старикъ опять взялъ дитя и долго ласкалъ его своими морщинистыми руками.

А Наталья Прохоровна смотрѣла на нихъ. Ей казалось, что прежнія ея желанія были самообманомъ, что теперь начинается что-то новое въ ея жизни,—новое счастье, которымъ никто не пресыщался...

Прошла недѣля.

За это время Наталью Прохоровну навѣстилъ только по прежнему очарованный ею Духотворскій, не устрашась ни какихъ послѣдствій со стороны его жены...

Все въ домѣ вошло въ колею. Лукерья Никитишна волей-неволей должна была примириться съ дочерью. Евстигнеичъ чуть не цѣлыми днями возился съ правнукомъ, прекраснымъ черноволосымъ мальчикомъ, съ кругленькимъ смугловатымъ личикомъ. Прохоръ Захаровичъ благодушествовалъ, какъ и всегда, пропуская иногда по маленькой.

Багровое солнце только что закатилось. Майская бѣлая ночь...

Наталья Прохоровна первый разъ вышла изъ дому въ сопровожденіи кормилицы, которая несла ея Волика.

Встрѣчные односельчане раскланивались съ нею, но уже не такъ, какъ прежде, а только чуть-чуть приподнимали козырекъ. Нѣкоторыя изъ бабъ уже говорили ей «ты».

Ничто не коробило ее. Она шла спокойно, будто не замѣчая окружающаго.

Незамѣтно онѣ подошли ко второй, деревянной церкви, расположенной на концѣ села.

Вокругъ церкви раскинулось кладбище, обнесенное подгнившимъ деревяннымъ заборомъ на каменныхъ столбахъ. На кладбищѣ росли ели, ивы, старыя березы, можевельникъ.

Было много деревянныхъ некрашенныхъ крестовъ, кое гдѣ на тесанныхъ камняхъ возвышались желѣзные кресты, съ безграмотными и глупыми надписями. Были даже два мраморныхъ памятника.

Вмѣстѣ съ кормилицей, она подошла къ сторожкѣ и прутикомъ постучала въ окно.

Вышелъ сторожъ, безбородый мужикъ неопредѣленныхъ лѣтъ.

— Проведите меня пожалуйста до могилы Тавридина; я не знаю гдѣ она,—обратилась она къ сторожу.

— А... Владиміра Андреича? Пожалуйте! Еще только дерномъ обложено, памятника нѣтъ,—объяснялъ сторожъ, ведя ихъ въ самую глубь кладбища.

Онъ указалъ, когда онѣ подходили, на довольно красивое мѣсто, отѣненное тяжелыми вѣтвями двухъ старыхъ ивъ.

Около могилы Наталья Прохоровна замѣтила чье-то бѣлое платье.

Всмотрѣвшись, она узнала Евгенію Матвѣевну и отошла немного.

На могилѣ лежалъ вѣнокъ изъ первыхъ весеннихъ цвѣтовъ.

Евгенія Матвѣевна, обернувшись, увидѣла ее и вздрогнула. И потомъ ея взоръ упалъ на Волика, который сидѣлъ на рукахъ кормилицы и съ любопытствомъ озирался кругомъ своими большими черными глазками.

— «Какое сходство»!..—подумала Евгенія Матвѣевна и ей захотѣлось подойти къ ребенку и поласкать его.

Вдругъ мальчикъ самъ потянулся къ ней пухлыми рученками.

— Какое чудное дитя!—цѣлуя его, проговорила Евгенія Матвѣевна.

— Ужъ говорить начинаетъ,—объяснила кормилица;—«мама» говоритъ, «баба»...

— Ну, скажи «ма-ма»!—обратилась она къ ребенку.

— «Ма-ма»,—повторилъ мальчикъ и потянулся къ матери.

Наталья Прохоровна взяла его на руки и цѣловала.

Евгеніи Матвѣевнѣ хотѣлось заговорить съ нею, но все пережитое и ею, и Тавридовымъ за послѣдніе годы, вдругъ, ярко припомнилось ей, и поклонившись Натальѣ Прохоровнѣ издали, она ушла съ кладбища, оставивъ ее одну у могилы.

Прошло три года.

Наталья Прохоровна уже жила не въ Ожерельѣ у родителей, а верстахъ въ тридцати, въ благоустроенномъ собственномъ имѣніи.

Это имѣніе пріобрѣлъ для нея Конопляниковъ, узнавшій о

ея печальномъ положеніи, о ея скромной, тихой жизни... Кромѣ того, онъ положилъ на ея имя въ банкъ 50 тысячъ, увеличивъ за это время свой собственный капиталъ на нѣсколько сотъ тысячъ и устроивъ большой лѣсопильный заводъ.

Никаноръ Семеновичъ частенько навѣдывался къ ней, причемъ никакихъ ссоръ не было между ними, а напротивъ—шли мирныя и спокойныя бесѣды. Въ его простыхъ сѣрыхъ глазахъ Наталья Прохоровна читала прежнюю беззавѣтную любовь къ ней, но сходиться опять ни онъ, ни она не желали, потому что такъ лучше...

Воликъ былъ уже четырехлѣтній красивый мальчикъ. Къ нему была приставлена бонна-нѣмка и престарѣлая француженка-гувернантка. Матильда, къ которой Наталья Прохоровна имѣла рѣшительную слабость, снова очутилась у нея въ услуженіи, причемъ ходила въ неизмѣнно чистомъ фартучкѣ и завивала волосы.

Два молодыхъ понтера, подаренные ей Коноплянниковымъ, и жирный сибирскій котъ были друзьями дома, ведя и между собой, несвойственную ихъ породамъ, дружбу.

Прежніе знакомые по охотѣ уже никогда не появлялись въ ея домѣ. Всѣ они давно разъѣхались въ другія губерніи.

Изъ близкихъ родныхъ, самый дорогой для нея—Захаръ Евстигнеевичъ уже два года покоился подъ деревяннымъ крестомъ на Ожерельскомъ кладбищѣ, которое она и теперь изрѣдка посѣщала... Старикъ захватилъ еще тотъ день, когда была получена отрадная вѣсть о дарованіи Натальѣ Прохоровнѣ ея мужемъ земли и капитала,—и умеръ, благословляя ее и судьбу свою.

Прохоръ Захаровичъ пріѣзжалъ иногда къ ней, былъ съ нею ласково-почтителенъ и подолгу игралъ съ внукомъ. Навѣдывалась и Лукерья Никитишна, причемъ держала себя уже очень скромно и опять называла дочь «золотцемъ», а «дорогому» внучку привозила по многу пряниковъ и леденцовъ изъ собственной лавки. Наталья Прохоровна была съ нею ласкова и осторожна. Она не давала старухѣ никакихъ поводовъ заключать, что та въ правѣ ждать еще чего-нибудь отъ дочери,

Въ воскресные и праздничные дни она принимала поздравленія отъ своего добросовѣстнаго арендатора Ильи Степановича Щебнева, который, обезпечивъ на подрядахъ свое благосостояніе, пожелалъ отдохнуть подъ старость и мирно заняться сельскимъ хозяйствомъ.

Раза два въ годъ пріѣзжалъ къ Натальѣ Прохоровнѣ Духотворскій. Славившійся способностью примирять и улаживать между людьми отношенія, онъ успокоилъ ревнивое сердце жены и, при какомъ-то случаѣ, примирилъ Наталью Прохоровну съ Евгеніей Матвѣевною, уже болѣе года вышедшею замужъ за молодаго земскаго врача и, вмѣстѣ съ нимъ, потрощащею ла-

гушекъ. Ея мужъ былъ и домашнимъ докторомъ Натальи Прохоровны.

Одну только Агафью Петровну не привелось видѣть Натальѣ Прохоровнѣ со дня своего разрыва съ мужемъ. Старуха умерла почти въ одно время съ Евстигнеичемъ. Какъ и онъ, она умирала спокойно и счастливо. Частица капитала ея сына, промотанная когда-то на предпріятія ея невѣстки, возвратилась къ Никанору Семеновичу съ большой прибылью. Воздвигнутый Натальей Прохоровною дворецъ былъ перестроенъ въ большой лѣсопильный заводъ; школа, стоявшая на красивомъ мѣстѣ, возлѣ извилистой рѣчки, преобразовалась въ дачу, которую нанимали каждое лѣто. Даже охотничьи собаки и большая коллекція ружей были выгодно проданы.

И эта огромная промышленная усадьба, и небольшая, но хорошенькая усадебка Натальи Прохоровны, и домочадцы обоихъ имѣній, и ихъ слуги и даже домашнія животныя какъ будто говорили, что здѣсь каждый счастливъ по своему; что здѣсь— мѣсто разума и тишины; что никакая роковая случайность не оставитъ здѣсь разрушающихъ слѣдовъ, а пронесется, какъ вихрь... Да и не будетъ этой случайности. Она уже была и промчалась, и преобразила, и обновила многое,—освѣжила, какъ темная свинцовая туча, разрѣшаясь громомъ и молніей, освѣжаетъ дремлющую лазурь безмолвнаго неба.

КОНЕЦЪ.

Reikhel'f, Nikolai N.

Н. Лендеръ.

На порогѣ жизни.

Разсказъ Путника.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія В. В. КОМАРОВА, Невскій, 136.
1902.

I.

ТО БЫЛО давно... Мнѣ было тогда лѣтъ восемь, моему младшему брату, Сережѣ, семь лѣтъ. Мы жили у бабушки въ Н—скѣ, жили какъ у Христа за пазухой и, медленно спѣша, готовились дома къ поступленію въ Н—скую гимназію.

Счастливые годы! Этотъ превосходный возрастъ особенно хорошъ, когда переживаешь его въ деревнѣ или въ глуши.

Мы жили, положимъ, не въ деревнѣ, но Н—скъ, право, не уступалъ ей.

Городъ этотъ — тихенькій, съ безлюдными улицами, съ покривившимися заборами. Бывало, сидишь-сидишь у окна—и хоть бы кто прошелъ—ни души кругомъ. Зато какъ простучатъ по мостовой дрожки или послышится подъ окнами разговоръ—тотчасъ всѣ выглядываютъ: что новаго? Кто тамъ? Въ одной изъ такихъ улицъ красовался бѣлый каменный домъ въ два этажа. Этотъ представительный домъ и принадлежалъ нашей бабушкѣ, Аннѣ Константиновнѣ. Потомственная дворянка, женщина хорошей фамиліи, она по тѣмъ временамъ отлично поддерживала свой престижъ въ глухой демократической провинціи. Снисходительная къ другимъ и строгая къ себѣ, она, точно въ силу преданій, а не по собственному побужденію, чуждалась разночинцевъ, но не питала къ нимъ ни вражды, ни злобы... Чуткая и отзывчивая старушка всегда приходила на помощь чужому горю и чужой бѣдѣ. Не имѣя большихъ средствъ, она жила замкнуто и уединенно, проводя все время среди заботъ по дому, о дѣтяхъ и церковью.

Насупротивъ нашихъ оконъ торчала изъ земли обросшая деревьями и травой руина. Это былъ мѣстный театръ, сгорѣвшій давнымъ-давно. Всѣми оставленный и покрытый птичьими гнѣздами, онъ своимъ мрачнымъ видомъ наводилъ на мнительныхъ людей какой-то суевѣрный страхъ, отъ котораго, конечно, не было свободно и наше дѣтское воображеніе. Мы представляли себѣ въ этихъ руинахъ таинственныхъ духовъ, лѣшихъ и домовыхъ, и съ затаеннымъ страхомъ проходили мимо нихъ, особенно по вечерамъ, когда руины окутывалъ сумракъ.

Дни шли за днями — не скажу, чтобы скучно — я и братъ Сережа не знали въ то время, что такое скука,—нѣтъ, смутно

чувствовалось только какое-то однообразіе жизни. Утромъ будилъ насъ пастушій рожокъ и звуки пастушьяго бича (мы держали корову). Затѣмъ, въ опредѣленный часъ, выѣзжалъ изъ сосѣдняго двора докторскій шарабанъ (въ цѣломъ городѣ было, кажется, два врача) — и все затихало до вечера. Тишина была великая. Если, бывало, услышишь чьи-нибудь голоса, тотчасъ спѣшишь выглянуть за ворота.

Помню, какъ въ этой великой тишинѣ пронесся 1861 годъ. Говорили: какъ это освободятъ мужиковъ (тогда не говорили: крестьянъ) — вѣдь они взбунтуются. Но поговорили, поспорили и вновь все заглохло, точно ничего и не бывало.

Мирная провинція спала сномъ праведника. Да она и была тогда настоящимъ праведникомъ. Какъ просто и ясно слагалась жизнь и какая это была чистая и честная жизнь!

По временамъ къ намъ наѣзжали гости изъ столицы, но наѣзжали рѣдко, при чемъ каждый пріѣздъ ихъ составлялъ событіе и помѣчался въ толстомъ «Мѣсяцесловѣ» особыми записями на ряду съ выпавшимъ снѣгомъ, градомъ и выдающимися случаями изъ семейной и хозяйственной жизни. Такъ и записывалось: такого-то числа, въ такомъ-то часу пріѣхала тетушка Клавдія Борисовна или папенька нашъ Борисъ Борисовичъ, жившій въ Петербургѣ, пробыли столько-то и тогда-то уѣхали. Матери мы не знали: слышали только, что она гдѣ-то далеко въ отсутствіи.

— Вотъ въ субботу папенька пріѣдетъ, — говорила намъ съ Сережей бабушка. Говорила это и сама проникалась какимъ-то торжественнымъ ожиданіемъ своего сына, котораго уважала и котораго даже боялась въ виду его крутого характера.

Папенька пріѣзжалъ всегда неожиданно.

Помню, насъ, т. е. меня и брата, отпустили на прогулку въ садъ, конечно, не однихъ, а подъ неусыпнымъ попеченіемъ нянюшки Ѳедоры.

Только что мы, что называется, вошли во вкусъ гулянья, какъ прибѣгаетъ запыхавшись человѣкъ и съ нѣкоторымъ страхомъ говоритъ:

— Нянька Ѳедора, веди дѣтей домой. Борисъ Борисычъ пріѣхали.

Замѣчательно, какое устрашающее впечатлѣніе производили тогда на всѣхъ въ домѣ неожиданные наѣзды изъ столицы нашего папаши. Онъ былъ важный петербургскій чиновникъ, человѣкъ хмурый и всегда занятый дѣлами и дѣловыми соображеніями. Любилъ ли онъ насъ—этого въ то время мы, конечно, не знали и знать не могли, но мы боялись его... Общій трепетъ, вызываемый его пріѣздомъ, инстинктивно передавался и намъ. Бабушка, обыкновенно спокойная, добрая, очень участливая къ намъ, въ дни его пріѣздовъ всегда дѣлалась суетливою и озабоченною и о насъ немного забывала.

На это, впрочемъ, были свои причины. Папаша потому, вѣроятно, былъ столь страшенъ, что его пріѣзды всегда обѣщали

какія-нибудь крупныя перемѣны въ нашей жизни. Одинъ разъ съ его пріѣздомъ мы перемѣнили квартиру, перебравшись въ верхній этажъ дома. Другой разъ—что еще важнѣе—у насъ отобрали деревянныхъ верховыхъ лошадей и усадили насъ за книги, пояснивъ предварительно, что мы уже «большіе болваны» и что намъ пора учиться. Событія все были тяжелыя.

Что же теперь предстоитъ намъ?—подумали мы съ братомъ, идя изъ сада домой и увидавъ въ проходной комнатѣ раскрытый папашинъ чемоданъ, картонки со шляпами, сигары, ремни съ подушками и другіе внушающіе ужасъ предметы.

Я посмотрѣлъ на Сережу, онъ на меня. Чувства у насъ въ эту минуту были одинаковыя. Мы поняли другъ друга такъ, что, не сговариваясь, оба убѣжали мигомъ въ отдаленный уголъ сада.

Увы! Скоро послышался голосъ бабушки: «Ваня, Сережа». Наши сердца усиленно бились. Мы, точно пойманные бандиты, готовились предстать предъ грозныя очи судьи.

— Дѣти, какъ вамъ не стыдно!—говорила бабушка.—Вѣдь папа пріѣхалъ, — добавила она шопотомъ, съ такимъ выраженіемъ, что мы тотчасъ познали всю глубину нашего преступленія.

Бабушка ушла, а мы со страхомъ ждали своей скорбной участи.

Папаша не сразу показался намъ. Когда мы пришли домой, дверь въ комнату бабушки была затворена и оттуда доносился разговоръ, изъ котораго можно было уловить лишь отдѣльныя фразы и слова.

— Семнадцать тысячъ рублей... — говорилъ пріѣхавшій папаша.

— Да, что ты, Боря, подумай... Всю жизнь жила здѣсь... Зачѣмъ мнѣ этотъ Петербургъ?—говорила бабушка.

— Ахъ, матушка, вы женщина, вы не понимаете, не спорьте и не возражайте. Вникните въ дѣло... Семнадцать тысячъ...

И у нихъ долго шли свои разсчеты, соображенія, толки и слышалось «семнадцать тысячъ».

Папаша вышелъ изъ комнаты суровый и озабоченный, бабушка—съ выраженіемъ безпредѣльной грусти и покорности на своемъ добромъ лицѣ. Папаша поцѣловалъ насъ, но какъ-то сухо, мимоходомъ и ушелъ къ себѣ.

Бабушка осталась съ нами съ глазу на глазъ.

Она съ минуту смотрѣла на насъ, и мы въ первый разъ увидѣли, что въ ея грустныхъ глазахъ заблестѣли слезы. Она не выдержала: крѣпко обняла насъ и разрыдалась.

— Дѣти, дѣти,—говорила она,—мы уѣдемъ изъ N—ска!

Мы сразу какъ-то даже не взяли въ толкъ ея словъ.

— Какъ уѣдемъ, бабушка? Куда?—спросилъ я.

— Уѣдемъ, уѣдемъ... въ Петербургъ... Домъ продадимъ...

Намъ сдѣлалось совсѣмъ жутко.

— Да, дѣти... Петербургъ, Петербургъ. Отецъ ничего и слышать не хочетъ.

— Зачѣмъ намъ Петербургъ?—повторилъ я разслышанныя слова бабушки.

— Зачѣмъ?—переспросила она, вытирая слезы и выпрямляясь.—Затѣмъ, говоритъ отецъ, что вамъ предстоитъ тамъ карьера... Милые мои, дорогіе, она вновь обняла насъ. Я женщина... Не мнѣ старухѣ устраивать вашу будущность... Моя жизнь прожита, только бы умереть спокойно. Любите папу—онъ объ васъ позаботится; онъ сердитый, но онъ умный, большой человѣкъ!.. Онъ любитъ васъ.

Въ голосѣ бабушки опять послышались слезы. Она, не глядя на насъ, ушла къ себѣ.

Мы съ братомъ смотрѣли другъ на друга и, какъ это ни прискорбно, ровно ничего не понимали.

— Карьера...—думалъ я.—Гм!.. карьера!.. Должно быть, это что нибудь очень важное, если папаша пріѣхалъ для этого. Конечно, это представлялось мнѣ далеко не столь важнымъ, какъ ужасный фактъ отобранія у насъ деревянныхъ лошадей... Но было все-таки о чемъ задуматься.

Я задумался, сидя на диванѣ, и, къ стыду своему, отъ глубокой думы заснулъ. А въ это время случилось нѣчто совсѣмъ ужъ неожиданное.

Въ концѣ улицы раздался стукъ экипажа, а спустя минуту-двѣ экипажъ—коляска, запряженная парой лошадей—подкатилъ къ нашимъ воротамъ. Изъ экипажа выпрыгнулъ маленькій и толстый человѣчекъ въ очкахъ. На парадномъ крыльцѣ, которое, вообще, открывалось рѣдко, только въ торжественныхъ случаяхъ, раздался громкій звонокъ, отъ котораго даже на сердцѣ захолонуло. Все въ домѣ засуетилось. Въ сѣняхъ послышался голосъ.

— Дома его превосходительство?

Въ эту минуту я впервые узналъ, что папаша нашъ не только «папаша» и «Борисъ Борисычъ», но еще и его пре...во... схо...ди...тель...ство... ой, ой, ой, какъ длинно!..

Долго раздавались голоса въ большой, обыкновенно пустовавшей комнатѣ, гдѣ останавливался отецъ. Бабушка нѣсколько разъ входила туда, держа въ рукахъ какія-то бумаги, планы и знакомый «Мѣсяцесловъ» съ записями. Все это было ужасно торжественно и часть этой торжественности передавалась намъ съ Сережей. Мы подходили къ закрытымъ дверямъ, слышали обрывки непонятныхъ словъ и фразъ и какъ-то инстинктивно чувствовали, что въ эти минуты рѣшается «его превосходительствомъ» наша судьба... наша «карьера».

«Карьера» и «его превосходительство»—вотъ первыя страшныя слова, которыя мы съ Сережей узнали въ этотъ день, пробуждаясь къ непонятной для насъ новой жизни.

Что это все значитъ? Чѣмъ это кончится?.. Но дѣтское во-

ображеніе не угадывало настоящаго конца, путая мелькающую передъ глазами дѣйствительность съ собственными мыслями, не идущими далѣе деревянныхъ лошадей и наводящихъ ужасъ папашиныхъ предметовъ.

Въ передней захлопнулась дверь и въ это время изъ папашиной комнаты послышался столь мало знакомый намъ въ бабушкиномъ домѣ мужской голосъ:

— Дѣти!—позвалъ насъ отецъ.

— Мы здѣсь... — отвѣтили мы съ Сережей, празднуя трусу.

— Ну, такъ идите же сюда!

Въ папашиномъ тонѣ было что-то очень повелительное...

«Ну, ужъ пропадать, такъ вмѣстѣ»!..—подумалъ я, глядя на Сережу, но онъ, ободряемый, видимо, этою же самою мыслью, взялъ уже меня за руку и мы пошли предстать предъ грозныя очи его превосходительства, нашего папаши.

Папаша съ важнымъ видомъ расхаживалъ по комнатѣ и, въ первую минуту, когда мы съ Сережей вошли, не обратилъ на насъ вниманія. Мы робко прижались къ двери, и вопросительно поглядывали другъ на друга, а на отца взирали съ великимъ страхомъ.

— Слушайте, дѣти,—сказалъ онъ, остановившись и пристально, серьезно, взглянулъ на насъ.—Вы уже большіе. Нечего вамъ тутъ сидѣть—бездѣльничать. Въ Н—скую гимназію я васъ не отдамъ, а вы поѣдете въ Петербургъ. Тамъ я позабочусь о васъ.

— Папаша, оставьте насъ здѣсь. Здѣсь лучше,—жалобно началъ Сережа.

— Оставьте!—хотѣлъ-было сказать и я, но папаша неожиданно разсердился.

— Пастухами хотите быть, нѣтъ, мои милые, не будетъ этого. Нужно образованіе, слышите, образованіе. Карьера невозможна безъ образованія. Я не позволю вамъ быть олухами.

— Только не увозите насъ!—возразилъ Сережа.

— Что-жъ, весь вѣкъ вамъ у бабушки сидѣть, баловаться. Вздоръ-съ! Въ Петербургъ, вотъ и весь сказъ, а теперь подите отсюда, глупыя дѣти.

Папаша начиналъ не на шутку сердиться и, конечно, мы тотчасъ же убрались бы вонъ, еслибъ въ эту минуту не вошла бабушка—такая озабоченная, грустная, что намъ показалось даже, будто за день тревоги она осунулась и похудѣла.

— Благодарю васъ! Очень вамъ благодаренъ!!—обратился къ ней нашъ отецъ.—Такъ избаловать дѣтей, такъ распустить!! Въ пастухи вы ихъ готовите, въ сапожники? Они просятъ оставить ихъ здѣсь по двору бѣгать, съ мальчишками въ бабки играть. Вотъ оно ваше воспитаніе, извольте-съ любоваться-съ!..

— Да что ты, Боря, помилосердуй!—начала бабушка.

— Нечего-съ, нечего-съ говорить-съ (папаша, когда сильно сердился, къ каждому слову прибавлялъ «съ»). Все видно-съ...

[illegible] [illegible] [illegible]. Въ [illegible] объ образованіи, а сей [illegible] въ [illegible]».

— [illegible], Боря, вѣдь сей еще [illegible], [illegible] не [illegible]! — [illegible] бабушка. — Я [illegible], воспитывала [illegible] [illegible], [illegible].

— Да-съ, [illegible]-съ. Спинкинъ [illegible]-съ, отъ[illegible] [illegible] и [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible], а [illegible] [illegible]: [illegible]-съ. [illegible]! — [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].

Мы [illegible].

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [

шитъ на пожаръ. Публика ходила на набережную смотрѣть на приходъ и отходъ пароходовъ изъ Н—ска, изрѣдка устраивались гулянья съ музыкой въ мѣстномъ городскомъ саду—вотъ все, что выдѣлялось въ монотонной жизни Н—ска. Переходъ отъ такой жизни къ Петербургу представлялся какимъ-то переселеніемъ въ новый міръ, пугающій своей неизвѣданной новизною.

Событіе совершилось: тетушка Клавдія Борисовна, дама черствая и тонная, очень не нравившаяся мнѣ и Сережи, дѣйствительно пріѣхала: въ комнатахъ появились приготовленные сундуки, водворился какой-то хаосъ спѣшки и лихорадочной суеты.

— Какъ тихо у васъ въ городѣ, словно все вымерло, — съ насмѣшкой и удивленіемъ говорила Клавдія Борисовна, смотря изъ нашихъ оконъ на безлюдную улицу...—И какъ можно такъ жить!

Наши знакомые изъ числа коренныхъ провинціаловъ, никогда никуда не выѣзжавшихъ, совершенно не понимали ея словъ, ея сарказма и смотрѣли такъ, какъ хотѣли бы сказать: «Да развѣ можетъ быть иначе?.. Вотъ если пожаръ, не дай Господи».

Но они не говорили этого вслухъ и, вздыхая о невѣдомыхъ имъ прелестяхъ Петербурга, услужливо и почтительно отвѣчали столичной барынѣ:

— Да-съ... въ столицѣ иначе!..

Нашъ сосѣдъ, старичекъ-домовладѣлецъ, считавшійся передовымъ человѣкомъ въ Н—скѣ, тотъ высказался опредѣленнѣе:

— Да по мнѣ,—замѣчалъ онъ, — здѣсь лучше: большой городъ—большія требованія... Вотъ хоть бы себя возьму... Здѣсь у меня домикъ, свой садъ, огородъ, насиженное мѣсто... Есть, что передать сыну: домъ, клочекъ земли, родной уголъ... Вотъ, молъ, тебѣ мое достояніе, живи, какъ жилъ отецъ, и не будешь послѣдній человѣкъ. А въ Петербургѣ... да я и ума не приложу, что бы я сталъ дѣлать въ Петербургѣ... Конечно-съ, для службы, для карьеры, Петербургъ первая вещь—что и говорить... Но вѣдь такъ-то дома, у себя, прочнѣе, проще, надежнѣе...

Тетенька очень брезгливо относилась къ подобнымъ рѣчамъ и отвѣчала на нихъ съ немного обидной снисходительностью, вродѣ:

— Да, конечно, кому какъ. Всякому свое.

Наши добродушные провинціалы не обижались. Въ устахъ свѣтской столичной барыни такія слова были, на ихъ взглядъ, въ порядкѣ вещей. Они почтительно возражали, спорили пока хватало пороху, а затѣмъ столь же почтительно умолкали, какъ бы говоря этимъ молчаніемъ:

— Куда-жъ намъ...: Вамъ тамъ виднѣе.

Помню, съ великимъ плачемъ распростились мы съ Сережей съ Н—скомъ, съ нашимъ домомъ, съ каждымъ кустикомъ нашего сада... Мы опомнились только въ вагонѣ, когда мимо оконъ непрерывно неслась какая-то зеленая стѣна садовъ и

лей. Мы ѣхали съ тетушкой Клавдіей Борисовной, и намъ было невыносимо странно и скучно въ ея обществѣ. Она такъ не похожа на «нашу» бабушку. Послѣдняя осталась на время въ Н—скѣ, чтобы покончить дѣла по продажѣ дома.

Шумъ громаднаго города тысячью незнакомыхъ звуковъ охватилъ насъ въ Петербургѣ... Глаза разбѣгались; съ внутренней робостью и тревогой мы смотрѣли на развернувшуюся картину немолчнаго кипѣнія столь чуждой намъ незнакомой столичной жизни.

Мы съ Сережей опомнились только тогда, когда остались наединѣ въ квартирѣ тетки. Тутъ мы увидѣли богатую обстановку, особенное, чисто-петербургское убранство комнатъ—и все это такъ расходилось со всѣмъ тѣмъ, къ чему мы привыкли, на что насмотрѣлись, съ чѣмъ сроднились въ нашемъ миломъ Н—скѣ, что послѣдній намъ былъ еще дороже, несмотря на все созерцаніе невиданной роскоши. Отъ всего вѣяло здѣсь холодомъ жизни, которому мы еще не знали имени, который наши дѣтскія сердца инстинктивно угадывали.

Къ обѣду пріѣхалъ папаша. Онъ словно задался цѣлью удивить насъ: прежней строгости и сухости, столь знакомыхъ намъ въ немъ, на этотъ разъ ни въ его рѣчахъ, ни въ его взглядѣ не было и помину.

— Вотъ, дѣти, вы и въ Петербургѣ!—ласково говорилъ онъ мнѣ и Сережѣ.—Смотрите, не будьте дикарями, привыкайте по немножку къ тетушкѣ, забудьте вашъ Н—скъ.

Мы оказались неблагодарными, и при одномъ напоминаніи объ Н—скѣ Сережа расплакался...

— Вотъ тебѣ и разъ!—мягко проговорилъ папаша.—Скажите, какой провинціалъ: плачетъ... Сестра, Сережа плачетъ: — обратился онъ къ Клавдіи Борисовнѣ.

— Ахъ,—съ оттѣнкомъ досады замѣтила Клавдія Борисовна:— я просто не знаю, что мнѣ дѣлать съ этими дѣтьми. Всю дорогу ревѣли... И зачѣмъ только ты навязалъ мнѣ ихъ?

— Ничего,—отвѣчалъ невозмутимый на этотъ разъ отецъ:— стерпится—слюбится...

— Не пришлось бы ихъ отправлять обратно! — говорила тетка.—Вѣдь это же мученье и для нихъ, и для меня.

Тетенька Клавдія Борисовна вообще была особа порывистая, нервная и нетерпѣливая. Она была еще молода, не замужемъ, и это обстоятельство прибавляло къ указаннымъ недостаткамъ нѣкоторую дозу легкомыслія.

— Что ты, куда тамъ отправлять!—отвѣчалъ отецъ.—Вѣдь на дняхъ пріѣдетъ матушка, можетъ быть они тогда повеселѣютъ.

Одно упоминаніе имени нашей бабушки и вѣсть о ея пріѣздѣ пролили цѣлительный бальзамъ въ наши немилосердно измученныя души. По ночамъ я видѣлъ во снѣ Н—скъ, бабушку, нашъ садъ, нашу няньку...

Все перемѣшивалось въ этомъ чудномъ снѣ въ радужныхъ краскахъ, въ сіяніи лѣтняго дня...

Но непріятное готовилось пробужденіе.

Въ окно глядѣло сѣрое осеннее утро, въ стекла стучали крупныя капли дождя, низко-низко надъ окнами повисло сѣрое свинцовое небо...

Я оглянулся, увидѣлъ незнакомую обстановку, услышалъ за стѣнной глухіе голоса...

Слезы подступили къ горлу.

Кто-то постучалъ въ дверь и сказалъ:

— Ваня, вставайте... Васъ повезутъ въ гимназію.

III.

Въ КОРРИДОРАХЪ гимназіи, куда мы прибыли, стоялъ невообразимый шумъ и гамъ. Ученики младшихъ классовъ, только что освободившись отъ уроковъ, спѣшили воспользоваться десятиминутнымъ отдыхомъ, кричали, бѣгали, возились, лазили по гимнастическимъ лѣстницамъ. Для непривычнаго уха это былъ оглушительный концертъ — точно вы попали въ сумасшедшій домъ.

Когда я, будущій гимназистъ, вошелъ въ корридоръ въ сопровожденіи тетеньки Клавдіи Борисовны, то мнѣ показалось, что я оглохну отъ этого шума. Нервная тетенька заткнула уши и сдѣлала капризное лицо.

Мы направились къ инспектору, который долженъ былъ распорядиться назначеніемъ мнѣ экзамена.

Не прошли мы и половины длиннаго корридора, какъ послышались крики: «Корова идетъ»! «корова»!.. Шумъ сразу какъ-то ослабѣлъ... Въ другомъ концѣ корридора шелъ навстрѣчу намъ какой-то господинъ маленькаго роста, очень полный... Это, какъ я узналъ потомъ, и былъ инспекторъ.

Когда онъ приблизился къ намъ, тетенька его остановила:

— Кажется, г. инспекторъ?—спросила она.

— Чѣмъ могу служить,—отвѣчалъ тотъ, поправляя свои, съѣхавшія на носъ очки.

Это былъ человѣкъ, дѣйствительно немного напоминавшій корову—по крайней мѣрѣ его огромные сонливые глаза и его тяжелая походка показывали, что кличка была по шерсти.

— Вотъ на счетъ экзамена моему племяннику,—продолжала тетушка...—Назначено сегодня—такъ мы и явились...

— Это Владиміровъ?

— Да, да... Владиміровъ.

— Знаю... знаю...—сказалъ инспекторъ,—прошу васъ пожаловать вотъ въ эту комнату... Сдѣлайте одолженіе, обождите здѣсь... Сейчасъ распоряжусь...

Мы вошли въ большую прохладную комнату съ длинными столами, накрытыми зеленымъ сукномъ... Тамъ, оказалось, сидѣла уже какая-то маменька съ такимъ же будущимъ гимназистомъ, какъ и я. Послѣдній былъ въ слезахъ; они что-то говорили и видно было, что умолкли только сейчасъ, при нашемъ появленіи.

Мы съ тетенькой усѣлись къ столу и принялись ждать появленія строгихъ экзаменаторовъ.

Ждать пришлось долго...

Мнѣ, десятилѣтнему мальчугану, прожившему въ тихой бабушкиной семьѣ и впервые попавшему въ этотъ шумный разсадникъ просвѣщенія, было невыносимо жутко. Сердце усиленно билось, а долгое ожидніе еще болѣе увеличивало робость...

Какъ только отворялась дверь въ комнату, я даже вздрагивалъ, думая, что вотъ-вотъ идетъ экзаменаторъ.

Дверь отворялась, однако, по другимъ причинамъ; втолкнутъ въ комнату маленькаго гимназистика, который, увидѣвъ чужихъ людей, страшно переконфузится и торопится выйти обратно, но товарищи, наслаждаясь его замѣшательствомъ, держутъ дверь съ другой стороны; потомъ, смѣясь, разомъ отпустятъ ее, и гимназистикъ со всего маху падаетъ на полъ... Иногда заглянетъ въ дверь степенная физіономія какого-нибудь учителя или воспитателя, которая, оглядѣвъ комнату и, видимо, не найдя въ ней ничего интереснаго, сердито хлопнетъ дверью и скроется. Вотъ показалась въ дверяхъ часть швабры, но видно раздумавъ подметать комнату, скрылась обратно.

А время шло.

Тетенька начала уже нервно кусать платокъ, какъ вдругъ дверь растворилась и на этотъ разъ на порогѣ показалась та самая «корова», которую мы уже видѣли въ корридорѣ. «Корова» была не одна: за ней выглядывало чье-то рыжее лицо, я привсталъ и почтительно поклонился.

— Семенъ Семенычъ, вотъ это—Владиміровъ, — обратилась «корова» къ рыжей физіономіи.—Пожалуйста, приступайте.

Рыжая физіономія слегка поклонилась тетушкѣ, позволила мнѣ сѣсть и сама усѣлась.

Тутъ только я увидѣлъ, что физіономія была довольно строгаго вида и очень холодно и недружелюбно посматривала на меня. У меня, что называется, душа ушла въ пятки.

— Мы займемся по ариѳметикѣ и по географіи,—процѣдилъ сквозь зубы экзаменаторъ.—Вы до чего дошли по ариѳметикѣ?..

— До дробей... кажется,—отвѣчала тетушка, не замѣчая, что словомъ «кажется» она можетъ меня зарѣзать.

— Да, до дробей,—проговорилъ я, опуская глаза въ полъ.

— Прекрасно... прекрасно,—отвѣчалъ экзаменаторъ и, взявъ бумаги, сталъ писать на немъ какое-то длинное число. ь онъ съ разстановкой, очевидно, что-то обдумывая, и зливался. Потомъ, какъ бы сказалъ себѣ: «ну, и этого до-

вольно»!—рѣшительнымъ движеніемъ передалъ мнѣ листъ бумаги и произнесъ сквозь зубы:

— Раздѣлите...

Я посмотрѣлъ... Выходило раздѣлить что-то 1.010.103.999. на 8.464 или въ этомъ родѣ...

Я дѣлилъ, дѣлилъ и не помню уже теперь, что вышло изъ моего дѣленія. Только когда я кончилъ, экзаменаторъ взялъ бумагу и, разсмотрѣвъ ее, покачалъ головой:

— Нѣтъ-съ, нѣтъ-съ... не такъ-съ...—цѣдилъ онъ сквозь зубы.

Тетушка—я видѣлъ это по ея лицу—готова была съѣсть этого несноснаго человѣка... Но несносный человѣкъ мало думалъ о ней и, окончивъ провѣрку моего дѣленія, вновь сталъ писать что-то длинное: Выходило, примѣрно, помножить 77.777 на 8.888 и произведеніе раздѣлить на 555.

Новая задача тоже, очевидно, была выполнена мною не особенно блестяще, такъ какъ рыжій экзаменаторъ, обратившись къ тетенькѣ, вымолвилъ нѣчто насчетъ недостаточной подготовки...

Я готовъ былъ провалиться сквозь землю.

Ариѳметика кончилась, кончилась и географія, ограничившаяся всего однимъ вопросомъ насчетъ Кордильеровъ, на который я отвѣтилъ блестяще.

Экзаменаторъ легкимъ кивкомъ головы поклонился тетушкѣ и хотѣлъ уже выйти изъ комнаты, какъ случился неожиданный казусъ: въ это самое время въ дверь втолкнули вновь какого-то гимназистика и крѣпко-крѣпко держали дверь.

Рыжій экзаменаторъ и маленькій гимназистикъ усердно стучали, кричали, но за шумомъ въ корридорѣ, ничего, вѣроятно, не было слышно съ той стороны:

Тетушка даже улыбнулась такой неожиданности, и я не безъ удивленія смотрѣлъ на происходящее. Меня ожидали еще новыя мытарства: французскій языкъ, русскій и, кажется, чистописаніе.

Вдругъ послышалось знакомое: «корова идетъ! корова»! и за стѣной все замолкло. Мальчуганы по той сторонѣ двери быстро и съ шумомъ разбѣжались, рыжій экзаменаторъ могъ выйти; на порогѣ комнаты онъ встрѣтился съ инспекторомъ.

— Ну, какъ вы находите?—обратился онъ къ моему рыжему мучителю, спрашивая про меня:

— Мало подготовленъ... въ ариѳметикѣ слабъ, въ географіи лучше,—процѣдилъ тотъ и скрылся за дверью.

Инспекторъ ушелъ вслѣдъ за нимъ.

Опять потянулось время. Минуты выростали въ вѣчность. Конца не было ожиданію.

Еще хуже, чѣмъ намъ, приходилось сидѣвшимъ въ глубинѣ комнаты маменькѣ съ сыномъ, с которыхъ, повидимому, совсѣмъ забыли. Маменька уже нѣсколько разъ поглядывала на насъ, и

при входѣ инспектора, какъ будто хотѣла даже что-то сказать ему, но все не рѣшалась или не успѣвала, такъ какъ онъ быстро скрывался.

Тетенька, которой было невыносимо скучно, первая обратилась къ ней:

— Какъ это странно, право,—замѣтила она,—васъ заставляютъ ждать еще больше нашего.

— Да, да, ужъ и не говорите,—отвѣчала та.—Вѣдь мы съ 8 часовъ утра сидимъ. Экзаменъ конченъ, и вотъ все ждемъ рѣшенія: примутъ ли Васеньку?

— А въ какой класъ поступаетъ вашъ сынъ?

— Хотѣла во второй, только не знаю... требованія ужъ очень большія...

Я разсмотрѣлъ маменьку. Это была пожилая женщина, видимо бѣдная, судя, по крайней мѣрѣ, по ея виду и платью. Есть люди, при первомъ взглядѣ на которыхъ просыпается сочувствіе и состраданіе. Именно такое чувство, во мнѣ, по крайней мѣрѣ, возбуждала эта женщина.

— А сколько лѣтъ вашему сыну?—продолжала тетенька.

— Одиннадцать... Отца у него нѣтъ, я вдова, давно хлопочу помѣстить его на казенный счетъ... всѣ такъ совѣтуютъ. Не знаю только, что выйдетъ. И учителя-то здѣсь народъ какой, иные сердятся, фыркаютъ, въ положеніе не входятъ.

Васенька слушалъ разговоръ и слезящимися глазами посматривалъ то на насъ, то въ окно, гдѣ видны были пасмурное небо, да крыша сосѣдняго зданія, по которой прыгали вороны. Его было мнѣ жаль еще больше, чѣмъ его мамашу.

Въ комнатѣ раздавался глухой стукъ стѣнныхъ часовъ, монотонно ударяли въ стекла, капли перемѣшаннаго со снѣгомъ дождя. За дверью, въ корридорѣ на время все затихло; очевидно, учениковъ разсадили по классамъ.

Гдѣ-то не очень близко послышались знакомые тяжелые шаги и опять вошелъ инспекторъ.

На этотъ разъ онъ уже подошелъ не къ намъ, а къ маменькѣ съ сыномъ.

— Вашъ сынъ принятъ... въ первый классъ,—обратился онъ къ ней,—и можетъ теперь же остаться у насъ... Въ субботу отпускъ и вы съ нимъ увидитесь...

Инспекторъ слегка поклонился Васиной маменькѣ и на ходу, обращаясь къ намъ, промолвилъ:

— А вамъ придется еще обождать, но будьте покойны, не долго... Экзаменаторы завтракаютъ, черезъ часъ-полтора—они къ вашимъ услугамъ...

И инспекторъ ушелъ.

Я наблюдалъ за Васенькой. Бѣдный мальчикъ, очевидно, сейчасъ только ощутилъ всю суровую власть закрытаго учебнаго заведенія, разлучающаго его съ маменькой, съ роднымъ домомъ. Онъ залился слезами, обнимая въ послѣдній разъ свою мамашу,

которая черезъ минуту будетъ уже далеко отъ него. Мамаша тоже не выдержала и на глазахъ ея заблестѣли слезы...

— Прощай, Васенька! Учись, старайся... человѣкомъ будешь, всѣ вѣдь говорятъ: образованіе, образованіе,—говорила она, торопясь уйти, и въ тоже время никакъ не рѣшалась покинуть сына.

Они вмѣстѣ вышли въ коррйдоръ, очевидно стѣсняясь нашего присутствія и спѣша наплакаться и наговориться другъ съ другомъ гдѣ-нибудь въ сторонѣ отъ сухихъ взоровъ постороннихъ людей. Въ минуты горя ищутъ уединенія, а эта разлука была для нихъ, видимо, горемъ не малымъ.

Мы съ тетенькой остались одни и все сидѣли и ждали, посматривая отъ скуки на тѣхъ же копошащихся на крышѣ воронъ; онѣ, казалось мнѣ, успѣли обратиться уже въ такихъ моихъ хорошихъ знакомыхъ, что не могли не понимать и не чувствовать всей тяжести моего тревожно-выжидательнаго положенія.

IV.

Такъ и Васенька, былъ принятъ въ первый классъ. Не сладка показалась намъ жизнь въ этихъ гимназическихъ стѣнахъ, среди вѣчнаго шума и гама. Особенно скучно и гадко было намъ въ первое время, когда такъ еще свѣжи, такъ еще живы были наши воспоминанія о семьѣ, о родныхъ. Иногда забудешься—перенесешься мыслью домой, представишь себѣ уютный городъ Н—скъ, нашъ домъ, садъ, добрую и заботливую бабушку Анну Константиновну, какъ вдругъ надъ самымъ ухомъ услышишь звонокъ, возвѣщающій начало уроковъ, или крики маленькихъ сотоварищей, вѣчно дерущихся и воюющихъ другъ съ другомъ.

Мы съ Васенькой какъ-то сразу сошлись и подружились, но къ остальнымъ я привыкалъ лишь постепенно и притомъ довольно туго. Между мною и ими была цѣлая пропасть: они уже втянулись въ эту повседневную, довольно грубую, гимназическую жизнь, а я былъ совсѣмъ вновѣ.

Ужасная тоска бывала мнѣ по вечерамъ, когда длинные корридоры гимназіи освѣщались тусклыми и вонючими керосиновыми лампами и все выглядѣло въ этихъ стѣнахъ такъ скверно, такъ неуютно... Днемъ еще были развлеченія: новыя лица учителей, новые для меня характеры, новые порядки...

Учителей мы дѣлили на «добрыхъ» и «злыхъ». Добрые, конечно, отличались снисходительностью, злые—строгостью и коварствомъ. Особенно всѣмъ былъ ненавистенъ нѣмецъ Бернардъ Бернардовичъ, который былъ безпощаденъ къ намъ и которому поэтому мы часто устраивали «бенефисы». «Нѣмцемъ», впрочемъ,

онъ былъ только по кличкѣ и по своей учительской спеціальности, на самомъ же дѣлѣ онъ былъ полякъ.

У этого «нѣмца» были свои привычки. Явится онъ въ классъ, всегда хмурый и недовольный и начнетъ разсматривать пристально всѣхъ учениковъ. Чуть только замѣтитъ на чьемъ-нибудь лицѣ робость или неувѣренность, обозначающія, на его взглядъ, незнаніе урока, такъ тотчасъ же обращается къ намѣченному:

— Вотъ вы... черненькій (или рыженькій, или бѣленькій) пожалуйте сюда...

Ученикъ выходитъ къ учительской каѳедрѣ.

Нѣмецъ вновь разсмотритъ подошедшаго, который, если не знаетъ урока, смутится, конечно, еще болѣе...

— Скажите, говоритъ нѣсколько по-своему нѣмецъ,—что значитъ: быть, существовать?

Ученикъ молчитъ, ему подсказываютъ «sein, sein».

— Sein,—отвѣчаетъ онъ.

— Хорошо-съ!—невозмутиво продолжаетъ нѣмецъ.—А какъ будетъ «я существую, я есмь»?..

— Ich bin,—подсказываютъ незнающему.

Тотъ повторяетъ.

— Очень хорошо-съ! — говоритъ нѣмецъ. — А какъ будетъ второе лицо: ты есть.

Ученикъ вновь отвѣчаетъ по подсказкѣ.

— Великолѣпно. Вы урокъ знаете,—похваливаетъ нѣмецъ, какъ будто онъ и не слышалъ подсказыванія. Но, хваля ученика, онъ въ то же время ставитъ ему въ классномъ журналѣ нуль.

Вотъ за это-то «коварство» ученики и не терпѣли нѣмца.

Бывало такъ, что придетъ онъ въ классъ и, окончивъ обычное разглядываніе учениковъ, вызоветъ разомъ всѣхъ показавшихся ему «подозрительнымъ», иногда человѣкъ десять, спроситъ ихъ, похвалитъ, даже подчасъ одобрительно погладитъ по головѣ... а смотришь въ результатѣ—десять нулей, и десяти человѣкамъ предстоитъ за нерадѣніе остаться безъ обѣда или безъ отпуска или идти въ карцеръ.

Иныхъ учениковъ нѣмецъ такъ преслѣдовалъ, что они по мѣсяцамъ бы не обѣдали, если бы ихъ не выручали товарищи. Для иныхъ карцеръ превращался, по милости нѣмца, въ постоянную квартиру. За «коварство» нѣмцу устраивали «бенефисы» самаго разнообразнаго свойства. Напримѣръ, передъ концомъ урока вѣшали ему на спину вырѣзанныхъ изъ бумаги чертей и уродовъ и въ такомъ разукрашенномъ видѣ нѣмецъ появлялся въ обществѣ другихъ учителей, которые заботливо освобождали его отъ украшеній. Какъ-то разъ посадили нѣмцу въ карманъ котенка, который отъ испуга не замедлилъ сдѣлать большое неприличіе; въ другой разъ нѣмецъ вышелъ въ коридоръ съ длиннымъ бумажнымъ шлейфомъ, оканчивавшимся

изображеніемъ свиньи, при чемъ довольные своей выдумкой ученики глупо потѣшались, говоря: «свинья идетъ».

Разумѣется, кто какъ могъ старались отдѣлаться отъ уроковъ строгаго нѣмца. Въ дни этихъ уроковъ среди учениковъ наблюдалась наибольшая заболѣваемость. Всѣ просились въ гимназическую больницу, чтобы только отвертѣться отъ нѣмца и не лишиться обѣда или субботняго отпуска.

Въ пріемной гимназическаго доктора въ эти дни собиралось десять — пятнадцать человѣкъ. У одного, оказывалось, былъ жаръ, у другого лихорадка, у третьяго — скверный пульсъ, у четвертаго общее недомоганіе. А настоящая причина всего - былъ страшный нѣмецъ.

Докторъ зналъ эту истинную причину всѣхъ заболѣваній и относился къ болѣющимъ крайне недовѣрчиво.

— У васъ что, Ивановъ?—обыкновенно спрашивалъ онъ.

Ивановъ корчилъ кислую гримасу и говорилъ:

— Жаръ у меня, лихорадка, позвольте остаться на день—два.

— А покажите языкъ.

Ивановъ показывалъ языкъ, только что намазанный мѣломъ.

— Языкъ плохъ,—говорилъ докторъ,—а дайте платокъ.

Ивановъ вынималъ носовой платокъ и докторъ вытиралъ имъ бѣлый языкъ ученика.

— Отправляйся въ классъ, — сердито рѣшалъ докторъ, — пусть тебя нѣмецъ наградитъ единицей.

Потерпѣвшій фіаско Ивановъ шелъ въ классъ на растерзаніе нѣмца или придумывалъ новую увертку: въ большомъ обѣденномъ залѣ гимназіи стояла громадная круглая печь. Вотъ за эту-то печь и прятался Ивановъ на время нѣмецкаго урока, нерѣдко находя за печкой еще двухъ или трехъ компаньоновъ, засѣвшихъ ранѣе его. Громадная печь всѣхъ скрывала.

Было еще одно спасеніе отъ страшнаго нѣмца — уйти въ карцеръ. Но какъ это сдѣлать? Ученикъ обыкновенно начиналъ съ того, что запасался для карцера какой нибудь книгой захватывающаго интереса. Уложивъ за голенищу сапога «Гостинницу семи повѣшенныхъ», романъ «Ножъ въ животѣ и руки въ крови или замокъ съ привидѣніями», онъ выжидалъ появленія воспитателя, и когда тотъ былъ близко, оралъ на весь классъ:

— Господа, устроимъ нѣмцу бенефисъ!

Воспитатель тотчасъ же отправлялъ безпокойнаго ученика въ карцеръ, гдѣ тотъ погружался въ чтеніе «Замка съ привидѣніями».

Такъ тянулась эта хотя и богатая эпизодами, но въ сущности тоскливая и однообразная гимназическая жизнь. Моего Васеньку товарищи обозвали «плаксой», такъ какъ онъ не принималъ участія въ шалостяхъ и его не разъ видѣли сгорбившимся у окна съ глазами полными слезъ. Онъ страшно скучалъ по родномъ домѣ, по своей такъ горячо любящей его матери и,

кажется, только и жилъ мыслью о ближайшей субботѣ, когда его отпустятъ домой и онъ вновь увидитъ ее.

Наканунѣ этой блаженной субботы я какъ-то увидѣлъ въ Васенькѣ еще большую перемѣну къ худшему.

— Что съ тобой,—участливо спросилъ я его,—вѣдь завтра отпускъ... завтра ты будешь дома...

— Нѣтъ, не буду,—отвѣчалъ онъ.

— Да почему же?

— Нѣмецъ зарѣзалъ, — проговорилъ Васенька и отвернулся отъ меня, очевидно, чтобы скрыть слезы.

Во мнѣ въ первый разъ поднялась злоба противъ этого нѣмца, не пощадившаго даже тихаго, робкаго Васеньку.

V.

Время, къ которому относится нашъ разсказъ, безвозвратно кануло въ вѣчность. Теперь новыя условія, иные порядки, но въ то время мы, воспитанники стараго учебнаго заведенія, находились въ очень суровой обстановкѣ. Воспитаніе намъ давали совсѣмъ спартанское. Главное, на что мы не безъ основанія претендовали, это то, что малѣйшая оплошность влекла жестокое наказаніе. Получилъ дурную отмѣтку — безъ отпуска, немного проспалъ утромъ—безъ отпуска, опоздалъ къ столу—безъ отпуска. Между тѣмъ, послѣ утомительнаго и несноснаго сидѣнья въ четырехъ стѣнахъ въ теченіе цѣлой недѣли — отпускъ домой на субботу и воскресенье представлялъ нѣчто необычайно-привлекательное, онъ только и скрашивалъ наше существованіе.

Въ пятницу вечеромъ воспитатель, приходя въ классъ на вечернія занятія, обыкновенно читалъ списокъ учениковъ, подлежащихъ отпуску. Многіе съ замираніемъ сердца ждали, когда-то будетъ произнесена ихъ фамилія и, конечно, ликовали, если имъ удавалось дождаться этого, или впадали въ уныніе, если оказывались въ числѣ провинившихся.

«Ну вотъ, слава Богу,—думаетъ ученикъ, дождавшійся прочтенія своей фамиліи,—и я пойду завтра въ отпускъ». Съ веселымъ чувствомъ онъ проводитъ вечеръ и ждетъ не дождется завтрашняго дня; иной считаетъ часы и минуты, а тутъ, глядишь, какъ на грѣхъ, въ самую субботу, въ послѣдній или предпослѣдній урокъ получаетъ единицу изъ нѣмецкаго, или изъ ариѳметики. «Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день»! — думаетъ раздосадованный гимназистъ, кляня жестокую судьбу. За субботу мы всѣ трепетали и терзались, и эти субботы развивали въ насъ ужасную нервность и впечатлительность.

Въ иныхъ случаяхъ пріунывшаго гимназиста выручали бойіе товарищи. Въ каждомъ классѣ всегда есть два — три чело-

вѣка, которые на всѣ руки мастера и ни передъ какимъ затрудненіемъ не остановятся.

— Слушай, — говоритъ такой товарищъ пріунывшему, — хочешь я тебя выручу?

— Что пустяки говоришь! — съ досадой отвѣчаетъ тотъ. — Какъ тутъ выручишь, коли единица стоитъ въ классномъ журналѣ.

— Эхъ, дуракъ ты, дуракъ, — отвѣчаетъ товарищъ... — Да вѣдь единицу только что поставили, воспитатель ее еще не видалъ?

— Не видалъ... Ну, такъ что жъ, увидитъ.

— А вотъ, когда увидитъ, такъ у тебя будетъ не единица а одиннадцать...

Улучивъ удобную минуту, сообразительный товарищъ беретъ журналъ и рядомъ съ поставленной единицей ставитъ другую, выходитъ 11. Горе какъ рукой сняло. Ученикъ, разумѣется, идетъ въ отпускъ.

Были ученики—не то чтобы ужъ совсѣмъ лѣнивые или неспособные, но которымъ просто не везло. Онъ выучитъ урокъ десять разъ подрядъ, и его не спросятъ, а въ одиннадцатый разъ случайно не выучилъ или иногда не успѣлъ выучить, усердно готовя другіе уроки, и, смотришь, его спросили и онъ получилъ нуль. За однимъ фіаско, какъ это и въ жизни бываетъ, слѣдуетъ другое, третье, и человѣкъ, подъ вліяніемъ неудачъ, охладѣваетъ къ дѣлу, теряется, падаетъ духомъ. Бываетъ, что ученику трудно дается какой нибудь предметъ—и онъ изъ единицъ и нулей не выходитъ. Такой ученикъ по долгу не видитъ отпусковъ и все существованіе его становится весьма безрадостнымъ.

Въ этихъ случаяхъ практиковался особенный пріемъ. Бойкіе ученики заявляли обыкновенно воспитателю:

— Пожалуйста, въ этотъ разъ вы ужъ меня не оставляйте безъ отпуска. Видите ли, особенный случай: дяденька изъ Сибири пріѣхалъ.

Воспитатель испытующе смотритъ на ученика:

— Какой дяденька?..

— Дядя мой,—повторялъ ученикъ,—онъ шесть лѣтъ не видалъ меня... Лучше ужъ въ другой разъ оставьте безъ отпуска.

Эта изобрѣтательность иногда выручала, и воспитатель «на этотъ разъ» соглашался отмѣнить наказаніе. Но подчасъ нужны были крайнія мѣры, чтобы добиться отпуска. Былъ одинъ ученикъ — мальчикъ лѣтъ 13-ти, немного испорченный, который пускался на большія хитрости. Онъ писалъ письмо воспитателю приблизительно слѣдующаго содержанія:

«Милостивый государь такой-то. Вѣроятно, мой сынъ, Сережа, по обыкновенію, оставленъ безъ отпуска. Пожалуйста, отпустите его домой — я самъ съ нимъ расправлюсь домашними средствами и отдеру его, какъ сидорову козу»...

Воспитатель, не подозрѣвая, что письмо писано самимъ Сереженькой, разрѣшалъ послѣднему отпускъ, при чемъ иногда съ оттѣнкомъ сожалѣнія прибавлялъ:

— Ахъ, Сережа, Сережа!.. Вы попросите вашего папашу, чтобы ужъ онъ не очень васъ того...

Слѣдовало поясненіе жестомъ...

Сереженька этотъ впослѣдствіи попался въ своихъ продѣлкахъ и его исключили изъ нашей гимназіи за тихіе успѣхи и за громкое поведеніе.

Вотъ при такихъ-то условіяхъ шла ученическая жизнь.

Какъ только воспитанники цѣлой гурьбой выходили изъ стѣнъ заведенія, такъ каждый изъ нихъ перерождался. Достаточно было вдохнуть въ себя свѣжій воздухъ улицы, чтобы тотчасъ же почувствовать, что гора сброшена съ плечъ.

Я обыкновенно выходилъ изъ гимназіи вмѣстѣ съ Васенькой и почти полдороги мы проходили вмѣстѣ, болтая о томъ, о семъ. Послѣ шастидневнаго заключенія Васенька, выйдя изъ дверей гимназіи, былъ обыкновенно на седьмомъ небѣ.

— Ты, Владиміровъ, что дѣлаешь сегодня? — спрашивалъ онъ меня.

— Не знаю,--отвѣчалъ я,—должно быть, буду дома, у тетки по субботамъ гости...

— А мы съ мамашей въ паркъ пойдемъ... мы живемъ около парка и по субботамъ всегда гуляемъ... Хорошо, знаешь, хоть немного забудешь эту противную гимназію. Только вотъ время ужасно летитъ дома... Завтра вечеромъ опять обратно. А скучно, братъ, въ четырехъ стѣнахъ...

— Да, не весело, — замѣчалъ я, вполнѣ раздѣляя его чувство.

Такъ мы доходили до двухъ-этажнаго дома на одной изъ тихихъ, безлюдныхъ улицъ. Въ одно изъ оконъ дома глядѣла мамаша Васеньки, поджидавшая его въ субботу и, должно быть, переживавшая не малыя волненія при мысли, что вдругъ ея Васеньку не отпустили. Она встрѣчала его со слезами радости и долго держала его въ объятіяхъ.

У дверей дома мы съ Васенькой прощались и онъ съ матерью скрывался въ низкой калиткѣ, а я шелъ дальше, къ центру города, къ шумнымъ улицамъ, въ одной изъ которыхъ въ прекрасномъ барскомъ домѣ жила тетка Клавдія Борисовна.

Въ одно изъ моихъ возвращеній домой я просто обомлѣлъ отъ неожиданности: только что открыли дверь, какъ я услышалъ столь знакомый и столь давно не слышанный мною голосъ бабушки Анны Константиновны.

— Ваня, голубчикъ, наконецъ-то я тебя увидѣла!.. — воскликнула она.

Добрая старушка заплакала отъ радости.

Оказалось, что она пріѣхала въ тотъ день утромъ... Успѣвъ [illegible]ть всѣ дѣла въ N—скѣ по продажѣ нашего дома, она по-

спѣшила къ своимъ любимцамъ—ко мнѣ и моему брату. Анна Константиновна весь вечеръ разсказывала намъ объ N—скѣ, о трогательномъ прощаніи съ родными и знакомыми, о томъ, какъ тяжело было ей порвать всѣ связи съ N—скомъ.

Я внимательно слушалъ ее, сочувствовалъ каждому ея слову и переносился мыслью къ золотымъ днямъ счастливаго дѣтства, проведеннаго въ этомъ далекомъ и чудномъ городкѣ.

Хорошо тому, у кого есть что вспомнить въ дѣтствѣ...

VI.

Въ періодъ расцвѣта просвѣтительныхъ идей, всѣхъ охватывала какая-то болѣзненная страсть къ «образованію» и «карьерѣ», именно болѣзненная, потому что она переходила всякіе разумные предѣлы. Маленькаго Сереженьку или Петеньку, который еще ложку мимо рта проносилъ, чадолюбивые родители прочили чуть не въ министры. Помѣщики и провинціалы продавали недвижимость и разорялись только затѣмъ, чтобы дать Сереженькамъ и Петенькамъ какое-то для самихъ родителей не вполнѣ ясное «блестящее образованіе» въ столичныхъ коллегіяхъ, открыть имъ—какъ они выражались—«широкую дорогу». То было время свѣтлыхъ намѣреній, давшихъ, однако, цѣлыя тучи интеллигентнаго пролетаріата, такъ какъ вышло перепроизводство образованныхъ, но ни къ какому живому, спеціальному дѣлу не пригодныхъ людей. Тогда умѣли готовить «къ карьерѣ», но не готовили къ требуемой жизнью живой, опредѣленной работѣ.

Васенька, съ которымъ меня свела судьба въ стѣнахъ нашей гимназіи, подобно мнѣ и нѣкоторымъ другимъ, принадлежалъ къ числу такихъ выходцевъ изъ провинціи, изъ деревни. Отецъ Васеньки, нѣкогда помѣщикъ, жившій въ полномъ достаткѣ, въ погонѣ за блескомъ столичнаго просвѣщенія, продалъ за безцѣнокъ усадьбу и привезъ жену и сына въ Петербургъ. Хлопоталъ онъ здѣсь два года, проживая маленькій капиталъ; въ самый разгаръ хлопотъ, жестоко занемогъ и умеръ, и ужъ послѣ его смерти вдовѣ, совершенно обѣднѣйшей, удалось кое-какъ пристроить своего Васеньку...

Не весело складывалась жизнь для этихъ двухъ существъ—матери и сына—брошенныхъ въ большомъ городѣ, безъ родныхъ, безъ друзей. Мать жила на послѣднія крохи былого состоянія, жила только для сына, котораго, однако, по цѣлымъ недѣлямъ не видѣла, а онъ, ея Васенька, перенесенный изъ уютнаго родительскаго гнѣзда въ суровыя казенныя стѣны, жестоко тосковалъ и никакъ не могъ привыкнуть къ своему новому положенію.

Какъ-то въ праздникъ я былъ въ гостяхъ у Васеньки, который очень обрадовался моему приходу.

— Ну, вотъ, Владиміровъ, я всегда говорилъ, что ты хорошій, не такъ какъ другіе... Какъ я радъ, что ты пришелъ.

— А чѣмъ же другіе-то не хороши?—спросилъ я его...

— Обидчики, забіяки... Ни съ кѣмъ изъ нихъ и не тянетъ подружиться... Ты вотъ одинъ такой добрый...

— Ну, ужъ не хвали,—конфузливо говорилъ я, видя, что и мать Васеньки начинаетъ такъ ласково и привѣтливо смотрѣть на меня, точно я и въ самомъ дѣлѣ ни вѣсть какой хорошій.

— Онъ у меня робкій мальчикъ, — говорила мать про Васеньку,—вы ужъ, если что, заступитесь за него, не давайте его въ обиду.

По тону старушки можно было угадать, что переживала она вообще, какъ волновалась за своего Васеньку.

— Я тоже не изъ храбрецовъ,—отвѣчалъ я, — но Васенька и самъ не долженъ давать себя въ обиду...

— Ахъ, нѣтъ,—съ сострадательнымъ выраженіемъ лица перебивала мать,—онъ такой тихій. Его каждый обидитъ.

Васенькина мамаша жила очень бѣдно. Тогда я хорошо не понималъ, что значитъ «бѣдно». Есть счастливый возрастъ, когда и бѣдность, и богатство, — звукъ пустой... Но бѣдность тѣмъ не менѣе сказывалась: крохотная квартирка въ двѣ низенькихъ, тѣсныхъ комнатки не свидѣтельствовала о достаткѣ. Тутъ еле можно было повернуться.

На время отпуска, вѣроятно, чтобы мы, ученики, не слишкомъ баловались, намъ всегда задавали уроки. Мы съ Васенькой часто дѣлали такъ, что готовили урокъ вмѣстѣ у него дома и затѣмъ отъ него отправлялись въ нашу милую гимназію, куда требовалось явиться въ воскресенье ровно въ 8 часовъ вечера... Опозданіе, хотя бы на 5 минутъ, считалось вольностію и, всеконечно, наказывалось.

— А кто сегодня дежурный? — спрашивалъ у меня Васенька, когда мы подходили къ гимназіи, готовясь предстать предъ очи дежурнаго воспитателя.

— Не знаю,—отвѣчалъ я,—а что?

— Да вѣдь мы немного опоздали, минутъ на десять.

Это хорошаго не предвѣщало, но если былъ дежурнымъ Иванъ Григорьевичъ Скрипкинъ, кажется, единственный во всей гимназіи вполнѣ снисходительный и добрый воспитатель, то можно было надѣяться, что мы избѣгнемъ наказанія и не лишимся за недѣлю перспективы будущаго отпуска.

И вотъ, подойдя къ гимназическимъ дверямъ, мы сильно волновались. Съ такимъ же волненіемъ мы проходили длинный и пустой церковный корридоръ, въ которомъ глухо отдавались шаги, и дойдя до поворота въ другой столь же длинный корридоръ, прислушивались: чей голосъ слышенъ вдали: какой воспитатель дежуритъ? Мы были въ восторгѣ, когда слышался го-

лось Скрипкина, и сердца наши бились уже не тревожно, а радостно.

— Дѣти!—встрѣчалъ насъ Скрипкинъ, старикъ, только по внѣшности сердитый и хмурый:—что вы опаздываете?

— Ужъ извините. Иванъ Григорьевичъ,—говорили мы,—старались поспѣть, спѣшили.

— Ну то-то, старались... Попробуйте у меня другой разъ опоздать — такъ будетъ вамъ нагоняй! — заканчивалъ Скрипкинъ.—Идите спать!..

Скрипкинъ не былъ злопамятенъ и опаздывать у него можно было не только въ другой, но и въ десятый разъ.

Никто, однако, нарочно не злоупотреблялъ снисходительностью Скрипкина, такъ какъ дѣти умѣютъ цѣнить доброту.

Опустѣвшіе въ субботу корридоры гимназіи въ воскресенье вечеромъ вновь оживали. Толпа гимназистовъ съ неистовымъ шумомъ устраивалась на ночлегъ. Шли разговоры и разсказы о домашнемъ времяпровожденіи, происходилъ обмѣнъ впечатлѣній, раскладывались привезенные изъ дому съѣстные припасы и сладости и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщалось кое-что о предстоящихъ завтра урокахъ.

— Ты, Владиміровъ, сдѣлалъ французскій переводъ?—спрашивалъ у меня кто-нибудь изъ одноклассниковъ.

— Сдѣлалъ, а тебѣ что?

— Дай мнѣ завтра списать, я, братъ, принесъ провизіи, такъ кое-что удѣлю за услугу. Что хочешь: два бутерброда съ телятиной или три яблока?

Я только что готовился отвѣтить, какъ меня перебивали:

— Слушай,—говорилъ обладателю провизіи гимназистикъ Митюковъ, большой любитель дарового угощенія,—не бери перевода у Владимірова, лучше возьми у меня, а въ задатокъ давай-ка сейчасъ пару яблокъ...

Въ другомъ углу шелъ подобный же разговоръ:

— Ты, Хвостиковъ, рѣшилъ ли задачу № 31?.. Дай, голубчикъ, списать...

— А что мнѣ за это?..

— Я съ тобой подѣлюсь сыромъ и колбасой...

— Ну, ладно... Только вотъ что: ты смотри подсказывай мнѣ на урокѣ географіи, я въ книжку не заглядывалъ...

Точно рой пчелъ жужжалъ подъ сводами громадной комнаты, служившей спальней. Разговоры тянулись бы безъ конца, но то и дѣло появлялась въ дверяхъ фигура воспитателя, который покрикивалъ:

— Тише вы тутъ, чего разболтались!.. Пора спать!..

Часу въ десятомъ, а то и въ одиннадцатомъ, разговоры понемногу затихали и длинная комната обращалась въ сонное царство.

Воспитатель въ послѣдній разъ обходилъ нескончаемые ряды

кроватей и направлялся въ свою комнату, гдѣ ждалъ его стаканъ чаю, скромный ужинъ и газета или книжка.

VII.

Шли годы... Это въ дальнѣйшей жизни они летятъ, а въ гимназическихъ стѣнахъ они мучительно-медленно ползли... Безъ особенно пріятнаго чувства вспоминаешь эти годы... Старый суровый гимназическій режимъ не оставилъ по себѣ хорошей памяти. Жизнь въ четырехъ стѣнахъ, угрюмыя лица воспитателей даже на разстояніи, созданномъ годами, сливаются въ унылую картину. Мало мы видѣли въ этихъ стѣнахъ людей, которые умѣли расположить насъ къ себѣ и затронуть лучшія стороны нашихъ живыхъ, впечатлительныхъ натуръ. Молодежь, одурѣвъ въ казенныхъ стѣнахъ, искала развлеченій въ проказахъ и куралесила напропалую. «Бенефисы» нелюбимымъ наставникамъ получали все большія права гражданства: при появленіи ихъ въ классѣ ихъ встрѣчали невообразимымъ грохотомъ падающихъ пюпитровъ...

Однажды только что мы начали кричать: «сегодня бенефисъ нѣмцу» и другіе съ удовольствіемъ подхватывали: «бенефисъ... Сегодня бенефисъ нѣмцу», какъ на порогѣ класса появился старикъ съ гладко расчесанными сѣдыми баками и добрыми, кроткими, но въ эту минуту сердитыми глазами. Это былъ директоръ гимназіи Малиновичъ. Шумъ падающихъ пюпитровъ мгновенно смолкъ и въ водворившейся разомъ тишинѣ былъ слышенъ полетъ мухи. «Народъ безмолвствовалъ». Раздавался только мягкій, бархатный голосъ директора, со столь привычными методическими удареніями на каждомъ словѣ.

Орава школьниковъ, приводившая въ ужасъ нелюбимаго педагога, стояла на вытяжку какъ одинъ человѣкъ, стоявшіе впереди даже поблѣднѣли.

— Вы, милые мои, забылись, — говорилъ между тѣмъ директоръ. — Что это такое?.. Кто кричалъ — пусть выйдетъ впередъ!

Гробовое молчаніе. Никто не выходилъ, такъ какъ зачинщики и шалуны всегда прятались въ массѣ.

— Весь классъ безъ отпуска!—коротко говорилъ директоръ и уходилъ.

Но такіе случаи были рѣдкими. Вообще появленіе директора даже еще въ сосѣднемъ корридорѣ всячески предупреждалось зоркими учениками. «Директоръ»... «директоръ»—передавалось изъ конца въ конецъ и все классное населеніе приходило въ нервное возбужденіе, воздухъ насыщался электричествомъ. Когда директоръ прошелъ и скрылся, то изъ всѣхъ грудей вырывался глубокій вздохъ облегченія.

Наказаніе безъ отпуска было дѣйствительно ужаснымъ наказаніемъ. За недѣлю шума и гама каждый ученикъ такъ одурѣетъ среди шалопаевъ-однокашниковъ, что провести день-другой въ тихой обстановкѣ семьи являлось положительно необходимостью. А тутъ или шалости товарищей, или собственныя упущенія, или дурной баллъ—и смотришь оставленъ безъ отпуска, т. е. пробудь субботу и воскресенье въ тѣхъ же опротивѣвшихъ четырехъ стѣнахъ. Это «безъ отпуска» доводило иныхъ воспитанниковъ до такого отупѣнія, что они совсѣмъ уже апатично относились ко всему на свѣтѣ и, конечно, и къ собственнымъ успѣхамъ въ наукахъ... «Все равно не минуешь этого «безъ отпуска»,—думалъ разочарованный. Но какъ же оживали тѣ, кому удавалось, наконецъ, вырваться въ отпускъ, какъ ясно смотрѣли они на Божій міръ, съ какой жадностью вдыхали въ себя воздухъ улицы. «Я иду въ отпускъ»! — говорилъ себѣ обрадованный школьникъ и не вѣрилъ своей мечтѣ. Педагоги-рутинеры не понимали, какое орудіе было въ ихъ рукахъ, иные готовы были весь годъ продержать ученика безъ выхода, если только представлялась какая нибудь причина къ тому. Вотъ тут-ъто и сказывался замѣчательный тактъ нашего директора, который далеко не всегда бывалъ суровъ. Относясь строго къ массѣ онъ былъ добръ и снисходителенъ къ каждому юношѣ въ отдѣльности. Онъ понималъ чуткую натуру ученика, и мягкое сердце директора какъ-то всегда откликалось въ тѣхъ случаяхъ, когда этотъ откликъ былъ особенно необходимъ. Онъ разрѣшалъ отпускъ иногда даже такимъ безуспѣшнымъ, которыхъ воспитатели считали «погибшими».

Воспитанникъ, чувствующій себя болѣе или менѣе правымъ или которому уже не въ моготу было это удручающее состояніе «безъ отпуска», объявлялъ:

— Я иду къ директору!

И почти всегда онъ возвращался радостный, возрожденный, и, помахивая въ воздухѣ запиской директора, за версту кричалъ:

— Отпустилъ... отпустилъ!..

Аудіенція у нашего директора не была продолжительна.

— За что вы оставлены?—спрашивалъ онъ ученика.

Виновный пояснялъ.

Пристальный взглядъ директора въ лицо «преступному», краткое назиданіе и... многогрѣшный преступникъ благословляетъ въ душѣ своего гуманнаго директора. Малиновичъ былъ педагогъ рѣдкой чуткости. Ученики его боялись, но любили его. Воспитательскій и учительскій персоналъ уважалъ его и старался примѣняться къ его требованіямъ—всегда мягко изложеннымъ и сказаннымъ кратко, безъ повышенія голоса.

Мы, воспитанники, положительно не помнили случая, чтобы нашъ директоръ кричалъ или очень сердился. Кажется, этого и

не было. Но уже малѣйшее повышеніе голоса этого добраго директора производило должное впечатлѣніе.

VIII.

БЫЛА весна—самая несчастная пора для насъ, школьниковъ... Мы лихорадочно готовились къ экзаменамъ, переходя въ пятый классъ... Это знаменовало нѣкоторый переломъ въ нашей жизни: до пятаго класса мы жили въ какомъ-то юношескомъ снѣ, машинально учились, машинально сдавали уроки, по привычкѣ развлекались проказами, а тутъ начиналась сознательная жизнь—мы дѣлались молодыми людьми, у насъ появлялись мечты, разсчеты, начинались серьезные разговоры о будущемъ... Кто готовился въ училище, кто въ спеціальные классы, кто воображалъ себя офицеромъ, или чиновникомъ особыхъ порученій... Иные товарищи собирались свернуть съ дороги и поступить въ высшія учебныя заведенія по избранной спеціальности...

— Я не пойду въ армію,—говорилъ басомъ юный Митюковъ, поправляя еле пробивавшіеся усы.—Въ арміи никакой карьеры... Будешь трубить гдѣ-нибудь въ глуши, въ захолустьи... Очень пріятно это, нечего сказать. У моего папаши хорошія средства. Махну въ гвардію... гвардейскій офицеръ всегда на виду, служба блестящая.

Стаялъ снѣгъ, зазеленѣли деревья. Въ воздухѣ запахло весной. Бѣлыя ночи глядѣли намъ въ окна спальни. По утрамъ весело грѣло солнце. Тянуло всѣхъ на просторъ, на воздухъ. Но мы съ ранняго утра долбили трудно дававшуюся намъ алгебру или тригонометрію, постигая премудрости синусовъ и косинусовъ.

Затыкая уши отъ стоявшаго въ корридорахъ шума и гама, я съ неистовствомъ изучалъ многосложную теорему, которой въ такой безпокойной обстановкѣ, на мой взглядъ, не постигъ бы и самъ Пиѳагоръ. Только что я вывелъ желанную формулу, какъ въ дверяхъ появилась фигура воспитателя, который крикнулъ на весь классъ:

— Владиміровъ, идите сюда!

Я бросилъ изучаемую премудрость и вышелъ въ корридоръ. Воспитатель нѣсколько озабоченно сказалъ мнѣ:

— Владиміровъ... Можете взять съ собой книги и идите домой... Тетка ваша пишетъ, что вашъ братъ заболѣлъ...

«Что такое съ бѣднымъ Сережей»?—подумалъ я.—Мы видѣлись съ нимъ недавно... Хотя судьба насъ и разлучила и онъ попалъ въ другое учебное заведеніе, но мы встрѣчались съ нимъ [illegible]ій праздникъ въ домѣ тетки Клавдіи Борисовны. Сережа, [illegible] я, долго скучалъ по нашемъ Н—скѣ, по бабушкиномъ

домѣ, тяжело прывыкалъ къ закрытому учебному заведенію, но, конечно, годы и привычка брали свое... Мы втянулись уже въ эту сѣрую грубоватую ученическую жизнь закрытыхъ гимназій... У тетки во время отпуска мы немного отдыхали отъ шума, гама и гимназической сутолки, но, конечно, не чувствовали себя у ней въ домѣ такъ хорошо, какъ это было въ Н—скѣ.

Когда я пришелъ въ квартиру тетушки, то засталъ тамъ суету и переполохъ. Въ комнату, гдѣ лежалъ больной братъ, потихоньку входили и выходили оттуда на цыпочкахъ. Меня встрѣтила бабушка Анна Константиновна и, горячо обнявъ меня, сказала вполголоса:

— Бѣдный Сережа такъ захворалъ... плохо ему... онъ такъ прекрасно учился... Блестяще сдалъ всѣ экзамены... вѣрно надорвался. Ты съ нимъ не разговаривай... онъ безъ памяти.

Я замѣтилъ, что на глазахъ бабушки блестѣли слезы.

Высокій докторъ въ золотыхъ очкахъ, выйдя изъ Сережиной комнаты и прощаясь съ теткой, говорилъ ей на ходу:

— Положеніе серьезное... Несомнѣнно воспаленіе мозга... Не знаю, чѣмъ это разрѣшится... Если вы замѣтите ухудшеніе, дайте скорѣе мнѣ знать...

Когда я вошелъ въ Сережину комнату, то въ ней былъ полумракъ. Шторы были опущены. Около широкаго дивана стоялъ столикъ со стклянками, коробочками, рецептами. На диванѣ я я увидѣлъ безпомощно раскинувшагося Сережу. Я не сразу узналъ его: сильно похудѣвшее лицо его казалось восковымъ, безжизненнымъ. Глаза были закрыты. «Точно мертвый»!—подумалъ я. Мнѣ стало невыразимо жаль брата. Еще недѣлю, двѣ назадъ мы играли съ нимъ, ссорились.

Въ сосѣдней комнатѣ всѣ говорили шопотомъ.

— Бѣдный мальчикъ. Какъ онъ сразу заболѣлъ... Докторъ полагаетъ, что насталъ кризисъ... Богъ дастъ, мы еще выходимъ Сережу...

Перспектива близкихъ экзаменовъ пугала меня и, пріютившись въ теткиной спальнѣ, я засѣлъ за учебники. Ночью мнѣ приснились экзаменъ и мудреная геометрическая теорема, которую я никакъ не могъ одолѣть... Экзаменаторъ сверкалъ глазами и потрясалъ въ воздухѣ классныжъ журналомъ... Я перепугался, что-то напуталъ въ теоремѣ и онъ мнѣ поставилъ единицу... «Зарѣзалъ»,—пронеслось сквозь сонъ у меня въ умѣ,—я не перейду въ пятый классъ. Теперь все кончено... Все кончено!—услышалъ я голосъ тетки.—Все кончено!—говорилъ сердитый и огорченный отецъ.—А бабушка Анна Константиновна горько плакала, повторяя: «все кончено, все кончено»!

Я проснулся въ лихорадочномъ жару... И что же? Я дѣйствительно слышу, какъ говорятъ въ сосѣдней комнатѣ: «Все кончено»! Тамъ суета и бабушка Анна Константиновна дѣйствительно плачетъ.

— Что же,—это въ тревогѣ думаю я, и стараюсь опомниться,

придти въ себя отъ страшнаго сна и слышу послѣднія слова бабушки:

— На все Божья воля...

На утро готовилось печальное пробужденіе: бѣдный Сережа ночью умеръ, я увидѣлъ его уже лежащаго на столѣ, блѣднаго, съ восковымъ лицомъ, почти такимъ, каково оно было наканунѣ. Въ домѣ была тревога и уныніе.

Грустно сдѣлалось мнѣ.

«Бѣдный Сережа»!—думалъ я и горько плакалъ.

Всѣ въ домѣ: тетка, отецъ, бабушка суетились около маленькаго покойника. Приходили чужіе люди. Пришли: священникъ, дьячекъ. Тяжелыя минуты переживали всѣ мы. А лежавшая на столѣ связка книгъ напоминала мнѣ о предстоящемъ экзаменѣ. Наперекоръ моимъ чувствамъ, при общемъ плачѣ, я садился изучать столь противорѣчащую трогательной и печальной минутѣ мудреную теорему.

Черезъ два дня происходила церемонія похоронъ... Маленькій гробикъ, изъ котораго смотрѣло желтое, измученное лицо Сережи, былъ вынесенъ въ церковь... Сережина комнатка опустѣла—точно въ ней никто и не жилъ.

«Какъ все быстро случилось»,—думалъ я и въ послѣдній разъ въ церкви поцѣловалъ холодный лобикъ Сережи. Крышка гробика захлопнулась.—Прощай, Сережа!

Отца я видѣлъ всѣ дни разстроеннымъ, со слезами на глазахъ. Тетушка Клавдія Борисовна и бабушка были въ черныхъ траурныхъ платьяхъ. Бабушка даже осунулась отъ горя и измѣнилась.

Мы проводили брата на кладбище, оно зеленѣло новой травою... Свѣтило солнце, щебетали птицы... Кругомъ было такъ радостно и хорошо... Въ воздухѣ чувствовалась весна, жизнь. Голубое небо нѣжно и привѣтливо глядѣло на насъ. «Ты ничего этого уже не видишь, бѣдный Сережа»,—мысленно говорилъ я.

Старый священникъ надтреснутымъ голосомъ поминалъ «отрока Сергія». Пѣвчіе со свѣжими молодыми голосами пропѣли послѣднія молитвы... Набѣгавшій вѣтерокъ разносилъ по сосѣднимъ крестамъ и могиламъ мягкія, голубыя волны ладона... Маленькій гробикъ, тихо поднявшись надъ зеленымъ ковромъ кладбища, такъ же тихо опустился среди молодой травы и выглядывавшихъ изъ-за могильныхъ оградъ вѣтокъ кустарника въ песчано-глинистую яму, гдѣ играли на днѣ отсвѣты солнца.

— Прощай, Сережа... Прощай, милый! Прости наши ссоры, наши шалости...

Я не плакалъ громко, но слезы какъ-то сами собой текли по щекамъ.

На другой день былъ экзаменъ, который я выдержалъ благополучно.

Началось лихорадочное приготовленіе къ послѣдующимъ экза-

менамъ. На очереди была физика, потомъ исторія, географія. Этихъ послѣднихъ я не боялся. Послѣ физики точно гора свалилась съ плечъ. За остальными баррикадами открывалась перспектива каникулъ. Насталъ счастливый день послѣдняго экзамена. Съ радостнымъ чувствомъ выпорхнули я и мои сотоварищи на свѣтъ божій. Блаженный двухъ-мѣсячный отдыхъ улыбался намъ въ блескѣ весны. Боже, сколько отдыха было впереди и отъ научныхъ премудростей, и отъ гимназическаго шума и гама... Сколько свободы, сколько лѣтнихъ удовольствій...

Въ домѣ тетушки Клавдіи Борисовны послѣ смерти Сережи стало грустно... Мы поспѣшили уѣхать на дачу; я тамъ вспоминалъ Сережу. Я былъ одинъ, безъ сверстника и друга... Сережа унесъ съ собой свой веселый смѣхъ, свою рѣзвость...

Бабушка Анна Константиновна долго со слезами на глазахъ вспоминала своего милаго внучка.

Промчалось лѣто. Осенью я былъ въ тѣхъ же гимназическихъ стѣнахъ. Не знаю почему, но онѣ мнѣ показались немного иными. Товарищи мои вполнѣ серьезно разговаривали о близкомъ будущемъ, о предстоящей карьерѣ, безошибочно высчитывали дни, остающіеся въ казенныхъ стѣнахъ до окончанія курса. Воспитатели и учителя разговаривали съ нами какъ-то солиднѣе и выслушивали внимательнѣе наши мечты и наши планы.

Въ этихъ мечтахъ прошла зима... Черезъ два года мы оканчивали курсъ.

Что сказать объ этихъ годахъ. Они были разумнѣе всего ранѣе пережитаго въ гимназіи... Занятія сдѣлались сознательнѣе... успѣхи удачнѣе. Только классъ нашъ осиротѣлъ: изъ 35 учениковъ, дотянули лямку до выпуска только 20... Другіе отстали, позадержались въ дорогѣ... Въ числѣ отставшихъ былъ и другъ мой Васенька, съ которымъ, очутившись въ разныхъ классахъ, мы уже рѣже видѣлись...

Вотъ приблизились и послѣдніе выпускные экзамены... Такая же прекрасная весна. Мы вздохнули въ этотъ разъ полной грудью: передъ нами была новая свободная дорога... Мы выходили «въ жизнь».

Какъ-то она встрѣтитъ насъ, эта жизнь?! Конечно, инымъ улыбнулась, другимъ нѣтъ... Многихъ судьба научила новой наукѣ... наукѣ жизни, о которой намъ не говорили въ гимназіи, къ которой насъ не готовили. Явились запросы, тревоги, заставшіе насъ врасплохъ. И всѣхъ насъ разбросало въ разныя стороны... Всесильный случай помогалъ однимъ, топилъ другихъ. Пережитые годы дѣтскаго труда, испытаній, изобилія книжной премудрости отходили на разстояніе... Пошли ли они, эти годы, на пользу?.. Можетъ быть, не знаю... Всѣ мы потомъ переучивались въ жизни, и счастливъ былъ тотъ, кто узналъ живое дѣло, живой трудъ и овладѣлъ имъ. Изобиліе отвлеченной премудрости съ годами забывалось, какъ лишнее...

Въ вѣчной толчеѣ жизни годы летѣли, а не ползли, какъ въ гимназіи. Новыя встрѣчи, новыя отношенія... И все старое теряло цѣну... Гдѣ-то вы, былые товарищи... Встрѣтимся мы или нѣтъ...

Со времени, къ которому относится нашъ разсказъ, прошли десятилѣтія... Отжившія понятія смѣнились новыми. Одни дѣятели просвѣщенія уходили въ могилу, другіе являлись на смѣну. Послѣ долгихъ лѣтъ мы увидѣли зарю новой жизни и не въ безднахъ только книжной премудрости, а въ сердечномъ попеченіи о юношествѣ...

Прощай былое!.. Съ легкимъ сердцемъ говоришь о томъ, что миновало...

Golitsyn, Dmitrii P

Кн. Голицынъ (Муравлинъ)

Сонъ Услады.

Ты насъ учи успѣхамъ зарубежнымъ,
Чужого жь строя къ намъ не приноси,
Хулителемъ безсмысленно-мятежнымъ
Того, что Богъ посѣялъ на Руси.
Себя въ обычай мертвый не зароемъ,
Но продавать не станемъ старины...
Русь создалась своимъ домашнимъ строемъ,
Имъ дорожить, что кладомъ, мы должны!

Сонъ Услады.

Сказка-шутка въ трехъ дѣйствіяхъ (въ третьемъ дѣйствіи три картины).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ДОРОДА.

ШУМИХА, ЕГО ЖЕНА.

УСЛАДА, ЕГО ДОЧЬ.

ПРИПѢВА.

ЛЮБОСЛАВЪ.

УДАЛЪ.

МОШНА.

ДУКА.

МИКЕЛЕ.

РОЗИНА.

ДОМОВОЙ.

ЛѢШІЙ.

РУСАЛКА.

НЯНЯ.

КРАСНЫЯ ДѢВИЦЫ И РУСАЛКИ.

ДѢЙСТВІЕ I.

Густой садъ.—Сосны, березы.—Въ глубинѣ сцены протекаетъ рѣка.—Направо теремъ съ крыльцомъ.—Понемногу темнѣетъ.

За сценой поютъ КРАСНЫЯ ДѢВИЦЫ.

Землю дымкой пеленаючи,
Ночка близится прохладная,
Ночка лѣтняя, отрадная,
Соловьями припѣваючи,
Да со звѣздочками яркими,
Что горятъ на небѣ, ясныя...
Истомились дѣвки красныя
Днями длинными, да жаркими.

ДОМОВОЙ (*осторожно появляется на крыльцѣ*).

Никакъ домой идутъ... И то пора!
Соскучился безъ нихъ я. Право, дома
Играли бы!

ЛѢШІЙ (*съ длинной бородой, качается на вѣтви сосны*).

Что въ теремѣ игра!
Въ глухихъ стѣнахъ тоска возьметъ, истома!
Вотъ у меня въ развѣсистомъ саду
Для дѣвицы—широкое раздолье,
И птичкамъ и красавицамъ приволье!
Гуляй себѣ!

ДОМОВОЙ (*угрюмо*).

Да наживай бѣду!
Небось глядѣть за дѣвками не станешь...
Иль заведешь боярышню въ оврагъ,
Иль дикимъ лаемъ няню ты обманешь...
Ты шаловливъ.

ЛѢШІЙ (*самодовольно*).

А дѣвицамъ не врагъ.
Люблю пугнуть, но злобы не имѣю.
Затѣйливъ я.

ДОМОВОЙ.

На всякую затѣю.

ЛѢШІЙ (*шутливо*).

Ступай домой!

ДОМОВОЙ.

Иди въ свое дупло!

ЛѢШІЙ.

За печку брысь! Смотри, еще свѣтло!
Такихъ какъ ты пускаютъ только къ ночи,
Чтобъ у людей съ тоски не ныли очи.

ДОМОВОЙ.

А ты красивъ?

ЛѢШІЙ.

Вѣстимо.

ДОМОВОЙ.

Помело.
Не борода!

ЛѢШІЙ.

А ты ея короче.

РУСАЛКА (*показывается у берега*).

Тише, тише, не бранитесь... Не спугните мира прочь!
День былъ жарокъ, пусть же будетъ все спокойно въ эту ночь.
Тонкой струйкой зародившись, разростается ручей,
По дорогѣ принимаетъ воды свѣтлыя ключей.
Онъ становится рѣкою, шумно катится по дну,

Уходя все дальше, дальше, въ ширину и глубину.
Онъ—рѣка, и я въ немъ дома, пѣсню звонкую пою,
И рѣка уноситъ къ югу пѣсню звучную мою.
Тамъ, далеко за лѣсами, плещетъ море-океанъ,
Море старое, сѣдое, море диво-великанъ.
Пѣснь мою оно услышитъ и повторитъ берегамъ,
И пойдетъ по странамъ дальнимъ шумъ веселый, звонкій гамъ.
Тамъ узнаютъ про Усладу, про красавицу княжну.
Этой пѣсней злыя чары старой вѣдьмы я спугну.
Ты же лѣшій, будь мнѣ въ помощь, будь мнѣ въ помощь, домовой,
Чтобъ княжна бѣды не знала, не поникла головой.

ДОМОВОЙ.

Затѣйница!.. Какъ будто въ пѣсняхъ дѣло!
Ты слышала про свадьбу?

ЛѢШІЙ.

Свадьбу?! Ну?
Скажи скорѣй, коль въ домѣ что приспѣло...

РУСАЛКА.

Повѣдай намъ.

ДОМОВОЙ.

Усладу за Мошну
Знать выдаютъ. Не вѣдаетъ Услада.
Я слышалъ какъ съ Дородой поутру
Шумиха говорила.

ЛѢШІЙ.

Ой, не надо!
Онъ глупъ и старъ.

РУСАЛКА,

Да правда-ль?

ДОМОВОЙ.

Я не вру.

РУСАЛКА.

А я въ мужья ей прочу Любослава.

ЛѢШІЙ.

Хочу и я по твоему.

ДОМОВОЙ.

Удалъ
Еще тутъ есть...

РУСАЛКА.

О немъ худая слава.

ЛѢШІЙ.

А онъ красивъ?

ДОМОВОЙ.

Его я не видалъ.
(*Пѣнье приближается*).

ЛѢШІЙ.

Въ кусты (*скрывается*).

РУСАЛКА.

На дно (*скрывается*).

ДОМОВОЙ.

За печку!.. Скучно, право!
Поговорилъ бы всласть. Молчать усталъ (*уходитъ въ домъ*).
(*стало темно. Луна свѣтитъ. Пѣнье совсѣмъ близко*).

Входятъ слѣва КРАСНЫЯ ДѢВИЦЫ, *съ ними* УСЛАДА И ПРИПѢВА (*поютъ*).

Землю дымкой пеленаючи,
Ночка близится прохладная,
Ночка лѣтняя, отрадная,
Соловьями припѣваючи,
Да со звѣздочками яркими,
Что горятъ на небѣ, ясныя...
Истомились дѣвки красныя
Днями длинными, да жаркими.

(КРАСНЫЯ ДѢВИЦЫ *уходятъ въ теремъ, за ними* НЯНЯ *пришедшая слѣва послѣ нихъ. На сценѣ остаются* УСЛАДА И ПРИПѢВА).

УСЛАДА.

Припѣва...

ПРИПѢВА.

Что?

УСЛАДА.

А ночка-то пришла...

ПРИПѢВА (*лукаво*).

Пришла...

УСЛАДА.

И все не видно Любослава!

ПРИПѢВА.

Придетъ еще. Ты погоди.

УСЛАДА.

Я, право,
Коль не придетъ онъ, буду очень зла.

ПРИПѢВА.

Подкрадется,—ты будешь очень рада.

УСЛАДА.

А скучно мнѣ, Припѣвушка.

ПРИПѢВА (*укоризненно*).

Услада...

Не могу я скучать, я не знаю тоски.
Посмотрю на веселую зыбку рѣки,
Посмотрю на цвѣты полевые...
Подмигнетъ мнѣ звѣзда, свиснетъ птица въ лѣсу,—
Все про радость твердитъ, про веселье-красу,
Точно сказку я слышу впервые.

УСЛАДА.

Слышу и я эти сказки завѣтныя...
Лѣсъ говоритъ и со мной...
Птицы поютъ свои пѣсни привѣтныя,
Звѣзды мнѣ шлютъ свои взгляды отвѣтные,
Воды щебечутъ волной...
Все это пѣсня, но пѣсенка томная,
И я сама, точно птичка бездомная,
Тихую пѣсню пою.
Сказки мнѣ дороги только печальныя,
Нашихъ бесѣдушекъ гостьи опальныя...
Грустныя пѣсни люблю.

ПРИПѢВА.

А я скажу, по мнѣ какъ ни толкуй,—
Пѣснь весела, да сказка презабавна,
Коль пѣсни пѣть, то распѣвать исправно,
Коль поцѣлуй, такъ звонкій поцѣлуй!
Одѣлась ты, такъ бусы понавѣшай!
Пустилась въ плясъ,—не бойся ты упасть.
А засмѣялась—смѣйся громко, всласть,
Чтобъ за тобой смѣяться сталъ и лѣшій!

УСЛАДА.

Мнѣ Любославъ такъ милъ...

ПРИПѢВА (*шутливо*).

А не Мошна?

УСЛАДА.

Ну, не пугай...

ПРИПѢВА.

Онъ такъ и пялитъ очи,
Какъ на тебя глядитъ. Смѣшно! Нѣтъ мочи
Смотрѣть на то. Не говорить бы къ ночи,
А вѣдь женихъ.

УСЛАДА.

Иль буду я жена
Милого, иль въ могилу! Скучно, скучно,
Припѣвушка... На что мнѣ соловей,
Зачѣмъ поетъ онъ пѣсни сладкозвучно,
Коль радости мнѣ не видать своей!

НЯНЯ (*выходитъ на крыльцо, спускается въ садъ*).

Искала я, насилу доискалась.
По всѣмъ угламъ, по саду я металась,
А вотъ ты гдѣ!.. Пора, голубка, спать... (*зѣваетъ*).

ПРИПѢВА.

Не рано ли?

НЯНЯ.

Тебѣ бы все порхать!

УСЛАДА.

Ночь такъ тиха.

НЯНЯ.

И намъ утихнуть надо (*зѣваетъ*).
Идемъ, моя красавица Услада...

УСЛАДА (*тихо Припѣвѣ*).

Уйми ее...

ПРИПѢВА.

Ты, няня, погоди...
Присядь сюда. Послушай. Посиди.
Не мало ты мнѣ сказокъ разсказала,
Теперь тебѣ повѣдаю одну,
Такую, что порадуешься...

НЯНЯ.

Ну?
Всѣ сказки отъ меня же ты слыхала...
Пустое ты задумала (*зѣваетъ*).

ПРИПѢВА.

Постой.

Присядь (*отводитъ ее въ сторону, сажаетъ подъ деревомъ, спиной къ зрителю*).

Вотъ такъ. И слушай. Сказки той
Навѣрно ты не знаешь...

НЯНЯ.

Это дѣло,
Чтобъ курицу учить яйцо хотѣло.

(*Услада и Притьва садятся у ея ногъ, лицомъ къ зрителю*).

ПРИПѢВА.

Сказка—дѣло не простое,
Сказка—дѣло не пустое...
Съ нею не шути.
Лишь такое слово красно,
Что промолвишь не напрасно...
Какъ его найти?
Лѣсъ дремучій знаетъ слово
И хранитъ его сурово,
Изрѣдка шепнетъ.
Знаетъ слово чисто-поле,
Что раскинулось на волѣ...,
Кто его найдетъ?
Знаетъ слово мѣсяцъ. Только
Не повѣдаетъ нистолько.
Знаетъ и рѣка...
Какъ въ рѣкѣ искать я стану?
Я до дна вѣдь не достану,—
Очень глубока!

НЯНЯ.

Все присказка... Ты сказку зачинай...
(*зѣваетъ*).

ПРИПѢВА.

Съ присказки нѣтъ сказки, такъ и знай.

УСЛАДА (*тихо Припѣвѣ*).

Уснула бы...

ПРИПѢВА (*тихо Усладѣ*).

Уснетъ... Глаза какъ щели...
Не разбудить потомъ...

НЯНЯ.

Ну, что жъ?

ПРИПѢВА.

Ужели
Понравилась присказочка моя?
Такъ слушай же... Начну и сказку я.
Въ царствѣ славномъ и далекомъ,
Въ терему своемъ высокомъ
Дѣвица сидитъ...
Дни сидитъ, сидитъ и ночи
И сомкнуть не можетъ очи,
Все въ окно глядитъ

(*Дальше говоритъ нараспѣвъ, усыпляющимъ голосомъ*).

Вотъ, признаться, и не дѣло!
По ночамъ я-бъ не глядѣла,
Спать бы я пошла.
Въ сказкѣ ряда нѣтъ такого,
Чтобы съ перваго же слова
Дѣвица спала.
Спать ей хочется, болѣзной.
За рѣшеткою желѣзной
Ей глядѣть не въ мочь...
И глаза ужъ стали слабы...
Прилегла бы и спала бы,
Проспала-бъ всю ночь...

УСЛАДА.

Никакъ ужъ спитъ?

[illegible]

ДОРОДА.

Ну, не хвали. Съ великаго ума
И то зазналась... Видѣть непріятно.

МОШНА.

Потолковать бы...

ДОРОДА.

Все твердишь одно!
Чай, столковались.

МОШНА.

Дочку мнѣ просватай.

ДОРОДА.

Да такъ и будетъ, коли суждено.

ШУМИХА.

Ты самъ богатъ и тоже на богатой
Женился бы...

МОШНА.

Женюсь? Порѣшено?
А какъ насчетъ надѣлка?

ДОРОДА.

Будетъ ладенъ.

МОШНА.

Ой, такъ ли?

ДОРОДА.

Грѣхъ съ тобой. Твердить усталъ.
Надѣлкомъ не обманемъ!

МОШНА.

Я не жаденъ,
А знать хочу.

ШУМИХА.

Не жаденъ, а пристаръ!
Иль, думаешь, не справили надѣлка?
Однихъ мѣховъ хоть съ гору набросай:
Мѣдвѣдь, лиса, куница, заяцъ, бѣлка,
Боберъ сѣдой и пестрый горностай...
Вотъ покажу тебѣ, такъ подсчитай-ка.

МОШНА.

Вѣстимо, ты хорошая хозяйка...

ДОРОДА.

Да не хвали!

ШУМИХА.

Не праздная хвала!
Когда-бъ какъ ты я сиднемъ вѣкъ сидѣла,
То слуги всѣ не дѣлали бы дѣла.
Въ заботахъ я не нагуляла тѣла,
За всѣмъ съ утра я до ночи смотрѣла,
О прибыли заботилась...

ДОРОДА.

Пошла!
Внимать тебѣ—мой подвигъ многотрудный.
Когда-бъ не лѣнь, пошелъ-бъ отсюда прочь.

МОШНА.

Таковъ законъ, обычай нашъ разсудный:
Коль родилась у человѣка дочь,—
Откладывай отъ всякаго приплода
И животину всякую расти.
Въ стяжаньи правомъ ты не токмо года,
Но даже всуе дня не пропусти.
Ты заведи себѣ сундукъ причинной
И складывай все доброе туда.
Копи, трудись, безъ пользы нѣтъ труда.
Отъ каждой пряжи, краткой или длинной,

Ты складывай, не покладая рукъ,
Ты складывай въ причинной тотъ сундукъ.
Тамъ платье, тамъ рубашки, да вубрусы,
Ширинки, да мониста, святость, бусы...
Да складывай по малу, а не вдругъ,
Себѣ въ покой, а сердцу не въ досаду.

ШУМИХА.

Такъ надѣлить сумѣла я Усладу!

МОШНА.

Кто дщерь раститъ, тотъ вѣжеству учи
И наставляй, не покладая плети,
Понеже страхъ есть то, чѣмъ живы дѣти.
Коль крикнуть надо—голосомъ кричи,
Ученье правды бисеромъ мечи
Во весь размахъ десницы.

ДОРОДА.

Поздно стало.
Пора къ столу.

ШУМИХА.

И подадутъ не мало:
Лебяжій потрохъ, утки, журавли,
Рубцы, кундумы, курникъ, солонина,
Съ молокой почки, каша, кисели,
Съ грибками чапля, сычюги, лосина...

ДОРОДА.

Пойдемъ скорѣй.

МОШНА.

Потолковать бы...

ДОРОДА.

Ладно,
Поговоримъ за ягоднымъ медкомъ.
Послалъ бы Богъ спать до утра прохладно,
Позакусивъ ниспосланнымъ кускомъ.

(ДОРОДА, МОШНА *и* ШУМИХА *уходятъ въ терем*ъ).

(УСЛАДА *и* ПРИПѢВА *выходятъ изъ за кустовъ*).

УСЛАДА.

Ты слышала?

ПРИПѢВА.

Да, женишекъ на славу!

УСЛАДА (*горестно*).

Просватана!

ПРИПѢВА.

Ну, дѣло впереди.
Придумаемъ. Немного погоди.
Еще умомъ раскинемъ.

УСЛАДА.

Любославу
Я все скажу.

ПРИПѢВА.

Хоть не красивъ Мошна,
За то онъ старъ. Хоть не уменъ, а злюка.

УСЛАДА.

Противенъ онъ, шипящая гадюка!
Отнынѣ нѣтъ мнѣ радости, ни сна.

ПРИПѢВА.

А какъ про плеть онъ молвилъ! На него
Я-бъ всѣхъ плетей Руси не пожалѣла!
Придумалъ плеть для холенаго тѣла,
Ахъ, ты, Кащей!

(ЛЮБОСЛАВЪ *и* УДАЛЪ, *выходятъ изъ за деревьевъ*).

ЛЮБОСЛАВЪ.

Я друга своего
Привелъ съ собой. Посторожить.

УСЛАДА (*кидается къ Любославу*).

О! Милый,
Пропала я! Мошна, старикъ постылый,
Посвататься затѣялъ.

ПРИПѢВА.

Помолчи
Хоть къ ночи-то о страхѣ.

ЛЮБОСЛАВЪ.

Не кручи
Себя. Моей лишь быть тебѣ женою,
Коль будетъ нужно—справимся съ Мошною,
Я сватовъ самъ зашлю. А чѣмъ не сватъ
Лихой Удалъ? Мнѣ другъ онъ—словно братъ.
Прошу любить да жаловать Удала.

УСЛАДА.

Откуда онъ? Его я не видала.

ЛЮБОСЛАВЪ.

Два года былъ въ заморской сторонѣ...
Припѣва, съ нимъ посторожи немного.
Усладушка, а ты повѣдай мнѣ,
Какъ было...
(*Отходятъ съ Усладой*).

УДАЛЪ (*припѣвъ*).

Я прошу не очень строго
Судить меня. Еще невѣдомъ вамъ,
А ужъ вошелъ въ вашъ садъ, къ тому жъ не званный...
Но другъ просилъ, а дружескимъ словамъ
Внимаю, какъ указу.

ПРИПѢВА,

Что ты! Чванный
Какой! Пришелъ и ладно. Сторожи.
Вѣдь сторожъ ты!

УДАЛЪ.

Шутница!

ПРИПѢВА.

Не тужи,
Коль разсмѣшу. А лучше разскажи,
Откуда къ намъ пожаловалъ?

УДАЛЪ.

Въ Тосканѣ
Я пребывалъ.

ПРИПѢВА.

Въ Тосканѣ всѣ съ тоской
Небось? Живутъ тамъ люди—басурмане?
И то смотрю, что складомъ ты такой,
Какъ будто несуразный. И одежда
Забавная. А впрочемъ я невѣжда...
(*Отходятъ*).

УСЛАДА.

Звѣзды притихли и смотрятъ мнѣ въ очи...
Звѣзды, подруги прекрасныя ночи,
Будьте подругами мнѣ.
Вы научите Усладу злосчастную...

ЛЮБОСЛАВЪ.

Счастья не видно въ погоду ненастную,
Счастья ищи въ тишинѣ.
Будь ты покойна и вѣрь Любославу.

УСЛАДА.

Тяжко, какъ будто мнѣ дали отраву,
Сердце томится въ огнѣ.

ЛЮБОСЛАВЪ.

Сердцу ли русскому сохнуть въ печали!
Удаль насъ выручитъ, лишь бы молчали
Страхи лихіе въ тебѣ.
Счастье наступитъ, сердечно желанная,
Жизнь моя, издавна радостно жданная,
Счастіе—въ нашей судьбѣ.

УСЛАДА.

Въ дымкѣ неясной и темной грядущаго
Видно-ль спасенье отъ страха гнетущаго?

ЛЮБОСЛАВЪ.

Страха ты злого раба.
Нашей любовію оба сильны мы,
Ею отъ скорби и злобы хронимы

УСЛАДА.

Счастію быть не судьба!

ЛЮБОСЛАВЪ.

Не далека желанная отрада.

УСЛАДА.

Я молода. Мнѣ старика не надо,
Твои слова любовныя нужны.

ЛЮБОСЛАВЪ.

Ты хороша. Ты жизнь моя, Услада,
Не бойся ты негоднаго Мошны...
Онъ глупъ и старъ. Онъ слить желаетъ холодъ
И теплоту, морозъ и лѣтній жаръ.

УСЛАДА.

Какъ онъ противенъ мнѣ! Онъ глупъ и старъ.

ЛЮБОСЛАВЪ (*шутливо*).

Но было-бъ хуже, будь еще онъ молодъ...
Понравился-бъ, пожалуй.

(*Подходятъ* ПРИПѢВА И УДАЛЪ).

ПРИПѢВА.

Ничего
Не порѣшили?

ЛЮБОСЛАВЪ.

Нѣтъ еще.

ПРИПѢВА.

Со мною
Поговори (*Усладѣ, кивнувъ на Удала*). А ты возьми его,
Онъ разсмѣшитъ. (*Удалу*) Иди ты къ ней.

УДАЛЪ (*въ сторону*).

Иною
Я представлялъ себѣ ее (*любуется Усладой*).

(*Любославъ съ Припѣвой отходятъ. Припѣва оживленно ему что-то объясняетъ*).

УДАЛЪ (*подходя къ Усладѣ*).

Во мнѣ
Вы видите едва-ль не чужеземца.
Два года словно я провелъ во снѣ,
Въ Италіи... Я взялъ съ собою нѣмца
Заѣзжаго и подрядилъ его
(Вѣдь онъ за грошъ продастъ себя всего)
Меня возить по странамъ отдаленнымъ,
Но, очень скоро ставши обученнымъ
Италіянскимъ сладостнымъ словамъ,
Его я бросилъ, жилъ какъ дома тамъ.

УСЛАДА (*разсѣянно*).

Тамъ хорошо?

УДАЛЪ.

Въ Тосканѣ? Превосходно!
Начну съ того—весь годъ гуляй свободно.
Весь годъ тепло. Пока тутъ мерзнемъ мы,
Тосканцы и не вѣдаютъ зимы.
Затѣмъ природа... Горы, просто диво,
Лежатъ вокругъ Флоренціи красиво.
Растутъ на нихъ алое и платанъ,
Да кипарисъ, статной какъ дѣвы станъ.
А что у насъ? И молвить не охота...
Въ лѣсахъ гніютъ какія-то болота...
Ель чахлая, угрюмая сосна.

Во всѣмъ тоска тяжелая видна,
Все оттого, что долгіе морозы.
А тамъ въ Крещенье собираютъ розы.
Потомъ народъ... У насъ онъ просто звѣрь,
Немытый и нечесанный. Теперь
Посмотримъ на тосканца. Поэтиченъ
Его нарядъ. Въ рѣчахъ своихъ приличенъ
Послѣдній рабъ. А пѣсни! Боже мой!
Вѣдь наша Русь покажется тюрьмой,
Погрязшею въ безвылазной трясинѣ,
Тому, кто прожилъ мѣсяцъ на чужбинѣ.
(*Услада прислушивалась*).

УСЛАДА.

И счастливы тамъ люди?

УДАЛЪ.

Какъ въ раю!
Въ томъ слово я вамъ честное даю.
Дѣвицы тамъ, иль, молвить, синьорины,
Такой какъ здѣсь не вѣдаютъ кручины.
Ихъ жизнь течетъ безсмѣнною игрой.
Тамъ осмѣяли-бъ здѣшній домострой!
Родители тамъ не навяжутъ мужа,
Тамъ смѣхъ и жизнь. Здѣсь—мертвечина, стужа.

УСЛАДА.

Вотъ съ Любославомъ повѣнчали-бъ тамъ...

УДАЛЪ.

Житье въ Тосканѣ сладостнымъ мечтамъ,
Но Любославъ... Онъ былъ бы тамъ не къ мѣсту
И не обрѣлъ бы онъ себѣ невѣсту
Изъ флорентинскихъ дивныхъ синьоринъ.
Тамъ міръ иной. Средь статуй и картинъ
Тамъ юноша, подъ вѣяньемъ искусства,
Въ красивой рѣчи выражаетъ чувства.
И помогаетъ звучный ихъ языкъ!
Отъ здѣшней рѣчи, право, я отвыкъ.
Груба она. Здѣсь скажутъ „крестъ“, тамъ— „кроче“...
Здѣсь „день“, тамъ „джорно“...

УСЛАДА.

Наше все короче...

УДАЛЪ.

Красивѣе у нихъ. А имена!
Въ нихъ пѣснь звучитъ, поэзія слышна...
Микеле, напримѣръ, а то—Розина.
Когда въ ночи играетъ мандолина,
То сердце словно таетъ. А порой
Насъ дука созывалъ на пиръ горой.
Всѣ веселы, смѣются, шутятъ, рады...
Богатый ужинъ, звуки серенады.

(*Лѣшій, изъ за дерева, слушаетъ*).

УСЛАДА (*мечтательно*).

Хотѣла-бъ я увидѣть этотъ край.

УДАЛЪ (*горячо*).

Вы ангелъ! Вашимъ былъ бы этотъ рай!

(*Лѣшій потрясаетъ деревомъ. Шумъ. Каркаютъ вороны. Всѣ пугаются*).

ПРИПѢВА.

Сюда идутъ!

ЛЮБОСЛАВЪ.

Я завтра снова буду.

ПРИПѢВА.

Ты не забудешь?...

ЛЮБОСЛАВЪ.

Нѣтъ, я не забуду...
Услада, завтра буду поутру.

УДАЛЪ.

Бѣжать должны мы. Грустно и обидно.

(УДАЛЪ *и* ЛЮБОСЛАВЪ *уходятъ*).

ПРИПѢВА.

Никакъ напрасно. Никого не видно.

УСЛАДА (*мечтаетъ*).

Ужели жизнь промчится и умру,
Не посмотрѣвъ на этотъ край!

ПРИПѢВА.

Услада,
Теперь никакъ и въ горенку пора.
Намъ растолкать скорѣй старушку надо (*идетъ къ нянѣ*).
Спитъ, что младенецъ... Даромъ, что стара...
(*толкаетъ няню*).
Проснись! Проснись! Уснула не на шутку!
(*Усладѣ*) Толкай ее... а я—за прибаутку.
Иди сюда, Услада... Да скорѣй.
Встряхни ее.
(*та нехотя подходитъ*).
Доскажемъ сказку ей.

(ПРИПѢВА *присаживается у ногъ няни*, УСЛАДА *няню толкаетъ*).

НЯНЯ (*просыпается*).

Ой, что же такъ...

ПРИПѢВА.

Очнулась. Ладно. Нутъ ка...
Такъ царевну повѣнчали
И конецъ насталъ печали,
Былъ великій пиръ.
Сказку эту люди знали,
Да Припѣвѣ разсказали,
Пусть узнаетъ міръ!
Что, няня, развѣ сказка такъ плоха?

НЯНЯ.

Бывали лучше... что-то мало толка...
Не разберу... Не то про злого волка,
Не то про Царь-дѣвицу.

ПРИПѢВА.

Нѣтъ грѣха,
Коль не съумѣла... Буде-жъ ты скучала,
Не стану больше.

НЯНЯ.

Время, дѣтки, спать.
Идемъ домой.

УСЛАДА (*мечтательно*).

Подкрался словно тать
И разсказалъ о томъ, чего не знала.

(УСЛАДА, ПРИПѢВА И НЯНЯ *уходятъ въ теремъ*).

ЛѢШІЙ (*на деревѣ*).

Русалка!

РУСАЛКА (*показывается*).

Что?

ЛѢШІЙ.

Ты слышала?

РУСАЛКА.

А ты?
Удалъ смутилъ...

ЛѢШІЙ.

Спугну его

РУСАЛКА.

Услада
Задумалась...

ЛѢШІЙ.

О! Дѣвичьи мечты!
Отъ нихъ бѣда. Сгубить Удала надо.

РУСАЛКА.

Я созову сестричекъ на совѣтъ,
(*зоветъ*) Ко мнѣ! Сюда!
(*выходитъ на берегъ*).

ЛѢШІЙ.

Жаль, домового нѣтъ.
(*появляются русалки*).

РУСАЛКИ (*поютъ*).

Посушить пора намъ оченьки...
Подъ покровомъ теплой ноченьки
Поиграемъ на верху.
Пропоемъ мы пѣсню томную,
Лишь бы крикнуть въ пору темную
Не случилось пѣтуху,

(ЗАНАВѢСЪ).

ДѢЙСТВІЕ II.

Опочивальня Услады. Два окна. Одно—въ глубинѣ, на рѣку. Другое—слѣва, въ садъ. Окна раскрыты. Лунный свѣтъ озаряетъ опочивальню. Направо дверь и печка.

УСЛАДА.

Звѣзды ярко блещутъ точками...
Будто свѣтлыми цвѣточками
  Порастаютъ небеса,
И съ повадкой величавою
Мѣсяцъ ихъ обходитъ павою,—
  Полуночная краса...
Не боится тучки смугленькой...
Видитъ онъ, все видитъ, кругленькій,
  Видитъ онъ мою печаль...
Страны видитъ онъ далекія...
Звѣзды ясныя, высокія,
  Вамъ ужель меня не жаль?
Тамъ, далеко, гдѣ небо входитъ въ землю,
Раскинулись волшебные края...
  Какъ будто пѣснѣ отдаленной внемлю,
  Какъ будто слышу дальній голосъ я.
  Туда манитъ! Завѣтною загадкой
  Мерещится какой-то чудный край...

(*Подходитъ къ окну, въ глубинѣ*).

  Рѣка, сегодня зыбкой не играй!
  Молчи, рѣка, будь тихою и гладкой,
  Ты, все равно, не скажешь слова мнѣ
  О той далекой, свѣтлой сторонѣ.

(*Подходитъ къ другому окну*).

  А старый садъ!.. Сосна, береза, ели,
  Почто скрывали правду вы? Почто?
  Почто шепнуть ея не захотѣли?
  Есть міръ иной! Узнала я про то!

А вы кругомъ стояли и молчали,
Что знали, то запрятали въ дупло!
Узнала я... прибавилось печали...
Все приглядѣлось... Сердцу тяжело...
(*Отходитъ отъ окна*).
Я люблю Любослава, но гордый Удалъ
Также по сердцу мнѣ... Онъ чужбину видалъ.
На другихъ онъ совсѣмъ не похожій,
И звучитъ его рѣчь точно сказки слова...
Какъ послушаешь, такъ и горитъ голова...
Отчего, Любославъ мой пригожій,
Ты не можешь сказать ничего о странѣ,
Что далеко лежитъ и невѣдома мнѣ?
Мое сердце тебѣ бы внимало...
Ты о томъ говоришь, мой родимый, со мной,
Чѣмъ всѣ люди живутъ на сторонкѣ родной...
А того, что я знаю, мнѣ мало!
(*Садится*).
Старикъ Мошна... Нашли такого мужа...
Какъ молвилъ онъ? „Здѣсь—мертвечина...
стужа...“
(*Дремлетъ*).
Кругомъ всѣ спятъ... Уснуть бы... Позабыть...
Устала я... На сердцѣ такъ тоскливо...
Въ той сторонѣ, въ Тосканѣ, все красиво...
Приснилась бы Тоскана... (*засыпаетъ*).

домовой (*выходитъ изъ за печки*).
Какъ тутъ быть?
(*Подходитъ къ одному окну, потомъ къ другому, машетъ лапой*).
О тебѣ забочусь, ладушка...
Домовому не мѣшай.
Спи, красавица Усладушка,
Пусть приснится дальній край.

(*Въ лѣвомъ окнѣ, среди зелени вѣтвей, показывается* лѣшій).

лѣшій.
Зачѣмъ позвалъ? Самъ справиться не можешь
Запечный котъ!

ДОМОВОЙ.

Пожалуй, ты поможешь.
Ты знаешь?

ЛѢШІЙ.

Знаю.

ДОМОВОЙ (*озабоченно*).

Словно и бѣда.

ЛѢШІЙ.

Удала вспоминала дѣвка?

ДОМОВОЙ.

Да.
И сторону тосканскую. Ты, лѣшій,
Вездѣ бывалъ, а я все въ терему,
Всѣ земли исходилъ ты...

ЛѢШІЙ.

Правда, пѣшій—
По деревамъ.

ДОМОВОЙ.

Ты сонъ навѣй.

(РУСАЛКА *показывается въ окнѣ, въ глубинѣ*).

ЛѢШІЙ.

Возьму
Да и навѣю... Это мнѣ въ забаву!
И возвращу Усладу Любославу.

РУСАЛКА.

Спи, Услада... Сонъ обманчивый,
Покорися мнѣ:
Правду молви... Край заманчивый
Покажи во снѣ.

РУСАЛКИ (*поютъ тихо, за сценой*).

Спи, красавица Усладушка,
Пѣсню я спою...
Спи, ты сонъ увидишь, ладушка,
Баюшки-баю...

УСЛАДА (*во снѣ*),

Какъ хорошо въ саду... Ты подойди, Розина,
И пѣсню спой ты мнѣ...

(Сцена постепенно застилается облакомъ, которое затѣмъ расходится, раскрываетъ видъ на красивый замокъ. Передъ замкомъ отъ его террасы къ зрителю идетъ садъ. Кактусы, кипарисы, розы акаціи. Далекій видъ на горы. Вечерѣетъ. Услада выходитъ изъ замка, спускается въ садъ, за нею—Розина).

УСЛАДА.

Какъ хорошо въ саду... Ты подойди, Розина,
И пѣсню спой ты мнѣ.
(*За сценой все время играетъ тихая музыка*).

РОЗИНА.

Сегодня, синьорина,
Я пѣсню вамъ спою тосканскую.

УСЛАДА.

Что-жъ, спой.

(*Розина собирается пѣть, въ это время раздается голосъ за оградой*).

ГОЛОСЪ ЗА ОГРАДОЙ (*поетъ*).

Бываютъ страны,
Гдѣ все красиво...
Краса Токсаны—
Она-ль не диво!

РОЗИНА.

Я голосъ узнаю.. поетъ старикъ слѣпой.
Онъ нищій, но красивъ. Одѣтъ онъ—словно дука!

УСЛАДА.

Быть нищимъ и слѣпымъ въ Италіи не мука?

РОЗИНА.

О! Нѣтъ... Здѣсь рай земной.

УСЛАДА.

У насъ иначе, тамъ (*показываетъ вдаль*).
Слѣпыхъ жалѣемъ мы, и нищихъ жалко намъ.

РОЗИНА.

Все это потому, что на Руси—морозы,
А вѣдь у насъ зимой и лѣтомъ—вѣчно розы.

ГОЛОСЪ ЗА ОГРАДОЙ (*поетъ*).

У насъ все краше,
Чѣмъ у Дороды...
И счастье наше—
Даръ отъ природы.

(*Темнѣетъ. Луна*).

УСЛАДА.

Я счастлива вполнѣ... Я вижу дивный край,
Который такъ красивъ, что для меня онъ рай.

(РОЗИНА *исчезаетъ. Появляется* УДАЛЪ).

УДАЛЪ.

А вотъ и я пришелъ... И къ вамъ я прямо съ пира.
Мы пѣсни пѣли тамъ въ честь новаго кумира.
Женился дука нашъ. Красавица жена!
Въ Тосканѣ всѣмъ она понравиться должна!

ГОЛОСЪ ЗА ОГРАДОЙ (*поетъ*).

Дука задалъ пиръ горой. Въ честь лихого дуки
Веселится весь народъ, пѣсни льются звуки.

УДАЛЪ.

Заѣзжій нѣмецъ мой поетъ тамъ за оградой.

УСЛАДА.

Здѣсь дышется, Удалъ, невѣдомой отрадой!
Я пѣсни слушаю, я на горы гляжу,..
На сердцѣ такъ легко. Я больше не тужу.
Все прошлое ушло какъ будто сновидѣнье,
Иль злого колдуна лихое навожденье...
О! Наконецъ въ тотъ край съ тобой бѣжали мы,
Гдѣ все такъ радостно, гдѣ вовсе нѣтъ зимы
И гдѣ не захотятъ вѣнчать меня съ Мошкою!

УДАЛЪ.

Я завтра назову тебя своей женою.

(*Луна рѣзко освѣщаетъ ту часть сцены, гдѣ находится Услада. Остальное—въ темнотѣ*).

УСЛАДА.

Я какъ будто вспоминаю, что другого я люблю.

УДАЛЪ.

Нѣтъ, меня ты любишь только, рѣчь искусную мою.

УСЛАДА.

Да, тебя, тебя, мой милый... Это былъ какой-то сонъ.

УДАЛЪ.

И теперь въ Тосканѣ свѣтлой разошелся дымомъ онъ.

УСЛАДА.

Миловать меня ты будешь, ты разскажешь сказку мнѣ.

УДАЛЪ.

Будешь ты со мною слушать серенады. при лунѣ.

УСЛАДА (*смѣется*).

О! Милый! какъ смѣшно!., Березы, ели, гдѣ вы?
Какъ жалко, что со мной не вижу я Припѣвы.

(УДАЛЪ *исчезъ. Появилась* ПРИПѢВА).

ПРИПѢВА.

Я здѣсь, Услада.

УСЛАДА (*спокойно*).

Ты? А какъ забавно тутъ!

ПРИПѢВА.

Услада, просится къ тебѣ какой-то шутъ...
(*Подводитъ Мошну*).

МОШНА.

Съ собой я плеть принесъ... Нельзя никакъ безъ плети
Для дѣвицъ и для женъ... Понеже дѣвки—дѣти.

УСЛАДА (*гадливо*).

Припѣва, прогони.
(*Мошна исчезаетъ*).
Ты видѣла цвѣты?
Такихъ не видѣла я на Руси... А ты?

(*Вмѣсто* ПРИПѢВЫ *появляется* РОЗИНА)

РОЗИНА.

Про Русь не вѣдаю... Зовутъ меня Розина.
Не нужно-ль пѣсню спѣть про дуку, синьорина?
(*Сказала и скрылась*).

УСЛАДА.

Я съ толку сбилася... Здѣсь все у васъ смѣшно.
Прилягу. Отдохну.
(*Около нея появляется ложе. Услада ложится*).
(*Внезапно становится совсѣмъ темно*).
Но почему темно?

(*Сразу—яркій солнечный день. Около* УСЛАДЫ *сидитъ* УДАЛЪ).

УДАЛЪ.

Ты видишь, милая, бѣжали мы въ Тоскану.

УСЛАДА.

И радоваться я тому не перестану.

(Быстро темнѣетъ. Опять луна, освѣщающая только часть сцены).

УДАЛЪ.

Ты завтра мнѣ жена. Отпразднуемъ обрядъ
Латинскій. У меня уже готовъ нарядъ.

УСЛАДА.

Латинскій? Почему? Иль вѣра здѣсь другая?

УДАЛЪ.

Другая.

УСЛАДА.

Почему?

УДАЛЪ.

Не знаю, дорогая.

УСЛАДА.

У матушки спрошу.

УДАЛЪ (*злобно смѣется*).

Шумиха далеко,
И съ нею говорить отсюда не легко.

УСЛАДА.

Молчи! Я вспомнила! Люблю я Любослава!
(*Удалъ исчезъ*).
Но гдѣ же Любославъ?

ДУКА (*появился около нея*).

О немъ худая слава
Позвольте за него мнѣ быть.

УСЛАДА (*удивленно*).

Не знаю, право,

ДУКА.

Я дука здѣшнихъ мѣстъ. По голосу молвы
Пришелъ я въ этотъ садъ, гдѣ властвуете вы.
Есть замокъ у меня... Въ немъ статуи, картины,
Но только нѣтъ такой красивой синьорины.
О! Какъ вы хороши! О! Какъ вы хороши!
Вы лепетъ сладостный мечтающей души...
Я васъ зову къ себѣ, въ роскошныя палаты...

УСЛАДА.

Не ладно молвилъ ты... Ты, кажется, женатый...

ДУКА.

Такъ что-жъ? Женюсь опять. И будетъ пиръ-горой!
Въ Тосканѣ насъ смѣшитъ вашъ русскій домострой.
Когда понравится красавица—мы рады.
У насъ вся жизнь—однѣ безсмѣнныя отрады.
Здѣсь міръ совсѣмъ иной. Не вотчина Мошны!
Женился утромъ я,—къ полудню нѣтъ жены.
И, если мнѣ не лѣнь, то я ищу другую,
Прекрасную, какъ ты... Тебя я поцѣлую...

УСЛАДА.

Не смѣй!

ДУКА.

Таковъ законъ тосканскій!

УСЛАДА (*зоветъ*).

Любославъ!

ДУКА.

Хоть и въ досаду мнѣ, а нравится твой нравъ!
Зовешь ты жениха, а онъ другой невѣстѣ
Цѣлуетъ ручки.

УСЛАДА (*гнѣвно*).

Провались на этомъ мѣстѣ.
(*Дука проваливается*).

ГОЛОСЪ ЗА ОГРАДОЙ (*поетъ*).

Мѣсяцъ на землю
Смотритъ лѣниво...
Пѣснѣ я внемлю
Нѣжно-красивой.

УСЛАДА.

О! Гдѣ же Любославъ!?., Ужели безъ него
Покинула я домъ?.. Не помню ничего...

МИКЕЛЕ (*появляется*).

Прикажешь разсказать? Я твой слуга, Микеле.
Тебѣ я радъ служить до гроба.

УСЛАДА.

Въ самомъ дѣлѣ?

МИКЕЛЕ.

Приставленъ я къ тебѣ Кащеемъ старикомъ.
Съ Иванъ-Царевичемъ я тоже былъ знакомъ,
И съ Царь-дѣвицею. Вѣдь Царь-дѣвица—ты?

УСЛАДА (*жалобно*).

Мнѣ хочется домой.

МИКЕЛЕ.

Напрасныя мечты.

(*исчезаетъ*)

УСЛАДА.

Пропалъ опять...

ДОРОДА (*появляется*).

А мнѣ не нравится Тоскана.
Сейчасъ былъ день, вдругъ—ночь. Не то обѣдать рано;
Не то пришелъ ужъ часъ для ужина.

УСЛАДА.

Отецъ!
Гдѣ Любославъ? Скажи! Скорѣй!

ДОРОДА.

Лихой боецъ!
Сегодня былъ сраженъ стрѣлою печенѣга.
(*Исчезаетъ. Услада вскрикиваетъ*).

ШУМИХА (*появляется*).

Тебѣ здѣсь хорошо?

УСЛАДА.

Не разберу я... Нѣга
Какая-то... Кругомъ чужое.

ШУМИХА.

Мнѣ пора.
А Любославъ женатъ. Жена его стара
(*исчезаетъ*).

УСЛАДА.

Неправда! Нѣтъ! Меня онъ любитъ!
(*Появляется Любославъ*).
Вѣдь я знала,
Что ты придешь ко мнѣ!

ЛЮБОСЛАВЪ.

Стрѣла меня нагнала,
Но лѣшій вылечилъ. Я слышалъ, ты звала?

УСЛАДА.

Бѣжимъ отсюда...

ЛЮБОСЛАВЪ.

Нѣтъ, навѣки ты ушла
Изъ терема. Прощай, Услада. А русалка
Соскучилась въ рѣкѣ. Тебя ей крѣпко жалко...
(*Хочетъ уйти, Услада его удерживаетъ*).
(*Невидимая музыка играетъ русскую пѣснь*).

УСЛАДА.

Мнѣ скучно въ Тосканѣ. Хочу я домой!
Возьми ты Усладу съ собою.

Чужбина противна мнѣ. Милый ты мой,
Коль нужно, возьми меня съ бою!
У злого волшебника я въ полону.
Кащеемъ Микеле приставленъ!
За что мнѣ страдать? За какую вину?
Здѣсь воздухъ какъ будто отравленъ...
Пусти мою душу на русскій просторъ,
На наше приволье степное,
Туда, гдѣ чернѣетъ развѣсистый боръ,
Гдѣ каждое слово—родное.

ЛЮБОСЛАВЪ.

Твоя вина. Сидѣла-бъ въ терему.
Тебя назадъ отсюда не возьму.
(*исчезаетъ*).

УСЛАДА.

Постой! Куда?
Въ Тосканѣ—все неладно.
Пришелъ—ушелъ. Нѣтъ толка.
(*появляется Припѣва*).

ПРИПѢВА (*у нея васильки въ рукахъ*).

Отъ тоски!
На то вѣдь и Тоскана.

УСЛАДА.

Безотрадно.
Я тутъ живу.

ПРИПѢВА.

Взгляни-ка... Васильки...
Сейчасъ во ржи я нарвала. Что очи
У дѣвицы голубоглазой. Къ ночи
Вчера водила славный хороводъ
Съ русалками. Онѣ совсѣмъ шутницы,
И превеселый, добренькій народъ.
Шумѣли такъ, что испугались птицы!

УСЛАДА.

Хочу домой.

ПРИПѢВА.

До терема далеко.
И голосъ не докатится и око
Не разглядитъ...

УСЛАДА.

Хочу домой!

ПРИПѢВА.

А руки
Не коротки-ль!

УСЛАДА.

Конца не вижу муки!
Хочу домой! Мнѣ здѣсь не въ моготу!

ПРИПѢВА.

А сказку разскажу я. Сказку ту
Прослушаешь и засмѣешься.
(*исчезаетъ*).

УСЛАДА.

Дома
Я жить хочу... взяла меня истома!
(*Словно издали слышится пѣніе русалокъ*).
Всю здѣшнюю отдамъ я красоту
За уголокъ въ родномъ знакомомъ борѣ...
Домой хочу, на горе—такъ на горе.

ПѢНІЕ РУСАЛОКЪ (*ясно*).

Ты проснись теперь, Усладушка...
Воротися ты домой...
Назовешь ли только, ладушка,
Родный домъ тюрьмой?

(Услада засыпаетъ. Облака постепенно застилаютъ сцену. Пѣнье, далекое, слышится. Медленно разступаются облака. Опочивальня Услады. Услада спитъ, совершенно въ томъ же положеніи, какъ заснула. Въ глубинѣ, въ окнѣ—Русалка. Лѣшій—въ другомъ окнѣ. Домовой около печки. Лунный свѣтъ).

УСЛАДА (*во снѣ*).

Домой хочу... На горе—такъ на горе!

ХОРЪ.

Ты проснись теперь, Усладушка...
Воротися ты домой...
Назовешь ли только, ладушка,
Родный домъ тюрьмой?..

УСЛАДА *просыпается.*

(ЗАНАВѢСЪ)

ДѢЙСТВІЕ III.

Декорація перваго дѣйствія. Днемъ. Шумиха сидитъ на скамьѣ, няня ей докладываетъ.

ШУМИХА.

Ты говоришь, Услады хворь прошла?
(*няня зѣваетъ*).

НЯНЯ.

Ой, матушка... Когда-жъ я такъ сказала?
Какъ видно ночью плохонько спала...
Все—мѣсяцъ! Знаешь, коли ночь свѣтла,
Не спится всѣмъ. И мнѣ не спаться стало...
И вотъ съ утра недужилося ей.

ШУМИХА.

То вѣдаю.

НЯНЯ.

Едва мерцаютъ глазки.

ШУМИХА.

Да знаю я...

НЯНЯ.

Тебѣ бы все скорѣй!
На щечкахъ жаръ...

ШУМИХА.

Разсказываешь сказки
Какъ будто! Что ты тянешь! Скучно мнѣ!

НЯНЯ.

Не кушаетъ...

ШУМИХА.

Да знаю...

НЯНЯ.

Все тоскливо
Глядитъ въ окно.

ШУМИХА.

Слыхала объ окнѣ!

НЯНЯ.

И все молчитъ. Скажу по правдѣ—диво!
Вчера была здорова, а съ утра
Хвораетъ.

ШУМИХА.

Жарко. Лѣтняя пора.
Тутъ дива нѣтъ. Да только все не въ пору
Случается. Сегодня день такой...
Посватался Мошна...

НЯНЯ.

Я знаю. Злому вору
Не посулю въ зятья. Смотри, какой
Женихъ сыскался!

ШУМИХА.

Замолчишь ты, что ли?
Не дашь мнѣ слова молвить! Любославъ
Посватался...

НЯНЯ.

Вотъ съ этимъ не неволи—
Пойдетъ сама.

ШУМИХА.

Молчи. Болтливъ твой нравъ!
Удалъ еще посватался.

НЯНЯ.

Откуда
Удалъ-то?

ШУМИХА.

Намъ не дальній онъ сосѣдъ.

НЯНЯ.

Она одна,—ихъ трое. Эко чудо! (*зѣваетъ*).
Передерутся! Не дождемся-ль бѣдъ?
(*уходя*).
Усладушкѣ я разскажу покуда.
Пожалуй хворь всю сниметъ какъ рукой

(*уходитъ въ теремъ, на крыльцѣ сторонится, пропуская* ДОРОДУ И МОШНУ).

МОШНА.

Ты что-жъ молчишь, бояринъ?

ДОРОДА.

Ишь какой
Поспѣшный ты... Не дашь обдумать слова.

МОШНА.

Вчера ты думалъ...

ДОРОДА.

Нынче буду снова
Я думать.

МОШНА.

Ты просваталъ дочку мнѣ.

ШУМИХА.

А вотъ и врешь! Съ тобою толковали
Мы о надѣлкѣ только. И во снѣ
Не думали просватать, да едва ли
Просватаемъ. И Господу хвала!

МОШНА.

Вчера ты...

ШУМИХА (*перебиваетъ*).

Я тебя благословила?
Для поцѣлуя дочку подвела?
Съ тобою медъ на сговорѣ пила?
А не было того—такъ, значитъ, вилой
Все на водѣ написано. Удалъ
И Любославъ... не ты одинъ!

МОШНА.

Кто далъ
Мнѣ слово, тотъ держи его.
(*Дородѣ*) Мнѣ надо
Чтобъ ты сказалъ. Ты—голова!

ШУМИХА (*Мошнѣ*).

Слова
Ты подержи, а я держу Усладу.

МОШНА (*Дородѣ*).

Ты что-жъ молчишь?

ДОРОДА.

Съ тобою нѣтъ мнѣ сладу.

МОШНА.

Ты голова.

ШУМИХА.

Я—шея. Поверну
Куда хочу. Сюда—такъ на Мошну
Онъ взглянетъ. А туда—на Любослава,
Иль на Удала. Влѣво или вправо,
Какъ захочу.

ДОРОДА.

Усталъ я слушать, право.
(*Шумихѣ*). Уйми его. Онъ пристаетъ съ утра.
А то пойдемъ... позакусить пора.
(*уходитъ въ теремъ*).

ШУМИХА.

Заговорилась я. Не жди добра!
За слугами, поди, не доглядѣла...
Гдѣ нѣтъ меня, ужъ тамъ не будетъ дѣла.
Слуга крадливъ, охочъ онъ до рѣчей
Безлѣпишно-пустошныхъ. И приспѣха
Не сдѣлаетъ. Не досыпай ночей,
Смотри за нимъ. То, скажетъ, хворь помѣха,
То жарко, то усталъ, то недосугъ...
Но не обмануть, я хитрѣе слугъ...
(*Мошнѣ*). А ты отстань! Ты видишь, что не въ пору!
Заботъ на мнѣ лежитъ, пожалуй, съ гору.
(*уходитъ въ теремъ*).

(*Изъ сада идетъ* ПРИПѢВА).

МОШНА.

Эй! Милая! Что бродишь ты одна?
Зовутъ тебя Припѣвой?

ПРИПѢВА (*смѣется*).

А Кащеемъ
Зовутъ тебя?

МОШНА.

Бояринъ я Мошна!
Я не колдунъ.

ПРИПѢВА.

А назвался злодѣемъ.
Мошна для насъ, для дѣвицъ, лютый звѣрь.
Грозится плетью, казнью...

МОШНА.

Ты не вѣрь,
Красавица...

ПРИПѢВА.

Пожалуй, я красива,
Но что тебѣ до красоты моей?
Вѣдь ты уродъ.

МОШНА (*грозно*).

Не больно ли спѣсива!
(*утихнувъ*). Потолковать бы...

ПРИПѢВА.

Потолкуй.

МОШНА.

Твоей
Подруженькѣ я не любъ?

ПРИПѢВА.

Что ты! Что ты!

МОШНА (*радостно*).

Да правда ли? Порою обо мнѣ
Вспомянетъ? А?

ПРИПѢВА.

Лишь было бы охоты
Мнѣ слушать! Даже, помнится, во снѣ
Она Мошну недавно вспоминала...

МОШНА.

Ну, говори скорѣй, коль что узнала!
Повѣдай все! Скажи ея слова!
Все повтори—не пожалѣю гривны.

ПРИПѢВА.

Ея слова какъ будто были дивны...
Она сказала: „нынче голова
Болитъ... зачѣмъ приснился мнѣ противный
Мошна“!!..

МОШНА.

Во снѣ сказала?

ПРИПѢВА.

На яву—
Про сонъ.

МОШНА.

Шутя?

ПРИПѢВА.

Да не шутила словно!
Потомъ сказала: для меня онъ ровно,
Что Черноморъ... Я слышала молву,
Что свататься онъ хочетъ, вотъ бѣда-то!
Да лучше съ милымъ бѣдно проживу,
Чѣмъ со старьемъ такимъ да жить богато!

МОШНА (*морщится*).

Довольно...

ПРИПѢВА.

Нѣтъ, на гривну получай.
Отвѣтить я должна.

МОШНА.

Не отвѣчай!

ПРИПѢВА.

Чудной ты, право. Умолчать—не честно.
За гривну будетъ все тебѣ извѣстно.
Она сказала, будто ты старикъ.

МОШНА.

Да слышалъ я!

ПРИПѢВА.

Что разумомъ съ дуринкой,
А сердцемъ лютъ. Что ликъ твой—и не ликъ,
А словно морда... Назвала скотинкой
Поганою... Смѣялась надъ тобой...
Носъ, говоритъ, совсѣмъ какъ будто рѣпа,
Глаза—какъ дырки...

МОШНА.

Рѣчь твоя нелѣпа!
Смѣяться не позволю надъ собой.

ПРИПѢВА.

Все, кажется... ни слова не забыла...
Нѣтъ, нѣтъ, не все! Послушай...

МОШНА.

Охъ! Грѣхи!

ПРИПѢВА.

А по бокамъ, сказала, злого рыла
Торчатъ два уха, словно лопухи!
(*хохочетъ*).

МОШНА (*злобно*).

А все же я женюсь на ней!

ПРИПѢВА.

И ладно!
Я думаю, покажется отрадно
Ей все самой сказать тебѣ.

МОШНА (*уходитъ въ домъ*).

Прощай!

ПРИПѢВА (*вслѣдъ*).

А гривны не далъ! Позабудешь, чай?
Ухъ! Хорошо! Легко на сердцѣ стало!
Поговорила, душу отвела!
А чья возьметъ—посмотримъ.
Словно мало
Надежды. Намъ сдаваться не пристало.
Мошна похожъ на стараго козла.
Ему о томъ повѣдать бы! Изрядно
Наслушался...

УСЛАДА (*на крыльцѣ*).

Припѣва, ты одна?

ПРИПѢВА.

Одна. Иди, не бойся.
(*Услада подходитъ къ ней*).

Не нарядно
Одѣлась ты. Здѣсь твой женихъ. Мошна.

УСЛАДА.

Полно, Принѣва... Совсѣмъ не до шутокъ!
Сонъ, что приснился, былъ страшенъ и жутокъ,
Будто горячешный бредъ.
Сномъ этимъ душу мою всколыхнуло,
Чѣмъ-то невѣдомо-злобнымъ пахнуло...
Былъ онъ предвѣстникомъ бѣдъ.
Послѣ искусныхъ разсказовъ Удала
Я на чужбинѣ себя увидала,
Въ темномъ и страшномъ саду...
Мнѣ на чужбинѣ такъ сдѣлалось больно,
Такъ показалось мнѣ тамъ непривольно,
Словно попала въ бѣду.
Тѣни бродили... Микеле... Розина...
Тамъ называли меня „синьорина"...
Съ плетью являлся Мошна...
Былъ и Удалъ на чужбинѣ со мною...
Снилось, что буду его я женою,
Не Любослава жена...

ПРИПѢВА.

Не въ руку-ль сонъ? Во снѣ ты угадала:
Посватался Удалъ.

УСЛАДА.

Но за Удала
Я не хочу.

ПРИПѢВА.

И сватовъ не заславъ,
Онъ самъ пришелъ.

УСЛАДА.

Мнѣ дорогъ Любославъ.

(наступаетъ темнота)

КРАСНЫЯ ДѢВИЦЫ (*за сценой, поютъ*)

Солнце спряталось за горушку...
Любо, дѣвки, въ эту порушку
Погулять въ лѣсу.
Тамъ по кочкамъ, безъ дороженьки,
Притомимъ мы къ ночи ноженьки,
Засоримъ косу, —
Дѣвичью красу.

ПРИПѢВА.

Услада, къ нимъ пойдемъ.

УСЛАДА.

Мнѣ не охота!
Я жду его.

ПРИПѢВА (*лукаво*).

Мнѣ новая забота —
Угадывать, кто онъ... Удалъ, Мошна,
Иль Любославъ?

ЛЮБОСЛАВЪ (*входитъ слѣва*).

Услада дорогая!

ПРИПѢВА.

Ишь! Напугалъ.

УСЛАДА.

Болѣзный мой!

ПРИПѢВА.

Она
Сегодня — не вчерашняя, другая.
Тоскуетъ все. (*Усладѣ*) Вотъ посмѣется онъ
Надъ этимъ сномъ!

УСЛАДА.

Ты снова здѣсь, со мною!
Не сердишься?

ЛЮБОСЛАВЪ.

За что?

УСЛАДА.

Не знаю... Сонъ
Я видѣла. Удалъ всему виною.

ПРИПѢВА.

Наговорилъ о дальней сторонѣ
Онъ небылицъ...

УСЛАДА.

И все приснилось мнѣ!

ПРИПѢВА,

Но то не сонъ, что любитъ онъ Усладу!
Женихъ и онъ.

ЛЮБОСЛАВЪ.

Ухваткой воровской
Онъ подошелъ!

ПРИПѢВА.

Проворный онъ такой!
А вотъ и онъ... Сюда идетъ по саду.
Уйдите оба... Встрѣчу я его.

(УСЛАДА и ЛЮБОСЛАВЪ *уходятъ въ садъ, по первому плану, а въ глубинѣ изъ сада выходитъ* УДАЛЪ).

УДАЛЪ (*Припѣвѣ*).

Что, новаго не слышно ничего?

ПРИПѢВА.

Какъ не слыхать! Ты нашихъ душъ губитель!

УДАЛЪ.

Такъ. Но загадки бросить не хотите-ль?
Кого сгубилъ я? Жертва кто?

ПРИПѢВА (*вздыхаетъ*).

Она!

УДАЛЪ.

Я такъ и зналъ.

ПРИПѢВА.

Навѣрно влюблена!
И то сказать — ты молодецъ на-славу.
По моему — хоть въ пору Любославу,
Такихъ какъ ты не много здѣсь видать.

УДАЛЪ.

Но женщину такъ трудно разгадать!
Не знаешь, чѣмъ понравиться ей больше.
Изъ башмачковъ я пилъ венгжино въ Польшѣ,
Чтобъ радовать паненокъ. На Москвѣ
Въ кулачный бой вступалъ (на головѣ
Доселѣ шрамъ) я ради ласки любы...
Вѣдь наши нравы невозможно грубы...
Въ Италіи я ночью пѣсни пѣлъ...

ПРИПѢВА.

Вотъ молодецъ! Пострѣлъ вездѣ поспѣлъ.

УДАЛЪ.

А чѣмъ ее плѣнилъ я?

ПРИПѢВА.

Рѣчью сладкой!
Я это знаю: слышала украдкой.

УДАЛЪ.

Кто видѣлъ свѣтъ, тому легко весьма
Выказывать способности ума.
Итакъ, любимъ я?

ПРИПѢВА.

Да, на то похоже.

УДАЛЪ.

Я счастливъ.

ПРИПѢВА.

Ей весьма пріятно тоже.

УДАЛЪ.

И будетъ мнѣ достойная жена!

ПРИПѢВА (*съ притворнымъ удивленіемъ*).

Жена? Тебѣ? Ты думаешь, она
При мужѣ замужъ выйдетъ? Это лихо!
(*показалась луна*).

УДАЛЪ (*пораженный*).

Услада?

ПРИПѢВА (*съ хохотомъ*).

Не Услада, а Шумиха!
Я не про ту! Вотъ грѣхъ-то! Вотъ бѣда!
Ты про Усладу толковалъ мнѣ? Да?
О! Милый! Нѣтъ! Оставь! Оставь! Не надо!
Небось теперь цѣлуется Услада,
Да не съ тобой!

УДАЛЪ (*гнѣвно*).

Моею быть должна!
Кому невѣста—мнѣ она жена!

ПРИПѢВА.

Такъ говорилъ сегодня и Мошна.

УДАЛЪ.

Не тѣшиться мнѣ праздною игрою!
Здѣсь, на Руси, живи по домострою,
И правиламъ должна она внимать.
Ей тотъ женихъ, кого отецъ и мать
Укажутъ.

ПРИПѢВА.

Вотъ и по боку Тоскану
А я-ль тебѣ не вѣрила! Не стану
Я больше.

УДАЛЪ.

Я къ Дородѣ.
(*уходитъ въ теремъ*).

ПРИПѢВА.

Поспѣши!
А тѣ пропали! Тоже хороши!
Ау! Забрались въ дальній уголъ сада...
Сюда! Сюда!

(Услада *и* Любославъ *возвращаются*).

Иди къ себѣ, Услада...
А ты ступай домой... Идутъ.

ЛЮБОСЛАВЪ.

Не надо
Скрываться намъ. Поспоримъ. Пусть идутъ.
(*въ домъ шумъ спора*).

УСЛАДА.

О! Я боюсь... Кащею отдадутъ!

(Дорода, Мошна, Удалъ *и* Шумиха *входятъ въ садъ*).

ДОРОДА.

Бранитесь вы безъ толка, на ночь глядя!
Нѣтъ, такъ нельзя. Кружится голова.
Упреки, споры, бранныя слова...
(*увидѣвъ Притѣву и Усладу*).
А дѣвки здѣсь...

ПРИПѢВА.

Мы загулялись, дядя.

МОШНА.

Темно, не видно. Разгляжу едва...
Тутъ Любославъ!

ПРИПѢВА.

Да, поколѣй отъ злости!

ШУМИХА (*Любославу*).

Какимъ путемъ пожаловалъ ты въ гости?
Перешагнулъ, безсовѣстный, заборъ?
Боярскій сынъ, а входитъ точно воръ!

Постой, ужо съ тобою потолкуемъ...
А дѣвки что мнѣ скажутъ?

ПРИПѢВА.

Поцѣлуемъ!

МОШНА (*Дородѣ*).

Я требую... вчера ты слово далъ!

ШУМИХА.

Нѣтъ, погоди.

ДОРОДА.

По правдѣ тяжко съ вами!

ШУМИХА (*Мошнѣ*).

Ты сватался, потомъ пришелъ Удалъ.

ПРИПѢВА.

И Любославъ.

ЛЮБОСЛАВЪ (*Удалу*).

Женихъ ты—ненарокомъ.
Зашелъ обходомъ.

ШУМИХА.

Э! Братъ! Все равно!
Коль суждена ему Услада рокомъ,
Такъ что вошелъ онъ прямо или бокомъ—
Не важно то...

ЛЮБОСЛАВЪ.

Люблю ее давно!

МОШНА.

А сватался сегодня!

УДАЛЪ (*Любославу*).

Твой попрекъ
Не въ горе мнѣ. Къ любви меня привлекъ
Прелестный видъ Услады безподобной.

Какъ человѣкъ цѣнить ее способный,
Хочу дѣлить я съ нею жизнь мою,
Ты другъ мнѣ, но Усладу я люблю.
Любовь сильнѣе дружбы.

ПРИПѢВА.

Молвилъ гладко.
Слова—что медъ привозный: очень сладко,
Да только мутно...

МОШНА (*Дородѣ*).

Отвѣчай же. Да
Иль нѣтъ? Скорѣй!

ДОРОДА.

Съ тобою мнѣ бѣда!
Я не могу! Накинулись, что стая!
А я одинъ.

(*Отмахивается.*)

УДАЛЪ.

Мнѣ нуженъ вашъ отвѣтъ.

ЛЮБОСЛАВЪ.

И мнѣ.

ДОРОДА.

Уйду и спрячусь.

ПРИПѢВА.

Дамъ совѣтъ,—
Лишь повели. Хоть съ виду и проста я,
А все-таки, пожалуй, помогу.
Скажи, изъ нихъ тебѣ кто сердцу ближе?
Кто нравится всѣхъ болѣ? Говори же!
Раздумывать не надо.

ДОРОДА.

Не могу.

ПРИПѢВА (*Шумихѣ*).

А ты?

ШУМИХА.

Постой. Не сразу.

ПРИПѢВА.

Вотъ и видно,
Что вамъ рѣшать самимъ никакъ нельзя.
Что скажете—навѣрно будетъ зря.
А я рѣшила просто, не обидно.
Коль сами вы не знаете, пускай
Рѣшеніе произнесетъ Услада.
Ей вѣдомо самой, кого ей надо.
Ну, дяденька...

ДОРОДА.

Не очень понукай!
А, впрочемъ, чтожъ...

ШУМИХА.

Иного нѣтъ исхода.
Согласна я. Согласенъ ты, Дорода?

ДОРОДА.

Ужъ я съ тобой.

ПРИПѢВА.

Услада, говори,
Да поскорѣй. А то мы до зари
Не разойдемся!

МОШНА.

Глупая затѣя!
Нашли судью, дьяка и грамотѣя!
Ты погоди, Услада. Будетъ сказъ
Мой наперво.
(*Дородѣ и Шумихѣ*).
Отрѣзывать то разъ,
Отмѣривать же съ толкомъ, осторожно.
Простую рѣчь я поведу, не ложно,
А истово. Дорода, слушай. Ты,
Шумиха, тоже.
Дѣвичьи мечты

Въ законъ себѣ незыблемый едва ли
Поставимъ мы. Чтобъ дѣвицы давали
Указъ какъ жить, какъ дому дѣлать строй,
Какъ шествовать въ путяхъ земной юдоли,—
Не слышалъ я.
Нѣтъ, не рѣшаетъ доли
Она своей. Въ свѣтличкѣ, за игрой,
Съ подружками пусть потолкуетъ, что ли!
Но гдѣ судьба вершится, тамъ она
Предъ матерью и предъ отцомъ должна
Молчать. А то не ладная жена
Окажется. Да будетъ молчалива,
Не суесловна, съ мужемъ боязлива,
Тогда вѣнецъ есть мужу своему.
Такую только въ жены я возьму.

ПРИПѢВА.

Въ рабы возьми, не въ теремъ, а въ тюрьму.

ДОРОДА (*Припѣвъ*).

Ты замолчи. Что молвилъ онъ—то дѣло.

ШУМИХА (*Припѣвъ*).

И то молчи.

МОШНА.

Жена да холитъ тѣло
Свое. Она хозяйкою въ дому
Да будетъ. Пусть внимаетъ вся прислуга
Ея велѣньямъ. Мужу—недосугъ.
А если съ мужемъ сдѣлался недугъ,
Она лечи любовно отъ недуга
Того, кто Богомъ данный ей супругъ.
Лечи, смотря по боли, иль припаркой,
Иль питіемъ съ цѣлебною приваркой.
Коль гость прибудетъ—все на столъ мечи,
Чтобъ гостю въ честь и мужу не въ досаду!
Коль гнѣвенъ мужъ, то слушай и молчи.

ДОРОДА.

А что-жъ... По мнѣ отдать ему Усладу.

(*Удалъ выступаетъ впередъ*).

УДАЛЪ.

Прошу простить. Какъ будто рѣшено,
Что будетъ слово каждому дано.
Онъ говорилъ,.. Его я слушалъ рѣчи.
Отъ удивленья поднимались плечи!
Его жена: работай и молчи.
Онъ не въ мужья годится—въ палачи!
Не спорю я съ обычаемъ нисколько!
Но возразить себѣ дозволю только,
Что женщина, которая раба,
Труслива думой, волею слаба,
Всегда дрожитъ подъ тяжестью испуга,—
Такая мужу вовсе не подруга.
Себѣ Усладу въ жены я прошу.
Свою любовь я въ даръ ей приношу;
Она ко мнѣ придетъ не на страданье,
Ей подарю я новой жизни знанье,
Жизнь коротка и надо дорожить
Возможностью узнать, какъ надо жить.
Не на тоску,—на радость, на отраду
Вы отдадите за меня Усладу,
На рядъ свободныхъ, радостныхъ утѣхъ!
Зачѣмъ скорбѣть? Веселіе—не грѣхъ.
И, вѣрьте мнѣ, судьбою не напрасно
Оно дано намъ, въ качествѣ добра.

ДОРОДА.

А мнится мнѣ—онъ говоритъ прекрасно.

ПРИПѢВА (*Любославу*)..

Ну, твой чередъ. Тебѣ сказать пора.

МОШНА (*Удалу*).

Ты говоришь безлѣпишно и смрадно.

ШУМИХА.

Мнѣ по душѣ.

ДОРОДА.

Толкуетъ очень ладно.
И то сказать: прискучитъ бить жену...
Нѣтъ, я не выдамъ дочку за Мошну.

ПРИПѢВА.

Отъ одного избавились. Отмѣнно!

УДАЛЪ (*Дородѣ*).

Въ такихъ словахъ благоразумье цѣнно.
Предчувствую я радостный отвѣтъ.
Я счастье дамъ Усладѣ. Знаю свѣтъ.
Мы съ ней вдвоемъ по странамъ зарубежнымъ
Поѣдемъ. Тамъ, внимая пѣснямъ нѣжнымъ,
Мы проведемъ счастливо свѣтлый вѣкъ.
А Любославъ хорошій человѣкъ,
Но къ старости сравняется съ Мошною.

УСЛАДА (*возмущенно*).

Я не могу!

ПРИПѢВА.

Останься ты со мною.
(*Любославу*). Ну, твой чередъ.

ЛЮБОСЛАВЪ. (*Дородѣ*).

Бояринъ, ты поволь
Мнѣ рѣчь держать.

ШУМИХА.

Пусть говоритъ.

ДОРОДА.

Изволь.

ЛЮБОСЛАВЪ.

Мошна живетъ завѣтной стариною,
Но не беретъ онъ жизни въ старинѣ.
Обычай святъ,—не спорю я съ Мошною.
Я чту обычай. Только мнится мнѣ,
Что жизнью данъ онъ жизни на помогу,
Что онъ не гробъ, а благодатный храмъ.

МОШНА.

Твоимъ словамъ внимать и стыдъ, и срамъ.

ШУМИХА (*Мошнѣ*).

Ты говорилъ по долгу и по многу,
И надоѣлъ. Довольно.

ЛЮБОСЛАВЪ.

Мужа власть
Дурной женѣ лишь въ тягость, доброй—въ сласть.
Во всѣхъ поступкахъ благость обнаружа,

Зачѣмъ жена бояться будетъ мужа?
Помощницей да будетъ мнѣ она,
Совѣтницей, дарованной отъ Бога,
Мнѣ вѣрная и добрая жена.
Въ душѣ ея—любовь, а не тревога
Да будетъ. Радость, нѣжность, а не страхъ.

МОШНА.

Раскаешься, на первыхъ же порахъ.

ШУМИХА (*Мошнѣ*).

У! Замолчи!

МОШНА.

Уйду.

ДОРОДА.

Бѣды немного!

ПРИПѢВА.

Ты слишкомъ золъ. Намъ надоѣла злость.

ЛЮБОСЛАВЪ.

Удалъ живетъ на родинѣ какъ гость.
Душою онъ не нашъ, а чужестранецъ
Какой-то...

ПРИПѢВА.

Это правда. Онъ тосканецъ!

ЛЮБОСЛАВЪ.

Что говорить, я спорить не берусь,
Въ чужихъ краяхъ, быть можетъ, все прекрасно,
Но думаю, что многое напрасно
Переносить бы было въ нашу Русь.
Тосканскіе обычаи намъ чужды.
Кто строилъ ихъ—намъ вовсе не родня,
И занимать чужое нѣтъ намъ нужды.
Подумаешь, найти намъ негдѣ дня,
Какъ только подъ чужимъ окномъ. Когда-бы
Мы разумомъ своимъ такъ были слабы—
Давно бы насъ осилилъ злой сосѣдъ.
Мечемъ однимъ всѣхъ не отвадить бѣдъ.
Ты насъ учи успѣхамъ зарубежнымъ,
Чужого-жъ строя къ намъ не приноси,
Хулителемъ безсмысленно-мятежнымъ
Того, что Богъ посѣялъ на Руси!

Себя въ обычай мертвый не зароемъ,
Но продавать не станемъ старины:
Русь создалась своимъ домашнимъ строемъ.
Имъ дорожить, что кладомъ, мы должны!

ДОРОДА.

Вотъ молодецъ! Вотъ эти рѣчи любы!
Такому дочку милую свою бы
Я отдалъ. Ишь! Расшевелилъ совсѣмъ,
Мошнѣ отказъ! Удалу тоже!

МОШНА.

Чѣмъ
Я хуже?

ПРИПѢВА.

Прочь!

МОШНА.

Прощай же!
(*Уходитъ*).

УДАЛЪ.

Я покоренъ.
(*Уходитъ*).

ШУМИХА.

И хорошо! Мошна-то духомъ черенъ,
Да и Удалъ не свѣтелъ. Любославъ,
Иди ко мнѣ. Вотъ зять такъ зять! И нравъ
Пріятнѣйшій и добрая повадка.
Цѣлуй ее! Цѣлуй же толкомъ. Сладко!
Ахъ! Что же я! Скорѣй устроить пиръ!
Я докажу, какая я хозяйка!
Чтобъ весь окрестъ завидовалъ намъ міръ
И чтобъ свои всѣ радовались.
(*Уходитъ въ терем*).

ДОРОДА.

Дай-ка
И я пойду... Коль будетъ пиръ, какъ разъ
Мой пригодится въ этомъ дѣлѣ глазъ.
(*Уходитъ*).

УСЛАДА.

Все желанное сбылося, горе долгое прошло.

ЛЮБОСЛАВЪ.

Повѣнчаютъ насъ съ тобою.

УСЛАДА.

На душѣ моей свѣтло!
Я отнынѣ только счастье, счастье вижу впереди.

ПРИПѢВА.

А теперь пожалуй въ теремъ... пиръ готовится,
поди!
(Уходятъ всѣ).

ЛѢШІЙ (*на деревѣ*).

Русалка!

РУСАЛКА (*въ рѣкѣ*).

Что?

ЛѢШІЙ.

Ты слышала?

РУСАЛКА.

А ты?

ЛѢШІЙ

Никакъ сбылися дѣвичьи мечты!

РУСАЛКА.

Я радуюсь.

ДОМОВОЙ (*на крыльцѣ*).

Я тоже. Всѣмъ отрада,
Что весела прекрасная Услада.
(Слышится пѣніе русалокъ).

РУСАЛКИ (*поютъ*).

Будь ты счастлива, Усладушка,
Сердце ближнихъ весели...
Не узнаешь только, ладушка,
Что тебѣ мы помогли...

(ЗАНАВѢСЪ).

КОНЕЦЪ.

Polilov, Georgii T.

Г. Т. Сѣверцевъ.

Своя вина.

РОМАНЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія В. В. КОМАРОВА, Невскій, 136.
1902.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

ни только-что были обвѣнчаны, карета привезла ихъ изъ церкви уже мужемъ и женою въ небольшую дачу на Аптекарскомъ островѣ. Обыкновенно пустынная, Песочная улица оживилась. Въ окнахъ домиковъ и дачъ показались любопытныя физіономіи ихъ обитательницъ. Ловко управляемый кучеромъ наемный экипажъ рѣзво былъ внесенъ на дворъ парою сѣрыхъ рысаковъ, шумя резиновыми шинами по свѣже-усыпанному пескомъ двору и лихо подкатилъ къ крыльцу.

У послѣдняго, точно также и у воротъ дачи, стояла толпа преимущественно женщинъ, ожидавшихъ увидѣть новобрачныхъ. Но едва ли желаніе ихъ было вполнѣ удовлетворено, — черезъ ворота карета пролетѣла быстро, а отъ крыльца дворникъ и городовой безапелляціонно отогналъ любопытныхъ прочь.

— Эхъ, еще кумомъ зовешься! — укоризненно бросила по адресу полицейскаго стража полная, пожилая женщина, отходя съ неудовольствіемъ въ сторону.

— Моей вины здѣсь нистоличко нѣтъ, Маланья Евграфовна,— пробовалъ оправдаться бравый унтеръ, но женщина уже не слушала его.

Къ крыльцу подъѣзжали запоздавшіе поѣзжане. Изъ открытыхъ оконъ дачи доносились хлопанья пробокъ и виднѣлись бритыя лица бѣгавшихъ лакеевъ.

Стоялъ чудный конецъ мая. Дача глубоко помѣстилась въ концѣ двора, выходя фасадомъ въ старый тѣнистый садъ, зеленымъ моремъ охватывающій ее съ трехъ сторонъ. Петербургская весна сказывалась; несмотря на то, что время двигалось уже къ девяти часамъ, на улицѣ было свѣтло. Въ сосѣднемъ саду щелкалъ соловей, не смущаемый необыкновенной суматохой у сосѣдей. За близъ лежащею Невкою догорала вечерняя зорька, окрашивая небосводъ въ ярко-пурпурный цвѣтъ и обѣщая этимъ на завтра вѣтреный день.

Съѣздъ кончился, экипажи неровными рядами тѣснились на дворѣ и на улицѣ. Собственныхъ закладокъ было немного,— больше извозчичьи рыдваны заполняли улицу.

Такъ какъ, кромѣ поздравленія, ничего другого, ни обѣда, ни бала, не предвидѣлось, то кучера и извозчики, въ ожиданіи своихъ господъ и сѣдоковъ, не слѣзали съ козлы. Дѣйствительно, не прошло и часу послѣ прибытія новобрачныхъ въ ихъ новое помѣщеніе, какъ уже знычный голосъ оффиціанта выкликалъ: «Иванъ съ Разъѣзжей! Сидоръ отъ Знаменья, гдѣ ты?» Первымъ уѣхалъ отчимъ и мать молодой, несмотря на вкоренившійся обычай уѣзжать послѣдними. Мать новобрачной старалась стушеваться, не желая частаго напоминанія о своемъ возрастѣ при видѣ такой взрослой дочери и невольно завидуя ея молодости и сопряженной съ нею свѣжести и миловидности. Мужу ея было все равно уѣхать раньше или позже,—его занимали совсѣмъ другія обстоятельства и вопросы.

Гости группами выходили на крыльцо; маленькая дачка начинала пустѣть. Внутри ея, въ небольшомъ залѣ, выходящемъ на садовую террасу, обставленномъ довольно прилично дачнымъ хозяиномъ (молодые предполагали обзавестись обстановкою на зимней квартирѣ и теперь довольствовались своею мебелью только въ спальнѣ), около переддиваннаго столика, стояли молодые, разговаривая съ какими-то двумя пожилыми мужчинами. Въ комнатѣ оставалось еще человѣкъ десять.

Молодой, высокій, худощавый брюнетъ, лѣтъ около тридцати, серьезно что-то оспаривалъ передъ своимъ собесѣдникомъ, полнымъ пожилымъ мужчиною, державшимъ себя съ достоинствомъ. Напротивъ того, молодая слушала разговаривавшаго съ нею другого старика, поминутно краснѣя. Это была средняго роста шатенка. Довольно крупныя черты лица смягчались изящно изогнутыми бровями и небольшимъ ртомъ съ полными губами. Высокій лобъ не былъ закрытъ, по обыкновенію послѣдней моды, завитками волосъ, напротивъ, высокій, бѣлый, онъ кончался вверхъ расчесанными на прямой проборъ темно-каштановыми волосами его владѣлицы. Подвѣнечное бѣлое платье изъ толстаго бѣлаго моарантика прекрасно сидѣло на молодой, изящно вырисовывая ея бюстъ. Каріе глаза глядѣли мягко, улыбалась она крайне пріятно, точно ободряя собесѣдниковъ къ дальнѣйшему разсказу.

Фата и прочія принадлежности вѣнчанія были уже сняты. На лѣвой рукѣ блестѣлъ небольшой бриллiантъ, вправленный въ тоненькій браслетъ,—подарокъ жениха. Такова была Агриппина Богдановна фонъ-Рундбергъ, ставшая въ этотъ вечеръ госпожею Эверецкою, супругою доктора Глѣба Аѳанасьевича Эверецкаго.

Нервный, повидимому, разсказчикъ составлялъ явную противоположность говорящему съ молодымъ. Онъ пояснялъ свои слова жестами и ежеминутно смѣялся. Маленькаго роста, съ тою сѣдою шевелюрою, съ небольшой, подстриженной клинушкою бородкой, онъ какъ-то припрыгивалъ передъ своею слуша-

тельницею. Остальные гости вели разговоръ между собою, не подавая никакихъ признаковъ о своемъ желаніи уйти.

— Итакъ, милѣйшій Глѣбъ Аѳанасьевичъ,—закончилъ первый старикъ, пожимая руку молодому,—мы съ вами все равно другъ друга не разувѣримъ, хотя бы спорили до завтрашняго утра. Сегодня же, тѣмъ болѣе, эти разговоры неумѣстны! Вы устали отъ пережитыхъ волненій, — вамъ пора на отдыхъ съ молодой женкой. Успѣемъ въ другой разъ поспорить,—и говорившій, оставивъ руку молодого, подошелъ, чтобы проститься съ новобрачной. Разговаривавшій съ нею господинъ умолкъ, уступая ему мѣсто.

— Дай Богъ вамъ обоимъ счастія, — задушевно произнесъ послѣдній,—вы его заслужили вполнѣ.

У молодой показались отъ волненія на глазахъ слезы. Она могла только прошептать, крѣпко сжимая ему руку:

— Спасибо, спасибо, дорогой Павелъ Павловичъ.

Старикъ ушелъ, провожаемый взглядами обоихъ новобрачныхъ.

— Ну-съ, и я тронусь,—снова замѣтилъ первый собесѣдникъ молодой женщинѣ,—пора.

— Иванъ Ивановичъ, ты уже давно тронулся! — крикнулъ ему изъ громко разговаривавшей кучки молодежи худощавый, высокій брюнетъ, съ роскошною шевелюрою и бородкой à la Генри IV и большими, насмѣшливо-дерзко глядящими глазками.

— Шутъ,—отвѣтилъ первый старикъ презрительнымъ тономъ и сталъ уходить.

— Не правда ли, господа, онъ тронутъ?—обратился тотъ же шатенъ, редакторъ одной распространенной газеты, Воля Вересовъ, къ окружавшимъ его гостямъ.

Онъ окончилъ курсъ въ одномъ изъ привиллегированныхъ высшихъ училищъ и считалъ себя замѣчательнымъ острякомъ и бонмотистомъ.

— Полно тебѣ, Воля, глупости болтать, — замѣтилъ ему серьезно высокій, полный блондинъ, одинъ изъ шаферовъ невѣсты, богачъ Притынскій.—Мало-ли ты цѣлый день надъ своими сотрудниками глумишься! Неужели не надоѣсть?

Неожиданная защита немного смутила Вересова, и онъ замолчалъ. Предметъ его насмѣшки уже ушелъ; вслѣдъ за нимъ стали прощаться и другіе гости.

Молодые хозяева не удерживали ихъ, только Притынскаго и еще одного офицера, тоже шафера, молодой многозначительно просилъ глазами подождать. Свѣчи боролись съ нехотящею темнѣть ночью, хотя густая стѣна деревьевъ въ саду и помогала имъ, усиливая темноту въ комнатѣ. На дворѣ простучали колеса послѣдней кареты (свой экипажъ Притынскій отпустилъ еще раньше домой), когда молодая вышла изъ комнаты.

Глѣбъ Аѳанасьевичъ усадилъ своихъ друзей за переддиванный столикъ, гдѣ только что сейчасъ сидѣла его молодая суп-

руга и, наливъ три стакана шампанскаго, протянулъ лѣвую руку Притынскому, а правую—офицеру и сказалъ:

— Благодарю тебя, Яша, и васъ, Василій Ѳедоровичъ, за то, что вы оба не отказали встрѣтить со мною эту новую для меня жизнь, жизнь, о которой я давно мечталъ, хотя на исполненіе этой завѣтной мечты, такъ долго мною лелѣянной, несмотря на всю вѣру въ самого себя, плохо надѣялся.

Оба молодые люди молча пожали руку пріятелю.

— Я счастливъ,—продолжалъ онъ,—счастливъ, какъ только можетъ быть счастливъ человѣкъ. Любимая мною страстно дѣвушка—моя жена, она меня тоже любитъ. Ну, чего же у меня не хватаетъ? Я—самый счастливый человѣкъ въ мірѣ.

Оба собесѣдника опять молча согласились съ хозяиномъ, хотя на лицѣ Притынскаго проскользнуло болѣзненное впечатлѣніе.

Счастіе дѣлаетъ человѣка эгоистомъ; то же самое случилось и съ Эверецкимъ. Онъ въ пылу своей любви совершенно позабывалъ, что хотя его слушатели были его близкими друзьями, тѣмъ не менѣе ежеминутное напоминаніе о своемъ благополучіи можетъ и имъ надоѣсть.

Но въ эту минуту въ комнату вошла молодая, успѣвшая перемѣнить подвѣнечное платье на красивый блѣдно-голубой, съ большими бѣлыми звѣздами, капотъ.

Притынскій поспѣшилъ уступить ей свое мѣсто на диванѣ.

— Сидите, сидите,—протестовала она, но молодой человѣкъ уже пересѣлъ на стулъ.

— Какая ты, Груня, хорошенькая,—обратилъ къ ней свои восторги молодой супругъ.

Молодая женщина усмѣхнулась.

— А ты, Глѣбушка, только сейчасъ, въ первый разъ это замѣтилъ?—промолвила она полуласково, полунасмѣшливо, протягивая свою руку за неполнымъ стаканомъ мужа и допивая вино.

Эверецкій ничего не отвѣтилъ, взялъ ея голову въ свои руки, и комната огласилась звонкимъ поцѣлуемъ.

— Горько, горько!—точно обрадовавшись, закричалъ громко офицеръ.

Въ дверяхъ показалась изумленнная физіономія оффиціанта, убиравшаго въ сосѣдней комнатѣ посуду.

— Что надо?—недовольно спросилъ хозяинъ.

Голова скрылась.

— Однако поздно, пора всѣмъ на покой.—какъ-то нерѣшительно произнесъ Притынскій и, выпивъ воно, вмѣстѣ съ офицеромъ поднялся съ мѣста.

— Эге, кукушка закуковала замѣтила молодая, отворяя дверь на балконъ.

— Ну, сколько лѣтъ я проживу?—шутливо спросилъ Глѣбъ, выходя вмѣстѣ съ женой въ садъ, чтобы проводить гостей.

Птица прокуковала четыре раза и на пятомъ запнулась.

Эверецкій вздрогнулъ.

— Только четыре года. Ну, мало же мнѣ съ тобою, Груша, поблаженствовать, всего—какіе-то че-ты-ре года,—полусерьезно прошепталъ онъ.

— Какой ты, Глѣбушка, глупый, всякому вздору вѣришь, а еще докторъ,—укоризненно замѣтила Агриппина Богдановна.

— Завтра заѣдете?—спросилъ вдогонку своихъ пріятелей хозяинъ.

— Непремѣнно,—прозвучалъ отвѣтъ Притынскаго, вышедшаго изъ калитки.

Молодые остались одни среди задремавшаго сада. За невидимой, но дававшей себя знать сыростью Невкою вспыхнула тоненькая полоска разсвѣта.

— Одна заря смѣнить другую спѣшитъ, давъ ночи полчаса,— продекламировала Агриппина Богдановна.

Молодой супраугъ молчалъ; онъ весь ушелъ въ созерцаніе своего блаженствм. Новобрачная положила головку къ нему на плечо, въ то врея, какъ онъ нѣжно охватилъ правою рукою ея станъ.

— Любишь?—шепталъ онъ ей на ухо.

— Люблю!—былъ тихій, но твердый отвѣтъ съ ея стороны.

— Счастлива? — послѣдовалъ опять вопросъ въ томъ же тонѣ.

— Очень!

— Дорогая!

И они направились къ террасѣ.

Умолкнувшій было съ вечера соловей, съ появленіемъ зари, опять началъ свою страстную пѣсню; переливы, точно серебряные, звонко раздавались въ нѣмомъ воздухѣ... Гдѣ-то далеко въ густыхъ б,ерезахъ закаркала ворона.

Полураспустившаяся сирень густой волной несла по саду свой нѣжный, одуряющій ароматъ.

Кругомъ все было погружено въ предразсвѣтное томленіе, въ ожиданіи солнца. Природа отдыхала.

Молодые поднялись на террасу и рука Груни, обвивъ шею Глѣба Аѳанасьевича, привлекла его къ своему лицу. Ключъ щелкнулъ въ дверномъ замкѣ—и молодые удалились на покой...

II.

Сынъ священника изъ небогатаго села Тульской губерніи Эверецкій явился въ столицу съ цѣлью поступить въ медицинскую академію.

Старикъ-отецъ немногимъ, кромѣ родительскаго благословенія, могъ надѣлить сына, когда тотъ отправился пробива дорогу въ свѣтъ. Появленіе въ Петербургѣ молодого Эв

— На ваши условія, г-нъ Эверецкій, я согласна,—замѣтила Елена Рафаиловнв.—Итакъ, значитъ, съ завтрашняго дня вы начнете свои занятія.

Обѣщавъ явиться въ назначенное время, вновь приглашенный репетиторъ раскланялся съ дамами и отправился во-свояси. Кинувъ мелькомъ взглядъ на стоявшую рядомъ съ матерью молодую дѣвушку, онъ подмѣтилъ, съ какимъ любопытствомъ глядѣла она на новаго для нея человѣка.

Уроки съ молодыми Подосиновыми вошли въ свою ежедневную колею. Ни способностями, ни особымъ прилежаніемъ мальчики не могли похвалиться. Заниматься съ ними было довольно не легко, но Эверецкій добросовѣстно вдалбливалъ въ ихъ мало воспріимчивыя головы ежедневно задаваемые уроки, терпѣливо повторяя одно и тоже нѣсколько разъ. Но, во всякомъ случаѣ, младшій его ученикъ, Петя, былъ гораздо способнѣй старшаго, Василія, еле-еле плетущагося по ступенямъ гимназическаго курса.

Самому Подосинову мало было дѣла до образованія его дѣтей; ему впору хватало времени вести свои занятія, аккуратно слѣдя, чтобы скрывать всѣ темные концы и кончики въ воду.

Супруга его, хотя и любившая своихъ дѣтей, тоже мало интересовалась ихъ ученіемъ. Она все еще мечтала сіять въ обществѣ и поражать молодежь своими увядающими прелестями. Театры, вечера у знакомыхъ, сохраненныхъ ею еще отъ перваго мужа, заняли все ея существованіе. Съ мужемъ и дѣтьми она встрѣчалась только во время обѣда, въ шесть часовъ, и затѣмъ съ Гаврилою Васильевичемъ, когда они оба поздно возвращались домой, онъ—съ какой-нибудь пирушки съ поставщиками, она—изъ театра или съ бала.

Единственнымъ мѣриломъ занятій и успѣховъ молодыхъ Подосиновыхъ являлась ихъ сводная сестра Груня. Она заботилась о нихъ съ ранняго утра и до отхода ихъ ко сну.

Эверецкаго крайне заинтересовалъ своеобразный характеръ этой дѣвушки, самой еще полуребенка; она окончила уже гимназію, хотя ей было только шестнадцать лѣтъ. На почвѣ общихъ заботъ о мальчуганахъ завязалась ихъ дружба. Серьезные разговоры, которые они вели, ихъ споры между собою, послужили къ тому, что интересъ ихъ другъ къ другу не уменьшался, но, напротивъ того, росъ съ каждымъ днемъ, съ каждымъ новымъ разговоромъ, съ каждымъ обмѣномъ впечатлѣній. И на этой тропѣ обоюднаго уваженія, сходства понятій и стремленій выросъ тотъ пышный цвѣтокъ, который зовется любовью.

Любовь, вспыхнувшая на взаимномъ пониманіи другъ друга, послѣ полной увѣренности, что ничего, кромѣ правды и откровенности, между ними не существуетъ, дала имъ полную увѣренность, что это не минутная вспышка страсти или увлеченіе другъ другомъ, а серьезное чувство на всю жизнь. Признаніе

вырвалось у обоихъ почти одновременно, но они рѣшились ждать, пока Глѣбъ Аѳанасьевичъ, окончивъ академію, получитъ мѣсто и только тогда обвѣнчаться. О соглашеніи ихъ никто изъ домашнихъ Груни не зналъ,—она не проговорилась никому объ этомъ; въ свою очередь, Эверецкій передалъ о своей любви и надеждахъ только сошедшемуся съ нимъ за послѣднее время очень близко Притынскому, но зная послѣдняго, онъ былъ увѣренъ, что тотъ никому не откроетъ его тайны.

Черезъ годъ Эверецкій окончилъ академію, написалъ диссертацію на званіе доктора, и былъ оставленъ при академіи, какъ одинъ изъ лучшихъ молодыхъ врачей.

Прошелъ еще годъ, показавшійся молодымъ людямъ цѣлою вѣчностью, и страстно желаемый и жданный такъ долго бракъ молодаго врача съ Грунею совершился, поразивъ многихъ своею неожиданностью, а въ особенности Елену Рафаиловну, въ вихрѣ разсѣянной свѣтской жизни до сихъ поръ не догадавшейся о любви дочери къ репетитору ея сыновей. Гаврила Васильевичъ, котораго этотъ бракъ тоже изумилъ не мало, охотно, вмѣстѣ съ матерью Груни, далъ согласіе, видя, какъ практическій человѣкъ, какую хорошую партію дѣлаетъ его падчерица, вступая въ замужество съ человѣкомъ, имѣющимъ все для блестящей карьеры. И бракъ совершился.

Глѣбъ Афанасьевичъ избралъ себѣ спеціальностью дѣтскія болѣзни, и сейчасъ же по окончаніи курса, получилъ мѣсто въ одной изъ дѣтскихъ больницъ столицы. Практика тоже не заставила себя ждать; ко времени его свадьбы онъ имѣлъ нѣсколько постоянныхъ мѣстъ, гдѣ считался годовымъ врачемъ. Назвать его матеріальное положеніе блестящимъ нельзя было, но, во всякомъ случаѣ, его жалованья въ больницѣ и доходовъ отъ частной практики хватало на безбѣдное существованіе вдвоемъ съ женою.

III.

Молодые еще спали, когда на другой день, позднимъ утромъ, вновь нанятая горничная мела передтеррасную комнату и приводила ее въ порядокъ, стараясь дѣлать какъ можно меньше шума, чтобы не разбудить своихъ новыхъ хозяевъ. Было около одиннадцати часовъ. На столѣ передъ диваномъ, на которомъ вчера такъ уютно сидѣли новобрачные, стояла масса коробокъ и футляровъ съ присланными отъ родныхъ и друзей хлѣбомъ-солью и подарками. Приближающееся къ полудню солнце пробиваясь сквозь густую зелень сиреневыхъ кустовъ, играло на неплотно завязанной въ бумагу, отдѣланной въ серебро вазѣ съ фруктами, присланной богачомъ Притынскимъ, шаферомъ невѣсты.

Яковъ Гордѣевичъ Притынскій считался однимъ изъ старыхъ пріятелей Эверецкаго. Еще когда послѣдній явился въ столицу, первое знакомство его въ университетѣ, куда онъ поступилъ, чтобы пройти первые два курса, было съ Притынскимъ, который такъ и продолжалъ естественный факультетъ и блестяще его окончилъ.

Сынъ крупнаго богача-кабатчика и трактирщика, Яковъ Гордѣевичъ стѣснялся своего происхожденія и невольно старался его скрыть сперва отъ товарищей по университету, а затѣмъ и отъ своихъ знакомыхъ. Ему было страшно неловко на душѣ, когда напоминали о капиталѣ его родителя. Блондинъ громаднаго роста, съ добродушными, подслѣповатыми голубыми глазами, молодой Притынскій изъ всѣхъ своихъ товарищей по университету привязался только къ Эверецкому. Нужно сказать, что и Глѣбъ Аѳанасьевичъ платилъ ему тѣмъ же самымъ, первому открылъ тайну своей любви и надеждъ и ввелъ пріятеля въ семейство Подосиновыхъ, представивъ его невѣстѣ какъ лучшаго друга, чѣмъ еще больше расположилъ его къ себѣ.

Притынскій съ перваго дня знакомства былъ очарованъ Груней и началъ ей просто поклоняться, отыскивая въ невѣстѣ своего пріятеля все большія и большія достоинства и качества. Груня сначала дичилась его восторженныхъ фразъ, его вѣжливой предупредительности къ ней, но все-таки, въ концѣ-концовъ, убѣдилась, что всѣ его слова, это необъяснимое боготвореніе ея личности были не пустыя фразы болтуна, а дѣйствительно шли изъ сердца, и стала по дружески относиться къ этому большому ребенку-идеалисту.

Эверецкій съ улыбкой смотрѣлъ на нихъ обоихъ, прекрасно зная честный характеръ своего пріятеля; Яковъ Гордѣевичъ цѣнилъ и очень любилъ Эверецкаго. Третьимъ къ нимъ въ союзъ замѣшался еще одинъ офицеръ воздухоплавательнаго парка, Василій Ѳедоровичъ Неугадаевъ.

Этотъ послѣдній по всему,—по образу мыслей, по характеру—подходилъ къ двумъ первымъ. Они охотно приняли его въ свой дуэтъ, ставшій теперь тріо.

Неугадаевъ тоже былъ шаферомъ. Не имѣя такихъ крупныхъ средствъ, какъ его пріятель Притынскій, онъ ограничился тѣмъ, что прислалъ молодымъ очень изящную фарфоровую бездѣлушку съ конфектами.

Горничная продолжала попрежнему безшумно прибирать комнату и сметать метелкой изъ перьевъ уже успѣвшую насѣсть пыль. Мебель была вся старинная, какъ и сама дача, построенная болѣе полустолѣтія и уже немного скривившаяся на бокъ. Неудобные старомодные стулья и кресла изъ краснаго дерева, съ прямыми спинками и мягкимъ сидѣньемъ, обитымъ выцвѣтшимъ бархатомъ, ровными рядами тянулись по стѣнамъ; такой же большой диванъ помѣщался у стѣны, противъ выхода на

террасу; передъ нимъ стоялъ столъ, крытый бархатной скатертью.

У двухъ оконъ, глядящихъ въ садъ, пріютились полукруглые столики, тоже изъ краснаго дерева. Въ углу стоялъ длинный, старинный Виртовскій рояль, на столько разстроенный, что когда вчера одинъ изъ гостей открылъ его, думая что-нибудь сыграть, струны бренчали, но тона никакого не было слышно. Устрашенный музыкантъ поспѣшилъ закрыть крышку и отойти прочь отъ инструмента.

На окнахъ висѣли ситцевыя чистенькія гардины, на полу тянулись дорожки. Въ углахъ, въ вазахъ, благоухали увядающіе букеты цвѣтовъ, поставленные еще вчера заботливою рукою Глѣба Аѳанасьевича. Кромѣ этой комнаты въ дачѣ, занимаемой Эверецкими, было еще три.

Спальня, кабинетъ и столовая, затѣмъ комната для прислуги и кухня. Дачка была не велика, но достоинствомъ ея нужно было признать замѣчательную сухость и теплоту. По зимамъ въ ней жилъ самъ владѣлецъ, отставной чиновникъ—старичекъ, ютившійся лѣтомъ въ небольшой пристройкѣ въ глубинѣ сада. Онъ купилъ эти дачи съ аукціона; онѣ принадлежали раньше какому-то разорившемуся барину, наслѣдовавшему ихъ отъ отца. Мезонинъ дачи занимали другіе жильцы. Громкій звонокъ у парадной двери прервалъ занятіе горничной, начавшей было отъ скуки что-то про себя мурлыкать. Она побѣжала отворять. Въ спальнѣ у молодыхъ, вѣроятно, тоже слышенъ былъ звонокъ, тамъ раздались шаги и скоро въ залъ выглянула заспанная физіономія самого Эверецкаго.

Даша изъ противоположной двери несла на подносѣ двѣ карточки съ загнутыми концами и подала барину.

— Владиміръ Николаевичъ Вересовъ,—прочиталъ онъ про себя и улыбнулся.

— Не опоздалъ,—продолжалъ Глѣбъ Аѳанасьевичъ,—хотя во всемъ остальномъ и невѣжа, но здѣсь захотѣлъ задать тонъ и явился первымъ! Эхъ, если бы съ сотрудниками онъ всегда былъ такъ вѣжливъ!—и усмѣшка появилась на губахъ доктора.

Было дѣйствительно чему улыбнуться! Молодой человѣкъ, редактировавшій всего только второй годъ послѣ своего отца, почившаго на лаврахъ и солидныхъ барышахъ, принесенныхъ ему газетою, много непріятныхъ минутъ доставлялъ своимъ сотрудникамъ. При его редакторствѣ, работавшему уже нѣсколько лѣтъ раньше по вопросамъ своей спеціальности Эверецкому пришлось не долго оставаться, но въ этотъ короткій срокъ Вересовъ успѣлъ уже не разъ сдѣлать массу непріятностей и проявить громадную безтактность въ отношеніи Глѣба Аѳанасьевича. О другихъ сотрудникахъ нечего было и говорить,—они буквально были у зазнавшагося выскочки на положеніи лакеевъ, которымъ онъ позволялъ невозбранно и безнаказанно говорить дерзости, благодаря только тому обстоятельству, что воз-

можность потерять заработокъ заставляла ихъ молчать, выслушивая насмѣшки зазнавшагося мальчишки. Съ Эверецкимъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ окончилъ курсъ и получилъ хорошее мѣсто, избалованный Вересовъ перемѣнилъ свое обращеніе и, чего не ожидалъ Эверецкій, явился не только къ нему на свадьбу, но даже первымъ пріѣхалъ съ визитомъ на другое утро.

Новый звонокъ заставилъ Глѣба Аѳанасьевича поторопиться одѣться и выйти къ посѣтителю. Но въ противоположность первому визиту скороспѣлаго редактора, новые визитеры обрадовали хозяина.

Это были его вчерашніе шафера, послѣдними оставившіе его дачу, Притынскій и Неугадаевъ.

— Однако же вы хороши!—укоризненно покачавъ головою, сказалъ Яковъ Гордѣевичъ, ставя свой цилиндръ на подоконникъ.—Спите чуть не до вечера! Вѣдь первый часъ,—сфантазировалъ онъ, хотя стѣнные часы показывали только половину двѣнадцатаго.

Неугадаевъ отворилъ дверь на террасу и развалился на камышевой качалкѣ. Притынскій продолжалъ трунить надъ неумытымъ еще Эверецкимъ, равнодушно выслушивающимъ его воркотню, стоя передъ нимъ въ старомъ форменномъ пальто.

— Ну, кончилъ?—спросилъ онъ пріятеля.—Я пойду мыться.

— Ладно, ступай!—безучастно отвѣтилъ ему Притынскій.—Скоро ли вы насъ кофеемъ угощать будете?

— Подожди, жена выйдетъ, все будетъ,—отвѣтилъ Глѣбъ, уходя обратно въ спальню.

Черезъ четверть часа оба гостя и хозяева сидѣли за столомъ на террасѣ.

Въ саду кипѣла мало видимая, но чувствуемая жизнь въ природѣ. Гудѣла мохнатая пчелка, летая съ цвѣтка на цвѣтокъ, желтыя бабочки, рѣзво гоняясь другъ за другомъ, мелькали въ воздухѣ. На лужайкѣ, среди сочной травы, слышалось стрекотаніе невидимаго кузнечика; надоѣдливый комаръ тянулъ свою однообразную ноту. Въ густой зелени березъ, довольные собою, чирикали воробьи и какъ-то странно посвистывали трясогузки и малиновки. Яркія краски чуднаго лѣтняго дня и золотые лучи полуденнаго солнца фантастично мѣшались межъ собою, давая глазамъ впечатлѣніе оживленнаго калейдоскопа. Полдень съ присущимъ ему жаромъ и духотою наступалъ. Птицы, утомившись съ ранняго утра, смолкали; все манило на отдыхъ, все просило прохлады.

— Чудный Божій міръ! — мечтательно замѣтила Груня, восторженно поглядывая на своего Глѣба, аппетитно уничтожавшаго чашку кофе съ тортомъ.

— Истинно такъ, – поддакнулъ Притынскій, не спускавшій взгляда съ хорошенькой головки новобрачной.

— Не смѣю спорить съ вами,—замѣтилъ Неугадаевъ,— если бы вы видѣли его сверху, откуда мы его со-

верцаемъ, то далеко не такъ восторженно бы отозвались объ этомъ жалкомъ кускѣ вселенной, называемомъ землей и населенной такими пигмеями, какъ мы—люди!

— Василій Ѳедоровичъ, когда опять полетите — возьмите меня съ собою,—не то въ шутку, не то просительно замѣтила молодая женщина.

— А я-то съ кѣмъ останусь,—замѣтилъ Глѣбъ, — ты полетишь съ Василіемъ Ѳедоровичемъ, а я здѣсь буду ждать, когда ты низвергнешься на землю, не такъ ли?

— Ну, это почти немыслимо въ настоящее время, — пробовалъ протестовать Неугадаевъ.

— Еще какъ великолѣпно-то!—отвѣчалъ ему молодой.—Такъ прямо съ моей благовѣрной и кувыркнетесь.

Всѣ засмѣялись.

— Тебѣ жъ лучше, скорѣе интереснымъ вдовцомъ будешь!—пошутила Агриппина Богдановна.—Опять жениться можешь!

— Нѣтъ-съ, благодарю покорно, довольно и одного раза,—съ комическимъ ужасомъ вскричалъ Глѣбъ, точно женитьба въ дѣйствительности являлась ему страшною обузою и непріятностью.

Гдѣ-то внизу по рѣкѣ послышался протяжный фабричный свистокъ, напоминающій рабочимъ объ обѣдѣ.

— Люди половину дня отработали, ѣсть будутъ, а вы только еще поднялись,—подсмѣивался Притынскій.

— Подожди, попадешь и ты на удочку къ такой же дамѣ и тебя вышлифуютъ!—замѣтилъ, шутя, Эверецкій.

— Это я-то «такая дама»! Это я-то тебя поймала на удочку! О, боги! Гдѣ справедливость!—поднимая руки, въ томъ же тонѣ продолжала молодая Эверецкая.

— Толстая, должно быть, леса была, — спокойно произнесъ Неугадаевъ,—если вамъ удалось вытянуть такую крупную рыбину, какъ вашъ мужъ!

Новый звонокъ и женскій голосъ, немного рѣзкій, спросилъ горничную:

— Встали?

— Пьютъ кофе на верандѣ,—былъ отвѣтъ.

Послышался шелестъ шелка, и на террасу выплыла крупная фигура Елены Рафаиловны.

— Дитя мое! — немного эффектированно обратилась она къ дочери, подбѣжавшей къ ней навстрѣчу и обнимая ее.—Ты здорова, счастлива?—быстро забросала она вопросами дочь, машинально произнося слова, глазами же осматривая молодого Неугадаева, очень мало ей знакомаго.

— Здорова, счастлива, очень, много, безконечно, — едва успѣвала отвѣчать дочь на ея вопросы, причемъ на ея щекахъ заигралъ румянецъ.

— Берегите Груню! — важно, но въ то же время дружественно обратилась величественная гречанка къ новому зятю.

Послѣдній молча поклонился.

На дочери былъ одѣтъ вчерашній голубой капотъ, изящный, но не дорогой; старѣющаяся кокетка-мать разодѣлась въ дорогое шелковое платье свѣтло-сиреневаго цвѣта съ роскошной кружевной отдѣлкой, достаточно короткое, чтобы можно было видѣть стройныя ноги Елены Рафаиловны въ бронзовыхъ туфелькахъ. На головѣ величественно помѣщалось темно-красное перо, прикрѣпленное къ такой маленькой шляпѣ, что ее скорѣе можно было принять за токъ. Не снимая свѣтлыхъ по локоть перчатокъ, м-мъ Подосинова манерно пила изъ небольшой чашки кофе. Она, видимо, скучала въ обществѣ дочери и зятя и старалась какъ можно скорѣе уѣхать.

— Теперь, мои дорогія дѣти, — не допивъ кофе, промолвила она, вставая, — какъ мнѣ ни грустно съ вами разставаться, у васъ такъ мило, — обводя взоромъ садъ, прибавила она, хотя глаза ея выражали желаніе поскорѣе уйти, — но, но... обязанности свѣта прежде всего! Меня въ половинѣ второго ждетъ моя пріятельница генеральша Таратина, у ней сегодня garden-party, играютъ въ лаунъ-теннисъ, а я, ты знаешь, какая страстная любительница этой игры! Кромѣ того, у меня очень милый партнеръ, одинъ англичанинъ, молодой человѣкъ. Ну, я боюсь опоздать, тѣмъ болѣе, что передъ игрою необходимо еще переодѣться въ игральный костюмъ, такъ нельзя! До свиданья! Au revoir! — прибавила она по адресу Притынскаго и Неугадаева.

Отъѣздъ ея не опечалилъ никого. Каждому изъ нихъ была извѣстна разсѣянная жизнь Елены Рафаиловны, этого мотылька до старости лѣтъ. Насмѣшливая улыбка проскользнула на губахъ мужчинъ, когда затихъ шелестъ ея платья на верандѣ.

Груня пошла проводить мать до крыльца.

— Ну ужъ и тещушка у тебя!—сказалъ офицеръ хозяину.— Летаетъ точно наши балоны. Къ себѣ даже забыла дочь и зятя пригласить!

— Тѣмъ лучше!—серьезно замѣтилъ Глѣбъ.—Рѣже ее видѣть, рѣже слышать—для глазъ и ушей пріятнѣе!

— Я какъ-то не могу даже повѣрить, что Агриппина Богдановна ея дочь!—промолвилъ Притынскій.

— Ну, вѣрь—не вѣрь, однако это правда,—смѣясь выразилъ Эверецкій!

Молодая Эверецкая, проводивъ мать, вернулась на веранду. Мужчины изъ вѣжливости замолчали и перемѣнили разговоръ.

— Знаешь, Яша, — заговорилъ хозяинъ, — Вересовъ уже у насъ былъ.

Оба гостя изумились.

— Не даромъ!—произнесъ усмѣхнувшись Притынскій.—Что нибудь ему нужно отъ тебя, или вѣтеръ подулъ на твою сторону. Вѣдь помнишь, какъ онъ грубъ былъ съ тобою!

— Грубить-то, положимъ, онъ мнѣ и не смѣлъ, но разыгрывать роль патрона онъ былъ не прочь.

— Надутый выскочка!—авторитетно рѣшилъ Неугадаевъ.

— Какая разница,—онъ и Павелъ Павловичъ! — вошла въ разговоръ молодая.

Павелъ Павловичъ Анисьевъ, вчерашній гость, долго спорившій съ Глѣбомъ, былъ его профессоръ, очень его любившій и не мало поддерживавшій его въ теченіе долгихъ лѣтъ прохожденія курса.

— Нашла что сравнить, — съ легкой досадой возразилъ мужъ.—Павелъ Павловичъ человѣкъ, о которомъ его злѣйшій врагъ побоится сказать худое, а этого недоросля — пискуна всякій, кому приходится имѣть съ нимъ дѣло, ругаетъ.

— Право, хорошо у васъ!—вырвалось у Притынскаго.—Вотъ и въ городѣ почти, а какъ уютно, какъ тихо, точно въ лѣсу гдѣ. Я бы съ радостью поселился въ подобной пустынѣ.

— Не одинъ?—шутливо переспросилъ его Глѣбъ.

— Ему все равно, онъ и одинъ бы прожилъ здѣсь, ему людей не надо,—подтрунивалъ офицеръ — деньги есть, такъ чего еще надо, какихъ такихъ людей?

— Нѣтъ, позвольте заступиться за Якова Гордѣевича,—замѣтила горячо Груня,—онъ не изъ такихъ, деньги для него не играютъ никакой роли.

— Виноватъ,—комически кланяясь, отвѣтилъ Неугадаевъ,—что обидѣлъ вашего вѣрнаго рыцаря, виноватъ и больше не буду!

Глѣбъ усмѣхнулся.

— Вотъ то-то, остерегайся, не обижай Яшу, видишь, какую заступницу нашелъ онъ за себя.

Несмотря на шутливый тонъ пріятеля, Притынскій сконфузился. Онъ страшно не любилъ выпучиванія своей персоны.

Кончили пить кофе.

— Теперь въ садъ, подъ березки, ишь какая здѣсь благодать,—пригласилъ хозяинъ гостей, и взявъ подъ руку Груню, спустился съ террасы.

Прямая дорожка, къ концу почти заросшая травою, вела къ полуоткрытой бесѣдкѣ, однолѣткѣ дачи. Деревья густымъ шатромъ сомкнулись надъ головами идущихъ. Голубое небо кое гдѣ сквозь вѣтви виднѣлось разорванными клочьями. Солнечный лучъ, проникшій черезъ густую зелень, золочеными пятнами игралъ на травѣ и на дорожкѣ. Несмотря на жаркій день, въ этомъ мѣстѣ сада было прохладно, даже немного сыро.

Глѣбъ разговорился съ Неугадаевымъ, а Притынскій подошелъ къ молодой женѣ своего пріятеля, сидящей на ветхой, полусгнившей скамейкѣ около бесѣдки, и сѣлъ съ нею рядомъ.

Какой-то вопросъ просился на его губы, но онъ молчалъ, стѣсняемый молчаніемъ сосѣдки.

Эверецкая замѣтила его неловкое положеніе и, улыбаясь, замѣтила:

— Вы что-то хотите, повидимому, мнѣ сказать, но стѣсняетесь; говорите, я не разсержусь.

Яковъ Гордѣевичъ даже покраснѣлъ, ему было неловко, что она догадалась объ его намѣреніи, онъ, запинаясь, еле могъ произнести:

— Скажите мнѣ откровенно, Агриппина Богдановна — вы счастливы?

— Странный вопросъ! Да, очень, много! Ну, довольно вамъ?— бойко спросила она его.

Притынскій ничего не отвѣтилъ и наклонилъ голову.

— Слава Богу, я радъ за васъ, — прошепталъ онъ тихо и взглянулъ на собесѣдницу.

— Вотъ чудакъ-то!—могла только сказать молодая.—Въ свою очередь отвѣтьте мнѣ, а вы счастливы?

Онъ испуганно посмотрѣлъ на говорившую.

— Я, я-то! Даже очень, но счастіемъ другихъ!

Молодая женщина задумалась. Она, несмотря на всю свою проницательность, не могла понять ясно отвѣта Притынскаго.

Эверецкая молча смотрѣла на задумавшагося собесѣдника.

Ей почему-то показалось, что послѣдній чѣмъ-то огорченъ, чѣмъ-то разстроенъ. Вообще, Яковъ Гордѣевичъ даже раньше своимъ постояннымъ нѣмымъ обожаніемъ, своимъ предугадываніемъ ея мыслей и желаній невольно стѣснялъ ее.

Но тогда она была еще не замужемъ, ухаживаніе и вниманіе молодежи считалось за вполнѣ понятную дань хорошенькой дѣвушкѣ. Въ настоящее время хотя Агриппина Богдановна и была внѣ всякихъ предразсудковъ, но неудобство поведенія Притынскаго въ отношеніи ея могло породить лишніе толки и сплетни. Она искала у себя въ мысляхъ, какъ бы повѣжливѣе дать ему это понять, не обижая его деликатность, и не находила.

— Слушайте вы, старый мой рыцарь,—нерѣшительно начала Груня, ударивъ сорванной вѣткой по рукѣ все еще молчавшаго Якова Гордѣевича,—вы не вздумайте и теперь ухаживать за мною!—умышленно засмѣявшись, не находя другого слова, чтобы замѣнить «ухаживать», окончила молодая женщина.

Притынскій съ изумленіемъ взглянулъ на нее.

— То-есть какъ это «ухаживать»?—медленно спросилъ онъ.

— Вотъ ребенокъ-то,—въ томъ-же неестественномъ тонѣ продолжала Груня,—ну, дарите подарки, какъ это вы раньше дѣлали, не спускаете съ меня глазъ, предугадываете мои желанія... ну, ну, не сердитесь,—перебила она себя, видя измѣнившееся лицо Притынскаго,—не буду, не буду больше! Вы такой милый, хорошій, что не разсердитесь на вашего маленькаго [illegible] пробовала она замять принявшій непріятный оборотъ

'ордѣевичъ молчалъ, но лицо его поблѣднѣло, видимо ъ отъ словъ молодой женщины.

— Вы правы, Агриппина Богдановна, вы вполнѣ правы, я сознаю свою вину, я забылъ, что съ вашимъ замужествомъ все должно измѣниться. Повѣрьте, этого больше не будетъ.

Эверецкая была какъ на иголкахъ, она стѣснялась взглянуть въ лицо Притынскаго, считая себя виновною.

— Не сердитесь, голубчикъ,—робко промолвила она, подавая ему руку.

Притынскій почтительно взялъ ее, слабо пожалъ, но не поцѣловалъ, какъ раньше постоянно дѣлалъ.

— Что же вы не цѣлуете?—нимало замѣшана молодая женщина.

— Отвыкать нужно,—вѣжливо, но холодно отвѣтилъ молодой человѣкъ.

— Чудакъ вы какой!

— Что это вы, никакъ разсорились?—спросилъ подошедшій къ нимъ Эверецкій.

— Что ты, что ты, нисколько!—краснѣя отвѣтилъ Яковъ Гордѣевичъ.—Мы такъ разговаривали съ твоей женой.

Глѣбъ сѣлъ рядомъ съ Груней.

Притынскій всталъ со скамьи и хотѣлъ уходить съ офицеромъ.

— Ну, куда вы заторопились, отобѣдаете у насъ, тогда и съ Богомъ,—остановилъ ихъ хозяинъ.

Неугадаевъ нерѣшительно взглянулъ на Якова Гордѣевича.

— И впрямь, Яша, не остаться-ли?

— Ты какъ знаешь, а мнѣ необходимо ѣхать,—холодно сказалъ послѣдній.

Хозяева продолжали слабо удерживать гостей, но они все-таки уѣхали.

— Чудакъ, куда торопится, самъ не знаетъ, все равно дѣла никакого у него нѣтъ!—благодушно произнесъ Глѣбъ.

Груня ничего ему не отвѣтила, но проводила долгимъ взглядомъ уходившихъ гостей.

IV.

ДНИ для молодыхъ Эверецкихъ быстро и незамѣтно катились. Новизна положенія, ихъ любовь другъ къ другу, чудная лѣтняя погода,—однимъ словомъ, все окружающее позволяло имъ проводить медовый мѣсяцъ безъ малѣйшей черной тучки на жизненномъ небосклонѣ. Благодаря близости города, товарищи Глѣба, а изрѣдка и мать Груни съ отчимомъ и дѣтьми посѣщали молодыхъ, но Эверецкіе не особенно радовались этимъ пріѣздамъ. Они вносили въ мирную жизнь молодыхъ, въ ихъ увеличивающееся обожаніе другъ другомъ нежелательный элементъ чуждыхъ интересовъ внѣшняго міра ново-

стей и сплетень. Они оба, мужъ и жена, ушли въ свою раковинку, наслаждаясь своимъ собственнымъ счастіемъ, живя своими интересами, своею любовью. Пользуясь случайно найденнымъ тихимъ, уютнымъ уголкомъ, новобрачные не хотѣли знать о кипящей кругомъ ихъ жизни большого города съ ея страстями и вѣчною борьбой за существованіе. Они были счастливы, и въ этомъ счастіи было для нихъ все. Глѣбъ взялъ по случаю свадьбы отпускъ на мѣсяцъ изъ больницы, и такъ какъ, благодаря лѣтнему сезону, его маленькіе частные паціенты почти всѣ разъѣхались по дачамъ, то онъ очень рѣдко ѣздилъ въ городъ, предпочитая проводить все время со своею любимою Груней.

Дѣйствительно, только такая сильная любовь, какую онъ испытывалъ къ своей молодой женѣ, могла заставить дѣятельнаго Глѣба Аѳанасьевича оставить на время свои занятія какъ въ клиникѣ, точно такъ же и въ больницѣ. Ему почему-то думалось, что такое абсолютное счастіе, какое онъ въ настоящее время испытывалъ, дается только одинъ разъ въ жизни, и онъ строго хранилъ этотъ дивный подарокъ судьбы, боясь потерять изъ него хотя одну минуту. Довольно поздно вставая, они проводили почти цѣлые дни до поздней ночи въ саду. Читали, строили блестящіе планы о будущемъ и даже, пользуясь отдаленностью сада отъ другихъ строеній, бѣгали по дорожкамъ, какъ маленькія дѣти. Трудно было повѣрить, чтобы молодой докторъ, аттестованный своими профессорами и коллегами какъ «серьезнѣйшій изъ серьезныхъ», рѣзвился какъ мальчикъ со своей женой. Тѣмъ не менѣе, это было такъ. Всѣ заботы, всѣ серьезные вопросы жизни,—все было отложено ими на время, и, ничего о нихъ не думая, новобрачные пользовались вполнѣ счастіемъ, ниспосланнымъ имъ Провидѣніемъ.

Покривившаяся бесѣдка въ концѣ сада стала любимымъ мѣстопребываніемъ молодыхъ супруговъ. Здѣсь проводили они большую часть дня, причемъ Глѣбъ, страстный любитель живописи и самъ немного писавшій, перетащилъ сюда свой мольбертъ и работалъ, чувствуя на себѣ взглядъ своей Груни, обыкновенно въ это время читавшей ему что нибудь вслухъ. Для чтенія онъ выбиралъ небольшіе лирическіе разсказы, избѣгая кончающихся мрачно; даже и въ этомъ сказалась его нѣжность и предупредительность къ женѣ.

Сюжетами для его эскизовъ служили мотивы деревьевъ, но по какой-то странности между ними появлялось почти всегда хорошенькое личико, напоминающее черты Груни, легкимъ штрихомъ наброшенное на полотнѣ рукою мужа.

Чириканье передъ заходомъ солнца пташекъ въ густой чащѣ деревьевъ, съ каждою зарей стихавшія трели соловья, порывъ вѣтра, налетѣвшій внезапно и заставившій шелестѣть листья деревьевъ и меланхолически звучать эолову арфу, повѣшенную на макушкѣ ели, стрекотанье кузнечиковъ,—однимъ

словомъ, всѣ голоса природы, обыкновенно теряющіеся среди жизненной сутолоки и рельефно слышимые здѣсь, въ тишинѣ, заставляли ихъ прислушиваться внимательно и невольно чувствовать и понимать все величіе этого необъемлемаго и таинственнаго организма, называемаго природой. Только приглашеніе горничной, зовущей завтракать или обѣдать, вызывало ихъ изъ очарованнаго состоянія волшебныхъ грезъ. Пользуясь возможностью безнаказанно скрываться въ густомъ саду, они рѣшили до конца ихъ медоваго мѣсяца не принимать никого. Тщетно раздавались звонки у парадной двери,—горничная неизмѣнно повторяла одинъ и тотъ же отвѣтъ: «господа только-что уѣхали»!—было ли это утромъ, среди дня или вечеромъ. Непосвященный въ тайну молодыхъ, посѣтитель могъ обвинить ихъ въ частыхъ выѣздахъ и чрезмѣрномъ пользованіи свѣтской жизнью, не заставъ нѣсколько разъ хозяевъ дома.

Исключеніе было сдѣлано только для Притынскаго и Неугадаева, но первый всего одинъ разъ явился и то держалъ себя черезчуръ оффиціально, а второй уѣхалъ въ Варшаву на два мѣсяца къ роднымъ.

— Глѣбушка, отчего бы намъ не покататься въ лодкѣ?—замѣтила какъ-то Груня.

— Да нужно выѣзжать въ Неву!

— Къ чему! Можемъ и здѣсь, развѣ мало притоковъ и рѣчекъ въ сосѣднемъ паркѣ.

Небольшая лодочка была приведена и супруги сѣли въ нее,—она къ рулю, онъ на весла.

Выѣзжать на Неву и вправду не представляло необходимости. Старинный паркъ Лаваль, съ красиво вьющимися рѣченками и прудами, просто манилъ кататься на его тихихъ водахъ. Еще глуше, еще диче, чѣмъ въ ихъ саду, было здѣсь. Старинные, полуразрушенные мостики, боскеты виднѣлись между прибрежными кустами. Ихъ позеленѣвшіе камни и ступени говорили о прежнемъ порядкѣ и роскоши парка. Кругомъ было тихо и пустынно. Глѣбъ причалилъ лодку къ низкому берегу, вышелъ самъ, а затѣмъ помогъ выбраться изъ лодки и женѣ. Вдернувъ носъ лодки немного на отмель, они взобрались по отлогому берегу на аллею и присѣли на изъѣденную временемъ и непогодами каменную скамью, помнившую еще, вѣроятно, эпоху Александра I, когда первый владѣлецъ парка, графъ Борхъ, задавалъ въ немъ блестящія празднества и фестивали. Надъ нею, на покривившемся пьедесталѣ стояла когда-то бѣлая, а теперь пожелтѣвшая мраморная ваза. Паутина густыми прядями заплела ея ручки, среди растрескавшихся стѣнокъ выросла простая травка, вмѣсто роскошныхъ цвѣтовъ, сажаемыхъ, вѣроятно, въ нее прежде. Всесокрушающее время наложило здѣсь свою руку, помогая природѣ побороть затѣи человѣка. Молодымъ людямъ стало грустно при видѣ такого запустѣнія. Груня съ сожалѣніемъ бросила взглядъ вокругъ себя. Предъ ней всталъ видъ этого парка,

какъ онъ былъ раньше, когда заботливый глазъ богатаго владѣльца смотрѣлъ за каждымъ упущеніемъ, за каждымъ плохо посаженнымъ растеніемъ или криво поставленною скамьей. Когда аллеи были усыпаны пескомъ, въ тянущихся вдоль ихъ клумбахъ пестрѣли массы цвѣтовъ. Толпа гостей, весело болтая, гуляла по парку, слушая музыку, играющую въ боскетѣ.

— Жарко!—произнесъ Эверецкій, снимая легкую фуражку и разстегивая воротъ чесучовой рубашки, бывшей на немъ, вышитой голубымъ шелкомъ самою Груней.

— Ты усталъ грести?—заботливо спросила у него она.

Глѣбъ засмѣялся.

— Однако, плохого же ты мнѣнія о своемъ мужѣ, — устать отъ двухъ-трехъ взмаховъ веселъ! — усмѣхнулся ей въ отвѣтъ мужъ, отирая потный лобъ.

Рыба, пользуясь тишиною вечера, вспрыгнула за мошкою поверхъ воды и грузно шлепнулась обратно въ свою стихію.

По водѣ пошли круги, расходящіеся по берегу все шире и шире.

Груня вздрогнула отъ неожиданности и еще крѣпче прижалась къ плечу мужа.

— Вотъ трусиха-то, рыбы испугалась!—пошутилъ Глѣбъ и ласково погладилъ ее по просто-причесанной головѣ, — она не завивала волосъ.

— Знаешь что? Мнѣ сейчасъ вспомнился Притынскій,—промолвила Эверецкая.

— Что-жъ онъ тебя тоже, какъ эта рыба, испугалъ, что ли?—пошутилъ Глѣбъ.

— Нѣтъ, я не то хотѣла сказать; появился онъ у насъ послѣ свадьбы разъ, да больше и не пріѣзжаетъ.

— Онъ человѣкъ крайне деликатный, сознаетъ, что теперь намъ не до него,—ну, и не ѣдетъ.

Груня задумалась.

— Нѣтъ, Глѣбушка,—послѣ минутнаго молчанія продолжала она разговоръ, — мнѣ кажется, не обидѣлся ли онъ на меня, помнишь, когда я ему сказала на другой день нашей свадьбы...

Она тогда же передала мужу разговоръ свой съ Притынскимъ, рѣшивъ никогда ничего не скрывать отъ Глѣба.

— Едва ли, — спокойно замѣтилъ послѣдній, — насколько я его знаю, онъ не изъ обидчивыхъ, хотя тебѣ вовсе не слѣдовало ему этого говорить: что тебя убудетъ, что ли, если онъ на тебя посмотритъ?

— Да, но все же...—пробовала возражать Груня.

— Ну все же, ну все же...

И онъ схватилъ жену на руки, причемъ она вскрикнула отъ неожиданности, и бѣгомъ вмѣстѣ со своею ношей спустился по бережку къ лодкѣ и, посадивъ въ нее Груню и вскочивъ самъ, оттолкнулъ багромъ съ отмели.

— Медвѣдь!—прошептала раскраснѣвшаяся отъ неожиданной выходки мужа Эверецкая, поправляя костюмъ.

— Какой?—насмѣшливо кивнулъ ей Глѣбъ.

— Бѣлый, морской,—поддразнила она мужа,—всю измялъ!

Скоро они вошли въ свой садъ.

— Боринъ!—кричала имъ еще издали Даша.—Здѣсь господинъ Притынскій, хотѣли уже уходить, да я остановила!

— Вотъ, видишь, легокъ на поминѣ, а ты говоришь, разсердился,—замѣтилъ докторъ и пошелъ на встрѣчу пріятелю.

Груня направилась къ дачѣ перемѣнить платье, смятое Глѣбомъ. Она сквозь деревья замѣтила, какъ оба мужчины встрѣтились и дружелюбно расцѣловались.

Яковъ Гордѣевичъ перемѣнился послѣ послѣдняго визита,—онъ похудѣлъ. Это къ нему шло.

Крупный блондинъ, съ близорукими, выпуклыми глазами, онъ сталъ казаться изящнѣе, пропорціональнѣе,—излишняя полнота портила его фигуру.

— Пропавшій Іосифъ, говори, гдѣ все это время изволилъ быть? — шутилъ Глѣбъ Аѳанасьевичъ надъ пріятелемъ; давая понять, что ему извѣстенъ его послѣдній разговоръ съ Груней.

Притынскій покраснѣлъ.

— Да цѣлыми днями по дѣламъ все ѣздилъ,—оправдывался онъ передъ Эверецкимъ.

— Знаемъ мы ваши дѣла! — продолжалъ посмѣиваться послѣдній. — Небось, изволили дома на диванѣ лежать, да папиросочки покуривать.

Притынскій молчалъ.

— Бранить тебя, какъ видно, довольно, хотя и слѣдовало бы—отчего не приходишь,—ворчливо продолжалъ Эверецкій.—Ну, да первая вина прощается, впредь такъ не дѣлай! Вонъ твоя и заступница идетъ, — указывая на приближающуюся Груню, закончилъ Эверецкій. — Мы съ ней недавно еще о тебѣ вспоминали.

— Яковъ Гордѣевичъ, вы ли это!—шутила, въ свою очередь, молодая.—А мы уже думали, что вы умерли; глазъ не кажете, а еще моимъ шаферомъ были!

— Брось его бранить, Груня, я это все съ нимъ уже продѣлалъ,—перебилъ ее мужъ.—Прости его, онъ теперь паинькой будетъ!

Яковъ Гордѣевичъ раскланялся съ женою пріятеля и тихо произнесъ:

— Велика моя вина, но я сознаю ее и прошу прощенія.

— Вы прощены.

И она протянула ему руку, но Притынскій, противъ обыкновенія, взявъ ее, не поцѣловалъ!

Груню поразило это обстоятельство, собственно само по себѣ пустое, но въ отношеніи къ Притынскому имѣвшее другую окраску.

Спустя десять минутъ, на столѣ передъ ними кипѣлъ самоваръ, мирно шумя и напѣвая свою пѣсенку.

Къ вечеру стало немного свѣжѣть, вѣтеръ подулъ верховой, обманчивая погода столицы сказывалась.

— Я къ тебѣ, Глѣбъ, собственно говоря, съ порученіемъ,— нерѣшительно произнесъ гость, уловивъ удобный моментъ послѣ оконченной Глѣбомъ фразы.

Эверецкій внимательно на него взглянулъ.

— Не знаю, будетъ ли оно умѣстно, но я обязанъ его передать. Ты помнишь Вакуфова, нашего товарища по университету, изъ татаръ?

Глѣбъ кивнулъ утвердительно головой.

— Онъ женился около трехъ лѣтъ назадъ, имѣется ребенокъ, который теперь захворалъ, и госпожа Вакуфова, а также и онъ столько слышали о тебѣ, о твоемъ искусствѣ лѣчить и о твоей замѣчательно легкой рукѣ, а это у мусульманъ чуть ли не самое главное,— ну, и попросили, чтобы я пригласилъ тебя къ нимъ. Я отнѣкивался, зная твое намѣреніе не заниматься практикой весь этотъ мѣсяцъ, но они, въ особенности жена, чуть не со слезами умоляла тебя пріѣхать. Ну, я и рѣшился нарушить ваше мирное затворничество.

— Какъ ты думаешь, Груня,— спросилъ Эверецкій,— идти?

— Разумѣется, Глѣбъ; отказываться, по моему, не честно, разъ они тебѣ такъ вѣрятъ и именно на твое знаніе надѣются,—горячо вступилась Груня.

— Что-жъ, пойдемъ,— рѣшился онъ наконецъ.—Далеко ли?

— На Крестовскомъ, минутъ двадцать ѣзды, у меня лошадь тутъ ждетъ.

Пріятели вышли на крыльцо, и скоро рысакъ Притынскаго примчалъ ихъ на Крестовскій островъ къ больному ребенку.

Груня въ первый разъ послѣ замужества осталась одна такъ поздно,—былъ уже одиннадцатый часъ вечера.

Она послала мужа сама къ больному, торопила его ѣхать, а теперь вдругъ какое-то нехорошее чувство сожалѣнія, зачѣмъ она это сдѣлала, шевельнулось у нея. «А если ребенокъ боленъ какой-нибудь заразной болѣзнью?— думалось ей.— Если Глѣбъ самъ заразится, да еще привезетъ заразу къ ней домой»?..

Отъ одной этой мысли ей дѣлалось непріятно, а затѣмъ, какъ пусто стало ей одной въ дачѣ, привыкшей коротать всѣ вечера съ мужемъ!

Но она скоро откинула отъ себя непріятныя мысли, нахлынувшія на нее подъ впечатлѣніемъ непривычнаго одиночества.

— «Фу, какіе я страхи придумываю! Трусиха—правда, Глѣбъ меня назвалъ»,—ободряла она себя.

Докторъ скоро вернулся, но уже одинъ; Притынскій довезъ [illegible]воротъ дачи, но не зашелъ, извиняясь позднимъ временемъ. [illegible]лѣзнь ребенка оказалась пустяками, простою простудой, [illegible]ой трусливые родители видѣли всевозможныя инфек-

ціозныя болѣзни. Пріѣзда Эверецкаго было вполнѣ достаточно, чтобы успокоить встревоженныхъ Вакуфовыхъ.

Груня съ нетерпѣніемъ ждала звонка въ передней, — она знала, что кромѣ мужа некому придти, и только что его услышала, какъ быстро пошла на встрѣчу Глѣбу.

Она хотѣла уже броситься ему на шею, какъ мысль, что онъ явился прямо отъ больного, невольно остановила ея порывъ. Мужъ, замѣтивъ ея движеніе и прекрасно понявъ его мотивы, вздумалъ попугать жену.

— Да, да, подальше, я прямо отъ дифтеритнаго.

Груня поблѣднѣла, опустила руки и невольно подалась назадъ. Громкій смѣхъ мужа заставилъ ее понять его шутку и снова броситься къ нему на шею.

— Злой Глѣбъ, какъ тебѣ не грѣшно пугать такъ меня, — говорила она, стараясь показаться разсерженной, но это ей плохо удавалось.

Первое легкое неудовольствіе, легкое облачко среди чистаго лазурнаго неба ихъ медоваго мѣсяца умчалось, и супруги вернулись на террасу къ потухшему самовару.

V.

Съ первымъ днемъ окончанія отпуска, жизнь Эверецкихъ начала принимать болѣе будничный, прозаическій отпечатокъ. Глѣбу Аѳанасьевичу, невольно облѣнившемуся въ теченіе мѣсяца свободы и отставшаго отъ правильныхъ педантичныхъ занятій, было вначалѣ трудно опять втянуться въ хлопотливую дѣятельность больничнаго врача. Даже во время занятій съ больными мысли его были въ маленькой дачкѣ на Аптекарскомъ, около его Груни. Увы! онъ не могъ теперь, какъ раньше, цѣлыми днями быть съ нею, упиваться ея присутствіемъ, дѣлиться съ нею каждою мыслью, каждымъ своимъ впечатлѣніемъ. Только не раньше шести часовъ вечера являлся онъ домой, уѣзжая утромъ въ девять.

На Грунѣ это невольное одиночество тоже оставило слѣды. Привыкнувъ къ обществу своего мужа, не имѣя совсѣмъ подругъ и знакомыхъ, кромѣ его товарищей, — Груня скучала. Книги, которыя она съ такимъ удовольствіемъ читала въ его присутствіи, ея больше не интересовали, прогулки по саду еще сильнѣе напоминали объ отсутствующемъ мужѣ. Она буквально томилась отъ тоски и, не зная куда дѣться, ложилась на диванъ, стараясь сномъ сократить убійственно долго тянущіеся часы до пріѣзда Глѣба. И лишь только заслышавъ, что часы пробили половину шестого, она быстро вскакивала съ дивана и, оправившись, шла встрѣчать доктора къ Каменноостровскому проспекту, по капризно завертывающейся Песочной улицѣ.

Глѣбъ заранѣе, еще на Нарвовскомъ мосту, сходилъ съ имперіала конки и шелъ къ поджидавшей его на углу улицы Груни.

Лицо послѣдней преображалось при видѣ любимаго человѣка. Видно, что только шумный проспектъ мѣшалъ ей броситься къ нему на шею и обнять его, но это она очень часто проделывала, когда они проходили по деревяннымъ мосткамъ пустынной Песочной.

Глѣбъ непремѣнно каждый день привозилъ женѣ фунтовую коробку конфектъ, зная, что онѣ ихъ любитъ.

Эти встрѣчи послѣ дневной разлуки еще сильнѣе привязывали ихъ другъ къ другу.

Пообѣдавъ, они попрежнему проводили вечеръ въ любимомъ ими саду, дѣлясь впечатлѣніями и новостями. Но въ то время, какъ городскія новости врача были прозаичны и носили на себѣ только жизненный интересъ, разсказы его жены отличались поэтичностью и преимущественно были плодомъ фантазіи изъ сновъ молодой женщины. Одиночество развило ея воображеніе, — разсказы Груни отличались яркими красками ея богатой фантазіи. Глѣбъ заслушивался выдуманными ею похожденіями и не разъ хвалилъ ее за богатство вымысла.

Елена Рафаиловна не разъ заѣзжала къ скучающей дочери, но оставалась не долго, въ именины же ея, 23-го іюня, явилась съ обоими сыновьями; мужъ ея пріѣхалъ одинъ позднѣе. Еще рано утромъ, когда Эверецкіе спали, два посыльныхъ принесли по великолѣпному букету именинницѣ. Одинъ былъ отъ Притынскаго, другой же, какъ узнали по найденной съ трудомъ карточкѣ, прислалъ снова вспоминаемый о нихъ, Вересовъ. Внизу карточки стояла просьба разрѣшить ему пріѣхать вечеромъ поздравить Эверецкую лично, но такъ какъ посыльный ушелъ не дожидаясь отвѣта, то передавать позволенія Вересову пріѣхать было неуместно. Но пылкій юноша не замедлилъ явиться къ именинницѣ вечеромъ, сочтя неполученіе отвѣта—согласіемъ.

Гостей было немного — Притынскій, Елена Рафаиловна, какой-то врачъ, товарищъ Глѣба, да отчимъ Груни, Гавріилъ Васильевичъ. Вересовъ разодѣтый оффиціально во фракъ, немного смущался неумѣстностью своего костюма для лѣта, смотря на простые дѣтніе жакеты другихъ присутствующихъ. Именины пришлись въ субботу, когда докторъ могъ возвратиться раньше обыкновеннаго времени домой.

Пріѣздъ Вересова снова изумилъ хозяина, принявшаго своего [illegible] гостя очень вѣжливо, но сухо. Владиміръ Николаевичъ [illegible] въ любезностяхъ передъ Грунечкой, не разъ вызывая [illegible] взгляды у ея неизбѣжнаго рыцаря, Притынскаго, уже [illegible] полученную имъ отъ нея нотацію и [illegible] свои на молодыхъ чуть-ли не ежедневно. Новаго [illegible] о неудобствѣ [illegible] обожанія со стороны Якова Гор- [illegible] Эверецкая не понимала, зная взглядъ мужа по этому

— Долго, долго не видѣлъ я васъ, Агрипина Богдановна,— слышался голосъ Вересова, — вашъ мужъ теперь уже никогда больше не заглядываетъ ко мнѣ въ редакцію, загордился!

— Едва-ли, Владиміръ Николаевичъ, Глѣбъ не гордъ, вѣроятно, время ему не позволяло.

— Полноте, полноте защищать мужа, — перебилъ ее редакторъ,—просто гордымъ сталъ, оттого, что у него такая миленькая жена; а мы еще больше похорошѣли, — галантно закончилъ Вересовъ.

Груня покраснѣла. Притынскій внимательно прислушивался къ ихъ разговору, молодой зазнавшійся выскочка бѣсилъ его. Онъ въ своемъ обожаніи Эверецкой и въ мысляхъ не смѣлъ такъ фамильярно обращаться съ нею, какъ это дѣлаетъ сейчасъ этотъ мальчишка. Яковъ Гордѣевичъ едва могъ сдержать себя, чтобы не наговорить ему дерзостей.

Эверецкая замѣтила необычайный видъ Притынскаго и, предугадывая могущую произойти непріятность, извинилась передъ своимъ собесѣдникомъ и подошла къ мужу.

— Глѣбъ, посмотри на Якова Гордѣевича, вѣдь онъ глазами просто готовъ съѣсть Вересова,—смѣясь замѣтила Груня.

— Да, пожалуй, и я того же мнѣнія, какъ и Притынскій, тебѣ не слѣдуетъ выслушивать любезности отъ этого нахальнаго молодчика.

Груня изумилась, она въ первый разъ слышала подобное отъ мужа.

— Ты, ты ревнуешь?—насмѣшливо спросила она Глѣба.

Эверецкій пожалъ плечами и отошелъ къ своей тещѣ, разговаривавшей о чемъ-то съ ненаблюдавшимъ болѣе за Вересовымъ Притынскимъ. Мужъ ея вмѣстѣ съ мальчиками гулялъ по саду.

Въ передней раздался звонокъ. Заподавшимъ гостемъ оказался музыкантъ-теоретикъ и піанистъ въ то же время, пріятель хозяина Турмановъ.

Немного смущенный своимъ позднимъ приходомъ, Турмановъ, конфузясь, поклонился присутствующимъ и, замѣтивъ именинницу, подошелъ къ ней и къ Глѣбу.

— Поздно,—сказалъ хозяинъ, когда высокій, черноволосый музыкантъ съ типичною физіономіей, съ худощавымъ лицомъ, чему много способствовало отсутствіе у него верхнихъ зубовъ, жалъ ему руку.

— Не могъ раньше, уроки задержали.

— Знаю тебя, уроки! Съ кѣмъ-нибудь, по обыкновенію, бражничалъ.

— Ну, ну, ну, это вѣдь не всегда бываетъ, —оправдывался вновь пришедшій, стараясь обратить замѣчаніе хозяина въ шутку.

— Кого я вижу, Владиміръ Николаевичъ!—обратился онъ къ Вересову, подходя и садясь рядомъ.

Зазнавшійся юноша снисходительно подалъ ему два пальца и сухо сказалъ ему, не называя по имени:

— Здравствуйте!

— Я къ вамъ хотѣлъ еще вчера забѣжать, написалъ статейку, крайне интересную, о вліяніи Вагнера на новѣйшихъ французскихъ композиторовъ...

— Мнѣ не нужно ея,—такъ же холодно перебилъ его Вересовъ,—вы вѣдь работаете въ «Отчизнѣ», — ну, и работайте съ Богомъ тамъ, у насъ свои сотрудники есть.

Закончивъ фразу, онъ небрежно отвернулся отъ музыканта.

Бѣднякъ принужденъ былъ замолчать и незамѣтно отойти отъ него, прошептавъ:

— Наглецъ!..

Изъ сада на балконъ поднимался Подосиновъ съ обоими сыновьями. Это былъ пожилой, но еще бравый чиновникъ. Долгая служба въ военномъ вѣдомствѣ дала ему военную выправку. Длинные сѣдые усы, по-кавалерійски, красиво опускались на губы. Глѣбъ Аѳанасьевичъ, оставивъ Турманова, обернулся къ отчиму своей жены.

— Погуляли?

— Да, немного, хорошо у васъ тутъ,—прибавилъ тотъ.

— А вы, ребята,—обратился хозяинъ къ своимъ прежнимъ воспитанникамъ, рослымъ гимназистамъ, — все попрежнему баклуши бьете?

Отчиму, видимо, понравилось суровое замѣчаніе Глѣба.

— Вѣрно говорите, Глѣбъ Аѳанасьевичъ, ничего все лѣто не дѣлаютъ, а обоимъ въ августѣ переэкзаменовка!

Изъ зала послышался громкій разговоръ. Глѣбъ бросился туда.

Около его жены сидѣлъ опять Вересовъ; весь красный, онъ слушалъ Притынскаго, стоящаго передъ нимъ и что-то оживленно говорившаго:

— Поведеніе ваше, г. Вересовъ, въ отношеніи такихъ же гостей, какъ и вы сами, — возмутительно! — горячился Притынскій.

Долго сдерживаемое имъ нерасположеніе къ молодому человѣку вырвалось невольно послѣ сцены послѣдняго съ Турмановымъ.

— Я знаю Глѣба, онъ человѣкъ деликатный и не позволитъ себѣ замѣтить о некрасивомъ вашемъ поступкѣ, но я... я, какъ такой же гость, какъ и Турмановъ, не могу смолчать и смотрѣть на зазнавшихся батюшкиныхъ сынковъ. Нѣтъ, я обязанъ высказать то, что мнѣ подсказываетъ мое сердце!

Вересовъ дѣлалъ видъ, что принимаетъ слова Притынскаго за шутку и удерживалъ сидѣвшую съ нимъ рядомъ Груню. Послѣдняя не знала, что ей предпринять, чтобы выйти изъ неловкаго положенія. Въ эту минуту къ нимъ подошелъ Глѣбъ и

хотѣлъ остановить расходившагося пріятеля, но послѣдній оттолкнулъ его и, какъ пѣтухъ, опять накинулся на Вересова.

— Вы думаете, въ своей спѣси, что эти труженики, которымъ вы, какъ милостыню, платите копѣйки, ниже васъ, — ошибаетесь! Я громко ратую за оскорбленное достоинство человѣка въ лицѣ Турманова.

Но Вересову надоѣло выслушивать выговоръ отъ Якова Гордѣевича.

Красный отъ обиды, онъ всталъ съ кресла, и попрощавшись вѣжливо съ хозяйкою и хозяиномъ, направился изъ комнаты въ прихожую, бросивъ на ходу Притынскому:

— Виноватъ, я и забылъ, что вашъ батюшка былъ кабатчикъ, вы—достойный сынъ его.

Яковъ Гордѣевичъ поблѣднѣлъ и, чтобы не упасть отъ волненія, схватился за плечо Глѣба, возлѣ котораго стоялъ. Хозяева даже не вышли проводить редактора въ переднюю. Онъ сейчасъ же уѣхалъ.

Всѣмъ стало какъ-то неловко, и, чтобы выйти изъ этого положенія, гости начали собираться домой. Послѣднимъ уѣхалъ Притынскій; мрачный какъ туча, онъ сердился на самого себя за невыдержку характера.

— Вотъ такъ твои первыя именины справили!—полушутливо, полусерьезно произнесъ Эверецкій, обращаясь къ женѣ, когда они остались одни.

Груня ничего ему не отвѣтила и вошла въ свою комнату; ей хотѣлось остаться одной.

Она своимъ внутреннимъ чувствомъ понимала, что только-что происшедшій скандалъ, вся эта ссора между двумя рѣдко встрѣчающимися людьми вызвана была вовсе не грубымъ обращеніемъ Вересова съ музыкантомъ. Главною причиной всей непріятности была она—Груня, вызвавшая всю эту некрасивую сцену тѣмъ, что выслушивала любезности со стороны Владиміра Николаевича, чего не могъ снести ея нѣмой обожатель Притынскій. Какъ долго сдерживаемый клапаномъ паръ въ котлѣ ищетъ тщетно исхода и, найдя маленькую скважину, съ шумомъ, со свистомъ вырывается наружу, такъ точно и Яковъ Гордѣевичъ, долго искавшій случая привязаться къ Вересову и высказать ему душившую его непріязнь, воспользовался его невѣжливостью съ Турмановымъ...

Эверецкая все это отлично понимала. Ей была страшно непріятна эта исторія, она сердилась на себя, что допустила ей разразиться, и одновременно ей было больно за Притынскаго, о которомъ она никогда не могла думать, чтобы онъ могъ позволить себѣ что-либо подобное.

Возобновлять свой разговоръ съ нимъ о неудобствѣ его quasi-рыцарской бравады она не хотѣла, хотя и самъ Глѣбъ былъ противъ поступка своего пріятеля; сдѣлать видъ, что она на него сердится, это она считала недостойнымъ себя; но нужно-же

было какъ-нибудь устроить, чтобы подобныя выходки Притынскаго не повторялись болѣе. Онѣ могли всетаки и ее компрометировать отчасти. Что-же придумать, какъ все это устроить?

Она присѣла въ широкое старинное кресло, съ кривою спинкой, стоящее у открытаго окна комнаты, и, облокотившись на подоконникъ, задумалась, глядя въ слегка сгустившуюся темноту лѣтней ночи. Ей не долго пришлось оставаться одной.

Глѣбъ скоро вошелъ въ комнату и осторожно, думая, что жена спитъ, произнесъ:

— Груня!

Она сдѣлала движеніе встать.

Глѣбъ съ трудомъ разсмотрѣлъ въ темной комнатѣ сидящую ея фигуру.

— Ты еще, моя милая, не спишь?—спросилъ онъ ласково.

— Я все думала, Глѣбъ, о сегодняшней непріятности!

— Пустое, все обойдется!

— Все это прекрасно, но чѣмъ ты можешь увѣрить меня, что подобная сцена не повторится со стороны Якова Гордѣевича.

— Что ты, что ты, никогда; вѣдь Яша воспитанный человѣкъ, и сегодня уже онъ былъ самъ собою недоволенъ.

— Это все такъ, милый мой, если-же Яковъ Гордѣевичъ дѣйствительно выговорилъ Вересову за Турманова, то вѣдь...

— Знаю, знаю, ты хочешь сказать, — перебилъ жену Эверецкій,—что онъ ревновалъ тебя къ Вересову.

Груня утвердительно кивнула головой.

— Не спорю, и ты, и я знаемъ эту слабость въ немъ, это нѣмое обожаніе твоей персоны; но его нужно обидѣть, если опять дать ему понять, что ты на это сердишься, — серьезно промолвилъ докторъ.

Груня ничего ему не отвѣтила.

Воцарилось молчаніе.

Глѣбъ Аѳанасьевичъ чувствовалъ самъ, что жена права, высказываясь противъ этого безусловно страннаго обожанія со стороны Притынскаго, что оно невольно бросалось въ глаза каждому и легко могло повторить опять сцену, только-что разыгравшуюся; но какая-то вѣжливость въ отношеніи Якова Гордѣевича, какое-то нежеланіе обидѣть пріятеля—заставляли доктора молчать и не обращать вниманія на манію Притынскаго.

Въ саду свѣжѣло, въ открытое окно врывалась сырость ночи.

Эверецкій передернулъ плечами и молча затворилъ окно.

— Однако поздно, нужно и о снѣ подумать, — промолвилъ онъ:—мнѣ вѣдь завтра рано вставать. Ого, —чиркнувъ спичкою и взглянувъ на часы, продолжалъ Глѣбъ,—скоро двѣнадцать!

анное чувство недовольства другъ другомъ зародилось въ супругахъ.

а, несмотря на ласковый тонъ мужа, обижалась на него ніе переговорить съ Притынскимъ.

Глѣбъ, въ свою очередь, чувствовалъ какую-то досаду и на жену, послужившую причиной ссоры, и на Притынскаго, затѣявшаго ее, въ общемъ-же онъ былъ недоволенъ больше всего самимъ собою.

Чтобы успокоиться, онъ вышелъ на минуту въ садъ, но сырость заставила его вернуться въ комнату.

Въ первый разъ послѣ брака Звѣрецкіе легли спать, не пожелавъ другъ другу спокойной ночи.

VI.

Супруги безмолвно примирились, жизнь ихъ начала входить въ свое собственное русло, выработанное обоюдными привычками, совмѣстною жизнью.

Хотя лѣто только-что еще перевалило на вторую половину, тѣмъ не менѣе заботливый Глѣбъ Аѳанасьевичъ уже началъ хлопотать о пріискиваніи зимней квартиры; благодаря этимъ поискамъ, онъ чуть-ли не ежедневно опаздывалъ домой къ обѣду. Утомленный дневными занятіями въ больницѣ и клиникѣ, онъ все-таки бодро лѣзъ въ четвертый этажъ за дворникомъ или швейцаромъ, показывающимъ ему квартиру. Несмотря на массу осмотрѣнныхъ имъ помѣщеній, онъ, все-таки, не могъ найти что-либо подходящее, то это было черезчуръ далеко отъ больницы, то комнаты были черезчуръ малы или низки, однимъ словомъ—Глѣбу Аѳанасьевичу ничего не нравилось. Онъ желалъ устроить уютную квартирку для своей милой Груни, свѣтлую, веселую, чтобы рѣдкій гость въ нашемъ туманномъ Петербургѣ, солнце, въ тѣ дни, когда оно навѣщаетъ столицу, постоянно смѣялось въ окна ихъ маленькой квартирки. Отыскать фасадъ на югъ—было главною заботой доктора при выборѣ квартиры.

Іюль двигался къ концу, дни стали короче, близость Невы стала сильнѣе сказываться по вечерамъ; послѣ вечерней прогулки по саду, супруги возвращались домой съ сырымъ платьемъ. Зелень сада, еще недавно такая свѣжая, душистая, начала принимать болѣе грубый оттѣнокъ, листья ея стали твердыми, кое-гдѣ черезчуръ рано пожелтѣвшій листъ нарушалъ однообразный колоритъ листвы.

Садъ началъ стариться вмѣстѣ съ проходящимъ лѣтомъ. Птички почти замолкли, только надоѣдливые грачи въ Лавальскомъ паркѣ, пользуясь его заброшенностью и безлюдьемъ, цѣлыми днями надоѣдали своимъ непріятнымъ крикомъ.

Въ дождливый день, когда въ мрачной отъ окружающихъ ее деревьевъ дачѣ было еще темнѣе, эти крики раздражительно дѣйствовали на нервы.

Агриппина Богдановна еще не вполнѣ привыкла къ своему невольному одиночеству и чувствовала его еще сильнѣе во время ненастныхъ дней, сопровождаемыхъ крикомъ несносныхъ птицъ.

— Что это съ тобой, голубка?—участливо спросилъ ее какъ-то мужъ, вернувшись домой и замѣтивъ немного напухшіе глаза жены.—Ты плакала? Отчего?

— Пустое, милый,—стараясь улыбнуться, отвѣчала Груня:—дождь и грачи причиною тому.

Эверецкій самъ видѣлъ, что дальнѣйшее пребываніе Груни одной на дачѣ можетъ вредно повліять на нервную, по обыкновенію всѣхъ, за рѣдкими исключеніями, петербуржцевъ, Груню.

Проживъ всѣ свои дѣвичьи годы въ семьѣ, окруженная постоянно родными, Грунѣ казалось вначалѣ очень страннымъ это затишье, это коротаніе времени съ однимъ собственнымъ «я». Гулять одна молодая женщина не любила; оставались книги, работа и хозяйство, и Груня начала понемногу привыкать къ этой новой для нея жизни,—жизни самостоятельной хозяйки. Она и въ семьѣ отчима отчасти слѣдила за хозяйствомъ, но Елена Рафаиловна, несмотря на всю свою безалаберность характера, все же имѣла претензію считать себя хозяйкою, и дочери приходилось уступать передъ нею. Здѣсь же, у мужа, въ самостоятельномъ хозяйствѣ, она входила во всѣ подробности, изучала всѣ кулинарныя тонкости, чтобы сдѣлать пріятное Глѣбу, угостивъ его какимъ-нибудь новымъ блюдомъ. Читала-же она и работала въ саду, выбирая излюбленныя мѣста, гдѣ они съ мужемъ ежедневно проводили время ихъ медоваго мѣсяца. Тутъ она воображеніемъ представляла его сидящаго съ нею рядомъ, читающаго ей или слушающаго ея чтеніе. Фантазія завлекла ее такъ далеко, что ей стало даже казаться, что Глѣбъ въ дѣйствительтости около нея. Сначала ей нравились подобныя грезы, но вскорѣ, замѣтивъ, что это еще болѣе разстраиваетъ ея нервы, такъ какъ, съ нѣкоторыхъ поръ, ей начало слышаться, когда она оставалась одна въ саду, что ее кто-то кличетъ. Она начала избѣгать оставаться одной и брала съ собою въ садъ горничную Дашу, бойкую, молодую дѣвушку, но уже искусившуюся во всѣхъ привычкахъ и уловкахъ столичной прислуги. Разговаривала съ Дашей она неособенно много, но все-же присутствіе другого человѣка понемногу отучило ее отъ галлюцинацій. Чистокровный продуктъ столицы, Даша была очень довольна каждый разъ, когда являлся Притынскій.

Богатый пріятель хозяина постоянно дарилъ ей рублевую бумажку, и этого было достаточно, чтобы дѣвушка считала его чуть-ли не крезомъ. Яковъ Гордѣевичъ, кромѣ того, нравился ей и какъ мужчина; но Притынскій держалъ себя крайне вѣжливо съ прислугою, избѣгая позволять себѣ съ нею малѣйшую фамильярность.

— Вотъ, барыня,—тараторила бойкая большеглазая Даша, когда онѣ обѣ послѣ завтрака находились въ саду,—вотъ если бы у меня былъ женихъ, который хоть чуточку походилъ на Якова Гордѣевича,—минутку бы не задумалась, сейчасъ-бы за него замужъ пошла!

Груня улыбнулась такой откровенности со стороны своей горничной и промолвила:

— Однако, сильно же тебѣ поразилъ сердце Яковъ Гордѣевичъ, что ты все только о немъ и думаешь.

— Куда ужъ намъ, барыня, на господъ льститься,—потупила глаза Даша, — межъ нашимъ-же братомъ найдется для меня суженый.

— Что-жъ, дай Богъ,—участливо замѣтила Груня:—замужемъ-то все-же лучше, чѣмъ по чужимъ людямъ служить.

— Да вы для меня ближе родныхъ, — поспѣшила польстить ловкая дѣвушка.

Эверецкая улыбнулась.

— Ну, едва-ли!—прошептала она.—Достаньте, Даша, лодку и поѣдемте вмѣстѣ въ сосѣдній паркъ.

Горничная быстро побѣжала исполнять желаніе барыни, а Груня, оставшись одна, опять вернулась къ своимъ фантазіямъ и мечтамъ. Полулежа на повѣшанномъ межъ двухъ деревьевъ гамакѣ, она неподвижно уставила свой взоръ на узкую прогалину, въ концѣ которой виднѣлась ихъ дача, ожидая оттуда появленія Даши. Лодки на этотъ разъ не удалось достать, и скучающая Эверецкая осталась въ своемъ саду. Впрочемъ, скучать ей долго не пришлось. Давно не навѣщавшая ее Елена Рафаиловна явилась внезапно къ дочери. Она выглядѣла очень разстроенною.

— Ахъ, ты не можешь и вообразить, — быстро заговорила она,—что у насъ происходитъ, Груня!

И Елена Рафаиловна опустилась на скамью.

— Боже мой, Боже мой, кто это могъ ожидать!—продолжала она, прикладывая раздушенный платокъ къ глазамъ,

Дочь съ недоумѣніемъ на нее посмотрѣла.

Вся фигура Подосиновой выглядѣла какъ-то жалко-безпомощно. Противъ своего обыкновенія, она сегодня не обратила вниманія на туалетъ и явилась къ дочери въ старенькомъ шерстяномъ платьѣ. Шляпка была косо надѣта на незавитыхъ волосахъ. Лицо, безъ обычной подрисовки и косметики, смотрѣло старѣе и болѣе утомленнымъ, чѣмъ всегда, глаза припухли отъ слезъ.

— Что же, что же съ вами, мама, случилось? — тихо, но участливо спросила Груня.

— Что! Ты еще можешь спрашивать—что!—аффектировано вскричала Елена Рафаиловна, точно желая увеличить эффектъ сообщаемой новости.—Мы разорены, мы погибли совсѣмъ!

Груня вздрогнула отъ неожиданности и хотѣла спросить мать, какъ та перебила просившійся на ея губы вопросъ и быстро, едва успѣвая произносить слова, затараторила:

— Вчера, да, да, это было вчера, — точно не довѣряя своей памяти, начала она,—подъ вечеръ явился какой-то генералъ къ намъ въ домъ, спросилъ Гаврила Васильевича, но, не заставъ

его дома, уѣхалъ и просилъ, чтобы онъ немедленно, какъ пріѣдетъ домой, сейчасъ же явился къ нему. Мужъ скоро вернулся, я ему передала, что сказалъ генералъ; онъ перемѣнился въ лицѣ и сейчасъ же къ нему уѣхалъ. Поздно, только ночью, вернулся онъ снова домой и разстроеннымъ отъ волненія голосомъ приказалъ мнѣ спрятать все, что было цѣннаго. Ничего не понимая, я съ прислугою убрала всѣ дорогія вещи, отправивъ ихъ къ одной изъ нашихъ знакомыхъ. Послѣ неоднократныхъ моихъ вопросовъ, Гаврила Васильевичъ, все время порывисто бѣгавшій по комнатѣ, сказалъ мнѣ: на меня и на генерала кто-то сдѣлалъ доносъ въ злоупотребленіяхъ: генералъ растерялся и все свалилъ на меня; стали провѣрять, — докопались до всего, и теперь я нищій, все отберутъ въ казну: домъ, движимости — все, да и самому придется подъ судъ уйти... «Легко ли мнѣ, душенька, услышать что-нибудь подобное. Слава Богу, дѣтей не было дома, они ничего не знаютъ, я къ тебѣ кинулась».

На лицѣ Груни выразилось сожалѣніе.

— Милая, дорогая мама, какъ мнѣ васъ жалко!—могла только промолвить она въ утѣшеніе.

Подосинова, окончивъ разсказъ, плакала.

— Подождите Глѣба, онъ сегодня пораньше пріѣдетъ,—пробовала Груня утѣшать мать:—онъ, навѣрно, что-нибудь посовѣтуетъ. Не плачьте, успокойтесь, можетъ быть, все это такъ пустяками и кончится.

Дѣйствительно, Глѣбъ Аѳанасьевичъ скоро пріѣхалъ изъ города и привезъ давно ожидаемую новость.

Квартира была найдена. Она помѣщалась въ одной изъ ротъ Измайловскаго полка и вполнѣ соотвѣтствовала желаніямъ доктора. Окна выходили на югъ, высота комнатъ была достаточная для того, чтобы въ ней помѣщалась масса воздуха, комнаты были велики. Однимъ словомъ, докторъ остался доволенъ и съ восторгомъ хвалилъ новую квартиру.

Груня поспѣшила остановить его восторги и разсказала непріятность, случившуюся съ ея отчимомъ.

— Этого давно нужно было ожидать, — хладнокровно замѣтилъ Глѣбъ.

Жена вопросительно поглядѣла на него.

— Иначе и быть не могло; доносъ этотъ не первый,—были еще и тогда, когда я ходилъ къ вамъ репетировать твоихъ братьевъ, но всегда Гаврилѣ Васильевичу удавалось выходить сухимъ изъ воды, да, вѣроятно, и нынѣшній разъ онъ опять выкрутится!

Тещѣ особаго совѣта докторъ дать не могъ, но такъ же, какъ и Грунѣ, указалъ на предыдущіе примѣры умѣнья Подосинова сухимъ изъ воды. Елена Рафаиловна, отчасти успо-овами зятя, уѣхала домой, обѣщавъ увѣдомить дочь, надобилась ея помощь.

Несмотря на всю грустную причину ея посѣщенія, докторъ не могъ удержаться, и едва она уѣхала, сказалъ:

— Ну, слава Богу, уѣхала!

Груню больно кольнула сказанная мужемъ фраза: при всѣхъ недостаткахъ Елены Рафаиловны, молодая женщина никогда не забывала, что она ей мать, и отчасти вѣрное замѣчаніе мужа, вызванное надоѣдливою болтливостью Подосиновой, невольно обидѣло Эверецкую.

Оставшись наединѣ съ женой, Глѣбъ снова началъ восхвалять достоинства вновь нанятой имъ квартиры; но Груня плохо его слушала, продолжая думать объ измѣняющемся положеніи семьи Подосиновыхъ.

— Ну, что задумалась, дорогая? — замѣчая ея невниманіе къ разсказу и прерывая его, спросилъ мужъ.

— Ничего, такъ,—разсѣянно отвѣтила ему Груня.

— Знаю, знаю, о чемъ ты думаешь—о своихъ! Повѣрь мнѣ, что все они сами сумѣютъ устроить и выйти изъ затрудненія. Брось, перестань!

Груня пыталась улыбнуться, но все же невпопадъ отвѣчала Глѣбу, продолжая думать о матери. Позже, подъ вечеръ, къ нимъ заѣхалъ Притынскій. Онъ больше недѣли не бывалъ у нихъ на Аптекарскомъ островѣ.

— Къ вамъ сегодня еще одинъ субъектъ собирается — Василій Ѳедоровичъ вернулся.

— Уже! Скоро же бросилъ онъ свои родныя мѣста, — замѣтилъ Глѣбъ. — Вѣдь онъ хотѣлъ пріѣхать въ Петербургъ не раньше августа?

— Не могъ, говоритъ, выдержать тамошней жары, у насъ ужъ въ Питерѣ нечѣмъ дышать, а тамъ просто хоть умри.

— Да, лѣто нынѣшній годъ чудное, точно гдѣ въ Италіи!

— Что это съ вами, Агриппина Богдановна, вы не въ духѣ?—обратился гость къ Эверецкой.

Груня только что хотѣла удовлетворить его любопытство, какъ самъ Глѣбъ, недовольно махнувъ рукой, промолвилъ:

— Надъ Подосиновымъ бѣда стряслась.

И онъ началъ разсказывать Якову Гордѣевичу о случаѣ съ экзекуторомъ.

— Я вполнѣ съ вами согласенъ, Агриппина Богдановна, — замѣтилъ гость, выслушавъ разсказъ Глѣба,—что положеніе вашей матушки и братьевъ не изъ блестящихъ; но присоединяюсь къ мнѣнію Глѣба, что Гавриила Васильевичъ старый воробей — сумѣетъ извернуться.

Груня хотѣла что-то ему возразить, но приходъ Неугадаева прервалъ ихъ разговоръ.

Василій Ѳедоровичъ еще больше потолстѣлъ, громадная лысина черезъ всю голову сіяла точно полированная слоновая кость, на его крупной физіономіи было разлито довольство и

лѣнь человѣка, проживщаго цѣлый мѣсяцъ въ родной семьѣ безъ дѣла.

— Господину старобрачному почтеніе!—шутливо привѣтствовалъ онъ Эверецкаго, показывая мелкіе испорченные зубы. — Хозяйкѣ — привѣтъ, — обернулся онъ къ Грунѣ и поцѣловалъ протянутую ему руку.—Вы оба молодцами выглядите, исполать вамъ! Вотъ что значитъ-то не переносить жары такой, какую я перенесъ!

— Сжарился, поди-ка!—смѣялся хозяинъ.

— Въ своемъ соку, какъ карась въ сметанѣ; но теперь ужъ до будущаго лѣта изъ Питера ни ногой! Буду въ академію готовиться.

— Пора, пора, Васенька, пора,—подтвердилъ Притынскій,— и то ужъ много лѣнишься.

— Жарко, — прошептала хозяйка, обмахиваясь листомъ газеты.

Дѣйствительно, конецъ іюля стоялъ невыносимо душный.

— Я прежде попрошу извиненія, — нерѣшительно отозвался Притынскій,—но, надѣясь, что отъ прохладительнаго никто не откажется, позаботился привезти его съ собою.

Протестовать противъ любезности Якова Гордѣевича, разумѣется, никто не сталъ; а въ глубинѣ сада у бесѣдки, куда вся компанія перебралась, Притынскій захлопоталъ надъ устройствомъ крюшона. Ему помогала сама Агриппина Богдановна, нарѣзая ломтиками дыню и ананасъ. Скоро холодный «редереръ» былъ откупоренъ, и присутствующіе, весело разговаривая, попивали холодный напитокъ.

Пировали они до тѣхъ поръ, пока жара начала спадать и въ воздухѣ стало сырѣть. Часовъ въ одиннадцать гости уѣхали по домамъ.

Глѣбъ Аѳанасьевичъ угадалъ вѣрно. Старый подъячій Подосиновъ выкрутился изъ своей исторіи, сравнительно, благополучно.

Въ отставку хотя и пришлось ему подать, но это была все-таки почтенная отставка, по болѣзни, не лишающая его пенсіи. Домъ и все имущество Подосинова остались неприкосновенными. Генералъ, чувствовавшій, что и его рыльце отчасти въ пушку, помогъ выпутаться Подосинову, не желая дальнѣйшихъ разоблаченій и сопряженныхъ съ ними непріятностей.

Новость эту передалъ Эверецкому Притынскій, вызвавъ его въ пріемную больницы, гдѣ ему пришлось ждать доктора чуть ли не полчаса, такъ какъ послѣдній обходилъ палату.

— Я это прекрасно зналъ и раньше,—хладнокровно резюмировалъ Эверецкій, одѣвая свой бѣлый амбулаторный халатъ.— Поѣзжай, Яша, къ Грунѣ, ей будетъ пріятно узнать эту новость.

— А ты когда домой будешь?

— Ну, не такъ скоро, много дѣла у меня сегодня, смотри — сколько больныхъ ребятъ принесли, а я сегодня на пріемѣ. Кланяйся женѣ; прости, мнѣ некогда!—и докторъ; протянувъ пріятелю руку, обернулся къ женщинѣ съ ребенкомъ на рукахъ и началъ ее разспрашивать объ его болѣзни.

Каждая минута, проведенная съ Груней, доставляла блаженство Якову Гордѣевичу, и онъ, не заставивъ Эверецкаго повторить свою просьбу, быстро помчался на знакомую дачу на Аптекарскомъ, не забывъ купить по дорогѣ большую коробку конфектъ.

Несмотря на все обожаніе, какое онъ питалъ къ женѣ своего друга, ни одна дурная мысль, ни одинъ нечистый помыселъ никогда не зарождались въ мысляхъ этого большого ребенка. Онъ любилъ по своему Груню—видѣлъ въ ней идеалъ совершенства, боготворилъ молодую женщину, считая ее какимъ-то божествомъ, недосягаемымъ для него, и женщины, въ нечистомъ, плотскомъ пониманіи этого слова онъ въ ней не видалъ. Для него она была жена его друга, котораго онъ уважалъ. Притынскій радовался радости молодой женщины, былъ счастливъ ея счастіемъ съ Глѣбомъ, соболѣзновалъ вмѣстѣ съ нею непріятностямъ въ семьѣ ея матери. Если бы кто-нибудь позволилъ намекнуть ему на неудобства такой платонической любви въ глазахъ другихъ, о могущихъ возникнуть сплетняхъ, Яковъ Гордѣевичъ съ негодованіемъ началъ бы доказывать нелѣпость подобныхъ соображеній и, навѣрно, разсорился бы изъ-за этого даже съ лучшимъ другомъ, но все же своего нѣмого обожанія Эверецкой не прекратилъ бы. Пожалуй, развѣ когда и она сама бы объ этомъ ему намекнула, какъ это было на другой день свадьбы, временно онъ, можетъ быть, и пересталъ бы бывать у Эверецкихъ, старался бы не видѣть Груню, но выдержать долго этотъ искусъ не было въ его силахъ и онъ вернулся бы опять къ ногамъ обожаемой имъ женщины, еще больше экзальтированный, еще больше почтительный и скромный, чѣмъ прежде. Но не видѣть лица Груни, не слышать долго ея голоса, для него было мученіемъ. Въ свою очередь, онъ чувствовалъ внѣ себя отъ счастья, когда смотрѣлъ ей въ лицо, упивался звуками ея голоса! Странная натура идеалиста-мечтателя являлась рѣзкою противоположностью его покойному родителю, преслѣдовавшему чистый матеріализмъ на почвѣ опаиванья и обиранія мелкаго люда. Природа зачастую на грязной болотной трясинѣ выращиваетъ чистый, прямо въ небо глядящій своей вершиною дубъ, не замѣчающій грязи своихъ корней.

Красивый рысакъ быстро мчалъ Якова Гордѣевича къ предмету его обожанія, которому онъ спѣшилъ доставить вѣсть, могущую утѣшить ея дочернее чувство.

VII.

Августъ, съ прохладными ночами и всё болѣе и болѣе уменьшающимися днями, вступалъ въ свои права. Среди зелени появились желтыя пряди вянущихъ листьевъ, дождь часто шелъ цѣлыми днями. Въ саду стало непривѣтливо, сыро. Отъ пышно расцвѣтшихъ цвѣтовъ въ клумбахъ несся сильный ароматъ. Это не былъ тотъ нѣжный, пріятный запахъ, подвигающаяся осень своимъ дуновеніемъ сдѣлала его рѣзкимъ, одуряюще пряннымъ, но далеко не такимъ пріятнымъ. Песокъ, прибитый дождемъ по сторонамъ дорожекъ, открылъ ихъ некрасиво чернѣвшую середину. Въ кустахъ неслышно стало чириканья птичекъ; одни надоѣдливые грачи по прежнему цѣлыми стаями сидѣли на высокихъ березахъ и надоѣдали своимъ раздирающимъ слухъ крикомъ. Въ бесѣдкѣ долго оставаться было невозможно; въ жаркое лѣто это былъ самый прохладный уголокъ на дачѣ Эверецкихъ, теперь же удушливый запахъ сырости нежилого помѣщенія не позволялъ долго быть въ ней. Грунѣ приходилось проводить часы своего одиночества или на террасѣ, на которой тоже было не особенно уютно: сырая листва прямо дышала на веранду, или же оставаться въ комнатахъ. Но тутъ было еще мрачнѣе, полотно террасы и вѣтви деревьевъ въ тусклые дни не позволяли даже читать; въ комнатѣ передъ верандой, а также и въ спальнѣ, царили вѣчныя сумерки. Эверецкая стала скучать еще больше; она ждала возвращенія мужа, считая каждую минуту, уходъ его утромъ заставлялъ ее чуть не плакать. Вынужденное одиночество пугало ее ужасно; еще недавно такъ нравившійся ей садъ и дача наводили на нее безотчетную тоску. Она желала переѣхать поскорѣе въ городъ, быть поближе къ мужу, видѣть вокругъ себя людей, слушать шумъ, говоръ; безлюдный уголокъ Аптекарскаго острова буквально ее томилъ. Характеръ Агриппины Богдановны сильно измѣнился. Назвать ее веселою, въ полномъ смыслѣ слова, и въ дѣвушкахъ было нельзя; она всегда отличалась серьезнымъ взглядомъ на жизнь, но все таки тогда ея смѣхъ нерѣдко слышался при разговорѣ. Послѣ же двухмѣсячнаго одиночества молодая женщина ушла какъ-то въ себя, улыбка очень рѣдко появлялась на ея губы, она больше слушала Глѣба, чѣмъ сама говорила, а свои отвѣты ограничивала немногосложными словами. Посторонніе могли подумать, что любовь ея къ мужу уменьшилась или исчезла, иначе нельзя было объяснить эту странную перемѣну, но въ дѣйствительности Груня любила своего Глѣба больше, чѣмъ прежде, — она привязывалась къ нему съ каждымъ днемъ. Его полезная дѣятельность, какъ врача, заставляла ее гордиться своимъ мужемъ. Она ясно видѣла всѣ его усилія сдѣлать ее счастливой, составить себѣ обезпечивающее ихъ матеріальное положеніе. она цѣнила его энергію, его

любовь къ дѣлу и его неустанный трудъ въ дѣлѣ помощи ближнему. Послѣднее время Глѣбъ сталъ опаздывать къ обѣду, онъ возвращался домой иногда очень поздно вечеромъ. Тѣнь петербургской осени, уже обозначившейся на горизонтѣ, выслала своихъ вѣстниковъ, въ видѣ гриппа, скарлатины и прочихъ дѣтскихъ болѣзней. У Эверецкаго были полныя руки больныхъ. Частная практика, уменьшавшаяся лѣтомъ, снова увеличилась у молодого врача; маленькіе паціенты заставляли его имѣющееся у него свободное время разъѣзжать по городу, дѣлая визиты. Часто возвращался онъ къ женѣ и, прежде чѣмъ идти къ ней, отправлялся въ сарай на дворѣ, куда прислуга приносила ему свѣжее платье, въ которое онъ и переодѣвался. Это было знакомъ, что докторъ былъ у заразнаго больного. Груня больше не боялась, какъ раньше, возможности заразиться, — она поняла, что жена врача должна побороть отвращеніе и боязнь, тѣмъ болѣе, что мужъ принимаетъ всѣ мѣры къ обеззараживанію себя.

Эверецкая скучала не отъ одного одиночества, — ее томило также ея ничего недѣланіе, такъ какъ хозяйство молодыхъ занимало не много времени. Она чувствовала потребность трудиться такъ же, какъ и ея мужъ, и отсутствіе подобной дѣятельности удручало ее и заставляло придумывать способы найти исходъ. Она нѣсколько разъ порывалась сказать Глѣбу о своемъ желаніи поступить на какіе нибудь высшіе курсы, но всегда какое-то сомнѣніе, какая-то забота удерживали ее, и вопросъ отлагался на неопредѣленное время. Она знала изъ разговоровъ съ Глѣбомъ, еще раньше что, вполнѣ сознавая большую пользу женскаго самостоятельнаго труда, онъ, тѣмъ не менѣе, выработалъ себѣ убѣжденіе, что обязанности для женщины, назначенныя ей самой природой, это—быть вѣрною подругой мужу, любящею матерью и хозяйкой, въ то время какъ заботы о средствахъ лежатъ всецѣло на мужчинѣ. Свое мнѣніе Эверецкій высказывалъ еще будучи въ академіи; товарищи надъ нимъ смѣялись, называли его «ретроградомъ»; а его идеи — «азбучными истинами», тѣмъ не менѣе Глѣбъ не измѣнилъ своимъ воззрѣніямъ и продолжалъ открыто ихъ высказывать, за то въ послѣднее время его въ лицо называли отсталымъ. Эти воззрѣнія мужа были хорошо извѣстны Грунѣ, и, выходя за него замужъ, она, находясь подъ обаяніемъ своего жениха, довольно искренно ихъ раздѣляла, но дачное одиночество невольно опять дало ея мыслямъ другое направленіе. Груня прекрасно знала, что хотя Глѣбъ не сталъ бы противиться ея поступленію на курсы, но этимъ самымъ невольно былъ нарушенъ ихъ супружескій миръ.

Елена Рафаиловна навѣдывалась къ Эверецкимъ довольно часто вмѣстѣ съ Гавриломъ Васильевичемъ. Его выходъ изъ департамента не помѣшалъ ему очень скоро найти себѣ другое занятіе. Связи его съ богатыми домовладѣльцами столицы доставили ему управленіе тремя домами, и Гаврила Васильевичъ

снова расцвѣлъ, прекрасно обдѣлывая свои дѣлишки. Остепенившаяся на время, его супруга снова начала порхать по своимъ многочисленнымъ знакомымъ, разыгрывая роль молодой дамы. Мальчики, предоставленные самимъ себѣ, лѣнились и ничего не дѣлали; младшій изъ нихъ, Петя, увлекся велосипедомъ и чуть не на всѣхъ состязаніяхъ бралъ первые призы. У Василія, семнадцатилѣтняго юноши, было ужъ другое на умѣ — легкія побѣды надъ сосѣдними горничными и швейками, а также товарищи, изъ неокончившихъ курсъ гимназистовъ, соблазнявшіе его на мелкіе кутежи, занимали у него все время. Нечего и говорить, что оба мальчика оказались неподготовленными и на переэкзаменовкѣ съ трескомъ провалились.

Смѣтливый Петя, зная корыстолюбивую натуру отца, устроился по своему недурно. Онъ получалъ отъ одной велосипедной фирмы деньги въ томъ случаѣ, если бралъ призы, и эти деньги онъ передавалъ Гаврилу Васильевичу, несказанно радуя послѣдняго, что пятнадцатилѣтній сынъ уже достаетъ деньги. Благодаря такому маневру, Петю не только не бранили за непереходъ въ другой классъ, напротивъ — старикъ Подосиновъ аттестовалъ его своему пріятелю генералу «молодцомъ».

Притынскій и Неугадаевъ частенько заглядывали къ Эверецкимъ. Пріѣхалъ какъ-то и небывавшій у нихъ послѣ скандала съ Вересовымъ музыкантъ Турмановъ, попробовалъ онъ еще разъ сыграть что нибудь на разстроенномъ инструментѣ, но опять долженъ былъ ретироваться съ позоромъ: струны гудѣли, трещали, но ничего нельзя было понять.

— Глѣбушка, намъ нужно хоть на прокатъ обзавестись инструментомъ,—замѣтила молодая Эверецкая,—и я вспомнила бы немного музыку, да вотъ и Николай Александровичъ, когда къ намъ заглянетъ, тоже сыгралъ бы, не правда ли?

Турмановъ поклономъ головы изъявилъ свое согласіе.

— Я ужъ распорядился,—отвѣчалъ Эверецкій:—взялъ очень недурное піанино у Бернарда.

— Ну, разъ заговорили о музыкѣ, — произнесъ Неугадаевъ, закуривая папиросу отъ лампы, стоящей на столѣ и грузно садясь опять на стулъ: — читалъ ли ты, Глѣбъ, какую музыку развелъ этотъ негодяй Вересовъ въ своемъ «Колодезѣ» насчетъ Яши?

Эверецкій изумленно взглянулъ на говорившаго.

— Ты ничего еще не знаешь! Прямо боится, какъ всѣ мелкія душонки, называть его по имени, такъ онъ изъ за угла. Есть у него такой интервьюеръ Просвиркинъ, тотъ и началъ въ какихъ-то «Петербургскихъ воспоминаніяхъ» вспоминать объ Яшиномъ родителѣ, называя его другимъ именемъ, да все что ни грязнѣе изъ его жизни вытаскивать, иногда даже привретъ краснаго словца. Яшу самого припутывалъ нѣсколько

— Что за негодяй!—съ негодованіемъ произнесъ хозяинъ.

Притынскій разговаривалъ съ Груней и, видимо, не слышалъ ихъ разговора.

— Такъ это Якова Гордѣевича «Подзаборнымъ» называютъ?— спросилъ Турмановъ.

— А то кого же? Ахъ, ты Акимъ-простота! — шутливо набросился на него Неугадаевъ.

— Сегодня ужъ очень онъ на Якова Гордѣевича нападаетъ,— съ сожалѣніемъ сказалъ музыкантъ.

— А что?

— Помилуйте, кабацкимъ наслѣдникомъ называетъ. Донъ-Жуанъ новый явился, никому изъ женщинъ нѣтъ отъ него пощады, даже, говоритъ, у своего пріятеля, фамилію приводитъ, Казбекова жену отбилъ, да съ нею надъ нимъ же и потѣшается!

Глѣбъ вдругъ перемѣнился въ лицѣ. Василій Ѳедоровичъ замѣтилъ эту перемѣну и хотѣлъ остановить разсказчика, но докторъ повелительно сказалъ:

— Ну, а дальше что?

Турмановъ изумленно взглянулъ на привставшаго хозяина.

— Дальше,—ничего.

Рѣзкій голосъ Эверецкаго, такъ неожиданно нарушившій ровный разговоръ присутствующихъ, заставилъ и Притынскаго обратить вниманіе. Онъ и Груня замолкли и начали прислушиваться.

— Если хочешь, Глѣбъ Аѳанасьевичъ,—сказалъ музыкантъ, изумленный внезапнымъ вниманіемъ всѣхъ къ его словамъ, — у меня есть сегодняшній нумеръ; вотъ, прочитай самъ,—и Турмановъ передалъ хозяину сложенную газету.

Эверецкій нервно взялъ, скорѣе вырвалъ ее изъ рукъ подавшаго, и быстро пробѣжалъ интересующее его мѣсто.

— Ну, читай,—тихо произнесъ онъ, передавая газету Притынскому.—Какая подлость!

Яковъ Гордѣевичъ также быстро прочиталъ замѣтку и покраснѣлъ.

Воцарилось неловкое молчаніе.

— Слушай, Глѣбъ,—серьезно сказалъ Притынскій,—я завтра ѣду къ этому негодяю и надаю ему пощечинъ...

— Оставь,—сурово прервалъ Глѣбъ Аѳанасьевичъ: — этимъ только повредишь, дашь ему возможность сдѣлать огласку и большой скандалъ. Предоставь это дѣло мнѣ.—Я,—и онъ значительно подчеркнулъ это «я»,—сумѣю поговорить съ нимъ, такъ что, навѣрно, этотъ выскочка, этотъ зазнавшійся мальчишка навсегда потеряетъ охоту вспоминать о насъ съ тобою!

Эверецкая тревожно слушала мужа, не понимая причины его внезапнаго раздраженія.

Молчали также и остальные присутствующіе. Неугадаевъ пробовалъ было перемѣнить разговоръ, но это ему не удалось.

Не долго посидѣли еще гости у Эверецкихъ и скоро разошлись по домамъ.

Груня инстинктивно не разспрашивала Глѣба о замѣткѣ, такъ его взволновавшей, но, проводивъ гостей, она подошла къ мужу и молча крѣпко его поцѣловала. Въ этомъ поцѣлуѣ вылилось все довѣріе ея къ Эверецкому и увѣренность въ его правотѣ.

На другой день, въ три часа, Эверецкій поѣхалъ въ редакцію вересовской газеты. Пройдя черезъ маленькую контору, онъ очутился въ давно знакомой комнатѣ для сотрудниковъ; худощавый блондинъ, секретарь, разговаривалъ съ однимъ изъ нихъ. Онъ зналъ немного доктора.

— Можно видѣть Владиміра Николаевича?—спросилъ Глѣбъ.

— Прошу васъ, пройдите,—былъ отвѣтъ, и докторъ вошелъ въ кабинетъ редактора.

Вересовъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ. Увидѣвъ входящаго доктора, онъ сконфузился, быстро приподнялся и, протягивая черезъ столъ руку, произнесъ:

— Сколько лѣтъ, сколько... — но, видя, что Эверецкій не взялъ его руки, еще больше сконфузился и умолкъ на полусловѣ.

Глѣбъ вопросительно на него взглянулъ:

— Я думаю, намъ говорить не о чемъ, — вы сами отлично понимаете, зачѣмъ я здѣсь! Чтобы съ завтрашняго дня было остановлено краснорѣчіе вашего достойнаго сотрудника Просвиркина, — больше я ничего не требую. Въ противномъ случаѣ... впрочемъ, мнѣ, вѣроятно, не надо напоминать вамъ, что я предприму въ такомъ случаѣ!—съ этими словами Глѣбъ рѣзко повернулся и вышелъ изъ комнаты.

Уничтоженный его словами, Владиміръ Николаевичъ, весь красный отъ невозможности ему возразить, остался молча сидѣть за столомъ.

Громкій голосъ Эверецкаго былъ слышенъ въ сосѣдней комнатѣ, и когда онъ вышелъ изъ кабинета, нѣкоторые изъ сотрудниковъ съ изумленіемъ посмотрѣли на него. До сихъ поръ никто не рѣшался такъ говорить съ зазнавшимся Вересовымъ. Провожаемый ихъ взглядами, Эверецкій ушелъ изъ редакціи. Дѣйствительно, вчерашняя замѣтка была послѣднею; въ вышедшей на другой день газетѣ о щекотливыхъ подробностяхъ Притынскихъ капиталовъ не было сказано ни слова.

Эверецкіе стали перебираться въ городъ. Садъ окончательно опустошился дождями и холодными утренниками, даже азалія и астры опустили свои пышныя, разноцвѣтныя головки, про лѣтникъ нечего было и говорить,—онъ давно лежалъ пожелтѣлый на сыромъ песку дорожекъ, суровый вѣтеръ повалилъ его. Ослизлыя палки туберозъ съ погибшими, еще нераспустившими бутонами, держались прямо, благодаря кольямъ, къ которым они были привязаны. У балкона, защищенная стѣнами, смотрѣла одна настурція, ея твердые, круглые листья

смѣло тянулись навстрѣчу непогодѣ. Густая листва на деревьяхъ порѣдѣла; свинцовое небо глядѣло черезъ нее. Кругомъ было сыро, непривѣтливо; осень полновластно вступила въ свои права. Агриппина Богдановна, въ послѣдній разъ передъ отъѣздомъ въ городъ, вздумала пройти по саду, чтобы проститься съ уголками его, гдѣ она такъ безмятежно и счастливо прожила лѣто.

Какое-то грустное чувство закралось въ ея сердце при видѣ опустошеній, произведенныхъ непогодою, и она, не отдавая себѣ отчета заплакала. Вмѣстѣ съ увядшею природой ей было жалко почему-то, и себя хотя будущность улыбалась ей и сулила долгіе годы счастія съ любимымъ человѣкомъ.

VIII.

Квартирка въ Измайловскомъ полку оказалась очень хорошенькой, а главное—очень удобною для Глѣба,—ему было близко отъ больницы. Груня все время хлопотала объ устройствѣ уютнаго гнѣздышка. Недостающая мебель была пріобрѣтена по совмѣстному совѣту обоихъ супруговъ. Она была очень изящна, хотя заплатили они за нее недорого. Когда почти все было установлено въ квартирѣ, вошедшая въ комнату Даша сообщила:

— Тамъ, барыня, еще что-то четверо носильщиковъ принесли.

— Это, вѣроятно, намъ по ошибкѣ,—поспѣшила отвѣтить хозяйка;—все, что мы съ мужемъ купили,—все это уже здѣсь поставлено.—Но носильщики утверждали, что роскошный модный туалетъ, въ цѣльное стекло, съ двумя высокими тумбочками шкапиками по бокамъ, приказано имъ именно сюда снести. Агриппина Богдановна недоумѣвала, у ней промелькнула мысль: не подарокъ-ли это ея мужа, о которомъ онъ не говорилъ ей заранѣе, желая сдѣлать ей этимъ сюрпризъ? Она велѣла внести вещь въ квартиру.

Вскорѣ сомнѣнія ея разсѣялись. Виновникомъ подарка оказался не Глѣбъ, а Притынскій, какъ это узнала она изъ его карточки, заткнутой за зеркаломъ туалета. Въ нѣсколькихъ строкахъ, наскоро набросанныхъ карандашемъ, Яковъ Гордѣевичъ просилъ простить его смѣлость послать подарокъ и принять его отъ преданнаго друга.

Груня, прочитавъ эти строки, покраснѣла до кончиковъ ушей. Ей было одновременно пріятно получить подарокъ, но самолюбіе и порядочность говорили ей, что она нехорошо дѣлаетъ, принимая такую дорогую вещь отъ человѣка, хотя очень близкаго ея мужу, но тѣмъ не менѣе все же посторонняго. Первымъ ея движеніемъ было воротить рабочихъ и приказать имъ снести туалетъ обратно въ магазинъ, откуда они его взяли, но

вернуть ихъ было нельзя,—они уже ушли. Приходилось покориться обстоятельству и подождать прихода самого Притынскаго, который обѣщалъ сегодня вечеромъ быть у нихъ.

— Видишь, Глѣбушка?—съ недоумѣвающимъ видомъ быстро промолвила Эверецкая, какъ только мужъ ея вернулся домой, указывая ему на изящный подарокъ Притынскаго.

— Что же я долженъ сдѣлать?—изумленно отвѣтилъ онъ, поводя плечами.—Вѣдь, Яковъ самъ не мальчикъ, его не учить.

— Но представь, какія могутъ пойти сплетни.

— Поступай, какъ знаешь,—резонно замѣтилъ Эверецкій.

— Особенно теперь, когда, когда...,—и Груня запнулась и замолчала.

Глѣбъ съ изумленіемъ на нее взглянулъ, его поразилъ несвойственный его женѣ тонъ и настойчивость.

— Что «теперь, когда»?—переспросилъ онъ жену.

Груня снова покраснѣла, какъ піонъ, подошла ближе къ мужу и, застѣнчиво положивъ свою голову къ нему на грудь, прошептала:

— Я думаю, что я въ интересномъ положеніи.

Лицо Эверецкаго мгновенно прояснилось, онъ съ восхищеніемъ взглянулъ на жену, осторожно взялъ ее за талію и, поцѣловавъ въ лобъ, промолвилъ:

— Какое счастье, какъ ты меня обрадовала, дорогая, этою новостью!

Обѣдъ весело прошелъ у молодыхъ супруговъ; они наливали себѣ рюмки вина, чокались, цѣловались, поздравляя другъ друга. Даша, принесшая второе блюдо, съ изумленіемъ смотрѣла на своихъ расшалившихся господъ. Серьезный докторъ, всегда сдержанный, отъ избытка чувствъ при такомъ радостномъ извѣстіи, чуть было не разболталъ о ихъ радости Дашѣ. Груня во-время остановила разошедшагося мужа.

— Ахъ, какъ не совѣстно, милостивый государь, городить вздоръ,—укоризненно качая головой, прошептала она.

Эверецкій понялъ свою ошибку и замолчалъ.

Къ чаю пришелъ Притынскій съ громадною коробкой конфектъ вмѣсто хлѣба-соли. Груня встрѣтила его съ обиженнымъ видомъ. Яковъ Гордѣевичъ виновато молчалъ.

— Не стыдно?—лаконически замѣтила Эверецкая.

— И очень,—тихо прошепталъ гость,—но все же иначе я не могъ поступить.

— Прошу васъ приказать завтра же взять его отъ насъ,—настойчиво произнесла Агриппина Богдановна.

Притынскій молчалъ.

— Вы слышали?—повторила молодая женщина.

— Слышалъ,—былъ печальный отвѣтъ Якова Гордѣевича.

Итакъ, завтра мѣсто будетъ очищено?

Агриппина Богдановна, ну, право, это я сдѣлалъ въ

послѣдній разъ, вѣрьте мнѣ, никогда больше не буду, — взмолился гость.

Оба, мужъ и жена, такъ были обрадованы сегодняшнею новостью, что все же, въ концѣ-концовъ, согласились принять этотъ подарокъ отъ Притынскаго, какъ бы на память отъ ихъ шафера.

Миръ былъ заключенъ, и роскошное трюмо-туалетъ осталось стоять въ спальной Груни.

— Какая роскошная вещь, — сказала Елена Рафаиловна, когда на другой день переѣзда дочери съ дачи она явилась въ квартиру Эверецкихъ и замѣтила подарокъ Притынскаго.—Ну, ужъ и мужъ у тебя, все тебя балуетъ подарками,—продолжала старая кокетка, охорашиваясь передъ новымъ туалетомъ-трюмо.

Груня смутилась, не зная, что отвѣтить матери, но такъ какъ ложь была чужда ея душѣ, то она, краснѣя, прошептала:

— Это подарокъ не Глѣба, а Якова Гордѣевича.

Мать быстро взглянула на сконфуженную дочь.

— Вотъ какъ, тѣмъ лучше, значитъ, у тебя являются поклонники,—и, точно забывая, что еще минуту назадъ она хвалила зятя, продолжала:—Какъ жаль, что ты не вышла за Притынскаго,—вотъ онъ былъ бы для тебя гораздо лучшею партіей, чѣмъ Глѣбъ.

Груня съ негодованіемъ взглянула на мать.

— Разумѣется,—громко промолвила та: — развѣ твой мужъ не оставляетъ тебя цѣлыми днями одну, ради заработка какого-то жалкаго содержанія? А тогда ты все время была бы съ мужемъ; вѣдь Якову Гордѣевичу нѣтъ необходимости работать, какъ волу; у него, слава Богу, денегъ своихъ хватитъ,—и Подосинова въ подтвержденіе тряхнула головой.

Дочь молчала, но видно было, что слова Елены Рафаиловны ей непріятны. Ей было больно за ея Глѣба, за тотъ взглядъ, какой на него имѣли ея родные.

Вскорѣ явились съ визитомъ къ сестрѣ оба молодые Подосиновы. Мальчики сильно перемѣнились; младшій, знавшій, что имъ интересуются, какъ велосипеднымъ гонщикомъ, старался разыгрывать изъ себя взрослаго человѣка. Старшій братъ тоже, повидимому, подражалъ ему, въ общемъ получалась очень грустная картина надутыхъ, глупыхъ недорослей; тѣмъ не менѣе, мать очень гордилась своими сыновьями, видя въ нихъ всѣ совершенства. Вернувшійся къ своихъ занятій Эверецкій старался быть съ обоими мальчуганами вѣжливымъ, хотя въ душѣ страшно осуждалъ глупое воспитаніе, даваемое имъ родителями. Онъ едва удерживался, чтобы не высказать своего рѣзкаго мнѣнія, по поводу неумѣнія своихъ свояковъ держать себя въ обществѣ.

Но сдѣлать подобное замѣчаніе—это значило немедленно озлобить ихъ сердобольную маменьку, и Эверецкій молчалъ.

— Ну, прощай, Груня,—важно замѣтилъ Петя,—мнѣ пора, у меня, знаешь, каждая минута дорога, нужно тренироваться,—

раздѣляя слога, какъ-то сквозь зубы процѣдилъ онъ, подалъ руку взятю и ушелъ.

Старшій тоже послѣдовалъ его примѣру.

— Пропащіе ребята,—авторитетно произнесъ Глѣбъ и взглянулъ на Груню.

Та внимательно выслушала мужа, только легкая грустная улыбка промелькнула на ея губахъ.

Все послѣднее время Эверецкій усиленно работалъ, стараясь собственнымъ вдумчивымъ трудомъ и опытами открывать новыя осложненія болѣзней и необходимыя средства къ ихъ излѣченію. Приходилось читать массу книгъ, брошюръ, спеціальныхъ изданій,—все это не легко давалось молодому доктору; главная бѣда его заключалась въ томъ, что онъ плохо зналъ иностранные языки.

— Не могу ли я тебѣ помочь, я нѣмецкій языкъ знаю недурно,—говорила Груня, видя тщетныя попытки мужа осилить незнакомыя выраженія чуждаго ему языка.

Докторъ охотно принялъ предложеніе жены, и, дѣйствительно, работа его значительно облегчилась; въ свою очередь, и молодая женщина нашла себѣ занятіе, которое, какъ она могла замѣтить, было полезно ея мужу. Чтобы еще больше ознакомиться съ языками, Груня днемъ, когда докторъ былъ въ больницѣ, стала сама заниматься своимъ усовершенствованіемъ въ нихъ.

Языки ей давались очень легко, и скоро она переводила не стѣсняясь никакими трудностями и выраженіями.

Еще будучи ребенкомъ, Эверецкая занималась музыкою, но занятія въ гимназіи отвлекали ее отъ фортепьяно, и она болѣе трехъ лѣтъ не касалась клавишей. Какъ-то разъ, въ отсутствіе мужа, она попробовала вспомнить забытое, и сыграла одну изъ легкихъ сонатинъ Кулау. Нельзя сказать, чтобы ея игра была хороша, но и дурною ее назвать было бы несправедливо. Она довольно бойко разбирала ноты, но въ пальцахъ чувствовалось отсутствіе бѣглости; тѣмъ не менѣе, музыкальностью молодая женщина обладала безспорно. Опытъ убѣдилъ ее, что продолжать заниматься музыкою ей вовсе не мѣшаетъ, а напротивъ— она этимъ можетъ доставить массу пріятныхъ часовъ себѣ и мужу.

Съ улыбкою взглянула молодая женщина на піаніно, взятое ими на прокатъ, и прошептала про себя:

— Буду заниматься сперва одна, а затѣмъ можно будетъ пригласить и преподавателя.

Въ эту минуту она вспомнила о существованіи Туркалова, который могъ отлично пополнить недостатки ея музыкальнаго образованія. Но Груня на время отложила эту мысль, не желая, чтобы Глѣбъ зналъ объ ея занятіяхъ музыкою ранѣе, чѣмъ она могла бы исполнять вещи порядочно. Желаніе хорошо играть такъ увлекло Эверецкую, что она вновь сѣла за инструментъ и начала проигрывать раньше ею игранныя вещи.

Небольшая квартира Эверецкихъ очень часто вмѣщала въ себѣ обоихъ пріятелей хозяина—Притынскаго и Неугадаева, а также и семью Подосиновыхъ. Елена Рафаиловна частенько забѣгала провѣдать свою дочь, изрѣдка заходилъ и Гавріилъ Васильевичъ. Положеніе его снова стало хорошимъ, и старый чиновникъ продолжалъ увеличивать свое благосостояніе. Старшій сынъ его нигдѣ не учился; постороннимъ говорили, что онъ готовится въ вольноопредѣляющіеся, но мальчикъ буквально не заглядывалъ въ книгу. Второй учился въ гимназіи съ грѣхомъ пополамъ и кое-какъ съ помощью репетитора одолѣвалъ гимназическую премудрость.

Едва отобѣдавъ съ женою и поболтавъ съ нею часъ-другой, молодой докторъ снова садился за свои научныя занятія, прогрессируя свои знанія и знакомясь, возможно ближе, съ симптомами и распознаваніемъ болѣзней. Массу препаратовъ внутренностей, интересныхъ по своей оригинальности, костяковъ и череповъ дѣтей приносилъ онъ домой, такъ какъ больничныя занятія не давали ему свободнаго времени работать на службѣ. Груня сперва косо поглядывала на приносимые мужемъ препарированныя части, но вскорѣ свыклась, хотя извѣстнаго рода отвращеніе все-таки не исчезло.

Главнымъ же врагомъ бѣдныхъ костей была горничная Даша, она буквально мучилась и не могла спать, если въ квартирѣ находилась хотя одна косточка. Оба супруга смѣялись надъ хорошенькою краснощекою прислугой, и докторъ неоднократно пугалъ ее, вызывая смѣхъ у Груни и Притынскаго, попрежнему чуть ли не ежедневно посѣщавшаго Эверецкихъ.

Съ нѣкоторыхъ поръ появился у нихъ и давно не бывавшій Турмановъ, вызванный письмомъ Груни, просившей его заниматься съ нею на фортепіано съ тѣмъ, чтобы Глѣбъ ничего не зналъ объ этомъ. Музыкантъ согласился, и уроки регулярно два раза въ недѣлю продолжались, причемъ, благодаря стараніямъ ученицы, успѣхи были очевидны.

— Николай Александровичъ,—шутливо сказала Груня, занимаясь какъ-то разъ съ нимъ,—не пора-ли мнѣ показать свои успѣхи Глѣбу?

— Я очень радъ буду; вы, право, недурно стали играть,—согласился музыкантъ.—Сыграйте ему что-нибудь.

Эверецкій былъ пріятно изумленъ, когда разъ вечеромъ Груня сѣла за піанино и недурно сыграла ему третій ноктюрнъ Шопена, его любимый.

Тонъ у молодой женщины былъ небольшой, но очень пріятный; играла она чисто.

— Молодецъ, Груня,—одобрилъ ее мужъ,—право, очень недурно. Когда только ты успѣла выучиться?

Секретъ открылся: Турмановъ получилъ свою долю благодарности отъ доктора.

Интересное положеніе Эверецкой становилось день-ото-дня

замѣтнѣе. Осень промелькнула для супруговъ очень скоро и весело. На Рождество Глѣбъ Аѳанасьевичъ вздумалъ сдѣлать удовольствіе своей Грунѣ, прокатить ее на тройкѣ за городъ. Въ сопровожденіи неизбѣжнаго Притынскаго и Неугадаева, отправились они вчетверомъ кататься. Послѣ весело проведеннаго вечера тройка, звонко побрякивая бубенчиками, лихо несла ихъ обратно въ городъ. Внезапно встрѣченный на дорогѣ ухабъ, глухой крикъ молодой женщины... и докторъ лишился на этотъ разъ надежды быть отцомъ. Груня проболѣла съ мѣсяцъ, но, все-таки, благодаря своевременной помощи, поправилась, хотя неисполнившееся ея ожиданіе, имѣть ребенка, сильно на нее повліяло; она еще больше ушла въ самое себя, стала еще сосредоточеннѣе. Глѣба огорчала эта перемѣна съ женою, ея задумчивость, онъ винилъ самъ себя въ своей неосторожности, въ особенности непростительной ему, какъ врачу. Но помочь тутъ было нечѣмъ, и Глѣбъ долженъ былъ ограничиваться одними банальными утѣшеніями и будущими надеждами.

Груня молчала; при всей своей искренней любви къ мужу, она мысленно невольно обвиняла его въ несчастіи, хотя ясно сознавала, что вина равнымъ образомъ падала и на нее.

Незадолго до ея болѣзни Грунѣ пришлось познакомиться случайно съ однимъ изъ офицеровъ, товарищемъ Неугадаева, и новый знакомый сталъ бывать у доктора вмѣстѣ со своей женой. Болѣзнь Агриппины Богдановны не помѣшала Антонинѣ Несторовнѣ Шатиловой, такъ звали жену ихъ новаго знакомаго, бывать у Эверецкихъ. Напротивъ того, въ непріятно долго длящіеся дни лежанія въ постели офицерша часто навѣщала свою новую знакомую и своею болтовней развлекала больную. И знакомство ихъ стало болѣе близкимъ. Кондратъ Ѳедоровичъ, солидный капитанъ, товарищъ Неугадаева, скоро почувствовалъ себя своимъ у Эверецкихъ. Онъ, подобно Притынскому и Василію Ѳедоровичу, подходилъ по своимъ воззрѣніямъ къ доктору, но его прекрасная половина далека была отъ представленія подруги, какую бы желала себѣ имѣть Груня. Молоденькая Антонина Несторовна была типомъ полковой дамы, по сходству близкой къ Еленѣ Рафаиловнѣ. Она постоянно увлекалась товарищами своего мужа, и на этотъ разъ Притынскій не избѣжалъ ея вниманія. Кокетничала она съ нимъ напропалую. Зная, когда онъ бываетъ у Эверецкихъ, она не упускала случая явиться къ нимъ тогда же.

Обезпокоенный болѣзнью Агриппины Богдановны, Яковъ Гордѣевичъ не обращалъ на ея заигрыванья никакого вниманія, но Груня своимъ женскимъ чувствомъ быстро поняла причины, заставляющія ея новую знакомую такъ часто ее навѣщать. Она ничего не сказала объ этомъ даже своему мужу и рѣшила обождать дальнѣйшихъ дѣйствій со стороны Шатиловой.

IX.

Эверецкая поправлялась медленно. Веселая масленица была уже на дворѣ, когда акушеръ, приглашенный Глѣбомъ, позволилъ ей подняться съ постели. Блѣдная, еще слабая отъ долгаго лежанья, Груня подошла къ піанино и хотѣла попробовать что-нибудь сыграть, но пальцы не повиновались ей, голова закружилась отъ звуковъ, и молодая женщина принуждена была опять прилечь на софу.

— Вы уже, душенька, встали, какъ я за васъ рада!—привѣтствовала ее Шатилова, входя въ комнату. Груня медленно приподнялась съ софы и, слабо улыбаясь, протянула гостьѣ руку. Это была небольшого роста полная блондинка, неправильныя черты ея хорошенькаго личика скрадывались ея природною бойкостью и развязностью манеръ. Темно-синее суконное платье, отороченное мѣхомъ кенгуру, составляло ея костюмъ. Очень ловко на ней сидѣла небольшая шапочка изъ того же мѣха, и желтоватыя перчатки съ крапами изъ шведской замши дополняли его. Блондинка весело впорхнула въ залу, гдѣ находилась Груня. Морозъ раскрасилъ полныя щечки гостьи, отъ всей ея фигуры дышало здоровьемъ.

— Какъ видите, встала, но еще очень слаба, хотѣла поиграть и не могла,—отвѣчала Груня на ея привѣтствіе.

— Подождите еще утруждать себя,—участливо замѣтила Шатилова:—вы еще не окрѣпли. Давно у васъ не былъ Яковъ Гордѣевичъ?—вдругъ перемѣнила она разговоръ.

Эверецкая съ нескрываемымъ изумленіемъ взглянула на стоявшую рядомъ съ нею Шатилову.

— Нѣтъ, не особенно, дня два назадъ, а что?

— Нѣтъ, я такъ только спросила,—какъ-то странно произнесла посѣтительница,—онъ такой милый собесѣдникъ.

Груня ничего не отвѣтила ей въ подтвержденіе, и разговоръ ихъ принялъ натянутый характеръ.

— Поправляйтесь, душечка, — прощаясь съ нею, сказала Шатилова и ушла.

«Зачѣмъ спросила она про Притынскаго»?—пришло на мысль хозяйкѣ, когда дверь прихожей захлопнулась за гостьей.

Инстинктивно перебирая кисти своего капота халата, Груня отъ нечего дѣлать принялась обдумывать причину вопроса Шатиловой о Яковѣ Гордѣевичѣ.

«Неужели и въ самомъ дѣлѣ она старается увлечь его? Очень можетъ быть! Она, правду сказать, хорошенькая; отчего же ему ею и не увлечься»?

Но, разсуждая такъ, Груня невольно почувствовала какую-то зависть, какое-то непріязненное чувство къ своей новой знакомой. Что для нея былъ Притынскій?—не болѣе, какъ хорошій пріятель мужа; иначе она о немъ и не думала; а все-таки его

вѣчное обожаніе, его чисто рабская преданность стали необходимыми для молодой женщины; раздѣлить ихъ съ другою или же совсѣмъ лишиться,—вотъ что заставило непріятно отозваться въ ея сердцѣ.

Она невольно ловила себя въ этой слабости, въ этой некрасивой сторонѣ своего характера. Сознавать, что тебя обожаетъ и любитъ еще другой, кромѣ мужа, но совсѣмъ по другому, чѣмъ послѣдній!

— Фу, какая я гадкая! — вырвалось вдругъ у Эверецкой послѣ нѣсколькихъ минутъ раздумья. — Что же я, въ самомъ дѣлѣ, такъ интересуюсь судьбою чужого мнѣ человѣка? Пора, право, позабыть объ этомъ.

И Груня намѣренно перенесла свои мысли на Глѣба, думая объ его любви къ ней, объ ихъ счастіи и широко раскрывающей имъ свои двери жизни. Но странно, болѣзненное чувство не проходило, оно отравляло собою всѣ мечты Эверецкой о мужѣ и ея счастіи съ нимъ.

Молодая женщина выздоровѣла; силы ея окрѣпли и блѣдность лица смѣнилась легкою розовою окраской. Несбывшіяся надежды насчетъ ребенка, принесшія не мало горя обоимъ супругамъ, понемногу забылись,—время залечило этотъ первый толчокъ судьбы. Жизнь обоихъ супруговъ опять вошла въ свое русло, и дни попрежнему смѣнялись своею чередой.

Новые знакомые Эверецкихъ, Шатиловы, оба, мужъ и жена, часто ихъ навѣщали. Притынскому постоянно приходилось встрѣчаться съ ними здѣсь, точно нарочно. Немного стихнувшее непріязненное чувство Груни къ хорошенькой блондинкѣ снова всплыло наружу. Антонина Несторовна не замѣчала молніеносныхъ взглядовъ, кидаемыхъ на нее хозяйкой, и продолжала кокетничать съ милліонеромъ. Послѣдній, никогда не позволяющій себѣ быть невѣжливымъ съ дамами, долженъ былъ покоряться капризамъ своей новой дамы и внимательно выслушивать ея болтовню. Но Агриппина Богдановна, ставшая за послѣднее время крайне подозрительною и ревнивою ко всему, что касалось Якова Гордѣевича, слѣдила за каждымъ словомъ, за каждымъ жестомъ ихъ обоихъ.

Притынскій, ничего не зная объ этомъ, шутилъ съ хорошенькою собесѣдницей, давая этимъ ей поводъ усиливать свои авансы.

— Яковъ Гордѣевичъ, сегодня я пріѣхала одна,—тихо сказала Притынскому Шатилова,—мужъ занятъ по службѣ; проводите меня, пожалуйста, домой.

— Съ большимъ удовольствіемъ, Антонина Несторовна, — любезно согласился Притынскій. — Экипажъ мой къ вашимъ услугамъ.

Блондинка просто расцвѣла отъ удовольствія.

Этотъ разговоръ велся между ними въ отсутствіе хозяйки, вышедшей въ это время изъ комнаты.

Точно сговорившись, они оба не обмолвились ни словомъ при ея приходѣ. Агриппина Богдановна подозрительно взглянула на нихъ обоихъ. Глѣбъ, Неугадаевъ и Турмановъ играли отдѣльно въ другой комнатѣ въ карты, въ залѣ оставались только Яковъ Гордѣевичъ со своею дамой. Когда послѣ закуски всѣ отправились по домамъ, Притынскій ловко усадилъ ее въ щегольскія сани, вскочилъ самъ рядомъ и велѣлъ кучеру ѣхать на Разъѣзжую, гдѣ жили Шатиловы, но его спутница тихо шепнула ему на ухо:

— Голубчикъ, покатайте по островамъ.

Такъ же безпрекословно согласился Притынскій и на эту просьбу, и они быстро понеслись мимо занесенныхъ снѣгомъ необитаемыхъ зимою домиковъ на Крестовскомъ и Каменномъ островѣ.

— Какъ хорошо! — страстно шептала его спутница, прижимаясь къ нему.

Притынскій молчалъ. Ночь была чудная; полная луна яркимъ сіяніемъ озаряла сугробы снѣга по сторонамъ дороги и деревья съ лежащимъ на ихъ вѣтвяхъ серебристымъ снѣгомъ. Звѣзды выядрились, морозило, полозья скрипѣли по свѣжему, только что выпавшему вечеромъ снѣгу.

— Ну, какой же вы милый,—сказала Шатилова своему кавалеру и еще ближе прижалась къ нему всѣмъ тѣломъ.—Знаете, голубчикъ, я немного продрогла,— замѣтила она, когда они проѣзжали мимо Фелисьена на Каменномъ островѣ, — и очень бы не прочь была выпить стаканъ горячаго чаю.

— Прекрасно, можно сейчасъ это и сдѣлать, — согласился Яковъ Гордѣевичъ.

Рысакъ рѣзво подкатилъ санки къ подъѣзду ресторана, и они оба, предупредительно высаженные изъ саней подскочившимъ къ нимъ швейцаромъ, вошли въ зданіе ресторана.

— Только, Бога ради, не въ общей залѣ,—прошептала блондинка, наклоняясь къ уху своего спутника.

— Разумѣется.

Отдѣльный кабинетъ, куда Притынскій привелъ свою даму, блисталъ роскошнымъ убранствомъ.

Мягкая плюшевая мебель золотистаго цвѣта прямо манила къ отдыху на ней; электрическій свѣтъ небольшой лампочки, заключенный въ темноватый фонарь золотистаго стекла, мягко освѣщалъ комнату.

— Дайте чаю и коньяку, — приказалъ Притынскій ожидающему у дверей кабинета лакею.

Тотъ побѣжалъ за заказаннымъ.

Антонина Несторовна усѣлась съ ногами на широкій диванъ; Яковъ Гордѣевичъ присѣлъ недалеко на низенькомъ пуфѣ.

— Въ любви у вашихъ ногъ. Я признаюсь... — продекламировала Шатилова и засмѣялась.—Что-жъ вы, въ самомъ дѣлѣ, наединѣ съ дамою, въ отдѣльномъ кабинетѣ, а въ любви все же

не признаетесь? Фу, какой медвѣдь, садитесь ближе, — промолвила она капризно.

Молодой человѣкъ исполнилъ ея желаніе и сѣлъ рядомъ на диванъ.

— Ближе, — настойчиво приказала блондинка. — Еще, ну-съ, а теперь обнимите меня за талію и начинайте объясняться въ любви, — прошептала она быстро, привлекая Притынскаго къ себѣ.

Послѣдній не сопротивлялся. Стукъ въ дверь осторожнаго лакея заставилъ Шатилову перемѣнить позу и отодвинуться отъ Якова Гордѣевича.

Поставивъ на столъ заказанное, слуга хотѣлъ выходить.

— Принесите бутылку Моэтъ и Шандонъ, Розэ, — тихо приказалъ Притынскій.

— Слушаю-съ.

Глазки мадамъ Шатиловой заблестѣли; она замѣтила, что ея кокетство достигло своей цѣли, милліонеръ въ ея хорошенькихъ ручкахъ, но она сдѣлала видъ, что не слышала ничего, и едва лакей вышелъ за дверь, снова пододвинулась къ молодому человѣку и, приблизивъ его лицо къ своему, сочно поцѣловала въ губы.

Съ выпитой бутылкой шампанскаго исчезло всякое благоразуміе у Якова Гордѣевича...

Когда, спустя часа полтора, рысакъ несъ ихъ въ городъ, Антонина Несторовна, уже съ большею увѣренностью прижавшись къ Притынскому, шептала ему на ухо, не желая, чтобы ихъ слышалъ кучеръ:

— Такъ ты меня, милый, любишь?

Поцѣлуй въ лобъ былъ отвѣтомъ.

— Больше, чѣмъ... чѣмъ Эверецкую? — нерѣшительно спросила она.

Изумленный Яковъ Гордѣевичъ молчалъ.

— Что же ты молчишь? — уже болѣе твердо спросила Антонина Несторовна. — Отвѣчай.

— Здѣсь нѣтъ сравненія, — неохотно отвѣчалъ ея спутникъ.

— Однако?

— Это не ваше дѣло! — болѣе рѣзко промолвилъ молодой человѣкъ.

Насмѣшливый смѣхъ сорвался съ губъ блондинки.

— Странно, точно это какая тайна!

— Здѣсь не мѣсто говорить объ этой особѣ, — такъ же сурово прозвучалъ отвѣтъ Притынскаго.

— Отчего же, дорогой? Что я, что она, — обѣ тебя любимъ, обѣ упиваемся твоею любовью; разница лишь въ томъ, что я только съ сегодняшняго дня, тогда какъ Эвер...

— Не смѣйте такъ говорить о ней, — внѣ себя закричалъ Притынскій, — иначе я васъ сейчасъ высажу!

— Ну, чего же сердиться,—изумленно промолвила Шатилова,—вѣдь я сказала правду?

— Тутъ нѣтъ ни слова правды, — горячо возразилъ Яковъ Гордѣевичъ,—она... она святая!

— Не спорю,—для всѣхъ, но не для тебя.

Кучеръ, дернутый за кушакъ, остановилъ лошадь. Притынскій отстегнулъ полость и выскочилъ изъ саней.

— Никита, свези эту даму, куда она тебѣ прикажетъ, и возвращайся домой.

Сказавъ это, Притынскій быстро отошелъ отъ саней.

— Постойте, постойте!—пробовала протестовать Шатилова, но рысакъ быстро несъ облегченный экипажъ по гладкому пути Каменноостровскаго проспекта.

— Чудакъ!—съ сожалѣніемъ прошептала Антонина Несторовна, дрожа въ своей маленькой плюшевой кофточкѣ, лишенная теплоты своего спутника.

Она не вѣрила въ платонизмъ обожанія Эверецкой Притынскимъ. Искусившейся въ любовныхъ похожденіяхъ молодой женщинѣ была непонятна эта любовь безъ огня, это нѣмое обоготвореніе любимой женщины. Шатилова готова была чѣмъ угодно спорить, что Агриппина Богдановна измѣняетъ своему Глѣбу съ Притынскимъ, иначе и не могло быть по ея понятіямъ. А потому неожиданная горячая защита Груни со стороны Притынскаго, его исчезновеніе—обидѣли ее больно, въ особенности послѣ всего происшедшаго въ ресторанѣ. Невольно ея неудовольствіе противъ своего недавняго кавалера всецѣло перенеслось на Эверецкую, и въ лицѣ ея Агриппина Богдановна пріобрѣла себѣ неожиданно новаго врага, повидимому, обѣщавшаго стать непримиримымъ. Спустя недѣлю, Неугадаевъ встрѣтилъ Якова Гордѣевича на Невскомъ.

— Что-жъ ты, братецъ, пропалъ? Совсѣмъ тебя не видно, Глѣбъ и Агриппина Богдановна про тебя спрашиваютъ. А?

Притынскій что-то пробормоталъ въ оправданіе.

— Времени, говоришь, не было? Врешь, самъ видѣлъ, какъ ты катался по Морской. Увлекся какой-нибудь бабенкой?

— Съ чего это взялъ!—покраснѣвъ отвѣтилъ Притынскій.

— Полно, братъ, скрывать, все знаю; у Эверецкихъ вчера эта болтушка Шатилова разсказывала, что видѣла тебя съ какой-то дамой.

Яковъ Гордѣевичъ измѣнился въ лицѣ.

— Что такое она тамъ про меня наболтала?—тревожно спросилъ онъ.

— Вотъ, придешь къ Эверецкимъ, такъ самъ и узнаешь,—засмѣялся Василій Ѳедоровичъ,—только Агриппина Богдановна на тебя что-то сердится.

Притынскій нервно пожалъ руку Неугадаеву и отошелъ отъ него.

— Чудакъ, просто,—прошепталъ послѣдній.

Яковъ Гордѣевичъ былъ обезпокоенъ извѣстіемъ, которое онъ услышалъ отъ Василія Ѳедоровича. Что могла наговорить про него эта женщина, сразу же опротивившая ему своею несносной болтовней,—не будетъ же она разсказывать у Эверецкихъ о своихъ похожденіяхъ; это было бы вполнѣ глупо! Но что-нибудь она ужъ выдумала, желая очернить его въ глазахъ обожаемой имъ женщины; разумѣется, это месть за его пренебреженіе, за его невѣжливый поступокъ съ нею. И Притынскій сталъ еще больше тревожиться. Если ему идти сейчасъ къ Эверецкимъ, то это могло породить толки, тѣмъ болѣе, что Глѣба не было въ это время дня дома, а Яковъ Гордѣевичъ являлся къ нимъ только въ его присутствіе, такъ желала Груня. И молодой человѣкъ сталъ съ нетерпѣніемъ ожидать вечера, чтобы направиться къ доктору и постараться оправдать себя передъ Грунею.

Время медленно для него двигалось; но вотъ вечеръ насталъ, Притынскій поспѣшилъ къ Эверецкимъ.

Онъ пришелъ къ нимъ довольно рано, супруги только-что кончали обѣдать.

— Пропащій!—встрѣтилъ его такимъ восклицаніемъ Глѣбъ.— Садись, блудный сынъ,—подвигая ему стулъ, продолжалъ хозяинъ,—разсказывай, какъ кутилъ, какъ за дамами ухаживалъ, много ли побѣдъ одержалъ?

Притынскій блѣднѣлъ и краснѣлъ чуть не одновременно.

Груня серьезно сидѣла за столомъ; она вопросительно взглянула на своего рыцаря, и скептическая улыбка скользнула у ней по лицу.

— Да-а,—протянулъ докторъ,—слышали мы, слышали про все, милостивый государь!Какъ вы за дамами ухаживаете, какъ вы съ ними катаетесь по Морской,—намъ все Антонина Несторовна передала.

— Какой вздоръ!—съ негодованіемъ возразилъ Притынскій.— Охота вамъ слушать глупую женщину.

— Давно ли она глупой у васъ стала?—ѣдко замѣтила Груня, нарушая свое молчаніе.—Вѣдь вы такъ всегда интересовались ея разговоромъ, ея обществомъ...

Притынскій молчалъ, нервно сжимая край скатерти.

— Хорошенько его, Груня, хорошенько,—шутилъ Глѣбъ.— Ну, что, получилъ наказаніе, безпутный гуляка!

— Агриппина Богдановна, я не смѣю вамъ возражать,— [illegible]лъ молодой человѣкъ,—но надѣюсь, что оправдываться мо- [illegible]каждый, а тѣмъ болѣе я, человѣкъ, который ничего не [illegible] объ обвиненіяхъ, на него взводимыхъ.

[illegible]ня внимательно слушала, что говорилъ Притынскій.

Я не буду обвинять мадамъ Шатилову въ ея болтовнѣ [illegible] меня, болтовня-болтовнею и останется; я только могу [illegible]ь, что ни по себѣ ли судитъ Антонина Несторовна, раз- [illegible]я про мои вымышленныя похожденія?

Груня чувствовала, что ея недовольство противъ Якова Гордѣевича падаетъ, она вѣрила его словамъ и все свое негодованіе перенесла на болтливую блондинку.

— Я вамъ вѣрю, Яковъ Гордѣевичъ,—сказала Груня,—вы не солжете.

Притынскій былъ удовлетворенъ подобнымъ прощеніемъ.

Явившаяся на другой день съ визитомъ къ Агриппинѣ Богдановнѣ Шатилова была принята ею сухо, и съ тѣхъ поръ она не показывалась въ семьѣ Эверецкихъ, хотя мужъ ея продолжалъ у нихъ бывать.

Усиленная работа не могла не повліять даже на здоровую натуру Глѣба. Зачастую онъ являлся домой съ занятій совсѣмъ разбитый отъ усталости, а дома его ждали приглашенія къ частнымъ больнымъ; практика его увеличивалась.

Груня стала замѣчать, что ея мужъ сталъ худѣть; она видѣла, что онъ нездоровъ, и хотя намекала ему, но все же боялась прямо заявить объ этомъ. Глѣбъ чувствовалъ самъ, что, кромѣ усталости, у него начала появляться какая-то апатія, какое-то отвращеніе къ труду; но, переборя самъ себя, онъ попрежнему отдавалъ всѣ свои дни работѣ въ больницѣ и клиникѣ, уставая ежедневно все больше и больше. Очевидности существованія болѣзни нельзя было ничѣмъ опровергнуть.

Примчался апрѣль, довольно холодный; пахнулъ тепломъ давно жданный май. Эверецкіе собрались снова на дачу. Нынѣшній годъ Груня вздумала жить въ Павловскѣ; Глѣбъ охотно согласился, такъ какъ проѣздъ по желѣзной дорогѣ не дѣлалъ для него затрудненія, и онъ могъ ежедневно бывать на дачѣ. Для Груни Павловскъ представлялся обѣтованною землей,—она могла наслаждаться ежедневно музыкою, прекрасный оркестръ всегда былъ къ ея услугамъ. Она жила въ мірѣ звуковъ; часто, когда докторъ изъ-за усталости отказывался сопровождать ее на музыку, она могла здѣсь, не стѣсняясь, какъ въ городѣ, брать себѣ въ кавалеры Притынскаго, попрежнему, чуть ли не каждый день, являвшагося къ нимъ на дачу. Неугадаевъ не такъ часто могъ быть свободнымъ, его поднебесныя экскурсіи отнимали у него много времени.

Состояніе здоровья Эверецкаго не улучшалось, онъ сильно перемѣнился, усталость и апатія къ недавно такъ страстно имъ любимой работѣ сказывались все больше и больше. Боли въ желудкѣ, которыя онъ тщательно скрывалъ отъ жены, усилились, аппетитъ сталъ капризнымъ. Глѣбъ неохотно вступалъ въ разговоръ, страшная вялость, никогда раньше имъ незамѣчаемая, явно овладѣвала всѣмъ его организмомъ.

Теплый майскій вечеръ, скорѣе бѣлыя сумерки, спустились надъ Павловскомъ. Груня сегодня особенно охотно шла на музыку въ вокзалъ,—была пятница, день, отведенный спеціально для серьезной музыки, которую Эверецкая предпочитала другой. Притынскій, по обыкновенію, обѣдалъ у сул

вызвался провожать Априпину Богдановну. Глѣбъ, легкой улыбкой стараясь скрыть снова ощущаемую имъ боль, отказался идти съ ними, ссылаясь на работу.

Хорошенькое лицо Груни омрачилось.

— Отчего же, голубчикъ, ты нейдешь съ нами? Тебѣ, право, нужны развлеченія, —замѣтила она просительно.

— Ну, въ другой разъ,—морщась отъ боли и стараясь ее скрыть отъ жены,—отвѣтилъ Глѣбъ.

Груня съ Яковомъ Гордѣевичемъ отправились въ вокзалъ, а Эверецкій, вмѣсто работы, прилегъ на диванъ, желая облегчить болѣзненный припадокъ. Онъ чувствовалъ, что болѣзнь его принимаетъ серьезный оборотъ, и что необходимо принять мѣры и посовѣтоваться съ кѣмъ-нибудь изъ спеціалистовъ-коллегъ. Онъ такъ и рѣшилъ, что завтра же это сдѣлаетъ.

Хотя настроеніе ихъ обоихъ было не изъ веселыхъ, тѣмъ не менѣе Груня охотно прослушала два отдѣленія; ей очень понравилась чудная симфонія Годара, вообще она любила программную музыку.

Весело настроенная толпа, громко разговаривая и смѣясь, шумно гуляла вокругъ скамеекъ, гдѣ сидѣли Эверецкая съ Притынскимъ. Давно извѣстная истина, что въ Павловскъ пріѣзжаютъ не слушать музыку, а... смотрѣть, вполнѣ подтверждалась. Это особенно замѣтно по пятницамъ, въ дни симфоническихъ концертовъ. Публика мало стѣсняется серьезною музыкой, зачастую совсѣмъ даже не понимаетъ ея и не чувствуетъ никакого желанія слушать звуки Бетховенскаго или другого серьезнаго автора творенія. Эта невѣжественная толпа, этотъ наглый протестъ дѣйствительному искусству, глумится еще надъ нимъ невольно, не давая возможности слушать серьезнымъ любителямъ и музыкантамъ своими громкими разговорами, смѣхомъ и шарканьемъ подошвъ по песку.

— Голубки воркуютъ!—услышала Груня позади себя фразу, сказанную не громко, но такъ, что она достигла своего назначенія. Эверецкая обернулась, знакомая фигура Шатиловой удалялась между скамеекъ.

Молодая женщина покраснѣла и, быстро поднявшись со скамьи, не дослушавъ начатой вещи, кинула своему кавалеру:

— Пойдемте!—и быстро направилась къ выходу изъ сада.

Хорошее настроеніе, навѣянное на нее музыкою, исчезло. Гадкая клевета и сплетни снова подняли голову и заставили задуматься Агриппину Богдановну.

Помѣстившись на диванѣ послѣ ихъ ухода, Эверецкій заснулъ, боли немного утихли, онъ могъ временами забыться.

— А, вотъ ужъ и вы,—сказалъ онъ, подымаясь съ своего ложа,—скоро вернулись!

[illegible] нашла нужнымъ разсказывать ему о встрѣчѣ съ [illegible] да едва ли это могло представить для него инте- [illegible] настроило бы его больше. Притынскій не слышалъ

фразы Антонины Несторовны, и ранній уходъ Эверецкой изъ сада приписалъ заботливости ея объ оставшемся дома больномъ мужѣ.

«Нужно или окончательно попросить Якова Гордѣевича не бывать у насъ, или, или... привыкнуть и не обращать вниманія на всѣ эти пустыя сплетни и ехидныя выходки», — рѣшила Эверецкая, ложась въ постель.

Проведя ночь довольно спокойно, чувствуя только слабо-тупую боль, Глѣбъ Аѳанасьевичъ опять подумалъ, не отложить ли осмотръ и совѣтованіе о своемъ здоровьѣ съ коллегами; но боль, снова принявшая острый характеръ, едва онъ сѣлъ утромъ въ вагонъ, чтобы ѣхать въ Петербургъ, побудила его немедленно же переговорить съ однимъ изъ своихъ товарищей-докторовъ, спеціалистомъ по внутреннимъ болѣзнямъ Форестовымъ, старше его на три выпуска.

— Что это, и тебя, пріятель, чинить надо, рано немножко,— шутилъ терапевтъ; но шутливость быстро исчезла въ его разговорѣ, когда онъ началъ осматривать больного коллегу и сталъ разспрашивать его о симптомахъ болѣзни.

— Ну, ничего, — какъ-то съ сомнѣніемъ произнесъ Форестовъ,—полѣчимъ.

Эверецкому не понравился тонъ врача.

— Слушай, Силантій Яковлевичъ: я самъ врачъ, отъ меня скрывать не только не честно, но и невозможно: я изъ прописанныхъ тобою средствъ сразу догадаюсь, что со мною. Такъ лучше, если ты замѣтилъ что серьезное, скажи мнѣ прямо—я не робкій человѣкъ, все перенесу, что ты мнѣ скажешь.

Терапевтъ задумался.

— А если такъ, то...—и онъ запнулся.

— Ну, говори же, говори,—торопилъ Эверецкій,—мнѣ легче все знать, чѣмъ сомнѣваться. Умру, что-ли, скоро?

— До этого дѣло еще далеко,—пробовалъ увильнуть Форестовъ,—но дѣло важно, механизмъ твой требуетъ серьезной починки.

— Что-жъ такое у меня?—немного смутясь, спросилъ Глѣбъ.

— Да ты не волнуйся, мало ли бываетъ подобныхъ случаевъ, но не всегда же отъ нихъ умираютъ, -неудачно пробовалъ утѣшить больного товарищъ, все больше и больше самъ путаясь въ своихъ словахъ.—У меня на памяти случай, когда человѣкъ жилъ...

— Да ты прямо говори, что у меня,—перебилъ его Эверецкій.—Что у меня?

Терапевтъ тихо отвѣтилъ:

— Карцинома, если не ошибаюсь.

Глѣбъ моментально перемѣнился въ лицѣ; онъ многаго ожидалъ худого, но только не рака въ желудкѣ. Ударъ былъ неожиданъ и заставилъ Эверецкаго невольно задуматься надъ своимъ положеніемъ.

— Значитъ, исходъ—смерть!—глухо произнесъ онъ, и на его исхудаломъ лицѣ появились двѣ слезы.

Форестовъ молчалъ, слова утѣшенія не шли съ его губъ. Онъ былъ такого же мнѣнія, какъ и самъ Эверецкій,—смерть неизбѣжная, мучительная, голодная, и это могло случиться въ очень недолгій срокъ.

— Прости, товарищъ,—протягивая ему руку,—произнесъ Глѣбъ послѣ минуты тягостнаго молчанія,—что я тебя заставилъ высказать такую горькую для меня новость. Но еще разъ говорю: спасибо. Опасности надо глядѣть прямо въ лицо, не скрываясь и не обманывая себя ложными мечтами.

Форестовъ съ чувствомъ пожалъ ему руку, и Глѣбъ вышелъ изъ его пріемной въ клиникѣ.

Молодой врачъ, какъ будто ничего съ нимъ не случилось, явился въ свою больницу и принялся за занятія; но они не могли его отвлечь отъ мысли о неминуемой и скорой смерти. Въ головѣ его былъ хаосъ.

«Что дѣлать? Что предпринять»?—ежеминутно говорилъ онъ самъ себѣ. Груня останется послѣ его смерти совсѣмъ необезпеченная, надѣяться на семью ея отчима и на мать онъ не могъ, зная ту пропасть, которая образовалась между ними и его женою. Женщина она тихая, ее каждый можетъ обидѣть, каждый оскорбить, и докторъ еще больше задумался.

О себѣ, о своей близкой смерти онъ не думалъ такъ, какъ о ней, о своей милой Грунѣ. Правда, умирать такимъ молодымъ, когда жизнь начинала ему улыбаться, простирать свои объятія, что не съ каждымъ случается,—ему не хотѣлось. Онъ жаждалъ жизни, счастія, полезнаго обществу труда, и вдругъ все разомъ должно было рушиться отъ какого-то діагноза такого же врача, какъ и онъ самъ. Тщетно пробовалъ Эверецкій утѣшать себя, что Форестовъ могъ ошибиться, поставить невѣрный діагнозъ болѣзни, симптомы вполнѣ ясно говорили противное. Чтобы еще больше быть увѣреннымъ, Эверецкій досталъ изъ библіотеки больницы «Болѣзни пищевода и желудка» д-ра Розенгейма и, читая внимательно симптоматологію болѣзни и приравнивая къ имѣющимся у него симптомамъ, онъ вполнѣ убѣдился въ правильности діагноза своего коллеги.

Итакъ, у него въ желудкѣ ракъ! Сомнѣнья нѣтъ, операція рискованная и почти всегда кончающаяся смертью. Нѣтъ, не надо ея; Глѣбъ не хотѣлъ умирать отъ ножа хирурга, лучше смерть естественнымъ путемъ. Не весело вышелъ онъ изъ больницы и, машинально взявъ извощика, пріѣхалъ къ Царскосельскому вокзалу,—онъ не зналъ, можетъ ли онъ на столько вла- собою, чтобы не подать виду своей женѣ. Нужно было ебить всѣ старанія и взять себя въ руки, чтобы не испу- Груню зловѣщимъ предсказаніемъ. Но, Боже мой! Все же ть такъ скоро, такъ глупо, когда все кругомъ улыбается, анитъ къ жизни, все обѣщаетъ счастіе на долгіе годы.

Бѣжавшія мимо оконъ вагона поля со свѣжею зеленью, купы молодыхъ березокъ, кленовъ—говорили его разстроенному мозгу, что все это еще будетъ жить, красоваться, а онъ,—онъ будетъ спать глубоко подъ землею, не видя всѣхъ этихъ красотъ Божьяго міра, не слыша ничего, не чувствуя. Знать все это заранѣе, ожидать страшную гостью, приближающуюся съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ, безпощадную, неизбѣжную, вѣрную! И Эверецкій закрылъ глаза ладонями рукъ. Онъ плакалъ. Мысли его, послѣ минутнаго порыва эгоистическаго отчаянія, снова начали витать около необезпеченнаго положенія Груни.

Поѣздъ остановился въ Царскомъ.

— Глѣбъ,—услышалъ онъ голосъ Притынскаго, жившаго здѣсь на дачѣ,—я къ вамъ, безпокоюсь о тебѣ страшно. Ну, что сказалъ твой коллега насчетъ болѣзни?

Эверецкій, подъ вліяніемъ сочувствія къ нему пріятеля, чуть было не разсказалъ ему всей правды, но, одумавшись, рѣшился промолчать.

— Такъ, пустое, переутомленіе, говоритъ,—тянулъ слова Глѣбъ, стараясь не выдать своего тягостнаго настроенія.

— Ну, и слава Богу!—облегченно произнесъ Яковъ Гордѣевичъ.—А мы съ Агриппиной Богдановной чего только ни передумали вчера о тебѣ.

Глѣбъ ничего не говорилъ. Въ умѣ его блеснула мысль:

«Вотъ человѣкъ, на кого я могу оставить спокойно мою Груню»,—подумалось ему, и онъ немного повеселѣлъ.

Груня не ждала его такъ рано, и дѣйствительно обрадовалась его возвращенію.

Прыгая, точно маленькая дѣвочка, она обнимала Глѣба, стараясь развеселить его хмурый видъ, приписывая послѣдній его чрезмѣрнымъ занятіямъ въ больницѣ...

Обѣдъ былъ поданъ. За столомъ Глѣбъ неестественно веселился, шутилъ и вдругъ неожиданно спросилъ Притынскаго:

— А что, Яша, если бы я внезапно умеръ, женился бы ты на Грунѣ?

Оба, Притынскій и Груня, подняли глаза съ изумленіемъ на Глѣба Аѳанасьевича.

— Странный вопросъ!—недоумѣвающе замѣтилъ молодой человѣкъ.—Къ чему онъ?

— Такъ, но я тебя спрашиваю серьезно, какъ бы ты поступилъ?

— И я, въ свою очередь, скажу тебѣ положа руку на сердце, что—не женился бы никогда.

— Отчего?

— А вотъ почему: во-первыхъ, изъ уваженія къ твоей памяти, потому зная, какъ тебя она любитъ, а во-вторыхъ, я никогда не осмѣлюсь взглянуть на Агриппину Богдановну на жену.

Груня, вся раскраснѣвшись, видимо, была недовольна разговоромъ. Недоволенъ его исходомъ былъ и самъ Эверецкій, онъ не такого отвѣта ожидалъ отъ Притынскаго; но, зная честность Якова Гордѣевича, понималъ хорошо, что разъ онъ такъ рѣшилъ, иначе и быть не можетъ.

«А исходъ былъ, и хорошій! — мелькало въ разстроенныхъ мысляхъ доктора.—Обѣщай онъ мнѣ жениться на Грунѣ, я не съ такимъ бы ужасомъ ожидалъ смерти, какъ въ настоящую минуту... Ну, что-жъ дѣлать! Нужно придумать что-нибудь другое».

X.

На другое утро Эверецкій не поѣхалъ въ городъ, предупредивъ старшаго врача больницы о своей болѣзни.

Кажется, за всѣ три года его занятій въ больницѣ Глѣбъ Аѳанасьевичъ манкировалъ въ первый разъ.

Лежать въ кровати онъ не хотѣлъ и вышелъ въ садъ. Въ противоположность ихъ прошлогоднему саду, скорѣе парку, нынѣшній казался палисадникомъ. Выходилъ онъ прямо на улицу, отдѣляясь отъ послѣдней легкою желѣзной рѣшеткой. Нѣсколько клумбъ съ молодою еще разсадой лѣтника, десятка два тщательно подстриженныхъ кустовъ сирени и жимолости — вотъ и вся растительность этого садика. Гулять или сидѣть въ немъ, какъ въ прошлогоднемъ, душа на распашку, по выраженію Эверецкаго, было совсѣмъ невозможно. Мѣщански-чопорный Павловскъ, съ его разодѣтыми щеголихами, съ приторными франтами, цѣлый день кишѣлъ около дачи Эверецкихъ. Любопытные взгляды гуляющихъ сердили и смущали Глѣба; хотя онъ мало обращалъ на нихъ вниманія, тѣмъ не менѣе назойливость этой пустой толпы мѣшала ему въ особенности сосредоточиться, уйти въ себя. Нервно ударяя похудѣвшими пальцами по спинкѣ садовой скамейки, докторъ усиленно искалъ выхода изъ этого несчастнаго положенія, въ которое поставила его судьба.

Жизнь хотя и манила его своею заманчивою завѣсой будущаго, но онъ уже обладалъ своимъ счастіемъ, такъ что эта таинственная завѣса далеко не была ему такъ интересна. Онъ не хотѣлъ умирать, но разъ судьба безповоротно рѣшила, что ему суждена смерть, — онъ, не протестуя, покорился, бороться было бы безумствомъ.

— Здравствуйте, Глѣбъ Аѳанасьевичъ,—услышалъ онъ женскій голосъ и вздрогнулъ.

[illegible]четки на аллеѣ стояла Шатилова, разодѣтая по [illegible]семъ бѣломъ. Изящный костюмъ выгодно обрисо[illegible]шныя формы. Бѣлый кружевной зонтикъ, скорѣе [illegible]хо служилъ своей цѣли—защищать отъ солнца.

Послѣднее золотистыми пятнами шаловливо бѣгало по лицу и фигурѣ Антонины Несторовны.

Эверецкій недовольно поднялся со скамьи, запахивая свое длинное пальто, и медленно подошелъ къ Шатиловой. Ее, болѣе чѣмъ кого другого, онъ не хотѣлъ видѣть въ настоящую минуту.

— Еще разъ здравствуйте, благодушный мужъ,—протягивая ему черезъ рѣшетку полную руку, затянутую въ черную шелковую перчатку, повторила свое привѣтствіе Шатилова, умышленно подчеркивая слово «благодушный».—Что это вы, противъ обыкновенія, утромъ дома, а не въ больницѣ?

— Немного прихворнулъ, — коротко, не особенно любезно отвѣтилъ Эверецкій.

— Зачѣмъ же хворать, — участливо продолжала блондинка, замѣчая перемѣну въ лицѣ доктора.—Молодой человѣкъ, и хворать. Ай-ай!

Глѣбъ молчалъ, предоставляя ей говорить; его раздражала эта пустая болтовня, мысли его были далеко отсюда.

— Вчера я видѣла Агриппину Богдановну съ Яковомъ Гордѣевичемъ на музыкѣ, точно супруги, все вмѣстѣ! — злорадно поспѣшила она сообщить Глѣбу.—Разумѣется, съ кѣмъ же вашей женѣ и ходить-то, вѣдь вы сами заняты, а Притынскій — вашъ лучшій другъ,—поспѣшила она поволотить, по ея мнѣнію, непріятную пилюлю, но все же не упуская случая поставить точку на і въ словѣ «вашъ».

Нельзя сказать, чтобы на этотъ разъ болтовня пустой бабенки прошла безслѣдно для больного. Онъ видѣлъ, что подобныя сплетни еще больше отдаляютъ возможность задуманнаго имъ плана—женить Притынскаго на своей будущей вдовѣ. Онъ нервно повернулся къ Шатиловой, слегка поклонившись ей, дѣлая этимъ видъ, что онъ не въ силахъ больше стоять у рѣшетки въ виду болѣзни.

Антонина Несторовна, довольно улыбнувшись, направилась дальше, — она поняла, что намѣченная ею стрѣла попала въ цѣль.

То-то она будетъ радоваться, когда услышитъ, что и этотъ «теленокъ», какъ она называла про себя доктора, пойметъ, наконецъ, какъ онъ слѣпъ, не видя того, что всѣ давно знаютъ. Торжество ея будетъ еще полнѣе, когда, поигравшій съ нею какъ съ игрушкой, этотъ выскочка — Притынскій — постыдно будетъ изгнанъ изъ дома Эверецкихъ. Она уже представляла себѣ все огорченіе, всѣ слезы Груни по этому поводу, и радовалась заранѣе ея горю. Какъ далека была отъ истины эта пустая женщина, судящая о другихъ людяхъ только по себѣ.

Къ обѣду появился къ нимъ Притынскій, а немного позже пріѣхалъ и Василій Ѳедоровичъ съ Турмановымъ.

— Ну, вотъ мы и вкупѣ! — шутилъ весельчакъ Неугадаевъ.—Теперь ужъ музыка пойдетъ не та, у насъ зап-

лѣсъ и горы,—указывая на музыканта и Груню, сказалъ воздухоплаватель.

— Василій Ѳедоровичъ, сегодня музыка отмѣняется, — протестовала хозяйка.—Глѣбушка нервный сталъ.

— Полно, что за глупости,—возразилъ докторъ:—это вчера только было, просто отъ переутомленія; напротивъ, играйте, играйте, это мнѣ доставитъ несказанное наслажденіе. А! забылъ совсѣмъ: сегодня видѣлъ Шатилову, говорилъ съ нею, очень она вами обоими интересуется, — обратился Глѣбъ къ женѣ и Притынскому.

— Какая гадкая женщина! — не удержалась высказать свое мнѣніе о бывшей пріятельницѣ Груня.

Притынскій что-то хотѣлъ тоже сказать, но, одумавшись во время, благоразумно промолчалъ.

— Рыбка-то по водѣ плаваетъ, — накладывая себѣ на тарелку громадную порцію рыбы, произнесъ Неугадаевъ, большой любитель покушать:—разрѣши, Глѣбъ, выпить по рюмочкѣ.

— Вотъ чудакъ-то! Пей, очень радъ.

Разговоръ оживился, подъ впечатлѣніемъ общаго оживленія, и Эверецкій сталъ забывать о висящемъ надъ нимъ дамокловомъ мечѣ. Говорили о музыкѣ, о новой оперѣ, написанной однимъ изъ молодыхъ кучкистовъ на сюжетъ разсказа Поэ «Бочка аммонтильядо». Сухощавый Турмановъ хвалилъ красоты этого новаго произведенія, Притынскій, самъ музыкантъ-дилетантъ, находилъ, напротивъ, оперу довольно слабою вещью, онъ ее проигрывалъ. Музыкантъ все больше и больше горячился, за него стояла Груня, тоже послѣдовательница новаго направленія въ русской музыкѣ. Николай Александровичъ даже всталъ и, размахивая салфеткою, громко напѣвалъ нѣкоторыя фразы изъ этой оперы. Ротъ его, лишенный всего верхняго ряда зубовъ, смѣшно открывался, придавая его узкому, худощавому лицу комическое выраженіе.

— Закрой пасть, что ли, — сказалъ ему Неугадаевъ, аппетитно уничтожающій второго цыпленка.

Его мелкіе, черные зубы щелкали, обгрызая кости, голый черепъ лоснился. Владѣлецъ его былъ похожъ на чудовищнаго Гаргантуа. Салфетка, завѣшивающая его полную грудь, дѣлала его фигуру громадною по объему.

— Да нѣтъ, вотъ ты послушай эту фразу! — не унимался музыкантъ, и чисто композиторскимъ теноркомъ запѣлъ:

О судьба! О, злой, жестокій рокъ...

При первомъ словѣ фразы Эверецкій вздрогнулъ, дѣйствительность, страшная, неизбѣжная, снова напомнила ему о себѣ. Судьба не позволяла ему забыться даже здѣсь, среди друзей; за столомъ, среди веселья, она не давала ему свободы. Глѣбъ [illegible]лъ... Турмановъ, ничего не замѣчая, продолжалъ:

[illegible]ачѣмъ мнѣ суждено погибнуть...
[illegible]гда все остальное будетъ жить и наслаждаться.

— Мнѣ опять дурно, — едва могъ прошептать хозяинъ, выходя изъ за стола и ложась на диванъ.

Всѣ встрепенулись. Но пароксизмъ у больного миновалъ. Музыка не состоялась, Глѣбъ едва ли могъ перенести ее.

Гости стали собираться уходить.

— Куда, куда вы! Посидите,—останавливалъ ихъ хозяинъ.

— Да тебѣ покой нуженъ,—отвѣтилъ Притынскій.

— А вы развѣ мнѣ мѣшаете прилечь?

И уходившіе остались.

— Новость слышалъ?—спросилъ Василій Ѳедоровичъ Глѣба послѣ того, какъ всѣ удобно усѣлись на балконѣ, а докторъ полулежалъ на тахтѣ.—Вересовъ женился.

— Наконецъ-то! Кто та избранница, которую удостоилъ своимъ выборомъ зазнавшійся отпрыскъ газетнаго папаши? — пошутилъ снова хозяинъ.

— Морева.

— Неужели хуже-то его она не нашла?

— Умѣлъ подойти, и въ настоящее время редакціонный младенецъ заполучилъ наслѣдство жены отъ покойнаго ея родителя и въ спекуляцію пустился, на биржѣ играетъ.

— Ну, и желаю ему тамъ хоть обжечься.

— Да, этимъ людямъ нужно какую нибудь узду,—вмѣшался въ разговоръ Яковъ Гордѣевичъ, — иначе они личность человѣка, немного ниже и слабѣе ихъ, ни во что не ставятъ.

— Разъ онъ получилъ науку отъ тебя, второй разъ я его поучилъ, Богъ дастъ и третьяго найдетъ, который покажетъ ему, какъ нужно обращаться съ людьми,—замѣтилъ Глѣбъ.

Груня и Турмановъ, не желая мѣшать общему разговору, тихо разговаривали о достоинствахъ павловскаго оркестра. Они оба не особенно хвалили манеру Галкина дирижировать и выборъ его репертуара.

— Нынѣшнее лѣто все же онъ придерживается русскихъ композиторовъ,—пробовала защищать капельмейстера Эверецкая.

— Не скажите, — оппонировалъ ей музыкантъ, ярый кучкистъ:—а Глазуновъ? А Бородинъ? Наконецъ, мои вещи,—перейдя на личную почву непріязни, горячился композиторъ, — отчего же онъ не сыграетъ мое «Andante Lugubre», развѣ оно такъ плохо?

Груня не возражала, не желая обидѣть своего преподавателя, хотя въ душѣ не могла похвалить его вещей: онѣ были черезчуръ мрачны и учены. Въ погонѣ за разработкой темы и новѣйшими ухищреніями контрапункта, Турмановъ вымучивалъ не хитрую, хотя и оригинальную мелодію. Получалось тяжелое произведеніе, которое только завзятый кучкистъ или страстный любитель замысловатой оркестровки могъ находить красивымъ.

Ихъ разговоръ, хотя и тихій, долетѣлъ до ушей Неугадаева, и онъ, смѣясь, сказалъ Турманову:

— Скоро ли, Коля, вы скрипъ немазанной телѣги, жужжанье мухи изображать въ музыкѣ станете?

Композиторъ хотѣлъ уже обидѣться, но во время нашелся.

— Раньше мы изобразимъ, Василій Ѳедоровичъ, трескъ костей, когда вы ихъ грызете за столомъ,—зло кинулъ онъ пріятелю.

Неугадаевъ былъ побѣжденъ.

— Ай да Коля, ай да Турмановъ! — похвалилъ хозяинъ гостя.—Вотъ и глядите. Кажется, заяцъ, — прошедшій разъ не могъ ничего отвѣтить Вереюву, а тутъ нашелся. Молодецъ!

Николай Александровичъ скромно молчалъ, торжествуя побѣду.

Вечеръ былъ прелестный, теплый; присущей Павловску сырости не было и въ поминѣ. Публика гуляла на музыкѣ и въ паркѣ. Мимо рѣшетки сада никто не шелъ. Безоблачное блѣдно-голубое небо расплывчатымъ покрываломъ одѣвало землю. Красноватая вечерняя заря виднѣлась на западѣ, все болѣе и болѣе скрываясь за купами деревьевъ. Наступила томительная, беззвѣздная петербургская весенняя ночь, со слабымъ очертаніемъ контура еле замѣтной луны.

Пріятели не долго посидѣли и въ началѣ одиннадцатаго часа отправились на станцію, откуда уже слышался нетерпѣливый свистъ паровоза.

Проводивъ гостей, Глѣбъ посмотрѣлъ имъ вслѣдъ, покачалъ головою и медленно пошелъ къ дому. Роковая неизбѣжность снова овладѣла всѣми его мыслями, всѣмъ его существомъ. Онъ страдалъ своимъ безсиліемъ бороться съ судьбою.

XI.

Вереецкій чувствовалъ себя значительно лучше, когда онъ садился на другой день въ поѣздъ. Ночь провелъ онъ, противъ обыкновенія, хорошо; это его освѣжило и немного ободрило. Глухая боль въ желудкѣ стихла.

Груня проводила его на станцію, — она боялась за мужа и хотѣла даже ѣхать проводить его въ городъ, но бодрый видъ Глѣба и его рѣшительное нежеланіе, чтобы его сопровождали, успокоили ее немного, и докторъ уѣхалъ одинъ.

Облегченіе все же не позволяло ему забыться; прислонившись къ мягкому изголовью вагоннаго кресла, онъ снова погрузился въ свою думу.

Громкій разговоръ сосѣдей, не заглушаемый даже стукомъ ѣсъ, заставилъ его невольно прислушаться.

Онъ машинально заглянулъ въ сосѣднее отдѣленіе,—разговаривающими оказались двое пожилыхъ мужчинъ.

—И какъ это превосходно вышло,—продолжалъ одинъ изъ нихъ,—точно по нотамъ.

— А долго это продолжалось?—полюбопытствовалъ другой.

— О, быстро, сегодня только мужъ согласился, на другой же день было все устроено,—и свиданіе, и свидѣтели, въ тотъ же день фактъ измѣны былъ констатированъ, а на другой день я вносилъ прошеніе о разводѣ, подписанное женою въ консисторіи, по причинѣ развратнаго поведенія мужа. Сколько мы въ тотъ вечеръ смѣялись, когда вмѣстѣ съ нимъ ужинали у его жены.

— Ну, а разводъ-то самый скоро получили?

— Зачѣмъ же медлить! Письменное сознаніе мужа, на-лицо свидѣтели, а главное деньги. Это, батюшка, такой рычагъ, что хотите перевернетъ и ускоритъ.

Глѣбъ уже слушалъ ихъ внимательно, и въ головѣ его вырабатывался планъ.

— Въ мѣсяцъ все было кончено, она сейчасъ же замужъ вышла, за кого хотѣла, да и мужъ не зѣвалъ, хотя ему по разводу, какъ виновной сторонѣ, и не разрѣшено было жениться, полгода не подождалъ, тоже женился, а у прежней своей жены шаферомъ на свадьбѣ былъ. Вотъ какъ дѣла-то обдѣлываютъ.

— А сколько стоило?

— Да они не примѣръ, люди богатые, дешевле можно было бы обдѣлать, тысячи три. Я берусь охотно за тысячу — полгоры все сдѣлать.

Голоса смолкли.

У Эверецкаго уже созрѣла въ головѣ новая комбинація, онъ думалъ про себя:

«Разводъ возможенъ, измѣна съ моей стороны, свобода выхода замужъ для Груни... Притынскій, разумѣется, выкажетъ свое благородство и непремѣнно женится на ней; чтобы сохранить ея репутацію, онъ никому не позволитъ въ нее кинуть грязью. Вотъ выходъ удобный и вѣрный, но... — и Глѣбу на душѣ стало тяжело, — но какъ же измѣнить Грунѣ, моей дорогой, любимой! Сойти въ могилу, сопровождаемому ея презрѣніемъ, можетъ быть, ненавистью. Другого исхода нѣтъ! Что-жъ, только бы она была счастлива и спокойна, я въ то время не буду слышать и видѣть ея презрѣнія». «Мертвые сраму не имутъ»,— почему-то вспомнилась ему эта опошленная поговорка, имѣющая все-таки глубокій смыслъ.

Поѣздъ подходилъ къ станціи; говорившій о разводѣ господинъ прошелъ мимо доктора, направляясь къ выходу изъ вагона. Эверецкій поднялся съ кресла и догналъ его. Они вмѣстѣ вышли на платформу.

— Простите, что васъ остановлю на минуту, — обратился Глѣбъ къ гсподину съ портфелемъ.

— Сдѣлайте одолженіе, чѣмъ могу служить?—любезно отвѣтилъ послѣдній.

— Я сейчасъ случайно слышалъ вашъ разговоръ насчетъ развода и хотѣлъ бы самъ поговорить съ вами кое о чемъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ,—осклабился тотъ,—вотъ моя карточка, я принимаю ежедневно до двѣнадцати, когда вамъ будетъ угодно, милости прошу.

И, слегка поднявъ низенькую мягкую шляпу на головѣ, онъ пошелъ по платформѣ.

— Исаакъ Абрамовичъ Зонненауфгангъ, присяжный повѣренный,—прочиталъ Эверецкій врученную ему карточку; внизу стоялъ адресъ.

Въ тотъ же день Глѣбъ трясся на извозчикѣ по данному ему адвокатомъ адресу. Въ концѣ Малой Итальянской онъ нашелъ искомый имъ домъ.

— Вотъ и вы; но ожидалъ такого скораго визита, — встрѣтилъ его Зонненауфгангъ въ своемъ роскошномъ кабинетѣ, ясно показывающей своею обстановкой, что бракоразводныя дѣла даютъ прекрасный доходъ его владѣльцу.—Сегодня я почти свободенъ,—продолжалъ хозяинъ, усаживая гостя въ громадное готическое кресло изъ рѣзного стараго дуба около стола и подвигая ему коробку сигаръ, — мы можемъ долго говорить; вы курите?

Глѣбъ отказался, поблагодаривъ.

— Смотря на васъ, я почему-то предугадываю, что вы несчастны въ вашей семейной жизни,—вкрадчиво снова заговорилъ Зонненауфгангъ, сильный брюнетъ семитическаго типа. Черная бородка его была острижена по послѣдней модѣ, темные глаза внимательно смотрѣли изъ-подъ густыхъ бровей.

Эверецкій отрицательно покачалъ головою.

— Напротивъ, я самый счастливый изъ мужей.

— Странно!—протянулъ собесѣдникъ.—Но, можетъ быть, мнѣ это только такъ показалось. Значитъ, ваша супруга хочетъ развестись съ вами?

— Еще менѣе того, она въ настоящую минуту такъ далека отъ чего-либо подобнаго, какъ нельзя и выразить.

Адвокатъ съ изумленіемъ взглянулъ на посѣтителя, онъ нерѣшительно спросилъ:

— Но вѣдь вы пришли ко мнѣ на счетъ развода, кажется я такъ васъ давеча понялъ?

— На счетъ развода.

Взоръ Исаака Абрамовича просвѣтлѣлъ.

— Великолѣпно, въ такомъ случаѣ, прошу васъ говорить, а я буду васъ слушать.

И онъ поудобнѣе примостился на своемъ мягкомъ креслѣ, откинувшись назадъ.

·очу развестись,—началъ Эверецкій.

вотъ вы и сознались,—произнесъ Зонненауфгангъ,—
га измѣняетъ вамъ?
ушайте сперва,—нервно сказалъ Глѣбъ.

Ему начинала надоѣдать излишняя юркость юриста. Тотъ опѣшилъ немного.

— По нѣкоторымъ причинамъ, которыя я не могу вамъ открыть, я принужденъ развестись съ женою. О моемъ такомъ намѣреніи она не знаетъ, но и не должна знать.

Новое изумленіе на лицѣ внимательно слушающаго адвоката.

— Подождите,—продолжалъ Глѣбъ, видя, что Зонненауфгангъ хочетъ его перебить,—дайте все высказать. Вину всю принимаю я на себя, для чего и необходимо удостовѣрить фактъ измѣны съ моей стороны...

— То-есть, я понимаю,—не могъ удержаться юристъ:—это будетъ фиктивная измѣна; ваша супруга, разумѣется, пойметъ, что это только для вида дѣлается?

— Напротивъ, самая настоящая измѣна, за иную и моя жена не должна принимать ее.

Адвокатъ терялся въ догадкахъ, — подобное дѣло случалось въ его практикѣ въ первый разъ.

— Иниціатива развода будетъ опять-таки съ ея стороны, я только изъявлю на него мое согласіе, вы будете вести дѣло противъ меня. Поняли?

Зонненауфгангъ покачалъ отрицательно головою.

— Ничего.

Только послѣ продолжительныхъ объясненій Исаакъ Абрамовичъ, наконецъ, могъ вникнуть въ суть дѣла; онъ робко заикнулся о причинахъ развода.

— До этого вамъ нѣтъ дѣла! Единственно, о чемъ я васъ прошу — все, что здѣсь говорено, должно остаться между нами.

— Даю вамъ честное слово, да и сама наша профессія заставляетъ насъ молчать.

— Мнѣ хотѣлось бы, чтобы этотъ разводъ совершился скоро.

— Во всякомъ случаѣ, не позже мѣсяца, — галантно согласился адвокатъ.

— Можетъ моя жена тогда же выйти вновь замужъ?

Такая заботливость со стороны разводящагося мужа изумила снова Исаака Абрамовича.

— Отчего же нѣтъ! Хоть на другой же день.

— Прекрасно! Теперь насчетъ гонорара. Сколько вы возьмете за всю эту процедуру?

Зонненауфгангъ многозначительно нахмурился, — онъ размышлялъ, сколько удобно будетъ спросить.

— Тысячи три, — нерѣшительно процѣдилъ онъ, — если не встрѣтится затрудненій.

— Какія же еще затрудненія! Съ моей стороны никакихъ не будетъ.

— Свидѣтели много стоятъ,—продолжалъ юристъ:—ну, знаете, туда-сюда нужно сунуть, расходы...

— Свидѣтели будутъ мои.

— [illegible] — [illegible]

— [illegible] [illegible] [illegible]

равливали, и Глѣбъ рѣшилъ немедленно вернуться въ Павловскъ. На станцію онъ пріѣхалъ немного рано, поѣздъ отходилъ еще только черезъ полчаса.

Въ буфетѣ, за стаканомъ чая, онъ замѣтилъ давно уже не встрѣчавшагося съ нимъ, его бывшаго профессора Павла Павловича Форсова. Старикъ обрадовался, увидя его, и, по своему обыкновенію, обнялъ и поцѣловалъ своего бывшаго ученика.

— Ну, что, какъ дѣла, какъ работаете на пользу человѣчества?—спросилъ Форестовъ, заглядывая въ лицо молодого врача.—Вы сильно перемѣнились, больны были?

— Такъ, пустяки,—старался онъ разувѣрить продолжавшаго внимательно на него глядѣть старика.

— Берегите, берегите себя,—участливо сказалъ послѣдній:— у васъ такая чудная жена, ради ея вамъ не нужно запускать свою болѣзнь; вы ея единственная поддержка и надежда,—продолжалъ Форестовъ, знавшій отношеніе Груни къ семьѣ ея отчима и къ матери.

Глѣбъ старался быть внимательнымъ къ его словамъ, но мысли, помимо его самого, были далеки отсюда.

— Главное помните,—закончилъ старикъ, прощаясь,—вѣра, глубокая горячая вѣра и надежда.

Эверецкій вздрогнулъ; онъ не слышалъ и не понималъ, что говорилъ ему Форестовъ.

«Что такое, о какой вѣрѣ, о какой надеждѣ онъ мнѣ говорилъ»?—шепталъ онъ, усаживаясь въ вагонъ поданнаго поѣзда.

XII.

Время быстро двигалось, а задуманный докторомъ планъ былъ еще далекъ къ исполненію. Энергія, которую онъ прилагалъ все послѣднее время, невольно поддерживала Глѣба и давала ему силу быть хозяиномъ своей болѣзни.

Внутренняя работа продолжалась, но слабости, какъ раньше, больной не чувствовалъ. Его попытки любезничать съ Дашей были приняты дѣвушкой съ изумленіемъ. Она въ первый разъ замѣтила, что докторъ интересуется и другими женщинами, кромѣ ея барыни; до сихъ поръ она видѣла въ немъ только барина, всегда ласково обращавшагося съ прислугою, но и только. Легкое ухаживаніе за горничной своей жены не достигло своего результата. Даша его сторонилась, хотя охотно отвѣчала другимъ. Эверецкій сердился этому промедленію, затягивающему его планъ, но нужно было выждать время.

— Слушайте, Даша,—сказалъ онъ какъ-то дѣвушкѣ, когда Груня вышла изъ комнаты: — отчего вы всегда бѣжите отъ меня?

Горничная, сметавшая со стола послѣ обѣда крошки хлѣба, покраснѣла и молчала.

— Въ самомъ дѣлѣ,—продолжалъ Глѣбъ,—отчего?

Даша робко взглянула на балконную дверь, куда ушла Эверецкая, и прошептала:

— Что вы, баринъ, шутите: я вовсе отъ васъ не бѣгаю.

— Ну, такъ подойдите ко мнѣ сюда.

Даша тихо подошла.

— Нѣтъ, ближе, вотъ какъ теперь,—обнимая за талію дѣвушку и цѣлуя ее, повторилъ Глѣбъ.

Хорошенькая горничная слегка сопротивлялась, но позволила себя поцѣловать.

— Шалунъ какой, баринъ, вы стали, раньше этого не было,— видимо, довольная вниманіемъ доктора, прошептала она:—что я лучше, что ли, барыни?—и опустила глаза книзу.

— Гораздо,—подтвердилъ Глѣбъ.

— Ну, полноте,—ломалась Даша, сознавая свое хорошенькое личико,—какая тамъ красота насупротивъ барыни.

Въ эту минуту Груня появилась изъ дверей, и Даша быстро отскочила отъ стола.

Эверецкая успѣла замѣтить раскраснѣвшуюся дѣвушку и ея немного сконфуженный видъ, но не придала ни тому, ни другому никакого значенія.

Такое заигрыванье со стороны Глѣба продолжалось. Даша начинала вѣрить въ серьезность его ухаживаній за нею и уже нѣсколько разъ потихоньку приняла отъ него подарки. Чувствуя свою власть надъ Глѣбомъ, она совсѣмъ перемѣнилась,—изъ послушной, спокойной прислуги превратилась въ заносчивую. Требованія ея къ доктору возрастали. Онъ видѣлъ, что скоро вся эта комедія съ горничной должна придти къ концу, нужно будетъ позаботиться устроить такъ, чтобы, сами совершенно того не предполагая, заранѣе подготовленные имъ свидѣтели, Василій Ѳедоровичъ и Турмановъ, своевременно застали бы его на свиданіи съ Дашей. Сколько нужно было имѣть присутствія духа, чтобы привести весь этотъ хитро-придуманный планъ въ исполненіе.

Онъ ему удался вполнѣ.

Оба его пріятеля, Турмановъ и Неугадаевъ, соскучились ожидать его въ саду и зашли къ нему въ кабинетъ.

Сцена, которую они тамъ застали, не позволяла имъ сомнѣваться въ нравственномъ паденіи ихъ пріятеля.

Пораженные, они хотѣли тихо выйти вонъ, пользуясь минутой; но тихій стонъ, раздавшійся позади ихъ, и стукъ отъ паденія чего-то тяжелаго на полъ заставили ихъ обернуться.

На порогѣ лежала Агриппина Богдановна.

Эверецкій, позабывъ о той гнусной комедіи, которую онъ только разыгралъ, въ испугѣ бросился къ упавшей женѣ, но ча, съ помощью Турманова и Неугадаева, успѣла уже под-

няться. Даша выпрыгнула въ садъ черезъ открытое окно. Безъ слезъ, безъ жалобъ, точно окаменѣлая, молодая женщина вошла въ свою комнату съ помощью музыканта и Неугадаева. Она ничего не понимала, двигалась какъ во снѣ. Столбнякъ тяжелымъ кошмаромъ овладѣлъ всѣмъ ея существомъ. Она ничего не чувствовала; какой-то хаосъ, какіе-то несвязные обрывки только-что минувшей грязной сцены носились въ ея разстроенномъ мозгу.

Что это, зачѣмъ, почему—она не могла отдать себѣ никакого отчета.

Уложивъ, съ помощью кухарки (горничная исчезла), Агриппину Богдановну въ постель, Неугадаевъ и музыкантъ снова направились въ кабинетъ доктора.

Глѣбъ Аѳанасьевичъ, какъ будто ничего и не произошло, сидѣлъ у стола и что-то писалъ.

Только страшная сила воли позволяла ему еще притворяться; въ душѣ страдалъ онъ ужасно.

Съ трудомъ сдерживаясь, чтобы не обернуться къ вошедшимъ и не встрѣтить ихъ безпокойно-нетерпѣливымъ вопросомъ о женѣ, докторъ нервно оперся лѣвымъ локтемъ о край стола, стараясь показать вошедшимъ пріятелямъ, что онъ серьезно занятъ.

— Ну? — принуждено усмѣхаясь, нарушилъ онъ молчаніе. Неугадаевъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на Эверецкаго—другой человѣкъ былъ предъ нимъ, прежняго Глѣба не существовало.

Воцарилось неловкое молчаніе.

— Глѣбъ,—могъ только тихо вымолвить Василій Ѳедоровичъ,—Глѣбъ, зачѣмъ ты это сдѣлалъ?

Докторъ снова нервно вздрогнулъ, но, преодолѣвъ невольный порывъ и опять неестественно улыбнувшись, отвѣтилъ:

— Какой нашелся учитель! Что хотѣлъ, то и сдѣлалъ.

Неугадаевъ не узнавалъ своего пріятеля.

«Не съ ума ли онъ сошелъ»?—пришло ему на мысль; но докторъ сейчасъ же ее самъ опровергнулъ.

— Поступилъ я такъ потому, что разлюбилъ Груню, что она мнѣ опротивѣла, что всякая женщина мнѣ милѣе ея. Понялъ ли?

Неугадаевъ съ возрастающимъ изумленіемъ слушалъ такое циничное признаніе доктора; онъ видѣлъ ясно, что послѣдній говоритъ здраво, за сумасшедшаго его нельзя было счесть.

— Глѣбъ, Глѣбъ, остановись, что ты говоришь,—пытался онъ остановить Эверецкаго, но тотъ продолжалъ развивать свое рѣшеніе:

— Она мнѣ уже надоѣла и опротивѣла болѣе трехъ мѣсяцевъ тому назадъ, послѣ ребенка. Несчастіе съ нею мнѣ ясно показало, что моя любовь къ ней вмѣстѣ съ ребенкомъ исчезла, да едва ли она и была. Мнѣ кажется, я сильно ошибся и простую симпатію принялъ за любовь.

— Полно, полно,—успокоивалъ Неугадаевъ своего пріятеля,— приди въ себя; право, это на тебя не похоже.

— Не похоже, отчего? — иронизировалъ Глѣбъ. — Что я до сихъ поръ пытался скрыть свое нерасположеніе къ женѣ подъ маской привязанности. Но вѣдь вѣчно нельзя же скрыть того, что должно, наконецъ, выйти наружу.

Турмановъ подошелъ къ столу, за которымъ продолжалъ сидѣть Эверецкій.

— Послушай хотя меня, Глѣбъ Аѳанасьевичъ,—вступилъ онъ горячо въ разговоръ:—я никогда не повѣрю, чтобы ты разлюбилъ жену! Все это пустяки, ты одумаешься, сознаешь свой поступокъ, она проститъ тебя и...

— Проститъ!—захохоталъ докторъ.—Да я вовсе въ ея прощеніи и не нуждаюсь. Я порвалъ все съ нею съ сегодняшняго дня, все, все!

— Но пойми же ты, сумасбродъ,—пытался его образумить Неугадаевъ:—какое создаешь ты этимъ для нея и для себя положеніе, ужъ тогда лучше формальный разводъ.

— Разводъ, такъ разводъ,—вскричалъ докторъ,- я не прочь отъ него, считаю это даже лучшимъ исходомъ!

Оба пріятеля не вѣрили своимъ ушамъ и глазамъ. Неужели это предъ ними Глѣбъ, всегда крайне строго относившійся къ подобнымъ поступкамъ. Гдѣ же его пресловутая выдержка, гдѣ спокойствіе. Нѣтъ, это былъ другой человѣкъ предъ ними.

— Я радъ развестись,—продолжалъ Глѣбъ,—охотно приму всю вину на себя; пускай Груня выходитъ замужъ; я жениться не думаю, мнѣ теперь всего дороже свобода.

Если бы въ эту минуту пріятели могли видѣть, что дѣлается въ душѣ у Эверецкаго, они бы ужаснулись: страдать такъ, какъ онъ, едва ли возможно. Страдать душою и въ то же время играть роль, обманывать другихъ, чувствуя совсѣмъ иное, сдерживаясь всѣми силами, чтобы не проговориться, чтобы не разрыдаться горькими слезами, какъ несказанно мучительно, какъ это страшно тяжело! Только самообладаніе Глѣба, только его твердое рѣшеніе довести задуманное имъ намѣреніе до конца— давали ему силы выдержать этотъ задуманный имъ тяжелый искусъ.

Негодуя на поступокъ Эверецкаго, на странную его перемѣну къ женѣ, оба его пріятеля, свидѣтели тяжелой семейной драмы, не теряли еще надежды уладить внезапный расколъ въ супружеской жизни Эверецкихъ. Вполнѣ сознавая, что теперь, когда еще все такъ свѣжо, такъ обострено, къ благопріятнымъ результатамъ придти трудно, Неугадаевъ и Турмановъ оставили доктора одного, одуматься, какъ они выражались, и Василій Ѳедоровичъ пошелъ провѣдать Агриппину Богдановну.

[illegible]къ у Груни уже прошелъ, но весь страшный фактъ [illegible]жа продолжалъ путать ея мысли.

Она тихо плакала, сидя на креслѣ около постели, когда къ ней въ комнату вошелъ Неугадаевъ.

— Полноте, голубушка, не плачьте,—пробовалъ утѣшать ее офицеръ,—все какъ нибудь уладится. Глѣбъ самъ убитъ своею глупою выходкою, — лгалъ Неугадаевъ Грунѣ, желая облегчить будущій супружескій миръ, но молодая женщина его плохо слушала. Она чувствовала себя разбитою, нервная система ея была потрясена, ей ничего такъ не было нужно, какъ покой, возможность совсѣмъ отрѣшиться на время отъ своего собственнаго «я», выкинуть сегодняшній день изъ ряда ею прожитыхъ. Но ей не удавалось. Съ каждою минутой хаосъ мыслей въ ея головѣ прояснялся, проступокъ мужа возстановлялся въ ея памяти все съ большей и большей рельефностью. Она, нервно вздрагивая, съ закрытыми глазами, припоминала всѣ мелочи гнусной картины измѣны мужа, запечатлѣвшейся въ ея памяти.

Слезы, до сихъ поръ тихія, понемногу переходили въ громкія истерическія рыданія, сдержать которыя она не была въ силахъ. Эти слезы, этотъ приливъ внезапнаго отчаянія, облегчили ея грудь, и она, точно ребенокъ, точно запуганный звѣрекъ, прижалась къ низкой спинкѣ кресла. Неугадаевъ продолжалъ тихимъ голосомъ свои утѣшенія.

— Успокойтесь, Агриппина Богдановна... Эхъ, право, не стоитъ онъ вашихъ слезъ!

Молодая женщина теперь уже болѣе внимательно прислушивалась къ его успокаивающимъ рѣчамъ.

— Но что же мнѣ дѣлать, что же мнѣ дѣлать? — глухо, съ отчаяніемъ, наконецъ, произнесла она, ожидая отвѣта Неугадаева.

— Успокоиться немного, — отвѣчалъ послѣдній, — а тамъ видно будетъ.

— Но развѣ я могу послѣ всего сегодняшняго оставаться здѣсь?—съ негодованіемъ произнесла молодая женщина.

— И не надо, поѣзжайте къ Еленѣ Рафаиловнѣ, Турмановъ васъ проводитъ, побудьте у нея, повѣрьте, не пройдетъ и дня, какъ онъ самъ къ вамъ прибѣжитъ.

Груня покачала головой.

— Мнѣ его совсѣмъ не надо!—въ порывѣ негодованія сказала она и встала съ кресла.

Сборы Эверецкой были не долги, и скоро Глѣбъ изъ окна своей комнаты увидѣлъ, какъ молодая женщина, пройдя садъ въ сопровожденіи музыканта, вышла на улицу и направилась къ станціи.

Глѣбъ съ отчаяніемъ схватился за голову, уронилъ ее на столъ, за которымъ сидѣлъ, и горько прошепталъ:

— Прощай, Груня, на всегда!..

Онъ ничего не помнилъ отъ слезъ, которыя градомъ лились изъ его глазъ, и только голосъ Неугадаева заставилъ его придти въ себя и снова войти въ тяжелую для него роль.

— Агриппина Богдановна уѣхала къ матери,—сказалъ онъ ве-
сел[illegible].

— Прекрасно уѣхала, скатертью дорога.

— Ты ли это, Глѣбъ, говоришь? — снова изумился воздухоплаватель.

— Разумѣется, кто же, какъ не я, я радъ, что она уѣхала, что здѣсь ей не мѣсто.

— Но вѣдь же, наконецъ, что ты дѣлаешь величайшую глупость.

— Опять-таки я, а не ты! Какое же тебѣ дѣло до того, что я дѣлаю?

Неугадавъ замѣчать, онъ видѣлъ ясно, что съ Глѣбомъ въ настоящую минуту разговаривать не стоитъ, убѣдить его было невозможно. Василій Федоровичъ рѣшительно тряхнулъ фуражкой и, ничего не сказавъ, вышелъ изъ комнаты Глѣба, хлопнувъ дверью.

Убѣдившись, что онъ ушелъ совсѣмъ изъ дачи, докторъ снова погрузился въ обсужденіе своего безвыходнаго положенія. Рубиконъ былъ перейденъ, пути обратно всѣ отрѣзаны, нужно было идти только впередъ. Но хватитъ ли у него силы продолжать задуманный планъ, бравируя всѣми отношеніями?

— Нужно, чтобы хватило,—отвѣтилъ онъ самъ себѣ.

Для дальнѣйшаго исполненія задуманнаго имъ плана, необходимо было водворить на дачѣ убѣжавшую Дашу и хотя временно афишировать свою связь съ нею, чтобы на это обратили вниманіе, и примиреніе съ женою стало бы дѣломъ положительно невозможнымъ.

Тупая боль въ желудкѣ снова напомнила доктору, что время терять нельзя, что срокъ, имѣющійся въ его распоряженіи, все сокращается, необходимо немедленно же дѣйствовать.

Эверецкій дрожащей отъ волненія рукою написалъ на клочкѣ бумаги телеграмму Зонненауфгангу:

«Все устроилось, какъ я предполагалъ, необходимо завтра видѣться у васъ въ одиннадцать утра».

Онъ самъ и отнесъ ее на станцію. Въ квартирѣ осталась одна кухарка, Дарьи не было нигдѣ. Возвращаясь обратно домой черезъ паркъ, Глѣбъ услышалъ, что его кто-то осторожно окликнулъ, онъ обернулся и увидѣлъ Дашу.

Она сидѣла на скамейкѣ въ узенькой аллеѣ.

— Что вы надѣлали, баринъ, — теперь я не знаю, какъ и быть.

— Что дѣлать?—съ какой-то неестественной улыбкой отвѣчалъ докторъ, садясь съ нею рядомъ на скамью,—идти вмѣстѣ со мною домой, вотъ и все.

— Что вы говорите, баринъ, а барыня?

Барыни у тебя больше нѣтъ, едва ли когда она
[illegible]я. Теперь ты, Даша, будешь у меня барыней.

[illegible]шка покраснѣла.

— Полноте шутить, Глѣбъ Аѳанасьевичъ!

— Чего тамъ шутить, сама увидишь.

Послѣ отнѣкиваній и ломаній, Даша пошла вмѣстѣ съ докторомъ домой, гдѣ могла убѣдиться, что барыня дѣйствительно уѣхала, уступивъ ей своего мужа.

Кухарка не могла удержаться, чтобы не разсказать о сегоднешнемъ скандалѣ сосѣдней прислугѣ, и въ тотъ же вечеръ супруги Эверецкіе стали баснею всего Павловска.

Винили во всемъ Глѣба, но находились и иные, въ томъ числѣ Шатилова, которые скорѣе склонны были видѣть виновницею разрыва Агриппину Богдановну.

Лѣтніе обитатели Павловска несказанно обрадовались возможности посплетничать и перемыть чужія кости. Скандалъ грозилъ превратиться въ одинъ изъ крупныхъ.

Злые языки примѣшивали въ это дѣло Притынскаго, полупрозрачно намекая на его отношенія къ Грунѣ.

Эффектъ отъ скандала получился большій, чѣмъ это могъ ожидать Эверецкій.

Цѣлую недѣлю мѣстныя кумушки только объ этомъ говорили.

Глѣбъ не стѣснялся показываться съ Дашею на музыкѣ, гулялъ съ нею въ паркѣ, его знакомые старались избѣгать съ нимъ встрѣчаться.

Новоженъ Вересовъ, гуляющій со своею молодою супругою, особенно нахально взглянулъ на доктора, усмѣхнулся и что-то прошепталъ своей дамѣ, при чемъ полная, красная физіономія газетныхъ дѣлъ мастера съ ея узкими щелками для глазъ глядѣла насмѣшливо-довольно на Эверецкаго.

Въ больницу и клинику докторъ подалъ рапортъ о болѣзни.

На другой день послѣ разрыва съ женою, на дачу доктора явилась сама Елена Рафаиловна. Всегда сдержанная, понимающая все превосходство зятя передъ собою, старая кокетка не сдержала себя на этотъ разъ и разразилась градомъ упрековъ по адресу доктора.

— И безъ васъ ей нашлись бы женихи, не хуже, а гораздо лучше васъ, не развратники, какъ вы, милостивый государь, а люди порядочные!—и теща чуть не съ кулаками доказывала свои доводы зятю. Глѣбъ, по обыкновенію, молчалъ.

— И такого человѣка Груня выбрала себѣ въ мужья! Гдѣ же у ней глаза были!

И чѣмъ усерднѣе старался виноватый отмалчиваться, тѣмъ яростнѣе становилась заступница правъ своей дочери.

— Не вамъ бы быть ея мужемъ, а Якову Гордѣевичу, вотъ это человѣкъ, это мужъ, я понимаю! И средства есть, ни въ чемъ никогда женѣ не откажетъ, не оскорбитъ жену даже словами, ужъ не говоря о вашемъ проступкѣ.

И Елена Рафаиловна принималась восхвалять всѣ ства Притынскаго.

— Да отвѣчайте же!—не унималась Подосинова.

Глѣбъ Аѳанасьевичъ продолжалъ молчать. Онъ соображалъ въ умѣ похвалы тещи Притынскому; возможность брака Груни съ Яковомъ Гордѣевичемъ стала еще вѣроятнѣе.

Вы, котораго она такъ любила, вы ее обманули, — снова начала свои ламентаціи Подосинова, — я всегда видѣла, что бракъ вашъ добромъ не окончится.

— Что-жъ дѣлать,—глухо промолвилъ докторъ,—я сознаюсь, виноватъ, ошибся въ своихъ чувствахъ. Я не люблю вашу дочь, я заблуждался.

— И вы рискуете прямо мнѣ въ этомъ сознаться?!

— Какъ честный человѣкъ, я не желаю этого скрывать, я виноватъ и готовъ когда угодно загладить свою ошибку, разведусь съ нею, принявъ на себя вину...

— Вы, вы хотите развестись? — не то съ изумленіемъ, не то съ скрытой радостью воскликнула Елена Рафаиловна.

— Я согласенъ,—былъ спокойный отвѣтъ Глѣба.

Подосинова торжествовала. Она въ свою очередь, сама того не сознавая, способствовала плану Эверецкаго, — бракъ Груни съ богачемъ Притынскимъ улыбался ей; въ его согласіи она не сомнѣвалась. Бѣдная Груня! Она съ затаенной надеждой ожидала возвращенія матери, поѣхавшей къ мужу съ цѣлью примиренія супруговъ. Молодая женщина вѣрила, что въ измѣнѣ мужа кроется просто шалость и въ глубинѣ души уже простила его.

Большое разочарованіе ожидало Груню при возвращеніи Елены Рафаиловны, послѣ рѣшительнаго согласія на разводъ доктора быстро направившейся домой, въ городъ.

Она летѣла со станціи на извозчикѣ, окрыленная надеждою видѣть свою дочь замужемъ за богачемъ. Что Груня не будетъ противъ,—въ этомъ Подосинова не сомнѣвалась.

— Ну что, мама, — нетерпѣливо бросилась ей навстрѣчу дочь,—что онъ сказалъ, говорите, говорите скорѣе!

Мать, не спѣша, точно наслаждаясь предвкушеніемъ эффекта, медленно развязывала ленты у шляпы, не отвѣчая на вопросы Груни.

— Да говорите же, мама, что вы молчите?—продолжала молодая женщина:—онъ пріѣдетъ сюда, онъ чувствуетъ себя виноватымъ передо мною? Да? Я ему все, все готова простить!

Елена Рафаиловна съ нескрываемымъ изумленіемъ взглянула на дочь и, наконецъ, рѣшилась высказать свою радость и надежду.

— Нѣтъ, моя дорогая, господинъ Эверецкій находитъ, что лучше вамъ разойтись, и соглашается дать тебѣ полный разводъ, принявъ вину на себя.

Точно не вѣря словамъ матери, Груня все время глядѣла на нее широко открытыми глазами, и когда та окончила, она

машинально провела себѣ рукою по лбу, точно желая собрать мысли.

— Мама, Глѣбъ, что вы со мною сдѣлали!—вскрикнула молодая женщина и упала безъ чувствъ на полъ. Подосинова съ испугомъ бросилась къ ней на помощь.

XIII.

Груня серьезно заболѣла, ударъ. такъ неосторожно нанесенный ей матерью, тяжело отозвался на не вполнѣ еще окрѣпшемъ послѣ зимней болѣзни организмѣ молодой женщины. О болѣзни жены Глѣбъ узналъ на другой же день отъ Притынскаго, пораженнаго разрывомъ супруговъ.

— Слушай, Глѣбъ,—пробовалъ въ свою очередь привести къ мирному соглашенію разъѣхавшихся супруговъ Яковъ Гордѣевичъ,—брось ты всю эту напускную гордость, это ничѣмъ необъяснимое увлеченіе другой женщиной, не стоящей даже ногтя Агриппины Богдановны, и я вѣрю, что она тебя проститъ и вы снова мирно заживете вмѣстѣ.

— Ты меня, кажется, знаешь,—сухо отвѣтилъ докторъ.—Я не изъ тѣхъ, которые мѣняютъ свои убѣжденія. Что разъ рѣшено, такъ оно и будетъ.

— Какой ты... жалкій слѣпецъ!—съ негодованіемъ сказалъ Притынскій.—Какъ я въ тебѣ глубоко ошибся!

— Если ошибся,—спокойно произнесъ Эверецкій,—то тѣмъ болѣе поводовъ намъ съ тобой больше не встрѣчаться.

— А, ты такъ!—вспылилъ бывшій пріятель.—Хорошо, прощай, но знай, что горько будешь потомъ сожалѣть, что не послушался меня.

И Притынскій ушелъ съ тѣмъ, чтобы никогда больше не возвращаться въ квартиру Глѣба.

— Не я слѣпецъ,—горько сказалъ самъ себѣ докторъ по его уходѣ,—а вы, не видящіе, не понимающіе, какъ я страдаю, какой адъ у меня въ душѣ! Знать, что любимый человѣкъ боленъ, боленъ по моей же винѣ, и не имѣть возможности бѣжать туда, къ ней, куда меня все влечетъ и призываетъ. Боже мой! Помоги перенести мнѣ всѣ эти испытанія!..

Ему почему-то вдругъ пришли на память слова старика профессора, сказанныя ему на вокзалѣ: «надо вѣрить и надѣяться».

— Во что вѣрить, на что надѣяться?—еще безотраднѣе произнесъ Эверецкій, и снова, точно ребенокъ, зарыдалъ.

— Для меня все кончено. Правду говорилъ мнѣ Неугадаевъ, когда я вѣрилъ, что нѣтъ человѣка счастливѣе меня въ свѣтѣ, что счастіе безъ жертвы невозможно, что судьба всегда противъ излишества.

Эверецкій продолжалъ жить въ Павловскѣ. Въ его да-

рѣдко видна была чужая фигура гостя; всѣ бѣжали доктора, какъ зачумленнаго. Турмановъ и Неугадаевъ совсѣмъ перестали бывать у него. Всѣ его друзья переселились къ Подосиновымъ. Послѣднимъ посѣтителемъ Эверецкаго былъ самъ старикъ Подосиновъ, пріѣзжавшій за вещами Груни. Онъ очень любезно обошелся съ докторомъ; ему точно такъ же, какъ и его женѣ, улыбалась перспектива имѣть зятемъ милліонера, а потому онъ и старался быть съ бывшимъ мужемъ падчерицы въ хорошихъ отношеніяхъ, боясь, чтобы послѣдній не перемѣнилъ своего намѣренія развестись, давая право Грунѣ вступить въ новый бракъ.

— Хе-хе-хе!—шутилъ старый чиновникъ. — Не поладили съ Грунечкой, не сошлись характерами; мало-ли въ нынѣшнее время такихъ случаевъ бываетъ. Ну, что-жъ, оба вы люди молодые, утѣшитесь, да вы, кажется, Глѣбъ Аѳанасьевичъ, не особенно и скучаете?—прибавилъ Подосиновъ, хитро подмигивая на проходившую въ сосѣдней комнатѣ Дашу:—ишь какой розанъ завели!

Эверецкому были противны грязные намеки стараго казнокрада, и онъ, ежась, промолчалъ.

Долго переносить присутствіе Подосинова ему не пришлось, вещи Груни были скоро всѣ переданы, и старикъ, распрощавшись, отправился въ Пѣтербургъ

Домъ Подосиновыхъ на Петербургской каждый вечеръ служилъ собраніемъ Притынскому и Неугадаеву. Они, сравнительно свободные люди, навѣщали скучающую по мужѣ Груню и старались ее развлечь.

Оба они ясно видѣли, что миролюбивый исходъ немыслимъ,— Глѣбъ, по ихъ мнѣнію, оказался прямо негодяемъ, недостойнымъ быть мужемъ такой хорошей женщины, какъ Агриппина Богдановна.

Послѣдняя страшно тосковала по Глѣбѣ, порывалась сама нѣсколько разъ повидаться съ нимъ, но предугадывающій ея намѣреніе старикъ Подосиновъ своевременно успѣвалъ ее отговорить отъ свиданія, говоря, что оно совершенно лишнее и только послужитъ ко вреду ихъ обоихъ. Груня неохотно соглашалась съ отчимомъ, продолжая питать слабую надежду, что при личномъ свиданіи Глѣбъ помирился бы съ нею. Дѣйствительно, едва ли выдержалъ бы докторъ этотъ новый искусъ,— свиданіе съ любимой женщиной. Кто знаетъ, не упалъ ли бы онъ къ ея ногамъ, моля о прощеніи во всѣхъ непріятностяхъ, огорченіяхъ, которыя онъ ей нанесъ только ради ея же самой, ради своей любви къ ней, своей заботы объ ея будущемъ?

Груня страдала, но не рѣшалась смѣло на этотъ шагъ, мо-
возвратить имъ обоимъ утраченное счастіе.
милій Ѳедоровичъ, голубчикъ, если вы меня любите,
къ Глѣбу, поговорите еще разъ съ нимъ, — молила

Груня Неугадаева, желая въ послѣдній разъ сдѣлать попытку примиренія.

— Я готовъ, Агриппина Богдановна, — соглашался воздухоплаватель—но едва ли что нибудь изъ этого выйдетъ.

И онъ былъ правъ. Глѣбъ попрежнему отвѣчалъ отказомъ своему старому пріятелю, оттолкнувъ отъ себя послѣдняго окончательно.

Нерѣшительно передалъ Неугадаевъ Грунѣ о результатѣ своей поѣздки.

Молодая женщина растерянно потупила голову, послѣдняя надежда была потеряна. Глѣбъ становился для нея чужимъ.

Бракоразводный процессъ двигался своимъ чередомъ. Рекомендованный Глѣбомъ Подосинову Зонненауфгангъ быстро повелъ дѣло.

Прошеніе за подписью Груни было подано, показаніе свидѣтелей снято, а точно также и сознаніе самого Эверецкаго пріобщено къ дѣлу, для развода не было никакихъ препятствій.

Весь городъ говорилъ о немъ, какъ о фактѣ совершившемся.

Всѣ винили Эверецкаго, его вина была у всѣхъ на виду, но скептики, къ числу которыхъ принадлежали также молодой Вересовъ и Шатилова, таинственно при этомъ улыбались, какъ бы говоря:

— Ну, вы что тамъ ни говорите, а главную-то причину только я знаю.

Тѣмъ не менѣе, боялся ли газетный юноша доктора, или удерживала его какая другая причина, но въ газетѣ его прежнихъ грязныхъ вылазокъ не повторялось.

Частыя посѣщенія Притынскимъ семейства Подосиновыхъ начали подавать поводъ къ кое-какимъ сплетнямъ; иниціаторшей послѣднихъ была Шатилова.

Яковъ Гордѣевичъ уже слышалъ стороной о нихъ, но въ виду того, что теперь Груня находилась уже не у мужа, а въ семьѣ отчима, въ положеніи разведенной жены, возмущался ими, не зная чѣмъ тутъ помочь.

Сплетни не прекращались, онѣ, какъ снѣжный комъ, все росли и росли.

Желая положить имъ конецъ, Притынскій рѣшился, и разъ вечеромъ, спустя недѣли три послѣ разрыва Груни съ мужемъ, онъ, сидя съ молодой женщиной у окна въ гостиной Подосиновыхъ, робко, но въ то же время вполнѣ сознательно, предложилъ ей, по окончаніи дѣла о разводѣ, выйти за него замужъ.

— Агриппина Богдановна,—прибавилъ онъ, желая объяснить причины такого неожиданнаго сватовства,—я никогда не подумалъ бы оскорбить васъ подобнымъ предложеніемъ, я люблю васъ, обожаю, это вы знаете, но назвать своею женою никогда бы не рѣшился, зная, что у васъ не могло такъ скоро исчезнуть чувство къ вашему недостойному мужу. Но вы сами видите и знаете, насколько люди злы, что въ самыхъ не-

ныхъ нашихъ отношеніяхъ они видятъ грязь, присущую имъ самимъ, и не имѣя силъ отказаться видѣть васъ, слышать вашъ голосъ, я рѣшаюсь просить васъ быть моею женой.

Грустно слушала Груня Притынскаго, ея блѣдныя щеки не залилъ румянецъ неожиданности, она не вздрогнула подъ наплывомъ счастья, напротивъ, глаза ея подернулись слезами, она безпомощно посмотрѣла въ открытое окно на улицу, гдѣ въ это время спускалась легкая завѣса лѣтнихъ сумерокъ и, обернувшись затѣмъ къ Якову Гордѣевичу, положила обѣ руки къ нему на плечи и медленно прошептала:

— Спасибо, я вижу, что вы меня любите, что все сдѣлаете, чтобы видѣть меня счастливой, но... онъ, онъ, вѣдь я все-таки его люблю!—вырвалось изъ ея наболѣвшей груди.

— Постарайтесь забыть, прошлаго не вернешь, надо жить будущимъ,—успокаивающе произнесъ Притынскій, снимая съ своего плеча ея лѣвую руку и цѣлуя.

Груня грустно улыбнулась.

— Развѣ можно такъ скоро забыть! — этими словами она оборвала ихъ разговоръ, но Якову Гордѣевичу почему-то показалось, что молодая женщина согласилась на его предложеніе. Говорить съ Еленою Рафаиловною или съ самимъ Подосиновымъ по этому поводу онъ не рѣшался. Спустя нѣсколько дней послѣ разговора съ Груней, пустая фраза, сорвавшаяся съ ея губъ, подтвердила его догадку.

Предложеніе Якова Гордѣевича было лучшее, что она могла выбрать, и молодая женщина молча на него согласилась.

Супруги Подосиновы торжествовали, когда узнали объ ея рѣшеніи. Милліонеръ зять съ его роскошными вечерами и балами,—а что онъ ихъ будетъ устраивать для любимой женщины, Елена Рафаиловна не сомнѣвалась,—былъ всегда ея идеаломъ. Теперь все зависѣло, какъ скоро будетъ полученъ разводъ. Подосиновъ не жалѣлъ денегъ, чтобы поскорѣе окончить дѣло, и ровно черезъ семь недѣль послѣ ухода Груни отъ мужа разводъ былъ объявленъ оффиціально.

Черезъ пятнадцать мѣсяцевъ послѣ брака съ Эверецкимъ, Агриппина Богдановна опять была свободна, и стала невѣстою богача Притынскаго. Съ тихой грустью вспомнила Груня прошедшую осень, вечера, проводимые ею на дачѣ съ любимымъ мужемъ, когда она, прижавшись всѣмъ тѣломъ къ нему и сидя съ нимъ на балконномъ диванѣ, мечтала о долгомъ, долгомъ счастіи вдвоемъ. Увы! И годъ еще не миновалъ съ тѣхъ поръ, а какъ все измѣнилось, куда исчезло все былое счастіе!

Да, теперь она тоже выходитъ замужъ за любящаго ее человѣка, она не боится за свою будущность, но какая разница— тотъ и теперешній. Глѣба она дѣйствительно любила какъ никого, Притынскаго же только уважала, видя въ немъ хорошаго человѣка. Придетъ ли любовь, это чувство такъ внезапно вспывающее зачастую помимо собственной воли и желанія?

Груня задумалась.

— А Глѣбъ? Что теперь думаетъ Глѣбъ, до сихъ поръ ею любимый, хотя и отрекшійся отъ нея, отъ ея любви къ нему, мужъ. Неужели у него не шевельнется тамъ, глубоко въ сердцѣ, хоть капля сожалѣнія къ ней, ко всей ихъ прежней счастливой жизни? Неужели онъ настолько жестокъ, настолько испорченъ, что даже и не вспомнитъ о такъ беззавѣтно, такъ чисто любившей его женщинѣ?

— Глѣбушка, приди хоть на одну минуту ко мнѣ, и все, все будетъ забыто, ты околдованъ, я только взгляну на тебя и всѣ чары падутъ сейчасъ же, ты снова будешь мой,—шептала бѣдная женщина, обнимая ночью подушку и стремясь душою къ разведенному мужу.

Несмотря на то, что все удалось Эверецкому, какъ онъ задумалъ, онъ съ каждымъ днемъ все больше и больше страдалъ и мучился.

Подобно Грунѣ, онъ самъ съ какою-то болѣзненностью ждалъ, что вотъ Груня вернется къ нему, что все это самособою устроится, что болѣзнь не существуетъ. Онъ ждалъ, надѣялся, рвался къ своей обиженной женѣ всей душою, и въ то же время холоднымъ разсудкомъ старался удержаться отъ страстнаго желанія ее видѣть, говорить съ нею. Подобная двойственность чувствъ и мысли очень вредно повліяла на доктора, болѣзнь его усилилась, имѣя такихъ хорошихъ помощниковъ, какъ вѣчно напряженные нервы, тоска и борьба съ самимъ собою, со своими чувствами и привязанностями.

Эверецкій таялъ съ каждымъ днемъ, онъ это чувствовалъ и былъ доволенъ, что мученіямъ его скоро будетъ конецъ. Боли въ желудкѣ немного стихли, заглушаемыя нравственными мученіями и вѣчною думою о потерянномъ счастіи.

Извѣстіе о скорой свадьбѣ Груни съ Притынскимъ, такъ давно и настойчиво ожидаемый и предвидѣнный конецъ его плана, окончательно свалилъ съ ногъ совершенно обезсилившаго отъ пережитыхъ треволненій доктора и заставилъ его провести нѣсколько дней въ постели.

XIV.

Вотъ и я у тебя, коллега, — привѣтствовалъ Эверецкаго, еще не оправившагося отъ болѣзни и сидящаго на балконѣ, Форестовъ, входя къ нему въ садъ.

Глѣбъ изумился, но въ то же самое время обрадовался приходу терапевта.

— Тебя, я слышалъ,—началъ осторожно Форестовъ, садясь рядомъ съ больнымъ, послѣ первыхъ привѣтствій, — постигло еще несчастіе, ты развелся съ женою?

Своя вина.

Эверецкій утвердительно махнулъ головою.

— Жалко мнѣ тебя, коллега, очень, вотъ ужъ, доподлинно, такъ всѣ несчастія на тебя сразу повалили... Однако, разскажи-ка мнѣ, какъ идетъ твоя болѣзнь, нѣтъ ли улучшенія?

Больной горько улыбнулся.

— Не улучшенія, хочешь ты спросить, а напротивъ того, ухудшеній. Видишь, слабость увеличилась, ходить еле могу.

— Посмотримъ, посмотримъ, — сказалъ Форестовъ: — но я долженъ тебя снова осмотрѣть и выстукать.

Неохотно, но все же Глѣбъ Аѳанасьевичъ повиновался и, войдя въ свой кабинетъ, раздѣлся. Пріѣзжій докторъ началъ свой осмотръ.

— Гмъ, странно!..—пробормоталъ онъ про себя: — опухоль все еще очень мало замѣтна. Положительно, я думаю, что у тебя cancer planus и что операція могла бы быть примѣнена въ этомъ случаѣ безъ особеннаго риска.

— Я уже высказалъ тебѣ свое мнѣніе объ операціяхъ въ этой болѣзни,—спокойно возразилъ Эверецкій, медленно одѣвая свой костюмъ,—и своего взгляда не перемѣню.

Форестовъ пожалъ плечами.

— Твоя воля, поступай какъ самъ знаешь, но я бы на твоемъ мѣстѣ...

Форестовъ замолчалъ. Черезъ окно, выходящее въ садъ, Глѣбъ замѣтилъ Зонненауфганга, спѣшащаго къ нему. Скоро сдѣлавшій себѣ извѣстность по бракоразводнымъ дѣламъ, адвокатъ вошелъ въ комнату.

— Здравствуйте, милѣйшій кліентъ! — поздоровался Исаакъ Абрамовичъ съ докторомъ.—Какъ дѣла?

— Превосходно,—отшутился Глѣбъ и представилъ его Форестову.

— Ну-съ, новость слышали?

Эверецкій вопросительно взглянулъ на говорившаго.

— Ваша бывшая супруга выходитъ въ это воскресенье за г. Притынскаго, пожалуйте на свадьбу.

Несмотря на то, что этого извѣстія Глѣбъ ждалъ давно, тѣмъ не менѣе, ударъ былъ для него силенъ, и отъ волненія онъ сѣлъ. Губы его побѣлѣли, голова закружилась.

— Вы пригласительный билетикъ получите, — продолжалъ ловкій адвокатъ, показывая приглашеніе Эверецкому.

— Вотъ какъ!—задумчиво произнесъ послѣдній: — не долго думали.

— Да что же тутъ думать?—громко сказалъ Зонненауфгангъ.— Вѣдь и вы сами желали, чтобы ваша бывшая супруга скорѣе вышла замужъ.

Форестовъ съ изумленіемъ взглянулъ на доктора, но тому было въ эту минуту не до него.

Хладнокровіе, сила воли, все это пропало и Глѣбъ невыразимо страдалъ. Не обращая вниманія на посѣтителей, онъ упалъ

на канапэ и громко зарыдалъ, ему была невыносима мысль узнать, что его любимая Груня скоро будетъ принадлежать другому, имѣющему такія же права на ея ласки, поцѣлуи, какъ и онъ раньше.

О, это сознаніе своего безсилія передъ неизбѣжностью совершающагося факта не давало ему минуты покоя, увеличивая его страданія и тоску.

Чего бы, кажется, онъ теперь не далъ, чтобы задуманный имъ и такъ превосходно удавшійся планъ не былъ приведенъ въ исполненіе.

Съ большимъ трудомъ удалось ему совладать съ собою и немного придти въ себя. Оба гостя видѣли эффектъ, произведенный новымъ извѣстіемъ на Зверецкаго, и вѣжливо хранили молчаніе.

— Гдѣ же будетъ свадьба? — глухо спросилъ, наконецъ, Глѣбъ Аѳанасьевичъ адвоката.

— Въ церкви министерства внутреннихъ дѣлъ, въ семь часовъ,—былъ отвѣтъ.

— Я пріѣду,—сказалъ разведенный мужъ.

— Непремѣнно, вамъ бы не мѣшало кстати быть шаферомъ у невѣсты,—шутилъ Зонненауфгангъ,—а затѣмъ и самому честнымъ пиркомъ и за свадебку,—вкрадчиво продолжалъ онъ.

Форестовъ, замѣтивъ, что онъ лишній, скоро распрощался и ушелъ.

— Какая же у васъ, батюшка, жена красавица,—замѣтилъ Зонненауфгангъ,—чудо просто!

Глѣба передернуло.

— Теперь ужъ дѣло прошлое,—продолжалъ адвокатъ: — я, право, не могу понять, съ чего это вамъ вздумалось разводиться, тѣмъ болѣе, что по нѣкоторымъ даннымъ, я замѣтилъ, что она, несмотря на всѣ ваши шалости, до сихъ поръ продолжаетъ васъ любить. Сознайтесь, какіе мотивы руководили вами при этомъ?

Глѣбъ угрюмо молчалъ.

— Простите, но сказать вамъ этого я не могу,—глухо отвѣтилъ онъ наконецъ.

— Разумѣется, разумѣется, это ваше право, для меня все равно,—поспѣшилъ оправдаться юристъ, хотя любопытство продолжало сказываться въ его глазахъ.

Воцарилось неловкое молчаніе.

— И такъ, вы будете на свадьбѣ?

— Разсчитываю быть, — намѣренно холодно произнесъ докторъ.

— Вы знаете, что прямо изъ подъ вѣнца молодые ѣдутъ въ Крымъ. Тамъ, гдѣ-то на берегу моря, у Притынскаго, кажется, есть дача.

— Да, я что-то помню,—уклончиво сказалъ докторъ.

— Такъ вотъ въ ней-то они и проведутъ свой медовый мѣ-

сящъ, — протяжно сказалъ адвокатъ, желая видѣть эффектъ фразы.

Глѣба точно ножемъ по сердцу рѣзануло это слово «медовый мѣсяцъ».

— Одни тамъ, вдали отъ всѣхъ, будутъ они наслаждаться счастіемъ, точно голубки ворковать, — не унимался мучитель, смакуя впечатлѣніе, сдѣланное имъ на доктора. Послѣдній поднялся со стула, желая этимъ показать гостю, что онъ усталъ.

Зонненауфгангъ уѣхалъ. Оставшись одинъ. Глѣбъ Аѳанасьевичъ почувствовалъ, что имъ овладѣваетъ отчаяніе, онъ не зналъ что ему дѣлать, куда пойти, куда дѣваться отъ грызущей его тоски. Онъ видѣлъ, что какая-то невидимая преграда, какое-то нравственное отчужденіе отдѣлило его отъ міра, интересами котораго еще недавно онъ самъ жилъ, самъ волновался. Только теперь, оставшись окончательно одинъ, оторваннымъ отъ единственнаго существа, его любившаго, понялъ Эверецкій, что такое одиночество; неясная фигура ожидаемой смерти стала проясняться, жизнь съ ея радостями, съ ея страданіями осталась позади него, впереди виднѣлся неизбѣжный, безпощадный призракъ смерти, которую съ этой минуты онъ долженъ ожидать безъ утѣшенія со стороны дорогого человѣка, безъ необходимой больному ласковой родной руки, съ тѣмъ, чтобы, наконецъ, умереть среди чужихъ людей.

Все это такъ тяжело, такъ горько откликнулось на душѣ больного, что онъ снова заплакалъ. Его горькія всхлипыванья привлекли въ комнату Дашу, принявшую на себя съ уходомъ Груни роль дѣйствительной хозяйки и вмѣстѣ съ тѣмъ перемѣнившей свое обращеніе со своимъ бывшимъ бариномъ.

— Ну, чего вы скулите-то?—недовольно спросила она.

Хорошенькая горничная очень не дурно выглядѣла въ своемъ новомъ положеніи. Шуршанье шелковыхъ юбокъ заставляло ее улыбаться и самодовольно топать высокими каблуками модныхъ темно-желтыхъ ботинокъ. Свѣтло-голубой пеньюаръ на шелку, сшитый сзади въ талію, красивыми складками лежалъ на ея небольшой, полной фигурѣ.

Докторъ почти съ ненавистью взглянулъ на ея полное, розовое личико, точно главная причина его несчастія была эта дѣвушка, и сказалъ:

— Я глупостей не люблю слушать! Надо помнить, что говоришь и съ кѣмъ...

Вначалѣ Даша опѣшила подъ такимъ суровымъ отвѣтомъ доктора и поблѣднѣла, но только на минуту; краска снова залила ея щеки и она громко засмѣялась.

— Вотъ какъ, научите меня тогда умныя слова говорить, капризный человѣкъ,—и повернувшись на каблукѣ, продолжая смѣяться, выпорхнула изъ комнаты. Она чувствовала свою власть надъ докторомъ.

Эверецкій, какъ убитый, опустился въ свое кресло; такое

обращеніе дѣвушки, еще недавно бывшей его прислугою, было послѣдней каплей, переполнившей бокалъ. Докторъ понялъ, какъ низко онъ палъ даже самъ передъ собою! — надъ нимъ могла смѣяться женщина и какая! крестьянка простая, которую только для исполненія своего страннаго намѣренія онъ на время возвысилъ до себя. Нравственное паденіе было полное, дальше идти было некуда.

— Нѣтъ, нѣтъ!—съ яростью воскликнулъ Эверецкій, ударяя рукою по столу:—довольно! Я хоть умереть сумѣю такъ, что никто не позволитъ потомъ оскорбить мою память.

Онъ рѣшилъ уѣхать за границу въ тотъ же день, въ который должна была совершиться свадьба Груни...

Эверецкій не медлилъ. Вся обстановка квартиры, къ изумленію Даши, была имъ продана, все, что только было у него цѣннаго, реализовано, сама квартира передана другому лицу, и въ субботу, наканунѣ свадьбы своей бывшей жены, онъ переѣхалъ съ дачи въ Павловскѣ прямо въ гостинницу.

— Что же вы со мною сдѣлали, Глѣбъ Аѳанасьевичъ! — плакалась Даша, эта калифша на часъ:—погубили дѣвушку да и выбросили на улицу. Какой вы коварный человѣкъ! Но я свою правду найду,—горячилась она; — я вамъ покажу, какъ обижать беззащитную!

Доктора не трогали всѣ эти причитыванья и угрозы; онъ слушалъ ихъ только такъ, по обязанности; мысли его были далеко отсюда.

— Кончили?—хладнокровно спросилъ онъ, когда дѣвушка, утомленная потокомъ упрековъ, замолкла. Та съ изумленіемъ на него взглянула.

— Ну, такъ выслушайте теперь меня. Все, въ чемъ вы меня сейчасъ укоряли, — пустое; я ваши похожденія всѣ зналъ и раньше, такъ что губить васъ было нечего; но я не желаю васъ обидѣть,—все, что я вамъ подарилъ: вещи, костюмы—оставьте себѣ; кромѣ того, вотъ возьмите,—и онъ ей передалъ пять сторублевыхъ бумажекъ, — это васъ на первое время устроитъ, а тамъ, гляди, и новый покровитель найдется! Прощайте и не поминайте лихомъ!

У Даши куда и слезы дѣвались. Такой крупной суммы она никогда и не видѣла.

Эверецкій былъ совершенно свободенъ. Заграничный паспортъ онъ выправилъ себѣ заранѣе, равно и билетъ до Вѣны въ спальномъ вагонѣ; вещи были уложены, и Эверецкій могъ выѣхать изъ Петербурга хоть сейчасъ.

Къ подъѣзду дома министерства внутреннихъ дѣлъ, сзади Александринскаго театра на площади подъѣзжали кареты. Бравый швейцаръ отворялъ дверцы экипажей. Поѣзжанъ собралось не особенно много.

Притынскій пріѣхалъ однимъ изъ первыхъ и, поднявшись по старинной, устланной красными коврами лѣстницѣ, прошелъ

черезъ залъ въ церковь. Здѣсь уже стояло нѣсколько любопытныхъ дамъ, интересовавшихся судьбою Груни, сдѣлавшейся героиней дня послѣ скандальнаго бракоразводнаго процесса.

Яковъ Гордѣевичъ нервно одергивалъ фракъ, время для него длилось черезчуръ долго; минуты казались часами. Въ церковь входили пѣвчіе, здоровались съ стоящимъ въ дверяхъ женихомъ. Крупная фигура Неугадаева виднѣлась у клироса; онъ разговаривалъ съ солиднымъ протодіакономъ, еще не одѣвшимъ стихаря. Пѣвчіе хора Архангельскаго нетерпѣливо покашливали; слышалось кряхтѣнье басовъ.

Концертъ жениху былъ только-что пропѣтъ, и регентъ раздавалъ ноты для второго концерта.

Въ числѣ любопытныхъ, успѣвшихъ пройти въ церковь, находилась и Шатилова. Она, вся въ черномъ, скромно стояла у окна. Въ низкомъ храмѣ царилъ полумракъ, несмотря на множество свѣчей и зажженное паникадило. Вотъ появилась юркая фигура Зонненауфганга, суетливо подбѣжавшаго къ жениху. Вслѣдъ за нимъ показался на лѣстницѣ и Турмановъ. Они оба, Турмановъ и Василій Ѳедоровичъ, были шаферами жениха, у Груни эту обязанность исполняли ея сводные братья.

Стоявшіе въ церкви и въ залѣ тихо разговаривали между собою.

Эверецкій вошелъ въ залъ однимъ изъ послѣднихъ, и, не желая, чтобы его замѣтили, оставался стоять здѣсь же, въ залѣ, не входя въ церковь. Женихъ нетерпѣливо взглянулъ на часы. Тишина была нарушена звукомъ колокольчика. Быстро поднявшись по лѣстницѣ, въ церковь вбѣжалъ младшій Подосиновъ съ крикомъ:

— Пріѣхали!

На клиросѣ пѣвчіе зашевелились, послышался ударъ камертона регента и задаваемый имъ тонъ, хоръ насторожился и грянулъ концертъ невѣстѣ. По лѣстницѣ, подъ руку съ отчимомъ, предшествуемая мальчикомъ съ образомъ, поднималась Груня.

Глѣбъ изъ-за рѣдкаго ряда любопытныхъ впился глазами въ стройную фигуру своей бывшей жены.

Послѣднія потрясенія не прошли безслѣдно для молодой женщины. Она сильно похудѣла, лицо, блѣдностью соперничающее съ подвѣнечнымъ платьемъ, какъ говорится, безъ кровинки, глядѣло печально; наплаканные глаза были опущены, вся ея фигура выражала равнодушіе ко всему окружающему. Это не была счастливая невѣста, спѣшащая соединиться съ любимымъ человѣкомъ, нѣтъ, она скорѣе походила на жертву, которую древніе по жребію отдавали своему Ваалу.

Старухи Подосиновой въ церкви не было.

Такъ же безучастно, какъ она и вошла, стала молодая женщина передъ аналоемъ, рядомъ съ тѣмъ человѣкомъ, который сейчасъ будетъ ея мужемъ.

Стоявшій сзади ея, старшій сынъ Подосинова, Вася, что-то

спросилъ у сестры. Она подняла глаза, и во взглядѣ ея выразилась только просьба, одна мольба:

— Оставьте меня, дайте забыться!

Поданная ею Якову Гордѣевичу рука дрожала настолько сильно, что это было замѣтно даже изъ дальняго угла церкви.

Свое «да» она произнесла такъ неслышно, что священникъ заставилъ ее повторить.

Она не видѣла своего бывшаго мужа, но сердцемъ чувствовала, что онъ здѣсь, что онъ вмѣстѣ съ нею переживаетъ эту тяжелую минуту для нихъ обоихъ. Нѣсколько разъ Груня порывалась обернуться, присутствіе разведеннаго мужа сзади себя въ толпѣ ее мучило. Ей казалось, что, обернись она и встрѣться ея взоръ съ глазами Глѣба, она не выдержитъ, бросится къ нему, забывая все, совершающееся таинство, стоящаго около нея ея новаго нареченнаго, и убѣжитъ вмѣстѣ со своимъ дорогимъ Глѣбушкой туда, далеко, далеко.

Но подъ вліяніемъ страха, что все это окажется только грезой, мечтою, она сдержала себя и стояла, плохо понимая, гдѣ она, что съ нею дѣлаютъ. То же самое чувство испытывалъ и Глѣбъ. Онъ ждалъ, жаждалъ минуты, чтобы его, страстно имъ до сихъ поръ любимая подруга обернулась и посмотрѣла на него. Въ мигъ все было бы забыто, все горе, всѣ страданія... и онъ ждалъ, ждалъ, лихорадочно уставившись въ группу, стоящую передъ аналоемъ. Увы! Ожиданія его не оправдались. Вотъ одѣли вѣнцы, вотъ повели вокругъ аналоя, пропѣли: «Отче нашъ», и разведенная Эверецкая стала законной супругой Якова Гордѣевича Притынскаго. Докторъ чувствовалъ, что еще минута, его нервы не выдержатъ и онъ здѣсь, при народѣ, разрыдается. Онъ прошелъ въ сосѣдній залъ, куда за нимъ вслѣдъ прибѣжала Шатилова, замѣтившая его еще изъ церкви и интересующаяся узнать подробности разрыва. Она распорядилась, чтобы принесли стаканъ воды, и въ то время, какъ въ церкви шли поздравленія молодыхъ, въ дальнемъ уголку полуосвѣщенной громадной комнаты Антонина Несторовна приводила въ чувство Эверецкаго.

— Благодарю,—тихо сказалъ Глѣбъ Аѳанасьевичъ, приходя въ себя и узнавая Шатилову:—теперь ничего, пройдетъ, жарко было, голова закружилась,—пробовалъ онъ замаскировать свой обморокъ, хотя въ залахъ и церкви было прохладно.

Офицерша подтверждающе покачала головою, ей хотѣлось скорѣе приступить къ разспросамъ, но это ей не удалось. Эверецкій распрощался съ нею и отправился къ выходу.

Молодые уже уѣхали.

Медленно сходя съ лѣстницы, Глѣбъ долженъ былъ дать дорогу бѣжавшему внизъ сзади его человѣку. При свѣтѣ уже полупритушеннаго газа, онъ узналъ Неугадаева, послѣдній его тоже.

Холодно, совсѣмъ оффиціально отвѣчалъ онъ на радостное восклицаніе доктора.

— Зачѣмъ ты сюда явился? — съ негодованіемъ произнесъ воздухоплаватель.—Тамъ, гдѣ жертва—палачу нѣтъ мѣста, когда онъ окончилъ свою гнусную работу.

Печально взглянулъ Эверецкій на бывшаго пріятеля и горько прошепталъ:

— Ты совершенно правъ, гдѣ жертва—тамъ палачъ не долженъ быть, но увы! Я не вижу послѣдняго.

— Посмотри на себя,—жестко бросилъ ему Василій Ѳедоровичъ.

— Ты ошибаешься. Я скорѣе жертва, чѣмъ палачъ.

Изумленіе появилось на лицѣ Неугадаева.

— Можетъ быть, скоро тебѣ все будетъ ясно!—не могъ удержаться докторъ, чтобы не сказать хотя слово въ свое оправданіе.

— Дай Богъ,—задумчиво прошепталъ первый и, пожавъ руку доктора, бросился догонять уѣхавшихъ на станцію желѣзной дороги молодыхъ.

— Прощай,—кинулъ ему Эверецкій,—навсегда.

Послѣднее слово заставило Неугадаева обернуться.

— Это почему? — не скрывая своего любопытства, спросилъ онъ.

— Увидишь, узнаешь скоро все!—неопредѣленно махнувъ рукою, крикнулъ ему докторъ и началъ спускаться съ лѣстницы. На улицѣ властвовала промозглая петербургская осень, съ мелкимъ, пронизывающимъ до костей дождемъ и гасящимъ пламя фонарей порывистымъ восточнымъ вѣтромъ. Съ крѣпости гремѣли выстрѣлы, вода шла на прибыль. Подвальный Петербургъ окраинъ приготовлялся къ наводненію.

Эверецкій, нахлобучивъ шапку, усѣлся на извозчика, торопя его, чтобы не опоздать на курьерскій поѣздъ Варшавской дороги.

На душѣ его было мрачно, пусто. Тоскливая погода еще больше усиливала это тяжелое впечатлѣніе. Въ головѣ роились мысли одна другой безотраднѣе, одна другой мучительнѣй. Представляя себѣ Груню въ объятіяхъ ея новаго мужа, Глѣбъ скрежеталъ зубами, и его разстроенная фантазія работала, все сильнѣе вызывая образы, сцены, слова, цѣлыя фразы, поцѣлуи...

— О, Боже мой, Боже мой!—вырвался у него изъ груди громкій крикъ.

Онъ уже сидѣлъ въ поѣздѣ, мчавшемъ его заграницу, а тяжелый кошмаръ не оставлялъ его.

— Боже мой,—твердилъ онъ:—они ѣдутъ на новую жизнь, [illegible]частіе, все имъ улыбается, а я?! Я мчусь къ могилѣ, къ [illegible]о.

[illegible]ко подъ утро, около Вильны, забылся онъ сномъ, тяже-

лыми, свинцовыми когтями охватившимъ больной организмъ доктора.

XV.

После двухъ ночей, проведенныхъ въ вагонѣ, Эверецкій приближался къ Вѣнѣ. Погода, начиная съ Варшавы, установилась хорошая, было тепло, несмотря на то, что на дворѣ стоялъ уже октябрь. Мучительная боль въ желудкѣ, продолжавшаяся все послѣднее время у Эверецкаго, съ перемѣною погоды и климата почти совсѣмъ утихла. На большой узловой станціи Прерау, недалеко отъ Вѣны, Эверецкій прекрасно, съ аппетитомъ поѣлъ, чего уже давно съ нимъ не случалось. Постоянная тошнота, какое-то непріятное ощущеніе во рту послѣ ѣды и кажущаяся сытость желудка съ потерею аппетита отклоняли его отъ пищи. Онъ ѣлъ очень мало, соблюдая строгій режимъ.

Хотя нравственное настроеніе Глѣба Аѳанасьевича было попрежнему угнетенное и мрачное, все-таки разстояніе, отдѣляющее его отъ Груни, извѣстнаго рода самоуниженіе и самооправданіе, что онъ поступилъ правильно, немного успокоили его натянутые нервы. Оживленіе на станціи, бойкій говоръ южанъ, бѣготня носильщиковъ еще больше отвлекали его мысли отъ тяжелой картины, оставленной имъ позади, въ Петербургѣ. Эверецкій ѣхалъ заграницу въ первый разъ. Новые для него нравы, люди, вся эта чуждая русскому глазу и уху обстановка заинтересовали больного доктора настолько, что онъ вспоминалъ о своей фатальной болѣзни все рѣже и рѣже. Въ груди его попрежнему было сознаніе близкой смерти, неизбѣжной, какъ сама судьба, но и это чувство смягчалось окружающей его новою, чуждою для него жизнью.

Въ Вѣну онъ попалъ позднею ночью, скорѣе раннимъ утромъ. Заспанный носильщикъ здоровый дѣтина, вызвался донести его чемоданъ до близъ лежащаго Интернаціоналъ-отеля. Извозчики, пользуясь ночнымъ временемъ, дорожились страшно, забывая о пресловутой таксѣ.

Гостинница, въ которой поселился Эверецкій, пройдя пѣшкомъ нѣсколько переулковъ, оказалась шумнымъ обиталищемъ коммивояжеровъ и агентовъ. Дѣйствительно, цѣна комнаты была невысока, но шумъ, господствовавшій, несмотря на ранній часъ, невольно заставилъ Глѣба подумать о пріисканіи завтра другого, болѣе тихаго, отеля.

Утомленный долгой тряской въ вагонѣ, докторъ проспалъ до полудня.

Кельнеръ осторожно постучалъ въ дверь его комнаты. и когда, разбуженный его стукомъ, Эверецкій недовольно спр

— Кто тамъ?

Отвѣчалъ:

— Уже звонили къ завтраку, не желаетъ ли господинъ что-нибудь заказать или пойдетъ къ общему столу?

Глѣбъ изумился такою заботливостью прислуги о постояльцахъ, совершенно неизвѣстной въ Россіи. Онъ сказалъ, что спустится къ табль-д'оту.

За длиннымъ столомъ въ большомъ залѣ сидѣло нѣсколько десятковъ мужчинъ и дамъ. Завтракъ былъ недуренъ. Общество было крайне разнообразное, тутъ слышались и носовые звуки французскаго говора, и мягкій выговоръ римлянина, шипящіе обрывки фразъ поляка и схожая на русскій, плавная рѣчь братьевъ славянъ. Бойкая парижанка, сидящая противъ доктора за столомъ, все время стрѣляла въ него своими, слегка подкрашенными, глазами, пытаясь завести съ нимъ разговоръ, чего, при своемъ маломъ знаніи языковъ, Эверецкій никакъ не могъ.

Видя невозможность разговориться, француженка надула губки и отвернулась.

Послѣ завтрака, дежурный распорядитель спросилъ Глѣба его имя и званіе.

Услышавъ, что послѣдній—докторъ, распорядитель манерно поклонился ему, выказывая тѣмъ почтеніе его званію.

— О, русскіе доктора,—это въ настоящее время лучшіе въ Европѣ,—польстилъ онъ новому постояльцу.

Уваженіе это стоило ему, какъ онъ потомъ замѣтилъ, лишнихъ десять гульденовъ, ловко приписанныхъ въ счетъ.

Выйдя изъ гостинницы, Глѣбъ почувствовалъ себя какъ въ лѣсу,—ни города, ни языка онъ не зналъ. Онъ побрелъ вдоль Таборъ-Штрассе, на которой находился его отель. Она привела его къ мосту Фердинанда. Въ нерѣшительности, не зная куда идти, Эверецкій обернулся. Этого было достаточно, чтобы стоявшіе на углу комиссіонеры въ своихъ сѣрыхъ блузахъ и узкихъ красныхъ французскихъ кепи бросились къ нему, отбивая другъ друга.

Одинъ изъ нихъ, видимо, сообразивъ, что стоящій въ недоумѣніи передъ нимъ пріѣзжій,—русскій, ломанымъ, но все же понятнымъ языкомъ, составлявшимъ смѣсь польскаго съ русскимъ,— спросилъ его:

— Може пане треба смотрѣть па Вину?

Такой вопросъ въ полунѣмецкой столицѣ обрадовалъ доктора и онъ поспѣшно отвѣтилъ:

— Да, да!

Этого было достаточно ловкому комиссіонеру, онъ быстро завладѣлъ русскимъ и повелъ его обозрѣвать Вѣну.

Эверецкій разсчитывалъ пробыть въ столицѣ Австріи недѣли двѣ; уѣзжая изъ Петербурга, онъ, имѣя, по его убѣжденію, еще три-четыре мѣсяца въ своемъ распоряженіи, стоически раз-

предѣлилъ все время. Въ программу входило двухнедѣльное пребываніе въ Вѣнѣ, Грацъ, Тироль и завершалось все Неаполемъ, въ которомъ почему-то хотѣлось ему умереть.

Прежде чѣмъ идти съ пріѣзжимъ, комиссіонеръ, потомъ оказавшійся львовскимъ евреемъ, о чемъ-то горячо бесѣдовалъ съ полицейскимъ, стоявшимъ на мосту, и что-то ему доказывалъ и оспаривалъ. Въ концѣ-концовъ, чичероне, видимо, уговорилъ городскую власть, и они отправились.

— Знаете, пане, о чемъ онъ меня спрашивалъ?—обратился комиссіонеръ къ доктору.

Тотъ отозвался незнаніемъ.

— Не политическій ли вы агентъ или не русскій ли журналистъ.

Эверецкій отъ души расхохотался такому безпокойству со стороны австрійцевъ, благодаря его національности.

— Онъ просилъ меня послѣдить за вами, и если что замѣчу, немедленно донести въ полицію,—откровенничалъ чичероне;— но я не таковъ, я русскихъ людей люблю, они добрые и щедрые,— напирая на послѣднее слово, прибавилъ онъ.

Желая заслужить хорошій тринкъ-гелдъ, кромѣ обусловленной платы, Іозель Мармель повелъ доктора прежде всего по набережной Франца-Іосифа на Шоттенъ-Рингъ. Показавъ ему здѣсь биржу, университетъ, онъ направился со своимъ кліентомъ дальше по Рингу. Чудное зданіе новой ратуши, парламентъ, оба музея не избѣгли внимательнаго взора доктора. Онъ восхищался великолѣпными залами городского дома, очень долго стоялъ передъ антиками музея, его художественное чувство было заинтересовано шедеврами, собранными здѣсь въ такомъ изобиліи. Оба театра, красиво поставленные на Рингѣ, поразили его своими прекрасными зданіями, не виданными имъ до сихъ поръ. Обогнувъ весь Рингъ, его вожатый показалъ ему величественный соборъ св. Стефана, гордо высящій свою древнюю главу надъ новыми постройками стараго города.

Но самый храмъ, невыразимо грязный внутри, оставилъ не особенно выгодное впечатлѣніе о фанатическихъ католикахъ; ослизлыя плиты собора, закоптѣлые своды, грязныя скамьи плохо рекомендовали шикарныхъ вѣнцевъ въ ихъ религіозныхъ отправленіяхъ. Ликъ чудотворнаго образа Богоматери, заключенный для чего-то подъ довольно частую рѣшетку, окончательно заставилъ Эверецкаго перемѣнить свое мнѣніе о нѣмцахъ.

Проходя по Грабену, докторъ обратилъ вниманіе на выставленный въ окнѣ магазина чудный уборъ богемскихъ рубиновъ. Ему почему-то вдругъ вспомнилась Груня, съ нею вмѣстѣ теченіе мысли перешло на его болѣзнь—и хорошее расположеніе духа доктора было испорчено. Онъ быстро измѣнился въ лицѣ.

Іозель замѣтилъ перемѣну и поспѣшилъ спросить:

— Пану дурно?—и не дожидая его отвѣта, взявъ его подъ

руку, ввелъ въ сосѣднюю кофейню. Глѣбъ опустился на стулъ около входа.

— Два капуцина (т. е. кофе со сливками),—приказалъ комиссіонеръ, не желая, чтобы на доктора обратили вниманіе, подскочившему кельнеру.

Глѣбъ скоро пришелъ въ себя.

— Ничего, это пройдетъ,—успокаивалъ онъ Мармеля,—голова закружилась.

Капуцины были выпиты, и они отправились снова на поиски биргалэ, гдѣ было такое чудное пиво, по мнѣнію Іозеля.

Пивная оказалась недалеко. Высокія, полногрудыя вѣнки-кельнерши быстро сновали между столиками, разнося куфеля съ пивомъ, съ бѣлоснѣжнымъ покровомъ пѣны.

Пиво оказалось дѣйствительно превосходнымъ.

— Нужно вамъ попробовать винеръ вюрстель,—заявилъ комиссіонеръ, видимо самъ голодный.

— Это что-то необъяснимое!—добавилъ онъ, цѣлуя кончики своихъ грязныхъ пальцевъ.

Доктору было все равно, и Мармель велѣлъ принести вюрстель. Новая кельнерша быстро принесла заказанныя колбаски.

Докторъ машинально взглянулъ на нее и обомлѣлъ. Передъ нимъ стояла живая Груня. Тѣ же черты лица, тѣ же глаза, волосы, фигура, даже походка, сходство поразительное. Судьба, точно желая подсмѣяться, натолкнула на доктора двойникъ его бывшей жены.

Эверецкій не то съ радостью, не то съ изумленіемъ смотрѣлъ на стоящую передъ нимъ дѣвушку.

— Колбаса готова,—мелодично сказала кельнерша, ставя на столъ тарелку съ колбасками. Она поразилась пристально устремленными на нее глазами незнакомаго господина и, сконфузившись, отошла.

— Хорошенькій дѣвушка,—тихо сказалъ аппетитно истребляющій колбаски Мармель, замѣчая впечатлѣніе, произведенное на кліента дѣвушкой.—Это все можно...,—вздумалъ онъ дополнить выведенное имъ заключеніе о намѣреніяхъ русскаго.

Докторъ очнулся, сообразилъ всю неловкость своего поведенія и давъ доѣсть комиссіонеру, быстро удалился изъ портерной, бросивъ на столъ деньги и не спросивъ сдачи—его страшно поразило такое совпаденіе, такъ неожиданно, такъ скоро устроенное для него шаловливою судьбою. Осматривать больше городъ сегодня онъ не пошелъ, и Іозель, указавъ доктору тихій небольшой отель «Zum goldenen Krenz» въ улицѣ Нибелунговъ, помогъ ему туда перебраться изъ Интернаціональной гостиницы, оставя дальнѣйшій осмотръ до другого дня.

Докторъ, подъ вліяніемъ такой смѣны впечатлѣній, которыя онъ испыталъ сегодня и послѣднее время, чувствовалъ себя совсѣмъ разбитымъ. Перебравшись въ новое помѣщеніе, онъ легъ очень рано спать, желая сномъ возстановить равновѣсіе въ

своемъ ослабѣвшемъ организмѣ. Фигура молодой кельнерши стояла въ его воображеніи.

XVI.

Поѣздъ, увозившій новобрачныхъ въ Крымъ, быстро мчался къ югу.

Хотя Груня никогда не бывала въ Москвѣ, тѣмъ не менѣе, она на вопросъ Якова Гордѣевича, еще съ большимъ обожаніемъ смотрѣвшаго на свою молодую жену, «не желаетъ ли она на день остановиться здѣсь»?—коротко отвѣтила:

— Мнѣ не хочется.

И послушный ея волѣ Притынскій, ничего ей не возразивъ, остался въ томъ же вагонѣ, идущемъ безъ пересадки въ Севастополь. Агриппина Богдановна жаждала только забыться, быть какъ можно дальше отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ ей пришлось испытать такъ много горя, такъ много разочарованій.

Молодая женщина готова была съ радостью ѣхать не только въ Крымъ, но даже за океанъ, въ Америку, только бы быть дальше, дальше отъ этихъ мѣстъ.

Курскій поѣздъ шелъ уже не такъ плавно, какъ Николаевскій, вагонъ отъ скорой ѣзды бросало изъ стороны въ сторону. Непривыкшая еще къ дальней дорогѣ, уставшая, кромѣ того, отъ недавно пережитыхъ непріятностей, Груня, при каждомъ сильномъ толчкѣ вагона на стыкѣ рельсъ, нервно вздрагивала и порой блѣднѣла. Мужъ заботливо, ни на минуту не спускавшій съ нея глазъ, безпокойно ее спрашивалъ.

— Что съ вами, дорогая, не бойтесь ничего, это качаетъ просто отъ быстрой ѣзды.

Но молодая женщина, напротивъ того, даже желала, чтобы произошло что-нибудь подобное крушенію поѣзда, сходъ съ рельсовъ и т. д. Ея сердце рвалось къ тому, слишкомъ натянутые нервы требовали какого-нибудь необычнаго успокоенія. Она болѣзненно стремилась къ катастрофѣ, ждала ее, какъ желанное разрѣшеніе перепутанныхъ жизненныхъ осложненій, какъ ждетъ вся природа послѣ ряда томительно знойныхъ дней—благодѣтельную, освѣжающую грозу.

— Одинъ мигъ, и все будетъ забыто,—думалось ей,—для души наступитъ покой, все погрузится въ нирвану—небытіе.

И эта мысль ей съ каждой минутой дѣлалась все отраднѣе, все желаннѣе. Она ждала смерть съ нескрываемымъ нетерпѣніемъ, забывая о присутствіи глубоко любящаго ее человѣка, клятву которому она еще вчера дала передъ алтаремъ.

Какъ въ туманѣ, въ ея мысляхъ мелькала фигура ея перваго мужа, до сихъ поръ любимаго ею Глѣба.

Сознавая невольно по лицу жены, по ея разсѣянны

щихъ по бухтамъ яликовъ и пароходовъ. Ея взоръ перебѣгалъ отъ одной картины къ другой, и всѣ онѣ были также чужды и интересны для молодой женщины. Отъ минувшаго настроенія не осталось и слѣда. Скоро роскошный отель Киста распахнулъ имъ свои двери, и молодые супруги, занявъ дорогихъ два номера, стали обѣдать.

Осмотръ города не занялъ у нихъ много времени. Груня стремилась все дальше и дальше. Городъ съ его каменными громадами давилъ ее, ея душа жаждала простора и тишины.

Прекрасное ландо, запряженное четверкою лошадей, рано утромъ на другой день стояло у подъѣзда гостинницы. Солидный, пожилой ямщикъ покрикивалъ на нетерпѣливо перебирающихъ ногами лошадей.

Супруги сѣли въ экипажъ, сопровождаемые поклонами провожавшихъ ихъ швейцара и остальной челяди, получившей хорошо на чай.

Городъ скоро остался за ними, только еще чернѣла въ высп Малахова кургана статуя Корнилова. Пошло холмистое предгорье, кое-гдѣ поросшее низко растущимъ дубомъ и орѣшникомъ. Въ ложбинахъ виднѣлась характерная зелень виноградниковъ. Проѣхали мимо утопающаго въ зелени французскаго кладбища— пыльная дорога была пустынна.

Грунѣ стало опять тяжело. Безсолнечный день мало оживлялъ картину природы.

Яковъ Гордѣевичъ страстно ожидалъ хоть слова, сказаннаго женою,—но она, подавленная безмолвіемъ холмовъ—молчала. Притынскій началъ разспрашивать ямщика о деревняхъ, мимо которыхъ они проѣзжали.

— Это вотъ, баринъ, деревня Кадыковка, черезъ нее бѣжитъ дорога на Балаклаву, въ Георгіевскій монастырь. Заѣдемте что ли, барынѣ много будетъ интереснѣе.

Но Груня отказалась отъ поѣздки.

— Потомъ увидимъ,—тихо отвѣтила она,—теперь скорѣе поѣдемте въ Ялту.

Высоко на горѣ вырисовывалась часовня на кладбищѣ павшихъ въ войну 54 года итальянцевъ.

«Вотъ куда бы мнѣ скорѣе»,—пронеслось снова въ неуспокоившихся мысляхъ молодой женщины.

Экипажъ остановился у постоялаго двора, нужно было напоить лошадей. Привѣтливый грекъ предложилъ проѣзжимъ войти въ комнату, но Груня, а за нею и Притынскій отказались.

Дорога пошла снова съ горы, мѣстность стала живописнѣе. Проглянуло между тучами солнышко и картина оживилась.

— Агриппина Богдановна,—тихо сказалъ Притынскій,—что съ вами? Вотъ четвертый день какъ мы повѣнчаны, а я до сихъ поръ не вижу даже улыбки на вашихъ губахъ. Если васъ что тревожитъ, томитъ, подѣлитесь со мною, все, что въ моихъ силахъ, все готовъ сдѣлать,—добавилъ онъ горячо,—если... если,

наконецъ, даже мое присутствіе вамъ надоѣло, скажите слово— и я избавлю васъ отъ него! Мы будемъ жить хотя и въ одномъ и томъ же мѣстѣ, но вѣрьте, я не обезпокою васъ ни однимъ словомъ, буду только издали любоваться вами, обожать васъ!

Груня все съ большимъ вниманіемъ слушала горячія, вылившіяся прямо изъ сердца слова мужа, и когда онъ кончилъ, кротко взглянула на него и промолвила:

— Дорогой другъ, простите меня, я знаю, что я глубоко предъ вами виновата, но дайте времени возможность зарубцовать ту рану, которую мнѣ неожиданно и жестоко нанесли. Все это такъ недавно, все это такъ еще близко, такъ больно, больно!

И Груня громко зарыдала. Ямщикъ обернулся лицомъ къ сѣдокамъ, изумленный плачемъ барыни.

Притынскій заботливо подалъ платокъ женѣ и старался ее успокоить; рыданія становились все глуше и глуше, наконецъ молодая женщина умолкла, и убаюкиваемая легкимъ покачиваніемъ экипажа—задремала. Проснулась она только тогда, когда Никита ямщикъ сталъ сдерживать разбѣжавшихся лошадей и ландо остановилось.

Она открыла наплаканные глаза и съ изумленіемъ взглянула вокругъ. Передъ ней возвышались знаменитыя Байдарскія ворота.

Около плохенькой гостинницы стояло нѣсколько экипажей.

Въ гостинницу Притынскіе не вошли. Яковъ Гордѣевичъ взялъ жену подъ руку и пошелъ съ нею подъ ворота. Сильный вѣтеръ чуть не сшибалъ съ ногъ идущихъ. Груня, все еще подъ вліяніемъ минувшаго припадка безотчетной тоски, безпрекословно слѣдовала за нимъ, опустивъ глаза.

Супруги, пройдя воротами, вышли на другую сторону послѣднихъ.

— Взгляните, и вы увидите, какъ прекрасенъ Божій міръ,— услышала Груня мягко сказанную мужемъ фразу.

Она подняла глаза и обомлѣла: картина, разстилавшаяся передъ ея глазами, превосходила все до сихъ поръ ею видѣнное. Изъ ея груди вырвался восторженный крикъ; природа точно согласовала ея собственную жизнь съ открывшейся передъ ней картиной. Какъ и въ ея жизни тяжелое прошлое должно было смѣниться счастливымъ будущимъ, точно также и здѣсь—угрюмыя горныя тѣснины смѣнились чуднымъ видомъ благодатнаго южнаго берега. Направо, блистая подъ полуденнымъ солнцемъ, Черное море слабо шумѣло; благодаря разстоянію, видно было, какъ бѣлыя волны лизали скалы берега. Налѣво крутою стѣною высилась гора, вся, точно щетиною, поросшая мѣстными породами деревьевъ. Внизъ изгибами вилась чуть видная дорога, которая, минуя построенную на скатѣ церковь, сѣрою лентой сбѣгала причудливыми зигзагами прямо до берегового богатаго имѣнія Форосъ, дорога до Ялты шла въ тоннелѣ немного ниже церкви.

Сколько шири, простора чувствовалось на этомъ мѣстѣ! Глазъ не могъ охватить видимое пространство моря. Груня стояла какъ очарованная—ей казалось все это волшебной сказкой, она ежеминутно боялась пробужденія, но миражъ не проходилъ, передъ нею была дѣйствительность. Яковъ Гордѣевичъ съ легкой усмѣшкой смотрѣлъ на нее, онъ, уже не разъ бывавшій на южномъ берегу Крыма, зналъ то впечатлѣніе, которое производитъ на ѣдущихъ въ первый разъ панорама, видимая изъ Байдарскихъ воротъ.

— Какъ здѣсь прекрасно!—шептали поблѣднѣвшія губы молодой женщины:—кажется, никуда бы не поѣхала отсюда!—прибавила она восторженно.

Дорога отъ мыса Фороса потянулась среди сплошныхъ виноградниковъ и роскошной, присущей только здѣшнему климату растительности. Платаны или чинары смѣнялись стройными тополями и кипарисами, властный плющъ заплелъ ихъ своими цѣпкими побѣгами, повисъ по ихъ стволамъ красивыми гирляндами, впился глубоко въ ихъ кору, вытягивая ихъ соки, заставляя сохнуть ихъ вѣтки. Тишина стояла поразительная.

Море попрежнему неслышно волновалось подъ ними, надъ вершинами Яйлы парили нѣсколько стервятниковъ, нарушая своимъ непріятнымъ клекотаніемъ полуденный сонъ природы подъ горячимъ поцѣлуемъ солнца. Точно дѣтскій змѣй, высоко запущенный умѣлою рукою, беркуты плавали недвижно въ воздухѣ, блестя своею бѣлою грудью.

Ландо все быстрѣе неслось по спускамъ горной дороги. Притынскіе миновали имѣнія Ай-Юрій, Мелосъ, Мухалатку и, наконецъ, пресловутый Мертвенъ съ его изумительной лѣстницею.

Верблюдообразный кряжъ Кошка, отдѣляющій Лимены отъ Симеиза, привлекъ ея вниманіе, но остановиться гдѣ-либо Груня не хотѣла. Лошади прибавили рыси, вдали внизу виднѣлись уже огоньки Алупки.

Солнце все ниже и ниже садилось въ море, отражаясь въ водѣ своимъ ярко-желтымъ цвѣтомъ. Точно въ раздумьѣ, оно легло на успокоившіяся волны и минуту спустя тяжело погрузилось въ пучину, обрызгавъ своими послѣдними лучами воду и часть небосклона. Ярко-красныя полосы точно ореоломъ окружили ушедшее на покой до новаго восхода свѣтило. Сразу стало темнѣе и свѣжѣе. Экипажъ свернулъ на проселокъ, мелкіе камни то и дѣло летѣли изъ подъ копытъ осторожно ступающихъ и пугливо храпящихъ лошадей. Ѣхавшая на подъемъ арба съ виноградомъ, руководимая крестьяниномъ, не могла проѣхать, пришлось провести лошадей за узду. Только поздно вечеромъ, часовъ около восьми, молодые попали въ Алупку, сопровождае-
е цѣлою стаей собакъ. Селеніе глядѣло феерично, оно тяну-
по скатамъ горъ. На темномъ фонѣ южной ночи, кое-гдѣ
ю видимыхъ силуэтахъ построекъ, мерцали огоньки; теплота
уха ласкала пріѣзжихъ. Алупка еще не спала. Кругомъ все

кипѣло жизнью приморскаго курорта. Экипажъ Притынскихъ попалъ на узенькую улицу. Со всѣхъ сторонъ послышались зазыванія татаръ-коммиссіонеровъ мѣстныхъ гостинницъ. Супруги послѣдовали за однимъ изъ нихъ и скоро помѣстились въ отелѣ Россэ. Утомленная дорогой Груня немного полюбовалась чудною южною ночью и скоро легла спать. Яковъ Гордѣевичъ долго еще сидѣлъ на балконѣ. Онъ думалъ о своей нелегкой задачѣ—заставить Груню забыть о прежней любви къ первому мужу.

XVII.

Алупка, съ ея прекраснымъ паркомъ, понравилась Грунѣ, она рѣшила здѣсь остаться на нѣкоторое время. Южная природа, окружавшая этотъ чудный уголокъ побережья, прекрасно дѣйствовала на молодую женщину. Она цѣлые дни проводила въ паркѣ; точно ребенка, ее интересовало каждое невидѣнное ею до сихъ поръ дерево или растеніе. Несмотря на желаніе отрѣшиться отъ прошлаго, постараться забыть человѣка, доставившаго ей такъ много горя, она невольно вспоминала о немъ, сравнивая этотъ чудный садъ съ ея прошлогоднимъ садикомъ на Аптекарскомъ. И странное дѣло, тотъ полутемный, сыроватый садъ былъ ей милѣе, дороже по своимъ воспоминаніямъ, чѣмъ это красивое созданіе южнаго солнца и моря.

Чѣмъ больше Агриппина Богдановна старалась не думать о Глѣбѣ, тѣмъ сильнѣе работало ея воображеніе, и фигура перваго мужа вѣчно стояла передъ нею. Все горе, имъ причиненное, какъ-то невольно забывалось Груней и она всегда ловила себя на желаніи снова его увидѣть, говорить съ нимъ. Что за чудною способностью обладаетъ женское сердце—всепрощеніемъ. Мягкій характеръ Груни въ особенности отличался этимъ драгоцѣннымъ качествомъ. Анализируя неоднократно проступокъ бывшаго мужа, она въ то же время внимательно припоминала свои собственные поступки, страстно желая найти въ нихъ что-либо, чѣмъ могла бы быть оправдана измѣна Глѣба, но при всемъ добросовѣстномъ самонаблюденіи она должна была сознаться, что ничѣмъ не вызвала такой жестокости со стороны Глѣба Аѳанасьевича.

Согласившись довольно опрометчиво выйти второй разъ замужъ за Притынскаго, преднамѣренно толкаемая къ этому Эверецкимъ и матерью, Агриппина Богдановна не разъ каялась въ своемъ необдуманномъ шагѣ. Притынскаго она не любила и не вѣрила, чтобы любовь къ нему съ ея стороны пришла бы со временемъ. Въ лицѣ его она только видѣла добраго, преданнаго ей человѣка, скорѣе брата, чѣмъ мужа. Его нѣмое обожаніе оче-

часто обижало молодую женщину, еще когда она не была за нимъ замужемъ, теперь же просто сердило.

Вначалѣ она осматривала паркъ вмѣстѣ съ мужемъ, но затѣмъ бродила по его малолюднымъ аллеямъ одна. Ея любимымъ мѣстомъ была каменная скамья на берегу моря подъ большимъ платаномъ: здѣсь, съ книгою въ рукахъ, но съ думами далеко отсюда, проводила Притынская почти весь день, прислушиваясь къ ропоту моря, порой угрюмому, порой ласковому и слабому, какъ лепетъ ребенка. Пролетитъ порывъ вѣтра, застонетъ вершина платана, зашепчутся широкіе листья, а ужъ гостя и слѣдъ простылъ, летитъ онъ уже далеко отсюда, свиститъ въ горномъ ущельи. Въ особенности по душѣ пришлись Груне еще не частыя въ это время года бури.

Взбунтуется водная стихія, высоко начнетъ гнать она свои сердитые валы съ бѣлыми гребнями—злобно хлещутъ они прибрежный гранитъ и снова уходятъ въ пучину.

Груня, точно очарованная, сидитъ тогда на скалѣ, выдающейся въ море. Она любуется разсерженнымъ исполиномъ, въ его величественной злобѣ находитъ себѣ отдыхъ, нервы успокаиваются и въ эту минуту она забываетъ прошлое.

Тщетно пробовалъ Яковъ Гордѣевичъ противиться ея безумнымъ, какъ онъ выражался, выходкамъ, но Груня не слушала его, и едва вѣтеръ начиналъ надувать бѣлыя гардины на ихъ балконѣ, слегка свистя въ трубахъ, Агриппина Богдановна бѣжала на свою любимую скалу, чтобы наблюдать за бурей, чтобы любоваться ею. Притынскій вначалѣ грустилъ объ ея желаніи вѣчно быть одной, но потомъ успокоился и, чтобы убить время, началъ выѣзжать вмѣстѣ съ татариномъ-рыболовомъ въ море на лодкѣ ловить рыбу.

Его завѣтная мечта видѣть Груню отрѣшившейся отъ прежней привязанности, воскресшею къ новой жизни, не сбывалась. Онъ чувствовалъ, что ея сердце бьется не для него.

Октябрь стоялъ хорошій, осень въ Крыму не чувствовалась. Вѣчно зеленая магнолія, свѣжіе кипарисы заставляли забывать о желтѣющихъ листьяхъ буковъ, вязовъ и орѣшника. Дни были жаркіе, солнце не жалѣло своего тепла для зябкихъ крымцевъ.

Супруги послѣ завтрака отправились въ Воронцовскій паркъ. Служившій у нихъ за разсыльнаго молодой татаринъ Абэбулла шелъ впередъ, чтобы показать дворецъ. Но послѣдній, эффектный по своей внѣшности, внутри не былъ такъ интересенъ. Вся мебель, все его убранство увезено было вдовствующей княгиней. Дворецъ стоялъ осиротѣлый послѣ жизни, которую вели здѣсь его прежніе владѣльцы. Шесть мраморныхъ львовъ охраняли его пустынныя залы. Молча брели супруги за проводникомъ-татариномъ, довольно чисто разсказывающимъ по-русски имъ о всѣхъ достопримѣчательностяхъ дворца и парка. Притынскіе машинально слушали его указанія, на душѣ у обоихъ супруговъ было мрачно. Неловкость отношеній между ними, поселившаяся сразу послѣ брака, не проходила. Человѣкъ съ болѣе

твердымъ характеромъ, чѣмъ Яковъ Гордѣевичъ, разрубилъ бы сразу узелъ, не ожидая и не томясь такъ долго, но мягкій отъ природы Притынскій самымъ своимъ вступленіемъ въ бракъ съ Груней, съ женщиной, которую онъ боготворилъ, какъ бы наложилъ на себя обѣтъ все сносить терпѣливо, не проявляя даже искры самостоятельности. Агриппина Богдановна чувствовала это прекрасно, деликатность второго мужа ее трогала, она уважала его тактичность, была ему благодарна за все это, но все-таки до сихъ поръ не полюбила его. Ей было страшно горько такъ отплачивать мужу за всю его заботу о ней, но что же дѣлать, принуждать себя полюбить—она не могла, и супруги вошли въ молчаливое соглашеніе предоставить все времени.

Но время шло, скоро долженъ былъ миновать мѣсяцъ, какъ они были повѣнчаны, а о взаимности не было и помину.

— Вы не устали?—услышала Груня тихій вопросъ мужа.

— Немного.

— На сегодня довольно,—произнесъ Притынскій,—ты, Абзбулла, приходи къ намъ завтра пораньше, да возьми экипажъ, мы въ Симеизъ съѣздимъ.

Татаринъ приложилъ ладонь ко лбу и пошелъ по дорожкѣ внизъ изъ сада.

Супруги остались одни. Они чувствовали, что откладываемая съ каждымъ днемъ минута объясненія приближается, что она неизбѣжна, но никто изъ нихъ не рѣшался говорить первымъ.

— Вы припоминаете мои слова, когда мы ѣхали по желѣзной дорогѣ сюда?—прерывающимся отъ волненія голосомъ началъ говорить Яковъ Гордѣевичъ.—Я тогда вамъ сказалъ, что все, что только вы пожелаете, все готовъ я сдѣлать для васъ; даже... разстаться съ вами!—прибавилъ онъ грустно.

Груня молчала, потупя голову.

— Вы мнѣ тогда сказали, чтобы я далъ времени возможность залечить вашу рану... но я вижу самъ теперь, что для этого потребуются не только недѣли, но даже годы. Вы страдаете, васъ томитъ мое присутствіе, не правда ли? Я это замѣтилъ.

— Подождите, и тогда все рѣшится,—прошептала Груня.

— Я готовъ ждать года,—горячо произнесъ Притынскій, обрадованный ея отвѣтомъ,—если бы только я могъ надѣяться, что современемъ вы подарите мнѣ хоть каплю участія. Груня, Груня,—воскликнулъ онъ подъ вліяніемъ порыва,—неужели никогда я не назову васъ своею, соединенною со мною не одними только узами брака, но привязанностью... любовью?—еле слышно окончилъ Притынскій.

Молодая женщина задумчиво глядѣла на дремавшее спокойно подъ ласкою полуденнаго солнца море. Легкій, сѣрый, полушелковый костюмъ, отдѣланный серебрянымъ кружевомъ, обрисовывалъ на темной зелени магноліи, подъ которой они сидѣли, ея тонкій станъ и изящно сложенную фигуру. Она невольно, подъ упорнымъ взглядомъ мужа, повернулась къ нему лицомъ, и

сама того не замѣчая, вспыхнула, какъ молоденькая дѣвушка. Странное чувство испытывала она въ эту минуту къ нему. Ей было жалко этого добраго чиновника, она не хотѣла обманывать его несбыточной мечтой, что полюбитъ его когда-нибудь, но разбить его мечты, лишить его надежды—находила жестокимъ и неблагодарнымъ поступокъ, послѣ такого великодушія съ его стороны.

— Я повторяю васъ, подождите,—шептали ея блѣдныя губы, тогда какъ сердце подсказывало ей другой отвѣтъ, долженствующій окончательно разбить его мечты.

Груня взяла его подъ руку и они направились къ гостиницѣ, откуда доносились призывающіе къ завтраку звуки колокольчика.

Они уже были на послѣдней ступенькѣ лѣстницы, идущей на шоссе, какъ фигура дамы, спускающейся въ садъ, загородила имъ дорогу.

Онѣ взглянули другъ на друга, и Груня узнала Шатилову.

Хорошенькая блондинка въ эффектномъ голубомъ костюмѣ остановилась.

— Боже мой, кого вижу, вотъ гдѣ встрѣтились,—здороваясь съ ними, затараторила офицерша.—А я сюда случайно попала; знаете, князь Фаворскій, начальникъ моего мужа, отправилъ сюда свою больную дочь и предложилъ мнѣ съ нею ѣхать. Ахъ, какъ здѣсь мило! Мы еще всего только третій день, какъ сюда пріѣхали. Вы здоровы?

— Благодарю васъ, ничего,—вѣжливо, но сухо отвѣтила Груня; ей была непріятна эта встрѣча.

Притынскій, немного смущенный, стоялъ поодаль.

— Ну, васъ и пара,—щебетала блондинка,—другъ друга любите уже давно, еще тогда я замѣчала, когда вы были замужемъ за Эверецкимъ, даже намекала объ этомъ Якову Гордѣевичу,—шаловливо погрозя пальчикомъ Притынскому, добавила она.—Ну, чего скрывали?

Послѣдній еле сдерживался. Онъ такъ и порывался взять жену подъ руку и увести ее подальше отъ этой женщины, мимолетное увлеченіе которой онъ ставилъ себѣ въ большой грѣхъ передъ Груней и жестоко себя винилъ въ немъ.

— Ну, ну, не буду мѣшать вашему медовому мѣсяцу и нарушать вашъ tête à tête,—замѣчая недовольные взгляды Притынскаго, промолвила Шатилова и начала спускаться.

— Неспосная бабенка,—прошепталъ Яковъ Гордѣевичъ.

Но Груню, несмотря на всѣ воспоминанія, нахлынувшія на нее толпой при видѣ офицерши, немного развеселила эта встрѣча. Она припомнила свою странную ревность къ этой женщинѣ по отношенію къ теперешнему своему мужу, недовольство ея поощреніями. Все это было когда-то! Въ настоящую минуту она не уступила бы Якова Гордѣевича этой барынѣ, если бы ею могла этимъ отплатить ему за все сдѣланное для нея.

Она видѣла, что это немыслимо, по тѣмъ сердитымъ взорамъ, кидаемымъ ея мужемъ на хорошенькую блондинку, и не могла удержаться, чтобы не спросить его:

— За что вы на нее сердитесь?

Притынскій неопредѣленно махнулъ рукой въ воздухъ и сконфужено произнесъ въ отвѣтъ:

— Такъ!

Странный его отвѣтъ изумилъ Груню. Она внимательно взглянула на него и улыбнулась; подобнаго смущенія, какое въ эту минуту было написано на лицѣ Якова Гордѣевича, она никогда еще у него не замѣчала.

Благодаря прекрасной погодѣ, завтракали на террасѣ. Шумный табль-д'отъ оглашался веселыми голосами завтракающихъ.

Грунѣ стало какъ-то легче на душѣ, она начала свыкаться съ пестрой и шумной жизнью гостинницы и въ этомъ шумѣ находила забвеніе своему горю.

Вечеромъ оказалось, что Шатилова съ больною княжною остановились тоже у Россэ. Встрѣтившись съ нею за обѣдомъ, Притынскій уже не такъ сердито съ нею поздоровался, онъ помнилъ объ утренней улыбкѣ Груни, вызванной появленіемъ блондинки. Разговоръ завязался, Груня была не прочь вспомнить о петербургскихъ знакомыхъ, вспоминали многихъ, но при намекѣ объ Эверецкомъ Агриппина Богдановна дѣлала видъ, что это ей непріятно, и болтушка переходила на другой предметъ.

— А Неугадаева вы видѣли? — поинтересовалась узнать Груня.

— Да, одинъ разъ, на-дняхъ, онъ, говорятъ, женится, на комъ—не знаю.

— Да,—вдругъ вспомнила Шатилова,—я и забыла вамъ сказать еще объ одной встрѣчѣ—на пароходѣ, на которомъ мы ѣхали въ Ялту, ѣхала съ нами въ первомъ классѣ... ваша горничная Даша, если не ошибаюсь, увлеченіе Глѣба Аѳанасьевича...

Агриппина Богдановна вдругъ поблѣднѣла, Притынскій съ безпокойствомъ взглянулъ на жену.

— Съ нимъ?—глухо, но быстро спросила послѣдняя.

Блондинка, довольная произведеннымъ эффектомъ, громко засмѣялась.

— Вотъ выдумали тоже! Эверецкій уѣхалъ заграницу. Ваша камеристка подцѣпила себѣ какого-то адвоката.

Груня свободно вздохнула; ревнивое чувство къ женщинѣ, отнявшей у нея мужа, до сихъ поръ еще не исчезало, она была рада, что Эверецкаго нѣтъ съ нею вмѣстѣ.

Притынскій понялъ ея порывистый вопросъ и печально взглянулъ на жену, онъ видѣлъ, что лелѣемая имъ надежда снова разлетается, какъ дымъ.

— Какой на ней туалетъ,—продолжала офицерша,—уму помраченіе.

— Васъ просятъ,—почтительно сказалъ Шатиловой подошедшій къ столу лакей.

Блондинка встрепенулась.

— Это, вѣроятно, моя княжна, она, бѣдняжка, лежитъ въ номерѣ, качка сильно ее умаяла. До свиданія пока,—и она, быстро поднявшись изъ-за стола, выпорхнула съ террасы.

Обѣдъ кончался, разносили фрукты.

— Кто тамъ приходилъ за барыней?—спросилъ, безъ всякой цѣли, лакея Притынскій.

Лакей осклабился и, ухмыляясь, отвѣтилъ:

— Ахметка, тутъ одинъ есть проводникъ-татаринъ, въ горы кататься верхомъ съ барыней поѣхали.

Притынскій улыбнулся, онъ не даромъ зналъ эротическія наклонности хорошенькой блондинки, улыбнулась и Груня.

Стало темнѣть, на чистомъ небѣ кое-гдѣ засвѣтились еще блѣдныя звѣзды. Красноватый Марсъ заигралъ бриллiантомъ вдали. Ярко красный дискъ луны показался за группою кипарисовъ, стоящихъ на взгорьи у шоссе. Посвѣжѣло. Октябрь сказывался. Внизу замелькали огоньки въ хорошенькихъ домикахъ Алупки. Съ минарета татарской мечети раздался заунывно-плаксивый голосъ муллы и тихо потерялся въ вечернемъ воздухѣ. Небо все синѣло и синѣло, свѣтила ярче и ярче играли на темно-синемъ бархатѣ небосвода. Южная ночь вступала въ свои права.

XVIII.

Еще рано утромъ проснулся Эверецкій въ своемъ новомъ отелѣ. Надоѣдавшаго ему вчера шума въ прежней гостинницѣ здѣсь не было. Изрѣдка только слышно было, какъ пробѣжитъ кельнеръ по корридору, мимо его двери, тихо шурша мягкими подошвами сапогъ.

Глѣбъ Аѳанасьевичъ потянулся и взглянулъ на часы. Было еще только семь часовъ. Въ незавѣшанное окно его комнаты виденъ былъ одинъ уголокъ двора, отличавшійся чисто нѣмецкимъ порядкомъ. Да и самый номеръ, взятый докторомъ, былъ очень опрятенъ, только полъ, точно паркетный, такъ и блестѣлъ; мягкая кровать, покрытая легкой периною, вмѣсто одѣяла, поражала своею чистотою. Кто-то постучалъ въ дверь.

— Вы встали, панъ?—послышался изъ-за двери голосъ Марчеля.

Эверецкій засуетился одѣваться. Ему тоже было интересно увѣстить то биргалэ, гдѣ онъ встрѣтилъ вчера похожую на [illegible]уню дѣвушку. Вспыхнувшія воспоминанія тянули его къ ней,

онъ желалъ, пользуясь хотя этимъ сходствомъ, мечтать о все еще глубоко любимой имъ женщинѣ.

— Сегодня я васъ сведу въ Пратеръ,—поспѣшилъ назначить сегодняшнюю программу Іозель,—тамъ такъ много интереснаго, Венеція точно настоящая...

— Все это отлично, но сперва ведите меня въ то биргалэ, гдѣ мы были вчера съ вами.

— Понимаю, панъ,—многозначительно сказалъ комиссіонеръ,— Анелька вамъ понравилась, такъ это дѣло я вамъ быстро устрою,— предлагалъ свои услуги Мармель.

Докторъ невнимательно слушалъ его болтовню, и хотя вовсе не для той цѣли, которую предлагалъ Іозель, немедленно пошелъ за комиссіонеромъ въ старый городъ.

Сегодня искать долго не пришлось, портерная оказалась на углу Китовой улицы. Сообразительная кельнерша, лишь только замѣтила вчерашняго барина, начала шептаться съ буфетчицею, указавъ на Эверецкаго.

Глѣбъ не спускалъ съ нея глазъ. Лицо вѣнки дѣйствительно походило на Груню, но грубая кожа рукъ и мясистые подбородокъ и носъ дѣлали нѣкоторую разницу.

Дѣвушка подошла къ ихъ столику и спросила:

— Что прикажете?

Мармель опять заказалъ свои вюрстель. Анелька быстро исполнила заказанное. Въ биргалэ почти не было публики.

— Присядьте съ нами,—ласково предложилъ докторъ дѣвушкѣ.

Та сѣла.

Изъ разговора съ нею, Эверецкій убѣдился, что она далеко не развита, и при сопоставленіи съ Груней, перевѣсъ былъ далеко не въ пользу первой, но физическое сходство было поразительное.

Воспоминанія о потерянной женѣ все сильнѣе и сильнѣе овладѣвали докторомъ. Позднее сожалѣніе, недовольство своимъ поступкомъ снова выплыли наружу.

Эверецкій не сводилъ глазъ съ сидящей передъ нимъ дѣвушки, онъ взялъ ея грубую руку и началъ тихо гладить ее своею рукою. Анелька засмѣялась, такая ласка со стороны чужестранца заставляла ее дѣлать своеобразныя предположенія о ней.

Въ свою очередь Мармель усмѣхнулся и, обратясь къ Глѣбу Аеанасьевичу, произнесъ ему на ухо:

— Барышня заинтересовалась вами.

Докторъ съ изумленіемъ взглянулъ на комиссіонера и отпустилъ руку Анельки.

— Не говорите глупостей!—сказалъ онъ рѣзко Іозелю.

Послѣдній сконфуженно замолчалъ, на лицѣ сидѣвшей дѣвушки выразилось тоже изумленіе; чтобы скрыть его, она взяла со стола пустыя кружки, сказавши:

— Нужно налить свѣжаго пива.

Эверецкій проводилъ ее глазами и прошепталъ:

— Боже мой, какое сходство, даже ростъ!

Анелька вернулась съ наполненными куфелями пива и помѣстилась снова рядомъ съ докторомъ.

— Вы здѣшняя?—ласково спросилъ ее Эверецкій.

— Нѣтъ, изъ Праги, тамъ живутъ мои родители.

— А здѣсь вы одна?

Дѣвушка окинула вопрошающаго глазами, точно спрашивая: для чего подобный вопросъ.

— Да, одна,—былъ ея отвѣтъ.

— Слушайте, — послѣ минутнаго молчанія, сказалъ докторъ,—не поймите мои вопросы въ дурную сторону, я заинтересовался вами только потому, что вы очень напоминаете мнѣ одну особу, которую я... люблю,—съ трудомъ досказалъ онъ конецъ фразы.

Лицо молодой дѣвушки выразило разочарованіе, она мечтала о другомъ.

Докторъ уловилъ это выраженіе и, слабо усмѣхнувшись, сказалъ:

— Дѣло въ томъ, что я хочу просить у васъ позволенія заходить къ вамъ ежедневно сюда въ то время, когда вы бываете свободны, чтобы только посидѣть и посмотрѣть на васъ. Это доставитъ мнѣ много радостныхъ минутъ, но не думайте,—прибавилъ онъ, видя, что дѣвушка сдѣлала недовольный видъ,—что я позволю себѣ отрывать васъ отъ дѣла даромъ, я вамъ буду платить за это ежедневно два гульдена.

Анелька изумилась щедрости русскаго.

«Какъ! Два гульдена только за то, что она посидитъ и поболтаетъ съ нимъ, вотъ такъ щедрый господинъ», — промелькнуло въ ея мысляхъ.

— Вы согласны?—спросилъ ее Эверецкій.

— Что она, дура, что ли,—отвѣтилъ за нее Мармель,—чтобы не согласиться за эту цѣну, да я готовъ за одинъ гульденъ полдня съ вами разговаривать.

Одинъ, въ чужомъ городѣ, съ постоянной мыслью о неизбѣжной смерти, Эверецкій началъ терять самообладаніе, до сихъ поръ его не покидавшее. Несмотря на угнетенное состояніе духа, болѣзнь его не прогрессировалась. Боли въ желудкѣ почти прекратились, тошнота исчезла и аппетитъ улучшился. Перемѣну эту докторъ приписалъ климату, болѣе мягкому, чѣмъ въ Петербургѣ, а отчасти отдыху послѣ долгаго времени безпокойства и натянутыхъ нервовъ. Скромный нѣмецкій столъ, далекій отъ излишествъ русскаго, нравился Глѣбу Аѳанасьевичу, онъ находилъ, что временнымъ улучшеніемъ здоровья обязанъ также и этой причинѣ.

Встрѣча съ Анелькой воскресила въ его памяти то счастливое время, которое онъ прожилъ съ Груней. Молодая чешка,

двойникъ его бывшей жены, привлекала его къ себѣ именно только этимъ сходствомъ, никакихъ другихъ намѣреній у доктора не было. Чтобы большее время видѣть ее, Эверецкій рѣшилъ остаться здѣсь, въ Вѣнѣ, возможно дольше и только въ послѣднихъ стадіяхъ болѣзни уѣхать въ Неаполь, какъ это онъ раньше предполагалъ, гдѣ и умереть среди чудной природы юга.

Хотя самъ врачъ, все же Глѣбъ Аѳанасьевичъ не могъ точно опредѣлить теченіе своей болѣзни, а знать это было ему необходимо.

Необходимо было повидаться съ однимъ изъ спеціалистовъ по внутреннимъ болѣзнямъ въ вѣнскихъ клиникахъ. Странная мысль запала въ голову доктора—онъ не желалъ уходить изъ этого міра, не написавши письма Грунѣ, въ которомъ онъ предполагалъ объяснить ей всѣ мотивы, побудившіе его поступить такъ съ нею, и разсказать о тѣхъ мукахъ, какія онъ испыталъ и испытываетъ еще теперь.

Но мысль эта, промелькнувши въ его головѣ, какъ метеоръ, быстро потухла.

— Зачѣмъ, къ чему становить вѣчную преграду между ею и Притынскимъ,—сказалъ самъ себѣ докторъ; угрызеніе совѣсти, вѣчный упрекъ послужатъ только причиною розни между ними, тогда какъ я самъ старался, самъ хлопоталъ о счастіи и спокойствіи Груни. Но память обо мнѣ будетъ вѣчно запятнана незаслуженнымъ обвиненіемъ, — сфилософствовалъ Эверецкій, кончая свои размышленія.—Положимъ, лично мнѣ тамъ, глубоко подъ землею,—это будетъ все равно.

И мысль о письмѣ была отброшена. Намѣреніе же свое сходить къ одному изъ медицинскихъ свѣтилъ клиники онъ хотѣлъ на этихъ дняхъ привести въ исполненіе.

Прекрасно оплачиваемый докторомъ, Іозель Мармель не прекращалъ свои ежедневные визиты, и едва Эверецкій утромъ, проснувшись, потягивался въ своей кровати, коммиссіонеръ уже стучался въ дверь его комнаты.

Первое, куда они отправлялись, было извѣстное биргалэ, гдѣ о странномъ условіи, заключенномъ между русскимъ и кельнершей, всѣ отлично знали, и когда являлся туда докторъ, остальныя дѣвушки кричали молодой чешкѣ.

Говорить съ Анелькою доктору много не приходилось, онъ вскорѣ послѣ нѣсколькихъ попытокъ поговорить съ ней серьезно, убѣдился, что молодую дѣвушку интересуетъ только ухаживаніе молодыхъ контористовъ, ко всему остальному она относилась невнимательно. Эверецкій проводилъ утренній арендованный часъ только въ томъ, что смотрѣлъ все это время на дѣвушку, вспоминая каждую минуту о своей жизни съ Груней. Такое своеобразное провожденіе времени изумляло всѣхъ въ биргалэ. Подруги ея съ нескрываемымъ любопытствомъ смотрѣли на русскаго, дѣлая при этомъ каждая свое предположеніе.

— Это вѣрно художникъ, — говорила крупнаго сложенія ко-

ренная вѣнка Августа, — онъ поразился красивымъ лицомъ Анельки и хочетъ ее написать.

— Вовсе нѣтъ, — возразила брюнетка Жовефа, — это вѣрно агентъ изъ Бразиліи, увидите, въ одинъ прекрасный день нашей чешки не будетъ, увезетъ ее съ собою.

— Пустое все вы мелете, — вмѣшалась тиролька Каролина, — это, какъ я говорила раньше, русскій князь, кончится все тѣмъ, что онъ женится на ней и Анелька наша станетъ княгиней.

Споры по поводу Эверецкаго не прекращались между кельнершами, и каждый разъ, какъ онъ уходилъ изъ биргалэ, онѣ провожали его глазами до поворота улицы на Грабенъ.

Слѣдуемыя за сеансъ деньги молодая дѣвушка получала аккуратно каждый разъ. Однажды, желая отблагодарить щедраго посѣтителя, она отпросилась на одинъ день со службы, и предложила доктору проѣхаться съ нимъ въ Шенбрунъ погулять.

Докторъ охотно принялъ приглашеніе, и въ назначенный день они вдвоемъ отправились въ этотъ прекрасный лѣсокъ.

Странное чувство испытывалъ Глѣбъ Аѳанасьевичъ, гуляя съ этой чужой для него дѣвушкой по прекрасному Шенбрунскому парку.

Каждый разъ, при взглядѣ на свою спутницу, докторомъ овладѣвала иллюзія, что это его жена, его дорогая Груня, но грубоватый голосъ и простыя манеры дѣвушки сейчасъ же возвращали его къ дѣйствительности. Надежды, возлагаемыя на эту поѣздку хорошенькой Анелькой, не оправдались; кромѣ обѣда, которымъ угостилъ ее докторъ, прогулка ничѣмъ не отличалась отъ ихъ ежедневныхъ свиданій.

Задѣтая въ своемъ самолюбіи, дѣвушка угрюмо молчала при возвращеніи ихъ въ городъ.

— Что это съ вами, Анеля? — заботливо спросилъ ее ея спутникъ.

Дѣвушка обиженно молчала.

— Я догадываюсь, — продолжалъ докторъ, — но увы, мое сердце давно уже принадлежитъ другой...

— Но она далеко отсюда, — быстро перебила его чешка, — отчего же не полюбить здѣсь? — Анелька не въ шутку увлеклась виднымъ Эверецкимъ.

— Дитя мое, — печально замѣтилъ послѣдній, — повѣрьте мнѣ, что все это будетъ напрасно, я боленъ, и вѣроятно скоро отправлюсь туда, откуда никто еще не возвращался.

— Пустое, — горячо возразила дѣвушка, — я люблю васъ, вы не должны умирать, — и она горячо поцѣловала доктора. Темная дорожка парка, по которой они возвращались на станцію, способствовала ея порыву.

Эверецкій видѣлъ опасность и рѣшился предупредить ее; съ завтрашняго дня онъ не будетъ больше видѣться съ Анелей.

Онъ такъ и поступилъ, разговоръ ихъ въ паркѣ былъ послѣднимъ.

Вмѣсто обыденной прогулки въ биргалэ, онъ отправился, наконецъ, къ одному изъ извѣстныхъ всему міру клиницистовъ-терапевтовъ. Найти послѣдняго было не трудно, каждый вѣнецъ зналъ адресъ извѣстнаго ученаго.

Въ пріемной клинициста сидѣло нѣсколько больныхъ, благоговѣйно ожидающихъ выхода профессора. Простая, но аккуратная обстановка пріемной комнаты напоминала доктору объ его пріемной въ петербургской больницѣ. Длинныя ясеневыя лавки тянулись вдоль чисто выбѣленныхъ стѣнъ, полъ былъ уложенъ линолеумомъ. Масса воздуха дѣлала помѣщеніе немного прохладнымъ. Свѣтлый, октябрьскій день смотрѣлъ въ громадныя венеціанскія окна комнаты. Пахло слегка карболкой. Послѣ нѣсколькихъ больныхъ, которыхъ профессоръ держалъ довольно долго въ своемъ кабинетѣ, очередь дошла и до Эверецкаго.

Онъ бодро вошелъ въ кабинетъ, дверь мягко, съ помощью воздушнаго прибора закрылась за нимъ. Комната, куда онъ попалъ, была не велика. За высокой конторкой, на которой работаютъ обыкновенно стоя, находился пожилой человѣкъ высокаго роста, съ гладко выбритымъ лицомъ. Черный просторный сюртукъ аккуратно сидѣлъ на немъ. Это и былъ самъ знаменитый терапевтъ. Онъ пытливо взглянулъ черезъ золотыя очки на пришедшаго, и опять продолжалъ писать.

— Прошу васъ,—пригласилъ онъ Эверецкаго, указывая ему рукою на стулъ, самъ продолжая стоять,—что у васъ?

— Карцинома,—спокойно отвѣтилъ Глѣбъ Аѳанасьевичъ.

Профессоръ широко открылъ глаза.

— Карцинома, и вы такъ спокойно говорите объ этомъ! Да развѣ вы не знаете, молодой человѣкъ, что эта болѣзнь почти всегда кончается смертью!

— Знаю,—также отвѣтилъ Глѣбъ,—я самъ врачъ.

— А, коллега!—ласково произнесъ клиницистъ,—прекрасно, изслѣдуемъ.

Пока Эверецкій раздѣвался, пытливый взглядъ ученаго быстро перебѣгалъ по его фигурѣ,—онъ заинтересовался человѣкомъ, такъ спокойно смотрящимъ въ глаза смерти.

Глѣбъ Аѳанасьевичъ разсказалъ ему подробно всю исторію болѣзни, которую онъ выслушалъ внимательно, и только когда паціентъ окончилъ свой разсказъ, началъ его внимательно изслѣдовать. Онъ нѣсколько разъ прощупывалъ предполагаемое гнѣздо рака.

— Ваши слизистыя выдѣленія вы осматривали? — вдругъ прервалъ вопросомъ осмотръ больного ученый.

Глѣбъ отвѣтилъ отрицательно.

— Это жаль, ну, что-жъ дѣлать. Вы говорите, боли уменьшились, аппетитъ сталъ лучше, отрыжка, наклонность къ рвотѣ исчезла, не такъ ли?

Осмотръ и выстукиванье снова продолжались.

Эверецкій началъ уже томиться такимъ долгимъ осмотромъ, считая его совершенно излишнимъ. Ему хотѣлось только знать, какъ долго можетъ онъ еще жить, и вслѣдствіе этого нетерпѣливо спросилъ профессора:

— Я, главное, хотѣлъ узнать, сколько времени я могу надѣяться прожить еще?

Профессоръ ничего ему не отвѣтилъ, продолжая свое выстукиваніе.

— Теперь я кончилъ, можете одѣваться, — громко сказалъ онъ;—что вы меня спросили, коллега?

Глѣбъ повторилъ свой вопросъ.

Профессоръ усмѣхнулся.

— Трудный вопросъ, но во всякомъ случаѣ лѣтъ сорокъ еще проживете.

Эверецкій съ изумленіемъ взглянулъ на него, онъ не ожидалъ подобной шутки отъ серьезнаго ученаго и молчалъ.

— Вы изумлены, коллега, не правда ли?—продолжалъ клиницистъ. — Но дѣло въ томъ, что никакой карциномы у васъ нѣтъ, да и на было. Вы приняли просто за ракъ нервную диспепсію.

Молодой врачъ стоялъ остолбенѣвшій передъ старымъ ученымъ.

— И диспепсія у васъ уже почти прошла, вотъ причина возвращенія аппетита, уничтоженія болей и прочее. Вы не волнуйтесь, не одни вы въ подобныхъ случаяхъ ошибались, признаки болѣзней почти тождественны. У васъ сильная натура, а потому диспепсія прошла почти незамѣтно. Мой совѣтъ отдохнуть здѣсь недѣли двѣ, полечитесь за это время массажемъ, а главное, спите и спите больше, а затѣмъ можете спокойно ѣхать обратно къ своимъ больнымъ, но впредь нервную диспепсію не смѣшивайте съ карциномой,—шутливо добавилъ профессоръ,—а теперь до свиданія, молодой коллега, меня ждутъ другіе больные.

Если бы ударъ грома внезапно разразился надъ головою Эверецкаго, то онъ не такъ былъ бы пораженъ, какъ въ данную минуту. Не помня себя, вышелъ онъ точно въ чаду изъ кабинета ученаго и направился въ свою гостинницу. Двойственное чувство волновало его: ему въ одно и то же время хотѣлось и плакать, и радоваться.

Онъ будетъ жить! Вотъ три слова, въ которыхъ сосредоточивались въ настоящее время его счастіе, его радость. Старый профессоръ не могъ ошибиться въ своемъ діагнозѣ, это вполнѣ сознавалъ Глѣбъ Аѳанасьевичъ.

Ему дана возможность снова жить! Но тутъ радостное чув- его прерывалось невольной думой:

Жить одному, безъ Груни»!—и грустная дѣйствительность, кому не нужное самопожертвованіе и непоправимыя по- вія отъ него мѣшали его внутреннему міру радоваться

избавленію отъ смерти. Онъ спасенъ, но Груня навсегда для него погибла, это онъ зналъ и жестоко страдалъ отъ этой мысли, обвиняя себя въ необдуманномъ поступкѣ, въ излишней мнительности и предусмотрительности. Что же теперь дѣлать, что предпринять? Возвращенная ему жизнь не радовала его больше, его счастіе погибло, разбитое его же собственными руками.

Придя въ свою комнату, онъ упалъ ничкомъ на кровать и, уткнувъ лицо въ подушку, началъ тяжело рыдать. Прояснившійся на минуту горизонтъ снова закрылся для него мрачными тучами, несущими несчастіе и горе.

На другой день поѣздъ везъ обратно въ Россію страдающаго душою доктора.

XIX.

Куда ему ѣхать — онъ и самъ не зналъ. Возвращаться въ Петербургъ онъ не думалъ.

Скоро почтовый поѣздъ повезъ его черезъ Львовъ на Волочискъ. Приближаясь все ближе и ближе къ границѣ, Глѣбъ Аѳанасьевичъ испытывалъ странное томленіе, какое-то болѣзненное желаніе хотя еще разъ увидѣть ту, которая такъ недавно носила его имя. Не отдавая себѣ отчета, что онъ дѣлаетъ, Эверецкій изъ Волочиска взялъ себѣ билетъ въ Одессу, съ тѣмъ, чтобы съ первымъ отходящимъ пароходомъ уѣхать въ Крымъ.

На одной изъ узловыхъ станцій, гдѣ приходилось пересаживаться, шла всенощная. На другой день было воскресенье, и на небольшой степной станціи, отдаленной отъ церкви, справляли всенощную службу здѣсь же, въ залѣ перваго класса. Молодой, высокій священникъ чинно говорилъ возгласы, а хоръ пѣвчихъ, изъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, подъ управленіемъ телеграфиста, довольно стройно пѣлъ.

Давно не бывалъ Глѣбъ Аѳанасьевичъ у церковной службы. Несмотря на то, что самъ онъ былъ сынъ священника, обрядная сторона религіи мало интересовала его, міръ духовенства слишкомъ близко былъ ему знакомъ, чтобы онъ могъ сохранить иллюзію. Теперь же необычная обстановка временнаго храма, усердно молящаяся небольшая горсть служащихъ, слабый запахъ ладона, свѣчи, горящія передъ иконами, все это напомнило ему о чемъ-то давно минувшемъ, пахло тѣмъ чуднымъ временемъ дѣтства, когда онъ, еще ребенкомъ, подавалъ кадило своему покойному отцу, внимательно слѣдя за совершающимся богослуженіемъ.

— Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ! — провозгласилъ священникъ, и пѣвчіе запѣли великое славословіе. Въ залѣ стало тихо, всѣ безмолвно молились. Задумался и Эверецкій

молиться онъ не могъ, но какое-то чувство спокойствія вдругъ проникло ему въ душу. Какимъ маленькимъ, какимъ ничтожнымъ показался онъ самъ себѣ передъ тою невидимой силой, передъ Творцомъ, Которому здѣсь сейчасъ возносили моленіе.

Онъ очнулся когда служба отошла, сторожа ставили на мѣста скамейки и столы, съ платформы донесся громкій свистокъ дежурнаго паровоза. Первый звонокъ, извѣщавшій, что поѣздъ вышелъ съ ближайшей станціи, прозвонилъ. Скоро докторъ ѣхалъ дальше, но всенощная на долго осталась въ его памяти.

Полурусская Одесса, со своимъ чисто-европейскимъ складомъ жизни, понравилась пріѣзжему.

Эверецкій, отъ нечего дѣлать, побродилъ по ея чистымъ улицамъ. Въ гостинницѣ, гдѣ онъ остановился, было не много постояльцевъ. Корридоръ отдѣльнаго флигеля былъ полонъ пустыми нумерами.

За стѣною, въ сосѣдней комнатѣ, слышались шаги и изрѣдка старческій кашель.

Глѣбъ Аѳанасьевичъ вышелъ въ корридоръ. Одновременно отворилъ дверь и сосѣдъ. Показавшійся въ дверяхъ комнаты старичекъ, увидя Эверецкаго, бросился къ нему.

Это былъ его старый профессоръ Силантій Яковичъ Форестовъ.

Глѣбъ Аѳанасьевичъ несказанно обрадовался встрѣчѣ. Форестовъ тоже ѣхалъ на двѣ недѣли отдохнуть въ Ялту. Мысль имѣть такого прекраснаго спутника заставила Эверецкаго быть довольнымъ препятствіемъ, остановившимъ его на день въ Одессѣ.

— Гдѣ мы съ вами встрѣчаемся,—мягко замѣтилъ старичекъ, въ то время, какъ лучистые глаза его привѣтливо смотрѣли на бывшаго ученика,—давно ли мы съ вами на Царскосельской дорогѣ видѣлись!

Бываютъ иногда минуты, когда человѣческая природа сама требуетъ, ищетъ кого-нибудь, съ кѣмъ можно было бы подѣлиться своимъ горемъ, даже радостью. Подобное чувство испытывалъ въ настоящее время и Эверецкій. Онъ искалъ общенія съ близкимъ ему человѣкомъ. Они вошли въ комнату Глѣба. Не долго думая, послѣдній разсказалъ Форестову исторію своей болѣзни, такъ неожиданно осложнившуюся и испортившую его жизнь.

Старый профессоръ выслушалъ внимательно грустную повѣсть своего бывшаго ученика. Сѣдая голова Форестова, подпертая имъ кистью руки, съ сожалѣніемъ покачивалась изъ стороны въ сторону.

— И вотъ,—закончилъ молодой врачъ,—какъ путникъ, потерявшій дорогу, стоитъ на распутьи, не зная куда ему идти, и я потерялъ свой путь. Что дѣлать, что предпринять?

Форестовъ посмотрѣлъ внимательно на Эверецкаго, положилъ свою руку ему на плечо и мягко произнесъ:

— Все въ жизни проходитъ, и радость и печали, самыя запутанныя и невозможныя положенія приходятъ въ порядокъ. Сегодня уже поздно,—продолжалъ Форестовъ, взглянувъ на часы,—я усталъ съ дороги, да и вамъ, еще не окрѣпшему отъ болѣзни, хорошо бы пораньше завалиться спать, а завтра, на пароходѣ, кто намъ мѣшаетъ продолжать нашъ разговоръ.

Силантій Яковлевичъ попрощался съ докторомъ и ушелъ въ свою комнату. Долго еще Эверецкій слышалъ, какъ онъ ворочался на своей кровати.

Пароходъ отходилъ на другой день не рано. Глѣбъ Аѳанасьевичъ проспалъ долго, онъ проснулся только часовъ въ одиннадцать и воспользовался остающимися у него часами до отхода парохода, чтобы осмотрѣть Одессу. Еще долго до отъѣзда онъ явился на пароходъ. Комфортабельно устроенный, онъ понравился ему. Эверецкій первый разъ ѣхалъ по морю. Оживленіе, царствовавшее на молѣ, толпа биндюжниковъ, несущихъ и подвозящихъ товаръ къ паровому крану, уносящему въ нѣдра судна груды ящиковъ и тюковъ, покрикиванье агентовъ и пароходной прислуги на работающихъ—вся эта картина готовящагося къ отплытію судна заинтересовала доктора на столько, что онъ и не замѣтилъ, какъ прошло время. Громкій ревъ сирены, замѣняющій здѣсь желѣзнодорожные свистки, привлекъ на бортъ парохода пассажировъ. Послѣ второго сигнала явился и Форестовъ.

Вся верхняя палуба покрылась багажемъ ѣдущихъ. Масса публики, столпившейся на пароходѣ, стѣсняла движеніе для прибывавшихъ все больше и больше новыхъ пассажировъ.

Скоро «В. К. Ксенія» отошелъ отъ мола, оставляя за собой бѣлый слѣдъ трала на темной поверхности Чернаго моря.

Понемногу молъ съ толпою махающей платками публики сталъ все уменьшаться. Высоко стоящія зданія красавицы Одессы одни еще долго вырѣзывались на свѣтломъ фонѣ безоблачнаго октябрьскаго дня, пока наконецъ и они не потонули въ морѣ.

Аппетитъ у обѣдающихъ, благодаря отсутствію качки, былъ прекрасный, настроеніе за столомъ царило веселое. Развеселился и Эверецкій, это замѣтилъ его сосѣдъ Форестовъ и съ удовольствіемъ посмотрѣлъ на него.

— Ну, теперь мы можемъ и поболтать опять, если хотите,— предложилъ Силантій Яковлевичъ своему бывшему ученику,—вечеръ прекрасный, подымемся на палубу.

На кормѣ подъ тентомъ сидѣло уже цѣлое общество. Выбравъ себѣ укромный уголокъ, пріятели усѣлись на скамейкѣ около методически вертящагося трала.

Форестовъ закурилъ сигару и предложилъ другую Глѣбу, но послѣдній отказался.

— Вы вотъ, Глѣбъ Аѳанасьевичъ,—началъ профессоръ,—теперь сѣтуете на себя, вините себя въ необдуманномъ шагѣ, но если бы кто-нибудь мѣсяцъ тому назадъ предупредилъ васъ, развѣ вы повѣрили бы, развѣ вы уничтожили бы вашъ планъ, ведущій, по вашему пониманію, къ благополучію любимой вами женщины? Напротивъ того, вы скрывали отъ всѣхъ ваши намѣренія, предупредительно разыгрывали изъ себя развратника, только чтобы никто не могъ заподозрѣть васъ въ неискренности, въ желаніи выказать себя не тѣмъ, чѣмъ вы есть въ дѣйствительности, не правда ли?

Эверецкій молча согласился съ Форестовымъ, кивнувъ головою въ подтвержденіе.

— А затѣмъ, забывая, что грязь эта отчасти должна пасть и на вашу, ни въ чемъ неповинную жену,—продолжалъ одушевляясь старикъ,—однимъ словомъ, вы хотѣли быть выше той таинственной силы, которая всѣми нами повелѣваетъ, направляетъ всѣ наши помыслы—выше Бога.

Эверецкій вздрогнулъ...

— Вы забыли въ своемъ самомнѣніи, что всѣ ваши старанія, ухищренія, планы—все ничто передъ Нимъ. Въ нихъ сказалась ваша гордость, ваше желаніе идти противъ Его мудрыхъ начертаній и велѣній. Сказалось ваше невѣріе въ Его чудный Промыслъ, въ Его благость и милость къ человѣку, и вотъ вы наказаны.

Глѣбъ Аѳанасьевичъ все съ возрастающимъ изумленіемъ слушалъ своего стараго учителя. Послѣдній не ободрялъ его какъ вчера, а напротивъ громилъ, осуждалъ. Въ наболѣвшей груди молодого доктора гдѣ-то глубоко отозвалось робкое соглашеніе со словами старика.

Форестовъ давно замолчалъ, а Эверецкій продолжалъ анализировать въ умѣ свое прошлое, всѣ свои ошибки, всѣ недостатки, такъ жестоко въ настоящее время ему отплачиваемые.

— Да,—прошепталъ онъ,—я согласенъ съ вами, Силантій Яковлевичъ, — я виноватъ во всемъ, но теперь уже поздно сожалѣть, моей ошибки исправить нѣтъ возможности.

Южная ночь спустилась надъ моремъ, луны не было видно, но звѣзды серебряными, блистающими точками усѣяли темный куполъ неба. Море было спокойно, легкая зыбь покачивала корпусъ парохода. Подъ тентомъ перваго класса велись тихіе разговоры, съ носу изъ третьяго слышался неизмѣнный припѣвъ имеретинцевъ и гурійцевъ:

— Вай-вай! — уныло звучащій среди ночной тишины. Блес[illegible] краснымъ глазомъ Тарханкутъ и погасъ во мглѣ; проле[illegible] легкій порывъ вѣтра, пропѣлъ въ снастяхъ и умчался [illegible]. Стало прохладнѣе на палубѣ. Пассажиры зашли въ ку[illegible] второго класса, разговоры не прекращались. Въ присут[illegible] посторонних ни Форестовъ ни Эверецкій возобновлять

своего разговора не стали, хотя тотъ и другой желали передать еще кое-что одинъ другому. Вечеръ быстро промелькнулъ; довольно поздно разошлись пассажиры по койкамъ. Евпаторію всѣ почти проспали; въ Севастополѣ, куда пароходъ пришелъ утромъ, Глѣбъ Аѳанасьевичъ вмѣстѣ съ Форестовымъ отправились осмотрѣть Малаховъ курганъ и даже успѣли съѣздить въ Херсонесъ.

Тихій курганъ, въ противоположность когда-то господствующему здѣсь грохоту битвы, свисту ядеръ и хрипѣнію умирающихъ, произвелъ странное впечатлѣніе на молодого врача.

— Вотъ вамъ примѣръ,—пришелъ къ нему на помощь Силантій Яковлевичъ.—Сколько страстей, сколько вражды было когда-то проявлено на этихъ мѣстахъ массою людей, спящихъ мирно теперь въ землѣ. И все это исчезло, прошло, Божья воля снова свела обѣ націи, еще крѣпче сдружила ихъ между собою...

На Братское кладбище они не успѣли съѣздить, нужно было спѣшить на пароходъ, скоро отходившій дальше, въ Ялту.

Погода еще въ Севастополѣ начала измѣняться, небо покрылось тучами, подулъ вѣтеръ, но когда «В. К. Ксенія» вышла въ открытое море, волненіе усилилось, пароходъ начало сильно качать. Перебрасываемый съ волны на волну, онъ то поднимался на гору, то летѣлъ въ темную пучину. Почти всѣ пассажиры заболѣли морской болѣзнью, отовсюду послышались стоны, койки наполнились больными. Сколько ни крѣпился Эверецкій, но въ концѣ концовъ и онъ слегъ. Вѣтеръ все усиливался и усиливался. Волны хлестали черезъ бортъ.

Слабый, послѣ недавней болѣзни, Глѣбъ Аѳанасьевичъ очень страдалъ, порою ему казалось, что вѣнскій клиницистъ ошибся и что карцинома дѣйствительно гнѣздится въ его желудкѣ. Рвота, не унимающаяся ни на минуту, сильныя боли въ желудкѣ точно подтверждали его предположеніе. Онъ, полный сомнѣнія и отчаянія, катался по своей койкѣ, сдерживая крики отъ боли. Ему казалось, что еще одна, другая минута и его душа разстанется съ тѣломъ. Лежащіе вокругъ на другихъ койкахъ больные страдали не меньше, чѣмъ онъ, но онъ считалъ свое положеніе гораздо худшимъ.

Невольно, подъ впечатлѣніемъ страданій, у него вырвалась молитвенная фраза, давно уже чуждая его устъ.

— Господи, помилуй!

И съ этой минуты мысли его начали принимать другое направленіе; его гордость, его увѣренность только въ самомъ себѣ начала колебаться, вѣра, что Богу возможно все, стала укрѣпляться въ его истомленной душѣ, и подъ этимъ новымъ впечатлѣніемъ онъ успокоился и забылся.

Буря стала стихать. Пароходъ, все еще вскидываемой волнами, быстро проскользнулъ мимо Ай-Тодорскаго маяка и скоро вошелъ въ Ялтинскую бухту.

Измученные этимъ короткимъ переѣздомъ, блѣдные отъ не-

ренесенной ими морской болѣзни, пассажиры рады были поскорѣе выйти на берегъ, покинувъ свой коварный плавучій экипажъ.

Форестовъ, меньше чѣмъ другіе пострадавшій отъ качки, отыскалъ все еще лежащаго въ койкѣ Эверецкаго и помогъ ему выбраться на берегъ.

Центральная гостинница, гдѣ они оба остановились, въ это время года представляла собою не особенно дорогое помѣщеніе.

Необходимо было отдохнуть отъ тяжелаго пути, успокоиться и тогда уже отыскивать Груню съ ея новымъ мужемъ. Такъ Глѣбъ Аѳанасьевичъ и предположилъ поступить, но все-таки раньше желалъ переговорить и посовѣтоваться съ Форестовымъ.

Дождливая погода опять смѣнилась солнечнымъ днемъ, и если бы не бѣлые гребни волнъ, съ шумомъ разбивающихся о набережную Ялты, можно было подумать, что только-что пережитая пассажирами «В. К. Ксеніи» буря была плодомъ ихъ воображенія. Сразу стало тепло и на залитой набережной Ялты снова показались роскошно одѣтыя дамы.

Немного оправившись отъ усталости, Эверецкій вмѣстѣ съ Форестовымъ вздумали пройтись по Невскому проспекту Ялты— набережной. Сезонъ виноградного леченія уже кончался, но пріѣзжихъ было еще много. Съ расшитой золотомъ грудью стояли молодые красавцы-проводники у входовъ въ «Россію» и «Францію», громко споря между собою на своемъ языкѣ, ожидая желающихъ ѣхать въ горы дамъ. Торговцы фруктами выставили всевозможные дары южнаго берега, недалеко около входа въ Мордвиновскій паркъ помѣстился кавказецъ, продающій кизилевые палки, на которыхъ онъ искусно выколачивал затѣйливые узоры. Щегольскіе фаэтоны съ пружинными подуш каміи точно приглашали желающихъ въ нихъ прокатиться Солнце уже садилось, золотя послѣдними лучами крестъ Ялтинской церкви и играя въ окнахъ роскошныхъ магазин когда пріятели вышли изъ гостинницы. Стало свѣжѣе, ущелій горъ потянуло легкой сыростью. Кое-гдѣ по горам чали засвѣчаться огоньки въ домикахъ.

Слѣдующій день они провели вмѣстѣ, но утромъ тр дня Форестовъ распрощался со своимъ бывши никомъ и отправился въ «профессорскій уголокъ», пригласилъ одинъ изъ его товарищей.

Эверецкій, оставшись одинъ, рѣшился приняться Притынскихъ.

Однимъ изъ первыхъ мѣстъ, куда задумал торъ—былъ Гурзуфъ; болѣе всего было вл до обожанія Груню Яковъ Гордѣевичъ на но въ „ученый уголокъ для ихъ м дальше. Стало диколѣпном рилку второго класс веро- ствіи постороннихъ

[illegible] Эверецкій по-
[illegible] зался безлюд-
[illegible] ра, сразу опах-
[illegible] ся его глазамъ
[illegible] подавленнымъ
[illegible] каменную ска-
[illegible] ся въ раздумье.
[illegible] ними грустными
[illegible] умомъ морскихъ
[illegible] ромъ тонѣ. Без-
[illegible] вка, все это рас-
[illegible] лъ докторъ, за-
[illegible] ре, мечтая и на-
[illegible] дти спать. Вися-
[illegible] ся десять ударовъ.
[illegible] молвнаго уединенія
[illegible] каться собаки. Глѣбъ
[illegible] стряхнуть съ себя
[illegible] ного времени, и онъ
[illegible] верецкій пошелъ изъ
[illegible] ъ дому на горѣ. Свою
[illegible] ть до полудня, раньше
[illegible] паркомъ, еще разъ при
[illegible] пришелъ на покинутое
[illegible] го не было видно, уеди-
[illegible] йно, на ровномъ его про-
[illegible] мокъ пароходовъ и виднѣ-
[illegible] стыхъ вѣтвяхъ кустарника
[illegible] ки. Солнце мягко ласкало
[illegible] елтѣющіе листья орѣшника.
[illegible] солнцу, весело порхали по
[illegible] гъ, весь углубившись въ со-
[illegible] даже осенью не теряющаго
[illegible] нія.
[illegible] ціе, — съ досадою прошепталъ
[illegible] и по усыпанной мелкимъ кам-

[illegible], кто-то легко спускался изъ верх-
[illegible] ду кустовъ на поворотѣ аллеи
[illegible] окторъ отвернулся лицомъ къ морю,
[illegible] й взоръ гуляющей.
[illegible] ство заставило его обернуться въ
[illegible] ходившей дамы послышались около
[illegible] сидѣлъ.
[illegible] ырвался у нихъ обоихъ. Передъ нимъ
[illegible] жена, до сихъ поръ любимая имъ

Разговорясь съ извозчикомъ, онъ узналъ, что около деревни Никиты имѣется еще поселокъ, гдѣ охотно селятся пріѣзжіе, но и здѣсь оказалось то же самое. Притынскихъ никто не зналъ. Возвратясь въ Ялту, Эверецкій нашелъ въ гостинницѣ на свое имя письмо отъ Форестова, въ которомъ послѣдній увѣдомлялъ его, что въ «профессорскомъ уголкѣ» Притынскихъ тоже нѣтъ. Эверецкій терялся въ догадкахъ.

— Поѣду теперь въ Мисхоръ, Симеизъ и Алупку,—рѣшилъ Эверецкій, и съ послѣднимъ отходящимъ вечеромъ дилижансомъ отправился въ Алупку, чтобы переночевать тамъ и рано утромъ ѣхать въ близь лежащій Симеизъ. Въ дилижансѣ кромѣ него никого не было. Темная, ничѣмъ не освѣщенная дорога навѣвала тоску. Было совсѣмъ темно, когда кондукторъ высадилъ своего одинокаго пассажира у большой меблированной дачи, гдѣ отдавались комнаты. Эверецкій поднялся за заспанной служанкой въ третій этажъ. Былъ еще девятый часъ вечера, спать Глѣбу Аѳанасьевичу не хотѣлось, онъ вышелъ на веранду, тянувшуюся вдоль всего зданія, стоящаго высоко на горѣ.

Чудная картина предстала передъ его глазами. Полная луна мягко освѣщала окрестности, темныя купы кипарисовъ, точно безмолвные стражи, недвижно вырисовывались на темномъ фонѣ неба. Ниже, по склонамъ горы, ютились неясныя очертанія строеній, кое-гдѣ виднѣлись въ окнахъ огоньки. Съ татарскаго базара неслись заунывныя мелодіи чала *), этого неизмѣннаго спутника всѣхъ татарскихъ свадебъ.

Еще ниже, за вершинами Воронцовскаго парка, вода плескалась о берегъ моря, переливаясь золотомъ подъ тихимъ свѣтомъ луны. Ночь, несмотря на октябрь, стояла теплая. Съ нижней веранды доносился женскій смѣхъ и веселый разговоръ жильцовъ. Было тихо. Воздухъ, по обычаю юга, былъ пропитанъ запахомъ чеснока и чехерчмы. Докторъ не могъ сдержать своего восхищенія при видѣ подобной феерической обстановки, и снова спустившись внизъ, отправился по узкимъ улицамъ и переулкамъ мѣстечка. Бѣлый минаретъ мечети привелъ его къ спуску въ паркъ, какъ ему указали прохожіе, и Глѣбъ Аѳанасьевичъ смѣло побрелъ по пустыннымъ дорожкамъ этого любимаго дѣтища покойнаго Воронцова. Незнакомому съ дорогой Эверецкому предстояло много шансовъ заблудиться, но онъ брелъ чуть не ощупью подъ темною стѣною великановъ-магнолій, лавровъ и платановъ; руководствуясь скорѣе звукомъ своихъ шаговъ по мелькому камню дорожекъ, онъ сознавалъ, что не зашелъ въ кустарникъ и не сбился съ аллей. Луна узкой полосою кое-гдѣ сквозь листья деревьевъ и кустовъ прорѣзывала мракъ, царящій на аллеяхъ. Тихое журчаніе фонтановъ и водоемовъ довершало очарованіе этого чудного уголка.

По усиливающемуся все громче и громче шуму прибоя, и по

*) Туземный оркестръ.

идущимъ къ низу подъ его шагами дорожкамъ Эверецкій понялъ, что онъ приближается къ морю. Паркъ казался безлюднымъ въ этотъ поздній часъ. Соленый запахъ моря, сразу опахнувшій доктора, и видъ его самого, открывшійся его глазамъ при поворотѣ, заставили Эверецкаго остановиться, подавленнымъ величіемъ вида. Глѣбъ Аѳанасьевичъ сѣлъ на каменную скамейку подъ большимъ платаномъ и погрузился въ раздумье. Слабо доносящіеся сюда звуки свадебнаго чала, своими грустными мелодіями, аккомпанируемые однообразнымъ шумомъ морскихъ волнъ, снова настроили Эверецкаго въ минорномъ тонѣ. Безлюдный, громадный паркъ, поэтическая обстановка, все это располагало его къ мечтанію. Довольно долго сидѣлъ докторъ, задумчиво смотря на бьющееся около него море, мечтая и наслаждаясь чудною ночью. Ему не хотѣлось идти спать. Висящія во дворѣ дворца часы громко пробили десять ударовъ. Звуки металла рѣзко прозвучали среди безмолвнаго уединенія парка. Далеко на предгорьѣ начали перекликаться собаки. Глѣбъ Аѳанасьевичъ задремалъ. Тщетно стараясь стряхнуть съ себя дремоту, онъ чувствовалъ, что еще немного времени, и онъ сладко заснетъ здѣсь на скамейкѣ. И Эверецкій пошелъ изъ сада, направляясь къ давшему ему пріютъ дому на горѣ. Свою поѣздку въ Симеизъ утромъ онъ отложилъ до полудня, раньше онъ хотѣлъ полюбоваться Алупкинскимъ паркомъ, еще разъ при дневномъ свѣтѣ, и рано на другой день пришелъ на покинутое имъ вчера мѣсто. Гуляющихъ еще никого не было видно, уединеніе было полное, море лежало спокойно, на ровномъ его просторѣ далеко на горизонтѣ синѣлъ дымокъ пароходовъ и виднѣлись паруса рыбачьихъ лодокъ. Въ густыхъ вѣтвяхъ кустарника чирикали оставшіяся зимовать птички. Солнце мягко ласкало и глянцовитую листву магнолій, и желтѣющіе листья орѣшника. Позднія бабочки, обрадовавшіяся солнцу, весело порхали по аллеямъ. Глѣбъ Аѳанасьевичъ сидѣлъ, весь углубившись въ созерцаніе красотъ южнаго берега, даже осенью не теряющаго своихъ яркихъ красокъ и очарованія.

— Ну, вотъ и ранніе гуляющіе, — съ досадою прошепталъ онъ, услыхавъ еще далекіе шаги по усыпанной мелкимъ камнемъ аллеѣ.

Шаги слышались все ближе, кто-то легко спускался изъ верхней части сада къ морю. Между кустовъ на поворотѣ аллеи мелькнуло свѣтлое платье. Докторъ отвернулся лицомъ къ морю, не желая видѣть любопытный взоръ гуляющей.

Но какое-то странное чувство заставило его обернуться въ ту минуту, когда шаги проходившей дамы послышались около скамейки, на которой онъ сидѣлъ.

Одновременный крикъ вырвался у нихъ обоихъ. Передъ нимъ стояла Груня, его бывшая жена, до сихъ поръ любимая имъ женщина.

да къ тому же открыть тебѣ свою болѣзнь — я зналъ, что ты тогда бы никогда не согласилась на нашъ разводъ...

Глаза Груни широко раскрылись, она начала понимать ясно все самоотверженіе Эверецкаго, его жертву ради нея.

— Глѣбъ, — вскричала молодая женщина, — такъ бракъ мой съ Яковомъ Гордѣевичемъ устроилъ ты?

Докторъ только слабо кивнулъ головой въ подтвержденіе, онъ былъ не въ силахъ сказать слова.

Притынская, рыдая, опустила голову на колѣни. Ясное понятіе о времени, мѣстѣ, все исчезло изъ ея памяти, она была близка къ обмороку. Глѣбъ, видя ея блѣдность и слезы, быстро сбѣжалъ къ водоему и зачерпнулъ полную шляпу холодной, какъ ледъ, воды и намочилъ голову Груни. Минуту спустя, она пришла въ себя. Кризисъ разразился нервнымъ припадкомъ.

Эверецкій благодарилъ судьбу, что никого изъ гуляющихъ не было въ это время вблизи аллеи, гдѣ они сидѣли, иначе взволнованный видъ доктора и рыданія молодой женщины могли бы подать поводъ къ сплетнямъ въ такомъ маленькомъ мѣстечкѣ, какъ Алупка.

— Гдѣ я?—оглядываясь кругомъ, спросила Агриппина Богдановна, когда припадокъ миновалъ, но замѣтивъ стоящаго передъ ней Эверецкаго, заботливо смачивающаго ея виски водою, все вспомнила и снова тихія слезы полились у нея изъ глазъ. Немного успокоившись, она просила Глѣба продолжать.

— Въ Вѣнѣ оказалось, что рака у меня не было, и что я самъ и другой врачъ, осматривавшій меня, ошиблись. Благодаря этой роковой ошибкѣ—я теперь страдаю и ежечасно проклинаю свою неосмотрительность и свое сознаніе, что человѣкъ самъ можетъ устроить свою судьба.

Груня безнадежно вздохнула и прошептала:

— Да, мы разъединены безповоротно навсегда.

— Знаю, что исхода нѣтъ.

— Обманывать того благороднаго человѣка, который подалъ мнѣ руку помощи, связавъ свою судьбу съ моею, я считаю нечестнымъ и никогда не рѣшусь на это!—съ негодованіемъ произнесла Притынская.

— А я, ты думаешь, согласился бы самъ на этотъ шагъ!— также подтвердилъ Эверецкій.

— Но что же дѣлать, что дѣлать! — шептала молодая женщина, ломая руки.

— Покориться волѣ Творца и терпѣливо нести назначенный крестъ.

Груня съ изумленіемъ взглянула на собесѣдника, такія рѣчи въ устахъ Глѣба были для нея новостью.

— Не изумляйся, болѣзнь и перенесенное мною горе измѣнили мое міровоззрѣніе.

— Слушай, Глѣбъ, я не могу, не смѣю скрыть отъ Якова

Гордѣевича ни нашей встрѣчи, ни того, что ты мнѣ разсказалъ.

Эверецкій задумался.

— Говори все, нечестнаго въ этомъ свиданіи моемъ съ тобою нѣтъ,—спокойно рѣшилъ онъ,—намъ нужно навсегда разстаться, разлука и время заставятъ насъ обоихъ меньше страдать.

Груня упала въ его распростертыя руки. Разведенные супруги страстно обнялись.

— Прощай, дорогая, — беззвучно говорилъ докторъ, крестя ее рукою.

Груня продолжала плакать, говорить она не могла, и, схвативъ крестившую ее руку Глѣба, жарко прильнула къ ней губами.

— Сегодня же вечеромъ я уѣду въ Ялту, а завтра обратно моремъ въ Одессу, — сказалъ самъ себѣ Эверецкій, провожая глазами медленно поднимающуюся въ гору Груню, нѣсколько разъ оборачивающуюся лицомъ къ нему.

Онъ еще не долго оставался на скамьѣ. Разсѣянный взглядъ его остановился на лежащемъ на дорожкѣ голубомъ бантикѣ отъ платья Агриппины Богдановны. Онъ стремительно поднялъ его, благоговѣйно поцѣловалъ и спряталъ въ бумажникъ. Кромѣ карточки Груни, сохраненной имъ послѣ развода, этотъ случайно оборвавшійся бантикъ будетъ вѣчно спутникомъ его жизни.

«Жизни,—усмѣхнулся онъ про себя,—развѣ я теперь живу, развѣ возможна жизнь безъ солнца—а мое солнце—Груня»!

Вдали начали показываться фигуры гуляющихъ и лечащихся виноградомъ, и Эверецкій, тихо поднявшись со скамьи, задумчиво отправился на почтовую станцію, чтобы своевременно оставить себѣ мѣсто въ дилижансѣ, идущемъ сегодня вечеромъ въ Ялту.

Груня шла по аллеямъ парка, направляясь къ гостинницѣ Россе, гдѣ они жили.—Что она будетъ говорить Якову Гордѣевичу? Вотъ мысль, овладѣвшая ею всецѣло въ эту минуту; самое свиданіе съ Эверецкимъ, радость по поводу его—все это отошло на второй планъ. Когда она подошла къ гостинницѣ, ее объялъ ужасъ, что, вмѣсто словъ, она упадетъ передъ мужемъ на колѣни и зарыдаетъ, и она сознавала, что это могло съ нею легко произойти. Скрѣпя сердце, она, нервно вздрагивая, поднялась по лѣстницѣ и быстро вошла въ свою комнату. Въ ней и въ сосѣдней Якова Гордѣевича не было. Груня съ изумленіемъ оглянулась вокругъ, и, позвонивъ дѣвушку, спросила объ отсутствующемъ мужѣ.

— Они еще давече, рано утромъ, уѣхали съ рыбаками въ море,—отвѣчала прислуга. — Молодая женщина вздохнула свободно, у ней оставалось время, чтобы приготовиться къ встрѣчѣ съ мужемъ. Желая отдохнуть отъ пережитаго ею сегодня волненія и успокоиться, Груня легла на диванъ и пыталась заснуть, но сонъ настойчиво убѣгалъ отъ нея.

цѣли разстроить начинавшую окрѣпляться ихъ взаимную симпатію другъ къ другу.

— Напрасно еще вы его не утѣшили, — злорадно сказалъ онъ женѣ,—послѣ всего дурного, что онъ вамъ сдѣлалъ!

Груню поразилъ тонъ мужа, до сихъ поръ она не слышала отъ него ничего подобнаго.

— Зачѣмъ быть несправедливымъ!—тихо возразила молодая женщина.

Яковъ Гордѣевичъ быстро спохватился, онъ видѣлъ, что его рѣзкая фраза дурно повліяла на жену.

Груня задумчиво посмотрѣла на мужа и начала тихо, неспѣша, хотя внутренно и волнуясь, разсказывать Притынскому всю исторію безцѣльнаго самоотверженія доктора.

Яковъ Гордѣевичъ внимательно ее слушалъ. По мѣрѣ того, какъ она подходила къ концу, взоръ его изъ яснаго дѣлался все туманнѣе. Каждая ея фраза, даже слово сквозили любовью къ Глѣбу Аѳанасьевичу, еще сильнѣе разгорѣвшеюся, послѣ того, какъ она узнала объ его поступкѣ, рѣшиться на который едва ли могъ кто другой. Притынскій ясно видѣлъ, какъ надежда его на взаимность Груни все таяла и таяла.

Едва удерживаясь отъ просящихся на его глаза слезъ, онъ, по окончаніи разсказа жены, закрылъ руками лицо и задумался. Жизнь трехъ людей разбита, выхода нѣтъ. Продолжать жить съ Груней по прежнему, теперь, когда на нее имѣлъ гораздо больше правъ ея первый, разведенный мужъ, своимъ поступкомъ снова завоевавшій ея сердце—было бы нечестно, и только бы служило жалкою цѣпью, удерживающей ихъ обоихъ противъ желанія, усиливая ненависть Груни къ нему.

Уступить ее снова Эверецкому—это было выше силъ Якова Гордѣевича! Что же предпринять, на что рѣшиться!

Молчаніе между супругами продолжалось довольно долго, пока Притынскій, поднявшись со стула, не началъ нервно ходить по комнатѣ. Груня испуганно на него взглянула.

— Что же вы намѣрены теперь дѣлать?—стараясь казаться спокойнымъ, спросилъ жену Притынскій. Видно было, что на этотъ вопросъ онъ употребилъ не мало самообладанія. Груня вздрогнула отъ звука его голоса, до того чужимъ показался онъ ей, и вопросительно поглядѣла на мужа.

— Да, какъ вы теперь поступите? — немного измѣнилъ онъ форму вопроса.

Груня пожала плечами.

— Я ваша жена, вотъ все, что могу вамъ я отвѣтить, — глухо сказала молодая женщина.

Притынскій грустно усмѣхнулся.

— Да, по бумагамъ вы состоите ею, но развѣ вы отдали мнѣ э сердце, развѣ чувствовали ко мнѣ когда нибудь привязанность?—Онъ страстно ждалъ хоть одного слова, одного знака

съ ея стороны, могущихъ подтвердить ему противное, но этого не было, Груня сконфуженно молчала.

Притынскій не могъ болѣе сомнѣваться: ея сердце не билось для него, въ немъ не было даже слѣда симпатіи къ нему, не говоря о любви.

— Вы молчите, значитъ, я не ошибся, быть вами любимымъ не было моимъ удѣломъ.

Яковъ Гордѣевичъ снова бросилъ взглядъ въ окно на море.

— Неужели никогда, Груня, вы не подумали обо мнѣ, какъ о человѣкѣ, готовомъ отдать вамъ все, даже жизнь. Неужели никогда не шевельнулась у васъ въ сердцѣ хотя искра чувства ко мнѣ?—продолжалъ онъ порывисто.

Агриппина Богдановна сознавала, что ей надо что нибудь отвѣтить, чѣмъ нибудь утѣшить этого неосчастливленнаго ея любовью человѣка, несмотря на то, что онъ ее вполнѣ заслужилъ. Ей стало вдругъ жалко Притынскаго.

— Не обижайте меня, Яковъ Гордѣевичъ, любить заставить себя нельзя, но моя искренняя благодарность къ вамъ, моя дружба никогда не измѣнятся. Я васъ уважаю, какъ добраго, великодушнаго человѣка и никогда не забуду того добра, что вы мнѣ сдѣлали.

Притынскій жадно внималъ словамъ Груни, тщетно стараясь уловить хоть въ ея мысляхъ искру чувства къ себѣ. Увы, все сказанное ею не радовало его. Онъ, какъ нищій, просилъ хлѣба, молилъ удѣлить ему капельку любви, а она, вмѣсто хлѣба, бросала ему камень. На что ему благодарность и дружба, онѣ не замѣнятъ любви, какъ не замѣнитъ хлѣба голодному камень.

— Яковъ Гордѣевичъ,—пробовала его успокоить Груня, видя отчаяніе и страданіе Притынскаго,—для чего всѣ эти разговоры, вѣдь я же не ухожу отъ васъ, я все же остаюсь вашей женой.

Яковъ Гордѣевичъ понималъ усилія жены его успокоить и цѣнилъ ихъ. Не желая продолжать тяжелой сцены, онъ, снова поборовъ себя, спокойно спросилъ:

— Глѣбъ Аѳанасьевичъ здѣсь еще?

— Да, но онъ уѣзжаетъ завтра утромъ съ тѣмъ, чтобы никогда болѣе со мной не встрѣчаться, — поспѣшила отвѣтить Груня, невольно забывая о назначенномъ ею свиданіи съ первымъ мужемъ завтра.

Притынскій, повидимому, успокоился немного, но голова его усиленно работала. Честная его натура сознавала несправедливость судьбы къ его бывшему сопернику, и онъ искалъ способа исправить эту ошибку и вознаградить его за все горе, имъ перенесенное ради той же женщины, которую они оба такъ сильно, такъ преданно любили.

Онъ соглашался, что любовь доктора къ Грунѣ была еще сильнѣе, еще самоотверженнѣе, судя по его поступку, чѣмъ его, Притынскаго.

Эверецкій, такъ страстно любя жену, ни на минуту не задумался отказаться отъ нея, разстаться съ нею на вѣки, разъ онъ сознавалъ, что этимъ онъ упрочиваетъ ея счастье, ея будущее существованіе... а онъ, Притынскій? Развѣ онъ сдѣлалъ что-нибудь подобное для нея, развѣ съ его стороны были жертвы, равныя предыдущей, нѣтъ, нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Въ такомъ случаѣ, какъ же онъ можетъ претендовать на ея любовь, сравнивать себя съ Глѣбомъ, никогда! Яковъ Гордѣевичъ, забывшись, сказалъ громко послѣднее слово.

Груня снова вздрогнула, она опять рѣшилась сказать н сколько словъ въ утѣшеніе мужу:

— Не волнуйтесь, Яковъ Гордѣевичъ, Глѣбъ завтра уѣд все войдетъ въ свою колею, все забудется.

Они оба чувствовали, какъ фальшиво звучатъ эти сло

— Вы отдохнете, Груня,—стараясь быть спокойнымъ, тилъ Притынскій,—вамъ нуженъ покой, а я пройдусь п

Груня съ благодарностью взглянула на мужа, больш могла выдержать, ея нервы были чрезмѣрно напряжен

— Пока, до свиданія, Груня, дорогая, безцѣнная. почему-то назвалъ ее такъ Притынскій, никогда до не позволявшій себѣ этого. Онъ поцѣловалъ ея р лалъ жестъ, точно желалъ обнять ее, но отстрани вышелъ въ корридоръ.

Груня съ недоумѣніемъ взглянула ему вслѣ на диванъ.

Легкій вѣтеръ съ моря, влетавшій въ откр налъ бѣлую кисейную занавѣску, стало значит На далекомъ горизонтѣ выползала изъ-за мо ная туча, поднимавшаяся все выше и вы наконецъ, собою солнце. Вѣтеръ не надолго вадуть, но уже съ большею силой. Далек молнія, прокатился отдаленный ударъ гр крупный дождь, перешедшій въ ливень. П лась, почернѣла и вся зарябилась отъ кр

Вѣтеръ пришелъ ливню на помощь, кой ураганъ, что начавшая уже дрем кровати, испуганная шумомъ дождя, вл черезъ открытое окно и поспѣшила его

Вѣтеръ все свирѣпѣлъ, волнуя море зеленою стѣною катились на берегъ, паркъ. Гроза умчалась, а ураганъ не лось зажечь огонь, въ комнатахъ стал

Точно вырвавшееся изъ плѣна чу море, грозя поглотить каждаго смѣль на берегъ и унести его въ пучину. М тавшій все кругомъ, дѣлалъ картину е нѣе. Въ корридорѣ было слышно, какъ женщины и дѣти, въ конюшняхъ ра

ржаніе лошадей, ревъ коровъ и [redacted] ки, смотри, не твою ли
шихъ день за ночь. Даже [redacted]
бури. Люди и животныя [redacted] вшейся прямо на берегъ,
Груня вдругъ вспомнила о [redacted] бака сразу узналъ лодку.
— Гдѣ онъ теперь, куда [redacted] воды на берегъ и опять
себѣ вопросы. Спросить [redacted] прибрежныхъ камняхъ пере-
по своимъ квартирамъ, [redacted] остовъ ея. Абабулла быстро
— Боже, спаси его!—[redacted] веревкою, чтобы новый валъ
инстинктивно.

Былъ ли подъ словомъ [redacted] ъ онъ, вытаскивая съ помощью
она сама не могла отдать [redacted] ку выше на берегъ.

Она вышла въ общій [redacted] огда показался обратно, въ ру-
Шатилова, вся въ смазк [redacted] гкая шапка, которую постоянно
освѣщала пустую комн [redacted] редалъ ее лишающейся чувствъ
— Вы не видали [redacted] мъ разведеннымъ мужемъ.
Антонины Нестеровны [redacted] ъ Гордѣевичъ утонулъ!—тихо про-

Немного успокоенны [redacted]
общила ей, что около [redacted] ыбаки, понимавшіе торжественность
встрѣтила его у входа [redacted]
дождь, но Притынскій [redacted] катились по ея лицу. Она страдала,
вымокнуть. [redacted] пувшаго человѣка, своею смертью дока-
— Но гдѣ же онъ [redacted] была его любовь къ ней.
Шатилова не м [redacted]
Стало кое-гдѣ [redacted]
прежнею силою [redacted]
что ярость его не [redacted]
мѣнилъ свое на [redacted]
облаковъ вдоль берега.

Конецъ первой части.

Въ комнатѣ [redacted]
полтора часа, [redacted]
нельзя было [redacted]
громадныя дерев [redacted]
Ливень снесъ [redacted]
даже нѣсколько [redacted]
гомъ все покр [redacted]
Купальню опр [redacted]
Дорожки [redacted]
стояла вся [redacted]
даже пѣшеход [redacted]
лые рвы [redacted]
Груня, [redacted]
по дорогам [redacted]
погибъ.
На б [redacted]
шенія, [redacted]
регъ л [redacted]
Гр [redacted]

— Не видали ли вы господина?—и она описала наружность Якова Гордѣевича.

Татары-рыбаки переглянулись, спросили другъ друга на своемъ языкѣ и отвѣтили Грунѣ:

— Мы не видали, а вотъ Абэбулла, что съ нимъ постоянно ѣздилъ въ море ловить рыбу, тотъ, кажется, его видѣлъ, онъ сейчасъ сюда придетъ, подождите.

Груня рѣшилась ждать. Она сѣла на обломокъ скалы; съ непокрытой головою, въ легкомъ резиновомъ плащѣ, ей стало холодно, но она рѣшилась не уходить домой, не увидѣвъ рыбака и не разспросивъ его о своемъ второмъ мужѣ.

— Груня!—услышала она знакомый голосъ Глѣба и бросилась къ нему навстрѣчу.

Встревоженный не меньше ея ураганомъ, онъ, не зная ея адреса, бросился искать ее по гостиницамъ, забывая въ минуту безпокойства, что можетъ этимъ ее скомпрометировать. У Росса ему сказала Шатилова, что Груня пошла въ паркъ отыскивать мужа, и Глѣбъ поспѣшилъ сюда вслѣдъ за нею.

— Гдѣ же Яковъ?—тревожно спросилъ онъ молодую женщину.

Груня отрицательно пожала плечами.

— Никто его не видѣлъ съ самаго начала бури,—отвѣтила она, безпокойно оглядываясь на кучку рыбаковъ, не работавшихъ больше и слушавшихъ внимательно одного изъ своихъ товарищей.

Притынская быстро подошла къ нимъ, Глѣбъ тоже за ней послѣдовалъ.

— Ну, что, пришелъ этотъ Абэбулла? Гдѣ онъ? — пытливо вглядываясь въ стоящихъ передъ нею татаръ, поспѣшно спросила Груня.

Рыбаки смущенно перешептывались. Груня волновалась все больше и больше. Она предчувствовала несчастіе.

— Барыня,—несмѣло промолвилъ невысокій, молодой татаринъ:—давече, когда еще буря не начиналась, вашъ мужъ пришелъ ко мнѣ и говоритъ: «Айда, Абэбулла, поѣдемъ кататься въ море». А я ему и говорю: нѣтъ, господинъ, нельзя — буря скоро будетъ: видишь, какъ тамъ черно. Засмѣяся онъ только. «Ну,—говоритъ,—какой ты трусъ; оставайся, я и одинъ поѣду». Я его пытался уговаривать; не послушалъ меня, велѣлъ снарядить лодку, сѣлъ одинъ, распустилъ парусъ, и больше я его не видѣлъ.

Груня съ ужасомъ слушала разсказъ татарина; она начинала понимать настойчивое желаніе Притынскаго ѣхать кататься въ море. Это была искупительная жертва передъ нею и Эверецкимъ. Однородныя чувства овладѣли и Глѣбомъ въ эту минуту. Онъ глазами, полными слезъ, взглянулъ на свою бывшую жену и ничего не сказалъ.

— Эй, Абэбулла!—закричали рыбаки, смотри, не твою ли лодку несетъ сюда?

На гребнѣ громадной волны, катившейся прямо на берегъ, что-то чернѣло; опытный глазъ рыбака сразу узналъ лодку.

Съ шумомъ вкатилась громада воды на берегъ и опять унеслась въ пучину, оставивъ на прибрежныхъ камняхъ перевернутую лодку, скорѣе разбитый остовъ ея. Абэбулла быстро подбѣжалъ къ ней и зацѣпилъ ее веревкою, чтобы новый валъ не снесъ ее обратно.

— Моя,—печально прошепталъ онъ, вытаскивая съ помощью другихъ рыбаковъ разбитую лодку выше на берегъ.

Онъ подлѣзъ подъ нее, и когда показался обратно, въ рукахъ его была небольшая мягкая шапка, которую постоянно носилъ Притынскій. Онъ передалъ ее лишающейся чувствъ вдовѣ, поддерживаемой своимъ разведеннымъ мужемъ.

— Сомнѣнья нѣтъ, Яковъ Гордѣевичъ утонулъ!—тихо прошепталъ Эверецкій.

Недвижимо стояли и рыбаки, понимавшіе торжественность минуты.

Груня молчала, слезы катились по ея лицу. Она страдала, молясь въ душѣ за утонувшаго человѣка, своею смертью доказавшаго, какъ велика была его любовь къ ней.

Конецъ первой части.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ПОСЛѢ.

I.

НА ЧЕРНОМЪ морѣ бушевала буря.

Волны высоко вздымали свои сѣдые гребни, обдавая бѣлою пѣною темную воду, чтобы сейчасъ же низвергнуться книзу, открывая глубокую, бездонную пучину и снова опять вкатиться на высоту. Разъяренная стихія бѣшено несла валы на берегъ, стараясь уничтожить въ своей злобѣ землю, но видя свои безплодныя усилія, она злилась и побѣжденная катила волны обратно въ морскія глубины. Сумрачное, осеннее небо, сплошь затянутое свинцовыми облаками, вой вѣтра, шумъ волнъ, — все это дѣлало картину далеко непривлекательною. Обычной на Черномъ морѣ зеленоватой воды не существовало — она была черна, какъ смола.

Буря заставила смолкнуть и укрыться все живое. Несмотря на близость берега, нигдѣ на разгулявшемся водномъ пространствѣ не видно было ни парохода, ни судна, только громадныя волны катились одна за другою.

Изъ разорванныхъ вѣтромъ тучъ робко выглянуло солнце и узкой полосой свѣта упало на темную бушующую стихію.

При первомъ его появленіи, море какъ-то временно затихло, но скоро опять начало городить валы за валами.

Въ полосѣ свѣта промелькнулъ какой-то предметъ, перекидываемый, какъ мячикъ, волнами.

Лодка, полузалитая водою, съ сломанною мачтою и безъ паруса! Какъ могла она такъ долго противиться натиску волнъ? Что за счастливый случай удерживалъ ее на поверхности, когда она должна была давно пойти ко дну?

Въ лодкѣ былъ человѣкъ, продолжавшій инстинктивно управлять рулемъ, вотъ причина тому, что хрупкая скорлупка до сихъ поръ могла бороться со своимъ исконнимъ, жестокимъ врагомъ—моремъ.

Но борьба эта не равна! Развѣ можетъ бороться слабое со-

зданіе человѣка съ разъяренной стихіей? Утлое суденышко все больше и больше наполняется водой, волны захлестываютъ ее съ большей силою. Вотъ еще одинъ, болѣе сильный порывъ вѣтра, лодка вмѣсто того, чтобы идти ко дну, перевертывается килемъ вверхъ и сидящій въ ней человѣкъ погружается въ воду.

Секунда, другая, и голова его снова показывается на поверхности. Онъ судорожно загребаетъ руками, достигаетъ перевернутой лодки и вкарабкивается на ея киль.

Снова несетъ волна на себѣ эту полуразрушенную лодку и крѣпко прижавшагося къ ней человѣка.

Время летитъ, часы смѣняются часами, но буря не перестаетъ, волны вздымаются все выше и выше, втаскивая за собою перевернутую лодку, человѣкъ уцѣпился за киль лодки только по инстинкту, пальцы рукъ его впились въ дерево, самъ онъ въ полуобморочномъ состояніи, чувство самосохраненія заставляетъ несчастнаго держаться крѣпче.

Онъ ждетъ смерти каждую минуту и не боится ея, но тѣмъ не менѣе, не бросаетъ лодки, пока есть у него силы. А еще недавно онъ самъ рѣшилъ покончить съ собой и съ этой цѣлью выѣхалъ въ море на маленькой лодкѣ, несмотря на то, что всѣ мѣстные рыбаки отговаривали его отъ подобнаго безумнаго шага.

Да, онъ былъ безуменъ! Иного исхода для него, иного способа развязать запутавшійся, хотя и не по его винѣ жизненный узелъ—не было.

— Нужно умереть!—шептали его губы, когда онъ, узнавъ истину, всю нравственную подкладку исторіи, вышелъ изъ гостинницы.

Море передъ нимъ, и какъ нарочно, въ недалекомъ будущемъ — буря, все складывается такъ, что его самоубійство припишутъ случайности. Тяжело умирать! Умирать, когда любишь! Но разъ иного исхода нѣтъ—такъ и будетъ. Онъ умретъ, исчезнетъ навсегда, не будетъ мѣшать счастью боготворимой имъ женщины.

Море жадно приняло на свое лоно будущую жертву—волны подхватили жалкую рыбачью ладью и понесли ее отъ берега. Дорога въ вѣчность была для него открыта, такъ какъ нельзя было предположить, что бурное море вернетъ свою жертву.

Въ тяжеломъ полузабытьи, носимый волнами, онъ инстинктивно подумалъ о Богѣ, острое желаніе самаго себя уничтожить стало исчезать, на душѣ стало легче, страсти остыли, откуда-то блеснуло желаніе жить. Жажда жизни разгоралась все больше, чѣмъ ближе чувствовалъ онъ около себя вѣяніе смерти.

Онъ не вѣрилъ самъ себѣ, не зналъ, откуда явилось снова это желаніе жизни.

Платье его было насквозь мокро, сапоги онъ давно успѣлъ

сбросить съ ногъ, они пошли ко -дну, но сюртукъ снять ему никакъ не удавалось.

Придя понемногу въ себя, онъ понялъ, что погибъ, спасенья нельзя было ожидать ни откуда; желаніе жить смѣнилось сожалѣніемъ о невозвратномъ прошломъ. Все ближе и ближе надвигался сумракъ смерти. Чу, прогудѣла невдалекѣ отъ него сирена парохода. Утопающій оживился, слабая надежда на спасеніе снова начала имъ овладѣвать. Онъ пробовалъ кричать, но за воемъ вѣтра голосъ его терялся.

Отчаяніе снова овладѣло одинокимъ пловцомъ. Онъ началъ молиться, напряженные до нельзя нервы нашли себѣ успокоеніе въ молитвѣ. Несчастливцемъ овладѣло какое-то странное равнодушіе ко всему, онъ готовъ былъ умереть. временно приподнятыя силы упадали, еще пройдетъ немного времени, окоченѣлые пальцы разогнутся, волна смоетъ его съ лодочнаго днища и онъ, какъ камень, пойдетъ въ безвѣстную морскую пучину.

Сумерки еще сильнѣе сгустились.

— Вотъ она, вотъ смерть!—отозвалось въ его душѣ. Что-то темное внезапно на него надвинулась. Раздался трескъ досокъ разбитой лодки, утопающій, ничего не соображая, ухватился за желѣзное звено якорной цѣпи и инстинктивно полѣзъ вверхъ... Что было дальше, онъ ничего не помнитъ, но сознаніе, что онъ спасенъ, его не оставляло.

II.

Пріятная теплота охватила всѣ его члены, когда онъ очнулся. Онъ лежалъ на мягкой койкѣ. Въ каютѣ было полутемно, свѣтъ слабо проникалъ черезъ матовый иллюминаторъ—помѣщенный на потолкѣ. Пароходъ мѣрно качало, пріятно располагая къ дремотѣ—послѣ вчерашней борьбы со стихіями, когда волны играли имъ какъ мячикомъ, эта качка не безпокоила спасеннаго.

Онъ потянулся и ощупалъ себя. На немъ было надѣто сухое бѣлье. Попытка спасеннаго подняться съ койки не удалась, голова кружилась, ноги и руки отказывались служить. Кое какъ онъ перегнулся черезъ бортъ койки и посмотрѣлъ внизъ, верхнее платье, высушенное, лежало на табуретѣ.

Мысли его начали приходить въ ясность, какое-то сожалѣніе. что онъ остался живъ, сжало ему сердце.

Значитъ все осталось по прежнему, увелъ не распутался, въ выхода!—прошепталъ онъ чуть не плача.—Боже мой, ѣлать?!

гихъ словахъ вылилась вся безпомощность человѣческой полное сознаніе своей слабости. На палубѣ, надъ его

головой мѣрно прозвонилъ колоколъ, отбивая стклянки. Послышался топотъ бѣгущихъ ногъ.

— Я на пароходѣ, но куда идетъ онъ?—мелькнуло у него въ мысляхъ.

Дверь въ каюту пріотворилась и въ ней показалось безусое лицо молодого юнги. Онъ пытливо взглянулъ на лежащаго и думая, что послѣдній спитъ, хотѣлъ было снова закрыть дверь, какъ лежащій на койкѣ тихо его окликнулъ.

Мальчикъ не то съ испугомъ, не то съ любопытствомъ остановился въ дверяхъ.

— Гдѣ я?—спросилъ спасенный.

— Не понимаю!—бойко отвѣтилъ ему юнга и стрѣлой полетѣлъ къ капитану, чтобы доложить о пробужденіи незнакомца.

Нѣкоторое время спустя, въ низенькую каюту вошелъ самъ капитанъ, высокій брюнетъ, съ южнымъ типомъ лица.

Лежащій повторилъ свой вопросъ по французски. Мужественное лицо вошедшаго просіяло и на томъ же языкѣ онъ отвѣтилъ:

— На баржѣ итальянскаго парохода «Везувій», идущаго съ грузомъ зерна изъ Ѳеодосіи въ Геную. Я его капитанъ, мое имя Анджело Фонтана... Лучше ли синьору?—заботливо спросилъ капитанъ.—Мы боялись, что вы не выживете и умрете.

Спасенный печально улыбнулся.

— Вотъ видите—выдержалъ и остался живъ! — слабо прошепталъ онъ.

— Да будетъ благословенъ Господь за ваше спасеніе,—пробормоталъ морякъ,—это прямо невѣроятный случай.

— Да, къ несчастью...

— Зачѣмъ такъ говорить, синьоръ!—укоризненно замѣтилъ капитанъ.—Впрочемъ, что же я васъ безпокою, вамъ нуженъ покой, вы перенесли довольно тяжкую болѣзнь.

Лежащій вопросительно взглянулъ на говорившаго.

— Вы уже три дня лежите въ этой каютѣ.

— Гдѣ же мы теперь находимся? — недовѣрчиво спросилъ онъ.

— Вѣроятно скоро будемъ въ Константинополѣ. Пусть синьоръ не безпокоится за свои деньги, я вынулъ изъ кармана сюртука и спряталъ у себя въ каютѣ вмѣстѣ съ судовыми документами.

— Спасибо, капитанъ,—слабо проговорилъ больной,—за спасенье и заботы обо мнѣ.

— Какъ имя синьора?—несмѣло спросилъ морякъ.

Спасенный задумался, ему не хотѣлось назвать свое имя, но необходимость заставила.

— Притынскій—мое имя.

— Русское имя трудно запомнить, но это все таки легче,—и морякъ сталъ по слогамъ запоминать его.

— Вѣроятно, синьоръ не ожидалъ подобной бури, что вы-

ѣхалъ въ море въ такой лодочкѣ, когда и громадные пароходы не всегда уходятъ цѣлыми изъ ея власти.

— Да, эта буря застала меня внезапно, не подготовившимся къ ней,—многозначительно отвѣтилъ Притынскій, давая другое значеніе произносимымъ имъ словамъ.

— Желаете, синьоръ При... Прит...—и капитанъ запутался въ произношеніи,—синьоръ Руссо,—вышелъ онъ изъ затрудненія,—выйти въ Константинополѣ, оттуда легче переправиться домой.

Притынскій отвѣтилъ отрицательно, онъ желалъ уѣхать какъ можно дальше отъ страны, отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ все ему напоминало разбитыя мечты о счастьи.

— Нѣтъ, дальше, дальше,—машинально шептали его губы,—я, если вы разрѣшите, поѣду съ вами въ Геную.

— Я очень радъ желанію синьора и приложу всѣ старанія, чтобы во все время пути вы не скучали.

Притынскій ничего не отвѣтилъ.

— Будете ли вы, синьоръ Руссо, обѣдать вмѣстѣ съ нами или же желаете, чтобы вамъ готовили особенно?

— Я буду очень радъ, если вы примете меня въ свое общество.

— Отлично,—весело воскликнулъ капитанъ,—съ сегодняшняго дня вы нашъ гость.

Притынскій сталъ было возражать, предлагать плату, но капитанъ категорически отказался принять ее, говоря, что морское правило гласитъ, что всѣ потерпѣвшіе крушеніе имѣютъ полное право на сочувствіе и брать съ нихъ плату, значитъ искушать Творца.

Спасенный долженъ былъ уступить этимъ аргументамъ.

III.

Въ КАЮТУ постучали, вошелъ юнга, уже раньше появлявшійся, и на какомъ-то невѣроятномъ языкѣ, состоявшемъ изъ нѣсколькихъ словъ на разныхъ нарѣчіяхъ предложилъ Притынскому идти обѣдать въ капитанскую каюту.

Яковъ Гордѣевичъ невольно обрадовался возможности на минуту забыться и поспѣшно сталъ одѣваться, но когда онъ спустился съ койки, ему стало дурно, и если бы не мальчикъ, поддержавшій его, онъ бы свалился на полъ.

Долгое лежаніе и укачиваніе моря сдѣлало его совершенно слабымъ. Немного отдохнувъ, Притынскій все же одѣлся и поддерживаемый юнгой побрелъ въ капитанскую каюту. Она помѣщалась въ кормовой части парохода, и чтобы попасть въ нее, нужно было пройти длиннымъ корридоромъ, не выходя на верхнюю палубу.

— Добро пожаловать!—весело привѣтствовалъ капитанъ своего

случайнаго гостя, широко растворяя дверь своей каюты и помогая ему усѣсться въ мягкое кресло.

— По вашему лицу вижу, что вы еще далеко не оправились,—заботливо замѣтилъ морякъ,—но это дѣло поправимое, море хотѣло васъ погубить, море же возстановитъ и ваши силы. Давайте, синьоръ, обѣдать и за стаканомъ добраго вина вы мнѣ разскажете, какъ вы рѣшились на такой легкомысленный поступокъ, какъ идти въ бурю въ море на подобной лодчонкѣ.

Притынскій чувствовалъ, что краснѣетъ, онъ не зналъ, что ему отвѣтить. Открыть своемуновому знакомому настоящую причину своего безумнаго поступка онъ не хотѣлъ. Приходилось лгать, но ложь никогда не была ему пріятна. Онъ попробовалъ обойти молчаніемъ этотъ вопросъ, но морской волкъ, какимъ былъ капитанъ, не былъ знакомъ съ свѣтскими уловками и снова повторилъ свой вопросъ.

Приходилось что-нибудь отвѣчать.

— Я удилъ рыбу недалеко отъ берега,—запинаясь, сказалъ Притынскій,—когда налетѣвшій шквалъ подхватилъ мою лодку и понесъ въ открытое море.

Объясненіе было правдоподобно и не вызвало возраженія со стороны собесѣдника. Онъ только спокойно замѣтилъ:

— Плохой же вы морякъ, синьоръ, если дали побѣдить себя вѣтру.

Обѣдъ продолжался. Притынскій ѣлъ охотно, онъ чувствовалъ голодъ, во время болѣзни онъ ѣлъ очень мало и теперь съ возвращающимися силами приходилъ аппетитъ. Капитанская кухня была недурна, но почему-то капитанъ предпочиталъ ѣсть свой обѣдъ наоборотъ; вначалѣ подали жаркое, затѣмъ рыбу и только на третью перемѣну явился супъ. Привычки итальянца сказывались въ обиліи краснаго вина, которое онъ не стѣснялся подливать своему гостю. За обѣдомъ больше ѣли, чѣмъ говорили, и только когда юнга собралъ со стола, капитанъ велѣлъ подать кофе и ликеры и закурилъ сигару, предложивъ таковую же своему собесѣднику, разговоръ между ними оживился.

— Вотъ, позвольте вамъ вручить,—сказалъ морякъ, вынимая изъ небольшого желѣзнаго сундука перевязанную ленточкой пачку и вручая ее Притынскому,—это деньги, которыя я вынулъ у васъ изъ сюртука, когда вы были безъ чувствъ, и спряталъ у себя. Пересчитайте, все ли цѣло.

Яковъ Гордѣевичъ съ изумленіемъ взглянулъ на пакетъ, припоминая, какъ могли очутиться съ нимъ деньги?

Да, онъ вспомнилъ, эти деньги онъ взялъ съ собою, когда отправлялся съ Груней въ горы, съ цѣлью покупки мѣста; ихъ было три тысячи. Покупка не состоялась и деньги остались лежать въ карманѣ сюртука, по какой-то непонятной забывчивости имъ до сихъ поръ не вынутыя и не спрятанныя. Невольно, подъ впечатлѣніемъ этой находки, воспоминанія снова на него нахлынули и мысли Притынскаго понеслись туда,

на берегъ Крыма, гдѣ осталось такъ горячо любимое имъ существо.

Капитанъ замѣтилъ происшедшую съ его собесѣдникомъ перемѣну предполагая, что послѣдній опасается, что деньги не всѣ, снова повторилъ:

— Пересчитайте, синьоръ, я васъ прошу, повѣрьте, что ни одного центезима не пропало, наши моряки народъ честный.

Яковъ Гордѣевичъ при звукахъ голоса капитана очнулся и понялъ, что ему необходимо извиниться въ своей невѣжливости.

— О, капитанъ! Я не сомнѣваюсь въ честности вашихъ людей!—и онъ положилъ пакетъ въ карманъ.

— Прошу васъ, пересчитайте,—не могъ успокоиться морякъ, но Притынскій только улыбнулся ему въ отвѣтъ и крѣпко пожалъ руку.

IV.

Пароходъ «Везувій», нагруженный русскою пшеницею, быстро приближался къ Аппенинскому полуострову, бороздя изумрудныя воды Средиземнаго моря. Погода, несмотря на осень, все время стояла хорошая, были довольно сильные вѣтры, но дѣло до закрыванія люковъ не доходило.

Притынскій понемногу освоился съ непріятнымъ моремъ, онъ цѣлые дни проводилъ на палубѣ, безцѣльно глядя на волны и какъ-то невольно находя въ этомъ созерцаніи забвеніе отъ недававшей ему покоя мысли:

— Что же будетъ дальше?

Капитанъ, видимо, понялъ, что въ жизни его невольнаго гостя произошла какая-то катастрофа, о которой послѣдній тщательно умалчивалъ, когда разговоръ касался этого щекотливаго вопроса, а потому Анджело Фонтана старался объ этомъ ничего не говорить.

— Я часто бываю, синьоръ, у васъ въ Россіи, если можно назвать Одессу Россіей,—замѣтилъ морякъ, когда они разъ, послѣ обѣда, сидѣли на кормѣ у борта и пущенный въ воду тралъ вертѣлся, однообразно шумя металлическими стержнями,— и нахожу, что жизнь въ этомъ городѣ мало чѣмъ разнится отъ нашей итальянской,—закончилъ онъ начатую фразу.

— Да, Одесса, благодаря космополитизму своихъ обывателей, не можетъ служить изображеніемъ прочей Россіи. Чтобы хотя немного познакомиться съ нашей страной, необходимо видѣть [illegible]днюю полосу Россіи.

[illegible]питанъ улыбнулся.

Ну, такъ далеко на сушу мы, моряки, не проникаемъ. [illegible]и мало, а интересно было бы узнать Россію.

— Я охотно помогъ бы вамъ въ этомъ, если бы не рѣшился навсегда покинуть родину...

Фонтана съ изумленіемъ взглянулъ на своего собесѣдника.

— Вы, синьоръ? Что васъ понуждаетъ на такой тяжелый для каждаго шагъ? Можетъ быть политическіе принципы ваши не сходны съ режимомъ, имѣющимъ мѣсто въ вашемъ государствѣ?

Яковъ Гордѣевичъ отрицательно покачалъ головою.

— Нужно много пережить и передумать, синьоръ, прежде, чѣмъ рѣшить подобный вопросъ.

Притынскій молчалъ.

— Я какъ будто начинаю понимать, что васъ понуждаетъ на это,—не прекращалъ свои догадки любопытный итальянецъ.— Здѣсь несомнѣнно замѣшана женщина, угадалъ я?—торжествующе спросилъ капитанъ.

На лицѣ русскаго отразилось страданіе.

— Вы отчасти правы, капитанъ,—глухо проговорилъ онъ.

— Любовная исторія?—блеснувъ глазами, снова обратился къ нему съ вопросомъ итальянецъ, не замѣчая неудовольствія гостя.—Вамъ измѣнила любимая женщина.

Притынскій былъ не въ силахъ отвѣчать на его разспросы.

— Не теперь, капитанъ, потомъ, послѣ! Я вамъ все разскажу,—съ невольнымъ вздохомъ отвѣтилъ онъ моряку,—сейчасъ я не въ силахъ этого сдѣлать.

Водворилось на минуту молчаніе, слышно было, какъ шумѣла вода, разбиваемая винтомъ.

— Не вы одни несчастливы, синьоръ Руссо,—медленно сказалъ Фонтана,—въ лицѣ моемъ вы видите тоже человѣка, много горя перенесшаго черезъ женщину...

Яковъ Гордѣевичъ съ сочувствіемъ взглянулъ на сидѣвшаго съ нимъ рядомъ моряка и инстинктивно протянулъ ему руку, которую послѣдній горячо пожалъ.

— Все пройдетъ!—рѣшительно произнесъ Фонтана и махнулъ рукою. — Все въ жизни проходитъ. Горевать ни о чемъ не стоитъ. Видите, какъ одна волна поглощаетъ другую, такъ и наша жизнь: одно чувство приходитъ на смѣну другому; я перенесъ свою страстную любовь къ женщинѣ на это море, тоже коварное и непостоянное, какъ и онѣ. И теперь все прошлое забыто!—дѣланно закончилъ морякъ, хотя украдкой отеръ слезу, показавшуюся у него на рѣсницѣ.—Совѣтую и вамъ точно такъ же поступить.

— Спасибо вамъ, капитанъ, за вашъ совѣтъ, но онъ неисполнимъ, выкинуть изъ сердца прошлаго я не могу, перенести свою любовь, какъ вы это сдѣлали, на неодушевленный предметъ для меня непонятно.

Снова воцарилось молчаніе.

Стало свѣжѣть, потянулъ береговой вѣтеръ. Волны обѣлили свои гребни. Пароходъ начало качать сильнѣе. Вечерѣло.

Горизонтъ неба слился съ водою. Сумерки властно охватывали море, тѣни все болѣе сгущались. Южная ночь быстро надвинулась, покрыла все внизу своими черными покровами, а вверху засвѣтила миріады звѣздъ, блестящими точками раскинувъ ихъ на темносинемъ бархатѣ небосвода.

Невидимое теперь море продолжало шумѣть. Тралъ юнга вынулъ изъ воды и верченье его колесика прекратилось. На бакбортахъ зажгли сигнальные огни, тусклыми пятнами отразившіеся на прыгающихъ вокругъ парохода волнахъ.

Сидѣть долѣе на палубѣ было неудобно.

Оба собесѣдника одновременно поднялись съ своихъ мѣстъ. Притынскій пошелъ къ себѣ въ каюту, а капитанъ, проводивъ его по лѣстницѣ, пошелъ наверхъ въ рубку, къ своему помощнику, стоявшему на вахтѣ.

— Если еще спать не думаете, заходите ко мнѣ въ каюту, поговоримъ!—крикнулъ онъ вслѣдъ спускавшемуся внизъ своему гостю.

— Хорошо, я приду, — послышался глухо изъ низу голосъ Притынскаго.

Какое-то непонятное чувство, что-то родное, таившееся въ нихъ обоихъ, тянуло ихъ другъ къ другу, разбитая жизнь того и другого заставляла ихъ взаимно симпатизировать,—Якову Гордѣевичу показалось, что отъ сердца какъ будто отвалился камень, такъ тяжело давившій его и замыкавшій молчаніемъ все, что тамъ глубоко таилось, тщетно порываясь выбраться наружу.

Притынскаго радовалъ ихъ предстоящій новый разговоръ, онъ зналъ, что такъ или иначе, онъ долженъ будетъ открыть все своему новому знакомому, съ нѣкоторыхъ поръ ставшему ему самымъ близкимъ человѣкомъ.

Оправившись у себя въ каютѣ, Яковъ Гордѣевичъ пошелъ къ капитану, дверь котораго была полупритворена, а самъ хозяинъ, сидя на диванѣ, курилъ, усиленно выпуская цѣлыя облака дыма.

V.

ДА, ВЫ БЫЛИ давеча правы, — замѣтилъ Фонтана, когда Притынскій окончилъ свой разсказъ и подъ его тяжелымъ впечатлѣніемъ сидѣлъ закрывъ ладонями лицо. — Ваша исторія сложнѣе, чѣмъ моя, выходу изъ нея немного. Пожалуй, самое лучшее поступить, какъ вы предположили—исчезнуть.

Яковъ Гордѣевичъ вздрогнулъ отъ неожиданности.

— Но куда, какимъ образомъ?

— Объ этомъ необходимо сообразить, подумать!

И морякъ сосредоточенно устремилъ свой взглядъ въ одно мѣсто.

Мнѣ кажется, что мнѣ пришла хорошая мысль по этому поводу,—продолжалъ онъ минуту спустя.—Вы знаете, что въ Генуѣ я останусь не болѣе недѣли или десяти дней...

— А затѣмъ «Везувій» пойдетъ обратно въ Черное море?— поспѣшно проговорилъ его собесѣдникъ.

— Нѣтъ, фрахты на перевозку хлѣба изъ портовъ Чернаго моря въ настоящее время очень не высоки и собственникъ парохода, Джузеппе Амальфи, законтрактовалъ его на два рейса для доставки зерна въ Геную изъ Америки. Чартеръ-партія мною уже получена и какъ только я разгружу свои трюмы въ Генуѣ, я немедленно отплываю въ Нью-Іоркъ.

Притынскій съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на капитана.

— Такъ вотъ я и надумалъ, предложить вамъ отправиться вмѣстѣ со мною въ Новый Свѣтъ. Тамъ вы останетесь, присмотритесь, понравится, можете эмигрировать навсегда, а нѣтъ, то черезъ два мѣсяца, а пожалуй и еще раньше, я возвращусь въ Америку и вы съ моимъ пароходомъ опять вернетесь въ Европу. Не правда ли это идея?

— Мнѣ она вполнѣ подходитъ, и я не могу понять, какимъ образомъ подобный планъ раньше не пришелъ мнѣ въ голову. Америка именно то мѣсто, гдѣ я могу воскреснуть къ новой жизни и постараться затушить мое горе. Вотъ вамъ моя рука, капитанъ Анджело, я ѣду съ вами.

— Такъ!—громко проговорилъ морякъ, ударяя своею ладонью о ладонь Притынскаго. — Теперь вы отказываться не смѣете, сдѣлка между нами заключена. Нужно скрѣпить наше условіе.

И капитанъ, доставъ изъ стѣнного шкафа толстую бутылку съ киршвассеромъ, налилъ двѣ рюмки.

— Я вамъ кое-чѣмъ могу быть полезнымъ, — продолжалъ Фонтана, — у меня есть добрые друзья въ Нью-Іоркѣ, которые помогутъ вамъ ознакомиться вначалѣ съ этою страною.

Притынскій пожалъ капитану руку.

— Мнѣ думается, что все происходящее съ нами несомнѣнно имѣетъ извѣстную послѣдовательность; если судьбѣ было угодно, спасая меня на краю моей водяной могилы, удержать отъ самоубійства, то и самая наша съ вами встрѣча тоже одно изъ звеньевъ этой цѣпи, вѣроятно влекущая за собою дальнѣйшія. Я вѣрю этому и твердо рѣшилъ поступать такъ, какъ мнѣ будутъ указывать сами обстоятельства.

Капитанъ внимательно слушалъ говорившаго, и когда онъ кончилъ, горячо обнялъ его и поцѣловалъ.

— Долженъ вамъ сознаться, что и меня жизнь привела къ подобному рѣшенію, называйте это фатализмомъ, слабостью воли, какъ хотите, но бороться противъ судьбы — нельзя. Такъ или иначе, вы всегда будете побѣждены, иного исхода не предвидится. Вы до сихъ поръ жили, какъ человѣкъ вполнѣ обезпеченный, каждый изъ людей долженъ перенести лишенія или потерю. Жизнь человѣка, протекающая безъ треволненій или

потерь, похожа на красивый ландшафтъ, но совершенно ровный, безъ рѣкъ, горъ... Взоръ утомляется смотрѣть на него. Теперь, когда вы должны будете сами трудиться, чтобы заработать кусокъ насущнаго хлѣба, вы поймете, насколько сѣра, безцвѣтна жизнь, когда она не очищена на горнилѣ страданія.

Яковъ Гордѣевичъ внимательно слушалъ своего собесѣдника.

— Вы правы, я самъ теперь понимаю и благословляю судьбу за свое спасеніе, и вѣрю, что переживаемое мною хотя и тяжело для моего сердца, ума... но новый жизненный путь дастъ мнѣ забвеніе горя, прежнихъ радостей, увы, послѣднихъ было не много.

— Америка—страна непрерывнаго труда, несокрушимой энергіи и прогресса. Я жалѣю, что не могу бросить моря, это моя страсть!—горячо замѣтилъ капитанъ.—Но вы, человѣкъ, въ настоящее время не имѣющій привязанности, — идите смѣло впередъ—у васъ все впереди.

Бесѣда этихъ двухъ людей, такимъ страннымъ образомъ встрѣтившихся въ жизни, продолжалась довольно долго. Пришедшій дежурный матросъ сообщилъ капитану, что наступаетъ время его вахты. Фонтана распростился съ Притынскимъ и поднялся на палубу, тогда какъ послѣдній пошелъ спать.

VI.

Черезъ полтора дня «Везувій» прибылъ въ Геную.

Притынскій не разъ бывалъ на Ривьерѣ и заѣзжалъ въ этотъ городъ, онъ ему былъ знакомъ, такъ что осматривать и знакомиться Якову Гордѣевичу съ Генуей не приходилось. Онъ даже не переѣхалъ на берегъ и все время пребыванія «Везувія» въ портѣ ночевалъ на пароходѣ. Его не манилъ берегъ, почему-то ему нравилось ежедневно посѣщать кладбище. Царящее здѣсь спокойствіе смерти, какъ-то располагало его невольно къ раздумью.

Якову Гордѣевичу, твердо рѣшившему исчезнуть навсегда изъ Россіи, нравственно умереть для всѣхъ знающихъ его, приходилось не мало переживать въ своихъ воспоминаніяхъ, невольно отдаваться имъ, такъ что лучшаго мѣста, какъ этотъ городъ мертвыхъ, съ его безмолвіемъ, съ его роскошными произведеніями искусства, нельзя было найти для этого. Сюда приносилъ онъ свои думы, разрѣшалъ сомнѣнія, и все больше и больше приходилъ къ давно уже обдуманному имъ исходу, что онъ долженъ побороть всѣ волнующія его чувства, заглушить ихъ и начать новую жизнь тамъ, далеко за океаномъ. Послѣ каждаго посѣщенія кладбища онъ становился спокойнѣе, будущій путь вырисовывался передъ нимъ все яснѣе, все рельефнѣе. Отчаянія, еще недавно гнѣздившагося въ его сердцѣ, не было

и слѣда. Сила воли побѣдила, изъ немного облѣнившагося добряка-милліонера сталъ образовываться энергичный человѣкъ, твердо намѣтившій себѣ дорогу. Теперь онъ рвался скорѣе въ Америку, этотъ обѣтованный край всѣхъ неудачниковъ, разочарованныхъ жизнью и людей увѣренныхъ въ своихъ силахъ, въ надеждахъ завоевать будущее своими руками.

— Долженъ ли я, синьоръ, — сказалъ Притынскому какъ-то Фонтана, — заявить русскому консулу о томъ, что я васъ подобралъ въ Черномъ морѣ?

Яковъ Гордѣевичъ отрицательно покачалъ головой.

— Нѣтъ, капитанъ, я васъ очень прошу этого не дѣлать, вы вѣдь знаете мое рѣшеніе, оно безповоротно, въ Россію я не вернусь. Для чего же оставлять за собой слѣдъ, если я рѣшилъ навсегда исчезнуть.

— Я вполнѣ съ вами согласенъ, но мнѣ необходимо объяснить ваше пребываніе на пароходѣ, такъ какъ число экипажа оффиціально извѣстно и появленіе новаго лица на борту должно быть чѣмъ-нибудь мотивировано.

— Развѣ это такъ трудно, капитанъ? Запишите меня вашимъ матросомъ.

Морякъ задумался.

— Пожалуй, я такъ сдѣлаю, хотя это можетъ породить нѣкоторое неудовольствіе со стороны пароходовладѣльцевъ, впрочемъ, что объ этомъ говорить, я какъ-нибудь это устрою.

Спустя нѣсколько времени, «Везувій» снова колыхался на волнахъ Средиземки, направляясь къ Гибралтару.

Яковъ Гордѣевичъ, покинувъ Европу, вдругъ почувствовалъ себя совсѣмъ одинокимъ. Съ его отъѣздомъ изъ Генуи, между нимъ и прошлымъ лежалъ океанъ. Его сердце сжалось, онъ чувствовалъ, что возврата нѣтъ.

«Новая жизнь, работа, борьба съ неудачами, могущими послѣдовать на новомъ поприщѣ, вотъ что теперь должно меня интересовать, вотъ къ чему я долженъ стремиться»!—старался увѣрить самъ себя Притынскій, но въ мысляхъ его продолжалъ еще витать властно образъ той, ради счастія которой онъ отказался отъ всѣхъ удобстъ жизни и рѣшился вступить на трудовой путь.

Дружба его съ капитаномъ все болѣе упрочивалась, въ этомъ грубоватомъ морякѣ Притынскій нашелъ отзывъ своему горю и искреннее желаніе быть полезнымъ. Яковъ Гордѣевичъ цѣнилъ это отношеніе и глубоко уважалъ своего новаго пріятеля.

— Надумали ли вы, синьоръ,—спросилъ его капитанъ,—что предпринять въ Америкѣ?

Притынскій спокойно отвѣтилъ:

— Назвать вамъ то ремесло или то дѣло, чѣмъ я предполагаю заняться, мнѣ очень трудно, такъ какъ до сихъ поръ я не знаю, къ чему я способенъ и на что пригодятся тѣ знанія, которыми я обладаю, но во всякомъ случаѣ я вполнѣ увѣренъ,

что онѣ мнѣ пригодятся въ Новомъ Свѣтѣ и я найду имъ примѣненіе.

Качка въ океанѣ была хотя и сильная, но громадная волна, перекидывая пароходъ, не колыхала его мелкою зыбью и переносить это волненіе гораздо легче. Это чувство испытывалъ Притынскій при переѣздѣ черезъ океанъ, хотя время для него на пароходѣ тянулось томительно долго. Частенько, благодаря осеннему времени, на море спускался густой туманъ, и вотъ во время него качка особенно заставляла себя чувствовать. На тринадцатый день плаванія боцманатъ, войдя въ столовую, гдѣ новые друзья вмѣстѣ завтракали, сообщилъ, что земля уже виднѣется.

Для Якова Гордѣевича это была желанная вѣсть. Не дожидаясь окончанія завтрака, онъ выскочилъ на палубу и сталъ напряженно глядѣть въ ту сторону, гдѣ боцманатъ указывалъ ему землю.

Непривычный глазъ Притынскаго ничего кромѣ бѣлой гряды волнъ не видѣлъ, и только когда онъ вооружился биноклемъ, то передъ его глазами показалась низменная отмель Лонгъ-Айланда, совершенно голая, безъ лѣса и построекъ.

— Къ вечеру будемъ въ Нью-Іоркѣ, — услышалъ онъ надъ своимъ ухомъ голосъ капитана.

Прежде чѣмъ говорить о жизни Якова Гордѣевича въ Новомъ Свѣтѣ, я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ объ оставшихся на южномъ берегу Крыма, въ Алупкѣ — его женѣ, Агриппинѣ Богдановнѣ, и Эверецкомъ.

VII.

Гибель богача Притынскаго, рискнувшаго отправиться кататься въ море когда ожидалась буря, поразила всѣхъ въ Алупкѣ и возбудила массу толковъ. Большинство не знало настоящей подкладки всей истріи и видѣло въ этой несвоевременной морской прогулкѣ просто желаніе со стороны Притынскаго показать извѣстнаго рода браваду, за которую онъ и поплатился жизнью.

Сами участники пережитой здѣсь драмы, Груня и Глѣбъ Аѳанасьевичъ прекрасно поняли причину гибели Якова Гордѣевича и высоко цѣнили его самоотверженный поступокъ.

Между тѣмъ его смерть легла тяжелымъ гнетомъ на нихъ обоихъ.

Эверецкій ощущалъ какую-то тупую боль въ сердцѣ, какое-тое недовольство самимъ собою.

— Зачѣмъ я не лишилъ себя жизни заграницею,—тоскливо говорилъ онъ самъ себѣ,—тогда не пострадалъ бы ни въ чемъ неповинный человѣкъ. Вся вина лежитъ на мнѣ. Если бы я не

поддался слабости и не пріѣхалъ сюда, они оба жили бы спокойно; прошло бы нѣсколько лѣтъ, Груня позабыла обо мнѣ, привыкла бы къ своему новому спутнику жизни, и кто знаетъ, можетъ быть была бы счастлива.

Эверецкій старался избѣгать встрѣчи съ своей бывшей женою, но чувство невольно ему подсказывало, что она не менѣе его несчастна, точно также требуетъ утѣшенія и поддержки близкаго ей человѣка, и онъ стремился къ ней.

О любви, о прежней своей жизни они молча согласились между собою не упоминать. Отъ свѣтлаго прошлаго ихъ отдѣляла грустная драма послѣднихъ дней, между ними стояла тѣнь погибшаго.

Тщетно обыскивали рыбаки, щедро оплачиваемые Груней, весь сосѣдній берегъ, предполагая, что волны вынесутъ изъ морскихъ пучинъ трупъ Притынскаго.

Это еще болѣе увеличивало тяжелое чувство ихъ обоихъ.

— Глубоко, глубоко лежитъ гдѣ нибудь на днѣ моря его непогребенный трупъ,—съ отчаяніемъ говорила Агриппина Богдановна и горько рыдала.

Развязка вопроса не радовала ни Груню, ни Эверецкаго, рѣшимость Притынскаго такимъ способомъ соединить любящихъ другъ друга Глѣба и Груню обрѣкала ихъ на вѣчную отчужденность или хотя бы на долгіе годы упрековъ. Нежеланная месть любящаго человѣка вступала въ свои права.

Любящая мѣшаться во всѣ чужія дѣла—Шатилова, какимъ-то нюхомъ соображала странность морского катанья во время бури богача Притынскаго и предугадывала драму. До ея подозрѣній Груни и Глѣбу не было никакого дѣла, они не обращали на толки никакого вниманія.

Видя тщетность поисковъ пропавшаго, Агриппина Богдановна задумала уѣхать изъ Алупки; мѣсто гибели ея второго мужа опротивѣло ей сильно.

— Куда ѣхать?—тоскливо спрашивала она Глѣба, но послѣдній тоже не находилъ отвѣта на этотъ вопросъ.

Въ Петербургѣ необходимо было совершить всѣ формальности полученія наслѣдства, завѣщаннаго Притынскимъ всецѣло своей женѣ.

Груня не хотѣла принимать его, но отказъ отъ пріема былъ бы оскорбленіемъ памяти человѣка, такъ искренно ея любившаго, и молодая женщина должна была ввестись во владѣніе.

Съ этой цѣлью, спустя мѣсяцъ послѣ гибели Притынскаго, она вмѣстѣ съ Глѣбомъ отправилась въ сѣверную столицу.

Разнообразіе дороги, шумъ и суета Петербурга временно заглушили тяжелое настроеніе ея духа.

Притынскій обладалъ, какъ оказалось, крупнымъ состояніемъ; кромѣ нѣсколькихъ недвижимостей, въ Петербургѣ и въ провинціи, однихъ денегъ на текущихъ счетахъ въ банкахъ и процентныхъ бумагъ было до 700 тысячъ рублей.

Груня являлась богатою вдовой.

Хлопоты продолжались болѣе двухъ мѣсяцевъ и занимали у нея много времени.

Глѣбъ Аѳанасьевичъ жилъ отдѣльно отъ своей бывшей жены и посѣщалъ ее довольно рѣдко, чтобы не сдѣлать ее предметомъ сплетень.

Мать и отчимъ молодой вдовы были самыми частыми ея посѣтителями; ея сводные братья, до сихъ поръ еще не окончившіе курсъ въ гимназіи, являлись тоже нерѣдко къ Грунѣ, причемъ главною цѣлью ихъ посѣщеній было выпросить у ней денегъ.

— Что же я буду дѣлать съ такимъ состояніемъ?—не разъ спрашивала молодая вдова Эверецкаго.

Докторъ пожималъ плечами и уклончиво говорилъ:

— Я самъ не знаю, что тебѣ посовѣтовать въ этомъ случаѣ. Отдать на благотворительныя учрежденія—это отчасти ты дѣлаешь; отказаться совсѣмъ отъ наслѣдства въ ихъ пользу?—Это было бы прямымъ неуваженіемъ къ памяти Притынскаго.

И снова тѣнь безвременно погибшаго человѣка, своею смертью желавшаго доставить имъ счастье, вставала между ними и мѣшала ихъ новому сближенію.

— Право, Груня, я кажется скоро не въ силахъ буду вынести дальше подобнаго положенія,—съ какимъ-то отчаяніемъ сказалъ разъ Глѣбъ Аѳанасьевичъ, придя къ Притынской.

Груня грустно улыбнулась, положила ему руку на плечо и прошептала:

— Подождемъ, мой дорогой, все минувшее еще такъ свѣжо, такъ близко, что было бы грѣхъ не дать затянуться нашимъ ранамъ.

Глѣбъ молча слушалъ ея слова, уныло опустивъ голову, чувствуя, что она права.

— Чтобы дать тебѣ возможность приняться за работу,—продолжала молодая женщина,—я уѣду изъ Петербурга на нѣкоторое время. Мое отсутствіе поможетъ тебѣ разстаться съ навязчивой мыслью, тебя мучащей, а затѣмъ, когда я вернусь, время и молодость подскажутъ намъ, какъ мы должны поступить.

Эверецкій согласился съ ея доводами, и Агриппина Богдановна вскорѣ уѣхала въ унаслѣдованное послѣ Притынскаго помѣстье въ Харьковской губерніи.

VIII.

Груня была права, Глѣбъ съ новою энергіей принялся за свои прерванныя пережитою драмою занятія, какъ въ ткой больницѣ, такъ равно и въ клиникѣ.

Его друзья, Неугадаевъ и Турмановъ, которымъ онъ открылъ

все, часто стали къ нему заглядывать. Это развѣевало Эверецкаго въ свободные отъ занятій часы, онъ охотно толковалъ съ воздухоплавателемъ о громадныхъ успѣхахъ, сдѣланныхъ за послѣднее время въ аэронавтикѣ, вступалъ даже въ споръ съ нимъ, но очень скоро сдавался, признавая авторитетъ своего собесѣдника.

Турмановъ все еще не могъ найти сюжета для своей оперы и бѣгалъ ко всѣмъ присяжнымъ либретистамъ съ этой цѣлью.

— Изсякъ вымыселъ у этихъ господъ!—недовольно замѣтилъ онъ, зайдя какъ-то къ доктору и усаживаясь за пьянино, оставшееся у Эверецкаго еще послѣ развода съ женою.

— Ты думаешь?—шутливо отвѣтилъ Глѣбъ, не поворачивая головы отъ стола, гдѣ онъ работалъ надъ рефератомъ.

— Я убѣжденъ, — увѣренно отвѣтилъ музыкантъ;—предлагаютъ какіе-то сюжеты съ тенденціей разведенной сахарной водицы, вродѣ «я тебя люблю» — говорилъ герой, «я тоже»—отвѣчаетъ героиня. «Я не позволю»—рычитъ злодѣй, а добрый геній соединяетъ, вопреки послѣднему, любящія сердца. Прелестно и... очень старо.

— Ничто, милый, не ново на этой планетѣ.

— Пустое! Можно найти новое, но для этого нужно думать, размышлять, а наши творцы слова—лѣнятся и спятъ. Я почти нашелъ самъ сюжетъ.

Докторъ быстро обернулся къ говорящему.

— Превосходно! Значитъ чего же тебѣ горевать, пиши слова самъ, Вагнеръ и Бойто сами писали для себя либретто.. разскажи, что ты задумалъ?

— Это, какъ бы тебѣ сказать, немного отвлеченно, сразу трудно понять.

Эверецкій громко засмѣялся.

— Въ такомъ случаѣ и публика не пойметъ. Разскажи, голубчикъ, этотъ непонятный сюжетъ.

— Дѣйствіе происходитъ на днѣ морскомъ, въ Индѣйскомъ океанѣ, слышенъ шумъ волнъ, въ музыкѣ чувствуется отчужденность морскихъ пучинъ отъ всего земнаго, появляются вдали гигантскіе крабы... вотъ послушай...

И Турмановъ сталъ играть на пьянино.

— Не правда ли, похоже на царапанье ихъ клещей о скалы?

Докторъ мотнулъ головой...

Музыкантъ все больше воодушевлялся и игралъ.

— Затѣмъ изъ бездонныхъ логовищъ выглядываютъ змѣеобразные спруты, вотъ это пичикато со свистомъ изображаетъ, какъ они обвиваютъ своими щупальцами свои жертвы! Приплываютъ акулы... играютъ дельфины... вдали виднѣется китъ... но ты хохочешь?

— Мнѣ стало ужасно весело слушать, какъ ты увлекся, прости! Но гдѣ же самое главное, гдѣ пѣніе?

Композиторъ загадочно улыбнулся, обнаруживъ отсутствіе верхняго ряда зубовъ.

— Подожди, все будетъ въ свое время, — и онъ снова заигралъ.

— Сперва появленіе всего, что существуетъ на днѣ моря отвратительнаго, а затѣмъ... слушай... раскрывается большая раковина, сквозь воду падаетъ сверху лучъ солнца и заставляетъ блестѣть жемчужину, родившуюся въ ней... здѣсь жемчужину изображаетъ сопрано, слышишь, какъ она заливается трелью, всѣ чудовищи поражены, очарованы ея пѣніемъ. Тр-р-р...—снова мрачный аккордъ, борьба началась, появляется изъ морской пучины самъ Нептунъ.

— Я здѣсь!—произнесъ кто-то громко въ дверяхъ.

Хозяинъ и гость вздрогнули отъ неожиданности.

Въ комнату вошелъ Неугадаевъ.

— Фу, какъ ты насъ испугалъ, Василій Ѳедоровичъ,—сказалъ хозяинъ,—мы думали, что Нептунъ пожаловалъ.

— Я слушалъ, что разсказывалъ Турмановъ, и выжидалъ удобнаго момента, чтобы торжественно войти,—отвѣтилъ вновь пришедшій.

Музыкантъ немного обидѣлся на неожиданный перерывъ и отказался разсказывать дальше, продолжая тихо перебирать руками клавиши.

— А у меня новость какая, Глѣбъ, большая-пребольшая,— сказалъ Неугадаевъ.

— Ну, разскажи, братъ.

— Шатилову знаешь?

— Еще бы, превосходно, какъ не знать эту стрекотунью-болтушку.

— Съ мужемъ развелась!

Эверецкаго нервно передернуло, онъ не любилъ даже невольнаго напоминанія о своемъ разводѣ съ Груней.

— Вѣрнѣе мужъ съ нею развелся, совсѣмъ пустая бабенка, ко всѣмъ на шею вѣшается. Вересовъ теперь ея предметъ.

— Не пропадетъ такой человѣкъ,—замѣтилъ Турмановъ,— обольститъ и другого.

— Ужъ не съ нее ли ты свою жемчужину пишешь?—пошутилъ докторъ, чтобы замять разговоръ о разводѣ.

— Отчего бы и не съ нея?

— Ну, что же дальше, дружокъ? Пришелъ этотъ Нептунъ, ну?—допытывался хозяинъ.

— Нѣтъ, сегодня я ужъ не могу, въ другой разъ доскажу,— сказалъ музыкантъ и сталъ прощаться.

— Я не хотѣлъ говорить тебѣ при немъ,—серьезно проговорилъ Неугадаевъ, когда Турмановъ ушелъ, — а тебѣ готовится непріятность.

— Мнѣ, какая?

— А твоя-то какъ она? Даша, что ли, хочетъ съ тебя требо-

вать извѣстную сумму, обвиняя тебя, что ты первый былъ причиной ея паденія.

Эверецкій усмѣхнулся.

— Сто первый вѣроятнѣе!

— Ты не шути этимъ, ее научили добрые люди, какъ поступить, она знаетъ, что рано или поздно ты снова женишься на Агриппинѣ Богдановнѣ и хочетъ писать ей объ этомъ.

Глѣбъ Аѳанасьевичъ поблѣднѣлъ.

— Это что еще за низость! Пускай мнѣ бы дѣлала непріятности, но не трогала бы ее, Груню.

— Она отлично знаетъ, что съ тебя ничего не получитъ, а ей напишетъ, то сдеретъ, что захочетъ.

— Фу, какая мерзость!

И Эверецкій нервно отодвинулъ стулъ и началъ быстро ходить по кабинету.

— Слушай, Вася, не согласишься ли ты взять на себя трудъ переговорить съ этой дѣвченкой, я охотно заплачу ей, но чтобы только она не путала въ эту исторію Груню.

— По моему, лучше всего пугнуть ее, что пожалуешься градоначальнику, скорѣе отстанетъ.

— Ахъ, какъ мнѣ непріятны всѣ эти дрязги, и безъ нихъ такъ тяжело, тяжело!

Докторъ схватился за голову и бросился на диванъ.

Неугадаевъ былъ самъ не радъ уже, что разсказалъ.

Долго толковали еще пріятели, пока успокоенный кое-какъ гостемъ, хозяинъ проводилъ его и пошелъ спать.

IX.

Дѣло съ Дашей оказалось однако же серьезнымъ.

Неугадаеву не удалось съ нею сговориться, она отвѣтила ему, что веденіе этого дѣла поручила адвокату Зонненауфгангу и ничего безъ него не можетъ отвѣтить.

Василій Ѳедоровичъ отправился къ этому присяжному повѣренному.

Знакомый ему со времени бракоразводнаго процесса Эверецкаго съ женою, адвокатъ поразилъ его своимъ олимпійскимъ величіемъ.

— Мнѣ очень пріятно васъ видѣть, господинъ Неугадаевъ,— привѣтствовалъ его Зонненауфгангъ,—мы съ вами знакомы, но относительно извѣстнаго вамъ дѣла я могу только сообщить, что моя кліентка, г-жа Цѣпочкина, едва ли согласится пойти на извѣстные компромиссы, фактъ обольщенія ея господиномъ Эверецкимъ черезчуръ всѣмъ извѣстенъ, чтобы его можно было опровергнуть, а потому она рѣшилась ожидать справедливаго рѣшенія суда.

Неугадаевъ развелъ руками, узнавъ подробное объясненіе и не рѣшился вступать въ дальнѣйшіе разсуждения.

— Вздоръ,—предупредительно замѣтилъ [illegible]— оставьте мнѣ на всякій случай вашъ адресъ, очень можетъ быть, что моей кліенткѣ придетъ фантазія переговорить съ вами, женщины вѣдь такъ [illegible], и тогда...

Васкій безпрекословно передалъ ему свою карточку съ адресомъ и удалъ.

На лѣстницѣ онъ встрѣтилъ Дашу и едва узналъ ее въ элегантной особѣ, прекрасно одѣтой, поднимающейся ему навстрѣчу.

Она не узнала или сдѣлала видъ, что не узнаетъ воздухоплавателя.

Спустившись съ лѣстницы, онъ случайно узналъ, что Даша живетъ у самаго Зоннеауфганга.

— Вотъ оно что,—проговорилъ Неугадаевъ, узнавъ эту новость, и отправился съ нею къ своему пріятелю.

— Брось, не думай объ этомъ,—спокойно замѣтилъ онъ Эверецкому, передавъ послѣднему о своемъ посѣщеніи,—все это пустой подвохъ со стороны Зоннеауфганга, ничего она не можетъ тебѣ сдѣлать, и вѣрь, что побоится написать письмо Агриппинѣ Богдановнѣ.

Глѣбъ Аѳанасьевичъ согласился съ его доводами и немного успокоился.

На другой день вечеромъ, когда докторъ занимался, раздался звонокъ, въ передней кто-то спрашивалъ, дома ли Глѣбъ Аѳанасьевичъ.

Онъ прислушался, голосъ былъ женскій и мало знакомый.

Когда онъ вышелъ въ зало, посѣтительницею оказалась Шахова.

— Простите, Бога ради, Глѣбъ Аѳанасьевичъ, что пользуясь правами нашего стараго знакомства, я къ вамъ пришла...

Она была одѣта очень крикливо: темная касторовая шляпа, отдѣланная мѣхомъ, красиво выдѣляла ея головку. Темно-синее визитное платье, сшитое по послѣдней модѣ, съ небольшимъ трэномъ, къ ней очень шло... Рантовыя сапожки ея бойко стучали по паркету. Она выглядѣла очень хорошенькою.

Эверецкій ничего ей не отвѣтилъ на ея любезность и молча предложилъ сѣсть.

— Если бы вы знали, Глѣбъ Аѳанасьевичъ, что привело меня къ вамъ, вы были бы поражены. Вы знаете, что я развожусь съ моимъ мужемъ. О, онъ сталъ невозможнымъ человѣкомъ. Недовѣріе ко мнѣ, фи, но вы сами знаете, какую замкнутую жизнь вела я въ Крыму. Никуда одна не появлялась!

Эверецкому внезапно припомнилась ея таинственная поѣздка [illegible] татариномъ проводникомъ, но онъ удержался и ни[illegible]алъ ей объ этомъ.

[illegible] доктора заставило молодую женщину еще больше [illegible]ся передъ нимъ.

— Простите, Антонина Несторовна, но что собственно вамъ отъ меня угодно?—недоумѣвая прервалъ онъ Шатилову.

Послѣдняя невольно сконфузилась.

— Я... я пришла къ вамъ за совѣтомъ, вамъ пришлось разводиться, вы опытный человѣкъ въ этомъ, не откажите помочь, указать мнѣ, какъ поступить, къ кому обратиться?

Глѣбъ Аѳанасьевичъ очень рѣдко выходилъ изъ себя, но на этотъ разъ онъ не могъ сдержаться, напоминаніе объ его ошибкѣ раздражило доктора до нельзя. Весь красный отъ волненія, онъ, чуть не крича, обратился къ посѣтительницѣ.

— Какое мнѣ дѣло до вашихъ разводовъ. Помогать, указывать въ такихъ случаяхъ я отказываюсь. Простите меня, но къ сожалѣнію, у меня нѣтъ ни минуты свободнаго времени.

И не дожидаясь, пока пораженная его пріемомъ молодая женщина выйдетъ изъ комнаты, самъ первый пошелъ въ прихожую, такъ что она невольно должна была слѣдовать за нимъ.

Здѣсь, сдавъ ее на руки прислугѣ, онъ сухо съ ней попрощался и ушелъ къ себѣ въ кабинетъ.

Переконфуженная Шатилова, на ходу застегивая пуговицы у пальто, стала спускаться съ лѣстницы.

— Сколько крови съ ней испортилъ,—громко сказалъ докторъ и принялся за работу, но мысли его бѣжали прочь отъ нея, онѣ летѣли къ его милой Грунѣ, и бросивъ заниматься, онъ весь ушелъ въ свои мечты о ней.

X.

По странной случайности, Шатилова передала свое дѣло о разводѣ тоже Зонненауфгангу. Невольно вспомнивъ свою недавнюю обиду, она разсказала адвокату всю происшедшую у Эверецкаго сцену съ нею, не поскупившись на прикрасы и выдумки, до которыхъ она была большая мастерица.

— Вы меня нисколько не изумляете этимъ,—сказалъ Зонненауфгангъ, когда она кончила свой разсказъ.—Я давно уже замѣчаю нѣкоторую ненормальность въ моемъ бывшемъ кліентѣ...

Антонина Несторовна пожала плечами, какъ бы подтверждая слова собесѣдника.

— Вообще,—продолжалъ онъ,—вся эта исторія Эверецкаго съ его женитьбой, разводомъ, представляется мнѣ черезчуръ странной, я сильно подозрѣваю, что тутъ былъ замѣшанъ интересъ.

— Несомнѣнно, что мужъ и жена оба участвовали въ заговорѣ съ цѣлью обобрать этого глупаго Притынскаго, а потомъ на его же деньги и жить вмѣстѣ,—замѣтила молодая женщина и иронически улыбнулась.

Зонненауфгангъ задумчиво провелъ рукою по своей головѣ, на минуту поднялъ глаза на Шатилову и задумался.

— Вы думаете, мой другъ, что ваша кліентка, бывшая метресса Эверецкаго, выиграетъ свое дѣло? — снова продолжала Антонина Несторовна.

Адвокатъ, оставаясь въ задумчивости, увѣренно проговорилъ:

— Если начать судиться, то разумѣется ей въ искѣ откажутъ, но, но... мы вліяемъ на нравственную сторону отвѣтчика, я знаю, какъ оказать на него давленіе и надѣюсь, что Эверецкій заплатитъ намъ порядочный кушъ.

Шатилова весело разсмѣялась.

— Ошибетесь въ разсчетахъ. Эскулапъ бѣденъ въ настоящее время, какъ турецкій святой.

— Онъ бѣденъ, я знаю, но богата его бывшая супруга. И это одно и тоже, она, чтобы избѣжать скандала, дальнѣйшей огласки, всѣхъ некрасивыхъ перипетій ихъ исторіи, охотно поступится любой суммой.

— Ай, ай, ай, какой психологъ Исаакъ Абрамовичъ.

Зонненауфгангъ самодовольно улыбнулся.

— Эта психологія даетъ мнѣ деньги, а это самое главное.

На минуту собесѣдники замолчали.

— Ну-съ, а мое какъ дѣло? — нерѣшительно спросила Шатилова.—У меня подобной денежной психологіи не имѣется, и вслѣдствіе этого мое дѣло вѣроятно не скоро окончится.

Адвокатъ осклабился и двусмысленно замѣтилъ:

— Въ дѣлахъ съ хорошенькими женщинами я не имѣю въ виду денежный интересъ... мнѣ гораздо пріятнѣе ихъ расположеніе ко мнѣ.

— Какой вы безсеребренникъ,—насмѣшливо кинула ему въ отвѣтъ Шатилова,—но это все равно, я умѣю быть благодарной. Скажите въ самомъ дѣлѣ, скоро я могу надѣяться на разводъ съ мужемъ?

Зонненауфгангъ серьезно на нее взглянулъ.

— Я право не понимаю, Антонина Несторовна, для чего вамъ такъ необходимъ этотъ разводъ. Я, напротивъ того, думаю, что чѣмъ дальше вы оттянете его, тѣмъ для васъ будетъ полезнѣе.

На лицѣ молодой женщины появилось изумленіе.

— Странно. Я стремлюсь быть свободной, независимой отъ какихъ либо узъ, а вы совѣтуете мнѣ совершенно противоположное.

— Милая моя барынька,—вкрадчиво запѣлъ адвокатъ,—вникните глубже и вы поймете, что я говорю правду. Не всегда вы будете порхать какъ теперь, срывая беззаботно цвѣты наслажденія. Придетъ время, когда нуженъ будетъ пріютъ, а онъ у васъ готовый—у мужа, вы сумѣете его уговорить и сойтись съ нимъ снова. Правъ-ли я?

Антонина Несторовна, при всей своей беззаботности, все-таки поняла справедливость словъ своего собесѣдника.

— Вы правы, бросимъ же этотъ разговоръ. Ну-съ, господинъ юристъ, куда вы предполагаете меня везти?

Дѣловитый видъ у Зонненауфганга исчезъ, на губахъ появилась улыбка довольнаго сатира.

— Всюду, куда пожелаетъ моя царица.

— Если выборъ предоставленъ мнѣ, поѣдемъ, мой миленькій, въ Аркадію,—незамѣтно перешла Шатилова на «ты».

Черезъ полчаса они мчались по Каменноостровскому проспекту.

XI.

Въ зимнемъ саду, черезъ который имъ пришлось проходить, пытливый взглядъ адвоката замѣтилъ сидящаго за однимъ изъ столиковъ своего бывшаго кліента Эверецкаго.

Глѣбъ Аѳанасьевичъ, оживленно разговаривая съ Неугадаевымъ, не замѣтилъ быстро прошедшихъ по саду адвоката съ его дамой.

Неугадаевъ, уже состоявшій въ одномъ изъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній столицы, заѣхавъ сегодня къ своему пріятелю, уговорилъ его немного развлечься и съ этой цѣлью повезъ въ Аркадію.

Судьба, точно нарочно, сводила въ этотъ вечеръ участниковъ отшумѣвшей бури.

Въ одномъ изъ кабинетовъ зимняго сада находилась также Даша съ молодымъ, богатымъ правовѣдомъ, которому она удѣляла свои досуги, тщательно скрывая свои похожденія отъ ревниваго адвоката.

Изъ закрытаго кабинета слышался густой голосъ ея кавалера, сопровождаемый взвизгиваніемъ самой Даши.

На открытой сценѣ бойко распѣвала бравурную шансонетку сильно реставрированная француженка, поясняя недосказанное жестами.

Даже Василій Ѳедоровичъ, усердно уничтожавшій поданнаго ему цыпленка, не утерпѣлъ и сталъ смотрѣть на пѣвицу.

— Ишь, старается,—насмѣшливо проговорилъ онъ Глѣбу.

Послѣдній, несмотря на царившее кругомъ оживленіе, продолжалъ оставаться въ какомъ-то замкнутомъ настроеніи.

— Полно тебѣ, чего задумался? Фу, даже надоѣло на тебя глядѣть,—не унимался Неугадаевъ и дернулъ его за рукавъ.

Эверецкій улыбнулся.

— Что-жъ, я по твоему хохотать долженъ, смотря, какъ ломается эта крашеная выдра?

Въ эту минуту въ кабинетѣ Даша взвизгнула еще сильнѣе, дверь отворилась и она, раскраснѣвшись, выбѣжала оттуда.

Докторъ невольно вздрогнулъ и прошепталъ:

— Непріятная встрѣча.

Даша не замѣтила своего бывшаго поклонника и взглянувъ вскользь на сцену, снова скрылась въ кабинетѣ.

Сидѣвшій на верху Зонненауфгангъ тоже обратилъ на ея появленіе вниманіе и, повидимому разсерженный, оставивъ на минуту свою даму, бросился внизъ, къ дверямъ кабинета.

— Смотри, Глѣбъ, твой пріятель бѣжитъ сверху, точно его кто гонитъ;—громко замѣтилъ Неугадаевъ.

Эверецкій тоже узналъ адвоката; онъ думалъ, что послѣдній направляется къ нему и уже хотѣлъ холодно просить его удалиться, какъ замѣтилъ, что Зонненауфгангъ нервно стучится въ закрытую дверь кабинета.

Глѣбъ Аѳанасьевичъ все понялъ. Обыкновенно сдержанный, адвокатъ на этотъ разъ не могъ побороть своихъ чувствъ и хотѣлъ все сейчасъ же высказать вѣроломной.

Ничего не подозрѣвавшій кавалеръ Даши, предполагая, что это стучится лакей, отворилъ дверь и адвокатъ порывисто ворвался туда.

Глѣбъ Аѳанасьевичъ съ нескрываемымъ любопытствомъ ожидалъ, что будетъ дальше? Черезъ полуоткрытую дверь кабинета послышались звуки разбиваемой посуды, крики, завершенные звучной пощечиной, полученной кѣмъ-то изъ спорящихъ. Разыгрался большой скандалъ.

Для умиротворенія страстей явился управляющій сада. Кучка любопытныхъ тѣснымъ кружкомъ стояла около дверей, въ кабинетѣ все стихло.

Минуту спустя, смущенный Зонненауфгангъ вышелъ быстро оттуда; лѣвая щека его была красна, какъ кумачъ. Онъ сконфуженно что-то говорилъ управляющему и не смотря на сидящую вокругъ публику, прошелъ наверхъ, къ оставленной имъ дамѣ.

Первый разъ послѣ непріятности Глѣбъ Аѳанасьевичъ такъ искренно, такъ весело смѣялся надъ злоключеніемъ своего бывшаго повѣреннаго. Хохоталъ и Неугадаевъ.

На верху Шатилова хотя видѣла приключеніе своего новаго поклонника, но когда онъ явился къ ней, она сдѣлала видъ, что ничего не замѣтила.

Оставаться долѣе въ Аркадіи, не привлекая вниманія публики, Зонненауфгангу было нельзя, и онъ, расчитавшись, быстро исчезъ со своею спутницей.

XII.

Милая моя Груня,—писалъ Глѣбъ находящейся отъ него далеко, въ имѣніи, своей бывшей женѣ.—Со времени твоего отъѣзда изъ Петербурга прошло уже два мѣсяца. Ты не повѣришь, какъ я страшно скучаю все это время. Твой отъѣздъ,

хотя подготовленный и вынужденный обстоятельствами, былъ для моего чувства вполнѣ неожиданнымъ и невозможно тяжкимъ.

«Мнѣ кажется, что я упалъ въ какую-то пропасть; кругомъ меня высятся мрачныя, темныя скалы, холодно, пусто и безмолвно. Гдѣ выходъ? Когда я могу надѣяться опять увидѣть свѣтлый уголокъ неба изъ моей мрачной темницы? Ты навѣрно засмѣешься, прочитавъ эти строчки, со всѣмъ ихъ лиризмомъ. Увы, дорогая, ты знаешь хорошо, насколько ты мнѣ дорога, какъ велико къ тебѣ мое чувство. Избави Богъ, чтобъ ты могла подумать, что я напоминаю о моемъ тогдашнемъ безумномъ поступкѣ. Нѣтъ, сто разъ нѣтъ. Было бы не честно съ моей стороны говорить тебѣ о немъ и этимъ выставлять себя какимъ-то героемъ. Я люблю тебя! Горячо люблю! Готовъ отдать тебѣ всю свою жизнь, но выставлять себя героемъ... нѣтъ, это было бы черезчуръ мелко съ моей стороны.

«Но уѣхала ты,—и для меня исчезъ лучъ солнца.

«Уѣзжая ты рѣшила, что намъ необходимо на время разстаться, испытать себя, а равно положить конецъ всѣмъ толкамъ и сплетнямъ, на которыя такъ падокъ Петербургъ. Я покорился твоему желанію, ты уѣхала; но теперь я вижу, что прожить безъ тебя не въ силахъ.

«Ты стоишь передо мною постоянно, какъ живая. Твой образъ не покидаетъ меня даже ночью. Что-то мнѣ подсказываетъ, что не смотря на все пережитое нами, мы будемъ счастливы. Дай-то Боже. И ты, и я—мы глубоко страдали и стоимъ этой награды...

«Я знаю, что ты, въ порывѣ самобичеванія, отвѣтишь мнѣ на это, что мы не достойны этого счастья, такъ какъ оно куплено великодушіемъ человѣка, своею смертью желавшаго нашего новаго соединенія, но онъ болѣе не существуетъ, и его тѣнь только тогда успокоится, когда мы будемъ соединены.

«Дорогая моя, желанная! Возвращайся скорѣй въ Петербургъ, я страдаю, я не нахожу мѣста. Забудемъ прошлое и будемъ жить настоящимъ. Я жду тебя, жду съ нетерпѣніемъ, вѣрю, что ты исполнишь мою просьбу и вернешься къ любящему тебя Глѣбу».

Письмо это Глѣбъ написалъ поздно ночью, возвратившись изъ Аркадіи. Оно какъ-то вылилось прямо изъ души, и онъ чувствовалъ, что написать иначе онъ не можетъ.

Чтобы на другой день не раздумать, онъ сейчасъ же одѣлся и опустилъ его въ ближайшій почтовый ящикъ. Чувство подсказало Глѣбу, что Груня, получивъ это письмо, сейчасъ-же возвратится въ Петербургъ.

На другой день утромъ Эверецкій дѣйствительно почувствовалъ какое-то недовольство самимъ собой. Онъ винилъ себя въ невольной поспѣшности, сознавая, что пріѣздъ Груни въ Петербургъ еще не своевременъ. Необходимость выждать извѣстный періодъ времени заставила его немедленно телеграфировать ей,

грировавшихъ сюда изъ Стараго Свѣта, находитъ себѣ въ Соединенныхъ Штатахъ ласковый пріемъ и въ большинствѣ случаевъ довольно скоро богатѣетъ.

Капитанъ улыбнулся.

— Вы забываете, что эти люди ремесленники, на которыхъ всегда былъ и вѣроятно будетъ спросъ въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ такая масса фабрикъ и заводовъ, но вѣдь вы не знаете никакого ремесла?

Яковъ Гордѣевичъ задумался.

— Вы правы,—отвѣтилъ онъ своему собесѣднику,—люди, подобные мнѣ, незнакомые съ практическимъ примѣненіемъ своихъ знаній, всегда будутъ здѣсь нежеланными гостями...

— О! Это еще увидимъ,—весело прервалъ его капитанъ,—а пока отправляйтесь въ городъ, благо онъ вамъ открытъ, и знакомьтесь съ нимъ какъ можно подробнѣе.

Притынскій подождалъ, пока были закрѣплены кабельтовы за громадныя чугунныя тумбы молла, при чемъ пароходъ сталъ въ плотную со стѣнкой послѣдняго и затѣмъ вышелъ на американскій берегъ.

Передъ нимъ открывалась въ отдаленія панорама города, надъ которымъ выдѣлялся большой золоченый куполъ биржи. Гигантская статуя Свободы поражала своими размѣрами. Вдали, какъ ажурное перекинутое съ одного берега на другой кружево, тянулся Бруклинскій мостъ. Чѣмъ ближе Яковъ Гордѣевичъ подвигался къ берегу,—тѣмъ яснѣе и разнообразнѣе становился видъ Нью-Іорка. Пройдя мимо огромнаго деревяннаго сарая, служащаго помѣщеніемъ для осмотра багажа, Яковъ Гордѣевичъ увидалъ цѣлую армію носильщиковъ, занимающихся спеціально хлопотами по очищенію пассажирамъ багажа.

Кеб'мэнъ быстро повезъ его по главной артеріи, пересѣкающей въ длину весь городъ, именно по Бродвею. Совершенно чуждое городамъ Стараго Свѣта оживленіе поразило Якова Гордѣевича. Нѣсколько рядовъ рельсъ трамваевъ тянулись вдоль улицы, кромѣ еще особыхъ паровыхъ воздушныхъ желѣзныхъ дорогъ, устроенныхъ на особыхъ чугунныхъ помостахъ, поддерживаемыхъ толстыми перистилями и пробѣгающихъ мимо оконъ третьяго этажа. Шумъ, стоящій отъ постояннаго движенія поѣздовъ, заставлялъ вздрагивать ѣхавшаго въ кебѣ Притынскаго. Ему все было ново, все его поражало своей оригинальностью, своимъ необычнымъ характеромъ и устройствомъ.

Кебъ быстро подкатилъ къ отелю, и Якову Гордѣевичу отвели комнату.

Внутренность комнаты, точно также какъ и улицы Нью-[illegible] изумляла, поражала Притынскаго. Умывшись посредствомъ [illegible]то новаго остроумнаго прибора и скушавъ первый завтракъ, [illegible]й въ Америкѣ и доставленный ему посредствомъ особаго [illegible]еля снизу, молодой русскій снова спустился внизъ, чтобы [illegible]иться осматривать городъ.

XV.

Первое, что онъ сдѣлалъ, это отправился къ ближнему банкиру, размѣнять сторублевку на американскія деньги. Молодой клеркъ, типичный янки, взялъ депозитку отъ него и быстро сосчитавъ по курсу, выдалъ стоимость ея американскими деньгами.

Никакихъ ненужныхъ разспросовъ, разговоровъ не было предложено Притынскому клеркомъ, точно размѣнъ русской бумажки былъ обыденнымъ дѣломъ въ Нью-Іоркѣ. Американскія деньги разнились отъ русскихъ. Это были узкія, длинныя бумажки, совершенно схожія между собою зеленою оборотною стороною и разнились только суммой, которая на нихъ была написана. Замѣтно было, что американцы не любятъ терять время, и всѣ разговоры, не касающіеся дѣла, для нихъ представляются лишними.

Пройдя немного дальше по улицѣ, Яковъ Гордѣевичъ долженъ былъ остановиться, такъ какъ страшная толкотня и давка не давали ему возможности двигаться впередъ. Улицы, покрытыя массою грязи, обратили его вниманіе. Эта грязь какъ-то не гармонировала съ общимъ видомъ Нью-Іорка. Какъ оказалось, всѣ проѣзжающіе и проходившіе не стѣснялись бросать на мостовую корки апельсинъ, арбузовъ, прочитанныя газеты и т. д. Масса мальчишекъ, снабженныхъ огромными пачками не сложенныхъ газетныхъ листовъ, шныряли въ толпѣ. Газеты выходятъ въ Америкѣ нѣсколько разъ въ день и вслѣдствіе этого новости, печатаемыя въ газетахъ—самыя свѣжія. Толпа охотно раскупаетъ газеты, и вслѣдствіе этого нигдѣ въ мірѣ такъ не распространена розничная продажа, какъ въ Америкѣ. На углу Бродвея и 8 улицы, Яковъ Гордѣевичъ почувствовалъ, что его кто-то схватилъ за рукавъ. Онъ съ изумленіемъ обернулся.

— Нѣтъ, не тотъ! — бросилъ по его адресу схватившій его полный мужчина и побѣжалъ дальше. Кучка народа стояла тутъ же на углу и громко разсуждая, жестикулировала. Любопытство Притынскаго было задѣто и онъ обратился съ вопросомъ къ одному изъ стоявшихъ:

— Что такое тутъ случилось?

— А! Пустяки!—отвѣтилъ ему одинъ изъ прохожихъ, повидимому плотникъ, судя по пилѣ и долоту, которыя у него были заткнуты за фартукъ.—Одному парню кулакомъ глазъ выворотили.

— Неужели? Какимъ же образомъ?

— Бѣжалъ какой-то матросъ, вѣроятно излишне переложилъ въ салунѣ, а тотъ ему на встрѣчу; нечаянно толкнулъ, а матросъ его ударилъ въ лицо. Вотъ и вся исторія. Ничего, пройдетъ. Вѣдь стоитъ только приложить къ глазу свѣжую устрицу—сейчасъ жаръ оттянетъ. Эге!—смотрите-ка, поймали!—перебилъ

онъ самъ себя, указывая на бульдогообразнаго англичанина, сильно отбивавшагося отъ державшихъ его людей.

Притынскому было интересно прослѣдить, что послѣдуетъ съ драчуномъ и онъ пошелъ вмѣстѣ съ толпою.

Вести безобразника, какъ оказалось, пришлось недалеко. Черезъ два, три дома помѣщалась камера судьи, а такъ какъ въ Америкѣ не существуетъ долгихъ процедуръ и предварительныхъ арестовъ, то судья, обязанный быть на своемъ посту днемъ и ночью, исполняя функціи равно какъ чисто судейскія, а также и полиціи, немедленно выслушавъ свидѣтельскія показанія, присудилъ безобразника къ двухъ-недѣльному аресту въ тюрьмѣ, куда послѣдній былъ отправленъ при помощи городскихъ полисменовъ. Такое простое рѣшеніе дѣла безъ ненужныхъ проволочекъ пришлось по душѣ Якову Гордѣевичу, всегда бывшему сторонникомъ прямого пути и врагомъ ненужной волокиты. Изумилъ также его оригинальный обычай нью-іоркцевъ чистить свои сапоги только на улицахъ. Чистильщики сапогъ, помѣстившись на перекресткахъ улицъ, воздвигли себѣ высокія кресла, обитыя плюшемъ или бархатомъ, при чемъ для чистки сапогъ сидящаго въ нихъ имъ не приходится нагибаться, такъ какъ ноги послѣдняго находятся на высотѣ ихъ груди. И тутъ американцы не теряютъ времени, они успѣваютъ прочесть газету въ то время, какъ сапоги ихъ принимаютъ блестящій цвѣтъ.

Эти чистильщики, преимущественно негры, орутъ пронзительнымъ голосомъ:

— Сэръ!—обратился къ Притынскому рослый негръ-чистильщикъ, когда онъ проходилъ мимо его кресла.—Вамъ стоитъ только вычистить сапоги у меня и вы избѣгнете затраты на пріобрѣтеніе зеркала.

Яковъ Сергѣевичъ невольно улыбнулся, услышавъ оригинальную рекламу и согласился. Дѣйствительно, нью-іоркскій артистъ начистилъ его сапоги такъ, что они блестѣли, какъ лакированные.

Не зная, какъ оріентироваться въ незнакомомъ ему городѣ, онъ сталъ разспрашивать у чистильщика и послѣдній предложилъ ему въ путеводители своего младшаго брата. Притынскій согласился и сейчасъ же отправился вновь по городу, ведомый новымъ чичербне—негритенкомъ.

XVI.

Теперь я все покончилъ съ пароходомъ и въ полномъ вашемъ распоряженіи,—сказалъ капитанъ Фонтана, когда они вмѣстѣ съ Притынскимъ встрѣтились на углу 59 улицы, у самаго входа въ Центральный паркъ.

Яковъ Гордѣевичъ съ благодарностью пожалъ ему руку.

Крайняя осень сказывалась и здѣсь красноватымъ, пожелтѣвшимъ листомъ на деревьяхъ, уменьшеніемъ числа гуляющихъ въ паркѣ и значительною свѣжестью воздуха.

— Во-первыхъ, скажите мнѣ, чѣмъ вы желали бы заняться въ этой новой для васъ странѣ? — серьезно спросилъ морякъ своего собесѣдника.

— Право я не знаю, на что могутъ пригодиться мои знанія,—неувѣренно отвѣтилъ ему послѣдній.

— Въ такомъ случаѣ мое мнѣніе пробовать себя по всѣмъ отраслямъ, а время покажетъ, что васъ больше интересуетъ и на чемъ вы можете составить себѣ карьеру. Во-первыхъ, вы попробуйте себя въ торговой дѣятельности, и если вамъ угодно, я васъ сегодня же познакомлю съ двумя-тремя представителями нью-іоркскихъ фирмъ.

Притынскій согласился, и они вмѣстѣ отправились на Валь-Стритъ, гдѣ помѣщается вся финансовая дѣятельность Нью-Іорка.

Чтобы попасть туда, имъ нужно было миновать знаменитый Бруклинскій мостъ, перекинутый черезъ рукавъ Фетъ-риверъ и соединяющій Нью-Іоркъ съ Бруклиномъ. Колоссальная постройка эта заставила невольно остановиться передъ нею. Мостъ настолько высоко поставленъ, что къ нему надо подыматься по особой лѣстницѣ, а если—въ экипажахъ, то подъемною дорогой; подъ нимъ могутъ проходить большія морскія суда, не задѣвая его концами своихъ мачтъ. Бруклинскій мостъ постоянно полонъ движенія: широкій путь по срединѣ приспособленъ спеціально для пѣшеходовъ, два пути боковыхъ для экипажей и два еще крайнихъ для желѣзной дороги, но въ виду того, что мостъ подвѣсный, паровозовъ здѣсь для передвиженія употреблять нельзя, и вмѣсто нихъ примѣнена система безконечной цѣпи, приводимой въ движеніе громадной паровой машиной.

Притынскій не утерпѣлъ, чтобы не прокатиться по этому своеобразному пути; онъ заплатилъ по три цента за себя и за своего спутника и вагонъ быстро доставилъ ихъ на другую сторону. Назадъ въ Нью-Іоркъ они возвратились пѣшкомъ.

— Однако,—серьезно замѣтилъ капитанъ,—намъ нельзя терять времени, если вы желаете сегодня еще что нибудь сдѣлать.

Трамвай доставилъ ихъ въ южную часть города, и Анджело Фонтана привелъ своего новаго пріятеля къ одному изъ многоэтажныхъ домовъ, которые занимаютъ почти всю Валь-Стритъ.

— Здѣсь помѣщается контора мистера Джона Пикринъ, одного изъ крупныхъ экспортеровъ зерна на континентъ, — сказалъ капитанъ въ отвѣтъ на вопросъ Якова Гордѣевича,—я съ нимъ знакомъ уже нѣсколько лѣтъ и могу васъ ему рекомендовать.

Послушный лифтъ быстро поднялъ ихъ въ 8-й этажъ, и

послѣ удара въ дверь особымъ электрическимъ молоткомъ, ее открыла чисто одѣтая дѣвушка, горничная мистера Пикрина.

— Мистеръ Пикринъ въ настоящее время кончаетъ завтракать; не угодно ли джентльменамъ подождать его въ пріемной!— и она любезно указала на сосѣднюю комнату, гдѣ все было приспособлено для извѣстнаго комфорта, необходимаго при серьезныхъ переговорахъ. Масса журналовъ систематически лежала стопками на невысокихъ столахъ краснаго дерева, удобные шезъ-лонги тоже стояли въ разныхъ углахъ комнаты.

Въ неплотно притворенныя окна долеталъ уличный шумъ, какъ будто гдѣ-то глухо шумящій пчелиный рой. Долго ждать не пришлось.

Мистеръ Пикринъ, которому горничная подала карточку капитана, сознавалъ, что время въ Америкѣ каждому дорого, ускорилъ свой завтракъ и вышелъ къ посѣтителямъ.

— Очень радъ вашему пріѣзду, мистеръ Фонтана!—сказалъ онъ, крѣпко пожимая ему руку и пытливо посматривая на его товарища.

— Я тоже доволенъ васъ видѣть въ свою очередь, мистеръ Пикринъ! — отвѣтилъ капитанъ.—Дѣло въ томъ, что вы и я, люди занятые, намъ болтать не приходится, а потому скажу вамъ въ двухъ словахъ: мой хорошій другъ, мистеръ Джекобъ (фамилію свою Притынскій просилъ не говорить), явился въ Америку съ цѣлью испытать свои силы на какомъ нибудь поприщѣ. Я рекомендовалъ ему заняться коммерціей и привелъ его къ вамъ.

— Очень хорошо — спокойно сказалъ коммерсантъ и протянулъ Притынскому руку.—Я сдѣлаю все, что возможно, чтобы быть вамъ полезнымъ въ этомъ направленіи. Принять васъ въ свою контору сотрудникомъ, не зная вашихъ способностей, я не могу въ настоящее время, но такъ какъ у насъ въ Америкѣ существуетъ принципъ, что каждый трудъ долженъ быть оплаченъ, то вы будете у меня волонтеромъ и съ завтрашняго дня можете считать жалованья 15 долларовъ въ недѣлю. Это дастъ вамъ возможность просуществовать первое время, а тамъ я посмотрю.

Онъ пожалъ имъ обоимъ руки, давая знать этимъ, что разговоръ оконченъ, и посѣтители удалились.

Притынскій не могъ придти въ себя отъ изумленія отъ той поспѣшности, съ которой все дѣлалось въ Америкѣ. Изумленію его положилъ конецъ капитанъ, объяснивъ, что американцы не любятъ терять время на безполезные разговоры.

XVII.

Превратившись изъ самостоятельнаго, независимаго человѣка въ какой-то мало-замѣтный винтикъ той чудовищной машины, которую называютъ въ Америкѣ trade, Яковъ Гордѣевичъ старался возможно скорѣе войти въ дѣло, понять его механизмъ, что ему, какъ человѣку интеллигентному, получившему высшее образованіе и знакомому съ языкомъ страны, довольно скоро удалось.

Мистеръ Пикринъ лаконически дѣлалъ свои распоряженія, и въ началѣ стоило не малаго труда къ нимъ примѣниться. Въ свою очередь новый хозяинъ Якова Гордѣевича внимательно присматривался къ нему и давалъ ему все болѣе и болѣе серьезныя порученія.

Составъ всей конторы мистера Пикрина былъ не великъ: кромѣ его самого, двухъ бухгалтеровъ, кассира и нѣсколькихъ молодыхъ клерковъ, больше никого не было, и несмотря на такой небольшой составъ служащихъ, фирма имѣла большіе обороты со Старымъ и Новымъ Свѣтомъ.

Прошло уже болѣе двухъ недѣль со дня водворенія Притынскаго въ Нью-Іоркѣ. «Везувій», нагрузившись хлѣбомъ, ушелъ опять въ Европу. Два новые пріятели съ грустью разстались другъ съ другомъ, при чемъ Анджело еще разъ напомнилъ Якову Гордѣевичу, что если ему надоѣстъ быть въ Америкѣ, его пароходъ всегда къ услугамъ Притынскаго для безплатной доставки обратно въ Старый Свѣтъ.

Яковъ Гордѣевичъ поблагодарилъ за предложеніе, но въ душѣ рѣшилъ остаться навсегда въ Новомъ Свѣтѣ.

Со своимъ новымъ занятіемъ онъ все болѣе освоивался, и мистеръ Пикринъ очень часто посылалъ его въ другіе города Союза.

— Мистеръ Джекобъ,—сказалъ онъ ему какъ-то, возвратясь съ биржи, — бланкисты сегодня на биржѣ запродали большое количество маиса, я начинаю бояться, что свѣдѣнія о запасахъ въ Южныхъ Штатахъ, сообщенныя нашимъ корреспондентомъ, не вполнѣ точны. Если дѣйствительно бланкисты сумѣютъ покрыться дешевле продажной цѣны, то отмѣтки на маисъ значительно понизятся, и наша фирма должна нести не мало убытка. Я придумалъ слѣдующее: необходимо съѣздить, въ Вирджинію и Кентукки чтобы на мѣстѣ провѣрить запасы. Послать кого нибудь изъ моихъ молодыхъ людей рисковано: это стало бы извѣстно всему рынку. Поѣзжайте вы туда, вы иностранецъ, на васъ не обратятъ такого вниманія, какъ на нихъ. Вамъ будетъ гораздо легче все разузнать.

— Я буду очень радъ услужить вамъ, мистеръ Пикринъ! — отвѣчалъ Притынскій.—Когда нужно ѣхать?

Коммерсантъ изумленно на него взглянулъ.

— Какъ когда? Сейчасъ!—и онъ по телефону распорядился заказать билетъ на первый отходящій по направленію къ западу поѣздъ.

— Нужны вамъ деньги?—коротко спросилъ онъ русскаго.

— Нѣтъ, благодарю! У меня есть достаточно!

— Ну, такъ не теряйте времени, поѣзжайте!

Часъ спустя, Притынскій мчался въ вагонѣ пенсильванской желѣзной дороги по направленію къ Вашингтону.

Въ Америкѣ не существуетъ различныхъ классовъ. Всѣ пассажиры ѣздятъ въ одномъ. Якову Гордѣевичу, въ первый разъ путешествующему по американскимъ желѣзнымъ дорогамъ, было это ново. Онъ съ любопытствомъ обходилъ весь поѣздъ, несшійся съ невѣроятной для Европы быстротою, и присматривался къ чуждымъ для него нравамъ. Въ одномъ изъ первыхъ вагоновъ помѣщался за прилавкомъ коммерческій агентъ, торговавшій всевозможными предметами, начиная со сластей, закусокъ и кончая газетами и даже книгами. Американская энергія сказалась и здѣсь; агентъ, не довольствуясь тѣмъ сбытомъ своихъ товаровъ, который онъ имѣлъ благодаря приходу въ его лавочку покупателей, самъ обходилъ вагоны съ громадной корзиной, разнося и предлагая свои товары. Чтобы не терять время останавливаясь у каждаго пассажира и предлагая ему на выборъ различныя книги, онъ самъ, благодаря какой-то сметкѣ, проходя мимо сидящихъ, ловко бросалъ на ихъ кресла по одной книгѣ, предоставляя пассажиру до его возвращенія изъ конца поѣзда познакомиться съ предложенной книгой, купить ее или возвратить обратно. Подобныя манипуляціи производились имъ не разъ во время пути и торговля шла успѣшно.

Въ Яковѣ Гордѣевичѣ агентъ сразу угадалъ иностранца и предложилъ ему разсказы Бретъ-Гарта. Въ вагонѣ, кромѣ Притынскаго, было еще трое. Какой-то благообразный старикъ, съ большою сѣдою бородою, ѣхавшій съ молодою дѣвушкой, повидимому его дочерью; молодой человѣкъ, типичный представитель янки, въ продолженіе пути усердно разсматривавшій чертежи и планы, и методическій пасторъ, все время шептавшій псалмы.

Читать, при быстромъ ходѣ поѣзда, было почти невозможно, и Яковъ Гордѣевичъ случайно разговорился съ молодымъ американцемъ. Послѣдній оказался архитекторомъ, отправлявшимся въ Балтимору, гдѣ онъ строилъ громадный отель. Противъ обыкновенія американцевъ, архитекторъ былъ довольно разговорчивъ, разспрашивая въ свою очередь своего собесѣдника.

— Мы, американцы, живемъ, чтобы работать, тогда какъ вы, Стараго Свѣта, работаете, чтобы жить!—самодовольно повторилъ архитекторъ задачу янки.—Въ то время, какъ вы теряете время, работая надъ разрѣшеніемъ различныхъ вопросовъ, мы уже ихъ разрѣшили, и не только теоретически, но и на практикѣ. Еще недавно Европа пользуется элек-

тричествомъ, какъ двигателемъ, тогда какъ наши фабрики, за малыми исключеніями, всѣ признали его господство и работаютъ его силою.

— Позвольте, — перебилъ американца Яковъ Гордѣевичъ,—а ваши желѣзныя дороги, почему же онѣ въ такомъ случаѣ двигаются еще посредствомъ пара?

Архитекторъ на минуту смѣшался.

— О! Это вопросъ недалекаго будущаго! Очень можетъ быть, что черезъ годъ, вотъ этотъ же поѣздъ, на которомъ мы съ вами ѣдемъ, повезетъ насъ уже не паромъ, а электричествомъ!

Притынскій улыбнулся.

Повидимому, такая горячая увѣренность архитектора поразила и сидѣвшую къ нимъ спиною дѣвушку; она обернула свое лицо къ говорившему и засмѣялась. Американецъ немного обидѣлся ея смѣху и хотѣлъ уже сказать что-то рѣзкое, какъ Притынскій перемѣнилъ разговоръ.

Въ Балтиморѣ архитекторъ вышелъ. Какъ оказалось, профессоръ со своей дочерью направлялись въ Вашингтонъ. Подобно всѣмъ американкамъ, молодая дѣвушка, нисколько не стѣсняясь, сама заговорила съ Притынскимъ.

XVIII.

Если не ошибаюсь, сэръ, вы не американецъ!—бойко начала она разговоръ, въ то время какъ ея старикъ-отецъ не обращалъ никакого вниманія на то, что его дочь разговариваетъ съ незнакомымъ.

— Да, я русскій!

— Вы изъ Россіи?!—проговорила дѣвушка. Ея большіе голубые глаза съ изумленіемъ остановились на собесѣдникѣ.—Я плохо знакома съ вашимъ государствомъ, но много читала вашихъ знаменитыхъ писателей. О! Одинъ Толстой чего стоитъ! Достоевскій! Это все великіе гуманисты нашего вѣка.

— Вы знакомы съ нашими писателями?!—въ свою очередь изумился Яковъ Гордѣевичъ.

— Было бы странно не знать ихъ, вѣдь образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ на очень высокой степени. Слыхали-ли вы о существованіи Станфордскаго унивеситета.

Притынскій отозвался незнаніемъ.

— Очень жаль!—проговорила дѣвушка.—Это новое учрежденіе въ штатѣ Калифорнія, которое ожидаетъ громадная будущность. Я имѣю честь принадлежать къ числу студентокъ этого университета.

— Мнѣ было бы крайне пріятно знать болѣе подробно о немъ.

— Происхожденіе его нужно прямо приписать широкой бла-

готворительности калифорнійскаго милліонера Станфорда, затратившаго громадныя суммы на этотъ университетъ, съ цѣлью увѣковѣчить память своего единственнаго сына Леланда, который, еще будучи ребенкомъ, мечталъ объ общедоступной высшей школѣ. Въ настоящее время въ нашемъ университетѣ уже болѣе тысячи студентовъ и шестьдесятъ профессоровъ. Никто не хочетъ вѣрить, чтобы въ дикомъ уголкѣ Калифорніи могло создаться нѣчто подобное! Какіе глупцы!—презрительно продолжала студентка.—Нашъ университетъ ожидаетъ въ недалекомъ будущемъ громадная извѣстность въ цѣломъ мірѣ. Мы чужды сухой, мертвой буквѣ науки Стараго Свѣта, у насъ каждая наука живетъ, слушатель увлекается ею, и это создаетъ кадръ тружениковъ на житейской нивѣ, чуждыхъ прежней ограниченности, прежней узкости понятій и знаній. Окончившіе нашъ университетъ смѣло могутъ сказать, что они всесторонне образованы. Ни теорія, ни практика имъ не чужды!

— Къ сожалѣнію, мы, жители Стараго Свѣта, совсѣмъ незнакомы съ той стремительной поспѣшностью, съ той желѣзною энергіей, съ какою двигается образованіе въ Америкѣ! — проговорилъ Яковъ Гордѣевичъ, уничтоженный блестящею рѣчью своей собесѣдницы.

— Мой отецъ,—снова заговорила американка, — состоящій профессоромъ этого университета, Муксери—его имя, вполнѣ увѣренъ, что не пройдетъ и пяти лѣтъ, какъ нашъ университетъ въ Пало-Альто будетъ имѣть болѣе десяти тысячъ студентовъ.

Притынскій залюбовался оживленіемъ молодой дѣвушки. Небольшая блондинка, далеко не красивая, подъ впечатлѣніемъ своей горячей рѣчи какъ-то преобразилась; Яковъ Гордѣевичъ понялъ, почему американская нація такъ далеко опередила всѣ другія во всѣхъ отношеніяхъ.

— Вы знаете, что между прочими предметами, читаемыми у нихъ въ Пало-Альто, имѣются русскій языкъ, а равно и исторія этой славной страны?..

— Однако, вы, американцы, прямо достойны изумленія...

— Пріѣзжайте къ намъ, и вы увидите, что наше учрежденіе дѣйствительно заслуживаетъ полнаго вниманія; въ настоящее время я васъ не зову съ собою вмѣстѣ, такъ какъ мы съ отцомъ спеціально ѣдемъ въ Нашвиль, откуда направимся для обозрѣнія Мамонтовыхъ пещеръ... О, это крайне интересно! Отецъ посланъ туда университетомъ съ ученой цѣлью, такъ какъ онъ состоитъ профессоромъ геологіи, а равно и я, избравшая эту науку своей спеціальностью.

— Я надѣюсь, миссъ, при первой возможности ознакомиться какъ съ вашимъ университетомъ, такъ и съ этими пещерами, о которыхъ я не мало слышалъ въ Нью-Іоркѣ.

— Я не была въ Европѣ, но много читала про сталактитовыя отложенія въ южныхъ ея горахъ, но едва-ли они могутъ сравниться съ Мамонтовыми...

Національная гордость маленькой американки начинала нравиться Якову Гордѣевичу, и онъ охотно продолжалъ съ ней разговоръ.

— Если вы вздумаете когда-нибудь посѣтить ихъ, позвольте и дамъ вамъ маленькую рекомендательную записку къ моей подругѣ Мери Близъ; она раньше училась со мной въ одной школѣ, ея отецъ занимаетъ мѣсто помощника смотрителя въ Мамонтовыхъ пещерахъ, и вамъ удастся осмотрѣть ихъ очень подробно.

Молодая дѣвушка вынула изящный портъ-картъ и, написавъ нѣсколько словъ на своей визитной карточкѣ, вручила ее Притынскому.

Было уже совершенно темно, когда поѣздъ подошелъ къ Вашингтону. Благодаря автоматическимъ тормазамъ, онъ моментально остановился у платформы, сплошь залитой электричествомъ. Молодая американка, крѣпко пожавъ руку русскому, вышла изъ вагона, сопровождаемая своимъ отцомъ, не сказавшимъ въ продолженіи пути ни одного слова.

— Странный народъ! Странные нравы!—подумалъ Притынскій.

Въ вагонѣ оставался только пасторъ, видимо дремавшій; въ свою очередь Яковъ Гордѣевичъ перешелъ въ спальное отдѣленіе и скоро заснулъ ровнымъ сномъ здороваго человѣка.

XIX.

Громкій возгласъ кондуктора: «Цинцинати»! — заставилъ проснуться новаго агента фирмы Пикринъ. Брезжило утро. Сѣренькій осенній денекъ въ этотъ разъ смѣнился роскошнымъ утромъ заповдалой осени.

Промелькнула станція Глазго, и скоро поѣздъ, продолжая мчаться къ югу, прибылъ въ Нашвиль, откуда онъ дѣлаетъ рѣзкій оборотъ снова на сѣверъ.

Здѣсь на станціи Притынскій вышелъ изъ вагона и спустя нѣсколько времени уже находился, благодаря электрическому трамваю, въ одной изъ лучшихъ гостинницъ въ городѣ. Нашвиль представляетъ изъ себя крупный передаточный центръ по верну, а равно и другимъ произведеніямъ американскаго юга.

Далеко еще не опытный въ дѣлѣ добыванія всевозможныхъ свѣдѣній, Яковъ Гордѣевичъ уже отчасти примѣнился къ особенностямъ американцевъ.

При легкости завязыванія знакомства, онъ быстро разговорился въ пріемной отеля съ нѣсколькими личностями, на которыхъ ему указали, какъ на крупныхъ производителей и скупщиковъ маиса и пшеницы. Русскаго, при томъ, какъ онъ самъ про себя говорилъ, путешествующаго ради личнаго удовольствія,

ему шефу объ окончательномъ выясненіи интересующаго послѣдняго вопроса и ожидалъ его новыхъ распоряженій. Отвѣтъ послѣдняго былъ лаконичeнъ: «возвращайтесь»—стояло въ телеграммѣ, и Притынскій съ ближайшимъ поѣздомъ отправился въ Нью-Іоркъ.

Мистеръ Пикринъ былъ вполнѣ доволенъ удачнымъ исполненіемъ порученія своимъ новымъ служащимъ и значительно увеличилъ его содержаніе. Онъ понималъ, что въ торговомъ дѣлѣ смѣтливость и быстрое рѣшеніе—одни изъ главныхъ факторовъ успѣха и видѣлъ въ Притынскомъ человѣка, которому онъ могъ поручать различныя дѣла, требующія извѣстной смѣтливости.

Благодаря своевременному извѣстію изъ Нашвиля, мистеръ Пикринъ удержался отъ продажи громадной партіи маиса, находившагося на его складѣ, и въ настоящее время могъ разсчитывать продать его значительно дороже. Разница выражалась въ полтораста тысячъ долларовъ.

Ежедневная кипучая дѣятельность пришлась по душѣ Якову Гордѣевичу; въ ней онъ находилъ себѣ забвеніе пережитаго, покой и какое-то нравственное обновленіе самого себя. Еще такъ недавно стоявшая передъ нимъ грозная, замкнутая стѣна, не имѣвшая никакого для него выхода, кромѣ самоубійства, въ настоящее время отодвинулась куда-то далеко, въ туманную даль; увлеченія и интересы богатаго, ничѣмъ не занимающагося человѣка уступили мѣсто упорному труду, энергіи и желанію достичь извѣстной цѣли. Взгляды его на жизнь и на ея прихотливыя измѣненія были у Притынскаго уже не тѣ, чѣмъ ранѣе. Онъ понималъ прекрасно, что унаслѣдованный имъ отъ отца крупный капиталъ никогда не далъ бы ему возможности къ настоящей трудовой жизни, горизонтъ его оставался бы тамъ же узкимъ, какъ и раньше; онъ не зналъ бы, куда примѣнить свои силы.

— Все къ лучшему,—невольно шептали его губы, когда въ мысляхъ онъ пробѣгалъ всѣ послѣдніе случаи своей жизни.

Его любовь къ Грунѣ, такая сильная, самоотверженная, тоже отодвинулась на второй планъ. Изрѣдка онъ вспоминалъ ее, но далеко не съ такою грустью, какъ раньше. Спѣшащая впередъ американская жизнь, ищущая новыхъ путей, новыхъ завоеваній, захватила все его существо, онъ чувствовалъ себя какъ-то невольно однимъ изъ участниковъ этого громаднаго механизма. Мысль, что онъ только извѣстнаго рода машина въ громадномъ дѣлѣ, его нисколько не поражала, напротивъ того, она доставляла ему еще извѣстное самодовольство. Мысль его мужала, сознаніе своего собственнаго достоинства, какъ человѣка труда, все больше затягивало его въ это громадное колесо, которое называется американскою торговлей.

Анджело Фонтана телеграфировалъ ему изъ Европы, что

«Везувій» скоро будетъ въ Нью-Іоркѣ... Нѣмой намекъ, приглашающій его возвратиться въ Старый Свѣтъ, нисколько не взволновалъ Якова Гордѣевича, онъ только съ нескрываемымъ удовольствіемъ ожидалъ капитана, какъ человѣка, съ которымъ могъ подѣлиться всѣми своими мыслями, и если онъ былъ въ Чорноморьѣ, разузнать отъ него, не слышалъ ли онъ, что послѣдовало въ Алупкѣ послѣ его, Притынскаго, исчезновенія.

XXI.

СО ДНЯ вступленія русскаго въ фирму Пикрйна прошло болѣе полугода. Яковъ Гордѣевичъ вполнѣ освоился съ Америкой, а равно и съ условіями хлѣбной торговли, все болѣе и болѣе интересуясь раціональнымъ теченіемъ ея, чуждымъ для странъ Стараго Свѣта.

Онъ не снималъ отдѣльной квартиры и помѣщался въ одномъ изъ клубовъ, гдѣ имѣлись комнаты для одинокихъ. Работать приходилось ему иногда цѣлыми днями, сперва въ конторѣ, затѣмъ на пристани, такъ какъ шефъ поручилъ ему смотрѣть за отправкою въ Европу хлѣбныхъ грузовъ, а кромѣ того всѣ распоряженія по покупкѣ зерна въ разныхъ штатахъ отчасти ложились также на него; съ этой цѣлью онъ не однократно отправлялся по порученію Пикрина на западъ и югъ по желѣзнымъ дорогамъ, разузнавая истинное положеніе хлѣбныхъ рынковъ и сообразуясь съ дѣйствіями спекуляціи, продавалъ или удерживалъ на складахъ крупныя партіи товара.

Черезъ полгода эта усиленная дѣятельность сильно отразилась на его нервахъ, онъ чувствовалъ, что необходимъ, хотя не долгій, но абсолютный покой.

Съ этой цѣлью однажды, сидя въ конторѣ, онъ, дождавшись возвращенія съ биржи мистера Пикрина, сказалъ ему:

— Новая дѣятельность, мистеръ Пикринъ, утомила меня немного, а потому я хотѣлъ васъ просить дать мнѣ небольшой отпускъ.

Американецъ вполнѣ оцѣнилъ его требованіе и разрѣшилъ ему цѣлый мѣсяцъ отдыха. Оставаться въ душномъ Нью-Іоркѣ, въ концѣ весны, когда всѣ достаточные люди стараются убѣжать изъ него ввиду раскаленной атмосферы и недостатка воздуха,—Яковъ Гордѣевичъ не хотѣлъ. Онъ вспомнилъ о приглашеніи молоденькой миссъ Муксеры и рѣшилъ проѣхать въ Пало-Альто, но почему-то, добравшись до станціи Глазго, предпочелъ осмотрѣть знаменитыя Мамонтовы пещеры. Приходилось ѣхать въ сторону по вѣткѣ около двѣнадцати миль.

Поѣздъ остановился подъ вечеръ около семи часовъ въ густомъ лѣсу, у мѣста остановки не было никакого признака платформы и станціонныхъ строеній, но рельсы здѣсь конча-

лись, изъ чего Яковъ Гордѣевичъ заключилъ, что это и есть именно знаменитая станція «Cave».

Кромѣ него, изъ вагона вышли еще трое и остановились въ нерѣшительности.

Кондуктора выкинули прямо на землю ихъ багажъ, и поѣздъ тотчасъ же отправился заднимъ ходомъ обратно.

— Что же мы теперь будемъ дѣлать?—прервалъ молчаніе одинъ изъ туристовъ, судя по выговору,—французъ, и какъ потомъ оказалось крупный плантаторъ изъ Флориды.—Куда идти?

Остальные два спутника, молодые люди изъ Сѣверныхъ Штатовъ, тоже пріѣхали сюда въ первый разъ и не знали, куда направиться.

— Я думаю, что самое лучшее для насъ будетъ поискать дороги!—замѣтилъ Притынскій.

Сѣверяне тотчасъ же рѣшили послѣдовать его совѣту и направились въ правую сторону отъ рельсъ. Темнота царила страшная. Почти сейчасъ же Притынскій и французъ услышали ихъ веселое восклицаніе: Мы нашли! И вслѣдъ затѣмъ раздался серебристый звонъ колокола, оказалось, что поѣздъ почти подходитъ къ самой гостинницѣ «Мамонтовы пещеры», и для вызова оттуда прислуги нужно позвонить въ висящій здѣсь колоколъ.

Вскорѣ появились двое, не перестававшихъ смѣяться, негровъ съ тачками; въ нихъ они уложили вещи туристовъ и повезли въ гостинницу. Вслѣдъ за нимъ отправились и сами пассажиры. Черезъ нѣсколько минутъ открылась большая поляна, откуда, черезъ рѣдкій дубовый лѣсъ, виднѣлись огоньки гостинницы и довольно нестройно неслись звуки оркестра.

Подобная встрѣча музыкою пріѣзжающихъ—обычай, имѣющій мѣсто много лѣтъ въ этомъ отелѣ.

Каждаго изъ пріѣхавшихъ отвели въ громадную, но пустую комнату, снабженную, по американскому обычаю, широчайшею кроватью. Къ ужину всѣ собрались снова въ большой столовой гостинницы. Разговоръ завязался; говорили преимущество о красотахъ природы..

— Если джентльмены желаютъ,—замѣтилъ вкрадчиво прислуживающій имъ рослый негръ,—то осмотръ пещеръ можно начать и сегодня... Дорога возьметъ не особенно много отъ васъ времени, и до ночи вы успѣете осмотрѣть всѣ ближайшія пещеры!

Всѣ четверо охотно на это согласились.

Дальнюю прогулку будетъ удобнѣе сдѣлать завтра съ утра, тѣмъ болѣе, что съ утреннимъ поѣздомъ явятся новые пассажиры и идти длинною дорогою будетъ веселѣе. Проводникъ готовъ, джентльмены!

Спускъ начался.

XXII.

Каждому ихъ путешественниковъ дали по масляной лампѣ безъ стекла и, немного пройдя по тропинкѣ, они очутились въ мрачномъ глубокомъ ущельи, между горами, покрытыми лѣсомъ. Густая темнота, царившая до сихъ поръ, разсѣялась; надъ экскурсантами виднѣлось ясное небо, усѣянное звѣздами. Скоро оно скрылось, такъ какъ проводникъ изъ ущелья прошелъ въ широкую галлерею съ мрачнымъ каменнымъ сводомъ. Запертая на замокъ желѣзная рѣшетка преграждала путь.

Проводникъ негръ какъ-то недовольно проворчалъ, ударивъ въ ладоши и, обернувшись къ путешественникамъ, проговорилъ:

— Вотъ бѣда, джентльмены, ключъ-то я и забылъ! Подождите немного меня здѣсь, я сейчасъ за нимъ сбѣгаю!—и онъ бѣгомъ пустился обратно.

На оставшихся однихъ въ какомъ-то незнакомомъ подземельи экскурсантовъ напалъ невольный трепетъ; они считали минуты, ожидая возвращенія проводника.

— Самуель едва ли можетъ быть вамъ сегодня полезенъ, джентльмены!—услышали они женскій гармоническій голосъ, и въ освѣщенномъ лампами пространствѣ появилась женская фигура. Неожиданность подобнаго появленія заставила туристовъ вскрикнуть. Это была молодая дѣвушка, довольно высокаго роста; легкій полуплащъ, на ней накинутый, красиво лежалъ на ея стройной фигурѣ. Небольшая головка, обрамленная свѣтло-рыжими волнистыми волосами, съ изящно очерченнымъ носикомъ и небольшими полными губами, гармонировала съ остальною внѣшностью ея обладательницы. Большіе голубые глаза смѣло глядѣли на стоящихъ передъ ней мужчинъ; она улыбнулась и продолжала:

— Самми сегодня, благодаря празднику, немного лишнее выпилъ и потому идти съ нимъ было бы опасно; остальные проводники всѣ разбрелись, тоже по случаю праздника, а потому я позволяю, джентельмены, предложить себя вамъ въ проводники.

Старикъ французъ галантно поблагодарилъ за любезность незнакомку, остальные туристы послѣдовали его примѣру. Дѣвушка достала ключъ, опытною рукою открыло рѣшетку и предложила за собою слѣдовать.

— Здѣсь начинается главный ходъ; масса изгибовъ дѣлаетъ его протяженіе слишкомъ на пятнадцать километровъ.

Притынскій невольно слѣдилъ за стройной фигурой дѣвушки, такъ оригинально вызвавшейся быть проводникомъ.

Большой гротъ въ формѣ ротонды пересѣкъ имъ дорогу.

— Это было прежде большое заведеніе для добычи селитры, но въ настоящее время оно вполнѣ заброшено; замѣтьте какой здѣсь легкій воздухъ...

Дѣйствительно, дышалось легко.

— Осторожнѣе, господа!—продолжала дѣвушка, когда одинъ изъ молодыхъ людей наткнулся на одинъ изъ камней, наваленныхъ на дорогѣ.

— Постойте, я сейчасъ освѣщу вамъ путь!—и хорошенькій проводникъ зажегъ съ этими словами трубку бенгальскаго огня.

— Это мѣсто называется «Церковь методистовъ». Были случаи, что здѣсь служили обѣдню. Теперь... читайте!—и она подняла свой бенгальскій факелъ къ стоящимъ около столбовъ.

«Stop here!—громко прочелъ надпись Притынскій.

Дѣвушка отобрала у всѣхъ лампы и поставила ихъ за большой камень, а сама исчезла; вдругъ въ концѣ поворота галлереи появился обликъ свѣтлаго бюста, какъ будто сдѣланнаго изъ мрамора. Явленіе было очень рельефно и напоминало бюстъ старой женщины въ чепчикѣ. Веселый хохотъ молодой дѣвушки обнаружилъ ея присутствіе, и все это явленіе объяснилось ловкимъ оптическимъ фокусомъ, благодаря особому расположенію свѣта.

— Однако, мадемуазель,—обратился къ ней французъ,—вы прекрасно знакомы съ этими пещерами!

— Подождите, сэръ, я вамъ покажу еще удивительную вещь!—и снова отобравъ лампы, она кокетливо присѣла и произнесла:

— Покойной ночи, господа; я ухожу! Мы увидимся только утромъ!—съ этими словами она исчезла, оставивъ горящею одну только лампу и потушивъ остальныя. Волшебная перемѣна, происшедшая въ эту минуту, заставила всѣхъ вскрикнуть отъ изумленія. Казалось, что мрачные своды пещеры раздвинулись, и вмѣсто нихъ раскинулась темная звѣздная ночь. Звѣздочки сіяли, такъ какъ обширные размѣры самой пещеры, благодаря отсутствію свѣта, стали совершенно не видны. Шалунья-проводница для большаго эффекта крикнула «ку-ка-реку»! И немного спустя, зажгла красный бенгальскій огонь, что произвело дѣйствительно иллюзію восходящаго солнца.

— Однако, господа, мы достаточно много сегодня осмотрѣли,—замѣтила она своимъ спутникамъ.—Я думаю скоро одиннадцать часовъ. Пока мы совершимъ обратный путь, будетъ уже первый, а завтра вамъ придется цѣлый день посвятить дальнѣйшему осмотру!

Туристы согласились съ этимъ доводомъ и компанія пошла обратно.

— Вотъ, господа,—снова проговорила дѣвушка, останавливаясь въ небольшомъ гротѣ,—этотъ гротъ называется «Готическая часовня». Цѣлое преданіе связано съ этимъ названіемъ.

— Ахъ! Расскажите, мадемуазель. Это крайне интересно!—замѣтилъ французъ.

— Дѣло въ томъ, что жила была на свѣтѣ одна очень сентиментальная дѣвушка, совсѣмъ не такого характера, какъ я,—начала свой разсказъ молодая собесѣдница. — Родители у

ней умерли и она, желая почтить ихъ память, дала клятву никогда не выйти замужъ... на землѣ. Но все-таки въ концѣ концовъ она влюбилась въ одного молодого человѣка; однако, ввиду своей клятвы, выйти за него замужъ ни за что не соглашалась. Но женихъ ея былъ человѣкъ сообразительный. «Если вы дали клятву не вѣнчаться на землѣ, то повѣнчаемтесь подъ землею»! И бракъ ихъ совершился вотъ въ этой пещерѣ. А въ настоящее время здѣсь очень часто вѣнчаются молодыя парочки.

— Вѣроятно и ваша свадьба произойдетъ здѣсь же!—иронически замѣтилъ Притынскій.

— Все можетъ быть!—послышался насмѣшливый голосъ «проводника».—Если у меня найдется женихъ, который не будетъ имѣть ничего противъ!

Мужчины засмѣялись.

— А вотъ, бѣдняжки, уже нѣсколько милльоновъ лѣтъ желаютъ поцѣловать другъ друга—и не могутъ! снова указала дѣвушка на выступающіе два горизонтальные камня, напоминающіе собой вытянуться губы.

— Это—«Губы влюбленныхъ»!

Пройдя черезъ боковую галлерею, туристы и дѣвушка возвратились къ калиткѣ и снова поднялись наверхъ. Ночь была чудная, яркія звѣзды сіяли высоко въ небѣ. Притынскій съ восторгомъ впивалъ въ себя влажный и теплый воздухъ этой чудной ночи.

XXIII.

На другой день рано утромъ въ дверь Притынскаго кто-то постучалъ.

— Сэръ, если вы хотите идти на «большую прогулку въ пещеры»—необходимо поспѣшить: ровно въ восемь назначено отправленіе!

Яковъ Гордѣевичъ поспѣшно вскочилъ съ кровати, умылся и началъ одѣваться. Когда онъ вышелъ въ общую залу, кромѣ вчерашней компаніи, оказались еще новые туристы, прибывшіе съ ночнымъ поѣздомъ. Хотя проводникомъ являлся на этотъ разъ протрезвившійся Самми, но тѣмъ не менѣе вчерашняя дѣвушка, его замѣнившая, повидимому собиралась также на прогулку. Замѣтивъ Притынскаго, она любезно отвѣтила ему на поклонъ.

При дневномъ свѣтѣ бѣлизна ея кожи, присущее качество всѣхъ рыжеватыхъ блондинокъ, выдѣлялась еще замѣтнѣе. Густые, рыжіе волосы, туго свернутые жгутомъ, лежали высокою коронкою на ея головкѣ.

Костюмъ молодой дѣвушки отличался отчасти эксцентричностью:

темносѣрая юбка, не очень длинная, позволяла видѣть небольшія ноги, обутыя въ сапожки мѣстнаго фасона. Широкая блуза малиноваго цвѣта скрывала пышный бюстъ дѣвушки. На головѣ было мягкое фланелевое кэпи. Сегодня, при дневномъ свѣтѣ, она еще болѣе понравилась Притынскому, и онъ, отведя въ сторону безъ толку толкавшагося чернолицаго Самми, тихо его спросилъ:

— Кто эта леди?

Лицо проводника расплылось въ широкую улыбку и онъ довольный отвѣтилъ:

— Го, го, го! Развѣ, сэръ, не знаетъ нашу маленькую миссъ Мэкки?

Яковъ Гордѣичъ нетерпѣливо качнулъ головой.

— Простите, сэръ, это мы ее называемъ Мэкки, а посторонніе зовутъ ее миссъ Мери Близъ, она дочь нашего смотрителя.

Услышавъ это имя, Яковъ Гордѣевичъ вспомнилъ о своемъ разговорѣ со студенткою и о карточкѣ, которою она его снабдила. Онъ быстро отыскалъ послѣднюю въ своемъ бумажникѣ и, подойдя къ миссъ Близъ, передалъ ее ей.

— Очень рада, сэръ, съ вами познакомиться!—радушно проговорила дѣвушка, крѣпко, по-мужски пожимая ему руку. — Сузи — моя лучшая подруга! Я одно время мечтала тоже поступить въ университетъ въ Пало-Альто, но, увы, это мнѣ не удалось!.. Однако, сэръ, намъ нужно идти: заигралъ нашъ оркестъ; онъ всегда встрѣчаетъ и провожаетъ туристовъ!..

Нестройными группами потянулись послѣдніе по той же самой дорогѣ, какъ и вчера. Разнообразіе состояло въ цѣлой стаи собакъ, ихъ провожавшихъ; онѣ довели ихъ до рѣшетки, но не рѣшились спуститься внизъ. Пройдя по вчерашней дорогѣ нѣсколько времени, проводникъ повернулъ налѣво.

— Это мѣсто называется, господа, долиной смиренія!..

Вчерашній весельчакъ-французъ, только что предполагавшій сказать какую-то остроту, моментально замолчалъ и съ испугомъ посмотрѣлъ на сводъ пещеры; тамъ, надъ самой головою, еле держался, тремя углами упираясь въ выступы боковыхъ стѣнъ, громадный камень и буквально заставлялъ вспоминать о «memento mori» каждаго проходившаго подъ нимъ. Шутки и веселые разговоры смолкли; всѣ шли молча, боясь, чтобы сотрясеніе воздуха отъ разговоровъ не заставило рухнуть эту громаду...

Мери Близъ, шутя, побѣжала впередъ, не обращая вниманія на трусость мужчинъ.

— Ну, кто не боится—слѣдуйте за мною!

Изъ всей группы туристовъ только двое послѣдовали ея приглашенію: это были Притынскій и плантаторъ-французъ.

Долина смиренія была пройдена, но впереди оставалось не мало затрудненій, изъ которыхъ одно—«бѣдствіе шотландца», чемъ нужно было проходить чуть ли не ползкомъ, было

очень затруднительно. Скоро они добрались до подземной рѣки Стиксъ; картина подземнаго водоема была поразительная, пришлось сѣсть въ лодку и ѣхать въ озеро Леты...

— Вы не боитесь?—услышалъ рядомъ съ собою женскій голосъ Притынскій.

— О, нисколько! Тѣмъ болѣе, что компанія наша не маленькая!..

Окончивъ переѣздъ по озеру, рѣшились приняться за взятый съ собою завтракъ. Раскинувшись на обломкахъ камней, компанія весело закусывала; картина была очень живописная. Они сидѣли полусвѣщенные довольно примитивными лампами, при чемъ получалось крайне оригинальное впечатлѣніе.

XXIV.

Осмотрѣвъ довольно подробно всѣ извилины и проходы Мамонтовыхъ пещеръ, компанія туристовъ была приведена проводникомъ къ такъ называемому «пробочнику». Это была своеобразная лѣстница, снабженная всевозможными, удобными и неудобными, переходами.

Много труда стоило, чтобы подняться по ней кверху; но, слѣдуя за легко взбиравшейся дѣвушкой, то по плохо уложеннымъ громаднымъ камнямъ, то по трепещущей веревочной лѣстницѣ,—Яковъ Гордѣевичъ добрался до выхода изъ пещеръ.

Вмѣсто дня, во время котораго компанія спускалась книзу, Притынскаго встрѣтила снова теплая ночь средней полосы Америки.

— Вы теперь, навѣрно, спѣшите къ дому? — спросилъ онъ свою спутницу, замѣчая, что остальные экскурсанты далеко остались за ними.

— Да, я спѣшу къ моему отцу, который цѣлый день оставался одинъ!.. Пойдемте вмѣстѣ со мною! — просто предложила дѣвушка.—Онъ будетъ радъ познакомиться съ вами, потому что онъ очень уважаетъ знакомыхъ моей подруги, считая ее одною изъ выдающихся...

Молодой человѣкъ предложилъ Мери свою руку, и они вмѣстѣ отправились къ стоявшему въ отдаленіи небольшому домику. Старый мистеръ Близъ уже приготовлялся спать, когда въ комнату вошла его дочь съ своимъ спутникомъ.

— Папа, это тотъ русскій, о которомъ писала намъ Сузи!..

— Мнѣ очень пріятно познакомиться съ вами, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ у насъ здѣсь, въ Мамонтовыхъ пещерахъ, не было ни одного русскаго!—сказалъ старый смотритель.

Разговоръ завязался и, пользуясь этой минутой, миссъ Близъ ушла въ свою комнату, чтобы переодѣться.

Смотритель представлялъ изъ себя типъ американца, «видав-

шаго виды» и въ настоящее время уже утомившагося жизнью и вполнѣ покорившагося судьбѣ, сдѣлавшей изъ него далеко не хорошо обезпеченнаго служащаго въ компаніи, эксплоатировавшей Мамонтовы пещеры.

Плотный, небольшаго роста, мистеръ Близъ, съ неизбѣжною бородою, росшею ниже подбородка, выглядѣлъ еще довольно крѣпкимъ янки.

— Не болятъ у васъ кости, мистеръ Джекобъ, отъ нашего пробочника?—шутливо замѣтилъ смотритель.

— О, нисколько! Взобраться по немъ вовсе не трудно; мнѣ приходилось дѣлать экскурсіи, гдѣ подъемъ былъ гораздо труднѣе.

Мистеръ Близъ съ изумленіемъ взглянулъ на говорившаго.

— Къ сожалѣнію, я не могу васъ самъ проводить, такъ какъ сталъ уже старъ для этого, а то бы я вамъ показалъ одно мѣсто въ нашихъ пещерахъ, пройти которое дѣйствительно составляетъ подвигъ. Представьте себѣ, что нужно ползти на животѣ около пятидесяти футовъ, но за то вы потомъ попадаете въ такой гротъ, который служитъ вамъ вполнѣ возмездіемъ за нѣсколько минутъ неудобства.

— Что же это за гротъ.

— О, это одно изъ чудесъ нашихъ пещеръ! Онъ не великъ, но роскошно украшенъ всевозможными различныхъ формъ и цвѣтовъ сталагмитами и сталактитами. Моя дочь никогда тамъ не бывала.

— Оттого, папа,—раздался ея веселый голосъ,—что ты мнѣ этого никогда не позволилъ сдѣлать!

Молодая дѣвушка стояла на порогѣ комнаты, уже переодѣтая въ обыкновенное платье.

— Я вамъ показала массу интереснаго въ нашихъ пещерахъ; въ свою очередь вы должны разсказать мнѣ о вашемъ далекомъ отечествѣ, о которомъ мы, американцы, такъ много слышали, хотя, къ сожалѣнію, мало знакомы какъ съ самой страной, а равно также съ ея обитателями. Скажите, пожалуйста, напримѣръ: ваши женщины такъ же самостоятельны, какъ и мы, американки?

— Въ Россіи женская эмансипація начинаетъ пускать глубокіе корни, и годъ отъ году «это слабое созданіе» все болѣе и болѣе вытѣсняетъ насъ, мужчинъ, изъ тѣхъ сферъ дѣятельности, которыя искони имъ принадлежали.

Мери весело засмѣялась, обнаруживая рядъ красивыхъ зубовъ.

— Браво! Браво! Я рада за моихъ русскихъ подругъ, и еще тѣмъ болѣе, что трудно было ожидать, что въ такой молодой странѣ, какъ Россія, женская равноправность такъ скоро будетъ осуществима.

— Однако и у васъ, мистеръ Джекобъ,—внушительно проговорилъ Близъ,—женщина является сильнымъ конкуррентомъ для мужчинъ.

— Что же дѣлать! Нельзя остановить извѣстнаго пробужде-

нія самосознанія у женщинъ, ихъ желанія работать наравнѣ съ мужчинами; вѣдь это ихъ право...

— Назначеніе женщины—материнство, хозяйство и воспитаніе дѣтей!—вѣско произнесъ старый смотритель.

— Твои взгляды, папа, черезчуръ ретроградны! Что бы сказала Сузи, если бы она тебя слышала!

Уловить истинную интонацію молодой дѣвушки было трудно. Яковъ Гордѣевичъ съ восхищеніемъ смотрѣлъ на ея стройную фигурку, стараясь угадать, говорила ли она истинно убѣжденная въ равноправіи женщинъ, или это было только желаніе посердить отца.

— Съ тобой никогда не столкуешься, Мери,—ворчливо замѣтилъ Близъ.—Однако, душа моя, ты ничѣмъ не угощаешь нашего гостя! А у насъ, какъ знаешь, есть цѣлый боченокъ чуднаго аликанте, которое прислалъ тебѣ мистеръ Муксери изъ Пало-Альто.

Дѣвушка поспѣшила исполнить желаніе отца, и минуту спустя, передъ новыми знакомыми стояли изящныя хрустальныя рюмки, которыя Мери заботливо налила сверкающимъ, какъ рубинъ, масляничнымъ аликанте.

XXV.

Прошло болѣе недѣли послѣ пребыванія молодого русскаго въ гостинницѣ «Мамонтовы пещеры». Онъ успѣлъ осмотрѣть все, что было въ нихъ замѣчательнаго. Былъ и въ «Египетскомъ храмѣ», и въ «Большомъ городѣ», проползъ, руководимый чернымъ Самуелемъ, и въ гротъ, и все-таки продолжалъ оставаться здѣсь. Время его вакацій значительно сократилось, тѣмъ не менѣе его не интересовало ѣхать дальше для осмотра массы другихъ интересныхъ мѣстъ Соединенныхъ Штатовъ. Даже предполагаемое посѣщеніе университета въ Пало-Альто и Іелостонскаго парка онъ отложилъ на будущее время.

Иногда Яковъ Гордѣевичъ цѣлыми часами просиживалъ въ задумчивости, недалеко отъ главнаго входа въ пещеры; въ его мысляхъ пестрымъ калейдоскопомъ проносились всѣ случаи его жизни. Онъ видѣлъ себя балованнымъ однимъ сыномъ богатаго виноторговца, исполнявшаго всѣ его прихоти, всѣ его желанія. Ранняя смерть матери заставила его отца перенести всю свою любовь на его одного. Еще съ раннихъ лѣтъ онъ сознательно сталъ учиться, гордясь тѣмъ обстоятельствомъ, что не смотря на все богатство отца, онъ можетъ работать, не прибѣгая къ помощи репетиторовъ и учителей. Гимназію онъ окончилъ хорошо; точно также старательно работалъ онъ въ университетѣ и окончилъ его блестяще. Старикъ-отецъ не долго могъ наслаждаться сознаніемъ, что его сынъ вышелъ хорошимъ человѣкомъ. Не прошло и года по окончаніи Яковомъ Гордѣевичемъ

курса въ университетѣ, старый кабатчикъ умеръ, завѣщавъ сыну свое крупное состояніе. Затѣмъ знакомство съ Эверецкимъ, платоническое увлеченіе женою послѣдняго, разводъ Глѣба Аѳанасьевича, неожидаемый бракъ его съ Груней и вплоть до самой катастрофы въ Крыму—все вспомнилось въ эти часы Якову Гордѣевичу.

Но странно! Онъ чувствовалъ, что отъ всего этого прошлаго его отдѣляла какая-то туманная завѣса, смягчавшая всѣ образы, чувства... Горе, радость—все слилось въ какіе-то неясные образы, ни чуть не волнующіе его сердце. Немного прошло еще времени отъ его попытки на самоубійство, но Притынскій вспоминалъ о немъ, какъ о чемъ-то нелѣпомъ, странномъ и въ настоящую минуту ничѣмъ имъ необъяснимомъ.

— Я не могу понять, почему я рѣшился на подобное? Вѣдь жизнь, міръ... все это такъ дорого, все это такъ мимолетно, что прекращать самовольно то, что дано намъ Творцомъ—не честно уже только потому, что мы останемся неоплатными должниками передъ Нимъ, давшимъ намъ все это, увѣреннымъ, что мы пройдемъ наше жизненное поприще до конца, не прерывая его самовольно.

Одновременно съ угасающими красками своей прежней жизни, привязанностей и чувствъ,—Яковъ Гордѣевичъ сознавалъ, что это перерожденіе открывало для него новые горизонты, у него рождались новые взгляды, новые задачи и цѣли жизни.

Случайная встрѣча въ вагонѣ съ миссъ Муксери и знакомство, благодаря ей, съ Мери Близъ,—поражало его своей послѣдовательностью. Симпатія, которую онъ чувствовалъ къ послѣдней, невольно заставляла его серьезно обдумать свое настоящее положеніе и хладнокровно обсудить о будущемъ.

Теперь онъ ясно понималъ, что возвращеніе его въ Россію, если и возможно, то не ранѣе, какъ по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ и уже на правахъ американскаго гражданина. Заботы о судьбѣ когда-то имъ такъ горячо любимой женщины, объ ея счастьи съ Глѣбомъ, отошли на второй планъ. Оставленный имъ въ Россіи крупный капиталъ также не интересовалъ Притынскаго, онъ вѣрилъ, что въ недалекомъ будущемъ онъ снова будетъ богатъ; Америка, съ ея частыми случаями возможности разбогатѣть была передъ его глазами. Несмотря на сравнительно не долгое пребываніе въ фирмѣ Пикрина, онъ видѣлъ, какъ быстро наживаются капиталы и сознавалъ полную возможность сдѣлаться въ короткое время богачемъ.

Во время своего десятидневнаго пребыванія въ Мамонтовыхъ пещерахъ, онъ близко приглядѣлся къ миссъ Мери, и его невольно тянуло къ этой оригинальной по характеру молоденькой американкѣ. Свобода, позволяющая въ Америкѣ мужчинѣ быть откровенному съ женщиной, давала право Притынскому переговорить съ миссъ Мери и вполнѣ выяснить этотъ вопросъ,

но Яковъ Гордѣевичъ, благодаря чисто славянской нерѣшительности своего характера, уклонился отъ объясненія.

За все время своего пребыванія въ этой мѣстности, онъ близко сошелся съ молодой дѣвушкой, много разсказывалъ ей про Россію, которою она такъ интересовалась, и только наканунѣ своего отъѣзда въ Нью-Іоркъ, онъ какъ-то вскользь замѣтилъ:

— Когда-то и гдѣ намъ придется съ вами встрѣтиться, миссъ Мери!

Дѣвушка задумчиво посмотрѣла на него своими большими голубыми глазами и произнесла:

— А развѣ это для васъ такъ интересно, мистеръ Джекобъ?

Притынскій ничего не нашелся отвѣтить, но Мери, повидимому, по его взгляду поняла отвѣтъ и быстро сказала:

— Въ началѣ будущаго лѣта я буду въ Пало-Альто и по всей вѣроятности останусь тамъ до самой осени, пока у Сузи и ея отца не начнутся занятія въ университетѣ!..

И они разстались, причемъ Притынскій твердо рѣшилъ пріѣхать лѣтомъ въ Пало-Альто.

XXVI.

Вы аккуратны, мистеръ Джекобъ!—сказалъ мистеръ Пикринъ, когда Яковъ Гордѣевичъ появился въ конторѣ фирмы на Валь-Стритѣ.—Теперь наступаетъ самая оживленная дѣятельность, и я увѣренъ, что вы мнѣ будете очень полезны.

Притынскій молча поклонился и прошелъ въ отдѣленіе конторы, гдѣ онъ занимался. Кипучая дѣятельность громаднаго города снова его охватила, и онъ весь ушелъ въ нее. Только что проведенные имъ нѣсколько дней идиллическаго отдыха, во время котораго онъ опять ощутилъ возможность найти личное счастье, были временно имъ забыты. Въ этой странѣ, гдѣ всѣ живутъ, чтобы работать, трудъ иначе не понимается, какъ только тогда, когда человѣкъ вполнѣ отдался ему. День еще только забрежжится, какъ въ контору уже передается изъ главнаго почтамта, посредствомъ пневматическихъ подземныхъ трубъ, вся утренняя корреспонденція, распечатать, прочитать и отвѣтить на которую обязанность лежала въ фирмѣ Пикрина на самомъ шефѣ, старшемъ корреспондентѣ и Притынскомъ. Уже въ 12 час. дня вся почта была готова, срочныя письма снабжены особыми марками, съ помощью которыхъ онѣ экстренно доставляются адресатамъ, и затѣмъ до часу контора остается пустою: всѣ завтракаютъ. Нигдѣ въ цѣломъ мірѣ сдѣлки не производятся такъ быстро, при сравнительно лаконичныхъ переговорахъ по телеграфу или телефону. Все организовано согласно послѣднимъ условіямъ торговли, и вслѣдствіе этого задержки въ пріемѣ и

димо сконфуженый своимъ неудачнымъ ходомъ, онъ не разъ совѣтовался съ Яковомъ Гордѣевичемъ о возможности выйти изъ этого положенія съ незначительными потерями, хотя это, въ виду продолжавшихъ понижаться цѣнъ, едва ли было возможно. Ни широковѣщательныя рекламы, рисующія положеніе хлѣбнаго рынка очень благопріятнымъ для владѣльцевъ зерна, ни фиктивныя продажи по высокимъ цѣнамъ пшеницы—ничто неудерживало болѣе цѣнъ на извѣстномъ, желаемомъ Пикриномъ, уровнѣ.

— Подумайте, мой другъ, нельзя ли найти какую-нибудь лазѣйку, чтобы выскочить изъ этого положенія?—замѣтилъ Притынскому встревоженный принципалъ.—Не съѣздить ли вамъ снова во внутрь страны и прислать изъ разныхъ мѣстъ депеши о плохомъ состояніи посѣвовъ?

— Едва ли это поможетъ, мистеръ Пикринъ! Свѣдѣнія эти можно легко и скоро провѣрить, тѣмъ болѣе, что ваши американцы, люди крайне практичные, не пойдутъ на подобную удочку.

— Что же дѣлать?! Что же дѣлать? — растерянно говорилъ коммерсантъ, порывисто бѣгая по своему кабинету при конторѣ.

Русскій задумчиво молчалъ; онъ опустилъ голову и оперся правою рукой о высокую конторку краснаго дерева.

— Мнѣ пришла одна мысль въ голову, мистеръ Пикринъ; за удачу ея я не ручаюсь, но во всякомъ случаѣ можно попробовать! Только вы мнѣ должны довѣриться...

Лицо шефа просіяло, онъ крѣпко пожалъ руку Притынскаго и какъ-то увѣренно прошепталъ:

— Знаете ли, мой другъ, я почему-то думаю, что это вамъ удастся, но только спѣшите; бланкисты готовы бросить цѣны на пшеницу еще ниже; пройдетъ день-другой, мукомолы также послѣдуютъ ихъ примѣру и размольный хлѣбъ легко можетъ сравняться въ цѣнѣ съ зерновымъ...

Яковъ Гордѣевичъ таинственно улыбнулся и спокойно произнесъ:

— Медлить не буду! Сегодня же начну!

— Отлично!—сказалъ мистеръ Пикринъ, и они разстались.

XXVIII.

Разговоръ между шефомъ и Притынскимъ происходилъ часовъ въ 10 утра, а въ 12 ч. въ конторѣ мистера Пикрина раздался громкій звонокъ телефона. Онъ быстро подбѣжалъ къ нему и приложилъ къ уху трубку.

— Галло! Кто говоритъ?

— Мы купили отъ васъ 5,000 бушелей пшеницы.

— Кто вы?

— Боръ, Бикъ и комп.

Американецъ даже отскочилъ отъ телефона. На лицѣ его появилось нескрываемое изумленіе. Боръ, Бикъ и комп. была одна изъ фирмъ, которая вмѣстѣ съ нимъ поддерживала цѣны.

— Это странно! — сказалъ онъ самъ себѣ. — Мистеръ Джекобъ, зная мой договоръ съ ними, продаетъ имъ товаръ.

Но его еще болѣе изумилъ новый телефонный запросъ о продажѣ Притынскимъ другой фирмѣ, Гаузистовъ, крупной партіи пшеницы.

— Онъ съ ума сошелъ!—недовольно вскрикнулъ мистеръ Пикринъ.

Между тѣмъ сообщенія о новыхъ продажахъ пшеницы за счетъ фирмы продолжали сыпаться изъ телефона. По подсчету бухгалтера почти вся громадная партія наличной пшеницы была продана и при томъ по такимъ цѣнамъ, что убытокъ получался очень значительный.

Американецъ, внѣ себя отъ отчаянія, хотѣлъ уже было по телефону остановить дальнѣйшую продажу, какъ послѣдній снова зазвонилъ.

— Галло! Чортъ васъ побери! Еще продали? Такъ вѣдь вы меня совсѣмъ раззорите!

Но вмѣсто Притынскаго, онъ услышалъ совсѣмъ незнакомый ему голосъ, говорившій:

— За вашъ счетъ куплено 25,000 бушелей пшеницы № 2 по 87 центовъ.

Пикринъ внимательно прислушался. Покупка была совершена на цѣлый центъ за бушель дешевле, чѣмъ была продана самая дешевая партія его зерна. Телефонъ продолжалъ звонить, сообщая все о новыхъ и новыхъ покупкахъ Якова Гордѣевича. Лицо принципала все болѣе и болѣе прояснялась; онъ подошелъ къ внимательно записывающему сдѣлки бухгалтеру и прошепталъ:

— А парень-то не дуракъ!

Идея Притынскаго распродать старый товаръ и замѣнить его болѣе дешевымъ новымъ, удалась какъ нельзя болѣе. Разница въ цѣнѣ получалась значительная и покрывала убытокъ отъ продажи.

Но что это значитъ? Телефонъ, послѣ небольшого промежутка, снова звонитъ.

— Я продалъ 10,000 бушелей по 92 цента,—сообщилъ Притынскій.

Цѣна оказалась выше покупной.

Гаузисты, дурно истолковавъ маневръ Притынскаго, предполагая, что своими покупками онъ желалъ покрыть сдѣланные имъ въ началѣ биржи бланковыя запродажи, внезапно повысили цѣны на пшеницу, и ловкій русскій распродалъ только-что купленную имъ партію зерна съ очень крупнымъ барышемъ.

— Вы не русскій, а американецъ! — довольно проговорилъ мистеръ Пикринъ, крѣпко пожимая руку своему довѣренному, когда тотъ вернулся съ биржи въ контору.—Откровенно говоря,

городскому шуму—здѣсь было совсѣмъ тихо. Изрѣдка проѣзжалъ фургонъ, запряженный парою лошадей, перевозившій что-нибудь на станцію, которую только что покинулъ Притынскій. Колеса солидно гудѣли по хорошо укатанной дорогѣ; длинный бичъ возницы весело хлопалъ, и лошади бѣжали ровною рысью. Русскій, пройдя съ полъ-километра, остановился около небольшой фермы и, не видя никого, тихонько постучалъ большимъ висящимъ на дубовой двери кольцомъ. На стукъ вышла пожилая, но еще бодрая женщина, просто, но чисто одѣтая, повидимому сама фермерша, и спросила Притынскаго, что ему надо.

— Мнѣ хочется ѣсть! Не можете-ли вы мнѣ дать чего нибудь?

Женщина улыбнулась и предложила войти въ домъ; въ довольно большой столовой былъ накрытъ общій столъ, за кототорымъ уже сидѣло около десяти человѣкъ. Притынскій сѣлъ рядомъ и началъ вмѣстѣ съ другими обѣдать. Разговоръ завязался; добродушная хозяйка говорила безъ умолку, разспрашивая своего гостя и одновременно разсказывая ему о мѣстномъ житьѣ-бытьѣ. Яковъ Гордѣевичъ, проголодавшись на прогулкѣ, невнимательно ее слушалъ, усердно занимаясь ѣдою, но нѣсколько фразъ, произнесенныхъ фермершей, заставили его насторожиться и болѣе внимательно отнестись къ ея словамъ.

— Чудаки, когда это еще было! Чуть-ли не при моемъ дѣдушкѣ,—самодовольно говорила хозяйка,—а они вздумали поднимать этотъ вопросъ теперь! Разумѣется теперь онъ не пойдетъ, и наши умники останутся съ носомъ!

Сидящіе за столомъ добродушно засмѣялись...

XXX.

КАКОМЪ вы затрудненіи говорите, миссисъ?—спросилъ Притынскій.

— Вѣроятно вы не здѣшній, что предлагаете мнѣ подобный вопросъ? Вѣдь весь островъ Мангатанъ, на которомъ находится Нью-Іоркъ, состоитъ изъ сплошного камня, этотъ каменный кряжъ тянется и подъ нашими полями...

— Но въ чемъ же собственно дѣло?

— Въ чемъ дѣло?—и хозяйка пренебрежительно посмотрѣла на гостя.—Дѣло въ томъ, что мой мужъ и наши сосѣди подали просьбу, чтобы правительство насъ вознаградило казенными землями въ виду того, что на нашей землѣ, благодаря ея тонкому слою, урожаи стали не важные.

— Да!.. Но съ какой стати правительство станетъ васъ вознаграждать?—замѣтилъ Притынскій.

— Да, теперь я вполнѣ вижу, что вы иностранецъ! Вѣдь

эти земли правительство еще послѣ южной войны роздало ветеранамъ! Развѣ мы виноваты, что земля оказалась плохой, пластъ ея очень тонокъ и безъ удобренія ничего нельзя сдѣлать, а подъ низомъ сплошной камень.

Якову Гордѣевичу пришла странная фантазія разузнать, изъ какой породы состоитъ эта каменная масса, и онъ спросилъ объ этомъ хозяйку.

— А!. Вы вѣроятно геологъ! Тогда прошу спуститься вмѣстѣ со мною въ подвалъ; основаніе его стоитъ прямо на каменной массѣ.

И молодой человѣкъ вмѣстѣ съ хозяйкой спустились внизъ. Подвалъ, въ который они проникли, былъ очень обширный; въ немъ практичные янки хранили зимою всѣ произведенія своего огорода, отправляя ихъ на рынокъ въ Нью-Іоркъ. Громадныя кучи картофеля высились среди пола; по сторонамъ на особыхъ полкахъ лежала морковь, рѣпа, хрѣнъ, рѣдька, свекольникъ и другія овощи. Повидимому, у миссисъ Фланаганъ хозяйство было не изъ маленькихъ.

Притынскій наклонился къ полу и ощупалъ его рукою. Онъ былъ довольно гладокъ; при слабомъ свѣтѣ, скупо проникающемъ чрезъ верхнія отдушины, Яковъ Гордѣевичъ различилъ его красный цвѣтъ.

— Вотъ тутъ у насъ есть осколки, если желаете посмотрѣть!—и хозяйка подала ему довольно увѣсистый камень.

Подойдя къ тому же слабому источнику свѣта, Яковъ Гордѣевичъ убѣдился, судя по излому камня, что это хорошей породы порфиръ. Новая мысль блеснула у него въ головѣ:

— Не дурно бы устроить здѣсь ломки! Сбытъ, благодаря близости Нью-Іорка, можно считать обезпеченнымъ!..

И онъ поднялся наверхъ вмѣстѣ съ хозяйкой.

— Отчего же вы не продадите эту землю, разъ она приноситъ вамъ плохой доходъ?—снова замѣтилъ русскій.—Во всемъ ли поселкѣ такая плохая почва?

— О, нѣтъ! Только у насъ и у нашихъ обоихъ сосѣдей. Дальше каменный пластъ прекращается и почва становится глубже! У всѣхъ насъ троихъ акровъ 160 земли.

— Вы бы продали эту землю?

Фермерша съ изумленіемъ на него взглянула.

— Съ большой охотой! Только едва ли найдется желающій изъ частныхъ лицъ на нее!

Притынскій, продолжая раздумывать, ничего не отвѣтилъ.

— Что же вы и ваши сосѣди хотите за землю?—послѣ нѣкотораго молчанія спросилъ онъ снова.

— Это будетъ зависѣть—купятъ ли ее съ постройками или придется ихъ снести!

— Нѣтъ! Ваша цѣна за одну землю?

Хозяйка на минуту задумалась и затѣмъ какъ-то рѣшительно сказала:

— Да, если заплатятъ долларовъ 50 за акръ, да на уборку домовъ дадутъ каждому изъ насъ по тысячѣ,—дѣло можно кончить въ три слова!

— Хорошо!—спокойно замѣтилъ Притынскій.—Зовите вашихъ сосѣдей, и мы столкуемся, я думаю вашъ мужъ это вамъ разрѣшилъ!

Фермерша переходила отъ изумленія къ изумленію. Страшно желаемая продажа земли, хотя и давно жданная, поразила ее своей неожиданностью.

— Несомнѣнно это агентъ правительства по отчужденію земель!—мелькнуло у ней въ головѣ, и она побѣжала за своими сосѣдями.

Рослый О'Бріенъ, типичный ирландецъ, и небольшаго роста Мекъ-Кипъ, предки котораго явились изъ Шотландіи, были не менѣе миссисъ Фланаганъ изумлены предложеніемъ пришельца, но все-таки немедленно пришли съ нею вмѣстѣ. Притынскій предложилъ имъ свой вопросъ, причемъ фермеры не стали набавлять къ ранѣе заявленной цѣнѣ, и торгъ состоялся.

Яковъ Гордѣевичъ написалъ условіе и выдалъ каждому изъ нихъ по тысячѣ долларовъ задатка, обѣщая привести остальныя деньги на другой день. Едва сдѣлка была заключена, и покупатель съ продавцами угощался виски, вернулся супругъ миссисъ Фланаганъ изъ Нью-Іорка, куда онъ возилъ свои овощи.

— Питеръ,—ласково замѣтила ему жена,—я безъ тебя продала весь нашъ участокъ вотъ этому господину!

Флегматичный Питеръ подозрительно посмотрѣлъ на изящную фигуру Притынскаго, почему-то крякнулъ и спросилъ:

— А за сколько?

И когда ему объявили о цѣнѣ, онъ вдругъ покраснѣлъ: на столько показалась ему сдѣлка выгодна, никогда ранѣе не могъ онъ о ней мечтать.

— Только не совѣтую вамъ садить свекловицу,—серьезно замѣтилъ онъ Притынскому,—она у насъ всегда не важна!

Яковъ Гордѣевичъ распростился съ компаніей и вернулся въ Нью-Іоркъ по желѣзной дорогѣ.

XXXI.

СОВЕРШЕННО неожиданно Яковъ Гордѣевичъ сталъ американскимъ собственникомъ.

На другое утро онъ, серьезно взвѣсивъ и обсудивъ всѣ «за и противъ» своей покупки, пришелъ къ тому заключенію, что она сдѣлана выгодно и изъ нея можно извлечь хорошую пользу, только надо приняться сейчасъ же энергично за дѣло.

И съ этой мыслью онъ отправился къ мистеру Монгомери, крупному нью-іоркскому подрядчику по постройкѣ оффиціальныхъ зданій. Съ этимъ послѣднимъ Притынскій былъ знакомъ, когда еще занимался въ конторѣ Пикрина, фирма котораго доставляла тысячной арміи подрядчика весь нужный провіантъ.

Контора Монгомери находилась на той же Валь-Стритъ, гдѣ и Пикрина.

— Какое дѣло у васъ ко мнѣ, мистеръ Джекобъ?—лаконично спросилъ его самъ подрядчикъ, небольшой коренастый сорокалѣтникъ, пытливо смотря на Притынскаго.

— Я хочу предложить вамъ устроить вмѣстѣ со мною каменныя ломки.

— Гдѣ? Какая порода? Условія?

Яковъ Гордѣевичъ объяснилъ.

— Поѣдемте!—коротко сказалъ подрядчикъ и они вышли.

Черезъ полтора часа компанейское условіе между ними было подписано, деньги фермерамъ сполна уплачены и послѣднимъ было предложено снести свои дома возможно скорѣе.

Въ Новомъ Свѣтѣ, дѣло кипитъ, причемъ янки успѣваютъ въ три раза скорѣе сдѣлать то, что дѣлаютъ въ это время въ Европѣ.

Такъ было и съ порфировыми ломками, пріобрѣтенными новою фирмою Монгомери-Джебокъ.

Спустя двѣ недѣли послѣ пріобрѣтенія ими земли, поселокъ трудно было узнать: вездѣ высились паровые краны, отовсюду слышался визгъ стальной пилы, прилежно распиливающей громадные, взорванные куски порфира на особенные равномѣрные бруски; передаточная Коккерилевская вѣтка была запружена вагонетками, перевозившими на желѣзную дорогу камень. Откуда-то доносились глухіе удары динамитныхъ патроновъ, которыми рвали порфиръ. Однимъ словомъ, на новыхъ ломкахъ царила самая живая дѣятельность, заказы на камень, оказавшійся очень хорошаго качества, поступали въ такомъ большомъ количествѣ не только изъ Нью-Іорка, но и изъ другихъ городовъ Союза, что фирма не успѣвала ихъ исполнять. Затраты, сдѣланныя на пріобрѣтеніе мѣста, уже давно покрылись; теперь оправдывалась стоимость машинъ, крановъ и другихъ приспособленій ломокъ; впереди предстояла полная увѣренность, что ломки будутъ развиваться все больше и больше, принося своимъ владѣльцамъ крупный доходъ.

Такъ прошло около полутора мѣсяца.

Ушедшій съ головою въ кипучую дѣятельность, Яковъ Гордѣевичъ временно забылъ о своемъ намѣреніи побывать въ Пало-Альто и увидѣться съ Мери.

— Теперь, мистеръ Монгомери, дѣло вполнѣ поставлено,— замѣтилъ онъ какъ-то своему компаньону,—я думаю мое отсутствіе на нѣкоторое время не принесетъ ущерба предпріятію!

— Нисколько! Ѣдете на мѣсяцъ, два?

Яковъ Гордѣевичъ утвердительно кивнулъ головою.

— Хорошо! Завтра васъ замѣнитъ мой бухгалтеръ!

Притынскій подсчиталъ имѣющуюся уже теперь пользу и былъ пораженъ ея размѣрами. Затраченныя имъ деньги увеличились въ три раза. Удача была несомнѣнная.

На другой день онъ сѣлъ на скорый поѣздъ Пенсильванской желѣзной дороги и направился на западъ.

По обыкновенію американцевъ, спинки дивановъ были перекинуты въ одну сторону, пассажиры сидѣли лицомъ впередъ. Скорый поѣздъ, идущій черезъ всю Сѣверную Америку, имѣетъ въ своемъ составѣ громадные вагоны, въ каждомъ изъ нихъ болѣе десяти саженей длины. Соединеніе вагоновъ устроено весьма удобно, такъ что можно проходить черезъ весь поѣздъ безъ боязни упасть съ него или простудиться. Черезъ нѣсколько времени послѣ отъѣзда, прислуживающій при вагонѣ негръ сообщилъ, что обѣдъ готовъ, и Притынскій перебрался въ особый вагонъ-столовую; ряды столиковъ направо и налѣво, съ безукоризненной сервировкой, поразили даже избалованнаго бывшаго русскаго богача.

XXXII.

Іюнь стоялъ довольно жаркій. Въ Америкѣ, гдѣ воздухъ настолько сухъ, что бѣлье сохнетъ въ нѣсколько минутъ, а булки къ вечеру дѣлаются совершенно черствыми, выпивается громадное количество воды и всевозможныхъ прохладительныхъ напитковъ. Въ виду этого, въ каждомъ вагонѣ имѣется металлическій резервуаръ, наполненный водою со льдомъ, и при немъ нѣсколько стакановъ.

Яковъ Гордѣевичъ воспользовался этимъ приспособленіемъ и поглощалъ массу воды.

Однообразныя картины штатовъ Нью-Іоркъ, Нью-Джерси и Мери-Ланда смѣнились живописными ландшафтами Вирджиніи, Индіаны и Иллинойса.

Цѣлыя рощи ильмовъ, со сморенными отъ дневного зноя листьями, смѣнялись густыми зарослями икори, красивой лентой взбѣгавшихъ на пригорки и еле видной полосою терявшихся на дальнемъ горизонтѣ. Пересѣкаемыя поѣздомъ рѣки поражали Притынскаго, какъ своимъ обиліемъ водъ, тамъ равно массою судовъ и баржей, по нимъ плывущихъ.

Сдѣлавъ знакомую ему дорогу на Нашвиль и полюбовавшись на безконечныя поля, покрытыя спѣющими колосьями маиса, Яковъ Гордѣевичъ поднялся опять къ сѣверу и добрался до Санъ-Луи.

Рано утромъ Притынскій увидѣлъ изъ оконъ вагона довольно ровную мѣстность, изъ-за которой вдали подымалось множество

судовыхъ мачтъ. Необычное зрѣлище заставило его обратиться съ вопросомъ къ слугѣ-негру:

— Что это такое?

Послѣдній изобразилъ на своемъ лицѣ почтительную улыбку:

— Это отецъ водъ, Миссиссипи!—отвѣчалъ негръ.

Послѣ небольшой остановки въ восточномъ Санъ-Луи, поѣздъ двинулся по мосту. Высота полотна надъ водою была такова, что громадныя трехъ-мачтовыя суда проходили подъ нимъ свободно.

Притынскій залюбовался величественнымъ зрѣлищемъ, хотя самая рѣка, благодаря своему грязному цвѣту, далеко ему не понравилась.

Перейдя мостъ, поѣздъ зарылся въ туннель и, выскочивъ изъ него, сразу остановился у станціи Санъ-Луи.

Любопытство, присущее всѣмъ людямъ, посѣщающимъ извѣстное мѣсто въ первый разъ, существовало и у Притынскаго, и потому, пользуясь остановкою поѣзда здѣсь на три часа, онъ отправился побродить по городу.

Эта громадная столица Западныхъ Штатовъ поразила его грязью и далеко не эстетическимъ видомъ своихъ широкихъ улицъ. Кажется нигдѣ такъ много не существуетъ всевозможныхъ сектъ и толковъ, какъ здѣсь, вражда между которыми составляетъ главный интересъ города. Чудный ботаническій садъ обратилъ на себя серьезное вниманіе русскаго. Все было для него здѣсь ново, оригинально и незнакомо. Когда-то французскій, Санъ-Луи въ настоящее время, подъ вліяніемъ американцевъ, превратился изъ изящнаго города эмигрантовъ въ одинъ изъ пунктовъ серьезной товарной спекуляціи.

Американцы повидимому стараются уничтожить даже память о владычествѣ когда-то здѣсь французовъ. Въ виду этого они знаменитую нѣкогда французскую таверну «Очищай карманъ» превратили въ чисто американскій салонъ, назвавъ его крайне невиннымъ именемъ «Бѣлый кустъ».

Якова Гордѣевича поразила отчасти настойчивость своей новой родины ассимилировать всѣ пришлые элементы, но онъ твердо рѣшилъ никогда не измѣнять своей національности.

Два университета, старый и новый, конкуррируютъ здѣсь между собою, но тѣмъ не менѣе число студентовъ никогда не превосходитъ тысячи человѣкъ въ обоихъ.

И въ этомъ симптомѣ Притынскій замѣтилъ характерныя американскія черты: учиться только тогда, когда этого требуетъ «business», въ противномъ же случаѣ употреблять всѣ усилія сперва устроить себѣ состояніе, а затѣмъ уже начать учиться. Проѣзжая дальше по направленію къ Канзасъ-Сити, Яковъ Гордѣевичъ замѣтилъ въ одномъ изъ вагоновъ группу юношей, мало похожихъ на юркихъ американцевъ и отличающихся своимъ смуглымъ лицомъ и молчаливостью. Они оказались индѣйцами,

возвращавшимися изъ Индіанополиса, гдѣ занимались въ казенной школѣ для индѣйцевъ. Изъ разговора съ ними Притынскому удалось выяснить, что жизнь индѣйцевъ въ такой свободной странѣ, какъ Соединенные Штаты, далеко не отличается тѣми правами, которыми пользуются остальные граждане штатовъ, за исключеніемъ, конечно, негровъ.

Молодые люди сперва застѣнчиво уклонялись отъ разговора съ нимъ, но когда узнали, что собесѣдникъ ихъ не англичанинъ и не американецъ, то начали съ нимъ свободнѣе разговаривать, довѣрчиво на него поглядывая.

Разговоръ съ индѣйцами очень заинтересовалъ Якова Гордѣевича и онъ внимательно слушалъ ихъ спокойные и полные смысла отвѣты.

XXXIII.

Насъ отовсюду гонитъ американское правительство, отнимаетъ отъ насъ землю, согласно какимъ-то трактатамъ!—серьезно сказалъ одинъ изъ молодыхъ индѣйцевъ.—Что же мы должны дѣлать, какъ не защищаться?

— Чиновники, которые обязаны доставлять намъ хлѣбъ, копченое мясо, холстъ, матеріи, постоянно насъ обсчитываютъ, товаръ оказывается весь гнилой!—сверкнувъ глазами, проговорилъ другой юноша. — А развѣ мы можемъ быть довольными подобными дѣйствіями?

— Но какъ же вы можете воспрепятствовать имъ?—не скрывая любопытства, спросилъ Притынскій.

— Только возставая на своихъ притѣснителей.

— А гдѣ же ваши племена могутъ достать оружіе?

Всѣ трое молодыхъ индѣйцевъ тихо засмѣялись.

— У бѣлыхъ это принято; тогда какъ одни съ нами воюютъ, другіе доставляютъ нашимъ воинамъ все необходимое для войны.

Яковъ Гордѣевичъ не особенно изумился, зная торгашескія наклонности янки.

— При послѣднемъ возстаніи, когда одно изъ родственныхъ намъ племенъ истребило большой отрядъ кавалеріи, это было сдѣлано съ помощью двухъ орудій, которыя не задолго передъ тѣмъ намъ продали, какъ ненужныя, тѣ же чиновники.

Притынскій улыбнулся.

— Какъ, неужели это возможно, разъ законы строжайше запретили продавать и вымѣнивать индѣйцамъ все, что касается вооруженія?

— Мы не знаемъ, какъ у васъ въ Европѣ!—серьезно замѣтилъ молодой индѣецъ.—Но у насъ въ Америкѣ за деньги возможно купить все, что вы пожелаете. Молодежь наша уже те-

перь болѣе образована и скоро постарается доказать, что и индѣйцы такіе же равноправные граждане, какъ блѣднолицые.

— Да, большой стыдъ для янки!—угрюмо замѣтилъ второй изъ молодыхъ людей.—Негры получили свою свободу, а у насъ, у индѣйцевъ, она отнята.

На слѣдующей станціи индѣйцы вышли изъ вагона, и Притынскій поѣхалъ дальше одинъ.

Онъ намѣревался остановиться, для большаго ознакомленія съ Америкой, въ Канзасъ - Сити, находящемся въ штатѣ Миссури.

Необычная для Стараго Свѣта быстрота въ устройствѣ городовъ сказалась здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Несмотря на то, что городъ этотъ сравнительно еще недавно устроенъ, онъ уже очень населенъ: въ немъ около 200,000 жителей.

Якову Гордѣевичу показалось очень страннымъ, что несмотря на то, что всѣ постройки въ городѣ были преимущественно деревянныя и довольно примитивно сдѣланы, городъ обладалъ массою электрическихъ трамваевъ, и надъ его улицами, не имѣющими мостовыхъ, проходила на особыхъ чугунныхъ столбахъ воздушная кабельная дорога.

Послѣднее слово электротехники, автомобили, электрическіе кэбы вполнѣ вытѣснили здѣсь лошадей и, благодаря этому обстоятельству, всѣ извозчики перебрались въ другіе города.

Яковъ Гордѣевичъ внимательно осмотрѣлъ городъ и теперь вполнѣ убѣдился, насколько Америка, въ своемъ непрерывномъ бѣгѣ прогресса, далеко ушла отъ Стараго Свѣта. Еще до сихъ поръ выращиваніе овощей, цвѣтовъ и проч. съ помощью электричества испытывается въ Европѣ какъ единичные случаи, тогда какъ въ такомъ молодомъ городѣ, какъ Канзасъ-Сити, это электрическое выращиваніе нашло себѣ большое примѣненіе, и благодаря очень быстрому росту фруктовъ здѣсь устроено нѣсколько громадныхъ фабрикъ для производства консервовъ, а равно и сластей.

Пробывъ въ городѣ нѣсколько часовъ, Притынскій подъ вечеръ выѣхалъ дальше, чтобы остановиться на одной изъ небольшихъ станцій, находящейся въ самомъ центрѣ прерій, съ цѣлью осмотрѣть послѣднія.

На пересадочномъ пунктѣ Селина, тоже небольшомъ городкѣ, образовавшемся всего полтора года, имѣлось около 10,000 жителей, уже пользующихся всѣми удобствами, доставляемыми электричествомъ.

Отсюда приходилось распроститься съ раскошнымъ пульмановскимъ вагономъ и, проведя ночь въ небольшомъ балаганчикѣ около станціи, замѣняющемъ собою гостинницу, молодой русскій помѣстился въ довольно невзрачный пассажирскій вагонъ, входящій въ составъ товарнаго поѣзда.

Паровозъ повезъ ихъ сравнительно медленно, такъ какъ ока-

залось, что вѣтка построена на живую нитку и ѣхать скорѣе было бы рисковано.

Шпалы были положены прямо на траву преріи; желѣзнодорожнаго полотна совсѣмъ не существовало; узкія канавки по обѣимъ сторонамъ пути сдѣланы, чтобы вода не застаивалась подъ шпалами. Нигдѣ не было видно ни стрѣлочниковъ, ни будокъ. Только кое-гдѣ на переѣздахъ стояли столбы съ надписями. Потянулась ровная степь, гладкая, покрытая довольно высокой травою, кое-гдѣ прерывающаяся ложбинами.

При медленномъ движеніи поѣзда, Якову Гордѣевичу удалось разглядѣть одинокія фермы и громадныя стада нагульнаго скота и лошадей.

Громкое названіе «станція» совершенно не примѣнимо было здѣсь; частыя остановки совершались у какихъ-то жалкихъ сарайчиковъ, гдѣ проживаетъ начальникъ станціи, исправляющій одновременно всѣ должности, включая даже обязанности стрѣлочника.

XXXIV.

Около полудня въ вагонъ вошелъ кондукторъ поѣзда и обратился къ Притынскому и другому пассажиру:

— Не угодно ли будетъ джентльменамъ пообѣдать на слѣдующей станціи?

Товарищъ Якова Гордѣевича по вагону отвѣтилъ утвердительно, но Притынскій, посмотрѣвъ на росписаніе, въ которомъ было напечатано, что поѣздъ стоитъ всего 5 минутъ, проговорилъ съ изумленіемъ.

— Едва ли мы успѣемъ въ 5 минутъ пообѣдать!

— Будьте покойны, сэръ! Поѣздъ простоитъ столько, сколько мы пожелаемъ, такъ какъ вмѣстѣ съ вами будемъ обѣдать и мы съ машинистомъ!

И дѣйствительно, когда поѣздъ подошелъ къ слѣдующей остановкѣ, всѣ четверо покинули его и мирно усѣлись за дымящейся миской супа, уже заранѣе припасеннаго заботливою женою начальника станціи.

Впрочемъ, этотъ оазисъ среди преріи, называемый Эльбонъ, едва ли имѣлъ право носить названіе станціи, такъ какъ хозяинъ этого балагана, у котораго остановился поѣздъ, былъ также фермеръ и являлся на желѣзную дорогу только къ проходу поѣздовъ, проводя остальное время въ преріяхъ.

Вмѣсто назначенныхъ 5 минутъ, какъ и говорилъ кондукторъ, поѣздъ простоялъ въ Эльбонѣ болѣе часу и затѣмъ двинулся дальше.

Еще глуше стало кругомъ; только колыхалась одна степная

трава, да иногда попадались небольшія стада скота. Машинистъ прибавилъ ходу, и поѣздъ, какъ-то порывисто прыгая, продолжалъ свой путь.

Не смотря на то, что уже вечерѣло, въ вагонѣ было страшно душно и отсутствіе обычнаго резервуара со льдомъ замѣтно сказывалось. Угрюмый спутникъ Притынскаго все время молчалъ и на вопросы Якова Гордѣевича отвѣчалъ односложно.

— Куда же вы ѣдете?—спросилъ его русскій.

— Въ преріи...

— А зачѣмъ?

— У меня тамъ нагульный скотъ ходитъ...

Притынскій видимо заразился его лаконичностью.

— Гдѣ и сколько?—задалъ онъ снова вопросъ.

— Близь Вальдо; сорокъ тысячъ головъ...

Притынскій съ невольнымъ уваженіемъ посмотрѣлъ на этого невиднаго собою скотовода.

— Что же это, выгодно?

— Да, польза есть...

И разговоръ началъ завязываться. Практическій, за послѣднее время, Притынскій, какъ-то страстно искавшій новыхъ ощущеній, новой работы, внимательно слушалъ своего собесѣдника, обдумывая въ тоже время въ головѣ о возможной пользѣ отъ этого дѣла.

Въ разговорахъ они не замѣтили, какъ поѣздъ дошелъ до Вальдо, конечнаго пункта линіи.

— Несмотря, что все это маленькое поселеніе согласилось придерживаться общества «Трезвости», виски и пиво всегда можно здѣсь достать!—сказалъ скотоводъ, и они вмѣстѣ съ Притынскимъ отправились въ небольшой сарайчикъ, занимаемый мелочною лавкой. Около нея пробѣгалъ довольно бойкій ручеекъ; сообразительный лавочникъ устроилъ на немъ небольшую турбину и на одномъ поставѣ мололъ привозимое ему зерно.

Притынскаго прямо поразила замѣчательная быстрота, съ которою продѣлывалась вся несложная процедура помола.

Взвѣсивъ на желѣзнодорожныхъ десятичныхъ вѣсахъ, врытыхъ въ землю, пріѣхавшую телѣгу съ мѣшками зерна и фермершею, ихъ привезшею,—лавочникъ быстро скинулъ съ телѣги мѣшки и снова свѣсилъ пустой экипажъ вмѣстѣ съ женщиной. Получилась извѣстная разница, и онъ замѣнилъ мѣшки съ зерномъ мѣшками съ готовой мукою, разумѣется меньшаго вѣса, разницу котораго онъ взялъ себѣ за помолъ, и фермерша уѣхала, употребивъ на эту процедуру всего нѣсколько минутъ.

— Теперь я къ вашимъ услугамъ, джентльмены!—проговорилъ лавочникъ, веселый малый лѣтъ 25.

Американецъ спросилъ его о виски и пивѣ.

— Все это возможно, сэръ, но только у меня въ погребѣ,— и съ этими словами онъ повелъ своихъ гостей внизъ, гдѣ, во-

преки всѣмъ постановленіямъ мѣстнаго общества «Трезвости» каждый могъ напиваться въ полное свое удовольствіе.

Изумило также русскаго полнѣйшее отсутствіе какого-либо удостовѣренія объ имени, фамиліи и званіи мѣстныхъ жителей. Назвался Джономъ, и никто тебя и не спроситъ, точно ли ты Джонъ.

— Много у насъ тутъ народу живетъ, котораго мы и не знаемъ. кто онъ такой и откуда родомъ; работаетъ, трудится, а до остального никому нѣтъ никакого дѣла!—рѣшительно докончилъ лавочникъ-мельникъ и махнулъ рукой.

XXXV.

Все болѣе и болѣе знакомясь съ оригинальнымъ бытомъ американскихъ фермеровъ, Притынскій узналъ, что только каждая собственность облагается налогомъ; расцѣнка назначается мѣстными властями, прекрасно знающими стоимость собственности каждаго. Плата эта не обременительна и если измѣняется ежегодно слегка, то при извѣстныхъ потребностяхъ на общественныя нужды. Правительство же довольствуется доходомъ, получаемымъ имъ съ акциза на спиртъ и табакъ, а равно съ пошлины на иностранные товары. Фермеры работаютъ на своихъ фермахъ только пока молоды; состарившись, каждый старается жить въ городѣ, гдѣ на накопленныя деньги можетъ пользоваться полнымъ комфортомъ.

Желая познакомиться съ преріями гораздо ближе, Притынскій взялъ у лавочника особую подводу, очень прочную, называемую по мѣстному «тимъ» и запряженную парою выносливыхъ лошадей.

Сейчасъ же за селеніемъ пошла непрерывная степь; колесы «тима» мягко катились по слегка измятой травѣ, указывающей, что здѣсь кто-то ранѣе проѣзжалъ. Онѣ глухо звенѣли въ ступицахъ, и «тимъ» быстро подвигался впередъ. На безконечной, тянувшейся куда не обхватывалъ глазъ преріи было пустынно.

— Если бы вы знали, масса,—замѣтилъ ему возница негръ,—сколько тутъ было еще недавно, не болѣе десяти лѣтъ тому назадъ, всякой дичи; водились даже и бизоны.

— А теперь?—нервно спросилъ сѣдокъ.

Негръ усмѣхнулся.

— А теперь... только однѣ полевыя собачки; всѣхъ разогнали переселенцы!

Подвода отъѣхала отъ селенія уже нѣсколько верстъ, когда съ ними поравнялись двое молодыхъ людей, судя по виду — рабочіе; въ громадныхъ соломенныхъ шляпахъ, съ темными, загорѣлыми лицами, они производили впечатлѣніе какихъ-то рыцарей индустріи, хотя въ дѣствительности оказались обыкновен-

ными полевыми рабочими, отыскивающими себѣ работу на фермахъ.

Притынскій предложилъ ихъ подвести, они сѣли на «тимъ» совершенно спокойно, какъ будто подвозить ихъ была обязанность каждаго. Дневной заработокъ подобныхъ рабочихъ показался Якову Гордѣевичу немного высокимъ. Едва ли когда нибудь въ Россіи могли мечтать о поденной платѣ въ $1^1/_2$ или 2 доллара (3 и 4 руб.). Работники были мало разговорчивы, какъ-то подозрительно поглядывая на своего случайнаго спутника и отвѣчали на его вопросы короткими фразами.

Продолжая свой путь, они проѣхали мимо нѣсколькихъ фермъ, у одной изъ которыхъ пришлось остановиться, чтобы дать отдохнуть лошадямъ.

Ферма оказалась принадлежащей одному нѣмцу, выселившемуся нѣсколько лѣтъ тому назадъ изъ Россіи и еще не забывшему русскій языкъ.

Якову Гордѣевичу было крайне пріятно поговорить на своемъ родномъ языкѣ, на которомъ не приходилось такъ долго разговаривать. Въ свою очередь и нѣмецъ тоже обрадовался такой неожиданной встрѣчи и радушно угощалъ своего бывшаго компатріота.

— Что васъ привело въ Америку?—спросилъ Притынскій.

Хозяинъ видимо колебался отвѣтить, но потомъ сказалъ:

— Здѣсь гораздо удобнѣе для нашего брата-земледѣльца: земля почти вездѣ цѣлина, а главная причина, почему я сюда переселился—это воинская повинность. Я принадлежу къ сектѣ менонитовъ, запрещающей убивать людей.

Якова Гордѣевича поразило то обстоятельство, что такъ глубоко въ преріяхъ интересовались цѣнами на зерно Нью-Іоркской биржи. Оказалось, что отъ этого зависитъ вполнѣ благосостояніе земледѣльцевъ, такъ какъ они безъ услугъ посредниковъ сами отправляютъ товаръ въ порты.

Внутренность фермы тоже изумила пріѣзжаго. Ни отдаленность отъ желѣзной дороги, ни дикая обстановка степи не заставили фермера отказаться отъ комфорта цивилизованной жизни. Въ изящно убранномъ кабинетѣ съ мягкою мебелью, обитою бархатомъ, стоялъ прекрасный письменный столъ и хорошій рояль, лучшей нью-іоркской фирмы.

— Наши преріи,—замѣтилъ хозяинъ, когда они послѣ сытнаго завтрака усѣлись на верандѣ съ сигарами въ зубахъ,—прямо золотое дно. Во-первыхъ, климатъ Штатовъ очень удобенъ для роста хлѣбовъ, у насъ не бываетъ засухи, хотя и нѣтъ такихъ ливней, какъ въ другихъ мѣстахъ Союза, и вслѣдствіе отсутствія сырости, здѣсь очень здорово жить для больныхъ, а потому большее количество этой дѣвственной земли уже почти все раскуплено. Здѣсь не селится человѣкъ, который желаетъ быстро составить себѣ состояніе; для этого идутъ туда, на западъ и на сѣверъ, на золотые пріиски. Тамъ со-

стоянія наживаются быстро и точно также скоро уходятъ изъ рукъ ихъ владѣльцевъ. Здѣсь же деньги достаются вотъ этими руками,—и фермеръ потрясъ своими мускулистыми руками,—и если онѣ сюда попадутъ, то навсегда здѣсь и останутся!

XXXVI.

Практическій умъ Притынскаго сообразилъ всѣ неудобства для человѣка, мечтающаго скоро сдѣлать состояніе, труда земледѣльца, и онъ сталъ разспрашивать фермера о выгодахъ промысла нагуливанія скота на этихъ безконечныхъ степяхъ, поросшихъ жирною травою.

— Да,—отвѣчалъ ему менонитъ,— скотоводство представляетъ очень выгодное предпріятіе, но не всякій берется за него, такъ какъ для этого дѣла требуется извѣстный капиталъ.

— А гдѣ же покупается скотъ?—съ любопытствомъ спросилъ гость.

— Преимущественно его покупаютъ въ Сѣверныхъ Штатахъ, а также въ Канадѣ, гдѣ климатъ суровѣе, почва камениста и кормъ обходится очень дорого. Я самъ не занимаюсь этимъ, но знаю отъ другихъ, что скотъ даетъ очень крупный барышъ.

Яковъ Гордѣевичъ сразу понялъ всѣ выгоды этого предпріятія и намѣтилъ его для будущаго. Онъ остался ночевать у фермера, любезно предложившаго ему гостепріимство, и на другой день поѣхалъ осматривать съ нимъ владѣнія своего хозяина. Оба подвезенные имъ работника остались на фермѣ у менонита, предложившаго имъ хорошую поденщину.

Его намѣренію дальнѣйшаго знакомства со степями — помѣшалъ недостатокъ времени. Чтобы осмотрѣть всѣ достопримѣчательности Штатовъ, нужно было спѣшить, иначе ему бы не хватило времени.

Но прежде чѣмъ уѣхать отъ фермера, послѣдній пригласилъ его проѣхаться къ одному изъ сосѣдей, чтобы ознакомиться съ системой здѣшняго скотоводства.

— Вы сами увидите все дѣло на мѣстѣ и вамъ будетъ не трудно его понять!—сказалъ хозяинъ, предполагавшій, что его гость нарочно явился сюда, чтобы ознакомиться съ американскимъ скотоводствомъ.

Но Яковъ Гордѣевичъ рѣшительно отказался отъ этого, говоря, что онъ еще разъ сюда пріѣдетъ и тогда все осмотритъ.

Снова «тимъ» повезъ его обратно по безлюдной степи; солнце горячо лобзало эту густую растительность, освѣжаемую подземными источниками. Мѣстами прерія прерывалась большими пространствами, засѣянными маисомъ или пшеницею.

Несмотря на середину іюня, высокіе колосья пшеницы уже желтѣли и съ гармоническимъ шумомъ нагибались подъ порывомъ налетавшаго вѣтра.

Это желтое море волновалось, и между нимъ, какъ вкрапленныя точки, краснѣлъ широкій макъ, цвѣтокъ, замѣнившій въ Америкѣ европейскіе васильки. Маисъ глядѣлъ еще далеко не такимъ спѣлымъ; его грузные, высокіе стебли, хотя еще и зеленые, но сквозь бѣлую оболочку колоса уже началъ просвѣчиваться янтарь самыхъ зеренъ.

Кое-гдѣ между нивами выдѣлялась зеленовато-синимъ цвѣтомъ узкая полоска бобовъ и вики.

Съ высокаго «тима» оригинальныя картины преріи представлялись крайне живописными. Якову Гордѣевичу невольно вспомнилось, что еще сравнительно недавно здѣсь бродили табуны дикихъ лошадей, бизоновъ. Завистливый человѣкъ захватилъ и эти дикія пространства, сталъ обработывать ихъ, и на дѣвственной почвѣ запыхтѣла паровая машина! Въ Притынскомъ невольно сказывались остатки его прежней жизни, когда ему не нужно было помышлять о заработкѣ и вслѣдствіе этого смотрѣть на трудъ далеко не съ той точки зрѣнія, какъ то требовалось. Но теперь ужъ онъ далеко не тотъ, что былъ раньше... Горнило несчастія очистило его отъ навѣяннаго на него богатствомъ сибаритства и заставило взяться серьезно за борьбу съ жизнью.

На станцію Вальдо Притынскій пріѣхалъ довольно поздно вечеромъ, а такъ какъ до отхода поѣзда оставалось очень много времени, то Яковъ Гордѣевичъ отправился къ своему знакомому лавочнику.

Послѣдній обрадовался возвращенію русскаго и снова согрѣшилъ противъ своего общества «Трезвости», угостивъ пріѣзжаго потихоньку превосходнымъ джинджеръ—биромъ.

— Знаете, сэръ, чтобы не скучать вамъ здѣсь, я васъ проведу въ одинъ знакомый мнѣ домъ, гдѣ вы отлично повеселитесь.

— Положимъ, мнѣ особаго веселья не надо, но посмотрѣть, какъ веселятся другіе—я не прочь.

И они отправились.

XXXVII.

Лавочникъ повелъ Притынскаго по темнымъ закоулкамъ селенія, и черезъ нѣсколько минутъ они остановились у какого-то небольшого домика, куда ихъ впустили только послѣ того, какъ спутникъ Притынскаго что-то прошепталъ отворившему имъ дверь человѣку.

Длинный, узкій корридоръ, плохо освѣщенный маленькой

лампой, привелъ ихъ къ новой двери, отворить которую уже не нужно было спрашивать ни у кого разрѣшенія.

Большая комната, представившаяся глазамъ вошедшихъ, была вся заставлена столиками, за которыми играло въ карты множество людей.

— Ну, кажется трезвость тутъ не въ почетѣ!—замѣтилъ про себя Притынскій, замѣчая на каждомъ почти столѣ батареи бутылокъ съ виски и пивомъ. Лавочникъ торопливо подбѣжалъ къ одному изъ столовъ и бросилъ на него серебряный долларъ. Минуту спустя, онъ сдѣлалъ изъ него цѣлыхъ десять. Это его воодушевило и онъ продолжалъ играть.

Яковъ Гордѣевичъ, видя, что его путеводитель увлекся игрой, подсѣлъ къ одному изъ столиковъ и спросилъ себѣ бутылку пива.

— Не желаетъ ли сэръ попытать счастья? — вкрадчиво замѣтилъ подавшій ему пиво прислужникъ-негръ, блеснувъ бѣлыми зубами.

Притынскій пытливо взглянулъ на него.

— Ахъ, это все друзья моего хозяина! — поспѣшилъ отвѣтить ему негръ, предполагая въ нѣмомъ вопросѣ гостя сомнѣніе относительно посѣтителей. — Мы устроились здѣсь довольно скрытно для того, чтобы общество трезвости не могло на насъ пожаловаться правительству за нарушеніе его устава.

Отвѣтъ негра показался русскому вполнѣ правдоподобнымъ, и онъ, подойдя къ одной изъ играющихъ группъ, поставилъ пять долларовъ.

Играющіе ему не отвѣтили, какъ будто ничего не произошло новаго.

Притынскій выигралъ; ставка его увеличилась въ десять разъ, и онъ снова рискнулъ этой суммой.

И теперь счастье его не оставило; онъ снова выигралъ и продолжалъ игру.

Кучка золота выросла передъ нимъ значительно, но счастье, повидимому, не измѣняло ему. Онъ все время былъ въ выигрышѣ.

Но вотъ одинъ кругъ игры оказался для него несчастливымъ. Онъ сталъ проигрывать и золотая кучка стала замѣтно таять. Скоро отъ нея не было и слѣда.

Увлеченный игрою, Яковъ Гордѣевичъ вынулъ изъ кармана свои деньги и началъ играть на нихъ, но проигрышъ его продолжался.

Случайно взглянувъ на сидѣвшаго противъ него банкомета, онъ замѣтилъ, какъ послѣдній дѣлалъ какой-то знакъ его сосѣду. Этого было вполнѣ достаточно, чтобы лично убѣдиться о своемъ нахожденіи среди шуллеровъ.

Яковъ Гордѣевичъ лѣвою рукою забралъ стоявшую передъ банкометомъ крупную груду золота, въ то время, какъ правая рука его вытащила изъ боковаго кармана револьверъ и онъ

хладнокровно замѣтилъ своимъ партнерамъ, крайне изумленнымъ его поступкомъ:

— Я вижу, господа, что вы намѣравались попользоваться моими деньгами, но къ сожалѣнію это вамъ не удастся. Первый, кто рѣшится на меня напасть, получитъ отъ меня маленькій подарокъ! — и онъ навелъ дуло револьвера на банкомета.

Трое остальныхъ игроковъ хотѣли на него броситься, но онъ ловко забаррикадировалъ себя стульями, такъ что они не могли къ нему подойти, рискуя попасть подъ выстрѣлъ.

Привлеченные ссорою, игроки съ другихъ столовъ подошли поближе, и дѣло начало выясняться. Одинъ высокій, мускулистый фермеръ принялъ сторону иностранца; его примѣру послѣдовало еще нѣсколько.

— Какой мошенникъ, Джоли Мэкеръ! — съ негодованіемъ вскричалъ мускулистый фермеръ.—Мало ли тебя били раньше, опять захотѣлъ?

Банкометъ и его трое сообщниковъ поняли, что ихъ дѣло проиграно и глухо ворча, удалились изъ этого тайнаго притона при чемъ Мэкеръ погрозилъ кулакомъ русскому и прошепталъ:

— Подожди! Вспомнишь сегодняшнее!

Перепуганный лавочникъ подошелъ къ Притынскому и сконфуженно замѣтилъ:

— Простите меня, сэръ; моя обязанность была предупредить васъ не играть съ этими мошенниками; ихъ у насъ въ Вальдо знаетъ всякій!

Случайный защитникъ иностранца подтвердилъ ему то же самое.

— Этому Джоли давно пора сидѣть гдѣ нибудь въ тюрьмѣ, а между тѣмъ онъ до сихъ поръ еще гуляетъ по бѣлу свѣту. Къ сожалѣнію, мы никакъ не можемъ его выжить отсюда.

— А нужно во всякомъ случаѣ его отсюда спровадить!

Притынскій внимательно слушалъ ихъ разговоры и собрался было уходить, какъ лавочникъ испуганно ему замѣтилъ:

— Храни васъ Богъ, сэръ, идти теперь обратно! Джоли со своими молодцами засѣлъ гдѣ нибудь тутъ недалеко, въ ожиданіи васъ; вы рискуете вмѣсто желѣзной дороги попасть завтра на кладбище съ четырьмя пулями въ тѣлѣ!

Тоже самое высказали и другіе игроки, но такъ какъ, въ виду отхода поѣзда раннимъ утромъ, отправляться на станцію было небходимо, то Притынскій, поблагодаривъ за совѣтъ, рѣшился идти.

— Въ такомъ случаѣ,—замѣтилъ худощавый фермеръ,—мы пойдемъ васъ проводить!—и они всѣ вмѣстѣ вышли на улицу.

Ночь была темная. Небольшой поселокъ мирно отдыхалъ отъ дневного труда.

Впереди небольшой группы шелъ лавочникъ, стараясь избирать для прохода новые закоулки и тѣмъ удлиняя путь.

Не прошли они и двухсотъ шаговъ, какъ сзади ихъ раздался выстрѣлъ, и пуля ударилась во что-то мягкое. Боби Ноксъ, сухощавый фермеръ, твердо спросилъ присутствующихъ:

— Кто раненъ?

Но оказалось, что посланная имъ въ догонку пуля попала въ развѣшанный для чистки на одномъ изъ заборовъ старый матрацъ.

Больше покушеній со стороны Джоли не послѣдовало, и компанія благополучно добралась до сарая, именуемаго станціей.

Гулъ выстрѣла, раздавшійся такою позднею порою, не вызвалъ со стороны начальника станціи никакого вопроса: на столько здѣшніе жители привыкли къ подобной расправѣ, и убійство, во избѣжаніе длинной судебной волокиты, преслѣдуется еще старымъ способомъ, закона Линча.

— Не далѣе какъ два дня тому назадъ,—прибавилъ Боби,— мы привѣсили одного негра на два часа за руки вонъ на то дерево. Это наказаніе было ему за то, что онъ позволилъ себѣ поцѣловать во время воскресныхъ танцевъ дочь одного изъ нашихъ бѣлыхъ фермеровъ!

Притынскаго невольно покоробило, когда онъ услышалъ о такомъ тяжеломъ наказаніи за сравнительно пустой проступокъ, но онъ ничего не сказалъ своимъ новымъ знакомымъ, помѣстился въ тотъ же самый вагонъ, привезшій его сюда, сдалъ заранѣе доставленный лавочникомъ багажъ и, распрощавшись съ фермерами, поѣхалъ обратно на станцію Селина.

XXXVIII.

Въ НАСТОЯЩЕЕ время путь Притынскаго лежалъ прямо въ Санъ-Франциско, но снова желаніе ознакомиться съ нѣкоторыми достопримѣчательностями Соединенныхъ Штатовъ заставило его направиться только до Маниту, этого своеобразнаго американскаго курорта, соединявшаго въ себѣ сильные минеральные источники съ превосходнымъ горнымъ климатомъ.

Извѣстность этого мѣста пошла еще недавно, хотя прежніе обитатели его, индѣйцы, каждое утро являлись сюда съ тѣмъ, чтобы купаться въ минеральныхъ источникахъ, имѣющихъ силу, по ихъ словамъ, обновлять все существо человѣка.

Здѣсь когда-то, согласно индѣйскимъ историкамъ, обиталъ самъ Великій Духъ-Маниту, и здѣсь же, не вдалекѣ, расположенъ знаменитый садъ боговъ.

То и другое вмѣстѣ взятое невольно манило Притынскаго побывать здѣсь и ознакомиться съ этими мѣстностями, составляющими гордость американцевъ.

Отъ Денвера до Маниту было небольшое разстояніе, а въ

Денверъ Яковъ Гордѣевичъ прибылъ подъ вечеръ и немедленно, не остановившись здѣсь, отправился въ томъ же вагонѣ на станцію «Ключи Колорадо», откуда ему пришлось ѣхать до Маниту по электрическому пути. Несмотря на то, что поѣздъ прибылъ въ Маниту довольно поздно, путешественниковъ ожидало нѣсколько «боссовъ», и спустя четверть часа, Яковъ Гордѣевичъ находился въ отелѣ Баркеръ, гдѣ ему, за пять долларовъ въ сутки отвели комнату со всѣмъ необходимымъ.

Онъ былъ такъ утомленъ, что тотчасъ раздѣлся и легъ въ постель.

Еще рано утромъ пріѣзжаго разбудилъ рѣзкій звукъ рога. Въ Маниту вставали очень рано, и согласно докторскому предписанію, отправлялись гулять. Яковъ Гордѣевичъ послѣдовалъ общему примѣру, отправился тоже на прогулку. Маниту, а равно и ближайшія его окрестности изобилуютъ массою живописныхъ уголковъ; вездѣ устроены прекрасныя шоссе и пѣшеходныя аллеи.

Способъ передвиженія на минеральныхъ водахъ предпочитался болѣе всего пѣшеходный. Для дѣтей и для болѣе слабыхъ больныхъ имѣлись особые смирные мулы, съ приспобленными для ѣзды удобными сѣдлами. Прямо отъ гостинницы вилась въ ущелье тропинка, по ней направилъ свой путь Притынскій.

Утренняя свѣжесть въ ущельи усиливалась еще неизбѣжною сыростью; послѣ довольно длинной ночи, проведенной имъ въ гостинницѣ, эта свѣжесть была пріятна русскому, и онъ медленно брелъ, подымаясь все выше и выше въ гору. Ароматъ цвѣтовъ, которыми были покрыты всѣ скаты ущелья, не задушенный еще жаркою ласкою дневного свѣтила, широкою волною несся на встрѣчу пріѣзжему.

Ранняя труженица пчела ужъ гудѣла, усердно собирая душистый сокъ съ вѣнчиковъ колокольчиковъ, дикихъ нарцисовъ и сладкой кашки. Пройдя около километра, Яковъ Гордѣевичъ остановился, обернулся назадъ и посмотрѣлъ.

Предъ нимъ красиво раскинулась вся долина Маниту съ причудливой архитектуры курзаломъ и массою построекъ, гдѣ помѣщались ванны и буфеты. Немного ниже, вырвавшись на свободу, весело журча по камнямъ, бѣжала бойкая рѣчка, образовавшаяся изъ избытковъ минеральныхъ ключей. Направо синѣла цѣлая цѣпь горъ, легкимъ абрисомъ вырисовывая свои пики и горныя вершины въ чистомъ утреннемъ воздухѣ. Среди нихъ бѣлѣла снѣжная шапка какого-то горнаго исполина, хотя и здѣсь горячіе поцѣлуи солнца растрепали его бѣлый уборъ. Налѣво отъ него смотрѣла черная глубокая разсѣлина, внизу которой копошившіеся люди казались какими-то пигмеями. Якову Гордѣевичу сдѣлалось вдругъ какъ-то жутко.

Въ эту минуту ему припомнилось его покушеніе на самоубійство, и онъ невольно вздрогнулъ.

— Нужели въ самомъ дѣлѣ я могъ рѣшиться на это?—прошепталъ онъ и инстинктивно отшатнулся отъ края бездны, около которой стоялъ.

Снова воспоминанія нахлынули на него толпой. Гдѣ-то, глубоко, глубоко въ сердцѣ откликнулось у него былое чувство къ Груни, и онъ невольно задумался.

— Скоро годъ уже, какъ я покинулъ Россію. Что тамъ происходитъ? Что дѣлаетъ Груня? Какое рѣшеніе приняла она, узнавъ о моей гибели? Вышла ли она снова за Глѣба? Счастливы ли они?—вотъ вопросы, которые задавалъ себѣ Притынскій и, не имѣя возможности ихъ разрѣшить, волновался, дѣлая всевозможныя предположенія. Удовольствіе отъ прогулки у него какъ-то вдругъ исчезло; передъ нимъ тѣснились образы былого, онъ переживалъ снова прошлое и, чувствуя себя не въ силахъ стоять, въ раздумьи опустился на скамью.

XXXIX.

ОНЪ ОЧНУЛСЯ отъ глубокой задумчивости, услыхавъ чьи-то легкіе шаги.

По тропинкѣ снизу подымалась женская фигура. Легкое батистовое бѣлое платье обрисовывало станъ молоденькой дѣвушки. Проходя мимо Притынскаго, она подняла глаза на сидящаго и съ губъ ея вылетѣлъ слабый крикъ изумленія.

Въ свою очередь Яковъ Гордѣевичъ взглянулъ на стоящую передъ нимъ дѣвушку и точно очнувшись отъ глубокаго сна, неувѣренно прошепталъ:

— Боже мой, это вы, Мери?

Мери Близъ—это была она — какъ-то виновато покраснѣла и проговорила:

— Вы меня, мистеръ Джекобъ, узнали?

Притынскій улыбнулся счастливой улыбкой.

— Странный вопросъ! Я думаю, что человѣка, къ которому чувствуешь симпатію, узнаешь не только черезъ какіе нибудь два-три мѣсяца, но пройдутъ годы, десятки лѣтъ, и все таки при встрѣчѣ его тотчасъ же узнаешь! — горячо проговорилъ русскій.

— Ай, яй, яй! Какъ вы далеко загадываете, мистеръ Джекобъ!—съ легкой усмѣшкой сказала молодая дѣвушка.—Черезъ 10 лѣтъ, не говоря уже дальше, мы постарѣемъ, черты лица измѣнятся; трудно тогда будетъ узнать другъ друга...

— Черты лица—внѣшность!—восторженно перебилъ ее Притынскій.—Развѣ черезъ нихъ однѣхъ познаютъ другъ друга! А внутренній міръ? А душа? Вѣдь онѣ остаются родственными другъ другу даже въ самой глубокой старости!..

— Меня радуетъ, мистеръ Джекобъ, ваша увѣренность! Дай Богъ, чтобы ваши слова были справедливы!

— О, онѣ вполнѣ справедливы! И я вѣрю, что иначе быть не можетъ!

Изъ долины раздались снова звуки рога; смягченные пространствомъ, они звучали не такъ рѣзко, какъ утромъ.

— Однако, мистеръ Джекобъ, мы съ вами далеко забрались!— замѣтила Мери.—Смотрите, уже трубятъ къ первому завтраку. Пойдемте!

Притынскій повиновался ея приглашенію, и они стали спускаться въ долину.

Какой счастливый случай свелъ меня съ вами здѣсь?—спросилъ русскій свою спутницу. По лицу Мери пробѣжало легкое облачко неудовольствія.

— Едва ли этотъ случай можно назвать счастливымъ! Мы сюда пріѣхали съ папа, у котораго открылись сильныя ревматическія боли и доктора приказали ему здѣсь купаться. Я только что, идя сюда. проводила его въ ванну...

— Долго ли вы проживете здѣсь?

— Да мы уже теперь находимся въ Маниту болѣе трехъ недѣль и предполагаемъ, согласно докторскому предписанію, пробыть еще дней десять, а можетъ быть двѣ недѣли.

— Въ такомъ случаѣ и я здѣсь останусь все это время!— весело вскричалъ Яковъ Гордѣевичъ.

Мери засмѣялась.

— Какой вѣрный рыцарь!—насмѣшливо замѣтила она своему спутнику и, нечаянно поскользнувшись, чуть не упала съ откоса.

Яковъ Гордѣевичъ испуганно схватилъ ее за руку и удержалъ отъ паденія.

— Какая вы неосторожная!—замѣтилъ онъ съ укоромъ.

— Если бы я свалилась, то виною были бы вы,—кокетливо проговорила дѣвушка,—съ вашими разговорами...

Она продолжала спускаться, оставивъ свою руку въ рукѣ своего кавалера.

Яковъ Гордѣевичъ чувствовалъ какое-то необъяснимое блаженство въ прогулкѣ съ этой дѣвушкой, которая съ нѣкоторыхъ поръ занимала всѣ его помыслы. Онъ видѣлъ, что судьба сама заботится объ его счастьи и намѣренно свела его опять съ нею.

На минуту навѣстившія его мысли, образы минувшаго снова потускнѣли; былое отошло за какую-то дымчатую преграду; новая цѣль жизни, новыя стремленія, расцвѣтающая любовь къ Мери охватили Притынскаго всевластно, и онъ, не пробуя бороться, отдался имъ вполнѣ.

На минуту водворившееся молчаніе первая прервала его спутница, слегка вырывая свою руку изъ его руки.

— Ну, теперь пойдемте въ курзалъ завтракать! Вѣроятно

папа сидитъ на своемъ мѣстѣ, съ нетерпѣніемъ поглядывая по сторонамъ, скоро-ли появится его дочь.

Притынскій остановился на минуту и, неопредѣленно глядя впередъ, проговорилъ:

— Неужели такъ необходимо идти на этотъ завтракъ?

— Вы поступайте, какъ вамъ будетъ угодно, но я должна явиться въ столовую, иначе папа очень обезпокоится моимъ отсутствіемъ...

— Въ такомъ случаѣ и я пойду съ вами!—рѣшилъ Яковъ Гордѣевичъ, направляясь вмѣстѣ съ нею къ роскошному зданію кургауза, на верандѣ котораго уже слышался шумъ переставляемыхъ тарелокъ и стукъ ножей. Хотя громадная полосатая тиковая гардина закрывала сидящихъ за столомъ отъ взоровъ только что явившихся Притынскаго съ Мери, но все же они догадались, что завтракъ уже начался.

XL.

За столомъ сидѣло болѣе пятидесяти человѣкъ мужчинъ и дамъ, преимущественно типичныхъ представителей Соединенныхъ Штатовъ.

Непринужденныя позы мужчинъ, ихъ фантастическіе костюмы, а равно какъ и бойкіе разговоры дамъ, ясно показывали, что не смотря на англійскій языкъ, преобладавшій за столомъ,— это не были англичане, у которыхъ корректность костюма и извѣстная сдержанность въ разговорѣ всегда сопровождаютъ ѣду.

Притынскій принужденъ былъ сѣсть довольно далеко отъ Мери и ея отца, такъ какъ около нихъ всѣ мѣста были заняты.

Яковъ Гордѣевичъ проголодался, благодаря горной прогулкѣ и завтракалъ съ аппетитомъ. Онъ съ изумленіемъ поднялъ голову, когда услышалъ, что одна изъ его сосѣдокъ, прося передать ей сифонъ съ содовой водой, назвала его по имени.

Въ одной изъ сидящихъ съ нимъ рядомъ дамъ онъ узналъ Дженни Пикринъ, дочь своего бывшаго принципала. Рядомъ съ нею сидѣли ея мать и сестра.

Притынскому была непріятна эта неожиданная встрѣча, но онъ, быстро исполнивъ просьбу миссъ Пикринъ, любезно поздоровался со всѣми дамами.

— Вотъ никакъ мы не ожидали, мистеръ Джекобъ, подобной встрѣчи!—бойко заговорила Дженни, бросая кокетливые взгляды на своего сосѣда.

— Это объясняется весьма просто. Я рѣшился осмотрѣть всѣ достопримѣчательности Штатовъ и съ этой цѣлью, проѣзжая въ Санъ-Франциско, заѣхалъ сюда.

— Долго-ли вы намѣрены здѣсь пробыть? — пытливо спросила его миссъ Пикринъ—старшая.

Вопросъ этотъ не засталъ врасплохъ Притынскаго: онъ къ нему уже приготовился.

— Вѣроятно я пробуду здѣсь нѣсколько дней.

— Слышите, мама и Изабо,—вся сіяя отъ удовольствія, проговорила Дженни,—можетъ Джекобъ проживетъ здѣсь нѣсколько дней и вѣроятно не откажется быть нашимъ кавалеромъ.

Притынскій въ душѣ проклиналъ свою несообразительность и рѣшилъ во что бы то ни стало избѣгнуть этой тяжелой необходимости.

— Съ большимъ восхищеніемъ, миссъ, я готовъ бы услужить вамъ, но докторъ, съ которымъ я сегодня совѣтовался, положительно запретилъ мнѣ какъ долгія прогулки, такъ и пребываніе вечеромъ на воздухѣ,—попробовалъ схитрить онъ, но бойкая Дженни сейчасъ же ему замѣтила на это:

— О, въ такомъ случаѣ, вѣдь цѣлый день въ нашемъ распоряженіи; я вамъ покажу массу поэтичныхъ уголковъ въ паркѣ! Отправимтесь сейчасъ же послѣ завтрака вмѣстѣ, тѣмъ болѣе, что мама не совсѣмъ здорова. Она останется съ сестрою, а я охотно бы погуляла...

Яковъ Гордѣевичъ не зналъ, что ему отвѣтить на подобную навязчивость. Въ волненіи онъ поглощалъ стаканъ за стаканомъ содовую воду, не приходя ни къ какому рѣшенію.

Завтракъ окончился. Притынскій, пользуясь общимъ движеніемъ, попробовалъ было ускользнуть отъ миссъ Пикринъ, но предпріимчивая Дженни успѣла замѣтить его маневръ и крикнула ему въ слѣдъ:

— Куда вы, мистеръ Джекобъ? Я сейчасъ готова, только возьму зонтикъ!

Притынскій мимоходомъ кивнулъ ей головой, какъ бы соглашаясь съ ея словами, и быстро подошелъ къ мистеру Близъ, чтобы поздороваться.

— Когда мнѣ давече дочь сказала о своей встрѣчи съ вами, я былъ буквально пораженъ!—добродушно проговорилъ старый смотритель.—Я вѣдь думалъ, что вы уже давно уѣхали въ Россію на родину и не помышлялъ когда либо снова съ вами встрѣтиться. Во всякомъ случаѣ, я очень радъ видѣть васъ въ добромъ здоровьи, а вотъ я совсѣмъ сталъ инвалидомъ!..

И старикъ указалъ рукой на свои ноги.

— Что съ вами такое, мистеръ Близъ?—заботливо спросилъ Притынскій.

— Воспоминанія о моихъ ежедневныхъ прогулкахъ въ пещерахъ... Ревматизмъ... Вотъ меня и прислали доктора сюда лечиться...

Къ разговаривающимъ подошла Мери и, взявъ старика—отца подъ руку, повела его на открытую веранду, гдѣ усадила въ большое плетеное кресло на самомъ солнцѣ.

— Съ кѣмъ вы говорили, мистеръ Джекобъ?—пытливо спросила дѣвушка.

— Это семья моего бывшаго патрона въ Нью-Іоркѣ! — отвѣтилъ Притынскій.

— Какія онѣ хорошенькія!—какъ-то разсѣянно замѣтила Мери.

— Вы находите?

— Неужели онѣ вамъ не нравятся?

— Нисколько!.. Я не люблю такой типъ красоты, а тѣмъ болѣе мнѣ еще не нравится ихъ обращеніе.

Молодая дѣвушка улыбнулась довольной улыбкой.

Въ эту минуту, какъ нарочно, на другомъ концѣ веранды появилась Дженни, успѣвшая въ этотъ короткій промежутокъ времени перемѣнить свое утреннее платье на костюмъ крайне эксцентричнаго покроя. На ней была одѣта узкая, довольно короткая юбка изъ тонкой бѣлой фланели съ голубыми полосками; фигаро изъ той же матеріи, отдѣланное розовымъ гипюромъ, эффектно обрисовывало ея полный бюстъ; на волнистыхъ бѣлокурыхъ волосахъ дѣвушки кокетливо былъ надѣтъ, слегка на бокъ, беретъ изъ той же матеріи съ розовымъ помпономъ.

Руки ея, державшія большой розовый зонтикъ съ длинной ручкой, были украшены массою колецъ, вошедшихъ за послѣднее время въ моду въ Америкѣ. Продолговатые «маркизы», одѣтые на ея пальчики, на каждомъ изъ нихъ мѣняли свои камни. По расположенію камней на пальцахъ руки, богатыя американки молча выражаютъ свои чувства. Въ настоящее время, правая рука миссъ Пикринъ говорила:

— Я страдаю!

Въ то же время лѣвая изображала фразу: страстно жажду вашей любви.!.

Она быстро подошла къ Притынскому и, какъ будто не замѣчая стоящей рядомъ съ нимъ Мери, бойко проговорила:

— Я готова, мистеръ Джекобъ, пойдемте!

Якову Гордѣевичу очень не понравилась невѣжливость миссъ Пикринъ по отношенію къ Мери Близъ, и онъ прежде, чѣмъ что-либо отвѣтить на ея приглашеніе, коротко проговорилъ:

— Миссъ Пикринъ... Миссъ Близъ.

Дѣвушки сдѣлали холодный поклонъ и Дженни пытливо-испытующе посмотрѣла на Мери.

— Къ сожалѣнію, миссъ Дженни, я не могу съ вами идти въ настоящую минуту, такъ какъ мнѣ необходимо сказать нѣсколько словъ батюшкѣ миссъ Близъ!

Небольшой черный ботинокъ миссъ Пикринъ, видимый изъ-подъ короткой юбки, нервно застучалъ подковкой своего каблучка о каменныя плиты террасы, но она сдержала себя и любезно проговорила:

— О, пожалуйста, мистеръ Джекобъ! Говорите сколько угодно, я подожду!

Яковъ Гордѣевичъ, видя, что ему не избѣгнуть этой нежелаемой прогулки, подошелъ къ сидящему въ креслѣ рядомъ съ

Мери мистеру Близъ и, сказавъ ему нѣсколько незначительныхъ фразъ, вернулся къ своей хорошенькой спутницѣ.

XLI.

Миссъ Дженни, не дожидаясь приглашенія Якова Гордѣевича, взяла его подъ руку и повела въ паркъ. Вмѣсто дороги, по которой онъ шелъ утромъ, они направились вначалѣ къ ближайшимъ источникамъ Шошона и Навайо. Несмотря на сравнительно раннее время, около каменныхъ резервуаровъ стояло много дожидающихъ очереди, чтобы получить свой обычный стаканъ воды.

— Вѣроятно вы еще здѣсь не были? — спросила миссъ Пикринъ своего кавалера.

Яковъ Гордѣевичъ, до сихъ поръ еще не освободившійся отъ непріятнаго чувства противъ нея, коротко отвѣтилъ:

— Я еще не успѣлъ здѣсь быть!..

Его сухой отвѣтъ немного смутилъ Дженни и она быстро направилась съ нимъ вмѣстѣ далѣе.

Хотро-сплетенныя дорожки привели ихъ къ какой-то искуственной руинѣ.

Въ продолженіи всей дороги разговоръ между ними не клеился, не смотря на то, что бойкая дѣвушка касалась разныхъ вопросовъ.

Дженни нравился Притынскій, и здѣсь, въ руинахъ, она хотѣла вынудить у него признаніе, пуская въ ходъ весь арсеналъ женской хитрости.

Утомленные прогулкой, они сѣли на раскиданные обломки отъ зданій, и Дженни, быстро обернувшись къ своему спутнику спросила:

— Кто это такая миссъ Близъ, съ которой вы меня познакомили?

Притынскій, неожидавшій подобнаго вопроса, смутился.

— Ея отецъ—мой старый знакомый...

Дѣвушка громко, дѣланно засмѣялась.

— Простите, мистеръ Джекобъ, я этому не могу повѣрить, вы мнѣ сами говорили, что вы еще недавно въ Америкѣ... Какіе же у васъ могутъ быть старые знакомые?

Обстоятельства заставляли Притынскаго невольно солгать.

— Я его еще зналъ въ Европѣ, мы съ нимъ встрѣчались въ Швейцаріи!..

— Вашъ знакомый далеко не напоминаетъ джентльмена, да и его дочь...

Но Притынскій оборвалъ ее на полусловѣ, не желая выслушать что-либо дурное, высказанное противъ Мери.

— Какой прелестный уголокъ, куда вы меня завели!—довольно сдержанно замѣтилъ Притынскій.

— Да! Это мѣстечко очень красиво, мнѣ его указали наши знакомые, и мы съ сестрой часто являемся сюда. Эти развалины, если я не ошибаюсь, представляютъ изъ себя какой-то древній германскій замокъ. Вы знакомы съ исторіей Германіи?

— Немного!..

— Кажется это Вартбургъ... Вы должны его знать! Помните, въ немъ происходитъ вся опера «Тангейзеръ»...

— Да, я теперь припоминаю...

— Въ оперѣ такъ поэтично разсказана легенда любви между Тангейзеромъ и Елизаветой. Хотите я вамъ ее напомню?

Миссъ Пикринъ пересѣла на тотъ же обломокъ, на которомъ сидѣлъ Притынскій. Яковъ Гордѣевичъ молча выразилъ свое согласіе, и дѣвушка, пытливо поглядывая на него, начала ему разсказывать.

— Курфюрстина Елизавета любила рыцаря Тангейзера; онъ точно также былъ въ нее влюбленъ, но благодаря скромности и извѣстной робости, боялся признаться въ этомъ.

При этомъ Дженни сверкнула глазами.

— Совершенно противъ своего желанія, онъ былъ обольщенъ чарами языческой богини, попалъ подъ власть ея обаянія, и временно образъ той, которую онъ любилъ настоящею любовью, исчезъ изъ его памяти.

Притынскій вздрогнулъ; дѣвушка невольно напомнила ему о далекой отъ него, хотя когда-то близкой его сердцу, Груни.

— А-а! Вы вздрогнули! Васъ волнуетъ мой разсказъ? И вотъ, освободившись отъ чаръ Венеры, онъ вспомнилъ о любимой дѣвушкѣ, явился къ ней, но было уже поздно: чары Венеры продолжали владѣть рыцаремъ, онъ не удовольствовался скромной привязанностью Елизаветы и снова началъ искать страсти богини... Не правда-ли, какъ это грустно?—проговорила Дженни и посмотрѣла въ глаза своему кавалеру.—Вы навѣрно такъ бы не поступили!.. Я права?

Притынскій довольно безразлично проговорилъ:

— Въ этомъ случаѣ я ручаться за себя не могу...

— То есть какъ?—широко открыла глаза Дженни.—Неужели вы были бы такъ жестоки, что не откликнулись на призывъ той дѣвушки, которая васъ любитъ?

Притынскій молчалъ.

— На призывъ той, которая готова отдать вамъ все: молодость, красоту, свое искреннее чувство!..

Яковъ Гордѣевичъ чувствовалъ себя въ неловкомъ положеніи, сознавая, что одно его лишнее слово, одинъ его жестъ, и эта дѣвушка завладѣетъ всѣмъ его существомъ. Онъ видѣлъ ея разсчитанное кокетство, ея непреклонное желаніе сдѣлать его своимъ мужемъ и рѣшился освободиться какимъ бы то ни было способомъ отъ грозящихъ ему цѣпей. У него уже было готово

вырваться рѣзкое слово, разрушившее бы всѣ иллюзіи молодой дѣвушки, какъ шумъ шаговъ позади него на тропинкѣ остановилъ его.

Къ развалинамъ подходила весело, смѣясь и разговаривая, большая компанія дамъ и кавалеровъ,

Чувствуя, что Притынскій ускользаетъ изъ ея рукъ, Дженни нервно кусала губы и порывисто ему замѣтила:

— Пойдемте отсюда!

XLII.

НА ОБРАТНОМЪ пути миссъ Пикринъ не возобновляла разговоръ о чувствахъ, да это едва ли было бы возможно, такъ какъ на аллеяхъ они встрѣчали массу гуляющихъ. Дойдя до курзала, она постаралась скрыть свое неудовольствіе и весело замѣтила своему кавалеру:

— Какъ жалко, что вечеромъ послѣ обѣда вамъ запрещены прогулки, но я надѣюсь, что завтра утромъ мы съ вами пойдемъ опять, и я укажу вамъ много живописныхъ мѣстечекъ, которыхъ вы одни никогда не найдете!

Яковъ Гордѣевичъ вѣжливо поклонился своей дамѣ и поспѣшилъ къ мистеру Близъ, который, какъ оказалось, находился въ своей комнатѣ.

Мери читала отцу книгу, когда къ нимъ вошелъ Яковъ Гордѣевичъ.

— Хорошо ли погуляли съ вашей дамой?—со скрытой ироніей замѣтила молодая дѣвушка.

Притынскій серьезно на нее посмотрѣлъ.

Его укололъ тонъ ея вопроса, и онъ замѣтилъ небрежно:

— Не скажу, чтобъ я былъ доволенъ прогулкой.

— Какой вы требовательный! Гулять съ такой красивой дамой и быть недовольнымъ!—тѣмъ же тономъ продолжала Мери

Притынскій вспыхнулъ. Его задѣла за живое насмѣшка дѣвушки.

Онъ только что хотѣлъ ей отвѣтить, какъ старый мистеръ Близъ вмѣшался въ ихъ разговоръ.

— Ай, яй, яй! Мери, Мери! Зачѣмъ ты читаешь нравоученіе мистеру Джекобу?

Слова отца сконфузили дѣвушку; она виновато взглянула на Притынскаго и безсознательно протянула ему руку.

— Значитъ—миръ!—весело проговорилъ послѣдній, пожимая ея ручку.

— Навсегда!—улыбаясь проговорила Мери.

Разговоръ оживился. Притынскій съ легкимъ юморомъ разсказывалъ о попыткахъ миссъ Пикринъ выйти за него замужъ, выставляя Дженни въ своихъ словахъ съ смѣшной стороны.

То неудовольствіе, которое высказала Мери объ его прогулкѣ съ миссъ Пикринъ, онъ понялъ, какъ невольную ревность со стороны первой, и это обстоятельство страшно его обрадовало: онъ чувствовалъ, что въ сердцѣ Мери проснулась та маленькая птичка, которую люди зовутъ любовью.

Это придало ему болѣе увѣренности и поселило въ немъ надежду, что эта дѣвушка поможетъ ему забыть такъ горячо любимую имъ Груню; но какъ человѣкъ, дорожащій этимъ Божьимъ даромъ, онъ боялся несвоевременнымъ признаніемъ испугать это нѣжное чувство Мери.

Такъ трепещущій слабо огонекъ можетъ затушить сильный порывъ вѣтра и одновременно этотъ же самый вѣтеръ раздуетъ въ громадное пламя спокойно горящій огонь.

— Я рѣшилъ,—закончилъ Притынскій свой разсказъ о прогулкѣ,—постараться уклоняться отъ новыхъ прогулокъ съ миссъ Пикринъ, но право не знаю, какъ это сдѣлать?

— Если вы дѣйствительно рѣшились такъ поступить — я вамъ помогу! — смѣясь замѣтила Мери.—Мы отправимся завтра съ самаго утра въ садъ боговъ.

— Я уже предполагалъ осмотрѣть его и съ этой цѣлью нанялъ заранѣе экипажъ! — сказалъ мистеръ Близъ. — Мы всѣ втроемъ и поѣдемъ. Это въ четырехъ километрахъ отъ Манитту.

— Но, во всякомъ случаѣ, мистеръ Джекобъ,—серьезно сказала дѣвушка,—вы не проговоритесь сегодня за обѣдомъ Пикринамъ, и для отвлеченія подозрѣнія садитесь съ ними рядомъ. Ха, ха, ха! Вотъ было бы смѣшно, если бы онѣ, узнавъ о нашемъ заговорѣ, тоже пріѣхали бы въ паркъ монументовъ!

Рѣзкій звукъ рога снова пригласилъ постояльцевъ гостинницы къ обѣденному табль-д'оту.

— Ну, что-жъ мы будемъ дѣлать, миссъ Мери, дальше, въ другіе дни? Вѣдь невозможно каждый день уѣзжать отсюда?

Дѣвушка задумалась.

— Знаете что? — замѣтила она просто. — Папа уже совсѣмъ поправился, и мы можемъ сократить наше пребываніе здѣсь, а такъ какъ вы, вѣроятно, не остались бы здѣсь долго, то отправимтесь вмѣстѣ съ нами!

Притынскому несказанно было пріятно услышать такое предложеніе изъ устъ Мери.

— Я готовъ ѣхать хоть завтра! — поспѣшилъ онъ отвѣтить.

— Нѣтъ, зачѣмъ же намъ спѣшить, останемтесь еще дня два! Я надѣюсь, что въ такой короткій срокъ миссъ Пикринъ не успѣетъ васъ изловить на удочку?

Притынскій улыбнулся. Засмѣялся также и старый мистеръ Близъ; неувѣренность дочери въ твердомъ характерѣ русскаго — его разсмѣшила.

Вторичный зовъ рога извѣщалъ, что постояльцы сѣли уже за столъ, и они поспѣшили въ столовую.

XLIII.

Еще рано утромъ экипажъ былъ готовъ, но его не подали къ гостинницѣ, такъ какъ сообразительная Мери побоялась, что семья Пикриновъ узнаетъ объ отъѣздѣ Притынскаго и послѣдуетъ за ними.

Двѣ небольшія сытыя лошадки, запряженныя въ двухмѣстный кэбъ, бойко повезли ихъ по каменистой дорогѣ.

Почти на серединѣ пути, Яковъ Гордѣевичъ обратилъ вниманіе на великолѣпный дворецъ, окруженный со всѣхъ сторонъ роскошными цвѣтниками. Ароматы розъ густой волною неслись оттуда на пыльную дорогу.

— Этотъ садъ и вилла принадлежатъ генералу Илликія, владѣльцу желѣзной дороги, по которой вы сюда пріѣхали!—замѣтилъ старикъ Близъ, обращаясь къ Притынскому.

— Я страстно желала бы имѣть хоть одну изъ этихъ розъ!— проговорила Мери.

Притынскій остановилъ экипажъ. Быстро выскочивъ, онъ направился къ рѣшеткѣ сада.

Несмотря на раннюю пору, на одной изъ лужаекъ стоялъ коренастый пожилой мужчина, типичный съ виду американецъ, одѣтый въ простую парусинную пару, съ громадной панамой на головѣ. Онъ усердно подвязывалъ вѣтви одного широко раскинувшагося куста розъ.

На окликъ Притынскаго американецъ поднялъ голову.

— Могу ли у васъ просить, сэръ, одолжить мнѣ одну розу для дамы, которая тамъ сидитъ въ коляскѣ? — вѣжливо обратился къ нему молодой человѣкъ.

Незнакомецъ, не говоря ни слова, срѣзалъ нѣсколько длинныхъ стеблей съ цвѣтами и промолвилъ:

— Передайте прелестной миссъ, что старый ворчунъ Илликія всегда радъ подѣлиться своими розами!

Притынскій поблагодарилъ милліонера за любезность и вернулся къ экипажу.

Глазки Мери заблестѣли отъ удовольствія, когда она увидѣла своего кавалера, возвращающагося съ цвѣтами.

— Какъ это вамъ удалось достать ихъ, мистеръ Джекобъ? Вѣроятно вы дорого заплатили садовнику, который тамъ работаетъ?

Яковъ Гордѣевичъ улыбнулся.

— Представьте себѣ, что этотъ садовникъ никто иной, какъ самъ милліонеръ Илликія!..

Изумленію отца съ дочерью не было границъ.

Скоро они доѣхали до сада боговъ.

Странное зрѣлище представляло это громадное пространство, лишенное какой-либо растительности. Громадныя скалы всевозможныхъ формъ и цвѣтовъ громоздились на этой площади. Нѣ-

которыя изъ нихъ напоминали гигантскіе грибы, пилястры, колонны замковъ, колокольни, а нѣсколько изъ нихъ имѣли даже отдаленное сходство съ фигурами гигантскихъ людей.

Проводника не пришлось брать, такъ какъ негръ, который былъ возницею, поставивъ утомленныхъ лошадей въ тѣни, у такъ называемыхъ воротъ сада, образуемыхъ ущельемъ съ прямыми, обрѣзанными скалами, вызвался быть ихъ чичероне.

— Вотъ это камень поцѣлуя, статуя генерала Джексона, разъяренный быкъ! — разсказывалъ онъ и указывалъ, проходя мимо, на громадные камни сада боговъ.

Мери очень заинтересовала громадная скала, державшаяся на одной точкѣ и тѣмъ не менѣе не падающая можетъ быть уже много сотенъ лѣтъ.

Долго осматривать «садъ» имъ не пришлось, часа черезъ полтора осмотръ былъ оконченъ и они зашли въ небольшой домикъ, съ цѣлью напиться молока.

Миссъ Близъ купила изъ продающихся здѣсь издѣлій небольшое каменное пресъ-папье изъ нефрита, изображающее руку, и подарила его Якову Гордѣевичу.

— Вы мнѣ—цвѣты, а я вамъ—руку...

— Увы, только каменную! — шутливо проговорилъ русскій.

— Развѣ вы не довольны?

— Я предпочелъ бы получить лучше живую!..—чуть слышно прошепталъ Притынскій.

Мери вспыхнула.

Старый смотритель, внимательно разсматривая выставленныя въ домикѣ издѣлія изъ камня, не обратилъ на ихъ разговоръ вниманія.

Немного спустя, они уже ѣхали обратно въ Маниту.

XLIV.

Въ продолженіе всего пути, точно сговорившись между собою, никто изъ троихъ экскурсантовъ не заговаривалъ о Пикрифахъ.

Притынскій былъ счастливъ близостью къ любимой дѣвушкѣ и не сомнѣвался, что его чувство раздѣляется отчасти и ею.

Снова промелькнула чудная вилла Илликія; оставалось уже не болѣе километра до Маниту, какъ на встрѣчу экипажу попалась цѣлая кавалькада дамъ и мужчинъ, ѣхавшихъ верхами на маленькихъ мексиканскихъ мулахъ.

Розовый помпонъ Дженни и голубой Изабо выдѣлялись среди остальныхъ головныхъ уборовъ дамъ.

Миссъ Пикрифъ замѣтила ѣдущихъ въ коляскѣ, и бравируя своей эксцентричностью, подскакала къ самому экипажу.

Небрежно кивнувъ мистеру Близъ и его дочери головой, она

протянула руку, затянутую въ толстую перчатку, Притынскому и какъ-то капризно-дѣлано воскликнула:

— Ай, яй, яй! Такъ поступать не хорошо! Уѣхать на прогулку, не предупредивъ своихъ друзей! Мы васъ вездѣ искали сегодня утромъ и разумѣется не могли найти. Вы сегодня должны послѣ обѣда придти къ намъ и этимъ загладить хоть немного свою вину. Мама очень будетъ рада васъ видѣть!

И снова небрежнымъ жестомъ хлыста попрощавшись съ остальными сидящими въ экипажѣ, Дженни ударила своего мула, и послѣдній понесся вскачь вслѣдъ за кавалькадой, уѣхавшей впередъ и исчезнувшей въ густыхъ клубахъ пыли.

Якову Гордѣевичу было больно невѣжливое отношеніе богатой американки къ его друзьямъ. Онъ мысленно сравнилъ ее съ Мери и сравненіе было далеко не въ пользу первой.

— Дочка богатаго отца! — слегка измѣнившимся голосомъ промолвилъ мистеръ Близъ.—Оттого у ней такое презрительное отношеніе къ другимъ людямъ...

— Охота тебѣ обращать на нее вниманіе, папа!—тоже слегка сконфуженная бестактностью Дженни, сказала Мери.

Не желая вспоминать эту непріятную встрѣчу, Притынскій молчалъ, но въ душѣ рѣшился сегодня же вечеромъ высказать всю безтактность Дженни ей самой.

Расплатившись съ возницею-негромъ, который былъ такъ доволенъ платою, что предложилъ еще свезти ихъ на скалу «Далекаго вида», но старый смотритель замѣтилъ, что туда удобнѣе пойти пѣшкомъ, такъ какъ дорога на лошадяхъ довольно опасна.

Послѣ запоздалаго завтрака они снова отправились гулять, и Мери повела ихъ по тропинкѣ, идущей къ этой живописной скалѣ.

Дѣйствительно, видъ отсюда былъ чудесный. Тишина стояла здѣсь необычайная. Прямо не хотѣлось уходить отсюда, и только звуки рога, призывающіе къ обѣду, заставили ихъ снова спуститься къ кургаузу.

Яковъ Гордѣевичъ предвидѣлъ, что ему придется выдержать не особенно пріятный разговоръ съ миссъ Пикринъ. И дѣйствительно, не успѣлъ онъ еще появиться въ столовой, какъ эксцентричная Дженни быстро подошла къ нему.

— Знаете, мистеръ Джекобъ? Я право не узнаю васъ здѣсь, васъ точно подмѣнили! Неужели это вліяніе этой... миссъ Близъ?— язвительно проговорила дѣвушка.

Притынскій, ожидавшій уже услышать отъ Дженни что нибудь рѣзкое по отношенію къ Мери, былъ все таки пораженъ ея невыдержанностью. Тѣмъ не менѣе онъ довольно мягко ей замѣтилъ:

— Мнѣ странно слышать отъ васъ, миссъ Дженни, что вы такъ обо мнѣ думаете. Я нисколько не перемѣнился: какимъ былъ въ Нью-Іоркѣ, такимъ остался и здѣсь. Если я сегодня

уѣхалъ въ садъ боговъ, то только потому, что мистеръ Близъ могъ оказать мнѣ услугу, такъ какъ онъ отлично знаетъ эти мѣста.

Миссъ Пикринъ недовѣрчиво взглянула на него и капризно проговорила:

— Въ наказаніе за сегодняшнее, вы должны сѣсть со мною рядомъ за столомъ и послѣ обѣда пойдемте гулять!

Не желая непріятности, Яковъ Гордѣевичъ повиновался Дженни и сѣлъ съ ней рядомъ. Обѣдъ прошелъ довольно скучно. Всѣ его отговорки, что онъ не можетъ идти гулять согласно предписанію доктора, не были приняты миссъ Пикринъ. Ему разрѣшено было только сходить въ свою комнату за шляпой съ тѣмъ, чтобы сейчасъ же отправиться гулять.

Яковъ Гордѣевичъ начиналъ бояться предпріимчивой Дженни и былъ очень обрадованъ, замѣтивъ, что вмѣстѣ съ ними отправляется также и Изабо.

Обѣ сестры Пикринъ отлично изучили паркъ въ Маниту и повели своего плѣнника въ отдаленную часть его.

Сегодня Дженни была одѣта совершенно по другому, чѣмъ вчера. Свѣтло-голубой костюмъ, немного декольтированный на груди, съ короткими рукавами, открывалъ красивыя бѣлыя руки американки.

На Изабо было одѣто ярко-малиновое платье того же фасона.

Головки сестеръ украшали громадныя панамы, завязанныя подъ подбородкомъ бархатной лентой и открывавшія довольно высоко лобъ.

Обѣ дѣвушки выглядѣли очень хорошенькими.

Разговоръ гуляющихъ былъ преимущественно о посѣщенномъ ими сегодня утромъ садѣ боговъ. Яковъ Гордѣевичъ изнывалъ отъ этой прогулки. Онъ рвался къ Мери, какое-то желаніе постоянно ее видѣть, постоянно быть въ ея присутствіи, заставляло молодого русскаго на столько невнимательно относиться къ разговору своихъ спутницъ, что невольно вызвало замѣчаніе со стороны старшей миссъ Пикринъ.

— Вы гревите съ открытыми глазами, мистеръ Джекобъ! — недовольно замѣтила Изабо. Притынскій очнулся, точно кто нибудь его вдругъ разбудилъ.

— У меня страшно болитъ голова! — замѣтилъ онъ, желая чѣмъ нибудь заставить дѣвушекъ прекратить прогулку.

Брюнетка, видя его страдальческое лицо, охотно повѣрила его болѣзни и предложила вернуться, но Дженни пытливо взглянула на своего кавалера и, сдѣлавъ недовольную гримасу, сказала:

— Если вы больны въ самомъ дѣлѣ, что-же дѣлать, пойдемте обратно!

Притынскій облегченно вздохнулъ; опасность повидимому миновала и онъ немного оживился при возвращеніи.

Давъ Изабо пройти немного впередъ, Дженни, не покидавшая руки своего кавалера, преднамѣренно замедлила шаги. Она повидимому что-то соображала и, замѣтивъ, что сестра довольно далеко отъ нихъ, рѣшительно проговорила:

— Мистеръ Джекобъ! Вы не ребенокъ! Будемте говорить откровенно! Вы знаете, я въ этомъ увѣрена, что вы мнѣ нравитесь! Я всегда мечтала именно о такомъ человѣкѣ, какъ вы. Мою симпатію къ вамъ раздѣляетъ и мой отецъ. Въ васъ онъ нашелъ себѣ помощника, какого давно искалъ. Вы русскій, но по своей смѣтливости, своему умѣнію пользоваться временемъ, обстоятельствами и деньгами—вы кровный янки. Я сама американка, высоко цѣню эти достоинства и знаю, что значитъ нашъ янки. Однимъ словомъ, вы тотъ человѣкъ, котораго я смѣло назову своимъ мужемъ. Во мнѣ вы найдете трудолюбивую помощницу, вѣрную жену, хорошую хозяйку и... — при этомъ Дженни покраснѣла,—страстно любящую васъ женщину.

Она крѣпко сжала руку Якову Гордѣевичу и заглянула своимъ блестящимъ взглядомъ ему въ глаза.

Пожатіе руки молодой дѣвушки, какъ электрическая искра, пробѣжало по тѣлу Притынскаго.

Голова у него кружилась, онъ чувствовалъ, что невольно подпадаетъ подъ власть этого молодого, энергичнаго существа.

Дѣвушка вызывающе смотрѣла на своего спутника; еще одно мгновеніе и онъ былъ бы вполнѣ ея.

Головка Дженни приближалась къ лицу Притынскаго, губы ея готовы были прильнуть къ его устамъ, какъ вдругъ дикій, нечеловѣческій крикъ Изабо заставилъ исчезнуть очарованіе.

— Змѣя! Змѣя! — кричала брюнетка, и Яковъ Гордѣевичъ бросился къ ней на помощь.

XLV.

День уже догорать, и мягкіе сумерки ласково заволакивали окрестность. Въ кургаузѣ засвѣтились огоньки, когда Притынскій, весь разбитый отъ недавней проведенной имъ сцены, въ душѣ недовольный самимъ собою, шелъ къ Близамъ.

Изъ памяти молодого человѣка не выходила прощальная фраза Дженни, сказанная ему шопотомъ:

— Я жду васъ, когда совсѣмъ стемнѣетъ, въ лѣвой аллеѣ близь источника Шошоны!

Эти слова обожгли, какъ пламенемъ, Притынскаго, онъ едва могъ устоять на ногахъ, услышавъ ихъ.

Несмотря на свою любовь къ Мери, онъ чувствовалъ, что образъ хорошенькой американки, такъ оригинально признавшейся ему въ любви, продолжалъ стоять передъ его глазами.

— Бѣжать! Бѣжать нужно!—шепталъ онъ самъ себѣ.—Иначе я погибъ!

И твердо рѣшившись сегодня же вечеромъ уѣхать изъ Маниту, онъ шелъ къ мистеру Близъ, чтобы сговориться съ нимъ, гдѣ встрѣтиться.

Изъ открытаго окна, со спущенною занавѣскою, онъ услышалъ мелодичный голосъ молодой дѣвушки, читавшей отцу какую-то книгу.

При звукѣ его все недавнее очарованіе Дженни стало исчезать. Онъ понялъ, что въ ней единственное его спасеніе, что только въ присутствіи Мери онъ избѣгнетъ ловко разставляемыхъ для него младшей миссъ Пикринъ сѣтей, и рѣшительно взявшись за ручку двери, онъ вошелъ въ комнату.

Не говоря старику о причинахъ, заставляющихъ его поспѣшить отъѣздомъ, онъ прямо спросилъ его, гдѣ и когда они съѣдутся вмѣстѣ?

Но на вопросъ Притынскаго отвѣтила Мери:

— Мы съ вами встрѣтимся въ Лидвилѣ. Вы насъ тамъ подождете до слѣдующаго поѣзда, такъ какъ папа не можетъ быстро собраться, чтобы уѣхать сегодня вечеромъ!

Яковъ Гордѣевичъ изумился знакомству дѣвушки со всѣми подробностями пути.

Мери засмѣялась.

— Знаете, мистеръ Джекобъ, — замѣтила она. — у насъ, въ Америкѣ, ребенокъ чуть ли не съ 10 лѣтъ вполнѣ самостоятеленъ. Мы, американцы, не боимся отпускать семилѣтнихъ дѣтей однихъ въ длинныя путешествія по желѣзнымъ дорогамъ. Меня въ этомъ возрастѣ папа не разъ посылалъ одну въ Нью-Іоркъ, и я ни разу не заблудилась и не потерялась.

Притынскій полюбопытствовалъ, какимъ образомъ это устраивается.

— Очень просто. Мнѣ на спину пришили широкій лоскутокъ, на которомъ папа четко написалъ чернилами свой адресъ и станцію моего назначенія, а внизу прибавилъ: «Прошу беречь ребенка». Такъ вотъ въ какомъ возрастѣ я уже была знакома съ рельсовымъ путемъ, а теперь, отправляясь въ нашу поѣздку, я отлично изучила всѣ остановки.

Распростившись съ отцомъ и дочерью, Яковъ Гордѣевичъ отправился въ свой номеръ, чтобы собрать вещи и, проходя мимо буфетной, сказалъ одному изъ негровъ:

— Я уѣзжаю съ ночнымъ поѣздомъ, приготовьте мнѣ экипажъ.

Когда вещи были уложены, онъ взглянулъ на часы. Было еще только половина восьмаго, а экипажъ ему обѣщали подать въ девять.

Не желая тревожить снова Близовъ, онъ вышелъ на веранду, съ цѣлью спуститься въ цвѣтникъ.

Вечеръ все гуще и гуще надвигалъ свою темную пе-

лену надъ усталою землею. Вечерняя свѣжесть заставила цвѣты, послѣ знойнаго дня, дышать свободнѣе, и ихъ сильный пряный ароматъ разлился по всему цвѣтнику, какимъ-то аккордомъ благоуханія врываясь на террасу и проникая даже въ комнаты.

Далекая лазурь неба густо посинѣла; ее разукрасили серебряные блики млечнаго пути, крупнымъ брилліантомъ загорѣлась вечерняя звѣзда, разсыпались блестящими драгоцѣнными камнями миріады звѣздъ, точно щедрая рука Творца усѣяла ими свою небесную ризу.

Темноту, болѣе густую книзу, прорѣзывали сверкающими огненными точками жесткокрылыя кукуйо.

Тишина стояла божественная.

Очарованный чудною ночью, охватившей все его существо, Притынскій чувствовалъ какое-то невольное сожалѣніе къ Дженни, такъ горячо, беззавѣтно его полюбившей и рискнувшей ему въ этомъ открыться.

Молодому человѣку сдѣлалось неловко уѣзжать даже не простившись съ нею. Его внезапный отъѣздъ такъ походилъ на бѣгство, что онъ невольно спросилъ самъ себя:

— Ужъ не закралась ли въ мое сердце любовь къ миссъ Пикринъ? Отчего я такъ боюсь съ ней опять встрѣтиться?

Какой-то тайный голосъ уговаривалъ его идти къ назначенному мѣсту свиданія, но инстинктъ самосохраненія подсказывалъ ему не дѣлать этого. Волнуемый различными чувствами, онъ уже хотѣлъ спуститься въ цвѣтникъ, чтобы идти къ фонтану, гдѣ уже несомнѣнно ожидала его Дженни, какъ сзади себя услышалъ чьи-то мягкіе шаги и обернулся. Передъ нимъ стояла Мери.

XLVI.

Черезъ часъ экипажъ увозилъ Притынскаго со всѣми баулами на станцію. Когда онъ подъѣхалъ къ вокзалу, поѣздъ стоялъ уже у платформы, Яковъ Гордѣевичъ поразился его составомъ.

Въ немъ было два паровоза и всего три вагона, при чемъ одинъ изъ нихъ багажный. На вопросъ его, обращенный къ начальнику станціи, послѣдній, указавъ рукою на виднѣвшійся гдѣ-то очень высоко вдали яркій электрическій свѣтъ, лаконически проговорилъ:

— Вы будете тамъ! Подъемъ почти отвѣсный. Иначе нельзя!

Немного спустя, поѣздъ двинулся, идя довольно медленно.

Оказалось, что подъемъ начинается отъ самой станціи и поѣздъ все время, почти не выходя изъ туннелей, идетъ въ гору.

Непроглядная темнота ночи, какое-то инстинктивное сознаніе, что надъ поѣздомъ висятъ милліоны пудовъ каменнаго

груза, страшная тѣснота въ туннеляхъ, острые камни стѣнъ которыхъ чуть не задѣвали вагоны,—все это, вмѣстѣ взятое, далеко не успокоивало Якова Гордѣевича и, вмѣсто предполагаемаго сна, онъ не могъ забыться ни на одну минуту.

Къ довершенію всего, чѣмъ выше подымался поѣздъ между горъ, въ узкихъ долинахъ послѣднихъ лежало много снѣгу, и вслѣдствіе этого въ вагонѣ стало довольно холодно.

Шумъ водопада, широкой струей падавшаго съ окрестныхъ скалъ, иногда такъ близко, что брызги попадали на стекла оконъ, обдавая ихъ тонкою водяною пылью, тоже не давалъ заснуть.

Прорѣзавшее рано утромъ горное ущелье солнце сразу оживило всѣ окрестности и заставило забыть Притынскаго тяжелую безсонную ночь.

Онъ внимательно сталъ наблюдать за роскошными видами, открывавшимися изъ оконъ вагона, и сонъ окончательно исчезъ изъ его усталыхъ глазъ.

Скоро поѣздъ подошелъ къ маленькой станціи, называемой «Паркъ Юто». Это была обширная, крайне живописная, горная котловина, замкнутая чрезвычайно высокими дикими скалами. Самый низъ ея, точно зеленой щетиной, покрывался дѣвственнымъ хвойнымъ лѣсомъ. Множество плавильныхъ печей дымили своими трубами то тамъ, то здѣсь.

Остановка была не долгая, и поѣздъ снова взлетѣлъ въ цвѣтущее ущелье, длинный горный корридоръ, до того сомкнутый что не видно было ни клочка неба. Въ концѣ корридора, длиной болѣе 10 километровъ, слѣдовали станція и городокъ Лидвиль, гдѣ Притынскій долженъ былъ ожидать Близовъ.

Пробродивъ цѣлый день по окружающимъ городокъ золотымъ, серебрянымъ и свинцовымъ рудникамъ, осмотрѣвъ ихъ подробно, онъ пообѣдалъ въ какомъ-то небольшомъ ресторанѣ и снова направился въ горы.

Отъ самаго городка Лидвиль, желѣзно-дорожный путь подымается уступами постепенно въ гору, пока не дойдетъ до знаменитаго привала Хагерманъ. Яковъ Гордѣевичъ, имѣя въ запасѣ много времени до прибытія вечерняго поѣзда, съ которымъ онъ ожидалъ Близовъ, вздумалъ подняться прямо по тропинкѣ до этого перевала.

Послѣ двухъ съ половиною часовъ тяжелаго подъема, причемъ пришлось пробираться сквозь частый кустарникъ, переходить громадные віадуки, построенные изъ толстыхъ брусьевъ, онъ добрался до станціи Бессъ, помѣщавшейся на сравнительно незначительной возвышенности, не болѣе 2,000 футовъ, тогда какъ самый перевалъ находится на 11.528 футовъ надъ уровнемъ моря.

Но уже изъ Бесса видъ внизъ былъ провосходенъ.

Еле чернѣвшіяся зданія Лидвиля, трубы его рудниковъ, все

это казалось какимъ-то темнымъ пятномъ на изумрудномъ морѣ хвойнаго лѣса, заполнявшимъ все видимое пространство.

Полюбовавшись красотами, раскинутыми передъ нимъ природою, Яковъ Гордѣевичъ началъ осторожно спускаться внизъ, спѣша закончить свое нисхожденіе до сумерекъ.

Посидѣвъ недолго въ довольно примитивномъ сарайчикѣ, носившемъ громкое названіе станціи, онъ вышелъ на платформу, услышавъ шумъ приближающагося поѣзда и съ нетерпѣніемъ вглядывался въ пассажировъ, ожидая сейчасъ увидѣть знакомыя лица стараго Близа и его дочери.

XLVII.

Къ изумленію Притынскаго, среди вышедшихъ пассажировъ онъ не замѣтилъ ни милаго личика Мери, ни характернаго лица ея отца.

Яковъ Гордѣевичъ быстро пробѣжалъ оба вагона, пытливо разглядывая сидящихъ, но ихъ тутъ не было. Поѣздъ двинулся дальше, а онъ разочарованный остался одинъ на платформѣ.

— Что могло задержать ихъ?—шепталъ онъ самъ себѣ. Не находя на свой вопросъ отвѣта, онъ рѣшился ждать ихъ до утренняго поѣзда и съ этой цѣлью, отыскавъ себѣ близь вокзала небольшую гостинницу, чтобы переночевать, отправился туда, съ нетерпѣніемъ ожидая утра, которое могло ему объяснить причину непоявленія пассажировъ.

Еще рано утромъ проснулся Притынскій и снова сталъ ожидать прихода поѣзда, того самаго, съ которымъ онъ вчера пріѣхалъ.

Въ Америкѣ поѣзда почти никогда не опаздываютъ, благодаря тому, что законъ призналъ выдаваемый пассажиру желѣзной дорогой билетъ оффиціальнымъ обязательствомъ послѣдней, что она доставитъ пассажира въ извѣстный срокъ, согласно росписанію. За всякое опозданіе или замедленіе пассажиръ имѣетъ право взыскивать причиненные ему этими дѣйствіями убытки. Благодаря этому обстоятельству, поѣзда являются на станцію точно, согласно росписанію. Такъ и въ настоящемъ случаѣ, поѣздъ пришелъ своевременно, и Яковъ Гордѣевичъ съ радостью увидѣлъ, что съ нимъ прибыли и Близы.

— Вы вѣроятно очень изумились, зная нашу аккуратность, что мы не прибыли еще вчера?

Притынскій вопросительно посмотрѣлъ на говорящую.

— Дѣло объясняется очень просто, хотя вина въ этомъ отчасти и ваша... Послѣ того, какъ вы уѣхали, къ вамъ нѣсколько разъ заходила миссъ Пикринъ. Она пытливо разспрашивала прислугу, гдѣ вы, хотя прислуга ничего не могла ей на это отвѣтить...

Притынскій улыбнулся.

— Узнавъ, что вы совсѣмъ уѣхали изъ Маниту, миссъ Пикринъ страшно была взволнована и хотѣла ѣхать одна вслѣдъ за вами, но отъ этого легкомысленнаго поступка ее отговорили мать и сестра. Встрѣтивъ меня въ паркѣ, она стала разспрашивать про васъ, но я уклонилась отъ ея вопроса... «Вы меня не проведете, миссъ Близъ, я знаю, что отъѣздъ мистера Джекобъ былъ сдѣланъ по вашему настоянію». Я всѣми силами старалась опровергнуть ея предположеніе, тогда миссъ Пикринъ довольно рѣзко мнѣ замѣтила: «Я васъ не выпущу сегодня цѣлый день изъ виду, миссъ Близъ, такъ какъ понимаю, что вы уговорились ѣхать вмѣстѣ съ мистеромъ Джекобъ». И вотъ, благодаря этому обстоятельству, намъ съ папа не удалось выѣхать изъ Маниту раньше, чѣмъ наступилъ вечеръ. Но наконецъ мы здѣсь, несмотря на всѣ ухищренія миссъ Пикринъ!

И Мери весело расхохоталась.

— Думаю, что намъ осматривать въ Лидвилѣ нечего!—проговорилъ старый мистеръ Близъ.—Мы сейчасъ же отправимся дальше.

На этомъ было рѣшено, и Притынскій, забравъ свои баулы, вошелъ къ нимъ въ вагонъ.

Поѣздъ медленно сталъ подыматься къ той же станціи Бессъ, до которой доходилъ вчера Притынскій.

Деревянные віадуки смѣнялись особыми узкими бревенчатыми корридорами, устроенными для безопаснаго прохода поѣзда во время паденія съ горъ лавинъ. Скоро миновали они Бессъ, продолжая подыматься все выше и выше. Узлы, которые дѣлалъ поѣздъ, проходя по самому краю пропасти, позволяли видѣть изъ вагона одно и тоже мѣсто нѣсколько разъ, уходящее все ниже и ниже.

Разговоръ между русскимъ и его спутниками оживлялся, Притынскій чувствовалъ себя особенно счастливымъ: любимая имъ дѣвушка ѣхала съ нимъ вмѣстѣ.

— Въ лицѣ миссъ Пикринъ вы, мистеръ Джекобъ, получили непримиримаго врага,—замѣтила Мери послѣ того, какъ Яковъ Гордѣевичъ намекнулъ ей о признаніяхъ Дженни, во время ихъ послѣдней прогулки.—И едва ли она когда нибудь проститъ это презрѣніе, насколько я знаю женскую натуру!

Къ полудню поѣздъ добрался до высочайшей точки подъема, и сейчасъ же вслѣдъ за нею послѣдовалъ длинный мрачный туннель почти въ 5 верстъ протяженія. Кондукторъ зажегъ въ вагонѣ огонь, затворилъ тщательно всѣ окна, и поѣздъ погрузился въ эту мрачную дыру.

При слабомъ мерцаніи лампъ Притынскій взялъ руку Мери и прижалъ ее къ своимъ губамъ. Дѣвушка не отняла ее отъ него и, подъ шумъ колесъ бѣгущаго поѣзда, услышала первое «люблю» изъ устъ человѣка, такъ много пострадавшаго въ жизни, и въ свою очередь отвѣтила ему тѣмъ же.

Вырвавшись изъ темнаго логовища туннеля на пустынныя плоскогорья, поѣздъ несъ на себѣ двоихъ людей, понявшихъ всю сладость, всю отраду взаимной любви.

XLVIII.

Еще не вполнѣ оправившись отъ своей болѣзни, старый смотритель мирно дремалъ на своемъ креслѣ.

Молодые люди тихо разговаривали между собой; они понимали другъ друга съ полуслова.

Подъ впечатлѣніемъ такъ случайно вырвавшагося взаимнаго признанія, Яковъ Гордѣевичъ началъ разсказывать Мери, ставшей съ этой минуты самымъ близкимъ для него существомъ, исторію всей прежней своей жизни, не скрывая ни малѣйшихъ подробностей и относясь съ сердечнымъ участіемъ къ Грунѣ и Эверецкому.

Мери слушала его исповѣдь съ широко раскрытыми глазами и нервно сжимая руки. Она такъ мало была подготовлена ко всему этому, что разсказъ Якова Гордѣевича представлялся ей какою-то странною сказкой, поражавшей дѣвушку черезчуръ густыми красками, заставляющими ее переживать вмѣстѣ съ героями весь этотъ тяжелый сонъ минувшаго. Она нѣсколько разъ останавливала Притынскаго, переспрашивая его объ одномъ и томъ же, точно не вѣря его разсказу.

Когда онъ дошелъ до того мѣста, когда въ немъ возникло желаніе пожертвовать собою, чтобы сдѣлать счастливыми два другія существа, Мери прошептала:

— О, какъ это великодушно, и какъ я васъ буду любить за это!

Яковъ Гордѣевичъ на минуту остановился разсказывать и восторженно поглядѣлъ на молодую дѣвушку.

Она была дѣйствительно очарована его самоотверженіемъ, и онъ сознавалъ, что благодаря этому ея любовь къ нему еще болѣе усилилась.

— Теперь я свободный человѣкъ, Мери, и вѣрю, что вы не откажетесь быть моей женою!

Дѣвушка пристально взглянула ему въ лицо и вмѣсто отвѣта крѣпко пожала ему руку.

Окрестности, которыми они проѣзжали, представляли изъ себя дикія пропасти, скалы и обрывы. Надъ ними, гораздо выше, тянулся высокій горный хребетъ; въ него врѣзывались глубоко три ущелья, одно въ длину, а два другихъ съ обѣихъ сторонъ поперекъ.

Эти ущелья, заполненныя глубокимъ снѣгомъ, казались громаднымъ бѣлымъ крестомъ.

Взоры молодыхъ людей упали на этотъ символъ христіан-

ства, какъ будто нарочно появившійся въ такомъ пустынномъ мѣстѣ, и они поклялись любить другъ друга до гроба.

Поѣздъ тряхнуло какъ-то сильнѣе, и пассажиры почувствовали, что начался спускъ. Все скорѣе и скорѣе вертѣлись колеса, поѣздъ летѣлъ внизъ съ оглушительнымъ шумомъ, и дойдя до станціи Асненъ, одинъ изъ паровозовъ былъ отцѣпленъ, хотя несмотря на это, движеніе продолжало развиваться все болѣе и болѣе.

Оно разбудило заснувшаго старика-смотрителя, и молодые люди перешли на другой разговоръ, не желая до поры до времени посвящать въ свою тайну стараго мистера Близа.

Присущая каждой американкѣ практичность заставляла молчать Мери, такъ какъ она рѣшила, что объявленіе о своемъ рѣшеніи выйти замужъ за Притынскаго она сообщитъ отцу только тогда, когда будутъ выяснены всѣ малѣйшія подробности этого брака.

На другой день рано утромъ они прибыли къ озеру Юта, изъ котораго вытекаетъ рѣка Іорданъ. Скоро показались и строенія города Большого Соленаго Озера.

XLIX.

Такъ какъ они не намѣревались пробыть долго въ странѣ мормоновъ, то, оставивъ свои вещи на вокзалѣ желѣзной дороги, они отправились, пользуясь услугами трамвая, въ самый городъ.

Незнакомаго съ условіями жизни мормоновъ Притынскаго крайне изумило ихъ устройство.

Сольтъ-Лекъ-Сити красиво лежитъ на холмѣ. Всѣ его постройки, преимущественно особняки, окружены роскошными садами и тянутся вдоль широкихъ улицъ, по которымъ проходитъ трамвай.

Среди зданій выдѣляется своею грандіозностью Таберникль, современная скинія мормоновъ, гдѣ они совершаютъ свое богослуженіе.

Въ этотъ день было воскресенье, единственный день, въ который входъ въ Таберникль открытъ для постороннихъ.

Громадное зданіе мормонскаго храма, выстроенное въ видѣ шатра, представляло внутри обширное зало овальной формы, при чемъ на одной его сторонѣ находился широкій столъ съ массою серебряныхъ сосудовъ, наполненныхъ водою и предназначенныхъ для водоосвященія.

По другую сторону шли скамьи, уставленныя амфитеатромъ для молящихся.

Богослуженіе еще не начиналось.

Усѣвшись на указанныя имъ мѣста, Притынскій и Мери

стали внимательно слѣдить за особенностями мормонскаго богослуженія.

Скоро въ Теберникль вошла процессія, разодѣтая въ роскошные красные бархатные таллары. Она представляла изъ себя первосвященника и 12 апостоловъ.

Помѣстившись за деревяннымъ столомъ, замѣнявшимъ въ Таберникль алтарь, они начали совершать службу.

Мощные звуки органа, по величинѣ представляющаго изъ себя чудо Америки, огласили низкіе своды Таберникля, и вслѣдъ за нимъ двѣсти мужскихъ и женскихъ голосовъ подхватили мотивъ псалма.

Началось освященіе св. даровъ ввидѣ воды и бѣлаго хлѣба.

Впечатлѣніе отъ такой сильной музыкальной интерпретаціи получалось большое, тѣмъ болѣе, что тишина, царящая во время антрактовъ, являлась яркимъ контрастомъ этому исполненію.

На спутниковъ Якова Гордѣевича служба и музыка видимо произвели тоже сильное впечатлѣніе, какъ вообще на людей реформатскаго вѣроисповѣданія.

Передъ окончаніемъ службы, церковные служители, одѣтые въ обыкновенное гражданское платье, взяли серебряные сосуды и начали разносить ихъ между молящимися.

Въ сосудахъ была освященная вода и мелко нарѣзанный бѣлый хлѣбъ.

Этотъ обрядъ замѣняетъ у мормоновъ таинство св. причащенія.

Серьезно настроенными вышли пріѣзжіе изъ Таберникля и направились къ небольшой станціи желѣзной дороги, идущей къ Соленому озеру.

Поѣзда отходили каждыя четверть часа, но тѣмъ не менѣе народу было очень много.

Мери не утерпѣла, чтобы насмѣшливо не замѣтить:

— Послѣ торжественной службы мормоны, повидимому, желаютъ освѣжиться, и съ этой цѣлью ѣдутъ покупаться въ соленой водицѣ.

Вагоны были открытые, снабженные лишь крышами и занавѣсками.

Поѣздъ буквально мчался, не прошло и получаса времени, какъ онъ остановился у Сольтъ-Лека.

Передъ пріѣзжими лежало громадное пространство со спокойной водной поверхностью. Кругомъ же виднѣлись дикія, негостепріимныя скалы, прерываемыя солончаками.

Берегъ этотъ назывался именемъ убитаго президента республики Гарфильда.

Яковъ Гордѣевичъ, а равно и старый Близъ, отправились въ купальню, гдѣ, получивъ ключъ отъ сторожа на свободный номеръ, переодѣлись въ особые костюмы и спустились въ самое озеро.

Вскорѣ къ нимъ присоединилась и Мери, тоже переодѣтая въ купальный костюмъ.

Оставаться долго въ соленой водѣ представлялось не особенно пріятнымъ удовольствіемъ: соляной растворъ жегъ глаза и, попадая въ ротъ, производилъ брезгливое ощущеніе.

Послѣ купанья они всѣ трое усѣлись на особой террасѣ надъ озеромъ и стали обѣдать, въ то время какъ оркестръ, составленный изъ бѣлолицыхъ музыкантовъ, вопреки обычаю американцевъ на подобныхъ курортахъ поручать это дѣло неграмъ, весело игралъ всевозможныя польки и попурри, произведенія Стараго Свѣта.

— Мистеръ Джекобъ, мнѣ кажется, что мы не много потеряемъ,—замѣтила миссъ Близъ,—если сегодня же отправимся дальше на западъ?!

Ни Притынскій, а равно и старый смотритель, ничего не могли возразить ей на это, и въ тотъ же вечеръ они покинули Сольтъ-Лекъ-Сити, направляясь на западъ, въ Санъ-Франциско.

L.

Поѣздъ трансконтинентальной желѣзной дороги снова понесъ ихъ отъ тихихъ водъ Соленаго озера къ шумному западному центру Соединенныхъ Штатовъ.

— Намъ придется, мистеръ Джекобъ, ѣхать до Санъ-Франциско полтора дня!—увѣренно проговорила Мери.—И по очень пустынной дорогѣ!

Яковъ Гордѣевичъ улыбнулся.

— Но я надѣюсь не соскучиться,—замѣтилъ онъ,—такъ какъ ѣду съ вами, моя дорогая!

Дѣйствительно, вскорѣ показалась пустыня, безъ всякаго признака растительности, пересѣкаемая каменистыми кряжами.

Мистеръ Близъ печально покачалъ головою и проговорилъ:

— Боже мой, какая печальная мѣстность! Это не то, что наша Кентукки.

Горячее солнце жадно лизало растрескавшуюся почву.

Нигдѣ не было видно сребристой струйки воды. Это было царство песку, камня и... смерти.

На чрезвычайно рѣдкихъ станціяхъ еще замѣчалась кое-какая жизнь, благодаря искусственно выращеннымъ садамъ, но и они орошались водою, привезенною по желѣзной дорогѣ издалека.

Почти на каждой изъ этихъ станцій Притынскій замѣчалъ сурово-красивыя лица индѣйцевъ, крайне исхудавшія, благодаря недостатку жизненныхъ припасовъ.

Они грустно смотрѣли на проходившій поѣздъ, сознавая, что

благодаря бѣлымъ они такъ далеко оттѣснены въ пустынѣ и лишены возможности жить, не голодая.

На одной изъ станцій, въ вагонъ сѣлъ высокій, красивый индѣецъ въ своемъ живописномъ національномъ костюмѣ.

Яковъ Гордѣевичъ разговорился съ нимъ, хотя старый Близъ довольно недовѣрчиво посматривалъ на новаго пассажира.

— Если блѣднолицый желаетъ ознакомиться съ нашей пустыней,—замѣтилъ индѣецъ,—то для этого необходимо сойти на одной изъ станцій и на лошади отправиться въ путь. У насъ много рудниковъ, но, увы, все это теперь забрали въ руки янки. Бѣдные индѣйцы лишены возможности пользоваться естественными ихъ богатствами.

— Къ сожалѣнію, въ настоящее время я не могу воспользоваться вашимъ предложеніемъ, но я думаю, что въ недалекомъ будущемъ я явлюсь къ вамъ въ пустыню и надѣюсь, что вы не откажетесь мнѣ показать тѣ мѣста, которыя возможно пріобрѣсти для разработки!—сказалъ дѣловитымъ тономъ Притынскій.

Индѣецъ, котораго звали Верхъ-А-Гукъ, т. е. натянутая тетива, благодарнымъ жестомъ выразилъ свою готовность услужить бѣлолицему, пріѣхавшему изъ страны по ту сторону океана, и сказалъ, что на слѣдующей станціи, Гумбольдъ, каждому извѣстно его мѣстопребываніе.

Вскорѣ поѣздъ подошелъ къ этой станціи, индѣецъ вышелъ изъ вагона, а Притынскій продолжалъ внимательно слѣдить за нимъ изъ окна.

Небольшая рѣчка значительно оживила пустынную мѣстность.

Она брала свое начало въ степи и, пройдя около сотни километровъ, терялась въ пескахъ пустыни, но тѣмъ не менѣе на всемъ своемъ протяженіи она оживляла послѣднюю, о чемъ свидѣтельствовали нѣсколько поселковъ съ недурною растительностью, а равно и засѣянныя поля.

Около самой станціи въ рѣчкѣ полоскали бѣлье китайцы.

Мирное завоеваніе послѣдними дальняго запада Америки продолжается, и въ скоромъ времени они завладѣютъ всѣми ремеслами въ этой мѣстности Соединенныхъ Штатовъ.

Безпретенціозные сыны Срединной имперіи набились въ вагонъ и, не обращая вниманія на остальныхъ пассажировъ, расположились, какъ дома, распространяя невозможный запахъ кунжутнаго масла.

Впереди показались снѣговыя вершины Сіеры-Невады. Пустыня оставалась позади. Поѣздъ все ближе и ближе подвигался къ заселеннымъ мѣстамъ цвѣтущей природы, оставляя за собой царство песку, камня и... смерти.

LI.

Промелькнули мимо ярко освѣщеннаго городка Рено; потянулись гигантскія горы, сплошь покрытыя хвойнымъ лѣсомъ.

Поѣздъ перескочилъ черезъ перевалъ и погрузился въ бревенчатый корридоръ, тянувшійся болѣе 60 верстъ.

Ночь наступила, въ вагонѣ всѣ улеглись спать.

Ворвавшійся на другое утро въ окно, открытое предусмотрительнымъ кондукторомъ, вѣтерокъ разбудилъ спавшаго Притынскаго. Картина измѣнилась.

Поѣздъ несся по великолѣпному цвѣтнику; кругомъ него пестрѣли милльярды цвѣтовъ, красиво оттѣненные изумрудною зеленью.

Весело бѣжали горныя рѣчки, сверкая бѣлою пѣной по камнямъ.

Рано утромъ поѣздъ прибылъ въ Сакраменто, главный городъ штата Калифорнія, и послѣ недолгой остановки снова понесся далѣе, чтобы черезъ нѣкоторое время прибыть на станцію Бениція, гдѣ его въ полномъ составѣ принялъ громадный паромъ «Солано» и потащилъ черезъ заливъ, имѣвшій болѣе 3-хъ верстъ въ ширину.

Скоро вагоны были снова на твердой землѣ.

До Санъ-Франциско оставалось только сорокъ верстъ, и въ поѣздѣ чувствовалась близость этого города появленіемъ въ вагонахъ массы всевозможныхъ коммиссіонеровъ, съ предложеніемъ своихъ услугъ.

— Ну, вотъ, Мери, — сказалъ мистеръ Близъ, — мы и въ Фриско!

На вокзалѣ, по обычаю американцевъ, медлить нельзя и заложенный двумя лошадьми кэбъ помчалъ пріѣзжихъ по Меркетъ-Стриту, прямо въ «Оксиденталь-отель».

Толпа черной прислуги съ шумомъ и гамомъ окружила Притынскаго и его спутниковъ. Каждый хваталъ изъ рукъ ихъ багажъ съ тѣмъ, чтобы донести до занятаго ими помѣщенія.

Миссъ Близъ, при ея вступленіи въ комнату, одинъ изъ одѣтыхъ весьма корректно негровъ, преподнесъ чудный букетъ изъ бѣлыхъ розъ и улыбаясь сказалъ:

— Добро пожаловать Миледи—и почтительно удалился.

Притынскій невольно улыбнулся при видѣ этой американской галантности, но Мери видимо сконфузилась и прошептала:

— Мнѣ кажется, мистеръ Джекобъ, что насъ принимаютъ за только-что повѣнчанную пару...

— А отчего бы и не такъ, моя милая?—звонко проговорилъ Притынскій.

Но Мери испуганно посмотрѣла кругомъ, нѣтъ ли близко ея отца и просительно замѣтила:

— Подождите, мой другъ, еще немного!

Притынскій молча поклонился.

Осмотрѣть Санъ-Франциско имъ обоимъ очень хотѣлось, тогда какъ старикъ Близъ, утомленный долгимъ путемъ, предпочелъ остаться отдохнуть въ гостинницѣ.

Перспектива прогулки вдвоемъ съ любимой дѣвушкой пріятно улыбалась Якову Гордѣевичу, и нанявъ кэбъ, они отправились въ Гольденъ-Гемъ паркъ.

Несмотря на то, что Кентукки расположенъ на одномъ градусѣ съ Санъ-Франциско, климатъ послѣдняго гораздо мягче, благодаря линіи горъ, защищающихъ его отъ сѣверныхъ вѣтровъ, а равно и близости Гольфштрема, протекающаго недалеко отъ берега.

Паркъ представлялъ изъ себя прямо земной рай.

Флора юга соперничала здѣсь съ гигантскими представителями растительнаго царства средней полосы Америки.

Кактусы, пальмы, алоэ смѣнялись густыми соснами и елями.

Великолѣпныя розы смѣшивались съ дитею горныхъ высотъ, эдельвейсомъ.

Кое-гдѣ сквозь блестящую толстую листву золотились отспѣвающіе апельсины и лимоны.

Мери, точно маленькая дѣвочка, забывая о присущей ея лѣтамъ серьезности, всплескивала отъ восторга руками и, замѣтивъ какое-нибудь рѣдкое растеніе, бѣжала туда, увлекая за собою своего спутника.

Недалеко зеленѣло безпредѣльное пространство Тихаго океана, уходя въ невѣдомую даль и посылая землѣ свой привѣтъ въ видѣ легкаго вѣтерка, пропитаннаго морскими испареніями.

— Какъ здѣсь прелестно!—шептала внѣ себя дѣвушка, довѣрчиво опираясь на руку русскаго.

— Если хотите, дорогая, мы можемъ навсегда здѣсь остаться!

Мери изумленно на него взглянула.

— Но какъ же, а ваша родина? Развѣ вы не поѣдете туда?

На этотъ разъ воспоминаніе о Россіи не взволновало, какъ обыкновенно, Притынскаго.

Онъ съ тихой ласкою поглядѣлъ на лицо своей невѣсты и прошепталъ горячо:

— Моя родина тамъ, гдѣ бьется это сердце! — указалъ онъ на Мери.—Только тамъ, гдѣ ты, я могу быть счастливъ! Что мнѣ весь міръ? Что мнѣ все безъ тебя? Если ты желаешь ѣхать со мной въ Россію,—я готовъ, но безъ тебя эта страна мнѣ такъ же чужда, какъ и всякая другая!

Глаза Мери глядѣли серьезно; она положила обѣ руки на плечи Притынскаго и восторженно промолвила:

— Мы, американцы, читаемъ постоянно библію и всегда слѣдуемъ ея примѣру. Помнишь тамъ говорится: «Твой край будетъ

моимъ краемъ, твоя родина—моей родиной, а я сама—вѣрною твоею подругою».

Яковъ Гордѣевичъ, подъ впечатлѣніемъ внезапно нахлынувшаго на него чувства, крѣпко прижалъ къ груди эту маленькую американку, такъ довѣрчиво вручающую ему свою будущность, и въ первый разъ запечатлѣлъ на ея дѣвственныхъ устахъ горячій поцѣлуй жениха...

Они чувствовали, что весь міръ для нихъ больше не существуетъ, что все остальное ихъ окружающее такъ низменно, такъ обыденно, и только ихъ любовь одна достойна зависти.

LII.

Вы не знаешь, мой другъ, насъ, американокъ!—проговорила Мери, когда они усѣлись на одной изъ скалъ, внизу которыхъ, какъ громадное, усмиренное чудовище, мирно плескался Великій океанъ. Насъ называютъ эгоистками, гордыми, самостоятельными, приписываютъ намъ черствость, отсутствіе женственности! Но это далеко не правда! Мы желаемъ быть равноправными мужчинѣ, а потому выбираемъ себѣ спутниковъ жизни, нашихъ мужей, здраво обсудивъ, что они намъ могутъ дать и подходимъ ли мы другъ къ другу! Оттого браки въ Америкѣ въ большинствѣ случаевъ счастливѣе, чѣмъ въ Старомъ Свѣтѣ! Обвиняютъ насъ также въ томъ, что мы себя свободно держимъ съ мужчиною, но это происходитъ оттого, что при этихъ условіяхъ гораздо легче узнать человѣка, войти въ его внутренній міръ и рѣшить, годится ли онъ, какъ спутникъ жизни, или же—нѣтъ. Эта свобода, такъ рѣзко осуждаемая европейцами, только полное сознаніе своего достоинства нашими женщинами.

Яковъ Гордѣевичъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на Мери, въ эту минуту точно переродившуюся, и внимательно ее слушалъ. Какъ рѣзко отличалась ея энергичная рѣчь отъ мягкаго, чисто женственнаго разговора его бывшей жены, Груни. Онъ невольно сравнивалъ ту и другую, но сравненія какъ-то не удавались, настолько эти двѣ женщины разнились между собою.

Ему нравилась задорная энергія дѣвушки, которую онъ избралъ себѣ подругой жизни. Теперь онъ понялъ дѣйствительно, какъ практическая жизнь вліяетъ въ Америкѣ на всѣхъ; въ Европѣ дѣвушка, въ лѣтахъ Мери, совсѣмъ еще въ большинствѣ случаевъ не знакома съ прозой жизни; она знаетъ міръ только по книжкамъ, что же касается самой жизни, послѣдняя для нея совсѣмъ неизвѣстна.

Эту практическую жилку подмѣтилъ онъ не въ одной своей невѣстѣ. Она находилась и въ Дженни, и въ миссъ Муксери, и въ старухѣ фермершѣ, отъ которой онъ пріобрѣлъ каменныя ломки, и вообще въ каждой американкѣ.

Подъ впечатлѣніемъ горячей рѣчи Мери, Яковъ Гордѣевичъ молчалъ, пытливо на нее посматривая. Легкій вѣтерокъ растрепалъ ея рыжеватыя кудри, окруживъ лицо точно ореоломъ. Тонкія ноздри дѣвушки раздувались отъ волненія. Вся ея изящная фигура, съ нервно постукивающей о песокъ дорожки ногою, была сама энергія.

Яковъ Гордѣевичъ залюбовался ею и прошепталъ:

— Какая ты красавица, Мери!

Дѣвушка улыбнулась, но съ легкимъ оттѣнкомъ неудовольствія отвѣтила:

— Эхъ, вы, люди Стараго Свѣта! Вы до сихъ поръ, при взглядѣ на женщину, замѣчаете ея физическую красоту, тогда какъ духовная у васъ далеко не въ почетѣ. А между тѣмъ нашъ внутренній міръ, наше женское «я» можетъ быть гораздо красивѣе и лучше нашей внѣшности!

Оригинальность Мери поражала Притынскаго съ каждой минутой все болѣе и болѣе. Яковъ Гордѣевичъ видѣлъ, что въ Мери онъ пріобрѣтаетъ не только жену, но равнаго себѣ товарища-работника и вполнѣ это цѣнилъ, такъ какъ все болѣе и болѣе проникался американскими воззрѣніями на жизнь и трудъ.

— Что же мы тутъ сидимъ на одномъ мѣстѣ? — рѣзко прервала его мечты дѣвушка.—Посмотримъ знаменитый средневѣковый замокъ!

И шутливо взявъ его за руку, она потащила его къ построенному однимъ изъ мѣстныхъ крезовъ роскошному зданію, представляющему изъ себя средневѣковый замокъ.

Видъ съ вершины башни представлялся восхитительнымъ: отсюда виднѣлась могучая ширь океана, окаймленнаго песчаными равнинами и холмами, покрытыми альпійскою сосною.

Не смотря на прохладный вѣтерокъ, дующій съ океана, оставаться на башнѣ подъ солнцепекомъ было нельзя, и они, спустившись снова въ паркъ, отправились обозрѣвать другія его достопримѣчательности.

Обзоръ этотъ занялъ довольно значительное время, но молодые люди такъ устали, что должны были зайти въ одинъ изъ окружающихъ паркъ ресторановъ, чтобы спросить себѣ прохладительнаго питья.

— Что прикажете? — спросилъ быстро пробѣжавшій мимо ихъ кельнеръ.

Притынскій велѣлъ принести два стакана содовой воды и, утоливъ жажду, они отправились къ ожидающему ихъ старому Бливу.

LIII.

Старый смотритель, отдохнувъ въ гостинницѣ, съ нетерпѣніемъ ожидалъ возвращенія Притынскаго со своею дочерью.

— Нагулялись ли?—спросилъ онъ ихъ.

— О, папа! Мы прекрасно осмотрѣли паркъ и прибрежье океана!—воскликнула Мери.—Мнѣ съ тобой нужно, папа, переговорить серьезно!

— Говори сейчасъ, дитя мое!

И дѣвушка рѣшительно проговорила:

— Мы съ мистеромъ Джекобъ задумали повѣнчаться.

Старикъ съ нескрываемымъ изумленіемъ посмотрѣлъ на дочь.

— Меня немного поражаетъ подобное рѣшеніе! Вѣдь вы оба очень мало другъ друга знаете!

Но Мери спокойно ему возразила:

— Вполнѣ достаточно, чтобы быть счастливыми!

Мистеръ Близъ съ недоумѣніемъ развелъ руками, но больше не сказалъ ничего.

Пришла очередь говорить Притынскому.

— Я люблю вашу дочь, мистеръ Близъ, и надѣюсь сдѣлать ее счастливой.

Стараго смотрителя не покинула еще доля практичности.

— Какъ велико ваше состояніе, мистеръ Джекобъ?—дѣловито спросилъ Близъ.—Чѣмъ вы намѣрены теперь заниматься?

— У меня около 70,000 долларовъ! Они почти всѣ находятся въ крупномъ каменно-ломномъ дѣлѣ. Я предполагаю начать еще нѣсколько новыхъ дѣлъ...

— Я очень радъ, мистеръ Джебокъ, что моя дочь на первое время будетъ все-таки обезпечена. Кромѣ того, я знаю, что вы человѣкъ крайне энергичный и будете продолжать заработывать, такъ что за будущность вашу я не боюсь.

И старый смотритель взялъ руки Притынскаго и дочери, соединилъ ихъ и молитвенно проговорилъ: «Богъ да будетъ съ вами»!

— Вѣнчаться мы будемъ не раньше, какъ черезъ два мѣсяца!—серьезно замѣтила Мери.—И только тогда, когда вернемся домой.

Въ отвѣтъ на ея замѣчаніе, Притынскій предложилъ устроить все это здѣсь, но старикъ поддержалъ дочь, и было рѣшено отложить вѣнчаніе.

Въ настоящее же время они надумали продолжать осмотръ запада Америки и на другой день всѣ вмѣстѣ отправились въ роскошный садъ мѣстнаго милліонера Сутро. Этотъ садъ былъ расположенъ на самомъ берегу океана и выглядѣлъ еще роскошнѣе, чѣмъ осмотрѣнный ими вчера городской садъ.

На обратномъ пути они поѣхали черезъ китайскій кварталъ.

Оригинальность его поражала на каждомъ шагу. Здѣсь былъ настоящій Китай. Масса лавокъ тянулись вдоль улицы, съ причудливой формы фонарями, повѣшенными передъ каждой изъ нихъ.

Мери никогда не видала китайскаго быта, а потому Яковъ Гордѣевичъ завезъ ее съ отцомъ въ китайскій театръ, представленіе котораго не могло понравиться молодой дѣвушкѣ, благодаря своей дикости и какофоніи китайской музыки.

— Знаешь ли, мой другъ,—сказала Мери своему жениху, когда они возвращались обратно въ гостинницу,—кому обязанъ Санъ-Франциско своимъ возникновеніемъ?

Яковъ Гордѣевичъ отозвался полнымъ незнаніемъ.

— Вашимъ русскимъ! — торжествующе проговорила мисъ Близъ.

— Это совершенно для меня ново, разскажи пожалуйста, если знаешь? Меня это очень интересуетъ.

Старый смотритель тоже присоединился къ его просьбѣ.

— Въ концѣ XVIII столѣтія,—начала свое повѣствованіе дѣвушка,—на этомъ полуостровѣ была основана мексиканцами миссія Долоресъ. Болѣе 50 лѣтъ эта миссія была вполнѣ отдаленна отъ цивилизованнаго міра. Въ 1835 году недалеко отъ нея, верстахъ пяти къ востоку, русскіе моряки выстроили небольшое селеніе, и благодаря тому обстоятельству, что кругомъ него разстилались тучныя пастбища для скота, назвали свой поселокъ испанскимъ именемъ «Хорошая трава». Черезъ 11 лѣтъ Калифорнія была переуступлена Россіей правительству Соединенныхъ Штатовъ, и изъ селенія быстро выросъ городъ, переименованный въ Санъ-Франциско. До 1848 года населеніе его не превышало 500 человѣкъ, но съ открытіемъ въ этотъ годъ золотоносныхъ розсыпей, оно стало быстро прибавляться и въ настоящее время возросло до 300,000 чел.

Притынскій невольно изумился такому подробному изученію своей страны дѣвушкой и какъ-то невольно пожалѣлъ, что этотъ чудный уголокъ земнаго шара такъ безцѣльно ускользнулъ изъ рукъ русскихъ.

— Вотъ вы и не знали, мистеръ Джебокъ,—смѣясь замѣтилъ старикъ,—что почва, на которой вы теперь стоите, принадлежала вашей родинѣ!

— А потому,—въ свою очередь, шутя проговорилъ Яковъ Гордѣевичъ,—я настаиваю, Мери, чтобы нашъ бракъ былъ совершенъ здѣсь; это еще тѣмъ болѣе удобно, что здѣсь находится русская церковь!

Дѣвушка невольно покраснѣла отъ такой настойчивости своего жениха и выразила свое согласіе безмолвнымъ кивкомъ головы.

— Я ничего не имѣю противъ этого,—замѣтилъ старый смотритель,—поступайте какъ вамъ обоимъ будетъ угодно!

LIV.

Еще прежде, чѣмъ повѣнчаться, Мери и Яковъ Гордѣевичъ вздумали осмотрѣть городки Санъ-Хозе и Санта-Круцъ. Они были расположены на югъ отъ Санъ-Франциско и туда приходилось ѣхать по желѣзной дорогѣ, носившей названіе «Путь заходящаго солнца».

Она начинается на сѣверѣ отъ Портъ-Ленда и доходитъ до границъ Мексики въ Эль-Пасо.

Роскошная долина Санта-Кларе, гдѣ лежатъ эти города, представляетъ изъ себя прямо земной рай.

Старикъ Близъ, желая дать молодымъ людямъ возможность поговорить наединѣ, не поѣхалъ съ ними и остался въ Санъ-Франциско.

Притынскій, помѣстившись со своей невѣстой въ вагонѣ, обратилъ вниманіе на оригинальный способъ контроля билетовъ.

При отъѣздѣ кондукторъ, отобравъ отъ пассажировъ билеты, засунулъ имъ за ленты шляпъ особые цвѣтные кусочки картона всевозможныхъ оттѣнковъ. Цвѣта ихъ служили обозначеніемъ извѣстныхъ станцій, и при приближеніи къ одной изъ таковыхъ кондукторъ выдергивалъ у пассажировъ изъ-за шляпъ извѣстнаго цвѣта картоны, и это означало, что пассажиру нужно выходить.

Мери съ любопытствомъ наблюдала за тянувшимся по правой сторонѣ рельсъ океаномъ, тогда какъ налѣво отъ поѣзда высились скалы, густо поросшія лѣсомъ.

Всѣ эти скалы были испещрены громадными буквами, составлявшими изъ себя цѣлое объявленіе.

Молодая дѣвушка смѣялась, прочитывая нѣкоторыя изъ нихъ.

Замѣтивъ, что ея спутникъ сдѣлался какъ-то молчаливымъ, она съ участіемъ спросила его:

— Что съ тобою, милый Джекъ? Отчего ты такъ печаленъ?

Яковъ Гордѣевичъ старался настроить себя веселѣе, но изъ этого ничего не выходило. Мысли его невольно, при видѣ океана, омывающаго другимъ своимъ концомъ родную ему Россію, заставили вспомнить объ оставленной имъ на далекой родинѣ, когда-то такъ горячо любимой Грунѣ.

Въ эту минуту онъ невольно поддался воспоминаніямъ и пытливо спрашивалъ свою совѣсть: «Въ правѣ ли я поступить въ отношеніи ея подобнымъ образомъ и связанный самимъ Богомъ союзъ разрушить, женясь вторично на другой»?

Его сомнѣнія, не получая отвѣта, возрастали, и онъ чувствовалъ себя преступникомъ передъ Божескими законами.

— Я догадываюсь, Джекъ, о чемъ ты думаешь!—ласково прошептала Мери, кладя руку ему на плечо.—Тебѣ внезапно вспомнилась твоя первая жена; ты въ недоумѣніи—въ правѣ ли ты такъ поступить?

Притынскій съ нескрываемымъ изумленіемъ посмотрѣлъ на говорившую и, поддаваясь невольно ея обаянію, — тихо промолвилъ:

— Да, ты права! Мнѣ страшно тяжело стать клятвопреступникомъ!

— Представь, дорогой, эта мысль мучила не разъ также и меня; я много думала по этому поводу и пришла къ тому заключенію, что ты вполнѣ правъ, поступая подобнымъ образомъ! Вѣдь ты оставилъ твою первую жену, желая не лишать ее счастья соединиться вновь съ любимымъ ею человѣкомъ, зная, что въ противномъ случаѣ она будетъ несчастна, этимъ и великодушнымъ поступкомъ ты невольно снялъ съ себя клятву!

Яковъ Гордѣевичъ съ оживленнымъ взоромъ слушалъ Мери.

— Ты права,—замѣтилъ онъ ей,—но только отчасти! Представь себѣ, что Груня, сомнѣваясь въ моей смерти, или просто не желая нарушить свой обѣтъ, продолжаетъ оставаться вдовою...

Дѣвушка задумалась.

— Тѣмъ болѣе еще, что Эверецкій, уже судя по его самоотверженному поступку, тоже будетъ настаивать о невозможности новаго между ними брака, а я, оплакиваемый ими обоими, въ это время буду наслаждаться счастьемъ!

Мери внимательно слушала и продолжала молчать.

— Въ такомъ случаѣ лучшее, что ты сдѣлаешь, мой другъ,— промолвила она серьезно, — это или откажешься отъ мысли новаго брака со мною, или же какъ-нибудь разузнаешь о настоящемъ положеніи дѣла.

Въ свою очередь Яковъ Гордѣевичъ молча обдумывалъ, что ему предпринять.

— Не будемъ, мой дорогой, омрачать наше путешествіе подобными мыслями,—ласково проговорила Мери.—Это еще успѣемъ мы сдѣлать, когда вернемся въ Санъ-Франциско!

LV.

Чистенькій городокъ, весь ушедшій въ густую зелень, Санъ-Хозе представлялъ изъ себя вполнѣ уютный уголокъ.

По увѣреніямъ мѣстныхъ жителей, зимы здѣсь никогда не бываетъ, а лѣто далеко не такое жаркое, какъ въ тропическихъ странахъ.

Городъ весь освѣщался электричествомъ, причемъ источниковъ свѣта—только одинъ, поставленный очень высоко на особой башнѣ, въ самомъ центрѣ города. Пріѣзжихъ заинтересовалъ подобный способъ освѣщенія.

— Пойдемъ, Джекъ,—проговорила Мери,—осмотрѣть мѣстный университетъ! Онъ очень интересенъ тѣмъ, что одновременно

Благодаря этому обстоятельству, около самой станціи образовался поселокъ изъ городскихъ жителей.

Мери очень понравилось это мѣстечко, и она, какъ-то временно забывъ объ образовавшейся между ею и Притынскимъ натянутости отношеній, весело ему замѣтила:

— Вотъ гдѣ я желала бы поселиться, Джекъ!

Яковъ Гордѣевичъ не успѣлъ ей еще отвѣтить, какъ рогъ кондуктора, замѣняющій въ Америкѣ свистокъ, подалъ знакъ къ отходу поѣзда.

Быстро замелькали снова туннели, віадуки, пропасти, и скоро они прибыли въ Санта-Круцъ. Сѣверянину или жителю восточныхъ штатовъ, знакомому только съ непривѣтливыми берегами Атлантическаго океана, широкій просторъ Великаго океана съ его громадной волной, ярко-изумруднаго цвѣта, невольно открывалъ что-то новое, неизвѣданное и незнакомое его взору.

Приливъ только что окончился, и океанъ, вкатываясь далеко на берегъ, обдавалъ брызгами прибрежныя скалы, когда пріѣзжіе явились сюда полюбоваться его величіемъ.

Они оба рѣшили выкупаться въ его привѣтливо-манящей волнѣ и съ этой цѣлью разошлись по разнымъ кабинкамъ, гдѣ находились купальные костюмы.

Весь берегъ былъ усѣянъ массою купающихся, то и дѣло въ волнахъ ныряли головы мужчинъ и женщинъ. Громадный валъ, обдавая стоящихъ своей бѣлой пѣной, уносилъ ихъ дальше; зрѣлище было поражающее.

Якову Гордѣевичу, точно такъ же подхваченному волною, подъ впечатлѣніемъ непріятностей послѣднихъ дней, пришла невольно въ голову мысль о новомъ самоубійствѣ.

Съ этой цѣлью ему стоило только отдаться волѣ океана, и послѣдній вынесетъ его далеко на чудовищную глубину, гдѣ спасеніе было бы немыслимо, но одновременно съ этой мыслью онъ вспомнилъ о своемъ скитаніи по волнамъ Чернаго моря, и въ душу его закрался какой-то невольный трепетъ, и онъ тотчасъ же откинулъ отъ себя всякую мысль о самоубійствѣ.

Внутренній голосъ говорилъ ему, что рано или поздно всѣ испытанія окончатся и наградой ему будетъ мирная и спокойная жизнь.

Теплая вода океана пріятно щекотала его кожу, и мысли Притынскаго сдѣлались не такими мрачными, какъ за минуту до этого.

Выйдя изъ воды и одѣвшись въ кабинкѣ, онъ почувствовалъ какой-то новый приливъ силъ; все его существо точно помолодѣло.

Не долго пришлось ему ждать своей спутницы.

По первому бѣглому взгляду, брошенному на нее, онъ замѣтилъ въ дѣвушкѣ тоже перемѣну. Суровый взглядъ ея, непріятно преслѣдовавшій Притынскаго за послѣднее время, нервная отчужденность, лаконичность отвѣтовъ, все это исчезло,

передъ нимъ стояла прежняя Мери, съ ея привѣтливой, шаловливой улыбкой.

Она взяла его подъ руку, и они вмѣстѣ отправились въ небольшой ресторанъ, тутъ же на берегу, такъ какъ приближалось обѣденное время.

LVII.

ОБРАТНАЯ дорога въ Санъ-Хозе, куда они вернулись въ тотъ же день, промелькнула для нихъ быстро. Размолвка между молодыми людьми была позабыта.

Мери любовалась роскошною растительностью, скалами, снѣговыми вершинами горъ. Все это можно было наблюдать изъ оконъ вагона.

Въ Санъ-Хозе поѣздъ пришелъ подъ вечеръ.

Они въ тотъ же день хотѣли отправиться въ университетъ Пало-Альто, чтобы навѣстить миссъ Муксери и ея отца, но случай помѣшалъ этой поѣздкѣ.

Едва они собрались изъ гостинницы, чтобы идти на станцію, какъ чей-то женскій голосъ окликнулъ миссъ Близъ по имени.

Дѣвушка обернулась. Передъ ней стояла Сузи Муксери.

Послѣ взаимныхъ изъясненій, Сузи объяснила, что она только что сейчасъ вернулась изъ Пало-Альто.

— Мнѣ очень было бы пріятно видѣть тебя, Мери, и васъ, мистеръ Джекобъ, но право не стоитъ ѣздить въ Пало въ настоящее время. Всѣ зданія университета ремонтируются и что есть интереснаго, того нельзя видѣть: все закрыто или убрано.

— Тогда поѣдемъ, Сузи, вмѣстѣ съ нами въ Фриско!—замѣтила миссъ Близъ.

И переночевавъ въ этомъ райскомъ уголкѣ, Санъ-Хозе, они всѣ трое возвратились въ Санъ-Франциско.

Старый мистеръ Близъ обрадовался ихъ возвращенію и громко закричалъ Притынскому съ верхней террасы, когда экипажъ съ молодыми людьми подъѣхалъ къ отелю:

— Мистеръ Джекобъ! У меня цѣлыхъ двѣ новости для васъ!

— Интересныя?..

— Вы сами ихъ узнаете, тогда и будете судить!

Яковъ Гордѣевичъ легко взбѣжалъ во второй этажъ, любопытство его было сильно возбуждено.

— Ну! Ну, говорите скорѣй! Что у васъ тутъ новаго?—обратился онъ къ старику.

— Первое—вамъ телеграмма!..

Притынскій съ какимъ-то непонятнымъ чувствомъ взялъ въ руки этотъ запечатанный клочекъ бумаги и, не распечатывая,

сталъ пытливо разсматривать его со всѣхъ сторонъ. Затѣмъ онъ порывисто распечаталъ ее и, прочитавъ, вздохнулъ свободно.

Въ телеграммѣ стояло: «Предстоитъ крупная нажива. Ваше присутствіе необходимо черезъ десять дней. Монгомери».

Телеграмма отъ компаньона страшно изумила Якова Гордѣевича.

Онъ не ожидалъ ее. Ему казалось, что эта телеграмма, такъ онъ думалъ раньше, прежде чѣмъ ее распечатать, имѣетъ отношеніе къ его прежней жизни и сообщаетъ что-нибудь о Грунѣ. Возможность крупной наживы взволновала сильно молодого русскаго и онъ началъ придумывать, какимъ образомъ это случится...

«Или страшно вздорожалъ камень въ Нью-Іоркѣ, — думалъ Яковъ Гордѣевичъ, — или на нашемъ мѣстѣ найдена какая-нибудь руда драгоцѣннаго металла, или, или»...

И мысли его терялись.

— Ну, а вторая новость?—нетерпѣливо спросилъ онъ стараго смотрителя, ничего не выяснивъ себѣ своими предположеніями.

Мистеръ Близъ хитро улыбнулся.

— Смотрите!—указалъ онъ съ террасы гостинницы на близъ лежащій портъ.

Яковъ Гордѣевичъ взглянулъ, и сердце его радостно встрепенулось.

Передъ его глазами легкій бризъ развѣвалъ русскій военный флагъ.

— Ваши... русскіе!—довольно говорилъ старикъ.

Снова былое нахлынуло въ душу невольнаго эмигранта.

Старые образы, воспоминанія затмили все настоящее...

Яковъ Гордѣевичъ чувствовалъ, что готовъ заплакать.

Онъ хотѣлъ сейчасъ же бѣжать, чтобы увидѣть своихъ соплеменниковъ, этихъ дѣтей далекой сѣверной страны...

— Куда вы?—остановалъ его Близъ.

— Къ русскимъ! На судно!

Старикъ тихо засмѣялся.

— Если вы хотите ихъ видѣть, то совсѣмъ не нужно идти въ гавань!

Яковъ Гордѣевичъ вопросительно на него взглянулъ.

— Потому что чуть-ли не всѣ русскіе офицеры завтракаютъ здѣсь въ отелѣ!..

LVIII.

Притынскій вздрогнулъ.

За минуту передъ тѣмъ готовый бѣжать къ своимъ землякамъ, чтобы обнять ихъ, разспросить о Россіи, о всемъ томъ, что за время его отсутствія тамъ произошло, — Якоръ Гордѣевичъ вдругъ остановился..

Онъ вспомнилъ, что малѣйшимъ своимъ словомъ, намекомъ, вопросомъ онъ разрушитъ все. что съ такимъ трудомъ удалось ему достигнуть, благодаря своему исчезновенію.

Онъ снова сѣлъ около мистера Близа и началъ обдумывать.

Немного спустя, рѣшеніе его было готово.

Онъ пойдетъ къ русскимъ морякамъ; не встрѣчаться съ ними—было не въ его силахъ—поговоритъ съ ними, но не назоветъ имъ своего настоящаго имени.

Въ эту минуту на веранду вошли обѣ дѣвушки.

Отозвавъ въ сторону Мери, Яковъ Гордѣевичъ разсказалъ ей о прибытіи русскихъ моряковъ и о своемъ рѣшеніи.

— Ты вполнѣ правъ, Джекъ! — серьезно проговорила дѣвушка.—Другого исхода для тебя нѣтъ!

Сгорая отъ нетерпѣнія, Притынскій, оставивъ своихъ спутницъ, поспѣшилъ въ столовую, гдѣ русскіе моряки, одѣтые въ статское платье, завтракали за табль-д'отомъ.

Передъ Яковомъ Гордѣевичемъ сидѣли все незнакомыя лица

Онъ съ облегченіемъ вздохнулъ.

Познакомиться и вмѣшаться въ разговоръ было не трудно.

Моряки съ нескрываемымъ изумленіемъ взглянули на этого русскаго, котораго было трудно отличить отъ настоящаго американца.

Русскіе шумной гурьбой окружили земляка, и оживленный разговоръ завязался.

Яковъ Гордѣевичъ назвался Яковомъ Ивановичемъ Волжинымъ, переѣхавшимъ изъ Россіи въ Америку съ цѣлью заняться плодоводствомъ и живущимъ здѣсь уже нѣсколько лѣтъ.

Крейсеръ явился въ Санъ-Франциско изъ Нагасаки, куда онъ прибылъ прямо изъ Россіи.

Послѣ нѣсколькихъ дружескихъ тостовъ, одинъ изъ лейтенантовъ замѣтилъ Притынскому:

— Я никогда не могъ думать, чтобы здѣсь, въ Санъ-Франциско, не говоря уже о томъ, чтобы встрѣтить васъ, русскаго, воочію могъ бы убѣдиться, что американцы интересуются русскими.

— Какъ же вы въ этомъ убѣдились?

— Сегодня утромъ я зашелъ въ публичную читальню, и первое, что я встрѣтилъ въ ней, было нѣсколько разрѣзанныхъ новыхъ книжекъ русскихъ журналовъ,-въ томъ числѣ «Недѣли» и толстую пачку «Новаго Времени» и «Русскихъ Вѣдомостей»...

— Да, здѣсь, на западѣ Америки, сильно интересуются нашей родиной, и я не сомнѣваюсь, что въ недалекомъ будущемъ восточныя окраины Сибири соединятся постояннымъ пароходствомъ съ американскими портами.

Моряки просили познакомить ихъ съ миссъ Близъ и Муксери.

Молодыя дѣвушки были очарованы любезностью русскихъ.

Нечаянно натолкнутый лейтенантомъ при разговорѣ о публичной читальнѣ на мысль, Притынскій не могъ скрыть своего

нетерпѣнія. Вскорѣ послѣ завтрака, подъ предлогомъ неотложнаго дѣла, онъ отправился въ читальню, помѣщавшуюся недалеко отъ отеля, и спросивъ «Новое Время» за послѣдніе мѣсяцы, началъ его перелистывать.

Долго просматривалъ Яковъ Гордѣевичъ газету, не находя того, что ему было нужно.

Въ одномъ изъ мартовскихъ нумеровъ его взглядъ упалъ на свою фамилію, напечатанную на первой страницѣ въ траурной рамкѣ.

Его жена, Агриппина Богдановна, сообщала о заупокойномъ богослуженіи въ день полугода его смерти.

Притынскій невольно поблѣднѣлъ и откинулся на спинку кресла.

Въ эту минуту онъ взглянулъ на сидящую противъ него за столомъ даму и... обомлѣлъ...

Передъ нимъ сидѣла Дженни Пикринъ.

— Здравствуйте, мистеръ Джекобъ!—иронически проговорила послѣдняя.—Вотъ вы, бѣглецъ, гдѣ находитесь!

Вѣжливость заставила Притынскаго поздороваться съ дочерью своего бывшаго принципала.

— Ужъ не собираетесь-ли вы обратно въ вашу далекую родину?—насмѣшливо продолжала дѣвушка.

Ея маленькія ручки въ темно-синихъ шелковыхъ перчаткахъ, дополнявшихъ однотонный костюмъ, нервно мяли толстый листъ газеты.

Видимо встрѣча ея съ Притынскимъ была для Дженни неожиданностью и очень ее взволновала.

Яковъ Гордѣевичъ какъ-то чувствомъ понималъ происходящее въ душѣ его собесѣдницы и, желая разъ навсегда уничтожить ея надежду стать его женою, немного рѣзко проговорилъ:

— Да, миссъ Пикринъ, вы правы! Я предполагаю возвратиться въ Россію, гдѣ у меня есть жена...

Дженни какъ-то растерянно, недоумѣвающе взглянула на сидящаго противъ нея молодого человѣка и упала въ обморокъ.

LIX.

Якову Гордѣевичу было жаль молодой дѣвушки, но онъ зналъ, что иного средства не было, и, скрѣпя сердце, избралъ его.

Дженни скоро оправилась и, нервно всхлипывая, почти не глядя на поддерживавшаго ее Притынскаго, медленно вышла изъ читальнаго зала...

Яковъ Гордѣевичъ поборолъ свою минутную слабость и снова принялся за просматриваніе газетъ.

Небольшая замѣтка въ хроникѣ обратила на себя его вниманіе.

Въ ней сообщалось, что вдова крупнаго капиталиста Притынскаго пожертвовала нѣсколько десятковъ тысячъ, въ память своего мужа, для устройства дѣтскаго пріюта съ профессіональной школой.

— «Святая женщина»!—прошепталъ онъ, и на глазахъ его показались слезы.

Онъ понялъ, что оставленныя имъ деньги найдутъ для себя хорошее примѣненіе.

Перелиставъ до конца все «Новое Время», онъ возвратилъ ее библіотекаршѣ.

— Можетъ быть вы, сэръ, желаете посмотрѣть еще другую русскую газету?—предупредительно спросила она.

Яковъ Гордѣевичъ попросилъ показать ему.

Газета оказалась органомъ его стараго знакомаго Воли Вересова.

Съ нескрываемой улыбкой развернулъ Притынскій листъ этой газеты, находя повсюду характерныя наложенія руки заносчиваго Воли.

Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ Яковъ Гордѣевичъ въ одной изъ мелкихъ замѣтокъ нашелъ нѣсколько строкъ, повидимому набросанныхъ самимъ редакторомъ:

«Иногда бываютъ чудеса, и разведенные супруги вновь соединяются бракомъ, хотя... хотя въ подобныхъ случаяхъ постоянно отыскиваются другія причины. Такъ и здѣсь. Разведенная супруга приноситъ своему мужу Голконду послѣ смерти своего второго мужа, «нечаянно утонувшаго».

— Какой негодяй до сихъ поръ этотъ зазнавшійся мальчишка!—гнѣвно проговорилъ Притынскій и чуть не разорвалъ ни въ чемъ неповинную газету.

Немного успокоившись, онъ вышелъ на улицу.

Странная двойственность чувствъ овладѣла имъ. Онъ ждалъ, онъ надѣялся на подобный исходъ, сознавалъ хорошо, что только соединясь со своимъ первымъ мужемъ Груня можетъ быть счастлива, что этимъ актомъ онъ самъ освобождался отъ лежащихъ на немъ обязанностей и могъ дать слово другому существу, быть ея защитникомъ на всю жизнь, а между тѣмъ въ груди Притынскаго чувствовалась какая-то пустота, какая-то безпричинная ревность, невольная зависть подымалась откуда-то глубоко, глубоко и не добрымъ чувствомъ наполняла его душу. Онъ молча прошелъ къ большому камню, лежащему на кручѣ, выходящей къ океану, сѣлъ здѣсь и глубоко задумался.

Бѣдное человѣческое сердце! Оно всегда ищетъ чего-то новаго, рвется покинуть старое, и когда послѣднее совершается, слабое сердце снова начинаетъ тяготѣть къ этому далекому прошлому, принося ему въ жертву свѣтлое настоящее.

Солнце медленно склонялось къ океану. Громадная зелено-

ватая волна послѣдняго, пронизанная насквозь косыми лучами свѣтила, окрашивая воду яркимъ золотомъ, переливалась и блестѣла всевозможными цвѣтами радуги.

Не вдалекѣ отъ себя, Яковъ Гордѣевичъ, очнувшись отъ впечатлѣній прочитаннаго имъ извѣстія, услышалъ женскіе голоса. Онѣ показались ему знакомыми.

— Мери!—не громко спросилъ онъ.

— Джекъ! Это мы!—послышалось изъ темноты, и около молодого человѣка появились двѣ стройныя женскія фигуры.

— Простите, миссъ Муксери, я долженъ сказать Мери нѣсколько словъ!

И Притынскій, отойдя съ невѣстой въ сторону, быстро передалъ ей о прочитанномъ.

— Ты увѣренъ, что это правда? — пытливо спросила Мери.

— О, да! Вполнѣ!

— Тогда, мой милый,—оживленно проговорила дѣвушка,— я твоя! Твоя навсегда! И каждую минуту готова назваться твоею женою!..

Притынскій обнялъ и поцѣловалъ дѣвушку, но этотъ поцѣлуй не напомнилъ ихъ знойныхъ объятій въ Санъ-Хозе. Это былъ дѣвственно-чистый поцѣлуй жениха и невѣсты.

Миссъ Муксери въ темнотѣ недовольно покашливала.

LX.

Бракосочетаніе рѣшено было совершить черезъ два дня для того, чтобы молодые могли немедленно вернуться въ Нью-Іоркъ, куда о своемъ возвращеніи черезъ нѣсколько дней Яковъ Гордѣевичъ телеграфировалъ своему компаніону Монгомери.

Приготовленій къ свадьбѣ въ томъ смыслѣ, какъ ихъ понимаютъ въ Европѣ, не было. Все дѣло ограничилось тѣмъ, что невѣста заказала себѣ бѣлое платье и купила померанцевый вѣнокъ.

Вѣнчаться они оба рѣшили по православному обряду, а затѣмъ ихъ бракъ долженъ былъ быть скрѣпленъ въ мѣстномъ муниципалитетѣ.

Якову Гордѣевичу было довольно трудно устроиться съ мѣстнымъ православнымъ причтомъ, и только послѣ его заявленія, что документы всѣ погибли въ то время, какъ онъ былъ выброшенъ волнами съ разбитаго парохода на берегъ, священникъ согласился его обвѣнчать подъ вымышленной фамиліей Волжина

Притынскаго невольно волновала мысль о возможности присутствія на ихъ бракосочетаніи своенравной Дженни. Онъ зналъ, что она вмѣстѣ съ матерью и сестрою явилась въ Санъ-

Франциско, съ цѣлью отправиться отсюда для осмотра знаменитаго Іелостонскаго парка.

Узнать объ его вѣнчаніи она могла случайно, прочитавъ въ мѣстныхъ газетахъ, публиковавшихъ, по обычаю Англіи и Америки, о всѣхъ совершаемыхъ бракахъ.

Но, повидимому, семья Пикриновъ уже уѣхала изъ Санъ-Франциско, и возможность появленія эксцентричной американки на свадьбѣ Притынскаго была очень мало вѣроятна.

Миссъ Сузи, очень довольная тѣмъ, что она будетъ присутствовать на свадьбѣ своей подруги, волновалась болѣе жениха и невѣсты.

Въ назначенный день, въ маленькой церкви русской миссіи состоялось вѣнчаніе Якова Гордѣевича съ Мери Близъ.

Вѣнчаніе было совершено утромъ, и послѣ него молодые вмѣстѣ съ мистеромъ Близомъ и Сузи отправились въ отель завтракать.

Подвѣнечный костюмъ очень шелъ къ Мери; она выглядѣла прямо красавицей, и старикъ отецъ невольно залюбовался ею.

— Берегите ее!—замѣтилъ онъ зятю, когда они возвращались въ отель послѣ вѣнчанія.—Она мое единственное сокровище, радость моей жизни!

Яковъ Гордѣевичъ увѣренно посмотрѣлъ старому смотрителю въ лицо и промолвилъ:

— Вѣрьте мнѣ, она будетъ счастлива!

Въ столовой, гдѣ для нихъ былъ накрытъ завтракъ, уже было нѣсколько русскихъ моряковъ, которые, узнавъ о бракѣ своего земляка, явились сюда поздравить молодыхъ; одинъ изъ нихъ, лейтенантъ Хворостининъ, сталъ ухаживать за Сузи.

Бойкая американка плѣнила его своею разговорчивостью и оживленностью.

— Пошли бы вы замужъ за русскаго, миссъ Муксери?—пытливо спросилъ морякъ.

— Пошла бы, только подъ условіемъ, чтобы онъ меня не увезъ навсегда въ Россію!

Присутствующіе засмѣялись.

— Неужели вы такъ привязаны къ своей родинѣ?

Дѣвушка задумалась.

— У меня здѣсь старичекъ-отецъ, котораго покинуть я не въ состояніи, а затѣмъ Пало-Альто, дорогое мнѣ по воспоминаніямъ дѣтства.

Ея блѣдное личико сдѣлалось серьезно.

Хворостининъ замолчалъ, не переставая посматривать на свою сосѣдку.

Отъѣздъ новобрачныхъ въ Нью-Іоркъ предполагался въ 7 час. вечера.

Мистеръ Близъ рѣшился остаться въ Санъ-Франциско, ожидать ихъ возвращенія, такъ какъ Яковъ Гордѣевичъ, черезъ двѣ-три недѣли обѣщался вернуться въ этотъ райскій уголокъ.

Миссъ Муксери провожала ихъ на станцію вмѣстѣ со старымъ смотрителемъ. Въ буфетѣ на желѣзной дорогѣ новобрачныхъ встрѣтили вновь моряки и, поднеся Мери множество подарковъ и пожелавъ имъ счастливаго пути, вернулись вмѣстѣ съ Близомъ и Суви въ отель.

Поѣздъ быстро понесся къ востоку, унося съ собою Якова Гордѣевича и Мери, чувствовавшихъ себя вполнѣ счастливыми.

LXI.

БЫСТРО промелькнули три дня ихъ; пути молодые приближались къ Нью-Іорку.

Конецъ іюля, совершенно не предвидѣнно, былъ не такимъ знойнымъ, какъ его начало.

Не предполагая долго оставаться въ Нью-Іоркѣ, Яковъ Гордѣевичъ взялъ въ отелѣ на Бродвей двѣ большія комнаты.

Покончивъ съ помѣщеніемъ, онъ оставилъ Мери въ гостинницѣ, а самъ отправился на Валь-Стритъ, въ контору своего компаньона Монгомери.

— О, мистеръ Джекобъ! -весело встрѣтилъ его подрядчикъ, крѣпко пожимая ему руку.—Вы точность, какъ само время! Это я въ васъ очень цѣню, такъ какъ всегда отдаю предпочтеніе людямъ, не заставляющимъ себя ждать!

— Въ чемъ дѣло, мистеръ Монгомери?—спросилъ Притынскій.

Оживленная улыбка появилась на лицѣ подрядчика.

— Ваше случайное пріобрѣтеніе каменныхъ ломокъ дѣлаетъ насъ обоихъ милліонерами!

Яковъ Гордѣевичъ отъ изумленія даже привсталъ.

— Ничего не ожидалъ подобнаго...

— А вы думаете, что и я могъ предположить возможность подобной наживы?

— Разсказывайте, я приготовился слушать!..

Монгомери протянулъ своему компаньону ящикъ съ сигарами, усѣлся самъ поудобнѣе, протянувъ ноги на другой стулъ и началъ:

— Положимъ, вы еще мало знаете нашъ Нью-Іоркъ, но все же вы замѣчали, что несмотря на множество электрическихъ трамваевъ, воздушныхъ желѣзныхъ дорогъ, все-таки передвиженіе по городу сопряжено съ массою потеряннаго времени, а мы, американцы, вполнѣ согласны съ англичанами, что «время—деньги»...

Яковъ Гордѣевичъ согласился съ его словами наклономъ головы.

— Долгіе часы, проводимые на заводѣ, въ конторѣ, за прилавкомъ, невольно заставляютъ каждаго ускорить свое возвращеніе къ семьѣ. Вы знаете, что какъ утромъ до 9 часовъ, а равно и вечеромъ послѣ 5 час., всѣ наши дороги переполнены,

движеніе замедляется и все это возбуждаетъ невольный ропотъ. Чтобы добраться, положимъ, отсюда до Гарлема, нужно не менѣе часа времени, а этотъ часъ развѣ нельзя употребить на что нибудь другое?

Новое безмолвное соглашеніе слушателя.

— И вотъ, городъ рѣшилъ провести подземную дорогу черезъ весь нашъ островокъ Мангатанъ, отъ сѣвера на югъ.

Яковъ Гордѣевичъ началъ понемногу понимать.

— Наши ломки представляютъ изъ себя конечный пунктъ остановки на западѣ. Обойтись безъ нихъ предпринимателямъ новаго пути не представляется возможности. Вы поняли, мистеръ Джекобъ?

— Да, это счастливая случайность! И не воспользоваться ею было бы обидно!

Монгомери съ недоумѣніемъ взглянулъ на своего собесѣдника.

— Не такой я человѣкъ, чтобы упустить это дѣло изъ своихъ рукъ! Я не только что уговорился съ предпринимателями, во главѣ которыхъ стоитъ нашъ Таммани-Голъ, но даже подписалъ предварительное условіе...

И жирное лицо подрядчика расплылось въ довольную улыбку.

Притынскій признательно пожалъ ему руку и попросилъ продолжать разсказъ.

— На эту подземную дорогу городъ ассигновалъ 35.000,000 долларовъ и ссужаетъ этой суммою контрагента. За эту привиллегію тотъ платитъ городу проценты по займу и одинъ процентъ погашенія.

— Странно! Почему же само городское управленіе не взялось за это дѣло?

Подрядчикъ усмѣхнулся.

— Вѣроятно вы, мистеръ Джекобъ, не знакомы съ той громадной силою, которой обладаетъ нашъ Таммани-Голъ!

— И такъ,—продолжалъ Монгомери,—постройка дороги рѣшена, вычисленія всѣ сдѣланы и къ работамъ приступятъ, какъ только вы подпишете контрактъ. Вся длина туннеля будетъ состоять изъ $20^1/_2$ миль...

— Какъ? Неужели 30 верстъ?—изумленно вскрикнулъ Яковъ Гордѣевичъ, мысленно переведя мили въ версты.

— Да! — торжествующе проговорилъ американецъ.—И притомъ замѣтьте, что почти все это разстояніе придется проходить черезъ камень!

Притынскій продолжалъ изумляться.

— Рельсовый путь пойдетъ двойной и будетъ простираться $46^1/_2$ миль. Онъ раздѣлится въ верхней части города на двое: восточную и западную половину. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ уровень очень низкій, путь пойдетъ по открытому мѣсту на особыхъ приспособленныхъ для этого мостахъ. Знаете сколько людей будетъ работать здѣсь?

— Васъ можно только поздравить, синьоръ Джекобъ, что вы въ такой короткій срокъ такъ много совершили и даже... успѣли вступить въ бракъ. Я радуюсь за васъ и отъ души желаю вамъ полнаго счастья!

— Спасибо вамъ, Фонтана!—съ чувствомъ проговорилъ Притынскій.

Душистое Кристи было розлито въ стаканы, и всѣ охотно выпили это чудное вино.

Долго оставались молодые на бортѣ «Везувія», пока Яковъ Гордѣевичъ, вспомнивъ о приглашеніи Пикрина, не распрощался съ капитаномъ, давъ ему слово во время его слѣдующаго пріѣзда явиться сюда, въ Нью-Іоркъ, и отправился на Валь-Стритъ, отпустивъ Мери одну въ отель.

— Долгонько же вы пропадали изъ Нью-Іорка, пріятель!—встрѣтилъ Притынскаго его бывшій принципалъ.—Молодецъ! Давно ли вы еще въ Америкѣ, а успѣли уже сколько заработать!

— Я приписываю этотъ заработокъ счастливой случайности!—скромно отвѣтилъ пришедшій.

— Ну, едва ли!—сознательно замѣтилъ Пикринъ.—Кромѣ счастья, необходимо и знаніе. Мое же предложеніе состоитъ въ слѣдующемъ: не хотите ли со мною вмѣстѣ взять большую трескову отмель около Лонгъ-Айленда? Вы, при своей энергіи, сумѣете извлечь изъ этого дѣла большую выгоду, чѣмъ я.

Яковъ Гордѣевичъ, внимательно выслушавъ предложеніе, отвѣтилъ:

— Къ сожалѣнію, дорогой мистеръ Пикринъ, я не могу его принять...

Коммерсантъ съ изумленіемъ взглянулъ на говорившаго.

— Вы знаете хорошо, что я получаю крупныя деньги, а потому переношу свою дѣятельность въ западные штаты, гдѣ я разсчитываю поселиться надолго!

Американецъ не сталъ его уговаривать и, немного пораженный отказомъ, распрощался съ Притынскимъ и послѣдній вышелъ изъ конторы.

LXIII.

Слушай, Джекъ!—сказала Мери своему мужу, когда послѣдній возвратился домой.—Въ твое отсутствіе тебѣ неоднократно звонилъ Монгомери и просилъ тебя, какъ только ты вернешься, немедленно заѣхать къ нему.

Подрядчикъ уже давно ожидалъ его съ нескрываемымъ нетерпѣніемъ.

— Дѣло-то наше двигается скорѣе, чѣмъ я могъ предположить, мистеръ Джекобъ! Компанія уже подписала условіе; деньги

черезъ часъ мы получимъ! Кстати я выговорилъ за васъ еще одно новое условіе, именно быть участникомъ, хотя и въ очень микроскопической долѣ, этого предпріятія. Вы ничего не имѣете противъ?

Притынскій засмѣялся.

— Напротивъ, это будетъ для меня пріятною неожиданностью!

— Вотъ подпишите условіе въ окончательной формѣ и на какой банкъ прикажете получить съ нихъ чеки?

Яковъ Гордѣевичъ указалъ на одинъ хорошо ему знакомый солидный банкъ.

Дѣйствительно, на другое утро въ его комнатѣ лежалъ чекъ на милліонъ долларовъ.

Мери, широко открывъ глаза, смотрѣла на этотъ клочекъ бумаги, пораженная крупною суммою, въ немъ заключающейся.

— Боже мой, Джекъ, какъ много здѣсь денегъ!

— Я разсчитываю пріобрѣсти значительныя пространства на юго-западѣ Америки, гдѣ вѣроятно буду нагуливать скотъ, а теперь я возьму только небольшую сумму изъ нихъ, остальныя переведу прямо въ Санъ-Франциско.

Мери, обрадованная такимъ скорымъ исходомъ дѣла, предложила отправиться завтра же изъ Нью-Іорка, но Яковъ Гордѣевичъ рѣшился остаться еще на нѣсколько дней, чтобы дать ей возможность осмотрѣть городъ.

На другой день, рано утромъ, переѣхавъ при помощи воздушной желѣзной дороги въ южную часть города, они отправились на небольшомъ пароходѣ «Свобода» въ обществѣ другихъ туристовъ къ острову Бедло, расположенному среди залива, въ 3-хъ километрахъ отъ берега.

Громадная статуя Свободы еще издалека поражала своими размѣрами, но когда молодые находились около нея, она буквально подавила ихъ своимъ колоссальнымъ видомъ.

Высочайшій пьедесталъ въ 155 футовъ держитъ на себѣ фигуру Свободы, которая съ поднятою рукою и факеломъ сама высотою въ 151 футъ.

Яковъ Гордѣевичъ и Мери, выйдя на островокъ, должны были пройти черезъ старинный, мрачный фортъ, чтобы попасть во внутрь пьедестала.

Чудный вестибюль служитъ началомъ каменной лѣстницы, идущей до самой статуи.

И они снова стали подниматься по винтовой лѣстницѣ, устроенной на столько оригинально, что другая, служащая для спуска, переплетается съ нею, но не мѣшаетъ подъему. Высота ея равнялась 154 ступенямъ, но трудность подъема сейчасъ же искупалась дѣйствительно великолѣпнымъ зрѣлищемъ окрестностей, видимыхъ черезъ отверстіе въ вѣнцѣ статуи. Нью-Іоркъ и Бруклинъ разстилались передъ глазами, какъ на ладони.

Супруги, пройдя черезъ шею статуи, еще поднялись по узенькой лѣстницѣ внутри поднятой руки, и тамъ, около факела, вы-

шли на небольшой, круглый балкончикъ. Панорама отсюда была еще величественнѣе.

— Ну, долго оставаться здѣсь намъ нечего!—замѣтилъ Притынскій Мери.—Легко простудиться, вѣтеръ очень силенъ!

Окинувъ взглядомъ въ послѣдній разъ заливъ и рѣку Гудзонъ, со множествомъ снующихъ по нимъ пароходовъ, супруги снова вошли во внутрь статуи.

Мери, какъ истую американку, интересовали всѣ подробности этого гигантскаго сооруженія и она обратилась съ вопросомъ къ мужу, но вмѣсто него отвѣтилъ одинъ изъ молодыхъ туристовъ, повидимому, изучившій исторію сооруженія досконально.

— Статуя Свободы сдѣлана французскимъ художникомъ Бартольди. О величинѣ ея вы можете судить изъ того, что средній палецъ руки имѣетъ 8 футовъ, а носъ $4^1/_2$ фута.

— Хорошенькій носикъ!—замѣтила Мери, смѣясь.

— Да и ручка не велика! Какой номеръ перчатокъ нуженъ для такой руки?—въ свою очередь, шутя, замѣтилъ Яковъ Гордѣевичъ.

— Статуя не литая,—продолжалъ американецъ,—но состоитъ изъ множества мѣдныхъ листовъ, укрѣпленныхъ на желѣзномъ каркасѣ. Въ 1883 году была собрана необходимая сумма и въ 1886 году состоялось ея торжественное открытіе. Вся она стоитъ около милліона долларовъ.

Прогулка во внутрь статуи продолжалась не болѣе часу и затѣмъ молодые вернулись въ Нью-Іоркъ.

LXIV.

Нью-Іоркъ съ его увеселеніями не особенно понравился Мери, и на другой день вечеромъ послѣ посѣщенія статуи Свободы, она съ мужемъ отправилась въ Бостонъ, куда прибыли утромъ.

Какъ и вездѣ, на станціи на нихъ набросилась цѣлая армія гостинничныхъ комиссіонеровъ, но Яковъ Гордѣевичъ выбралъ самую скромную, «Отель Янкъ».

— Знаешь, Джекъ,—замѣтила Мери,—Бостонъ мнѣ съ перваго взгляда напоминаетъ благодушнаго старичка, тогда какъ Нью-Іоркъ смотритъ молодымъ, наглымъ авантюристомъ.

— Я вполнѣ съ тобой согласенъ, тѣмъ болѣе, что Бостонъ дѣйствительно одинъ изъ самыхъ старыхъ городовъ Америки; здѣсь зародилась ея національная свобода, здѣсь жилъ Франклинъ, здѣсь Вашингтонъ принялъ начальство надъ американской арміей...

— И здѣсь родился Эдгаръ Поэ!—добавила Мери.

Дѣйствительно, городъ производилъ очаровательное впечатлѣніе массою церковныхъ вышекъ, изумрудною зеленью парковъ

и чуднымъ видомъ на заливъ, служащій широкими воротами прямо въ океанъ.

Они пошли прогуляться въ паркъ Франклина.

Здѣсь познакомился Яковъ Гордѣевичъ съ непринужденностью жителей американскихъ большихъ городовъ: интеллигентные мужчины гуляли, несмотря на присутствіе дамъ, безъ сюртуковъ и жилетовъ.

Супруги провели въ этомъ городѣ два дня и затѣмъ отправились черезъ горную страну Адирондакъ и новую Англію, знаменитыя, какъ мѣста, гдѣ происходили событія, служившія для фабулъ столь интересныхъ романовъ Фенимора Купера.

Быстро промелькнули бѣлыя горы съ вершиною Вашингтонъ, гдѣ въ курортѣ издается газета, носящая названіе «Выше облаковъ»; промчались мимо горы «Такгаузъ» и къ вечеру другого дня прибыли на вокзалъ городка «Ніагарскіе водопады».

Въ старинной гостинницѣ «Катарактъ», гдѣ остановились молодые, въ столовой за ужиномъ Яковъ Гордѣевичъ и Мери встрѣтили много молоденькихъ дамъ съ мужьями; какъ оказалось, американскіе новожены предпочитаютъ проводить здѣсь свой медовый мѣсяцъ, среди вѣчнаго шума неумолкающей Ніагары.

Описывать самый водопадъ будетъ излишнимъ, онъ описанъ уже сотни разъ. Мери случайно узнала здѣсь очень поэтическую легенду и сейчасъ же передала ее своему мужу.

— Великій духъ, Маниту, обиталъ съ давнихъ поръ среди пѣны и бурныхъ всплесковъ водопада. Индѣйцы, его дѣти, дабы умилостивить свое грозное божество, ежегодно приносили въ жертву ему двухъ молодыхъ красавицъ изъ своего племени. Вожди племени назначали день, когда дѣвушки кидали жребій и, получивъ его, радовались той жертвѣ, которую онѣ принесутъ. Ихъ сажали въ новый выструганный челнокъ, окружали цвѣтами и плодами, приносимыми въ жертву грозному Маниту, затѣмъ пускали это суденушко по рѣкѣ, выше водопада, и оно стрѣлою мчалось къ пропасти, чтобы навсегда исчезнуть въ пучинѣ. Однажды жребій палъ на Ингиту (Благоухающій Цвѣтокъ), единственную дочь одного изъ главныхъ вождей Павніевъ. Извѣстіе это старый индѣецъ принялъ не измѣнивъ даже выраженія своего лица. Красавица Ингиту усѣлась въ челнокъ и была уже близко къ пропасти, какъ отцовское сердце стараго вождя не выдержало испытанія, онъ быстро вскочилъ въ другой челнокъ и помчался вслѣдъ за нею. Увы! Спасти Ингиту неудалось престарѣлому вождю. Она погибла, погибъ и онъ. Разбитыя водоворотомъ, тѣла ихъ были найдены индѣйцами среди камней нижнихъ пороговъ и похоронены тутъ же. Поставленный здѣсь памятникъ напоминаетъ о самоотверженности и отцовской любви...

— Не правда ли, это крайне поэтическое сказаніе? — замѣтила Мери.

Яковъ Гордѣевичъ былъ крайне пораженъ величіемъ Ніагарскаго водопада.

То, что онъ видѣлъ, въ тысячу разъ превосходило всѣ описанія. Еще болѣе онъ поразился тою заботливостью американскаго правительства, которое, чтобы сдѣлать доступнымъ для каждаго посѣщеніе водопада, купило за громадную сумму, почти за $1^1/_2$ милліона долларовъ, 107 акровъ земли, т. е. по 100,000 руб. за десятину отъ частныхъ лицъ и уничтожило этимъ страшное эксплоатированіе туристовъ, которые посѣщали водопадъ. Еще болѣе—оно устроило дорого стоющій мостъ, пересѣкающій рѣку Ніагару сравнительно недалеко отъ самаго водопада.

Рѣзкій свистокъ локомотива, дававшій знакъ къ отправленію поѣзда, показался Якову Гордѣевичу какой-то дѣтской свистулькой, еле-еле слышной среди неумолкаемаго грохота бушующей стихіи.

LXV.

Снова поѣздъ помчалъ ихъ дальше на Детроа. Желѣзная дорога носитъ здѣсь названіе Мичиганъ-централь, такъ какъ она пролегаетъ по самому берегу озеръ Мичиганъ и Гуронъ.

Чикаго, куда молодые попали, проѣхавъ озеро Мичиганъ, поразилъ ихъ своею грандіозностью. Выставочныя зданія, несмотря на то, что прошло три года, какъ выставка была кончена, остались большею частью не сломанными

Роскошные улицы Чикаго съ ихъ великолѣпными магазинами, заняли надолго вниманіе молодой пары.

Громаднѣйшее зданіе храма массоновъ, имѣющее въ высоту 265 фут., вызвало насмѣшливое замѣчаніе Мери.

— Теперь я понимаю, почему мы, американцы, называемъ Чикаго «царапатели неба». Вѣдь этотъ храмъ прямо напоминаетъ вавилонскую башню.

Яковъ Гордѣевичъ вполнѣ согласился съ замѣчаніемъ своей жены.

Оригинальность бритья бородъ въ Чикаго, причемъ парикмахеръ кладетъ кліента на наклонную плоскость, находя, что въ подобномъ положеніи брить гораздо удобнѣе, изумила Притынскаго.

Они пробыли только два дня въ Чикаго и направились дальше, черезъ Минесоту, Сѣверную Дакоту въ Монтану, гдѣ разсчитывали посѣтить знаменитый Іелостонскій паркъ.

Поѣздъ, начиная отъ Миннеаполиса, былъ переполненъ, и удобства, съ какими до сихъ поръ ѣхалъ Притынскій съ женою, исчезли...

Осмотръ Іелостонскаго парка долженъ былъ занять не мало

времени у молодыхъ супруговъ, и дѣйствительно онъ стоилъ подробнаго осмотра, но въ виду необходимости поспѣшить въ Санъ-Франциско, молодые супруги осмотрѣли его довольно поверхностно.

Отъ самой станціи Синаборъ ихъ доставили въ паркъ тяжелые тарантасы, устроенные на особыхъ ремняхъ. Красныя скалы, окружающія Синаборъ (киноварь), производили странное впечатлѣніе.

Дорогу въ 15 килом. они сдѣлали въ $1^1/_2$ часа и попали въ отель къ полудню. Передъ самой гостинницей возвышалась громадная гора, казавшаяся цѣлымъ рядомъ замерзшихъ каскадовъ, всевозможныхъ цвѣтовъ.

Кое-гдѣ подымался паръ. Мѣстами били фонтаны и прекращались, чтобы черезъ нѣкоторое время снова начать дѣйствовать.

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ отложившаяся известка представлялась цѣлымъ рядомъ каскадовъ, стѣнками которыхъ были ряды сросшихся сталактитовъ.

Бассейны въ верхнихъ частяхъ наполнены кипяткомъ, тогда какъ нисшіе ниспадающими уступами все болѣе и болѣе охлаждаются. Вода въ нихъ очень прозрачна и имѣетъ голубоватый цвѣтъ.

На пространствѣ 200 верстъ раскинутъ этотъ удивительный паркъ, этотъ уголокъ американской территоріи, представляющій изъ себя массу горячихъ гейзеровъ, являющихся предохранительными клапанами природы.

Кой-гдѣ, между чисто известковыми и сѣрными породами пробивались источники содовой воды.

Между прочими чудесами парка существуетъ Обсидіанная скала, вся состоящая изъ чистаго обсидіана, т. е. вулканическаго стекла.

— Посмотри, милый Джекъ,—шутливо проговорила Мери,— здѣсь совсѣмъ не надо имѣть съ собою зеркала. Природа сама устроила ихъ со всѣхъ сторонъ!

И она указала на освѣщенную солнцемъ скалу и на дорогу, составляющую тоже часть ея. Они представляли изъ себя очень твердую черную поверхность, отражающую все, какъ въ зеркалѣ.

Осмотръ парка продолжался. Молодая пара проѣхала почти по всѣмъ гейзерамъ, носящимъ крайне оригинальныя имена. Самымъ интереснымъ изъ нихъ оказался «фонтанъ», выкидывающій горячую воду на значительную высоту. Всѣхъ, гейзеровъ около 700 шт. Мери очень заинтересовалась «Адской рѣчкой». Она вся усѣяна горячими ключами, вулканами и гейзерами и настолько горяча, что въ ней можно варить мясо.

LXVI.

Черезъ нѣсколько дней Притынскій съ женою направились далѣе къ западу и добравшись до городка Бьютъ, стали спускаться къ югу.

Отъ Пекотелло они могли прямо по рѣкѣ добраться до Соленаго озера, но предпочли продолжать свой путь на городъ Сошонъ и т. д., переѣзжая Змѣиную рѣку, огибая всю провинцію Орегонъ, направляясь опять къ сѣверу.

Въ Сошонѣ имъ удалось осмотрѣть замѣчательно красивые водопады «Близнецы»; для этого имъ пришлось доѣхать до Змѣиной рѣки въ особомъ экипажѣ, переправиться на другую сторону на желѣзномъ паромѣ и только тогда достигнуть самаго водопада.

Поѣздъ, на которомъ они ѣхали, назывался «несущійся надъ землею», такъ какъ онъ проходилъ болѣе 125 килом. въ часъ. Промелькнули двѣ знаменитыя вершины «Адама» и «Хутъ», между которыми пробивается рѣка Колумбія.

На другой день, миновавъ Сакроменто, молодые очутились въ объятіяхъ стараго мистера Близъ въ Санъ-Франциско.

— Молодцы! Скоро же вы объѣздили Америку! — замѣтилъ смотритель.—Ну, что вы намѣрены теперь предпринять, мистеръ Джекобъ?—спросилъ онъ зятя.

Яковъ Гордѣевичъ, улыбаясь, разсказалъ ему о крупной наживѣ, которую ему удалось получить.

Старикъ изумился; онъ не вѣрилъ, что возможно такъ скоро нажить такую громадную сумму.

Мери, довольная успѣхомъ своего мужа, подсмѣивалась надъ отцомъ.

— Я предполагаю,—спокойно проговорилъ Притынскій,—посмотрѣть что нибудь въ Южной Калифорніи или въ Аризонѣ.

— Да, это новыя, еще не густо заселенныя страны; предпріимчивому человѣку легко возможно нажить и тамъ крупное состояніе.

— Я намѣренъ съѣздить туда посмотрѣть,—продолжалъ Яковъ Гордѣевичъ,—и если дѣйствительно найду интересное—переселюсь туда съ женою!

Старый смотритель какъ-то безпомощно посмотрѣлъ на него и прошепталъ:

— Мнѣ будетъ не легко разстаться съ Мери; послѣ покойной жены кромѣ нея у меня никого въ цѣломъ мірѣ нѣтъ близкаго человѣка!

— Кто же говоритъ про разставаніе!—сказалъ Притынскій.— Вы поѣдете вмѣстѣ съ нами...

Старый смотритель расцвѣлъ...

Онъ сейчасъ же послалъ въ Мамонтовы пещеры прошеніе объ отставкѣ и вслѣдъ за нимъ выѣхалъ самъ, чтобы собрать

свое имущество и перевезти въ Санъ-Франциско, а Яковъ Гордѣевичъ вмѣстѣ съ Мери отправился къ югу, приглядѣть себѣ для покупки и для поселенія мѣсто.

Почти одновременно вернулись въ Санъ-Франциско тотъ и другой.

Оказалось, что мистеръ Близъ долженъ былъ быть въ Нью-Іоркѣ и навѣстилъ компаньона Притынскаго Монгомери, отъ котораго и привезъ письмо.

Въ немъ подрядчикъ сообщилъ Притынскому, что его участіе въ учрежденной компаніи новой подземной желѣзной дороги будетъ приносить ему ежегодно довольно крупную сумму. Въ концѣ письма онъ прибавлялъ, что на дняхъ должна состояться его свадьба съ миссъ Дженни Пикринъ и приглашалъ своего компаньона къ себѣ на этотъ день.

Мери и Яковъ Гордѣевичъ переглянулись между собой.

— Наконецъ-то Дженни достигла своей цѣли!—проговорилъ шутливо Притынскій.

— Но онъ для нея слишкомъ старъ!—прибавила его жена.

Яковъ Гордѣевичъ во время своей поѣздки къ югу пріобрѣлъ нѣсколько тысячъ акровъ дѣвственной земли въ преріи, гдѣ разсчитывалъ, построивъ ферму, заняться нагуломъ скота, культурой плодовыхъ деревьевъ, и такъ какъ на его землѣ находились двѣ брошенныя шахты, гдѣ когда-то добывали серебро, онъ снова хотѣлъ начать работы въ этихъ послѣднихъ.

Спустя около двухъ недѣль по возвращеніи его въ Санъ-Франциско, онъ, закупивъ все необходимое, вмѣстѣ съ женой и тестемъ опять отправился на югъ, съ цѣлью начать свою піонерскую дѣятельность.

Въ настоящее время перехожу снова къ событіямъ, которыя случились за этотъ годъ въ Росссіи.

LXVII.

Пріѣздъ Глѣба Аѳанасьевича въ имѣніе Агриппины Богдановны хотя и былъ ожидаемъ ею, благодаря телеграммѣ Глѣба, но она съ какимъ-то волненіемъ, въ которомъ радость смѣшивалась съ безотчетнымъ страхомъ, ожидала его пріѣзда.

Полученное за нѣсколько часовъ до него письмо еще больше усилило безпокойство молодой женщины.

Изъ горячихъ, вырвавшихся прямо изъ сердца словъ его она поняла, что ея возлюбленный Глѣбъ не въ силахъ болѣе переносить разлуки съ нею.

Всѣ минувшія непріятности какъ-то сгладились изъ ея памяти, она знала одно, что страстно любима дорогимъ для нея человѣкомъ, что жизнь снова широко раскрываетъ свои объятія, суля ей новое счастье.

Этотъ крикъ сердца Глѣба отозвался тоже гдѣ-то глубоко въ ея душѣ; она продолжала волноваться, ежеминутно посматривая на дорогу, на которой должны были показаться сани, которыя она выслала на станцію за Глѣбомъ.

Сердце у Груни забилось сильнѣе, она мысленно летѣла на встрѣчу своему Глѣбу, ожидая и считая каждую минуту, когда изъ за поворота дороги покажутся сани съ желаннымъ...

— Ѣдетъ! ѣдетъ!—оживленно закричала Груня и выбѣжала на крыльцо встрѣчать дорогаго гостя.

Сани быстро завернули на широкій дворъ и лошади рѣзво подкатили къ подъѣзду.

Два мѣсяца разлуки, отсутствіе лицъ, знавшихъ про минувшую драму, да и само чувство подсказало имъ не стѣсняться и горячо обнять другъ друга.

— А ты похудѣлъ, Глѣбушка! — участливо замѣтила Груня, пытливо глядя на своего перваго мужа.

Нѣжно обнявъ ее за станъ, молодой докторъ направился съ нею въ комнаты.

Легкое воспоминаніе, что этотъ домъ и имѣніе принадлежали Притынскому, немного омрачило радость ихъ встрѣчи.

Небольшая, но уютная комната, которую выбрала Груня для своего кабинета, очень понравилась Глѣбу.

Она усадила его въ удобное кресло и, усѣвшись рядомъ, нѣжно глядѣла ему въ глаза.

— Разскажи, мой дорогой, что было причиной твоего письма. Мнѣ кажется, что его могъ вызвать какой нибудь особенный случай, неожиданность или странное безпокойство.

Глѣбъ подробно разсказалъ ей всѣ причины, вызвавшія какъ письмо, такъ и его спѣшный пріѣздъ.

Агриппина Богдановна внимательно слушала разсказъ Эверецкаго, переживая въ то же время все съ нимъ происшедшее.

— Знаешь что, Груня?—замѣтилъ онъ, окончивъ свой разсказъ.—Теперь уже прошло около полугода послѣ... смерти Якова Гордѣевича и мнѣ кажется, что едва ли кто насъ осудитъ, если мы повѣнчаемся!

По лицу молодой женщины пробѣжало грустное облако. Она задумалась.

— Въ Петербургѣ, ты сама прекрасно знаешь, отъ сплетенъ и пересудовъ все равно уберечься невозможно, и будь ты хоть святая, въ тебя всегда кинутъ камнемъ.

— Ты правъ, мой дорогой! — задумчиво промолвила Агриппина Богдановна.—Я нисколько не противъ этого...

— Такъ чего же медлить! — весело вскричалъ Эверецкій, шумно ее обнимая.—Сегодня же вечеромъ ѣдемъ въ Петербургъ.

— Ты думаешь! — какъ-то шутливо замѣтила Груня.—Зачѣмъ же?

— Какъ зачѣмъ? Чтобы обвѣнчаться!..

— А развѣ у насъ въ «МеждуСовомъ» нѣтъ церкви? Зачѣмъ же намъ ѣхать такъ далеко.

Вмѣсто отвѣта Глѣбъ Аѳанасьевичъ снова обнялъ молодую женщину.

На другой день въ мѣстномъ храмѣ состоялась ихъ первая окличка, черезъ два дня вторая, и на четвертыя сутки должна была совершиться свадьба.

Вѣнчаніе происходило въ воскресенье, послѣ обѣдни. Въ церкви, кромѣ священника и псаломщика, были только двѣ нищія бабы, да прислуга Агриппины Богдановны. Вдова Притынскаго снова стала женою своего перваго мужа, и послѣ горькаго испытанія они поняли, что счастье къ нимъ опять вернулось.

LXVIII.

Около мѣсяца прожили вторичные молодые въ своемъ имѣніи и затѣмъ вернулись въ Петербургъ.

Разумѣется, клевета и сплетни продолжались, но имъ уже теперь не къ чему было обращать на это вниманіе.

Даша, разошедшаяся окончательно съ Зонненауфгангомъ, боялась возбудить какое-либо дѣло противъ Эверецкаго; впрочемъ, она не нуждалась теперь въ деньгахъ, такъ какъ сошлась съ очень богатымъ офицеромъ.

Шатилова въ свою очередь пробовала посплетничать на счетъ молодыхъ, но это ей не удалось, хотя она на помощь себѣ пригласила Волю Вересова, но и тотъ, опасаясь Эверецкаго, сказалъ нѣсколько туманныхъ фразъ въ своей газетѣ по этому поводу и замолчалъ.

Молодые поселились не въ центрѣ, стараясь этимъ избѣгнуть любопытства и сплетенъ.

Благотворительность свою молодая женщина не прекращала, постоянно помня, что завѣщанныя ей Притынскимъ деньги она должна употреблять не на свои надобности, а на благотворительныя дѣла.

Занятія въ клиникѣ и въ дѣтской больницѣ Глѣбъ Аѳанасьевичъ продолжалъ, хотя о частной практикѣ мало заботился.

Изъ бывшихъ ихъ знакомыхъ молодую пару продолжали аккуратно посѣщать Василій Ѳедоровичъ Неугадаевъ и Турмановъ.

Послѣдній успѣлъ закончить свою оперу, но казенная дирекція отказалась ее поставить, якобы въ виду сложности постановки. На счастье композитора, онъ нашелъ для нея богатаго мецената, поклонника его таланта, который согласился на ея постановку частнымъ образомъ.

Турмановъ торжествовалъ и уже намѣтилъ для главной партіи жемчужины одну очень красивую пѣвицу-любительницу.

Глѣбъ Аѳанасьевичъ продолжалъ подшучивать надъ композиторомъ, хотя обѣщалъ быть съ женою на первомъ представленіи.

— Только смотри, пріятель, не осрамись! — говорилъ онъ шутливо композитору, когда пріятели собрались вмѣстѣ какъ-то вечеромъ къ Эверецкому.

Груня, подъ впечатлѣніемъ покоя, совсѣмъ перемѣнилась.

Это не была та молодая женщина, неувѣренная въ себѣ, робкая съ чужими, какой являлась она ранѣе, во время своего перваго замужества.

За послѣдній годъ она какъ-то нравственно возмужала. Непріятности, которыя ей пришлось перенести, заставили ее глубже вдуматься въ смыслъ жизни и понять, въ чемъ состоитъ истинное счастье.

Василій Ѳедоровичъ глубоко оцѣнилъ эту перемѣну съ Агриппиной Богдановной и какъ раньше, оставался ея вѣрнымъ защитникомъ, когда при немъ гдѣ-нибудь въ обществѣ позволяли насмѣшливо относиться къ молодой Эверецкой.

Такъ прошла вся весна, въ концѣ которой молодые снова уѣхали въ Харьковское помѣстье, куда къ нимъ явился погостить и Турмановъ.

Неугадаевъ не могъ воспользоваться ихъ приглашеніемъ, у него была командировка съ научной цѣлью заграницу.

Мирная жизнь въ деревнѣ еще болѣе сблизила молодыхъ супруговъ.

Они все лѣто провели вдвоемъ, Глѣбъ Аѳанасьевичъ взялъ себѣ долгосрочный отпускъ.

Въ августѣ мѣсяцѣ, при возвращеніи въ Петербургъ, Груня, краснѣя, сообщила о своей беременности.

Лицо доктора озарилось счастливой улыбкой.

— Боже мой!—проговорилъ онъ.—Какъ мы счастливы!

Вскорѣ они возвратились въ столицу.

Здѣсь Глѣбъ Аѳанасьевичъ всѣми силами старался охранить свою жену отъ какихъ-либо непріятностей, и къ веснѣ Груня подарила его сыномъ, котораго они назвали Яковомъ, въ честь безвременно погибшаго великодушнаго человѣка.

Жизнь вошла въ свою колею.

Глѣбъ Аѳанасьевичъ и Груня послѣ житейской бури и волненій нашли вѣрный пріютъ въ мирномъ семейномъ счастьи.

LXIX.

Прошло болѣе пяти лѣтъ со времени описанныхъ происшествій.

Семья Эверецкаго увеличилась еще однимъ ребенкомъ—дѣвочкою.

Глѣбъ Аѳанасьевичъ продолжалъ свои научныя занятія, дѣля ихъ съ лѣтними отдыхами въ деревнѣ, гдѣ онъ вполнѣ отдавался семьѣ.

Изъ Груни выработалась превосходная мать и хозяйка, любившая своего мужа и дѣтей до безумія, посвящавшая послѣднимъ все свое время.

Жили они попрежнему около Таврическаго сада, занимая отдѣльный домикъ. Общественная жизнь ихъ мало интересовала, и только иногда Эверецкій вытаскивалъ Груню, чтобы съ ней прогуляться.

Обыкновенно эти прогулки ограничивались набережной Невы до Зимняго дворца и обратно черезъ Лѣтній садъ.

Стояло начало апрѣля. Свѣтлый праздникъ только что окончился, когда Груня вмѣстѣ со своимъ мужемъ гуляли по набережной.

Посинѣвшій ледъ на Невѣ готовъ былъ тронуться, солнце такъ жгло его своими лучами, что ледохода нужно было ожидать со дня на день. Плашкоутные мосты уже сняли и широкое пространство Невы было свободно до самаго Николаевскаго моста.

Несмотря на теплую погоду, отъ льда тянуло холодомъ.

Глѣбъ Аѳанасьевичъ заботливо поднялъ небольшой воротникъ Груни.

Гуляющихъ на набережной было очень много и проходить между ними было довольно трудно.

Спускаясь съ Лебяжьяго моста, толпа стояла настолько тѣсно, что пройти впередъ не было возможности, приходилось стоять нѣкоторое время не двигаясь.

Груня весело смѣялась, разсказывая что-то своему мужу, какъ вдругъ смѣхъ ея прервался при взглядѣ на стоящаго направо отъ нея какого-то мужчину.

Она инстинктивно продолжала глядѣть на него, и хотя послѣдній, замѣтивъ ея взглядъ, пытался вмѣстѣ со своею спутницей выйти изъ толпы, но это ему не удавалось.

Не въ силахъ побороть себя, Эверецкая, точно загипнотизированная присутствіемъ незнакомца,—воскликнула:

— Яковъ Гордѣевичъ!

При этихъ словахъ незнакомецъ вздрогнулъ и перемѣнился въ лицѣ.

Одновременно съ нимъ вздрогнули его спутница и Эверецкій.

Толпа порѣдѣла, но незнакомецъ уже не пытался уйти. Онъ нерѣшительно подошелъ къ Грунѣ и дрожащимъ голосомъ произнесъ:

— Да! Это я, Агриппина Богдановна...

Глѣбъ Аѳанасьевичъ и Груня почувствовали, какъ на нихъ надвигается что-то новое, не ясное, но могущее имъ опять испортить всю жизнь.

Притынскій,—это былъ онъ,—сразу понялъ ихъ опасенія и вмѣсто отвѣта проговорилъ:

— Представляю вамъ, мои друзья, мою жену Мери Джебокъ!

Молодыя женщины крѣпко пожали другъ другу руки. Въ этомъ пожатіи чувствовалась вся симпатія, все довѣріе, которое онѣ сразу почувствовали другъ къ другу.

Встревоженныя мысли Глѣба Аѳанасьевича и Груни стали успокоиваться. Они оба поняли, что о новой разлукѣ между ними не можетъ быть. рѣчи, разъ второй мужъ Груни самъ женатъ.

Глѣбъ Аѳанасьевичъ въ душѣ былъ недоволенъ собою, что могъ подумать дурное объ этомъ великодушномъ человѣкѣ.

Когда первый порывъ миновалъ, обѣ пары направились къ Эверецкимъ.

Яковъ Гордѣевичъ подробно разсказалъ своимъ друзьямъ всю исторію своего спасенія, о своей ассимиляціи въ Америкѣ, и о своей женитьбѣ на Мери. Не разъ Эверецкіе, слушая разсказъ его, невольно вздыхали, сознавая, что отчасти вина лежитъ и на нихъ, но Яковъ Гордѣевичъ, замѣтивъ это, говорилъ:

— Полноте! Все идетъ къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ! Не будь всей этой исторіи,—я никогда бы не попалъ въ Америку и не женился бы на Мери, а теперь я считаю себя счастливѣйшимъ человѣкомъ!

Отъ состоянія, которое онъ оставилъ Агриппинѣ Богдановнѣ, онъ рѣшительно отказался.

— Капиталъ, который я пріобрѣлъ въ Америкѣ и которымъ обладаю, въ десять разъ превышаетъ ваше состояніе!

По его словамъ, спекуляціи съ нагульнымъ скотомъ дали ему громадные барыши. Онъ звалъ къ себѣ въ Америку обоихъ супруговъ, чтобы полюбоваться его житьемъ-бытьемъ и посмотрѣть на его единственнаго сына, который находился въ настоящее время съ дѣдушкой, старымъ мистеромъ Близъ, въ Южной Калифорніи.

Въ Россію онъ пріѣхалъ съ цѣлью показать Мери свою родину.

Хорошенькая американка была очень рада, что случай свелъ ее съ Эверецкими.

Въ душѣ ея не было ни капли ревниваго чувства противъ Груни, которую когда-то такъ любилъ ея мужъ.

Яковъ Гордѣевичъ былъ очень тронутъ, что Груня назвала своего сына его именемъ.

Главной просьбой Притынскаго было, чтобы Эверецкіе не проговорились о томъ, что онъ живъ. Это могло повредить какъ ему, такъ и имъ.

Американская семья прожила въ Петербургѣ еще недѣли три, въ теченіи которыхъ они всѣ четверо были неразлучны и, уѣзжая домой въ Америку, Притынскій взялъ слово со своихъ друзей, что они вновь встрѣтятся за океаномъ.

КОНЕЦЪ.

PG 3476 .K77 .M3
Magi /
C.1
Stanford University Libraries
3 6105 035 445 753

PG
3476
K77
M3

DATE DUE

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA
94305